

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
Институт лингвистических исследований

---

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES  
Institute for Linguistic Studies

ACTA  
LINGUISTICA  
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS  
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. X, part 1



St. Petersburg  
«Nauka»  
2014

АСТА  
LINGUISTICA  
PETROPOLITANA

ТРУДЫ  
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том X, часть 1



Санкт-Петербург  
«Наука»  
2014

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES  
INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

COLLOQUIA  
CLASSICA ET INDOGERMANICA  
VI  
STUDIES IN MEMORIAM  
LEONHARD G. HERZENBERG



St. Petersburg  
«Nauka»  
2014



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ  
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,  
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

# COLLOQUIA

CLASSICA ET INDOGERMANICA

VI

ПАМЯТИ

ЛЕОНАРДА ГЕОРГИЕВИЧА ГЕРЦЕНБЕРГА



Санкт-Петербург

«Наука»

2014

УДК 80/81

ББК 81.2

А 38

Colloquia Classica et Indo-Germanica – VI. Памяти Л. Г. Герценберга /  
Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2014. – 910 с. (ACTA  
LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических  
исследований РАН. Т. X. Ч. 1)

ISSN 2306-5737

ISBN 978-5-02-038227-5

*Утверждено к печати*

*Институтом лингвистических исследований РАН*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

«ТРУДОВ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»:

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель),

PhD Assoc. Prof. A. Barentsen / А. Барентсен (Нидерланды, Амстердамский ун-т),

чл.-корр. РАН А. В. Бондарко, д. филол. наук, проф. Н. Б. Вахтин,

д. филол. наук М. Д. Воейкова, чл.-корр. РАН Е. В. Головкин,

PhD Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (США, ун-т Чикаго),

к. филол. наук С. Ю. Дмитренко, PhD, к. филол. наук Н. М. Заика (секретарь),

д. филол. наук С. А. Мызников,

д. филол. наук, проф. В. И. Подлеская (Москва, РГГУ),

PhD Prof. J. Russel / Дж. Рассел (США, Гарвардский ун-т),

д. филол. наук, проф. В. С. Храковский,

Dr. Habil. Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Финляндия, ун-т Хельсинки)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА:

академик РАН Н. Н. Казанский (отв. редактор),

к. филол. наук Н. А. Бондарко, д. филол. наук А. В. Грошева,

к. филол. наук Е. Р. Крючкова, академик РАН И. М. Стеблин-Каменский,

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

РГНФ – грант № 13-04-00023а (рук. Н. Н. Казанский)

и Президента РФ – грант № НШ-2417.2014.6

«Школа индоевропейского сравнительно-исторического языкознания»

(рук. Н. Н. Казанский)

Статьи посвящены памяти Л. Г. Герценберга и связаны с проблемами индоевропейского сравнительно-исторического языкознания, классической филологии, изучения литературных языков Европы и истории языкознания.

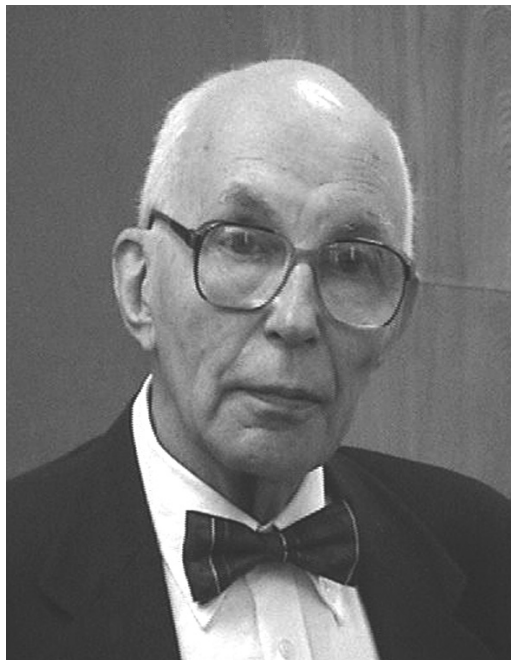
ISSN 2306-5737

ISBN 978-5-02-038227-5

© Коллектив авторов, 2014

© ИЛИ РАН, 2014

## ПАМЯТИ ЛЕОНАРДА ГЕОРГИЕВИЧА ГЕРЦЕНБЕРГА



В этом году Леонарду Георгиевичу исполнилось бы 80 лет. Он родился в Лиепаве 21 июня 1934 г. Его отец Георг Герценберг (Georg Herzenberg, 1896–1942) получил основательное образование в Германии, где окончил художественную школу по части живописи. Заниматься тем, к чему лежала душа, Георгу Герценбергу не пришлось, помешала необходимость взять в свои руки наследственное торговое дело – мануфактурный магазин “Gebrüder Herzenberg”,

основанный еще его отцом и дядей. Мать Леонарда Георгиевича Лина Николаевна Гразде (1904–1989) была музыкантом и окончила Рижскую консерваторию по классу фортепиано.

В 1940 году, после присоединения Латвии к СССР, семья Герценбергов была репрессирована: отец попал в лагерь в Кировской области (Вятлаг), где погиб в 1942 г., а мать с сыном были отправлены в ссылку в Красноярский край.

В Сибири Леонард Георгиевич окончил начальную школу в деревне Челноково Казачинского района. Энергия Лины Николаевны помогла преодолеть множество препятствий, прежде чем они смогли переехать в Казачинское, а затем и в Канск, где была полная 10-летняя школа. Занятия с матерью дали безупречное знание немецкого языка, а также латышского.

Любовь к чтению и литературе проявилась у Леонарда Георгиевича достаточно рано; местные библиотеки были неплохо укомплектованы, так что Леонард Георгиевич смог, еще живя в Красноярском крае, заложить основы своей феноменальной начитанности. Мне неловко было спросить, какую книгу он прочел первой в своей жизни, но я знаю о том впечатлении, которое произвел на наших испанских коллег его рассказ о том, что его знакомство с испанской литературой началось на берегах Енисея, и первой прочитанной им испанской книгой была «Ласарильо с Тормеса».

В те годы трудно было предвидеть, что Леонард Георгиевич будет читать лекции в лучших европейских и американских университетах, свободно переходя с английского языка на немецкий, французский, итальянский, испанский, таджикский, персидский.

После окончания школы в 1951 г. у Леонарда Георгиевича по условиям того времени выбрать гуманитарный вуз возможности не было. Доступным для него оказался только Красноярский сибирский лесотехнический институт, в который Леонард Георгиевич поступил и в котором учился до середины 1954 г. В это время уже совершенно определенно сформировались восточковедные увлечения Леонарда Георгиевича. Обстоятельства в стране изменились со смертью Сталина, и Леонард Георгиевич решил учиться на Восточном факультете Ленинградского государственного университета (ЛГУ). У ссыльной семьи денег на билет до Ленинграда не было. Леонард Георгиевич бросил институт и год работал учителем математики в средней школе № 38 г. Красноярска.

Первая попытка поступить на кафедру индийской филологии успехом не увенчалась, в том числе из-за позиции партийного бюро, не одобрявшего его выбор: специальность считалась политически значимой. Следующую попытку Леонард Георгиевич предпринял через год, в течение которого он преподавал математику в Лаукмальской средней школе Вилянского района Латвии. К этому времени сумела вернуться в Латвию и Лина Николаевна (она работала в латышской газете переводчицей).

Наконец, в 1956 г. Леонарду Георгиевичу удается поступить на афганское отделение Восточного факультета ЛГУ. Это событие совпало с духовным возрождением в нашем обществе, определившем бескорыстную и глубокую увлеченность гуманитарными предметами, которая наблюдалась у многих однокурсников Леонарда Георгиевича. Достаточно сказать, что на том же курсе учились В. Б. Касевич и А. К. Оглоблин, а сосед по комнате В. Шилин был увлечен грузинским языком настолько, что уже на младших курсах и Леонард Георгиевич приобщился к картвелистике.

Восточный факультет сохранял свои особые традиции, включавшие в том числе требование широкого знакомства с языками и культурами Азии. Для Леонарда Георгиевича остались важной вехой, в частности, занятия арабским языком, необходимым для будущих иранистов, которые увлекательно

вел А. Т. Тагирджанов: студенты, отправленные в колхоз, распевали на борозде арабские глаголы по грамматическим породам. В последующие годы уже самостоятельно Леонард Георгиевич не менее увлеченно занимался древнееврейским.

Занятия иранистикой не мешали Леонарду Георгиевичу широко интересоваться другими восточными языками, культурами и литературами. Основным было, конечно, углубленное изучение иранских текстов – и до сих пор на Восточном факультете самой обычной темой для курсовой работы является перевод и комментарий.

Леонарда Георгиевича особенно увлекали лингвистические дисциплины. Большое влияние на него оказали его учителя-иранисты: Михаил Николаевич Боголюбов, Александр Николаевич Болдырев, Сергей Николаевич Соколов, Валентина Степановна Соколова.

На Восточном факультете Леонард Георгиевич познакомился со своей будущей женой Еленой Владимировной Ревуненковой, учившейся на индонезийском отделении. В 1962 г. они поженились.

После окончания университета в 1961 г. Леонард Георгиевич оказался без работы. В аспирантуру ему попасть не удалось, однако почти сразу он получает место старшего библиографа в отделе иностранного комплектования Библиотеки Академии наук.

Этот год по инициативе М. Н. Боголюбова Леонард Георгиевич провел в подготовке материалов для будущей диссертации, составляя картотеку к сакским текстам. На службе в БАН он приобрел многих друзей, в частности Беллу Михайловну Короткину и Арсения Арсеньевича Смолиевского.

Наконец, в 1962 г. Леонарду Георгиевичу удается поступить в аспирантуру по специальности «Сравнительное индоевропейское и индоиранское языкознание». Его руководителем сначала был Борис Александрович Ларин, а затем – Валентина Степановна Соколова.

Все три года аспирантуры Леонард Георгиевич читал санскритские тексты с Татьяной Евгеньевной Катениной. В это же время он возобновляет занятия древнегреческим языком, которые начал еще студентом у Софьи Викторовны Поляковой, и активно участвует в семинарах Иосифа Моисеевича Тронского – греческом (Эсхил) и латинском (Плавт, Теренций). От Б. А. Ларина Леонарду Георгиевичу достался учебник литовского языка Зенна. Борис Александрович был членом Литовской академии,

пассивно, но тонко знал литовский язык и побудил Леонарда Георгиевича заняться им. Продолжая исследования по иранистике, Леонард Георгиевич занимался у М. Н. Боголюбова согдийским и хорезмийским языками.

Результатом научных изысканий аспирантского времени стала публикация монографии «Хотаносакский язык» (М., 1965) в престижной серии «Языки народов Азии и Африки», которую редактировал Г. П. Сердюченко. Характерная черта того времени: аспиранту Л. Г. Герценбергу 21 декабря 1965 г. (приказ № 180 по ЛО ИЯ) была объявлена благодарность за опубликование монографии. В характеристике, выданной в это время, отмечается, что Леонард Георгиевич «выполнял ряд поручений по общественной работе института. Он состоит секретарем философского семинара, дважды исполнял обязанности профорга сектора, принимал участие в сельскохозяйственных работах, участвовал в рейдах по охране общественного порядка, а также является начальником добровольной пожарной дружины при Институте и инструктором по гражданской обороне». Нетрудно видеть, что все перечисленное должно было быть некоторым испытанием для природного чувства юмора Леонарда Георгиевича.

В ноябре 1966 г. Леонард Георгиевич защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Язык хотаносакских буддийских памятников (тексты, словарь, грамматический очерк)». Утверждение в степени произошло незамедлительно, и Леонард Георгиевич получил с марта 1967 г. возможность работать над индивидуальной темой «Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках».

Семейные радости и труды счастливым образом сочетались в жизни Леонарда Георгиевича. Заботливо занимаясь воспитанием дочерей Анны и Ксении, он неукоснительно продолжает научную работу: принимает участие в IV всесоюзной конференции иранистов в г. Душанбе (доклад об основах прошедшего времени хотаносакского глагола); его интересуют и вопросы более общего плана, в том числе он читает доклад о дедукции и индукции в научном познании.

Как известно, Леонард Георгиевич в эти годы, отправляясь на прогулку с ребенком, непременно брал с собой ирландскую грамматику и тексты. За занятия кельтологией он взялся по просьбе академика Виктора Максимовича Жирмунского, высказанной в связи с приходом в аспирантуру по ирландскому языку Иды Васильевны Крюковой, которая начала заниматься в те

годы историей форм ирландского глагола. Формальным руководителем И. В. Крюковой была Агния Васильевна Десницкая, а Леонард Георгиевич выступал в роли научного консультанта. Позднее под его руководством начинал свои исследования в области кельтологии Виктор Павлович Калыгин.

Широта интересов Леонарда Георгиевича простирается от языковой ситуации в древнем Хотане и этимологии имен кушанских царей до самых общих вопросов, таких как алтайская проблема (ср. «Алтайская проблема глазами индоевропейца») и «Индоевропейский, картвельский, иранский». Этому способствовали самостоятельные занятия узбекским языком по учебнику Киссена и неукоснительно использовавшаяся возможность бесед с узбеками во время поездок в Среднюю Азию. Знакомство с тунгусо-маньчжурскими языками произошло также в годы аспирантуры благодаря общению с Орестом Петровичем Суником, Верой Ивановной Цинциус, а также с аспирантами Института. Финно-угорскими языками Леонард Георгиевич занимался по учебнику Коллиндера.

Помимо рецензий на работы иранистов и концептуальных статей (к числу которых можно добавить статью о древнейшем языковом ландшафте) Леонард Георгиевич продолжает интенсивные занятия словообразованием. В 1972 г. выходит его вторая книга «Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках». В это же время он начинает с увлечением курировать исследования в Таджикистане. Эти поездки для лекций и консультаций в вузах Таджикской ССР происходили по распоряжению Президиума АН СССР.

В 1968 г. Юрий Сергеевич Маслов добился для Леонарда Георгиевича разрешения читать курс «Введение в индоевропейское языкознание» и вести семинар по одному из древних индоевропейских языков на кафедре общего языкознания. Ежегодно проводя занятия в течение более 35 лет, Леонард Георгиевич включил в сферу своих интересов занятия хеттским языком, а также после поездки в Армению – древнеармянским.

Слушатели старшего поколения помнят, как после лекций и семинаров обсуждение затронутых в лекциях вопросов заставляло их гурьбой провожать Леонарда Георгиевича по Невскому и Садовой до дома № 9, где он жил в коммунальной квартире. Позднее этот обычай в связи с переездом на проспект Маклина был прерван и возродился только после переезда на Большой проспект Петроградской стороны.

Академическая карьера Леонарда Георгиевича развивалась неспешно: только в 1977 г., через 12 лет после выхода в свет первой книги он, автор уже двух монографий, был избран на должность старшего научного сотрудника Института, в один день с Ильей Ароновичем Перельмутером и Ингой Борисовной Долининой, которые также много лет дожидались этого события.

В 1981 г. выходит монография «Проблемы реконструкции индоевропейской просодики». Её в 1983 г. Леонард Георгиевич защитил в качестве докторской диссертации. В 1993 г. ему было присвоено ученое звание профессора по специальности «теория языкознания».

Первый раз за границу Леонард Георгиевич поехал только в 1989 г. для участия в XIX Международном лингвистическом конгрессе, проходившем в Берлине. За первой поездкой последовало выступление по приглашению Б. Шлерата с тремя докладами в Западном Берлине («О возможном просодическом истолковании ларингальных», «О противоречивости в понимании древнеиндийских долгих гласных», «О типологических особенностях таджикского языка») и по приглашению Ф. Вильяра чтение в университетах Мадрида и Саламанки (Испания) спецкурсов по реконструкции праиндоевропейской просодики, по балтийским языкам и лингвистической карте Северной Евразии. С этого момента начинается планомерная работа Леонарда Георгиевича в лучших западных библиотеках.

С 1991 по 1999 г. Леонард Георгиевич ежегодно по приглашению Ильзы Циртаутас проводил занятия по таджикскому языку в рамках программы Департамента языков и цивилизаций Передней Азии в Вашингтонском университете в Сиэттле (США). В те же 90-е годы Леонард Георгиевич посетил Колумбийский Университет (Нью-Йорк, по приглашению профессора Э. Олуорта), университет Аризоны, университет Луизианы (Новый Орлеан), университет в городе Сан-Луи (штат Миссури), Чикагский университет (штат Иллинойс), университет штата Мериленд, Калифорнийский университет (Беркли, а также Лос-Анжелес), Гарвардский университет (штат Массачусеттс), куда его пригласил видный иранист, профессор П. О. Шервё.

Две последние поездки в США имели чисто научные цели и включали занятия индоевропеистикой в Библиотеке Конгресса (Вашингтон) и Фулбрайтское профессорство в Калифорнийском университете (Беркли), позволившие прочитать и осмыслить многие десятки последних трудов по языкознанию.



В те же годы Леонард Георгиевич ездил в Испанию для чтения лекций и проведения практических занятий по персидскому языку (Университет Complutense, Мадрид), для чтения лекций индоевропейистического и востоковедного содержания в Саламанке, Севилье, Гранаде, Вальядолиде. Благодаря этим контактам Петербург с ответным визитом посетил крупнейший индоевропейист профессор Франсиско Родригес Адрадос.

Тогда же Леонард Георгиевич выступает с докладами в Италии: в университете La Sapienza (Рим), в Востоковедном университете (Неаполь), в университетах Венеции, Катании, Мессины и Калабрии. В 1994 г. он был избран членом-корреспондентом Итальянского института по изучению Африки и Востока (*Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente*).

Вообще в 90-е годы Леонард Георгиевич много путешествовал по всей Европе, посетив Великобританию (Центр гебраистики при Оксфордском университете), Нидерланды (Утрехт, Лейден, Амстердам), Германию (Берлин, Гамбург, Бамберг, Гейдельберг), Австрию (Венский университет), Швецию (Упсала, Стокгольм), Израиль (Иерусалимский университет), Францию (Париж) и Швейцарию (Женева). Во всех странах Леонард Георгиевич читал лекции и выступал с докладами.

Еще в аспирантские годы Леонард Георгиевич вел регулярную переписку с крупнейшим иранистом XX века профессором Кембриджского университета Г. У. Бейли. В последующие годы включенность в международное лингвистическое сообщество укрепилось благодаря многочисленным личным встречам с интересными лингвистами разных стран – среди них профессора Б. Шлерат, Ф. Вильяр, Ильза Циртаутас (Сиэтл), Д. Перри, Альгар, Марьяши, Бодроглигети, видный иранист профессор П. О. Шервё, профессор Хулия Мендоса-и-Туньон, ведущий латинист Саламанкского университета профессор Грегорио Инохо, Хуан де Диос, академик Герардо Ньюли, профессора Адриано Росси, Ципполи, Джакометто Странно, Турадж Атабаки, Р. Эммерик, Б. Фрагнер, Роберт Шмитт-Брандт, Гейнер Эйхнер, Мартин Петерс, видный иранист, профессор Б. Утас, профессора Патрик Серио, Сипанта, доктор Адиль Хаддад.

Самые дружеские отношения сложились с замечательным индоевропейистом Франсуазой Бадер, по приглашению которой Леонард Георгиевич читал доклад на пленарном заседании Парижского лингвистического общества. Осенью 2004 г. профессор Бадер посетила Санкт-Петербург, прочитав серию лекций в Институте лингвистических исследований РАН.

Особое место среди зарубежных поездок занимает поездка в Иран, где в течение месяца в качестве гостя Академии языка и литературы в Тегеране Леонард Георгиевич прочитал курс индоевропейского языкознания и доклад о своей многолетней работе над этимологическим словарём персидского языка. В результате всех этих многочисленных поездок Леонард Георгиевич собрал масштабную коллекцию ксерокопий статей и архивных материалов, касающихся персидской этимологии.

В 2000 г. Леонард Георгиевич стал главным научным сотрудником Института лингвистических исследований РАН. Одновременно с этим на кафедре общего языкознания филологического факультета СПбГУ он читает курсы «Введение в общее языкознание», «Языки народов мира», «Введение в балтийскую филологию» и многие другие. При этом основным остается рассчитанный на несколько лет цикл лекций «Введение в индоевропеистику», включающий в себя помимо собственно вводного курса спецкурсы по сравнительной акцентологии индоевропейских языков, по разбору древнеиндийских, хеттских, кельтских и других текстов с индоевропейским комментарием. Через его школу прошли практически все так или иначе связанные с индоевропейской проблематикой лингвисты среднего и младшего поколения Санкт-Петербурга, а также и из многих других городов России и СНГ, где он неоднократно выступал с лекциями и докладами. Его стараниями и при активной поддержке со стороны Людмилы Алексеевны Вербицкой в Санкт-Петербургском государственном университете сперва была открыта специализация, а с 2004 г. начался набор студентов по специальности «балтийские языки».

В 2001 г. были утверждены программы по специализации «индоевропейское сравнительно-историческое языкознание». С этого времени началась регулярная подготовка магистрантов, отнимавшее много времени и сил для организации учебного процесса, которому мешали разом несколько обстоятельств. Выбор специализации далеко не всегда соответствовал подготовке, а главное – силам поступающих: далеко не все из них имели необходимую основу филологического образования, исторической лингвистики, да и просто знания древних языков. Второе обстоятельство, препятствовавшее правильному развитию индоевропейского языкознания в Петербурге, заключалось в скверном формировании научных библиотек. Отчасти этот последний недостаток компенсировали регулярные книжные посылки от дочери Ксении Леонардовны, благодаря которой на

книжных полках Леонарда Георгиевича были все новейшие издания монографий, посвященных индоевропеистике и диахронической лингвистике. Это направление в деятельности Леонарда Георгиевича сейчас старательно поддерживается его учениками, сотрудниками ИЛИ РАН, совмещающими научную работу в Академии с преподаванием в Университете.

Круг научных интересов Леонарда Георгиевича был необычайно широк, он включал в себя различные аспекты индоевропейской проблематики (реконструкция индоевропейского вокализма на основе взаимодействия сегментного и просодического уровней, морфологическая структура слова в индоевропейских языках, тенденции морфологического развития и механизмы, лежащие в их основе, этимологические исследования). Иранист по своей основной специальности, он в своих исследованиях обращался и к кельтскому, и к италийскому, и к балтийскому материалу. Ряд статей посвящен отношениям индоевропейского и алтайского, индоевропейского и картвельского ареалов. С 1974 года Леонард Георгиевич работал над фундаментальным трудом «Этимологический словарь персидского языка», который мыслился как результат синтеза научных традиций западного и восточного языкознания.

Несмотря на тяжелую болезнь в начале сентября 2002 г., Леонард Георгиевич продолжал усиленно работать над новыми проектами, показывая своим ученикам изумительный по мужеству пример сопротивления сложившимся обстоятельствам. Регулярные и методичные занятия со специалистами позволили вернуть нарушившуюся речь и возобновить чтение лекций в университете, куда Леонард Георгиевич начал ездить уже через несколько месяцев после выздоровления. Интенсивно шла научная работа: сидя в кресле около компьютера Леонард Георгиевич набирал тексты статей<sup>1</sup>, хендауты лекций, в которых он неукоснительно использовал все самые свежие исследования по индоевропеистике, а также две книги, над которыми он трудился. Одна из них вышла под названием «Краткое введение в индоевропеистику» (2010), вторая так и не была завершена, и компьютерные материалы по персидской этимологии в настоя-

---

<sup>1</sup> Среди наиболее важных статей последнего периода жизни Леонарда Георгиевича следует перечислить совместную с автором этих строк статью «Праязыковая реконструкция: общие проблемы» (Вестник РАН, т. 75, № 12. 2005. С. 1–13), а также статьи в ежегоднике «Индоевропейское языкознание и классическая филология».

щее время готовят к печати его ученики П. А. Кочаров и А. В. Шацков.

Круг общения за эти годы мало изменился. Продолжались дружеские отношения с теми, кого Леонард Георгиевич знал со студенческой скамьи: профессора А. К. Оглоблин и В. Б. Касевич, коллеги с кафедры общего языкознания Т. В. Черниговская, А. В. Андронов и др., сотрудники Института лингвистических исследований РАН, регулярно встречавшиеся и обсуждавшие с ним лингвистические проблемы, а также иностранные коллеги, посещавшие Петербург. Среди последних в первую очередь хочется назвать Ж. Ж. Пино и Х. Айхнера. Леонард Георгиевич водил гостей в ресторан «Повари», расположенный в подвале того же дома, где он жил, и серьезные научные беседы прерывались только появлением шеф-повара сицилийца, который пользовался случаем произнести несколько слов по-итальянски. Эта размеренная жизнь с еженедельными по субботам долгими телефонными разговорами с дочерьми, еженедельными встречами с учениками, что включало и чтение текста, и обсуждение недавно прочитанного, и ужин, во время которого поддерживалась содержательная беседа, обычно выходящая уже за рамки чистой лингвистики, оказалась фатально нарушенной в 2012 году.

Всю вторую половину 2012 года здоровье уже не позволяло Леонарду Георгиевичу работать в полную меру, однако он заставлял себя проводить у компьютера 2–3 часа в день, планомерно работая над «Этимологическим словарем персидского языка», обрабатывая материалы, собиранию которых в архивах и в библиотеках по всему миру он посвятил последние два десятилетия своей жизни. Резкое ухудшение здоровья наступило в октябре. Уже не имея сил поднять голову от подушки, Леонард Георгиевич пригласил меня придти и подтвердил еще раз приглашение. Эта последняя встреча была прощанием.

Скончался Леонард Георгиевич 25 декабря 2012 года в кругу семьи.

*Н. Н. Казанский*

**Библиография трудов Леонарда Георгиевича Герценберга  
за 2005–2014 гг.<sup>2</sup>**

- Праязыковая реконструкция: общие проблемы // Вестник РАН. 2005. Т. 75, № 12. С. 1–13 (совместно с Н. Н. Казанским).
- О внутренней деривации // Индоевропейское языкознание и классическая филология-IX (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы конференции, проходившей 20–22 июня 2005 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука. 2005. С. 63–65.
- Проблемы праязыковой реконструкции // Этнокультурное взаимодействие в Евразии: в 2 кн. / отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин, В. А. Тишков. М., Наука, 2006. Кн. 2. С. 27–29 (совм. с Н. Н. Казанским).
- К реконструкции праиндоевропейских активных причастий перфекта // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука. 2006. Т. 2, ч. 1. С. 5–10.
- د باب [dabāb] // Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. Сборник статей к 75-летию профессора Александра Леоновича Грюнберга (1930–1995) / Отв. редактор М. Н. Боголюбов. СПб.: Наука. 2006. С. 111–112.
- Новые книги // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XI (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы международной конференции, проходившей 18–20 июня 2007 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 53.
- Петербургская школа сравнительно-исторического языкознания // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2007. СПб.: Наука, 2008. С. 3–14. (совм. с Н. Н. Казанским).
- К этимологии персидских *ary*, *arj*, *axš* // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы международной конференции, проходившей 23–25 июня 2008 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 91–92.

---

<sup>2</sup> Дополнение к библиографии, составленной А. С. Николаевым, см.: Hrdā mānasā. Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора Леонарда Георгиевича Герценберга / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: «Наука», 2005. С. 13–20.

- Новейшие работы по индоевропеистике – «*Nomina im indogermanischen Lexikon*» // Индоевропейское языкознание и классическая филология-ХІІІ (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы международной конференции, проходившей 22–24 июня 2009 г. / Отв. редакторы Н. А. Бондарко, Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2009. С. 125–127.
- Краткое введение в индоевропеистику. СПб.: Нестор-История, 2010. – 316 с.
- The Etymology of Persian *ēbak* // Индоевропейское языкознание и классическая филология-ХІV (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 21–23 июня 2010 г. В двух частях / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Часть 1. СПб.: Наука, 2010. С. 204.
- Я. М. Боровский. Opera Philologica (Издание подготовили А. К. Гаврилов, В. В. Зельченко, Т. В. Шабурина. Bibliotheca Classica Petropolitana, 2009) // Индоевропейское языкознание и классическая филология-ХІV (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 21–23 июня 2010 г. В двух частях / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Часть 1. СПб.: Наука, 2010. С. 205–211.
- Studies in Persian Etymology I // Colloquia classica et indo-germanica – V / Отв. ред. Н. А. Бондарко, Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2011. С. 201–224. (= Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. VII. Ч. 1).
- Две этимологии (*abrešim* ‘шёлк’, *abnāxūlōn* ‘крепость’) // Индоевропейское языкознание и классическая филология-ХV (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 20–22 июня 2011 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2011. С. 109–111.
- История индоевропейского текста // Индоевропейское языкознание и классическая филология-ХVІ (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 18–20 июня 2012 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2012. С. 152–162.

# ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО НАСЛЕДИЯ Л. Г. ГЕРЦЕНБЕРГА



## STUDIES IN PERSIAN ETYMOLOGY II<sup>1</sup>

(Публикацию подготовили П. А. Кочаров и А. В. Шацков)

В статье представлена вторая часть этимологического словаря со словами на букву *Ā*. Первая часть опубликована в Herzenberg 2011.

*Ключевые слова:* персидский этимологический словарь, индоевропейские языки, иранские языки.

**āb**<sup>1</sup> [Rūdakī] ‘water’, MPrs. *āb* [MY’, ’p], OPrs. *ap-*, Av. *āp-*; for the length of *-ā-* cf. Av. *āfš*, NP *āpō*, OInd. (RV) NP. *āpas*; in many Iranian languages there are suffix-derivatives of *\*āp-*: cf. Sogd. ”*p*, ”*ph*, ”*pyh*, ”*pwh*, Afgh. *ōbā*, Wakh. *yupk*. Horn 1893: 1; Horn 1901: 49, 75; AIW: 325–29; Reichelt 1909: 183; Brandenstein&Mayrhofer 1964: 103; Nyberg 1964–74: 20; MacKenzie 1971: 1; Bailey 1979: 36b–37a; Xāleqī 1977: 1–2; EWAia I: 81–82.

**āb**<sup>2</sup> [Fird.] ‘splendour; honour, glory’; explained by Horn (1893: 1) as *\*ā-bhā-*, *√bhā-* ‘to shine’ (EWAia II: 259–60, cf. Khot. *ḥāyā* ‘ray of light’, Bailey 1979: 277ab, v. *bām*); he also regarded it as a part of compounds *ābrō*, *āftāb*, *ābmand* (the latter being a *desātīr* word! — Vullers 1855–64 I: 13); however Horn (ibid.) also gives a hint that the word could be identical to *āb*<sup>1</sup> ‘water’ and compares it to Arab. *mā*<sup>u</sup> ‘eau; éclat, lustre’, cf. also *mā’u-l-wajh*<sup>i</sup> ‘honneur (lit. eau du visage)’ (Biberstein-Kazimirski 1860 II: 1169), Turk. *suw* ‘water’ has also the meaning ‘splendour’ (Радлов 1893–1911 IV: 743–746); the word could reflect a mythologeme if regarded as a continuation of a *vrddhi* form *\*āpa-*, reminding OInd. *apām garbhaḥ* ‘Sohn der Gewässer’ (Böhtlingk&Roth 1855 I: 275 with a commentary: “(so) heisst Agni, weil er aus den Wassern der Luft als Blitz entspringt”). Cf. Xāleqī 1977: 2–3.

---

<sup>1</sup> Статья публикуется в рамках проекта «Лексическое и морфологическое варьирование в традиционных индоевропейских текстах», выполняемого по Программе ОИФН РАН «Текст и традиционная культура в перспективе культурной эволюции» (2012–2014).

**ābaštan** [LN] ‘to hide’, also *abaštan*, represented by several derivatives, but its only documented form is *ābaštangāh* [LF] ‘a place of concealment’; an obsolete verb, its present base would be reconstructable as *\*ābar-* (cf. *gaštan*), probably to one of the  $\sqrt{par}$ -roots, e.g. to  $\sqrt{par}$ - ‘to cross over’, (PIE *\*√per-*, IEW: 811), Av. *parā-* ‘fort, zur Seite’, Sogd. Buddh. *pr’’čk* ‘beyond’, OInd. *pārā* ‘away, off’. Horn 1901: 142; AIW: 852; Bailey 1979: 215; EWAia II: 88–89.

**ābād** [Fird.] ‘cultivated, peopled, fair’, MPrs. *ābād* [’p’t, Man. ’b’d] ‘populous, thriving, prosperous’ < *\*āpāta-* ‘protected’ *γpā-* ‘to protect’, cf. *pāyīdan*; Av. *afīieiδiiāi* ‘zu untersttzen’ is an infinitive to *ā-pā-*. Horn 1893: 2; Horn 1901: 50; AIW: 330, 885–86; MacKenzie 1971: 1; Xāleqī 1977: 3.

**ābān** ‘the eighth month of the Zoroastrian calender, dedicated to the Waters’, MPrs. *ābān* [’p’n, Man. ’b’n] ‘eighth month, tenth day of a month’, Sogd. Mug *’p’nc*, Man. *’b’nc*, Bīrunī *’b’n* the month-name, Man. *’pwx/’bwx*, Bīrunī *’bk* the day-name, cf. *āb*<sup>1</sup>. MacKenzie 1971: 1; Boyce 1982: 59–60; Panaino 1982: 658–677.

**ābistan** [Fird.] ‘pregnant’, also *ābist* [Manūčihri], *ābista* [VR], *ābistān* [Rūmī] – most probably from different dialects; MPrs. *ābus* [’pws], *ābustan*, *ābestan* [’bystn] < *\*ā-puθra-tanū-* ‘in whose body there is a son’, but Av. *apuθra-* ‘die (eben) zur Nachkommenschaft gelangt ist, (jüngst) geboren hat’, cf. *pisar* and *tan*. Horn 1893: 2, Horn 1901: 25; Hübschmann 1895: 5; AIW: 85–86; Nyberg 1964–74: 28–29; Henning 1977 II: 275; Xāleqī 1977: 3–5; MacKenzie 1971: 3–4.

**ābišx<sup>v</sup>ar** [Fird.] ‘river-bed, reservoir’, a difficult compound: Horn (1983: 2–3) and Hübschmann (1895: 5) rejected former etymologies connecting this word to Av. *aiwiš.x<sup>v</sup>ar θa-* ‘zum Genuss geeignet’ (so de Lagarde 1884: 75 and Mann 1983: 701, cf. AIW: 96) and explained it as containing *\*āpi-* ‘water’ (its hypothetical NS *\*āpiš*, cf. AIW: 329) and  $\sqrt{xvar}$ - (v. *x<sup>v</sup>ardan*); however, Av. *\*āpi-* ‘water’ obviously does not exist (Hoffmann in Brandenstein&Mayrhofer 1964: 103, EWAia I: 81); thus the first part of this compound being *āp-* (v. *āb*<sup>1</sup>), its second component could be tentatively identified with Sogd. *’γšywr*, Man. [əxšēwar] *xšywr* ‘name of the fourth day’, but with its original meaning ‘possession of a prince’ (< *\*xšaθrawarya-*, Gershevitch 1954: 26–27 §171–172): the original meaning of the word was probably ‘a (princely) possession of waters’; metathesis *\*āb-xšew<sup>r</sup>* > *āb-ešxwar* is to be assumed; variants like *ābx<sup>v</sup>ar* are due to popular etymology. Cf. Xāleqī 1977: 5–8.



**ābīd** [LN] ‘a spark of fire’, also *ābīz*, *ābīž* [a quotation from Munjīk for *ābīz* is given by LF]; Stackelberg adduced Arm. *abet* ‘Zunder’ and Georg. *abedi* (1884: 492, cf. de Lagarde 1877: 2) to prove that *ābīd* (or better *ābēd*) is the original form; < \*(ā)-apa-aīda-, cf. Khot. *hīha-* ‘soot’ < \*aiθa- < \*aiða-, Av. *aēsmā-* ‘firewood’ (v. *hēzum*), all to *γaid-* ‘to burn’, OInd. *EDH-* ‘to set on fire’. Justi 1895: 6; Horn 1901: 91; Bartholomae 1894: 124; AIW: 26–27; Bailey 1979: 488b–89a; EWAia I: 267.

**āblūč**/j also *ablūj*, v. *ablūč*.

**ābnūs** [Fird., Zamaxšarī] ‘ebony’, MPrs. *abnūs* [’bnws], together with Arab. *’abanūs* from Gr. *ἔβερος* which came from Eyp. *hbnj*. Spiegelberg 1907: 131; Horn 1901: 6; Biberstein&Kazimirski 1860 I: 6; MacKenzie 1971: 4.

**ābrō** [Fird.] ‘respect, honour’, the popular explanation as ‘water of the face’ appears still valid – in comparison with Arab. *ma’u-l-vaḥi* ‘honneur, considération dont un homme d’honneur jouit, lit. eau du visage’ (Biberstein–Kazimirski 1860 II: 1169) and Turk. *jüz suju* ‘die Ehre, der Ruf’ (also lit. ‘water of the face’, Радлов 1983–1911 IV: 746); the sacral function of water is reflected in these expressions, cf. Poonawala 1982: 27–28.

**āčār** [Nāṣir Xusrav] ‘mixed pickles’, borrowed from Turk., cf. Chag. *ačār* ‘sour vegetables’, MTurk. *ačyγ* ‘sour’, *ačymaq* [Mahmud al-Kashgari] ‘sauer sein’. Doerfer 1963–1975 II: 14; Räsänen 1969–71: 4a; Brockelmann 1928: 1.

**ādarm** [LF–Unṣurī, Muxtārī Taznavī, Nizāmī] ‘saddle-cloth’, also *ādram*, *āβarm*, *ādarma*, *ātarma*, a Turk. loanword, cf. MTurk. *ädär* (\**edär*) ‘saddle’, with the suffix *-ma*, which had later been abbreviated: *aḍrym* [Mahmud al-Kashgari]. Räsänen 1969–71: 36a; Brockelmann 1928: 3.

**ādiyanda** [Rūdakī] ‘rainbow’, possibly < \*ā-dī-ḍay-ant-(aka-) ‘observing’, cf. Av. *ā* + √*dā(y)-* ‘hinsehen auf, betrachten’ (AIW: 725); less probably a “learned” borrowing from Indian, a compound like *āditya-antaḥ* ‘close to the *Āditya*-deities, i.e., to the Sun etc.’

**ādīna** [Farruxī] ‘Friday’, Horn identified it with *āyīn* ‘Sitte, Schmuck’, but cf. Sogd. Man. *’ḍyng*, Khwar. *’ḍynk* ‘Friday’ – according to Nyberg, \**ādēnaγ* ‘congregation’ (a meaning required by Arab. *yaumu-l-ḵum’a*) is traceable to \**ati-ayana-*, OPrs. *ati-ay-* ‘to go along’. Horn 1893: 15–16; Brandenstein&Mayrhofer 1964: 109; Nyberg 1964–74: 12; Benzing 1983: 30–31; Panaino 1982: 664–65.

**āḍar** [Daqīqī] ‘fire’, Kurd. *ār*, Osset. *art*, MPrs. *ādur* [’twr, Man. *’dwr*], Khwar. *’rw*, Av. *ātar-*; *ātaš* ‘fire’ is a “learned” reflex of the same Old Iranian word; cf. OInd. *átharvan-* ‘a priest’, Arm. *airem*

‘to burn’ (< \**atēr-*), \**√at-* ? Horn 1901: 21, 31; AIW: 312–16; Xāleqī 1977: 11–12; Nyberg 1964–74; MacKenzie 1971: 5; Абаев 1958–95 I: 69–70; IEW 1959–69: 69; EWAia I: 60.

**adīm** [Nāsīr Xusrav] ‘beauty, ornamentation’, an archaic form of *āyīn*, *āyina*.

**ādūn** [Sanā’ī] ‘thus, in that manner’, probably an analogical and “proportional” formation to *ēdūn*, influenced by *ān*.

**āfand** [Fird.] ‘war, strife’, could be a present-base nominal derivation from *√fand-*, cf. Šugh. *sifān-* ‘to rise’, Yazg. *fin-* ‘to descend’, Khot. *phand-* : *phast-* ‘to move’, OInd. *PHAN-* ‘to jump’ or/and *spand-* ‘to quiver, kick (of animals)’; thus this word is rather of Eastern Iranian origin. Bailey 1979: 211b–12a, 259a, 261a; Morgenstierne 1974: 72; KEWA III: 536–37, EWAia II: 199–200.

**āfarīdan** [Rūdakī] ‘to create’, pres. *āfarīn-*, cf. *āfarīniš* [Fird.] ‘creation’; MPrs. *āfurīdan* [’*pwlytn*], Sogd. Chr. Man. *sfryn-*: *sfryt-*; frequently given the same etymology as *āfrīn* ‘praise’, which are however semantically incompatible; that is why Bailey’s etymology is to be preferred: < \**ā-βi-βra-* ‘to bring into existence’, a reduplicated thematic present to *√bar-* (v. *burdan*), cf. Av. *-bifra* in *aštā.bifra-* ‘of eight characters’ and *a-bifra-* ‘perpetual’; the present base could have been \**ā-βi-βr-ani-*, cf. Bartholomae 1895: 74–75; Horn 1893: 10; AIW: 92, 262; Bailey 1930–32: 587; Gershevitch 1954: 91 §179; Nyberg 1964–74: 10; MacKenzie 1971: 5; Xāleqī 1977: 44–45.

**āfarīn** [Fird.] ‘praise, glory, applause’, MPrs. *āfrīn* [’*pryn*], Sogd. Man. *’fryn* ‘to bless’, Av. *ā-frīnāmi* ‘jemandem etwas feierlich (an)wünschen’, OInd. *PRAY-* ‘to delight, to cheer’. Horn 1893: 10; AIW: 1016–17; MacKenzie 1971: 5; Bailey 1979: 314b–315a; EWAia II: 181–82.

**āfdum** [Majmaəa-t-Tavārīx] ‘last’, found also with *ba* in the conglutination *bāfdum* [Rūdakī]; MPrs. *abdom* [’*pdwm*, Man. *’bdwm*] < \**apatama-* (cf. Bibl.-Aram. *’app<sup>e</sup>tom*), cf. OPrs. *apataram* ‘weiter weg, auberhalb (von etwas)’. Nyberg 1964–74: 37; Brandenstein&Mayrhofer 1964: 104; MacKenzie 1971: 3; Bailey 1979: 249b; Xāleqī 1977: 2–44; Gershevitch 1985: 262.

**āfrāza** [Sōzanī] ‘flame’, could be traced to \**ā-apa-rāǰa-ka-*: since referring to sparkles, might contain *√rang-* ‘(to be) light, small, moving’, cf. Wakhi *rānǰk* ‘light, fast’, Khot. *ārramǰ-* ‘to grind’ (also with other prefixes), Sogd. Man. *rynčk* ‘small’, Av. *rənǰō* ‘easier’ (cf. OInd. *laghīyas-*, *RAMH-* ‘to hurry’); cf. *āfrōza*; however, both to avoid a hypothetical agglomeration of two prefixes and to obtain a more convincing semantic explanation it would be preferable to

postulate for this word East Iranian origin and to connect it with Khwar. 'br'z- 'aufflemman', 'br'z 'flame' < \*ā-brāz-: √brāz- – Khot. *bāljsaka-* 'flame', Av. *brāz-* 'strahlen', OInd. *BHRĀJ-* 'to shine'; -f- < \*-b- would indicate to borrowing, cf. NPrs. *barāzīdan*. AIW: 978, 1528; Morgenstierne 1938 II: 537; Gershevitch 1954: 149 §983; Emmerick 1968: 10; Bailey 1979: 279a; Samadi 1986: 1–2; EWAia II: 279–80, 421–22.

**āfrōša** [Rūdakī] 'sweetmeat', also *afrōša*, MPrs. *afrōšag* [ 'plwšk] 'sweetmeat made of flour, butter and honey', a suffixal (\*-aka-) dialect variant to *ablūč*, to √rauk-/√rauš-, v. *rōšan*. MacKenzie 1971: 5.

**āfrōza** [Sōzanī] 'wick of lamp' < \*ā-apa-rauča-ka-, \*'burning down, burning away', √rauč-, cf. *afrōxtan*, *rōšan*.

**āftāb** [Fird.] 'sun', Parth. *abdab* [ 'bd'b], Syr. loanword 'btb'n; this word is usually explained as a compound containing *āb*<sup>2</sup> 'shining, splendour' and *tāb* 'heat' (cf. *tāftan*); for "sun"-words cf. Sanskrit epithets like *caṇḍāmsuḥ* 'having hot rays', *śubharaśmiḥ* 'having bright rays' etc., Monier-Williams 1851: 784; for words of similar meaning denoting 'sun' cf. Afgh. *γarma* (v. *garm*), Kurd. *roj* (v. *rōz*), *ṭav*; Jeremias and Maroth discussed the internal -t-, which would had become -d-, if the word were an Old Iranian inheritance: this is why it is to be considered a Middle Iranian creation like the parallel MPrs. *xwar-tapak* 'blazing sun' (Jeremiás & Maróth, 1977: 223–24); however, the Middle Persian word is likely to have been adopted from Parthian and reetymologized, since the Parthian word presents regular phonetic development. Horn 1893: 1, 9, Horn 1901: 78; Xāleqī 1977: 42; cf. Eilers 1974: 336.

**āftāba** [Ibn Sīnā] 'water-pot' either a compound consisting of *āb*<sup>1</sup> 'water' and *tāba* '(frying) pan' (cf. *tāftan*) or simply 'sun-like', describing the upper extended part of the bright jar. Hübschmann 1883 I: 252; Horn 1901: 78.

**āgaft** [Unsurī] 'affliction, grief' < \*ā-kmp-ta-, cf. Sogd. ''k'bt'k 'wrong' (Gershevitch 1954: 21 §146) and *kβt't* 'may have split' (ibid. 129 § 873), Khot. *caṃbula-* 'disturbed', √kamp-/√čamp- 'to shake, to disturb' (cf. *čafta*), OInd. *KAMP-* 'to tremble'. Bailey 1979: 99b; WAia: 306.

**āgana** [Sōzanī] 'stuffing, lining', also *ākana*, to *āgandan*.

**āgandan** [Rūdakī] 'to fill, to stuff', also *ākandan*, pres. *āgin-*, MPrs. *āgandan* [ 'kndn]; the older proposal to connect *āgandan* to OInd. *ghana-* 'clump, thick' is now supplanted by the exact comparison to Sogd. *ākan-* 'to fill', √kan- 'to cover'; it could be ultimately a correspondence to OInd. *KHAN*<sup>1</sup>- 'to dig' with the semantic move 'to dig (at one spot)' > 'to stuff (a pit)', NB the

prefix; v. *kandan*, *avgandan*. Horn 1983: 10; Horn 1901: 130; MacKenzie 1971: 6; Gershevitch 1954: 71 §475; Xāleqī 1977: 46–47; Bailey 1979: 327a; EWAia I: 184, 445–46, 512.

**āganj** [Kisa’ī] ‘sausage’ < \**ā-kana-čī*, as ‘stuffed, filled’ to *āgandan*.

**āgāh** [Fird.] ‘aware; news’, MPrs. *āgāh* [’k’s, Man. ’g’(h)] < \**ā-kāsa-*, Av. *ākasat* ‘er erblickte’, √*kas-* ‘to look’, cf. Afgh., Khot. √*kas-* ‘to look’, OInd. *KĀŚ-* ‘to appear’ (hence OInd. *ākāśa-* ‘a free or open space, sky or atmosphere’, which corresponds phonetically to the Persian words, but has another meaning); Nyberg proposed *āgāh* < \**ā-kā-θa-*, √*kā-* ‘to notice’ (he adduced OInd. *cāyati* ‘to notice, to be aware’), *-θa-* corresponding to the OInd. suffix *-tha-* and MPrs. *-s-* being an “inverse” writing: however this etymology does not take into account Avestan forms; moreover, OInd. *cāyati* has the root *CĀY<sup>l</sup>-*; cf. *nigāh*. Horn 1893: 10; Horn 1901: 93; AIW: 459–60; Nyberg 1964–74: 12–13; Henning 1977 I: 136, 320; MacKenzie 1971: 6; Xāleqī 1977: 45–46; KEWA I: 204, EWAia I: 344–45, 531.

**āgīm** [Fird.] ‘full, stuffed’, obviously to *āgandan*; to explain *-ī-* it is necessary to reconstruct \**ā-kan-ya-*, cf. **mīnō** ‘sky’, which is connected to Av. *mainiiauuu-* ‘celestial’ (Hübschmann 1895: 131).

**āgūr** [Sanā’ī] ‘burnt brick’, together with Arab. *ājūr* and like Osset., Georg. *aguri*, Aram. ’*āgūrā* to Assy. *agurru* [*ukurru*] ‘kiln-fired brick’, Zimmern 1917: 31; Kaufman 1974: 33; CAD A I: 160–163, cf. Абаев 1958-95 I: 35–36.

**āgūš** [Baihaqī] ‘embrace, bosom’, a “Persianizing” variant of *āyōš*.

**āyar** [ʕAmʕaq] ‘the dry bed of a river with a little water left here and there’ < \**ā-gara-*, with *āyaštan* to √*gar-*, OInd. *GHAR-* ‘to besprinkle’; *āyār* compared by Henning (1977 II: 150) with Sogd. *āyarte* ‘muddy, juicy’, might be a closely related word. EWAia I: 512–13.

**āyaštan** [Fird.] ‘to moisten’, secondary infinitive *āyārdan*, pres. *āyār-*, should be an Eastern Iranian borrowing, due both to *-g-* and to the distribution of cognates: Osset. *qaryn* ‘to penetrate (about liquids)’, Šugh. *a-žer-* ‘to soak, to drench’, Sogd. ’*ny’rtk* ‘fertile, juicy’, Khwar. *šyr-* ‘to become wet’ – √*yar-*; cf. OInd. *GHAR-* ‘to sprinkle, to moisten’. Horn 1901: 140; Bailey 1979: 227b; Benzing 1983: 595–96; Абаев 1958-95 II: 268–69; Xāleqī 1977: 40–42; EWAia I: 512–13.

**āyāl** [LF] ‘instigation, excitement’ (SN has the verb *bar-āyālad*) < \**ā-gārḍa-*, cf. Av. *gārḍa<sup>2</sup>* – ‘gierig, hastig’, OInd. *GARDH-* ‘to be

eager, to desire'. Horn 1901: 139; AIW: 523; Bailey 1979: 38b; EWAia I: 474.

**āyār** [Našir Xusrav] 'wet', hence secondary infinitives *āgārdan*, *āyārīdan* [Fird.], to Sogd. "γrty- [*āyarte*] 'muddy, juicy' (Henning 1977 II: 31, 150), v. *āyaštan*.

**āyāz** [Rūdakī] 'beginning', a borrowing from Sogd. "γ'z- 'to begin' (also *fr'γ'z-* 'to begin', *pcγ'z-* 'to receive'), √*gāz-* 'to take', cf. Khot. *pajāys-* 'to take', Osset. *aqaz* 'help' (< \*'taking hold of'); further connections difficult, though comparable to OInd. *GADH-* 'to take hold of, to seize': Ir. for \*-z- : Indo-Ar. \*-*d(h)-* cf. **āyōš** (dissimilation or \*-*dh-s-* with a suffix or an enlargement). Henning 1977 I: 644; Gershevitch 1954: 96 §612, 136 §922, 141 §957; Bailey 1979: 199a; EWAia I: 460–61; cf. Абаев 1958–95 I: 54.

**āyīl** [Rumī] 'sheep-cote', borrowed from Turk., cf. MTurk. *ayıl*. Doerfer 1963-75 II: 82–84; Räsänen 1969-71: 8a; Севортян 1974: 83–85.

**āyōš** [Fird.] 'embrace', also *āgūš* < \**ā-gauz-ti-* or \**a-gaud-ti-*, MPrs. *āgōš* ['*kwš*], cf. Parth. *āyōz* ['*gwz*, ''*γwz*] 'encirclement, enclosure, covering' √*gaud-* 'to cover': Sogd. "γnd-, *pt-γwz-* 'to cover', Khot. *uysgun-* 'to uncover', Afgh. *āyundəl*, *āyustəl* 'to put on clothes', Av. *gaoz-* 'to conceal', OInd. *GOH-* 'to conceal' (Indo-Ar. \*-*dh-* : Ir. \*-z- as in *āyāz*); cf. *faryūl*. AIW: 485; MacKenzie 1971: 6; Bailey 1979: 38b; Boyce 1977: 9; EWAia I: 502–3.

**āh** [passim] 'ah! alas! a sigh', onomatopoeic? Henning quotes Sogd. *dn'h* 'toothache' (1977 II: 243), which contains \**dand(a)-* and *āh-*, maybe to \**āxa-*, cf. *āk*; a contamination of a meaningful word and a 'sigh' is also to be taken into consideration.

**āhak** [Labībī] 'lime, plaster', < \**āhaka-*, thus confirming Morgenstierne's explanation of Parach. *hāy* 'ashes' and Kurd. *ax* 'earth, soil', cf. *xak* 'dust', Parth. 'y'g 'place', Khot. *āye* 'ground', Av. *āi-* 'earth'. Morgenstierne 1942: 266; Bailey 1979: 19b–20a.

**āhan** [Rūdakī] 'iron', MPrs. *āhan* ['*h(y)n*, '*s(y)n*, Man. ''*hwn*], Kurd. *hesin*, Afgh. *ospəna*, Osset. (Digor) *āfsän* ('the ploughshare'), Šugh. *sipin*, Sogd. Chr. '*spnynč*, *sfnyq* (adjectives), Khot. *hīššana-*, all < \**at<sup>s</sup>uana-*, \**at<sup>s</sup>uaniā-*, cf. Av. *haosafnaēna-* 'made of iron'; Abayev connected the word to \**t<sup>s</sup>uanta-* 'sacred' (cf. *gusfand*), whereas Bailey more realistically compared it with Gr. κούανος 'dark, dark-blue' (in contrast to red copper): however, both meanings could come from the same source – *blue* being the *sacred* colour. Horn 1893: 14; Horn 1901: 181; Hübschmann 1895: 10; AIW: 159–60, 1737; Nyberg 1964–74: 32; Абаев 1958–95 I: 480–81; MacKenzie

1971: 6; Henning 1977 I: 559, II: 604, 611; Bailey 1979: 486b–87a; Xāleqī 1977: 68–70; Morgenstierne 1927: 12.

**āhang**<sup>1</sup> ‘tune’, probably to √*θang-* ‘to draw’, thought as of ‘stretching a sound’, cf. *ahanjīdan*.

**āhang**<sup>2</sup> [Fird.] ‘intention, purpose’, MPrs. *āhang* [’hng] ‘pull, draught’, cf. *āhanjīdan*, *hextan*, —with another, abstract semantic development, if compared to *āhang*<sup>1</sup>.

**āhanjīdan** [Nāṣir Xusrav] ‘to pull’, also *āhaxtan*, cf. *āhang*<sup>2</sup>; MPrs. *āhanjīdan* [’hncytn] more archaic *āhixtan* [’hhtn] < \**ā-θanjā-*, √*θang-*: Khot. *thamj-* ‘to draw’, Av. *θanj-* ‘to pull’, OInd. *TAN̄C-* ‘to cause coagulation, to draw together’, *TAN*<sup>1</sup> – ‘to stretch’; cf. *farhaxtan*, *pālhang*, *sarhang*. Horn 1893: 14–15; Horn 1901: 126–27; Hübschmann 1895: 10–11; Bartholomae 1899: 192; AIW: 784–85; Nyberg 1964–74: 10; Bailey 1979: 148a; MacKenzie 1971: 6; Xāleqī 1977: 70–77; EWAia I: 614–15, 618–19.

**āhār**<sup>1</sup> [Unṣurī] ‘starch’ also *āhar* < \**ā-hāra-*, cf. OInd. *sāram* ‘firmness, strength, hardness’: Mayrhofer (KEWA III: 461) adduces Thieme’s explanation of the Indian word: “Essenz, das was einer Sache ihre Kraft und ihr Wesen gibt” (1954: 562, fn. 2), which would perfectly match with the Persian word as well.

**āhār**<sup>2</sup> [?] ‘food’, with Parth. ’*h*’*r* and Sogd. ’’*h*’*r* borrowings from OInd. *āhāra-* ‘das Zusichnehmen der Nahrung; Nahrung’. Böhtlingk&Roth 1855–75 I: 748–49; Henning 1977 I: 512.

**āhista** [Nāṣir Xusrav] ‘slow, gentle’. Horn explained it as \**ā-hasta-* (√*had-* ‘to sit’, cf. *nišastan*, Horn 1901: 84); it is semantically more convincing to connect it to OInd. *sāsti* ‘is inactive’, Av. *haṇuharə-stat-* ‘der im Verborgenen sich befindet’, AIW: 1167; KEWA III: 449.

**āhmand** [Asadī] ‘a liar’, also *āhōmand* [VR], a derivative of *āhō*.

**āhō** [Abū Šukūr] ‘a defect, a fault’ MPrs. *āhōg* [’hwk, Man. ’’hwg] < \**āh(i)-va-*: if ‘pollutedness’ is assumed as its original meaning, comparable to Av. *āhita-* ‘verunreinigt’, OInd. *āsita-* ‘dark-coloured, black’. AIW: 345; MacKenzie 1971: 6; EWAia I: 146; suffix *-ō*, cf. Horn 1901: 185.

**āhū** [Rūdakī; cf. *davīdan*] ‘a gazelle’, Kurd. *ask*, MPrs. *āhūg* [TYB’, ’hwk, Man. ’(’)hwg], Khot. *āska*, Sogd. ’’*s*’*wk*, all < \**āsuka-*, Av. *āsu-* ‘schnell, rasch’, OInd. *āsú-* ‘quick’. Horn 1901: 93; Hübschmann 1895: 11; AIW: 338; MacKenzie 1971: 7; Xāleqī 1977: 77–78; Teubner 1974: 301; Bailey 1979: 28a; EWAia I: 179–80.

**āhūn** [Nāṣir Xusrav, Asadī] ‘a cavern’, very probably a borrowing from Khot. *āho* ‘hole’, √*xau-* / √*kau-* ‘to form a hole’, also

in Osset. *k'oskă* 'niche, hole in the wall' (for other connections cf. Абаев 1958–95 I: 642–43); cf. OInd. *kóśah* 'cask, coop, cupboard, treasury'. Bailey 1979: 30b–31a, 63b–64a; EWAia I: 403–4.

**āṅang** [FZT] 'a wrinkle' v. *ažang*.

**āṅastan** 'to plant a tree, to fix a pale, to erect a stone' [Vullers and LN contain only a reference to FŠ; however, *nav-āṅasta* 'recently planted' is attested by many sources, beginning with LF, cf. LN XLV: 818]; from \**ā-* and *yat-*, Yaghn. *yat-* 'to be placed', Av. *yōiθamā* 'wir haben den Platz eingenommen', YAT- 'se mettre en place', cf. OInd. YAT- 'appoint to one's proper place'. Horn 1901: 142; Livshits apud Андреев&Пещерева 1957: 365; Kellens&Pirart 1988: 2.290 (AIW: 1237–38); EWAia II: 394–95; Kellens 1995: 46.

**āṅīdan** 'to quilt', v. *āžīdan*.

**āṅīl** [LN] 'dried fruits or nuts', could be a popular borrowing (and forgotten) from Arab. '*aṅīl* 'rassemblé, réuni', Biberstein&Kazimirski 1860 I: 14.

**āṅīn** [Fird.] 'hurted, pierced', *-a* substantivized praesent base of *āṅīdan*, *āžīdan*.

**āṅjul** [Rūzbihān] 'eructation, flatulency' < \**ā-ṅrta-*, to *√gar-* 'to swallow' with the praefix \**ā-* which inverts the direction of the action as in \**ā-gam-*, cf. *āmadan*; the root is attested in Av. *aspō.gar-*, *nərə.gar-* '(Rosse, Männer) verschlingend', Afgh. *ṅarāi* 'glutton', OInd. *GAR*<sup>12</sup> 'schlingen'. AIW: 219, 512, 1072; EWAia I: 469–70.

**āk** [Sūzanī] 'a defect, a calamity'; it was thought (LN II: 141–44) that this word was 'extracted' from *Dahāk*, the Persian name of the dragon *Aži Dahāka* (v. *Aždahā*), through the interpretation 'ten bad qualities': "*dah āk*"; etymological connections are not in favour of this explanation, they rather indicate to direct Iranian etymology, though a "learned" Zoroastrian borrowing can not be excluded, cf. MPrs. *ak* ['k], Av. *ayō*, *axti-*, *aka-* 'schlecht, übel, böse', OInd. *āka-* 'pain', but also Khot. *āchai* 'disease, illness'. Horn 1901: 22; AIW: 44–45; Henning 1977 II: 31; MacKenzie 1971: 7; Bailey 1979: 16b; EWAia I: 39.

**ākaj** [Unṣurī] 'kind of a hook', also *ākanj*, *āgaj*. cf. *kaj* 'crooked' and Sogd. '*kšyc*'. Horn 1901: 63; Henning 1977 II: 31.

**ākasa** [Sūzanī] 'suspended, hanging', because of *-s-* rather an East Iranian borrowing, *√kas-* 'to adhere', cf. Khot. *akašta-* 'unattached', *pacašta-* 'suspended', Osset. *nyxasyn* 'adhere, stick together'; further connections not yet clear. Bailey 1979: 57a; Абаев 1958–95 II: 220–21.

**ākup** [Xusravānī] ‘the inside of the mouth (referring to a monkey)’, difficult to explain: maybe akin to *kafīdan* ‘to break, to burst’, semantically comparable to Arm. *beran* ‘mouth’, which is connected to Gr. φάραγξ ‘cleft, ravine’, φάρυγξ ‘throat’; as to its sound shape, the word could have had the same destiny as *kūp* ‘mountain’; cf. also *kap*, *kab*. Buck 1949: 228; Kellens quotes *KAMP*- ‘vibrer’ (1995: 14).

**āl<sup>1</sup>** [Farruxī] ‘dull red’, a Turk. borrowing, cf. Uigh., Chag. etc. *al* ‘hochrot’, MTurk. *āl* ‘orangefarbiger Brokat’. Räsänen 1969–71: 14b; Doerfer 1963–75 II: 94–95; Brockelmann 1928: 6; Севортян 1974: 125–26 (has some vague indications about the “coincidence of a Turkish and a Indo-European roots”).

**āl<sup>2</sup>** [Daqīqī] ‘offspring, dynasty’, frequently not recognized as an Arabic borrowing; cf. Biberstein&Kazimirski 1860 I: 69: *āl* ‘race, dynastie’, to √’-w-l ‘arriver, parvenir à un lieu, à quelque chose’, *ibid.*, pp. 69–71.

**ālāš** [LN] ‘the beech’, also *alāš*, *alaš* (Wollastone): Henning (1977 II: 577) explains these words of Tālišī origin, together with *rāš*, which comes from Gīlanī, but “has now been adopted as standard Persian”, deriving them from √*raxš*- ‘red’; another derivate of the same root is *ālās* [Sirāju-d-Dīn Rājī] ‘a live coal’; v. *raxš* ‘a mixture of red and white’, — the colour of Rustam’s horse Raxš. Bailey 1979: 362a.

**ālēxtan** [Abū Šukūr] ‘to rear, to kick’, praes. *ālēz-*; one of the few Persian words preserving IE \**l*: Mayrhofer (EWAia II: 459) supports the old (Jaba 1879: 384) connection of this word with Goth. *laikan*, OEng. *lācan*, Lith. *laigyti*, and insists on keeping it apart from OInd. *REJ-* ‘to cause to tremble’, cf. *larzīdan*; Kurd. *līstin* ‘to play’ [Farīzov] could be a cognate of *ālēxtan*. Horn 1893: 11; Horn 1901: 134; Xāleqī 1977: 50; Bailey 1979: 364a.

**ālōh** ‘eagle’, also *āluh*, *alōh* [TBaləamī], *aluh*, Kurd. *êlo*, *hulî* [Rizgar], MPrs. *āluh* [’*lwh*, Man. ’’*lwf*] < \**arzifya-*, a kind of a vrddhi as compared to \**rzifya-* which is represented by OPrs. \**rdifya* [Elam. *ir-tup-pi-ia*, Gr. ἄρξιφος (\*ἄρξιφος) ἀετός], Av. *ərəzifūa-*, OInd. *rjīpya-*; AIW: 354; Horn had connected *ālōh* to Gr. ὄρνις that was not accepted by Hübschmann. Horn 1898: 10; Hübschmann 1895: 8; Nyberg 1964–74: 14; Henning 1977 I: 559; MacKenzie 1971: 7; Xāleqī 1977: 48–50; Schmitt 1970: 67 Anm. 19; EWAia I: 250–51.

**ālūftan** [Vullers: FŠ and BQ; FZT: «Āyin-i Nigāriš»] ‘to rage; to be afflicted’, only the participle *ālūfta* is attested; one of the words that seem to continue IE \**l* and have a rather exclusive counterpart in



Ancient Indian, cf. OInd. *LOBH-* ‘to be confounded, to desire eagerly’; Abayev related Osset. (Digor) *ilivd* ‘unhappy, poor’ to the same root (< \**vi-lufta-*, Абаев 1966: 9–14, cf. Абаев 1958–95 I: 543); all of that could however be misleading, – if the word is a borrowing from Sogd. ’’*δwβ-* ‘to fasten a quarrel’ (Gershevitch 1954: 68 §453), √*dub-* is attested, e.g., in Germanic: ON *dubba*, OEng. *dubbian* ‘zum Ritter schlagen’. IEW: 268; KEWA III: 107–8, EWAia II: 483–84.

**āluydan** [Rūdakī] ‘to become angry’, maybe connected to *āruydan*; if *aryanda* is a praesent base derivative, then probably *āruyda* < \**ā-ry-ta-*, as a past participle. Horn 1901: 56; Mo`in 1979 I: 32.

**ālū** [Naṣir Xusrav] ‘a plum’, also *hūlū*, MPrs. *ālu* [Junker 1912: 51]; the word is likely to be an ancient ‘Kulturwort’ (other forms of it could be seen in Gr. ἤλα (Seleucos the Glossator), Germ. *Ahl*, Pauly-Wissowa 1893–1980 XIX: 1458, Hehn 1870: 376–81, Schrader apud Hehn), though its provenience remains obscure [\**\*ēlāβa-* in some unknown ancient Near Eastern language?]; less probable is the connection to IE \*√(s)laj<sup>3/4</sup>- ‘blue, blueish’, with only the second root-increment remaining (cf. IEW: 965) or the reconstruction of IE \*√*ēl-*.

**ālūdan** [Farruxī] ‘to defile, to pollute’, praes. *ālāy-*, MPrs. *ālūdan* [*lwtn*, praes. ’*l’d-*, Man. ’*rwd-*, – with an ‘inverse’ *-d-*, reconstructed to adjust the past stem]: \**ā-lāvayāmi* : \**ā-lūta-*; *-l-* is here in variation with *-r-*, cf. Osset. (Digor) *rugä* ‘dust’, MPrs. *rwd* ‘rascal’, Khot. *rrumä* ‘dust, mud’, √*r/lav-* probably lost in Indo-Aryan; for IE connections cf. Gr. λῦμα ‘dirt’. Horn 1893: 10; Horn 1901: 130; Hübschmann 1895: 8, 136; Henning 1977 I: 567; MacKenzie 1971: 7; Xāleqī 1977: 47–48; Абаев 1958–95 I: 56–57, II: 443–44; Bailey 1979: 366b; IEW: 681.

**āmadan** [Rūdakī] ‘to come’, pres. *āyad*; MPrs. *āmadan* [*YTWN-tn*, Man. ’*mdn*, praes. ’’*y-*], also *madan* [*mtn*, Man. *mdn*]; the praesent and the past of this verb are suppletive: past *āmad* < \**ā-γm-ata-*, cf. OPrs. *ha<sup>m</sup>-gm-ata-* ‘assembled’, *parā-gm-ata-* ‘went forth’ (which are forms of an ancient participium necessitatis, whereas other Iranian languages have traces of the part. perf. pass. \**ā-ga-ta-* < *ā-gm-ta-*: Parth. ’*gd*, Khot. *āta-*, Avestan has both *gata-* and *γamata-*, Schmitt 1989: 80), √*gam-* ‘to go’, OInd. *GAM-* ‘to move, to come, to go’; praes. *āyad* < \**ā-ayati*, cf. Av. *ā-ay-* ‘adire’, √*i-*, OInd. *AY<sup>l</sup>-* ‘to go, to reach’. Horn 1893: 11–12; Horn 1901: 132; Hübschmann 1895: 8; AIW: 150; Brandenstein&Mayrhofer 1964: 120; Kent

1950: 183; Nyberg 1964–74: 15, 129; MacKenzie 1971: 7, 53; Xāleqī 1977: 53; EWAia I: 102, 465–66; Kellens 1995: 12, 18–19.

**āmana** [Sōzanī] ‘split wood’, also *amana*: maybe, a loanword from Arabic, cf. Arab. *amāna* ‘objet confié en dépôt’, Biberstein& Kazimirski 1860 I: 57.

**āmādan** [Rūdakī] ‘to arrange, to prepare’, also *āmūdan*; cf. Osset. *amajyn* ‘to construct, to arrange’, Sogd. *āmate* [Chr. ’*mty*, Man. ’’*m’ty*] ‘prepared, ready’, Av. *ā* +  $\sqrt{mā(y)}$ - ‘Befähigung anweisen, sich als tüchtig erproben’, OInd. *MĀ*<sup>2</sup>- ‘to measure’. Horn 1893: 11; Horn 1901: 129; AIW: 1165–66; Gershevitch 1954: 3 §14; Абаев 1958-95 I: 49; Xāleqī 1977: 51–52; EWAia II: 341–43; Kellens 1995: 44.

**āmāj**<sup>1</sup> [Sōzanī] ‘a plough’ < *\*ā-māta-čī*, cf. Yazdī *mātk* id. (FBehdīnan has *mātak* ‘a rod in the construction of a yoke’), MPrs. *āmāxšēh* [’*m’xšyh*] ‘harnessed’, Khot. *masarīka* ‘mattock’ (< *\*mat-s*), Av. *upa maitīm* ‘auf dem Scholtenknüppel’ (V.3.20), Arm. (Iranian loanword) *mač* ‘plough-handle’, OInd. *matya-* ‘a kind of a harrow’; Bartholomae did not recognize the voicing of intervocal *\*-tč-* (after the syncope of *-a-*) and therefore could not accept the connection of *āmāj* and *mātk* (1890 II: 24 note 2). Horn 1893: 11; Horn 1901: 73; Henning 1977 I: 141; Xāleqī 1977: 50–51; Bailey 1979: 326ab; Hoffmann apud Humbach 1961: 103 Anm.1; EWAia II: 297.

**āmāj**<sup>2</sup> [Farruxī] ‘target, butt’ is probably another word (cf. *āmāj*<sup>1</sup>) and may contain  $\sqrt{mā(y)}$ - ‘to measure’, cf. *āmādan*.

**āmār** [Rūdakī] ‘calculation’, MPrs. *āmār* [’*m’r*], < *\*ā-hmāra-*, cf. *mār*, *hamār*, *šumārīdan*. Horn 1893: 11; Horn 1901: 102; Bailey 1930–32: 65–66; Nyberg 1964–74: 15; MacKenzie 1971: 7; Xāleqī 1977: 52.

**āmās** [Nāsiri Xusrav] ‘swelling’, also *āmāh*, < *\*ā-δmāsa-*,  $\sqrt{dmā-}$ / $\sqrt{dam}$ <sup>3</sup>- ‘to swell’, cf. Sogd., Khwar. *δm’s-* ‘aufschwellen, kräftig werden’, OInd. *dhmāta-* ‘blown up’, *DHAM*<sup>1</sup>- ‘to blow’; cf. *damīdan*. Horn 1901: 93f; Gershevitch 1954: 318; Henning 1971: 15a; Samadi 1986: 65; EWAia I: 775.

**āmēxtan** [Unsurī] ‘to mix’, pres. *āmēz-*, subst. *āmēy* ‘mixture; copulation’; MPrs. *āmēxtan*, *āmēz-* [’*myhtn*, ’*myc-*, Man. ’*myxtn*, ’*myz-*], Parth. *āmēxt* [’*myxt*], *āmēxtay* [’*myxtg*] ‘mêle’; Persian and Parthian words come directly from  $\sqrt{maik-}$ / $\sqrt{maič-}$ , whereas other Indo-Iranian forms require  $\sqrt{mik-s-}$ , cf. Av. *mīšti* ‘together ← mixed up’, OInd. *MEKṢ-* ‘to mix’ (Parthian has also intr. *āmēxs-* [’*myxs-*] ‘être mêlé’). Horn 1893: 12; Horn 1901:134; AIW: 1187; Ghilain

1939: 81; Nyberg 1964–74: 15; MacKenzie 1971: 8; Xāleqī 1977: 56–59; EWAia II: 373–74; IEW: 714.

**āmila** [Naširi Xusrav] ‘myrobalan’, arabized *āmulaǰ*, Vullers glosses it as ‘fructus Phyllanthi Emblicae’ and regards it as an Indian borrowing (1855–64 I: 52–53), cf. OInd. *āmalaka*- ‘Myrobalanenbaum, Emblica officinalis’ (Böhtlingk&Roth 1855–75 I: 670), cf. also FTZ I: 88.

**āmōxtan** [Abū Šukūr] ‘to learn’, pres. *āmōz-*, MPrs. *hammōxtan* [’LPWN-tn, *hmwhtn*, praes. *hmwc-*, *hmwz-*, Man. *hmwxtn*]: Modern Persian and Middle Persian forms obviously have different prefixes, respectively \**ā-* and \**ham-*; cf. also Sogd. *mwck* ‘teacher’; Nyberg compared OInd. *muñcati* ‘to let loose’ and explained MPrs. *hammōxtan* as ‘to give out (knowledge) from oneself’; Prs. *āmōxtan* would then be ‘to attract (knowledge) to oneself’; cf. Av. *fra-muxti-* ‘untying, releasing’, OInd. *MOC-* ‘to let loose’; v. *mōza*. Horn 1893: 12; Horn 1901: 135; AIW: 988; Nyberg 1964–74: 15; Gershevitch 1954: 147 967; MacKenzie 1971: 41; Xāleqī 1977: 54–56; EWAia II: 382; Kellens 1995: 45.

**āmury** [Abū Šukūr] ‘somewhat; quantity; value’ < \**ā-(h)mr-ka*, for review of derivatives of \* $\sqrt{(h)mar}$ - cf. Bailey 1930–32: 65–66; cf. also *āmār*, *šumurdan*.

**āmurzīdan** [Baihaqī] ‘to forgive, to pardon’, MPrs. *āmurzīdan* [’mwlcyn, Man. ’mwrzyd] < \**ā-mrǰ-*, simplified from \*\**-mrǰd-* [*mrd d-*], Parth. *amūžd* [’mwjd] ‘mercy’, Khot. *mulysdi* ‘favour, mercy’, Av. *mərəždā-* ‘to pardon’, OInd. *MARD-* ‘to be merciful, to pardon’ < \**maržd-*; cf. *mālīdan*. Horn 1893: 12; Horn 1901: 133; AIW: 1152–53, 1175; Nyberg 1964–74: 16; MacKenzie 1971: 8; Bailey 1979: 338ab; Boyce 1977: 11; Xāleqī 1977: 53–54; EWAia II: 326–27; Kellens 1995: 44.

**āmūdan** [Daqīqī] ‘to mix; to prepare’, a variant of *āmādan*, with *-ū-* < *-ā-* influenced by the labial.

**āmūt** [Munǰik] ‘the nest of a bird of prey’, probably a Saka loanword, cf. Khot. *āmatā-* ‘dwelling place’ < \**āhāmatā*, change of stress and lengthening are to be assumed: *āmatā* [*āmaδ*] > \**āmát* > \**āmāt* > *āmūt*, *-mā-* > *-mū-* as in *āmūdan*];  $\sqrt{āh}$ - ‘to sit, to dwell’, OInd. *ĀS-* ‘to sit, to remain’. Bailey 1979: 19; EWAia I: 181; Kellens 1995: 12.

**ān<sup>1</sup>** [Rūdakī] ‘that’, MPrs. *(h)ān* [ZK, ’n, Man. *h’n*]; rather to Av. *ana-* ‘this’ (Horn), than to *anya-* ‘another’ (Nyberg), that would have produced an umlaut or palatalisation (cf. Bactr. *EIIO*, Khot. *aña*); cf. OInd. *ana-*; the vowel length remains however unexplained: the Middle and New Persian pronoun could be a combination of \**ha-*

and *\*ana-*, stem conglutinations are characteristic for pronouns; cf. Av. *ha*<sup>1</sup> ‘this’, OInd. *sa* ‘that’. Horn 1893: 12–13; Horn 1901: 119; AIW: 112–14, 135–38, 1718–1727; Nyberg 1964–74: 16; MacKenzie 1971: 8; Bailey 1979: 2a; Xāleqī 1977: 59–41; KEWA III: 410, EWAia I: 69.

**ān**<sup>2</sup> [Sanā’ī] ‘intellect, grace, elegance’, seems not to be a separate word, but a metaphorical use of *ān*<sup>1</sup>; to explain it Steingass ingeniously quoted an Italian phrase: “un certo non so che”.

**āndūn** [Farruxī] ‘there, then, thus’; a parallel formation to *ēdūn*, influenced by *ān*<sup>1</sup>.

**ānīn** [LF] ‘churning implement’ < *\*ā-nai-na-*, cf. Xufī *paynīdz* ‘churn, large clay jar’, Kurd. *nīvisk* ‘butter’, Šugh., Yazg. *nay-* ‘to churn’, Khot. *nīyaka-*, OInd. *nava-nīta-* ‘fresh butter’, also MPrs., Prs. *panīr* ‘cheese’: *nay-* ‘to churn’. Bailey 1979: 184b; EWAia II: 25–26.

**ārang**<sup>1</sup> [Asadī] ‘grief; deceit’ < *\*ā-ranga-*, cf. *ranj*.

**āranj** [Abū Šukūr] ‘the elbow’, also *ārang*<sup>2</sup> [Manšūr-i Sērāzī], *āran* [Āyājī], also *araš* [Fird.] ‘cubit’; MPrs. *āranj* [‘lanč’], *arišn* [‘lšn’] ‘cubit’, OPrs. *arašni-*, cf. Kurd. *enīšk* [Farīzov], Yidya *razən*, Sarīkolī *yorn*, Osset. (*ārm*) *ārin* ‘cubit’, Pāzand *arəθ*, Sogd. *’r’ync* ‘cubit’ < *\*araθnika-* (Henning apud Gershevitch), Khot. *\*arina-* [LS *arniñe*], Av. *arəθna-*; Persian words come both directly from *\*āraθna-* or from *\*āraθna-čī-*, *\*āraθna-ka-*; OInd. *aratnī-* ‘elbow’, hence also *ārtnī-* ‘the end of a bow, the place where the string or sinew is fastened’. Horn 1893: 5; AIW: 196; Brandenstein & Mayrhofer 1964: 104; Nyberg 1964–74: 29; Gershevitch 1954: 39 §247; MacKenzie 1971: 11; Bailey 1979: 8a; Xāleqī 1977: 16–17; EWAia I: 109, 174.

**ārām** [Daqīqī] ‘quiet’, cf. MPrs. *rām* [‘l’m, Man. r’m] ‘peace’, *rāmišn* [‘l’mšn, Man. rmyšn] ‘peace, ease, pleasure’, Osset. *rāmun* ‘to stand, to remain’, *ūromyn* ‘to stop’ (< *\*aav-rāmaya-*), Sogd. *r’mnd* ‘always’, Khot. *ram-* ‘to rejoice’, Av. *arāmaiaṭ* ‘er erfreute’, OInd. *RAM-* ‘to become quiet, peaceful, to rest’; cf. *rām*, *rāmiš*; Horn 1893: 5; AIW: 1511; MacKenzie 1971: 70; Bailey 1979: 358ab; Xāleqī 1977: 15; Gershevitch 1954: 5 §45; Абаев II: 374–75, IV: 17–18; EWAia II: 435–36; Kellens 1995: 56.

**ārāstan** [Rūdakī] ‘to adorn, to embellish; to set in order’, praes. *ārāy-*, MPrs. *ārāstan* [‘l’stn], Av. *rād-* ‘(sich) bereit machen’, cf. Khot. *trāy-* ‘to save’ < *\*ati-rād-*, OInd. *RĀDH-* ‘to achieve, to prepare, to satisfy’. Horn 1893: 4–5; 1901: 138; AIW: 1520–21; Nyberg 1964–74: 29; MacKenzie 1971: 11; Bailey 1979: 143b–144a; Xāleqī 1977: 14; KEWA III: 54, EWAia II: 448; Kellens 1995: 57.

**ārāziš** [LN I: 60, as Vullers, to BQ] ‘bounty, charity, alms’, as Osset. *arazyn* ‘to direct, to construct’ < \**ā-rāz-*, v. *rāst*, *afrazīdan*. Cf. Horn 1893: 4 (‘unbelegt!’); Абаев I: 57–58; Xāleqī 1977: 13 (‘bedūne šāhed’).

**ārd** [Nāšir Xusrav] ‘flour’, Afgh. *oṛə*, MPrs. *ārd* [*KHM*’, ‘*lt*], Khot. *āda-* < \**ārnata-* (praes. \**ar-nā-*), cf. *ārr-* ‘to grind’, Av. *aša-*<sup>4</sup> ‘gemahlen, vom Gtreide’; √*ar-* ‘grind’, probably also in OInd. *aṭta-* ‘dry’? v. *ās*, *āsyā*, *yāvar*. Horn 1901: 23; Hübschmann 1985: 134 (§10b); AIW: 239; MacKenzie 1971: 11; Bailey 1979: 17a, 23a; Xāleqī 1977: 16; KEWA III: 626.

**ārē** [Fird.] ‘yes, indeed’, probably an interjectionalized adverb, to MPrs. *āwar* [*LPNM*’, Man. ‘*wr*] ‘hither! come!’, Av. *auuar* ‘hinab’, OInd. (RV) *avár*, *avás* ‘below, downwards’ (to *áva*). Horn 1893: 5–6, 1901: 165; AIW: 176; Nyberg 1964–74: 36; MacKenzie 1971: 13; Xāleqī 1977: 18; EWAia I: 132.

**ārēy** [Nāšir Xusrav] ‘aversion; hatred’, OPrs. *araika* ‘schlecht, treulos, abtrünnig’, OInd. *alīká-* ‘falsch, unwahr (about serpents)’; cf. Sogd. *ryk* ‘evil, unpleasant’ and *rēy*; Bailey postulated for these words √*ar-* ‘to be wild’ (IE √*al-*) and explained therewith such words as MPrs. *arak* [‘*rk*, Pazand *hala*], Sogd. ‘*r*’*k*, Osset. *ārra* ‘wild, mad’ and connected them with Gk. *ἀλαίνω* ‘to sweep around’, Lith. *aliōtis* ‘be foolish, mad’ (Bailey 1961: 476). Horn 1893: 6; Brandenstein&Mayrhofer 1964: 105; Xāleqī 1977: 20–22; EWAia I: 128.

**ārōy** [Labībī] ‘belch’ < \**ā-rauya-*, cf. Munji *yōruya* ‘eructatio’, Afgh. *ar̄yai* id. (< \**ā-rux-š-*), Khwar. *wzrz̄y-* ‘rülpsen’ (< \**uz-ruj-ya-*), Khot. *rūjai* ‘bursting, ejecting’, Av. *kuruya-* ‘böse Krankheit’, √*raug-* ‘to emit (painfully)’: probably to OInd. *ROJ-* ‘to break’ (for semantics cf. Germ. *erbrechen*), *ruj-* ‘pain, illness’. Horn 1893: 5; Bartholomae 1890, II: 134; Bailey 1979: 365b; Xāleqī 1977: 17–18; Schmidt 1987: 358 (following Schwyzer 1929: 113); Samadi 1986: 229; KEWA III: 64–65, EWAia II: 465.

**āruydan** [Rūdakī] ‘to be, to become angry’, probably *akin* to *āluydan* [Rūdakī]; could be a Soghdian borrowing, with a special semantic development, cf. Sogd. ‘*r*’*wyt̄ky*’ ‘greed’, ‘*r*’*wyt̄-* ‘to desire’ (past stem), Khot. *rrautā-* ‘desire’ (< \**rauxtyā-*), √*rauk-* for which ‘to please’ is a secondary meaning, the primary one being ‘to shine’ (cf. *rōšan*): thus Mayrhofer also about OInd. *ROC-*. Horn 1901: 149: ‘verlesen aus arganda’; Gershevitch 1954: 84 §539; Bailey 1979: 24a, 369b; EWAia II: 463–64.

**ārzō** [Nāšir Xusrav] ‘desire, strong wish’, MPrs. *ārzōg* [‘*lcwk*], Man. *āwarzōg/γ* [‘*wrzwg*], Parth. *āwarzōg* [‘*wrjwg*] < \**ā-varz-ava-* *ka-*, Khot. *aur̄sa* < \**ā-varza-*, cf. Osset. *uarzyn* ‘to love’, Av. *varəz-*

with the prefix  $\bar{a}$ -: ‘jemanden durch sein Wirken herzubringen, zu gewinnen suchen’;  $\sqrt{\text{varz-}}$  ‘to work’, ‘to enchant by magic power’, ‘to love’ (‘agir’), v. *varzīdan*; here the Ossetic verb is decisive to prefer the connection with  $\sqrt{\text{varz-}}$  to  $\sqrt{\text{barg-}}$  (Henning, cf. Bailey 1967: 36–7); only late Indo-Aryan words represent *\*varjati*: Bashkarik *baj-* ‘to do’ and Khowar. *bałéik* ‘to overcome’; Sogd. Buddh. *’br̥ys-* ‘être lubrique, en chaleur’ (Gauthiot 1914–1929: 71, 75), Man. *’br̥xsyy* ‘dissoluteness’ (Gershevitch 1954: 2 §5) are not necessarily connected to *ārzō*. Horn 1901: 185; AIW: 1374–78; Henning 1977, 1: 372; MacKenzie 1971: 11; Bailey 1979: 48a; Абаев IV 53–54; Turner 1962–66: 660; Kellens 1995: 51; IEW: 1168–69.

$\bar{a}s^1$  [Xāqānī] ‘mill, millstone’, *āsyā* [Labībī] id., Kurd. *aš* ‘mill’, MPrs. *āsyāb* [’sy’p] ‘(water-) mill’, *āsyāg* [’sy’k] Parth. *’s* ‘mill(-stone)’, Khwar. *’rθ* ‘Mühlstein’ (Eilers quotes NW *ār* ‘mill’), all to *\*ār-θra-*; the derivatives obviously come from *\*ās-ī āp* ‘water-mill’; the disappearance of final *-p* preceded the addition of a *-k/g-* suffix;  $\sqrt{\text{ar-}}$  ‘to grind’, cf. *ārd*; this explanation proposed by Bailey is semantically better than Horn’s proposal to connect the ‘mill’-words to Av. *asan-*, *asman-* ‘stone’. Horn 1893: 7, 1901: 8; Henning 1977, 2: 52; MacKenzie 1971: 13; Eilers 1974: 312; Bailey 1979: 22a; Xāleqī 1977: 26–27; Benzing 1983: 77; cf. Buck 1949: 363.

$\bar{a}s^2$  [Zamaxšarī, also BQ] ‘ermine’, a Turkish word, cf. MTurk., Chagai *as*, Chuvash *jos* etc. Räsänen 1969–1971: 28b; Brockelmann 1928: 13; Doerfer 1963–1975, II: 57–58.

*āsa* [Munjik] ‘tillage, field ready for sowing’, could be traced to *\*ār-θra-ka-* and regarded as a rare Indo-Iranian survival specimen of IE *\*√ar-* ‘to plow’; *āsar* [also Munjik, after LN] would be a dialect variant; cf. Arm. *arawr*, Toch. AB *āre* ‘plough’ etc., cf. IEW: 62–63.

$\bar{a}sā^1$  [Kīmyā-yi Sā ādat] ‘pacifying; yawning’, v. *āsūdan*, *asā*.

$\bar{a}sā^2$  [Ašjadī] ‘manner, rule; embellishment; gravity; alike’ v. *sān*. Horn 1893, 7: 154; Xāleqī 1977: 27–28.

*āsaydan* [Rūdakī] ‘to prepare, to construct’ < *\*ā-saxta-*,  $\sqrt{\text{sak-}}$ , cf. Khot. *āsā* ‘kept in memory’ (< *\*ā-sāxta-*), Av. *ā* + *sak*<sup>1</sup>- ‘dem Ged chtnis einpr gen’ (i.e. Avestan and Khotanese have mentalized the semantics), v. *sāxtan*, *sāzīdan*, *pasayda*; *-γd-* < *-\*xt-* would seem to indicate East Iranian provenience: Soghdian has *-s(’)γt-* with different prefixes, e.g. Man. *ptsyty* ‘arranged’; cf. also *āsūyda* ‘half-burnt’, which has a similar relation to *sōxtan*. AIW: 1552–53; Gershevitch 1954: 77 §509; Bailey 1979: 28a.

*āsān* [Fird.] ‘easy’, MPrs. *āsān* [’s’n]: ‘at rest, easy, peaceful’, v. *āsūdan*, SW  $\sqrt{\text{sā-}}$  < *\*√t̥s̥uā-* ‘to rest’ (probably *\*√t̥s̥um̥-*, cf. also OInd.

*śāmyati* ‘to be quiet’, *ŚAM*<sup>1</sup> -: an archaic alternation *-\*m-/-\*u-* (?), v. *farasp* ‘cushion’ (NW); Horn (and Xāleqī) discusses s.v. *āsān* the second part of compounds like *xurāsān*, which has the meaning ‘rising’. Darmesteter 1883, II: 134; Salemann 1887: 238; Nyberg 1964–74: 31; Henning 1977, I: 240; MacKenzie 1971: 12; Bailey 1930: 16, 1979: 185ab; Xāleqī 1977: 28; EWAia II: 610–11.

**āsēb** [Unṣurī] ‘trouble, hurt’, maybe < *\*ā-saima-* (with denasalization), cf. Khot. *sima* ‘horrific’, Sogd. Buddh. *sym* ‘confused, trouble’, Av. *sima-* ‘Greuel, Grauen erweckend, greulich’, √*sai-*; cf. OInd. *śīmyu-* ‘aggressive, strenuous; personal name of a king hostile to Indra’, *śīmidā-* ‘female monster’ (IE \*√(s)kai- ‘to trouble’, hence words like Gk. *σκαίος* ‘unfavorable, left side’); v. *āsēma*. AIW: 1580; Bailey 1979: 425b; EWAia II: 637–38.

**āsēma** [Fird.] ‘confused’, also *āsēvan* [Munjīk], probably connected with *āsēb*, these words and their relation resemble greatly Sogd. Buddh. *symh* and *sym’w’k* ‘terror’ Gershevitch wondered why these Soghdian words show no palatalization (*\*šy’*): maybe they were pronounced *\*sē* or even *\*sai*, that would bring them closer to the Persian words, which could simply be Soghdian borrowings; the suffix *\*-aka-* must have joined *\*ā-saima-* before the supposed denasalisation, suffix *-van-* conceals the preceding consonant. Gershevitch 1954: 56 §374<sup>1</sup>, 165 §1081.

**āsmān** [Rūdakī] ‘sky’, MPrs. *āsmān* [’sm’n], Sogd. *sm’n*, Khwar. ’*sm*, ’*sym*, OPrs., Av. *asman-*, OInd. *ásman-*; Horn 1893: 8; 1901: 85; AIW: 207–208; Reichelt 1913: 23–57 (discussing the relation of the notions ‘sky’ and ‘stone’); Brandenstein&Mayrhofer 1964: 107; Nyberg 1964–74: 32; Gershevitch 1954: 12 §88; MacKenzie 1971: 12; EWAia I: 137–38; Xāleqī 1977: 31.

**āstar** [Unṣurī] ‘lining of a garment’, Osset. *astār* id., MPrs. *āstar* [’Tavadia Š-n-Š], Khwar. *āstir* [’styr], Khot. *āštäre* ‘beds’ < *\*ā-star-na-*, as *bistar* ‘cushion; bed’ to Av. *upa.st r na-* ‘blanket’; √*star-* ‘to spread’ is connected with different prefixes (Bailey 1979: 254b–55a), cf. OInd. *STAR*<sup>1</sup> - — ‘to spread, to scatter’, *āstara-*, *āstarāna-* ‘Decke, Teppich’ (Bötlingk&Roth 1855–75 I: 741); Persian has a semantic specialization. Horn 1893: 7, 1901: 171; Hübschmann 1985: 7; AIW: 396; Henning 1977, 2: 489; Абаев I: 77; Bailey 1979: 27b; KEWA III: 517–18; Xāleqī 1977: 30–31.

**āstān** [Nāšir Xusrav] ‘threshold’, also *āstāna* [Rūdakī], Parth. *āstānag* [’st’ng] < *\*arda-stūna-stāna-(ka-)* ‘put (← standing) between columns’, cf. OPrs. *ardastāna-* ‘window-frame, window cornice’, Av. *arəda-* ‘side, half’, v. also *sutūn* and *istādan*. Horn 1893: 7; Henning 1977, 2: 502; Brandenstein&Mayrhofer 1964: 104;

Kent 1950: 171 (explaining *arda-* as ‘light’, to OPrs. *ardata-* ‘silver’); Boyce 1977: 15; Xāleqī 1977: 29–30.

**āstār** [Horn after de Lagarde 1884: Is. 24, 20] ‘sin’, MPrs. *āstār* [’st’l, Man. ’st’r]; probably a “learned” word, to Av. *ā* +  $\sqrt{\text{star}^2}$ - ‘to commit sins’, Gk. *στερέω, στερίσκω* ‘to rob’: there seem to be no Indo-Aryan cognates, cf. however Kati *štārə* ‘thief’. Horn 1893: 7; AIW: 1597; Walde&Pokorny II: 636; Nyberg 1964–74: 32; MacKenzie 1971: 12; Turner 1962–66: 791; Xāleqī 1977: 28–29.

**āstīn** [Fird.] ‘sleeve’, also *āstīm* [BQ] and *āstī* [Fird.]: a frequent word without cognates; it can be compared to Afgh. *lastūnai* which is connected to *lās* ‘hand’: then it is possible to assume *\*δast-an-ya-* > *\*θāstēn* > *astīn* with a loss of the initial consonant as in Taj. dial. *evār* ~ Afgh. *lewar* OInd. *devār-* ‘husband’s brother’; the length of *ā* could be either due to *vrddhi* or compensatory. Cf. Розенфельд 1982: 73; EWAia 743–44.

**āsuydan** [Ma rūfi] ‘to burn half-way’, there is also a “participle” *āsufta* [LN] ‘fire-brand, quenched brand’, all to *suxtan*, cf. *āsayda*; *-yd-* < *-\*xt-* could point to East Iranian origin, cf. Osset. *suydäg* ‘pure’, Sogd. *swyt-*, Khot. *sūta-* ‘burnt’; *-ft-/xt-* cf. *juft*. Horn 1901: 70; Henning 1977, 1: 649; Gershevitch 1954: 115 §750; Bailey 1979: 426b–27a.

**āsūdan** [Fird.] ‘to rest, to pacify’, praes. *āsāyad*, MPrs. *āsūdan* [’swtn, praes. ’s’d- with an ‘inverse’ -d-]; Hübschmann saw here  $\sqrt{\text{sāy-}}$  (OInd. *śāy-* ‘to lie, to rest’) and explained *-ū-* referring to *farmūdan*,  $\sqrt{\text{mā-}}$ : however there is no labial here which could be responsible for such a change, so better to assume Indo-Ar. *\*√t<sup>s</sup>uš-* (cf. *āsān*) with the alternation praes. *\*√t<sup>s</sup>uā-ia*: past partic. *\*t<sup>s</sup>ū-ta-*; Horn 1893: 8; 1901: 130; Hübschmann 1985: 7; Henning 1977, 1: 115, 126, 240; MacKenzie 1971: 12; Bailey 1979: 185ab; Xāleqī 1977: 31–32.

**āš** [Nāšir Xusrav] ‘meal; dish’, MPrs. *āš* [’š] < *\*āš-ya-*, cf. Khot. *hvašā* ‘juice from meat’ (< *\*hu-ašyāka-*), Av. *āsit-* ‘geniessend’,  $\sqrt{\text{as-}}$ , OInd. *AŠ<sup>1</sup>-* ‘to eat’. Horn 1893: 8, 1901: 87; AIW: 338; Nyberg 1964–74: 33–34; Xāleqī 1977: 32–33; Bailey 1979: 505a; EWAia, I: 136.

**āsūδ** ‘worn out (about teeth)’, MPrs. ’swd. Henning 1977, 2: 24; cf. *suftan* [LH].

**āšām** [Fird.] ‘food, eating’, < *\*ā-čyam-*, cf. Parth. *abšāmah* [’bš’mg], Sogd. Buddh. ’š’m- ‘to drink’, Khot. *tsām-* ‘to swallow’, Av. *šāma-* ‘gulp’ (Kellens: *ŠAM-* ‘avaler’), OInd. *CAM<sup>1</sup>-* ‘to slurp’ (onomatopoetic ?); cf. also *čamīdan*. Horn 1893: 8; Hübschmann



1985: 7; AIW: 1708; Henning 1977, 2: 24; Bailey 1979: 146b; Xāleqī 1977: 33–34; Boyce 1977: 6; EWAia 530; Kellens 1995: 69.

**āškār** [Fird.] ‘plain, apparent’, also *āškāra*, *āškārā*, all these variants attested in ŠN; MPrs. *āškārāg* [’š’k’l(’)k, Man. ’šq’rg]; an ancient compound: its first part is *akin* to Av. *āuuiš* ‘offenbar, vor Augen’, OInd. *āvīś* ‘id.’, the second component contains √*kar-* (v. *kardan*); the same components are found in OInd. *āviškāra-* ‘making visible, manifestation’. Horn 1893: 8; 1901: 24; AIW: 334; Nyberg 1964–74: 34; MacKenzie 1971: 13; Xāleqī 1977: 36–37; EWAia 177.

**āškōb** [Kamāl Ismā’īl] ‘roof’, also *āškōba*, a variant of *āškōb*.

**āškōxīdan** [Rūdakī] ‘to slip, to fall’, seems to be a denominative verb and a remnant of a rare \*√*skau-g-*, cf. Khot. *paškūj-* ‘to stir up, blow up’ < \**pati-skauj-*, whereas Persian \**ā-* has the meaning of another direction of the movement, cf. *aftādan*; -*x-* could indicate that the word (\**ā-škauya-*) is borrowed, probably from an East Iranian language, where normal -*γ* had been devoiced in word-final position; IE √*skeu-g-* is maybe attested by MEng. *schokken* ‘to push’ etc. Bailey 1979: 223b; IEW: 955.

**āšnā<sup>1</sup>** [Rūdakī] ‘an acquaintance’, MPrs *āšnāg* [’šn’k, Man. ’šn’g] ‘known’ < \**ā-(x)šnā-ka-*, √*(x)šnā-*, √*žnā-* (Indoar. \**d’an-* / \**d’nā-*) etc., v. *šinaxtan*. Horn 1893: 8; Henning 1977, 1: 111; Nyberg 1964–74: 34; MacKenzie 1971: 13; Xāleqī 1977: 37.

**āšnā<sup>2</sup>** [Masūd-i Sād] ‘swimming; swimmer’, also *āšnāh* [Fird.] < \**ā-snā-(ka-)*, cf. Wax. *yazn* ‘inflated skin’ (Bailey derives it from \**ā-snā-*, Morgenstierne (1938, II: 195, 555) has another etymology), Av. *ā* + *snā-* ‘to wash’; v. *šinā*. Horn 1893: 9; AIW: 1628; Xāleqī 1977: 37–39; Bailey 1979: 466b.

**āšōγ** [Tartarī] ‘of unknown family or country’: comparable to Arm. *asoł*, Turk. *âşuk* (usually *âşik*, traced to Arab. *âşiq* ‘enamoured’, cf. IA IV: 51–56, I: 184–195), it can be derived from \**ā-š(y)āva-ka-* ‘wanderer, vagabond’, \**š(y)av-* ‘to move, to go’, v. *šudan*; the meaning ‘vagabond, stranger’ permits to understand the name of the famous *ĀšōγΓarīb* as a hendiadys.

**āšōrdan** [LN: Tafsīri Abū-l-Futūḥi Razī] ‘to mix, to mingle’, a secondary infinitive to a praes. *āšōr-* (with analogical vowel lengthening), cf. Khwar. *bs’ry<sup>1</sup>-* ‘umrühren’, √*sar-* ‘to mix’, OInd. *śrīṇāti*; Samadī 1986: 24–25; v. *šōrīdan*.

**āštī** [Abū Šukūr] ‘reconciliation’, MPrs. *āštīh* [’štyh, Man. ’štī], Av. *āxšti-* ‘Friede, Friedensvertrag’, *āxšta-* ‘gefriedet’, probably also OPrs. *axš<sup>a</sup>ta-* ‘unbroken’; then *ā-* acquired its length to compensate the disappearance of the next syllable: \**axšata-* < \**axšṇta-*,

\*√(x)šan- ‘to destroy’, OInd. *KṢAN*<sup>1</sup>- ‘to hurt’. Horn 1893: 8, 1901: 180; AIW: 311; Nyberg 1964–74: 35; MacKenzie 1971: 13; Xāleqī 1977: 34; EWAia 423.

**āšuftan** [Fird.] ‘to disturb or to be disturbed; to become confounded’, praes. *āšōb-*, Bal. *šufay* ‘to thresh; to be angry’ MPrs. *āšōb* [’šwp, Parth. ’šwb] ‘disturbance, turmoil’ (to praes. \**ā-xšaubā-*: past partic. \**ā-xšuf-ta-*), Khot. *ākṣuv-* ‘to start’, Av. *xšaob-* ‘in Aufregung geraten’ (Kellens: ‘frémir’), OInd. *KṢOBH-* ‘to tremble, to become agitated’; cf. *gušuftan*, *šēftan*. Horn 1893: 8, 1901: 136; Hübschmann 1985: 7, 184; AIW: 539-542; Nyberg 1964–74: 34-35; Henning 1977, 1: 91; MacKenzie 1971: 13; Bailey 1979: 15b; Xāleqī 1977: 34–36; EWAia 440; Kellens 1995: 17.

**āšyān** [Fird.] ‘nest, lair’, also *āšyāna* [Labībī], MPrs. *āšyān(ag)* [’šyd’n(k), Man. ’hy’ng]; the older etymology (Nöldeke apud Horn, < \**ā-šáyana-*, cf. Av. *ā* + √*sāy-* ‘to rest’, OInd. *śáye* ‘to lie’, Henning had a similar proposal: \**āθiyāna-*, with IE \**k̂* > Indo-Ar. \**t̂* > SW \**θ*) does not take into account MPrs. -*d-* and requires the syncope of a syllable which should have stress according to rules established by Gauthiot and Meillet; Stackelberg found a more elegant explanation deriving both *āšyān* and Osset. *axston* (id.) from \**āxša-dāna-*, a compound, the first part of which is \**ā-xši-* (?), for the second component cf. *dān* ‘receptacle’ (the Osset. Digor verb *azun* ‘to be kind to smb. etc.’ does not necessarily belong to this word family). Bartholomae 1890, 2: 102; Horn 1893: 9; AIW: 1571; Henning 1977, I: 320; MacKenzie 1971: 13; Xāleqī 1977: 39–40; KEWA III: 303; Абаев I: 91–92.

**ātaš** [Rūdakī] ‘fire’, MPrs. *ātaxš* [’thš], a “mot savant” borrowed from Av. NS *ātarš*, the regular phonetic result of Proto-Iranian \**ātar-* is *ādar*; cf. *bal*. Horn 1893: 3; 1901: 24; AIW: 312; IEW: 69; Nyberg 1964–74: 35; MacKenzie 1971: 13; Xāleqī 1977: 7–10.

**āvand**<sup>1</sup> [LF] ‘vessel’, MPrs. *āpōmand* ‘water vessel’, Av. *āfant-* ‘wasserreich’ (< \**āp-vant-*), cf. OInd. *āpavant-* ‘watery’, and *āb* ‘water’. AIW: 330.

**āvand**<sup>2</sup> [Fird.] ‘argument, proof’ to \**ā-panda-* ‘the way hither (to persuade)’, v. *pand* ‘advice’.

**āvang** [Rūdakī] ‘a line on which clothes or bunches of grapes are hung up; anything suspended’, also *āvand*<sup>(3)</sup>, traditionally connected to *āvēxtan* (e.g., Xāleqī 1977: 68): an irregular vowel change is to be assumed, since \**āving* (< \**ā-vig-na-* or to a nasal present \**ā-viNga-*) would rather be expected as a nominal derivate from *āvēxtan*; LN (II: 209) advances a simpler proposition starting

with the form *avand* and explaining it as *\*ā-banda-*, to *band-* : *bastan*; cf. *aurand*. Xāleqī 1977: 68.

**āvar**<sup>1</sup> [Farruxī] ‘certainty’, probably a dialectal simplification of *\*āvard*, then comparable to MPrs. *a-wardag* [’wlt’k] ‘undeviating’ (MacKenzie 1971: 13), cf. *gardīdan*; the length of the initial *a-* could be due to a rhyme to *bāvar*.

**āvar**<sup>2</sup> [Vullers: BQ] ‘ugly, deformed’, if ‘twisted’, then probably connected to Av. *var*<sup>3</sup>- ‘(se) vertere’ (Kellens: VAR- ‘enveloppeur’), AIW: 1362–63; Kellens 1995: 50.

**āvardan** [Unṣuri] ‘to bring’, praes. *āvar-*, shortened *ār-*, intensified *biyār*; a secondary past base *āvarīdan* is also attested, to which the meaning ‘to attack’ is given (BQ): however LN (I 208) comments that there are no examples for it: MPrs. *āwurdan* [YHYTYWN-tn, Man. ’’wrd], Sogd. ’’βr-, Av. *ā-* + *√bar*<sup>1</sup>- ‘etwas herzunngen, herbeihoien’; v. *burdan*. Horn 1893: 13–14, 1901: 24, 30, 49; AIW: 938; Nyberg 1964–74: 39; Gershevitch 1954: 84 §540; MacKenzie 1971: 14; Xāleqī 1977: 65; Samadi 1986.

**āvān** [Vuliers: FŠ] ‘echo’, also *āvā*, could be an interjection, out could also be *\*ā-vāxa-*, *√vak-* ‘to speak’, cf. Khot. *\*āvā* ‘parable’ (the attested form is LS *āvya*, Bailey 1979: 26a), MPrs. Man. *āwāg* [’w’g] v. *āvāz*. Hübschmann 1985: 269; Henning 1977, I: 408; Nyberg 1964–74: 73; Boyce 1977: 4.

**āvām**<sup>1</sup> [Vuliers: FŠ] ‘debt’, also *avām* [Asrāru-t-Tawhīd], *vām* [Fird.], *fām* [Naṣir Xusrav, a borrowing from an unattested East Iranian idiom?]; MPrs. *ābām* [’p’m], Parth. *’b’myh*; Horn and Hübschmann concentrated on refuting Darmesteter’s explanation by means of *√am-* (Darmesteter 1883, I: 75) to Lat. *abemptum*, Lith. *imù*), since the meaning of this root is ‘to take’: some kind of semantic development like ‘debt’ ← ‘what is to be taken away’ cannot be completely excluded; Nyberg proposed a convincing etymology: *\*āpanma-* ‘that what a lender has to obtain from the borrower’, a middle part, from *√ap-* ‘to reach, to overtake’, v. *yaftan*; Bailey discussed the word connecting it to Khot. *pīha-* ‘price’, Osset. *fīdyn* ‘to pay’ and postulating a root ‘to pay’ with the ablaut *√pai-*, *√pī-*, *√pā-*: then *(ā)vām* < *\*(ā)-pā-(m)na-*; the sound patterns or Bailey’s and Nyberg’s etymologies practically are the same, they can be ‘united’ by assuming a root alternation *\*√ap- / \*√pā-* with *\*-ī-* as an enlargement. Horn 1893: 30–31, 1901: 20, 22, 79; Hübschmann 1985: 19; AIW 70–72; Nyberg 1964–74: 22; MacKenzie 1971: 1; Bailey 1979: 242a; cf. Абаев I 473–74; EWAia 167.

**āvām**<sup>2</sup> [LN II 200] ‘colour’, also *avām* [Vullers 1855-64: I 139, ex BQ] < *\*ā-bā-ma-*, to *√bā-* ‘to shine’, verifying the explanation of

*āftāb* by proving the root with the same suffix, cf. also *fām*, *bām* and Parth. *'b'myḥ* (Henning 1977, I: 560).

**āvār<sup>1</sup>** [LN IV 472] 'warmth, heat' was given an Iranian etymology (compared with *var* 'heat' (BQ), *uvār(a)* id., *āvār* (Wollaston), *varīx* 'caido' (Gazophyl.), cf. Arm. *varēm* 'zünd an', Hübschmann 1897: 494, № 386; Horn 1901: 62); but the word is an (frequently unrecognized) borrowing from Arabic *uwār<sup>u</sup>* 'ardeur au feu, violence de la chaleur, flamme' (Biberstein&Kazimirski 1860, I: 68).

**āvār<sup>2</sup>** [VR] 'vagrant, outcast', also *āvāra* [Fird.] < \**ā-bāra(-ka)-*, metaphorically to Av.  $\sqrt{bar^2}$ - 'sich rasch bewegen (von wind und wasser)'. OInd. *BHAR<sup>1</sup>*- id., cf. RV *bhuraṇa-* 'runrig, beweglich', *bhūrṇi-* 'eifervoll, wild' etc: another meaning of this word — 'unjustice' is also attested for MPrs. *āβāray* (Henning 1977, I: 371). Horn 1893, 13; Hübschmann 1985: 9: AIW: 943; Xāleqī 1977: 61–64; EWAia II: 251–52.

**āvār<sup>3</sup>** [Naṣir Xusrav] 'account-book, register', also *āvāra*, either dialect variants of *āmār* or < \**abi-varḍa-*, SW correspondence to \**abi-varza-*, Indo-Ir.  $\sqrt{vard^2}$ - (v. *varzīdan*): so Nyberg 1964–74: 73.

**āvāz** [Naṣir Xusrav] 'voice', also *āvā*, *āvāh*, MPrs. *āvāz* [p'c] < \**ā-vāča-*, cf. Av. *ā-vāč-* 'heranrufen, anrufen',  $\sqrt{vak-}$ , OInd. *VAC-* 'to say, to speak'. Horn 1893: 13: 1901: 49; AIW: 1331; Nyberg 1964–74: 73; Henning 1977, I: 408; MacKenzie 1971: 13; Xāleqī 1977: 64–65; EWAia II: 489–90; Kellens 1995: 48–49.

**āvēš** [Naṣir Xusrav] 'marjoram, oregano', also *āvēša*, *āvēšam*, *āvēšan*, *āvēšana* < \**ā-vaiša-* and suffixes; cf. *bēša*, which has noteworthy cognates: Sogd. Buddh. *wyšh*, Yaghn. *weš*, *wayš* 'herb, verdure, vegetables'. Benveniste 1929: 237; Bailey 1979: 291a.

**āvēxtan** [Labībī] 'to hang, to suspend', praes. *āvēz-*, *āvang* and *āvangān* 'hanging, suspended' are usually quoted as derived from this verb with *-i-* alter *-v-*. though LN (I: 214–15) has *-a-* vocalization, which would require a more sophisticated phonetic explanation; Osset. *awynžyn*, MPrs. *āwīxtan* [Farahvašī FPP 12] < \**ā-vaij-aya*, \**ā-viNj-* 'to throw upwards, to suspend', cf. Av. *vaēg-* 'to throw', OInd. *VEJ-* 'to rise'; cf. *bēxtan*. Horn 1893: 14; 1901: 127, 134; Hübschmann 1985: 10; AIW: 1313; Xāleqī 1977: 65–68; Samadi 1986; Bailey 1979: 398ab; EWAia II: 577–78;

**āxāl** [Farruxī] 'any kind of rubbish', also *āxār*; probably a very old and popular borrowing from Arab. *axlāt*, pl. of *xilt* 'mélange, chose qui se mêle à une autre' (Biberstein-Kazimirsky 1860, I: 615); for the phonetic adaptation an intermediate form \**āxālt* is to be assumed; but cf. also *āyārdan*.

**āxšič'j** [Abū Šukūr] 'opposite, contrary', also *āxšēk*, v. *axšēj*.

**āxtan** [Asadī] ‘to draw out’, an abbreviation of *ā-hīxtan*. cf. *hixtan* and *āhaj īdan*, MPrs. *āhixtan* [’*hhtn*, Man. ’*hxtn*]. Horn 1901: 96; Nyberg. 1964: 10; MacKenzie 1971: 6.

**āxūnd** [Algar (1984: 731) indicates that “the word first enters currency in the Timurid period”] ‘theologian, preacher’ < \**ā-xʷand*, – the second component being either related to *xʷāndan* (Pūrdāvūd apud Moīn BQ) or abbreviated *xudāvand* (Radloff and Dehxoda considered *ā-* to be abridged *āyā*); less probable to derive *āxūnd* from Turk. *anyūn* ‘a pre-Islamic Nestorian priest’ (also *arxun*, from gr. ἄρχων, IA, I: 228); also *āxūn*, *āxavānd* [Shakespeare, Richardson]; Algar, *ibid.* 731–32; cf. Horn 1893: 3; Xāleqī 1977: 10 and EI I: 249.

**āxūr** [Fird.] ‘stable, stall’, Kurd. *afir* ‘Krippe, Futtertrog, Fresstrog’ (Omar 1992: 3; Socin 1898–1901: 261), MPrs. *āxwarr* [’*hivl*], cf. Sogd. ’γwyr- ‘to eat’, Av. *avō.xvarəna-* ‘Tränke’ ← \*‘Wasser-genuss bietend’; the Avestan word can be related to the other words only by assuming phonetic irregularities (\**āvā-* > *ā-*), otherwise it is possible to reconstruct \**ā-xvarna-* as the source of *āxur* and its cognates; v. *xurdan*. Horn 1893: 4; Hubschmann 1985: 5–6; AIW: 357; Henning 1977, II: 52; Nyberg 1964–74: 39; MacKenzie 1971: 14; Bailey 1943; Xaleqi 1977: 10.

**āyaša** [BQ] ‘spy, flatterer’, also *āyiština*, *ayišna* [BQ], seems to be an Indian borrowing (if not simply adopted by BQ), ultimately connected to OInd. *adhi-ṣthāyaka-* ‘über etw. stehend, etw. beaufsichtigend’, Bötlingk 1855, I: 154; cf. also BHS *ādhiṣthānika* ‘government men’, Edgerton 1953: 95; cf. *ayāsa*. Henning 1977, I: 83, 131.

**āyānī** [Fiyānī] ‘easiness’, from *āyān* ‘comer; anything that presents itself readily to the mind or comes easily to hand’, participial derivatives from *āy-*, present base to *āmadan*.

**āyift** [Daqiqī] ‘wish, need’, also *āyuft*, MPrs. *āyaft* [’*dypt*, Man. ’*ypt*] ‘boon, favour, gift’, Av. *āiiapta-* ‘guristiger Erfolg, Glück; Almosen’, from \**abi-ap-ta-* (√*ap-*) with labial dissimilation (as Khwar. *yf-* ‘erreichen, emholen, finden’ < \**ayafa-* < \**abi-afa-*, Samadi 1986: 256–57), cf. Av. *avi ap-* ‘einholen’, √*āp-* ‘atteindre’; v. *yāftan*. AIW: 71, 332–33; Nyberg 1964–74: 40; MacKenzie 1971: 15; Kellens 1995: 11–12.

**āyīn** [Rūdakī] ‘manner, custom, rite; common law’, also *āyīna* [VR], *āyīna* [Daqiqī]; the (probably secondary) meaning ‘beauty, ornamentation’ is attested for a more archaic form *ādīn* [Nāṣir Xusrav, Sōzanī]; MPrs. *ēwēn(ag)* [’*dwyn(k)*, Man. ’*ywyn(g)*], Parth. *aβdēn* ‘custom, way’ < \**abi-dayana(-ka)-*, √*dai-* ‘to see’, cf. *dīdan*. Horn 1893: 15–16; Hübschmann 1985: 11; Henning 1977, I: 559, II:

20; Nyberg 1964–74: 12; MacKenzie 1971: 31; Xāleqī 1977: 78–82; Boyce 1977: 5.

**āyīna** [Nāšir Xusrav] ‘mirror’, also *āyina*; Bal. *áden*, *ádenay* [Gibertson 1925, II: 426], Osset. *aydān*, MPrs. *ēwēnag* [’dwyнк], Parth. ’’dyng, Sogd. ’’d’yn’k, Khot. *āyāna-* (LS *ātīña*) – all to *\*ā-day(a)na(-ka)-*, √*dai-* ‘to see’, cf. *dīdan*. Horn 1901: 45; Hübschmann 1985: 11–12; Henning 1977, I: 559; Абаев I: 11; MacKenzie 1971: 31; Bailey 1979: 19b; Xāleqī 1977: 82–83.

**āz** [Fird.] ‘desire, avarice, lust’, frequently in compounds *āzmand*, *āzvar/āzūr*; MPrs. *āz* [’c, Man. ’’z] ‘greed, lust’, Sogd. ’’z ‘greed’, Av. *āzi-* ‘Gier, Begierde’; Bartholome (1895: 43) considered this word to contain a ‘Hochstufe’ as compared to the verb *iziieiti* ‘requires’ with a ‘Tiefstufe’ (cf. OInd. *EH-* ‘to desire’ or OInd. *āji-* ‘competition’, Schmeja 1976: 101). Horn 1893: 6; AIW: 343; Nyberg 1964–74: 41; Gershevitch 1954: 2 §4; MacKenzie 1971: 15; Xāleqī 1977: 22–23; EWAia 160, 273.

**āzadan** [Manūčihri] ‘pierced; coloured’, v. *āžadan*.

**āzar** [BQ] ‘trouble, grief; cross-tempered’, cf. *āzār*, *āzardan*.

**āzardan** [Abū Šukūr] ‘to injure, to trouble, to aggravate’, also *āzārdan*, *āzurdan*; the present base *āzār-* produced already in MP a secondary past *āzārd*, the old past base with the reflex of Indo-Ir. *\*-r-* has a variety of vocalisations: *-ar-*, *-ur-*, *-ir-* (in Man.); MPrs. *āzardan* [’cltn, Man. ’’zyrdn], Sogd. ’’z’r, ’’z’yrt ‘to inflict’, Av. *āzar-* ‘erzürnen’, *an-āzarāta-* ‘nicht erzurnt’, to √*zar*<sup>1</sup>- ‘irriter’ (Kellens 1995: 67–68), also Afgh. *zorāl* ‘to vex, to coerce’ (<*\*zarāya-*), Khot. *ysārā*, *ysurrā* ‘anger, hate’ (<*\*zr-nu-*), OPrs. *darzanayā* ‘im Zorne’, cf. OInd. *hṛnīté* ‘to be angry’, Indo-Ir. *\*d<sup>h</sup>har-*. Horn 1901: 141; Horn 1893: 6; Hübschmann 1985: 6; AIW: 125, 1669–70; Nyberg 1964–74: 41; Brandenstein&Mayrhofer 1964: 115; Gershevitch 1954: 84 §541; MacKenzie 1971: 15; Bailey 1979: 350a, 354a; KEWA III: 604.

**āzarm** [Avhadī] ‘pain, wrath, shame; dignity’, also *āzār* [Nāšir Xusrav], to *āzardan*; MPrs. *āzarm* [’clm, Man. ’’zrm] ‘harm, injury; honour, respect’, Sogd. ’’zrm ‘harm’, *zrm zrmh* ‘distress’: it seems that only Persian and Sogdian have here the suffix *\*-ma(n)-*: that would probably indicate that at least the words with the “negative” meaning are Sogdian borrowings. Horn 1893: 6; Henning 1977, I: 99 (*azar*), 467; Gershevitch 1954: 166 §1093; MacKenzie 1971: 15; Xaleqi 1977: 24–26.

**āzax** [Kisā’ī] ‘wart, twig’, also *āžax*, *azax*, *zax*, *āzuy*, *āzanj* etc., Khwar. ’zx ‘Warze’, all to *\*(ā)-zayā-* < *\*(ā)-zngā-*: cf. also Kurd. *ēzimk* ‘Ekzem im Kindersalter’ (Omar 1992: 199); by assuming a

more general meaning of ‘something attached to’ these words can be compared to Osset. *zāng*, MPrs. *zang* [zng], Av. *zaŋga-*, OInd. *jaṅghā-* ‘ankle, shank’, also *jámhas-* ‘wing’. MacKenzie 1971: 98; Benzing 1983: 134; Абаев 1958–90, IV: 297; EWAia I: 562, 564.

**āzād** [Fird.] ‘free-born, noble’, MPrs. *āzād* [’c’t, Man. ’z’d], Sogd. ’z’t, Khot. *āysāza-*, Av. *ā-zā-ta-*; √*zan-*, v. *zādan*; the semantics of what literally is ‘born hither’ was explained by Bailey as ‘born into the noble house, noble family’. Horn 1893: 6, 1901: 21; AIW: 343; Benveniste 1929: 212; Henning 1977, II: 23; Nyberg 1964–74: 41–42; MacKenzie 1971: 15; Bailey 1979: 20a–21b; Xāleqī 1977: 23–24.

**āzfandāk** [Asadī] ‘rainbow’, also *azfandāk*, *ažfanāk*, the unusual cluster *-zf-*, *-žf-* seems to signalize a morphological juncture in a compound: its first component could have a root akin to OInd. *AÑC-* ‘to bend, to curve’ (EWAia I: 52, in Iranian attested e.g., in Av. *aka-* ‘hook’) and be a word for the bow: the meaning ‘bow’ for *\*āz/\*āž* is almost obligatorily predicted by the second component, which is identical to Khwar. *βynd’k* ‘Lord’ (Amarat&MacKenzie 1990: 107, considered to be a derivative of QM *βynd*, MA *fynd* ‘husband’, which is explained by connecting it to Av. *fšuyant-*), — ‘rainbow’ is frequently considered as a bow of a deity, cf. Arab. *Qaws Allāh*, *Qaws Rasūl Allāh*, *Qaws Qazī*, as well as the general idea of including the rainbow among supernatural phenomena – «*āθār al-ulwiyya*» (EI, IV: 803–805).

**āzīn**, v. *ādīn*, *āyīn*.

**āzmūdān** [Fird.] ‘to try, to prove’, praes. *āzmā-*, MPrs. *azmūdan*, *uzmūdan* [’(w)zmwtn, praes. ’(w)zm’d-], Sogd. Chr. *zm’y-*; Nyberg assumes *\*aviš-māy-* as the source of these verbs and postulates different contractions for NP (*\*āuzmā-*, a syncope) and BP (*\*ōzmā-*), the root being √*mā-* ‘to measure’; Sogdian has a different type of contraction or simply the prefix *\*uz-*; v. *āmādan*, *paimūdan*. Horn 1893: 6, 1901: 129; AIW: 1165–66; Nyberg 1964–74: 147; MacKenzie 1971: 16, 85; Xāleqī 1977: 26–27; Gershevitch 1985: 262.

**āzux** [FŠ] ‘a rotten and empty nut’: could be a vocalisation variant of *āzax*, the meaning could be derived from ‘wart’.

**āzvar** ‘avaricious, lewd’, also *āzār*, derivatives of *āz*. Horn 1901: 32.

**āžadan** [Fird.] ‘to sew, to pierce’, also *ājadan*, *ājīdan*, *āzīdan*, praes. *āžīn-*, MPrs. Z. *āznāy-*, MPrs. T. *abzēn-* [’bzyn] ‘to sew’, *abzīn* [’bcyrc] ‘cloth, material’, Khwar. *bcn<sup>2</sup>-* ‘to mend, to patch’, Khot. *acā* ‘she sew’, all to √*čay-* ‘to cut, to pierce, to sew’ with different prefixes (NPrs., MPrs., Khot. *\*ā-*, MPrs. *\*abi-*, Khwar. *\*pati-*), cf.

OInd. *kīnāśa*- ‘ploughman’, BHS *cīmara*- ‘metal: iron or copper’; cf. also *žana* ‘point of the needle’. Horn 1901: 128; Geiger 1938: 214; Henning 1977, II: 18, 350; Boyce 1977: 8; Bailley 1955: 67–69, 1979: 1; Samadi 1986: 14; EWAia?

**āžang** [Farruxī] ‘wrinkle’, also *ājīng* [FZT] < \**ā-čīna-ka*- ‘upheaving (of skin)’, cf. *čīm* ‘id’. and *čīdan* ‘to gather, to heap up’.

**āžix** [BQ] ‘gummy exudations from the eyes’, the same word family as *āzax*, *āzux*. Cf. Horn 1901: 182.

**āžīr** [Fird.] ‘intelligent’ < *ā-čīθra*-, cf. Av. *čīθra*<sup>1</sup>- ‘(1c) Vision, Erscheinung’ (AIW: 586), v. *čīhr*, *čīhra*. Horn 1901: 92.

### Abbreviations

Afgh.	Afghani	Lith.	Lithuanian
Arab.	Arabic	Man.	Manichean
Aram.	Aramaic	MEng.	Middle English
Arm.	Armenian	MPrs.	Middle Persian
Assyr.	Assyrian	MTurk.	Middle Turkish
Av.	Avestan	NPrs.	New Persian
Bactr.	Bactrian	NW	North West Iranian
Bal.	Balochi	OEng.	Old English
Buddh.	Buddhist	OInd.	Old Indic
Chag.	Chagatai	OPrs.	Old Persian
Chr.	Christian	Osset.	Ossetic
Elam.	Elamite	Parth.	Parthian
Germ.	German	Prs.	Persian
Gk.	Greek	Šogd.	Šogdian
Goth.	Gothic	Šugh.	Šughnan
IE	Indo-European	Syr.	Syriac
Indo-Ar.	Indo-Arian	SW	South West Iranian
Ir.	Iranian	Turk.	Turkish
Khot.	Khotanese	Uigh.	Uighur
Khwar.	Khwarezmian	Yaghn.	Yaghnobi
Kurd.	Kurdish	Yazg.	Yazgulami
Lat.	Latin	Wax.	Waxan

### References

- Абаев 1958–90. – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. I–V. М.; Л., 1958–90.
- Абаев 1966 – Абаев В. И. Осетинское *ilivd* – персидское *alufta* // Acta Orientalia. 1966. Vol. 30. P. 9–14.
- Андреев, Пещерева 1957 – Андреев М. С., Пещерева Е. М. Ягнобские тексты. М.; Л., 1957.
- Радлов 1893–1911 – Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893–1911.
- Розенфельд 1982 – Розенфельд А. З. Таджикско-русский диалектный словарь. Л., 1982.



- Севортян 1974 – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
- AIW – Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch, zusammen mit den Nacharbeiten und Vorarbeiten. Strassburg, 1904.
- Algar 1984 – Algar H. ĀKŪND // Encyclopaedia Iranica. Vol. 1. P. 731–32.
- Amarat, MacKenzie 1990 – Amarat H., MacKenzie D. N. The Khwarezmian Element in the Qunyat al-munya. London, 1990.
- Bailey 1930 – Bailey H. W. Iranica // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1930. Vol. 62/1. P. 11–19.
- Bailey 1930–32 – Bailey H. W. To the Žamasp Namak II // Bulletin of the School of Oriental Studies. 1930–32. Vol. 6. P. 581–600.
- Bailey 1943 – Bailey H. W. Zoroastrian problems in the ninth-century books. Oxford, 1943.
- Bailey 1955 – Bailey H. W. Indo-Iranian Studies III // Transactions of the Philological Society. 1955. Vol. 54. P. 55–103.
- Bailey 1961 – Bailey H. W. Arya III // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1961. Vol. 24/3. P. 470–483.
- Bailey 1967 – Bailey H. W. Indo-Scythian studies, being Khotanese texts. VI. New York, 1967.
- Bailey 1979 – Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979.
- Bartholomae 1890 – Bartholomae Chr. Studien zur indogermanischen Sprachgeschichte. I–II. Halle, 1890.
- Bartholomae 1895 – Bartholomae Chr. Vorgeschichte der Iranischen Sprache // Geiger W. (ed.). Grundriss der iranischen Philologie, unter Mitwirkung von Chr. Bartholomae. Strassburg, 1895–1904.
- Benveniste 1929 – Benveniste E. Essai de grammaire sogdienne. II. Morphologie, syntaxe et glossaire. Paris, 1929.
- Benzing 1983 – Benzing J. Chwaresmischer Wortindex. Wiesbaden, 1983.
- Biberstein&Kazimirski 1860 – Biberstein Kazimirski A. de. Dictionnaire arabe-français contenant toutes les racines de la langue arabe. Paris, 1860.
- Böhtlingk&Roth 1855–75 – Böhtlingk O. v., Roth R. Sanskrit-Wörterbuch. St. Petersburg, 1855–75.
- Boyce 1977 – Boyce M. A word-list of Manichaean Middle Persian and Parthian. Leiden, 1977.
- Boyce 1982 – Boyce M. ĀBĀN MĀH // Encyclopaedia Iranica. Vol. 1. 1982. P. 59–60.
- Brandenstein&Mayrhofer 1964 – Brandenstein W., Mayrhofer M. Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964.
- Brockelmann 1928 – Brockelmann C. Mitteltürkische Wortschatz nach Mahmūd Al-Kāšgharīs Dīvān Lughāt at-Turk. Budapest, 1928.
- Buck 1949 – Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages: A Contribution to the History of Ideas. Chicago, 1949.
- CAD –Oppenheim A. L., Reiner E. et al. The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago, 1956–...
- Darmesteter 1883 – Darmesteter J. Etudes iraniennes. Paris, 1883.

- Doerfer 1963–1975 – Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen: unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Bd. I–IV. Wiesbaden, 1963–1975.
- Edgerton 1953 – Edgerton F. Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar and Dictionary. I–II. New Haven, 1953.
- EI – Houtsma M. Th., Arnold T. W., Basset R. and Hartmann R. (eds.). Encyclopaedia of Islam. 1st ed.. Brill (1913–1936).
- Eilers 1974 – Eilers W. Herd und Feuerstätte in Iran // *Antiquitates Indogermanicae*. Gedenkschrift für Hermann Guntert. Innsbruck, 1974. S. 307–338.
- Emmerick 1968 – Emmerick R. E. Saka grammatical studies. London; New York, 1968.
- EWAia – Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Heidelberg, 1981–2001.
- FZT – Шукуров М. Ш. и др. Словарь таджикского языка (X – начало XX века). М., 1969.
- Gauthiot 1914–1929 – Gauthiot R. Essai de grammaire sogdienne. Paris, 1914–1929.
- Geiger 1938 – Geiger W. Aus mittelpersischen Materialien // *Archiv Orientalní*. 1938. T. 10. S. 210–214.
- Gershevitch 1954 – Gershevitch I. A grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1954.
- Gershevitch 1985 – Gershevitch I. *Philologia Iranica*. Wiesbaden, 1985.
- Ghilain 1939 – Ghilain A. Essai sur la langue parthe: Son système verbal d'après les textes manichéens du Turkestan oriental. Louvain, 1939.
- Gilbertson 1925 – Gilbertson G. W. English-Balochí colloquial dictionary. Hertford, 1925.
- Hehn 1870 – Hehn V. Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Übergang aus Asien nach Griechenland und Italien sowie das übrige Europa. Historisch-linguistische Skizzen. Berlin, 1870.
- Henning 1977 – Henning W. B. Selected papers. I–II. Leiden, 1977.
- Herzenberg 2011 – Herzenberg L. G. Studies in Persian etymology I // N. N. Kazansky (ed.). *Acta Linguistica Petropolitana*. 2011. Vol. VII/1. St. Petersburg. P. 201–224.
- Horn 1893 – Horn P. Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893.
- Horn 1901 – Horn P. Neupersische Schriftsprache // Grundriss der Iranischen Philologie. 1901. Bd. I/2. W. Geiger, E. Kuhn (eds). Strassburg. S. 1–200.
- Hübschmann 1883 – Hübschmann H. Armenische Studien I. Grundzüge der armenischen Etymologie. Leipzig, 1883.
- Hübschmann 1895 – Hübschmann H. Persische Studien. Strassburg, 1895.
- Hübschmann 1897 – Hübschmann H. Armenische Grammatik. I. Armenische Etymologie. Leipzig, 1897.
- Humbach 1961 – Humbach H. Bestattungsformen in Vidēvdat // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1961. Bd. 77. S. 99–105.
- IA – *İslâm Ansiklopedisi*. 1940–1987. I–XIII. Istanbul.
- IEW – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959–69.
- Jaba 1879 – Jaba A. Dictionnaire kurde-français. St. Petersburg, 1879.

- Jeremiás, Maróth 1977 – Jeremiás É. M., Maróth M. Drei Mitteliranische Wörter für ‘Sonne’ // I. Borzsák, Cs. Töttösy (eds.). *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 25. Studies in honour of J. Harmatta. Budapest, 1977. S. 221–226.
- Justi 1895 – Justi F. *Iranisches Namenbuch*. Marburg, 1895.
- Kaufman 1974 – Kaufman S. *The Akkadian influences on Aramaic*. Chicago, 1974.
- Kellens 1995 – Kellens J. *Liste du verbe avestique*. Wiesbaden, 1995.
- Kellens, Pirart 1988 – Kellens J., Pirart E. *Les textes vieil-avestiques*. Wiesbaden, 1988.
- Kent 1950 – Kent R. *Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon*. New Haven, 1950.
- KEWA – Manfred Mayrhofer. *Kurzgefasstes Etymologisches Woerterbuch des Altindischen*. Bd. I–IV. Heidelberg, 1976.
- de Lagarde 1877 – de Lagarde P. *Armenische Studien*. Göttingen, 1877.
- de Lagarde 1884 – de Lagarde P. *Persische Studien*. Göttingen, 1884.
- LN – Dekhoda A. et al. *Loghat Nāmeḥ Dehkhodā*. Dāneshgāh Tehrān (Universität Teheran), 1991.
- MacKenzie 1971 – MacKenzie D. N. *A concise Pahlavi dictionary*. London, 1971.
- Mann 1883 – Mann O. *Rec: Grundriss der neupersischen Etymologie von Paul Horn // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1883. Bd. 47. S. 698–706.
- Mo’īn 1979 – Mo’īn M. *Burhān-e Qāte’ (Mohammad Hosayn ebn-e Khalaf de Tabrīz)*. Dictionnaire de la langue persane. Teheran, 1979.
- Morgenstierne 1927 – Morgenstierne G. *Etymological vocabulary of Pashto*. Oslo, 1927.
- Morgenstierne 1938 – Morgenstierne G. *Indo-Iranian frontier languages*. Oslo, 1938.
- Morgenstierne 1942 – Morgenstierne G. *Iranica // Norsk tidsskrift for sprogvidenskap*. 1942. Bd. 12. S. 258–71.
- Morgenstierne 1974 – Morgenstierne G. *Etymological vocabulary of the Shughni Group*. Wiesbaden, 1974.
- Nyberg 1964–74 – Nyberg H. S. *A Manual of Pahlavi*. Wiesbaden, 1964–74.
- Omar 1992 – Omar F. F. *Kurdisch-Deutsches Wörterbuch (Kurmanci)*. Berlin, 1992.
- Panaino 1982 – Panaino A. et al. *CALENDARS // Encyclopaedia Iranica*. 1982. Vol. IV. P. 658–77.
- Pauly-Wissowa 1893–1980 – Pauly A., Wissowa G. et al. *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1893–1980.
- Poonawala 1982 – Poonawala I. *ĀB*. ii. *Water in Muslim Iranian culture // Encyclopaedia Iranica*. 1982. Vol. IV. P. 27–28.
- Räsänen 1969–1971 – Räsänen M. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen*. Helsinki, 1969–1971.
- Reichelt 1909 – Reichelt H. *Awestisches Elementarbuch*. Heidelberg, 1909.
- Reichelt 1913 – Reichelt H. *Der steinerne Himmel // Indogermanische Forschungen*. 1913. Bd. 32. S. 23–57.
- Salemann 1887 – Salemann C. *Mittelpersische Studien // Mélanges asiatiques*. 1887. T. 9/4. Leipzig. S. 207–253.
- Samadi 1986 – Samadi M. *Das chwaresmische Verbum*. Wiesbaden, 1986.

- Schmeja 1976 – Schmeja H. Awestisch *āzi-* ‘Habgier’ = altindisch *āji-* ‘Wettkampf’? // Klagenfurter Beiträge zur Sprachwissenschaft. 1976. Bd. 2/3. S. 101–107.
- Schmidt 1987 – Schmidt H.-P. An Indo-Iranian etymological kaleidoscope // G. Cardona and N. H. Zide (eds.). Festschrift for Henry Hoenigswald on the occasion of his seventieth birthday. Tübingen, 1987. P. 355–362.
- Schmitt 1970 – Schmitt R. Der ‘Adler’ im Alten Iran // Die Sprache. 1970. Bd. 16. S. 63–77.
- Schmitt 1989 – Schmitt R. Altpersisch // R. Schmitt (ed.). Compendium linguarum iranicarum. Wiesbaden, 1989. S. 56–85.
- Schwyzler 1929 – Schwyzler E. Zum Sros-Yast (y. 57) // Zeitschrift für Indologie und Iranistik. 1929. Bd. 7. S. 97–113.
- Socin 1898–1901 – Socin A. Die Sprache der Kurden. Strassburg, 1898–1901.
- Spiegelberg 1907 – Spiegelberg W. Ägyptische Lehnwörter in der älteren griech. Sprache // Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung. 1907. Bd. 41. S. 127–132.
- Stackelberg 1894 – Stackelberg R. von. Lexikalisches aus *Wīs ō Rāmīn* // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1894. Bd. 48. S. 490–497.
- Teubner 1974 – Teubner J. K. Einige chwaresmische Tiernamen // R. Schmitt (ed.). *Antiquitates Indogermanicae*. Gedenkschrift Hermann Güntert. Innsbruck, 1974. P. 301–305.
- Turner 1962–66 – Turner R. L. A comparative dictionary of Indo-Aryan languages. London, 1962–66.
- Vullers 1855–64 – Vullers J. *Lexicon Persico-Latinum etymologicum, cum linguis maxime cognatis Sanscrita et Zendica et Pehlevica comparatum*. Bonn, 1855–64.
- Walde&Pokorny – Walde A., J. Pokorny. *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*. Berlin, 1927–1932.
- Xāleqī 1977 – Xāleqī Motlaq J. *Asās-e ešteqāq-e Fārsi*. Tehran, 1977.
- Zimmern 1917 – Zimmern H. *Akkadische Fremdwörter als Beweis für babylonischen Kultureinfluss*. 2. Aufl. Leipzig, 1917.

### L. G. Herzenberg. Studies in Persian Etymology II.

The second part of the Persian etymological dictionary has words beginning with *Ā*. The first part (letter *a*) was published in Herzenberg 2011.

*Key words:* Persian etymological dictionary, Indo-European languages, Iranian languages.

# ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ





## Μέρορες ἄνθρωποι

В статье рассматривается эпическая формула μέρορες ἄνθρωποι (род. п. μερόρων ἀνθρώπων) ‘смертные люди’, встречающаяся в Илиаде, Одиссее, Гомеровых гимнах и у Гесиода. Автор обсуждает выдвинутые его предшественниками этимологии прилагательного μέρορες (ед. ч. μέρορ) и предлагает свою версию – считать его метрически адаптированным вариантом более ранней формы \*μείρορες, которая, в свою очередь, может быть связана с глаголом μείρομαι ‘иметь долю в ч.-л.’ (от и.-е. корня \*(s)mer- ‘получать долю’), а также с и.-е. именем \*meryo- ‘юноша, воин’ (т. е. ‘сподвижник вождя’). Тогда эпическая формула πόλις μερόρων ἀνθρώπων изначально могла означать ‘поселение, основанное воинами и/или для воинов’.

*Ключевые слова:* Greek epic formulae, πόλις μερόρων ἀνθρώπων.

### 1. Einleitung

Zentraler Gegenstand der folgenden Untersuchung ist eine epische Formel, die bei Homer, Hesiod und in den homerischen Hymnen mehrfach als Versende auftritt: μέρορες ἄνθρωποι, meistens im Genitiv und oft abhängig von γένος ‘Geschlecht’ oder πόλις ‘Stadt’. So steht in der *Ilias* dreimal (1), (2), (3) und im Apollon-Hymnos einmal (4) πόλις/πόλις (πόλεις) μερόρων ἀνθρώπων:

- (1) ἀμφὶ δέ σε [sc. Πάτροκλον] Τρωαὶ καὶ Δαρδανίδες βαθύκολποι  
κλαύσονται νύκτας τε καὶ ἡμέρας δάκρυ χέουσαι,  
τὰς αὐτοὶ καμόμεσθα βίηφί τε δουρί τε μακρῶι  
πιείρας πέρθοντε πόλις μερόρων ἀνθρώπων. (*Il.* 18. 339–342)

‘Um dich aber werden Troerinnen und tiefbauschige Dardanerinnen weinen und Tag und Nacht Tränen vergiessen, sie, die wir selbst uns mühsam erwarben mit Gewalt und langem Speer, indem wir blühende Städte von μέρορες ἄνθρωποι zerstörten.’

- (2) ἐν δὲ δύο ποίησε πόλις μερόρων ἀνθρώπων,  
καλάς· ἐν τῇ μὲν ῥα γάμοι τ’ ἔσαν εἰλαπῖναι τε (*Il.* 18.490–491)

‘Darauf aber stellte er zwei prächtige Städte von μέρορες ἄνθρωποι dar; in der einen waren Hochzeitsfeiern und Gelage’

- (3) Δάρδανον ἄρ πρῶτον τέκετο νεφεληγερέτα Ζεὺς·  
κτίσσε δὲ Δαρδανίην, ἐπεὶ οὐ πω Ἴλιος ἰρή  
ἐν πεδίῳ πεπόλιστο, πόλις μερόρων ἀνθρώπων. (*Il.* 20.215–217)

‘Dardanos zeugte der Wolkensammler Zeus als ersten: und der gründete Dardanie, da das heilige Ilios in der Ebene noch nicht befestigt war, die Stadt der μέροπες ἄνθρωποι.’

- (4) ἔνθεν ἀπορνύμενος πᾶσι θνητοῖσιν ἀνάσσεις  
 ὄσσους Κρήτη <τ> ἐντὸς ἔχει καὶ δῆμος Ἀθηνῶν  
 [...] καὶ Σάμος ὑδρήλη Μυκάλης τ’ αἰπεινὰ κάρηνα  
 Μίλητός τε Κόως τε, πόλις Μερόπων ἀνθρώπων (h. Ap. 29–42)

‘Von dort ausgehend herrschst du über alle Sterblichen, die Kreta und das Volk von Athen umfassen, [...] sowie das wasserreiche Samos und die hohen Spitzen der Mykale, Milet auch und Kos, die Stadt der μέροπες ἄνθρωποι’

Demgegenüber verwendet Hesiod viermal (5), (6), (7), (8) und der Demeter-Hymnos einmal (9) γένος μερόπων ἀνθρώπων:

- (5) χρύσειον μὲν πρότιστα γένος μερόπων ἀνθρώπων  
 ἀθάνατοι ποίησαν Ὀλύμπια δώματ’ ἔχοντες. (Hes. Erg. 109–110)

‘Als erstes schufen die Unsterblichen, die den Palast des Olympe bewohnen, das goldene Geschlecht der μέροπες ἄνθρωποι’

- (6) Ζεὺς δὲ πατὴρ τρίτον ἄλλο γένος μερόπων ἀνθρώπων  
 χάλκειον ποίησ’, οὐκ ἀργυρέωι οὐδὲν ὁμοῖον (Hes. Erg. 143–144)

‘Vater Zeus aber schuf ein weiteres, drittes Geschlecht von μέροπες ἄνθρωποι, eines aus Bronze, dem silbernen in keiner Weise ähnlich’

- (7) Ζεὺς δ’ ὀλέσει καὶ τοῦτο γένος μερόπων ἀνθρώπων,  
 εὖτ’ ἂν γεινόμενοι πολιοκρόταφοι τελέθωσιν. (Hes. Erg. 180–181)

‘Zeus aber wird auch dieses Geschlecht der μέροπες ἄνθρωποι zerstören, wenn sie bei Geburt grau an den Schläfen werden’

- (8) [...] δὴ γὰρ τότε μήδετο θέσκελα ἔργα  
 Ζεὺς ὑψιβρεμέτης, †μειξαι κατ’ ἀπείρονα γαῖαν  
 τυρβάξας, † ἥδη δὲ γένος μερόπων ἀνθρώπων  
 πολλὸν ἀϊστῶσαι σπεῦδε, πρ[ό]φασιν μὲν ὀλέσθαι  
 ψυχὰς ἡμιθέων ... (Hes. fr. 204.96–100 M.–W.)

‘damals also plante der hochdonnernde Zeus eine göttliche Tat, aufzuwirbeln und zu vermischen auf der unendlichen Erde, nunmehr aber betrieb er es, das grosse Geschlecht der μέροπες ἄνθρωποι zu vertilgen, unter dem Vorwand, dass das Leben der Halbgötter zugrundegegangen sei (?)’

- (9) καὶ νῦν κε πάμπαν ὄλεσσε γένος μερόπων ἀνθρώπων  
 λιμοῦ ὑπ’ ἀργαλέης, γεράων τ’ ἐρικυδέα τιμήν



καὶ θυσιῶν ἡμερσεν Ὀλύμπια δώματ' ἔχοντας,  
εἰ μὴ Ζεὺς ἐνόησεν ἐῶι τ' ἐφράσσατο θυμῶι. (*h. Cer.* 310–313)

‘Und so hätte sie das Geschlecht der μέρορες ἄνθρωποι vollkommen zugrunde gerichtet mit schrecklichem Hunger und die Bewohner des Olymp-Palastes der ruhmvollen Ehre an Gaben und Opfern beraubt, wenn nicht Zeus es bemerkt und im Innern nachgesonnen hätte.’

Die Verbindung mit πόλις ist ausserdem variiert zu unmetrischem, sicher sekundärem πόλιν μέρορες ἄνθρωποι in der homerischen Passage (10):

- (10) ἦ οὐ πῶ κεκόρησθε ἐελμένοι ἐνδοθι πύργων;  
πρὶν μὲν γὰρ Πριάμοιο πόλιν μέρορες ἄνθρωποι  
πάντες μυθέσκοντο πολύχρυσον πολύχαλκον,  
νῦν δὲ δὴ ἐξαπόλωλε δόμων κειμήλια καλά (*Il.* 18.287–290)

‘Habt ihr es denn noch nicht satt, inmitten von Bollwerken zusammengedrängt zu sein? Früher berichteten alle μέρορες ἄνθρωποι, wie reich an Gold und an Bronze die Stadt des Priamos sei, jetzt aber sind die schönen Besitztümer aus den Häusern verschwunden’

In weiteren Abwandlungen finden wir einerseits den Genitiv μερόπων ἀνθρώπων je einmal abhängig von φίλος ‘Freund’ (11), ἀλόχους ‘Gattinnen’ (12), τέρας ‘Wunderzeichen’ (13), λόχοι ‘Trupps’ (14), ἕτερον ‘einen andern’ (15) sowie – semantisch nahe bei γένος – von γενεαί/γενεάς ‘Menschenalter, Generationen’ (16), (17), zum andern die Transposition in den Dativ mit dabei metrisch bedingter Ersetzung von ἄνθρωπος ‘Mensch’ durch βροτός ‘Sterblicher’ (18):

- (11) δαιμονίη, τί με ταῦτα λιλαίειαι ἠπεροπεύειν;  
ἦ πῆι με προτέρω πολίων εὔ ναιομενάων  
ἄξεις, ἦ Φρυγίης ἢ Μηιονίης ἐρατεινῆς,  
εἴ τις τοι καὶ κεῖθι φίλος μερόπων ἀνθρώπων (*Il.* 3.399–402)

‘Göttliche Frau, was trachtest du, mich so zu betrügen? Du wirst mich wohl irgendwohin noch weiter weg von gut besiedelten Städten bringen, an einen Ort in Phrygien oder im lieblichen Maionien, wenn du auch dort einen Freund hast unter den μέρορες ἄνθρωποι’

- (12) ἦ μοῦνοι φιλέουσ' ἀλόχους μερόπων ἀνθρώπων  
Ἄτρεϊδαι; ἐπεὶ ὅς τις ἀνὴρ ἀγαθὸς καὶ ἐχέφρων,  
ἦν αὐτοῦ φιλέει καὶ κήδεται, ὥς καὶ ἐγὼ τήν  
ἐκ θυμοῦ φίλεον, δουρικτήτην περ ἐοῦσαν. (*Il.* 9.340–343)

‘Lieben denn unter den μέροπες ἄνθρωποι allein die Atriden ihre Frauen? Da jeder gute und vernünftige Mann die seine liebt und sich um sie kümmert, liebte auch ich diese Frau von Herzen, obschon sie im Krieg erbeutet ist’

- (13) κυάνεοι δὲ δράκοντες ὀρωρέχατο προτὶ δειρήν  
 τρεῖς ἐκάτερθ’, ἴρισιν ἐοικότες, ἅς τε Κρονίων  
 ἐν νέφεϊ στήριξε, τέρας μερόπων ἀνθρώπων. (*Il.* 11.26–28)

‘Drei Schlangen aus Lasurstein streckten sich von beiden Seiten zum Hals hin, gleich Regenbögen, die der Kronos-Sohn am Wolkenhimmel befestigt hat, ein Wunderzeichen für die μέροπες ἄνθρωποι’

- (14) εἶ περ πεντήκοντα λόχοι μερόπων ἀνθρώπων  
 νῶϊ περισταῖεν, κτεῖναι μεμαῶτες Ἄρηϊ,  
 καὶ κεν τῶν ἐλάσαιο βόας καὶ ἴφια μῆλα. (*Od.* 20.49–51)

‘Selbst wenn uns fünfzig Trupps von μέροπες ἄνθρωποι umzingelten und danach trachteten, uns gewaltsam zu töten, so könntest du noch deren Rinder und stramme Schafe fortreiben’

- (15) τοιαύτη γὰρ ἐμὴ μήτηρ, πινυτή περ ἐοῦσα·  
 ἐμπλήγηδην ἔτερόν γε τίει μερόπων ἀνθρώπων  
 χεῖρονα, τὸν δὲ τ’ ἀρείον’ ἀτιμήσασ’ ἀποπέμπει. (*Od.* 20.131–133)

‘So ist nämlich meine Mutter, wie vernünftig sie auch ist: aufs Geratewohl zeigt sie Wertschätzung für einen anderen unter den μέροπες ἄνθρωποι, einen geringeren, und schickt den edleren weg, ohne ihm Ehre zu erweisen’

- (16) τῶι δ’ ἤδη δύο μὲν γενεαὶ μερόπων ἀνθρώπων  
 ἐφθίαθ’, οἳ οἱ πρόσθεν ἅμα τράφον ἠδ’ ἐγένοντο  
 ἐν Πύλωι ἠγαθέηι, μετὰ δὲ τρίτατοισιν ἄνασσαν. (*Il.* 1.250–252)

‘Unter ihm waren schon zwei Generationen von μέροπες ἄνθρωποι vergangen, die zuvor zu seiner Zeit aufgezogen und geboren worden waren im heiligen Pylos, bei der dritten aber herrschte er’

- (17) Ζεῦ πάτερ, εἴθε μοι †εἶθ’ ἦσσω μ’† αἰῶνα βίοιο  
 ὄφελλες δοῦναι καὶ ἴσα φρεσὶ μῆδεα ἴδμεν  
 θνητοῖς ἀνθρώποις· νῦν δ’ οὐδέ με τυτθὸν ἔτισας,  
 ὃς μακρόν γέ μ’ ἔθηκας ἔχειν αἰῶνα βίοιο  
 ἑπτὰ τ’ ἐπὶ ζῶειν γενεὰς μερόπων ἀνθρώπων (*Hes. fr.* 276 M.–W.)

‘Vater Zeus, hättest du mir doch eine geringere Lebenszeit geschenkt, so dass ich im Geiste gleiche Gedanken hegte wie sterbliche Menschen: jetzt aber hast du mich kein bisschen geachtet, da du mich eine lange Lebenszeit hast haben lassen, so dass ich über sieben Generationen von μέροπες ἄνθρωποι hin lebe’

- (18) Ἀτρείδη, νῦν δὴ σε, ἄναξ, ἐθέλουσιν Ἀχαιοί  
 πᾶσιν ἐλέγχιστον θέμεναι μερόπεσσι βροτοῖσιν (*Il.* 2.284–285)

‘Atreus-Sohn, die Achaier wollen dich, Herrscher, nun also zum Verachtetsten bei allen μέρορες βροτοί machen’

Angesichts dieser Verteilung muss man die Ursprungsbedeutung der Phrase μέρορες ἄνθρωποι am ehesten in einer der Formeln πόλις/πόλις (πόλεις) μερόπων ἀνθρώπων oder aber γένος μερόπων ἀνθρώπων suchen. Während die Semantik von ἄνθρωπος ‘Mensch’ bekannt ist, hat sich jene von μέρορες freilich bisher einer schlüssigen Bestimmung entzogen. Grund dafür ist nicht allein die etymologische Dunkelheit des Epithetons, die das Wort ἄνθρωπος ja genauso umgibt<sup>4</sup>, sondern auch und gerade die Beschränkung von μέρορες bzw. μέρορες auf die frühe Dichtersprache, die für ἄνθρωπος nicht gilt. Wie noch zu zeigen ist, tun wir gut daran, eben diese Beleglage gebührend zu berücksichtigen, wenn wir einmal mehr versuchen, Licht ins Dunkel zu bringen.

## 2. Zur Problemgeschichte

Über die anfängliche Bedeutung und die Etymologie des homerischen Beiworts μέρορες ist seit dem Altertum viel gestritten worden. Aus heutiger Sicht ohne weiteres abzulehnen ist die antike Erklärung mithilfe von μείρομαι ‘teilen’ und \*(f)ῶψ ‘Stimme’ (homer. Akk. ὄπα), die in Schol. (A) *Il.* 1.250 μεμερισμένην τὴν φωνὴν ἐχόντων geboten wird (vgl. Hsch. μ 886, s.v. μέρορες). Wenn damit etwa ‘diejenigen, die eine artikulierte Stimme haben’ gemeint sind, so scheidet dies zum einen am anlautenden \*μ- von \*(f)ῶψ (← \*μῶk<sup>h</sup>-s, vgl. lat. *vōx*, ai. *vāc*), und zum andern heisst μείρομαι nicht ‘artikulieren’. Zudem bliebe das Wortbildungsmuster unklar (vgl. Chantraine 1936: 122; zur antiken Tradition auch Arena 1974).

Letzteres gilt allerdings einstweilen auch von allen jüngeren Vorschlägen. Wer überhaupt eine indogermanische Etymologie sucht<sup>5</sup>, stellt das Element -οπ- meist einleuchtend zur Wurzel \*h<sub>3</sub>ok<sup>h</sup>- ‘sehen’, vergleicht das Wort also mit homerischen Bildungen wie οἶνοψ ‘(wörtlich:) ein Wein-Aussehen habend, > weinfarben, weinartig’ (zu οἶνος ‘Wein’), μῆλοψ ‘apfelfarben, apfelartig’ (zu μῆλον ‘Apfel’), αἶθοψ ‘feurig (brennend)’ (zu αἶθω ‘brennen’) usw.

<sup>4</sup> Vgl. Frisk (1960–72: 1.111, s.v. ἄνθρωπος), Chantraine (1968–80: 1.91, s.v. ἄνθρωπος), Beekes (2009: 1.106, s.v. ἄνθρωπος).

<sup>5</sup> Vgl. dagegen ausser der unten diskutierten Literatur (bes. Chantraine 1936) noch Oštir (1929: 293) (“vorgriech. \*με-(θ)ρῶπ- ‘Menschen’ in μέρορες + \*ἀ-μ[ε]θρῶπ- = ἄνθρωπος”).

(zum Typ s. Risch 1974: 171–172). Das Vorderglied  $\mu\epsilon\rho$ -<sup>6</sup> wird dabei wahlweise verknüpft mit

(a) der Wurzel von  $\mu\epsilon\acute{\iota}\rho\omicron\mu\alpha\iota$  ‘teilen’,  $\mu\acute{\omicron}\rho\omicron\varsigma$  ‘Geschick’ (wie schon in *Et. Gud.* 388.6  $\omicron\acute{\iota}\ \mu\omicron\rho\eta\tau\iota\kappa\omicron\iota\ \kappa\alpha\acute{\iota}\ \kappa\alpha\kappa\omicron\pi\alpha\theta\epsilon\acute{\iota}\varsigma$  ‘die vom Geschick gezeichneten, Schlimmes erleidenden’)<sup>7</sup>,

(b) der Wurzel von  $\beta\rho\tau\acute{\omicron}\varsigma$  ‘sterblich’ (also etwa ‘der eines Sterblichen Aussehen hat’)<sup>8</sup>,

(c) der Wurzel von  $\mu\acute{\epsilon}\rho\iota\mu\upsilon\alpha$  ‘Sorge’,  $\mu\epsilon\rho\mu\eta\rho\acute{\iota}\zeta\omega$  ‘bedenken’ (also ‘der ein denkendes Aussehen hat’)<sup>9</sup>,

(d) der Wurzel von  $\mu\alpha\rho\mu\alpha\acute{\iota}\rho\omega$  ‘funkeln, glänzen’ (also etwa ‘mit funkelndem Aussehen’)<sup>10</sup>. Gegen all dies wendet P. Chantraine zu Recht ein, dass “le premier élément d’un composé de ce type [*sc.* mit Hinterglied  $-\omicron\psi$ , A.W.] est un nom, non une racine” (Chantraine 1936: 123). Gäbe es ein  $o$ -stämmiges  $*\mu\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma$ , so könnte  $\mu\acute{\epsilon}\rho\omicron\pi\epsilon\varsigma$  also gebildet sein wie  $\omicron\acute{\iota}\nu\omicron\psi$ , aber  $\mu\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma$  ‘Anteil, Teil’ ist ein  $s$ -Stamm, und der  $o$ -Stamm  $\mu\acute{\omicron}\rho\omicron\varsigma$  ‘Geschick’ hätte zu  $\dagger\mu\acute{\omicron}\rho\omicron\pi\epsilon\varsigma$  (mit der Bedeutung: ‘geschickartig’, *nicht* ‘Geschick erleidend’) führen müssen<sup>11</sup>. Allerdings zeigen homerisches  $\alpha\acute{\iota}\theta\omicron\psi$  und  $\Phi\alpha\acute{\iota}\nu\omicron\psi$  (Personenname), dass – sicher erst sekundär – auch Ableitung von Verbalstämmen möglich ist; man käme also auch mit Verben wie

<sup>6</sup> Nicht nur weil die Verbindung  $\mu\epsilon\rho\acute{\omicron}\pi\epsilon\varsigma\sigma\iota\ \beta\rho\tau\omicron\iota\sigma\iota$  in *Il.* 2.285 gegenüber  $\mu\epsilon\rho\acute{\omicron}\pi\omega\nu\ \acute{\alpha}\nu\theta\rho\pi\omega\nu$  eindeutig sekundär ist (vgl. schon § 1), ist es unhaltbar, mit Garnier (2007: 146) zu vermuten, dass “la structure allitérante  $*\mu\epsilon\rho\acute{\omicron}\kappa^w\epsilon\sigma\iota\ \mu\rho\tau\omicron\iota\sigma\iota$  repose sur un plus ancien  $*\nu\epsilon\rho\acute{\omicron}\kappa^w\epsilon\sigma\iota\ \mu\rho\tau\omicron\iota\sigma\iota$  # ‘aux mortels qui résident sur la terre’”; Garniers  $*(e)n\text{-}er\text{-}h_3\acute{o}k^h\text{-}s$  ‘inferior’ entfällt somit von vornherein.

<sup>7</sup> So Runes (1934: 217), “der auf den Tod blickt”, “synonym mit  $\kappa\acute{\alpha}\mu\mu\omicron\rho\omicron\varsigma$ ”, doch sind die Adjektive auf  $-\omicron\psi$  anders als diejenigen auf  $-\omega\pi\acute{\omicron}\varsigma$  Bahuvrihis.

<sup>8</sup> So Bréal (1905/6: 105–106), “ceux qui ont un visage d’homme”.

<sup>9</sup> So Fick (1901: 239) und danach Bechtel (1914: 225), doch bedeutet die betreffende Wurzel nicht ‘denken’ an sich, sondern eher ‘sich erinnern, denken *an*’; mit schon ähnlicher Semantik (“der ‘begreifende, geistig aufnehmende’ mensch”) hatte Fick (1872: 172) das Wort noch ohne Hinterglied  $-\omicron\pi$ - zu  $\mu\acute{\alpha}\rho\pi\tau\omega$  ‘ergreifen’ stellen wollen (“ $\mu\epsilon\rho\omicron\pi$  zu  $\mu\alpha\rho\pi$ , wie  $\sigma\acute{\tau}\epsilon\rho\omicron\pi$  blitzend [...] zu  $\sigma\tau\rho\acute{\alpha}\pi\text{-}\tau\omega$ ”).

<sup>10</sup> So Tucker (1922: 102) (“clear-faced”, auch zu lat. *merus* ‘lauter’), Ribezzo (1927: 238) (“faccia lucente”), Carnoy (1956a: 281) und (1956b: 121) (“les êtres dont les yeux scintillent”), Pastor de Arozena (1993: 138) (“of glitter-ish aspect”).

<sup>11</sup> Ganz willkürlich nimmt Ramat (1959/60: 142–144) an,  $\mu\acute{\epsilon}\rho\omicron\pi\epsilon\varsigma$  sei – in Analogie zu  $\mu\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma$ , aber letztlich ohne Not – aus  $*\mu\acute{\omicron}\rho\omicron\pi\epsilon\varsigma$  umgestaltet; letzteres wiederum entspreche myken. *mo-ro-qa* <  $*\mu\omicron\rho\omicron\text{-}\kappa\upsilon\acute{\alpha}$ - mit sekundärem Deklinationsklassenwechsel (“*propriarii terrieri*”). Trotz den schlüssigen Einwänden von Lejeune (1961: 436–438) folgt Morani (1990: 155–160) dieser Theorie im Formalen, greift semantisch aber auf Ansatz (a) zurück (“*qui propriam fati partem habent*”).

\*μέρω oder \*μέρομαι weiter, doch existieren diese natürlich ebenfalls nicht.

Chantraine beschreitet darum selbst einen ganz andern Weg. Er weist zunächst darauf hin, dass Μέρωψ der Name verschiedener nicht-griechischer Heroen sei, einschliesslich des bekannten Heros der Insel Kos, deren älteste Bewohner schon bei Pindar (*Nem.* 4.26, *Isthm.* 6.31) Μέροπες hiessen. Letzteres ist etwas unpräzise, wird doch bei Pindar kein expliziter Bezug zu Kos hergestellt. Zudem darf man dem Namen nicht-griechischer Heroen gewiss nicht a priori eine griechische Herkunft absprechen; niemand würde behaupten, der Trojaner Ἐκτωρ habe nichts mit griech. ἔχω ‘(zurück)halten’ zu tun. Wie dem auch sei, weil nun der koische Μέρωψ nach der Legende γηγενής ‘erdgeboren’ sei (Steph. Byz., s.v. Κῶς), vermutet Chantraine, dass auch das Epitheton μέροπες “ait pu signifier quelque chose comme ‘issu de la terre, terrestre’”<sup>12</sup>. Wer das Wort von vornherein für nicht-griechisch hält, kann auf diese Weise natürlich *irgendeine* Bedeutung postulieren. Und in der Tat fährt Chantraine fort: “Morphologiquement le mot μέροπες ne peut pas se décomposer en éléments grecs. Il entre dans une série définie de termes en -οπ- qui ne sauraient d’aucune façon être rapprochés de la racine \*ok<sup>v</sup>- ‘voir’”<sup>13</sup>. Dazu gehörten insbesondere Volksnamen wie Ἐλλοπες, Δόλοπες, Δρύοπες und Ἄεροπες, weiter Vogelnamen wie πηνέλωψ ‘Wildente’, δρύοψ ‘Grünspecht’, μέρωψ und ἄερωψ ‘Bienenfresser’<sup>14</sup>. Weshalb z.B. Δόλοπες, Δρύοπες, Ἄεροπες so eindeutig ungriechisch sein sollen, bleibt allerdings unklar angesichts von griech. δόλος ‘List’, δρῦς ‘Eiche’, ἀήρ ‘Dunst’: würden wir bei Wörtern mit “origine illyrienne, ou plus probablement thraco-phrygienne” wirklich solche zufälligen Übereinstimmungen finden?<sup>15</sup>

<sup>12</sup> Chantraine (1936: 124); ebenso dann Pisani (1976), der daran freilich eine unhaltbare indogermanische Etymologie knüpft (μέρωψ < \*χθμ-ερω- zu χθών ‘Erde’, “colla caduta del gruppo iniziale χθ-”). Dagegen wäre nach Moreschini Quattordio (1981: 68–69), die Chantraine weitgehend folgt, vorgriechisches μέρωψ von den Griechen sekundär zu μόρος ‘Geschick’ gestellt worden.

<sup>13</sup> Chantraine (1936: 125); vgl. Chantraine (1933: 259–260) und danach Beekes (1995/6: 25–26), Beekes (2009: 2.933, s.v. μέροπες).

<sup>14</sup> Das der Benennung μέρωψ für den ‘europäischen Bienenfresser’ (*Merops apiaster*) zugrundeliegende *tertium comparationis* sieht Chantraine (1936: 126–127) darin, dass dieser Vogel seine Jungen in Erdlöchern ausbrüte und somit ebenfalls γηγενής sei: “les Anciens ont été frappés par le fait que le guépier pond dans des trous profonds et que ses petits semblent sortir de la terre”. Vgl. aber weiter Anm. 17.

<sup>15</sup> Plausibler wäre es anzunehmen, dass bei den ‘Vordergliedern’ dieser Namen (und vielleicht auch bei demjenigen der koischen Μέροπες)

Ausserdem gesteht Chantraine selbst zu, dass, wenn denn μέροπες ein thrako-phrygisches Fremdwort für ‘irdisch, erdgeboren’ wäre, “nous voyons mal [...] comment μέροπες est devenu une épithète générique de l’épopée” (Chantraine 1936: 127). Die Konstruktion ist also nicht nur sehr spekulativ und letztlich wenig erhellend, sie ist auch in Hinblick auf die epische Formelsprache unplausibel, denn “Rätselwörter gehören nun wirklich nicht zu den Merkmalen der homerischen Sprache”, wie M. Leumann kritisch anmerkt (Leumann 1950: 214 Anm. 3).

Gerade diese Formelsprache hat dagegen H. Koller ins Zentrum gerückt (Koller 1968). Im Anschluss an Chantraine hält auch er μέροψ/μέροπες für nicht-griechisch. Koller glaubt jedoch, den Eintritt des Epithetons ins Epos begründen zu können. Als erstes stellt er mit gutem Grund und in Fortführung der in §1 festgehaltenen Überlegungen fest, der Prototyp der Formel müsse das homerische πόλις/πόλις (πόλεις) μερόπων ἀνθρώπων gewesen sein, nicht etwa die erst hesiodeische Formelvariante γένος μερόπων ἀνθρώπων. So erklärt sich jedenfalls am besten, wie es zu der unmetrischen Abwandlung πόλιν μέροπες ἀνθρωποι in *Il.* 18.288 (10) kommen konnte. Entscheidend ist für Koller dann aber das einmalige Auftreten der Ursprungsformel πόλις μερόπων ἀνθρώπων im geographischen Katalog des Apollon-Hymnos mit V. 42 Μίλητός τε Κόως τε, πόλις μερόπων ἀνθρώπων (4). Weil in klassischer Zeit, von den schon erwähnten Pindar-Stellen einmal abgesehen, spätestens bei Thukydides (8.41.2, Κῶς Μεροπίς) Kos eindeutig als Gebiet der Μέροπες gilt, übersetzt Koller hier ‘Milet und Kos, die Stadt der Meroper’ und schliesst, “dass die zweite Vershälfte des im alten geographischen Katalog überlieferten Verses [...] von einem späteren Rhapsoden aus dem geographischen Zusammenhang gelöst wurde, weil er keine Kenntnis von den Μέροπες hatte. Sie konnte von da an beliebige Städte, wie z.B. Y 217 an Ilios, gehängt, und πόλις als Akk. pl. verstanden werden. Das Adjektiv μέροψ verlor dadurch freilich seine ethnische Bedeutung und bezeichnete nur noch eine die Menschen überhaupt irgendwie charakterisierende Eigenschaft in Anlehnung an die zahlreichen verwandten genetivischen Verschlüsse θνητῶν ἀνθρώπων u.a. [...]. Von da an

---

volksetymologische Umgestaltungen nicht-griechischer Wörter vorliegen; dagegen ist gerade die Gräzität des Suffixes durchaus wahrscheinlich, wenn man an Parallelen wie engl. *Span-ish*, *Swed-ish*, *Pol-ish* usw. denkt, wo das Suffix eben nicht der Sprache der bezeichneten Volksgruppen entstammt. Vgl. weiter Ramat (1962), der ‘totemistische’ Ursprünge solcher Stammesnamen vermutet.

konnte μερόπων ἄ[νθρώπων] aber auch an γένος und γενεαί treten, denn durch die Loslösung von Kos wurde μ[ερόπων] ἄ[νθρώπων] eine bedeutungsleere, oder besser gesagt, neu zu deutende Formel” (Koller 1968: 24–25).

Auf den ersten Blick mag diese Argumentation einleuchten, doch bei näherem Hinsehen erweist auch sie sich als problematisch. Erstens ist das hohe Alter des Katalogs keineswegs sicher: Wie lange vor Homer hätte denn Kollers angeblicher Periplus der Ägäis entstanden sein können? Zweitens ist das rhapsodische ‘Missverständnis’ unmotiviert, wenn noch Pindar und Thukydides von den koischen Meropern wissen sollen. Und drittens scheitert Kollers Hypothese auch daran, dass in der früheren epischen Sprache Stammesnamen immer mit ἄνδρες kombiniert werden, nicht mit ἄνθρωποι<sup>16</sup>. Nach frühepischer Konvention müsste die ‘Stadt der Meroper’ also πόλις Μερόπων ἀνδρῶν heißen. Das heißt, dass im Apollon-Hymnos vielmehr umgekehrt die Adaptation einer unabhängig bereits existierenden alten Formel πόλις μερόπων ἀνθρώπων vorliegt, in der μερόπων *nicht* der homonyme Stammesname war.

Wichtig und richtig bleiben indessen Kollers Bemerkungen zur relativen Chronologie der Formel, zum höheren Alter von πόλις μερόπων ἀνθρώπων gegenüber γένος μερόπων ἀνθρώπων (und noch mehr natürlich gegenüber all den in §1 verzeichneten nicht-formelhaften Variationen). Jede etymologische Suche sollte demnach von der Verbindung mit πόλις ausgehen. Auch daran scheitern Erklärungen wie ‘funkelgesichtig’, ‘sterblich’ usw. Gewiss sind alle Menschen sterblich und, wenn man so will, auch mit funkelnden Augen ausgestattet, aber das sind hier keine wesentlichen Merkmale. Wir müssten also gegen alle Wahrscheinlichkeit annehmen, das Epitheton sei schon bedeutungsleer gewesen, als die Formel überhaupt erst entstand.

### 3. Der homerische Rahmen: πόλις und Metrum

An diesem Punkt helfen einige Überlegungen zur homerischen πόλις weiter. Im frühgriechischen Epos bezeichnet πόλις “(lokal) eine geschlossene, von Menschen bewohnte Siedlung [...] und (personal) die Gesamtheit der Bewohner einer Stadt bzw. die von ihren (freien) Einwohnern gebildete ‘Stadtgemeinde’ als polit[ische] Einheit”. “Die (freien, männlichen) Einwohner einer Stadt [...] können, entsprechend den im frühgriechischen Epos geschilderten Lebens- und Produktionsweisen [...], als ‘Ackerbürger’ [...] ange-

<sup>16</sup> Vgl. J. Latacz in *LfgrE* 1.900, s.v. ἄνθρωπος.

sehen werden”; ihnen gegenüber stehen “abhängige [...] Personen [...], die auf dem Land arbeiten [und dort auch] wohnen”.<sup>17</sup> Die ‘Freiheit’ der Stadt-‘Bürger’ impliziert selbstverständlich keine umfassend partizipative Regierungsform. Im Gegenteil werden Städte im Epos oft als πόλις + Gen. des Herrschers oder Gründers bezeichnet, etwa Πριάμοιο πόλις für Troia<sup>18</sup>. Insofern ist der typische πόλις-Bewohner in der Regel auch Untertan dieses Herrschers, und er muss ihm bei Bedarf als Gefolgsmann Kriegsdienst leisten, wie der homerische Schiffskatalog illustriert (vgl. z.B. *Il.* 2.645–649 zu Kreta). Da entsprechende Kontingente aber nicht selten aus mehreren πόλεις zusammengestellt sind, ein Herrscher also über mehr als eine πόλις verfügen kann, ist weiter anzunehmen, dass πόλις (wörtlich ‘Befestigung’ < ‘Auffüllung’ o.ä. < \*p<sub>l</sub>h<sub>1</sub>-s oder \*polh<sub>1</sub>-i-s?<sup>19</sup>) im Ursprung jeden befestigten Siedlungsraum freier ‘Normalbürger’ – zusammen mit ihren Angehörigen – bezeichnete, konzeptionell also das Gegenstück bildete zum Palast des Herrschers, selbst wenn der Palast *lokal* natürlich ebenfalls auf mauerumschlossenem πόλις-Gelände lag.

Wenn diese unspektakuläre Begriffsbestimmung im wesentlichen richtig liegt, so ergibt sich, dass ein oder sogar *das* charakteristische Merkmal der ‘Leute’ (ἄνθρωποι) einer ‘Stadt’ (πόλις) ihr Verhältnis zum Herrscher derselben ist. *Qua* freie Bürger sind sie ‘Gefolgsleute’ des Fürsten. Sollte sich diese Idee im Beiwort μέροπες finden lassen, so wäre μέροπες eben kein leeres Epitheton mehr; denn anders als die πόλις-Bewohner wären die unfreien Landbewohner nicht im selben Sinne mit Privilegien wie Pflichten ausgestattete Untertanen<sup>20</sup>. Vor diesem Hintergrund eröffnen sich jetzt zwei Wege zur Erklärung von μέροπες, die zwar am Ende auf etwas Ähnliches hinauslaufen, die sich im Detail aber unterscheiden. Beiden gemein ist freilich ein wesentlicher formaler Punkt, der vorauszuschicken ist.

<sup>17</sup> M. Schmidt in *LfgrE* 2.1349 und 2.1354, s.v. πόλις (Abkürzungen aufgelöst).

<sup>18</sup> Vgl. M. Schmidt in *LfgrE* 2.1358, s.v. πόλις.

<sup>19</sup> Für \*p<sub>l</sub>h<sub>1</sub>-s spricht der Vergleich mit ai. *pūr* ‘Wall, Mauer, Burg, Stadt’ und lit. *pilis* ‘Burg’: vgl. Frisk (1960–72: 2.577, s.v. πόλις), Strunk (1970: 2–3), Chantraine (1968–80: 2.926, s.v. πόλις); dagegen geht Beekes (2010: 2.1219, s.v. πόλις) wieder von einer *o*-stufigen Bildung aus.

<sup>20</sup> Falls – im Sinne von Anm. 11 – für den Vogelnamen μέροψ ein *tertium comparationis* zu den menschlichen μέροπες zu suchen ist, so kann weniger das unterirdische Brüten des Bienenfressers den Ausschlag für die Benennung gegeben haben als vielmehr die charakteristische Tatsache, dass er in Kolonien (~ πόλεις) mit grosser Soziabilität lebt (vgl. Fry 2001: bes. 296, 323 und 339 zum europäischen *Merops apiaster*).



Der Genitiv in der Formel πόλις μερόπων ἀνθρώπων passt mit seiner metrischen Struktur ∪ ∪ | – – | – – perfekt ins Hexameter-Ende, im Gegensatz etwa zum Nominativ μέρορες ἄνθρωποι von *Il.* 18.288 (∪ ∪ | ∪ – | – –), wo die letzte Silbe von μέρορες ‘metrisch gedehnt’ werden muss. Hätte ein Dichter dagegen z.B. das (als Personennamen belegte) Adjektiv φαῖνος ‘funkelnd’ verwenden wollen, so wäre auch der Genitiv unmetrisch gewesen: φαινόντων ἀνθρώπων passt nicht in einen Hexameter. Als Ausweg in Frage gekommen wäre dann nur entweder die ‘metrische Dehnung’ der Mittelsilbe (also \*φαινόντων, etwa wie Κυκλώνων<sup>21</sup>), was den Parallelismus mit den anderen adjektivischen Bildungen auf -οπ- gestört und zu einer überaus schweren Sequenz aus sechs Längen geführt hätte, oder dann – ohne diese Schwierigkeit – umgekehrt die ‘metrische Kürzung’ der Anfangssilbe. Bei einem Diphthong wie demjenigen von φαῖνος wäre eine solche Kürzung natürlich schwieriger gewesen als bei einem blossen Langvokal, hätte es doch nicht einfach eine kurze Entsprechung gegeben. Trotzdem sieht es so aus, als basiere der homerische Name Χάροψ auf einer derartigen Anpassung; denn Χάροψ ist kaum vom erst nachhomerischen Substantiv χαρά ‘Freude’ aus gebildet (so dass es eigentlich ‘freudenartig’ bedeuten müsste), sondern viel eher parallel zu αἶθος ‘feurig’, φαῖνος ‘funkelnd’ deverbale zu χαίρω ‘sich freuen’ als ‘freudig’ zu verstehen. Wo Formen von \*Χαῖρος aber nicht ins Metrum passten, dort liessen sie sich gut durch Χάροψ ersetzen, denn schliesslich war der Stamm χαρ- an sich durchaus geläufig (vgl. z.B. Aor. χαρ-ῆ-ναι). Ob hinter myken. *ka-ro-qo* wirklich Χάροψ steckt, wie gemeinhin angenommen<sup>22</sup>, und nicht eher \*Χαῖρος, ist natürlich nicht mehr feststellbar. Wie auch immer, jedenfalls dürfen wir umso zuversichtlicher erwägen, ob in μερόπων ἀνθρώπων nicht ebenso eine ‘metrische Kürzung’ eines einfachen Langvokals vorliegt, die in der Formel erstarrte und später gerade wegen der Formelhaftigkeit paradigmatisch verallgemeinert wurde. Schliesslich hätte ein Genitiv \*μειρόπων (d.h. /me:ropɔ:n/) ἀνθρώπων genauso wenig in den Hexameter gepasst wie ein φαινόντων ἀνθρώπων. Für unsere Belange

<sup>21</sup> Κύκλωψ ‘Kreisaug’ war aber schon deshalb kein naheliegender Vergleichspunkt, weil das Hinterglied dort einen ganz anderen semantischen Wert hatte (vgl. Risch 1974: 6, für Κύκλωψ, und 171–172, für -οπ-); in der Bedeutung ‘kreisförmig’ erscheint dagegen κύκλοπ- bei Emp. fr. 84.8 D.–K.

<sup>22</sup> Vgl. Aura Jorro (1985–1993: 1.326, s.v. *ka-ro-qo*), mit Literatur. Bezeichnenderweise steht Χαροπ- (*Il.* 2.672, 11.426; ebenso *Od.* 11.611 mit Adj. χαροποί) bei Homer ausschliesslich in derselben Position wie μεροπ-, wozu gleich unten.

unerheblich ist dabei, ob man lieber von einer ‘echten’ metrischen Kürzung im Rahmen des historischen Hexameters ausgehen möchte – einem Phänomen, das zwar selten ist, aber kaum ganz geleugnet werden kann, wie A. Debrunner gezeigt hat<sup>23</sup> –, oder dann von einer metrischen Fossilform des Typs ἀνδροτήτα (–υ–υ, zu lesen als υυ–υ) im ebenso formelhaften und mit μερόπων ἀνθρώπων positionsgleichen Versende ἀνδροτήτα καὶ ἦβην (*Il.* 16.857, 22.363), sofern dieses mit E. Tichy seine Erklärung im Rahmen der attraktiven Proto-Hexameter-Theorie von N. Berg findet<sup>24</sup>.

#### 4. Zurück zu μείρομαι?

Wenn wir diese Möglichkeit eines ursprünglichen \*μεῖροψ (\*/\*me:rops/) anstelle von μέροψ (/merops/) in Betracht ziehen, so scheint sich zunächst der Kreis zu einer der in §2 erwähnten Theorien zu schliessen. Genau wie φαῖνοψ und αἶθοψ deverbale sind, so könnte ja auch \*μεῖροψ deverbale zu μείρομαι ‘Anteil erhalten’ (<\*(s)mer-ye/o-) gehören. Weil daneben μέρος ‘Anteil’ mit ungelängtem \*mer- stand, gefährdete die metrische Kürzung zu μέροψ die semantische Durchsichtigkeit nicht. Und wie die Bedeutung von φαῖνοψ und αἶθοψ quasi-partizipial ist (‘funkelnd’ bzw. ‘brennend’), so wäre diejenige von \*μεῖροψ dann etwa ‘Anteil erhaltend, teilhaftig’. Das aber bezeichnet den positiven Aspekt militärischer Folgepflicht: Die Gefolgsleute sind diejenigen, unter denen bei gutem Ausgang die Beute aufgeteilt wird – oder frühgriechisch ausgedrückt, diejenigen, die eine μοῖρα erhalten (vgl. *Il.* 9.318, in einer Klage Achills: ἴση μοῖρα μένοντι, καὶ εἰ μάλα τις πολεμίζοι ‘für den, der [untätig] zurückbleibt, gibt es den gleichen Anteil, selbst wenn jemand [anderes] heftig kämpft’).

Gegen eine solche Herleitung sind allerdings mindestens drei Einwände möglich. Erstens: Wäre eine deverbale Bildung auf -οψ tatsächlich schon früh genug denkbar, um Eingang zu finden in eine offensichtlich alte epische Formel? Angesichts der obigen

<sup>23</sup> Debrunner (1924); vgl. Chantraine (1958: 105–107) mit weiterer Literatur.

<sup>24</sup> S. Tichy (1981), die auf Berg (1978) aufbaut und damit die traditionelle Auffassung hinterfragt, wonach ἀνδροτήτα mit silbischem \*-r̥- zu skandieren sei (Wackernagel 1916: 172, Mühlestein 1958: 224 Anm. 120 und 226). Zu Bergs Proto-Hexameter-Theorie, die von einem (variablen) Grundvers der Art × × × × – υ υ – | × × – υ υ – × ausgeht (so dass μεροπ-/\*μειροπ- den Doppel-Anceps × × im Pherekrates der zweiten Vershälfte einnimmt), vgl. jetzt auch Hajnal (2003: 70–79), Hackstein (2010: 413–414) und Tichy (2010: 1–16).

Überlegungen zur Entstehung von Χάροψ spricht mykenisches *ka-ro-ḡo* womöglich eher dafür als dagegen, aber reicht das? Zweitens: Bei vielen homerischen Bildungen auf -οψ ist das visuelle Element zumindest marginal noch vorhanden: οἶνοψ/μῆλοψ ist ‘weinartig’/‘apfelartig’, weil Wein und Äpfel sichtbare Dinge sind, d.h. ein ‘Aussehen’ haben, und auch φαῖνοψ oder αἶθοψ beziehen sich auf sichtbare Zustände. Für ein abstraktes \*μεῖροψ ‘Anteil nehmend, teilhaftig’ müsste dagegen die semantische Entleerung des Hinterglieds einen Schritt weiter gegangen sein. Und drittens: Gibt es denn eine separate Stütze für die Bezeichnung von Gefolgsleuten als ‘Anteilnehmern’, unabhängig davon, ob die homerischen Realien dafür sprechen? Einmal abgesehen von modernen Analogien wie *Teilhaber* oder *Partner* (aus afrz. *parcenier*, *parçonier* zu *parçon*, lat. *partitiō* ‘(Erb-)Anteil’<sup>25</sup>), die ja auch nicht immer volle Gleichberechtigung implizieren, soll im folgenden eine solche Stütze aus der altindogermanischen Welt vorgestellt werden. Zugleich wird diese den zweiten, besseren Weg erschliessen, wie μέροψ (bzw. \*μεῖροψ = /me:rops/) formal erklärbar ist, ohne dass die ersten beiden Einwände zur Deverbalität und zur Abstraktbedeutung bestehen bleiben.

### 5. Zu den Komposita auf \*-h<sub>3</sub>ok<sup>h</sup>-

Das Herabsinken von \*-h<sub>3</sub>ok<sup>h</sup>- zu einem sinentleerten Adjektivsuffix mit allgemeiner Bedeutung ‘X-artig’ ist nicht aufs Griechische beschränkt<sup>26</sup>. Das gleiche Element wird zumindest eine Nebenquelle des indoiranischen Suffixes \*-(a)ka- sein. Ganz sicher steckt \*-h<sub>3</sub>ok<sup>h</sup>- in Bildungen wie ved. *ápā(ñ)c-* ‘abgewandt’ (mit sekundärem Nasal in der starken Stammform sowie generalisiertem -c- < \*-k<sup>h</sup>- vor Vordervokal) zu *ápa* ‘ab’, *nyāñc-* ‘niederwärts gerichtet’ zu *ní* ‘nieder’ usw. (Wackernagel/Debrunner 1954: 152–157). Vorhistorisch ist auszugehen von ablautendem \*-h<sub>3</sub>ok<sup>h</sup>- : \*-h<sub>3</sub>k<sup>h</sup>- (vgl. etwa die schwache Stammform -īc- < \*-ih<sub>3</sub>k<sup>h</sup>- neben

<sup>25</sup> Bloch/Wartburg (1968: 465, s.v. *partenaire*), *OED* Online (18. Mai 2011), s.v. *partner*, n.<sup>1</sup>

<sup>26</sup> Vgl. Hamp (1973), der ausser dem im folgenden diskutierten altindischen Material vor allem auf Keltisches (z.B. air. *enech*, breton. *enep* ‘Gesicht’ ~ griech. ἐνῆπι ‘Schelte’ < \*‘(böser) Blick’?), Slavisches (z.B. *kakъ* ‘welche Art von’ < \*k<sup>h</sup>o-h<sub>3</sub>k<sup>h</sup>-o-?) und Lateinisches (Typ *fer-ōx* ‘wild’, *atr-ōx* ‘schrecklich’; vgl. Leumann 1977: 377) hinweist; auch die Entstehung von lat. -āx und -īx ist zumindest teilweise so erklärbar, da diese Suffixe auf \*-h<sub>3</sub>k<sup>h</sup>- nach ā- und ī-Stämmen basieren mögen (z.B. *fugāx* ‘flüchtig’ < \*b<sup>h</sup>ugeh<sub>2</sub>-h<sub>3</sub>k<sup>h</sup>- ‘flucht-artig’).

starkem *-yañc-*), also wohl von einem ursprünglichen Paradigma mit Nom. *\*-h<sub>3</sub>ōk<sup>h</sup>-s*, Akk. *\*-h<sub>3</sub>ok<sup>h</sup>-m̄*, Gen. *\*-h<sub>3</sub>k<sup>h</sup>-es* usw. Indoarisch hätte dies postkonsonantisch *\*-āk-s* : *\*-āk-am* : *\*-īc-as* ergeben müssen, ein Pattern, das leicht zu *\*-āk-* : *\*-ak-* (bzw. *\*-ac-*) regularisiert werden konnte. Bei *o*-stämmigem Vorderelement dagegen hätte Nom. *\*-o-h<sub>3</sub>ōk<sup>h</sup>-s*, Akk. *\*-o-h<sub>3</sub>ok<sup>h</sup>-m̄*, Gen. *\*-o-h<sub>3</sub>k<sup>h</sup>-es* usw. durchgängig zu *\*-āk-* (bzw. *-āc-*) geführt, das typische Ablautschema also verloren. Auch hier war eine Regularisierung zu *\*-āk-* : *\*-ak-* (*\*-ac-*) deshalb naheliegend, ganz wie im Griechischen ja auch *οἰνοπ-* statt <sup>†</sup>*οἰνωπ-* (< *\*woino-h<sub>3</sub>(o)k<sup>h</sup>-*) usw. auftritt<sup>27</sup>. Wenn nun aber indoiranisch grundsätzlich thematisiert werden konnte, wie beispielsweise ved. *ápāka-* ‘abliegend’ neben *ápā(ñ)c-* ‘abgewandt’ zeigt, und wenn dabei der schwache Stamm zugrundegelegt wurde, wie *ánūka-* ‘Rückgrat’ neben ved. *anvá(ñ)c-* ‘hinterher gehend’ illustriert (Wackernagel/Debrunner 1954: 519–520), so musste bei einem *o*-stämmigen Grundwort das Suffix *-aka-* entstehen. Synchron lässt sich dieses *\*-aka-* nicht mehr unterscheiden von der einfachen Anfügung des Adjektivsuffixes *-ka-* < *\*-ko-* an den thematischen Stamm – ausser dass schon altes *\*-o-ko-* aufgrund von Brugmanns Gesetz eigentlich *-āka-* hätte ergeben sollen, ein Suffix, das im Gegensatz zu *-aka-* früh kaum belegt ist (vgl. Wackernagel/Debrunner 1954: 266). Insofern lässt sich das genaue Ausmass des ‘Überlebens’ von *\*-h<sub>3</sub>ok<sup>h</sup>-* im Indoiranischen zwar schwer abschätzen, vernachlässigbar ist es aber auch ausserhalb des Typs *ápā(ñ)c-* vermutlich nicht.

Eine derartige Bildung auf *-aka-*, die angesichts ihrer Bezeugung im Vedischen und Iranischen vielleicht schon indoiranisch ist, ist ved. *maryaká-* ‘Männchen, Jüngchen’ (RV 5.2.5). *maryaká-* zeigt zwar Endbetonung, wie die meisten frühen Deminutive der Art, aber das muss nicht Ursprung bei *\*-ko-* anstelle von (thematisiertem) *\*-h<sub>3</sub>ok<sup>h</sup>-* erweisen, denn die Akzentverhältnisse variieren bei all diesen Bildungen<sup>28</sup>; der Akzent könnte also sekundär sein. Formal sehr ähnlich ist jedenfalls altpersisch <mrik-> = /marīka-/ < *\*mariyaka-* < *\*maryaka-* ‘Gefolgsmann, Untertan’. Beide Wörter sind Ableitungen von iir. *\*méryo-* > *\*márya-* (ved. *márya-*) ‘Jung-

<sup>27</sup> Für Wackernagel (1889: 52) nach Schmidt (1889: 398–299) war hier *-οπ-* noch durch Verlust des anlautenden Vokals im Hinterglied erklärbar, aber in laryngalischer Notation steht diese Möglichkeit nicht mehr zur Verfügung.

<sup>28</sup> Vgl. z.B. *ápāka-* ~ *apākā́(t)* neben *ápā(ñ)c-*, Wackernagel/Debrunner (1954: 520); zur Deminutivbetonung s. Wackernagel/Debrunner (1954: 515–516).

mann, junger Krieger’, das indirekt womöglich auch in vorderasiatisch-indoarisch *ma-ri-ia-an-nu-* fortlebt, “der Bezeichnung einer Gruppe in Mittani und Syrien, deren Status mit der Meisterung des leichten Streitwagens verbunden war”<sup>29</sup>. Ginge *\*maryaka-* somit auf die bereits indoiranisch thematisierte Schwachstufe eines noch älteren, ablautenden Kompositums *\*maryāk-* : *\*maryak-* mit Hinterglied *\*-h<sub>3</sub>ok<sup>h</sup>-* zurück (so dass also sowohl ved. *maryaká-* ‘Männchen’ wie auch ap. /marīka-/ ‘Gefolgsmann’ aus ‘jungmannartig’ und nicht einfach aus ‘jungmännlich’ mit deminutivem *\*-ko-* erwachsen wären), so ergäbe sich ein vor- oder frühindoiranisches Rekonstrukt *\*meryōk<sup>h</sup>-s*, *\*meryok<sup>h</sup>-* (← *\*meryo-(h<sub>3</sub>)ōk<sup>h</sup>-*, *\*meryo-(h<sub>3</sub>)k<sup>h</sup>-* wie zuvor beschrieben). Dieses Rekonstrukt aber entspräche exakt der für griech. (*\*μείρωψ*, *μειροπ-* →) *\*μείρωψ* → *μέρωψ* anzusetzenden Vorform.

## 6. μέρορες und μείρακες

Wir müssen indessen gar nicht so weit gehen, ein schon ur(zentral)indogermanisches Kompositum *\*meryo-h<sub>3</sub>ōk<sup>h</sup>-*, *\*meryo-h<sub>3</sub>k<sup>h</sup>-* anzusetzen. Ja, wir müssen noch nicht einmal unbedingt aus ved. *maryaká-* und ap. /marīka-/ ein schon indoiranisches *\*maryaka-* erschliessen bzw. für dieses *\*maryaka-* (oder für das vedische und altpersische Wort unabhängig voneinander) quasi-suffixalem *\*-h<sub>3</sub>ok<sup>h</sup>-* gegenüber *\*-ko-* den Vorzug geben. Wirklich entscheidend für unsere Belange ist allein das ganz sicher indoiranische *\*márya-* < *\*méryo-* ‘Jungmann, junger Krieger’ bzw. – wie im Altpersischen – ‘Gefolgsmann’. Wenn es ein solches *\*méryo-* schon voreinzelsprachlich und danach noch im Frühgriechischen gab, dann kann unser *\*μείρωψ* auch einfach eine (allenfalls zu ap. /marīka-/ bzw. ved. *maryaká-* parallele) unabhängige Bildung darstellen. Deren Muster wäre genau dasselbe wie bei *o*-stämmigem *\*φοῖνος* ‘Wein’ → (φ)οῖνωψ ‘wein-artig’: also *\*méryo-* ‘junger Krieger, Gefolgsmann’ [> *\*μείρος*] → *\*μείρωψ* ‘jungmann-artig, gefolgsmann-artig’, daher nach §3 [*\*μείρορες* →] *μέρορες ἄνθρωποι* ‘Gefolgsleute’.

Tatsächlich ist *\*méryo-* nicht aufs Indoiranische beschränkt, sondern hat auch im griechischen Sprachzweig eine deutliche Spur hinterlassen<sup>30</sup>. Klassisch bezeugt sind sowohl *μείραξ* ‘Mädchen,

<sup>29</sup> Mayrhofer (1986–2001, 2.329–330, s.v. *márya-*), mit Literatur zur umstrittenen Zugehörigkeit von *ma-ri-ia-an-nu-*.

<sup>30</sup> Frisk (1960–72: 2.195, s.v. *μείραξ*), Chantraine (1968–80: 2.678, s.v. *μείραξ*), Beekes (2009: 2.921, s.v. *μείραξ*); zum Suffix *-ακ-* s. Chantraine (1933: 377–380) (“surtout des notions familiares”), Risch (1974: 161–163).

junge Frau' als auch deminutives μειράκιον 'junger Mann'. Die männliche Bedeutung von μειράκιον ist darum wichtig, weil sie nahelegt, die Einschränkung von μείραξ auf die Frau sei sekundär, wohl in Entsprechung zu Fällen wie δέλφαξ f. 'Schwein', πόρταξ f. 'Kalb', σκύλαξ f. 'Welpen'. Jedenfalls ist griech. -ακ- nicht generell ein feminines Suffix: vgl. schon homerisch z.B. φύλαξ 'Wächter', μύλαξ m. 'Mühlstein'. Für μείραξ dürfen wir somit ursprünglich von einer weiteren Bedeutung 'junger Mann *oder* junge Frau' ausgehen. Das Suffix -ακ- bildete zu Anfang wohl Adjektive (vgl. bei Homer noch λίθαξ 'steinig' zu λίθος 'Stein'), aber am Ende überwiegt die Substantivierung. Formal entspricht das Verhältnis von λίθαξ zu λίθος genau demjenigen von μείραξ \*'junge Person' zu \*μείρος < \*μέρυο- 'Jungmann'. Die für die obige Herleitung von μέρορες notwendige Existenz von \*μέρυο- noch in einer frühen Phase des Griechischen ist demnach unabhängig gesichert<sup>31</sup>.

### 7. Junge Männer auf Beutezug

Damit bleibt noch die Frage nach der Etymologie von \*μέρυο- selbst, diesem Wort für 'Jungmann, junger Krieger'. Hierzu hat sich P. Thieme in einem bekannten Artikel geäußert (Thieme 1963). Danach gehörte \*μέρυο- zu einem Wurzelnomen \*μερ-, \*μερ- f. 'Glanz' und bedeutete (wie sein von Thieme angesetztes feminines Gegenstück \*μερη<sub>2</sub>) 'der [bzw. die] Glanzhafte'. Die zugrundeliegende Wurzel wäre das schon in § 2 erwähnte \*μερ- von griech. μαρμαίρω 'funkeln, glänzen', lat. mare 'Meer' usw. Zur Semantik notiert Thieme: "Dass man mit beliebigen Ausdrücken für Glänzen von Schönheit und strahlender Jugend sprechen kann, ist so selbstverständlich, dass man es nicht eigentlich ernsthaft zu belegen braucht"<sup>32</sup>. Er führt dann aber doch einige wenige Stellen aus dem *Rigveda*, der *Ilias* und der lateinischen Dichtung an. Eindeutig widerlegen lässt sich diese Theorie natürlich nicht. Es macht aber wohl einen Unterschied, ob – wie in Thiemes Belegen – von jungen Männern und Frauen gesagt wird, dass sie 'glänzen' oder 'strahlen', oder ob dieses 'Glänzen' so sehr intrinsisches Merkmal ist, dass

<sup>31</sup> Wenn die isolierte Glosse μέρορες: οἱ ἄφρονες ὑπὸ Εὐβοέων (*P. Oxy.* 1802. 48) verlässlich ist und etwas Altes bewahrt, so kann sie die hier vorgeschlagene Etymologie weiter stützen. Ebenso wie im Iranischen \*maryaka- semantisch deterioriert (vgl. unten, § 7), nimmt auch att. μειράκιον leicht eine negative Färbung an und wird mit jugendlich-unbedachten Verhaltensweisen assoziiert (z.B. *Plb.* 2.68.2).

<sup>32</sup> Thieme (1963: 242), mit anschließendem Verweis auf *RV* 10.107.10, 7.56.16, *Il.* 3.392, *Hor. carm.* 3.3.25, 1.5.13.

‘der/die Glanzhafte’ schlechterdings zum Wort für ‘junge Person’ wird. Insofern scheint die folgende Alternative erwägenswert.

Im Altindischen kann mit *márya-* sowohl der ‘junge Krieger’ als auch der ‘junge Mann einer Frau’, ihr ‘Liebhaber’ bezeichnet werden (Mayrhofer 1986–2001: 2.329, s.v. *márya-*). Spezifischer auf die militärisch-‘politische’ Rolle bezogen ist dagegen ap. /marīka-/ ‘Gefolgsmann, Untertan’. Dessen Bedeutung erhellt weiter jav. *mairiia-* ‘Schurke, Bube’ mit semantischer Deterioration wie in dt. *Knecht* ~ engl. *knight* und umgekehrt engl. *knave* ~ dt. *Knappe, Knabe*. Noch klarer in den militärischen Bereich weist natürlich vorderasiatisch-indoarisch *ma-ri-ia-an-nu*, falls es denn hierher gehört (vgl. §5). Insgesamt dürfte jedenfalls beim Begriff *\*méryo-* schon zu Beginn der soziale und nicht der rein biologische Aspekt des ‘Jungmanns’ im Zentrum gestanden haben. In Entsprechung zu den kriegerischen Maruts um Rudra, die im *Rigveda* als *máryāḥ* bezeichnet werden (RV 1.64.2, 3.54.13, 5.59.6, etc.), bildeten die *\*méryōs* demnach wohl eine (um einen Anführer gescharte) kriegerische ‘Jungmannschaft’<sup>33</sup> – eine entfernte Vorstufe etwa der Epheben in Athen oder der ἀγέλαι in Sparta, wenn auch sicher noch nicht ‘staatlich’ geordnet und darum typologisch eher mit dem vergleichbar, was Caesar über die germanische *iuventus* berichtet, die sich *ad hoc* um einen *dux* rottete, um auf Raubzug unter fremden Stämmen zu ziehen (BG 6.23.8–9):

latrocinia nullam habent infamiam quae extra fines cuiusque civitatis fiunt, atque ea iuventutis exercendae ac desidia minuendae causa fieri praedicant. atque ubi quis ex principibus in concilio dixit se ducem fore, qui sequi velint, profiteantur, consurgunt ii qui et causam et hominem probant, suumque auxilium pollicentur atque a multitudine conlaudantur; qui ex his secuti non sunt, in desertorum ac proditorum numero ducuntur, omniumque his rerum postea fides derogatur.

‘Raubzüge, die ausserhalb des jeweiligen Stammesgebietes stattfinden, sind überhaupt nicht verpönt, sondern sie vertreten die

<sup>33</sup> Vgl. Wikander (1938: bes. 22–41) (“Die Marut’s, und sie allein von allen Göttergruppen, werden aber und aber *máryāḥ* genannt, man hat den Eindruck, dass es sich in Bezug auf sie gerade um eine technische Bedeutung handelt”, S. 24), trotz Renou (1962: 10 Anm. 1, 64) zum Vedischen; gemäss Boyce (1987) dürfte Wikander zu weit gehen, wenn er an “socio-religious male societies, set apart by special initiation ceremonies” denkt, doch die Identifikation der *\*meryōs* als “warriors” ist davon nicht betroffen.

Ansicht, diese dienten dazu, die Jugend zu ertüchtigen und der Bequemlichkeit vorzubeugen. Sobald einer der führenden Männer in der Versammlung eröffnet hat, er werde einen Zug unternehmen und alle, die Folge leisten wollten, sollten das kundtun, stehen diejenigen auf, die das Unternehmen und die Person für gut befinden, versprechen ihre Unterstützung und werden von der Menge beglückwünscht; wer von diesen dann aber nicht mitzieht, wird als Deserteur und Verräter angesehen, und es wird ihm danach in keiner Angelegenheit mehr Vertrauen geschenkt.’

Als Kollektivbegriff für diese Art von Trupp verwendete man in voreinzelsprachlicher Zeit vielleicht das indogermanische *\*kóryos*, das in german. *\*harja-* (dt. *Heer*), mir. *cuire* ‘Heer’, lit. *kārias* ‘Heer’ ebenso fortlebt wie in den makedonisch- und thessalisch-griechischen Personennamen *Κόρραγος*, *Κορρίμαχος*, *Μενέκορρος* sowie den gallischen Stammesnamen *Tricorii*, *Petruccorii*, “presumably formed from alliances of respectively three and four roving warrior-bands” (West 2007: 449); oder dann ein feminines Synonym *\*kórih<sub>2</sub>* neben *\*koros* (oder *\*kōros?*, vgl. lit. *kāras* ‘Krieg’) > ap. /*kāra*/ ‘Heer, Kriegsvolk’, ai. *kārā-* ‘Sieg, (entscheidende) Handlung’, von dem sich griech. *κοίρανος* (~ anord. *herjann*) als Bezeichnung für den Anführer einer solchen ‘Kriegsbande’ ableitet (z.B. *Il.* 2.204 οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη· εἷς κοίρανος ἔστω ‘viele Führer zu haben ist nicht gut: einer soll Anführer sein’).

Ganz unabhängig von allen terminologischen Gemeinsamkeiten war aber der entscheidende Anreiz für die Expeditionen der germanischen Jungmänner jedenfalls derselbe wie für die indoiranischen *\*maryās* und die homerischen Krieger. Ihnen allen winkte ein Anteil an der vom Anführer zu verteilenden Beute. Caesar spricht von *latrocinia*, im *Rigveda* wird Agni mit einer ‘beutegierigen Freischar’ verglichen (*RV* 10.142.4 *pragardhínīva sēnā*), und in der *Ilias* (1.125) bemerkt Achill zu Agamemnon: ἀλλὰ τὰ μὲν πολίων ἐξεπράθομεν, τὰ δέδασται ‘was wir aus den Städten eroberten, das ist verteilt’. In nur leicht modifizierter Form lebt diese Erfolgsbeteiligung sogar noch weiter in der letztlich persönlichen Zuständigkeit des römischen Generals für die Beuteverteilung unter den Soldaten und die Versorgung der Veteranen oder *ē-meritī* (wörtlich ‘Aus-Verdiente’, zu *mereō* ‘verdienen, Anteil haben’).<sup>34</sup> Und so ist nun eben zu vermuten, die Wurzel *\*mer-* in *\*méryo-* sei nicht

<sup>34</sup> Zur Beuteverteilung vgl. etwa Shatzman (1972) und Coudry (2009), zur Veteranenversorgung auch gegen die Opposition des Senats Brunt (1971: 294–344) und Schneider (1977).



diejenige von μαρμαίρω oder *mare*, sondern diejenige von lat. *merēre* ‘verdienen’, griech. μείρομαι ‘Anteil nehmen’, μέρος ‘Teil’ usw. Gewiss wird letztere gemeinhin als *\*smer-* angesetzt (so *LIV* 518, s.v. 2. *\*smer-*), und fürs Griechische ist das etwa wegen des Perfekts (äol.) ἔμμορε ‘ist teilhaft’ und wegen des Adjektivs ἄμμορος ‘unteilhaftig’ mit -μμ- < *\*-sm-* auch naheliegend. Das anlautende *\*s-* ist hier aber grundsätzlich nicht weniger leicht als *s mobile* zu erklären als bei der gleichlautenden – und wohl ursprungsverwandten – Wurzel *\*(s)mer-* ‘denken an, sich erinnern’ (~ dt. ‘Anteil nehmen an’; dazu ved. *smárati* ‘erinnert sich’ gegenüber serb. *máriti* ‘sich kümmern’) (*LIV* 517–518, s.v. 1. *\*(s)mer-*). Anstelle von *\*meryo-* darf daher ohne weiteres auch *\*(s)meryo-* rekonstruiert werden. Dass ein derartiges *\*(s)meryo-* im Indoiranischen, wo *\*(s)mer-* anders als im Griechischen und Lateinischen nur noch als ‘denken an’, nicht als ‘Anteil nehmen’ fortlebt, letztlich von *\*smer-* (> *smar-*) getrennt wurde und deshalb in der Form *\*mer-* (> *mar-*) ohne *\*s-* auftritt, scheint unbedenklich. Was ferner die Bildung auf *\*-yo-* (oder *\*-iH-o-*; vgl. Meier-Brügger 2002: 286–288, mit Literatur) betrifft, so könnte Thieme recht haben, dass ein Wurzelnomen zugrundeliegt – also gemäss den von J. Schindler (Schindler 1972) angesetzten zwei Typen entweder *\*(s)mor-/ (s)mer-* oder *\*(s)mer-/ (s)mr̥-* ‘Teil’ bzw. ‘Teilung’ –, womit adjektivisches *\*(s)mér-yo-* zunächst so etwas wie ‘der zur Teilung gehörige (Mann)’ bedeutet hätte; aber ebenso möglich ist direkt deverbales *\*(i)yo-* wie in griech. ἄγιος < *\*(H)yá-ĝ-iyo-* ‘ehrwürdig, zu verehren’, ἄπειρος ‘unendlich’ < *\*ḡ-per-yo-* ‘nicht zu durchqueren’, ai. *jūr̥ya-* ‘verfallend’, *a-jaryá-* ‘nicht alternd’, allesamt mit quasi-partizipialer, oft auch deontischer Funktion, also ‘derjenige, der Anteil nimmt/der Anteil zu nehmen hat’.

## 8. Schluss

Fassen wir zum Schluss unser Ergebnis zusammen, so verstehen wir die μέρορες ἄνθρωποι der homerischen Urformel πόλις/πόλις (πόλεις) μερόπων ἀνθρώπων jetzt als ‘Gefolgsleute’ eines Anführers, die ansässig sind in einer von diesem Anführer begründeten und/oder geleiteten festen Siedlung, eben der πόλις dieses Anführers. Erst als man diesen Zusammenhang nicht mehr verstand, kam es zur Umdeutung des nach wie vor wahrgenommenen Bezugs zur Wurzel *\*(s)mer-* von μοῖρα und μέρος, und das Beiwort μέρορες konnte danach allgemeiner die *condicio humana* benennen, in der jeder Mensch eine μοῖρα als ‘Geschick’ hat: das hesiodeische γένος μερόπων ἀνθρώπων entstand. Von Homer aus in die Vergangenheit

geblickt haben die μέροπες ihren letzten Ursprung jedoch in schon urindogermanischen ‘Jungmannschaften’, gebildet aus *\*(s)méryōs*, die – primär vielleicht als ‘rite de passage’ am Eintritt zum Mannesalter – unter einem Anführer auf Beutezug gingen. Jeder solche ‘Teilnehmer’ oder *\*(s)méryos* (vgl. ved. *márya-* bzw. sekundär ap. /marīka-/) erhielt bzw. ‘verdiente’ (vgl. lat. *merēre* < stativisch *\*(s)mer-éh<sub>1</sub>-*, prägnant gerade von Soldaten verwendet<sup>35</sup>) dabei seinen ‘Anteil’ (vgl. griech. μοῖρα < *\*(s)mórih<sub>2</sub>*). Die linguistisch-etymologische Analyse einer verdunkelten homerischen Formel kann so einen kleinen, aber feinen Puzzlestein zu unserem nur allzu lückenhaften Bild indogermanischer Gesellschaftsstrukturen hinzufügen<sup>36</sup>.

### Literatur

- Arena 1974 – Arena R. Per una interpretazione dei termini Meropes e Chaoi // Rendiconti dell’Istituto Lombardo. T. 108. 1974. P. 417–437.
- Aura Jorro 1985–1993 – Aura Jorro F. Diccionario micénico. Vol. 1–2. Madrid, 1985–1993.
- Bechtel 1914 – Bechtel F. Lexilogus zu Homer. Etymologie und Stammbildung homerischer Wörter. Halle a. d. Saale, 1914.
- Beekes 1995/6 – Beekes, R. S. P. Aithiopes // Glotta. T. 73. 1995/6. P. 12–34.
- Beekes 2009 – Beekes, R. S. P. Etymological Dictionary of Greek. Vol. 1–2. Leiden, 2009.
- Berg 1978 – Berg N. Parergon metricum: der Ursprung des griechischen Hexameters // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. T. 37. 1978. P. 11–36.
- Bloch, Wartburg 1968 – Bloch O., Wartburg W. von. Dictionnaire étymologique de la langue française. 5. Aufl. Paris, 1968.
- Boyce 1987 – Boyce M. Priests, cattle and men // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. T. 50. 1987. P. 508–526.
- Bréal 1905/6 – Bréal M. Étymologies grecques // Mémoires de la Société de Linguistique de Paris. T. 13. 1905/6. P. 102–109.
- Brunt 1971 – Brunt P. A. Italian Manpower 222 B.C.–A.D. 14. Oxford, 1971.
- Carnoy 1956a – Carnoy A. Notes d’étymologie grecque // Revue des Études Grecques. T. 69. 1956. P. 279–289.
- Carnoy 1956b – Carnoy A. Notes d’onomastique mythologique grecque // Beiträge zur Namenforschung. T. 7. 1956. P. 117–122.

<sup>35</sup> Vgl. *ThLL* 8.803, s.v. *mereō* IA1b; *OLD* 1102, s.v. *mereō* 2.

<sup>36</sup> Der vorliegende Artikel ist während einer vom britischen Leverhulme Trust grosszügig finanzierten Forschungszeit (‘Major Research Fellowship’) entstanden. Dem Leverhulme Trust sei an dieser Stelle ebenso gedankt wie den Veranstaltern und Diskutanten an den St. Petersburger *Tronskij-Vorlesungen* 2013.

- Chantraine 1933 – Chantraine P. La formation des noms en grec ancien. Paris, 1933.
- Chantraine 1936 – Chantraine P. Homérique μερόπων ἀνθρώπων // Mélanges Cumont. Bruxelles, 1936. P. 121–128.
- Chantraine 1958 – Chantraine, P. Grammaire homérique. I: Phonétique et morphologie. 2. Aufl. Paris, 1958.
- Chantraine 1968–80 – Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Vol. 1–2. Paris, 1968–80.
- Coudry 2009 – Coudry M. Partage et gestion du butin dans la Rome républicaine: procédures et enjeux // M. Coudry und M. Humm (Hrsg.), Praeda: Butin de guerre et société dans la Rome républicaine. Stuttgart, 2009. P. 21–79.
- Debrunner 1924 – Debrunner A. Metrische Kürzung bei Homer // Ἀντίδωρον: Festschrift Jacob Wackernagel. Göttingen, 1924. S. 28–40.
- Fick 1872 – Fick A. Etymologische Beiträge // Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung. T. 20. 1872. S. 161–181.
- Fick 1901 – Fick A. Die griechischen verbandnamen (ethnika) // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. T. 26. 1901. S. 233–265.
- Frisk 1960–72 – Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Vol. 1–3. Heidelberg, 1960–72.
- Fry 2001 – Fry C. H. Family Meropidae (Bee-eaters) // J. del Hoyo, A. Elliott, J. Sargatal (Hrsg.). Handbook of the Birds of the World. VI: Mousebirds to Hornbills. Barcelona, 2001. P. 286–341.
- Garnier 2007 – Garnier R. Nouvelles réflexions étymologiques autour du grec ἄνθρωπος // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. T. 102. 2007. P. 131–154.
- Hackstein 2010 – Hackstein O. The Greek of epic // E. J. Bakker (Hrsg.), A Companion to the Ancient Greek Language. Malden, Mass.; Oxford, Chichester, 2010. P. 401–423.
- Hajnal 2003 – Hajnal I. Troia aus sprachwissenschaftlicher Sicht. Die Struktur einer Argumentation. Innsbruck, 2003.
- Hamp 1973 – Hamp, E. Formations indoeuropéennes à second élément \*-(H<sub>0</sub>)k<sup>w</sup>-’ // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. T. 68, 1973. P. 77–92.
- Koller 1968 – Koller H. Πόλις Μερόπων Ἀνθρώπων // Glotta. T. 46. 1968. P. 18–26.
- Lejeune 1961 – Lejeune M. Discussions étymologiques // Revue des Études Anciennes. T. 63. 1961. P. 433–438.
- Leumann 1950 – Leumann M. Homerische Wörter. Basel, 1950.
- Leumann 1977 – Leumann M. Lateinische Laut- und Formenlehre. München, 1977.
- LfgRE – Lexikon des frühgriechischen Epos. Göttingen, 1955–2010.
- LIV – Rix H. Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. 2. Aufl., von M. Kümmel und H. Rix. Wiesbaden, 2001.
- Mayrhofer 1986–2001 – Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Vol. 1–3. Heidelberg, 1986–2001.
- Meier-Brügger 2002 – Meier-Brügger M. Indogermanische Sprachwissenschaft. 8. Aufl. Berlin; New York, 2002.
- Morani 1990 – Morani M. Tre aggettivi omerici // Sileno. T. 16. 1990. P. 151–160.

- Moreschini Quattordio 1981 – Moreschini Quattordio A. Le formazioni greche suffissate in -op-, -ōp-: μέροπες ἄνθρωποι e ἐλίκωπες Ἀχαιοί // *Studi e Saggi Linguistici*. T. 21. 1981. P. 41–77.
- Mühlestein 1958 – Mühlestein H. Einige mykenische Wörter // *Museum Helveticum*. T. 15. 1958. S. 222–226.
- OED Online – Oxford English Dictionary Online (www.oed.com).
- OLD – Glare P. G. W. (Hrsg.) *Oxford Latin Dictionary*. Oxford, 1982.
- Oštir 1929 – Oštir K. Vorgriech. μῶλυ // *Donum Natalicium Schrijnen*. Nijmegen; Utrecht, 1929. S. 286–294.
- Pastor de Arozena 1993 – Pastor de Arozena B. Μέροπες ‘glitter-ish’ // *Classical Philology*. T. 88. 1993. P. 137–138.
- Pisani 1976 – Pisani V. Μέροπες ἄνθρωποι // *Acme*. T. 29. 1976. P. 5–7.
- Ramat 1959/60 – Ramat, P. Nuove prospettive per la soluzione del problema dei Μέροπες di Cos // *Atti e Memorie dell’Accademia Toscana di Scienze e Lettere La Colombaria*. T. 24. 1959/60. P. 129–157.
- Ramat 1962 – Ramat P. Su alcune tracce del totemismo nell’onomastica greca: gli etnici in -οπες // *Rivista di Filologia e di Istruzione Classica*. T. 40. 1962. P. 150–179.
- Renou 1962 – Renou L. *Études védiques et pāṇinéennes*. Vol. X. Paris, 1962.
- Ribezzo 1927 – Ribezzo F. Ἄνθρωπος – δρῶψ – νῶροψ – ἄνθραξ – μέροψ // *Rivista Indo-Greco-Italica*. T. 11. 1927. P. 238.
- Risch 1974 – Risch E. *Wortbildung der homerischen Sprache*. 2. Aufl. Berlin; New York, 1974.
- Runes 1934 – Runes M. Μέροψ // *Indogermanische Forschungen*. T. 52. 1934. S. 216–217.
- Schindler 1972 – Schindler J. L’apophonie des noms-racines // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. T. 67. 1972. P. 31–38.
- Schmidt 1889 – Schmidt J. *Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra*. Weimar, 1889.
- Schneider 1977 – Schneider H.-C. *Das Problem der Veteranenversorgung in der späteren römischen Republik*. Bonn, 1977.
- Shatzman 1972 – Shatzman I. The Roman general’s authority over booty // *Historia*. T. 21. 1972. P. 177–205.
- Strunk 1970 – Strunk K. Verkannte Spuren eines weiteren Tiefstufentyps im Griechischen // *Glotta*. T. 47. 1970. S. 1–8.
- Thieme 1963 – Thieme P. ‘Jungfrauengatte’: Sanskrit kaumāraḥ patih – Homer. κουρίδιος πόσις – Lat. maritus // *Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*. T. 78. 1963. S. 161–248.
- ThLL – *Thesaurus Linguae Latinae*. Leipzig; Berlin; New York, 1900–.
- Tichy 1981 – Tichy E. Hom. ἀνδροτήτα und die Vorgeschichte des daktylischen Hexameters // *Glotta*. T. 59. 1981. S. 28–67.
- Tichy 2010 – Tichy E. *Älter als der Hexameter? Schiffskatalog, Troerkatalog und vier Einzelszenen der Ilias*. Bremen, 2010.
- Tucker 1922 – Tucker T. G. Etymologies of some Homeric words // *Classical Quarterly*. T. 16. 1922. P. 100–102.
- Wackernagel 1889 – Wackernagel J. *Das Dehnungsgesetz der griechischen Komposita* // *Programm zur Rektoratsfeier der Universität Basel*, 1889. P. 1–65.
- Wackernagel 1916 – Wackernagel J. *Sprachliche Untersuchungen zu Homer*. Göttingen, 1916.

- Wackernagel, Debrunner 1954 – Wackernagel J., Debrunner A. Altindische Grammatik. Vol. II/2: Die Nominalsuffixe. Göttingen, 1954.  
West 2007 – West M. L. Indo-European Poetry and Myth. Oxford, 2007.  
Wikander 1938 – Wikander S. Der arische Männerbund. Studien zur indo-iranischen Sprach- und Religionsgeschichte. Lund, 1938.

#### A. Willi. Μέροπες ἄνθρωποι

After a review of the early Greek attestations of the formulaic phrase μερόπων ἀνθρώπων and its variations and after a critical discussion of previous attempts to etymologise the obscure adjective μέροπες, it is proposed that this term represents a metrically adapted version of an earlier \*μείροπες; the latter belongs to the family of μείρομαι ‘share in sth.’, from the PIE root \*(s)mer- ‘share’, but is more directly derived from PIE \*meryo- referring to a ‘young man/warrior’ *qua* follower of a military leader. Thus, the epic formula πόλις μερόπων ἀνθρώπων originally referred to a settlement established by and for such ‘followers’ turned into political ‘subjects’.

*Keywords:* Greek epic formulae, πόλις μερόπων ἀνθρώπων.

## GREEK ἰάπτω\*

Предметом данной статьи служит редкий глагол (κατα)ἰάπτω ‘портить, ранить, наносить ущерб’. В качестве рабочей гипотезы принимается отсутствие этимологической связи между этим глаголом и (προ)ἰάπτω ‘слать (стрелы), низвергать (души героев в Аид)’. Взамен предлагается возводить ἰάπτω ‘ранить’ к редуцированной презентной основе \*se-s(e)h<sub>2</sub>p-(ie/o-) от корня \*seh<sub>2</sub>p- ‘бить’. Реконструкция этого корня предлагается впервые; она подкрепляется анатолийским, индоиранским и латинским языковым материалом. Для хеттского глагола *šap(p)*- в статье обосновывается синхронное значение ‘ударить, ткнуть’ и предлагается возведение к корневному аористу \*seh<sub>2</sub>p-. К корню \*seh<sub>2</sub>p- может также восходить не имеющий этимологии осетинский глагол *safyn* (ирон.), *isafun* (дигор.) ‘губить’, который возводится к основе \*(цi-)šāraja- < \*seh<sub>2</sub>p-eje/o-; сходную праформу может продолжать ведийский гапакс *sārāyant-* ‘бьющий, разящий (врагов)’ (ТВ 2.4.6.5.4). Корень со значением ‘бить’ мог быть употреблен в переносном значении ‘*futuere*’ (в случае корня \*seh<sub>2</sub>p-, помимо типологических параллелей, эта гипотеза подкрепляется белудж. *šārag* ‘покрывать овцу’): эту семантику предлагается видеть в лат. *prōsāria* ‘род’ и *sōriō, -ōnis* ‘*penis*’ (Cat. 37.10, CIL 4.1700 и, возможно, Petron. Sat. 22).

*Ключевые слова:* этимология, древнегреческий язык, хеттский язык, латинский язык, осетинский язык, древнеиндийский язык, ларингальная теория.

1. There are two verbs ἰάπτω in Greek which are listed separately in the *LSJ*, but are not always kept distinct in other works of reference. Neither verb has an accepted etymology and opinions are still divided as to whether or not they go back to the same root. One of the verbs is the better known (προ)ἰάπτω ‘send forth’, ‘shoot (arrows)’, ‘rush (oneself)’, familiar from the proem of the *Iliad*: πολλὰς δ’ ἰφθίμους ψυχὰς Ἄϊδι προΐαψεν ‘hurled strong souls in their multitudes to the house of Hades’ (*Il.* 1.3). The other verb is less frequent (κατα)ἰάπτω ‘hurt’, first attested in the *Odyssey*. This verb will be the object of our inquiry in this paper.

---

\* I would like to record my gratitude to Jay Jasanoff, Alexis Manaster Ramer, H. Craig Melchert, Martin Peters, Jeremy Rau, Martin Schwartz, Andrei Sidel'tsev, and Brent Vine for their comments on an earlier version of this paper. Usual disclaimer applies. I would also like to gratefully acknowledge the financial support from the Research Council of the President of the Russian Federation (grant nr. МК-389.2011.6).

**1.1.** (κατα)ιάπτω is found in the *Odyssey* twice, in a *versus iteratus*: in book 2 Telemachus speaks to his nurse, Eurycleia, who later retells this conversation to Penelope.

*Od.* 2.376 (~ 4.749)

ἀλλ' ὄμοσον μὴ μητρὶ φίλῃ τάδε μυθήσασθαι,  
πρὶν γ' ὅτ' ἂν ἑνδεκάτῃ τε δωδεκάτῃ τε γένηται,  
ἢ αὐτὴν ποθέσαι καὶ ἀφορμηθέντος ἀκοῦσαι  
ὡς ἂν μὴ κλαίουσα **κατὰ χροῶα** καλὸν **ιάπτῃ**

But swear to not tell these things to my dear mother  
at least until the eleventh or the twelfth day comes  
or she misses me and hears that I've departed  
so she (= Penelope) won't **mar** her fair **flesh** with weeping

The ancient commentators understood the verb as 'hurt, spoil, damage': thus scholia D provide a gloss διαφθείρη 'ruin' for *Od.* 2.376 and in schol. min. (P. Mich. 1588) *ιάπτω* is glossed as ἢ ἐξέβαλεν ἢ διέφθειρεν; in Hesychius we find *ιάπτειν*: βλάπτειν and *ιαφθῆναι*: ἀποθανεῖν<sup>1</sup>.

The verb *ιάπτω* in the meaning 'hurt' is also probably attested in a processional song by Bacchylides where the verb has 'heart' as its direct object, contrasting with earlier ἀπενθῆ θυμὸν ἔχων 'having spirit free from grief'.

Bacch. fr. 11.6:

εἷς ὄρος, μία βροτοῖσιν ἔστιν εὐτυχίας ὁδός,  
θυμὸν εἴ τις ἔχων ἀπενθῆ δύναται  
διατελεῖν βίον· ὅς δὲ μυ-  
ρία μὲν ἀμφιπολεῖ φρενί,  
τὸ δὲ παρ' ἄμάρ τε <καὶ> νύκτα μελλόντων  
χάριν αἰὲν **ιάπτεται**  
**κέαρ**, ἄκαρπον ἔχει πόνον

There is one guideline, one path to happiness for mortals:  
to be able to keep an ungrieving spirit throughout life.  
The man who busies his mind with a thousand cares,  
whose **heart is hurt** day and night for the sake of the future,  
has fruitless toil.

<sup>1</sup> It is interesting to note that Quintus of Smyrna adapted the *Odyssean* verse in a martial context, where *ιάπτω* refers to piercing by spear: Ἐνθα τότε Αἰνείας κατ' ἀσπίδος ἔγχος ἔρεισε / Τεῦκρος ἐυμελῆς· τοῦ δ' οὐ **χροῶα καλὸν ἴαψεν** (Q. S. 6.546). This nicely illustrates the understanding of the Homeric verse current in the late Antiquity.

The form (αἰέν) ἰάπτεται in this passage is Boeckh's palmary emendation of the meaningless ἄονι ἄπτεται in the mss. of Stobaeus (*Flor.* 4.44.16). Estienne's alternative conjecture δάπτεται 'devours' is quite elegant, but ἰάπτεται κέαρ commands acceptance in view of a late Alexandrine imitation ἰάπτομαι ἄλγεσιν ἦτορ ([Mosch.] *Meg.* 39)<sup>2</sup>.

W. Schulze cited Aesch. *Septem* 525 πρόσθε πυλᾶν κεφαλᾶν ἰάψειν 'he (= Hippomedon) will ἰάπτειν his head before the gates'<sup>3</sup> as one more example of ἰάπτω in the meaning 'to hurt' (Schulze 1892: 168 n. 3). But while any increase in the documentation of ἰάπτω, would be salutary, Schulze's suggestion is doubtful, since Aeschylus' iuncture κεφαλᾶν ἰάψειν is hard to separate from *Il.* 11.55 πολλὰς ἰφθίμους κεφαλὰς Ἄϊδι προιάψειν "hurl down a multitude of strong heads to the house of Hades". The Iliadic phrase referring to the slaying of men may have engendered a considerable confusion in the usage of ἰάπτω<sub>1</sub> and ἰάπτω<sub>2</sub> already in the antiquity; it is entirely possible that Aeschylus reanalyzed the Homeric phrase as applicable to one's own head<sup>4</sup>. The Aeschylean verse is thus not very likely to continue an old use of ἰάπτω<sub>2</sub> 'hurt'.

**1. 2.** Outside Bacchylides and the *Odyssey* the verb ἰάπτω 'hurt' is not found until post-classical times when it reemerges in Hellenistic bucolic and epic poetry. In Apollonius' *Argonautica* ἰάψει refers to hypothetical damage that might be done by an unskilled helmsman:

Ap. Rh. 2.875:

ὣς δὲ καὶ ἄλλοι δεῦρο δαήμονες ἄνδρες ἔασιν,  
τῶν ὅτινα πρύμνης ἐπιβήσομεν, οὐ τις ἰάψει  
ναυτιλίην.

And so there are here other men of skill,  
of whom none **will harm** our **voyaging**,  
whomsoever we set at the helm

<sup>2</sup> The epyllion "Megara" is ascribed by the manuscript tradition to Moschus; while the authorship is uncertain, its author must have been a *poeta doctus*, steeped in the knowledge of archaic and classical poetry. The poem is replete with Homeric and lyric reminiscences, including, as is the custom of the genre, most obscure and rare words and expressions (for a useful collection see Breitenstein 1966: 70–93).

<sup>3</sup> Sommerstein translates ἰάπτειν as 'lose'.

<sup>4</sup> Cf. "ἰάπτειν war schon den Tragikern eine Glosse, die sie für ganz Verschiedenes verwendeten" (Wilamowitz-Moellendorff 1907: 35: a pronos of *PHes.* 1 fr. 204.118–19 (M.–W.) καὶ π]ολλὰς Ἄϊδη κεφαλὰς ἀπὸ χαλκὸν ἰάψ[ει]ν).



Here one may wonder which of the two verbs ἰάπτω is used, since the meaning ‘to hurl’ would not be altogether unfathomable in the description of a ship thrown off course. However, ναυτιλίη means ‘sea voyage’ or ‘seamanship’; in the *Argonautica* the word is used 16 times in the former meaning and once in the latter, but never in the meaning ‘ship’. Therefore the most likely translation of ἰάψει ναυτιλίην is ‘does harm to the sea voyage’ which is in fact how the line was understood in the antiquity: οὐδείς διαφθερεῖ τὸν πλοῦν (Schol. *L<sup>m</sup>* Wendel)<sup>5</sup>.

In Nicander ἰάπτω likewise means ‘hurt, strike’: ὅτε δὴ κακὸν ἄνδρας ἰάπτει ‘this is the time when disaster strikes a man’ (*Th.* 116); κεῖνο ποτὸν δὴ γάρ τε καρῆατι φοινὸν ἰάπτει ‘this drink (viz. hemlock) assuredly looses disaster upon the head’ (*Al.* 187)<sup>6</sup>. In its literal meaning, the verb refers to insects’ and snakes’ bites: βουβῶσι τυπὴν ἀλίαςτον ἰάπτει ‘(scorpion) deals an incurable stroke upon the groin’ (*Th.* 784); νοῦσον δ’ ἀζαλέην ... τυπῆσιν ἀμυδροτέρησιν ἰάπτει ‘[the viper] imparts the affliction of thirst with its feeble blows’ (*Th.* 357–58)<sup>7</sup>.

The “Bacchylidean” way of using ἰάπτω with reference to feelings and heartache (ἰάπτεται κέαρ) is likewise continued in Hellenistic poetry. We have already seen one example of the verb employed to describe the state of emotional turmoil (ἰάπτομαι ἦτορ *Meg.* 39); similarly, Theocritus uses the verb twice about being consumed by the fire of love: μοι πυρὶ θυμὸς ἰάφθη ‘my heart was aflame’ (2.82) and ὅς με κατασμύχων καὶ ἐς ὀστίον ἄχρις ἰάπτει ‘(Eros), who tortures me by burning me up to the very bones’ (3.17).

**1.3.** As a result of this cursory review of relevant passages, we see that the difference in meaning between (προ)ἰάπτω ‘send forth’ and (κατα)ἰάπτω ‘hurt’ is beyond doubt. The question now becomes whether ἰάπτω<sub>1</sub> and ἰάπτω<sub>2</sub> go back to two different verbal roots or they are the same verb in origin<sup>8</sup>. But while one could imagine how the meaning ‘kill’ could have developed based on such usages as *Il.* 1.3 (ψυχὰς Ἄϊδι προΐαψεν), it is still quite hard to conceive of a

<sup>5</sup> Vian–Delage 1974: 218: “compromettra la navigation”; Green 2007: 101 “mess up our voyage”; Matteo 2007: 575: “danneggera”.

<sup>6</sup> On the interpretation of the verse see Gow 1951: 109.

<sup>7</sup> Translations from Nicander follow Gow–Scholfield 1953.

<sup>8</sup> The widely held belief is that the verbs continue the same root, e.g. *GEW* 705; Peters 1980: 101 n. 44; Tichy 1983: 230; St. West 1988: 153; Maehler 1997: 313; Beekes 2010: 574.

further development to ‘hurt the skin’ (*Od.* 2.376 κατὰ χροῖα ἰάπτῃ) or ‘bite into the groin’ (*Nic. Th.* 784 βουβῶσι τυπὴν ἰάπτει)<sup>9</sup>.

In fact it was the view of scholars no less than W. Schulze and F. Bechtel that ἰάπτω ‘βλάπτω’ is a separate verb (although neither authority ventured an etymology for either of the two verbs ἰάπτω) (Schulze 1892: 168 n. 3; Bechtel 1914: 180). In this paper I will build on this idea and offer a new etymological account of ἰάπτω ‘hurt’, assuming that this verb is distinct from ἰάπτω ‘send forth, hurl’<sup>10</sup>.

2. We will start with an internal reconstruction. ἰάπτε/o- is best analyzed as a present stem reduplicated with \*i-<sup>11</sup> and extended with suffixal \*-je/o-<sup>12</sup>. Such extended reduplicated present stems are not

<sup>9</sup> The use of κατὰ with *verba delendi* is well documented, but I cannot agree with Lindblad 1922: 111 that the preverb itself should be held responsible for the meaning ‘to hurt’ in our case (i.e.: it was the addition of κατα- ‘zer-’ to ἰάπτω ‘send forth’ that resulted in the meaning that κατὰ ἰάπτῃ has in the *Odyssey*). The development of κατα- must have been from ‘down, downward’ to ‘completely’; its “destructive” meaning in compounds must have been brought about by its use with verbal roots *already* denoting violent physical actions (cf. κατατρύχω ‘wear out’, καταδάπτω ‘devour’, καταπρίω ‘bite into pieces’, καταπτίσσω ‘grind to powder’, etc.). I am unable to find any examples of κατα- added to a verbal root whose meaning had nothing to do with any harm whatsoever and the resulting compound denoting some kind of destructive action.

<sup>10</sup> The old connection between (προ)ἰάπτω ‘to send forth, to hurl’ and Latin *iaciō* (e.g. Monro 1891: 46) is excluded by the \*h<sub>1</sub> in the root of the latter, clearly related to Greek ἦμι. The only somewhat plausible etymology known to me connects ἰάπτω<sub>1</sub> with the passive aorist ἔαφθη, attested twice in the *Iliad* in battle scenes, with ἄσπις ‘shield’ as the subject: *Il.* 13.543 ~ 14.419 ἐπ’ (αὐτῷ) δ’ ἄσπις ἔαφθη. The form was obscure already in the antiquity: Aristarchus wrote ἔαφθη, thinking of ἔπομαι, while Herodian recommended a derivation from ἄπτω; both etymologies can still be found in modern works. H. Ebel (1855: 167) was the first to compare ἔαφθη to ἰάπτω; he was followed by K. Meister (1921: 110 n.2). There have been several ingenious attempts to find a plausible cognate of ἔαφθη outside Greek: thus F. Froehde (1879: 24) proposed Sanskrit *vāpati* ‘scatter, throw’ as the cognate, and M. Meier-Brügger (1989: 91–92) suggested a comparison with ὁμῆ ‘song’ and Germanic \*sing<sup>w</sup>an ‘to sing’, assuming that the verb described the clang of weapons. But the most plausible etymology was offered by J. Schmidt (1881: 131; 1895: 63) who compared ἔαφθη and ἰάπτω to Germanic \*sink<sup>w</sup>an ‘to fall’ and Armenian *ankanim* ‘id.’: PIE \*seng<sup>w</sup>- must therefore have had an original meaning ‘to shove down’ (trans.), ‘to fall down’ (intr.). (On Ἰάπετος see Peters 1980: 101 n. 44).

<sup>11</sup> All Greek reduplicated present stems have -i- as the reduplication vowel: granted the reduplicated present is old enough, it could have been reduplicated with an -i- or an -e- in the protolanguage.

<sup>12</sup> E. Tichy (1983: 230) surmised that the reduplication in ἰάπτω was

unknown, e.g. ἰάλλω ‘send forth’ (< \*si-sl̥-je/o-), τῆλαινω ‘stretch’ (< \*ti-t̥h̥-je/o-), (Aeolic) λιλαίομαι ‘long, desire’ (< \*li-las-je/o-) or ἰαύω ‘spend the night’ (< \*h<sub>2</sub>i-h<sub>2</sub>us-je/o-)<sup>13</sup>. As an alternative one could set up a stem with a rare verbal suffix \*-te/o- (type \*pek̥-te/o- ‘to comb’, \*plek̥-te/o- ‘to weave’), but this reconstruction has much less to recommend itself: so far as can be inferred from extremely scanty data, the suffix \*-te/o- does not occur in reduplicated stems<sup>14</sup> and is virtually absent from Greek<sup>15</sup>.

If the suffix was \*-je/o-, the next step would be to assume, rather straightforwardly, that -πτε/o- came from \*-p̥je/o- and that the final consonant of the root in question was \*p; and yet neither \*k<sup>w</sup> nor even \*g<sup>w</sup> can be ruled out with certainty<sup>16</sup>. As for the beginning of the root, it is important to note that the absence of a *spiritus asper* in ἰάπτε/o- is not diagnostic for our purposes: as a poetic verb, ἰάπτω probably comes from either East Ionian or Aeolian poetic tradition and is therefore likely to show psilosis. The root of ἰάπτω could therefore have begun with any one of the consonants lost in Greek in intervocalic position: \*u, \*s or \*j<sup>17</sup>. Finally, the root vowel -α- can have various sources, including \*h<sub>2</sub>, \*ŋ, \*m̥ and \*a.

---

analogical to “semantisch nicht allzu fernstehende[m]” ἰάλλω, but the semantic points of contact are between (προ)ἰάπτω<sub>1</sub> and (προ)ἰάλλω (both ‘to send forth’), not between (κατα)ἰάπτω<sub>2</sub> and ἰάλλω.

<sup>13</sup> On the phonology of ἰαύω < \*h<sub>2</sub>i-h<sub>2</sub>us-je/o- see Peters 1980: 34–39.

<sup>14</sup> The only (highly uncertain) example is ἀνύτω / ἀνύτω, the Attic equivalent of ἀνύω ‘accomplish’ (Thuc., Pl.); πεκτέω ‘shear’ (Ar. Av. 714; Lys. 685) is almost certainly a denominative.

<sup>15</sup> The other thinkable possibility is that the suffix was \*-d<sup>h</sup>e/o-, assuming that the expected \*ἰάφθε/o- was reshaped into \*ἰάπτε/o- after other tense allomorphs that had (i)άπ-; however, all Greek stems in -θε/o- are intransitive (ἄχθομαι ‘be vexed’, θαλέθω ‘sprout’, πλήθω ‘be full’, φθινύθω ‘wane’, etc.).

<sup>16</sup> Since the actually attested *Averbo* of our verb is built on the present stem ἰάπτε/o- (fut. ἰάψε/o-, aor. ἰάψα-, etc.) and we do not know what its prehistoric forms may have been, nothing in principle stands in the way of positing the following two-stage process: first, in an athematic form (e.g. root aorist middle ‘was hurt’) the root final labiovelar produces a labial reflex before another consonant: \*-k<sup>w</sup>/g<sup>w</sup>-to > \*-p-to. Then the root allomorph with a final \*-p is generalized in Proto-Greek and the suffix \*-je/o- – whose addition to the reduplicated present stem has to be secondary anyway – is added to this very allomorph. (Cf. the pair ἐνίσσω : ἐνίπτω; see Hackstein 1997).

<sup>17</sup> However, the last of these three options requires a number of additional assumptions, since one would expect reduplicated \*ji-iVp- to have given Greek †ζιαπ- with initial \*j̥- > ζ- (see García Ramón 1999). A reconstruction of a root-initial sequence \*h<sub>x</sub>i- solves this problem, but still does not elicit the desired result, since \*h<sub>x</sub>ii-h<sub>x</sub>iVp- would have produced a stem

We are thus confronted with a plethora of possible variants: \* $\text{ueh}_2\text{p-}$  / \* $\text{uap-}$  / \* $\text{uemp-}$ <sup>18</sup>, \* $\text{ueh}_2\text{k}^{\text{w-}}$  / \* $\text{uak}^{\text{w-}}$  / \* $\text{uemk}^{\text{w-}}$ , \* $\text{ueh}_2\text{g}^{\text{w-}}$  / \* $\text{uag}^{\text{w-}}$  / \* $\text{uemg}^{\text{w-}}$ , \* $\text{seh}_2\text{p-}$  / \* $\text{sap-}$  / \* $\text{semp-}$ , \* $\text{seh}_2\text{k}^{\text{w-}}$  / \* $\text{sak}^{\text{w-}}$  / \* $\text{semk}^{\text{w-}}$ , \* $\text{seh}_2\text{g}^{\text{w-}}$  / \* $\text{sag}^{\text{w-}}$  / \* $\text{semg}^{\text{w-}}$ , \*( $\text{h}_x$ ) $\text{ieh}_2\text{p-}$  / \*( $\text{h}_x$ ) $\text{ia-}$  / \*( $\text{h}_x$ ) $\text{iemp-}$ , \*( $\text{h}_x$ ) $\text{ieh}_2\text{k}^{\text{w-}}$  / \*( $\text{h}_x$ ) $\text{iak}^{\text{w-}}$  / \*( $\text{h}_x$ ) $\text{iemk}^{\text{w-}}$ , or \*( $\text{h}_x$ ) $\text{ieh}_2\text{g}^{\text{w-}}$  / \*( $\text{h}_x$ ) $\text{iag}^{\text{w-}}$  / \*( $\text{h}_x$ ) $\text{iemg}^{\text{w-}}$ . And yet, despite this abundance of options, the *LIV*<sup>2</sup> does not seem to contain a root of suitable form and meaning ('hurt, damage, strike' *uel sim.*).

Nonetheless, I believe that one of the roots posited *exempli gratia* above must in fact be reconstructed for the protolanguage and that this hitherto unrecognized root has cognates in Anatolian, Indo-Iranian and Latin. In what follows I will present the evidence for a root \* $\text{seh}_2\text{p-}$  with the meaning 'hit, strike, damage'.

**3.** The first ingredient of the proposed reconstruction is the Hittite verb *šapzi*, *šappanzi*, whose exact meaning is unclear.

It might be useful to briefly summarize the research situation regarding this verb. J. Friedrich's widely accepted translation of *šap(p)-* is 'scrape, peel, wash' (Friedrich 1968: 38; Tischler 2001: 143 'schälen'; Puhvel 2004: 20: 'strip, peel'). This analysis is based on the Luvianism *šappatta* (written with a *Glossenkeil*) which demonstrably means 'peeled off (the bark)' (the context will be examined momentarily). While there is no reason to doubt this interpretation of the Luvian form, it has given rise to conclusions more far-reaching that it can justify: in particular, N. Oettinger has argued that Hittite *šapzi* has the same meaning as *šappatta*, that *šapzi* is likewise a Luvianism and that Luvian *šap- < \*sep-* corresponds to genuine Hittite *šippai-* (Oettinger 1979: 383, partially corrected in Oettinger 1998: 98 n. 7). This position is open to objections from more than one angle. H. Güterbock, however, argued that *šap(p)-* rather means 'hit, slap'<sup>19</sup>. If Güterbock could be shown to be right and Oettinger could be shown to be wrong, Hittite *šapzi*, *šappanzi* would perhaps be traceable back to \* $\text{seh}_2\text{p-}$  and compared to Greek

---

with a long  $\bar{i}$ - in the reduplication syllable, cf. Attic  $\acute{\iota}\eta\mu\iota < *h_xii-h_xieh_1-$  (see Peters 1976). One would have to assume that \* $\acute{\iota}\acute{\alpha}\pi\tau\epsilon/o-$  underwent a morphological shortening to  $\acute{\iota}\acute{\alpha}\pi\tau\epsilon/o-$  in analogy to other verbs with *i*-reduplication ( $\acute{\iota}\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ ,  $\tau\iota\tau\alpha\acute{\iota}\nu\omega$  and perhaps even  $\acute{\iota}\acute{\alpha}\pi\tau\omega_1$  'hurl down' < \* $\text{si-sng}^{\text{w-}}$ , see above, n. 10).

<sup>18</sup> \* $\text{uenp-}$  is not listed as a possible variant, since \* $\text{-np}$  would probably assimilate to \* $\text{-mp}$  already in the protolanguage.

<sup>19</sup> Güterbock 1967: 141–42. See the excellent presentation of the evidence in *CHD-S* 201–3 with ample references (to which Kassian, Korolëv and Sideltsev 2002: 638–39 should now be added). The editors of the *CHD* have wisely adopted an agnostic position regarding the meaning of the verb.

ἰάπτω ‘hurt’ (< \*si-sh<sub>2</sub>p-), rescuing the latter from its etymological isolation.

**3. 1.** In view of the uncertainty of the meaning, a reassessment of the evidence seems in order. I will begin by reviewing the attestations of the verb *šap(p)-*, building on the work already done by Güterbock and the editors of the *CHD*.

To start with the least helpful context, *šapp-* describes the actions performed by the priest on the king’s hands in the ritual of the festival of Nerik (CTH 645.6):

1) KUB 25.36 i 12'-13' (= v 11–13 = 24–25); OH<sup>7</sup>/MS<sup>7</sup>

[*mān*<sup>LÚ</sup>GUDU<sub>12</sub> *ma*]lduwar  
[*zinnizzi nu* L]UGAL-un QA-TE<sup>MEŠ</sup>-ŠU *šapzi*

when the GUDU-priest finishes reciting,  
he *šapzi* the king’s hands

The translation ‘purifies’ (e.g. Haas 1970: 200) is essentially a fall-back option in the absence of any clues as to the meaning of the verb *šap(p)-* (Taggar-Cohen 2006: 249 and Görke 2010: 252 n. 296 follow Güterbock and translate ‘slaps’).

*šapp-* also describes the actions of the “Old Woman” in the Hittite-Hurrian Allaituraḫḫi ritual (CTH 780):

2) KUB 27.29 i 9

[(*n=an*<sup>MUNUS</sup>ŠU.G)]I <sup>x</sup>*šapzi*<sup>20</sup> nu I-NA É HI.ÚS.SA

The ‘Old Woman’ *šapzi* him, and <she goes> to the bathhouse

Here again ‘purifies’<sup>21</sup> is the translation of least resistance since the text is peppered with *parkunu-* and other such terms (e.g. *šuppiyahḫ-*). However, insufficient notice seems to have been taken of the fact that the description of the ritual continues with a mention of <sup>GIŠ</sup>*alkištanuš*, viz. ‘boughs’ or ‘branches’:

[<sup>MUNUS</sup>]ŠU.GI <sup>GIŠ</sup>*alkištanuš* ANA ALAM<sup>MEŠ</sup> GAM-an *dāi*

The ‘Old Woman’ puts down branches beside the statues/images

This is significant insofar as in another text the verb *šapp-* is found construed with the noun meaning ‘stick’, namely, in the ritual for a royal prince (CTH 647.14):

<sup>20</sup> *šanzi* corrected to *šapzi* by the duplicates: KBo 23.23:56, KUB 27.29, KUB 59.73:6–7 (ed. Haas and Wegner 1988, nr. 2 rev. 74', nr. 19 i 38 and nr. 20 6').

<sup>21</sup> ‘reinigt’ (Haas and Thiel 1978: 135).

## 3) HFAC 49.3'; NH

[...DUMU.]LUGAL<sup>GIŠ</sup>PA-it *šapzi*  
 ((s)he) *šapzi* the [pri]nce with a stick

Because of the mention of the stick, Güterbock (1967: 141) is very likely to be correct in translating *šapzi* as 'hits'. We are dealing with a very short fragment ("Merzifon fr. 2" – see Güterbock 1986: 74) and the ritual meaning of the act remains obscure; nevertheless, we can point out comparable passages where participants in the ritual are subjected to beating<sup>22</sup>. One of them is found in the description of the (*h*)*išuw*as-festival:

## KBo 15.37 v 1–5 (CTH 628; NH)

<sup>L</sup>[(<sup>U</sup>SANG)]A<sup>GIŠ</sup>GIDRU.ĤI.A DINGIR-LIM  
*anda hūlal[i]yanda=pat dāi*  
*nu LUGAL-uš ANA DINGIR-LIM 3-ŠU UŠKEN*  
<sup>LÚ</sup>SANGA=ya=an IŠTU<sup>GIŠ</sup>GIDRU.ĤI.A DINGIR-LIM  
*iškiša 3-ŠU walhzi*

The priest takes the wrapped-together staffs of the deity.

The king bows three times to the deity.

And the priest **strikes** him on the back with the staffs of the deity three times.

KBo 11.25 rev. v<sup>2</sup> 7'-9' (CTH 656)

LUGAL-uš 3-ŠU UŠGEN<sup>LÚ</sup>AZU []x<sup>KUŠ</sup>*išmiriaz 3-ŠU w[a]lhzi*

The king bows three times. The AZU-priest **strikes** [him] three times with reins

In view of these parallels to the act of ritual striking one may surmise that the <sup>GIŠ</sup>*alkištanuš* 'branches' in the Allaituraḥḥi ritual (above) may have played a similar role and are to be implicitly understood as the instrument that executes the action described as *n=an*<sup>MUNUS</sup>ŠU.GI *šapzi*.

A different use of *šapp-* is found in the funerary ritual (CTH 450 II 2):

4) KUB 39.45 obv. 10–11 (= KUB 39.6 i 9–10)  
 INA UD.9.KAM GA š[appa]nzi makkuya[n] šappuwaš GIŠ-r[u  
 AŠR]A IŠTU KÙ.BABBAR ḥali[ššiyan]

On the ninth day they *šappanzi* milk.

<sup>22</sup> Haas (1994: 216 n.196) thinks of this procedure as an instance of a *Stärkungsritus*; for Strauss (2006: 309) ritual striking "liesse sich als Exorzismus böser Geister und Dämonen deuten".

The churning vessel and wooden *šappuwaš* are inlaid in [x] places with silver

As Güterbock has argued, here the verb can, too, be translated as ‘hit, beat’, viz. ‘churn milk’ (*šappuwaš tāru* thus means ‘churner’). This technical meaning can further be illustrated by the use of the stem *šappešk-* in the instructions for temple officials (CTH 264; pre NH/NS):

KUB 13.4 iv 41–43 (= KUB 13.17 iv 4'-6')

*našma mān DINGIR-LIM-ni kuedani EZEN<sub>4</sub> GA ēšzi GA kuwapi  
šappeškanzi n=an=kan lē šakuwantariyanutteni n=an=ši iyattin*

or if for some god there is a milk festival, when they *šappeškanzi* the milk, do not neglect it (Güterbock 1967: 141: let it be idle), prepare it for him!

Summing up, one can see that the meaning ‘hit’ posited for the verb *šapp-* by Güterbock is essentially unavoidable for the contexts cited under (3) and (4) above and it works for the examples in (1) and (2) at least just as well as Friedrich’s ‘scrape, wash’

**3.2.** We can now revisit Friedrich’s arguments in favor of a translation ‘scrape, peel, wash’. Friedrich’s analysis was largely based on the form  $\hat{\text{š}}ap\text{-}pa\text{-}at\text{-}ta$ , attested in the Hittite version of the epic of Gilgamesh:

KUB 8.50 iii 13'-16'

*nu GIM-an<sup>d</sup>GIŠ.GIM.MAŠ-uš ŠA<sup>m</sup>URŠANABI (14') memiyan IŠME  
nu HAŠŠINNU ŠU-za ēpta (15') nu=kan w[i]nala ŠA 50 gipešnaš [ ]  
(16') kar(a)šta n=at šappatta  $\hat{\text{š}}$ piš[-...] n=at=kan ANA<sup>GIŠ</sup>MÁ šarā  
daiš*

When Gilgameš heard Uršanabi’s words, he took an axe with the hand, cut down [trees/poles] of 50 cubits, **stripped** them, [...] and placed them up on the boat

As the Akkadian version shows, *šappatta* (= Akk. *ikpurma*) clearly means ‘peeled off (the bark)’. The Luvian provenance of the form is vouchsafed by both the *Glossenkeil* and the 3 sg. pret. ending *-atta*<sup>23</sup>.

As C. Melchert has observed (1993: 187), there are two more forms of similar shape and meaning. One of them is *šappāizzi* found in a medical text (CTH 461):

<sup>23</sup> Another Luvianism in the same text is acc. sg. n. / pl. *pintanza* 4 lines later.

KUB 44.63 ii 10'-11'

*gapanu=ya=šši=kan*  
*arḫa dāi namma=at šappāizzi*

he takes the *gapanu* (part of a tree)  
 away from it, then **peels** it

Another stem related to *šappai-* can be seen in *šippai-*, attested in the ritual of Šamuḫa (CTH 480), where its object is *šuppiwašḫar* ‘onion’ or ‘garlic’:

KUB 29.7 rev. 30–32

*kinun=a kāša kūn šup[piw]ašḫar<sup>SAR</sup> (31) arḫa šippanun*  
*[n=an=š]an katta 1 kākin dawanin kurkun idālu=ya uttar NIŠ*  
 DINGIR<sup>LIM</sup> *ḫu]rtaiš (32) paprātar ANA DINGIR<sup>LIM</sup> piran arḫa*  
*QATAMMA šippaidu nu DINGIR<sup>LUM</sup> EN.SISKUR.*  
 SISKUR=*ya apē[z udda]naz parkuwaēš ašandu*

Now I have just **peeled away** this onion; I left over only one miserable stem;

so likewise let him/it **peel away** evil word, perjury, curse, defilement from before the god. And let the deity and the lord of the sacrifice be pure from that matter.

What is the relationship between *šappāizzi*, *šippaidu* and *šappatta*? Hittite *šippai-* rather straightforwardly goes back to a Proto-Anatolian verbal stem \*sepāia-/e- ‘to peel’ with the development of pretonic \*e to -i- (Melchert 1994: 139). Luvian *šappatta* is probably made from a factitive stem *šappā-* the suffix of which goes back to \*-eh<sub>2</sub> (“*newahḫi*-type”): the unlenited ending seems to exclude an origin in \*-eh<sub>2</sub>ie/o-, while the -a- in the medial syllable of *šap-pa-at-ta* (which must be real) excludes an original athematic inflection<sup>24</sup>. Finally, *šappāizzi* is a Hittite adaptation of either Luvian (\*)*šappatti*<sup>25</sup> (inferable from *šappatta*) or, less likely, Luvian \**šappa(i)ti*, identical to Hittite *šippai-*<sup>26</sup>.

<sup>24</sup> The Luvian continuants of \*-eh<sub>2</sub>ie/o- stems show an unlenited 3 sg. pret. ending, cf. *tūratta* ‘pierced’ (*tūra/i-* ‘spear’), *tappatta* ‘spat’ (= Hittite *allapahḫaš*), *aranuwatta* ‘?’, *āššatta* ‘spoke’, *niwarallatta* ‘made alienated’ (Melchert 1997: 132).

<sup>25</sup> The reason for positing Luvian present *šappa-* with *mi*-endings is that in Proto-Luvic \*-eh<sub>2</sub>- factitives secondarily adopted *mi*-conjugation, while Hittite (where these forms follow *ḫi*-conjugation) has preserved the original situation (see Melchert 2007: 2–3).

<sup>26</sup> In Luvian a development of unaccented \*e to *a* remains a possibility, the fate of pretonic short \*e being completely uncertain (compare Melchert’s reservations, 1994: 262), thus \**šappā(i)-* < \*sepāia-/e-.



We thus have evidence for two stems with the meaning ‘to peel’, both of which are morphologically different from the Hittite stem *šap(p)-*. Since the meaning ‘to hit’ is demonstrable for the Hittite verb on the ground of Hittite contexts, the Luvian forms do not seem to constitute a sufficiently compelling argument in favor of revising the semantics of Hittite *šap(p)-* to ‘peel, scrub’, as Friedrich had wanted.

**3.3.** Nonetheless, N. Oettinger (1979: 383) assumed that *šapzi*, *šappanzi* is a Luvianism and *šap(p)-*, *šappai-*, *šippai-* and *šapiya-* should all be collapsed under one root. Despite several dissenting voices<sup>27</sup>, Oettinger’s view seems to have been widely adopted; in particular, it must have been the reason why A. Kloekhorst did not include Hittite *šap(p)-* (*qua* Luvianism) in his 2008 *Lexicon*<sup>28</sup>. However, it should be noted that Oettinger’s reference to the form *šappatta*, discussed above, renders the entire argument completely circular: if *šappatta* somehow engendered *šapzi*<sup>29</sup>, then the mechanism of purported athematization remains obscure, but if *šappatta* is a different stem (as seems to be the case), it barely has any bearing on the question of *šapzi* at all. Oettinger did not discuss the phonology of the forms, probably assuming a standard Luvian sound change \*é > a, but Hittite -a- can of course have other origins. The semantics of Hittite *šap(p)-*, discussed above, do not seem to favor the identification with *ša/ippai-* either. It is hard to avoid the conclusion that Hittite *šap(p)-* should be kept separate from *ša/ippai-* and other similar-looking Anatolian forms<sup>30</sup>.

<sup>27</sup> Goetze 1947: 319 n. 71: “The 3rd. sing. *šapzi* belongs, I believe, to a different verb”; Melchert 1993: 187: “No conn. to Hitt. *šapp(a)-* [...] nor *šapzi*”.

<sup>28</sup> In a paper from 1998 Oettinger reiterated the translation ‘schaben’, ‘abschälen’ in a discussion of nouns *šap(p)(a)ra-* and *šipart(a)-*, the meaning of which he tentatively defined as ‘knife’ (*CHD-S* 206–7 prefers ‘(a part of) garment’).

<sup>29</sup> “keil.-luw. Prät. Sg. 3 *šappatta* (Gl.) ‘schälte ab’ zu einem heth. Stamm *šapp-<sup>mi</sup>* führte”. The stem *šappa-* can in theory continue not only a *newahhi-* type factitive in \*-eh<sub>2</sub>, but also a plain oxytone thematic stem (with a full grade in the root), but this interpretation does not seem to lead anywhere.

<sup>30</sup> On Luvian *šapiya-* (with a lenis consonant) see Melchert 2003: 149, who argues for a meaning ‘to cleanse’. Palaic *ša-pa-ú-i-na-i*, *ša-pa-a-ma-an* were glossed by Carruba 1970: 14, 69 as ‘reinigen, Reinigung’ precisely on the basis of a comparison to Hittite and Luvian forms (see also Wallace 1983: 166; Eichner 2010: 44), but the meaning of these forms remains a matter of guesswork. The lenis consonant makes a comparison to Luvian *šapiya-* possible (unless an argument can be made that \*p was lenited between two unaccented vowels in the precursor of Palaic \**šapawai-*).

**3. 4.** We can now turn to the previous scholarship regarding the etymology of the verb. Only one hypothesis is on record: B. Vine (1988: 60–61) considered a possibility that our forms are related to the root \*sep- (Vedic *sápati*, Greek ἔπω, Latin *sepeliō*), the meaning of which he established as ‘handle (skillfully), hold (reverently)’; acutely aware of problems in the interpretation of the relevant Anatolian passages (including Güterbock’s work on *šap(p)-*), Vine carefully distinguished between the different forms discussed above and concluded that “the Anatolian data are in fact quite consonantal with [...] the meaning of IE \*sep- [...], although it would be premature to insist on the etymology at this time”<sup>31</sup>. It appears that while some abstract physical meaning such as ‘to handle’ may indeed elicit a variety of designations for ritual actions, including ‘purify’ or ‘wash’, the semantics become more of an issue if the meaning of Hittite *šap(p)-* was ‘hit’, which, as we saw above, seems very likely.

An alternative proposal is therefore not unwarranted, and given the meaning of the Hittite verb, it seems possible to compare it with Greek ἰάπτω ‘hurt’ and to trace both verbs back to a common root \*seh<sub>2</sub>p-.

**3. 5.** It remains to place the findings made thus far in the context of a morphological reconstruction. An athematic verb *šapzi* in Hittite does not have to continue a PIE present \*seh<sub>2</sub>p-ti directly, just as *tēzzi* ‘speaks’ does not need to be traced back to a putative present \*d<sup>h</sup>eh<sub>1</sub>-ti, coexisting with familiar reduplicated \*d<sup>h</sup>e-d<sup>h</sup>eh<sub>1</sub>-ti. Rather, the root present *šap(p)-* was back-formed to the preterit, continuing the root aorist \*seh<sub>2</sub>p-t (cf. \*d<sup>h</sup>eh<sub>1</sub>-t → pres. (transponate) \*d<sup>h</sup>eh<sub>1</sub>-ti > *tēzzi*). Next to a root aorist in Proto-Indo-European one would expect to find a characterized present stem, and reduplicated stem \*si-s(e)h<sub>2</sub>p-<sup>32</sup> (> ἰάπτε/o-) conforms to these expectations.

**4.** Another cognate of the newly posited root \*seh<sub>2</sub>p- is found in Iranian: this is the Ossetic verb *safyn* (Iron), *isafun* (Digor) ‘destroy, ruin, kill; NT ἀπόλλυμι’. For this verb Abaev (1979: 10–11) proposed a reconstruction \**ui-šāp-* which is formally unassailable: (1) Proto-Iranian initial \**u* is lost in Ossetic before \**i*; (2) initial \**i-* is

<sup>31</sup> A consequence of accepting this etymology is the necessity to consider all instances of *šapzi*, *šappanzi* as Luvianisms on the account of their *a*-vocalism, as Vine himself conceded (writing of “Luvian and partly, although perhaps not originally, Hittite *šap(p)-*”), and as Oettinger had implicitly assumed a decade earlier.

<sup>32</sup> Or \*se-s(e)h<sub>2</sub>p-: see above n. 11.

lost in Iron (but not in Digor)<sup>33</sup>; (3) the root vowel must have been long, since a short \*ǎ before a single consonant would have been reflected as -æ-<sup>34</sup>. Abaev further posited a connection to Sanskrit *kṣap-* ‘destroy’, assuming a “thorn”-type correspondence between the Sanskrit *kṣ-* and Iranian \*š-. This cannot be right: Sanskrit *kṣāpáyati* is the causative of *kṣi-* ‘destroy’ with a secondary “hiatus-filling” -p- (cf. *dāpáyati* ‘makes give’, *hāpáyati* ‘makes open’, etc.) and thus surely an Indic innovation.

Compromised by Abaev’s implausible etymology, Ossetic *safyn / isafun* has nearly escaped the attention of etymologists<sup>35</sup>. Now the *s-* in the Ossetic verb can also go back to \*š-, a reflex of Indo-Iranian \*s, “rukified” in the position after \*i. Under this hypothesis *safyn / isafun* ‘destroy, kill’ may continue \*ui-šāpa- or \*ui-šāpaia- made from PIE \*seh<sub>2</sub>p- ‘to hit’.

The only problem spot in this analysis is the root-final -f which cannot go back to Indo-Iranian \*p<sup>36</sup>. However, following Gershevitch (1977: 66), we can explain -f as a result of paradigmatic leveling to the passive-intransitive stem \*ui-šaf-ia- (*sæfyn* (I.), *isæfun* (D.) ‘to die, to perish’) where *f* from preconsonantal \*p would be *lautgesetzlich*. One parallel case of precisely such levelling can be seen in the descendants of Iranian \*Hap- (YAvestan *apaiia-*, pass. *āfiia-*) that in Ossetic come out as *afun* (D.), *æjafyn* (I.) ‘reach’<sup>37</sup>.

<sup>33</sup> Compare D. *igosun* vs. I. *qusyn* ‘to hear’ < \*ui-gauš-.

<sup>34</sup> Similar conclusions were independently reached by I. Gershevitch, who in a paper from 1977 reconstructed Proto-Iranian \*sap- ‘sweep, wipe’. Central to Gershevitch’s contribution was the idea that the same root was contained in Younger Avestan *višāpa-*, an epithet (or a name) of a snake in N. 30, known also from Armenian (*višap*) and Georgian (*vešap-*), see Gippert 1993: 317–29 with references. Whether or not this epithet should really be analyzed as ‘wiping away’ (Gershevitch) or ‘smashing aside’ (according to the reconstruction of the root \*seh<sub>2</sub>p- put forth in the present paper), rather than ‘having venom for water’ (\*uiša-āp-), ‘achieving through venom’ (\*uiša-āp-) or ‘having venomous sap’ (\*uiš-sāp-) is impossible to prove.

<sup>35</sup> The verb is not found in the *LIV* or *EWAia*; Cheung 2007: 335 lists *safyn / isafun* with a question mark as a possible cognate of Chr. Sogdian *psyp* ‘slander’ and Sanskrit *śap-* ‘slander’, but the semantic development is hard to substantiate, as Cheung himself concedes.

<sup>36</sup> \*p would have given -b- > -v- in intervocalic position, cf. *tavyn / tavun* ‘to warm up’ < \*tāpāia-, Avestan *ā.tapaiia-*.

<sup>37</sup> Under the reconstruction \*seh<sub>2</sub>p- the stem \*ui-šaf-ia- would itself need to be secondary. One possible explanation is as follows: passive \*(ui-)šāp-ia- (> \*(ui-)šāf-ia-) ‘to perish’ was analogically built to inherited \*(ui-)šāp-a(ia)- ‘to destroy’, perhaps matching synonymous \*mṛ-ia- ‘to die’. Later in the history of Iranian the vowel quantity was adjusted through a

Two other Iranian cognates of this verb offer an interesting twist on the present discussion. Gershevitch (1977) has argued that the Ossetic verb was related to Balochi *šāpag*<sup>38</sup> ‘to mount a ewe’, and Filippone 2006: 20 added Minābi *šāfidan* ‘*futuere*’. These forms indeed look surprisingly similar to the Ossetic material, even though an aphaeresis of \*i- is out of the question in this case, and the initial “rukified” *š-* must have spread to the simplex from the compounded form<sup>39</sup>. As for the semantics of *šāpag* and *šāfidan*, it is easy to maintain the etymological relationship between these forms and \*seh<sub>2</sub>p- ‘hit’, since the assumption of a semantic development from ‘strike’, etc. to ‘*futuere*’ comes at no cost. What makes these forms particularly interesting is that in other traditions we may find descendants of the root \*seh<sub>2</sub>p- used in a similar aischrological context.

**5.** The participle *sāpáyant-* is attested in the Taittirīya Brāhmaṇa, in a yājyā to Indra Vaimṛdha, remarkable for featuring one of the few Vedic occurrences of the verb *yābhati* ‘to have sexual intercourse’:

TB 2.4.6.4.9–5.5 (~ ĀśŚS 2.10.14)

*sákūtim indra sácýutim*  
 10 *sácýutim jaghánacyutim*  
*kanātkābhāṃ na ābhara*  
 2 *prayapsyānn iva sakthyāu*  
*vī na indra mṛdho jahi*  
 4 *kānīkhunad iva sāpáyan*  
*abhī naḥ súsṭutim naya*  
 6 *prajāpatiḥ striyāṃ yásah*  
*muškáyor adadhāt sá pam*

Bring us, o Indra, a lustful (woman),  
 10 moving, moving, shaking her butt,  
 shining like gold. Like someone who is

---

four-part proportion \*māraja- ‘to kill’ : \*marja- ‘to die’ (Ossetic (I.) *maryn* : *mælyn*) = \*(ui-)šāf-aja- ‘to destroy’ : X, X = \*(ui-)šaf-ia- ‘to perish’. (The *-a- / -æ-* ablaut is highly characteristic of the verbal system of Ossetic and other Modern Iranian languages where the historically short vowel is found in intransitive or passive forms, while *-a-* from \*ā marks transitive verbs; at the origin of this productive system are the Indo-Iranian causatives in \*-aja- with a long vowel in the root).

<sup>38</sup> Eastern Balochi *šāfay* with fricatives in place of stops may reflect the influence of Modern Persian (see Korn 2005: 250 with references).

<sup>39</sup> J. Cheung’s (2007: 175) ingenious derivation of *šāpag* from \*fra-(H)jab- (PIE \*h<sub>3</sub>ieb<sup>h</sup>-) lacks conviction in view of the phonological problem of *-p-* in the place of expectable *-b-*.

- 2 going to bring the penis (*yabh-*) into the two thighs,  
smash aside our enemies, o Indra (RV 10.152.4),  
4 *s.-ing* as if *k.-ing*.  
Lead us to good praise.  
6 Prajāpati put the penis in the vagina<sup>40</sup>,  
the glory in the women.

1 *kanātkābhām* TB : *pranākaphā* ĀśŚS : <sup>+</sup>*kanakābhām* Hoffmann *apud* Sharma 1959/1960: 92

4 *kānīkhunad* TB : *canīkhudad* ĀśŚS : <sup>+</sup>*kānīkhudad*; *sāpāyan* TB : *sapham* ĀśŚS : <sup>+</sup>*sāpam* Hoffmann 1976: 572

*kānīkhunad* in line 4 (connected by Sāyaṇa’s commentary with *khan-* ‘dig’) is a nonce-form. It is usually emended to *kānīkhudad* on the basis of the parallel text in the ĀśŚS that has *canīkhudad yathā sapham*<sup>41</sup>; the form would then be an intensive participle made from the root *khud-* which means to ‘insert (a penis)’<sup>42</sup>.

The TB passage, however, is still far from being absolutely clear (“unintelligible stuff”, according to Bloomfield–Edgerton 1930: 150). K. Hoffmann restored the original text as *kānīkhudad yathā sāpam* ‘wie einer, der immer wieder das Glied stößt’, assuming that the entire pāda 4 in TB transmission is corrupt (1976: 572). Note, however, that <sup>+</sup>*sāpam* (*sapham* in the ĀśŚS) is a *lectio facilior*, since *sāpa-* is mentioned in the lines immediately following those under discussion, and *sāpāyant-* must have been sufficiently unclear to be exposed to supersession<sup>43</sup>. It behoves us therefore to try to make some sense of the transmitted TB text <sup>+</sup>*kānīkhudad iva sāpāyan*.

The entire passage is replete with sex talk and in particular, the main clause *vī na indra mṛdho jahi* is preceded by yet another *iva*-phrase (*prayapsyānn iva sakthyāu*); it is therefore no wonder that the universally accepted meaning of *sāpāyant-* is ‘*futuens*’<sup>44</sup>. This

<sup>40</sup> lit.: between the two labia.

<sup>41</sup> See Mylius 1972: 132 n. 559, Hoffmann 1976: 572. The form *kānīkhudad* is of course still not “ideal”: one would expect *\*c/kāvīkhudad*.

<sup>42</sup> RV 10.101.12ab: *kāpr̥n naraḥ kapṛthām úd dadhātana / codāyata khudāta vājasātaye* ‘The penis, o men, erect the penis, thrust it, insert it for the winning of booty!’ Mark Hale pointed out to me that this root may also be contained in the first member of Av. *kū.nāirī-* ‘prostitute’ (V. 8.31; 32).

<sup>43</sup> Note the alliteration between *yapsyān* and *sāpāyan*.

<sup>44</sup> Böhtlingk and Roth list the form under a separate entry *sap-*<sub>2</sub> (P.W. 7.656); S. Jamison, too, thinks that *sāpāyant-*, albeit “obscure”, is unrelated to the causative of *sap-*<sub>1</sub> ‘handle, caress’ (1981: 219 n. 3). Ch. Werba, however, lists *sāpāyant-* under the forms of the more frequent root *sap-* (1997: 251–52).

translation has clearly been influenced by the remarkable similarity between *sāpáyati* and the noun *sápa-* ‘penis’. But this interpretation of *sāpáyati* creates more questions than answers:

- if *iva* is used here as a comparative particle (‘as if, like’), two syntactic approaches are theoretically possible:

- a complex simile *kánīkhudad iva sāpáyan* could stand in apposition to *ví ... jahi* (in this case *sāpáyan [iva] kánīkhunat* would have to be viewed as a sequence of two asyndetically conjoined participles); however, there already is another simile adjoined to the verb in the main clause, namely, *prayapsyánn iva sakthyàu*;

- *kánīkhudad iva* could be a one-word simile in apposition to *sāpáyan* – but what would be the rationale behind comparing two essentially synonymous verbal forms to each other?

- if *iva* is used here as an attenuating particle (‘as it were’, ‘in some way’), as commonly in the Brāhmaṇas, we still do not get a satisfactory reading of the passage: if *kánīkhudad* is not intended to be understood in its strict sense, it is unclear what the purpose would be of putting the form next to essentially synonymous *sāpáyan*, there being nothing imprecise about the verbal notion conveyed by *khud-*.

It appears that *kánīkhudad iva sāpáyan* can hardly be given a satisfactory syntactic and semantic interpretation under the assumption that the participle *sāpáyant-* means ‘*futuere*’. But what if it does not?

Let us start with what is certain about the passage. The meaning of *prayapsyánn iva sakthyàu* and *kánīkhudad iva* is beyond doubt: both similes are expressly sexual. The main clause *ví na indra mṛdho jahi* ‘smash aside our enemies, o Indra’ is also clear. If *sāpáyan* is unlikely to convey the same idea as *prayapsyán* and *kánīkhudat*, then may be it means the same thing as *ví ... jahi*? In fact, once this hypothesis is adopted, the structure of the sentence becomes transparent: the verb in the main clause (*ví ... jahi* ‘smash aside!’) is modified by a participial form with approximately the same meaning (‘striking’? ‘hitting’?), and both verbal forms are provided with sexual similes:

matrix clause: [*ví na indra mṛdho jahi*

o Indra, smash our enemies,

[*prayapsyánn iva sakthyàu*]]

like someone who is going to *yabh-* in the two thighs

subordinate [*sāpáyan*

clause: striking [them],

[*kánīkhudad iva*]]

like someone who is inserting the penis over and over again

If this interpretation of the intricate poetic syntax is correct, Vedic *sāpāya-*<sup>ti</sup> has nothing to do with the noun *sāpa-* ‘penis’. Separating one from the other may seem to violate the law of parsimony, but in fact a closer look at the attestations of *sāpa-* reveals the somewhat dubious status of this word: in Vedic mantras, *sāpa-* is only attested in two adjacent TB stanzas (2.4.6.5.7; 6.1) which happen to be right after the verse where *sāpāyant-* is used. The remaining attestations are in the Brāhmaṇa-glosses on a mantra used in the Pravargya ceremony: the mantra goes *tvāṣṭrmantas tvā sapema* ‘possessing Tvaṣṭṛ, we wish to dedicate ourselves (*sapema*) to you’ and the Brāhmaṇa “explains” this as *sāpād dhi prajāḥ prājāyante* ‘because from the penis progeny is produced’ (MS 3.7.7)<sup>45</sup>. The word *sāpa-* is not found in the later language, nor is it continued in any of the Modern Indo-Aryan languages. It seems that *sāpa-* ‘penis’ could be a product of brahmanic creativity, owing its existence to the erotic meanings of *sap-*<sub>1</sub> ‘handle, caress’<sup>46</sup>. But more likely *sāpa-* is a tabuistic metathesis of *\*pāsa-* ( ~ PIE *\*peses-*), as Yāska had thought (*Nirukta* 5.16).

To sum up, Vedic may provide evidence for a verbal stem *sāpāya-*<sup>ti</sup> denoting a violent action of some sort (‘strike, hit, destroy’) and therefore compatible with the reconstruction *\*seh<sub>2</sub>p-*, proposed above.

**6.** Despite the fact that Vedic *sāpāya-* does not seem to have been an obscene term after all, a semantic match for the Balochi verb *šāpag* ‘to mount ewe’ is certainly found in Latin. This is the rare word for ‘penis’ *sōpiō*, *-ōnis*, largely neglected in the etymological literature (it is even missing from the recent etymological dictionary by de Vaan). This word is only known from a few sources and in view of its obscurity it may be helpful to review them all (See also Adams 1982: 62–64; André 1991: 171).

Our first source is Catullus: in the poem “Salax taberna”, replete with obscene vocabulary<sup>47</sup>, the lyric hero threatens to mark the bar as a brothel by covering it with obscene phallic drawings<sup>48</sup>:

<sup>45</sup> Similarly KS 24.4 and KaṭhĀ 2.115: *āto hīmāḥ prajāḥ prājāyante: prajānanāya* ‘from here progeny is produced: this serves to produce progeny’ (see Oertel 1942: 43; Witzel 2004: lvii).

<sup>46</sup> *sāpa-* is connected to *sap-*<sub>1</sub> by Houben 1991: 120 n. 81 and *EWAia* 699.

<sup>47</sup> *mentulas* ‘penises’ (v. 3), *confutuere* ‘have sex’ (v. 5), *irrumare* ‘perform oral sex’ (v.7), etc.

<sup>48</sup> For a slightly different interpretation see Syndikus (1984: 1, 210, 213), who argues that Catullus applies the word *taberna* meaning ‘brothel’ to a private house (Lesbia’s?).

## Cat. 37.9–10 Kroll

*Atqui putate: namque totius vobis  
Frontem tabernae **sopionibus** scribam*

Go on – keep thinking it: for I'll draw up  
the front of the whole shop with **pricks**

10 *sopionibus* mss. : *scorpionibus* Ellis : *ropionibus* Hertz, *alii alia*

Next, 3<sup>rd</sup> cent. AD grammarian Marius Sacerdos quotes an anonymous verse containing an insult leveled at Pompey (possibly, from a military song or some other *carmen popolare*) and proceeds to explain *sōpiō* as ‘penis’<sup>49</sup>:

## GL 6.461.30–462.3 Keil

*illud de Pompeio, qui coloris erat rubei, sed animi inuerecundi,  
“quem non pudet et rubet non est homo sed **sopio**.”  
**Sopio** autem est aut minium aut piscis robeus aut penis<sup>50</sup>.*

This is about Pompey who had red complexion and a shameless character:

“who does not feel shame or blush, he is not a person, but a **prick**.”

*Sopio* means either red pigment or red fish or penis.

Next come two graffiti from Pompeii that together form an amusing if cryptic semiliterate exchange<sup>51</sup>:

## CIL 4.1700

*diced nobis Sineros et **sopio** <est?>*

where a second hand has added

*ut merdas edatis qui scripseras **sopionis***

Lastly, there is a passage in Petronius where F. Schöll (1880: 488 n. 30) conjectured *sopionibus* for †*sopitionibus* of the mss.:

## Petron. Sat. 22 Müller

*Cum Ascyrtos gravatus tot malis in somnum laberetur, illa quae iniuria depulsa fuerat ancilla totam faciem eius fuligine longa perfricuit, et non sentientis labra umerosque **sopi<ti>onibus** pinxit.*

<sup>49</sup> The best and most complete discussion can be found in Lunelli 1969: 125–42.

<sup>50</sup> The mss. have *ropio* (the scribal mistake was probably caused by the resemblance of Insular *r* and *s*, Schmeling 2011: 65).

<sup>51</sup> The inscription was first signaled by Sonny (1898; 1900); see Väänänen 1959: 97.



Ascyrtos was so worn out with all he had gone through he could not keep his eyes open a moment longer, and the waiting-maid, whom he had scorned and slighted, now proceeded to daub his face all over with streaks of soot, and bepainted his lips and shoulders with **pricks**<sup>52</sup> as he lay unconscious.

Schöll's conjecture has been widely accepted, e.g. by K. Müller, and recently by G. Schmeling (2011: 65) who translates *sopionibus* by 'phallic symbols'<sup>52</sup>.

This exhausts the evidence for *sōpiō*, *-ōnis* 'penis': each of the three passages above (leaving aside the conjectured reading in Petronius) is beset with philological problems of its own, but it will be hard to sweep all three attestations under the carpet. One is left with the firm impression that the word existed; its meager attestation should be explained solely by its vulgar character.

**6.2.** As Schöll was preparing to restore the reading *sōpiōnibus* in Catullus 37, he consulted with his Heidelberg colleague H. Osthoff, who immediately proposed an etymology, published first *apud* Schöll 1880: 496 and then later in Osthoff 1895: he compared *sōpiō* to Vedic *sāpa-* 'penis' and *sāpāyati* discussed above (adopting for the latter the meaning '*futuere*' from Böhtlingk and Roth). According to Osthoff, the underlying root (which he reconstructed as *\*sō/ā/ap-*) had both the meaning 'to have sexual intercourse' and 'to beget': the latter is continued in Gothic *frasts* 'child' which Osthoff traced back to *\*pro-s(p)-ti-* and in Latin *prōsāpia* 'a group of persons past and present related by blood, lineage, kin, family'.

I think that Osthoff's etymology was basically right and *sōpiō* is indeed cognate with Vedic *sāpāyati*, as well as with the other material discussed in this paper: Hittite *šap(p)-* 'to hit', Greek ἰάπτειν 'to hurt' and Ossetic *safyn / isafun*. However, Vedic *sāpa-* 'penis' is in all likelihood unrelated (see above) and there is little need to posit a second meaning 'beget': Gothic *frasts* 'child' does not necessarily belong here (a host of other etymologies are available<sup>53</sup>) and should not detain us for long, while *prōsāpia*, the only Latin cognate of *sōpiō*, deserves a digression.

*Prōsāpia* is an archaic Latin word that had become obsolete by Cicero's time (Cic. *Tim.* 39: "*ut utamur veteri verbo...*")<sup>54</sup> and was

<sup>52</sup> Perhaps some sort of sexual stimulation magic is involved.

<sup>53</sup> See Orel 2003: 112 for references.

<sup>54</sup> Cicero used *prōsāpia* as an equivalent of Greek ἔκγονοι. On Cicero's use of archaisms in his translation of Plato see Puelma Piwonka 1980: 169.

censured by Quintilian who deprecated it as tasteless (*insulsum*) and antiquated (*Inst. orat.* 1.6.40; 8.3.26). The meaning ‘parentage’ is clear from the two passages in which *prōsāpia* is used by Plautus<sup>55</sup>:

*Merc.* 634

*rogitares quis esset aut unde esset, qua prosapia*

You should have asked who he was or where he was from,  
from what family

*Curc.* 393

*de Coculitum prosapia te esse arbitror, nam ei sunt unoculi*

*Coclitum* mss., Varr. *Ling. Lat.* 7.71.3: *Coculitum* Lanciotti et de  
Melo post Ribbeck

I take it you come from the lineage of Cyclopes; they are one-eyed.

In Roman historiography *prōsāpia* is often used in descriptions of distinguished parentage; in particular, the phrase *vetus prosapia*, found already in Cato (*Orig.* 1.29 Peter<sup>56</sup>), seems to have enjoyed a certain popularity: it recurs in Sallust (*Iug.* 85.10), who, as was observed already in antiquity, frequently adopted Catonian vocabulary<sup>57</sup>, as well as in Suetonius (*Galba* 2) and Justin (14.6.11).

<sup>55</sup> Havet (1901: 298) conjectured a form of *prōsāpia* at Ter. *Phorm.* 395 where the mss. have *progeniem vostram usque ab avo atque atavo proferens* (so printed in the OCT text by Kauer–Lindsay–Skutsch); Havet pointed out that *prōgeniēs* is unlikely to be used in the meaning ‘descent, ancestry’ (as opposed to ‘offspring, progeny’), but his concern is perhaps unwarranted in view of Lucil. 849–50 (Marx) *progeniem antiquam qua est Maximus Quintus* and other citations assembled in the *OLD s.u. prōgeniēs* 2.

<sup>56</sup> The exact quotation as transmitted via Nonius Marcellus (p. 94, 25 Lindsay) is *veteres prosapia* ‘ancient by their lineage’. This wording was accepted by some editors (Chassignet, fr. 27: “vieux par la lignee”, Cugusi, fr. 32: “antichi per stirpe”), while others emended the phrase in different ways, e.g. gen. sg. *veteris prosapiae* (Jordan 1860: 9) or abl. sg. *vetere prosapia* (Schröder 1971: 197), see Scarsi 1978: 246 for a full report. Other changes that have been proposed presuppose a fifth declension *prōsāpiēs*, probably prompted by the fact that in the mss. of Nonius the lemma that contains the fragment from Cato begins with *prosapiēs generis longitudo*, which, however, Onions plausibly emended into *prosapia est* (printed by Lindsay); it should be noted that the evidence for *prōsāpiēs* is otherwise virtually absent (abl. *prosapie* Prob. *app. gramm.* iv.194.26), even though an analogical formation triggered by the nearly synonymous *prōperiēs* and *prōgeniēs* could of course have been created at any time. (Till’s work on Cato’s language (1935: 4) is rather unhelpful in regard to *prōsāpia*).

<sup>57</sup> Quint. 8.3.29. That Sallust imitated Cato specifically in the use of *prōsāpia* is assumed e.g. by Skard 1956: 81.

The phrase *mea vetus prosapia* is also found in the prologue of Apuleius' *Metamorphoses* (1.1.3 Helm), where the identity of the speaker unfortunately remains a much debated question<sup>58</sup>. Apuleius, with his penchant for archaisms, was in fact so fond of the word *prōsāpia* that he used it on another seven occasions<sup>59</sup>. Finally, there is one epigraphic attestation of *prōsāpia* from near Metaponto in Lucania: *Occius hic situs est Mani prosapia Festus* (CLE 370 = CIL 10.8089)<sup>60</sup>.

There is little to suggest that *prōsāpia* was felt relatable to *sōpiō*. Two arguments have been advanced in favor of the view that *prōsāpia* was perceived as a vulgar word, but neither is quite compelling. First, E. Kraut (1881: 3) suggested that Sallust's choice of the word *prōsāpia* (*Iug.* 85.10) was due to the fact that the speaker is the ill-educated Marius; however, this may well be a matter of irony rather than anything else<sup>61</sup>: Marius is speaking about some other hypothetical candidate, “a man of ancient lineage and many ancestral portraits, but no campaigns”<sup>62</sup>, whom the senate might choose instead of him to conduct the war against Jugurtha. Secondly, it has recently been suggested by A. Richlin (2005: 102 n. 393) that “from the lineage of Coclites” (viz. Cyclopes) at Pl. *Curc.* 393 contains a sexual double entendre: Lyco addresses Curculio as “one-eyed” which was one of the Roman ways of describing a penis. This is not implausible<sup>63</sup>, but one would perhaps go too far by assuming

<sup>58</sup> This is the only instance of *prōsāpia* referring to place of origin rather than parentage: “Attic Hymettus and the Corinthian Isthmus and Spartan Taenarus are my origin of old”. However, the geographical references here are surely not literal and should probably be understood as the author's desire to emphasize his literary pedigree and his indebtedness to the Greek writers of the past (see Innes 2001; for an even more figurative reading (the *Metamorphoses* themselves claim an origin in a Greek book) see Harrison 1990).

<sup>59</sup> Consistently about family background: *Met.* 3.11; 6.23; 8.2; 9.35; 10.18; *De Deo Socr.* 23.23; *Ap.* 18.12. I have found Scobie 1975: 73 and Keulen 2007: 79 to be the most helpful on Apuleius' use of *prōsāpia*; on Apuleius' archaizing bent see especially Callebat 1964: 348; 1994: 1643–49 (esp. 1644 n. 153 on *prōsāpia*).

<sup>60</sup> Variant *prōsāpiēs* lurks behind the abl. *prōsāpiē* (Prob. *app. gramm.* iv.194.26) and gains ground in medieval Latin, but this is likely to be an analogical formation triggered by the nearly synonymous *prōperiēs* and *prōgeniēs*.

<sup>61</sup> So already Figliera 1896: 36.

<sup>62</sup> Lebek (1970: 311) points out the artful antithesis between *veteris prosapiae ac multarum imaginum* and *nullius stipendi* at the end of the description.

<sup>63</sup> Cf. Mart. 2.33 *cur non basio te, Philaeni? Iusca es. / Haec qui basiat, o*

that this pun was precisely the reason why Plautus chose *prōsāpia* over other words for ‘kin, lineage’ such as *stirps* or *genus*.

We can now return to the semantics of *sōpiō* and *prōsāpia*. Despite semantic parallels such as English *kin* < \**ĝenh*<sub>1</sub>es-, Latin *prōsāpia* does not have to be derived from a word meaning ‘to beget’, as Osthoff had wanted: its derivational base may just as well have had a meaning related to sexual intercourse, witness Old English *fæsl* and OHG *fasel* ‘progeny, offspring’ (Proto-Germanic \**fasula-*) that eventually continue PIE \**pes-* ‘*futuere*’, or, perhaps closer to home, Italian *semenza* meaning both ‘seed, semen’ and ‘stock, lineage’, cf. e.g. Dante’s famous *considerate la vostra semenza* (*Inf.* 26.118). Kinship at Rome being patrilineal, it is easy to conceive of *prōsāpia* as a term that represented a specifically male-to-male line of descent, the semantics of male semen being central to its meaning<sup>64</sup>. The act of impregnation was equivalent to procreation and a *progenitor* could thus be thought of as a “*prosapitor*”<sup>65</sup>.

Therefore the likeliest derivational analysis of *prōsāpia* would be to assume that the word is originally a deverbial abstract, derived from a prefixed verb such as \**pro-sāpāre* (cf. *invidia* ‘ill-will’ from *invidēō* ‘feel hostility’)<sup>66</sup>, where the preverb had the most basic meaning ‘forth’.

As far as the morphological analysis of *sōpiō* goes, there are several possibilities<sup>67</sup>, out of which three main scenarios have to be considered:

*Philaeni, fellat* “why don’t I kiss you, Philaenis? You’re one-eyed. A man who kisses these things, Philaenis, sucks”.

<sup>64</sup> Compare Beltrami’s (1998: 17–18) remark on the semantics of *prōsāpia*: “esso sembra perciò specificamente indicare la stirpe in quanto linea agnaticia, che si riproduce di generazione in generazione, sempre contraddistinta dal fatto di costituire la materializzazione di un medesimo sangue maschile (cioè, seme) che si perpetua” (“The word therefore seems to designate kin specifically as agnatic lineage which reproduces itself from generation to generation, always characterized by the fact that it is the blood (viz. seed) of a single male that is perpetuated”).

<sup>65</sup> Compare the reverse situation in Classical Sanskrit where we find a euphemism *prajanana-* ‘generator’ for ‘penis’ (Jamison 1996: 68).

<sup>66</sup> Other options are less likely: (1) prepositional governing compound, substantivized as a feminine (after *familia*) would require positing a nominal phrase \**prō sāp-* ‘in (front of) \**sāp-*’ which is difficult semantically and morphologically; (2) a deadjectival abstract of the type *concordia* ‘harmony’ from *concors* ‘harmonious’ is excluded by the absence of *pro* as an adjectival prefix; (3) a denominal formation (cf. *militia* ‘military service’ from *mīles* ‘soldier’) is possible, but the further analysis of nominal \**sāp-* is uncertain.

<sup>67</sup> On this class see the useful monograph Gaide 1988.

1. *sōpiōn-* is a *Catō* type derivative made from adj. \*soh<sub>2</sub>pijo- itself derived from an *o*-stem nomen agentis \*soh<sub>2</sub>pó- ‘hitter’, cf. \*pougó- ‘piercer’ → \*pougijo- → *pūgiō* ‘dagger’.
2. *sōpiōn-* is a possessive denominal derivative with the suffix \*-h<sub>1</sub>on- (“Hoff-mann’s suffix”) \*soh<sub>2</sub>pi-h<sub>1</sub>on- ‘he who is in charge of hitting’, cf. *restiō* ‘dealer in rope’ (Plaut. +) from *restis* ‘rope’<sup>68</sup>; this analysis presupposes *i*-stem \*soh<sub>2</sub>pi- with the meaning ‘hitting’ as the starting point of the derivation<sup>69</sup>.
3. *sōpiōn-* is a concretized verbal abstract (cf. *regiō*, *legiō*, Umbrian **legin-** ‘troop’); adopting the analysis of A. Nussbaum (2006; cited *apud* Weiss 2009<sup>70</sup>), we may assume the following development:

\*soh<sub>2</sub>pi- ‘hitting’ (subst.)  
 → instr. \*soh<sub>2</sub>pih<sub>1</sub> ‘with hitting’ > ‘hitting’  
(adnominal participle-like form)  
 → abstract \*soh<sub>2</sub>pih<sub>1</sub>-(o)n- ‘hitting’

this type of *-iōn*-stems would be expected to have feminine gender in Latin, but for the word with the meaning ‘penis’ it is easy to imagine a change of gender (cf. *Venus*, f., originally a neuter *s*-stem).<sup>71</sup>

The choice between these options is not easy: in particular, it has to be borne in mind that several other Latin names for parts of the body show the same *n*-stem suffix, cf. *mentō* ‘chin’, *tālō* ‘ankle’ and especially *testō* ‘testicle’ and *culiō* ‘testicle’. This said the first option provides the most satisfactory explanation, in my opinion.

<sup>68</sup> This option was chosen by Osthoff *apud* Schöll 1880: 496, citing *cūria* ‘one of 30 divisions of Roman citizens’ : *cūriō* ‘priest, presiding over a *cūria*’.

<sup>69</sup> This scenario may in theory also involve a thematic stem \*soh<sub>2</sub>pijo-<sup>m</sup>, but while there is just as little evidence for an *i*-stem \*soh<sub>2</sub>pi-, as there is for \*soh<sub>2</sub>pijo-, the *o*-apophony makes a reconstruction of an acrostatic *i*-stem somewhat likelier.

<sup>70</sup> See also García Ramón 2007: 291 *et passim* on Latin *cortumiō* ‘slice of land’.

<sup>71</sup> There are ample parallels for a scenario under which a word for genitalia is a secondarily concretized verbal abstract made from the root denoting a certain physical (and by extension, sexual) activity, e.g. Vedic \*sardi- (in *sárdigr̥di-* lit. ‘vagina-penis’) derived from the root \*serd- ‘*futuere*’ (Hittite *šart-* ‘rub’, see Melchert 2002) or Latin *pēnis*, if it continues an abstract \*pesni- made to the root \*pes-, reflected in Hittite *peš(š)-* ‘to rub’ (so J. Schindler *apud* Pinault 1979: 32; but see also de Vaan 2008: 458 who views the meaning ‘tail’ (Naev.+)) as original and prefers a derivation from \*petsni-. In fact, PIE \*peses- ‘penis’ (Greek πέος, Vedic *pásas-*) may have originally been a verbal noun made from the root of Hittite *peš(š)-* ‘to rub’ (so Oettinger 1979: 327; for alternative derivations of *peš(š)-* see Kloekhorst 2008: 669).

7. To conclude, the evidence from within and outside Greek discussed on the previous pages makes it very plausible that Greek  $\acute{\iota}\alpha\pi\tau\omega$  ‘hurt, damage’ is best explained not as a result of semantic development of  $(\pi\rho\omicron)\acute{\iota}\alpha\pi\tau\omega$  ‘send forth’, but rather as a descendant of PIE  $*seh_2p-$  ‘to hit, to destroy’<sup>72</sup>. The Averbō of this root included a present  $*se-seh_2p/sh_2p-$  (> Greek  $\acute{\iota}\alpha\pi\tau\omega$ ), a root aorist  $*seh_2p-$  (Hittite  $\check{s}ap(p)-$ ) and possibly an iterative (?)  $*soh_2peje/o-$ , the source of Vedic  $s\bar{a}p\acute{a}yant-$  and Ossetic  $safyn$ .

### References

- Абаев 1979 – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 3: S–T’. Ленинград: «Наука», 1979.  
 Adams 1982 – Adams J. N. The Latin sexual vocabulary. London: Duckworth, 1982.  
 André 1991 – André J. Le vocabulaire latin de l’anatomie. Paris: Les Belles Lettres, 1991.  
 Baldwin 2008 – Baldwin B. Sopi-opera // Petronian Society Newsletter. 2008. Vol. 38. P. 27–30.  
 Bechtel 1914 – Bechtel F. Lexilogus zu Homer. Halle, 1914.  
 Beltrami 1998 – Beltrami L. Il sangue degli antenati. Bari: Edipugli, 1998.  
 Bloomfield–Edgerton 1930 – Bloomfield M., Edgerton F. Vedic variants: A study of the variant readings in the repeated mantras of the Veda. Vol. 1: The verb. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1930.

<sup>72</sup> There is another form in Greek that may belong with the pres.  $\acute{\iota}\alpha\pi\tau\omega$ , namely, the *medium tantum*  $\acute{\iota}\pi\tau\omicron\mu\alpha\iota$  ‘hurt, strike’ (only fut.  $\acute{\iota}\psi\epsilon/o-$  and aor.  $\acute{\iota}\psi\alpha-$  are actually attested), known from the Iliad onwards. The comparison between  $\acute{\iota}\alpha\pi\tau\omega$  and  $\acute{\iota}\pi\tau\omicron\mu\alpha\iota$  is not new: W. Schulze thought that  $\acute{\iota}\pi\tau\epsilon/o-$  was a contraction of  $\acute{\iota}\alpha\pi\tau\omega$  (1892: 168 n.3); F. Bechtel, too, compared the two verbs to each other (1914: 179–80), positing for  $\acute{\iota}\pi\tau\epsilon/o-$  a zero grade of a root  $*i\check{a}k^w-$  ( $*i\check{e}h_2k^w-$ ?), no further evidence for which is known. Lastly, F. Kuiper (1933: 282) compared the Greek forms to Indo-Iranian  $*aka-$  ‘bad’ (Avestan  $ak\bar{o}$ , Vedic  $\acute{a}ka^m$  ‘pain’) from IE  $*ak^w-$  (but a root of such adjectival meaning is hardly expected to form a reduplicated present stem). It appears that  $\acute{\iota}\pi\tau\epsilon/o-$ , too, can be derived from the root  $*seh_2p-$ . Let us suppose that the active reduplicated stem  $*se-seh_2p-$  (>  $\acute{\iota}\alpha\pi\tau\omega$ ) coexisted with a middle stem  $*(se-)sh_2p-i\acute{e}/\acute{o}-$ . After the loss of the laryngeal in a heavy consonant cluster, the latter stem would come out as  $*hi-sp-i\acute{e}/\acute{o}-$ , fut.  $*hisp-se/o-$ , aor.  $*hisp-sa-$ , and one could assume a dissimilatory loss of  $-s-$ , comparable to the one observed in fut.  $\acute{\epsilon}\nu\acute{\iota}\psi\omega < *eni-sk^w-se/o-$  (see Waack-Erdmann 1982: 201). The result is the actually attested fut.  $\acute{\iota}\psi\epsilon/o-$  and aor.  $\acute{\iota}\psi\alpha-$  with East Ionic / Aeolic psilosis, just as in  $\acute{\iota}\alpha\pi\tau\omega$ .

The future stem  $\acute{\iota}\psi\epsilon/o-$  may also be continued in a “de-desiderative”  $\bar{a}$ -stem  $*i\psi\bar{a}-$  (cf. Greek  $\acute{\alpha}\upsilon\acute{\xi}\omicron\mu\alpha\iota$  ‘increase’ →  $\acute{\alpha}\upsilon\acute{\xi}\eta$  ‘growth’, Vedic  $j\acute{ig}\bar{i}s\bar{a}-$  ‘want to win’ →  $j\acute{ig}\bar{i}s\bar{a}$  ‘desire for victory’), from which an adj.  $\acute{\alpha}\nu\acute{\iota}\psi\bar{\alpha}\lambda\omicron-$  ‘unhurt’ (or: ‘whom one does not want to hurt’?), quoted from Stesichorus in the grammatical literature (fr. 249 PMGF), was derived as a secondary *lo*-derivative of the type  $\pi\acute{\epsilon}\tau\eta\lambda\omicron\varsigma$  ‘stretched’.

- Callebat 1964 – Callebat L. L'archaïsme dans les Métamorphoses d'Apulée // *Revue des Études Latines*. 1964. T. 42. P. 346–361.
- Callebat 1994 – Callebat L. Formes et modes d'expression dans les oeuvres d'Apulée // *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. 1994. II. 34/2. S. 1600-1664.
- Carruba 1970 – Carruba O. *Das Palaische. Texte, Grammatik, Lexikon*. Wiesbaden: O. Harrasowitz, 1970.
- Cheung 2007 – Cheung J. *Etymological dictionary of the Iranian verb*. Leiden; Boston: E. J. Brill, 2007.
- CLE = Bücheler F. *Carmina Latina Epigraphica*. Vol. I. Lipsiae, 1895.
- Ebel 1855 – Ebel H. Die scheinbaren unregelmässigkeiten des griechischen augments // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1855. Bd. 4. S. 161–172.
- Eichner 2010 – Eichner H. Laudatio hostiae und laudatio victimae im Palaischen // *Hethitica*. 2010. T. 16 (= *Studia Anatolica in memoriam Erich Neu dicata* / Ed. by R. Lebrun and J. de Vos). P. 39–58.
- Figliera 1896 – Figliera S. L. *La lingua e la grammatica di C. Crispo Sallustio*. Savona: D. Bertolotto, 1896.
- Filippone 2006 – Filippone E. Ilya Gershevitch and New Western Iranian // *The Scholarly contribution of Ilya Gershevitch to the development of Iranian studies* / Ed. by A. Panaino. Milan: Mimesis Edizioni, 2006. P. 11–24.
- Friedrich 1968 – Friedrich J. Zu einigen Hethitischen Wortbedeutungen // *Journal of the American Oriental society*. 1968. Vol. 88. P. 37–39.
- Froehde 1879 – Froehde F. *Zur homerischen Wortforschung* // *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*. 1879. Bd. 3. S. 1–25.
- Gaide 1988 – Gaide F. *Les substantifs masculins latins en ...iō, ...iōnis*. Louvain; Paris: Peeters, 1988.
- Gershevitch 1977 – Gershevitch I. Višāra // *Вопросы иранской и общей филологии*. Tbilisi, 1977. P. 62–69 (reprinted in: *Philologia Iranica* / ed. N. Sims-Williams. Wiesbaden, 1985. P. 142–148).
- Gippert 1993 – Gippert J. *Iranica Armeno-Iberica: Studien zu den iranischen Lehnwörtern im Armenischen und Georgischen*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1993.
- Goetze 1947 – Goetze A. Contributions to Hittite lexicography // *Journal of cuneiform studies*. 1947. Vol. 1. P. 307–320.
- Güterbock 1967 – Güterbock H. G. Lexicographical notes III // *Revue hittite et asianique*. 1967. T. 25/81. P. 141–150.
- Güterbock 1986 – Güterbock H. G. Hittites at Grinnell // *Ancient Anatolia. Aspects of change and cultural development: Essays in Honor of M. J. Mellink* / Ed. by J. V. Canby et al. Madison; London, 1986. P. 70–76.
- Haas 1970 – Haas V. *Der Kult von Nerik*. Rome, 1970.
- Haas 1994 – Haas V. *Geschichte der hethitischen Religion*. Leiden; New York; Köln: E. J. Brill, 1994.
- Haas-Thiel 1978 – Haas V., Thiel H. J. Die Beschwörungsrituale der Allaiturahi und verwandte Texte. *Hurritologische Studien II*. Kevelaer: Butzon und Bercker, 1978.
- Haas-Wegner 1988 – Haas V., Wegner I. Die Rituale der Beschworerinnen <sup>SAL</sup>ŠU.GI. ChS I/5. Rome: Multigrafica editrice, 1988.
- Hackstein 1997 – Hackstein O. Probleme der homerischen Formenlehre I // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*. 1997. Bd. 57. S. 19–46.

- Harrison 1990 – Harrison S. J. The speaking book: The prologue to Apuleius' *Metamorphoses* // *Classical quarterly*. 1990. Vol. 40. P. 507–513.
- Havet 1901 – Havet L. Terentius, Phormio // *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes*. 1901. T. 25. Fasc. 4. P. 295–310.
- Hoffmann 1976 – Hoffmann K. Ved. *yabh-* // *Aufsätze zur Indoiranistik* / Hrsgg. von J. Narten. Bd. 2. Wiesbaden: L. Reichelt, 1976. S. 570–574.
- Houben 1991 – Houben J. E.M. The Pravargya Brāhmaṇa of the Taittirīya Āraṇyaka: an ancient commentary on the Pravargya ritual. Delhi: Motilal Baharsidass, 1991.
- Innes 2001 – Innes D. Why Isthmos Ephyrea? // A companion to the prologue of Apuleius' *Metamorphoses* / Ed. by A. Kahane and A. Laird. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 111–122.
- Jamison 1981 – Jamison S. Function and form in the -āya-formations of the Rig Veda and Atharva Veda. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1981.
- Jordan 1860 – Jordan H. M. *Catonis praeter librum De re rustica quae extant*. Leipzig: Teubner, 1860.
- Josephson 1979 – Josephson F. Assibilation in Anatolian // *Hethitisch und Indogermanisch: Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Alt Kleinasien* / Hrsgg. von E. Neu and W. Meid. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1979. S. 91–104.
- Kassian–Korolëv–Sidel'tsev 2002 – Kassian A., Korolëv A., Sidel'tsev A. Hittite funerary ritual: *šalliš waštaiš*. Münster: Ugarit Verlag, 2002.
- Keulen 2007 – Keulen W. H. Apuleius Madaurensis *Metamorphoses* / Book I: Text, introduction and commentary. Groningen: Egbert Forsten, 2007.
- Kloekhorst 2008 – Kloekhorst A. 2008 Etymological dictionary of the Hittite inherited lexicon. Leiden; Boston: Brill, 2008.
- Kraut 1881 – Kraut E. K. Ueber das vulgäre Element in der Sprache des Sallustius / Programm des königlich-württembergischen evangelisch-theologischen seminars. Blaubeuren: Fr. Mangold, 1881.
- Kuiper 1933 – Kuiper F. Beiträge zur griechischen Etymologie und Grammatik // *Glotta*. 1933. Bd. 21. S. 267–294.
- Lebek 1970 – Lebek W. D. *Verba prisca*. Göttingen, 1970.
- Lunelli 1969 – Lunelli A. *Aerius. Storia di una parola poetica. Varia neoterica*. Roma: Edizione dell'Ateneo, 1969.
- Meier-Brügger 1989 – Meier-Brügger M. Griechisch ὀμφή, ἐάφθη, ἄαπτος und ἐψία // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*. 1989. Bd. 50. S. 90–96.
- Meister 1921 – Meister K. *Die homerische Kunstsprache*. Leipzig: B.G. Teubner, 1921.
- Melchert 1993 – Melchert H. C. 1993 *Cuneiform Luvian lexicon*. Chapel Hill: self-published, 1993.
- Melchert 1994 – Melchert H. C. *Anatolian historical phonology*. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1994.
- Melchert 2002 – Melchert H. C. Sanskrit sárdigrdi- // *Journal of American Oriental Society*. 2002. Vol. 122. P. 325–328.
- Melchert 2003 – Melchert H. C. PIE thorn in Cuneiform Luvian? // *Proceedings of the 14th Annual UCLA Indo-European Conference*



- / Ed. by K. Jones-Bley. Washington D.C.: Institute for the Study of Man, 2003. P. 145–161.
- Melchert 2007 – Melchert H. C. Luvian evidence for PIE \*H<sub>3</sub>eit- ‘take along; fetch’ // *Indo-European Studies Bulletin*. 2007. Vol. 12. P. 1–3.
- Mylius 1972 – Mylius K. Der zweite Adhyaya des Āśvalayana Śrautasūtra // *Acta Orientalia*. 1972. Vol. 36. P. 95–162.
- Nussbaum 2006 – Nussbaum A. The Latin nouns in -tiō-, -tiōn- / Handout of the talk given at the 25<sup>th</sup> East Coast Indo-European Conference Ohio State University (2006).
- Oettinger 1979 – Oettinger N. Die Stammbildung des hethitischen Verbums. Nürnberg: H. Carl, 1979.
- Oettinger 1998 – Oettinger N. Hethitisch sappara- und siparta- ‘Messer?’ // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*. 1998. Bd. 58. S. 95–100.
- Orel 2003 – Orel V. A Handbook of Germanic etymology. Leiden; Boston: E. J. Brill, 2003.
- Osthoff 1895 – Osthoff H. *Etymologica II* // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Litteratur*. 1895. Bd. 20. S. 89–97.
- Peters 1976 – Peters M. Attisch *hīēmi* // *Die Sprache*. 1976. Bd. 22. S. 157–161.
- Peters 1980 – Peters M. Untersuchungen zur Vertretung der indogermanischen Laryngale im Griechischen. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1980.
- Pinault 1979 – Pinault G.-J. Instrumental et adverbe predicatif // *LALIES*. 1979. T. 1. P. 31–33.
- Puelma Piwonka 1980 – Puelma Piwonka M. Cicero als Platon-Übersetzer // *Museum Helveticum*. 1980. Bd. 37. S. 137–178 (= *Labor et Lima: Kleine Schriften und Nachträge* / Hrsgg. von I. Fasel. Basel, 1995. S. 316–359).
- Puhvel 2004 – Puhvel J. *Hittite etymological Dictionary* / Vol. 6: Words beginning with M. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2004.
- Richlin 2005 – Richlin A. *Rome and the mysterious Orient: Three plays by Plautus*. London: University of California Press, 2005.
- Scarsi 1978 – Scarsi M. Le Origines di Catone e Nonio // *Studi Noniani*. 1978. T. 5. P. 237–297.
- Schmeling 2011 – Schmeling G. *A commentary on the Satyrice of Petronius*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Schmidt 1881 – Schmidt J. Zwei arische a-laute und die palatalen // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 1881. Bd. 25. S. 1–179.
- Schmidt 1895 – Schmidt J. *Kritik der Sonantentheorie*. Berlin: H. Böhlau, 1895.
- Schöll 1880 – Schöll F. Zu Catullus // *Jahrbücher für classische Philologie*. 1880. Bd. 26. S. 471–496.
- Schröder 1971 – Schröder W. A. M. Porcius Cato, das erste Buch der *Origines*. Ausgabe und Erklärung der Fragmente. Meisenheim am Glan: A. Hain, 1971.
- Scobie 1975 – Scobie A. *Apuleius. Metamorphoses. Asinus Aureus*. Meisenheim am Glan: A. Hain, 1975.
- Sharma 1959–1960 – Sharma A. Beiträge zur vedischen Lexikographie: Neue Wörter in M. Bloomfields *Vedic Concordance* // *PHMA*. 1959–1960. Bd. 5–6.

- Skard 1956 – Skard E. Sallust und seine Vorgänger: Eine sprachwissenschaftliche Untersuchung. Oslo, 1956.
- Sonny 1898 – Sonny A. Sopia, -onis bei Catull // Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik. 1898. Bd. 10. S. 528.
- Sonny 1900 – Sonny A. Nachträgliches zu sopia, -onis // Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik. 1900. Bd. 11. S. 275–276.
- Strauss 2006 – Strauss R. Reinigungsrituale aus Kizzuwatna. Ein Beitrag zur Erforschung hethitischer Ritualtradition und Kulturgeschichte. Berlin; New York: W. de Gruyter, 2006.
- Taggar-Cohen 2006 – Taggar-Cohen A. Hittite priesthood. Heidelberg: C. Winter, 2006.
- Tichy 1983 – Tichy E. Onomatopoetische Verbalbildungen des Griechischen. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1983.
- Till 1935 – Till R. Die Sprache Catos. Leipzig, 1935.
- Tischler 2001 – Tischler J. Hethitisches Handwörterbuch. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 2001.
- de Vaan 2008 – Vaan M. de. Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden: Brill, 2008.
- Väänänen 1959 – Väänänen V. Le latin vulgaire des inscriptions pompéiennes. Berlin: Akademie Verlag, 1959.
- Vine 1988 – Vine B. Greek ἔπω and Indo-European \*sep- // Indogermanische Forschungen. 1988. Bd. 93. S. 52–61.
- Waack-Erdmann 1982 – Waack-Erdmann K. Das Futur des Verbums ἐννέπω // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1982. Bd. 41. S. 199–204.
- Wallace 1983 – Wallace R. The development of PIE \*ē in Palaic // Die Sprache. 1983. Bd. 29. S. 159–173.
- Werba 1997 – Werba Ch. Verba Indoarica: die primären und sekundären Wurzeln der Sanskrit-Sprache. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997.
- Wilamowitz-Moellendorff 1907 – Wilamowitz-Moellendorff U. de. Hesiodos // Berliner Klassikertexte. Heft V: Griechische Dichterfragmente. 1. Hälfte: epische und elegische Fragmente. Berlin: Weidmann, 1907. S. 21–46.
- Willi 2008 – Willi A. Sikelismos. Sprache, Literatur und Gesellschaft im griechischen Sizilien 8.-5. Jh. v. Chr. Basel: Schwabe, 2008.

### A. S. Nikolaev. Greek ἰάπτω

This paper examines the use of the verb ἰάπτω and argues that in Greek there are two homonymous and etymologically distinct verbs, (προ)ἰάπτω ‘to send forth’ and (κατα)ἰάπτω ‘to hurt, to destroy’. It is argued that ἰάπτω<sub>2</sub> ‘to hurt’ goes back to a reduplicated present stem \*se-s(e)h<sub>2</sub>p-(ie/o-) made from a root \*seh<sub>2</sub>p- ‘hit, strike’. This root is reconstructed here for the first time on the basis of Anatolian, Indo-Iranian and Italic evidence. First the paper discusses Hittite verb *šap(p)-* ‘to hit’: despite the widely held belief this verb does not have to be viewed as a Luvianism related to Luvian *šappā-* ‘to peel’, but can rather continue a root aorist \*seh<sub>2</sub>p-. A cognate of Hittite *šap(p)-* can be identified in Ossetic *safyn* (I.), *isafun* (D.) ‘to destroy’ which can be traced back to \**ui-šāpaia-*. The Ossetic forms are nicely

matched by a Vedic hapax *sāpáyant-* (TB 2.4.6.5.4) which means ‘striking’ (and not ‘*futuens*’, despite Böhtlingk–Roth). Finally, under assumption that the root \*seh<sub>2</sub>p- ‘to hit’ was employed metaphorically in the meaning ‘to have sexual intercourse’ (attested in Balochi *šāpag* ‘to mount a ewe’) it becomes possible to offer a new account of Latin *prōsāpia* ‘lineage, kin, family’ and the rare word *sōpiō, -ōnis* ‘penis’ (Cat. 37.10, *CIL* 4.1700 and possibly Petron. *Sat.* 22).

*Keywords:* etymology, Greek, Hittite, Latin, Ossetic, Vedic, laryngal theory.

А. В. Грошева

## ЭПИТЕТЫ *СНА* (ὑπνος) В ПОЭМАХ ГОМЕРА

В статье рассматриваются эпитеты, которыми Гомер сопровождает ὑπνος 'сон' как физиологический процесс, свойственный не только людям, но и богам. Определяется качественный и количественный состав эпитетов, а также их распределение по группам в соответствии со стилистической функцией: 1) эпитеты «украшающие», 2) редкие, 3) терминологические. Отмечается значительное преобладание положительных характеристик *сна* по сравнению с отрицательными. Исследуется синтаксическая структура словосочетания ὑπνος 'сон' с эпитетом.

*Ключевые слова:* Гомер, «Илиада», «Одиссея», ὑπνος, γλυκύς, γλυκερός, ἡδύς, νήδυμος, μαλακός.

Среди художественных средств языка, известных с древнейших времён, эпитет занимает заметное место. В широком значении эпитет понимают как определение, как один из приёмов поэтического стиля, усиливающих образность и эмоциональность речи. Это определение, присоединяемое к названию предмета с целью подчеркнуть в нём один из его признаков, который в данном конкретном случае считается наиболее важным: это может быть как признак постоянный, типичный, укоренившийся в литературной традиции для данного предмета, так и частный признак, присущий предмету только в определённом контексте.

В одной из моих статей, посвящённых семантическому анализу трёх греческих прилагательных-эпитетов со значением *сладкий* в поэмах Гомера – γλυκύς, γλυκερός, ἡδύς (Грошева 2013), была отмечена частая встречаемость формульного словосочетания *сладкий сон* (ὑπνος с γλυκύς – 16 случаев, с γλυκερός – 7, с ἡδύς – 8, всего 31 случай), где прилагательное, по сути, является постоянным эпитетом<sup>1</sup>. Также было отмечено заметное

---

<sup>1</sup> Употребление постоянных («украшающих») эпитетов является одним из самых распространённых свойств эпического стиля («Одиссея» 2000: 313). Ср. также мнение В. М. Жирмунского: «так называемый постоянный эпитет гомеровского эпоса или русской былины есть украшающий эпитет, традиционно выделяющий типовой, идеальный признак предмета, не внося ничего нового в содержание определяемого понятия» (Жирмунский 1977: 360). Аналогичной точки зрения придерживалась и А. П. Евгеньева: Художественное определение в русской

преобладание данного сочетания ὑπνος с перечисленными прилагательными в «Одиссее» (24) по сравнению с «Илиадой» (7). Столь значительная количественная разница в определённой мере может объясняться различием в содержании поэм: «Илиада» состоит из военных советов и батальных сцен, а материал богатой приключениями «Одиссеи» не столько «героический», сколько бытовой и сказочный (Тронский 1983: 40).

В предыдущей статье не был затронут вопрос о различии синтаксических структур, образуемых существительным ὑπνος в сочетании с каждым из трёх перечисленных прилагательных. Обратимся к рассмотрению этого вопроса.

Γλυκὺς ὑπνος – это «формульный комплекс», сращение, неразрывное устойчивое словосочетание у Гомера; порядок слов в нём неизменен, прилагательное γλυκὺς всегда находится в **препозиции**, за исключением единственного случая в «Одиссее» (Od. 15. 6–7), где перенос прилагательного в положение **постпозиции** обусловлен противопоставлением: сон спящего Писистрата, сына Нестора, назван *мягким* (μαλακῶ ... ὑπνω) в отличие от сна Телемаха, сына Одиссея, которого ‘*сладкий сон* не брал’ (οὐχ ὑπνος ἔχε γλυκὺς).

С заменой в словосочетании *сладкий сон* двусложного прилагательного γλυκὺς на трёхсложное γλυκερός изменяется синтаксическая конструкция в целом: во-первых, γλυκερός оказывается в **постпозиции**, то есть наблюдается инверсия по сравнению с формульным комплексом γλυκὺς ὑπνος; во-вторых, происходит разрыв словосочетания: между ὑπνος и γλυκερός встраиваются другие элементы речи – союз, частица, предлог или даже глагол, что свидетельствует об усилении инверсии: Π. 10. 4 ἀλλ’ οὐκ Ἀτρεΐδην Ἀγαμέμνονα .../ ὑπνος ἔχε γλυκερός ‘но Атрид Агамемнон *сладкого сна* не вкушал’ (букв. ‘*сладкий сон* не владел Агамемноном’).

Прил. ἡδύς ‘сладкий’, будучи ритмически равноценным γλυκὺς, тем не менее, в сочетании с ὑπνος встречается вдвое реже, чем γλυκὺς (в соотношении 8: 16), поскольку основной функцией ἡδύς является обозначение сладкого или приятного вкуса какого-либо напитка или вина. Что касается положения ἡδύς в стихе относительно ὑπνος, оно может быть различным. В «Одиссее» четыре раза отмечено формульное выражение

---

народной песне, героическом устном эпосе представляет собой типичный «украшающий эпитет», характеризующийся постоянством употребления. «Бесполезно излагать положения по этому поводу, ставшие трюизмами» (Евгеньева 1948: 158).

‘насылать *сладкий сон* на веки’: речь идёт о Пенелопе, которая горько плакала о своём пропавшем муже до тех пор, ‘пока светлоокая богиня Афина не свела ей на очи *сладкий сон*’, например, Od. 1. 364 ὄφρα οἱ ὕπνον /ἦδὺν ἐπὶ βλεφάροισι βάλε γλαυκῶπις Ἀθήνη. В этих четырёх повторяющихся стихах ἦδύς неизменно находится в **постпозиции** к ὕπνος и открывает новый, следующий стих. В оставшихся четырёх (из восьми) случаях ἦδύς, будучи также в **постпозиции**, отделено от ὕπνος другими словами, например, Od. 23. 16–17 καὶ ἐξ ὕπνου μὲν ἀνευγείρεις /ἦδέος ... ‘и зачем прервала ты /*Сладкий мой сон*...?’ (слова Пенелопы, обращённые к старой няне Эвриклее) или, напротив, оказывается в **препозиции** к ὕπνος: Od. 15.44 αὐτὰρ ὁ Νεστορίδην ἐξ ἠδέος ὕπνου ἔγειρεν ‘Тут от покойного (= *сладкого*) сна пробудил Телемах Писистрата’. Сравнение синтаксических конструкций с участием ὕπνος + γλυκύς, γλυκερός, ἦδύς показывает их некоторое структурное разнообразие, что позволяло аэду выбирать из них ту конструкцию, которая более всего подходила ритмически в сходном контексте.

Однако характеристика *сна* различных персонажей в поэмах Гомера отнюдь не ограничивается тремя рассмотренными прилагательными; анализ прочих эпитетов *сна* будет предложен ниже, чтобы можно было получить полное представление об их значительном многообразии в гомеровском эпосе. Ещё одно часто встречающееся прилагательное со значением *сладкий* – νήδυμος; особенность его состоит в том, что в гомеровском тексте это прилагательное выступает исключительно как эпитет ὕπνος ‘сон’<sup>2</sup>, и лишь у позднейших поэтов, сохраняя своё значение *сладкий*, оно может служить, помимо сна, характеристикой и других объектов: воды, цветка, также лиц, например, νήδυμος Ὀρφεὺς ApI. 4.217 (LSJ 1996: 1773; здесь же со ссылкой на гомеровские гимны (НН) приводится синоним ἦδυμος ‘сладкий’, ‘сладостный’). Однако в «Гомеровском словаре» Вл. Краузе прилагательному νή-δυμος<sup>3</sup> (ὕπνος) приписываются другие значения: ‘неодолимый’, ‘непробудный’ и в качестве латинского аналога даётся прил. *invictus* ‘непобедимый’, ‘неодолимый’

<sup>2</sup> Словоупотреблению νήδυμος ὕπνος специально посвящена статья М. Лакор (Lacore 1997), в которой автор поднимает вопросы семантики прилагательного νήδυμος, затрагивая также проблемы его словообразования и этимологии.

<sup>3</sup> Написание νή-δυμος через дефис означает, что Вл. Краузе считает νή- префиксом, выражающим отрицание, что отражается и в приводимом у него латинском соответствии *in-victus*.

(Краузе 1896: 308). Вл. Краузе ссылается на строки из 13-й песни «Одиссеи», где ὑπνος характеризуется несколькими эпитетами: в указанном пассаже рассказывается об отплытии Одиссея **ночью** с острова феаков на родину, в Итаку. Утомленный Одиссей засыпает: Od. 13. 79-80 καὶ τῷ νήδυμος ὑπνος ἐπὶ βλεφάροισιν ἔπιπτεν, / νήγρετος, ἥδιτος, θανάτῳ ἄγχιστα εἰκότως; в переводе Жуковского «Тою порой *миротворно* слетал Одиссею на вежды / Сон непробудный, усладный<sup>4</sup>, с безмолвною смертию сходный». В приведенном отрывке перевод Жуковским прилагательного νήδυμος наречием *миротворно* произволен. Далее, поскольку здесь в наборе из трёх эпитетов сна уже имеется ἥδιτος *сладчайший*, трактовка прил. νήδυμος как *сладкий* может вызывать сомнения: это было бы тавтологией<sup>5</sup>. Точно так же не годится и перевод νήδυμος у Вл. Краузе как «непробудный», поскольку ему в греческом тексте соответствует прил. νήγρετος, чьё значение не вызывает сомнений, хотя возможно и второе его толкование – «неодолимый» (лат. *invictus* «непобедимый»). Обратим особое внимание на ещё один вариант понимания νήδυμος в данном контексте, предлагаемый переводчиком «Одиссеи» П. А. Шуйским – *глубокий*: «Скоро сон *непробудный* (νήγρετος<sup>6</sup>) спустился к нему на ресницы / *Сладкий* (ἥδιτος), *глубокий* (νήδυμος), всего наиболее сходный со смертью» («Одиссея» 1948: 182). Здесь мы сталкиваемся с ещё одной семантической

<sup>4</sup> Перевод Жуковским этого отрывка из «Одиссеи» включён для иллюстрации эпитетов сна – *непробудный, усладный* (с пометой *устарелое*) в статью СОН «Словаря эпитетов русского литературного языка», но прил. *миротворный* в качестве эпитета сна в этом списке нет. По нашим подсчётам, в указанной статье насчитывается 43 эпитета сна, кроме того, 9 редких (индивидуально-авторских) эпитетов, а также несколько логических определений, то есть определений бытового и терминологического характера, типа *гипнотический, естественный, летаргический, ночной, утренний* и т. п. сон (СЭРЛЯ 1979: 419).

<sup>5</sup> Вероятно, чтобы избежать тавтологии, Ш. де Ламбертери переводит νήδυμος прилагательным *délicieux* «восхитительный, дивный, чудесный», а ἥδιτος – «сладостный»; В. Берард для двух семантически близких эпитетов сна у Гомера обходится одним – *un doux sommeil* «сладкий сон» (цитируется по Lacore 1997: 33, прим. 96). Однако, как нам представляется, постановка ἥδιτος, превосходной степени прил. ἥδύς, последним, завершающим в группе из трёх эпитетов, может быть понята не как тавтология, а как усиление, подкрепление положительной характеристики сна.

<sup>6</sup> У Гомера встречается прил. νήγρετος «непробудный» (< νη отрицательный префикс + ἐγείρω «будить, пробуждать») и наречие νήγρετον «непробудно» в сочетании с глаголом εὔδειν «спать».

трактовкой прил.  $\nu\eta\delta\upsilon\mu\omicron\varsigma$  – ‘глубокий’<sup>7</sup>. По-видимому, без этимологического анализа  $\nu\eta\delta\upsilon\mu\omicron\varsigma$  решить вопрос об истинном значении этого прилагательного не удастся, хотя и предположения об этимологии слова, нередко самые различные, далеко не всегда проясняют его значение.

Но прежде необходимо рассмотреть прочие случаи употребления  $\nu\eta\delta\upsilon\mu\omicron\varsigma$  ὕπνος в поэмах Гомера: 8 в «Илиаде», 4 в «Одиссее», всего 12 (по сравнению с 16-ю случаями  $\gamma\lambda\upsilon\kappa\upsilon\varsigma$  ὕπνος, соответственно 3 и 13). В самом конце 1-й песни «Илиады» говорится об отходе Зевса ко сну на своё обычное ложе, где он и всегда почивал, ‘как сон посещал его *сладкий*’ (П. 1. 610 ὄτε μιν  $\gamma\lambda\upsilon\kappa\upsilon\varsigma$  ὕπνος ἰκάνοι). А уже в начале 2-й песни сообщается, что «Крониона (= Зевса) *сладкий сон* не покоил» (П. 2. 2 Δία δ’ οὐκ ἔχε  $\nu\eta\delta\upsilon\mu\omicron\varsigma$  ὕπνος), хотя другие боги и колесничие спали всю ночь напролёт. Что же так беспокоило Зевса? Троянская война разделила богов на два враждебных лагеря. Зевс, сторонник троянцев, думал, как защитить честь Ахилла и наказать ахейцев. В обоих предложениях речь идёт об одном и том же персонаже, Зевсе, и об одинаковой ситуации, так что прилагательные  $\gamma\lambda\upsilon\kappa\upsilon\varsigma$  и  $\nu\eta\delta\upsilon\mu\omicron\varsigma$ , характеризующие его *сладкий сон* (или отсутствие такового), можно считать синонимами, вопреки Вл. Краузе, который делает специальную ссылку на употребление  $\nu\eta\delta\upsilon\mu\omicron\varsigma$  в П. 2. 2 в значении ‘непробудный’, ‘неодолимый’.

Особый интерес для нашей темы представляет эпизод из 14-й песни «Илиады» (П. 14. 231–286), где рассказывается об обольщении Зевса Герой, сторонницей ахейцев, с помощью бога Сна (Ὑπνος)<sup>8</sup>, выступающего здесь как собеседник других

<sup>7</sup> Этот отрывок из Od. 13. 79–80 подробно разбирает М. Лакор (Lacore 1997: 32–35), выдвигая в заключение свою версию перевода: «сон глубокий пал на его ресницы, непробудный, сладчайший, почти похожий на смерть».

<sup>8</sup> «Сон – бог, брат бога Смерти» («Илиада» 1935: 683, Словарь географических и мифологических терминов). «Как отметил уже Евстафий, *Comm. ad Homeri Iliadem*, 3, р. 633, 9,  $\nu\eta\delta\upsilon\mu\omicron\varsigma$  является не только эпитетом сна, который касается живых существ, но эпитетом персонафицированного мифологического бога Сна» (цитируется по: Lacore 1997: 13, прим. 5). Гера замышляет «пролить сон и глубокий и сладкий на ресницы Зевса и его разум» (П. 14. 164–165 <...> τῷ δ’ ὕπνον ἀπῆμονά τε λαρόν τε / χεῦη ἐπὶ βλεφάροισιν ἰδὲ φρεσὶ πευκαλίμησι). Λαρός ‘тёплый’ у Гомера характеризует *кровь, воду, ветер*, а как эпитет сна означает ‘сладкий’ и входит в группу прилагательных с аналогичным значением:  $\gamma\lambda\upsilon\kappa\upsilon\varsigma$ ,  $\gamma\lambda\upsilon\kappa\epsilon\rho\omicron\varsigma$ , ἡδύς и др.; этимологически λαρός остаётся необъяснённым (Beekes 2010: 859). Значение прил. ἀ-πῆμων



божеств. Первое обращение Геры к богу Сна звучит необычайно торжественно, как признание его универсальной власти: П. 14. 233 Ὑπνε ἄναξ πάντων τε θεῶν πάντων τ' ἀνθρώπων 'Сон, владыка всех богов и всех людей'. Потом, обращаясь в своей речи ко Сну, Гера не присоединяет к звательному падежу Ὑπνε никакого эпитета, им наделяет Сон сам Гомер: П. 14. 242 τὴν δ' ἀλαμειβόμενος προσεφώνεε νήδυμος Ὑπνος 'Гере державной не медля отвечивал сон-усладитель'; в данном контексте можно рассматривать νήδυμος 'сладкий' как постоянный, единственный эпитет бога Сна, свойственный только ему (4 случая). Гера просит Сон усыпить Зевса, чтобы, обманув бдительность верховного бога, она могла оказать помощь ахейцам. Однако сначала Гера получает отказ: у бога Сна однажды уже был неудачный опыт усыпления Зевса. Прежние свои действия Сон описывает такими словами: П. 14. 252–253 ἦτοι ἐγὼ μὲν ἔλεξα<sup>9</sup> Διὸς νόον αἰγιόχοιο / νήδυμος ἀμφιχυθείς 'В оный я день обаял (правильнее – 'усыпил') Эгиоха (= Зевса) всесильного разум,/ Сладко разлившись'<sup>10</sup>; весьма примечательно, что здесь Сон самого себя награждает эпитетом νήδυμος 'сладкий'<sup>11</sup>. Благодаря

---

(*a privativum* + πῆμα 'страдание, беда, несчастье') в сочетании с ὑπνος трактуется по-разному: *глубокий* (Гнедич), *приятный* (Вейсман 1888: 155), *крепительный* (Краузе 1896: 276), *благодатный, живительный* (Дворецкий 1958: 194). Исходя из описываемой в этом эпизоде ситуации и учитывая способ образования ἀ-πῆμων, нам представляется наиболее подходящим значение *спокойный, безмятежный*.

<sup>9</sup> Глагол λέχω, аο. ἔλεξα 'укладывать', а в П. 14. 252 'усыплять', 'сковывать сном' (Краузе 1896: 276).

<sup>10</sup> О «лющемся» сне см. Грошева 2013: 235, прим. 19.

<sup>11</sup> Сходный текст, но уже в сочетании с ὑπνος, обозначающим физиологическое состояние, повторяется в 23-й песни «Илиады», где говорится о похоронах Патрокла: Ахилла, утомленного погоней за Гектором, наконец одолел сон: П. 23. 62–63 εὔτε τὸν ὑπνος ἔμαρπτε ('овладевать', лат. *cēpit*) λύων μελεδήματα θυμοῦ / νήδυμος ἀμφιχυθείς 'Там над Пелидом (=Ахиллом) сон, сердечных тревог укротитель / Сладкий разлился'; более точный прозаический перевод 'когда им овладел, разлившись, сладкий сон, освобождающий от сердечных огорчений'. По мнению М. Лакор, настаивающей на понимании νήδυμος в данном отрывке как *глубокий*, «нет никакой сладости в сне Ахилла перед появлением призрака Патрокла – только глубокое бессознательное состояние (inconscience), – впрочем, благотворное, – в которое он моментально погружается» (Lacore 1997: 27). Мне кажется, здесь в νήδυμος заключён целый комплекс разнородных чувств, которыми охвачен Ахилл, в том числе и чувство облегчения, успокоения, делающее сон *сладким* (А. Г.). В этом примере обращает на себя внимание значительный разрыв между членами словосочетания; в прочих

соблазнительным обещаниям Геры Сон всё же усыпил Зевса, но на этом его миссия не закончилась: он сообщает об усыплении Зевса Посидону и просит его помочь ахейцам в битве против троянцев: II. 14. 354 βῆ δὲ θεεῖν ἐπὶ νῆας Ἀχαιῶν νῆδυμος ὕπνος ‘Быстро к судам аргивян *победительный Сон* обратился’ (в прозе: ‘бегом отправился к кораблям ахейцев *сладкий Сон*’). В данном контексте довольно оригинальный перевод Гнедичем прил. νῆδυμος как ‘победительный’<sup>12</sup> несомненно произволен; скорее всего, здесь перед нами просто традиционный, постоянный эпитет бога Сна, так как другие эпитеты ему не свойственны.

Ещё раз (уже четвёртый) бог Сна в сочетании с эпитетом νῆδυμος встречается в середине 16-й песни (II. 16. 454), где описан эпизод борьбы между Сарпедоном, царём ликийцев, сыном Зевса, и Патроком. Зевс увидел этот поединок, ему стало жаль своего сына, но Гера не советовала Зевсу спасти его: тогда и другие боги пожелают спасти своих сыновей; когда же падёт Сарпедон от рук Патрокла, послать к погибшему Смерть (Θάνατον) и Сон (νῆδυμον ὕπνον), чтобы они отнесли в Ликию тело героя<sup>13</sup>.

И дважды νῆδυμος ὕπνος отмечено в 10-й песни «Илиады», получившей название «Долония» по имени действующего в ней троянца Долона; эта песнь, по мнению гомероведов, стоит особняком в общем ходе повествования. Спят ахейцы ‘сном благодетельным’ (II. 10. 2 μαλακῶ ... ὕπνω) – говорится в самом начале «Долонии», но ‘Атрид Агамемнон *сладкого сна* не вкушал’ (II. 10. 4 ἀλλ’ οὐκ Ἀτρεΐδην Ἀγαμέμνονα ... / ὕπνος ἔχε γλυκερὸς), волнуемый множеством мыслей. При встрече со старцем Нестором Агамемнон объясняет причину своего беспо-

---

случаях νῆδυμος ὕπνος, подобно γλυκερὸς ὕπνος, воспринимается как смысловое целое.

<sup>12</sup> В приложенном к переводу «Илиады» Гнедича «Словаре устаревших и малоупотребительных слов» прилагательное *победительный*, употреблённое переводчиком, объясняется как *победоносный, всепобеждающий* («Илиада» 1990: 546).

<sup>13</sup> Смерть и Сон, несущие тело погибшего героя, часто изображались в древнегреческой вазовой живописи («Илиада» 1990: 505, примечание к II. 16. 454). М. Лакор считает, что в эпизоде смерти Сарпедона могущество Сна не имеет значения, он появляется как простой исполнитель; тем не менее, его эпитет νῆδυμος, как и родство со Смертью, остаётся здесь при нём (Lacore 1997: 30). Однако стоит подчеркнуть, что в этом случае, в отличие от эпизода в 14-й песни, Гера сопроводила имя бога Сна его постоянным эпитетом νῆδυμος ‘сладкий’ и, может быть, в знак подлинного, а не показного почтения.

койства ('за ахейн жестоко страшуся я'), признаётся, что его мучает бессонница: 'на очи мои ниже (=даже) ночью не сходит *сладостный сон*' (П. 10. 91 οὐ μοι ἐπ' ὄμμασι νήδυμος ὑπνος / ἰζάνει). И ещё один случай в «Долонии» следует отметить: речь идёт о предводителях стражи, бдительно охраняющих ночью стан ахейского войска: П. 10. 187 ὡς τῶν νήδυμος ὑπνος ἀπὸ βλεφάρων ὀλώλει 'так пропал на очах *усладительный сон* у ахейн'. Таким образом, в тексте 10-й песни «Илиады» мы сталкиваемся с тремя разными, но по сути очень близкими по значению эпитетами сна, которые отмечают его положительные качества: ὑπνος μαλακός (об этом прилагательном см. ниже), γλυκερός, νήδυμος.

Остаётся рассмотреть три случая из «Одиссеи» (об Od. 13. 79–80 см. начало статьи).

4-я песнь «Одиссеи» заканчивается тем, что Пенелопа узнаёт о намерении женихов умертвить Телемаха, отплывшего на поиски отца. Исполненная скорби, она обращается к Афине с просьбой спасти сына. Богиня посылает ей утешительное сновидение, и она успокаивается: Od. 4. 793–794 τόσσα μιν ὀρμαίνουσαν ἐπήλυθε νήδυμος ὑπνος / εὖδε δ' ἀνακλιθεῖσα... 'Так от своих размышлений она трепетала. Но *мирный / Сон* прилетел и её улелеял, всё в ней утихло'. Этот перевод В. А. Жуковского подверг критике другой переводчик «Одиссеи», П. А. Шуйский, предложив (в примечании к этим стихам) свою прозаическую версию: 'её, так размышлявшую, охватил *сладкий сон*, и она уснула, склонившись<sup>14</sup>, а члены все у ней ослабли'. Таким образом, отмечает далее Шуйский, ничего не говорится о трепетании Пенелопы, это – добавочное украшение Жуковского, как и «улелеял» («Одиссея» 1948: 354). Употребление в переводе эпитета *мирный* (сон) вместо *сладкий* Шуйский обошёл молчанием.

В 12-й песни дважды встречается словосочетание νήδυμος ὑπνος. В этой песни рассказывается о плавании корабля Одиссея между утёсов Харибды и о похищении Сциллой шестерых из гребцов. Корабль остановился у берегов о. Тринакрия. Здесь спутники Одиссея на берегу приготовили ужин и, утолив голод, стали поминать растерзанных Сциллой товарищей. 'Скоро на плачущих *сон, усладитель печалей, спустился*' (Od. 12. 311 κλαίοντεςσι δὲ τοῖσιν ἐπήλυθε νήδυμος ὑπνος)<sup>15</sup>. Противные ветры

<sup>14</sup> Вл. Краузе для ἀνακλιθεῖσα в Od. 4. 794 также даёт значение 'склониться, прилечь' (Краузе 1896: 44).

<sup>15</sup> Шуйский νήδυμος ὑπνος переводит здесь *сладостный сон*. На мой взгляд, самым подходящим эпитетом был бы *успокоительный*.

целый месяц не давали кораблю Одиссея продолжить путь. Запасы пищи истощились, и спутники, воспользовавшись сном Одиссея, нарушили данную ими ранее клятву, убили быков Гелиоса и зажарили их мясо. В это время Одиссей проснулся: Od. 12. 366 καὶ τότε μοι βλεφάρων ἐξέσσυτο (аог. med. от ἐκσεύομαι ‘спешить, выбегать’) νήδυμος ὕπνος ‘Тут улетел *усладительный сон*, мне ресницы смыкавший’; у Шуйского ‘*Сладостный сон* в это время с ресниц моих удалился’. Узнав о случившемся, Одиссей укоряет Зевса и других богов за то, что они ввергли его в беду, усыпив *непобедимым / не(пре)одолимым*<sup>16</sup> сном: Od. 12. 372 ἦ με μάλ’ εἰς ἄτην κοιμήσατε νηλεῖ ὕπνῳ.

Что касается прилагательного νήδυμος, анализ всех его употреблений Гомером в сочетании с ὕπνος приводит нас к выводу о необходимости согласиться с мнением авторов Оксфордского греко-английского словаря (LSJ 1996), приписывающих этому прилагательному единственное значение *сладкий (сон)*<sup>17</sup>. Тем не менее, заслуживает внимания точка зрения, высказанная в статье М. Лакор: «Наряду с многочисленными способами выражать *сладость*, само по себе качество сна очень «естественное», в серии гомеровских эпитетов *сну* недостаёт *глубины*. Конечно, глубина сна отчетливо выражается оборотом δεδμημένος ὕπνῳ или редким существительным κῶμα <...>. Но никакой эпитет не передаёт идею глубины, если отказывать νήδυμος в этом значении: βαθύς ὕπνος никогда не встречается у Гомера» (Lacore 1997: 24)<sup>18</sup>. «Глубина и сладость сна, –

<sup>16</sup> Таков перевод прил. νηλής в данном контексте у (Краузе 1896: 309); у Дворецкого νηλής *стяж.* = νηλεής ‘безжалостный’, ‘жестокий’; перевод Жуковским в этом предложении словосочетания νηλεῖ ὕπνῳ ‘вы на беду *обольстительный сон* низвели мне на вежды’, несомненно, произволен, а в переводе Шуйского – ‘*сном глубоким* меня в неизмерное бедствие ввергли’ – ὕπνος ‘сон’ сопровождается одним из традиционных эпитетов; νηλεῖ ὕπνῳ ‘*безжалостный сон*, приведший спящего к болезни’ (LSJ 1996: 1178). Такие расхождения в понимании значения прил. νηλής также требуют объяснения (см. ниже).

<sup>17</sup> В параллельном латинском переводе «Илиады» и «Одиссеи» (ΟΜΗΡΟΥ ΠΟΙΗΜΑΤΑ 1843) формульному комплексу νήδυμος ὕπνος соответствует только либо *suavis somnus* (7 случаев), либо *dulcis somnus* (5 случаев), прилагательные-синонимы со значением *сладкий*.

<sup>18</sup> Признаться, при работе над статьёй об эпитетах *сна* у Гомера, у меня тоже возникала мысль о причинах отсутствия эпитета *глубокий* (греч. βαθύς); но, к примеру, нет у Гомера и другого привычного для современного читателя эпитета сна – *крепкий* (греч. ισχυρός) – А. Г. Следует отметить, что переводчик «Одиссеи» П. А. Шуйский иногда приписывает νήδυμος (ὕπνος) значение *глубокий* (см. выше об Od. 13. 79–80).

продолжает М. Лакор, – понятия трудно различимые, они никоим образом не противопоставляются, а выражают дополнительные оттенки сна: *сладость* отсылает к отдыху спящего субъекта, *глубина* – к впечатлению от спящего субъекта тех, кто его наблюдает, или, скорее, к оценке спящего, который пробуждается от сна» (там же: 26).

Трудностям этимологии νῆδυμος посвящён специальный раздел статьи М. Лакор (Lacore 1997: 23–24). Две основные этимологии этого прилагательного были предложены ещё в античности. По первой версии, поддержанной В. Пизани, νῆδυμος является производным от νῆδυσ ‘живот, чрево’ и как бы напоминает о сне ребёнка или, скорее, зародыша в материнской утробе; согласно второй версии в νῆδυμος выделяют корень δύω/δύομαι ‘погружаться, углубляться’ и негативный префикс νή-. Однако обе эти версии по разным причинам признаны неудовлетворительными.

В «Этимологическом словаре греческого языка» Я. Фриска νῆδυμος у Гомера также характеризуется исключительно как эпитет ὑπνος. Иначе объясняется происхождение этого прилагательного: оно возникло из ἥδυμος<sup>19</sup> ‘сладкий’, ‘успокаивающий’, ‘приятный’ (дактилическая параллельная форма к ἥδύς < Ἡδύς) вследствие того, что, после исчезновения в этом прилагательном начальной дигаммы, предшествующее ν еphelkystikon было притянуто к следующему слову (то есть к этому прилагательному) ради устранения гиата; см. вышеприведённый (стр. 108 статьи) пример II. 2. 2 Δία δ’ οὐκ ἔχε(ν) νῆδυμος ὑπνος. Исходя из такого объяснения νῆδυμος, Фриск считает эту форму у Гомера ложной, ошибочной (Frisk, Bd. 2, 1970; Bd. 1, 1960). То же мнение приводится в словаре П. Шантрена (Chantraine 1974 t. 3: 750).

<sup>19</sup> «Уже древние комментаторы задумывались над первоначальной формой прил. νῆδυμος (с нач. ν или без него) и его значением (*сладкий* или *глубокий*); действительно, следующая за «Илиадой» и «Одиссеей» поэтическая традиция представляет конкурирующую с νῆδυμος форму ἥδυμος, гораздо реже засвидетельствованную, но явно связанную с ἥδύς, и функционирующую, по-видимому, как простой дублет» (Lacore 1997: 14). Теорию ложного разреза νῆδυμος поддерживает Р. Янко: исходя из первоначального ἥδυμος, он относит это явление не к периоду передачи текста, но к стадии самого образования эпического языка: речь идёт о типично ионийском диалектном факте. «ἥδυμος сохраняется у Гесиода (frag. 330), Алкмана и Симонида, и формула ἥδυμον ὑπνος имеется в НуНегм 241, 449. Материковые поэты, знающие из своего диалекта о нач. ɸ- в ɸᾶδύς (лат. *suavis*, англ. *sweet*) избегали ложной формы; ионийский поэт этого не делал, как доказывают стихи II. 14. 253 и 16. 454» (Janko 1992: 189).

Теперь обратимся к происхождению прил.  $\nu\eta\lambda(\epsilon)\acute{\eta}\varsigma$ . В Словаре Фриска (Frisk 1970 Bd 2: 314) оно имеет значения ‘безжалостный’, ‘беспощадный’, и, кроме того, (со знаком вопроса) ‘неизбежный’. Предполагается, что  $\nu\eta\lambda(\epsilon)\acute{\eta}\varsigma$  в значении ‘безжалостный’ содержит отрицание  $*\nu\eta$  и ἔλεος ‘жалость’, ‘сострадание’ или ἐλεέω ‘сострадать’, ‘сочувствовать’, ‘жалеть’;  $\nu\eta\lambda(\epsilon)\acute{\eta}\varsigma$  в значении ‘неизбежный’ следует сближать с глаголом ἀλέομαι ‘уклоняться’, ‘избегать’. Шантрэн (Chantraine 1974, t. 3: 750) отрицательно относится к этой последней версии, считая её мало правдоподобной, и с ним нельзя не согласиться: употребление  $\nu\eta\lambda(\epsilon)\acute{\eta}\varsigma$  в сочетании с χαλκός ‘медное изделие, оружие’, с ἦμαρ ‘день’ и т. д. следует рассматривать как примеры эпической фразеологии со значением прилагательного ‘без жалости, сострадания, сочувствия’. Что касается выше приведённого на стр. 112 стиха из Od. 12. 372, Шантрэн переводит  $\nu\eta\lambda\acute{\eta}\varsigma$  ὕπνος ‘вредный (франц. *nuisible*) сон’, то есть, надо понимать, сон, причинивший спящему зло, вред, что вполне соответствует ситуации, в которой оказался Одиссей. Это первый случай в нашем исследовании, когда эпитет *сна* несёт отрицательную информацию.

В гомеровском эпосе зафиксировано также несколько случаев обозначения *сладкого сна* словосочетанием μαλακός ὕπνος<sup>20</sup>, например (см. выше, стр. 105), в сравнительном описании сна Писистрата и Телемаха, которые вместе спали «в сенях Менелаева славного дома», где их нашла Афина (начало 15-й песни «Одиссеи»): Od. 15. 6–7 ἦ τοι Νεστορίδην μαλακῶ δεδμημένον ὕπνῳ / Τηλέμαχον δ’ οὐχ ὕπνος ἔχε γλυκύς ‘Сладостным сном побежденный, лежал Писистрат неподвижно<sup>21</sup>. Полон тревоги был сон Одиссеева сына: <...> он об отце помышлял и крушился’. Здесь в греческом тексте мы наблюдаем разные, однако по сути синонимичные эпитеты *сладкого сна*: μαλακός ὕπνος у Писистрата и γλυκύς ὕπνος у Телемаха; но если Писистрат действительно был объят *сладким сном*, то Телемаха

<sup>20</sup> М. Лакор включает μαλακός в группу самых важных, «формульных» эпитетов, выражающих *сладость*, наряду с ἠδύς, γλυκύς, γλυκερός (Lacore 1997: 13); μαλακός в сочетании с ὕπνος может быть переведено и другими эпитетами: ‘тихий’, ‘безмятежный’, ‘спокойный’ (Дворецкий 1958: 1049): в любом случае речь идёт о положительных свойствах сна.

<sup>21</sup> Перевод П.А. Шуйского, на наш взгляд, наиболее контрастно передаёт различие между сном двух юношей: ‘Мягким скован был сном Несторид Писистрат благородный; Сладостный сон однако не мог Телемаха осилить’.

*сладкий сон* не брал (οὐχ ὑπνος ἔχε, букв. ‘сон не владел Телемахом’). В эпизоде обольщения Зевса Герой с помощью бога Сна (см. выше), он радостно сообщает Посидону о своём успехе: II. 14. 359 ... αὐτῷ ἐγὼ μαλακὸν περὶ κῶμ<sup>22</sup> ἐκάλυψα ‘царя (= Зевса) окружил я дремотою сладкой’. Точно так же *сладкому сну* предавались всю ночь у своих кораблей вожди ахейцев (II. 10. 2 εὔδον παννύχιοι μαλακῶ δεδμημένοι ὑπνῷ), а в самой последней песни «Илиады» – боги и колесничие (стих II. 24. 678 = II. 10. 2). В 18-й песни «Одиссеи» Пенелопе предстоит нежеланная встреча с женихами, чтобы выбрать наконец одного из них. Афина усыпляет её и, пока Пенелопа спит, делает её облик необычайно привлекательным. Пробудившись, она осознает, что её, тяжело страдающую, /накрыл *сладкий сон*/ (Od. 18. 201... μαλακὸν περὶ κῶμ<sup>23</sup> ἐκάλυψεν), и тут же в отчаянье восклицает: ‘О, если б / Мне и такую же *сладкую смерть* (μαλακὸν θάνατον) принесла Артемида / В это мгновенье ...’,<sup>23</sup>.

Таким образом, в гомеровском эпосе насчитывается, по крайней мере, 5 случаев употребления μαλακός ‘сладкий’ как эпитета сна: с ὑπνος – 3, с κῶμα – 2. Однако рамки употребления μαλακός гораздо шире. В Оксфордском греко-английском словаре (LSJ 1974: 2, 1077) выделены три группы значений этого прилагательного по следующим параметрам: 1) о вещах, предметах, которые можно осязать (конкретные значения); 2) о вещах, которые нельзя осязать (переносные значения); 3) о лицах. В каждой из трёх групп имеются примеры из песен Гомера. Так, в 1-й группе отмечены словосочетания μαλακός ‘мягкий (на ощупь)’ с εὐνή ‘ложе’, χιτῶν ‘хитон’, κώεα ‘овечьи шкуры (для сидения, лежания)’, τάπης ‘ковёр’, πέπλος ‘плащ’ и даже νεῖός ‘свежевспаханный пар’, λειμῶνες ‘луга’. Именно во 2-ю группу включены ὑπνος и κῶμα ‘сон’, θάνατος ‘смерть’, а также обозначения *ласковых, нежных слов* – ἔπεα, λόγοι. В 3-ей группе приведён один пример из Гомера: в 22-й песни «Илиады» ахейцы, пронзая пикой тело убитого Гектора, с насмешкой

<sup>22</sup> κῶμα, ατος τό ‘сон, дремота’ (синоним ὑπνος). Со своей стороны, заметим, что бог Сна употребил здесь другой эпитет для характеристики *сладкого* сна Зевса – μαλακός, а не νήδυμος, свой постоянный эпитет.

<sup>23</sup> Как считает М. Лакор, «... сладость не является общей чертой сна и смерти, она характеризует, при объективности повествования, сон, в который погружён Одиссей (имеется в виду Od. 13. 79–80, см. с. 107 настоящей статьи – А. Г.); в случае с Пенелопой, напротив, она приложима к смерти, но в благом пожелании, субъективном представлении о смерти» (Lacore 1997: 37).

говорят, что он стал гораздо *мягче* (μαλακώτερος), чем при жизни, когда он поджигал их корабли (Π. 22. 373).

Об этимологии μαλακός ‘мягкий, сладкий, нежный’ в этимологических словарях греческого языка сообщается очень кратко: μαλακός, по-видимому, относится к той же группе, что прил. βλάξ ‘вялый, неповоротливый’, которое имеет другой вокализм и, без гуттурального, ἀμαλός ‘нежный, слабый’ (например, у Гомера Π. 22. 310, о баране), ἀμαλδύνω ‘разрушать, уничтожать’ (Π. 7. 463, о стене) и, наконец, лат. *mollis*, санскр. *mṛdú-* (Chantraine 1974, t. 3: 661). В «Энциклопедии индоевропейской культуры» греческому μαλακός (< \*mleh<sub>1</sub>-k) ‘мягкий, слабый’ приводятся отдельные соответствия из германских языков, например, ср.-дат. *malsch* ~ *mals* ‘безрассудный, мягкий’, хетт. *malisku-* ‘слабый, лёгкий, незначительный’, предположительно литов. *mùlkis* ‘глупый’ и, возможно, др.-инд. *malvá-* ‘необдуманый, глупый’ со сходным семантическим развитием, предполагаемым для того же корня. Для формы с расширителем *-d-* (\*m<sub>1</sub>ldus) в качестве соответствий даны кельт. *blydd* ‘нежный, сочный, мягкий’, др.-прусск. *mal dai* ‘юный’, ст.-слав. *mladŭ* ‘юный, нежный’ (рус. *молод-*), арм. *melk’* ‘мягкий, слабый’ и из числа уже упомянутых у Шантрена латинская и древнеиндийская лексемы. Широкая представленность этого корня и прозрачная семантика с большой вероятностью позволяют считать его протоиндоевропейским (EIEC 1997: 532).

Прочие эпитеты *сна*, встречающиеся у Гомера, или редки или единичны. Можно отметить два прилагательных, форма которых является результатом словосложения с сущ. μέλι ‘мёд’ – μελίφρων (от φρήν ‘душа’, ‘сердце’) ‘успокаивающий душу, сладкий’ и μελιθής (μελι-ήδύς) ‘сладкий, как мёд’. Так, в начале 2-й песни «Илиады» Зевс провоцирует греков на выступление, посылая спящему Агамемнону Сон (ὄνειρος<sup>24</sup>) якобы в образе

<sup>24</sup> «Мифологическая фигура персонифицированного Сновидения носит имя Онейрос» (Протопопова 2002). «У Гомера следует различать ὄνειρος, ὄνειρατα, ὄναρ ‘сон-призрак и сновидение’ и ὕπνος ‘состояние сна’. Сны-призраки обычно приходят или прилетают к человеку и, кроме того, обладают одним весьма важным качеством – умением говорить. Нередко эти сны названы губительными: какὸν ὄναρ (Π. 10. 496), ὄνειρος οὐλός ‘губительный’ (Π. 2. 6; 8) и αἰνός ‘ужасный’ (Od. 19, 568), в отличие от ὕπνος, у которого, напротив, эпитеты похвальные: ‘медовый’, ‘амброзический’ и др.» (Ермолаева 2007:11). Эпитетом *амброзический* характеризуется сон Агамемнона (Π. 2. 19 περὶ δ’ ἀμβρόσιος κέχυθ’ ὕπνος ‘над ним амброзический сон разливался’). Амброзический – то есть божественный; ср. амброзию – пищу богов в



Нестора: старец призывает его выступить против троянцев, обещая победу над ними: П. 2. 34 μηδέ σε λήθη / αἰρείτω εὖτ' ἄν σε μελίφρων ὑπνος ἀνήη '<Помни глаголы мои, сохраняй на душе> и страшися / Их позабыть, как тебя оставит сон *благо-творный*'<sup>25</sup>. В данном контексте μελίφρων выступает эпитетом сна (ὑπνος), хотя Гомер этим прилагательным как одним из постоянных эпитетов чаще наделяет οἶνος 'вино' (П. 6. 264, Od. 7. 182 etc.). В 19-й песни «Одиссеи» Пенелопа рассказывает свой сон (ὄνειρος): к ней во двор прилетел орёл, заклевал всех гусей, «сам же в небо умчался». Однако, вернувшись, орёл человеческим голосом истолковывает Пенелопе её сон: гуси – это женихи, орёл – сам Одиссей, который убьёт женихов. Едва орёл это сказал, Пенелопа проснулась: Od. 19. 551 ὡς ἔφατ', αὐτὰρ ἐμὲ μελιθής ὑπνος ἀνήκε 'Так он сказал, а меня *сладкий сон* покинул'. Прил. μελιθής 'сладкий' в своём прямом значении, как и μελίφρων, может быть эпитетом вина и, кроме того, плодов, например, лотоса, и даже пшеницы, поедаемой конями (П. 10. 569 μελιθήα πυρὸν ἔδοντες), а употребление этих прилагательных для характеристики сна является метафорическим.

К числу прилагательных-композиций относится также πανδαμάτωρ, орос (< παν + δαμάω 'успокаивать') 'успокаивающий, подчиняющий, смиряющий всех', отмеченное как эпитет сна и в «Илиаде» (П. 24. 5 οὐδέ μιν ὑπνος / ἦρει πανδαμάτωρ 'к нему (Ахиллу) не касался всё усмиряющий сон'<sup>26</sup>), и в 9-й песни «Одиссеи», где события разворачиваются в пещере циклопа Полифема, которого Одиссей напоил вином; циклоп пришёл в крайнее возбуждение и вскоре заснул (Od. 9. 372–373 καὶ<sup>27</sup> δέ μιν ὑπνος / ἦρει πανδαμάτωρ 'и всепобеждающей силой / Сон овладел им'). Возможно, по способу образования πανδαμάτωρ следует считать существительным – 'всех укротитель', и тогда с

---

представлении греков («Илиада» 1990: 435). Этот эпитет, по-видимому, носит терминологический характер (= логическое определение, см. прим. 4).

<sup>25</sup> Гнедич довольно часто употребляет эпитет *благо-творный* вместо *сладкий* для характеристики сна.

<sup>26</sup> Ахилл плачет, вспоминая о своём друге Патрокле после его погребения, в то время как другие ахейцы устремились к своим кораблям, чтобы подкрепиться пищей и *сладостным сном* (П. 24. 3 δόρποιο μέδοντο / ὑπνου τε γλυκεροῦ ταρπήμεναι); Гомер явно противопоставляет состояние уставших воинов, думающих об отдыхе и сладком сне, и состояние Ахилла, которого «не берёт» всех усмиряющий сон, отсюда различие эпитетов сна – γλυκερός и πανδαμάτωρ.

<sup>27</sup> καὶ эп.-дор. = ката перед начальной *d* следующего слова (Дворецкий 1958: 1, 846).

синтаксической точки зрения оно является приложением к ὕπνος. У Гомера πανδαμάτωρ встречается только как эпитет сна и, очевидно, входит в группу редких, индивидуально-авторских эпитетов; в послегомеровское время πανδαμάτωρ характеризует такие сущности, как рок, гром, время.

Совершенно особенным, необычным представляется метафорическое употребление прил. χάλκεος ‘медный’ в сочетании с ὕπνος: Π. 11. 241 ὃς δὲ μὲν αὖθι πεσὼν κοιμήσατο χάλκεον ὕπνον / οἰκτρὸς ‘Там, по земле распростёршись, сном засыпает он медным / Бедный ...’<sup>28</sup>: речь идёт о поединке Агамемнона с троянцем Ифидамасом, который был насмерть поражён мечом противника. У Гомера относительное прилагательное χάλκεος ‘сделанный из меди или из бронзы’, как правило, характеризует такие предметы, как копье, кольчугу (латы), запор, окованные медью колёса и т. п., то есть предметы, очевидно отличающиеся особой прочностью: так могло возникнуть в переносном смысле словосочетание χάλκεος ὕπνος, символ непробудного, смертельного сна<sup>29</sup>.

Этимология сущ. χαλκός ‘медь’, от которого образовано множество производных (композиции, прилагательные, глаголы), присутствующих и в языке Гомера, несмотря на массу гипотез и направлений, в которых велись исследования в области происхождения этого древнего слова, остаётся неясной. «Можно заключить, что это слово, уже микенское (– ка-ко /khalkos/ PY 7n), вместе со столь важной техникой его использования в античной металлургии, было заимствовано в древнюю эпоху из некого

<sup>28</sup> Во вступительной статье И. М. Тронского к изданию «Илиады» в разделе, касающемся представлений древних греков о загробной жизни, в частности у Гомера, сказано: «Мёртвые спят “медным сном”» («Илиада» 1935: 64), но, к сожалению, никаким комментарием эти слова не сопровождаются. В Древнегреческо-русском словаре (Дворецкий 1958: 1761) выражение κοιμήσατο χάλκεον ὕπνον переводится ‘он заснул свинцовым (непробудным) сном’, а само прил. χάλκεος в метафорическом значении трактуется ‘крепкий как медь’. Аналогичный комментарий дан А. И. Зайцевым: сном медным – прочным как медь (бронза) («Илиада» 1990: 484). Очевидно, у древних греков медь считалась эталоном прочности, ср.: метафорическое значение прилагательного в ἦτορ χάλκεον (Π. 2. 490) ‘медное сердце’.

<sup>29</sup> Ср. пример из русской литературы: «Давным-давно он не засыпал так безмятежно-крепко, «м е д н ы м сном», как у Гомера, и когда проснулся, не сразу вспомнил, куда это он попал ...». Кнорре, Шорох сухих листьев (пример взят из СЭРЛЯ 1979: 420; эпитеты железный, медный, чугунный и некоторые другие отнесены к числу редких в статье СОН).

языка и цивилизации, которые в настоящее время не поддаются определению» (Chantraine 1977: 4.1, 1243).

Весьма многозначным у самого Гомера является прил. σχέτλιος, употребляющееся (LSJ 1996: 1745) как для характеристики лиц (преимущественно о героях) в значении ‘неутомимый, настойчивый, не отступающий, способный держаться до конца’, иногда в плохом смысле (например, об Ахилле, II. 9. 630 σχέτλιος ‘суровый, жестокий’), так и для вещей (в широком понимании). К этому второму разряду относятся два случая из «Одиссеи». В 10-й песни Одиссей, корабли которого сильная буря пригнала обратно к Эолову острову, пытается объяснить Эолу, повелителю ветров, причину своего возвращения: Od. 10. 69 ἄσάν μ' ἔταροί τε κακοὶ πρὸς τοῖσιν τε ὑπνος / σχέτλιος ‘Сон роковой и безумие спутников мне приключили / Бедствие злое’<sup>30</sup>. Второй случай – в 14-й книге, во время беседы Одиссея со свинопасом Эвмеем, который в своей речи выдает несколько мудрых афоризмов<sup>31</sup>, например, Od. 14. 83 οὐ μὲν σχέτλια ἔργα θεοὶ μάκαρες φιλέουσιν ‘Дел беззаконных, однако, блаженные боги не любят’ (в лат. *improba opera* ‘дурные, негодные, нечестные дела / поступки’). Шантрен считает σχέτλιος экспрессивным термином, обычно употребляемым Гомером с эмфазой в начале стиха (II. 10. 164, 22. 86; Od. 12. 279), особенно часто в плохом смысле *дерзкий, безжалостный* (ср. νηλής), *жестокий*.

Своеобразным по семантике, возможно, единственным в своём роде представляется гомеровский эпитет сна πάννουχος (πάν-νουχος от пᾶν- ‘весь’ и νύξ ‘ночь’). В «Долонии» Нестор будит царя Диомеда, предводителя аргосских войск, такими словами: ‘Встань, Диомед! И что ты всю ночь почиваешь беспечно?’ (II. 10. 159 <...> τί πάννουχον ὑπνον ἀωτεῖς букв. ‘что ты спишь полночным сном?’ на русский правильнее переводить

<sup>30</sup> Ранее (Od. 10. 28–31) Одиссей рассказывает, что он, плывя на Итаку, простоял у кормила девять суток, а когда берег был уже близко, его, утомлённого, настиг *сладкий сон* (γλυκὺς ὑπνος); пока он спал, спутники развязали мешок с ветрами, пригнавшими корабли обратно к о. Эолия. Так *сладкий* (γλυκὺς) сон стал *роковым* (σχέτλιος).

<sup>31</sup> К числу житейских мудростей, изречённых свинопасом Эвмеем, можно отнести и такое высказывание: Od. 15. 394 ἀνὴρ καὶ πολὺς ὑπνος ‘сон неумеренный вреден’ (аналогичный перевод у Шуйского ‘сверх меры сон утомляет’). Эпитет πολὺς ‘многий, большой’ в данном контексте означает протяжённость сна во времени (*долгий сон*), поэтому его можно отнести к разряду логических определений бытового характера, так же как и πάννουχος ὑπνος ‘сон, длящийся всю ночь’, и ἀλείρων ὑπνος ‘сон бесконечный’ (см. ниже).

‘всю ночь’, ‘целую ночь напролёт’). Имеется у Гомера и форма παννύχιος (см. выше, с. 108: П. 2. 2 о Зевсе, которого ‘сладкий сон не покоил’, в то время как ‘другие боги и колесничие спали всю ночь напролёт’ – εὔδον παννύχιοι).

Прил. ἀλείρων ‘бесконечный’ как эпитет *сна* относится у Гомера к числу редких: этим словом Одиссей, рассказывая Арете и Алкиною о своём спасении после гибели его корабля, характеризует *сон*, в который он погрузился, выйдя на берег их острова: Od. 7. 286 ὕπνον δὲ θεὸς κατ’ ἀλείρονα χεῦεν ‘и бог пролил на меня *сон бесконечный*’. Измученный, Одиссей спал целые сутки, и лишь тогда ‘сладкий сон меня покинул’ (Od. 7. 289 καί με γλυκὺς ὕπνος ἀνήκεν) – сообщает он собеседникам. По-видимому, ἀλείρων – образование от сущ. πείρας, ατος τό ‘край, предел’.

Завершая обзор эпитетов *сна* у Гомера, можно подвести некоторые итоги. Перечень этих эпитетов, служащих характеристикой *сна* (ὕπνος, κῶμα) как естественного физиологического процесса жизнедеятельности человека (или функционирования божества) и обозначающих состояние покоя в противоположность бодрствованию, по нашим подсчётам составляет 19 единиц (считая ἡδιστος отдельно от ἡδύς), что, по-видимому, не свидетельствует об их чрезвычайном разнообразии<sup>32</sup>. Эпитеты *сна* у Гомера различаются по своей семантике, но по частоте употребления явно преобладает группа формульных «украшающих» эпитетов, в состав которой входят прилагательные с метафорическим значением *сладкий*, отмечающим положительный признак *сна*: к числу таковых несомненно относятся γλυκὺς, γλυκερός, ἡδύς, μαλακός, λιарός, а также мы безоговорочно включаем сюда νήδυμος, несмотря на усилия некоторых исследователей и переводчиков приписать этому прилагательному значение *глубокий*. По нашему мнению, поскольку νήδυμος является постоянным эпитетом бога Сна (Ἦπνος), характеризующим Сон положительно в соответствии с основной его миссией – периодически давать существам столь необходимый им отдых, прила-

<sup>32</sup> Стилистическая функция эпитета исторически изменчива, как показывает художественная литература, отражающая, кроме того, постепенное расширение, обогащение категории определений, развитие вариаций. Учитывая это обстоятельство, целесообразно, оставив общий термин *эпитет*, выделить несколько категорий эпитетов, изучаемых в художественной литературе в различные временные эпохи: античный эпитет, классический, романтический, реалистический и т. д. (Евгеньева 1948: 158).

гательное νήδυμος во всех прочих случаях должно сохранять то же значение *сладкий*, к которому, в зависимости от описываемой ситуации, могут присоединяться дополнительные оттенки. Также примыкают к указанной группе композиты μελιθήδης ‘сладкий, как мёд’ и μελίφρων ‘услаждающий душу’. Пополняет группу положительных эпитетов сна и прилагательное ἀπλήμων ‘благодатный, живительный’. В особую небольшую группу выделены эпитеты бытового характера, обозначающие разную продолжительность сна (πολύς, πάννυχος, ἀλείρων, νήγρετος). Число эпитетов сна с отрицательным значением, отмечающих его плохое качество или наносимый вред, у Гомера весьма незначительно (νηλεής, χάλκεος, σχέτλιος). Особняком стоят два эпитета – ἀμβρόσιος ‘божественный’, характеризующий сон Зевса, и πανδαμάτωρ ‘укрошающий, всё усмиряющий сон’, – эпитет, отражающий представление греков об особом статусе сна, о силе его воздействия на жизнедеятельность человека, что, вероятно, и повлекло за собой обожествление Сна.

### Литература

- ΟΜΗΡΟΥ ΠΟΙΗΜΑΤΑ 1843 – ΟΜΗΡΟΥ ΠΟΙΗΜΑΤΑ, Graece et Latine. Parisiis, Editore Ambrosio Firmin Didot. 1843.
- «Илиада» 1990 – Гомер. Илиада. Перевод Н. И. Гнедича. Примечания А. И. Зайцева. Л.: «Наука». 1990.
- «Илиада» 1935 – Гомер. Илиада. Перевод Н. И. Гнедича. Редакция и комментарий И. М. Тронского. М.; Л.: Academia, 1935.
- «Одиссея» 2000 – Гомер. Одиссея. Перевод В. А. Жуковского. Издание подготовил В. Н. Ярхо. М.: «Наука», 2000.
- «Одиссея» 1948 – Гомер. Одиссея. Перевод (размером подлинника) П. А. Шуйского под ред. А. И. Виноградова. Свердловск, 1948.
- Грошева 2013 – Грошева А. В. Прилагательные со значением *сладкий* в поэмах Гомера // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII. Материалы чтений, посвящённых памяти проф. И. М. Тронского. 24–26 июня 2013 г. СПб.: «Наука», 2013. С. 228–243.
- Евгеньева 1948 – Евгеньева А. П. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII–XIX вв. (постоянный эпитет) // Труды Отдела древнерусской литературы VI. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1948. С. 154–189.
- Ермолаева 2007 – Ермолаева Е. Л. О ложных снах, слоновой кости и глаголе ἐλεφαίρομαι (Od. 19. 560–569) // Tradita non explorata. Исследования по классической филологии и истории антиковедения. СПб.: 2007 (= Philologica classica. Вып. 7). С. 3–14.
- Жирмунский 1977 – Жирмунский В. М. К вопросу об эпитете // Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Избранные труды. Л.: Наука, 1977. С. 355–361.

- Протопопова 2002 – Протопопова И. А. Сновидения у Гомера и Платона: ONEIROS и CHORA // Сны и видения в народной культуре. М., 2002.
- Тронский 1983 – Тронский И. М. История античной литературы. Изд. 4-е, исправленное и дополненное. М.: Высшая школа, 1983.
- Janko 1992 – Janko R. The Iliad: A Commentary. Vol. IV.: books 13–16. Cambridge Univ. Press, 1992.
- Lacore 1997 – Lacore M. Νήδρυμος ὕπνος // GAIA: revue interdisciplinaire sur la Grece Archaïque. 1997. No 1–2. P. 13–40.

### Словари

- Вейсман 1888 – Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. Изд. 3-е. СПб., 1888.
- Дворецкий 1958 – Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958.
- Краузе 1896 – Краузе Вл. Гомеровский словарь (к Илиаде и Одиссее). Изд. 2-е, пересмотренное и дополненное составителем. С.- Петербург, 1896.
- СЭРЛЯ 1979 – Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: «Наука», 1979.
- Beekes 2010 – Beekes R. S. P. Etymological Dictionary of Greek. Vol. 1–2. Leiden; Boston: Brill, 2010.
- Boisacq 1923 – Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. 2 ed. Heidelberg; Paris, 1923.
- Chantraine 1968–1980 – Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire de mots. Paris, 1968–1980.
- EIEC 1997 – Encyclopedia of Indo-European culture / Eds. Mallory J., Adams D. Q. London; Chicago: Fitzroy Dearborn, 1997.
- Frisk 1960 – Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I: A – Ko. Heidelberg, 1960.
- LSJ 1996 – A Greek-English Lexicon. Ninth Edition with Revised Supplement / H. G. Liddell and R. Scott. Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones, with the assistance of Roderick McKenzie, and with the co-operation of many scholars. Supplement edited by P. G. W. Glare. Oxford: Clarendon Press, 1996.

#### **A. V. Grosheva. Epithets of ὕπνος ‘sleep’ in Homeric poems**

The paper examines epithets of the word ὕπνος ‘sleep’ denoting a physiological process characteristic both of mortals and of gods in the Homeric poems. A detailed study of this group of epithets allowed to determine their frequency and meanings within three subgroups: 1) ornamental, 2) occasional and 3) terminological epithets. As a matter of fact, the positive epithets considerably predominate the negative ones.

*Keywords:* Homeric poems, lexicology, epithets of the word ὕπνος.

Е. П. Новикова

## ВЕРГИЛИЙ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ «КАТАЛОГА ИТАЛИЙСКИХ ГЕРОЕВ»

Статья посвящена анализу композиции и, главным образом, реконструкции грамматических источников «Каталога италийских героев», занимающего стихи 641–817 седьмой книги «Энеиды» Вергилия. Вопрос о грамматических источниках Вергилия возникает в связи с исследованием игры слов, основанной на этимологии, яркой особенностью поэтического языка Вергилия, уже более полувека привлекающей внимание исследователей. В ряде случаев реконструируются возможные этимологии, зашифрованные в эпизодах из «Каталога героев», например, для слов *Auentinus*, *Virbius*, *Oebalus*, *meddix*. Показано, как Вергилий использует эти этимологии при создании композиции «Каталога».

*Ключевые слова:* «Энеида» Вергилия, «Каталог италийских героев», игра слов, основанная на этимологии.

Седьмая книга «Энеиды» Вергилия содержит знаменитый «Каталог италийских героев» (далее – Каталог; англ. *Catalogue of Heroes* или *of Italian forces*, нем. *Heldenkatalog* или *Italiker-katalog*), давний предмет дискуссий для представителей самых разных областей науки об Античности. Каталог занимает стихи 641–817, в нем упоминается чуть более двух десятков имен и географических названий, преимущественно италийских. В первую очередь интерес комментаторов неизбежно привлекает композиция Каталога. Еще в «Сатурналиях» Макробия содержится указание на то, что Вергилий в своем Каталоге не следовал порядку расположения областей Италии: «*Virgilius nullum in commemorandis regionibus ordinem seruat, sed locorum seriem saltibus lacerat*» (*Macr. Sat. V 15*).

Вильям Фаулер в своей книге «*Virgil's "Gathering of the Clans"*», целиком посвященной Каталогу Вергилия, не находит объяснения порядку следования племен и героев (Fowler 1918: 42). Первым, кто обратил внимание ученого сообщества на то, что порядок следования италийцев можно считать алфавитным, был, по-видимому, А. М. Кук, отозвавшийся на книгу В. Фаулера краткой заметкой в «*Classical Review*» (1919 г.). За исключением Мезенция, Турна и Камиллы, упоминания которых обрамляют Каталог, вся его основная часть, от Авентина и до Вирбия,

действительно, выстраивается в алфавитном порядке, исключение составляет Мессап, упоминаемый между Цекулом и Клавзом (Cook 1919: 103–104). Упоминанию Мессапа находит объяснение Джеймс О'Хара, предположивший, что первоначально на его месте должно было располагаться имя Кикна (Cusnus) (O'Hara 1989: 37–38). Он же дает краткий обзор истории вопроса (O'Hara 1989: 35).

Еще одна особенность, на которую обращали внимание исследователи Каталога, заключается в том, что герои Вергилия могут быть классифицированы по-разному. Одну из классификаций героев дает в своей реконструкции географической картины древней Италии Бернанд Рем. Он выделяет следующие группы: 1) герои, которых ввел сам Вергилий: Vfens, Vmbro, Camilla, Lausus; 2) имя, позаимствованное из римской истории: Clausus; 3) имена из легенд и мифов: Turnus, Mezentius, Caeculus, Virbius, Oebalus; 4) «этиологические» имена (т. е. имена героев, от которых произошли разнообразные топонимы): Auentinus, Tiburtus (sic), Catillus, Coras, Messapus, Halaesus (Rehm 1932: 92).

В новейшем комментарии Николаса Хорсфолла к седьмой книге «Энеиды» (Horsfall 2000) находится классификация, построенная несколько иначе. Хорсфолл делит имена героев таким образом: 1) имена героев, которые фигурируют в легенде об Энее: Turnus и Mezentius; Clausus – имя, известное уже благодаря римской легенде; 2) имена, предоставленные мифологической традицией: Catillus и Coras, Caeculus, Halaesus, Messapus; 3) имена, которые не засвидетельствованы нигде, кроме как у Вергилия: Auentinus (упомянутый в качестве сына Геркулеса), Oebalus, Vfens, Vmbro, Virbius (сын Ипполита-Вирбия), Camilla (Horsfall 2000: 419).

Обе рассмотренные черты Каталога обсуждаются исследователями, в первую очередь, с целью установления его источников. Так, Джеймс О'Хара, опираясь на гипотезу об алфавитном порядке следования героев, пытается с ее помощью доказать, что Вергилий пользовался энциклопедией, содержащей сведения об италийских древностях, и в качестве такой энциклопедии предполагает «Antiquitates» Марка Теренция Варрона. И еще Бернанд Рем, ссылаясь на более ранние исследования, указывал, что источником географических и этнографических сведений об Италии для Вергилия могла быть одиннадцатая книга «Antiquitates humanae» (Rehm 1932: 104–107).

Третья интересная особенность поэтической техники Вергилия вообще и ее проявлений в Каталоге в частности, полу-



чившая подробное рассмотрение относительно недавно, уже во второй половине XX в., демонстрирует мастерство Вергилия как «поэта-этимолога». Первая крупная работа на эту тему была написана на датском языке и вышла в 1965 г. в Амстердаме. Автором ее был Гергард Бартелинк, его работа никогда не переводилась на английский (Bartelink 1965).

Четверть века спустя игра слов, основанная на этимологии, как элемент поэтической техники античных авторов, по признанию Роберта Молтби, послужила одной из главных предпосылок к созданию словаря античных латинских этимологий (Maltby 1991: VII). Весьма подробную монографию на эту тему, под названием «True Names: Vergil and the Alexandrian Tradition of Etymological Wordplay», написал и выпустил в свет в 1996 г. Джеймс О'Хара. Помимо того, что в книге были собраны все этимологии, найденные предыдущими исследователями в тексте Вергилия, впервые был составлен своего рода каталог мест, где встречается та или иная *figura etymologica*, а также добавлены новые примеры.

Метод изыскания этимологий, показанный Дж. О'Харой, часто выглядит не иначе как филологическая эквилибристика: для фиксации этимологии, которую, как предполагается, обыгрывает Вергилий, требуется не только наблюдательность и подспорье в виде сборника этимологий, но и определенная доля сноровки интерпретатора. См., например, такие находки, отраженные в книге О'Хары: *uocetque his auribus hausi* (ср. *Lactant. aures a uocibus hauriendis*); *Hernica saxa colunt* (ср. *Seru. Sabinorum lingua saxa hernaе uocantur*).

Найденные примеры часто подвергаются критике в силу недостаточно ясного представления о тонкостях этимологического метода римских грамматиков. Так, вопрос о том, насколько античные грамматика допускали чередование долгих и кратких гласных, является здесь известным камнем преткновения (Wills 1997).

Дж. О'Хара также, с нашей точки зрения, не уделяет достаточного внимания атрибуции тех или иных этимологий. Этот вопрос остается исключительно трудным, однако задавать его необходимо, так как было бы несправедливым утверждать, что развитие грамматической науки в Риме было линейным. Напротив, разнообразие этимологий, основанное на различных методах отыскания «причины для имени», нуждается в систематическом анализе, направленном на установление отдельных ветвей традиции.

Помимо этого, О'Хара еще не пытается реконструировать непосредственные грамматические источники Вергилия, которые или дошли фрагментарно, или не дошли вовсе. Однако эта задача достаточно актуальна, хотя бы потому, что отсутствие какой бы то ни было этимологии в сохранившихся текстах грамматиков, не попавшей, таким образом, в лексикон Р. Молтби, теоретически не может быть достаточным основанием для утверждения, что такой этимологии не существовало вовсе.

Наконец, О'Хара в своем исследовании не выходит за пределы игры слов (англ. *wordplay*). Феномен языковой игры на материале русского языка подробно описан в монографии В. З. Санникова, который приводит глубокий структурный анализ каждого из типов игры слов (Санников 2002). Но если понимать задачу исследования как поиск грамматического источника Вергилия, следы источника этимологии содержатся отнюдь не только в игре слов. В силу теснейшей связи античной этимологии с этиологией, сама этимология часто оказывается развертыванием того мифа, который в свернутом виде был скрыт за именем.

Мы попытаемся далее сосредоточить внимание на тех этимологиях, которые отражены у Вергилия в виде указания на какие-то внешние детали, отсылающие к тому или иному мифологическому персонажу, послужившему «причиной имени», а также в виде сюжетов, представленных у Вергилия в Каталоге в форме кратких мифологических «справок». На основании интерпретации этих сюжетов в ряде случаев можно реконструировать грамматический источник, содержащий этимологию для слова, которое в данном эпизоде Вергилий мог выделять как наиболее значимое.

Такие реконструкции ни в коем случае не претендуют на полноту и всестороннее рассмотрение материала, однако должны учитывать с максимальной точностью те детали, которые Вергилий использовал для их обыгрывания, и преследуют цель прояснить те места в Каталоге, которые выглядят как прямое указание на их античные этимологии, часто – не дошедшие до нас непосредственно в изложении грамматиков, но поддающиеся атрибуции.

Основная задача эпического поэта, составляющего каталог, заключается в том, чтобы передать список некоторых значимых имен, и Вергилий выбирает для Каталога названия географических объектов и племен на территории Италии. Этот этап работы Вергилия был детально рассмотрен, в частности, в уже упомя-

нутой работе Б. Рема. Здесь особенно интересен перечень упоминаемых географических объектов (Rehm 1932: 96). Подробнейший анализ латинских и вообще итальянских личных имен содержится в более ранней работе одного из учителей Б. Рема, Вильгельма Шульце (Schulze 1904).

По окончании предварительной работы по отбору материала, который должен был составить эпическое содержание Каталога, поэт обращается к этимологиям, которые предоставляют ему ученые сочинения грамматиков, а также к мифографам и антикварам, у которых он мог почерпнуть столь необходимые ему детали. Наконец, поэт составляет Каталог, используя некоторый организующий стержень, и этим стержнем О'Хара предлагает считать алфавитный порядок следования героев.

Обилие визуальных деталей может указывать на то, что Вергилий при разработке Каталога имел некий прототип. Кэтрин Сондерс, известная исследовательница итальянской тематики у Вергилия, пересказывает историю цисты из Пренесте, где была изображена амазонка, которая, как предполагалось, и стала прототипом Камиллы Вергилия (Saunders 1927: 93–95). Или, к примеру, проблема босых на одну ногу пращников (Verg. Aen. VII 689–690), широко обсуждавшаяся комментаторами Вергилия, находит решение при сопоставлении с изображением пращника на колонне Траяна.

Учитывая, что чаще всего в Каталоге подробно отражены детали вооружения и амуниции итальянцев, небесполезным кажется обратить внимание на разницу в вооружении героев Каталога, сравнив их не только с воинами, но и с гладиаторами. Эстетическая функция гладиаторских сражений и шествий гладиаторов в начале представления, вероятно, послужила основанием для композиции торжественного парада итальянцев у Вергилия.

Несомненно, было бы ошибочным говорить о том, что Вергилий целиком и полностью воспроизводит в Каталоге типы гладиаторов, тем более, что здесь наблюдается большее разнообразие видов оружия, однако появление многих деталей внешности героев, которые вводит Вергилий, можно объяснить именно таким образом.

Рассмотрим внешние атрибуты героев-итальянцев в порядке их следования внутри каталога.

1. *Auentinus*. Авентин представлен у Вергилия как сын Геркулеса, сперва правящий победной колесницей, а затем входящий в царский дворец, накинув на плечи шкуру побежденного

льва: «*sic regia tecta subibat, horridus Herculeoque umeros innexus amictu*» (Verg. Aen. VII 668–669).

2. *Tiburtus, Coras, Catillus*. Тибуртий не участвует в сражении, а Кор и Катилл сравниваются с кентаврами: «*sei duo nubigenae cum uertice montis ab alto descendunt Centauri Homolen Othrymque...*» (ibid. 674–675). Большинство исследователей сходится на том, что под кентаврами Вергилий имел в виду всадников, таким образом, изображение должно ассоциироваться еще и с видом гладиаторов *equites*.

3. *Caeculus*. Цекул, точнее, воины из его отряда легко вооружены «*non illis omnibus arma nec clipei currusue sonant*» (ibid. 685–86) и носят на головах волчьи шкуры: «*fuluosque lupi de pelle galeros tegmen habent capiti*» (ibid. 688–689). Эта особенность характерна для некоторых легковооруженных римских воинов-велитов (*velites*), а также гладиаторов с аналогичными внешними атрибутами. Не менее интересно указание на то, что среди этих воинов «*pars spicula gestat bina manu*» (ibid. 687) – вероятное указание на так называемых δציάχαίροι, гладиаторов, сражающихся двойным клинком.

4. *Messapus*. *Meccan* и сопровождающие его фалиски «*ibant aequati numero regemque canebant*» (ibid. 698). По поводу этого места существует множество комментариев, посвященных тому, как следует понимать здесь «*aequati numero*». Большинство сходится на том, что Вергилий демонстрирует воинов, которые идут в ногу, ритмично шагают. Вильям Фаулер видит в этом намек на процессию салиев, как и в случае с упоминанием щитов, которое приводится в отрывке, посвященном сабинянам (Fowler 1918: 63). По всей видимости, то, что отряд фалисков выступает именно с песней, можно на основании внешнего сходства сопоставить с характером выступления гладиаторов, именуемых *praegenarii*.

5. *Clausus*. Сабиняне, сопровождающие Клавза, как пишет Вергилий, выступают очень шумно: «*scuta sonant pulsuque pedum conterrita tellus*» (ibid. 722) (Fowler 1918: 69–70). То, что процессия является тяжеловооруженной, может отсылать к одному из древнейших видов гладиаторов под названием *Samnites*. О том, какова связь, устанавливаемая в Каталоге между сабинянами и самнитами, будет сказано ниже.

6. *Halaesus*. Галез и его армия так же, как армия Цекула, напоминает легковооруженное войско, но не имеет характерных шапок.

7. *Oebalus*. Вооружение воинов Обала – «*Teutonico ritu soliti torquere cateias; tegmina quis capitum raptus de subere cortex aerataeque micant peltae, micat aereus ensis*» (ibid. 741–743), возможно, восходит к образу гладиатора-галла (*Gallus*).

8. *Vfens*. Строки, посвященные Уфенту и эквам, сильно урезаны по сравнению с остальными частями Каталога, однако и в наличествующем тексте прослеживается интересная трактовка этого героя и его войска: «*gens adsuetaque multo uenatu nemorum, duris Aequicula glaebis. armati terram exercent semperque recentis coniectare iuuat praedas et uiuere rapto*» (ibid. 745–749). Очевидно, речь идет об охотниках, которые вынужденно занимаются охотой, а возможно, и мелким разбоем, из-за неплодородности их земли. Из гладиаторов наиболее близкими к ним оказываются *laquearii*: вероятно, именно *laqueus* (за которым могут стоять и силки для ловли животных, и западня) мыслится как арма этих воинов.

9. *Vmbro*. Не являясь царем, Умброн фигурирует в Каталоге как жрец – *sacerdos*, тем самым, его появление отсылает к сюжету, связанному с искусством врачевания ран (ibid. 756–758).

10. *Virbius*. Вирбий – очевидно, может быть соотнесен с гладиатором на колеснице, пример такого гладиатора – *essedarius*.

11. *Turnus*. Облачение Турна – излюбленная тема комментаторов. В данном разделе мы укажем лишь на то, что его шлем, изображающий Химеру – «*cui triplici crinita iuba galea alta Chimaeram sustinet Aetnaeos efflantem faucibus ignis*» (ibid. 785–786), вероятнее всего, демонстрирует его как гладиатора-фракийца (*Thraex*).

12. *Camilla*. В заключение Вергилий выводит образ Камиллы, единственной женщины, упомянутой в Каталоге. Собственно говоря, нарушение алфавитного порядка может быть обусловлено здесь именно тем, что амазонка Камилла, своего рода *gladiatrix*, была бы, по мысли поэта, неуместна в начальной части Каталога, где-то между Кором, Катиллом и Цекулом.

При создании зрелищных образов каждого из героев и сопровождающих их войск, Вергилий, вне всякого сомнения,

должен был использовать некоторый источник, откуда он черпал названия вооружения и амуниции. Действительно, в Каталоге, словно намеренно, собрано множество редких названий из этой сферы. Часть названий вооружений явно обыграна с точки зрения их этимологии, о чем будет сказано далее, а для другой части можно утверждать лишь то, что слова эти явно редкие и, вероятно, могли быть позаимствованы из соответствующего раздела энциклопедии древностей.

Далее мы обойдем стороной подробное изложение источников Вергилия, не имеющих непосредственного отношения к грамматике, коль скоро они исчерпывающим образом перечислены в работе Бернарда Рема (Rehm 1932: 92–97). Не будем касаться, в частности, темы заимствования некоторых сюжетов из Каллимаха, но перейдем к последовательному анализу эпизодов с участием италийцев с точки зрения содержащихся в них отсылок к этимологиям, а также их функций в композиции Каталога.

В качестве подспорья для нашего анализа неизбежно будет использоваться комментарий Сервия Мавра Гонората (IV в. н. э.). Однако этот комментарий, в силу неоднородности его источников, часто будет подвергаться критическому разбору с целью установления того, насколько, собственно, грамматический и энциклопедический источник Сервия мог совпадать или не совпадать с источником самого Вергилия.

### 1. *Auentinus*

Сервий комментирует это место так: «*quidam etiam rex Aboriginum, Auentinus nomine, illic et occisus et sepultus est, sicut etiam Albanorum rex Auentinus, cui successit Procas*» (Seru. Aen. VII 657). Далее он приписывает одну из этимологий Варрону, и согласно этой этимологии *Auentinus* восходит к названию сабинской реки: «*Varro tamen dicit in gente populi Romani, Sabinos a Romulo susceptos istum accepisse montem, quem ab Aunte, fluuio prouinciae suae, Auentinum appellauerunt. constat ergo uarias has opiniones postea secutas, nam a principio Auentinus est dictus ab auibus uel a rege Aboriginum: unde hunc Herculis filium constat nomen a monte accepisse, non ei praestitisse*» (ibid.).

Упомянутый Сервием Варрон, действительно, посвящает топониму *Auentinus* весьма пространное рассуждение в пятой книге «*De lingua Latina*», где перечисляет известные ему этимологии и в конце приводит свою собственную, возводя *Auentinus* к *aductus*: «*Auentinum aliquot de causis dicunt. N<a>euius ab*

*auibus, quod eo se ab Tiberi ferrent aues, alii ab rege Auentino Albano, quod <ibi> sit sepultus, alii Auentinum ab aduentu hominum, quod co<m>mune Latinorum ibi Dianae templum sit constitutum. ego maxime puto, quod ab aduentu: nam olim paludibus mons erat ab reliquis disclusus. itaque eo ex urbe aduehebantur ratibus, cuius uestigia, quod †ea quatum dicitur uelabrum, et unde escendebant ad <in>firmam nouam uiam locus sacellum» (Varr. 1. L. V 43).*

Как можно убедиться, слово *Auentinus* вызывает здесь как бы несогласие Варрона с Варроном. Еще более интересно то, что сам текст Сервия, при внимательном рассмотрении, оказывается неоднородным по происхождению. Можно реконструировать его исходные части примерно так:

1) *Auentinus mons urbis Romae est, quem constat ab auibus esse nominatum, quae de Tiberi ascendentes illic sedebant, ut in octauo legimus “dirarum nidis domus opportuna uolucrum”. quidam etiam rex Aboriginum, Auentinus nomine, illic et occisus et sepultus est, sicut etiam Albanorum rex Auentinus, cui successit Procas. constat ergo uarias has opiniones postea secutas, nam a principio Auentinus est dictus ab auibus uel a rege Aboriginum: unde hunc Herculis filium constat nomen a monte accepisse, non ei praestitisse.*

2) *Varro dicit in gente populi Romani, Sabinos a Romulo susceptos istum accepisse montem, quem ab Aente, fluuio prouinciae suae, Auentinum appellauerunt.*

Первая этимология, «*Auentinus ab auibus*», как можно убедиться из сравнения с текстом самого Варрона, получает атрибуцию, ее автором является Невий: «*N<a>euius ab auibus, quod eo se ab Tiberi ferrent aues*».

Вторая этимология, «*Auentinus ab Auentino rege Aboriginum*», как бы распадается на две и вызывает противоречие, которое, по всей видимости, первоначально и было отмечено в тексте Сервия с помощью формулировки «*uarias has opiniones postea secutas*». Варрон передает эту версию так: «*alii ab rege Auentino Albano, quod <ibi> sit sepultus*», а у Сервия читаем: «*rex Aboriginum, Auentinus nomine, illic et occisus et sepultus est, sicut etiam Albanorum rex Auentinus, cui successit Procas*». Выражение Сервия «*a principio*» указывает именно на первичность «*a rege Aboriginum*» по отношению к «*ab rege Auentino Albano*».

Третья этимология, приводимая Варроном: «*alii Auentinum ab aduentu hominum, quod co<m>mune Latinorum ibi Dianae templum sit constitutum*». По своему типу она идентична четвертой, принадлежащей Варрону: «*ego maxime puto, quod ab aduentu: nam olim paludibus mons erat ab reliquis disclusus*».

Объединяет две этимологии то, что в обеих используется одна и та же модель, в которой топоним считается производным от глагола.

Наконец, особняком стоит пятая по счету этимология, которую Сервий атрибутирует как принадлежащую Варрону: «*Varro dicit in gente populi Romani, Sabinos a Romulo susceptos istum accepisse montem, quem ab Auente, fluuio prouinciae suae, Auentinum appellauerunt*». Эта этимология является одновременно своего рода глоссой сабинского языка, в силу того, что здесь ясно прослеживается формула «*Sabini appellauerunt*». Таким образом, происхождение слова *Auentinus* оказывается и вовсе иноязычным.

Собственно говоря, разбираемое место является уникальным еще и потому, что именно здесь наблюдается наибольшее разнообразие мыслей и мнений относительно не только происхождения имени, но и метода отыскания корректной этимологии. Можно наблюдать следующие типы:

- 1) причина имени определяется как персонаж;
- 2) причина имени определяется по существительному;
- 3) причина имени определяется через глагол.

Помимо этого, возможна отсылка к чужому языку, то есть классификация слова как «*uocabulum peregrinum*», которую мы наблюдаем в этимологии, приписанной Сервием Варроном.

Таким образом, благодаря комментарию Сервия и сохранившимся фрагментам Варрона, мы можем частично восстановить полемику вокруг этимологии *Auentinus*. Чтобы выяснить, в какой же мере мог участвовать в ней Вергилий, обратимся к изложению сюжета о происхождении Авентина:

*collis Auentini silua quem Rhea sacerdos  
furtiuum partu sub luminis edidit oras,  
mixta deo mulier, postquam Laurentia uictor  
Geryone extincto Tirynthius attigit arua,  
Tyrrhenoque boues in flumine lauit Hiberas.*

(Verg. Aen. VII 659–663)

Если попытаться изложить одним словом то, что происходит в рамках представленного сюжета, этим словом окажется ‘прибытие’ – *aduentum*, коль скоро именно прибытие Геркулеса в Италию стало причиной дальнейших событий, касающихся рождения Авентина. Отсюда мы можем реконструировать следующую этимологию: «*Auentinus ab aduentu, quod Hercules eo aduentus erat*». По типу эта этимология соотносима с третьей и



четвертой, причем с третьей она практически совпадает: различие заключается только в истолковании причины и в выстраивании соответствующего сюжета.

Что касается «*collis Auentini*», оно не является однозначным указанием на то, что Вергилий подразумевает происхождение имени *Auentinus* по названию холма, как это пытается представить Сервий – «*unde hunc Herculis filium constat nomen a monte accepisse, non ei praestitisse*», коль скоро Вергилий в принципе не чужд употреблению при изложении различных этимологических сюжетов современных ему названий.

## 2. *Tiburtus, Coras, Catillus*

Этимология, которая стоит за этим эпизодом, предполагает только один шаг по цепи восстановления причин, а именно – возведение названия города *Tibur* к имени старшего брата *Tiburtus* (в некоторых версиях *Tiburnus*). По типу это этимология, аналогичная «*ab Auentino rege Aboriginum/rege Albano*».

## 3. *Caeculus*

Фрагмент, посвященный Цекулу и сопровождающему его деревенскому войску – «*hunc legio late comitatur agrestis*» (Verg. Aen. 681), напротив, представляет большой интерес в этимологическом отношении. Само имя *Caeculus* вводится Вергилием в повествование, как считается многими (Rehm 1932: 93), для указания на происхождение номена *Caecilius*. Краткое изложение истории Цекула, данное Вергилием, приведено в развернутом варианте у Сервия (Serv. Aen. 678). Текст его комментария содержит этимологическую часть, посвященную слову *Praeneste*, и часть мифологическую, где повествуется история рождения Цекула от Вулкана и девушки. Эти части, вероятнее всего, восходят к разным источникам.

Остановимся на этимологической части: «*Praeneste locus est haud longe ab urbe, dictus ἄπὸ τῶν πρῖνων, id est ab ilicibus, quae illic abundant. ibi erant pontifices et dii indigetes, sicut etiam Romae*». Далее у Сервия же читаем: «*Cato dicit “quia is locus montibus praestet, Praeneste oppido nomen dedit”. ergo 'altum', quia in montibus locatum*» (ibid. 682).

На игру слов «*altum Praeneste – quia... praestet*» обращал внимание Дж. О'Хара (O'Hara 1996: 42). Однако Вергилий, по всей видимости, учитывает здесь не только эту этимологию. Есть основания полагать, что он знал и предпочел зашифровать в своем тексте и этимологию «*Praeneste... ἄπὸ τῶν πρῖνων, id*

*est ab ilicibus, quae illic abundant*». На это может указывать следующая деталь: если в самом начале упоминается собственно Praeneste, то во второй части фрагмента читаем «*pars maxima glandes liuentis plumbi spargit*» (Verg. Aen. VII 686–687). Свинцовый снаряд, который мечут из пращи, за сходство с желудем называется «*glans*» не только у Вергилия, но в этом месте название обыгрывается еще и потому, что город, изобилующий дубами, послал воинов, которые как будто «мечут желуди».

Вергилий, видимо, не случайно выбрал именно пращников, акцентируя внимание на том, что они босые на одну ногу: «*uestigia nuda sinistri instituere pedis, crudus tegit altera pero*» (ibid. 689–690). Походка человека, обувшего только одну ногу, может напоминать походку хромого человека. Тем самым во фрагменте возникает дополнительная перекличка с упомянутым Вулканом. Наконец, летящие снаряды из пращей, возможно, получают здесь скрытое сравнение с летящими молниями. Кузнецом, который ковал молнии для Юпитера, был именно Вулкан, а дуб, с которого и падают *glandes* ‘желуди’, как известно, является деревом Юпитера.

Можно даже предположить, что Вергилий, будучи знатоком сельского хозяйства, подразумевал здесь и отсылку к происхождению слова *iuglandes* ‘грецкие орехи’. Само по себе *iuglans* происходит из *Iouis glans*, дословно – ‘желудь Юпитера’. Однако во времена Вергилия еще известно было древнее название «*nuces Praenestini*», на что указывает и Веррий Флакк в эпитоме Феста: «*Nucu<las Praenestinos antiqui appellabant,> quod inclusi a <Poenis Casilini famem nucibus sustenta>uerunt: uel quod in e<orum regione plurima nux minu>ta nascitur*» (Fest. 173, 38 M).

Стоит отдельно указать на то, что в этимологии «*Praeneste... ἀπὸ τῶν πρῖνων*» чередование *aeli* мыслится грамматиками как допустимое.

#### 4. *Messapus*

Внимание в этом эпизоде привлекают в первую очередь фалиски, которые сравниваются со стаей поющих лебедей.

*ceu quondam niuei liquida inter nubila cynci  
cum sese e pastu referunt et longa canoros  
dant per colla modos, sonat amnis et Asia longe  
pulsa palus.*

(Verg. Aen. VII 699–702).

Это описание, вероятно, вступает в перекличку с «*Fescenninae acies*», а упоминание фесценнинцев вызывает в памяти *carmina Fescennina*. Если описать одним словом события в эпизоде с лебедями, то этим словом может быть «*canunt*». Мы не располагаем античными этимологиями для слова *Fescenninus*, но, возможно, оно могло возводиться к слову \*fescen, по аналогии с *tinicen* и *cornicen*.

### 5. *Clausus*

Расположение эпизода, посвященного Клавзу и сабинянам, непосредственно перед списком жителей Кампании, может отсылать к идее о происхождении самнитов от сабинян, выдвигаемое в седьмой книге «*De lingua Latina*» Варрона: «*ab Sabinis orti Samnites*» (Varr. l. L. VII 29, 2).

### 9. *Vmbro*

По поводу этого места В. Фаулер заметил: «These lines are of peculiar interest. Umbro, the Marsian, snake-charmer and master of medicine, stands out among all the figures in the pageant; and the eye of the spectator lingers on him, for the poet tells us that none of his arts could save him in the fighting to come. He wears the olive on his helmet, the olive so often called *felix* and associated with the messengers and the arts of peace but it will avail him nothing» (Fowler 1918: 74). В рамках настоящего исследования прибавим к этому замечанию, что форма, в которую Вергилий облакает упоминание марсов, вызывает особый интерес еще по нескольким причинам.

Во-первых, как уже было отмечено, это единственный сюжет в «Каталоге», где вместо царя (*rex*) или военачальника соплеменников приводит жрец (*sacerdos*): «*Marruua uenit de gente sacerdos fronde super galeam et felici comptus oliua Archippi regis missu, fortissimus Vmbro*». Сразу следует сказать, что происхождение имени Архиппа, который представлен у Вергилия правителем марсов, интересуется нас в наименьшей степени (как, впрочем, и сам Архипп Вергилия).

Во-вторых, из всех синонимов, имеющих значение ‘исцелять’, которые теоретически можно было бы использовать, Вергилий выбирает именно глагол *medicari*: «*sed non Dardaniae medicari cupidis ictum eualuit*». Сам по себе глагол *medicari* в значении ‘исцелять, лечить’ встречается нечасто: дважды у Вергилия и у Плиния Старшего. Но даже если предполагать, что Вергилий выбирал между *medicari* и гораздо более частым

*mederi*, и предпочел второй вариант *metri causa*, не вполне понятно, что могло мотивировать его непременно сохранить употребление слова с корнем *med-*.

В-третьих, несмотря на то, что издатели не отмечают значимых расхождений в рукописях на протяжении всех десяти строк, текст рукописей Вергилия содержит довольно любопытное, хотя и не нашедшее в критическом аппарате издания Джан Биаджо Конте (2009 г.), разночтение с цитатой, приводимой в комментарии Сервия. Если в тексте Вергилия имеет место *Marruua uenit de gente sacerdos* (Aen. VII 750), то в комментарии Сервия цитируется строка с вариантом *Marrubia*. При этом, как свидетельствует критический аппарат в издании Георга Тило, только одна рукопись с комментарием Сервия демонстрирует вариант *Marruua*.

Следует остановиться подробнее на структуре комментария Сервия (Seru. Aen. VII 750). В данном случае перед нами достаточно явная компиляция, части которой заимствованы из двух разных текстов: *Medea quando relictis Colchis Iasonem secuta est, dicitur ad Italiam peruenisse, et populos quosdam circa Fucinum ingentem lacum habitantes, <qui Marrubii appellabantur quasi circa mare habitantes, propter paludis magnitudinem>, docuit remedia contra serpentes <quamquam alii Marrubios a rege dictos uelint>. hi ergo populi Medeam Angitiam nominaverunt ab eo quod eius carminibus serpentes angerent. <ab his nunc Vmbronem uenisse dicit, non regem, sed ducem. sunt autem isti Marsorum populi>.*

Это можно выявить, применив сочетание аргументов стилистического и содержательного плана. С одной стороны, налицо использование по отношению к одному и тому же водному объекту в одной части слова *palus*, а в другой – *lacus*. С другой стороны, в приведенном фрагменте речь идет одновременно о двух наименованиях: *Marrubii* и *Angitia*.

На то, что в первом речь идет о слове *Angitia* (а не, например, *Medea*), ясно указывает то, что изложение истории с прибытием Медеи в Италию сводится в конце концов к этимологии «*Angitia ab eo quod eius carminibus serpentes angerent*», и уже для объяснения истории со змеями необходимо отождествление Ангиции с Медеей. На то, что во втором фрагменте речь шла именно об этнониме *Marrubii*, указывает глагол *appellabantur* и отсылка к этимологии «*quasi circa mare habitantes*».

Исходные тексты, послужившие источником для Сервия, могут быть реконструированы следующим образом:

1) *Medea quando relictis Colchis Iasonem secuta est, dicitur ad Italiam peruenisse, et populos quosdam circa Fucinum ingentem lacum habitantes, docuit remedia contra serpentes. hi ergo populi Medeam Angitiam nominauerunt ab eo quod eius carminibus serpentes angerent.*

2) *Marrubii appellabantur quasi circa mare habitantes, propter paludis magnitudinem, quamquam alii Marrubios a rege dictos uelint. ab his nunc Umbronem uenisse dicit, non regem, sed ducem. sunt autem isti Marsorum populi.*

Как можно судить по характеру статей в словаре Веррия Флакка, отраженного в эпитоме Феста (ср., например, глоссы *Matercus*, *Manui* и др.), а также по этимологическим главам «De lingua Latina» Варрона, предметом комментария античных грамматиков становились неясные по происхождению, часто не-латинские названия различных италийских реалий, этнонимы и топонимы. Не меньший интерес вызывали названия животных и растений (ср. Varr. L.L. V 102–104). Можно предполагать, что оба комментария Сервия восходят к сочинению Веррия Флакка, коль скоро в эпитоме Феста часть, содержащая слова на *A-*, не сохранилась, и среди слов на *Ma-* имеется большая лакуна в той части, куда могли бы входить слова с начальным *Mar-*.

Для рассматриваемого фрагмента из «Каталога» Вергилия можно предложить следующие опорные моменты для реконструкции источника, послужившего основой для образа жреца Умбрана.

Во-первых, это переключка *Marrubia* (или *Marruuia*) в первой строке и *Marsis quaesitae montibus herbae* в конце отрывка. Вероятнее всего, здесь обыгрывается омонимия (не получившая подробного рассмотрения у Дж. О'Хары) названия италийского города Маррувий и растения, по-русски именуемого шандра (семейство Яснотковые).

*Marsis quaesitae montibus herbae* при этом должно намекать именно на это растение еще и потому, что шандра применяется в том числе при лечении ран, то есть как раз в той ситуации, в которой Умброну эти «травы с марсийских гор» помочь не успели. Форма с согласным *b* может отражать италийский вариант развития исходного \*g<sup>w</sup>, который в латинском языке отразился как /ц/.

Впрочем, существует мнение, что *quaesitae herbae* – не *pluralis poeticus*, и в действительности имелись в виду именно разные виды трав. Это мнение в целом поддерживает Н. Хорс-

фолл, приводя ссылки на места из «Естественной истории» Плиния, где встречаются упоминания трав, использовавшихся в качестве противоядия от змеиных укусов (Harsfall 2000: 493). Список этих трав попытался составить Фабио Сток (Stok 1988: 136). Однако трудно отрицать возможность переключки *Marrubia de gente* с *Marsis de montibus*, то есть привлекательно видеть в *Marrubia*, поставленном в начале, *pars pro toto*, и предполагать, что *Marrubii* в действительности упоминаются для указания на *Marsi*, а *herbae* могут вновь отсылать к *Marrubii*.

Во-вторых, Вергилий как будто сознательно избегает слова *serpentes*, прибегая к формулировке *uipereo generi et grauiter spirantibus hydris*, на что Сервий отзывается комментарием, поясняющим, что речь идет о водоплавающих змеях и о змеях, обитающих на суше (Seru. Aen. VII 753).

Поиску реальных прототипов змей, которых мог бы заклинать Умброн В. Фаулер посвящает отдельное небольшое исследование (Fowler 1918: 75–76). Н. Хорсфолл приводит ссылки на те места из сочинений Галена, где содержатся упоминания марсов как заклинателей змей, а также указывает на достаточно раннее, задолго до Вергилия, проникновение темы марсов-заклинателей в римскую поэзию (Harsfall 2000: 490).

Слово *serpens*, зачастую вместе с его греческим переводом ὄφις, упоминается римскими комментаторами итальянских реалий в связи с историей города Амиклы. В частности, Плиний Старший говорит об Амиклах в таком контексте: «*flumen Aufentum, supra quod Tarracina oppidum, lingua V<o>lscorum Anxur dictum, et ubi fuere Amyclae siue Amynclae, a serpentibus deletae*» (Plin. nat. hist. III 59, 5).

Этторе Паи соотносит сюжет о разрушении Амикл змеями с созвучием греческих слов Ὀφικοί и ὄφις, вводя в научный оборот гипотезу, согласно которой реальным прототипом змей, разрушивших якобы город, было племя кампанских осков (Païs 1907: 5–6). Эта гипотеза находит опору в том, что Гесихий дает глоссу <Ὀφικοί> οἱ νῦν Ὀπικοί, в то время как у Стефана Византийского (Steph. Byz. Ethn. 494, 7) и Геродиана (Herodian. Orth. III 560, 21 L) приводится этимология οἱ δὲ ὅτι Ὀφικοί ἀπὸ τῶν ὄφεων. Ту же этимологию повторяет Сервий, с уточнением, что осками назывались именно жители Капуи: «*Capuenses dicit, qui ante Ophici appellati sunt, quod illic plurimi abundauerent serpentes*» (Seru. Aen. VII 730).

Собственно говоря, все свидетельства о змеях, обитавших в центральной и южной Италии, оказываются, таким образом,

дополнительным подспорьем для этимологии Ὀφικοί ἀπὸ τῶν ὄφεων, подобно тому, как свидетельства о том, что племя герников обитало преимущественно в горах, является основанием для возведения слова *Hernici* к некому сабинскому слову *hernae*, которое, как утверждает комментарий Сервия, означало 'скалы'.

Даже в том случае, если город вольсков Амиклы действительно страдал от изобилия змей, это совершенно не является доказательством того, что он не мог быть разрушен соседями-осками. И в этом контексте оказывается особенно интересным то, что племя марсов антикварная традиция устойчиво ассоциировала с умением обращаться со змеями. Несомненно, что грамматикимы имели в виду какой-то сюжет, связывавший марсов со змеями.

Уже рассмотренный комментарий Сервия приводит версию, привязанную к имени *Angitia* и основанную на сюжете о Мее, прибывшей в Италию. При этом XIV книга «Метаморфоз» Овидия повествует о посещении центральной Италии Цирцеей и о тех последствиях, которые повлекло это посещение. В частности, приводится этиологический миф о происхождении сороки (лат. *pica*), в которую был превращен отвергший любовь Цирцеи Пик, сын Сатурна, и о происхождении Камены, первоначально – Каненты, невесты Пика и дочери Януса (Ouid. met. XIV 320–434).

Как сообщает рассказчик, Цирцея прибыла в Италию именно в поисках трав: «*uenerat in siluas et filia Solis easdem, utque nouas legeret fecundis collibus herbas, nomine dicta suo Circaea reliquerat arua*» (ibid. 346–348). По всей видимости, Цирцея здесь возникает еще и потому, что в ткань повествования таким образом стало возможно вплести и Цирцейский мыс.

По всей видимости, сюжеты о пребывании Цирцеи и Мее в центральной Италии были особенно актуальны при попытке истолковать название *Angitia*, и одно из таких истолкований даже использовал Сервий. Это название засвидетельствовано в надписях, в частности, на оскском языке, ср. *anagtiai* (Ve. 140) (Pisani 1953: 239; Untermann 2000: 96), и представляет собой предмет, достойный внимания грамматиков.

Однако сюжет о Мее, обучавшей марсов премудростям фармакологии, оказался более популярным. В качестве косвенного свидетельства о том, что традиция в большей степени предпочитала версию о Мее, можно привести использование этого сюжета в 16-м эпосе Горация: «*suis et ipsa Roma uiribus ruit, quam neque finitimi ualuerunt perdere Marsi...*», возможно,

перекликается с «*neque inpudica Colchis intulit pedem*» в стихе 58, упомянутым при описании того, что будет после достижения загадочных *arua beata*. И тем более явным намеком именно на отсутствие италийской угрозы идет речь в стихе 52: «*nec intumescit alta uiperis humus*».

Возвращаясь к рассматриваемому фрагменту из «Каталога» Вергилия, отметим, что олива, украшающая шлем жреца Умброна, фигурирует и в одном из эпизодов, связанных уже непосредственно с Медеей, в VII книге «Метаморфоз» Овидия:

*his et mille aliis postquam sine nomine rebus  
propositum instruxit mortali barbara maius,  
arenti ramo iampridem mitis oliuae  
omnia confudit summisque inmiscuit ima.  
ecce uetus calido uersatus stipes aeno  
fit uiridis primo nec longo tempore frondes  
induit et subito grauidis oneratur oliuis...*

(Ouid. met. VII 275–281).

Хотя однозначно утверждать, что олива на шлеме Умброна тоже отсылает к сюжету о Медее, в таком контексте нельзя.

Относительно глагола *medicari* можно полагать, что он был выбран Вергилием в качестве основного ключа к эпизоду с Умброном. Интересно, что этот глагол поставлен в середине стиха, а также на расстоянии четырех строк от конца эпизода и на расстоянии шести строк – от начала. Попытка увидеть ровно посередине текста эпизода элемент фигурного стиха дает следующий результат: прямо над словом *medicari*, на расстоянии пяти строк от начала, находится слово *morsus*. Над словом *morsus* располагается *cantu*. Таким образом, ровно в центре эпизода, в середине стихов 754–756, находится фраза «*cantu morsus medicari*», по сути – формулировка некоторой *ars*, или τέχνη.

Возможно, именно глагол *medicari* следовало воспринимать как указание на слово, которое могло бы обозначать статус Умброна в племени марсов, завуалированный у Вергилия с помощью понятного *sacerdos*. Благодаря корню *med-* это слово, на основании созвучия, могло связываться и с *medicari*, и с *Medea*, и при этом иметь не вполне понятное для носителя латинского языка, лучше всего – италийское происхождение.

Таким словом могло быть *meddix*, обозначение одной из должностей у италийцев. Это слово один раз встречается в «Анналах» Энния: «*summus ibi capitur meddix*» и дважды – с



эпитетом *tuticus* – у Тита Ливия: «*Marius Alfius medix tuticus – <is> summus magistratus erat Campanis*» (Liv. XXIII 35, 13), «*Staius Metius, missus ab Cn. Magio Atellano, qui eo anno medix tuticus erat*» (ibid. XXIV 19, 2), «*medix tuticus, qui summus magistratus apud Campanos est*» (ibid. XXVI 6, 13).

Важно отметить наличие варианта с одним *d*, засвидетельствованное у Тита Ливия. По всей видимости, именно в написании *medix*, оправданному, вероятно, так называемым «правилом littera», это слово могло встречаться у грамматиков и антикваров, которые послужили источником для Вергилия. Комментариями грамматиков к этому слову мы практически не располагаем, за исключением одного фрагмента из Феста: *Sufes dict<us> Poenorum ma>gistratus, ut Ostor<um> meddix tuticus* (Paul. ex Fest. p. 123 M).

При этом само слово достаточно часто встречается в надписях на итальянских языках, в частности, на пелигнском: *medix* (Ve. 212), но главным образом – на оскском языке, причем в различных падежных формах: *meddiss* для Nom. Sg., *medikeis* для Gen. Sg., *medikei* для Dat. Sg., *medikid* для Abl. Sg., и т. д.

Коль скоро тексты грамматиков не сохранили никаких античных этимологий для *medix*, можно предположить, что «*cantu morsus medicari*» у Вергилия отсылает к именно этимологии, не дошедшей до нас, но принятой среди грамматиков в эпоху Августа. Глагол *medicari* как будто отсылает к сопоставлению «*medix quasi medicus*».

Если учесть, что античные грамматиканы были осведомлены о современном для них значении этого слова у итальянцев, можно предполагать, что связь *mēdix* и *medicus* относилась к некоторому мифологическому прошлому, где фигурировала и *Mēdea*, – слово, которое можно принять за производное женского рода от того же корня и которое оказалось также довольно удачно привязано к другой итальянской реалии, обозначаемой словом *Angitia*.

В качестве же атрибуции на данном этапе можно разве что зачислить этимологию для слова *medix*, получившую такую интерпретацию у Вергилия, в разряд принадлежащих Элию Стилону, если по аналогии с примерами типа «*uolpes, ut Aelius dicebat, quod uolat pedibus*» (Varr. L.L. V 101) выводить «*medix, quod medicatur*» или «*medix, quod medetur*».

Некоторые сомнения вызывает разница в просодии *medicus* с одной стороны и *Mēdea* и *mēdix* с другой, коль скоро в *medicus* содержится краткий *e*. Если нас не удовлетворяет гипотеза, что

античные грамматики I в. до н. э., коль скоро они допускали даже тембральные чередования, в чем можно убедиться на примере этимологии «*Praeneste ἀπὸ τῶν πρίνων*», допускали и чередования по долготе, можно предложить другое объяснение, основанное на сходстве тембра латинского краткого гласного /ě/, имевшего более открытый характер по сравнению с долгим /ē/, и греческого долгого /ē/, отраженного в виде η слове Μῆδεια.

### 11. *Turnus*

В описании Турна наибольшее внимание привлекает щит, на котором был изображен сюжет об Ио, превращенной в корову:

*at leuem clipeum sublatis cornibus Io  
auro insignibat, iam saetis obsita, iam bos,  
argumentum ingens, et custos uirginis Argus,  
caelataque amnem fundens pater Inachus urna*

(Verg. Aen. VII 789–792).

Интересно расположение *Io* и *bos* на ударной позиции в конце соседних стихов, точнее – «*sublatis cornibus Io*» и «*iam bos*». Этот сюжет изложен так, что внимание акцентируется на моменте превращения Ио в корову. Он получил множество интерпретаций с самых разных точек зрения, для нас же в данном случае принципиально то, что *bos* может намекать на этимологию слова *Italia*, происходящего якобы от слова *uitulus* ‘бычок’.

Варрон, сделавший выбор в пользу этимологии типа «название места происходит от имени персонажа», возводил *Italia* к имени царя Итала. В свою очередь, слово *uitulus* Варрон этимологизировал так: «*uitulus, quod graece antiquitus ἰταλός, aut quod plerique uegeti, uegitulus*» (Varr. L.L. V 96, 7). Однако Вергилий, вероятнее всего, имел в виду именно этимологию типа «*Italia a uitulo dicta quasi Vitalia*».

Таким образом, композиция Каталога завершается сюжетом, содержащим имплицитную отсылку к этимологии слова «*Italia*».

**7. *Oebalus*** и **10. *Virbius*** – в этих эпизодах можно видеть подразумеваемые этимологии для топонимов *Abella* и *Aricia* соответственно. В этом случае следует реконструировать «*Abella quasi Oebella*», а также «*Aricia quasi Aurigia ab auriga*», коль скоро эпизод с Вирбием содержит упоминание его колесницы: «*ilius ardentis haud setius aequore campi exercebat equos curruque in bella ruebat*» (Verg. Aen. VII 781–782).

**6. *Halaesus*, 9. *Vfens* и 12. *Camilla*** – эпизоды, содержащие сюжеты, где нам не удалось проследить вероятных отсылок к этимологиям.

В заключение нужно сказать, что разница в подходах к тексту Вергилия при анализе его с точки зрения представленных там следов античных этимологий наблюдается, главным образом, потому, что, если Джеймс О’Хара видел своей главной целью исследование поэтического языка Вергилия, то наше исследование посвящено, в первую очередь, поиску античных этимологий итальянских слов, атрибуцию многих из которых еще предстоит установить.

### Литература

- Санников 2002 – Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.
- Bartelink 1965 – Bartelink G. Etymologisering bij Vergilius. Amsterdam, 1965.
- Conte 2009 – Conte G. V. [изд.]. P. Vergilius Maro. Aeneis, Berlin-New York, 2009.
- Cook 1919 – Cook A. M. Virgil, Aen. VII 641 ff. // The Classical Review. 1919. Vol. 33. P. 103–104.
- Fowler 1918 – Fowler W. Virgil's "Gathering of the clans", being observations on Aeneid VII. 601–817. 2d ed. rev. Oxford: B. H. Blackwell, 1918.
- O’Hara 1989 – O’Hara J. Messapus, Cycnus, and the Alphabetical Order of Vergil's Catalogue of Italian Heroes // Phoenix. 1989. Vol. 43, 1. P. 35–38.
- O’Hara 1996 – O’Hara J. True Names: Vergil and the Alexandrian Tradition of Etymological Wordplay. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996.
- Horsfall 2000 – Horsfall N. Virgil, Aeneid 7: A Commentary. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000 (Mnemosyne Supplement 198).
- Maultby 1991 – Maultby R. A Lexicon of Ancient Latin Etymologies. Leeds: Cairns, 1991.
- Païs 1907 – Païs E. Amunclae a Serpentibus Deletae // The American Historical Review. 1907. Vol. 13, 1. P. 1–10.
- Pisani 1953 – Pisani V. Zu zwei oskischen Inschriften // Rheinisches Museum für Philologie. 1953. Bd. 96, 3. S. 235–241.
- Rehm 1932 – Rehm B. Das geographische Bild des alten Italien in Vergils Aeneis. Leipzig, 1932.
- Saunders 1927 – Saunders C. The Volscians in Vergil's Aeneid // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1927. Vol. 58 P. 92–99.
- Schulze 1904 – Schulze W. Zur Geschichte lateinischer Eigennamen. Berlin, 1904.
- Stok 1988 – Stok F. Percorsi dell’esegesi virgiliana. Due ricerche sull’Eneide. Pisa, 1988.

Thilo G., Hagen H. [изд.]. *Seruii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii*. Lipsiae, 1881.

Untermann J. *Wörterbuch des Oskisch-Umbrischen*. Heidelberg, 2000.

Wills J. [рец.]. James J. O'Hara, *True Names: Vergil and the Alexandrian Tradition of Etymological Wordplay* (review) // *Bryn Mawr Classical Review*, 1997.

### **Vergil and grammatical sources of puns in “Catalogue of Heroes”**

The article considers the most interesting and important part of the seventh book of Vergil's “Aeneid” – the Catalogue of Italian forces, or the Catalogue of Heroes, and is focuses on Vergil's grammatical sources. There is multiple evidence of “etymological thinking”, or “etymological wordplay”, in Vergil's poem, and J. O'Hara wrote a book to analyze them. However, he never discussed cases when etiological plots reveal the etymology of important Latin or Italic words or names that contribute to the composition of the Catalogue. The article is an attempt to reconstruct some opaque ancient etymologies (e.g. those of Virbius, Oebalus, meddix, and an alternative etymology of Auentinus) with a focus on their attribution and a commentary on some methods used by ancient grammarians.

*Keywords:* Vergil's “Aeneid”, “Catalogue of Heroes”, grammatical sources, “etymological wordplay”, reconstructions of opaque ancient etymologies.

## КОРАБЛЬ В РИГВЕДЕ

В Ригведе обнаруживается около 40 контекстов со словом *nau-* ‘лодка, корабль’, которое в большинстве случаев употребляется не в своем прямом предметном значении, а фигурально – как метафора или в сравнительных конструкциях, таких как: *nāvā ná síndhum par- naḥ áti duritā* ‘как лодкой через воду переправь нас через беды’ и *apáḥ ná nāvā duritā tarema* ‘словно воды лодкой да пересечем мы трудности’. В целом для *корабля, лодки* характерна положительная символика этого образа как средства спасения, милости богов и т. п., что вероятно указывает на его связь с мифом о Потопе и ковчеге. В этом отношении Ригведа заметно отличается от более поздних текстов (напр. Махабхараты), где широко используется образ тонущей лодки как символа несчастья, гибели.

*Ключевые слова:* ведийский язык, санскрит, Ригведа, *nau-* ‘лодка, корабль’, поэтическая формула.

В санскрите имеется целый ряд слов, обозначающих лодку/корабль (PWG; Apte 1957; MW; Кочергина 1978); часть из которых имеет хорошую индоевропейскую этимологию:

*nau-* f. ‘корабль, лодка, челн’ < и.-е. \*neh<sub>2</sub>-u- ‘корабль, лодка’ (NIL 515–519; Герценберг 2010: 70–71), возможно связанного с и.-е. \*(s)neh<sub>2</sub>- ‘плавать’ (LIV<sup>2</sup>: 572). Имеется целый ряд слов, производных от основ *nau-* и *nāva-* (основа косвенных форм): *nau-kā* f. ‘маленький корабль, лодка, челн’ *nau-yāna-* n. ‘мореплавание’; *yuddha-nau-* f., *yuddha-naukā* ‘военный корабль’, *nau-daṇḍa* ‘весло’, *nau-karman* ‘корабельное дело, судостроение’, *nāvājá-*, *nāvika-*, *nāvin*, *nau-jīvika-* ‘моряк’ и др.

*tarī*, *tari*, *tarānī* f. ‘лодка, корабль’ (корень *tar-* ‘переправляться, спасаться’), *tarikā* f. ‘лодка’; *tarāṇa-*, *tarāṇi*, *tarāṇḍa-*, *tārāṇa-*, *tāraka-* m. ‘плот, корабль; спасающий, перевозящий’;

*plavá-* n., m. ‘лодка; наводнение; вид утки’ (корень *plu-* ‘плавать; качаться; дуть (о ветре); пролетать (о времени); прыгать’); в Ригведе есть только единственный случай употребления этого существительного в значении ‘лодка’ (1, 182, 5), а также однажды встречается глагол *plávate* ‘плавает’ (10, 155, 3)

*yāna-* n. ‘путешествие; поход; повозка, средство передвижения’ (корень *yā-* ‘идти’): *arṇava-yāna-*, *jala-yāna-* ‘лодка, корабль’;

Кроме того, есть несколько слов неясного происхождения:

*uḍu-pa-* м. ‘луна’; м., п. ‘челнок, лодка’. Оба значения встречаются, начиная с Махабхараты (MW) (< *uḍu-* f., п. ‘звезда’, *-pa* ‘защищающий’. Возможно *uḍu* – среднеиндийская форма от древнеиндийского *ūrdhvá-* ‘обращенный вверх’);

*pota-* м., п. ‘судно, корабль, лодка’; *arṇavapota-* ‘корабль’;

*vohittha-* п. ‘корабль’ (MW с указанием на Hemacandra's *Abhidhanacintamani*, ed. by O. Boehtlingk and Ch. Rieu, St. Petersburg, 1847);

*madgu-* м. 1) вид водяного животного или птицы; 2) назв. касты ныряльщиков; 3) военный корабль (MW с указанием на *Daśakumāracarita* Дандина).

Наиболее частое обозначение для лодки в Ригведе и более поздней ведической литературе – *navi-*. Вопрос, который обсуждается уже на протяжении многих лет – знали ли индийцы в ведические времена дальние морские путешествия и были ли у них корабли для таких плаваний (и соответственно – как интерпретировать в Ригведе слово *navi-* – как корабль или как лодку). Большинство исследователей склоняются к мнению, что то, что обозначается в Ригведе словом *navi-*, скорее всего, было гребной лодкой или челноком – в пользу этого предположения говорит тот факт, что в ранних текстах не обнаружены упоминания каких-либо частей корабля, кроме вёсел, в т. ч. парусов и мачт (напр.: Macdonell, Keith 1995<sup>1</sup>: 461; Елизаренкова 1989: 443)<sup>1</sup>.

В некоторых контекстах Ригведы исследователи пытаются усмотреть косвенные упоминания дальних плаваний. Так, например, 1, 48, 3, d:

*uvāsa uṣāḥ uchāt ca nū*  
*devī jīrā ráthānām /*  
*yé asyāḥ ācāraṇeṣu dadhriré*  
*samudré ná śravasyávaḥ //*

Ушас светила (всегда), и теперь она будет светить,

Богиня – вдохновительница колесниц,

Которые держались наготове к ее приходам,

Как жаждущие добычи (мореходы) – (к выходу) в море

(Перевод Т. Я. Елизаренковой<sup>2</sup>).

<sup>1</sup> См. также ниже сноску 15 с поздневедическими контекстами из относящейся к Белой Яджурведе Шатапатха-брахманы, где некоторые исследователи усматривают упоминания мачт и рулей корабля.

<sup>2</sup> Далее в большинстве примеров, где это особо не оговорено, в русском переводе сделана попытка максимально передать структуру сти-

Еще один контекст, который привлекают сторонники мореплавания в ведийские времена, – это одно из упоминаний мифа о Бхуджью, где повествуется о том, как Ашвины спасали тонущего в океане мореплавателя (1, 182, 5):

*yuvám etám cakrathuḥ síndhuṣu **plavám**  
ātmanvántam pakṣīnaṃ taugryāya kám /*

Вы (du.) этот сделали в водах корабль  
Одушевленный крылатый для сына Тугры (т. е. Бхуджью)  
действительно.

Прилагательные *ātmanvánt-* ‘одушевленный’ и *pakṣīn-* ‘крылатый’ здесь пытаются трактовать как метафорическое обозначение парусного корабля (библиогр. в: Елизаренкова 1989: 443).

На знакомство ведийских ариев с парусным мореплаванием (плаванием с помощью ветра), как нам кажется, может указывать и еще одна строка (6, 64, 4): *avāté apáḥ tarasi svabhāno* ‘В безветрии воды ты пересекаешь, о самоизлучающаяся (об Ушас)’.

В качестве свидетельства о мореплавании (*samudrasamūyānam*) по крайней мере в середине I тыс. до н. э. К. Карттунен приводит выдержки из «Баудхаяна-дхармашастры» с переводами и комментариями Г. Бюлера (Bühler 1882): *athottarata ūrṇāvīkrayaḥ sīdhupānam ubhayatodadbhir vyavahārā āyudhīyakam samudrasamūyānam iti* (1,1,2,4) ‘Затем (традиции, существующие) на севере – продажа шерсти, употребление алкоголя, торговля лошадьми и ослами (букв. животными с верхними и нижними зубами), занятие военным ремеслом (для брахманов) и мореплавание’. И далее (2,1,2, 1–2): *atha patanīyāni // samudrasamūyānam* ‘Затем, утрата касты – мореплавание’ (Karttunen 1989: 225–230). Вопросы, имеющие отношение к развитию мореплавания и кораблестроения в древней Индии, обсуждаются в работах Р. К. Мукерджи (Mookerji 1912), К. Клауса (Klaus 1989) и М. Д. Бухарина (Бухарин 2007: 143–144), но в основном они касаются более позднего времени. Рассмотрение и сопоставление всех контекстов, в которых в Ригведе и других ведийских текстах встречается слово *navi-*, возможно, позволило бы добавить некоторые аргументы к этой дискуссии.

Появление простейших средств пересечения водных препятствий типа долбленых лодок или лодок из шкур животных в

---

ха, пусть и в ущерб литературности; при этом, безусловно, учтены переводы и комментарии Т. Я. Елизаренковой (РВ 1989–1999).

Европе и Западной Азии относится еще к эпохе Мезолита, т. е. еще до времени индоевропейской общности (ЕИЕС: 74–75). Лодка – это один из самых ранних сложных предметов, которые научились мастерить древние люди. Все это позволяет предположить, что метафорическое употребление слова *лодка* могло бы в каком-то виде существовать еще на индоевропейском уровне (West 2007: 40).

Мотив лодки/корабля достаточно широко распространен в разных мифологических и литературных традициях (см. напр. Брагинский 1988; Казанский, Фролов 2010). Этот мотив связан с мифом о потопе (Топоров 1982). В древнеиндийской литературе этот миф полностью излагается в Шатапатха-брахмане (I, 8, 1) и в Махабхарате (3, 185), а сам прародитель людей Ману неоднократно упоминается и в Ригведе.

В Ригведе можно обнаружить около 40 контекстов (включая дословно повторяющиеся и сомнительные), в которых встречается слово *лодка*; кроме того, некоторое количество примеров есть в Атхарваведе и поздневедических текстах. При этом в большинстве случаев слово *нау-* употребляется как метафора или в сравнительных конструкциях. Такие употребления в основном распадаются на две неравные группы: гораздо чаще – **«(надежная) лодка как средство спасения»**, значительно реже – **«гибнущая лодка как символ несчастья»**.

Слово *лодка* встречается в гимнах Ригvedы, адресованных следующим божествам:

Индре – 9 раз (1, 131, 2; 2, 16, 7; 3, 32, 14; 6, 68, 8; 8, 16, 11; 8, 18, 17; 10, 44, 6; 10, 105, 9; 10, 116, 9),

Агни – 7 раз (1, 97, 7–8; 1, 99, 7; 1 140, 12; 5, 4, 9; 5, 25, 9; 8, 75, 9),

Варуне – 4 раза (1, 25, 7; 7, 88, 3–4; 8, 42, 3) и один раз Митре-Варуне (7, 65, 3),

Ашвинам – 6 раз (1, 46, 7; 1, 116, 3; 1, 116, 5; 1, 182, 5–6; 2, 39, 4),

Соме – 3 раза (9, 70, 10; 9, 89, 2; 9, 95, 2),

Марутам – 2 раза (5, 54, 4; 5, 59, 2),

всем богам – 3 раза (5, 45, 10; 8, 83, 3; 10, 63, 10),

а также единичные случаи: жрецам (10, 101, 2), Яме (10, 135, 4),

Пушану (6, 58, 3), вещей птице (2, 42, 2), Таркашье (10, 178, 2), а также в гимне-похоронном слове коню (10, 56, 7).

Метафорическое употребление слова *лодка* скорее всего можно ожидать в гимнах, адресованных тем божествам, которые так или иначе связаны с водной стихией. И действительно,



главный бог Ригведы громовержец Индра, среди своих многочисленных эпитетов, имеет персональный эпитет *apsujít* ‘завоеватель вод’ (8, 13, 12; 8, 36, 1–6; 9, 106, 3), отсылающий к мифу о победе Индры над Вритрой и освобождении потоков вод: *tuvám dhúnir indara dhúnimatīr / ṛṇór apáh sīrā ná srávantīh* ‘Ты, возмутитель, о Индра, возмущенные Воды выпустил течь, словно мчащиеся реки’ (1, 174, 9). Еще один неоднократно упоминаемый в Ригведе миф – о том, как Индра благополучно переправил через воды Турвашу и Яду.

Агни, бог огня, в некоторых контекстах называется ‘рожденным в водах’ (*apsujāh* – 8, 43, 28), ‘сидящим в водах’ (*apsusād* – 3, 3, 5), при этом обычно подразумеваются атмосферные воды. Еще один эпитет Агни – *Анам Нанам* ‘Сын Вод’, в некоторых контекстах трактуется как самостоятельное божество неясной природы. Кроме того, в нескольких гимнах упоминается миф о бегстве Агни в воды.

Варуна в ранних частях Ригведы – верховное божество, хранитель мирового порядка, позднее становится богом Океана. В Ригведе Варуна заставляет воды течь, они текут по его приказу (2, 28, 4); благодаря его магической силе реки плавно текут в океан и не переполняют его (5, 85, 6), вместе с Митрой они называются хозяевами рек (7, 64, 2), к ним обращаются с просьбой о дожде. Отношение Варуны к воде подробно рассматривается в монографии Людерса (Lüders 1951).

Ашвины – парные божества утренних и вечерних сумерек, дети неба; при этом атмосфера часто называется океаном (*samudra-*), т. е. вместилищем небесных вод. Ашвины считаются самыми быстрыми спасителями и помощниками при всяких несчастьях (1, 112, 2; 1, 118, 3 и др.), поэтому их часто просят о помощи, особенно в океане на корабле. Их также просят принести сокровища из океана или с неба (1, 47, 6); их колесница прибывает из океана (возможно, имеется в виду небесный океан – 4, 13, 5). Один из мифов, упоминаемых в Ригведе, повествует о спасении Ашвинами Бхуджью, сына Тугры, который, оказавшись в океане один, стал молить их о помощи, и Ашвины явились к нему на стовесельной лодке. Близнецы Ашвины сопоставляются с греческими Диоскурами, с которыми у них много общих черт, в том числе и их тесная связь с морской стихией и мореплаванием как покровителей

мореходов и спасителей<sup>3</sup> (обзор литературы по этому вопросу – Николаев 2012: 27–53).

Маруты – группа богов бури, грозового дождя. Их основная функция – проливать дождь: *ā vaḥ yantu udavāhāsaḥ adyá / vṛṣṭīm yé víśve marútaḥ junánti* – Пусть приедут к вам сегодня везущие воду (боги), / Все Маруты, которые пригоняют дождь (5, 58, 3). *apáḥ samudrád dívam úd vahanti divás pṛthivím abhí yé sṛjánti* – Они везут вверх на небо воды из океана, / (Те), кто выливает (их) с неба на землю (АВ. 4, 27, 4). Об их связи с ветром и с конями см., например: Казанский 1998.

Связь Сомы, являющегося персонификацией ритуального напитка, с водой основывается на том, что при его приготовлении сок растения смешивался с водой. Поэтому во многих гимнах говорится о том, что Сома – царь потоков (9, 15, 5; 9, 86, 33 и др.), царь и бог океана (9, 107, 16), что он управляет дождями (9, 74, 3 и др.) и т. п. Кроме того, в более поздних ведийских текстах Сома ассоциируется с луной (вероятно исходя из сходства по цвету); в некоторых поздних гимнах Ригведы исследователи также уже усматривают эту связь (Macdonell 1897: 112). При этом метафорическая связь «луна (месяц) – лодка» достаточно очевидна, ср. приведенное выше в списке синонимов «лодки» слово *udupa-*.

По наблюдению Т. Я. Елизаренковой, из всех богов именно Индра, Варуна, Ашвины, Маруты и Сома более всего связаны также и с реками (Елизаренкова 2012: 549–550).

### 1. Сравнительные конструкции

В Ригведе встречается две близкие по значению сравнительные конструкции, включающие в себя в качестве объекта сравнения слово *nau-*: *nāvā ná síndhum par- naḥ áti duritá* ‘как лодкой через воду, переправь нас через беды’ и *apáḥ ná nāvā duritá tareta* ‘словно воды лодкой да пересечем мы трудности’. В обеих конструкциях слово *лодка* имеет форму инструменталиса ед. числа *nāvā* или мн. числа *naubhíḥ* (за одним исключением – в 1, 131, 2).

Эти две конструкции можно, опираясь на идеи М. Пэрри (см., напр.: Parry 1971: 272) и его последователей (напр.: Hains-

<sup>3</sup> Ср. гомеров гимн к Диоскурам (НН 33): οἱ δ' ἀπὸ νηῶν / εὐχόμενοι καλέουσι Διὸς κόουρος μεγάλοιο / ἄρνεσσιν λευκοῖσιν, ἐπ' ἀκρωτήρια βάντες / πρύμνης – С судна воссылая молитвы, / Люди на помощь зовут сыновей многомогного Зевса, / Режут им белых ягнят, на носу корабельном собравшись (перевод В. В. Вересаева).

worth 1968; Russo 1976: 35–37), рассматривать в рамках теории поэтической формулы. Они представляют собой не жестко фиксированные формулы, их элементы могут размещаться на разных позициях в стихе (при этом метрические условия могут быть одинаковыми); они могут оказываться не в одной, а в двух падах полустипа, при этом они бывают разделены другими словами; кроме того, в первой конструкции варьируются формы глагола *par-*.

В литературе неоднократно отмечалась метафоричность формул преодоления водных препятствий в Ригведе (Kwella 1973; Ducœur 2008). Б. Огибенин сопоставляет ведийские представления о переправе через воды с более поздними буддийскими, которые связаны с темой спасения, перехода из одного существования в другое (Огибенин 2012). Общим для различных индоевропейских мифологических традиций является представление о водном пространстве как о границе между миром живых и миром мертвых (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 825).

В этих и подобных им формулах те беды, через которые желает переправиться просящий богов о помощи, могут быть выражены целым рядом синонимов, большинство из которых имеют хорошую индоевропейскую или, по крайней мере, индоиранскую этимологию: это два образования с именным префиксом *dur-* ‘плохой’ – *duritá-* n. ‘беда; нужда; болезнь, вред; опасность; грех’<sup>4</sup> (от корня *i-* < \*h<sub>1</sub>ei- ‘идти’ NIL: 222) и *durgá-* n., m. ‘трудность, опасность; трудная дорога’ (от корня *gā-* < \*g<sup>h</sup>eh<sub>2</sub>- ‘идти’ NIL: 174); два корневых имени – *nid-* f. ‘осуждение, порицание; тж. насмешник; ругающий’ (скр. корни *nind-*, *nid* < \*neid- ‘ругать’ WP II: 322–323) и *dvís* m., f. ‘ненависть, вражда; враг’ (?\*d<sub>ue</sub>is- LIV<sup>2</sup>: 131, только индоиранские формы), наряду с производным от этого же корня *dvéśas* n. с теми же значениями; еще два однокоренных существительных от корня *aṃh-* < \*h<sub>2</sub>em<sup>h</sup>- ‘сжимать, стеснять’ (NIL: 301) – *aṃhatí* f. ‘нужда; бедствие; беспокойство’ и *aṃhas* n. ‘беспокойство, вред; узкое, труднопроходимое место’. К этой же группе синонимов относятся слова с менее убедительной этимологией – *bādhá-* m. ‘мучение, боль, нужда; сожаление; вред (от *bādh-* ‘мучить’, что возможно связано с \*bhoidh-, bhaidh- ‘заставлять’ WP II: 180)’ и *viṣpitá-* n. ‘трудность’ (только дважды в Ригведе, без надежной этимологии – KEWA III: 232). Соотношение значений этих слов в Ригведе обсуждается в статье Я. Гонды (Gonda 1957: 49–51).

<sup>4</sup> У. Линдквист (Lindqvist 2011: 31–33) рассматривает как формулу сочетание *viśvāni duriṭā* ‘все беды’.

Сравнительные обороты строятся с помощью союзов *ná*, *iva* и реже *yathā*. Первый из них является характерной чертой именно ведийского языка и омонимичен отрицательной частице *ná*. Происхождение и метрические особенности союза *ná* рассматриваются в статье Брента Вайна (Vine 1977: 641–685).

Водные препятствия, которые преодолевают на лодках, обычно обозначаются как *ap-* f. (только pl. *apáh*) ‘воды’, *udán-* n. ‘вода, волна’<sup>5</sup>, *udaká-* ‘вода’<sup>6</sup>, *síndhu-* m., f. ‘река, поток; океан, море’, *kṣódas* n. ‘бушующий поток’. Как отмечает Т. Я. Елизаренкова, те понятия, которые обозначаются наибольшим числом синонимов, как правило, являются особо значимыми в ведийской картине мира. Всего в тексте Ригведы понятие ‘поток, река’ выражается примерно 20 синонимами, а ‘вода’ имеет около 10 синонимов (Елизаренкова 1982: 41–42), однако в сочетаниях со словом *nau-* задействована только небольшая часть из них.

По наблюдению Я. Гонды, для сравнительных оборотов даже в большей степени, чем для других конструкций характерны эллипсис и брахилогия – приемы замены полного оборота на более краткие, причем если при эллипсисе происходит опущение одного слова, то выпадение нескольких слов, составляющих существенную часть конструкции, определяется как брахилогия. Отсутствие одного или нескольких членов конструкции заставляло слушателей «восполнять пробелы» из своих знаний других аналогичных контекстов (Gonda 1960: 50–55). Как будет показано ниже, полные сравнительные обороты со словом *nau-* встречаются реже, чем сокращенные, которые демонстрируют разную степень эллиптичности.

<sup>5</sup> Семантические различия синонимов *ap-* f. и *udán-* n., находящие отражение, в частности, и в противопоставлении женского и среднего родов, были отмечены еще А. Мейе и неоднократно становились предметом исследования, см., например, Watkins 1972: 39.

<sup>6</sup> Вслед за Ваккернагелем (AiGr III: 316) основы *udán-/udaká-* принято объединять в гетероклитической парадигме, поскольку *udán-* в Ригведе не имеет форм NAcSg., а основа *udaká-* наоборот представлена почти исключительно только этими падежами (единственное исключение – AblSg. *udakāt*, RV, 10, 166, 5). А. Любоцкий предлагает вместо *udaká-* в эту парадигму включить другую основу со значением ‘вода’ – *vār-* n., которая также (за исключением одной формы – DP1 *vārbhyás*, VS 22,25) имеет только формы NAcSg. (Lubotsky 2012: 159–164).

*Nāvā́ ná síndhum par- naḥ áti duritá́*  
 ‘как лодкой через воду переправь нас через беды’

Это формульное выражение включает в себя формы глагола *par-* (нетематический редуцированный тип основы, 3 класс презенса по индийской классификации, < \*per- – Pokorny 1959: 816–817; LIV<sup>2</sup>: 472) с основным лексическим значением ‘переправлять, спасать’, при этом глагол выступает в форме одного из косвенных наклонений – императива, опатива или субъюнктива со значениями просьбы, пожелания и некоторых оттенков модальности. Достаточно часто также встречается сокращенный вариант той же формулы, без упоминания корабля: *par- naḥ áti-duritá́* ‘переправь нас через беды’.

Как известно, в отличие от классического санскрита, для ведийского языка характерна неупорядоченность грамматической системы, которая выражается, в том числе, и в существовании большого числа несистемных форм глагола (см., напр.: Елизаренкова 1960: 22–23). Так, достаточно обычным является образование от одного глагольного корня двух-четырех разных основ презенса и аориста. Для корня *par-* ‘переправлять, спасать’ регулярными являются формы аориста на *-s-* (4 класс аориста), однако одна аористная форма от этого корня, *parṣi*, трактуется как 2 л. ед. ч. субъюнктива от аористной основы корневого типа (1 класс аориста) или же как нерегулярное образование от презентной основы (нетематическая корневая основа, 2 класс презенса по индийской классификации) с первичным окончанием 2 л. ед. ч. в значении императива (Елизаренкова 1960: 71; 1993: 185; Renou 1952: § 316; Whitney 1885: 100). Относительно этой формы Т. Я. Елизаренкова писала, что она относится к группе глагольных форм, которые трудно отнести с полной уверенностью к аористу или презенсу (Елизаренкова 1960: 32).

В Ригведе отмечено 23 глагольных корня, от которых образуются формы 2 л. ед. ч. императива с окончанием *-si*, т. е. с тем же, что и во 2 л. ед. ч. презенса. При этом у некоторых корней прослеживается противопоставление этих двух форм, поскольку они образуются от разных презентных основ (форма 2 л. ед. ч. презенса от корня *par-* должна быть *piparṣi*, но она в Ригведе не встречается). Ведийский императив с окончанием *-si* был предметом многолетних обсуждений у специалистов. В статье, специально посвященной этой форме, К. Шилдс суммировал все предлагавшиеся до него объяснения и предложил

трактовать ее как образование от непрезентной сигматической основы с эмфатическим элементом *-i* (Shields 1997: 149–155).

Форма *parṣi* отнюдь не является единичной, в Ригведе зафиксировано 16 ее употреблений, кроме того, еще несколько – в поздневедийских текстах, однако в дальнейшем она исчезает. Таким образом, можно предположить, что здесь мы имеем дело именно с формульным выражением, в котором сохраняется особая несистемная глагольная форма.

В полном виде эта формула представлена в одном гимне – к Агни:

*viśvāni naḥ durgāhā jātavedaḥ*  
*sīndhum ná nāvā duritā āti parṣi* / (5, 4, 9).

Через все труднопроходимые места нас, Джатаведас (т. е. Агни),  
Как через реку лодкой через опасности перевези.

В значительно большем числе контекстов представлен сокращенный вариант той же формулы (ниже будут приведены только некоторые из них):

*nāvā ná sīndhum āti parṣi vidvān*  
*sūraḥ ná yūdhyan āva naḥ nidāḥ spar* // (9, 70, 10, к Соме).

Как лодкой через реку переправь, о мудрец,  
Как герой сражающийся, нас от порицаний спаси.

*tvām aṅgā jaritāram yaviṣṭha*  
*viśvāni agne duritā āti parṣi* / (5, 3, 11, к Агни)

Ты же певца, о самый юный,  
Через все, о Агни, беды перевези.

*tān ma ṛtām indra sūra citra pātu*  
*apāḥ ná vajrin duritā āti parṣi bhūri* / (8, 97, 15, к Индре).

Эта меня истина, о Индра отважный, блистательный, пусть защитит,  
Как (через) воды, о громовержец, через беды перевези многие.

*nahī svām āyuś cikitē jāneṣu*  
*tāni it aṁhāmsi āti parṣi asmān* // (7, 23, 2, к Индре).

Своя жизнь не понята среди людей,  
Через эти бедствия перевези же нас.

*pārṣi naḥ pārām aṁhasaḥ svastī*  
*viśvā abhītī rāpaso yuyodhi* // (2, 33, 3, к Рудре)

Переправь нас на тот берег нужды благополучно!  
Все преследования недуга отбей!

В других контекстах в аналогичной конструкции употребляются формы субъюнктива аориста: *parṣat* (3 л. ед. ч.), *parṣatha* (2 л. мн. ч.) и *párṣathaḥ* (2 л. дв. ч.), образованные от аористной основы с суффиксом *-s-* (4 класс аориста), которая является регулярной для корня *par-*:

*sá naḥ parṣat áti durgāṇi víśvā*  
*nāvā iva síndhum duriṭā áti agníḥ* // (1, 99, 1, к Агни)

**Он нас да перевезет через трудности все,  
Как лодкой (через) реку – через опасности, Агни.**

*sá naḥ víśvā áti dvíṣaḥ*  
*párṣat nāvā iva sukrátuḥ* // (5, 25, 9, к Агни)

**Он нас через злобствования  
Да перевезет как лодкой, могучий.**

*áti naḥ viṣpitā purú*  
*naubhíḥ apáḥ ná parṣatha /*  
*yūyám ṛtásya rathyaḥ* // (8, 83, 3, ко всем богам)

**Нас через трудности многие  
Как лодками через воды перевезите.  
Вы – колесничие закона.**

*ā manyethām vṛṣaṇvasū /*  
*yuvám hí rudrā párṣathaḥ áti dvíṣaḥ* // (8, 26, 5, к Ашвинам)

**Подумайте, о многобогатые,  
Вы же, о два Рудры, перевезите через злобствования.**

Форма 3 л. ед. ч. *parṣat* многократно встречается в сокращенном формульном выражении, без упоминания корабля, например:

*sá vṛtrahā sanáyaḥ víśvávedāḥ*  
*párṣat víśvā áti duriṭā grṇántam* // (3, 20, 4, к Агни).

**Он убийца врагов, древний всезнающий,  
Пусть переправит через все трудности воспевающего.**

*mitró naḥ áti amhatím*  
*váruṇaḥ parṣat aryamā /*  
*ādityāśo yáthā vidúḥ* // (8, 67, 2, к Адитьям)

**Митра нас через беду,  
Варуна да переправит, Арьяман,  
Адитьи как (это) умеют.**

*sá naḥ parṣat áti dvíṣaḥ* (10, 187, 1–5, к Агни)

**Он нас да перевезет через злобствования!**

В одном случае форма от аористной основы на *-s-* *parṣā* трактуется как 2 л. ед. ч. императива (Елизаренкова 1960: 71)<sup>7</sup>:

*sá naḥ síndhum iva nāváyā*

*áti parṣā svastáye* / (1, 97, 8, к Агни)

**Тот нас как через реку лодкой**

**Перевези** для счастья.

Две императивные формы, образованные от презентной основы корня *paḥ-* – *pāraya* (2 л. ед. ч. императива презенса) и *pārayatam* (2 л. дв. ч. императива презенса), по своей структуре является каузативными, но не имеют каузативного значения, что достаточно часто отмечается для переходных глаголов в ведийском языке; семантически такие формы ничем не отличаются от соответствующих некаузативных переходных глаголов (Елизаренкова 1982: 370):

*dvíṣaḥ naḥ vísvatomukha*

*áti nāvā́ iva pāraya* / (1, 97, 7, к Агни)

(Через) **врагов нас**, о многоликий (букв. лицом обращенный во все стороны),

**Как лодкой** перевези.

*purā́ naḥ bādhāt duritā́ áti pāraya*

*kṣetravít hí díśaḥ āhā vipṛchaté* // (9, 70, 9, к Сома).

Прежде **нас** от мучения **через опасности переправь**,

Знающий ведь направления говорит спрашивающему.

*agne tvám pārayā nāvyo asmān*

*svastíbhīr áti durgā́ni vísvā* / (1, 189, 2, к Агни)

О Агни, ты перевези снова нас

Благополучно через трудности все.

*nāvā́ iva naḥ pārayatam yugé iva*

*nābhye iva naḥ upadhī́ iva pradhī́ iva* / (2, 39, 4, к Ашвинам)

**Как (две) лодки нас перевезите**, как

(Два) ярма, как (две) ступицы нас, как (два) диска (колеса), как два обода (колеса).

<sup>7</sup> Здесь *nāváyā* – нерегулярная форма инструменталиса, от тематической основы *nāvā́*.



Еще одно образование от презентной каузативной основы – *pārayāti* – трактуется как 3 л. ед. ч. субъюнктива (Macdonell 1910: 397):

*sá naḥ pápriḥ pārayāti*  
*svastí nāvā puruhūtáḥ /*  
*índraḥ víśvāḥ áti dvíśaḥ // (8, 16, 11, к Индре)*

Этот спасающий нас пусть **перевезет**  
 Благополучно **на ладье**, многопризываемый  
 Индра, **через врагов**.

Глагол *pipartana* – 2 л. мн. ч. императива от презентной основы 3 класса с окончанием *-tana*, характерным для ведийского языка (Macdonell 1910: 314, 343):

*té no bhadréṇa śármaṇā*  
*yuṣmākaṃ nāvā yasavaḥ /*  
*áti víśvāni duritā pipartana // (8, 18, 17, к Адитьям)*

С помощью вашей благородной защиты  
**Нас ладьей**, о Васу,  
**Через все препятствия переправьте**.

В одном случае в рассматриваемой формуле выступает отглагольное прилагательное, производное от аористной основы с суффиксом *-ani-* – *parśāni-* ‘переправляющий’ (Macdonell 1910: 112):

*tám tvā nāvam ná parśāniṃ*  
*śūśāsya dhurí dhīmahi / (1, 131, 2, к Индре, = AV, 20, 72, 1)*

Того тебя, **как лодкой переправляющего**,  
 У дышла громкой песни хотим поставить.

И наконец в одной фразе наблюдается эллипсис глагольной формы, ее замещает наречие-префикс *áti* ‘через’, ‘пере-’. Употребление префикса без личной формы глагола – явление достаточно обычное для языка «Ригведы», при этом смысл фразы бывает ясен из контекста (Елизаренкова 1982: 258):

*nāvā ná kṣódah pradíśaḥ pṛthivyāḥ*  
*svastibhir áti durgāni víśvā / (10, 56, 7, похоронное слово коню)*

**Как лодкой** через поток во (все) стороны земли,  
 Благополучно (переправился) **через все опасности...**

*Aráḥ ná nāvā duritā tarema*

‘словно воды на лодке (букв. лодкой) да пересечем мы трудности’

Это еще одно формульное выражение, которое в полном виде включает слово *лодка*; оно строится вокруг глагольной формы от корня *tar-* ‘переправляться через, спасаться’ – *tarema* (1 л. мн. ч. оптатива презенса активного залога).

В Ригведе и более поздних ведийских текстах широко представлены личные и неличные глагольные формы, а также именные образования от корня *tar-* ‘пересекать, преодолевать, спасаться’, который имеет надежную индоевропейскую этимологию и широкий круг родственных слов в различных языках (< \*terh<sub>2</sub> – LIV<sup>2</sup>: 633–634; \*ter – Pokorny 1959: 1074).

Как и для значительного числа глагольных корней ведийского языка, для корня *tar-* характерно параллельное существование презентных основ разных типов, как тематических, так и атематических: I кл. (*tár-a-*), VI кл. (*tir-á-*), V–VIII кл. (*tar-u-*)<sup>8</sup>, IV кл. (поздневедийские *tír-ya-*, *túr-ya-*). Из них первые две основы в ведийском языке (как и в позднем санскрите) являются регулярными и примерно в равной степени употребительными, а другие представлены только единичными формами, иногда – гапаксами.

Существование параллельных презентных основ позволяет попытаться реконструировать для них целый ряд морфологических способов выражения различий в способах действия глаголов не только в самом санскрите, но и для более раннего уровня истории языка. Так, у основы *tir-á-* с акцентом на тематическом гласном предлагается усматривать терминативное значение (Елизаренкова 1982: 319).

Аористные формы глагола *tar-* также образуются от основ двух типов: корневого атематического (аорист I) и с суффиксом *-iṣ-* (аорист V). Оба типа аористных основ представлены разрозненными формами, полной парадигмы нет. К первому относятся только две формы: *atarima* (1 pl. aor. ind. – 8, 13, 21) и *tāri* (3 sg. aor. inj. pass. – 6 раз); образования от второй основы несколько более употребительны (Елизаренкова 1960: 80).

Для глагольного корня *tar-* характерна многозначность, что отмечается во всех словарях. Так, Мониер-Уильямс (MW)

<sup>8</sup> В Ригведе (10, 76, 2) имеется единичная форма *tarute* ‘достигает’ (3 sg. pr. med.), которую относят к атематическому классу с суффиксом *-no-l-ni-* (Macdonell 1910: 346; Елизаренкова 1982: 308).

приводит для него довольно широкий круг значений: 1) пересекать, переплывать; 2) плавать; 3) перебраться, достичь конца ч.-л., цели (в т. ч. прожить до конца, изучить до конца и т. п.); 4) исполнить, завершить, совершить; 5) превзойти, преодолеть, покорить, избежать ч.-л.; 5) превзойти, преодолеть, покорить, избежать; 6) приобрести; 7) бороться (мед.); 8) перенести через ч.-л., спасти.

На самом деле такая полисемия отчасти связана с тем, что у разных презентных основ наблюдаются некоторые семантические различия, имеющие отношение не только к способам действия. Так, для основы *tár-a-* в большей степени характерно самостоятельное употребление, без наречий-превербов, и преимущественно в активном залоге, а основа *tir-á-*, как правило, сочетается с наречиями-превербами: наиболее часто с *pra* 'вперед, далее', а также с *ava* 'вниз', *ā* 'к, в', *ud* 'вверх', *ni* 'вниз, внутрь', *vi* 'прочь, в разные стороны' и др., которые в большинстве случаев располагаются дистантно и уточняют направление движения; кроме того, для основы *tir-á-* характерно преобладание медиальных форм (подробнее о сочетании основ *tár-a-* и *tir-á-* с наречиями-превербами см.: Dahl 2005: 64–65).

Глагол *tar-* в качестве составной части индоевропейских поэтических формул уже неоднократно становился объектом исследований, в т. ч. Schmitt 1967: 382; Watkins 1995: 351–356 и др. Ниже будут рассмотрены два широко употребительных в Ригведе сочетания с различными формами этого глагола.

Устойчивое сочетание с этим глаголом в форме 1 л. мн.ч. опатива презенса активного залога *tarema* встречается в Ригведе около двух десятков раз. В наиболее полном виде эта формула включает сравнение пересечения (преодоления) бед с пересечением водного пространства на лодке: *apáh ná nāvā duritā tarema* 'словно воды лодкой да пересечем мы трудности' (6, 68, 8; 7, 65, 3.).

Значительно чаще, чем полный, встречается сокращенный вариант этой формулы, при этом во всех случаях она строится вокруг той же самой глагольной формы *tarema*. Ниже приводятся только небольшая часть из них.

*táva práñtī hariaśva sūribhir*  
*viśvā tarema duritā* // (7, 32, 15, к Индре)

Под твоим руководством, о Индра (букв. «буланоконный»),  
(вместе) с жертвователями

Все да пересечем мы трудности.

*ágne vísvāni duriṭā tarema*  
*tā tarema táva ávasā tarema* // (6, 15, 15).

О Агни, да пересечем мы все трудности  
 Да пересечем мы их, при твоём содействии да пересечем.

*dviṣó ámhāṃsi duriṭā tarema*  
*tā tarema távāvasā tarema* // (6, 2, 11 = 6, 14, 6 к Агни)

Злобствования, беды, трудности да пересечем мы,  
 Да пересечем мы их, при твоём содействии да пересечем.

*áti dvéṣāṃsi tarema* // (3, 27, 3, к Агни)  
 Да пересечем мы проявления ненависти.

Если рассмотреть другие, помимо оптатива *tarema*, личные формы глагола *tár-*, то можно отметить, что и в этих случаях у них значения ‘преодолевать, пересекать’ достаточно четко прослеживаются, а сочетаются сами эти формы, как правило, с существительными из приведенной выше группы синонимов, обозначающих различные беды, или же в предложении речь идет о пересечении реальных водных пространств:

*vísvāni duriṭā tara* (9, 59, 3) ‘Все трудности **преодолей**’ (2 sg. pr. iv. act.);

*dviṣáh ámhaḥ ná tarati* (6, 2, 4) ‘Вражду как узкое место он **пересекает**’ (3 sg. pr. act.);

*tárantaḥ vísvā duriṭā syāma* (10, 31, 1) ‘**Преодолевающими** (N. pl. p. pr.) все трудности **да будем мы**’ (1 pl. pr. opt. act.);

*tárat samudrám pávamāna ūrmiṇā rájā devá ṛtám bṛhát* (9, 107, 15)  
 ‘Павамана **пересекает** (3 sg. pr. inj. act.) океан (своей) волною,  
 царь, бог, высокий закон’;

*avāté apáḥ tarasi svabhāno* (6, 64, 4) ‘В безветрии ты **пересекаешь** (2 sg. pr. act.) воды, о самоизлучающаяся (Ушас)’;

*g<sup>h</sup>nántaḥ vṛtrám ataran ródasī apáḥ* (1, 36, 8) ‘Подавляя сопротивление, они **пересекли** (3 pl. impf. act.) два мира (и) воды’.

В ряде случаев глагол может иметь значение ‘пресекать, побеждать’:

*vācā viprāḥ tarata vācam aryáh* (10, 42, 1) ‘О вдохновенные, речью **пресеките** (2 pl. pr. iv. act.) речь врага’;

*viśvā dvéṣāmsi tarati svayúgvab<sup>hi</sup>ḥ* (9, 11, 1) ‘Все враждебности (или: всех врагов) он (Сома) **пересекает** (3 sg. pr. act.) на самозапрягающихся (конях)’.

Л. Г. Герценберг предлагает, вслед за Гельднером и Хумбахом, понимать последнюю фразу как ‘... одолевает всех врагов...’, сопоставляя ее с авестийским *vīspā tbaēšā taurvayama* (Yt 10, 34) и таким образом реконструируя индоиранскую формулу \**uik̑a- duais-ā- \*tar-* ‘одолевать всех врагов’ (Герценберг 1972: 98).

Сюда же относится и еще одна формула, которую Л. Г. Герценберг со ссылкой на Р. Шмитта (Schmitt 1967: 382) включил в свой список реконструированных индоиранских формул \**urtrám \*tar-* ‘преодолевать сопротивление’ на основании единичных контекстов из Авесты (Yt. 13, 38 – *vərəθrəm tar-*) и из Ригvedы (*vṛtrám tar-*): *índreṇa yujá taruṣema vṛtrám* (7, 48, 2) ‘Пусть одолеем мы врага с Индрой-союзником!’ (Герценберг 1972: 92) Форма *taruṣema* – гапакс, ее принято трактовать как оптатив аориста 2 л. мн. ч.

Значение ‘преодолевать, побеждать’ сохраняется в целом ряде производных от корня *tar-* слов, в т. ч. в сложных именах: *viśva-túr-* ‘побеждающий всех (об Индре)’ (8, 99, 5–6), *vṛtra-túr-* ‘побеждающий врага’ (4, 42, 8; 6, 20, 1; 10, 48, 8; 10, 99, 1), *pr̥tsu-tur* ‘победитель в битвах’ (3, 37, 7), *vṛtratūrya-* ‘битва с врагами; победа над врагами’ (6, 18, 6 и др.), *tarád-dveṣas-* ‘одолевающий врагов (об Индре)’ (1, 100, 3); в отглагольных именах *turváni-* ‘победитель (об Индре и Агни)’ (1, 56, 3 и др.), *taruṣyatá-* ‘желающий победы’ (8, 99, 5) и в ряде других неличноглагольных образованиях.

К этой же группе контекстов со значением ‘преодолевать, побеждать что-либо или кого-либо’ относится и один пример из Атхарваведы, где речь идет о победе над смертью (в Ригведе о победе над смертью напрямую нигде не говорится): *téna odanéna áti tarāṇi mṛtyúm* (AV. 4, 35, 2) ‘(С помощью) этой (ритуальной) рисовой каши да одолею я смерть’ (см. Schmitt 1967: 190). Формулу «преодоления смерти» исследователи реконструируют для различных индоевропейских традиций, в т. ч. в др.-греч. *vékta*, букв. ‘побеждающий смерть’ (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 822; Watkins 1995: 391–397).

Еще одно устойчивое сочетание с глаголом *tár-*: *áyus prá tir-á-* ‘продлить жизнь’. Входящее в состав этой формулы существительное *áyus* н. ‘жизнь, жизненный срок, жизненная сила’ на индоевропейском уровне реконструируется как \**h₂óǵ-us* (NIL:

277–287, ЕИЕС: 352)<sup>9</sup>. К этому же корню относятся и другие варианты, также зафиксированные в Ригведе: *āyū-* п. ‘жизнь’, *āyū-* ‘подвижный, живой’ (в т. ч. как постоянный эпитет Агни). Этот корень широко представлен во многих индоевропейских языках. В частности, он входит в состав одной из праязыковых синтагм, реконструкция которой явилась результатом исследований многих индоевропейцев, начиная с А. Куна (Kuhn 1853: 467): \**u̯ih<sub>1</sub>-rǵ-i* \**h<sub>1</sub>s-ské* \**kléu-o-s* \**ǵ-d<sup>h</sup>g<sup>uh</sup>-i-to-m* \**h<sub>2</sub>ǵi-u* ‘у мужа слава да будет неувядаемой в веках’ (подробно разобрана Л. Г. Герценбергом – Герценберг 2010: 98–100)<sup>10</sup>.

В Ригведе *āyus* неоднократно встречается с определениями *dīrgha-* ‘долгий’<sup>11</sup> и *drāghīya-* ‘более долгий’ (сравнительная степень)<sup>12</sup>, кроме того, есть и сложное слово типа бахуврихи *dīrghāyus* ‘долголетний’<sup>13</sup>, сопоставимое с др.-гр. *δολιχαίων* ‘долговечный, бессмертный’ (ЕИЕС: 352).

Имеется большое количество контекстов, где это словосочетание выражает пожелание, просьбу, обращенную к богам, с глаголом в форме одного из косвенных наклонений

*asmākam āyuh prā tira ihā deva* (1, 94, 16) ‘нашу жизнь **продли** (2 sg. pr. iv. act.), о бог!’

*prā urvāsī tirata dīrghām āyuh* (10, 95, 10) ‘Урваши да проживет (**протянет**) (3 sg. pr. inj. med) долгую жизнь’;

*devāḥ naḥ āyuh prā tirantu jīvāse* (1, 89, 2) ‘Боги нашу жизнь да **продлят** (3 pl. pr. iv. act.) – чтобы мы жили’;

*prā āyuh tāriṣtam niḥ rāpāmsi mr̥ṣatam* (1, 34, 11; 1, 157, 4) ‘Срок жизни продлите (2 du. aor. inj.), сотрите (телесные) повреждения!’;

<sup>9</sup> Исследователи уже неоднократно обращали внимание на это часто встречающееся в Ригведе словосочетание, в частности ему посвящена статья Р. Гайба (Geib 1975).

<sup>10</sup> Ср. также *āyus* & \**djhi* ‘исчезать (о жизни)’: др.-инд *ksitāyur* (RV 10, 161, 2) и др.-греч. αἰὼν φθivέτω (Герценберг 1972: 122 со ссылкой на Schmitt 1967: 921).

<sup>11</sup> *dīrghām āyus* (1, 96, 8; 1, 116, 25 и др.); *dīrghéna āyusā* (1, 11, 6).

<sup>12</sup> *drāghīyaḥ āyuh pratarām dádhānāḥ* (1, 53, 11; 10, 18, 2–3; 10, 115, 8) ‘**Более долгий срок жизни** дальше устанавливающий (= протягивающий) (N. pl. part. pr. med)’.

<sup>13</sup> *dīrghāyus* (4, 15, 9–10; 10, 85, 39); *dīrghāyu-* (8, 70, 7 – об Индре) – ср. авест. *darəgāiiu* (Y. 28, 6); а также *dīrghāyutvá-* ‘долговечность, долгая жизнь’ (8, 59, 7; 10, 62, 2).

*prá tāri agne pratarám naḥ āyuh* (4, 12, 6; 10, 126, 8) ‘Да **продлится**, о Агни, дальше наша жизнь!’ (3 sg. aor. inj. pass.);

*prá sū naḥ āyuh jīvāse tīretana* (8, 18, 22) ‘хорошо нам жизнь **продлите** (2 pl. pr. opt. act.)’;

*prá naḥ āyuh jīvāse soma tāriḥ* (8, 48, 4) ‘Продли (2 sg. aor. inj.) нам срок жизни, о сома, чтобы мы жили’;

*dīrghāyutvāya prá tiratam naḥ āyuh* (8, 59, 7) ‘В долговечность **продлите** (2 du. pr. iv. act.) нам жизнь’;

*prá im āyuh tāriḥ átīrnam* (8, 79, 6) ‘Жизнь **пусть продлит** (3 sg. aor. inj.) (еще) не прожитую!’.

В тех контекстах, где в качестве объекта действия выступает какое-то другое существительное, а не *āyus*, глагол *pra-tar-* может иметь значение ‘продвижения ч.-л. вперед’: *prá vājeb<sup>hi</sup> tirata puṣyāse naḥ* (7, 57, 5) ‘Наградами **продвиньте** (2 pl. pr. iv. act.) вперед к процветанию нас’.

Сопоставление двух формул: (*apáh ná nāvā*) *duritā tarema* ‘(словно воды лодкой) да пересечем мы трудности’ и *āyus prá tir-á-* ‘продлить жизнь’ позволяет заметить, что формы глагола *tar-* с основой настоящего времени I класса *tár-a-*, когда они не сочетаются с наречием-префиксом, имеют значения ‘пересекать, преодолевать, побеждать’, но при этом не сочетаются с существительным *āyus*, а формы глагола *tar-* с основой настоящего времени VI класса *tir-á-*, когда они сочетаются с наречием-префиксом *pra* и с существительным *āyus* ‘жизнь, жизненный срок, жизненная сила’, имеют значение ‘продлевать (срок жизни)’<sup>14</sup>.

<sup>14</sup> К. Уоткинз предлагает трактовать формулу *āyus prá tir-* как ‘преодолеть срок жизни’, т. е. ‘победить смерть’, усматривая у глагола *prá tir-* значение ‘побеждать’ и сопоставляя эту формулу с формулами «преодоления смерти» в других индоевропейских языках (Watkins 1995: 351–352). Однако изучение ведийских контекстов (в статье приведена только часть из них) позволяет отметить, что на синхронном (ведийском) уровне глагол *tar-* в сочетании с наречием-префиксом *prá* имеет самостоятельное лексическое значение ‘продлевать’, отличное от значения глагола, не осложненного наречием-префиксом, ср., например, об этом явлении у Т. Я. Елизаренковой: «Поскольку глагол с наречием-префиксом образует семантическое единство, формируются новые оппозиции лексических значений глаголов на базе сочетаний с наречиями-префиксами» (Елизаренкова 1982: 263).

*Nāvaṃ ná (vācam/vacasyúvam/...)*

‘лодке подобные (речь, красноречие, божество и т. п.)’

Третья группа примеров включает случаи, когда с лодкой (кораблем) сравниваются те или иные предметы или явления, упоминаемые в гимне, при этом в тексте присутствует и субъект, и объект сравнения.

Лодка = песнопение, гимн, речь (ср. West 2007: 40–41):

*kānikradat janúṣam prabruvāṇāḥ*  
*iyarti vācam aritā iva nāvam* / (2, 42, 1, к вещи птице)

Громко кричащая, о (своем) сотворении оповещающая,  
(Она) направляет **речь, как** рулевой – лодку.

*hāriḥ srjānāḥ pathyām ṛtāsya*  
*iyarti vācam aritā iva nāvam* / (9, 95, 2)

Буланый (конь), выпущенный по пути закона,  
Направляет **речь, как** рулевой – лодку.

*prá indrāgnībhyām suvacasyām iyarmi*  
*sindhau iva prá īrayam nāvam arkaiḥ* / (10, 116, 9, к Индре)

Для Индры и Агни я **красноречие** посылаю.  
По реке, **словно** двигаю лодку гимнами.

*prá te nāvaṃ ná sámāne vacasyúvam*  
*bráhmaṇā yāmi sávaneṣu dādhr̥ṣiḥ* / (2, 16, 7, к Индре)

К тебе (посылаю), **как ладью**, на состязании **красноречивую**  
(песнь).

С молитвой иду на выжимания (сомы), дерзкий.

Лодка = божество:

*ā sūryaḥ aruhat śukrām árṇaḥ*  
*áyukta yát harítaḥ vītápr̥ṣthāḥ* /  
*udnā ná nāvam anayanta dhīrāḥ*  
*āsr̥ṇvatīḥ āpaḥ arvāk atiṣṭhan* // (5, 45, 10, ко всем богам)

Сурья поднялся на светлое море (т.е. небо),  
Когда запряг он прямоспинных буланых.  
**Как** по воде лодку, вели (его) мудрые.  
Прислушивающиеся воды здесь встали.

*ví yát ájrān ájatha nāvaḥ īm yathā*  
*ví durgāṇi marutaḥ ná áha riṣyatha* // (5, 54, 4, к Марутам)



Когда через поля движетесь, **словно ладьи**,  
(И) через труднодоступные места, о Маруты, (вы) конечно не  
страдаете.

*áṁhasaḥ yátra pī́párat yáthā naḥ*  
*nā́vā́ iva yā́ntam ubháye havante* // (3, 32, 14, к Индре)

Чтобы он (Индра) спас нас тогда от несчастий.  
**Как** к плывущему **на лодке** оба взывают (к нему).

Лодка = земля:

*ámāt eṣām bhiyásā bhū́miḥ ejati*  
*naúḥ ná pūrṇá́ kṣarati vyáthiḥ yatí́* / (5, 59, 2, к Марутам)

Перед натиском их от страха земля волнуется.  
**Как** полная **ладья**, плывет она, шатко идущая.

Лодка = милость богов:

*indrasya iva rātím ājóhuvānāḥ*  
*svastáye nā́vam iva á ruhema* (10, 178, 2, к Таркшье).

Как о милости Индры умоляющие,  
Для счастья **как на ладью** пусть мы взойдем.

Этим гимном обращаются к мифическому скаковому коню Таркашье с просьбой о победе на соревновании колесниц; победа в скачках здесь сравнивается с удачным плаванием на корабле. О состязательных гимнах в Ригведе см.: Топоров 2012: 24 сл.

## 2. Лодка в метафорах

В этой группе контекстов слово *navi-* является, как правило, метафорой ритуала жертвоприношения, исполняемого в соответствии с данным гимном для получения милости того или иного божества, или же той самой милостью, которую даруют боги в ответ на исполнение обряда<sup>15</sup>. Следует отметить, что

<sup>15</sup> В Шатапатха-брахмане есть контексты, где жертвоприношение и гимн напрямую называются кораблем: *naur ha vā eṣā svargyā yadagni-hotram tasyā etasyai nāvah svargyāyā āhavanīyaścaiva gārhapatyāśca naumanḍe athaiṣa eva nāvājo yatksīrahotā* (2, 3, 3:15) ‘**Агнихотра** (т. е. жертвоприношение Агни) – это ведь небесная **ладья** (т. е. доставляющая на небо); Ахавания и Гархапатья (названия священных огней) – это две боковые стороны (или: два руля – Macdonell, Keith 1995<sup>2</sup>: 120) небесной ладьи, а жертвователю молока – это кормчий’. *naur ha vā eṣā svargyā yadbahispavamānam tasyā ṛtvija eva sphyaścāritrāśca svargasya lokasya sampāraṇāstasyā éka evá majjayitā yá evá nindyáḥ ...* (4, 2, 5, 10)

чаще всего в ведических текстах жертвоприношение сравнивается с колесницей (*ratha-*), реке – с повозкой (*ánas-*), птицей (*váyas-*, *pakṣin-*), речью (*vāc-*) или с человеком (*puruṣa-*). При этом, по-видимому, в большинстве случаев эти метафоры подчеркивают быстроту достижения конечной цели (Spargeboom 1985: 23). Лодка как метафора песнопения и соотношение «мастерить лодку» – «сочинять песнь» в древнеиндийской, древнегреческой, латинской и скандинавской поэтических традициях рассматриваются в монографии М. Л. Уэста (West 2007: 38–41).

**а) *nāvam* + (*ā*)-*ruh-* ‘взойти на корабль’**

*yáyā áti víśvā duriṭā tárema*  
*sutármāṇam ádhi nāvam ruhema* // (8, 42, 3)

(С помощью) которой через все беды пусть мы переправимся,  
На хорошо перевозящую ладью да взойдем мы!

Здесь автор обращается к Варуне с просьбой помочь ему создать гимн, который обеспечил бы ему спасение от несчастий; *ruhema* – 1 л. мн. ч. оптатива презенса активного залога<sup>16</sup>.

*rājā síndhūnām avasiṣṭa vāsa*  
*ṛtāsya nāvam āruhad rájiṣṭhām* / (9, 89, 2)

Царь рек надел одежду,  
(Он) на ладью закона взошел, самую прямоидушую.

В гимне описывается обряд приготовления Сомы и смешивание его с водой; здесь его эпитет – «Царь рек» (*rājā síndhūnām*); *ṛtāsya nāvam* – ладья закона; вероятно, имеется в виду, что приготовление священного напитка производится в строгом соответствии с *ṛtā-* ‘порядок’. Глагольная форма *āruhad* (*ā-ruh-*) демонстрирует как раз один из тех нередких в ведийском языке случаев, когда невозможно разграничить имперфект и аорист – это может быть как 3 л. ед. ч. имперфекта инд. акт. (6 класс), так

---

‘Бахишпавамана (одна из разновидностей гимнов) – это ведь небесная ладья, жрецы – ее рули (или: мачты – Eggeling 1885: 311) и весла, ведущие ее в небесный мир; даже один достойный порицания [жрец] ее топит...’.

<sup>16</sup> Айтарея-брахмана так комментирует этот стих (AB. 1, 13, 29):  
*yajño vai sutarmā nauḥ, kṛṣṇājinaṃ vai sutarmā naur, vāg vai sutarmā naur; vācam eva tad āruhya tayā svargaṃ lokam abhi saṃtarati* ‘Жертва ведь – хорошо-переправляющая ладья, шкура черной антилопы ведь – хорошо-переправляющая ладья, речь ведь – хорошо-переправляющая ладья; на речь поднявшись тогда с нею небесный мир достигают’.

и 3 л. ед. ч. аориста индикатива актива (корневой тематический аорист).

*pr̥thak prá āyan prathamāḥ deváhūtayaḥ  
ákr̥ṇvata śravasyāni duṣṭárā /  
ná yé śekúḥ yajñíyām **nāvam ārúham**  
īrmā evá té ní aviśanta képayāḥ // (10, 44, 6)*

Отдельно вперед пошли первые молитвы  
Они сделали славные деяния непобедимыми.  
Те, кто не смогли на жертвенную **ладью подняться**,  
Сюда они отправились трепещущие.

В этом гимне, обращенном к Индре, «взойти на жертвенную ладью» очевидно значит «совершить жертвоприношение правильно и вовремя». Глагольная форма *ārúham* – винительный инфинитив.

*daívīm **nāvam** svaritrām ánāgasam  
ásvantīm **ā ruhēmā** svastáye // (10, 63, 10 = AV. 7, 7, 1)*

На божественную ладью с хорошими веслами, безгрешную,  
Непротекающую, пусть взойдем мы для счастья.

Гимн ко всем богам; здесь божественная ладья – это милость и защита богов.

*ūrdhvā yát te tretinī bhūd  
yajñásya dhūrṣú sádman /  
sajūḥ **nāvam** sváyaśasam sácā ayóḥ ! // (10, 105, 9)*

Когда ввысь поднялось для тебя тройное пламя (алтаря)  
В дышлах жертвы на (их) сиденье,  
Вместе с этими двоими (ты восходишь) **на корабль**,  
обладающий собственным великолепием

(Перевод Т. Я. Елизаренковой).

Этот гимн, обращенный к Индре, сложен для интерпретации. Т. Я. Елизаренкова (Ригведа 1999: 508) вслед за Гельднером считает, что «корабль» здесь – это колесница Индры, которому зажгли три жертвенных костра, а двое – это кони, впряженные в колесницу. Здесь глагол (ā)-guh- опущен.

*á yád **ruháva** váruṇás ca **nāvam**  
prá yát samudrám īráyāva mádhyam / (7, 88, 3).*

Когда мы двое **восходим на корабль**: Варуна и (я),  
Когда выводим (корабль) на середину океана...

Автор гимна Варуне Васиштха таким образом выражает особую милость к себе Варуны.

**б) *nāvam* + *rā-* ‘дарить, давать лодку’**

*rāthāya nāvam utá naḥ grhāya*  
*nityāritrām padvátīm rāsi agne!*  
*asmākam vīrān utá naḥ maghónaḥ*  
*jānān ca yá pāráyāt śárma yá ca || (1. 140, 12)*

Колеснице **ладью**, а также нашему дому,  
 Со своими веслами и с ногами **подари**, о Агни,  
 Которая бы наших мужей, а также наших покровителей  
 и людей переправила и (была бы) защитой!

Здесь самоходная ладья символизирует защиту и спасение, которые дарует Агни.

**в) *nāvam* + *kr-* ‘делать лодку’**

*mandrā kr̥nudhvam dhíyaḥ ā tanudhvam*  
*nāvam aritrapāraṇīm kr̥nudhvam / (10, 101, 2).*

Приятными сделайте, мысли натяните,  
**Ладью**, на веслах перевозящую, **сделайте**.

Гимн адресован жрецам, совершающим обряд; «ладья с перевозящими веслами» здесь – это жертвоприношение. В этом же гимне обращение жрецов к богам определяется как «приводить в порядок оружие и держать его наготове», «запрягать плуги с сеялками», «надевать хомуты», «бпрсать зерно в землю» и др.

**г) *nāvi* + *ā-dhā-* ‘помещать на лодку’**

*vásiṣṭham ha váruṇaḥ nāvi ā dhāt*  
*īṣim cakāra svápāḥ máhobhiḥ /*

Васиштху ведь Варуна **на корабль посадил...** (7, 88, 4).  
 Мудрецом (его) сделал мастер чудесными (своими силами),

Здесь корабль символизирует особую милость Варуны к Васиштхе – Варуна приблизил его к себе и наградил мудростью и знаниями, сделав риши.

*yám kumāra prá ávartayaḥ*  
*rātham víprebhyaḥ pári /*  
*tám sāma ánu prá avartata*  
*sám itáḥ nāvi āhitam || (10, 135, 4).*

Которую, о мальчик, ты покати  
 Колесницу от жрецов,  
 За ней вслед песнопение катилось,  
 Здесь оно **на корабль** было помещено.

Исследователи считают, что сюжет данного гимна не совсем ясен; обращен он к Яме. Вдохновенные, т. е поэты-жрецы, отправили богам жертвоприношение и песнопение, которые представляются как колесница и корабль.

д) *nāvā + ā-yā-* ‘прибывать на лодке (лодкой)’

*ā naḥ nāvā matīnām*  
*yātām pārāya gántave /*  
*yuñjāthām aśvinā rátham // (1, 46, 7)*

Сюда **на ладье** наших мыслей,  
**Приезжайте**, (чтобы) на другой берег отправиться.  
 Запрягайте, о Ашвины, колесницу!

Гимн призывает Ашвинов на жертвоприношение. В интерпретации Гельднера – Ашвины прибывают через какое-то водное пространство и они должны благополучно переправить жертвователей на другой берег (через опасности или через ночь к следующему утру) (Ригведа 1989: 570).

### 3. Разбитая лодка

Образ разбитой, гибнущей лодки в Ригведе встречается только однажды:

*mā naḥ samasya dūḍhyàḥ*  
*páridveśasaḥ amhatīḥ /*  
*ūrmīḥ ná nāvam ā vadhīt // (8, 75, 9, к Агни)*

Пусть не сразит нас беда  
 Из-за какого-нибудь врага-злоумышленника  
**Как** волна (разбивает) **лодку!**

В более поздних ведийских текстах этот образ также встречается редко. Так, в Атхарваведе есть один пример (5, 19, 8; разбор и комментарии к этому стиху см. Огибенин 2012: 401), который можно соотнести с широко распространенной в европейской литературе метафорой «государство-корабль»:

*tád vai rāṣṭrām ā sravati nāvam bhinnām iva udakām /*  
*brahmāṇam yátra hímsanti tād rāṣṭrām hanti duchúnā //*

И оно царство заливает, **как разбитую лодку** вода.  
Брахману где вредят, то царство поражает несчастье.

Гопатха-брахмана, относящаяся к Атхарваведе, также содержит пример подобной сравнительной конструкции (в данном пассаже речь идет о том, что жертвоприношение не должно быть недобросовестным):

*tasya pramādād yadi vāpy asāṃnidhyād yathā bhinnā naur agādhe mahaty udake samplaven matsya-kacchapa-śiṃśumāra-nakramakara-purīkaya-jaṣa-rajasa-piśācānām bhāgadheyam bhavaty evamādīnām cānyeṣām vinaṣṭopajīvinām* (AV, GB, 2, 2, 5) – (Тот, кто) из-за своей небрежности или же отсутствия (на жертвоприношении) **как разбитая лодка** в бездонной огромной воде утонет, его ждет судьба рыб, черепах, морских свинок, крокодилов, морских чудищ и живущих в темноте злых духов, а также таких и других, им подобных, питающихся падалью.

\* \* \*

Для полноты обзора следует отметить, что в небольшой группе контекстов Ригведы слово *nau-* не является фигурой речи, а употребляется в своем прямом значении. В основном это случаи ссылок на мифологические сюжеты, связанные с мореплаванием, при этом полностью мифы нигде не излагаются. Прежде всего, это миф о Бхуджью, сыне Тугры, который в дальнем плавании оказался один, брошенный посреди моря<sup>17</sup>. Его спасли Ашвины, которых он молил о помощи. Спасение Бхуджью в разных гимнах описывается по-разному: Ашвины «вывезли его на одушевленных / плывущих по воздуху, водонепроницаемых ладьях» (1, 116, 3); «везли Бхуджью домой / взошедшего на стовесельную ладью» (1, 116, 5); «создали среди вод для сына Тугры / этот одушевленный крылатый челн» (1, 182, 5); «Сына Тугры... / спасают четыре ладьи, посланные / Ашвинами, привыкшие к качке» (1, 182, 6)<sup>18</sup>.

<sup>17</sup> Всего в гимнах Ригведы встречается 18 упоминаний этого мифа; о нем существует обширная научная литература, см.: Николаев 2012: 41–42.

<sup>18</sup> Миф о Бхуджью, потерпевшем кораблекрушение среди океана, некоторые исследователи интерпретируют как свидетельство существования дальних морских экспедиций и даже военных походов в ведические времена (Chakravartī 1930: 646–647). При этом важно, что, как отметил Н. Эттингер, аналогичный миф о спасении утопающего Пауравы имеется в древнеиранской традиции – в Авесте (Yt. 5, 61–63), что свидетельствует об индоиранской древности этого мифа (Oettinger

Кроме того, в одном гимне упоминается, что Пушан странствовал по воздушному океану в золотых челнах (6, 58, 3), хотя его основным средством передвижения была колесница с запряженными в нее козлами (6, 55, 3–6; 6, 57, 3; 6, 58, 2 и др.), а еще в одном гимне, обращенном к Варуне, среди прочих многих достоинств бога, говорится, что он «...знает след птиц, / Летающих по воздуху, / Знает челны морские» (1, 25, 7).

\* \* \*

В Ригведе есть единичная форма косвенного падежа *nāvám* (Ac. sg. m.), которую принято не связывать с *nau-* ‘лодка’, а интерпретировать как производную от основы *nāvá-* ‘хвалебная песнь, торжествующий крик (MW)’ (от корня *ni-* ‘восхвалять’); при этом она оказывается омонимичной соответствующей падежной форме от основы *nau-*:

*té naḥ nāvám uruṣyata*  
*dívā náktam sudānavah* / (8, 25, 11).

Ту нашу **песню расширяйте** (?)  
Днем и ночью, о вы с прекрасными дарами!

Еще одна падежная форма, возводимая к этому же корню *ni-* ‘восхвалять’ – *nāvāḥ* (N. pl. m.), не полностью совпадает с именительным падежом множественного числа *nāvaḥ* ‘лодки’. Больше форм от основы *nāvá-* ‘хвалебная песнь’ не встречается, вероятно, это слово можно считать гапаксом.

*sám ī sák<sup>h</sup>āyaḥ asvaran*  
*vāne krīḷantam átyavim* /  
*índum nāvāḥ anūṣata* // (9, 45, 5).

Вместе его друзья воспевали  
В деревянном (сосуде) играющего (и) бегущего,  
Сому **песни воспевали**.

Здесь *nāvāḥ anūṣata* ‘песни воспевали’ – *figura etymologica*; глагол *anūṣata* – 3 pl. Aor. Ind. Med. (sa-аорист от корня *ni-* ‘восхвалять’).

Как было показано выше, *nau-* ‘корабль’ неоднократно встречается в Ригведе как метафора гимна, хвалебной песни. При этом для лексики Ригведы отмечается нечеткость границ между омонимией и полисемией. Таким образом, вероятно,

---

1988), а, следовательно – и о давнем знакомстве индоиранцев с мореплаванием.

рассмотренные формы *nāvát* (8, 25, 11) и *nāvāḥ* (9, 45, 5), возводимые к основе *nāvá-* ‘хвалебная песнь’, являются иллюстрацией к наблюдению Т. Я. Елизаренковой о том, что некоторые омонимические пары, по-видимому, возникли в ведийском языке в результате метафорически мотивированной полисемии (Елизаренкова 1982: 63). В словаре Мониер-Уильямса *нау-* = *vās* ‘речь’ приводится (со ссылкой на Нирукту Яски) как одно из значений слова *нау-* ‘корабль’, а не в отдельной словарной статье (MW: 571).

\* \* \*

Таким образом, для слова *нау-* в Ригведе характерно преимущественно метафорическое употребление. В целой группе контекстов слово *лодка* выступает как метафора гимна, ритуала жертвоприношения, слова, речи. В этом отношении она аналогична ведийской колеснице: «*rátha* – колесница, но не только реальная; она все то, что способно к выражению смысла как к “переводу” его из одной сферы или узуса в другую» (Елизаренкова 1995: 501). О связи лодки и колесницы см. также Braarvig 1997. Второе метафорическое значение лодки – милость, благожелательность или помощь божества, которые можно получить, должным образом его ублажив. Достаточно часто встречаются и сравнительные конструкции, включающие в себя в качестве объекта сравнения слово *нау-*, наиболее употребительные из которых – две близкие по значению: *nāvā ná síndhum par- naḥ áti- duritā* ‘как лодкой через воду переправь нас через беды’ и *apáḥ ná nāvā duritā tarema* ‘словно воды лодкой да пересечем мы трудности’.

В целом для слова *нау-* ‘корабль, лодка’ в подавляющем большинстве случаев характерна положительная символика этого образа как средства спасения, милости богов и т. п., что, несомненно, указывает на его связь с мифом о Потопе и ковчеге. В этом отношении Ригведа заметно отличается от более поздних текстов, где широко используется образ гибнущей лодки как символа несчастья, ср., один из многих примеров из Махабхараты (8, 36, 40): *vartamāne tadā yuddhe ghora-rūpe sudāruṇe / vyaśīdat kauravī senā bhinnā naur iva sāgare* ‘В том суровом и грозном бою гибло войско кауравов / **как (гибнет) в океане разбитая лодка**’ (о сравнении в эпосе см.: Васильков, Невелева 1988: 152–175).

Сравнение с лодкой не относится к группе поздних по происхождению «бытовых» (по классификации О. М. Фрейденберг,



1946: 101), здесь объектом сравнения является не простая лодка, а мифический ковчег, средство спасения от гибели и несчастий, которое посылает божество в награду за праведное поведение. В этом отношении ведические тексты имеют много общего с эпическими, где, по наблюдениям Я. В. Василькова, мифологические сравнения, в которых объектом являются мифологические образы и сюжеты, составляют самую многочисленную группу среди всех типов сравнений в Махабхарате, в отличие от гомеровских текстов<sup>19</sup>, где мифологические персонажи могли быть только субъектами сравнения (Васильков 2010: 52–86)<sup>20</sup>.

<sup>19</sup> Ср.: «Бросается в глаза, что во всяком развернутом сравнении есть два плана – мифологический и реалистический. Замечательна закономерность их координаций: мифологично всегда сравниваемое, реалистично всегда сравниваемое» (Фрейденберг 1946: 107).

<sup>20</sup> Илиаде и Одиссее в силу особенностей их сюжетов само по себе слово *ναῦς* ‘корабль’ встречается часто и в большом числе случаев оно бывает включено в устойчивые формульные словосочетания типа «существительное + эпитет (+ предлог)». М. Пэрри отмечает 23 постоянных эпитета для слова *ναῦς* в таких формулах (Parry 1971: 109–113), что совершенно расходится с положением дел в Ригведе, где употребление *navi-* с эпитетами представлено только единичными случаями. При этом у Гомера *корабль* выступает в своем прямом предметном значении, фигуральное употребление для него совсем не характерно. Едва ли не единственный случай, когда корабль включается в развернутое сравнение, обнаруживается в XV книге Илиады, где бой Гектора с данайцами сравнивается с морской бурей, а страх в сердцах воинов – со страхом тонущих мореплавателей (Hom. II. 15):

αὐτὰρ ὃ λαμπόμενος πυρὶ πάντοθεν ἔνθορ' ὀμίλῳ,  
 ἐν δ' ἔπεσ' ὥς ὅτε κῦμα θεῆ ἔν νηὶ πέσῃσι  
 625 λάβρον ὑπαὶ νεφέων ἀνεμοτρεφές; ἦ δέ τε πᾶσα  
 ἄχνη ὑπεκρῦφθη, ἀνέμοιο δὲ δεινὸς ἀήτη  
 ἰστίῳ ἐμβρέμεται, τρομέουσι δέ τε φρένα ναῦται  
 δειδιότες: τυτθὸν γὰρ ὑπ' ἐκ θανάτοιο φέρονται:  
 ὧς ἐδαΐζετο θυμὸς ἐνὶ στήθεσσιν Ἀχαιῶν.

Он же, сияющий окрест огнем, налетел на фалангу;  
 Грозен упал, как волна на бегущий **корабль** упадает,  
 Мощная, бурей из туч возвращенная; весь потрясенный,  
 625 Пенной корабль покрывается; шумное бури дыханье  
 В парус гремит, и трепещут сердца корабельщиков бледных,  
 Страхом объятых; они из-под смерти едва уплывают, –  
 Так сердца трепетали в груди благородных данаев.

(Перевод Н. И. Гнедича)

### Литература

- АВ – Атхарваведа (Шаунака): В 3-х томах / Пер., вступ. ст., комм. и прил. Т. Я. Елизаренковой. М.: Вост. лит., 2005 (= Серия «Памятники письменности Востока». Вып. СXXXV, ч. 1).
- Брагинский 1988 – Брагинский В. И. Суфийский символизм корабля и его ритуально-мифологическая архетипика (к историко-поэтологическому изучению топики) // Проблемы исторической поэтики литератур Востока. М.: «Наука», 1988. С. 198–242.
- Бухарин 2007 – Бухарин М. Д. Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря»: текст, перевод, комментарий, исследования. СПб.: Алетейя, 2007.
- Васильков 2010 – Васильков Я. В. Миф, ритуал и история в «Махабхарате». – СПб.: «Европейский Дом», 2010.
- Васильков, Невелева 1988 – Васильков Я. В., Невелева С. Л. Ранняя история эпического сравнения (на материале VIII книги «Махабхараты») // Проблемы исторической поэтики литератур Востока. М., 1988. С. 152–175.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. 1-2. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984.
- Герценберг 1972 – Герценберг Л. Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л.: Наука, 1972.
- Герценберг 2010 – Герценберг Л. Г. Краткое введение в индоевропеистику. СПб.: Нестор-История, 2010.
- Елизаренкова 1960 – Елизаренкова Т. Я. Аорист в «Ригведе». М.: Издательство восточной литературы, 1960.
- Елизаренкова 1982 – Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. М.: Наука, 1982.
- Елизаренкова 1989 – Елизаренкова Т. Я. Ригведа – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М.
- Елизаренкова 1993 – Елизаренкова Т. Я. Язык и стиль ведийских риши. М.: Восточная литература РАН, 1993.
- Елизаренкова 1995 – Елизаренкова Т. Я. Мир вещей по данным Ригvedы // Ригведа. Мандалы V–VIII. М., 1995.
- Елизаренкова 2012 – Елизаренкова Т. Я. О названиях реки в Ригведе // *Indologica*. Сборник статей памяти Т. Я. Елизаренковой. Кн. 2 / сост. Л. Куликов, М. Русанов. М., 2012. С. 539–550 (*Orientalia et Classica*. Труды Ин-та вост. культур и античности РГГУ, вып. XL).
- Казанский 1998 – Казанский Н. Н. Диахронический аспект изучения эпической формулы // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998. С. 325–351.
- Казанский, Фролов 2010 – Казанский Н. Н., Фролов Э. Д. «Государство-корабль»: история одной метафоры // Русская судьба крылатых слов / отв. ред. В. Е. Багно. — СПб.: Наука, 2010.
- Кочергина 1978 – Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь / Под ред. В. И. Кальянова. С приложением «Грамматического очерка санскрита» А. А. Зализняка. М.: Русский язык, 1978.
- Николаев 2012 – Николаев А. С. «Гимн Диоскурам» Алкея // Аристей, V. 2012. С. 27–53.

- Огибенин 2012 – Огибенин Б. Водные преграды и другие препятствия в ведийской мифологии и буддийской сотериологии // *Indologica*. Сборник статей памяти Т. Я. Елизаренковой. Кн. 2 / сост. Л. Куликов, М. Русанов. М., 2012. С. 397–422 (*Orientalia et Classica*. Труды Ин-та вост. культур и античности РГГУ, вып. XL).
- PВ 1989–1999 – Ригведа. [В 3 т.] / Пер. Т. Я. Елизаренковой (Серия «Литературные памятники»). М.: Наука, 1989–1999.
- Топоров 1982 – Топоров В. Н. Потоп // *Мифы народов мира*. Т. 2. М.
- Топоров 2012 – Топоров В. Н. Пиндар и Ригведа. Гимны Пиндара и ведийские гимны как основа реконструкции индоевропейской гимновой традиции. М.: РГГУ, 2012.
- Фрейденберг 1946 – Фрейденберг О. М. Происхождение эпического сравнения (на материале Илиады) // *Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филол. наук*. Л., 1946. С. 101–113.
- Apte 1957 – Apte V. Sh. *The practical Sanskrit-English dictionary*. Poona: Prasad Prakashan, 1957–1959. 3v.
- AV – Atharva-Veda Saṃhitā. Śaunaka Recension. TITUS Text collection / V. Petr, P. Vavroušek, J. Gippert // <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/ind/aind/ved/av/avs/avs.htm>
- Braarvig 1997 – Braarvig J. Horses and Ships in Vedic and Old Greek Material // *Journal of Indo-European Studies*. Vol. 25, 1997. P. 345–352.
- Bühler 1882 – Bühler G. (trans.). *The Sacred Laws of the Āryas*. SBE Vol. 14, 1882 [Part 2: Vāsiṣṭha and Baudhāyana].
- Chakravarti 1930 – Chakravarti P. Ch. Naval Warfare in ancient India // *The Indian Historical Quarterly*. Vol. 4, No. 4, 1930. P. 645–664 (<http://ccbs.ntu.edu.tw/FULLTEXT/JR-ENG/cha.htm>).
- Dahl 2005 – Dahl E. Polymorphic thematic root presents in Vedic and the origin of the thematic conjugation // *Naṭṭāhaptāitiṣ: Festschrift for Fridrik Thordarson on the occasion of his 77th birthday / edited by Dag Haug and Eirik Welø*. Oslo: Novus, 2005. S. 57–72 (Instituttet for sammenlignende kulturforskning. Serie B, Skrifter; 116).
- Ducoeur 2008 – Ducoeur Gu. Passing through Flood Waters in Vedic Thought // *Journal of Indo-European Studies*. Vol. 36, 2008. P. 67–78.
- Eggeling 1882, 1885 – *The Satapatha Brahmana / translated by Julius Eggeling*. Parts 1–2 // *Sacred Books of the East*. Vol. 12, 1882; vol. 26, 1885.
- EIEC 1997 – *Encyclopedia of Indo-European culture / Eds. Mallory J., Adams D. Q.* London; Chicago: Fitzroy Dearborn, 1997.
- EWAia – Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Bd. I–III. Heidelberg: C. Winter, 1986–2001.
- Geib 1975 – Geib R. Die Formel āyus prá ṭṛ im Ṛg-Veda // *Indo-Iranian Journal*. 1975. Vol. 16. S. 269–283.
- Gonda 1957 – Gonda J. The Vedic concept of amhas // *Indo-Iranian Journal*. Vol. 1, N. 1, 1957. P. 33–60 (= *Selected Studies*. Vol. II. *Sanskrit Word Studies*. Leiden, 1975).
- Gonda 1960 – Gonda J. *Ellipsis, brachylogy and other forms of brevity in speech in the Rgveda*, Amsterdam Acad., 1960.
- Grassmann 1873 – Grassmann H. *Wörterbuch zum Rig-Veda*. Leipzig, 1873 (= Delhi, 1999).

- Hainsworth 1968 – Hainsworth J. B. *The Flexibility of the Homeric Formula*. Oxford: Clarendon Press, 1968.
- Karttunen 1989 – Karttunen K. *India in Early Greek Literature*. Helsinki, 1989 (= *Studia Orientalia*. Vol. 65).
- KEWA – Mayrhofer M. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, Bd 1–4. — Heidelberg: C. Winter, 1956–1980.
- Klaus 1989 – Klaus K. *Die Wasserfahrzeuge im vedischen Indien // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur 1989/13*. Stuttgart: Steiner, 1989. 39 p. (Рец.: *Sprache* 34/2, 1988–90 (1991), 417–418. R. Schmitt).
- Kuhn 1853 – Kuhn A. *Ueber die durch nasale erweiterte verbalstämme // Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*. 1853. T. 2. S. 455–471.
- Kwella 1973 – Kwella P. *Flussüberschreitung im Rigveda RV. III. 33 und Verwandtes*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1973.
- Lindqvist 2011 – Lindqvist U. *Rigvedic Formulas and Meter // [http://www.academia.edu/464452/Rigvedic\\_Formulas\\_and\\_Meter](http://www.academia.edu/464452/Rigvedic_Formulas_and_Meter)*
- LIV<sup>2</sup> – *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. Unter Leitung von H. Rix ... bearbeitet von M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer, 2. Auflage. Wiesbaden: Reichert. 2001
- Lubotsky 2012 – Lubotsky A. *The Vedic paradigm for ‘water’ // Adam I. Cooper, Jeremy Rau, Michael Weiss (eds.). Multi Nominis Grammaticus: Studies in Classical and Indo-European Linguistics in Honor of Alan J. Nussbaum on the Occasion of his Sixty-fifth Birthday Ann Arbor – New York: Beech Stave Press, 2013. P. 159–164.*
- Lüders 1951– Lüders H. *Varuṇa*. Vol. 1: *Varuṇa und die Wässer*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1951.
- Macdonell 1897 – Macdonell A. A. *Vedic Mythology*. Strassburg: Verlag von K. J. Trübner, 1897 (Grundriss der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde, III. Band, 1. Heft A).
- Macdonell 1910 – Macdonell A. A. *Vedic Grammar*. Strassburg, 1910.
- Macdonell, Keith 1995<sup>1-2</sup> – Macdonell A. A., Keith A. B. *Vedic Index of Names and Subjects*. Vol. I–II. London, 1912 (1st ed.). Reprint: Delhi, 1995.
- MW – *Sanskrit-English Dictionary / Sir M. Monier Williams (1st Ed., 1899)*.
- Mookerji 1912 – Mookerji R. K. *Indian Shipping: A History of Sea-Borne Trade and Maritime Activity of the Indians from the Earliest Times*. Calcutta, 1912 (книга неоднократно переиздавалась в Индии).
- NIL – *Nomina im Indogermanischen Lexikon*. Dagmar S. Wodtko, Britta Irslinger, Carolin Schneider. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 2008.
- Oettinger 1988 – Oettinger N. *Zu den Mythen von Bhujyu- und Pauruua- // Indo-Iranian Journal*. Vol. 31, N. 4, 1988. P. 299–300.
- Parry 1971 – Parry M. *The Making of Homeric Verse: The Collected Papers of Milman Parry*, edited (and partly translated) by Adam Parry. New York; Oxford: Oxford University Press, 1971.
- Pokorny 1959 – Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern: Francke, 1959.
- PWG – Otto Böhtlingk, Rudolph Roth. *Sanskrit-Wörterbuch*. St. Petersburg, 1852–1875. T. I–VII.

- Renou 1952 – Renou L. Grammaire de la langue védique. Lyon; Paris, 1952.
- Russo 1976 – Russo J. A. “Is ‘Oral’ or ‘Aural’ Composition the Cause of Homer’s Formulaic Style?” // Oral Literature and the Formula / Stolz B. A., Shannon R. S. (eds.). Ann Arbor: University of Michigan Press, 1976. P. 31–54.
- RV – Ṛgveda-Saṃhitā. TITUS Text collection / J. Gippert // titus.uni-frankfurt.de/texte/ etcs/ind/aind/ved/rv/mt/rv.htm
- SB – Satapatha-Brahmana, Madhyamdina recension (input by H.S. Ananthanarayana & W. P. Lehman) // GRETEL – Göttingen Register of Electronic Texts in Indian Languages and related Indological materials from Central and Southeast Asia ([http://fiindolo.sub.uni-goettingen.de/gret\\_utf.htm#SatBr](http://fiindolo.sub.uni-goettingen.de/gret_utf.htm#SatBr)).
- Schmitt 1967 – Schmitt R. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden: Harrassowitz, 1967.
- Shields 1997 – Shields K. The Origin of the Vedic 2nd Sing. Imperative in -SI // Indo-Iranian Journal. Vol. 40, N. 2, 1997. P. 149–155.
- Sparreboom 1985 – Sparreboom M. Chariots in the Veda. Leiden: Brill, 1985 (Memoirs of the Kern Institute, Leiden, 3).
- Vine 1977 – Vine B. On the metrics and origin of Rig-Vedic *ná* ‘like, as’ // Indo-European Studies III / Ed. C. Watkins. Cambridge, Massachusetts, 1977. P. 641–685 (= Indo-Iranian Journal. Vol. 20, N. 3–4, 1978. P. 171–193).
- Watkins 1972 – Watkins K. Une désignations indo-européenne de l'eau // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. T. 67, fasc. 1. P. 39–46.
- Watkins 1995 – Watkins C. How to kill a dragon: aspects of Indo-European poetics. Oxford; New York: Oxford University Press, 1995.
- West 2007 – West M. L. Indo-European Poetry and Myth. Oxford, 2007.
- Whitney 1885 – Whitney W. D. The Roots, Verb Forms, and Primary Derivatives of the Sanskrit Language. A Supplement to his Sanskrit Grammar. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1885.
- WP I-III – Walde A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Herausgegeben und bearbeitet von Julius Pokorny. de Gruyter, Berlin u. a. 1927–1932.

### E. R. Kryuchkova. *Nauḥ* ‘ship, boat’ in Rigveda

In most of nearly 40 Rigvedic contexts containing *nauḥ* ‘ship, boat’, this word appears figuratively – as a metaphor (for a hymn, ritual etc.) or as an object in comparative constructions, such as *nāvā́ ná síndhum par- nah́ áti duritā́* ‘bear us as in a boat across a river over all dangers’ or *apáh ná nāvā́ duritā́ tarema* ‘may we pass dangers, as with a boat (we cross) the waters’. In general, the image of a boat expresses the idea of something favourable to a person who prays for help or mercy and thus it may be traced back to the Deluge myth. On the contrary, the image of a *bhinnā nauḥ* ‘broken ship’ as a symbol of *death, downfall* predominates in later Vedic texts, as well as in epic literature (e.g. in Mahabharata).

*Keywords:* Rigveda, *nauḥ* ‘ship, boat’, *nāvā́ ná síndhum par- nah́ áti duritā́*, *apáh ná nāvā́ duritā́ tarema*, the Deluge myth.

Л. И. Куликов

## ОБЩЕИНДОАРИЙСКИЕ СИБИЛЯНТЫ В АТХАРВАВЕДЕ: ЗАМЕТКИ ПО ВЕДИЙСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Данная статья посвящена фонологическому явлению, упоминаемому уже в конце XIX в. (работы У. Д. Уитни, М. Блумфильда, Я. Вакернагеля), которое однако никогда не было предметом специального исследования, – смешение дентального и палатального сибиллянтов ( $s/\acute{s}$ ), засвидетельствованное в Атхарваведе, как в формах *asyate* (АВ-Шаун. 5.19.5) – пассив глагола *aś* ‘есть’ или *vāsitā-* ‘корова в течке’ (корень *vāś* ‘мычать, реветь’). Материал Орисских рукописей рецензии Пайппалада, поступивший теперь в распоряжение санскритологов, позволяет обосновать систематический характер двух противоположных фонетических изменений,  $\acute{s} > s$  и  $s > \acute{s}$ . В данной статье демонстрируется регулярный характер этих двух процессов в определенных фонологических контекстах и показано, что их следует рассматривать как один из важнейших признаков диалекта Атхарваведы.

*Ключевые слова:* индоарийские языки, ведийский язык, санскрит, Атхарваведа, пракрит, кашмири, диалект, сибиллянт, пассив

### 1. Предварительные замечания: к изучению древнеиндоарийских диалектов

Проблема древнеиндоарийских (ведийских) диалектов все еще далека от своего решения. Особенности отдельных ведийских текстов неоднократно отмечались санскритологами, и теперь в нашем распоряжении имеется подробный каталог лингвистических особенностей (морфологических, синтаксических и стилистических характеристик) различных ведийских школ и/или текстов (Witzel 1989). Статья М. Витцеля тщательно фиксирует, например, различия в использовании времен (перфект, имперфект), упадок инфинитивов на *-toḥ* в ведийской прозе за исключением школы Айтарея (там же, с. 155 сл.), особенности в использовании частиц и т. д.

Многое, однако, остается неясным в отношении (социо-)лингвистического статуса этих вариаций. Поскольку уже в эпоху брахман ведийский больше не был языком повседневного общения, такие различия между поздними ведийскими текстами справедливо трактуются как отражающие предпочтения соответствующих брахманских школ, нежели реальные лингвистические изменения. В некоторых случаях такого рода особенности обусловлены авторитетом каких-либо более древних

текстов (обычно самхит), относящихся к той же традиции; иногда они могут просто отражать индивидуальные стилистические предпочтения авторов и редакторов соответствующего текста. С другой стороны, они могли также передавать особенности языка, используемого авторами и редакторами соответствующих брахман, араньяк и т. д. в повседневной жизни, – т. е. черты среднеиндоарийских языков и диалектов (пракритов). Таким образом, эти различия часто расцениваются как особенности передачи древнеиндийских текстов носителями среднеиндийских языков, а не как различия между древнеиндийскими диалектами. Эта точка зрения косвенно поддерживается тем обстоятельством, что мы находим очень мало – или вовсе никаких – фонологических различий между ведийскими текстами и школами. В то время как морфологический инвентарь претерпевает ряд изменений (некоторые образования становятся более продуктивными, ср. каузативные презенсы с суффиксом *-áya-* и пассивные презенсы с суффиксом *-uá-*; другие становятся более редкими или полностью исчезают, ср. корневые имена, субъектив, императив аориста и перфекта и т. д.), фонологическая система остается практически неизменной со времен РВ. В сущности, единственное признаваемое всеми фонетическое соответствие – это интервокальное *!* в диалекте Ригvedы, соответствующее *d* в большинстве других ведийских текстов.

Тем не менее, можно, по-видимому, указать еще одну группу фонетических соответствий, отличающих один из древнейших ведийских диалектов – диалект Атхарваvedы – от других разновидностей древнеиндийского языка.

## 2. Смещение *s/ś* в Атхарваведе: предварительные замечания

Ниже будет рассматриваться фонологическое соответствие, которое уже упоминалось в конце 19 столетия (см. Whitney 1885: 278; Bloomfield & Spieker 1886; Wackernagel 1896 [AiG I]: 225 сл.), но до настоящего времени не стало предметом детального анализа. Я. Вакернагель указывает несколько примеров смещения дентальных и палатальных сибилантов (*s/ś*), засвидетельствованных в Атхарваведе (Шаунакия): *śúśyati* [recte: *śúśyati* РВ +] ‘сохнет’, caus. *śośáyati*, aor. *pyāśiṣīmahī* (*pyā* ‘набухать’), *ruśatī* (recte *rúś°*) ‘вредящий’, pass. *asyate* (5.19.5) (*aś* ‘есть, кушать’), *vāśī* ‘острый нож’, *vāsitā* ‘корова в течке’, *sāru* ‘стрела’ (~ РВ и т. д. *śāru*), *°srāṇa-* в *arusrāṇa-* (название определенного целебного средства) (~ *śrā* ‘варить’). К форме *pyāśiṣīmahī* А. Кюни (Cuny 1906–08) добавляет еще один

оптатив сигм. аориста, *vaṁśiṣṭya* (AB 9.1.14, 16.9.4). Несколько форм из АВ были добавлены М. Блумфилдом и Ф. Эджертоном во 2-ом издании их *Vedic variants* (1932: 144 сл.), а также А. Дебруннером в его Дополнениях к древнеиндийской грамматике Вакернагеля (1957: 125 сл.).

Материал, собранный Вакернагелем, слишком ограничен, чтобы можно было сделать какие-либо определенные выводы о характере этого явления; данные единственной дошедшей до нас Кашмирской рукописи Пайппалады, которая была единственным источником информации об этой рецензии до обнаружения Ориских рукописей, также мало чем могли помочь. По-видимому, большинство ведологов предполагало, что смешение *s/ś* – довольно позднее явление, относящееся к эпохе завершающего редактирования текста, и отражает особенности языков брахманов, которые сохранили традицию АВ в среднеиндийский период. Это предположение, похоже, поддерживается тем обстоятельством, что рефлексы древнеиндийских сибилантов совпали во многих среднеиндийских диалектах; подробнее об этом см. ниже.

Теперь, когда в нашем распоряжении имеется гораздо более надежный материал рецензии Пайппалада, сохранившийся в Ориских рукописях, целесообразно было бы вновь обратиться к проблеме древнеиндийских сибилантов. Ниже я попытаюсь описать условия двух противоположных изменений, т.е. *ś > s* и *s > ś*. Будет показано, что есть серьезные основания считать эти изменения регулярными фонетическими процессами, а не случайными колебаниями.

### 3. *ś > s* перед *i/y*

Уже беглый анализ материала показывает, что *s* особенно часто заменяет *ś* в позиции перед *i/y*. Ниже дан репрезентативный список примеров (упорядоченных по корням).

• *aś<sup>i</sup>* ‘есть’

– pass. *asyá<sup>-te</sup>* / (*aśyá<sup>-te</sup>*) (AB +) (см. Kulikov 2012: 51 сл.):

AB-Шаун. 5.19.5<sup>1</sup> *asyate* (Zimmer 1879: 201 и вслед за ним У. Д. Уитни в своем переводе: Whitney/Lanman 1905, ad loc.: <sup>+</sup>*aśyate*; см. тж. Ved.Var. II, 146, § 278);

AB-Шаун. 12.5.37<sup>2</sup> *aśyámānā* ~ AB-Пайпп.-Кашм. 16.144.9 *asy<sup>o</sup>*;

<sup>1</sup> *tr̥ṣyám piśítám asyate* ‘тяжело естся ее (т.е. брахманской коровы) приготовленное мясо’.



АВ-Пайпп.-Ор. 5.40.1d = 6.22.9c = 16.71.6c *asyamānaḥ*<sup>3</sup>.

– ger. *āsyà-* (АВ +):

АВ-Шаун. 7.68.2 *ās̥yām* (Whitney/Lanman 1905, ad loc. <sup>+</sup>*āsy*<sup>o</sup>)  
‘тот, кого надлежит съесть’

• *ṛśya-* ‘самец, разновидности антилопы’ (РВ +):

АВ-Шаун. 5.14.3 mss. *ṛśyasya*, *rīsy*<sup>o</sup>, *rīsy*<sup>o</sup>, изд. Whitney  
*ṛśyasya*.

Об этой форме см. ниже, § 4.1.2.

• *kaśyá-* ‘бок лошади’ (АВ–КаушС):

АВ-Шаун. 18.3.17 (~ КаушС 84.10) *kasyé*.

Форма *kasyé* встречается в АВ 18.3.17 *kasyé mṛjānā áti yanti rīprám* (эта строка цитируется также в Каушика-сутре). Это место, вызвавшее затруднение у всех переводчиков, было правильно объяснено Й. Мейером (Meyer 1939: 76). Мейер предположил, что исходная форма была *\*kaśyé*, то есть асс. du. от основы *kaśya-* (которая, согласно РВ II, 187, засвидетельствована только индийскими лексикографами) и означает ‘бока [хтонической, волшебной] лошади’ (‘Flanken des [chtonischen, zauberischen] Pferdes’).

• *vāś* ‘мычать, реветь’

– -ya-презентс (IV класс) *vāśya-<sup>te</sup>* (*lvāśya-<sup>te</sup>*) (АВ +) (см. Kulikov 2012: 359 сл.):

АВ-Шаун. 12.5.20 *vāśyamāna-*, v.l. *vāśy*<sup>o</sup> ~ АВ-Пайпп.-Кашм. 16.142.6 ms. *vācy*<sup>o</sup>, изд. Barret <sup>+</sup>*vāśy*<sup>o</sup>;

АВ-Пайпп. 5.31.1 Ор. *vāsyate*, Кашм. *vācy*<sup>o</sup>; изд. Barret, изд. Bhattacharya <sup>+</sup>*vāśy*<sup>o</sup> (~ КаушС 62.21 *vāśy*<sup>o</sup>);

АВ-Пайпп. 7.6.7 Ор., изд. Bhattacharya *ā ... vāsyatām, ā vāsyantām*, Кашм. *vādhy*<sup>o</sup> и *vābhy*<sup>o</sup> соотв.; изд. Barret <sup>+</sup>*vāśy*<sup>o</sup>.<sup>4</sup>

<sup>2</sup> *āvartir aśyámānā* [АВ-Пайпп.-Kashm. *ārtir asy*<sup>o</sup>] ‘[брахманская королева] – разрушение, когда (она) поедается...’

<sup>3</sup> *sa me mā kṣeṣya sadam asyamānaḥ* ‘пусть эта моя [рисовая каша], хотя и постоянно поедаемая, не иссякнет’. Кашмирская рукопись последовательно читает *iṣyamānaḥ* во всех трех случаях. Хотя это чтение и возможно и при таком понимании: ‘пусть эта моя [рисовая каша], хотя и всегда желаемая...’, оно представляется вторичным. В соответствующей мантре рецензии Шаунакия (4.34.8) мы находим на этом месте другой глагол: *sá me má kṣeṣya svadháyā pínvamānaḥ* ‘пусть эта моя [рисовая каша] не иссякнет, набухая свадхой’.

<sup>4</sup> *ā tvā śísur vāsyatām ā kumāra ' ā vāsyantām dhenavo nityavatsāt* ‘пускай теленок замычит по направлению к тебе, пускай малыш [замычит] по направлению к [тебе]; пускай коровы, всегда тельные, замычат по направлению к [тебе].’

Таким образом, во всех четырех случаях, когда в АВ встречается презенс  $vā́śya^{-te}/vā́śya^{-te}$ , дентальный *s* появляется или во всех рукописях (не считая ошибочных чтений кашмирской рукописи), или, по крайней мере, как одно из разночтений (в АВ-Шаун. 12.5.20).

–  $vā́śitā$ - ‘корова в течке’ (АВ +):

АВ-Шаун. 5.20.2b:<sup>5</sup> mss.  $vā́sitām$ , изд. Roth/Whitney  $^{+}vā́sitām$  (см. перевод Уитни, Whitney/Lanman 1905, ad loc.) = АВ-Пайпп.-Ор. 9.27.2b mss.  $vā́sitām$ , изд. Bhattacharya  $^{+}vā́śi^{\circ}$  (= АВ-Пайпп.-Kashm. 9.24.2b  $vā́śi^{\circ}$ ) = АВ-Пайпп.-Ор. 1.55.1d mss. и изд. Bhattacharya  $vā́sitām$ , АВ-Пайпп.-Кашм.  $vā́śi^{\circ}$ ;

АВ-Пайпп. 6.10.1  $vā́śitā$ , v.l. (Ор.)  $vā́śi^{\circ}$ ;

АВ-Пайпп. 6.10.6 mss.  $vā́sit[ā]$ , Кашм. (?) и изд. Bhattacharya  $vā́śi^{\circ}$ ;

АВ-Пайпп. 6.10.9 mss.  $vā́sitā$ , Кашм. (?) и изд. Bhattacharya  $vā́śi^{\circ}$ ;

АВ-Пайпп. 6.10.4 mss.  $vā́sitām$ , Кашм. (?) и изд. Bhattacharya  $vā́śi^{\circ}$ ;

АВ-Пайпп. 6.10.4 Ор. и изд. Bhattacharya  $vā́sitām$ , Кашм.  $vā́dyatām$ , изд. Barret  $^{+}vā́śi^{\circ}$ ;

АВ-Пайпп. 8.20.4 Ор. mss.  $vā́sitām$ , Кашм.  $vā́ṣitām$ , изд. Bhattacharya, изд. Barret  $^{+}vā́śi^{\circ}$ ;

АВ-Пайпп. 6.10.7 mss.  $vā́sitāyā$ , Кашм. (?) и изд. Bhattacharya  $vā́śi^{\circ}$ ;

АВ-Пайпп. 6.10.8 mss.  $vā́sitāyā[m]$ , Кашм. (?) и изд. Bhattacharya  $vā́śi^{\circ}$ ;

•  $vā́śī$ - ‘нож, топор’ (РВ +):

АВ-Шаун. 10.6.3: mss., изд. Roth/Whitney  $vā́śyā$  = АВ-Пайпп.-Кашм. 16.42.3 ms.  $vā́śyā$ , Whitney/Lanman 1905, ad loc. и изд. Barret  $^{+}vā́śyā$  ‘с ножом’.

•  $śā$  ‘точить’

– през.  $ś_{(i)}yā^{-ti} / ś_{(i)}yā^{-ti}$  (РВ 1.130.4<sup>2x</sup> +) (см. Kulikov 2012: 675 сл.):

АВ-Шаун./АВ-Пайпп. 3.19.2 mss.  $sām ... śiyāmi$ ;<sup>6</sup>

<sup>5</sup>  $abhikrandann ṛṣabho vā́sitām iva$  ‘словно буйвол, ревуший на корову в течке’.

<sup>6</sup>  $sām ahām eṣām rāṣṭrām śiyāmi$  ‘я заостряю (= делаю сильнее) их царскую власть ...’

АВ-Шаун./АВ-Пайпп. 3.19.5 *sám syāmi*<sup>7</sup> (Weber (1885: 271), Whitney (1893: 90 и Whitney /Lanman 1905, ad loc.) и изд. Bhattacharya +*syā*<sup>o</sup> в обоих случаях);

АВ-Пайпп.-Ор. 6.1.5 mss. *sam ... syāmi* (~ РВ 10.120.5 = АВ-Шаун. 5.2.5 = АВ-Пайпп.-Кашм. *sám ... śisāmi*; это чтение принято также в издании Бхаттачарья).

• *śī* ‘падать’

– -*ya*-презенс *sīya-te* / *śīya-te* (АВ +) (см. Kulikov 2012: 434 сл.):

АВ-Пайпп. 6.15.3 *sīyate*<sup>8</sup> (Кашм. *śa cīyate*, изд. Edgerton, и, вслед за ним, изд. Raghū Vira ошибочно эмендируют +*śacīpate*)

В АВ-Шаун. 18.3.60 этот -*ya*-презенс засвидетельствован с палатальным сибилантом (*śīyatām*).

На первый взгляд, материал, представленный выше, не позволяет постулировать фонетическую закономерность. В то время как *s* почти всегда замещает *ś* в *asyá-te*, *vāśya-te*, *śyá-ti*, дентальный никогда или лишь в редких случаях появляется в том же самом фонологическом контексте в некоторых других формах, таких как рг. *náśya-ti* ‘погибать’, *ráśya-ti/te* ‘видеть’, pass. *drśyá-te* ‘быть видимым’. Это обстоятельство было, вероятно, одной из главных причин того, что изменение *ś* → *s* никогда не рассматривалось как регулярное фонетическое соответствие, наблюдаемое, в частности перед *i/y*, а скорее как свидетельство общего смешения этих двух сибилантов. С моей точки зрения, однако, сохранение палатального в этих формах легко объясняется влиянием соответствующих форм Ригvedы. *náśya-ti*, *ráśya-ti/te*, *drśyá-te* и т. д. засвидетельствованы в РВ, и таким образом должны были быть известны авторам и редакторам АВ. Напротив, большая часть перечисленных выше форм с дентальным впервые появляются в АВ (*asyá-te* / (*aśyá-te*), *āsyā-*, *kasyá-*, *vāśya-te* / (*vāśya-te*), *vāsitā-*, *śīya-te*). Презенс -*śyá-ti* встречается в РВ лишь дважды, в одной-единственной строфе в поздней I мандале (1.130.4). Что же касается слова *vāśī-* ‘нож, топор’, оно довольно часто встречается в РВ (8 раз), но в инструменталисе не засвидетельствовано.

<sup>7</sup> *eṣām ahām āyudhā sám syāmi* ‘я заостряю их оружие’.

<sup>8</sup> *yas te sītābhagaḥ kṣetre ' yā rāddhir yas ca sīyate* ‘то из твоего [зерна], что является долей борозды (= принадлежит борозде) в поле, то, что было успешным, и то что упало...’ (см. Kulikov 2012: 436).

4.  $s > ś$ 

Фонологические условия палатализации дентального сибиллянта не удается сформулировать так же однозначно, как для противоположного процесса ( $ś > s$ ). По-видимому, существовало по меньшей мере два контекста, где происходило это изменение.

4.1.  $s > ś$  после/перед  $r$ 

$ś$  особенно часто замещает  $s$  после или перед  $r$ , в том числе и в тех случаях, когда их разделяет гласный.

4.1.1. перед  $r$ • *sṛṇā-* ‘серп’ (РВ +)

АВ-Шаун. 3.17.2 = АВ-Пайпп. 2.22.1 mss. [ $ś$ ]ṛṇyàs (~ РВ 10.101.3, изд. Roth/Whitney, изд. Bhattacharya sṛṇyàs)

Эта форма встречается в цитате из РВ 10.101.3d *nédīya it sṛṇyàs rakvām éyāt* ‘пусть зрелый [колос] еще приблизится к серпу’. В АВ в конце пады появляется другой глагол, *á yavan*, т. е. ‘may the sickle draw in the ripe [grain] yet closer’ (Whitney). Все рукописи читают *íc(c)ṛṇyàs* (Ор. также *íc(c)hu°*), т. е. результат применения сандхи к *íd śr°*.

• *sraṃs* ‘распадаться’

АВ-Шаун. 4.16.7 mss. *śraṃsayitvā, śraṃś°* = АВ-Пайпп. 5.32.8 Ор. *śraṃś°*, Кашм. *śamsītyā* (Whitney/Lanman 1905, ad loc.; см. также Jamison 1983: 136, сноска 66) <sup>+</sup>*sraṃsayitvā* (каузативное деепричастие; см. также Bloomfield & Spieker 1886: схх; Ved.Var. II, 145, §277);<sup>9</sup>

АВ-Шаун. 9.3.2 mss. *sraṃsayāmi, sraṃśay°* = АВ-Пайпп.-Кашм. 16.39.2 *sraṃś°*.

• *srīv / śrīv* ‘выкидывать, делать аборт’

АВ-Шаун. 6.73.2 caus. *śrīvayāmi* ~ АВ-Пайпп. 19.10.11 *śrevayāmi* ‘я выкидываю’. Корень *srīv (śrīv)* ‘выкидываться, погибать’ (о нерождающихся зародышах; см. Narten 1964: 282 сл.) засвидетельствован и с дентальным, и с палатальным сибиллянтом. Хотя индоевропейский этимон и параллельные формы вызывают некоторые сомнения, вариант с палатальным, вероятно, является вторичным (см. Mayrhofer, EWAia II, 787). Вариант с дентальным засвидетельствован в РВ (7.18.8: caus. *sreváyant-*; см. Jamison 1983: 145) и Айтарея-брахмане

<sup>9</sup> *ástām jālmá udāraṃ sraṃsayitvā* ‘пусть злодей сидит, разворотив свой желудок...’

(4.22.4: -ya-презенс *srīvyanti*); вариант с палатальным появляется, помимо АВ, в Майтраяни-Самхите (*śrīvyeyur*, *śrévuka*-4.6.9:92.12; см. Kulikov 2012: 650 сл.).

• *sru* / (*śru*) ‘течь’

Вторичный вариант корня *sru*, *śru* ‘течь’ (не смешивать с омонимичным *śru* ‘слышать’!), появляется в нескольких дериватах, на основе которых РВ VII, 383 даже постулирует особый корень <sup>2</sup>*śru* (см. также Wackernagel 1896 [AiG I]: 226). Дериваты корня <sup>2</sup>*śru* впервые встречаются в АВ. Засвидетельствованы следующие формы:

*pariśrút-* (f.), опьяняющий напиток (~ РВ *pariśrút-* ‘обтекающий’); см. Ved.Var. II, 144, §275:

АВ-Шаун. 20.127.9 *pariśrútam*;

АВ-Шаун. 3.12.7 mss. *pariśrútam*, *pariśrút°*, изд. Roth/Whitney *pariśrútam* = АВ-Пайпп. 3.20.6 *pariśrut°*, Кашм. *pariśrt°*;

*sámśruta-* ‘слившийся’:

АВ-Шаун. 1.3.6 = АВ-Пайпп. 1.4.3 *sámśrutam* (Шаун. v.1. *°śritam*), см. Weber 1858: 396; Bloomfield & Spieker 1886: схх.

4.1.2. после r

(*°r*)-*ś-* (← (*°r*)-*ṣ-*) (в сигматических аористах)

• *dr̥* / (*dṛ̥*) ‘рвать’

АВ-Шаун. 5.2.7 *darśati* ~ АВ-Пайпп. 6.1.6 *darśate* (~ РВ *darṣate*), Кашм. *śarśáte*; см. Ved.Var. II, 152, § 292.

Форма встречается в цитате из РВ 10.120.6с *á darṣate śávasā saptá dánūn* ‘он силой разорвет на части семь дану’. В рукописях обеих рецензий, Шаун. и Пайпп., обнаруживаем палатальный вместо ретрофлексного. Исходная форма несомненно была *darṣate* (aor.subj. от *dr̥*), как в РВ. В Пайпп. не обнаруживается больше никаких отличий от первоначального чтения РВ, а в Шаун. предложение видоизменено: *á darṣati śávasā bhār̥yojāh*. Уитни, по его собственному выражению, «рабски» (“servilely”) следует этому чтению, интерпретируя форму как образованную от корня *dr̥ś* ‘видеть’: ‘may he look on with might, he of much force’.

• *spr̥* ‘спасать’

АВ-Шаун. 3.11.2 mss. *áspārśam* (~ РВ *áspārṣam*); см. Ved.Var. II, 151, §292.

Форма встречается в цитате из РВ 10.161.2d *áspārṣam enaṁ śatásāradāya* ‘Я спас его (для жизни) на сто осеней’. Изд. Roth/Whitney следует РВ, вопреки чтению, засвидетельствованному почти во всех рукописях (см. Whitney/Lanman 1905, ad

loc.) и принятому в переводе Уитни ('I have won him ...'). Напротив, Блумфильд и Эджертон (Ved. Var. II, 151, § 292) пытались следовать реально засвидетельствованному чтению, рассматривая данную форму как дериват корня *sprś* 'трогать', что, как и при интерпретации Уитни, приводит к довольно натянутому переводу: 'I have touched him with (life of) a hundred autumns'. В любом случае, как отмечают сами авторы, "the form is highly anomalous".

Оба приведенных примера (квалифицируемые Й. Нартен [Narten 1964: 247, сноска 753] как случаи "Schreibung *-rś-* statt *-rṣ-*"; см. тж. там же, с. 145 сл., 281) совершенно аналогичны. В обеих формах *s* изменился в *ś* после *r* в диалекте АВ,<sup>10</sup> что сделало эти формы морфологически непрозрачными и привело к переосмыслению соответствующих предложений, а в АВ-Шаун. 5.2.7 – даже к его перестройке. Отметим, что корни *spr* 'спасать' и *dr* 'рвать' практически вышли из употребления в АВ: *dr* вовсе не встречается в личных формах, а *spr* засвидетельствован только в рг. *sprñuhi* (АВ-Шаун. 8.3.7, цитата из РВ 10.87.7). Из-за того что эти формы оказались в изоляции, не будучи поддержаны парадигмой (см. Narten 1964: 145 сл., 281), указанные ригведийские формы могли быть вторичным образом ассоциированы с корнями *spr* 'трогать, касаться' и *drś* 'видеть' – даже несмотря на неясные значения, к которым привела такое переосмысление. Для сравнения укажем корень *bhr* 'нести', который хорошо засвидетельствован в АВ и, скорее всего, по этой причине (а также ввиду отсутствия гипотетического корня *\*\*bhrś*) его сигматический аорист, дважды встречающийся в АВ-Шаун. (4.13.5, в рукописи *ābhāriṣam* 'я принес'; 6.52.3, в рукописи *ābhārṣam*, v.l. *ābhāriṣam* id.), сохранил ретрофлексное *ṣ*. Отметим, однако, что в обоих случаях перед *ṣ* появляется вторичное *i*, даже несмотря на нарушение размера (см. Whitney ad 6.52.3; Debrunner 1957 [AiG, Nachtr. zu I]: 33; Narten 1964: 95, сноска 237). Того же рода, вероятно, *i* в *rīṣya-* (v.l. *īśya-*); см. выше, § 3. Наконец, сюда же может относиться субъюнктив сигматического аориста *pariṣat*, засвидетельствованный в МС 3.2.4:20.8, также вопреки размеру (ср. *parṣat* в Тайттирия-самхите). Вместо того, чтобы объяснять эти формы как вызванные изменением *-rṣ-* > *-riṣ-* в разговорном языке ("volkssprachliche

<sup>10</sup> Это объяснение представляется более вероятным, нежели предложенное Нартен (Narten 1964: 281) объяснение палатального сибиланта в *āspārśam* как обусловленного прогрессивной ассимиляцией к *śatāśārādāya* в конце пады.

Entwicklung *-rṣ-* > *-riṣ-*”; см. Wackernagel 1896 [AiG I]: 56 сл., §51; Narten 1964: 247), я бы предположил, что анапктическое *i* помогло ослабить палатализирующее влияние предшествующего *r*; иными словами, носителям диалекта АВ было легче произносить *riṣ*, нежели *-rṣ-* / *-rṣ-*.

*ruś* (< \**ruṣ* ?) ‘сердиться’

Наряду с причастием *rúśant-* ‘сверкающий’, хорошо засвидетельствованным в РВ и АВ, та же самая форма встречается в контексте, который, по-видимому, исключает вышеупомянутое значение:

(АВ-Шаун. 3.28.1cd)

*yátra vijáyate yamínyu apartúḥ ' sá paśán kṣiṇāti riphatī rúśatī*

Уитни и Ланман (Whitney/Lanman 1905, ad loc.) связывали эту форму с корнем *ruṣ* ‘сердиться’ (который засвидетельствован в РВ только презенсом I класса *roṣa-*<sup>n12</sup>), что предполагает одну из следующих эмендаций: <sup>+</sup>*rúṣyatī* или <sup>+</sup>*ruṣatā́*. Этот фрагмент можно было бы в таком случае предположительно перевести следующим образом: ‘Где телится [корова] приносящая двойню, вне сезона, она (= корова) уничтожает скот, с ревом, рассерженная.’<sup>13</sup>

Первая из двух эмендаций (которую Ланман считал предпочтительной по метрическим соображениям), вероятно, позволяет правдоподобно объяснить нашу форму. Можно предположить, что *rúśatī* возникло в результате двух противоположных тенденций. С одной стороны, *s* обычно изменяется в *ś* после *r*; с другой стороны, *śu* должно было бы измениться в *su* (см. §3). Этот конфликт двух противоположных тенденций мог разрешиться за счет исчезновения *u* после *ś*. Таким образом, атхарваведийская форма *rúśatī* может отражать активный *-ya-*презенс

<sup>12</sup> Позднее это редкое образование встречается также в Айтарей-брахмане (1x в мантре) и в Джайминия-Упанишад-брахмане (1x); см. Gotō 1987: 276 сл.

<sup>13</sup> Аналогично Weber 1885: 297 (‘unwirsch’), Bloomfield 1897: 145 (‘cross’). Ср. перевод этого фрагмента и комментарий Т. Я. Елизаренковой (Елизаренкова 2005: 166, 423): ‘Где она телится двойней без времени, / (Там) губит она скот, хрипящая, отвратительная’. Иначе интерпретирует эту форму Т. Гото (Gotō 1987: 273, сноска 627): ‘sie (eine Zwillingsskuh) vernichtet die Haustiere, die knurrende, glänzende’; см. также Gotō 1987: 277, сноска 640.

\**rúṣya-ti*, который обычно считается послеведийским (эп.+; см. PW VI, 389; Gotō 1987: 277 и сноска 639). Существование этого *-ya*-презенса в ведийском косвенно подтверждается системными соображениями: (1) Значение эмоциональных и физических состояний ('радоваться', 'сердиться', 'быть голодным', и т. д.) типично для активных презенсов IV класса;<sup>14</sup> отметим, что значительная часть этих презенсов впервые засвидетельствована в АВ.<sup>15</sup> (2) Пара *roṣa-ti* (PB +) // *ruṣya-ti* (\*АВ, эп. +) имеет несколько парадигматических параллелей: *śóca-ti* (PB +) 'сверкать' // *śúcyā-ti* (ШпБ<sup>1x</sup>, ДжБ<sup>1x</sup>) 'страдать, испытывать боль'; *sādha-ti/te* (PB, МС<sup>m</sup>) // *sídhya-ti* (PB<sub>1</sub> +) 'быть успешным'; *hárṣa-ti* (PB-АВ) // *-hrṣya-ti* (PB<sub>x</sub> +) 'возбуждаться'.<sup>16</sup>

4.1.3. В заключение следует упомянуть несколько форм, которые могут оказаться релевантными для данной дискуссии, невзирая на неясную этимологию и не вполне определенные условия палатализации *s*:

• *dūrsá-* (разновидность тканой одежды) (АВ) (~ поздн. скр. *dūṣya-*)

<sup>14</sup> Ср., напр., Whitney 1889: 273, §761a; Delbrück 1897: 34 сл..

<sup>15</sup> *kūpya-ti* АВ<sup>1x</sup> (+) 'быть в гневе', *kṣúdhyā-ti* PB<sub>1</sub> + 'быть голодным', *drúhya-ti* АВ-Пайпп.+ 'быть вероломным, обманывать', *rúpya-ti* АВ-Пайпп.+ 'испытывать боль', и т. д.; подр. см. Kulikov 2012: 724, 756.

<sup>16</sup> Еще две формы, обнаруженные за пределами эпического санскрита, которые, возможно, отражают презенс *ruṣya-ti*, засвидетельствованы в брахманах и сутрах:

(1) в мантре, зафиксированной в Гопатха-брахмане (1.5.24:138.8), начинающейся словами *māyūṃ daśaṃ māruśastāḥ* ... (так в ed. Gaastra), где последняя цепочка может содержать инъюнктив (*mā ruś[y]as tāḥ* ...), как предположил Шарма (Sharma 1959/60: 230), предположительно переводя эту фразу как 'verletze sie (?) nicht' (более вероятным кажется перевод: 'не гневайся на них ...');

(2) в поздней мантре традиции Яджурведы, зафиксированной в Манава-Грихья-сутре (2.7.1) *śveto ruśatyō vidadhāti*, переводимой М. Дрезденом (Dresden 1941: 131) как 'the white (one) puts asunder the injuring (ones)...'. Презенс VI класса корня *ruṣ* (\**ruśá-ti*?) больше нигде не встречается; Ф. Кнауэр, в Глоссарии к своему изданию Манава-Грихья-сутры предлагает эмендацию <sup>+</sup>*ruśa*<sup>o</sup>.

Смысл обоих фрагментов не вполне понятен, и остается неясным, может ли за этими двумя фрагментами скрываться *-ya*-презенс *ruṣya-ti*. Отметим, однако, что поздняя Гопатха-брахмана относится к традиции АВ, и появление этого атхарваведийского презенса в ее тексте представляется весьма вероятным; еще более поздняя Манава-Грихья-сутра принадлежит к школе Майтраяни, которая обнаруживает ряд общих черт с (диалектом) АВ (см. §7).



Это существительное засвидетельствовано в ведийском лишь дважды:

АВ-Шаун. 4.7.6 = АВ-Пайпп. 2.1.5 *dūrśébhīr* (Op. *dūruśe°* [*°rśe°?*], *dūrśe°*, Кашм. *duruse°*);

АВ-Шаун. 8.6.11 = АВ-Пайпп. 16.80.1 *dūrśāni* (Кашм., согласно Уитни [Whitney/Lanman 1905, ad АВ-Шаун. 8.6.11] *durisāni*, по Баррету *mūrisāni*).

*dūrśā-* обычно сопоставляется с позднесанскр. *dūśya-* разновидность одежды; его этимология, обсуждавшаяся Барроу (Burrow 1970: 48 сл.; см. тж. критику Майрхофера – Mayrhofer, EWAia I, 740), остается неясной. Соответствие АВ *-rś-* ~ позднесанскр. *-śy-* может указывать на вторичный характер палатального сибиланта в АВ.

• *riśā-* (\**riśā-*?) АВ

Эта форма встречается только в АВ-Шаун. 11.9.15 *antaḥpātré rérihatīm 'riśām durnihitaiṣṅīm*. Уитни оставляет ее без перевода ('... the *riśā*, licking much in the inner vessel, seeking what is ill-deposited...'); PW VI, 350 сл. связывает ее с корнем *riś* 'рвать' ('die Rupfende, Zerrende'). По-видимому, это существительное обозначает каких-то вредоносных тварей, что делает вероятной его связь с корнем *riṣ* 'терпеть ущерб, вредить'.

4.1.4. Две формы из списка Вакернагеля, процитированные в §2, на первый взгляд могут показаться контрпримерами к сформулированному выше правилу: *sāru-* 'стрела' (~ РВ и т.д. *śāru-*), *°srāva-* в *arusrāva-*. Однако, как отметил Дебруннер (Debrunner 1957 [AiG, Nachtr. zu I]: 127), в большинстве мест, где слово *sāru-* встречается в АВ, в рукописях засвидетельствован ожидаемый палатальный, и таким образом АВ-Шаун. 5.25.1 *sārau* оказывается изолированным примером нерегулярного написания. Что же касается *arusrāva-* (АВ-Шаун. 2.3.3, 5) 'целитель ран', его связь с корнем *śrā* 'становиться готовым' является по меньшей мере неочевидной. В любом случае, эта форма не вполне ясна; отметим, что в стихе рецензии Пайпп., соответствующем (АВ-Шаун. 2.3.5), АВ-Пайпп. 1.8.3, засвидетельствована форма *arusyāna-* (Кашм. *aruspāna-*).

Кроме того, немногочисленные примеры с *s* вместо ожидаемого *ś* после или перед *r*, или, наоборот, *ś* вместо ожидаемого *s* перед *i/y*, возможно, могут быть объяснены как гипер-ригведизмы. Редакторы гимнов и заговоров АВ, которым была известна эта фонетическая особенность их диалекта, отличающая его от (стандартного) диалекта РВ, в редких случаях могли намеренно

заменять *ś* на *s* перед или после *r* (или *s* на *ś* перед *i/y*). Сюда могут, в частности, относиться:

– АВ-Шаун. 7.66.1 (= АВ-Пайпп. 20.32.10) *ásravan* (с дентальным в большинстве рукописей, включая АВ-Пайпп.-Кашм.) вместо *áśravan* ‘они услышали’<sup>17</sup> (см. Whitney/Lanman 1905, ad loc.; Ved.Var. II, 146, §278);

– АВ-Шаун. 18.4.49 *vásīyas* вместо *váśīyas* (упомянутое в Bloomfield & Spieker 1886: схх), являющееся контрпримером к правилу, сформулированному в §3.

#### 4.2. Частичная ассимиляция перед *ṣ*

Другой фонологический контекст, который, по-видимому, благоприятствовал изменению *s* > *ś*, – это позиция перед *ṣ*. Сюда относятся, в частности, несколько корней, которые не существовали в ведийском с дентальным сибилантом, однако в рукописях они представлены именно в таком написании. На вторичный характер палатального указывают родственные формы за пределами индоарийского.

##### • *śuṣ* ‘сохнуть’

рг. *śúṣya*-<sup>ti</sup> (PB +), caus. *śoṣáya*-<sup>ti</sup> (AB +) и т.д.

Начальный палатальный имеет вторичный характер, начальное *h*- в мл.-ав. *haoṣāta*<sup>o</sup>, а также параллели за пределами индоиранского указывают на праиндоир. *\*sauṣ*; см. Osthoff 1884: 100, 494 сл.; Meillet 1905–06: 420 сл.; Lubotsky 1985; Mayrhofer, EWAia II, 658, с лит.

##### • *ślakṣvá*- ‘мягкий’ (AB +)

Начальный палатальный обычно объясняют ассимиляцией; см. Hendriksen 1938: 27 сл.; Mayrhofer, KEWA III, 396; EWAia II, 673, с лит.

##### • *-śiṣ-* (в *-siṣ*-аористах):

*vaṁśiṣīya* (АВ-Шаун. 9.1.14, 16.9.4) ‘да одержу я победу!’;

*á ... pyāśiṣīmahī* (АВ-Шаун. 7.81.5) ‘да набухнем мы!’.

Уитни эмендирует <sup>o+</sup>*siṣī*<sup>o</sup> (Whitney/Lanman 1905, ad loc.) в обоих случаях; см. тж. Ved.Var. II, 145, §277. Большинство санскритологов объясняют вторичный палатальный сибилант перед ретрофлексным как результат (частичной) ассимиляции.<sup>18</sup>

<sup>17</sup> АВ-Шаун. 7.66.1с *yád ásravan paśáva udyámānam* ‘(то) произносимое, что скот услышал ...’

<sup>18</sup> Так полагали Г. Остхофф (Osthoff 1884: 100, 494 сл.); М. Блумфильд и Э. Спикер (Bloomfield & Spieker 1886); К. Бругманн (Brugmann 1897: 1197; 1916: 414); А. Мейе (Meillet 1905-06: 420 сл. (*\*pyāśiṣīmahī* //

Несмотря на возражения Вакернагеля (“warum assimilierte man nicht zu *sus-* *-ṣiṣ-*?”), это объяснение представляется в целом верным.<sup>19</sup> Заметим, что в ранневедийском ретрофлексное *ṣ* еще не было полностью фонологизировано, и изменение *s* > *ṣ* в фонологических контекстах, для которых такое изменение несвойственно (т. е. не после *i*, *u*, *r*, *k*), было вряд ли возможно. Возможно, правильнее было бы говорить о ‘дедентализации’, нежели об ассимиляции *s* перед *ś*.

### 5. *ś* > *s*, *s* > *ś*:

#### фонетические изменения или поздние ошибки переписчика?

Резюмируя вышесказанное, можно заметить, что изменения палатального сибиланта в дентальный или наоборот, дентального в палатальный, регулярны в АВ в определенных фонологических контекстах, за исключением тех случаев, когда соответствующая форма хорошо засвидетельствована в РВ. Очевидно, мы имеем дело с регулярным фонетическим процессом, а не со спорадическим смешением двух сибилантов.

Этот факт подводит нас к следующему вопросу: как квалифицировать данное явление? Существуют две возможные интерпретации этого перехода: он может рассматриваться (i) как фонологический процесс, действовавший в ведийский период в родном диалекте составителей АВ (который кратко будет называться ‘диалектом АВ’), или (ii) как ошибка переписчиков рукописей, появившаяся через много столетий после завершения создания гимнов и заговоров АВ. В последнем случае изменения *ś* > *s* и *s* > *ś* должны отражать фонетическую особенность родного языка (или языков) брахманов, сохранявших традицию АВ, и, таким образом, относится к среднеиндоарийской или даже новоиндоарийской эпохе.

Совпадение двух или даже всех трех сибилантов действительно характерно для многих средне- и новоиндоарийских языков. Вероятно, по этой причине последнее предположение было принято многими санскритологами.<sup>20</sup> Важно отметить, что

\**pyāṣiṣīmahi* // *pyāśiṣīmahi*), которому следует А. Кюни (Cuny 1906–1908: “assimilation suivie d’une dissimilation”).

<sup>19</sup> Ср. тж. замечание Г. Остхоффа (Osthoff 1884: 494): “Von einer anähnlichung ist hierbei wohl zu reden, denn palatales sanskr. *ṣ* und cerebrales *śh* stehen sich in der articulation allerdings näher als dentales *s* und der cerebrallaut *śh* ...”.

<sup>20</sup> Такую точку зрения отстаивал, например, И. Шефтеловиц (Scheftelowitz 1907: 123 сл.; 1933), полагавший даже, что “bereits zur Zeit der

именно в рамках гипотезы, относящей эти изменения к послеведийской (и, фактически, к пост-санскритской) эпохе, эмендации типа <sup>+</sup>*ásyate*, <sup>+</sup>*śyāmi* или <sup>+</sup>*parisrút*- действительно являются необходимыми. Такое предположение вызывает, однако, серьезные возражения.

Во-первых, в некоторых из тех случаев, когда фонетическое изменение  $s > ś$  приводит к существенным изменениям смысла стиха (как, например, в обсуждавшихся выше фрагментах АВ-Шаун. 5.2.7 ~ РВ 10.120.6), придется признать, что составление/редактирование соответствующих строф следует датировать среднеиндоарийской эпохой – что очевидным образом противоречит нашим представлениям об индоарийской лингвистической хронологии. Заметим, кстати, что нам придется также эмендировать палатальный в таких формах как *darśatildarśate* и *áspārśam* (что приведет к серьезным проблемам с характеристикой процесса редактирования) – но, конечно же, не в дериватах корня *śus*, который оказывается «под защитой» авторитета РВ (где этот корень засвидетельствован несколько раз).

Во-вторых, датировка изменений  $ś > s$  и  $s > ś$  среднеиндоарийской эпохой должна быть подкреплена материалом среднеиндоарийских языков (пракритов), где, предположительно, происходили такого рода изменения. В большинстве пракритов мы, однако, обнаруживаем изменения более тривиального характера. В большинстве языков два из трех или все три древнеиндоарийских сибиланта просто совпали, ср. ср.-инд. *kesa* из *keśa*, *sata* из *śata*, и т.д. (см., напр., Bloomfield & Spieker 1886: сxxii; Pischel 1900: 163 сл.; Bloch 1934: 67 сл., 80 сл. = 1965: 70 сл., 83 сл.; Hinüber 1986: 110 сл.).

В-третьих, предполагая, что смешение сибилантов вызвано пракритским влиянием, можно было бы ожидать гораздо более многочисленные заимствования из среднеиндоарийского, – например, формы с геминатами на месте кластеров или иными характерными среднеиндоарийскими чертами.

Более правдоподобным кажется предположение о том, что изменения (а не простое смешение!) в АВ отражают самое начало общеиндоарийской тенденции, действовавшей лишь в ограниченном числе контекстов в древнеиндоарийских диалектах, но ставшей глобальной в более позднюю эпоху. По-видимому, ближайшей пост-санскритской параллелью к процессам, засви-

---

Entstehung der Hymnen des R̥gveda waren in der damaligen Volkssprache der Inder die Zischlaute ś, ṣ und s kaum zu unterschieden” (Scheftelowitz 1933: 143 [= 425]).

детельствованным в диалекте АВ, является изменение сибилантов в кашмири, отмеченное Э. Куном (Kuhn 1900). *ś* не совпадает с другими сибилантами в начальной позиции, изменяясь в *h*-, но существует две позиции нейтрализации: перед *r* и перед *i* (!), где *ś* превращается в *sh*, ср. *shrapun* ‘переваривать’ (~ скр. *śrapayati*), *shrūk* ‘поэзия’ (~ скр. *śloka*-), *shīn* ‘снег’ (~ скр. *śīna*-). Можно предположить, что эти черты кашмири возникли под влиянием какого-то северного пракрита (или пракритов), который, в конечном счете, мог быть потомком ведийского диалекта, на котором говорили редакторы АВ.

Наконец, дополнительным (хотя и косвенным) аргументом в пользу датировки засвидетельствованных в АВ изменений ведийской эпохой является тот факт, что есть и ряд других особенностей языка АВ, которые еще труднее отнести к среднеиндоарийскому периоду.

## 6. Некоторые другие (мор)фонологические процессы в диалекте АВ

### 6.1. Пассив *vṛścá*<sup>-te</sup> (~ \**vṛścya*<sup>-te</sup>)

Презентный пассив с суффиксом *-yá*-, образованный от корня *vraśc* (*vṛśc*) ‘отрезать, срубить, валить [дерево]’ (в основном засвидетельствованный с превербом *á*, с идиоматическим значением ‘делать добычей, подчинять, становиться объектом гнева’; см. Oertel 1935: 164–167 [= Kl. Schr. I, 373–376], Narten 1959: 46 сл. [= Kl. Schr. 1, 9 сл.], с лит.), лишь однажды встречается в РВ (в поздней X мандале).<sup>21</sup> В АВ, где этот пассив становится более частым, он появляется с основой *-vṛścá*<sup>-22</sup>, которую мы находим также в Майтраяни-самхите (Ved. Var. I, 51, § 87; Oertel 1935: 165 сл. [= Kl. Schr. I, 374 сл.]; Oertel 1941: 99 [= Kl. Schr. II, 1468], сноска 1; Renou 1965: 16). Ср., напр., АВ-Шаун. 12.4.6 *á sá devéṣu vṛscate* ‘он становится объектом гнева богов’; АВ-Пайпп. 9.21.6 *na ṛtuṣuv āvṛscata* [изд. Varret + *āvṛscya*<sup>o</sup>] ‘не становится добычей времен года’; ср. также АВ-Шаун. 8.3.16 *á vṛscantām*, являющееся цитатой из упоминавшегося выше стиха РВ 10.87.18.

Утрата *y* в кластере *ścy*, по-видимому, представляет собой явление, тесно связанное с депалатализацией *ś* перед *i/y*. Веро-

<sup>21</sup> РВ 10.87.18b *á vṛscyantām áditaye durévāḥ* ‘да будут злоумышленники преданы во власть Адити’.

<sup>22</sup> Акцентуированные формы этого пассива не встречаются за пределами АВ.

ятнее всего, группы палатальных согласных, оканчивающиеся на *y*, были довольно нестабильны в диалекте АВ. Однако изменение  $\acute{s} > s$  было невозможно перед *s* и после *r/r̥* (см. выше о *\*r̥ṣyant-*), и этот фонетический конфликт разрешался путем отбрасывания *y*.

#### 6.2. Акцентный сдвиг в некоторых -ya-презенсах с медиальными окончаниями

Другой (мор)фонологической особенностью языка АВ и МС является сдвиг ударения с корня на суффикс в некоторых презенсах с суффиксом -ya- и медиальными окончаниями, таких как *kṣṭya-te* (~ АВ, МС *kṣṭyá-te*) ‘погибать’, *j̥ya-te* (~ АВ, МС *j̥yá-te*) ‘терпеть ущерб’, *t̥isya-te* (~ АВ, МС *t̥isyá-te*) ‘освобождаться’ и ряде других – вероятно, в связи с растущей продуктивностью презентных пассивов с суффиксом -yá- (подробнее об этом классе глаголов см. Kulikov 1998, 2012; об акцентном сдвиге см. Kulikov 2011). Очевидно, что датировка этого акцентного сдвига среднеиндоарийской эпохой еще менее вероятна, нежели отнесение к среднеиндоарийскому периоду обсуждавшихся выше изменений  $\acute{s} > s$ ,  $s > \acute{s}$  и  $\acute{s}cy > \acute{ś}c$ .

### 7. Замечания о соотношении диалектов АВ и МС

Проблема соотношения между диалектом АВ и диалектами других самхит заслуживает специального рассмотрения и требует подробного сопоставления различий между этими текстами. Здесь мы ограничимся лишь отдельными замечаниями на эту тему.

Даже краткий список особенностей диалекта АВ, приведенный выше, свидетельствует о том, что многие из этих черт мы находим также в языке Майтраяни-Самхиты (МС): *vr̥ścá-te* вместо *\*vr̥ścyá-te* и акцентный сдвиг в некоторых -ya-презенсах с медиальными окончаниями. К этому можно добавить сходное развитие *s* перед *r* (палатализация); ср. дериваты корня *sr̥iv / śr̥iv*, засвидетельствованные в МС, которые упомянуты в § 4.1.1 (все – с палатальным сибилантом), и встречающееся в МС существительное *aśr̥ivá-* (название птицы, соответствует *asr̥ivī-* в Катхаке); см. Ved.Var. II, 145, §277. Еще одним сходством между диалектами АВ и МС является, по-видимому, анаптика гласной *i* после *r* в субъюнктивах некоторых сигматических аористов; ср. МС *pariṣat*. Есть, таким образом, определенные основания для предположения о том, что диалекты АВ и МС были достаточно близки между собой.

### 8. Диалектные признаки в поздних текстах атхарванической традиции

Несколько примеров депалатализации *ś* перед *i/u* и упрощения консонантного кластера *ścy* засвидетельствованы также в поздних текстах, относящихся к традиции Атхарваеды, таких как Каушика-Сутра (КаушС), Вайтана-Сутра (ВайтС) и Атхарваеда-Праяшчитта (АВ-Праяшч.), ср.: АВ-Праяшч. 2.4 mss. *vāsyati*, *vāsyet* (изд. Negelein *vāśy<sup>o</sup>*) (~ АВ 5.27.6, ШпБ 12.4.1.12 *vāśy<sup>o</sup>*), ВайтС 10.2 *vṛścamānam*<sup>23</sup> (изд. Garbe, Critical Notes, p. 64<sup>+</sup> *vṛścy<sup>o</sup>*). Конечно же, эти примеры не могут рассматриваться как свидетельство реальных фонетических процессов, происшедших в санскрите: к эпохе сутр ведийский уже давно не был живым языком. Более вероятно предположение о том, что авторы и редакторы этих текстов могли породить некоторые формы, имитируя фонологические особенности диалекта АВ.

Примечательны формы из Каушика-Сутры, приводимые Блумфильдом во Введении к его изданию (с. lx): *vaśīyān* вместо *vasīyān* (4.15), *suśīme* вместо *susīme* (24.13, 39.9, 76.23), *pāmsu-* вместо *pāmsu-* (27.18, 29.21), *śilāñjālā* вместо *silāñjālā* (51.16), *āsiṣpate* вместо *āsiṣyate* (3.8, 137.40), *śam* вместо *sam* (86.16), *sāmūla* вместо *sāmūla* (69.3), *viṣaye* Блумфильдом *viṣaye* (8.10), *kṛśara* вместо *kṛsara* (34.13, 34.20, 35.5, 66.16, 84.3). Кроме того, несколько примеров приводят Блумфильд и Спикер (Bloomfield & Spieker 1886: сxx): *avasasya* вместо *avaśasya* (50.8), *asiśiśu* (v.l.) вместо *aśiśiśu* (48.41), *saṃśrāvayati* (v.l.) вместо *saṃsrāvayati* (6.9, в составе мантры). Здесь мы, по-видимому, имеем дело с действительным смешением детального и палатального сибилантов, а не со сравнительно регулярными фонетическими процессами, как это имеет место в АВ. Интересно отметить, что большинство примеров Блумфильда (9 из 12)<sup>24</sup> иллюстрируют изменение детального (или ретрофлексного, являющегося рефлексом детального) в палатальный. В двух третях этих примеров (6 из 9) *ś* появляется вместо *s* перед *i* или после/перед *r*. Отметим, наконец, что Каушика-сутра часто не разделяет с АВ депалатализацию *ś* перед *i/u*. В частности, депалатализация обнаруживается, например, в цитате из АВ-Пайпп. 5.31.1 (*vāsyate*), но не в соответствующей форме Каушика-сутры (62.21 *vāśy<sup>o</sup>*). Таким образом, ситуация в Каушика-сутре оказывается

<sup>23</sup> *yūpaṃ vṛścamānam anumantrayate* ‘[он] ... обращается к срубаемому жертвенному столбу’.

<sup>24</sup> В *asiśiśu* мы находим и *s* вместо *ś*, и *ś* вместо *ṣ*.

сходной с той, которую мы обнаруживаем в кашмири (см. §5), что свидетельствует о нейтрализации общеиндоарийской оппозиции детального и палатального сибилантов (совпадение в *sh*) перед *i* и *r*.<sup>25</sup> Это предполагает, в свою очередь, что родной язык редакторов Каушика-сутры мог быть тождествен или сходен с северным прапракритом, который мог оказывать значительное влияние на кашмири.

### 9. Заключительные замечания

Эволюция сибилантов и другие фонетические процессы, наблюдаемые в диалекте АВ, представляют особый интерес в контексте изучения ведийских диалектов в связи с тем, что во время создания АВ ведийский, вероятно, был еще живым языком. В последующую эпоху, т. е. примерно с середины I тыс. до н. э., когда создавались древнейшие тексты ведийской прозы – самхиты Яджурведы, – ведийский, сохраняя статус языка ритуала и религиозной традиции, по всей видимости, перестает служить языком повседневного общения и, в конечном счете, родным (первым усваиваемым) языком пользовавшихся им брахманов – в этой функции его вытесняют ранние среднеиндоарийские диалекты.<sup>26</sup> Соответственно, лишь те изменения, которые мы наблюдаем в двух древнейших ведийских диалектах – диалектах РВ и АВ – могут рассматриваться как примеры реальной языковой эволюции. Изменения, наблюдаемые в более поздних текстах – в ведийской прозе – это изменения внутри мертвого языка, вероятно отражающие какие-то процессы в родных языках создателей и редакторов соответствующих ведийских текстов (и в этом смысле содержащие ценную информацию об этих, в большинстве случаев не засвидетельствованных текстами среднеиндийских языках), но не диахронические процессы живого языка. Именно поэтому сопоставление лингвистического материала РВ и АВ (хотя и с необходимым привлечением данных более поздних текстов) составляет, как кажется, первоочередную задачу ведийской исторической фонетической лингвистики.

<sup>25</sup> Разумеется, это не означает, что изменение  $s > ś$  было обязательным перед *i/u* и *r* в Каушика-сутре. Как и в случае с АВ (см. §3), авторитет других ведийских текстов, очевидно, препятствовал такого рода изменениям в хорошо известных и знакомых ведийских словах, так что скудные свидетельства этого гипотетического среднеиндоарийского явления могут быть обнаружены только в редких и/или новых словах.

<sup>26</sup> О социолингвистической ситуации в древней Индии, см., в частности, Kulikov 2013.



тики, решение которой позволит выявить самые ранние диалектные изоглоссы внутри древнеиндийского языка.

### Список сокращений названий текстов

АВ	Атхарваведа
АВ-Пайпп.	Атхарваведа, рецензия Пайппалада
АВ-Праяшч.	Атхарваведа-Праяшчитта
АВ-Шаун.	Атхарваведа, рецензия Шаунакия
ВайтС	Вайтана-сутра
ДжБ	Джайминия-Брахмана
КаушС	Каушика-Сутра
Кашм.	Кашмирская рукопись
МС	Майтраяни-Самхита
Ор.	Орисские рукописи
ПБ	Панчавимша-Брахмана
РВ	Ригведа
ШпБ	Шатапатха-Брахмана
эп.	эпический санскрит (Махабхарата, Рамайна)
м	в мантрах

### Издания текстов

- Atharva Veda Saṁhita / Herausgegeben von R. Roth und W.D. Whitney. Zweite verbesserte Auflage besorgt von Max Lindenau. Berlin: Ferd. Dümmler, 1924.
- Atharvaveda (Śaunaka) with the Pada-pāṭha and Sāyaṇācārya's commentary / Ed. by Vishva Bandhu [et al.]. Pt. IV. Hoshiarpur: Vishveshvaranand Vedic Research Institute, 1962. (Vishveshvaranand Indological Series 16).
- Atharvaveda Samhitā. With the commentary of Sāyanācārya / Ed. by Shankar Pāndurang Pandit. Bombay: Government Central Book Depōt, 1895–1898.
- The Paippalāda Saṁhitā of the Atharvaveda. Volume One: Consisting of the first fifteen Kāṇḍas [books I–XV]. Ed. by Dipak Bhattacharya. Calcutta: The Asiatic Society, 1997. (Bibliotheca Indica 319).
- The Kashmirian Atharva Veda, Books One–Twenty / Ed., with critical notes, by L.C. Barret, F. Edgerton (book Six) , Journal of the American Oriental Society. 1906–38. Vol. 26–58; American Oriental Series. New Haven, 1936. Vol. 9; 1940. Vol. 18.
- The Kāuṣika-sūtra of the Atharva-veda, with extracts from the commentaries of Dārila and Keçava / Ed. by M. Bloomfield. New Haven: American Oriental Society, 1890. (Journal of the American Oriental Society 14).
- Vaitāna Sūtra. The ritual of the Atharvaveda / Ed. with critical notes and indices by R. Garbe. London, 1878.

## Литература

- Елизаренкова 2005 – Атхарваведа (Шаунака): В 3-х т. Т. 1: Кн. I–VII / Пер. с вед. яз., вступит. ст., коммент. и прилож. Т. Я. Елизаренковой. М.: Восточная литература, 2005.
- Bloch 1934 – Bloch J. L'indo-aryen: du Veda aux temps modernes. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient. (Engl. rev. transl.: Indo-aryan from the Vedas to modern times. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1965).
- Bloomfield 1897 – Bloomfield M. Hymns of the Atharva-veda together with extracts from the ritual books and commentaries. Oxford: Clarendon Press, 1897 (Sacred Books of the East 42).
- Bloomfield & Spieker 1886 – Bloomfield M., Spieker E. H. Introduction to the study of the Old-Indian sibilants // Proceedings of the American Oriental Society. May 1886 (Journal of the American Oriental Society. 1889. Vol. 13). P. CXVII–CXXII.
- Brugmann 1897 – Brugmann K. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. II: Wortbildungslehre (Stammbildungs- und Flexionslehre). Strassburg: Trübner, 1897.
- Brugmann 1916 – Brugmann K. Vergleichende Laut, Stammbildungs- und Flexionslehre nebst Lehre vom Gebrauch der Wortformen der indogermanischen Sprachen. Zweite Bearbeitung. Bd. II/3: Lehre von den Wortformen und ihrem Gebrauch. Strassburg: Trübner, 1916.
- Burrow 1970 – Burrow Th. Notes on some rare words in Sanskrit and their etymology // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1970. Vol. 33. P. 46–54.
- Cuny 1906–08 – Cuny A. Védique *vaṃṣiṣṭya* // Mémoires de la Société de linguistique de Paris. 1906–08. Vol. 14. P. 192.
- Debrunner 1957 – Debrunner A. Altindische Grammatik von J. Wackernagel: Nachträge zu Bd. I. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1957.
- Delbrück 1897 – Delbrück B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. 2. Theil. Strassburg: Trübner, 1897 (= K. Brugmann und B. Delbrück. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Band IV).
- Dresden 1941 – Dresden M. J. Mānavagṛhyasūtra. A Vedic manual of domestic rites. Translation, commentary and preface. Proefschrift Utrecht. Groningen: Wolters, 1941.
- Gotō 1987 – Gotō T. Die "I. Präsensklasse" im Vedischen: Untersuchung der vollstufigen thematischen Wurzelpräsentia. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1987.
- Hendriksen 1938 – Hendriksen H. Etymologien // Indogermanische Forschungen. 1938. Bd. 56. S. 21–28.
- Hinüber 1986 – Hinüber, O. von. Das ältere Mittelindisch im Überblick. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1986 (Sitzungsber. der Österreichischen Akademie der Wiss. Philos.-hist. Kl. Bd. 467; Veröffentlichungen der Kommission für Sprachen und Kulturen Südasiens. H. 20).
- Jamison 1983 – Jamison S. W. Function and form in the *-āya*-formations of the Rig Veda and Atharva Veda. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1983 (Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung; Ergänzungsheft 31).

- Kuhn 1900 – Kuhn E. Der palatale Zischlaut im Kashmīrī // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1900. Bd. 36. S. 460.
- Kulikov 1998 – Kulikov L. Vedic *-ya*-presents: semantics and the place of stress // Meid (ed.) Sprache und Kultur der Indogermanen. Akten der X. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1998. P. 341–350.
- Kulikov 2011 – Kulikov L. Drifting between passive and anticausative. True and alleged accent shifts in the history of Vedic *-ya*-presents. Вопросы языкового родства // Journal of Language Relationship. 2011. No. 6. P. 185–198, 210–215.
- Kulikov 2012 – Kulikov L. The Vedic *-ya*-presents: Passives and intransitivity in Old Indo-Aryan. Amsterdam: Rodopi, 2012 (Leiden Studies in Indo-European 19).
- Kulikov 2013 – Kulikov L. Language vs. grammatical tradition in Ancient India: How real was Pāṇinian Sanskrit? Evidence from the history of late Sanskrit passives and pseudo-passives // Folia Linguistica Historica. 2013. Vol. 34. P. 59–91.
- Lubotsky 1985 – Lubotsky A. M. The PIE word for ‘dry’ // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1985. Bd. 98. S. 1–10.
- Mayrhofer [KEWA] – Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. I–IV. Heidelberg: Winter, 1956–80.
- Mayrhofer [EWAia] – Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. I–II. Heidelberg: Winter, 1986–96.
- Meillet 1905–06 – Meillet A. Les nominatifs sanskrits en *-t* // Indogermanische Forschungen. 1905–06. Bd. 18. S. 417–421.
- Meyer 1939 – Meyer J. J. Zusätze zur ‘Trilogie altindischer Mächte und Feste der Vegetation’ // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1939. Bd. 46. S. 47–140.
- Narten 1959 – Narten J. Formüberschneidungen bei ved. *vṛśc*, *vṛj*, *vṛh* (*brh*) // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1959. Bd. 14 (= Geburtstagsgabe für W. Wissmann). S. 39–52. (= Kl. Schr. 1. S. 1–10).
- Narten 1964 – Narten J. Die sigmatischen Aoriste im Veda. Wiesbaden: Harrassowitz, 1964.
- Oertel 1934–35 – Oertel H. Roots and verb-forms from the unpublished parts of the Jaiminīya Brāhmaṇa // Journal of Vedic Studies. 1934. Vol. I, No. 2. P. 129–169; Journal of Vedic Studies. 1935. Vol. II, No. 2. P. 121–195. (= Kl. Schr. Teil I. S. 290–404).
- Oertel 1941 – Oertel H. Die Dativi finales abstrakter Nomina und andere Beispiele nominaler Satzfügung in der vedischen Prosa. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1941 (Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Jg. 1941, Bd. II, Heft 8). [= Kl. Schr. Teil II. S. 1371–1500].
- Osthoff 1884 – Osthoff H. Zur Geschichte des Perfects im Indogermanischen mit besonderer rücksicht auf Griechisch und Lateinisch. Strassburg: Trübner, 1884.
- Pischel 1900 – Pischel R. Grammatik der Prākṛit-Sprachen. Strassburg: Trübner, 1900 (Grundriss der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde; I. Band, 8. Heft).

- PW – Böhtlingk O., Roth R. *Sanskrit-Wörterbuch*. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1855–1875.
- Renou 1965 – Renou L. Notes sur la version “paippalāda” de l’Atharva-Veda (deuxième série) // *Journal Asiatique*. 1965. T. 253. P. 15–42.
- Scheftelowitz 1907 – Scheftelowitz I. Zur Textkritik und Lautlehre des Rgveda // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1907. Bd. 21. S. 85–142.
- Scheftelowitz 1933 – Scheftelowitz I. Der Einfluss der Volkssprache auf die Zischlaute im Zeitalter der Entstehung des Rgveda // *Indian Linguistics*. 1933. Vol. 3. P. 143–147 [= 425–429 of repr.].
- Sharma 1959/60 – Sharma A. Beiträge zur vedischen Lexicographie: Neue Wörter in M. Bloomfields Vedic Concordance. München: J. Kizinger, 1959/60. (PHMA 5/6).
- Ved. Var. – Bloomfield M., Edgerton F. *Vedic variants*. Vol. I. The verb (1930); Vol. II. Phonetics (1932); Vol. III. Noun and pronoun inflection (1934). Philadelphia: Linguistic Society of America, 1930–34.
- Wackernagel 1896 [AiG] – Wackernagel J. *Altindische Grammatik*. Bd. I. Lautlehre. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1896.
- Weber 1858 – Weber A. *Erstes Buch des Atharvaveda* // *Indische Studien*. 1858. Bd. 4. S. 393–430.
- Weber 1885 – Weber A. *Drittes Buch des Atharva-Saṃhitā* // *Indische Studien*. 1885. Bd. 17, S. 177–314.
- Whitney 1885 – Whitney W. D. The *Siṣ* and *Sa* aorists (6th and 7th aorist-forms) in Sanskrit // *American Journal of Philology*. 1885. Vol. 6 (3) [= No. 23]. P. 275–284.
- Whitney 1889 – Whitney W. D. *Sanskrit grammar*. 2nd ed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1889.
- Whitney 1893 – Whitney W. D. The native commentary to the Atharva-Veda // *Festgruss Roth*. Stuttgart: Kohlhammer, 1893. P. 89–96.
- Whitney/Lanman 1905 – *Atharva-Veda Saṃhitā*. Translated into English with critical notes and exegetical commentary by William Dwight Whitney ... Revised and edited by Charles Rockwell Lanman, Cambridge, Mass. 1905 (Harvard Oriental Series; 7–8).
- Witzel 1989 – Witzel M. Tracing the Vedic dialects // *Dialectes dans les littératures indo-aryennes* / Ed. Caillat C. Paris: Collège de France, 1989. P. 97–265.
- Zimmer 1879 – Zimmer H. *Altindisches Leben. Die Cultur der vedischen Arier nach den Saṃhitā dargestellt*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1879.

**L. I. Kulikov. Indo-Aryan sibilants in Atharvaveda.  
Remarks on the Vedic dialectology**

The present paper concentrates on a phonological phenomenon that was mentioned already at the end of the 19th century (Whitney, Bloomfield, Wackernagel), but did not receive due attention thus far: the confusion of the dental and palatal sibilants ( $s/\acute{s}$ ) attested in the Atharvaveda, as in the passive *asyate* (AV-Śaun. 5.19.5) (root *aś* ‘eat’) or *vāsitā-* ‘cow desiring a bull’ (root *vāś* ‘bellow’). Additional evidence for a study of this phenomenon, now available from the Orissa mss. of the Paippalāda recension of the Atharvaveda, points to the systematic character of the two opposite developments,  $\acute{s} > s$  and  $s > \acute{s}$ . I argue that there are good reasons to consider these changes regular phonetic processes attested in certain phonological contexts, rather than a random vacillation. This phenomenon must represent one of the most salient linguistic features of the dialect of the Atharvaveda.

*Keywords:* Indo-Aryan, Vedic, Sanskrit, Atharvaveda, Prakrit, Kashmiri, dialect, sibilant, passive.

## DERIVATIONAL SEMANTICS OF CLASSICAL ARMENIAN Č'-STEMS<sup>1</sup>

Статья посвящена исследованию древнеармянского глагольного класса, характеризующегося имперфективной основой на -č'- и перфективной основой на -i-. Этимология обоих основообразующих суффиксов, а также история формирования данного парадигматического типа остаются спорными. В статье предпринята попытка привлечь к диахроническому анализу валентностные, акциональные и аспектуальные характеристики глаголов, засвидетельствованных для данного класса в ранних древнеармянских текстах, с целью установления возможных путей формирования особой глагольной парадигмы.

*Ключевые слова:* древнеармянский, диатеза, акциональные классы, аспект, имперфективные основы.

### 1. Morphology of the č'-class

A number of Armenian verbal classes have the element -č'- within the suffixes that marks the imperfective part of the paradigm (-č'-, -ač'-, -nč'-, -anč'-). None of these suffixes was productive by the time of the first written record of Armenian (5<sup>th</sup> c.). Three of the synchronically distinct morphological classes consist of few verbs: 1) pres. *čan-ač'-em* (aor. *can-e-ay*) tr. 'to recognize'; 2) pres. *erk-nč'-im* (aor. *erk-e-ay*) intr. 'to be(come) afraid', pres. *mart-nč'-im* (aor. *mart-e-ay*) intr. 'to fight', pres. *kor-nč'-im* (aor. *kor-e-ay*) intr. 'to disappear'; 3) pres. *meł-anč'-em* (aor. *meł-ay*) intr. 'to sin'. The fourth class, with the suffix -č'-, is much better attested since the earliest Classical Armenian texts<sup>2</sup>: *hangč'im* intr. 'to take rest' (*y-angč'im* 'to relax'), *matč'im* intr. 'to approach', *ostč'im* (*ənd-ostč'im*)

---

<sup>1</sup> The paper is based on the presentation delivered at the 9<sup>th</sup> International Conference on Armenian Linguistics (St. Petersburg, 2012). I am grateful to Prof. James Clackson and Rémi Viredaz for their valuable comments. I acknowledge the financial support from the Research Council of the President of the Russian Federation (grant nr. MK-3848.2013.6).

<sup>2</sup> I rely on *HAB*, *LALT*, *NBHL*, and *RADCA* except for cases where the present stems mentioned in these editions do not find support in the early texts, e.g. *karč'im* 'to lay hold of; to be fixed on' is first attested in the 7<sup>th</sup> c. text (Anania Širakac'i) while caus. past part. *karuc'-eal* (P'awstos Buzand) and caus. *kar-uc'anel* (Bible) are better explained as by-forms of the imperfective *nu*-stem in view of the root final -r-.

intr. ‘to leap out’, *pakčim* intr. ‘to be(come) affected’, *p’axčim* intr. ‘to flee’, *t’akčim* intr. ‘to hide’; *t’rčim* intr. ‘to fly (away)’, *xrtčim* intr. ‘to be(come) anxious’, *z-atčim* intr. ‘to depart’ from *\*z-hatčim* (beside *z-atanem* ‘to separate (smth.)’ and *hatanem* ‘to cut’), *z-artčim* intr. ‘to awaken’ (beside *z-artnum* ‘to awaken’ and *hartnum* ‘to rebound’). The *-č-*, *-ač-*, and *-nč-* imperfective stems form the respective paradigmatic types with the perfective *i*-stem; *meł-anč-em* has the root perfective stem *meł-ay*. The *-č-* and *-nč-* suffixes are *media tantum*, while *-ač-* and *-anč-* (*čanačem*, *metančem*) are *activa tantum*. All the four classes use the causative past participle in *-uc’eal* in intransitive meaning even when the corresponding causative is attested with the transitive meaning (*hangčim* intr. ‘to take rest’, *hanguc’eal* intr. ‘the one who had a rest’, *hanguc’anem* tr. ‘to give rest’); the aorist subjunctive has a mixed conjugation: 1sg. is mediopassive, all other forms are active.

In this paper, I will focus on one paradigmatic type characterized by the imperfective suffix *-č-*. The imperfective stem of this class is formed by adding the suffix to the root (which never ends in vowels in the *č*-class) and is followed by the mediopassive inflection in the present indicative, present subjunctive, and prohibitive; the imperfect has one inflection for both voices in all the paradigmatic types.

Formally, the suffix *-č-* can be analyzed as such or as a continuant of *-əč-*<sup>3</sup> from PArm. *\*-ič-* or *\*-uč-* with the regular deletion of a schwa in a medial bi-consonant cluster: PArm. *\*-V.Ci.CV-/\*-V.Cu.CV-* > *\*-V.Cə.CV-* > Arm. *-VC.CV-* (see Vaux 1998: 21–34 for the Armenian syllabification and schwa epenthesis/deletion rules). Given that all roots of the *č*-class verbs result in *-VC-* codas, and the mediopassive inflections of the imperfective part of the paradigm (present indicative, imperfect, present subjunctive, prohibitive) always begin with a vowel, the schwa deletion rule would always apply to *č*-stems.

Within the perfective stem, the suffix *-e-* or *-i-* is added to the root and is followed by the mediopassive inflection. If the inflection begins with an *-a-* (aorist indicative, 1sg. aorist subjunctive in *-ayk’*, imperative in *-aruk’*) the suffix is *-e-* according to the sandhi rule *-i-a-* > *-e-a-* that occurs at the morpheme boundary following a polysyllabic stem, cf. *tari* ‘year’, gen.pl. *tare-ac’* but *mi-ayn* ‘only’). Accordingly, the rule did not apply to the remaining forms of the aorist subjunctive and imperative where the original *-i-* was retained or merged with the following *-y-* (3 sg. *hangic’ē* < *\*hangi-yc’-ē*, 2 sg.

<sup>3</sup> According to the Classical Armenian orthographic rules, schwa was written only in certain initial clusters or at a line break.

*hangir* < \**hangi-yr*). Thus, the aorist subjunctive and imperative in *-ir* indicate that \**-i-* was the original Proto-Armenian perfective suffix of this paradigmatic type (henceforth *i*-perfective).

The account of the described phenomena led scholars (cf. Meillet 1936: 109 f.) to the conclusion that the imperfective stem was derived from the perfective one: PArm. perfect. \**-i-* → imperfect. \**-i-č̣-* > \**-əč̣-* (pre-tonic) > *-č̣-* (in the *-VCəč̣V-* environment). Note, however, that the imperfective stem shows the *-i-/ə-* alternation of the accented and non-accented vowel (PIE \**k̑erd-* > Arm. *sirt*, gen.sg. *srtí* [sər.tí]), while the perfective stem show the *-ē-/i-* alternation (PIE \**woyd-* > *gēt* ‘skilful’, *gitém* ‘to know’). In order to combine these two formants, one has to admit that the perfective stem originally had the *-i-/ə-* alternation and the accented penultimate syllable variant *-i-* had spread as a specific perfective marker to contexts where it would be lost. Otherwise, it is hard to explain, why the non-accented \**-i-* would be lost in the imperfective stem. The penultimate position of the perfective *-i-* is better explained if one starts with the secondary middle endings which should have characterized the aorist indicative of this verbal class already very early.

## 2. Etymologies of *-č̣-* and *-i-*

The *i*-perfective can go back to a choice of reconstructions: \**-ī-*, \**-ē-* (including long vowels of the laryngeal origin) multiplied by the combinations of these vowels with \**-s-* and \**-y-* in front of another vowel.

As for the *č̣*-imperfective, the temptation to derive it directly from PIE \**-skelo-* is moderated by the sound change PIE \**-sk̑-* > Arm. *-c̣-* (e.g. *c̣tem* ‘to graze’ < PIE *sk̑eyd-* ‘to cut’ LIV 547f.). Taking into account this contradiction, Meillet (1936: 109 f.) proposed to derive *č̣*-imperfective from PIE \**-i-sk-ye-*. According to Meillet, the first two elements of this complex formant co-occur in Lat. *-īscō(r)* (*reminīscor* ‘to remember’) and Gk. *-ίσκω* (*ἀλίσκομαι* ‘to be taken’), while PIE \**-sk-ye-* is attested in Gk. *ἐγρήσσω* (Hom., praes. tant.) ‘to stay awake’ and *δεδίττομαι* (Att.) ‘to frighten’. According to Meillet’s analysis, the \**-i-* of the present suffix should be kept apart from the \**-ī-* of the optative \**-ī-ske/o-* that presumable gave Arm. aor. subj. *-ic̣-* (1936: 122). However, the formal equation of Gk. pres. *ἀραρίσκω* ‘to fit together’ and Arm. aor. subj. *araric̣* ‘I will/would make’ (pres. *ar̄nem* ‘to make’) was taken by some scholars as an argument in favor of one “inchoative” stem behind both formations (cf. Godel 1975: 116f.; de Lamberterie 2005–2007: 34).



The reconstruction *\*-i-ské/o-* looks attractive in view of certain semantic parallelism between such pairs as Arm. *zarč'im* : Lat. *expergiscōr* 'to awaken', Arm. *yangč'im* : Lat. *paciscōr* 'to relax', Arm. *matč'im* 'to approach' : Lat. *apiscōr* 'to attain', Arm. *ostč'im* 'to leap out' : Lat. *profisciscōr* 'to set out'. However, the history of the Greek and Latin *\*-ī-ské/o-* remains unclear (Duhoux 1992: 337; Sihler 1995: 520; Vine 1993; van de Laar 2000: 363–366)<sup>4</sup>.

However, the Proto-Indo-European antiquity of *\*-ī-ské/o-* has been convincingly disclaimed by Vine (1993). According to him, the Latin verbs in *-iscō(r)* may<sup>be</sup> regarded as secondary derivatives from *\*ye/o-* presents (*cup-i-ō* → *con-cup-i-sc-ō* 'to long for'). Within this scenario, the direct comparison of Lat. *-isco-* to Arm. *-č'* leaves Arm. *i*-perfective without a coherent explanation. Note that unlike Armenian, *\*-i-* does not appear in the aorist of the Greek verbs in *-ίσκω*. Instead, these verbs often have the thematic aorists in the Homeric Greek, cf. pres. *ἀλίσκομαι* 'to be captured' : aor. *ἦλων*, pres. *ἀραρ-ίσκω* : aor. *ἀραρ-εῖν*, pres. *εὕρ-ίσκω* 'to discover' : aor. *εὕρ-εῖν*<sup>5</sup>.

According to the alternative hypothesis, more acknowledged nowadays, the Armenian *č'*-class resides on PIE imperfect. *\*-eh<sub>1</sub>-ské/o-*<sup>6</sup> : perfect. *\*-eh<sub>1</sub>-s-* (Klingenschmitt 1982: 72–79). Indeed, PIE

<sup>4</sup> The secondary replacement of *-σκω* by *-ίσκω* may be conjectured for *θνήσκω* 'to be dying' (secondary to *θνησκω*; both present stems are based on the perfect stem *τε-θνη-κα*, see *DELG* 422, van de Laar 2000: 165), *θρόσκω* 'to leap' (secondary to *θρώσκω*, along with *θορνυμαι*, aor. *ἔθορον*, see *DELG* 444, van de Laar 2000: 167), *μιμνήσκω* 'to remind' (secondary to *μιμνήσκω*, along with non-reduplicated *μνησομαι*, aor. *ἔμνησα*, see *DELG* 702; van de Laar 2000: 218).

<sup>5</sup> Vine (1993: 53ff.) pointed out the correlation between the root-final liquids and the following *-i-* of the present suffix. He suggested to derive *-ρ-ίσκω* from the *\*TR<sub>h</sub>h<sub>1</sub>-* type roots which vocalized under the secondary stress as *\*TR<sub>h</sub>h<sub>1</sub>-ské/o-* > *\*ToRe-ské/o-* or *\*ToRi-ské/o-*, whence *\*TaRi-ské/o-* by analogy to thematic aorist *\*TaR-é/ó-*. Besides the problematic accent and sonorant vocalization, in my opinion, such solution does not find enough support in the reconstructed proto-language — note that none of over fifty *\*-ské/o-* stems reconstructed in *LIV* has the *\*TR<sub>h</sub>h<sub>1</sub>-* type root. Although a phonetically motivated distribution of present suffixes cannot be excluded for Greek (cf. the preference for the root final *-γ-* and *-ρ-* in the verbal class characterized by the *vū*-present and sigmatic aorist stems noticed in van de Laar 2000: 349), the source of *-ρ-ί-σκω* remains unclear.

<sup>6</sup> According to Klingenschmitt 1982: 83f., the double reflex of PIE *\*-ské/o-* depended on the left environment: *č'* developed in the word internal position after *\*i* (< *\*iH*), *\*ē* (< *\*eH*), *\*ə* (< *\*H*), or *\*-n-*; *c'* – elsewhere including the initial position.

\*-eh<sub>1</sub>- is a likely source for the Armenian paradigm in view of the lexical match between Arm. pres. *t'ak'č'im* 'I hide', aor. *t'ak'eay* and Lat. pres. *conticēscō* 'I stop talking', pres. *taceō* 'I am silent'<sup>7</sup>.

The derivational semantics of PIE \*-eh<sub>1</sub>- (\*-ē-) is itself an important problem. Two competing hypotheses should be mentioned. According to the hypothesis accepted in *LIV*, PIE \*-eh<sub>1</sub>-/\*-h<sub>1</sub>- was a fientive stem that served as a derivational basis for essives in \*-h<sub>1</sub>-ye/o-. Alternatively, Jasanoff (2002) proposed to consider \*-eh<sub>1</sub>-ye/o- and \*-eh<sub>1</sub>-ské/o- denominative stems derived from the instrumental case forms following the instrumental predicative constructions (cf. stative \*h<sub>1</sub>es- + \*X-eh<sub>1</sub> 'be (with) X', cf. Ved. *gúhā as-* 'be hidden', and inchoative \*b<sup>h</sup>uh<sub>x</sub>- \*X-eh<sub>1</sub> 'become (with) X', cf. Ved. *gúhā bhū-* 'become hidden'). The former hypothesis does not account for the imperfective uses of \*-eh<sub>1</sub>- continuants in Latin, Slavic, and Armenian (cf. *hangeay* below), while the latter does not provide a convincing explanation of the Greek η-aorist. This issue has been recently reconsidered by Yakubovich (2013a), according to whom the easiest way to account for both present and preterit uses of \*-ē- is to start from deadjectival statives which had both fientive and essive values. Without entering the controversies of the competing analyses for the Proto-Indo-European \*-eh<sub>1</sub>- and its traces in the daughter languages, I would like to present the Armenian evidence which is relevant in the following points: 1) *i*-stem is found exclusively in the preterit; 2) unlike the productive denominative inchoative/stative *ana*-class<sup>8</sup>, *i*-perfective verbs predominantly have verbal roots; 3) *i*-

---

In my opinion, the double reflex of PIE \*-ské/o- can be explained taking into account the syllabification and schwa epenthesis rules that operated in Proto-Armenian. Whenever \*sk occurred at the beginning of a syllable it resulted in -č'-; when the syllabic boundary divided it in the word internal position, \*k was subject to independent developments, cf. \*p<sub>r</sub>k-ske- [\*pərk<sup>l</sup>.sk<sup>l</sup>e] > Arm. *harc'* 'to ask' but \*g<sub>h</sub>h<sub>3</sub>-ské- [\*g<sup>l</sup>ən.Həs.k<sup>l</sup>é] > *čanač'em* 'to recognize' and \*ptkē-ske- [\*ptək.e:s.k<sup>l</sup>e] > *t'ak'č'im* 'to hide'. The details on the relative chronology of \*-s.k- > \*-s.k- and \*-k- + front vowel > č' are a topic for another paper. See Viredaz 2012 for a different explanation of the imperfective suffixes -č'- (*čanač'em*) and -ič'-/č'- (*t'ak'č'im*).

<sup>7</sup> The morphological match is consistent with either of the two available etymologies: 1) PIE \*pt(h<sub>2</sub>)k-ē-ske-, cf. Gk. πτήσσω 'to shrink from fear' (Pedersen 1906: 356; Solta 1960: 445f.; Klingenschmitt 1982: 70, 78–79; Clackson 1994: 169; *LIV* 495–496); 2) PIE \*tak-ē-ske-, cf. Goth. *ḡahan* 'to keep secret' (Sihler 1995: 497; de Vaan 2008: 604f.).

<sup>8</sup> According to Yakubovich 2013a, the Vedic intransitive denominatives in -āyá- continue \*-eh<sub>1</sub>-yé/ó-. Although I consider his argumentation very convincing, in my opinion, an alternative source for the intransitive zero-grade *āya*-formations is possible. The mediopassive forms derived from the

perfectives denote both agentive (controllable) and non-agentive (uncontrollable) momentary events, processes, and states; 4) *č*'-class verbs point to the paradigmatic or derivational ties between perfective *\*-ē(s)-* and imperfective *\*-ské/o-* suffixes in Proto-Armenian. Therefore the Armenian perfective *i*-stem is best explained as an outcome of the primary verbal stative/resultative marker rather than denominative inchoative/stative.

Hittite provides an argument against the reconstruction of *\*-eh<sub>1</sub>-ské/o-* for common Proto-Indo-European. According to Hoffner & Melchert 2002: 378, some Hittite primary stative verbs, denominative inchoatives in *-ešš-*, and, importantly, denominative stative verbs in *-e-* are not attested with otherwise productive imperfective suffix *-ške/a-*. This does not mean, however, that such formation could not develop within the late Indo-European period while *\*-eh<sub>1</sub>-* (or *\*-ē-*) was gradually turning into a marker of the mediopassive perfect and thus switching from the domain of states to that of change-of-state events or telic inchoative processes in terms of actional classes.

The Old Armenian verbal system is traditionally described as having the binary aspectual opposition of imperfective (“present”) and perfective (“aorist”) stems; apart from the opposition between the imperfect and aorist in the preterit, the two stems served to distinguish between imperfective and perfective subjunctives (futures), prohibitive and imperative, cf. Meillet 1910–1911<sup>9</sup>. Any attempt to further specify the functional contrast between various imperfective suffixes within the synchrony of Classical Armenian risks being superfluous. This notorious methodological issue is relevant for other ancient Indo-European languages and for the reconstructed proto-language (e.g. Melchert 1998 on Hitt. *-ške/a-*). However, a careful investigation of lexical and syntactic properties of the *č*'-class verbs may prove to be relevant for the discussion of the unwritten history of that particular morphological class and provide evidence for further Indo-European comparison. Such investigation should take into account lexical meaning, argument

---

*\*-ṇh<sub>2</sub>-yé/ó-* stems are probably at the origin of the Armenian inchoative/stative *-ana-* and Toch. *-ññ-* verbs (cf. Arm. *tenč ana-*, Toch. B *tenkwänñä/e-*; Kocharov 2011; see Jasanoff 2003: 125f. with an explanation of the double reflex in OInd. *-anyá-* and *-āyá-*). Old Indic could inherit the intransitive middle type together with the transitive active *gr̥bhāyāti* (*\*gr̥b<sup>h</sup>-ṇh<sub>2</sub>-yé-ti*) type.

<sup>9</sup> Cf. Weitenberg 1986 on the problem of alternating imperfective and perfective stems within past participles.

structure, actionality, and aspect uses of the imperfective *č̣*-stems, especially in verbs that attest variation of imperfective stems within one lexeme<sup>10</sup>.

Following Meillet 1936: 110, the *č̣*-class verbs are often called “inchoative” or “stative inchoative” (cf. Klingenschmitt 1982: 72–79 who defines the term as subject’s entry into the state described, in the diachronic perspective, by the underlying *i*-stem of the aorist from *\*-eh<sub>1</sub>-s-*). The principal goal of the present paper is to provide a systematic account of the internal Armenian evidence of the *č̣*-class verbs and to contribute to the understanding of how the lexical and derivational semantics fit together if one starts from PIE stative/resultative *\*-eh<sub>1</sub>-* as a source of the *i*-perfective stem.

### 3. Synchronic evidence of the *č̣*-class verbs

For the sake of further analysis, the *č̣*-class verbs are arranged below into two groups according to whether or not they have valence on Agent.

#### 3.1. Agentive *č̣*-class verbs

*Hangč̣im* denotes a state controlled by the Agent: ‘to take rest; to lodge’, cf. *Job* 39, 9: *Eṭē kamic̣i kēz mieṭjerun caṙayel, kam hangč̣el aṙ msur k’o?* (βουλήσεται δέ σοι μονόκερωσ δουλεῦσαι ἢ κοιμηθῆναι ἐπὶ φάτνης σου) ‘Will the wild ox consent to serve you, or **will he spend the night** at your manger?’<sup>11</sup>.

Both perfective and imperfective stems (aor. *hange-*, pres. *hangč̣i-*) are stative. The only noticeable difference between the imperfect and aorist indicative is that the latter denotes a state limited in time (limitative), cf. 1) *Jn.* 1, 32: *Vkayec’ Yovhannēs ew asē t’ē: Tesanēi zhogin, zi ijanēr ibrew zaṭawni yerknic’, ew hangč̣ēi* [3 sg. impf.] *i veray nora* (καὶ ἐμαρτύρησεν Ἰωάννης λέγων ὅτι τεθέαμαι τὸ πνεῦμα καταβαῖνον ὡς περιστερὰν ἐξ οὐρανοῦ, καὶ ἔμεινεν ἐπ’ αὐτόν) ‘John testified saying, I have seen the Spirit descending as a dove out of heaven, and He **remained** upon Him’; 2) *Gen.* 2, 2: *Ew katareac’ Astuac yawurn vec’erordi zgorcs iwṙ zor arar, ew hangeaw* [3 sg. aor. ind.] *yawurn ewt’erordi yamenayn gorcoc’ iwroc’ zor arar*

<sup>10</sup> See Бондарко 1987, Горбова 2010, Плу́нган 2011, Croft 2012, Tatevosov 2002 with relevant bibliography on the actional classification of predicates.

<sup>11</sup> Here and below the English Bible translation is cited according to the New American Standard Bible (the 1995 edition). The translation of passages from the Deuterocanonical Books is cited after the New Revised Standard Version Bible (the 1989 edition).

(καὶ συνετέλεσεν ὁ Θεὸς ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῇ ἕκτῃ τὰ ἔργα αὐτοῦ, ἃ ἐποίησεν, καὶ κατέπαυσεν τῇ ἡμέρᾳ τῇ ἑβδόμῃ ἀπὸ πάντων τῶν ἔργων αὐτοῦ, ὧν ἐποίησεν) ‘By the seventh day God completed His work which He had done, and He **rested** on the seventh day from all His work which He had done.’

Klingenschmitt (1982: 78f.) derives *hangčim* ‘to take rest’ from PIE *\*sm̥-k<sup>w</sup>ih<sub>1</sub>-ské-* without *\*-eh<sub>1</sub>-* of the type *\*g<sup>h</sup>h<sub>3</sub>-ské/o-* > *čanačem* (see also LIV 393f.). However, as Olsen (1999: 480, n. 583) justly noted, *\*sm̥-k<sup>w</sup>ih<sub>1</sub>-eh<sub>1</sub>-ské-* is equally possible (Lat. *con-quiēscō*). The sonorisation of *\*-k<sup>w</sup>-* was regular after *\*-r-* and *\*-n-*, cf. PIE *\*penk<sup>w</sup>e* > *hing* ‘five’.

Prepositional compound *yangčim* ‘to relax; become familiar’ is once attested in the Bible, cf. Ezek. 1, 24: *ew i kaln iwreanc’ yangčēin t’ewk’ iwreanc’* (καὶ ἐν τῷ ἐστάναι αὐτὰ **κατέπαυον** αἱ πτέρυγες αὐτῶν) ‘whenever they stood still, they **dropped** their wings’. The imperfect denotes the habitual reading of the completive stage of telic process. The imperfective stem is further attested in Movsēs Xorenac’i 2003: 2084<sup>12</sup>: *...ibr tē aynpēs hanapaz ar̄ nma linelov naxarark’n yangčic’in*<sup>13</sup> (3 pl. pres. subj.) *xawsiwk’, turewāriwk’, xraxčanuteamb ew zbōsanawk’ orsoc’...* ‘...with the malicious intention that thus by being continually with him, the princes **might become attached** to him by social intercourse, festivities, and the pleasures of the chase...’ (trans. Thomson 1978: 323). A similar use is found in Łazar P’arpec’i 2003: 2217: *Ē zi ew sovorut’iwn ar̄nun yankčel* [variant – ms. Mat. 2639: *yakčel*] *yawrēns mer...* ‘And when this becomes the custom, they will conceive a **liking** for our faith...’ (trans. Bedrosian 1985). No *i*-perfective is attested.

*Matčim* is well attested in the Bible in the meanings ‘to approach’ and ‘to be offered (of atonement, sacrifice)’. The latter meaning is secondary; it is a passive pair to the morphological causative derived from *matčim* in its primary meaning: mid. *matčim* ‘to approach’ → caus. *mat-uc’anem* ‘to bring forth (to make approach), to offer’ → pass. *mat-čim* ‘to be offered’, cf. Ex. 32, 6: *...ew matoyc’ zohs p’rkuťean...* (καὶ **προσήνεγκεν** θυσίαν σωτηρίου) ‘and **offered** burnt offerings’; Heb. 9, 9: *yorum pataragk’n ew zohk’ matčēin, ork’ oč karēin əst mits katarel zpaštawneaysn* (καθ’ ἣν δῶρα τε καὶ θυσίαι **προσφέρονται** μὴ δυνάμεναι κατὰ συνείδησιν

<sup>12</sup> The present stem *yankč-i-*, cited in NBHL 2: 327 and RADCA: 141, is actually not attested.

<sup>13</sup> The non-prefixed variant *hangčic’in* (ms. Mat. 4351) should be recent.

τελειῶσαι τὸν λατρεύοντα) ‘Accordingly both gifts and sacrifices **are offered** which cannot make the worshiper perfect in conscience’.

In its primary meaning, *matčim* have a facultative semantic argument of Purpose regularly expressed by the prepositional constructions *i/y-* + acc. or *ār* + acc. This argument determines the grammaticalized collocation *matčel porjel* lit. ‘to be going to try’ (Eznik Kołbac’i 2003: 452, 481). This argument also qualifies the volitional Agent that controls an intended action.

The imperfective stem *matč-i-* describes the progressive stage of a telic process (e.g. 2 *Mac.* 11, 8) or the habitual aspect (*Heb.* 13, 11; Ekišē 2003: 636; Eznik Kołbac’i 2003: 448); the perfective stem denotes the completive stage of a telic process (e.g. *Gen.* 27, 22).

Arm. adj./adv. *mawt* ‘near’ may go back to *\*mad-u-* (or *\*mHd-u-*), a *\*u-* stem adjective to PIE *\*mad-* (or *\*mHd-*)<sup>14</sup>, cf. Goth. *gamotjan* ‘to meet’ (Джаукян 1982: 182; Klingenschmitt 1982: 70f.; Lehmann 1986: 145; Olsen 1999: 49). The derivation from qualitative predicate *\*mad-u-* ‘(is) close’ to stative *\*mad-eh<sub>1</sub>-* ‘to be close’ may be further explained within the Caland-system (see Rau 2009 with further bibliography)<sup>15</sup>.

Alternatively, one may assume an archaic deadjectival *\*sk-* formation *\*mad-sk-* (cf. later Arm. *mawt* ‘near’ → *mawt-em* ‘to approach’). Note also PIE *\*g<sup>w</sup>m<sub>2</sub>-ské-* ‘to go’ (*LIV* 209f.), another agentive verb of motion, that can be safely reconstructed with the *\*ské/o-* stem. It is possible that the *i-* perfective was introduced relatively late by analogy to other *č-* class verbs, cf. secondary aor. *caneay* ‘I got to know’ along with the inherited pres. *čanač'em* ‘to recognize’ < PIE *\*g<sup>h</sup><sub>3</sub>-ské/o-* ‘id.’ (Gk. γι-γνώσκω, Lat. (g)nōscō, OP *xšnāsa-*, Alb. *njoh*).

*Ostčim* ‘to leap out’ is attested once in Movsēs Xorenac’i 2003: 2057: ...ew i noc’anē i durs **ostčēin** [v.l. *ostnčēin*] i meroc’ naxararac’n kaj zrahawork’ orpēs p’aylatakanc’ čāragaytk’ ‘out of the troops like rays of lightning **rushed** the bravest armed men among our princes’ (trans. Thomson 1978: 297). The wider context suggests

<sup>14</sup> It is very probable, in my opinion, that *\*a* in the root was an “allophone” of a schwa regularly developing in the (initial ?) sequence of a labial + plosive, cf. PIE *\*mag-* ‘to be able’ (*LIV* 422), PIE *\*pək<sup>w</sup>-yé/ó-* ‘to cook’ (*LIV* 468). If so, *a*-vocalism corresponds to the morphological zero-grade.

<sup>15</sup> Note that the synchronic relation between Arm. *i-* perfective and *-uc’-eal* causative past participle strongly reminds special paradigmatic relations between the PIE morphological perfect (functionally equivalent of stative/resultative *\*eh<sub>1</sub>-* stems) and *\*u-* stem adjectives (resultative participles), see de Lamberterie 1990.

that the verb describes distributed punctual events that took place at the same reference time rather than a series of consequent events.

No aorist indicative forms are attested.

According to *NBHL* 2: 523, the stem *ostani-* is attested in the 5<sup>th</sup> c. Armenian translation of Gregory of Nazianzus' homily (*Girk' ew čār hogešah*, Polis 1722): *Dipesc'i kac'noyn i metexēn i bac' ostanel* 'and the iron head **slips off** the handle', cf. *Deut.* 19, 5 where the verb *ankanel* 'to fall down' is used to translate Gk. ἐκπίπτω 'to fall off' in the same context. The infinitive marks the punctual event. The meager evidence does not allow deciding what was the grammatical contrast between *-č*'- and *-an-* imperfective morphs in this verb.

The verb has no established etymology, see *HAB*, 3: 569.

The prepositional compound *ənd-ostč'im* 'to leap out' is attested in the 6<sup>th</sup> c. (dating apud *LALT*) Armenian translation of Philo's *Questions and Answers on Genesis*, Book IV, § 243 (Philo 1826: 439): *Zi yapates ew oč šaržis ew əndostč'is?* 'Why dost thou delay and dost thou not move and **leap up**?' (trans. Marcus, Philo 1953: 545). The punctive event co-referential with the moment of speaking receives the progressive reading.

*P'axč'im* 'to flee' is well attested in the corpus of the Classical Armenian texts (*RADCA*: 141). In the Bible, the indicative forms based on the *č*'-stem denote the habitual meaning (e.g. *Tob.* 13, 2; *Jn.* 10, 13; Elišē 2003: 636). An exception is the distributive use in *IMac.* 10, 64: *Ew etew ibrew tesanēin zp'ārs nora, ew lsēin zjayn barbaṛoy k'arozin, ew tesanēin zi zgeč'eal ēr ciranis, p'axč'ēin, takč'ēin, kornč'ēin amenayn č'araxōsk'n* (καὶ ἐγένετο ὡς εἶδον οἱ ἐντυγχάνοντες τὴν δόξαν αὐτοῦ, καθὼς ἐκήρυξεν, καὶ περιβεβλημένον αὐτὸν πορφύραν, καὶ ἔφυγον πάντες) 'When his accusers saw the honor that was paid him, in accord with the proclamation, and saw him clothed in purple, they all **fled** [, concealed themselves, and disappeared].' Another particular application of the present form, found in *ISam.* 22, 17, is a calque from Greek: *Matik' ew spanēk' zk'ahanaysn Tearn, zi jern noc'a ənd Dawt'i ē, zi gitac'in etē p'axč'i na, ew oč gaytnec'in yunkn im* (καὶ θανατοῦτε τοὺς ἱερεῖς τοῦ κυρίου, ὅτι ἡ χεὶρ αὐτῶν μετὰ Δαυὶδ, καὶ ὅτι ἔγνωσαν ὅτι φεύγει αὐτός, καὶ οὐκ ἀπεκάλυψαν τὸ ὄπίον μου) 'Turn around and put the priests of the Lord to death, because their hand also is with David and because they knew that he **was fleeing** and did not reveal it to me.'

The aorist indicative forms are not attested. Instead, analytic perfect *paxéal em* is found in the Bible, cf. *IMac.* 6, 10: *paxéal em i*

*sirt im hogoc' imoc' (συμπέπτωκα τῆ καρδία ἀπὸ τῆς μερίμνης)* “I am downhearted with worry”.

In the Bible, the verb is also attested in the present subjunctive forms of the stem *p'axnu-*<sup>16</sup>, cf. *Amos 5, 19: Zor ḡrinak t'ē p'axic'ē mard yeresac' ariwcu, ew patahesc'ē nma arj, ew p'axnuc'u i tun, ew yec'usc'ē zjers iwr yormn, ew harkanic'ē zna ḡj* (ὄν τρόπον ὅταν φύγη ἄνθρωπος ἐκ προσώπου τοῦ λέοντος καὶ ἐμπέση αὐτῷ ἢ ἄρκος, καὶ εἰσπηδήσῃ εἰς τὸν οἶκον αὐτοῦ καὶ ἀπερείσῃται τὰς χεῖρας αὐτοῦ ἐπὶ τὸν τοῖχον καὶ δάκῃ αὐτὸν ὁ ὄφις) ‘As when a man flees from a lion and a bear meets him, or goes home, leans his hand against the wall and a snake bites him’. Note the semantic difference between ablative *p'axic'ē* ‘to ran away (from a lion)’, consistent with the use of *p'axč'im*, and allative *p'axnuc'u* ‘to run into (a house)’; Gk. (ὅταν) φύγη (ἐκ) and εἰσπηδήσῃ (εἰς) are not co-referent in the original passage. The *nu*-stem denotes the progressive stage of a telic process. *Mt. 23, 33: Awjk', cnundk' izic', ziard p'axnuc'uk' i datastanē gehenin* (ὄφεις γεννήματα ἐχιδνῶν, πῶς φύγητε ἀπὸ τῆς κρίσεως τῆς γεέννης) ‘You serpents, you brood of vipers, how will you escape the sentence of hell?’ The negative phrase underlying the rhetoric question favors the habitual reading.

The etymology is missing (*HAB* 4: 470).

*T'ak'č'im* ‘to hide’. The *i*-perfective expresses the punctive aspect of the autocausative change-of-state event.

The indicative forms derived from the imperfective stem have secondary distributive (*IMac.* 10, 64; Łazar P'arpec'i 2003: 2308, 2373) and habitual (*Job* 29, 8; Mandakuni 2003: 1188) readings of the underlying completive events. Other uses, functionally equivalent to habitual, are assertion in unreal conditional (*Ps.* 54, 13)<sup>17</sup>, negation or interrogation with a determiner *amenayn ban* ‘anything’ as the subject (*Jer.* 32, 27 and *2Kings* 18, 13), impersonal negated debitative (Agat'angelos 2003: 1420). Within the examined contexts, *č'*-imperfective never describes the actual present progressive meaning.

The imperfective stem *t'ak'nu-* is first attested in the Armenian translation of John Chrysostom's *Commentary on Isaiah* (6 c.) with a habitual meaning, cf. Chrysostom 1880: 280: ...*vasn aynorik and*

<sup>16</sup> According to *NBHL* 2: 923, the *nu*-stem is present in the post classical texts (Grigor Magistros, Grigor Narekaci, Nerses Shnorhali, and John Climacus). *HAB* 4: 470 lists *p'axč'i-* and *p'axnu-* with reference to John Chrysostom's *Homilies on the Epistles to the Philippians* (Chrysostom 1862, I: 342–521); both are missing.

<sup>17</sup> The use of imperfect is determined by the regular syntactic pattern of the unreal past conditional, cf. Lyonnet 1933: 118–143.



*anuambk'n noc'in mert' t'ak'nu, mert' yaytni.* ‘therefore sometimes he (Christ) **hides**, sometimes reveals himself by these names.’<sup>18</sup>

*T'ṛčim* ‘to fly, fly away’. The *i*-stem aorist indicative expresses the inchoative stage of atelic process ‘flew away’ (and never the completive stage of telic process), cf. *2Sam.* 22, 11: *El ew nstaw i veray k'erovbēic' ew t'ṛeaw, ew erewec'aw i veray t'ewoc' hołmoc'* (καὶ ἐπεκάθισεν ἐπὶ χερουβὶν καὶ ἐπετάσθη καὶ ὄφθη ἐπὶ **πτερύγων** ἀνέμου) ‘And He rode on a cherub and **flew**; and He appeared on the wings of the wind.’ In the Bible, the three indicative imperfective forms express habitual aspectual meaning (*Job.* 5:7, *Ps.* 54: 7, *Ps.* 90: 5). Note, that the imperfect form used in *Ps.* 54, 7 (*zi t'ṛč'ēi* ‘I would fly away’) is a standard way to express the consequent of the unreal conditional. The Target argument is expressed in the two other contexts which increases the telicity of the underlying predicate, cf. *Job.* 5, 7: *jawk' arcueac' i barjuns t'ṛč'in* ‘as sparks fly upward’. It is possible that the *č*-stem denoted the progressive stage of a telic process like in *matčim* ‘to approach’. Note, that the two forms derived from the competing imperfective *ani*-stem (*Prov.* 26, 2 and *Prov.* 27, 8), again with the habitual meaning, have no expressed target participant.

Arm. *t'ṛčim* ‘to fly’ and Gk. πτερόν ‘wing’ are etymologically connected, but little can be said with confidence about the exact derivational process behind the Armenian verb (*HAB* 2: 184f.; Clackson 1994: 169; Klingenschmitt 1982: 70; see also Martirosyan 2010: 287–294 on *t'ir-* ‘to fly’ and *t'it'ern* ‘butterfly’). Formally, *t'ṛ-* may go back to *\*ptēr-s-* or *\*ptēr-n-* especially if one assumes a nasal suffix *\*ptēr-nu-* or *\*ptēr-ṅH-* (intr. *\*t'ranam* > mp. *t'ranim*). However, the root long vowel is aberrant for both nasal formations, and the details of the development *\*-VrṅH-* > *-ṛ(a)n(a)-* remain unclear. In my opinion, aor. *\*ptēr-s-* > *t'ir-* → pres. *t'ṛ-anim* ‘to fly’ is a more promising solution in view of aor. *\*sed-s-* > *hec-* → pres. *hec-anim* ‘to ride’; both are verbs of processual motion. It is hard to say whether the *\*-s-* stem should be interpreted here as perfective (sigmatic “aorist”) or imperfective (iterative/habitual “present”, cf. PIE *\*peh<sub>2</sub>-s-* ‘to pasture; to protect’: Hitt. *pahš* ‘to protect’, Lat. *pāscō* ‘pasture’, OCS *ПАСТИ* ‘id.’)<sup>19</sup>.

<sup>18</sup> Later evidence from *Apophthegmata Patrum*, Venice 1855 (unknown date) and Yovhannēs Sarkawag, Venice 1853 (12 c.), cited in *NBHL* 1: 803, is not taken into account here. Ireneus’ *Against Heresies* (1910) does not contain the *t'ak'nu-* stem (contra *RADCA* 144).

<sup>19</sup> Cross-linguistically the inchoative and iterative markers are often combined (Недялков 1984: 52). This opens a new perspective for the analysis

The *č*-stem is best explained here as a relatively late innovation introduced to mark the progressive stage of telic process by analogy to other *č*-class motion verbs.

**Zatčim** ‘to depart’. In the Bible, the verb belongs to a different paradigmatic type – imperf. *-an-eli-* (*zatanem/zatanim*): perfect. *-φ-* (*zatil/zatay*), itself a prefixed form of *hatane-* tr. ‘to separate, to divide’ (*Ex.* 5, 8; *Ex.* 39, 3) / *hatani-* intr. ‘to stand out, to depart’ (*Gen.* 14, 17).

The preposition *z-* seems to have the ablative meaning ‘from, off’ within the compound, cf. *Num.* 16, 25: **Zataruk’ šurj zžoovrdeambd Korxay ew Datanay ew Abironi!** (Ἀναχωρήσατε κύκλω ἀπὸ τῆς συναγωγῆς Κορε [*sic.*]) ‘**Get back from** around the dwellings of Korah, Dathan and Abiram!’; *Gen.* 30, 40: *ew zatanēr iw̄r hawts āranjinn* (καὶ διεχώρισεν ἑαυτῷ ποιμνία καθ’ ἑαυτὸν) ‘and he **put** his own herds apart’. The intransitive uses of *hatani-* and *zatani-* (both are indirectly attested in forms of the imperfect in the Bible) are quasi-synonymous, cf. the above-cited *Num.* 16, 25 and *Gen.* 31, 40: **hateal ēr k’un yač’ac’ imoc’** (καὶ ἀφίστατο ὁ ὕπνος ἀπὸ τῶν ὀφθαλμῶν μου) ‘and my sleep **fled** from my eyes’. The only noticeable difference is that, unlike *zatani-*, the Subject of *hatani-* is never a volitional Agent. This seems to indicate that *z-* somehow combined spatial meaning with the reflexive connotation, cf. *zgenum* ‘to dress oneself’ (from PArm. *\*genumai*) and the direct object article *z-*.

The agentive value of *zat-* was inherited by *zatč’i-/zate-* attested two times in Movsēs Xorenac’i in the form of infinitive with punctive aspectual value (Movsēs Xorenac’i 2003: 1918, 2073). Thus, it may well be a morphological innovation developed under the influence of other *č*-class motion verbs. The *i*-perfective stem is not attested, the causative past participle is used instead, cf. Movsēs Xorenac’i 2003: 1918: *Bayc’ Samueli Mamikoneni yink’n əmbṛneal z’uṭt’n Xosrovu ew zpatčēn t’lt’oyn naxararac’n zatuc’ eal i noc’anē gnac’ ar̄ kaysrn Arkad* ‘But Samuel Mamikonean acquired Khosrov’s letter and a copy of the princes’ letter, and abandoning them went to the Emperor Arcadius.’ (trans. Thomson 1978: 312).

### 3.2. Non-agentive *č*-class verbs

**Pakčim** ‘to be(come) affected’. The imperfective stem is attested only once in the Bible and can be interpreted either as a distributive punctive event or as a state (both aspectual meanings are typical for the imperfect forms), cf. *Wis.* 17, 14: *Ēr zi nšanawk’ c’noric’n*

---

of punctive change-of-state inchoatives (Hitt. *-ešš-*), sigmatic aorists, and iterative *\*s*-presents.

*pakčēin* (3 pl. impf.)... ‘and now **were driven** by monstrous specters’. The non-stative reading is typical for the perfective forms (*Josh. 7, 5: ew pakeaw sirt žotovrdeann ew eten ibrew zjur / και έπτοήθη ή καρδία τοῦ λαοῦ και έγένετο ὡσπερ ὕδωρ* ‘so the hearts of the people **melted** and became as water’) and imperfect subjunctive forms attested in the early classical texts, cf. the Armenian translations of Ephrem (Ep’rem 1836: 267, with reference to *Deut. 4, 19*): *Tesanic’ēk’ zaregahn ew zlusin, pakč’ic’ik’* (2 pl. pres. subj.), *jimaric’ik’* ‘You will see the sun and the moon, **will be drawn away** and go mad’.

No secure etymology (*HAB* 4: 7f.).

*Xrtč’im* ‘to be(come) anxious’. The imperfective stem is attested with the habitual meaning in Movsēs Xorenac’i (2003: 2085): ...*k’anzi yarajeln jis im xrtč’i*. ‘Because if I go first my horse **will shy** [lit. because my horse **gets nervous** from being first].’ (trans. Thomson 1978: 324) It is further attested in John Chrysostom’s *Commentary on Isaiah* (Yovhann Oskeberan 1880: 375): ...*et’ē oč’ eki zi datec’ayc’ zašxarh, ayl zi kec’uc’ic’: zi p’axč’ik’, zi xrtč’ik’?* ‘for I came not to judge the world, but to save the world: why you run away, why you **are/become anxious?**’; and in *The Commentary on Mathew* (Yovhann Oskeberan 1826, II: 547): *Zi xrtč’ēin imn i Kristosē ašakertk’n Yovhannu...* ‘Because John’s disciples **were/got anxious** about Jesus...’<sup>20</sup>. Both contexts allow for distributive punctive and stative readings. The stative and punctive inchoative aspects could be alternatively expressed by analytic noun predicates *xirtxirt linel* ‘to be anxious’ and *xirt i xirts matč’el* ‘to become anxious’ both attested e.g. in John Chrysostom’s *Homilies on the Epistles to the Philippians* (Yovhann Oskeberan 1862, I: 387f., 529).

The competing imperfective stem *xrtnu-* is found once in the Armenian translation of Severian of Gabala’s writings (Seberianos 1827: 58): *Jilk’ erkat’i` zanhnazand paranoc’s asē, or tattkayc’ē ew xusap’ic’ē mtanel ənd lčov astuacpaštut’ean, or yawrinac’n xrtnuc’u...* ‘He says that iron sinews do not obey the neck so that it would become weary, would escape from coming under the yoke of piety, and **would get frustrated** by law.’

No secure etymology (*HAB* 2: 371).

*Zart’č’im* ‘to awaken’ is a prepositional compound (from \**z-hart’č’im*)<sup>21</sup>. The imperfective stem occurs only twice in the non-

<sup>20</sup> *LALT* confuses the two citations from *NBHL* 1: 995, leaves out one of the two examples and, as a result, wrongly spells and attributes the source text of another one.

<sup>21</sup> Pres. *art’č’i-* is first attested in the undated Armenian translation of

biblical texts (Movsēs Xorenac'i, *Yačaxapatum*), while the perfective stem is well represented already in the Bible. Besides the Experiencer and Stimulus arguments, this verb has the facultative Source argument expressed by the ablative prepositional construction *i/y-* + abl. (e.g. *i k'noy* 'out of sleep').

The imperfective stem is attested in the infinitive form in Movsēs Xorenac'i 2003: 1834: *Ayl ew i čanaparhi nnjeln Hrudenay, ew Biwraspay k'aršeln i blurn, ew zart'č'eln* [note variants: (*i*) *zart'(n)č'el(n)*] *Hrudenay, ew tanel zna yayrs inč' lerinn ew kapel...* 'and [how] on the journey Hrudēn fell asleep and Biurasp dragged him to the hill; and Hrudēn **woke up** and led him to a cave in the mountain and bound him...' (Thomson 1978: 126). A series of nominalized infinitives describing past events suggests the punctual reading of *zart'č'eln*.

The verb is further attested in *Yačaxapatum*, a collection of homilies attributed to Grigor Lusaworič' or Maštoc' and dated to 7<sup>th</sup> c. in *LALT* (Абегян 1975: 81–83; Thomson 1995: 126f.). The passage from *Yačaxapatum* is a quote of Ps. 2, 12 that deviates from the standard Bible edition in the use of 3 sg. pres. subj. *zart'č'ic'i* instead of 3 sg. aor. subj. *borbok'esc'i* to translate Gk. 3 sg. aor. subj. ἐκκαυθῆ 'shall be kindled', cf. Lusaworič' 2003: 80: *Ənkalaruk' zxrət nora zi mi barkasc'i Tēr, ew kornč'ijik' i čanaparhac'n ardarut'ean i žamanaki yorum zart'č'ic'i barkut'iwn nora* (δράξασθε παιδείας, μήποτε ὀργισθῆ κύριος καὶ ἀπολεῖσθε ἐξ ὁδοῦ δικαίας. ὅταν ἐκκαυθῆ [ἐν τάχει] ὁ θυμὸς αὐτοῦ) 'Do homage to the Son, that He not become angry, and you perish in the way, for His wrath **may soon be kindled.**'

The stem *zart'nu-* is attested four times in the Bible (not in Agat'angelos, P'awstos Buzandac'i, Elišē, and Movsēs Xorenac'i contra *RADCA* 143). The infinitive *zart'nul* (*Num.* 23, 19; *Jer.* 47, 7; *Rom.* 13, 11) always translates the Greek aorist infinitive and denotes a punctual event. The only personal form is found in *Zech.* 4, 1 with the habitual meaning: *zor awrinak yoržam zart'nuc'u ayr i k'noy iwrme* (ὄν τρόπον ὅταν ἐξεγερθῆ ἄνθρωπος ἐξ ὑπνου αὐτοῦ) 'as a man who **is awakened** from his sleep'. The non-prefixed verb

---

Aphrahat's homilies ("Sermo unicus" of the cited edition that is labeled as "19" in *NBHL* 1: 554): *Tesanen zna amenayn imastumk', ew art'č'in i nmanē, ew oč' arnen zkams nora* / Vident eum omnes sapientes, et **cavent** ab ipso, et non implant voluntatem ejus 'All wizards see him and **restrain** from him, and do not fulfill his will.' (Aphrahat 1756: 441 = 1824: 378, wrongly attributed to Jacob of Nisibis; cf. Thomson 1995: 30). The imperfective stem has habitual meaning (distributive-punctive or distributive-durative).

*hart'num* is attested twice in the sense 'to move away' in Severian 1827: 126: *Bayc' ē ew ayl inč' orinak tesanel; yoržam urkan arkanič'i, juknn hart'nu, ew i mijin coc'n dimē*. 'But another example may be observed: when a net is cast, fish **rushes away** towards the bosom'. *Ew tēs zskānč'elisl, zi zārājinn satanay arkanēr urkan ašxarhi, ew dewk'n jgēin, ew ardark'n hart'nuin, ew artak's k'an zurkann elanēin*. 'And see the wonder: at first Satan casts a net to the world, and the devils stretch [it], and the righteous people **rush away** and escape the net.' In both cases, the *nu*-stem is used with the habitual meaning and refers to hasty ablative motion.

The aspectual properties of the examined *č*'-class verbs are summarized in the table below.

	Aorist indicative	Present/Imperfect indicative
<b>Agentive</b>		
<i>əndostč'im</i> 'to leap out'	n/a	progressive (punctive)
<i>hangč'im</i> 'to take rest'	limitative	stative
<i>matč'im</i> 'to approach'	completive	progressive, habitual (completive)
<i>ostč'im</i> 'to leap out'	n/a	distributive (punctive)
<i>p'axč'im</i> 'to flee'	n/a	habitual / distributive (completive)
<i>t'akč'im</i> 'to hide'	punctive	habitual / distributive (punctive)
<i>t'rč'im</i> 'to fly'	inchoative	habitual (progressive)
<i>zatč'im</i> 'to part'	n/a	distributive (punctive)
<i>yangč'im</i> 'to relax'	n/a	habitual (completive)
<b>Non-agentive</b>		
<i>pakč'im</i> 'to be(come) affected'	inchoative	distributive (inchoative/stative)
<i>xrtč'im</i> 'be(come) anxious'	n/a	habitual (inchoative /stative)
<i>zartč'im</i> 'to awaken'	inchoative	distributive (inchoative /stative)

#### 4. Derivational semantics of PArm. *\*-ē-skē/o-*

The three verbs of the *č*'-class with established Indo-European etymologies (*hangč'im*, *matč'im*, *t'akč'im*) are agentive; two of them have *\*-eh<sub>1</sub>-* (*\*-ē-*) and *\*-eh<sub>1</sub>-skē/o-* (*\*-ē-skē/o-*) cognates in Latin. This is an argument in favor of the assumption that the volitional Agent was typical for at least a part of the intransitive verbs that belonged to the morphological type in question from the earliest stages of Proto-Armenian.

The present stem of Lat. *taceō* most probably continue the PIE *\*-eh<sub>1</sub>-ye/o-* formation; the Armenian continuant of PIE *\*-eh<sub>1</sub>-ye/o-* is the imperfective mediopassive marker *-i-*, cf. Arm. *nstim* 'to sit'

from *\*ni-sēd-ē-ye/o-* ‘to remain seated’ (cf. OCS. *СѢДѢТИ*, see Meillet 1936: 108; Godel 1975: 120; Klingenschmitt 1982: 9–11). The telic eventive verb PIE *\*sed-* ‘to sit down’ is an autocausative reflexive verb the Subject of which corresponds to the co-referent Actor and Undergoes. The internal limit of this telic predicate is expressed in the prepositional compound stem *\*ni-sed-*. The stative *\*-eh<sub>1</sub>-* suffix would then denote the resultant state of the Agent<sup>22</sup>. I assume, that the fact that the volitional Agent keeps control over the resultative predicate is responsible for the eventive (dynamic) interpretation of the state, whence the secondary intransitive marker *\*-ye/o-*<sup>23</sup>. Note that the aorist of *nstim* is *nst-ay* not *\*nst-e-ay*; it goes back to the root aorist of the original eventive verb.

The *\*-eh<sub>1</sub>-skē/o-* (or *\*-ē-skē/o-*) formant could develop along the same lines in the case of stative *hangčim* ‘to take rest’. The question then arises what was the grammatical or chronological difference between PArm. *\*-eh<sub>1</sub>-ye/o-* (Arm. *\*hangim*) and *\*-eh<sub>1</sub>-skē/o-* (Arm. *hangčim*). A similar derivational pattern is provided by the Greek verbs *ποθέω* ‘to regret’ → Hom. *ποθέεσκον*, and *φιλέω* ‘to love’ → Hom. *φιλέεσκε* (Sihler 1995: 521). Significantly, the *εσκ-*derivatives are quasi-synonymous to the underlying stative *ε-*stem.

Besides a stative verb, the agentive verbs of the *č-*class comprise verbs denoting controlled motions, both processual (*matčim* ‘to come close’, *p’axčim* ‘to flee’, *t’rčim* ‘to fly (away)’, *yangčim* ‘to relax’) and punctual (*ostčim*, *andostčim* ‘to leap out’, *t’akčim* ‘to hide’, *zatčim* ‘to depart’).

The verbs that belong to the agentive type of *č-*verbs semantically overlap with the *an-e/i-*class, cf. *t’rčim* / *t’ranim* ‘to fly’, *ostčim* / *ostanim* ‘to leap out’, and *zatčim* ‘to part’ / *zatanem* ‘to separate’. Note that all the intransitive *ane-*class verbs denote motions: *anc’anem* ‘to come up, pass’, *elanem* ‘to go out; to mount’, *ij’anem* ‘to go down’, *hasanem* ‘to reach’, *mtanem* ‘to come in’. Prepositional compound pres. act. *y-anc’anem*, aor. mp. *y-anc’e-ay* ‘to transgress’ (derived from pres. act. *anc’anem*, aor. act. *anc’-i* ‘to

<sup>22</sup> The resultative value of PIE *\*-eh<sub>1</sub>-* fits well into Cowgill’s claim (1973) that the primary function of the suffix was to derive “stative” stems out of telic dynamic verbs (“aoristic roots”). It may be illustrated by such reconstructions as PIE *\*g<sup>h</sup>eh<sub>x</sub>b<sup>h</sup>-* ‘take’ → *\*g<sup>h</sup>ə<sub>x</sub>b<sup>h</sup>-eh<sub>1</sub>-(ye-)ti* > Lat. *habēō* ‘to have’ (LIV 195), and PIE *\*swelH-/sw<sub>l</sub>H-* ‘to swell’ → *\*sw<sub>l</sub>H-eh<sub>1</sub>-* ‘to be(come) swollen’, Hitt. *šulle-/šulla-* ‘id.’ (Melchert 2005).

<sup>23</sup> See Yakubovich 2013b: 64f. with an up-to-date overview of the PIE secondary intransitive suffix *\*-ye-* and its traces in Anatolian and Indo-Iranian.

pass') is a morphologically intermediate type<sup>24</sup>. The volitional Agent of these verbs is certainly responsible for the active inflection of the markedly transitive *ane*-class which comprises morphological causatives in *-uc'-ane-*. The autocausative (reflexive) interpretation of the motion verbs may be the reason for their partial transfer to the *č̣*-class motion; the autocausative semantics would explain such morphological deviations of the *č̣*-class as the anomalous use of the causative past participle *-uc'-eal* to express basic intransitive meaning, and the active inflection of the aorist subjunctive conjugation (except mp. 1sg.) with the reflexive middle meaning.

Klingenschmitt (1982: 78) evokes the morphological parallelism between Gk. ἀλδήσκω 'to grow' : ἀλδαίνω 'to make to grow' and Arm. *zatč̣im* 'to depart' : *zatanem* 'to separate'. However this comparison does not seem probative, since *zatanem* is attested with the intransitive meaning of a motion verb (see above) and the motion verbs in *-ane-* do not add valence to the base verb in Armenian. Here, the reflexive value of *z-* (cf. *hatanem* 'to depart' with non-volitional Subjects) goes hand in hand with the suggested autocausative interpretation of the *č̣*-class verbs of motion.

This scenario finds further support in anticausative *zart'č̣im* 'to awaken' ← *zart'num* from an agentive motion verb *hart'num* 'to rebound'. The change is best explained through the intermediation of a reflexive derivational model: *z-* + *-č̣-*.

In order to account for the non-stative agentive verbs of the *č̣*-class, I consider the following possibility. The gradual grammaticalisation of the resultative markers to the markers of perfect, aorist, and preterit is a commonplace of the linguistic typology<sup>25</sup>. If such process happened in a subclass of PIE *\*-eh<sub>1</sub>-* stems they could replace the older root "aorists" under specific conditions and would subsequently serve as basis for derived *\*ské/o-*stems expressing a

<sup>24</sup> The prefix *y-* accompanies actional derivation of a telic process contingent with the state expressed by the non-prefixed stative predicate, cf. *hangč̣im* 'to take rest' → *y-angč̣im* 'to relax', *y-awelum* 'to add to' from *aweli* 'more'. The terminative force of the prefix *y-* is consistent with the directional value of the prepositional construction *i/y-* + accusative. When added to an eventive predicate, which is the case of *anc'anem* 'to pass by' → *yanč̣anem* 'to transgress, to commit a crime', *y-* marks the telicity.

<sup>25</sup> The grammaticalization from resultative to perfect (or from stative to inchoative) markers is widely discussed in the Indo-European studies with regards to the reduplicated perfect, e.g. Маслов 1983, Nedjalkov 1988, Kümmel 2000. Just like in the reduplicated perfect forms in Ancient Greek, the gradual process of such grammaticalization could affect different lexical classes and even individual verbs at varying speed.

wide range of secondary imperfective meanings proper for the actional classes of punctual events or telic processes. Optionally, one can assume that the perfectivised resultative received an additional perfective marker \*-s- (or that the resultative was perfectivised by \*-s-)<sup>26</sup> yielding \*-ē-s- consistent with Klingenschmitt's etymology of *i*-perfective in Armenian. Thus, \**tak-ē-* 'to be silent' > \**tak-ē(-s)-* 'to get silent/hide' → *tak-ēske/o-* 'to be getting silent/hide' > *t'ak'č'im*<sup>27</sup>, \**mad-ē-* 'to be close' > \**mad-ē(s)-* 'to get close' → \**mad-ēske/o-* 'to be getting close' > *matč'im*.

The non-agentive verbs of the *č'*-class are anticausative predicates denoting "psychological" events or states (psych verbs); their Subject is an Experiencer and the facultative Oblique Object is a Stimulus. The case marking of a Stimulus coincides with the marking of an Agent in the passive construction (instrumental case or the prepositional construction *i/y-* + abl.), on the one hand, and with the Source argument of motion verbs (the prepositional construction *i/y-* + abl.). This may be one of the morphological ties between the agentive verbs of motions and non-agentive anticausative verbs of the *č'*-class.

<sup>26</sup> Note that \*-s- marked the change-of-state event preceding the resultant state in the inchoative \*-*eh<sub>1</sub>-s-* stems (cf. Hitt. -*ē-šš-*, Watkins 1971; see also Kloekhorst 2008: 255 who reconstructs \*-*eh<sub>1</sub>-sh<sub>1</sub>-* to account for -*šš-*). In this way, \*-s- acquired the prospective value with regards to the resultative stem to which it was added. This prospective value of \*-s- may be related to the derivational semantics of the sigmatic future formations in \*-*eh<sub>1</sub>-s-* attested in a number of Indo-European branches (Gk. -*ησ-*, Balt. -*ěsiu*, see Jasanoff 2003); cf. the derivational semantics of the preposition *no-* in Russ. imperfect. pret. ("imperfect") *нѣс* 'I was bearing' : perfect. pret. ("aorist") *но-нѣс* 'I started bearing' along with pres. *несу* 'I bear' : fut. *но-несу* 'I will bear'. If the sigmatic \*-*eh<sub>1</sub>-s-* (\*-*ē-s-*) marked the inchoative telic events, the question arises whether its progressive aspect was marked by a derived (\*-*eh<sub>1</sub>-s-ke/o-*) or substituted (\*-*eh<sub>1</sub>-ske/o-*) morpheme.

<sup>27</sup> According to Haverling 1996: 177, the Late Latin *tacēscō* is an unprefixated derived form from the corresponding Classical Latin *conticēscō*. It is noteworthy that Lat. *conticēscō* is characterized by the prefix *con-*. "Con- indicates that the action or process described by the *sco*-verb is terminative without emphasizing its beginning or end..." (Haverling 1996: 171; see also Rosén 1992). Along the same lines, P. Chantraine assumed that -(*i*)*σκο-* marked accomplishment of a telic process and was often accompanied by a prefix as in Hom. ἀπο-, κατα-θνήσκω (DELG 62, 422, 702). PIt. \*-*ēsc-* may have comparable derivational background; the \*-*ē-* suffix would then be a perfective maker just like \*-*i-* (whatever be its origin) in Gk. -*i-σκο-*.



The *č̣*-class anticausatives semantically overlap with the *a*-class psych verbs, cf. *ateam* tr. ‘to hate’ (aor. *atec’ay*) from *\*ati-am*)<sup>28</sup> from PArm. *\*H(o)d-ē-* (cf. PIE stative *\*h<sub>3</sub>e-h<sub>3</sub>(o)d-*, Lat. pf. *ōdī*, LIV 296). The grammatical contrast consists in the following properties: the *a*-class psych verbs are transitive (cf. *c’ankam* tr. ‘I wish’), do not have valence on a Stimulus, and their imperfective stem denotes a state.

In my opinion, the non-agentive *č̣*-class verbs are best explained as outshoots of the object-oriented resultatives in *\*-eh<sub>1</sub>-* (*\*-ē-*) which grammaticalized to the perfective marker within in Proto-Armenian. Object-oriented resultatives (like *\*swelH-/swl̥H-* ‘to swell’ → *\*swl̥H-eh<sub>1</sub>-* ‘to be(come) swollen’, Hitt. *šulle-/šulla-* ‘id.’, see n. 20) would be a natural source for Greek passive aorists in *-η-*, cf. *ἐμίγη* ‘(is) mixed’ (mainly primary verbs). The hypothesis that *\*-eh<sub>1</sub>-* alone (not *\*-eh<sub>1</sub>-ye/o-*) could shape a stative/resultative stem has been recently criticized in Jasanoff 2003. However, the evidence of the Armenian *č̣*-class seems to support Cowgill’s hypothesis of the stative value of *\*-eh<sub>1</sub>-*. The derivational path from object-oriented resultative *\*-eh<sub>1</sub>-* to punctive inchoative event finds further support in Middle Iranian decausative inchoative intransitives in *-ās-*, recently studied in Yakubovich 2013, cf. Chor. *γr’s / γr’d* ‘to awaken’. According to Yakubovich, the inchoative *\*-ā-sa-* could replace the earlier *\*-ā-ia-*. This replacement should probably be analyzed in terms of actional derivation rather than a formal analogical change.

There is a wide-spread opinion that quite a number of Armenian verbs have both *č̣*- and *nu*-stems (e.g. Meillet 1936: 110, Jahukean 1987: 378). In fact, only *p’axč̣im* and *p’axnum* prove to be by-forms in the Bible (unlike *p’axč̣im*, the latter stem is not found elsewhere). None other verb shows variation of *-č̣-* and *-nu-* within the securely attributed 5<sup>th</sup> c. texts (Eznik, Koriwn, Agat’angelos, Łazar P’arpec’i, P’awstos Buzandac’i; apud RADCA: 5). Besides *p’axč̣i-/p’axnu-*, three verbs show variation in the later texts dated in RADCA and LALT up to, but not including, Grigor Narekac’i (*t’ak’č̣i-/t’ak’nu-*, *xrtč̣i-/xrtnu-*, *zart’č̣i-/zart’nu-*); even then, the two stems are distributed among different authors and are unequally represented. The stems *ostnu-* (NBHL 2: 523; HAB 3: 569 and RADCA: 144) and *paknu-* (NBHL 2: 585; HAB 4: 7; RADCA: 143) are not attested within the scope of the early classical literature considered in RADCA. No *t’ak’nu-* is attested in the 7<sup>th</sup>–8<sup>th</sup> c. Armenian translation

<sup>28</sup> Barton hypothesis that the Armenian *a*-stems continue the PIE *\*-h<sub>1</sub>-ye/o-* (Barton 1990–1991) is dubious; note in particular that Arm. *mnam* ‘to remain’ from PArm. *\*mēn-ā-* is not compatible with the ablaut of *\*m̥h<sub>1</sub>-yé/ó-*.

of Ireneus's *Adversus Haereses* (1910) referred to in *RADCA*: 144; instead, one finds forms derived from the *č'*-imperfective and *i*-perfective stems. The *nu*-stem characterizes three morphological classes that have: 1) root perfective, 2) *c'*-perfective, 3) *i*-perfective. The latter type has the causative past participle in *-uc'-eal* and is undoubtedly the source of confusion with the respective *č'*-class.

The verbal class characterized by the *nu*-imperfective and *i*-perfective stems comprise agentive (e.g. *zbatnum* 'to be occupied', *p'snum* 'to stare', *paxnum* 'to run up to', *hartnum* 'to retreat') and non-agentive (e.g. *c'asnum* 'to be angry', *k'atc'num* 'to starve, get hungry') verbs. The anticausative semantics is prominent in *zbatnum* and is consistent with the motion verbs; the non-agentive verbs are clear anticausatives. Again, the anticausative semantics might explain the *i*-perfective, causative participle and the active subjunctive inflection in intransitive contexts for this sub-set of the *nu*-class.

It is difficult to pinpoint the grammatical contrast between the *č'*- and *nu*-class verbs with the *i*-perfective stem. It should be noted however that while *č'*-verbs of motion are predominantly used in ablative (source-oriented) contexts, the *nu*-class verbs of motion are directive (goal-oriented), cf. *Amos* 5, 19 above. The Stimulus of the anticausative *č'*-verbs is external and is marked like the Agent of passives, while the Stimulus of the anticausative *nu*-verbs is either internal and is regularly omitted (*k'atc'num* 'to starve') or is marked differently than that of the *č'*-verbs, e.g. the Stimulus of *c'asnum* 'to be angry' is expressed by the dative (*Tob.* 5, 19), *and* + accusative (*Jn.* 7, 23), *i veray* + genitive (*IEsdras* 1, 52), *ar* + accusative (*IEsdras* 4, 31), *vasn* + genitive (*Movsēs Xorenac'i* 3: 17), but never as *i/y-* + ablative. These phenomena may be ultimately related to the aspectual contrast between inchoative and completive reading of the *i*-perfective stem resulting in the source-oriented *č'*-imperfectives and goal-oriented *nu*-imperfectives respectively. This tentative suggestion requires further study.

To sum up, the imperfective *č'*-stem expressed a variety of aspectual meanings of intransitive verbs depending on the lexical meaning. The progressive aspectual meaning is very rare for *č'*-imperfective indicative forms. On the contrary, the stative and secondary imperfective aspects of the underlying punctive/completive events are well attested. The tendency of *č'*-stems to describe secondary aspectual meanings derived from punctive and completive ones of the underlying *i*-perfective stems may be considered as an argument in favor of the hypothesis that Proto-Armenian or late Indo-European

\**skē/o*-formations had a period of productivity while \*-*eh<sub>1</sub>*- (\*-*ē*-) was either gradually turning into a marker of the mediopassive perfect or were “perfectivised” by means of \*-*s*-.

### Abbreviations

- DELG – Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots / Taillardat J., Masson O., Perpillou J.-L. (eds.). Paris, 2009.
- HAB – Ačāryan Hr. Hayerēn armatakan baṛaran. I–IV. 2<sup>nd</sup> ed. Yerevan, 1971–1979.
- LALT – The Leiden Armenian Lexical Textbase / Weitenberg J. J. S. (ed.), 2003. Scholarly Digital Editions: <http://www.sd-editions.com/LALT>.
- LIV – Lexicon der indogermanischen Verben / Rix., H. et al. (eds.). 2 ed. Wiesbaden, 2001.
- NBHL – Nor baṛgirk' haykazean lezui. I–II. Yerevan, 1979–1981.
- RADCA – Jungmann P., Weitenberg J. J. S. A Reverse Analytical Dictionary of Classical Armenian. NY; Berlin, 1993.

### Primary sources and translations

- Agat'angelos 2003 – Iwzbašean K., Muradean P. (eds.). Agat'angelos. Patmut'iwn hayoc' / Ekawean Z. (ed.). Armenian Classical Authors. Vol. II. Antelias, 2003. P. 1289–1736.
- Aphrahat 1756 – Antonelli N. (ed.). Opera S. Jacobi Nisibi. Rome, 1756 (= Jakob Mcbnay. Girk' or koči Zgawn. Kosdandnupolis, 1824).
- Bedrosian 1985 – Bedrosian R. Ghazar P'arpets'i's History of the Armenians. New York, 1985. <http://rbedrosian.com/gpintro.htm>.
- Bible – Hovhannēs Zōhrapean (ed.). Astowacašownc' matean hin ew nor ktakaranac', Venetik 1805.
- Elišē 2003 – Iwzbašean K., Muradean P. (eds.). Elišē. Vasn Vardanay ew Hayoc' paterazmin // Ekawean Z. (ed.). Armenian Classical Authors. Vol. I. Antelias, 2003. P. 515–738.
- Ep'rem 1836 – Srboyn Ep'remi Matenagrut'iwnk'. Vol. I. Commentary on Deuteronomy. Venice. 263–295.
- Eznik Kołbac'i 2003 – K'eosēean Y. (ed.). Eznik Kołbac'i. Etc ałandoc' // Ekawean Z. (ed.). Armenian Classical Authors. Vol. I. Antelias, 2003. P. 431–513.
- Ireneus 1910 – Ter-Mekerttschian K., Ter-Minassianz E. (eds.). 1910. Irenaeus gegen die Häretiker. Buch IV und V in Armenischer Version. Leipzig, 1910.
- Łazar P'arpec'i 2003 – Iwzbašean K., Muradean P. (eds.). Łazar P'arpec'i. Patmut'iwn hayoc' // Ekawean Z. (ed.). Armenian Classical Authors. Vol. II. Antelias, 2003. P. 2201–2294.
- Lusaworič' 2003 – K'eosēean Y. (ed.). Grigor Lusaworič'. Yačaxapatum Čark' // Ekawean Z. (ed.). Armenian Classical Authors. Vol. I. Antelias, 2003. P. 1–153.
- Mandakuni 2003 – Step'anean L. (ed.). Yovhan Mandakuni. Čark' // Ekawean Z. (ed.). Armenian Classical Authors. Vol. I. Antelias, 2003. P. 1153–1288.

- Philo 1953 – Marcus R. (trans.). *Philo: Questions and Answers on Genesis*. 1953 (Loeb Classical Library No. 380).
- Movsēs Xorenac'i 2003 – Muradean P., Iwzbašean K. (eds.). *Movsēs Xorenac'i. Patmut'iwn hayoc' // Ekawean Z.* (ed.). *Armenian Classical Authors*. Vol. II. Antelias, 2003. P. 1737–2196.
- Philo 1826 – Awgerean M. *P'iloni Ebrayec'woy Mnac'ordk' i Hays // Philonis Judaei Paralipomena Armena*. Venice, 1826.
- Seberianos 1927 – Awgerean M. (ed.). *Seberianos kam Sewerianos i Emesac'woy Gabalac'woy episkoposi Čark'*. Venice, 1927.
- Thomson 1978 – Thomson R.W. *Moses Khorenats'i. History of the Armenians*. Harvard, 1978.
- Yovhann Oskeberan 1826 – Yovhannu Oskeberani *yAwetaranagirn Matt'ēos girk' krkin*. I–III. Venice, 1826.
- Yovhann Oskeberan 1862 – Yovhannu Oskeberani *meknut'iwn t'foc'n Pawłosi*. I–II. Venice, 1862.
- Yovhann Oskeberan 1880 – Tiroyea, A. (ed.). *Yovhannu Oskeberani meknut'iwn Esayeay margarēi*. Venice, 1880.

### Works cited

- Абегян 1975 – Абегян М. *История древнеармянской литературы*. Ереван, 1975.
- Бондарко 1987 – Бондарко А. В. (отв. ред.). *Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. Л., 1987.
- Горбова 2010 – Горбова Е. В. *Акциональность глагольной лексики и аспектуальные граммемы. Вопросы взаимодействия*. СПб., 2010.
- Джаукян 1982 – Джаукян Г. Б. *Сравнительная грамматика армянского языка*. Ереван, 1982.
- Маслов 1983 – Маслов Ю. С. *Результатив, перфект и глагольный вид // Недялков В. П. (ред.), Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект)*. Л., 1983.
- Недялков 1984 – Недялков В. П. *Заметки по типологии начинательных конструкций // Сусов И. П. (ред.), Прагматика и семантика синтаксических единиц: сборник научных трудов*. Калинин, 1984.
- Плунгян 2011 – Плунгян А. В. *Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М., 2011.
- Barton 1990–1991 – Barton Ch. R. *On the denominative a-statives of Armenian // Revue des études arméniennes*. 1990–1991. Vol. 22. P. 29–52.
- Clackson 1994 – Clackson J. *The linguistic relationship between Armenian and Greek*. Oxford, 1994.
- Cowgill 1973 – Cowgill W. *The source of Latin stāre, with notes on comparable forms elsewhere in Indo-European // The Journal of Indo-European studies*. 1973. Vol. 1. P. 271–303.
- Croft 2012 – Croft W. *Verbs: Aspect and Causal Structure*. Oxford, 2012.
- Duhoux 1992 – Duhoux Y. *Le verbe grec ancien. Éléments de morphologie et de syntaxe historiques*. Louvain-la-Neuve, 1992.
- Godel 1975 – Godel R. *An Introduction to the Study of Classical Armenian*. Wiesbaden, 1975.

- Haverling 1996 – Haverling G. On sco-verbs, on prefixes and on semantic functions // Hannah Rosén (ed.). *Aspects of Latin, Papers from the 7<sup>th</sup> International Colloquium on Latin Linguistics, Jerusalem, April 1993*. Innsbruck, 1996. P. 169–180.
- Hoffner, Melchert 2002 – Hoffner H. A., Melchert H. C. A practical approach to verbal aspects in Hittite // Stefano de Martino and Franca Pecchioli Daddi (eds.). *Anatolia Antica. Studi in memoria di Fiorella Imparati*. Firenze, 2002. P. 377–390.
- Jahukyan 1987 – Jahukyan G. B. *Hayoc' lezvi patmut'yun: naxagrayin zhamanakašryan*. Yerevan, 1987.
- Jasanoff 2003 – Jasanoff J. H. “Stative” \*-ē- revisited // *Die Sprache*. 2003. Bd. 43/2. P. 127–170.
- Jasanoff 2003 – Jasanoff J. H. *Hittite and the Indo-European Verb*. Oxford University Press, 2003.
- Klingenschmitt 1982 – Klingenschmitt G. *Das altarmensische Verbum*. Wiesbaden, 1982.
- Kloekhorst 2008 – Kloekhorst A. *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden, 2008.
- Kocharov 2011 – Kocharov P. On ana-presents of Armenian // *Indogermanistik und Linguistik im Dialog. Akten der XIII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 21. bis 27. September 2008 in Salzburg*. Wiesbaden, 2011. P. 271–278.
- Kümmel 2000 – Kümmel M. *Das Perfekt im Indoiranischen: eine Untersuchung der Form und Funktion einer ererbten Kategorie des Verbuns*. Wiesbaden, 2000.
- Laar 2000 – Laar H. van de. *Description of the Greek individual verbal systems*. Amsterdam, 2000.
- Lamberterie 1990 – Lamberterie Ch. de. *Les adjectifs grecs en -υς: sémantique et comparaison. Vol. I–II*. Louvain-la-Neuve, 1990.
- Lamberterie 2005–2007 – Lamberterie Ch. de. *L'augment dans le texte arménien de l'Évangile // Revue des études arméniennes. 2005–2007. Vol. 30*. P. 31–57.
- Lehmann 1986 – Lehmann W. P. *A Gothic Etymological Dictionary*. Leiden, 1986.
- Lyonnet 1933 – Lyonnet S. *Le parfait en arménien classique*. Paris, 1933.
- Martirosyan 2010 – Martirosyan H. *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden, 2010.
- Meillet 1910–1911 – Meillet A. *La syntaxe comparée de l'arménien. IV. Emploi des formes personnelles des verbes // Mémoires de la société de linguistique de Paris. 1910–1911. Vol. 16*. P. 92–131.
- Meillet 1936 – Meillet A. *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique. 2 éd.* Vienne, 1936.
- Melchert 1998 – Melchert H. C. Aspects of verbal aspect in Hittite // S. Alps and A. Süel (eds.). *Uluslararası Hititoloji Kongresi Bildirleri. Acts of the 3<sup>rd</sup> International Congress of Hittitology. Çorum, September 16–22, 1996*. Ankara, 1998. P. 413–418.
- Melchert 2005 – Melchert H. C. Latin *īnsolēscō*, Hittite *šulle(šš)-* and PIE Statives in *-ē-* // *Казанский Н. Н. (ред.). Нрдā Mānasā. Сборник статей к 70-летию со дня рождения проф. Леонарда Георгиевича Герценберга*. СПб., 2005. P. 90–98.

- Nedjalkov 1988 – Nedjalkov V. P. (ed.). *Typology of resultative constructions*. Amsterdam, 1988.
- Olsen 1999 – Olsen B. A. *The Noun in Biblical Armenian. Origin and Word-Formation*. NY; Berlin, 1999.
- Pedersen 1906 – Pedersen H. *Armenisch und Nachbarsprachen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1906. Bd. 39. S. 334–485.
- Rau 2009 – Rau J. *Indo-European Nominal Morphology: The Decads and the Caland System*. Innsbruck, 2009.
- Rosén 1992 – Rosén H. B. Die Komposita mit co(n)- in funktioneller und vergleichender Sicht // O. Panagl, Th. Krisch (eds.). *Latein und Indogermanisch. Akten des Kolloquiums der Indogermanischen Gesellschaft*. Salzburg; Innsbruck, 1992. S. 357–367.
- Sihler 1995 – Sihler A. *New comparative grammar of Greek and Latin*. Oxford, 1995.
- Solta 1960 – Solta G. *Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Eine Untersuchung der indogermanischen Bestandteile des armenischen Wortschatzes*. Wien, 1960.
- Tatevosov 2002 – Tatevosov S. The parameter of actionality // *Linguistic typology*. 2002. Vol. 6. P. 317–401.
- Thomson 1995 – Thomson R. *A bibliography of classical Armenian literature to 1500 AD*. Turnhout, 1995.
- Vaan 2008 – Vaan M. de. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden, 2008.
- Vaux 1998 – Vaux B. *The phonology of Armenian*. Oxford, 1998.
- Vine 1993 – Vine B. Greek -ισκω and Indo-European “\*-iske/o-” // *Historische Sprachforschung*. 1993. Bd. 106. S. 49–60.
- Viredaz 2012 – Viredaz R. *Origine du type canawt<sup>č</sup>, čanač<sup>em</sup> et questions connexes (Materials for the presentation at the 9<sup>th</sup> International Conference on Armenian Linguistics)*. St. Petersburg 7–9 November.
- Watkins 1971 – Watkins C. Hittite and Indo-European studies: the denominative statives in \*-ē- // *Transactions of the Philological Society*. 1971. P. 51–93.
- Weitenberg 1986 – Weitenberg J. J. S. Infinitive and participle in Armenian // *Annual of Armenian Linguistics*. 1986. Vol. 7. P. 1–26.
- Yakubovich 2013a – Yakubovich I. Reflexes of Indo-European ‘ē-statives’ in Old Indic // *Transactions of the Philological Society*. 2013. P. 1–23.
- Yakubovich 2013b – Yakubovich I. Middle Iranian Intransitives in -ās- // Лурье П. Б., Тохтасьев С. Р. (ред.). *Commentationes Iranicae: сборник статей к 90-летию В. А. Лившица*. СПб., 2013. P. 64–73.

### **P. A. Kocharov. Derivational semantics of Classical Armenian č-stems**

The paper presents a study on the Classical Armenian verbal class characterized by the imperfective č-stem and perfective *i*-stem. The etymology remains controversial for both stems. The paper aims to show how the account of the argument structure and aspect can contribute to the diachronic analysis of the imperfective -č- and perfective -*i*- suffixes and their paradigmatic relations.

*Keywords:* Classical Armenian, voice, actionality, aspect, imperfective stems.

## VARIA GALLICA ET PSEUDO-GALLICA<sup>1</sup>

В статье рассматриваются три надписи из южной Галлии. Надпись из Веллерона имеет большое значение для анализа многоязычия в этом регионе. Как показывает исследование, предложенные интерпретации содержащихся в ней личных имен не являются исчерпывающими. Надпись на кабаньем клыке из департамента Буш-дю-Рон, выполненная вариантом этрусского письма, может быть галльской, а не лепонтийской, как считают ее издатели. Граффити из Энтремона, вопреки мнению ряда исследователей, не содержит галльских антропонимов.

*Ключевые слова:* эпиграфика, континентальный кельтский, ономастика, языковые контакты.

### І. Надпись из Веллерона

Недавно найденная в Веллероне (департамент Воклюз, юго-восток современной Франции) надпись на стеле представляет интерес как для исследования собственно галльского языка, так и для изысканий по установлению языковой ситуации в Южной Галлии в античности. Написанный греческим алфавитом текст датирован М. Батом второй половиной первого века до нашей эры (Bats 2011: 222). Надпись была издана практически одновременно М. Батом (Bats 2011: 222–225) и А. Муллен (Mullen 2013: 183–189); британская исследовательница, впрочем, сумела включить в свое издание ряд комментариев к интерпретации М. Бата. Оба исследователя приводят фотографию надписи, которая непротиворечиво читается как

ΚΑΕΙΟΥС | ΙΝΔΟΥΤΙΑ | Ο | ΣΑΜΟΛΑ | ΤΙCΑΝΕ | ΚΤΙΑ | ΟΥΑΛΗΤΕ

Как Бат, так и Муллен отметили наличие в этом тексте латинского глагола, ΟΥΑΛΗΤΕ = *ualēte*, с использованием эты для передачи долгого [e:]. Некоторые разногласия в интерпретации надписи вызвал анализ представленных в ней личных имен. Нет сомнений, что первое имя – это латинское Caius, однако второе имя в этой надписи несколько проблематично. При том, что оно несомненно является галльским, его этимология – несмотря на неоднократные попытки предложить тот

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00351.

или иной подход к его предыстории – остается проблематичной, см. Falileyev, в печати. Однако основной проблемой его интерпретации остается связь с предыдущим именем. А. Муллен (Mullen 2013: 185–6) обоснованно полагает, что имя стоит не в дательном падеже, а в именительном, и пытается объяснить отсутствие ожидаемого финального *-s*. Она отвергает возможность того, что это *-s* мы находим в следующей строке – имя *Samolatis* нуждается в начальной сигме, а *\*Amolatis*, с её точки зрения, трудно объяснить. В действительности, антропоним *Samolat-*, похоже, неизвестен (см. Delamarre 2007 и Raybould, Sims-Williams 2009), хотя его компоненты известны в других комбинациях, и Муллен (Mullen 2013: 186–7) тщательно рассматривает различные варианты его анализа. Что же касается *\*Amolatis*, то возможность существования галльского *\*amo-* и его наличие в личных именах уже рассматривались в литературе, см. Falileyev 2013: 4–5 и подборку форм в Delamarre 2007: 20. Гаплография в данном случае также оказывается вполне вероятной, и, действительно, именно так объясняет отсутствие финального *-s* в *INΔΟΥΤΙΛΟ Μ. Βατ* (Bats 2011: 223). Никто из исследователей не ставит вопрос об ошибке резчика, «забывшем» о финальной сигме, или даже ипсилоне, что позволило бы объяснить эту форму как оформленный по правилам греческой грамматики генитив, что может быть, в свою очередь, приемлемым для галло-греческой эпиграфики в этом регионе.

Муллен, однако, исходит именно из формы *INΔΟΥΤΙΛΟ* и пытается объяснить исчезновение финального *-s*, отмечая, что исследователи указывали на подобное явление при анализе поздних галльских текстов (ссылаясь на работу Lambert 2003: 47), и полагает, что оно могло быть засвидетельствовано в более ранний период. Это отнюдь не так – как показал Д. Штифтер в специально посвященной этой проблематике статье, в раннем галльском – а именно к этому периоду и принадлежит рассматриваемая надпись из Веллерона – конечный сибилант сохранялся, особенно в «высоком регистре», к которому принадлежит и язык эпитафий (Stifter 2012: 533–534). Хотя Штифтер в недавней статье существенно пересмотрел свои взгляды на судьбу финального *-s* в галльском языке следующего периода его истории (Stifter 2013: 169–171), эти новые выводы могут быть приложены к интерпретации ранней надписи из Веллерона лишь весьма условно. Действительно, Д. Штифтер ныне полагает, что ослабление и исчезновение финального *-s* в галльском началось уже на первом зафиксированном этапе его развития. Однако



исследователь связывает это явление на данной стадии истории языка с «длинными формами» (дательный и инструментальный падеж множественного числа, Stifter 2013: 169), к которым рассматриваемый пример не относится. Таким образом, наши сведения об исторической фонетике галльского не позволяют, на первый взгляд, реконструировать здесь номинатив с падением финального *-s*. А. Муллен, впрочем, выбирает более экономичный вариант обсуждения: она ссылается на недавно найденное граффито INDOYTILO из Буш-дю-Рон и считает, что «потеря /s/ в этом имени (и, возможно, других) стало нормой по неизвестным для нас причинам».

В этой связи следует обратить внимание на недавно найденную и только что опубликованную галльскую таблицу из Шартра, в которой содержится целый ряд личных имен. Преимущественно они представлены формульным сочетанием антропонима с патронимиком в родительном падеже, напр. *Vatumaros Senouiri* (V. сын S.), однако в этом тексте мы встречаем – достаточно неожиданно – *Cantognatus Virato*. Несомненно, форма *Virato* не может быть генитивом, и имеется несколько возможностей ее интерпретации вне зависимости от изначального происхождения этого имени, о чем см. Stüber 2013: 161 и 163, а также статью Л. Репаншека в этом же томе. Так, К. Штюбер предлагает видеть в нем форму номинатива *n*-основы и ссылается на зафиксированное имя (nom.) *Virato* (Stüber 2013: 163). Приводимая швейцарской исследовательницей пара *Virato* и гипокористическое *Viratilus* (см. также ссылки на их аттестации в Delamarre 2007: 201) позволяет задуматься о возможности существования *Indutilo* (*n*-основа) при известном *Indutillus* (монетная легенда). Однако в галло-греческом номинатив *n*-основ засвидетельствован исключительно с окончанием *-ου*, ср. κοινου, δολου (Lambert 2003: 62, об общекельтск. \**ō* см. Sims-Williams 2007: 315–316), и в таком случае мы должны вновь постулировать ошибку резчика, забывшего о финальном ипсилоне. Объяснение этой формы из надписи из Веллерона вряд ли может быть связано с «латинским фактором» (ср. ΟΥΑΛΗΤΕ = *ualēte*, о чем см. ниже), так как в этом случае, скорее всего, лат. /*ō*/ было бы передано с помощью омеги, а не омикрона. В любом случае, приведенная выше аттестация из Буш-дю-Рон остается энигматичной.

Наблюдения касательно отсутствия финального *-s* в номинативах латинских имен в надписи из Шартра (Stüber 2013: 164) и любопытные комментарии синтагматического плана в этой

связи Д. Штифтера (Stifter 2013: 171) к интерпретации рассматриваемой надписи, как представляется, не приложимы. Возможно, впрочем, что выше указанное предположение Д. Штифтера о падении финального *-s* в «длинных (грамматических) формах» может распространяться и на «длинные» (многоморфемные) слова. В этой связи следует отметить, что в галльском корпусе количество относящихся к *n*-основам существительных ограничено, особенно в ном. sg., и многосложные слова с окончанием в номинативе единственного числа *-ū* (< *ō*) могут относиться к другим основам или вообще быть не галльскими, см. Stüber 1998: 108. Если предложенная гипотеза имеет право на существование, то важнейшим фактором этого изменения может стать галльская акцентуация, сам по себе сложный и не до конца решенный вопрос (см. Schrijver 1995: 20–21 и Lambert 2003: 48), ср. в этой связи традиционный пример двойного отражения галльского этника в современной французской топонимике, *Bitúriges* > *Bourges* и *Bituríges* > *Berry*. Действительно, целый ряд «аномалий» в фонетике галльского языка был рассмотрен П. де Бернардо Штемпель именно в увязке с ударением, см. De Bernardo Stempel 1995: 16–22, где, между прочим, упоминается и вопрос о редукции в финальных слогах. Очевидно, впрочем, что крайне ограниченное количество многосложных слов в галльском (не считая сложных имен), особенно на его самом раннем этапе (о периодизации галльского см. недавно Stifter 2012: 523–527), не позволяет настаивать на такой гипотезе.

Муллен приходит к выводу, что *INDOYTILO* выступает в качестве *nomen*, а *KAETIOS INDOYTILO* представляет собой имитацию латинской формулы, и в самой надписи упоминаются два индивидуума, второй из которых, соответственно, представлен именем *SAMOLATIS ANECTIA*. Британская исследовательница уверена, что перед нами женское имя, и, действительно, сопоставление с *Boudlilatis Lemisunia* (об этом женском имени см. подробно Stüber 2005: 52 и сл.) весьма уместно. С точки зрения М. Бата, другая возможная интерпретация позволяет видеть в этом тексте также двух индивидуумов, *Caios Indoutilos Samolatis* и *Anectia* (Bats 2011: 224). *Samolatis*, в таком случае, является именем мужского рода, ср. в этой связи антропонимы *Escengolatis* и *Τανκολατις* (Evans 1967: 216); ссылки на аттестации галльск. *Anecta*, *Anectio*, *Anexta*, *-ia*, см. в Delamarre 2007: 22. И Бат, и Муллен указывают на существующие параллели как для одного, так и для иного чтения надписи, однако, как представляется, обе гипотезы имеют право на существо-

вание, ср. также наблюдения К. Штюбер (Stüber 2013: 161) по поводу сосуществования различных формул наименования в одном тексте в связи с интерпретацией таблички из Шартра. Как мы видим, сегментация имен в этой надписи, таким образом, допускает, по крайней мере, два возможных чтения. Более того, как было показано выше, даже чтение отдельных антропонимов в этой надписи допускает различные интерпретации (*Indutilos* vs *Indutilo*, *Samolatis* vs *Amolatis*), и тем самым самое последнее издание этого текста не является окончательным.

Несомненным остается чтение ΟΥΑΛΗΤΕ (= *ualēte*), что немаловажно для текста, содержащего лат. КАЕΙΟΥС (= *Caius*), однако интерпретация латинского глагола в греческой графике остается дискуссионной. Впрочем, М. Бат (*loc. cit.*) ограничивается в этой связи достаточно общими соображениями, суть которых сводится к тому, что появление его в тексте следует ассоциировать не с гравером, а заказчиком надписи. Гораздо большее внимание этой проблеме уделяет А. Муллен (Mullen 2013: 188–189). Британская исследовательница полагает, что *uale* не может быть «формульной» частью надписи в эпиграфике региона, так как латинские надписи Нарбонской Галлии насчитывают всего лишь шесть примеров его употребления, при значительно более частотном использовании χαίρε в греческих надписях региона. Муллен отмечает греческие параллели и ссылается на известное исследование П. Почетти (Rossetti 2010: 106), в котором отмечено значительное количество латинских надписей (начиная с позднеимператорского периода) с *vale* («разговорный» элемент в эпиграфике). Муллен полагает, что самое вероятное объяснение этой смены кода в надписи состоит в том, что «галльский автор выбрал латинский глагол, но выбрал тот, который был знаком ему, скорее благодаря контакту с италийцами, чем просто формулу, стандартную для латинских эпитафий». Использование *эты* для передачи долгого /e/ примечательно – дело в том, что в галло-греческих надписях она используется и для передачи краткого /e/, ср. νεμῆτον /*nemeton*/. Оставляя в стороне варианты интерпретации этого явления с точки зрения галльской исторической фонетики (о чем см. McCone 1996: 7), необходимо отметить знание латинской фонетики автором этой надписи.

Как отмечает П. Почетти, «тенденция как у греков, так и у римлян использовать в отношении умерших выражения, употребляемые в повседневной жизни, является парадоксальной» (Rossetti 2010: 107). Примечательно, что в «галло-греческой»

надписи из Веллерона используется именно латинский, а не греческий, как этого можно было бы ожидать, глагол. Следует в этой связи учесть, это же латинское слово – вместе с формулой – было заимствовано в оскский, где оно (ср. σαλαφς. φαλε = лат. *salvus vale*) также используется в похоронных контекстах, см. Campanile 2008: 903–904. С учетом того, что современная интерпретация распространенной только в «галло-греческом» формулы δεδεβρατουδεκαντεμ принимает во внимание соответствующие оскские данные (Lambert 2003: 88–89, подробный анализ в Mullen 2013: 179–219), то, как представляется, в дальнейших исследованиях надлежит уделить внимание не только данным оскско-умбрских языков, но и наблюдениям по поводу социолингвистической ситуации в южной и центральной Италии. Подобное исследование не сможет не поспособствовать лучшему пониманию лингвистических и культурных процессов в южной Галлии этого периода, и, вероятно, конкретизировать достаточно аморфное и расплывчатое понятие «средиземноморского койне» (см. Campanile 2008: 877–884 и Mullen 2013, *passim*), повлиявшего на формирование «галло-греческого».

## **II. Надпись на кабаньем клыке из Археологического музея в Истре**

В самом начале нового тысячелетия один из экспонатов небольшого Археологического музея в Истре (департамент Буш-дю-Рон) оказался в центре внимания исследователей. Кабаний клык длиной в 8,5 см содержит надпись, выполненную этрусским алфавитом, и эта надпись была впервые опубликована в 2013 г. (Markey, Egetmeyer, Muller 2013). Согласно этому исследованию, текст является лепонтийским, и его следует читать как

EŚUITORANEI

Интерпретация текста, согласно авторам этого исследования, оказывается достаточно прозрачной: в нем содержится два теонима (Esos и Toranis) в формах дательного падежа единственного числа, причем, как специально отмечается в работе, порядок их следования соответствует так называемому закону Бехагеля. Действительно, теонимы Esus и Taranis хорошо зафиксированы в галльском корпусе, и исследователи приводят подробно комментированное досье этих аттестаций (Markey, Egetmeyer, Muller 2013: 128–132). Так, eśui надписи сопоставимо с приводимым в этой подборке дативом от этого же теонима, как,

возможно, [...]ezuiiçaiz из Камуно (однако см. Morandi 2003: 46–47, где форма рассматривается как антропоним), и, конечно же, эта форма дательного падежа *o*-основ хорошо известна в лепонтийском корпусе, напр. *PelKui* (Веригате), *meTalui*, *Tel/rialui* (Тикино), приведенные примеры датируются ранне-лепонтийским периодом и цитируются по работе Uhlich 1999. Упомянутая авторами надпись из Дюрнберга (Markey, Egetmeyer, Muller 2013: 129), впрочем, остается достаточно сомнительной, см. подробно Stifter 2012a: 294–298. С точки зрения же морфологии, можно отметить в этой связи и лепонтийский погребальный текст начала IV в. (Тикино), *Teromui : Kualui*, обычно переводимую как ‘Терому сыну К. (или Г.)’. Формульность надписи, если она действительно начертана на талисмানে, не вызывает сомнений (ср. галльск. βαλαυδου μακκαριου и подобн., см. Lambert 2003: 84 и сл.), и находит множество параллелей в различных традициях.

Авторы этой публикации рассматривают этот текст как лепонтийский, похоже, преимущественно исходя из графических особенностей использованного в надписи варианта этрусского алфавита. Единственный собственно лингвистический аргумент авторов в пользу лепонтийской атрибуции памятника представлен при анализе формы *Toranis*. Сопоставление с неоднократно зафиксированным галльским *Taranus*, Ταρανου (dat. sg.), и т. д. уместно заставляет их вспомнить об известном развитии \*/oRa/ > /ara/ в кельтских языках, отмеченном в галльском и бриттском (ср. валл. *taran* ‘гром’), но неизвестном в гойдельском (др.-ирл. *toronn* ‘id.’). Исследователи полагают, что надпись на клыке отражает лепонтийское состояние, сходное с гойдельским и отличное, тем самым, от галльского. Однако, как представляется, на это можно взглянуть и по-иному. Как предположил в своё время П. Схрайвер, переход \*/oRa/ > /aRa/ в галльском можно рассматривать как достаточно позднее явление. Голландский исследователь осторожно датирует это развитие в галльском последними веками до нашей эры (Schrijver 1995: 464), и надпись на клыке, таким образом, может содержать более раннюю форму галльского теонима, тем более, что авторы твердо уверены, что этот текст совершенно точно можно датировать временем ранее III в. до н. э., а судя по эпиграфическим особенностям и более ранней эпохой (Markey, Egetmeyer, Muller 2013: 128). Следует также не забывать, что именно в более поздней огласовке (*Tarani*) мы находим этот теоним в одной из ретских надписей (см. Morandi 2003: 38 с библиографией).

С точки зрения морфологии также не существует препятствий рассматривать этот текст как галльский. Теоним *Taran-* относится в галльском к *u*-основам, однако в поэме Лукана мы действительно находим форму *Taranis* (*i*-основа); как показал П.-И. Ламбер, соотношение этого корня именно с *u*-основами подтверждается составными именами типа *Taranu-cnos* ‘сын Т.’ (Lambert 2003: 89). В реальности, мы не можем быть уверены в том, к какому типу основ относится теоним на рассматриваемой надписи, и в нашем распоряжении нет ни одной формы лепонтийского датива *u*-основ. Что же касается датива *i*-основ, то в литературе (с некоторыми сомнениями) действительно считается, что соответствующим окончанием является *-ei*, ср. также приводимую в этой связи форму *sunalei* (Тикино). В принципе, окончание дательного падежа единственного числа *-ei* хорошо засвидетельствовано в кельтских языках; см. в этой связи Sims-Williams 2007: 313–315, где рассматриваются немаловажные проблемы судьбы *\*ei* в кельтском и приводится дальнейшая библиография. Что же касается собственно галльского материала, то окончанием дательного падежа единственного числа *i*-основ является *-e* (кρείτε, *Ucnete*, см. Lambert 2003: 61), однако существуют некоторые данные, помимо собственно историко-лингвистических наблюдений, которые позволяют сделать предположение о возможной фиксации окончания *-ei*, Evans 1967: 426–27. Таким образом, если теоним в надписи в действительности принадлежит к *i*-основам, галльская морфологическая интерпретация его также становится вполне возможной.

Что же касается формы датива единственного числа *o*-основ, то все континентальные кельтские языки указывают на *-ui*, ср., напр., кельтиберск. *ueizui*. Несомненно, что мы находим аналогичные формы в лепонтийском (см. примеры выше), и в галльском мы также находим *-ui* (βαλανδοῦι) и *-u* (*Magalu*), см. Lambert 2003: 53 и большую подборку примеров в Evans 1967: 423–424. В связи с этим также следует обратить внимание и на недавнюю попытку А. Муллен (Mullen 2013: 176–177) объяснить формы датива на *-o* и *-ω* *o*-основ в «галло-греческом». Таким образом, как представляется, у нас нет никаких весомых причин не рассматривать и эту морфологическую форму в надписи на кабаньем клыке как собственно галльскую, а не лепонтийскую. Впрочем, следует отметить, что написание теонима *eúci* в этом памятнике также может вызвать ряд вопросов в связи с использованием знака *сан*. Исследователи отмечают, что

Д. Штифтер в своём известном исследовании полностью отрицал наличие этого знака, характерного для этрусских и ретских надписей, в лепонтийском, однако используют выводы нескольких итальянских специалистов, согласно которым этот знак характерен для ранней фазы лепонтийского, см. Markey, Egetmeyer, Muller 2013: 125–126 с библиографией. Возможно, к этой проблеме следует вновь обратиться, однако следует поставить единственный вопрос – а уместно ли применение знака *сан* в передаче этого кельтского теонима. С точки зрения издателей надписи, *сан* ожидаемо передаёт звук, сопоставимый с тем, что в галльском ассоциируется с т. н. ‘*taû Gallicum*’ (см., напр., Evans 1967: 410–420 или Lambert 2003: 46). Однако этимологическое объяснение, приводимое авторами, основывается только на этом примере и данных так называемых «ретских вотивных надписей» (Markey, Egetmeyer, Muller 2013: 128–131). Кельтская лингвистическая атрибуция последних вызывает очень сильные сомнения, и абсолютно точно этот корпус нуждается в особом внимании. Более того, мы находим аналогичные формы и в собственно некельтских надписях Северной Италии, см. Morandi 2003: 46. Что же касается более десятка случаев неоспоримо кельтских свидетельств, то ни одно из них не содержит ни ‘*taû Gallicum*’, ни каких-либо собственно лингвистических оправданий для его присутствия (о чем см. Sims-Williams 2007: 338–339). См. также в этой связи другие этимологические объяснения теонима в Evans 1967: 201–202 и там же ссылки на исследования самого божества, из недавних работ см. Häussler 2012: 149 и сл. Таким образом, возможны сомнения и в собственно правильности интерпретации *e’sui* в этой надписи.

Весьма важным является то, что издатели текста настаивают на местном происхождении этой надписи, а не на импорте этого объекта с территорий, населенных лепонтийцами. В этой связи следует указать на значительное количество публикаций, посвященных анализу надписей на различных языках (в том числе и на кельтском), записанных различными вариантами этрусского алфавита на территории южной Галлии. Объяснения их появления могут быть различны (см. великолепное исследование de Noz 2008 и ср. обзор проблематики в Vats 2011: 204–210), однако то, что этрусским алфавитом в этом регионе записывали собственно галльские тексты, не может вызывать сомнения. С другой стороны, нельзя забывать и о том, что известная т.н. «билингва из Тоди», содержащая галльский текст в этрусской записи, найдена вдали от мест, где население говорило по-

галльски в Италии, т.е. на севере полуострова – в Умбрии (Lambert 2003: 76–78). Следует также отметить, что граффити, выполненные «лепонтийским» вариантом этрусского алфавита, исследователи находят на значительном удалении от собственно лепонтийских территорий, например, на северо-востоке современной Франции, в департаменте Марна (Olivier, Markey 2010).

Впрочем, если интерпретация этого памятника правильна, он не содержит лингвистически выделяемого лепонтийского материала, и может легко быть интерпретирован как галльский. В этой связи можно только лишней раз напомнить, что многие современные исследователи не рассматривают лепонтийский в качестве отдельного континентального кельтского языка (так, к примеру, Uhlich 1999, Lambert 2003: 21–22 и Sims-Williams 2007: 331), но видят в нем (ранний) территориальный диалект галльского (напр. McCone 1996: 5). С другой стороны, постоянная ссылка именно на характерный для лепонтийцев вариант этрусского письма при анализе указанных надписей ставит перед исследователями более широкий круг вопросов. При этом, однако, сам характер этих надписей заставляет ставить вопрос и о том, в действительности ли мы имеем дело с целенаправленно написанными текстами, см. в этой связи Stifter 2012a и другие работы этого автора по проблеме, изящно сформулированной в заглавии указанной статьи.

### III. К интерпретации надписи из Энтремона

В уже упоминавшейся выше статье М. Бата упоминается надпись латинскими буквами на фрагменте керамики из Энтремона, датированной первым веком до н.э. Французский исследователь, с некоторыми колебаниями, полагает, что эта надпись содержит личное имя *Balomarrius* (также *Balomarius*), Vats 2011: 220. В принципе, этот антропоним допускает кельтскую (галльскую) лингвистическую интерпретацию, см. в этой связи по поводу Βαλλομάριος Evans 1967: 148 и приведенную там библиографию. Примечательно, впрочем, что мы не находим имени Βαλλομάριος в недавнем компендиуме кельтских антропонимов (Delamarre 2007). Однако в рецензии на сборник, в котором помещена статья Бата, П.-И. Ламбер высказал свои сомнения по поводу предложенного чтения. Согласно Ламберу, помещенная в статье фотография позволяет прочесть этот фрагмент как *bal. mardius*, см. Lambert 2013: 319.

Все, что связано с интерпретацией этой надписи не может не вызывать удивления: в нашем распоряжении уже более полу-



века имеется великолепное чтение этого памятника (Benoit 1968: 25 и 27), снабженное отличной фотографией объекта и прорисовкой надписи. Согласно Бенуа, эту выполненную латинским курсивом надпись (с использованием греческих букв) следует читать как *BAL. MARDIUS. NR. CV...BAL.* В комментарии к прорисовке исследователь читает, однако, конец этой надписи как ...*TBAL*, и именно это чтение не вызывает никаких сомнений. Впрочем, это непонятное мне разночтение не ставит под сомнение правильность чтения начала надписи, а также и ее интерпретации, *Bal(bus ?) Mardius*. Тем самым, вопрос о кельтском происхождении антропонима на фрагменте керамики из Энтремона даже не должен ставиться.

### Литература

- Bats 2011 – M. Bats. *Emmêlements de langues et de systèmes graphiques en Gaule méridionale (VI<sup>e</sup> – I<sup>er</sup> siècle av. J.-C.) // Contacts linguistiques dans l'Occident méditerranéen antique*. Madrid: Casa de Velázquez, 2011. P. 197–226.
- Benoit 1968 – F. Benoit. *Résultats historiques des fouilles d'Entremont 1946–1967 // Gallia*. 1968. T. 26, 1. P. 1–31.
- Campanile 2008 – E. Campanile. *Latina & Italica: scritti minori sulle lingue dell'Italia antica*. T. 2. Pisa, Roma: Fabrizio Serra Editore, 2008.
- De Bernardo Stempel 1995 – P. De Bernardo Stempel. *Gaulish accentuation: results and outlook // Hispano-Gallo-Brittonica*. Cardiff: University of Wales Press, 1995. P. 16–32.
- de Hoz 2008 – J. de Hoz. *A Celtic personal name on an Etruscan inscription from Ensérune, previously considered Iberian (MLH B.1.2b) // Celtic and other languages in Ancient Europe*. Salamanca: Ediciones Universidad, 2008. P. 17–27.
- Delamarre 2007 – X. Delamarre. *Noms de personnes celtiques dans l'épigraphie classique*. Paris: Errance, 2007.
- Evans 1967 – D. Ellis Evans. *Gaulish Personal Names*. Oxford: Clarendon Press, 1967.
- Falileyev 2013 – A. Falileyev. *The Celtic Balkans*. Aberystwyth: CMCS.
- Falileyev, в печати – A. Falileyev. *Gaulish word for 'thin' and some personal names from Roman Sicilia*.
- Häussler 2012 – R. Häussler. *Interpretatio indigena. Re-inventing local cults in a global world // Mediterraneo Antico* 2012. T. 15, P. 143–174.
- Lambert 2003 – P.-Y. Lambert. *La langue gauloise*. Paris: Errance, 2003.
- Lambert 2013 – P.-Y. Lambert. [Rev.] *Contacts linguistiques dans l'Occident méditerranéen antique // Études Celtiques*. 2013. 39, P. 318–319.
- Markey, Egetmeyer, Muller 2013 – T. L. Markey, M. Egetmeyer, J.-C. Muller. *The boar's tusk of Istres (Bouches-du-Rhône): a Lepontic talismanic inscription // Zeitschrift für celtische Philologie*. 2013. Bd. 60. P. 117–140.
- McCone 1996 – K. McCone. *Towards a Relative Chronology of Ancient and Medieval Celtic Sound Change*. Maynooth, 1996.

- Morandi 2003 – A. Morandi. Nuove prospettive per le lingue preromane della cerchia alpina // *Bollettino Storico Alta Valtellina*. 2003. T. 6. P. 29–47.
- Olivier, Markey 2010 – L. Olivier, T. Markey. Un graffiti en caractères lépontiens du V<sup>e</sup> siècle av. J.-C. provenant de la nécropole gauloise de Montagnesson à Bergères-les-Vertus (Marne) // *Antiquités nationales*. 2010. T. 41. P. 37–50.
- Pocetti 2010 – P. Pocetti. Greeting and farewell expressions as evidence for colloquial language: between literary and epigraphical texts // *Colloquial and Literary Latin*. Cambridge: University press, 2010. P. 100–126.
- Raybould, Sims-Williams 2009 – M. E. Raybould, P. Sims-Williams. Introduction and Supplement to the Corpus of Latin Inscriptions of the Roman Empire containing Celtic Personal Names. Aberystwyth: CMCS, 2009.
- Schrijver 1995 – P. Schrijver. *Studies in British Celtic Historical Phonology*. Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 1995.
- Sims-Williams 2007 – P. Sims-Williams. Common Celtic, Gallo-Brittonic and Insular Celtic // *Gaulois et Celtique Continental*. Genève: Droz, 2007. P. 309–354.
- Stifter 2012 – D. Stifter. Lenition of *s* in Gaulish? // *The Sound of Indo-European*. Copenhagen: Museum Tusulanum Press. 2012. P. 523–544.
- Stifter 2012a – D. Stifter. *Inscriptiones Pseudocelticae*. Wrong and premature ascriptions of inscriptions as Celtic // *Interpretierte Eisenzeiten*. Linz: Oberösterreichisches Landesmuseum, 2012. P. 293–301.
- Stifter 2013 – D. Stifter. Comments on the Chartres text, with a special attention on vowel-final forms // *Études Celtiques* 39, 2013. P. 169–180.
- Stüber 1998 – K. Stüber. *The Historical Morphology of N-stems in Celtic*. Maynooth, 1998.
- Stüber 2005 – K. Stüber. *Schmied und Frau*. Studien zur gallischen Epigraphik und Onomastik. Budapest: Archaeolingua, 2005.
- Stüber 2013 – K. Stüber. Remarks on the personal names // *Études Celtiques* 39, 2013. P. 161–167.
- Uhlich 1999 – J. Uhlich. Zur sprachlichen Einordnung des Lepontischen // *Akten des zweiten deutschen Keltologensymposiums*. Tübingen: Niemeyer, 1999. P. 277–304.

### A. I. Falileev. *Varia Gallica et Pseudo-Gallica*

This article discusses three inscriptions from Southern Gaul. The recently found Gaulish inscription from Velleron indeed betrays linguistic contacts, and it becomes a valuable testimony about the linguistic situation in this area of Gaul at the time. Several new interpretations of the personal names this important document contains are offered. The inscription on the boar's tusk from Istres (Bouches-du-Rhône) has been treated as Lepontic, but (if indeed genuine) may well be Gaulish. And, finally, the graffiti from Entremont does not contain Celtic personal names as was previously assumed.

*Key-words:* epigraphy, Continental Celtic, onomastics, language contacts.

TWO NOTES ON OLD CELTIC MORPHOLOGY<sup>1</sup>

В статье обсуждаются два сложнейших вопроса древнекельтской морфологии: суффиксальное образование географических названий, созданных с помощью дентальных суффиксов *\*-ati-* и *\*-et-*. Из-за скудости языкового материала невозможно определить происхождение и функцию суффиксов, анализируя только внутренние языковые факты, потому необходимо воспользоваться комбинацией исторического и этимологического методов. Следует отметить, что при таком подходе смешивается образование апеллятивов и имён собственных, а также диахронически унаследованная функция суффиксов и их синхронная системная функция.

Происхождение сложного суффикса *\*-ati-* следует искать в *nomina agentis* типа *\*gala-ti-* (ср. др.-ирл. *táid* < *\*tā-ti-*), от которых произошла притяжательная функция суффикса, встречающаяся в многочисленных вторичных десубстантивах: ср. этнонимы с суф. *\*-ates* и эпитеты божеств типа *Mars Sinatis\**. Из этой вторичной адъективной функции суффикса позднее развились *nomina agentis*, зафиксированные как продуктивная категория в островном кельтском языке (тип др.-ирл. *cétlaid*). Кельтский языковой материал свидетельствует о различных функциях суффикса *\*-et-*, в том числе притяжательной (часто в расширенном виде, прежде всего с элементом *\*-io-*). В результате сравнения антропонима *Bageto\**, а также топонимов *Brigetio\** и Βορβητόμαχος можно заключить, что речь идет о атематическом дентальном суффиксе *\*-et-*, который произошел от древних гистерокинетических *nomina agentis* типа др.-гр. ἀργεῖ- ‘candidus’. Его употребление в функции десубстантивного притяжательного суффикса, безусловно, вторично и могло возникнуть в результате реинтерпретации вторичных десубстантивных *nomina agentis* типа др.-гр. ἴπλο-τ-, т. е. субстантивированных притяжательных прилагательных.

*Ключевые слова:* континентальный кельтский, топонимия, словообразование, основы на дентальный согласный.

The state of research into Old Celtic (i.e. especially Gaulish) word-formation has been lamented on several occasions, yet given the nature of Continental Celtic linguistic data, it is no surprise that much concerning its interpretation still remains unclear and difficult. As much of the available material is onomastic, however, one would

<sup>1</sup> I wish to thank Professor Natalia Belova for her generous help with the Russian abstract and to Dr. Alexander Falileyev subsequently. The text has been prepared with the input system ZRCola (<http://ZRCola.zrc-sazu.si>) developed by Dr Peter Weiss, a fellow of the Scientific research centre at the Slovene Academy of Sciences and Arts (<http://www.zrc-sazu.si>).

in addition need to bear in mind a clear-cut distinction between name-formation and word-formation, the former of which will as a rule be archaic/conservative and display different productivity, and/or function of the morphemes involved. Needless to say, it is only possible to maintain such a distinction where the two systems are equally well documented so as to be liable to juxtaposition. Admittedly, such situations are sufficiently rare to make the endeavour seem futile, but there is an easy solution to the problem. As long as one does not make generalizations about Old Celtic word-formation on the basis of the data extracted *solely* from the onomastic material there can be no danger of mixing the two systems. There is a weakness to this approach, however. As we are dealing with a poorly documented linguistic system, the most pragmatic and often the only way to account for a particular structural phenomenon is by way of external comparison (etymology, in other words), hence drawing inferences about the synchronic function of a particular topoforant from its diachronic validity as a clearly word-formational element. As an illustration of the above, two difficult suffixal formations from toponymy will be discussed at some length, viz. *\*-ati-* and *\*-et-*, the first providing an example of a cross-systemically productive morpheme with an identifiable internal history, which can be fruitfully used to regulate the diachronically obtained data, the second allowing for diachronic interpretation only. It remains to be noted that due to the paucity of accessible material one cannot hope to document all four parameters of the suffixes involved, that is their function, valency, synchronic and diachronic productivity, and an overall pattern of areal distribution; furthermore, any of these parameters will be open to reconsideration with regard to any new data that may come to light in the future.

### Derivatives in *\*-ati-*

A large number of toponyms formed with this suffix properly belong to the Gallo-Roman period, during which the independent suffix *-ate* < *\*-ati* enjoyed considerable productivity (cf. Dauzat 1946: 185–192, Nègre 1990: 163–165). In order to assess correctly its original function(s), however, only the oldest set of data should be consulted as only such data is above suspicion of systematic corruption and can be assumed to reflect Old Celtic morphology proper. Imposing these limitations, there are a limited number<sup>2</sup> of geogra-

<sup>2</sup> The attestations and their sources are mainly quoted from AcS I–III, AE (L'Année épigraphique), DCC, Isaac 2004, and PNRB.

phical names that can be safely considered to have been formed with the help of *\*-ati-*: Βριουάτης (scil. λιμῆν) (Ptol. II, 8, 1) < *\*Brīu-ati-* (cf. *\*Briuatensis*, *Briuate* – Lambert 2000: 162), [G]lanat[e] (AE 1958: 225) < *\*Glan-ati-*,<sup>3</sup> *Gesocribate* (TP 1B1) < *\*Gaisokrib-ati-*, *Cambate* (IA 386, 5) < *\*Kamb-ati-*, Πατίατον (Ptol. II, 7, 6) < *\*Rāti-ati-* (cf. *uico Ratiatense*, RACIATE)<sup>4</sup>, and cases such as *Nantuadenses*, *Nantuadis* (Delamarre 2012: 203, Nègre 1990: 127), implying *\*Nantu-ati-*. It can be assumed without much doubt that these were derived respectively from (in the same alphabetical order) *\*brīuā* ‘bridge’, *\*glano-* ‘clean’, PN *\*Gaisokribo-* (otherwise unattested as a personal name!), *\*kambo-* (recte *\*kæmbo-*) ‘crooked’, *\*rāti-* ‘earthen rampart, earthwork’, and *\*nantu-* ‘valley’<sup>5</sup>. A significant number of undoubtedly related formations can be further observed in ethnonyms such as the often-quoted *Abrincates*, *Atrebatas*, *Boiates*, *Bouiates*, *Briuates*, *Carnuates*, *Cornacates*, *Dexiuates*, *Galates*, *Genuates*, *Hercyniates*, *Nantuates*, and *Tolosates*, the latter of which has even been formed on the basis of a non-Celtic place-name (TLG: 207–8, LG: 35)<sup>6</sup>. The form BRIVATIOM, which as a part of an essentially Gaulish inscription (RIG II/1: L–3) = *\*Brīuatiōn* is to be interpreted as the native genitive plural form, strongly implies that in the case of other attestation of this particular ethnonym, as undoubtedly also in the case of other ethnic names ending in *-es*, we are clearly dealing with a Latinized *i*-stem nom. pl. *\*-īs* < *\*-ei-es*

<sup>3</sup> Concerning the internal Gaulish development of *-i* to *-e* by weakening in absolute auslaut cf. *more gl. mare* (Gloss. Endl.) < *\*mori, suiorebe* (RIG II/1: L–6) < *\*suesori-bi, anmanbe* (RIG II/2: L–93) < *\*anman-bi, gandobe* (instr. pl.) (RIG II/2: L–66<sub>2</sub>) < *\*gando-bi* etc. (LG: 41, McCone 1996: 112, Uhlich 1997: 295).

<sup>4</sup> DCC: 185. Concerning the systematic translation of *i*-stem neuters singular into thematic neuters such as further witnessed in Ἀργεντόρατον (vs. Κονδάτε) see Lambert 2000: 167.

<sup>5</sup> For the elements in question see DLG<sup>2</sup> and DCC, *Principal Elements*, s.vv.

<sup>6</sup> Concerning the EN *Gaesati* (alongside several variants in -τοι, -ται, for which see TLG s.vv.), i.e. rather than *\*Gaesates*, the thematic plural must in all likelihood be considered original, the underlying *\*Gaesatos* (cf. PNN *Gesatus*, *Gesatius*, *Gesato-rix* (OPEL II: 166, KGP: 215) and the recently discovered vocative Γηζατε on an inscription from Albania (Falileyev 2013: 69)), representing a *barbatus* type derivative *\*gais-āto-* ‘having a spear, armed with a spear’ *uel sim.*, to which compare PNN *Giamatus* (Delamarre 2007: 104) = og. GAMATI (M 258, Ziegler 1994: 181–182) to Gaul. *\*gijamo-/OI gam* < *\*gamo-* ‘winter’. Consider also LN Βαννατία (Ptol. II, 3, 8) formed from an underlying *\*bænn-āto-* (to *\*bannāl/\*bennā* ‘top, summit, peak’) etc.

(\**Brīuatīs* < \**Brīuateīes*)<sup>7</sup>, cf. νιτιοβρογεις<sup>8</sup> for the actual \**Nitiobrogīs* < \**-eīes* (to Gaul. \**brogi-* ‘place, land’)<sup>9</sup> – a supposition that may be further supported by such forms as the Ptolemaic nom. pl. Ἀτρεβάτιοι, with a gen. pl. in -ίων, and the existence of a purely artificial consonantal form Ἀτρεβάς (Ptol. II, 9, 4; Strabo 4, 3, 5; Cass. Dio 40, 43, 1) (AcS I: 269). Admittedly, a number of these ethnonyms may be secondary and can be attributed to one of the specializations of the suffix’s original function(s) (such formations, however, would be difficult to separate from the primary core responsible for the spread of the ethnic-name suffix, a good candidate perhaps being the EN *Boiates*, which appears beside the underived name of the *Boii*), moreover there is a problem of clearly non-Celtic ethnic names that seem to display the same suffix (consider, for example, Pannonian tribes such as the *Oseriates* or the *Arabiates* etc.), but the fact that most of these ethnonyms are straightforward possessive derivatives from simple appellatives (→ topolexemes) or pre-existing geographical names – *Abrincates* ← \**abrink-ati-* (to \**abrinkā* or LN *Abrinkā*)<sup>10</sup>, *Briuates* ← \**brīu-ati-* (to \**brīuā* ‘bridge’ or LN \**Brīuā*)<sup>11</sup>, *Carnuates* ← \**karnu-ati-* (to \**karnu-* ‘horn’), *Nantuates* ← \**nantu-ati-* (to \**nantu-* ‘valley’)<sup>12</sup>, *Teutates* ← \**toūt-ati-* (to \**toūtā* ‘people’), *Cornacates* ← LN \**Kornākon*, *Genuates* ← LN \**Gen(o)uā*, *Hercyniates* ← LN \**[P]erkunjā*<sup>13</sup>, *Tolosates* ← LN *Tolosa* – makes it indubitable that we are dealing with a genuine Celtic derivational pattern. It seems reasonable to assume, then, that the original function of \**-ati-* was desubstantival rather than deadjectival, which makes LNN such as *Glanate* and *Cambate*, insofar as these do not yet represent the later Gallo-Roman type, distort a coherent picture. That is unless, of course, the former name is really based on an already concretized rather than purely adjectival meaning of \**glano-* (cf. γλανεικαβο < \**Glan-iko-* ‘belonging to *Glanum*’) and the latter is traced back to Gaul. \**kambo-* ‘riverbend’ (an underlying LN \**Kambo-* would of course be an equally likely possibility) not \**kambo-* ‘crooked’ = OI

<sup>7</sup> LG: 59–60, cf. Irslinger 2002: 195.

<sup>8</sup> With <εις> = *-īs*, cf. γλανεικαβο (RIG I: G–64) for \**Glan-iko-*, or the usual Greek rendering of \**-rīχs* as *-πειξ*.

<sup>9</sup> See LG: 59, DCC: 170

<sup>10</sup> On this presumably Celtic element see De Bernardo Stempel 2005: 84.

<sup>11</sup> Also attested in the gen. pl. as BRIVATIOM (RIG II/1: L–3).

<sup>12</sup> Pace NWÄI: 376, who presupposes *Nantuates* < \**Nanto-at-es*.

<sup>13</sup> I.e. to \**herku-* < \**perku-* ‘oak’ (concerning the preservation of \**p* as *h* before front vowels see Фалилеев 2006).

*camb*, for the substantivized meaning of which there is some convincing proof<sup>14</sup>.

Moving further to other onomastic subsystems, *\*-ati-* is again encountered as a fairly productive means of formation of theonyms (largely native epithets of Romanized deities) such as *Bāginatiae\** (Delamarre 2007: 37), *Bāginatis\** (CIL XII/2383), *Dūnatis\** (CIL XIII/2532), *Sīnatis\** and *Toutatis\** (CIL III/5320), all of which seem to be (substantivized) adjectival formations, i.e. *\*bāgīn-ati-*, *\*dūn-ati-*, *\*sīn-ati-*, *\*tout-ati-* (to *\*bāgīno-* ‘faginus’ (?) (*\*bāgo-* ‘beech’), *\*dūno-* ‘fort’, *\*sīno-* ‘?’<sup>15</sup>, and *\*toutā* ‘people’), comparable in form and function with Gaul. *ναμασσατις* (RIG I: G–153) ‘Nemausensis’, which serves as an adjectival modifier of *τουτιους* [recte *τουτιος*] and seems fully interchangeable with similar possessive desubstantives in *\*-iko-*, cf. *ματρεβο ναμασικαβο* (RIG I: G–203) ‘Matronis Nemausensibus’. Compare in this respect a clearly deonomastic divine epithet *Excingiorigiatis\** (AE 1935: 29), which finds a perfect structural match in *Dubnocartiacos\** (AE 1980: 641–644) ‘belonging to *\*Dubnokarātos*’ (or *\*Dubnokara(n)tos*, both of which are equally likely), not least for the fact that they both evince a structural peculiarity of deanthroponomastic adjectival derivatives in that they avoid being built directly from the underlying anthroponym (and are thus in effect deadjectival): *\*Eχs-kingjo=rīg-ī-ati-* ← *\*Eχs-kingjo=rīg-jo-*, *\*Dubno=karāt-ī-āko-* ← *\*Dubno=karāt-jo-*.

In Insular Celtic, as is well known, there is no trace of the adjectival function so clearly observable in Continental Celtic material, its place having been occupied by a fairly productive variant *\*-ī-atis*<sup>16</sup>, employed in the formation of desubstantival agent nouns, e.g. OI *cétlaid* = OW *centhliat* < *\*kantl-ījatis* ‘singer’ ← *\*kantlom* ‘song’ etc.<sup>17</sup> This use is usually believed to be absent from Gaulish with the sole exception of *arueriātin* (RIG II/2: L–100<sub>2</sub>), which however is normally interpreted as an epithet, be it desubstantival or derived

<sup>14</sup> Cf. *\*Cambodunum* et sim. (DLG<sup>2</sup>, s.v. *cambo-*).

<sup>15</sup> KPP: 53 considers OI *sín* gl. *cruind*, *muince* (DIL s.v.) to *\*sH<sub>2</sub>eī-* (LIV<sup>2</sup>: 544), to which further compare Ved. *sīmān-* ‘Scheitel’.

<sup>16</sup> The Insular Celtic conglomerate *\*-ī-ati-* (in effect *\*-ījati-*) most likely spread from cases where the suffix was added to *i*-stems (cf. McCone 1995: 7), to which compare the identical process of resegmentation in the case of another productive agentive suffix *\*(i)j-amon-* (Stüber 1998: 147)), or *jo*-stems, a case in point here definitely being Gaul. *Boiates* < *\*Boī-ati-* to *\*bojos* ‘fighter’ < *\*boī-o-*.

<sup>17</sup> See a more detailed discussion in NWÄI: 374–380. On agent nouns in general see McCone 1995: 7.

from a place-name<sup>18</sup>, and is as such superficially similar to the above cases. An equally problematic case is Gaul. *\*longatis* ‘nautonier’ (Delamarre 2004: 122), hypothesised on the basis of a couple of arguably Celtic toponyms such as *Longatico* (IA 129, 1), and possibly *\*Longaticia* (Delamarre *loc. cit.*, 2013: 19), but again, even if such a noun did actually exist in Gaulish, as is likely, it would be directly comparable to the type recognized in *Toutatis* &c.

There was thus within Celtic a prominent group of primary desubstantival possessives most readily observable in toponymy (cf. Βριουάτης ‘(place) belonging to a bridge’), which could, when reference was made to living entities, effortlessly acquire agentival function by way of superficial substantivization (cf. lat. *socius* ‘associate’, got. *hairdeis* ‘shepherd’, both originally deriving from possessive adjectives) and start off as a productive category in Insular Celtic, possibly leaving a few traces of the latter development in Gaulish. The key question is, however, whether the precedence of the adjectival function of *\*-ati-* can really be maintained in the light of suffix’s genesis.

As is well known, the shape of the suffix was obtained by straightforward reanalysis of formations from roots with a final laryngeal (cf. NWÄI: 377, Zair 2012: 196), i.e. < *\*-ə-ti-* < *\*-H<sup>p</sup>-ti-*. The latter has its most natural starting point in a peripheral group of agent nouns with limited productivity, which sprung up from action nouns of the type seen in sti. *stuti-* ‘praise’ (itself probably structurally enlarged by the element *\*-i-*, cf. *\*nok<sup>h</sup>-t-(i-)*, Ved. *sam=i-t-(i-)* ‘meeting’), cf. OI *táid* ‘thief’ < *\*teH<sub>2</sub>-t-i-* (originally ‘stealing’)<sup>19</sup>, OI *flaith* ‘ruler, prince’ (alongside the more elementary meaning ‘ruling, rule’) < *\*ulH<sup>p</sup>-t-i-* etc. (IdgGr II/1: §318, McCone1995: 6, NWÄI: 376 ff.). Alternatively, *\*-ti-* could be traced back to a group of adjectival agent nouns of the type seen in Gr. πλώς *\*‘swimming, swimmer’* < *\*pleH<sub>3</sub>-t-* (LIV<sup>2</sup>: 485), OInd. *rít-* ‘flowing’ < *\*H<sub>3</sub>riH-t-*, OI *nia* ‘warrior’ < *\*nejH<sub>1</sub>-t-* etc.<sup>20</sup>,

<sup>18</sup> Cf. for example Lambert 1996: 53 (=LG: 152), DLG<sup>2</sup> s.v. *arueriatis*.

<sup>19</sup> Cf. the argument put forward by the author (*Jezikoslovni zapiski* 16/2 (2010), 165–173) to trace back the likes of OI *táthae* (gen. sg. to *táid*) < *\*tātantos* to a participial derivative *\*teH<sub>2</sub>-t-eH<sub>2</sub>-nt-* > *tā-t-ant-* of a denominative *\*teH<sub>2</sub>-t-eH<sub>2</sub>-* (Gr. τήτη ‘stealing, thieving’), based on a structurally yet unenlarged stem.

<sup>20</sup> See IdgGr II/1: §313, Risch 1974: §72, Rieken 1999: 85–8, NWÄI: 171 ff., Irslinger 2002: 45–6. To all appearances, this type of agent nouns goes back to decompositional simplicia arising from secondary exocentric (re)interpretations of *tatpuruṣas* with verbal abstracts as second members,



subsequently remodelled by analogy with secondary agent nouns in *\*-ti-* (cf. NWÄI: 376–377 for a similar line of thought). Be that as it may, leaving aside the larger part of Old Celtic ethnic names in *\*-ati-*, which indicate a clear desubstantival origin (*Nantuates* ← *\*nantu-ati-* etc.), there are at least two derivatives which may in fact conceal a deverbative origin. In the case of *Atrebates*, i.e. *\*Atrebatīs*, it would of course be possible to start from the substantival *\*ad-trebā* ‘dwelling-place’ *uel sim.* (cf. OI *treb*, W *tref* ‘id.’ < *\*treb-ā*), in which case this would be yet another case of secondary derivation fully parallel to e.g. *\*Brīu-ati-* ← *\*brīuā*, but it would be equally possible to derive it from the denominative verb *\*ad=treb-ā-* (cf. OI *ad-treba* ‘inhabits’), a deverbative *nomen agentis* *\*ad=treb-ā-ti-* thus signifying a ‘dweller, inhabitant’ *uel sim.* If the derivational history of the name *Atrebates* is *de facto* much too ambiguous to afford reliable conclusions, Γαλάτης for *\*Galatīs* (see above) < *\*Gala-ti-* to *\*gelH-ti-*<sup>21</sup> most clearly cannot be convincingly argued to be desubstantival, nor can it be explained away as a secondary creation after the fashion of other ethnic names in *\*-ati-*,<sup>22</sup> thus providing us with a valuable piece of internal evidence relating to the origin and spread of Celtic *\*-ati-* in *all* its subsequent functional and semantic shifts.

### Derivatives in *\*-et-*

Formations involving this suffix form a heterogeneous group. Instantly recognizable are a set of deverbatives in *\*-etó-* such as Gaul. νεμητον (RIG I: G–153) < *\*nem-etó-* (= OI *nemed* gl. *sacellum*), Gaul. *geneta* ‘(young) girl’ (DLG<sup>2</sup>: 176) < *\*génH<sub>1</sub>-etó-*, to which compare Gr. γενετή, Lat. *genitus* (Vine 1998: 56 ff.), and to all appearances also *\*kal-etó-* (Joseph 1982: 40) ‘hard’ > OI *calad* ‘id.’, PN *Caletus*<sup>23</sup>, EN *Caletes* (*if* thematic, cf. var. *-i*, *-oi* (AcS I: 696)), in which case it is to be clearly separated from the purely agentival OE *hæle*, *-ep-* ‘hero, champion’ < *\*kal-ēt-* (!).

There is further a coherent group of the derivatives in *\*-et-* mostly supplied by onomastic data (this however is not significant as the imbalance is no doubt purely a matter of attestation), which

---

cf. Ved. °*stút-* ‘praising X’ → ‘praising X, who praises X’, °*drś-* ‘watching X’ → ‘(the one) watching X’ etc.

<sup>21</sup> *\*gelH-* (LIV<sup>2</sup>: 185–186, Schumacher 2004: 324–326). Unproblematically via *\*gela-ti-* by Joseph’s Law.

<sup>22</sup> Irlinger 2002: 202 *contra* (in my view without any convincing justification) Schumacher *op. cit.*, p. 326.

<sup>23</sup> Beside *\*k<sup>(i)</sup>al-et-jo-* as in *Caletius* (OPEL II: 23) = OI *Cailte*, cf. gen. sg. Og. CALLITI (M 81).

represent a productive pattern of agent noun formation, vestigially known from Insular Celtic as well, cf. OI *rig*, *-ed* ‘fore-arm’ < \**H<sub>3</sub>rǵ-et-*, *cing*, *-ed* ‘warrior’ (Irslinger 2002: 58–59). It is widely accepted that these go back to PIE hysterokinetic agent nouns of the type ἄργής, -έτ- ‘shining’ < \**H<sub>2</sub>rǵ-ét-*,<sup>24</sup> which is indeed likely given the invariably full-grade structure of the suffix and the overall agentive semantics of such nouns. The latter becomes particularly apparent in case of functionally overlapping derivatives such as *Mogetius* (OPEL III: 85) < \**-et-* beside *Mogons\** (Delamarre 2007: 135) < \**-ont-*<sup>25</sup> (to \**mag<sup>h</sup>-*) or, possibly, *Loucetius* beside OI *lóichet* (ntr.!) ‘lightning-flash’ < \**leuk-nt*<sup>26</sup>. That most of these nouns represent uninherited formations based on an internally-driven pattern with secondary productivity (as opposed to OI *rig*, for example)<sup>27</sup> is evident from the consistency with which they are built from full-grade roots: \**dem(H<sub>2</sub>)-et-*, \**derk<sup>h</sup>-et-*, \**klǵ<sup>h</sup>eng<sup>h</sup>-et-*, \**H<sub>3</sub>erg-et-*, \**leuk-et-*, \**mag<sup>h</sup>-et-*, \**nem-et-*, \**seǵ<sup>h</sup>-et-*, \**u<sup>h</sup>enH<sub>1</sub>-et-*<sup>28</sup>. This more or less comprehensive list of *nomina agentis* has been based on Δημῖται (Ptol. II, 3, 12), *Dercetius\** (CIL II/5809)<sup>29</sup>, *gobedbi* (instr. pl., RIG

<sup>24</sup> IdgGr II/1: §313<sup>γ</sup>, Rieken 1999: 86–9, Irslinger 2002: 45–47. Not to be sought in Irish (Early Goidelic) Ἀργίτα (Ptol. II, 2, 2) = /Argēdā/ < \**Argantā* (Pokorny 1950: 130, Sims-Williams 2000: 6, *idem* 2007: 329), cf. Clb. PN *arkanta*, *pace* De Bernardo Stempel (2000: 103), who fails to offer convincing counter-arguments in favour of an otherwise thoroughly unjustifiable reconstruction †*Arg-ēt-ā*.

<sup>25</sup> See De Bernardo Stempel 2003: 43, 53–54.

<sup>26</sup> Vs. W *lluched* < \**leuk-s-et-o-* (IdgGr II/1: § 411).

<sup>27</sup> Cf. Rieken (1999: 88), who traces the innovation back to Indo-European. But much of the material adduced in support of this claim belongs to the hysterokinetic type proper (type OI *fili*, Gr. κέλης, -ητ- etc.). There exists, however, a clear divide in Celtic between such inherited *e*-grade deverbatives that preserve the original lengthened grade in the suffix and the non-ablauting type as represented by \**king-et-*. Also worth noting in this respect is Irslinger's suggestion (2002: 68) that the proterodynamic and hysterodynamic patterns here clearly influenced each other and that, ultimately, «die Zuordnung des kel.[tischen] Materials zum einen oder anderen ist nicht möglich».

<sup>28</sup> I do not include here the puzzling OI *tocad* ‘fate, luck’ < \**tonk-eto-* (= W *tynged*, cf. PN *Tongeta*, Og. TOGITACC (M 172)) and OW *ocet* ‘harrow’ < \**H<sub>2</sub>ok-Vtā* (cf. OWE: 124, NIL: 229–300, Anreiter (perhaps too optimistically) 2001: 162), not only because they obviously represent thematic(ized) derivatives as opposed to athematic agent nouns in *-et-*, but mainly due to their perplexing *o*-grade, which must be left unaccounted for.

<sup>29</sup> The exact interpretation of this hapax is difficult (cf. DCC: 113). As an oronym it can hardly have carried the agentive meaning, although perhaps it could originally have been detheonymic. However, it is also doubtful whether the underlying derivative is indeed deverbal rather than formed

II/1: L-13) < \**gobet-bi* (cf. Hamp 1988a: 54), *Cinget-o-rix* (KGP: 171–172) beside *Cingetius* (CIL XIII/3707) (cf. *Cingetissa* (RIB: 630), the corresponding feminine hypocoristic)<sup>30</sup>, *Leucetius/Loucetius* (Delamarre 2007: 119–120), *Mogetius* (see above), *Nemetes* (AcS II: 708 ff.), *Orget-o-rix* (KGP: 252–253) *Orgetius* (CIL III/11803), *Segeta* (Delamarre 2007: 163), *Uenetes* (AcS III: 160 ff.). Extensions by the element *-iō-* are most straightforwardly explained as purely structural enlargements (i.e. by analogy with the dominant class of compound and simplex agent nouns in \**-iō-*, cf. Russell 1984: 37 ff., McCone 1995: 5 ff.); compare the similar situation in *Curmi-sagius* (AE 1939: 260) < \**°sag-iō-*, with its corresponding simplex (see Uhlich 2002: 418) *Sagius* (AcS II: 1288) occurring alongside the originally athematic \**sag-* as attested in EN *Tectosages*.<sup>31</sup> Also here perhaps belongs Gaul. \**trag-et-iō-* ‘foot’ (reconstructed on the basis of Late Gaulish *treide* gl. *pede* (Gloss. Endl.)<sup>32</sup>, cf. *Briotreide* if for \**Brīūo-tragetion* (DLG<sup>2</sup>: 299)) beside OI *traig* ‘foot’ < \**trag<sup>h</sup>-et-* (Irslinger 2002: 59–60), with a straightforward semantic specialization of the more primary ‘Läufer’ (Rieken 1999: 89).

Much more problematic, however, are a group of desubstantial toponyms, which at face value seem to employ the same suffix:

*Brigetio*\* (IA *passim*, see DCC: 80–81), cf. Βριγαίτιον (Ptol. II, 15, 3)

*Bodetia*<sup>33</sup> (IA 294, 1)

Βορβητόμαγος (Ptol. II, 9, 9)

*Cunetio*\* (AI 486, 5)

(?) *Dercetio*\* (CIL II/5809)

*Duretia*\* (= *Duretie* (TP 1B2))

Γαβρηῆτα (sc. ὕλη) (Strabo 7, 1, 5)

*Lutetia*<sup>34</sup>

---

from \**derkom* ‘eye; look’ (cf. OI *derc*), to which a number of other names clearly belong, cf. *Condercos*, *Derceia*, *Inderca* etc. (KGP: 179, 192, Stüber 2005: 78).

<sup>30</sup> The suffixless variant \**kingo-* is irrelevant in this context as it is originally limited to verbal-governing compounds such as \**Eχs=king-o-* (OPEL II: 130) < \**°king-o-* (cf. var. *Excingius* (AE 1973: 362), reinforced with the augmentative agentive suffix \**-iō-*), to which compare the structurally identical *Andegenus* (Delamarre 2007: 21) or *Nemetogena* (CIL XIII/603) < \**°gen-o-*.

<sup>31</sup> To \**sag-* ‘look for, search’ (Schumacher 2004: 555).

<sup>32</sup> Although a simple thematic \**tragetion*, albeit isolated, is not entirely excluded, cf. *prenne* gl. *arborem grandem* (Gloss. Endl.) for original \**prennon* ‘tree’ (see DLG<sup>2</sup> s.v. *prenno-*).

<sup>33</sup> Beside *Bodecia* (see DCC: 77).

*Saletio*\* (IA 354, 6)

Ταζγαίτιον (Ptol. II, 12, 3)

Οὐικετία (Strabo 5, 1, 8; Ptol. III, 1, 26)

Of these, *Lutetia* is far too uncertain to be further included in the discussion<sup>35</sup>, and the interpretation of *Dercetio*\* remains difficult (see above). Οὐικετία, on the other hand, if relevant at all (cf. var. Οὐικεντία as early as Strabo, and ultimately also the modern-day *Vicenza* < \**Vikentia*), can only be conceived as a second-grade derivative from a (purely hypothetical) \**uik-et-* ‘fighter’ *uel sim.*, a (transitive) agentival meaning being inappropriate for a place-name<sup>36</sup>. However, in view of the limited Celtic imprint on the onomastic landscape of Cisalpine Gaul<sup>37</sup>, the name itself does not have to be interpreted as a Celtic coinage at all (the same goes for the equally problematic *Bodetia*), a circumstance which perhaps receives additional support from comparison with such clearly non-Celtic toponyms as Ἐπέτιον (Gl. Krahe/Meid 1967: 177), including the fact that we would probably expect the underlying agent noun to have been a full-grade derivative.

The remaining cases may be confidently traced back to \**brigā* ‘hill’ (or \**brig-* ‘id.’),<sup>38</sup> \**boruo-* ‘water-spring’, \**gabro-* ‘goat’, \**kun-*

<sup>34</sup> For various differing attestations see DCC: 154.

<sup>35</sup> The attestations disagree wildly, cf. older variants of the name such as *Lutecia* (Caes., Gall. *passim*) beside Λε/ουκοτεκία in Ptolemy and Strabo (for a detailed account of these forms see DCC: 154). The latter is usually thought to derive from \**luk-ot-* ‘mouse’ = OI *luch* etc. (see Irslinger 2002: 61–62), to which *Lutecia* could perhaps represent an *allegro* form, but then the question of how to account for the suffix remains. \*-εκία, however, cannot find a suitable explanation within Celtic and must surely be due to scribal corruption (note a similar oscillation, though on a significantly smaller scale, between *t* and *c* in *Bodetia* ~ *Bodecia*). Lambert (2005: 246) suggests \**-ik-īā*, derived from an underlying DN/PN \**Lukot-iko-*, but in light of the above, a desubstantival base \**lukot-et-* is perhaps a not unlikely alternative.

<sup>36</sup> With the notable exception of hydronyms. Cf. De Bernardo Stempel (2000: 94), who proposed to translate the name as ‘the Fighting town’.

<sup>37</sup> Contrary to the impression maintained by De Bernardo Stempel 2000: 92–96, 105–106.

<sup>38</sup> In favour of the apparent coexistence of these two homonymic variants in Gaulish (as opposed to Insular Celtic and Hispano-Celtic, which either point in the direction of a root-noun (OI *brí*, Clb. *ner tobis*) or its thematized variant (W *bre* etc.), but note the peculiar case of Old British *BRIGE* as if for athematic \**Brig-ē* (Hamp 1991/92: 9, contrasting PNRB: 277–278)) consider at least Ἀλιόβριξ (Pt. III, 10, 5) < \**Aljo-brixs* (Falileyev 2007: 4–5); the numerous compounds with \**Brigo-* as their first element are, of course, ultimately ambiguous.

‘dog’, \**sal-* ‘salt’ (?), \**tasgo-* ‘badger’ (?)<sup>39</sup>, which at face value seem to have been further derived with the help of \*-*etjo-* or a simple thematic \*-*eto-*. On closer inspection, however, it appears that apart from Γαβρη̃τα and the compounded form in Βορβητό-μαγος (to \**magos* ‘plain’ *uel sim.*) the exact shape of the suffix in question was \*-*etjon-*, i.e. \*-*etj-on-*, enlarged by the nasal individualizing suffix \*-*on-* of the type nicely observable in EN *Senones*, literally ‘The old’, cf. Germanic *Burgundiones* < \**b<sup>h</sup>rg<sup>h</sup>-nt-j-on-* (Bichlmeier 2009/10) etc. The corresponding Ptolemaic forms ending in what appears to be a simple thematic -iov need not present a complication since nasal stems are as a rule only exceptionally recorded as such in Greek sources. The underlying \**brig-etjo-*<sup>40</sup>, \**kun-etjo-*, \**sal-etjo-*, \**tasg-etjo-* are thus immediately comparable to structurally identical anthroponyms such as Og. CUNITTI (M 149) < \**Kun-etjo-* (Ziegler 1994: 162), *Cetetiu\** (CIL III/3861, KPP: 263) < \**Kajt-etj-on-* (fem.!), *Oxetius* (CIL XVI/123, KPP: 239) < \**Oxs-etjo-* (to \**oxsi-* ‘?’)<sup>41</sup>, and *Tasgetios* (RIG IV: M-159, OPEL IV: 109) < \**Tasg-etjo-*, the isolated compositional form Βορβητό° perhaps finding its exact parallel in \**Trougetomāros* if the latter is to be correctly restored for the actual *Troucetimaros* (CIL III/3367 etc., KPP: 119, KGP: 282), cf. *Troucetissa* (CIL III/14349, 8, KPP: 207)<sup>42</sup>. The crucial form for the present discussion, however, seems to be *Bageto\** (KPP: 219) < \**Bāg-et-on-*, which exhibits a plain suffix \*-*et-*, unenlarged by \*-*jio-*,

<sup>39</sup> See DLG<sup>2</sup>, PNPG (Celtic Elements), and DCC (principal Elements) s.vv.

<sup>40</sup> The latter formation received an unnecessarily complicated treatment by Hamp 1990: 59–62, who suggested that we see in it a remodelled deverbative.

<sup>41</sup> Gl. DLG<sup>2</sup>, s. v. *oxso-*, *oxi-* ‘boeuf’, ‘haut’, both weak.

<sup>42</sup> Cf. *Mogetimarus* (Delamarre 2007: 134) and *Orcetirix* (KGP: 252) for \**Moget-o-* and \**Orget-o-* with -i- by vowel harmony (on this phenomenon and composition vowels in general see most recently Sims-Williams 2013, *forthcoming*). It is conspicuous, though, that all attestations of the *Trouceti-* names are limited to Noricum and Pannonia, as is, for instance, the peculiar hapax *Mogitmarus* (CIL III/3325, KPP: 111) with uncertain restoration, and that it may not be at all coincidental that one feels rather uneasy attributing the problematic -i- in *Mogetimarus* (never attested as †*Mogetomarus*) to very much the same factors that produced the likes of *Orcetirix*, which, incidentally, is indeed attested in its “expected” form *Orgetorix*. Local peculiarities in popular names are known otherwise (cf. Sims-Williams, *op. cit.*), cf. *Magimarus* (several attestations in Noricum and Pannonia, see *Corpus* (NOR 47, 50, PAN 4, 27, 83, 125)) vs. *Magiomarus* (CIL III/11579), which cannot represent a morphological doublet. On the other hand, there are other similar cases of -o- ~ -i- alternations that are difficult to account for phonetically, cf. *Uictimaria* (CIL XII/344) for *Uicto-* < \**uik-to-* (Stüber 2005: 97) etc.

the latter then being clearly separable as a independent structural element in all other cases too. Nevertheless, the semantic interpretation of the underlying athematic *\*brig-et-*, *\*boru-et-* (-o- can now be interpreted as the composition vowel, cf. *Cinget-o-rix* beside OI *cing* < *\*king-et-*)<sup>43</sup>, *\*gabr-et-*, *\*kun-et-*, *\*sal-et-*, *\*tasg-et-* is difficult as there seems to be no further internal evidence that would help to regulate the exact meaning of these derivatives. If, however, *\*Bāgeton-* is interpreted as an agent noun to *\*bāgā* ‘battle’ = OI *bág* ‘id.’<sup>44</sup>, a common noun such as *\*bāgo-* ‘beech’ being less probable in a personal name, it is possible to immediately compare it with such secondary desubstantival agent-noun formations as evidenced by Gr. ἵππο-τ-ης ‘eques’ < *\*ἵππο-τ-āς* (← *\*ἵππο-τ-* *\*‘eques’*)<sup>45</sup>. As these could in turn be easily interpreted as possessive derivatives, the way was open for a generally possessive suffix *\*-et-* to establish itself beyond its original domain.

Although a basically possessive meaning of these onomastic derivatives in *\*-et-*<sup>46</sup> is beyond question, it cannot be entirely ruled out that they in fact represent collective nouns. A supposed collective function of *\*-et-* would easily derive from its more elementary employment as a possessive suffix, cf. OI *daire* ‘grove’, Gaul. *\*darjo-* (Cf. Hamp 1988: 125–127) *\*‘quercetum’* < *\*‘belonging to \*daru-’*, Gaul. LN Βάγακον (Pt. II, 9, 6) ‘fagetum’ = *\*Bāg-āko-* *\*‘belonging to \*bāgo-*, cf. OI *cráebach* ‘having branches’/ ‘branches’ (Russell 1990: 92–93) etc. However that may be, a suggestion that we may be (at least in some if not all cases) dealing with collectives would also allow for a straightforward interpretation of the ubiquitous sequence *-i-on-*<sup>47</sup> as a formal substantivization/concretization of possessive adjectival derivatives, so that ultimately *\*X-et-i-on-* = ‘the (place) to which belongs a collectivity of X’.

The final question is whether it can be well maintained that the combination of suffixes *\*-jo-* + *\*-on-* was the result of an actual two-

<sup>43</sup> Contrast DCC (*Principal Elements*, p. 10), where it was decided, in my view erroneously, to list *\*borbeto-* as a separate element (similarly, however, De Bernardo Stempel 2005: 79, 90).

<sup>44</sup> As indeed correctly surmised by Meid (KPP: 219). For Celtic *\*bāgā* see LÉIA: B 4–5, DLG<sup>2</sup> s.v. *bagauda*.

<sup>45</sup> For the latter see Risch 1974: 31 ff.

<sup>46</sup> Along the same lines already Anreiter (2001: 203 *et passim*) and Greule (2007: 200), who considered ‘durch erhöhte (Lage) charakterisiert’ and ‘Stelle, wo es Salz gibt’ (for *Brigetio\** and *Saletio\** respectively), albeit without any prerequisite formal backing for their predictive assumptions.

<sup>47</sup> Were the underlying derivatives still adjectival in nature, *\*-jo-* would have to be interpreted as a purely structural element.

grade derivational chain, or whether we are in fact dealing with an autonomous conglomerate suffix, identical to the desubstantival agentival *\*-iōn-* of OHG *burgio* ‘citizen’ or Goth. *fiskja* ‘fisherman’. Its function in Celtic, however, would apparently still have equalled the sum of the functions of its constituent parts, which in turn makes it difficult, if not impossible, to decide in favour of either of the two options. The existence of an independent suffix *\*-iōn-* has been claimed by Stüber (1998: 102) in order to account for the derivation of Ἄλβιον (OI *Albu\**) (PNRB: 247), which, as she pertinently remarks, cannot be satisfactorily explained as a nasal derivative of *\*Alb(i)io-* ‘world’ (on *\*albio-* see Hamp 1989). There is an alternative solution, however. In view of the Old Celtic hydronym Γλάνις (AcS I: 2024), which, going back to a deadjectival *i*-stem derivative (*\*glano-* → *\*glani-*), is immediately comparable to OI *glain* ‘glass, clearness’, it would not be inconceivable to see in *\*Albi-jo-* (to which a derivative in *\*-on-* would represent a simple formal substantivization) a possessive adjective and trace it back to *\*albi-* ‘whiteness’ *uel sim.* (to-*\*H<sub>2</sub>el-b<sup>h</sup>o-*), cf. RN *Albis\** (gen. Ἄλβιος, Ptol. II, 11 *passim*).

#### Abbreviations

Cib. = Celtiberian; DN = divine name; EN = ethnic name; Gaul. = Gaulish; Goth. = Gothic; Gr. = Ancient Greek; Lat. = Latin; LN = place-name; OI = Old Irish; OInd. = Old Indic; OW = Old Welsh; PN = personal name; RN = river-name; Ved. = Vedic; W = Welsh.

#### Bibliography

- AcS – Holder A. Alt-celtischer Sprachschatz I–III. Leipzig: Verlag von B. G. Teubner, 1896–1907 (Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1961–1962).
- Corpus – Sims-Williams P., Raybould M. E. A Corpus of Latin Inscriptions of the Roman Empire containing Celtic Personal Names. Aberystwyth: CMCS, 2007.
- DCC – Falileyev A. in collaboration with Gohil A. E. and Ward N. Dictionary of Continental Celtic Place-Names. Aberystwyth: CMCS, 2010.
- DLG<sup>2</sup> – Delamarre X. Dictionnaire de la langue gauloise. 2nd edition. Paris: Éditions Errance, 2003.
- IdgGr II/1 – Vergleichende Laut-, Stammbildungs- und Flexionslehre nebst Lehre vom Gebrauch der Wortformen der indogermanischen Sprachen II: Lehre von den Wortformen und ihrem Gebrauch. 1. Teil: Allgemeines. Zusammensetzung (Komposita). Nominalstämme. Strassburg, 1906<sup>2</sup>.
- IEW – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. 2vols, Bern and München: Francke, 1959–1969.
- KGP – Schmidt K. H. Die Komposition in gallischen Personennamen // Zeitschrift für celtische Philologie. 1957. Bd. 26. S. 33–301.
- KPP – Meid W. Keltische Personennamen in Pannonien. Budimpešta: Archeolingua, 2005.

- LEIA – Vendryes J., Bachellery É., Lambert P.-Y. *Lexique étymologique de l'irlandais ancien*. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies / Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1959–1996.
- LG – Lambert P.-Y. *La langue gauloise*. Paris: Éditions Errance, 2003.
- LIV<sup>2</sup> – Rix H., Kümmel M., Zehnder Th., Lipp R., Schirmer B. *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstamm-bildungen*. 2nd edition. Wiesbaden: Dr. Ludwik Reichert Verlag, 2001.
- NWÄI – De Bernardo Stempel P. *Nominale Wortbildung des älteren Irischen. Stammbildung und Derivation*. Tübingen: Max Niemeyer, 1999.
- OPEL – *Onomasticon Provinciarum Europae Latinarum / Barnabás Lőrincz et alii (eds.)*. Vol. I–IV. Wien, Budapest, 1994–2002.
- OWED – Falileyev A. *Etymological Dictionary of Old Welsh*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2000 (= Buchreihe der Zeitschrift für celtische Philologie 18).
- PNRB – Rivet A. L. F., Smith C. *The Place-Names of Roman Britain*. London, 1979.
- Ptolemy 2000 = Patrick Sims-Williams, David N. Parsons (eds.). *PTOLEMY: Towards a Linguistic Atlas of the Earliest Celtic Place-Names of Europe*. Papers from a workshop, sponsored by the British Academy, in the Department of Welsh, University of Wales, Aberystwyth, 11–12 April 1999, Aberystwyth: CMCS, 2000.
- Ptolemy 2005 – de Hoz J., Luján E. R., Sims-Williams P. (eds.). *New approaches to Celtic place-names in Ptolemy's Geography*. Madrid: Ediciones Clásicas, 2005.
- RIB – Colingwood R. G. et al. *The Roman inscriptions of Britain*. Vol. I–II. Stroud: Sutton, 1990–1995.
- RIG – *Recueil des inscriptions gauloises*. Vol. I: Lejeune M. *Textes gallo-grecs*. 1985. Vol. II, 1: Lejeune M. *Textes gallo-étrusques. Textes gallo-latins sur pierre*. 1988. Vol. II, 2: Lambert P.-Y. *Textes gallo-latins sur instrumentum*. 2002. Paris: CNRS Éditions, 1985–2002.
- TLG – Billy P.-H. *Thesaurus linguae Gallicae*. Hildesheim; Zürich; New York: Olms-Weidmann, 1993.
- Anreiter 2001 – Anreiter P. *Die vorrömischen Namen Pannoniens*. Budapest: Archaeolingua, 2001.
- Bichlmeier 2009/10 – Bichlmeier H. *Bairisch-österreichische Orts- und Gewässernamen aus indogermanistischer Sicht // Beiträge zur Ortsnamenforschung*. 2009/10. Bd. 46. S. 3–63.
- De Bernardo Stempel 2000 – de Bernardo Stempel P. *Ptolemy's Celtic Italy and Ireland: A linguistic analysis // Ptolemy*. 2000. P. 83–112.
- De Bernardo Stempel 2003 – de Bernardo Stempel P. *Die sprachliche Analyse keltischer Theonyme // Zeitschrift für celtische Philologie*. 2003. S. 41–69.
- De Bernardo Stempel 2005 – de Bernardo Stempel P. *Ptolemy's evidence for Germania Superior // Ptolemy*. 2005. P. 71–94.
- Delamarre 2004 – Delamarre X. *Gallo-Brittonica: Transports, richesse et générosité chez les anciens Celtes // Zeitschrift für celtische Philologie*. 2004. Bd. 54. S. 121–132.
- Delamarre 2006 – Delamarre X. *Gallo-Brittonica (suite: 11–21) // Zeitschrift für celtische Philologie*. 2006. Bd. 55. S. 29–41.
- Delamarre 2007 – Delamarre X. *Noms des personnes celtiques dans l'épigraphie classique*. Pariz: Éditions errance, 2007.



- Delamarre 2012 – Delamarre X. Noms de lieux celtiques de l'Europe ancienne (-500/+500): Dictionnaire. Pariz: Éditions errance, 2012.
- Delamarre 2013 – Delamarre X. Longidienus, faber navalis, à Ravenne, le toponyme Lombard et le theme longo- 'navire' en vieux celtique // *Zeitschrift für celtische Philologie*. 2013. Bd. 60S. 19–26.
- Фалилеев 2006 – Фалилеев А. И. Галльск. *s*, и.-е. \**p* и некоторые аспекты интерпретации континентальных кельтских данных // *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 2006. Т. 10. С. 306–313.
- Falileyev 2007 – Falileyev A. Celtic Dacia. Aberystwyth: CMCS, 2007.
- Falileyev 2013 – Falileyev A. Celtic Balkans. Aberystwyth: CMCS, 2013.
- Greule 2007 – Greule A. Etymologische Studien zu geographische Namen in Europa. Ausgewählte Beiträge 1998–2006 / Janka W., Prinz M. (eds.). Regensburg: edition vulpes, 2007 (= Regensburger Studien zur Namenforschung 2).
- Hamp 1988 – Hamp E. Varia XXXIII: Old Irish *dair* 'grove' // *Études Celtiques*. 1988. Vol. 25. P. 125–127.
- Hamp 1988a – Hamp E. (Aber) Gefenni // *Bulletin of the Board of Celtic Studies*. 1988. Vol. 35. P. 53–54.
- Hamp 1989 – Hamp E. Welsh *elfydd*, *elfydd*, Scottish Gaelic *Alba* // *Bulletin of the Board of Celtic Studies*. 1989. Vol. 36. P. 109–110.
- Hamp 1990 – Hamp E. Brigetionem, Βεργιτίων // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1990. Vol. 91. P. 59–62.
- Hamp 1991/92 – Hamp E. British Celtic BRIGE and morphology // *Studia Celtica*. 1991/92. Vol. 26/27. P. 9–11.
- Irslinger 2002 – Irslinger B. S. Abstrakta mit Dentalsuffixen im Altirischen. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 2002.
- Isaac 2004 – Isaac G. R. Place-Names in Ptolemy's Geography. An electronic data base with etymological analysis of the Celtic name-elements (CD-ROM). Aberystwyth: CMCS, 2004.
- Krahe/Meid 1967 – Krahe H., Meid W. Germanische Sprachwissenschaft III: Wortbildungslehre. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1967.
- Lambert 2000 – Lambert P.-Y. Remarks on Gaulish place-names in Ptolemy // *Ptolemy*. 2000. P. 159–168.
- Lambert 2005 – Lambert P.-Y. The place-names of *Lugdunensis* [Λουγδουνησία] (Ptolemy II 8) // *Ptolemy*. 2005. P. 215–251.
- Lambert 2006 – Lambert P.-Y. Grandes textes magiques: Chamalières, Larzac // *Die grösseren altkeltischen Sprachdenkmäler. Akten des Kolloquiums Innsbruck, 29. April-3. Mai 1993* / Meid W., Anreiter P. (eds.). Innsbruck: Verlag des Instituts für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1996. P. 51–85.
- McCone 1995 – McCone K. OIr. *senchae*, *senchaid* and preliminaries on agent noun formation in Celtic // *Ériu*. 1995. Vol. 46. P. 1–10.
- McCone 1996 – McCone K. Der Teller von Lezoux // *Die grösseren altkeltischen Sprachdenkmäler. Akten des Kolloquiums Innsbruck, 29. April-3. Mai 1993* / Meid W., Anreiter P. (eds.). Innsbruck: Verlag des Instituts für Sprachwissenschaft der Univ. Innsbruck, 1996. P. 107–117.
- Nègre 1990 – Nègre E. Toponymie générale de la France I: Formations préceltiques, celtiques, romanes. Ženeva: Libraire Droz, 1990.
- Pokorny 1950 – Pokorny J. The river-name *Argita* // *Journal of Celtic Studies*. 1950. Vol. 1. P. 130.

- Rieken 1999 – Rieken E. Untersuchungen zur nominalen Stammbildung des Hethitischen. Wiesbaden: Harrasowitz, 1999 (Studien zu den Bogazköy-Texten 44).
- Risch 1974 – Risch E. Wortbildung der homerischen Sprache. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1974.
- Russell 1989 – Russell P. Agent suffixes in Welsh: Native and non-native // *Bulletin of the Board of Celtic Studies*. 1989. Vol. 36. P. 30–42.
- Russell 1990 – Russell P. Celtic Word-Formation. The Velar Suffixes. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1990.
- Sims-Williams 2000 – Sims-Williams P. Degrees of Celticity in Ptolemy's names: Examples from Wales // *Ptolemy*. 2000. P. 1–16.
- Sims-Williams 2007 – Sims-Williams P. Common Celtic, Gallo-Brittonic and Insular Celtic // Lambert P.-Y., Pinault G.-J. (eds.). *Gaulois et Celtique continentale*. Genève: Droz, 2007. P. 309–54.
- Sims-Williams 2013 – Sims-Williams P. The Celtic composition vowels *-o-* and *-io-*, forthcoming.
- Stüber 1998 – Stüber K. The Historical Morphology of n-Stems in Celtic, Maynooth. Department of Old Irish, National University of Ireland, Maynooth, 1998 (Maynooth Studies in Celtic Linguistics III).
- Stüber 2002 – Stüber K. Die primären s-Stämme des Indogermanischen. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2002.
- Stüber 2005 – Stüber K. Schmied und Frau. Studien zur gallischen Epigraphik und Onomastik. Budapest: Archeolingua, 2005.
- Uhlich 1997 – Uhlich J. Zur sprachlichen Einordnung des Lepontischen // *Akten des zweiten deutschen Keltologen-Symposiums, Bonn, 2.–4. April 1997* / Zimmer S., Ködderitzsch R., Wigger A. (eds.). Tübingen, Niemeyer, P. 277–304.
- Uhlich 2002 – Uhlich J. Verbal governing compounds (synthetics) in Early Irish and other Celtic languages // *Transactions of the Philological Society*. 2002. Vol. 100/3. P. 403–433.
- Vine 1998 – Vine B. Aeolic ὄρπετον and deverbative \*-etó- in Greek and Indo-European. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1998.
- Zair 2012 – Zair N. The reflexes of the Proto-Indo-European laryngeals in Celtic. Leiden, Boston: Brill, 2012.
- Ziegler 1994 – Ziegler S. Die Sprache der altirischen Ogam-Inschriften. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1994.

### L. Repanšek Two notes on Old Celtic Morphology

The article discusses two aspects of Old Celtic morphology, focusing on the derivation of place-names in *\*-ati-* and *\*-et-*. As both suffixes share a complicated history, which due to the sparse attestation of Old Celtic can only be glimpsed from an occasional set of (mostly onomastic) data, their morphological and semantic functions are more narrowly specified with the help of external data in combination with careful observation of internal linguistic facts.

*Keywords:* Continental Celtic, toponymy, word-formation, dental stems.

## РАЗВИТИЕ ФОРМ ИНФИНИТИВА В ХЕТТСКОМ ЯЗЫКЕ<sup>1</sup>

В статье рассматривается вопрос происхождения форм инфинитива в хеттском языке, их распределение между глагольными основами, а также соотношение с инфинитивами в других анатолийских и индоевропейских языках.

*Ключевые слова:* морфология, синтаксис, инфинитив, отглагольное существительное, хеттский язык, лувийский язык, сравнительно-историческое языкознание

В хеттском языке существуют две формы инфинитива, с суффиксами *-wanzi* и *-ānna*. Как и для причастия, для инфинитива характерно неразличение залога, т. е. инфинитив может соответствовать как активным, так и пассивным инфинитивам в классических языках. Употребление различных предикатов с инфинитивом подробно описано в грамматике Х. Хоффнера и К. Мелчерта (Hoffner, Melchert 2008: 332ff.). Надо отметить, что после ряда работ 40–50 годов (диссертация Ф. Осе (Ose 1943), рецензия на нее А. Гетце (Goetze 1948), статья А. Камменхубер (Kammenhuber 1954)) данная тема не привлекала внимание ученых, и в последнее время только исследование Г. Холланда (Holland 2011) было специально посвящено инфинитиву.

Обе формы инфинитива в хеттском языке прозрачны по своей структуре и являются застывшими падежными формами отглагольных существительных. Формы с суффиксом *-wanzi*<sup>2</sup> (/wantsi/) скорее всего представляют собой аблатив<sup>3</sup> абстракт-

---

<sup>1</sup> Данное исследование было выполнено при поддержке научного проекта «Лексическое и морфологическое варьирование в традиционных индоевропейских текстах», выполняемого по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», а также при поддержке ФЦП «Языковое взаимодействие в условиях становления литературных традиций», № 2012-1.2.2-12-000-3004-034.

<sup>2</sup> У глаголов с основой на /u/ формы инфинитива и отглагольного существительного закономерно представлены как *-marzi* и *-mar*.

<sup>3</sup> Засвидетельствованная в KUB 10.21 I 1 форма *sipantwanta*, если она является инфинитивом, может восходить к древнему инструменталису, ср. Hoffner, Melchert 185<sup>36</sup>, Starke 1990: 526<sup>1950</sup>. Теоретически в основе может лежать и датив на *-i*, ср. Vanséveren 2000: 24ff., но в таком случае приходится предполагать расширение основы на *-n* при помощи

ного существительного на *-war*, р. п. *-was* (\*-wen-s), ср. Kloekhorst 2008: 959, Hoffman, Melchert 2008: 185<sup>36</sup>. От этого суффикса образован также и супин на *-wan*, употребляющийся только в инхоативной конструкции с глаголом *dai-* ‘ставить’. Второй, значительно менее распространенный суффикс *-ānna* связан с существительными на *-ātar*, р. п. *-annas* и, судя по всему, исходно является формой аллатива<sup>4</sup> (Vanséveren 2000: 24ff., Kloekhorst 2008: 174f.). Связь между инфинитивом и отглагольными существительными еще хорошо прослеживается в хеттском. Так, от глаголов с инфинитивом на *-ānna* очень часто образуются существительные на *-ātar* (напр., *akuanna* и *akuātar* от *ekulaku-* ‘пить’), а для глаголов с инфинитивом на *-wanzi* характерны существительные на *-war* (напр., *karpuwanzi* и *karpuwar* от *karp-* ‘срывать, поднимать’).

В палайском и лувийском языках инфинитив образуется при помощи суффикса *-una*, ср. пал. *ahuna* ‘пить’, к.-лув. *aduna*, и.-лув. *aruna* ‘есть’, Melchert 2003: 194; Plöchl 2003: 32. Эти форманты, по всей вероятности, также являются застывшей падежной формой от суффикса *-warlun-*, родственного хетт. *-war/n-*. В отличие от хеттского *-wanzi* палайский и лувийский инфинитивы восходят к форме датива или аллатива. Как указывает Гарсиа-Рамон (García-Ramón 1997: 57ff.), от этого же суффикса \*-wen- инфинитивы образовывались и в некоторых других древних индоевропейских языках. В качестве примеров он приводит кипр. *to-we-na-i /downai/* ICS 217.A5.15 (др.-гр. *δοῦναι*)<sup>5</sup>, кельтибер. *-unei* в надписи из Ботториты, а также вед. *-vāne*<sup>6</sup>.

В иероглифическом лувийском существовал и еще один инфинитив, на *-ana*, ср. Plöchl 2003: 32. По крайней мере,

---

форманта *-t-* исключительно для данной формы, что представляется маловероятным.

Стоит отметить, впрочем, что в поздних текстах засвидетельствованы следующие формы косвенных падежей: абл. *sallanumarza* KUB 26.32 I 12 и дат.-лок. *sauwarri* KBo 11.1 Vs. 8, в которых суффиксальное *-r-* против ожиданий не заменяется на *-n-*.

<sup>4</sup> Де Рос (de Roos 2007: 107<sup>169</sup>) не исключает, что *apanna* в KUB 15.3 I 5 может быть формой датива от *appatar*, а не инфинитивом, но это маловероятно, так как у нас нет примеров дательного падежа на *-a* для данного типа основ в хеттском языке.

<sup>5</sup> О возможных сопоставлениях для этого инфинитива в рамках древнегреческого см. Казанский 2010: 595.

<sup>6</sup> Г. Кейдана (Keydana 2003: 239) считает, что ведийский инфинитив на *-vāne* образовался независимо в предыстории ведийского языка.

именно так Д. Хокинз анализирует форму “CAPERE”(-)la-na в MARAŞ 3 § 8:

... “REL”-sa |ARHA “CAPERE”(-)la-||na POST-ra/i-ta [... ...]ti-ti  
 [...] (he) who shall [desire?] to take away in future ... [  
 (Hawkins 2000 I: 268f.)

С такой же огласовкой *-a-* следует читать и формы “CAPERE”(-)la/iu-na в надписи BOHÇA §3, 9 (Hawkins 2000 II: 468), которые иначе считались бы типичными инфинитивами на *-una*.

Напрашивается сравнение лувийского инфинитива на *-ana* с хеттским инфинитивом на *-anna*, тем более что лув. глаголу (*la*)*la-* в хеттском языке соответствует глаголу *da-* ‘брат’, для которого характерен именно инфинитив на *-anna*. Сложность в данном сопоставлении заключается в том, что имена на *-atar* в лувийском засвидетельствованы, но только в именительном падеже, а в косвенных падежах мы бы ожидали увидеть *-atn-* (Plöchl 2003: 51). Так что прямое сопоставление данных формантов вряд ли возможно.

В целом можно отметить, что общие принципы формирования инфинитивов в хеттском языке соответствуют модели, типичной для большинства индоевропейских языков, ср. Казанский 2001; 2010, однако их развитие произошло уже после распада праанатолийского языка независимо от аналогичных образований в лувийском и палайском языках.

Употребление хеттского инфинитива, использовавшегося в первую очередь для выражения цели, также согласуется с функциями инфинитива в других индоевропейских языках. Кроме того, в хеттском языке засвидетельствованы конструкции, параллельные *accusativus cum infinitivo* и *nominativus cum infinitivo* классических языков. В своей недавней статье Г. Холланд подробно описывает конструкции, в которых логический субъект при действии, выражаемом инфинитивом, выражается именительным падежом (Holland 2011, ср. также Hoffner, Melchert 2008: 334). Один из таких оборотов мы видим в KBo IV 2 III 50f.:

*nu=ssi GUD pūhugaris pīyawanzi IZI-it wahnumanzi MUŠEN<sup>HLA</sup>  
 wahnumanzi SIxSÁ-at*

‘(оракулом) был ему определен вол на замену, которого нужно отдать и огнем сжечь, и птицы, которых нужно сжечь’.

О конструкциях, где логический субъект при инфинитиве выражен винительным падежом, упоминает Х. Кронассер (Kronasser 1966: 311ff.). В качестве примера он приводит KUB 1.6 III 9-10:

*apās=ma=mu* (вин. или дат. п.) *harkanna* (инф.) ... *sanahta*  
‘он стремился погубить меня’.

Необходимо отметить, что в данном случае *-mu* (энклитическое местоимение 1-го лица) здесь может выступать как в форме винительного, так и в форме дательного падежа. Х. Хоффер и К. Мелчерт, полагая, что в данном случае *-mu* является логическим объектом инфинитива, переводят KUB 1.6 III 9–10 следующим образом: ‘but he sought to kill me (lit., he sought me for perishing)’ (Hoffner, Melchert 2008: 334). Однако было бы странно предполагать наличие логического объекта у непереходного глагола.

Тем не менее, в некоторых других случаях, как и в приведенном выше KUB 1.6, не всегда можно определить падеж логического подлежащего при инфинитиве: это может быть как дательный, так и винительный падеж, ср. примеры, приводимые Д. Дистерхефт (Disterheft 1981: 26ff.).

KUB 14.1 Rs. 30f.

*ni namma kel šA KUR.KUR<sup>TIM</sup> LÚ<sup>MES</sup> TEMI MAHAR<sup>D</sup>UTU<sup>ŠI</sup>*  
*uwawanzi UL tarnai*

‘Также он не позволяет посланникам этих стран прийти к моему величеству’

KUB 5.6 IV 13

*ni=mu= kan apiya=ya<sup>D</sup> IŠKUR<sup>URU</sup> HAT-TI piran tiyauwanzi*

*handaittat* ‘Затем было определено, чтобы я вышел вперед к моему господину, богу Грозы страны Хатти’

Однако есть и такие примеры, где возможность подобной двоякой интерпретации отсутствует, и логический субъект при действии, обозначаемом инфинитивом, выражается именно винительным падежом. В частности, можно привести еще один контекст с инфинитивом *harkanna*:

Во 299/1986 III 27:

*n=at* (вин. п.) *harganna tepnummanzi=ya le tarnai*

‘он не должен позволить им погибнуть и быть униженными’

Впрочем, следует отметить, что данные примеры, засвидетельствованные впервые только в среднехеттский период, скорее говорят о существовании схожих тенденций при развитии инфинитива в различных индоевропейских языковых традициях, а не о существовании подобной конструкции в праязыке. На уровне формальной реконструкции ни *-wanzi*, ни тем более *-ānna* не могут быть напрямую сопоставлены ни с одним показателем инфинитива в других индоевропейских и даже анатолийских языках. Эти образования возникли уже в предистории собственно хеттского языка.

Одной из проблем, связанных с употреблением инфинитива в хеттском языке, остается распределение типов инфинитива по глаголам. Суффикс *-ānna* встречается у части односложных глаголов, для которых характерно также наличие аблаута в корне, а *-wanzi*, помимо оставшейся части односложных глаголов, засвидетельствован также и у всех многосложных. Надо отметить, что данная дистрибуция не вполне соответствует дистрибуции отглагольных существительных на *-ātar* и *-war*. В частности, существительные на *-ātar* образовывались и от многосложных глаголов, например, *kutrawae*- ‘свидетельствовать’ – *kutruwatar* ‘свидетельство’.

Кроме того, существует ряд глаголов, у которых встречаются оба суффикса. Это *ēplap-* ‘хватать’ (*apanna* КВо 3.21 II 5 MS, KUB 12.62 Rs. 3, 5 pre-NH/NS, KUB 15.3 I 5 NH, KUB 15.23 Vs. 10 NH, KUB 17.18 III 19 NS, KUB 35.43 II 19' MS; DIB-*anna* KUB 5.9 Vs. 8 NH, KUB 52.41 Rs. 3 NS; *ēppuwanzi* КВо 3.3 III 30 NH, KUB 13.4 II 27 MH/NS), *hān/han-* ‘черпать’ (*hananna* KUB 32.72 I 5 MS; *hanumanzi* KUB 29.4 I 59 NH, *hanuwanzi* KUB 39.71 I 24 NH), *hueg/hug-* ‘зарезать’ (*huganna* напр. КВо 29.72+ Vs. 8 MS, КВо 39.213 7 NS, KUB 31.57 I 15 OH/NS, KUB 51.1+ I 28 MS, KUB 53.4 Rs. 10 NS; *huigwanzi*<sup>7</sup> КВо 15.33 III 13 MH/MS), *iya-* ‘делать’ (*iyawanna* KUB 4.1 II 20 MH/NS, *iyawanzi* напр. KUB 13.4 II 55 MH/NS, KUB 24.3 I 25 NH, IBoT 3.148 IV 27 MH/NS), *kuen/kun-* ‘бить, убивать’ (*kunanna* напр. КВо 4.3 IV 28 NH, КВо 5.4 Vs. 41, Rs. 5, 13 NH, KUB 8.79 Rs. 15 NH, KUB 13.7 I 18, 20 NH, KUB 14.1 Vs. 60 MH/MS, KUB 14.3 II 7 NH, KUB 30.34 IV 21 MH/NS; *kuennumanzi* KUB 6.12 IV 11 NH) *lahu-* ‘лить’ (*lahuwanzi* КВо 23.53 7 NS; *?lahuanna* КВо 47.247 r.col 9 NS), *pail/piya-* ‘давать’ (напр. *piyanna* КВо 4.10 Rs. 18 NH, КВо

<sup>7</sup> А. Клухорст приводит эту форму как *hu-i-<nu->ma-an-zi* от глагола *huinu-* ‘обращать в бегство’ (Kloekhorst 2008: 367).

5.4 Vs. 38 NH, KUB 2.5 II 22 NS, KUB 26.1 III 47 NH; *piyanawanzi* KUB 2.5 II 24 OH?/NS, KUB 10.13 IV 5 OH?/NS, KUB 11.13 V 14 NS, KUB 12.19 III 14 MH/MS, KUB 25.3 IV 41 NS), *sai/siya-* ‘ставить печать, бросать’ (*siyanna* KUB 6.3 Vs. 14, 42 etc., IV 23 NH, KUB 25.39 Rs. 7 KUB 6.44 IV 23 NH, KUB 30.39 Rs. 7, KUB 6.3 14 NH, *siyawanzi* KBo 4.14 III 50 NH), *sarra-* ‘делить’ (*sarwanzi* KUB 10.89 I 16 pre-NH/NS, KUB 20.40 r. col. 9 pre-NH/NS, KUB 25.9 IV 33 NS, KUB 41.42 III 6! NS, *saranna* KUB 11.1 IV 17 OH/NS), *ses/sas-* ‘спать’ (*sasanna* НКМ 46 Rs. 21 MH/MS, KBo 10.20 IV 10 OH/NS; *sesuwanzi* KUB 5.1 I 38, 61 NH, KUB 13.4 III 2, 6, 30 pre-NH/NS), *dā-* ‘братъ’ (*danna* напр. KBo 3.1 II 63 OH/NS, KBo 3.4 I 24 NH, KBo 5.3 III 38 (Supp. I), KUB 21.24 Rs. 21 NH, KUB 24.1 IV 2 NH, НКМ 23 10 MH/MS, *tānna* KUB 31.74 II 15 MH/MS, *dānna* KBo 32.14 III 15 MH/MS; *dawanzi* KBo 5.9 III 26 NH), *dailtiya-* ‘ставить’ или *tiya-* ‘ступать’ (*tiyanna* KUB 22.70 Rs. 63 NH; *tiyawanzi* напр. KUB 14.1 Vs. 40 MH/MS), *tuhs-* ‘резать, разделять’ (*tuhsuwanzi* KBo 6.2 III 21 OS, НКМ 37 Vs. 14 MH/MS; *tuhsanna* KUB 9.28 II 3 MH/NS) и *unu-* ‘украшать’ (*unuwana* KUB 17.35 I 28 NH; *unuwanzi* KUB 27.49 III 23 NS).

Во многих из приведенных выше примеров один из вариантов засвидетельствован существенно позже другого, обычно уже в новохеттский период. Здесь необходимо отметить, что это касается не только более частотного форманта *-wanzi*; суффикс *-ānna* появляется у двусложных глаголов (*lahu-*, *sarra-*, *unu-* и, возможно, *tiya-*), а также некоторых других глаголов, для которых изначально был характерен инфинитив на *-wanzi*, в частности, *tuhs-* ‘резать, разделять’. В отдельных случаях, например, для *pailpiya-* ‘давать’, сосуществование различных форм инфинитива можно объяснить наличием отглагольных существительных как на *-war* (*piyawar*), так и на *-atar* (SUM-*atar*); однако ни у *tuhs-*, ни у *sarra-* подобных образований на *-atar* не засвидетельствовано. Таким образом, можно утверждать, что оба эти способа образования инфинитива оставались продуктивными и на самом позднем этапе существования хеттского языка.

Интересно, что аналогичная ситуация, когда выполняющие одну и ту же функцию форманты оказываются продуктивными и начинают расширять свою сочетаемость за счет друг друга, наблюдается в хеттском языке и у так называемых «каузативных» глаголов с суффиксами *-nu-* и *-ahh-*. Образования на *-ahh-* в новохеттский период появляются у глаголов и



прилагательных на *-и-* (например, *teru-* ‘маленький’ – *terawahh-* ‘уменьшать’), которые обычно сочетались с суффиксом *-ни-* (напр., *terни-*). В то же время суффикс *-ни-* используется при образовании глаголов от прилагательных с основами на *-а-* и *-ant-*, ср., например, *hatuga-* ‘ужасающий’ и *hatuganu-* ‘пугать’.

### Литература

- Казанский 2001 – Казанский Н. Н. Именные формы глагола в индоевропейских языках (грамматика порядков и проблемы реконструкции) // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского). СПб.: «Наука», 2001. С. 144–153.
- Казанский 2010 – Казанский Н. Н. Грамматика порядков и проблемы праиндоевропейской реконструкции // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл. Сборник статей в честь 70-летия В. А. Виноградова / Отв. ред.: В. З. Демьянков, В. Я. Порхомовский. М.: «Языки славянских культур», 2010. С. 589–597.
- Disterheft 1981 – Disterheft D. Remarks on the History of the Indo-European Infinitive // *Folia Linguistica Historica*. 1981. 2/1. P. 3–34.
- García Ramón 1997 – García Ramón J. L. Infinitive im Indogermanischen? Zur Typologie der Infinitivbildungen und zu ihrer Entwicklung in den älteren indogermanischen Sprachen // *Incontri linguistici*. 1997. N. 20. P. 45–65.
- Goetze 1948 – Goetze A. [Review] F. Ose, Supinum und Infinitiv im Hethitischen, 1944 // *Journal of Cuneiform Studies*. 1948. N. 2. P. 144–155.
- Hawkins 2000 – Hawkins D. *Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions*. Berlin; New York: de Gruyter, 2000.
- Hoffner, Melchert 2008 – Hoffner H., Melchert H. Craig. *A Grammar of the Hittite Language*. Winona Lake: Eisenbrauns, 2008.
- Holland 2011 – Holland G. Active and Passive in Hittite Infinitival Constructions // *Proceedings of the 22nd Annual UCLA Indo-European Conference* / Eds.: S. W. Jamison, H. Craig Melchert, Brent Vine. Bremen: Hempen, 2011. P. 69–82.
- Kammenhuber 1954 – Kammenhuber A. Studien zum hethitischen Infinitivsystem // *Mitteilungen des Instituts der Orientforschung*. Bd. 2. P. 403–444.
- Keydana 2003 – Keydana G. *Infinitive im Rgveda*. Habilitation Thesis, Univ. Göttingen, 2003.
- Kloekhorst 2008 – Kloekhorst A. *Etymological dictionary of the Hittite inherited lexicon*. Leiden: Brill, 2008.
- Kronasser 1996 – Kronasser H. *Etymologie der hethitischen Sprache*. Wiesbaden, 1966.
- Melchert 2003 – Melchert H. Craig (ed.). *The Luwians*. Boston: Brill, 2003.
- Ose 1944 – Ose F. *Supinum und Infinitiv im Hethitischen*. *Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft*; XLII/2. Leipzig, 1944.
- Plöchl 2003 – Plöchl R. *Einführung ins Hieroglyphen-Luwische*. Dresden: Verlag der Technische Universität, 2003. (= *Dresdner Beiträge zur Hethitologie* 8).

- de Roos 2007 – de Roos J. Hittite votive texts. Leiden, 2007.  
Starke 1990 – Starke F. Untersuchungen zur Stammbildung des keilschriftluwischen Nomens. Wiesbaden: Harrasowitz, 1990 (= Studien zu den Bogazkoy-Texten. Heft 31)  
Vanséveren 2000 – Vanséveren S. «Prodige à voir». Recherches comparatives sur l'origine casuelle de l'infinitif en grec ancien. Louvain-La-Neuve: Peeters, 2000.

**A. V. Shatskov. The development of the Hittite infinitives**

The article deals with the distribution and origin of the Hittite infinitives, its relation to infinitives in other Anatolian and Indo-European languages and certain Hittite constructions involving infinitives.

*Keywords:* Indo-European, Anatolian, Hittite, Luwian, Palaic, infinitives, infinitival constructions.

**ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ  
ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКИХ НАЧАЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ  
*\*pst-* И *\*bzd-***

В статье рассматривается правомерность реконструкции праиндоевропейских начальных консонантных кластеров *\*pst-* и *\*bzd-*. Анализ всех праформ, в которых восстанавливаются подобные кластеры, выявил, что для праиндоевропейского состояния подобная реконструкция не подтверждается. Начальный *p-* в традиционно реконструируемом *\*psten-* ‘женская грудь’ представляет собой остатки праязыкового композита *\*p(e)H<sub>3</sub>-steH<sub>1</sub>n(o/i)-* / *\*p(e)H<sub>3</sub>-stH<sub>1</sub>en(o/i)-* (где *\*peH<sub>3</sub>-* – корень со значением ‘пить’), засвидетельствованного в индоиранской и тохарской ветвях. Исходная основа *\*steH<sub>1</sub>-n-* / *\*stH<sub>1</sub>en-* сохранилась в греческом и, возможно, армянском и хеттском. Начальный кластер *\*pst-* в глаголе *\*pster-* ‘чихать’ надежно реконструируется только для греческого и предположительно – для армянского, при этом италокельтский корень со значением ‘чихать’ выглядел как *\*ster-*. Праиндоевропейский корень ‘плевать’ может быть реконструирован в виде *\*spei̯(H)-* / *\*sp̯ei̯(H)-* с вероятными параллельными формами *\*stei̯(H)-* / *\*st̯ei̯(H)-*, но не как *\*psteiHu-* / *tspeiHu-* или *\*tspi(e)uH-*. Наконец, нулевая ступень *\*bzd-* (*\*pzd-*) от корня *\*pezd-* ‘пускать ветры’ является независимой параллельной инновацией в греческом и праславянском.

Начальные кластеры *\*pst-* и *\*bzd-*, возникавшие путем упрощения праязыковых композитов или образования нулевых ступеней от ряда корней, наблюдаются в греко-армяно-индоиранском ареале, где синхронно существуют многие сложные кластеры. Также начальные сочетания *\*pst-* или *\*bzd-* присутствуют в тохарских и славянских языках, в которых в них вставлялись редуцированные гласные.

*Ключевые слова:* Начальные кластеры, трехконсонантные начальные кластеры, реконструкция, праформа, вокализм, греко-армяно-индоиранский ареал, слогаобразование, композит, нулевая ступень, редуцированные гласные.

В своей диссертации, посвященной слогаобразованию в индоевропейском праязыке, Э. Берд реконструирует целый ряд трехконсонантных начальных кластеров (Byrd 2010: 164–165). Среди прочих в его списке фигурирует начальное сочетание согласных *\*pst-*, которое автор реконструирует на основании двух индоевропейских корней: *\*psten-* ‘женская грудь’ и *\*pster-* ‘чихать’ (Byrd 2010: 164–165). Соответствующий звонкий кластер *\*bzd-* также восстанавливается на основании сравнения

греч. βδέω ‘пускать ветры’ с праслав. \*bъzděti / \*ръzděti ‘пускать ветры’ (Byrd 2010: 12).

Сама идея реконструкции большого количества начальных сложных кластеров для праиндоевропейского состояния принадлежит не одному Э. Берду. В ряде своих работ с идеей о наличии значительного количества сложных начальных кластеров<sup>1</sup> в праязыке выступает А. Лубоцкий, прежде всего в статье «Indo-European ‘heel’», в которой автор утверждает, что многие проблемы начала индоевропейского слова, такие как s-mobile, неожиданное придыхание, разная последовательность согласных, необычные «протетические гласные» могут быть объяснены посредством подобной реконструкции (Lubotsky 2006: 1005). А. Клухорст пытается обосновать необходимость реконструкции для праязыкового состояния большего количества так называемых «thorn clusters», то есть сочетаний двух смычных, вместо зубного спиранта, который восстанавливали младограмматики (Kloekhorst, в печати).

Тем не менее, на наш взгляд, с подобными реконструкциями всегда следует быть осторожным. Стоит восстанавливать сложные кластеры только в тех случаях, когда это необходимо, с оглядкой на структуру индоевропейского корня. Представляется маловероятным, чтобы в праязыке допускалось намного больше начальных кластеров, чем предполагает традиционная модель sCSV(C)- (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 216–218). Также данные индоевропейских языков указывают на тот факт, что не от каждого корня может быть образована нулевая ступень ввиду запрета на некоторые начальные последовательности согласных (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 152–157).

Более того, реконструкция и.-е. \*pst- / \*bzd- особенно проблематична ввиду отсутствия однозначных фонетических соответствий между имеющимися когнатами. Так, предполагается, что и.-е. \*pstěno- ‘женская грудь’ > греч. στῆνιον ‘грудь’, др.-ирл. *sine* ‘сосок’, но и.-е. \*pster- ‘чихать’ > греч. πταίρω, πτάρνυμαι ‘чихать’, др.-ирл. *srëod* ‘чихать’. Кроме того, необходимо принимать во внимание очевидный звукоизобразительный характер последнего слова (LIV 2001: 494). Приведенные соображения указывают на проблематичность реконструкции \*pst- и указывают на необходимость подробного изучения данного вопроса.

<sup>1</sup> «heavy initial clusters» (Lubotsky 2006: 1005).

Отправной точкой для нашего исследования послужит \*psteno- ‘женская грудь’, надежно реконструируемая для праязыка основа. Она традиционно восстанавливается в таком виде на основании следующих форм: хетт. *istanzan* ‘душа, дух’ (Eichner 1973: 98); др.-инд. *stānau* (дуалис) ‘женская грудь’<sup>2</sup>, авест. *fštāna* ‘женская грудь’; греч. Hes. στήνιον· στήθος ‘грудь’; арм. *stin*, род. п. *stean* ‘женская грудь’; тох. А *päsśäm* (дуалис) ‘женская грудь’, тох. В *päścane* (дуалис) ‘женская грудь’ (МА 1997: 81; IEW 1959: 990).

С праформой \*psteno- традиционно связывается реконструируемая на основании данных европейских языков лексема \*speni- / \*spenjo-<sup>3</sup> ‘сосок, (женская грудь)’: др.-ирл. *sine* (< \*spenjo-), *bó tri-phne* ‘корова с тремя сосками’; др.-исл. *speni* ‘сосок’, др.-англ. *spanu* ‘грудь’, др.-в.-нем. *spunni* ‘сосок’; др.-прусс. *spenis*, лит. *spenys* ‘сосок’. (МА 1997: 81–82; IEW 1959: 990).

Точная реконструкция единой праформы затруднительна. Трехсогласное сочетание в \*pst- поддерживается, прежде всего, индоиранскими и тохарскими данными. Греческая и армянская формы имеют начальное сочетание *st-*, в то время как балтийские, германские и кельтские формы указывают на *sp-*. Также представляют проблему реконструкция изначальной индоевропейской основы и корневого вокализма.

Ю. Покорный предлагает восстанавливать три праформы: \*speno- для языков европейского ареала, \*stēno- для греческого и армянского, а также \*p(ə)stēno- для индоиранского (тохарские формы в словаре Покорного не приводятся). Подобное расхождение им не объясняется, автор только делает замечание, что «объединение анлаутов под праформой \*p(ə)stēn- кажется возможным» (IEW 1959: 990).

Похожим образом данные трудности пытался решить Э. Хэмп в статье, посвященной данной лексеме общеиндоевропейского словаря. Он также предположил, что стоит реконструировать три праформы, в определенной степени конфликтующих между собой: индоиранскую \*psten-, греко-армянскую \*stēn- и европейскую \*spen-. Для самой реконструируемой лексемы он предложил замечательную внешнюю этимологию, возводя ее к косвенной основе хеттского гетероклитического

<sup>2</sup> Буквально следовало бы переводить ‘женские груди’, ср. ‘woman’s breasts’ в переводе Д. Адамса (МА 1997: 81).

<sup>3</sup> Такая реконструкция вместо традиционной \*speno- оправдана всеми формами.

существительного *ispatar*, род. п. *ispanas* ‘копье, клинок, пика’. В таком случае нулевая ступень от основы вида \*sp(e)t-n- могла бы послужить в качестве объяснения (Namp 1960: 273–275). При всей заманчивости такого решения уязвимым является и этимологическое сближения слова *ispatar* с корнем *ispāi* ‘насыщаться’ (ср. рус. ‘спеть’), и облик основы \*sp(e)t-n-. Сочетание tn может быть в данном случае только слабой формой суффикса \*ter- / \*ten-, в таком случае не очень понятно, почему во всех языках последовательно восстанавливается \*e, которое в греческом к тому же является долгим.

Кроме того, в хеттском языке есть слово, происхождение которого гораздо вероятнее может быть связано с \*psten-: хетт. *istanza(n)* ‘душа, дух’ (Eichner 1973: 98; Oettinger 1980: 59, прим. 60). Данная этимология не может считаться бесспорной, поскольку существуют не менее привлекательные сопоставления, в частности, с лат. *sensus* ‘чувство’ (Puhvel 1984: 471), но семантически и формально *istanza(n)* явно ближе к рассматриваемым нами когнатам.

Для предложения путей возможного объяснения данного сложного случая надо сначала уточнить реконструкцию вокализма, первоначальной основы и начального кластера в различных ветвях индоевропейских языков.

Для выяснения вокализма и деривационной структуры греч. *στήνιον* ‘грудь’ важен вопрос о возможном родстве этого слова с основным греческим названием груди, *στήθος*. Подобное соображение высказывалось рядом исследователей. Э. Риш предложил считать, что *στήθος* образовано по следующей модели: *στήθος* ~ \**στήνος* подобно *πλήθος* наряду с лат. *plēnus* (Risch 1974: 80; Beekes 2010: 1403). Данная этимология, на наш взгляд, убедительна и с семантической, и с формальной точки зрения. При признании родства *στήνιον* и *στήθος* необходимо реконструировать \*(p)steH<sub>1</sub>-(n) с протеродинамическим генетивом \*(p)stH<sub>1</sub>en-s<sup>4</sup>, следы которого обнаруживаются в древнеиндийском и тохарском. Подобная реконструкция хорошо поддерживается армянскими данными. Вокализм именительного падежа в

<sup>4</sup> Все же надо отметить, что бесспорная долгота \*e в греческом *στήνιον* (\*ē > греч. η) могла бы объясняться правилом, наблюдаемым в словах со значением ‘дом’ и ‘земля’: \*dom-m (acc. sg) > \*dōm (арм. *tun* ‘дом’), d<sup>h</sup>ġ<sup>h</sup>om-m > d<sup>h</sup>ġ<sup>h</sup>ōm > греч. χθών (?), вед. *ksām* ‘земля’, хетт. *tekan* (Schindler 1977: 31; Byrd 2010: 17). Данное правило было связано с запретом на геминаты в индоевропейском праязыке. Соответственно, \*(p)sten-m > stem-m > \*stēm > греч. \*stēn с дальнейшим переходом в i-основу.

армянском неясен<sup>5</sup>, однако тот факт, что слово *stin* является основой и имеет родительный падеж *stean*, может свидетельствовать в пользу реконструкции *\*(p)steH<sub>1</sub>-(n)- / \*(p)stH<sub>1</sub>en-s*. Интерпретация армянской формы как *sti + n* допускает реконструкцию *\*(p)steH<sub>1</sub>- (\*(p)stH<sub>1</sub>e-) + n* с родительным падежом, образованным по формуле *sti + an* (Olsen 1999: 136)<sup>6</sup>.

Благодаря подобной реконструкции также облегчается сопоставление др.-инд. *stānau* и авест. *fštāna*. Вокализм *ā* в авестийском, конечно, мог бы трактоваться и как *o-* или *ē* ступень корня (Klingenschmitt 1974: 277; 2005: 122), однако объяснение при помощи праформ *\*psteH<sub>1</sub>-n- / \*pstH<sub>1</sub>en-* представляется более удачным, поскольку подобное чередование мотивировано. Напротив, *o-* или *ē* ступень корня в древнеиранском выглядела бы совершенно изолированно. Станным при такой реконструкции выглядит только отсутствие придыхания у звука *t* в древнеиндийской форме, однако оно может объясняться устранением ларингала в четырехсложном кластере *\*pstH-*.

Соответственно, индоевропейское название женской груди должно восстанавливаться в виде *\*(p)steH<sub>1</sub>-n- / \*(p)stH<sub>1</sub>en-s* (род. п.).

Теперь, после уточнения реконструкции вокализма и основы, можно приступить к проблеме начального кластера.

Единая индоиранская праформа на основании сопоставления только авест. *fštāna* ‘женская грудь’ и др.-инд. *stānau* ‘женская грудь’ несколько проблематична, однако привлечение производных сложных слов проясняет праиндоиранский анлаут и свидетельствует об обязательной реконструкции и.-ир. *\*pst-*.

Согласно данным «Этимологического словаря древнеиндоарийского» М. Майрхофера (EWAia II: 752), в ведийском засвидетельствовано слово *viśvá-psnyā-* ‘обладающая полной грудью; всенасыщающая’ (RV 7, 42, 6; RV 8, 86, 15) < *\*-pstn(i)ya*, а в авестийском – *ərədva-fšnī-* ‘обладающая тугой грудью’ (Надōхт Nask 2, 9). Реконструкция и.-ир. *\*pst-* несомненна.

Столь же несомненна реконструкция и.-е. *\*psteH<sub>1</sub>-n- / \*pstH<sub>1</sub>en-* для тохарских языков. Кластер разбит редуцированным пратох. *\*ə* после согласного *p-*. С. А. Бурлак реконструирует тохарскую праформу *\*pəṣcəne* (Бурлак 2000: 150); такой

<sup>5</sup> *i* в *stin* может происходить как из *ē*, так и из *e*, поскольку в армянском *\*en > in*, ср. *\*senos > hin* ‘старый’ наряду с лат. *senex* ‘старый, старик’ (Джаукян 1982: 35).

<sup>6</sup> Мы выражаем благодарность Г. Мартиросяну за указание на возможность такой интерпретации греческих и армянских форм.

же реконструкции, записанной в виде \*rāścāne, придерживается Д. Адамс (Adams 1999: 382).

Греческая и армянская формы сложнее для интерпретации, в том числе ввиду отсутствия надежных дополнительных производных для уточнения праформы.

Глосса Гезихия στήνιον· στήθος ‘грудь’ скорее отражает основу \*steH<sub>1</sub>-n- без начального *p-*, поскольку отпадение согласного в таком сочетании для греческого выглядит маловероятным. Для кластера \*pst- скорее следовало бы ожидать развития в фθ- или πт- (Sihler 1995: 502; Schwyzer 1939: 326), поскольку сочетания типа \*TsT- в греческом в середине слова регулярно переходят в последовательность типа ФΘ<sup>7</sup>, а в начале слова, по всей видимости, дают ТТ. Примерами подобного развития могут служить греч. ἐφθός / ἐφθός ‘вареный’ < \*seps-tos, производное от глагола ἔψω ‘варить’, ἐχθός ‘вражда, ненависть’, ἐχθρός ‘враг, враждебный’ < \*eks-tos, \*eks-tros, ср. лат. *extra* ‘вне, снаружи’, *exter* (иногда *exterus*) ‘находящийся вне, снаружи; иностранный, чужеземный’ (Schwyzer 1939: 326; Beekes 2010: 488–489; 492). Согласно данным диссертационного исследования Д. Стериате, такое упрощение подобных последовательностей в середине слова вызвано особенностями греческого слогаобразования: глубинные структуры /<sup>h</sup>eps-to-s/ и /CV-grap<sup>h</sup>-st<sup>h</sup>ai/ реализуются в поверхностные <sup>h</sup>ep<sup>h</sup>t<sup>h</sup>os и gegrap<sup>h</sup>t<sup>h</sup>ai, поскольку «не только последовательность p<sup>h</sup>s- не является допустимой кодой слога в греческом, но и st<sup>h</sup>-, гетеросиллабическая инициаль, не является структурой, возможной в середине слова» (Steriade 1982: 308). Развитие начального кластера \*pst- > πт- и \*bzd- > βδ- может быть продемонстрировано на примере греч. πταίρω, πτάρνυμαι ‘чихать’ < \*pstr<sub>ḡ</sub>-neц-, ср. лат. *sternuō* ‘чихать’ (Schwyzer 1939: 326)<sup>8</sup>.

Для рассмотрения реконструкции начального кластера для слова στήνιον· στήθος играет роль греч. παρθένος ‘девушка’. Согласно замечательной этимологии Г. Клингеншмитта, это слово также является родственным греч. στήνιον· στήθος ‘грудь’ и должно реконструироваться \*pr<sub>ḡ</sub>-stenos<sup>9</sup> и значить ‘с выдающейся вперед грудью’ (Klingenschmitt 1974: 273–278; 2005: 117–

<sup>7</sup> В сочетаниях, передававшихся графически -фθ- и -χθ-, безусловно, был только один придыхательный.

<sup>8</sup> Про сопоставление греч. πταίρω, πτάρνυμαι с другими индоевропейскими формами см. ниже.

<sup>9</sup> Автор сознательно избегает использовать \*p- для этой реконструкции.



123). Как замечает сам автор этимологии, переход \*-r̥-st- > \*-arst- > -αρθ- имеет точное соответствие в греческом слове ἔρχομαι ‘ходить’ < \*H<sub>1</sub>r̥-ske/o- (Klingenschmitt 1974: 275; 2005: 119). И все же данную этимологию необходимо отвергнуть, потому что в греческом отсутствуют какие-то другие случаи, в которых данный префикс имел бы вид #пар-<sup>10</sup>, а самым уязвимым местом гипотезы Клингеншмитта является ударение, ведь в подобных случаях ожидается начальное<sup>11</sup>. Все примеры, которые приводятся автором в защиту возможности такого места ударения в греческом в композитах, не очень убедительны: и δηναίος ‘долго живущий’, и στείνωλος ‘узкий, тесный’, и πολυώλος ‘имеющий много отверстий’, что признает и сам автор (Klingenschmitt 1974: 278; 2005: 123). Также возможно, что аркадская диалектная запись φαρθένος свидетельствует о двух придыхательных в праформе данного слова, если только это не позднейшая ассимиляция, как считает К. Д. Бак (Buck 1955: 60). Тем не менее, если бы даже этимология παρθένος ‘девушка’, предложенная Клингеншмиттом, была верной, это означало бы, что в праформе отсутствовал \*-р-, в противном случае следовало ожидать #παρφθένος<sup>12</sup>.

Имеющиеся данные позволяют утверждать, что праформа греческого слова должна реконструироваться как \*steH<sub>1</sub>-n-(i)-, никаких надежных следов начального кластера \*pst- не наблюдается. Если хетт. istanza(n) является когнатом, то его также можно реконструировать без начального \*р-.

Арм. *stin*, род. п. *stean* ‘женская грудь’ сложнее интерпретировать. Надежных примеров развития кластеров структуры TsT- в армянском языке практически нет. Р. Бекес в очерке исторической фонологии классического армянского языка указывает только на один возможный случай, и это именно \*psteno- (-ē-) (Beekes 2003: 198). Исследователь прибавляет, что развитие \*ps- > s-<sup>13</sup> «если не подтверждено, то, по меньшей мере, не опровергается (звуковым переходом) \*pst- > st-» (там же). При этом индоевропейское сочетание \*st- также отражается в армянском языке в виде начального кластера st:

<sup>10</sup> Если не считать апокопированных вариантов вроде πάρφασις вместо παράφασις ‘ободрение’.

<sup>11</sup> Ср. πρέσ-βυς ‘глава, старейшина’.

<sup>12</sup> Безусловно, только в том случае, если согласиться с возможностью фонетического развития \*p̥- > пар-.

<sup>13</sup> Например, \*ps(e)ud- > *sowt* ‘ложь’, когнат греч. ψεύδομαι ‘лгать’, подробно об этом соответствии см. (Solta 1960: 439; Clackson 1994: 168–169).

\*ster-jo (или \*ster-d<sup>h</sup>i-ā) > *sterj* ‘яловый, бесплодный’ (Beekes 2003: 198; Джаукян 1982: 67)

\*stel- > *stelcanem* ‘устанавливаю, формирую, творю’ (Джаукян 1982: 66)

По всей видимости, именно на основании подобного армянского звукового перехода Г. Джаукян возводит арм. *stin*, род. п. *stean* к \*stēn-, сравнивая эту лексему только с др.-инд. *stāna-*, греч. στῆνιον (Джаукян 1982: 108).

Получается, на основании имеющихся данных невозможно достоверно установить, реконструируется ли праформа армянского слова *stin*, род. п. *stean* в виде \*psteH<sub>1</sub>-n- или \*steH<sub>1</sub>-n-.

В пользу реконструкции \*psteH<sub>1</sub>-n- могли бы косвенно свидетельствовать такие армянские лексемы, как *san* ‘питомец, воспитанник’ < \*psn̥- < spn̥-; *sin* в *mi-a-sin* ‘вместе’ < \*psēn- < \*spēn-; *-sun* ‘вскормленный’ в *kat'n-a-sun* ‘вскормленный молоком’, *snanim* ‘питаю’ < \*psōn- < \*spōn- (Аճախյան НАВ 4: 251; Джаукян 1982: 74). Переход *sp* > *ps* > *s*, в целом не являющийся характерным для армянского, мог бы произойти в этих словах под влиянием схожей по семантике формы \*psteH<sub>1</sub>-n-<sup>14</sup>.

Но существующая традиция соотнесения этих слов с \*speni- / \*spenjo- ‘сосок’ и, соответственно, со *stin* < \*(p)steH<sub>1</sub>-n-, не является единственной и, что важнее, предпочтительной. Глагол *snanim* ‘питать’ и все образованные от него формы лучше связывать с иранским корнем *san* ‘поднимать’ (< и.-е. \*ken- ‘поднимать’), который встречается в авест. *asənaoiti* ‘поднимает’ (Klingenschmitt 1982: 226; Olsen 1999: 609). Более предпочтительным последнее сближение считает и Г. Мартиросян на основании того, что все армянские формы имеют отглагольное происхождение, а предполагаемые индоевропейские когнаты, объединяемые под праформой \*(p)steH<sub>1</sub>-n-, представляют собой имена (личное сообщение).

Таким образом, в армянском слово *stin*, род. п. *stean* ‘женская грудь’ может реконструироваться как с начальным \*st-, так и с начальным \*pst-.

Отсутствие начального \*р- в греческой и, вполне возможно, хеттской и армянской праформах ставит вопрос о генезисе начального р- в индоиранских и тохарских языках. Может ли начальный согласный в данном случае быть остатком какого-либо префиксального элемента или корня, затем сросшегося с

<sup>14</sup> Ср., однако, арм. *sunkn* ‘гриб’ с похожей проблемой рефлексии начального \*sp-. Это слово связано с греч. σλόγγος, σφόγγος ‘губка’ и лат. *fungus* ‘гриб’ (Martirosyan 2010: 586–587).

основой? Как кажется, на данный вопрос можно ответить положительно на основании иранских данных.

В некоторых иранских языках к индоиранской основе \*p̥stēno- прибавляется корень \*rā(y)- ‘пить, поить’. Например, \*paṽa-fš̥tana > сангличи *pēsten* ‘вымя’, возможно, фарси *pistān* ‘грудь’ (Namp 1960: 273).

Такая ситуация наталкивает на мысль, что в индоиранских и тохарских языках мы имеем дело со сложением и дальнейшей контаминацией двух праязыковых корней: \*reH<sub>3</sub>(i)- ‘пить, поить’ (LIV 2001: 462–463) и \*steH<sub>1</sub>-n- / \*stH<sub>1</sub>en- ‘(женская) грудь’. В дальнейшем начальный элемент \*p- в иранских языках утратил свое значение и окончательно упростился, однако семантическая модель «поить» + «грудь» была снова актуализирована путем прибавления того же корня уже в отдельных потомках древнеиранских языков. В частности, с окончательной утратой первого согласного иранский корень rā(y) < reH<sub>3</sub>(i)- был опять использован для создания композита \*paṽa-fš̥tana > сангличи *pēsten* ‘вымя’, возможно, фарси *pistān* ‘грудь’.

Невозможно сказать определенно, в какой степени корень reH<sub>3</sub>(i)- присоединялся к последующему: в нулевой или в полной с дальнейшим сокращением в композите. Так или иначе, результатом сложения \*pH<sub>3</sub>-steH<sub>1</sub>n / \*pH<sub>3</sub>-stH<sub>1</sub>en или \*peH<sub>3</sub>-steH<sub>1</sub>n / \*peH<sub>3</sub>-stH<sub>1</sub>en- должна была послужить форма \*pstēn < pH<sub>3</sub>stēn с устранением ларингала в последовательности СНСС- по закону, открытому Г. Шмидтом и уточненному для греческого и тохарского языков О. Хакштайном (Schmidt 1973; Hackstein 2002; Николаев 2010: 153, 166; Byrd 2010: 40–49). В авестийском комплекс *pst-* сохранился с закономерным переходом во *fš̥t*, а в древнеиндийском упростился до *st-*. Такая ситуация связана с тем, что в авестийском допустимы сочетания подобного вида, в частности, *xšt-* в ряде форм от корня *stā-* ‘стоять’ (Hoffmann-Forssman 1996: 184; Kellens 1984: 192), например, 1 л. ед. ч. активного конъюнктива *xštā* (Y. 12, 3)<sup>15</sup>, а также *xšm-* (*xšma-*, косвенная основа местоимения *uīžəm* ‘вы’), *xšn-* (*xšnu-* ‘быть довольным, доставлять удовольствие’) и *xšv-* (*xšvaš* ‘шесть’).

<sup>15</sup> Впрочем, формы вроде *xštā* затруднительно интерпретировать однозначно. Хоффманн и Б. Форссман считают происхождение начального *x-* ‘неясным’ (Hoffmann-Forssman 1996: 184), а Ж. Келленс настаивает на том, что презентная основа *xšta-* представляет собой «фонетический или графический вариант *hišta-*» (Kellens 1984: 192). Как бы то ни было, появление *xšt-* даже как только графического варианта маловероятно без допущения языком подобного начального кластера.

Тохарские данные не противоречат гипотезе о стяжении двух праязыковых корней: пратох. \*ə появился в результате развития \*pH<sub>3</sub>stH<sub>1</sub>en- > \*psten- > \*pəʂcən(e) как закономерный вставной гласный и в дальнейшем превратился в ä.

Последнее, что необходимо обсудить – отношение форм тохарских, индоиранских, греческого и армянского языков и лексем языков европейского ареала, обычно обозначающих ‘сосок’, реконструкция общей праформы для которых – \*speni- / \*spenjo-. На наш взгляд, возможны две интерпретации.

Эти две праформы можно считать не связанными друг с другом. Как бы ни были похожи значения \*p(e)H<sub>3</sub>-steH<sub>1</sub>n(o)- ‘женская грудь’ и \*speni- / \*spenjo- ‘сосок’, они различны<sup>16</sup>. Относительно значительного формального сходства можно отметить, что есть много случаев похожих по форме и семантике индоевропейских корней, которые определенно не связаны между собой, по крайней мере, в рамках классических представлений. К примеру, привлекательным кажется сопоставление индоевропейского корня \*ǵen- ‘рожать’ и имени \*ǵen-H<sub>2</sub> ‘женщина, жена’, однако серьезные попытки доказать их тождество априори не могут увенчаться успехом в рамках традиционного сравнительно-исторического метода. Кроме того, значительный элемент сходства между традиционно реконструируемыми \*psten- и \*spen- заключается в фонеме \*p-, которая для первой праформы является остатком корня \*peH<sub>3</sub>(i)- ‘пить, поить’. Между корнями \*steH<sub>1</sub>n- и \*spen- уже не так много формального сходства, если учитывать, что начальный s- является единственно возможным элементом, который может дополнительно располагаться перед первым смычным корня (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 217).

Вторая возможность – полагать, что основа \*speni- / \*spenjo- действительно является преобразованием \*p(e)H<sub>3</sub>-steH<sub>1</sub>n- с переходом в i-основу. Возможно, европейское \*speni- / \*spenjo- образовано от локатива \*stH<sub>1</sub>en-i- с семантическим развитием ‘то, что на груди’ > ‘сосок’, однако данное предположение нуждается в дальнейшем обосновании<sup>17</sup>. В отношении начального кластера кажется следующая трактовка: общеиндоевропейская основа \*p(e)H<sub>3</sub>-stH<sub>1</sub>en(i)- после выпадения ларингала должна была трансформироваться в \*psten(i)- с недопустимым для европейских диалектов сочетанием \*pst-, и редкий кластер автома-

<sup>16</sup> Значение ‘грудь’ встречается только в германских языках, ср. др.-англ. *spanu* ‘грудь’.

<sup>17</sup> Нуждается в объяснении i-основа в германском (вместо jo-основы).

тически упростился в \*sp- путем потери третьего согласного и метатезы<sup>18</sup>. Данное построение остается гипотетическим, поскольку нет надежных параллелей перехода последовательностей типа \*pst- в европейских языках. Сопоставление диалектного европейского \*speni- / \*spenjo- ‘сосок’ с исследованным индоевропейским названием женской груди остается более предпочтительным решением ввиду правдоподобного сценария деривации и некоторых любопытных кельтских соответствий индоиранским композитам в кельтских языках<sup>19</sup> (Delamarre 2008: 65–68). Интересной параллелью перехода \*pst- > \*ps- > \*sp- может служить германское развитие \*ts- > \*st- в герм. \*stelan ‘красться’, которое достаточно убедительно сопоставляется с др.-инд. *tsáрати* ‘крадется’ (Kroonen-Lubotsky 2009: 239). Еще одна черта, сближающая данные случаи – тот факт, что начальный \*t- в \*tsel-, весьма вероятно, «\*tsel- изначально был композитом с именной основой на первом месте (от которой остался только \*t-) и аористным корнем \*sel- ‘приходить в движение’» (Kroonen-Lubotsky 2009: 240)<sup>20</sup>.

Главный вывод из анализа основы \*psten – изначально в этом слове не было начального сочетания \*pst-, оно появилось в результате стяжения праязыкового композита. Начальный кластер \*pst- может быть реконструирован только для индоиранского и тохарского, где подобные сочетания стали допустимыми, а в европейских группах языков произошел переход \*pHst- > \*pst- > \*sp-.

Таким образом, самое надежное слово, в анлауте которого видели кластер \*pst-, на самом деле не должно реконструироваться с таковым на индоевропейский уровень.

Данный вывод ставит под сомнение правомерность реконструкции начального кластера \*pst- на праиндоевропейский уровень, ведь лексему \*psteno- ‘женская грудь’ принято было считать самым надежным доказательством наличия \*pst- в праязыке.

<sup>18</sup> Сочетание \*ps- не реконструируется для европейских диалектов даже предположительно, в отличие от \*ks-, ср. лат. *serēnus* ‘ясный (о небе)’ < ‘сухой’, которое сравнивают с греч. ξηρός / ξερός ‘сухой’ (DELL 1951: 1088–1089; Vaan 2008: 556).

<sup>19</sup> Валл. *Ardasina* < \*arduo-s(φ)ēnā < \*rduo-spenā ‘с тугой грудью’, точный аналог авест. *ərədva-fšnī-* (Delamarre 2008: 66).

<sup>20</sup> Исходя из семантики, можно думать о глагольном корне *teH₂-* ‘красть(ся)’, от которого произведены такие имена, как ст.-слав. *татъ* ‘вор’ и вед. *tāyú* ‘вор’ (LIV 2001: 616).

Второй возможный корень, в котором восстанавливают начальный кластер \*pst- – \*pster- ‘чихать’. Реконструируется он на основании следующих форм: греч. πταίρω ‘чихать’, πτάρνυμαι ‘чихать’, Hes. ἀποφθαρᾶξασθαι τὸ τοῖς μυκτῆρσιν εἰς τὸ ἔξω ἦχον προέσθαι<sup>21</sup>; арм. *p'rnkam* ‘чихать’; лат. *sternuō* ‘чихать’; др.-ирл. *srëod*, валл. *ystrew* ‘чихать’ (MA 1997: 133; LIV 2001: 494–495; IEW 1959: 846–847).

На первый взгляд, соответствие между греческой и латинской формами достаточно надежно ввиду соответствия суффиксов -vu- и -nu-. Но на самом деле в латыни нет достоверных случаев сохранения индоевропейского презентного суффикса -neц-/ -nu- (Sihler 1995: 502), и сопоставление греческого и латинского слов на основании реконструкций \*pstr<sub>g</sub>-neц- и pster-neц- сомнительно. Кроме того, странно различие в вокализме этих форм.

Арм. *p'rnkam* ‘чихать’ родственно только в том случае, если в праармянском был закономерен переход \*pst- > p', но про данный переход нельзя сказать что-то определенное. Соображение о том, что греч. πт- обычно соответствует арм. t' (ср. арм. *t'ev* ‘крыло’ ~ греч. πτερόν ‘крыло’) (Hübschmann 1897: 502), может просто не относиться к этому случаю.

Что касается звукового развития в начале слова в греческом, то оно определено было \*pst- > πт-, что доказывается глоссой Гезихия ἀποφθαρᾶξασθαι. В ней в середине слова произошел уже обсуждавшийся выше стандартный переход \*-pst- > -φθ-. Соответственно, в греческом мы имеем начальный кластер \*pst-. Но почему тогда в европейских формах не происходит переход \*pst- > sp-, который засвидетельствован на примере \*pH<sub>3</sub>-steno-? Здесь могут быть два решения: либо греческие и европейские лексемы вообще не связаны между собой, либо в греческом произошло инновационное присоединение начального \*p- к корню \*ster- ‘чихать’ ввиду того, что кластер \*pst- обладал большей звуковой выразительностью и стал возможен в греко-(армяно)-индоиранской диалектной общности, как показывает пример \*pstana- для индоиранского и βδέω < \*βzdéω<sup>22</sup> ‘пускать ветры’ для греческого.

Первое решение особенно вероятно в свете таких примеров, как греч. ψάρ, ψαρός ‘скворец’ наряду с лат. *sturnus* ‘скворец’, др.-в.-нем. *star* ‘скворец’. Возможно, при желании можно было

<sup>21</sup> ‘выпускать ноздрями шум наружу’.

<sup>22</sup> Где \*bzd- является нулевой ступенью от \*pezd- ‘пускать ветры’, см. ниже.

бы объединить эти лексемы под праформой вроде \*pstVr-, однако это не нужно<sup>23</sup>. Как справедливо замечает Й. Шиндлер, это дескриптивное слово (Schindler 1972: 104). Таким образом, перед нами пример того, что в греческом используется звукоизобразительный начальный кластер ψ- наряду с кластером st- в европейских языках. Второй согласный корня совпадает, различен вокализм. Случаи πταίρω, πτάρνυμαι ‘чихать’ ~ лат. *sternuō* ‘чихать’ и греч. ψάρ, ψαρός ‘скворец’ ~ лат. *sturnus* ‘скворец’ практически идентичны за исключением того, что на месте возможного \*pst- в греческом в одном случае засвидетельствован кластер πт-, а в другом – ψ- (ps-).

Второе решение возможно потому, что звукоизобразительная лексика вообще не является тем пластом, где стоит ожидать максимально строгого соблюдения звуковых законов. Кроме того, возможны аналогические влияния других дескриптивных лексем (хотя бы βδέω ‘пускать ветры’).

Приведенные соображения позволяют заключить, что реконструкция индоевропейского \*pster- не может быть строго обоснована и должна быть отвергнута. Соответственно, оба примера, приводимых Э. Бердом, \*psten- и \*pster-, не доказывают наличия начального \*pst- в индоевропейском праязыке.

Для полноты нашего анализа необходимо также рассмотреть индоевропейский корень со значением ‘плевать’, который реконструируется некоторыми исследователями с начальным \*pst- или \*tsp-: в статье Г. Кронена и А. Лубоцкого приводится реконструкция \*psteiHu- / tspeiHu- (Kroonren-Lubotsky 2009: 240), в «Этимологическом словаре греческого языка» Р. Бекеса – \*tspi(e)uH- (Beekes 2010: 1252).

Приведем языковые формы, позволяющие реконструировать индоевропейскую лексему со значением ‘плевать’: др.-инд. *ṣthívati* ‘плюет’<sup>24</sup>, др.-инд. *ksívati* ‘плюет’; греч. πτύω ‘плевать’; арм. *tuk* ‘слюна’; тох. В *pitke* ‘слюна’ (< \*piuT-sk-o); лат. *spuō* ‘плевать’; гот. *speiwan*, др.-исл. *sruja*, др.-англ. *spīwan*, *spittan*, др.-в.-нем. *spīwan* ‘плевать’, швейц. диал. *špewwi* ~ *štewwi* ‘плевать’; лит. *spiáuju* ‘плюю’; ст.-слав. *плюж*, *пльвати*, др.-рус. *плюю*, *пльвати* (МА 1997: 538; LIV 2001: 583–584; IEW 1959: 999–1000).

<sup>23</sup> С данными европейскими формами обычно сравнивают Нес. ἀστράλος· ὁ ψάρος, ὑπὸ Θεταλῶν (Vaap 2008: 593). Велика вероятность, что слово субстратное (Beekes 2010: 158).

<sup>24</sup> Некоторые исследователи отрицают принадлежность древнеиндийской лексемы к данному корню. См., например, (Walde 1897: 479).

На наш взгляд, у реконструкции вроде \*psteiHu- / tspeiHu- или \*tspi(e)uH- есть методологический недостаток: она получена, если присмотреться, путем простого «сложения» данных всех индоевропейских языков: \*ɥ̥ – почти во всех когнатах, \*i̯ – в балто-славянских, \*t – в греческом, армянском, возможно, древнеиндийском и в германских диалектах, \*p – в европейских и тохарских языках, \*s – практически повсеместно. В результате получаются кластеры вроде tsp и tspi, не имеющие аналогов в праязыке. Кажется, экономнее исходить из праформы \*speiɥ(H)- / \*sp̥ieɥ(H)- с получающимся в ряде случаев изобразительным начальным кластером \*sp̥i-<sup>25</sup>, допуская при этом, что в ряде языков *p* заменяется на *t* ввиду звукоизобразительного характера корня. Греческие формы можно трактовать и как полученные из \*sp̥i- > \*spt- > πτ- в начале слова (Gunnarsson 1971: 71) и из \*sp̥i- > \*-spt- > -φθ- в середине слова подобно \*-pst- > -φθ- (Schwyzer 1939: 326). В реконструируемом в таком виде корне \*speiɥ(H)- / \*sp̥ieɥ(H)- ‘плевать’ нет необходимости видеть *s-mobile*: в праславянском трехконсонантные кластеры имеют тенденцию к упрощению путем потери начального *s*- (показательно, прежде всего, развитие \*spr- > pr- (Trautmann 1922: 66–68)) или перехода *sk-* > *x-* перед сонантами<sup>26</sup>, а в тохарском развитие \*sp̥i- > \*p(i)- также могло быть регулярным.

Итак, ни одного надежного примера на индоевропейский начальный кластер \*pst- не существует. Осталось рассмотреть основания для реконструкции начального кластера \*bzd-, засвидетельствованного только в \*bzdV- ‘пускать ветры’: греч. βδέω ‘пускать ветры’; праслав. \*bъzděti / \*ръzděti ‘пускать ветры’: рус. *бздеть*, укр. *бздіти*, *нездіти* ‘пускать ветры’, сербохорв. *bàzdeti* ‘вонять’, слов. *pəzděti* ‘пускать ветры’, чеш. *bzdíti* ‘пускать ветры’, польск. *bzdieć* ‘пускать ветры’; лит. *bezdù*, *bezdėti*, лит. *bizdas* ‘задница, анус’ лтш. *bezdēt* ‘пускать ветры’; возможно, совр. в.-нем. *fisten* ‘пускать ветры’; в полной ступени \*pesd- (\*pezd-) засвидетельствованы лат. *pēdō* ‘пускать ветры’, *pōdex*, *-icis* ‘задница, анус’ (МА 1997: 194; IEW 1959: 829; Byrd 2010: 12; Derksen 2008: 431; Trautmann 1923: 221; Vaan 2008: 454–455; Vasmer I: 84)

Данное экспрессивное образование, возможно, является фонетическим вариантом другого, более распространенного индо-

<sup>25</sup> \*speiɥ(H)- / \*sp̥ieɥ(H)- можно сравнить с \*deɥ- / \*d̥ieɥ- ‘небо, божество (неба)’, а \*sp̥i- с сочетанием \*str-.

<sup>26</sup> Ср. праслав. \*xl < \*skl: праслав. *xlěbъ* ‘хлябь’ наряду с лит. *sklembti* ‘соскользнуть, поскользнуться’ (Derksen 2008: 202; ЭССЯ 8: 32–33).



европейского корня со значением ‘пускать ветры’, \*perd- (МА 1997: 194; DELG 1968–1980: 172). Если это так, то корень \*pezd- представляет собой весьма любопытный случай индоевропейского зетацизма, впрочем, звукоизобразительной природы.

Начальное сочетание βδ- в греч. βδέω ‘пускать ветры’ определенно восходит к \*pzd-, нулевой ступени от \*pezd-. В этом согласно большинство исследователей (Boisacq 1916: 117; Schwyzer 1939: 326; Frisk 1960: 230; DELG 1968–1980: 172), что позволяет Р. Бекесу утверждать: «Таким образом, βδέω само обязано восходить к \*βζδέω»<sup>27</sup> (Beekes 2010: 209). Кроме того, необходимо заметить, что в греческом языке засвидетельствовано еще несколько слов, начинающихся на βδ-: βδέλλιον ‘масло винной пальмы’, заимствованное из семитского языка, ср. ивр. *bedōlah*, акк. *budulḥu* (Frisk 1960: 229; DELG: 171), этимологически неясное βδάλλω ‘сосать, доить’, а также производные собственно βδέω, среди которых особенно распространено слово βδελυρός ‘отвратительный, мерзкий’ (DELG 1968–1980: 171).

Несколько сложнее вопрос о соотношении греческого глагола с формами других индоевропейских языков. Во-первых, в экспрессивной природе именно этого корня, \*bzdV- / \*pezd-, не приходится сомневаться, особенно если принимать гипотезу о его родстве с \*perd-. Соответственно, можно ожидать некоторые нарушения известных звуковых законов. Именно такую проблему представляет попытка реконструкции балто-славянской праформы. Традиционно считается, что в праслав. \*pъzd- редуцированный является вставным, как в ряде форм с нулевой ступенью корня: рус. *вечер* / *вчера*; польск. *wieczór* / *wzcoraj* < \*večerъ / vьčera(j) < \*veker- / vьker- < \*veker- / vker- ‘вечер / вчера’; рус. *год* / *ждать* < \*godъ- / žьda- < \*god- / гьd- < \*god- / gd- ‘временной период (год) / ждать’ (Shevelov 1964: 93–96; Orr 2013: 156). Как полагает Р. Траутманн, именно на балто-слав. \*pzdēti наряду с \*pezdēti указывает начальный *b* в балтийских формах (Trautmann 1923: 221). На наш взгляд, *b*- в балтийском мог бы объясняться и экспрессивной дистантной ассимиляцией, как и начальный *b*- в сербохорв. *bàzdeti*, а также влиянием лит. *subįzdì, subįsti* ‘спешить’ (некоторые балтийские производные от \*bezdēti имеют семантику, близкую к этому глаголу, ср. *bizdūnas* ‘тот, кто пускает ветры; тот, кто спешит’) и, наконец, влиянием славянских форм (польских и восточнославянских). Соответственно, для балто-славянского уровня реконструкция нулевой

<sup>27</sup> «Thus, βδέω itself must come from \*βζδέω».

ступени в виде \*bzd- не может быть непосредственно подтверждена.

Кроме того, праслав. \*ь можно сопоставить с *i* в ряде литовских лексем, среди которых не только упомянутое выше слово *bizdas* ‘задница, анус’, но и *bizdelėti, bizderėti* ‘дурно пахнуть, вонять’ наряду с *bèzdelėti, -erėti* и ряд других слов (Fraenkel 1962: 42), сравнение корневого гласного которых с нем. *fisten* заслуживает внимания. Конечно, реконструкция *i* в балтийском не обязательна, особенно ввиду того, что К. Буга достаточно убедительно увязывал появление этого *i* с влиянием уже упомянутого лит. *subizdì, subìsti* ‘спешить’ (Būga 1922: 219; Fraenkel 1962: 42). Однако в свете этих данных можно подозревать влияние каких-либо форм и на славянский вокализм (прежде всего, праслав. \*pīzdā ‘vulva’).

Наконец, даже если признать \*ь действительно вставным, праслав. \*bzd- > \*ръzd- нельзя будет возводить к индоевропейскому уровню ввиду несоответствия с балтийским вокализмом и невозможностью, вопреки мнению Р. Траутманна, реконструировать балто-слав. праформу \*pzdēti (\*bzdēti)<sup>28</sup>.

Проведенный анализ когнатов, в данном случае несомненных, показывает, что кластер \*bzd- для индоевропейского праязыка не реконструируется: греч. \*bzd- и праслав. \*ръzd- – независимые образования.

Проведенное исследование показывает, что трехконсонантные начальные кластеры \*pst- и \*bzd- не реконструируются для праязыка. Реконструкции, приводимые исследователями в качестве доказательства существования подобных кластеров, неточны или неверны. Индоевропейское название женской груди должно реконструироваться как \*steH<sub>1</sub>-n- / \*stH<sub>1</sub>e- для греческого и, скорее всего, армянского и хеттского, и как \*p(e)H<sub>3</sub>-steH<sub>1</sub>n(o/i)- / \*p(e)H<sub>3</sub>-stH<sub>1</sub>e(n(o/i))- для остальных ветвей. Кельтоиталийский корень со значением ‘чихать’ выглядел как \*ster-. Начальный кластер \*pst- в глаголе ‘чихать’ надежно реконструируется только для греческого и предположительно – для армянского. Индоевропейское ‘плевать’ может быть реконструировано в виде \*spei̯u(H)- / \*sp̥ie̯u(H)- с вероятными параллельными формами \*stei̯u(H)- / \*st̥ie̯u(H)-. Наконец, нулевая ступень \*bzd- (\*pzd-) от корня \*pezd- ‘пускать ветры’ является независимой параллельной инновацией в греческом и праславянском.

<sup>28</sup> В конце концов, праслав. \*vker- и \*gd- также невозможно проецировать на праязыковое (индоевропейское) состояние.

Языки, в которых реконструируются начальные кластеры \*pst- и \*bzd-, делятся на две группы. Первые (индоиранские и греческий) относятся к греко-армяно-индоиранскому ареалу, в котором синхронно существуют многие сложные кластеры, а вторые (тохарские и славянские) представляют собой языки с редуцированными гласными, которые вставлялись в непроезжимые сочетания вроде \*pst- или \*bzd-, возникавшие путем упрощения праязыковых композитов или образования нулевых ступеней. В дальнейшем редуцированные падали, и тогда появлялись реальные языковые кластеры вида \*pst- / \*bzd- (рус. *бздеть* и т. д.) или прояснялись, в результате чего появлялись такие формы, как тох. *A räśśäm* ‘женская грудь’, тох. *B räścane* ‘женская грудь’ < пратох. \*rəṣcəne.

### Литература

- Бурлак 2000 – Бурлак С. А. Историческая фонетика тохарских языков. М., 2000.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I–II. Тбилиси, 1984.
- Джаукян 1982 – Джаукян Г. Б. Сравнительная грамматика армянского языка. Ереван, 1982.
- Николаев 2010 – Николаев А. С. Исследования по праиндоевропейской именной морфологии. СПб., 2010.
- Фасмер I – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. Изд. 2-е, стереотипное. М., 1986
- ЭССЯ 8 – Этимологический словарь славянских языков. Выпуск 8 (\*ха – \*jъvьlga). М., 1981.
- Аčaryan НАВ 4 – Аčaryan Н. Hayerēn armatakan bařaran, 4. Yerevan, 1979.
- Adams 1999 – Adams D. A dictionary of Tocharian B. Amsterdam-Atlanta, 1999.
- Beekes 2003 – Beekes R. S. P. Historical phonology of Classical Armenian // *Armeniaca. Comparative notes* / F. H. N. Kortlandt with an appendix by R. S. P. Beekes. Ann Arbor, 2003.
- Beekes 2010 – Beekes R. S. P. *Etymological Dictionary of Greek*. In two volumes. Leiden; Boston: Brill, 2010.
- Boisacq 1916 – Boisacq, Emile. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris, 1916.
- Buck 1955 – Buck C. D. *The Greek Dialects. Grammar – selected inscriptions – glossary*. Chicago, 1955.
- Būga 1922 – Būga K. *Kalba ir senovė*. Kaunas, 1922.
- Byrd 2010 – Byrd A. M. *Reconstructing Indo-European Syllabification*. A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Doctor of Philosophy in Indo-European Studies. Los-Angeles, 2010.

- Clackson 1994 – Clackson J. *The Linguistic Relationship between Armenian and Greek* (Publications of the Philological Society, 30). Oxford, UK & Cambridge, USA, 1994.
- DELG 1968–1980 – Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Paris, 1968–1980.
- DELL 1951 – Ernout A., Meillet A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots*. 3me ed., Paris, 1951.
- Delamarre 2008 – Delamarre X. *Ardasina, Titiluxsa, Uxesina, grec παρθένος, avestique arəduuafšnī-. Une dénomination indo-européenne de la jeune femme: ‘celle qui a les seins hauts’* // *Historische Sprachforschung*. 2008. Bd. 121.
- Derksen 2008 – Derksen R. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden; Boston, 2008.
- Eichner 1973 – Eichner H. *Die Etymologie von heth. mehur* // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*. 1973. Bd. 31. S. 53–107.
- EWaia II – Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Bd. II. Heidelberg, 1996.
- Fraenkel 1962 – Fraenkel E. *Litauisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg-Göttingen, 1962.
- Frisk 1960 – Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1960.
- Gunnarsson 1971 – Gunnarsson J. *On the Indo-European ‘dental spirants’* // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*. 1971. Bd. 24. P. 21–82.
- Hackstein 2002 – Hackstein O. *Uridg. \*CH.CC > \*C.CC* // *Historische Sprachforschung*. 2002. Bd. 115.
- Hamp 1960 – Hamp E. *Avestan fštāna* // *KZ* 1960, Bd. 76.
- Hoffmann-Forssman 1996 – Hoffmann K., Forssman B. *Avestische Laut- und Flexionslehre*. Innsbruck, 1996.
- Hübschmann 1897 – Hübschmann H. *Armenische Grammatik. Erster Teil: Armenische Etymologie*. Leipzig, 1897.
- IEW 1959 – Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern; München, 1959.
- Kellens 1984 – Kellens J. *Le verbe avestique*. Wiesbaden, 1984.
- Klingenschmitt 1974 – Klingenschmitt G. *Gr. παρθένος* // *Antiquitates Indogermanicae: Studien zur indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der indogermanischen Völker (Gedenkschrift für Hermann Güntert)* / Hrsg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt. Innsbruck, 1974 (перепечатано в Klingenschmitt 2005).
- Klingenschmitt 1982 – Klingenschmitt G. *Das altarmenische Verbum*. Wiesbaden, 1982.
- Klingenschmitt 2005 – Klingenschmitt G. *Aufsätze zur Indogermanistik*. Herausgegeben von M. Janda, R. Lühr, J. Matzinger und S. Schaffner. Hamburg, 2005.
- Kloekhorst, в печати – Kloekhorst A. *Proto-Indo-European “thorn”-clusters, to appear in Historische Sprachforschung*.
- Kroonen – Lubotsky 2009 – Kroonen G., Lubotsky A. *Proto-Indo-European \*tsel- ‘to sneak’ and Germanic \*stelan- ‘to steal, approach stealthily’* // *Studia etymologica Cracoviensia* 2009, vol. 14.
- LIV 2001 – *Lexikon der indogermanischen Verben*. 2 Aufl. Unter Leitung von Helmut Rix. Wiesbaden, 2001.

- Lubotsky 2006 – Lubotsky A. Indo-European ‘heel’ // *Studi linguistic in onore di Roberto Gusmani, a cura di R. Bombi, G. Cifoletti, F. Fusco, L. Innocente, V. Orioles*. Alessandria, 2006.
- MA 1997 – Mallory, J. P., Adams, D. Q. (ed.) *Encyclopedia of Indo-European Culture*. London; Chicago, 1997.
- Martirosyan 2010 – Martirosyan H. *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden; Boston, 2010.
- Oettinger 1980 – Oettinger N. Die n-Stämme des Hethitischen und ihre indogermanischen Ausgangspunkte // *KZ* 1980, Bd. 94.
- Olsen 1999 – Olsen B. *The noun in Biblical Armenian*. Berlin; NY, 1999.
- Orr 2013 – Orr R. Combining Hamp and Holzer – Gentlemen, you are both right // *Canadian Slavonic Papers* 2013, Vol. LV.
- Puhvel 1984 – *Hittite etymological dictionary*. Volume 1. Words Beginning with A. Volume 2: Words Beginning with E and I. Berlin; NY, 1984.
- Risch 1974 – Risch E. *Wortbildung der homerischen Sprache*. 2 erw. und korr. Auflage. Berlin; NY, 1974.
- Schindler 1972 – Schindler J. *Das Wurzelnomen im Arischen und Griechischen: Dissertation zur Erlangung der Doctorwürde*. Würzburg, 1972.
- Schindler 1977 – Schindler J. A thorny problem // *Die Sprache*. 1977. Bd. 23.
- Schmidt 1973 – Schmidt G. Die iranischen Wörter für ‘Tochter’ und ‘Vater’ und die Reflexe des interkonsonantischen H (ə) in den idg. Sprachen // *KZ* 1973, Bd. 87.
- Schwyzler 1939 – Schwyzler E. *Griechische Grammatik*. Bd. I. München, 1939.
- Shevelov 1964 – Shevelov G. Y. *A prehistory of Slavic. The historical phonology of Common Slavic*. Heidelberg, 1964.
- Sihler 1995 – Sihler A. L. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. NY; Oxford, 1995.
- Solta 1960 – Solta G. R. *Die Stellung des Armenischen im Kreise der Indogermanischen Sprachen*. Wien, 1960.
- Steriade 1982 – Steriade D. *Greek Prosodies and the Nature of Syllabification*. Doctoral dissertation, Massachusetts Institute of Technology, 1982.
- Trautmann 1922 – Trautmann R. Über die Behandlung der Anlautsgruppe spr- im Urslavischen // *KZ* 1922, Bd. 50.
- Trautmann 1923 – Trautmann R. *Baltisch-Slavisches Wörterbuch*. Göttingen, 1923.
- Vaan 2008 – Vaan de M. *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages*. Leiden – Boston, 2008.
- Walde 1897 – Walde A. Die verbindungen zweier dentale und tönendes z im Indogermanischen // *KZ* 1897, Bd. 34.

### A. Trofimov. On reconstruction of Proto-Indo-European initial clusters \*pst- and \*bzd-

This paper discusses the validity of reconstruction for Proto-Indo-European initial clusters \*pst- and \*bzd-. The analysis of all protoforms traditionally or sporadically reconstructed with such clusters shows that such reconstruction is not binding and allows for other options. The traditionally reconstructed initial p- in \*psteno- ‘woman’s breasts’ is indeed the first stem of PIE compound \*p(e)H<sub>3</sub>-steH<sub>1</sub>n(o/i)- / \*p(e)H<sub>3</sub>-stH<sub>1</sub>en(o/i)- (here \*peH<sub>3</sub>- is a root ‘to drink’) attested in Indo-Iranian and Tocharian branches. The base \*steH<sub>1</sub>-n- / \*stH<sub>1</sub>en- is preserved in Greek and, probably, in Armenian and Hittite. The initial cluster \*pst- in \*pster- ‘to sneeze’ is reliably reconstructed for Greek and probably for Armenian only. Italo-Celtic root for ‘sneeze’ looks like \*ster-. The Proto-Indo-European root for ‘spew’ can be reconstructed as \*spei̯u(H)- / \*sp̥ie̯u(H)- with probable parallel formations \*stei̯u(H)- / \*st̥ie̯u(H)-. Reconstructions \*psteiHu- / tspeiHu- or \*tspi(e)uH- are invalid. Finally, the zero grade \*bzd- (\*pzd-) derived from the root \*pezd- ‘to fart’ should be treated as an independent innovation in Greek and Proto-Slavic.

Due to simplification of proto-language compounds initial clusters \*pst- and \*bzd- emerged in the Greek-Armenian-Aryan dialect area with its typical abundance of heavy initial clusters, as well as in Tocharian and Slavic languages, where clusters were split with reduced vowels.

*Keywords:* Initial clusters, triconsonantal initial clusters, reconstruction, protoform, vocalism, Greek-Armenian-Aryan dialect group, syllabification, compound, zero grade, reduced vowels.

М. Л. Кисилиер

## **О ЦАКОНИИ И ЦАКОНЦАХ: НА СТЫКЕ ИСТОРИИ И ФИЛОЛОГИИ\***

Современное диалектологическое исследование предполагает не просто описание тех или иных особенностей диалекта и определение новых или уточнение старых изоглосс, а представляет собой, в первую очередь, комплексное историко-филологическое исследование. Греческий институт Филологического факультета СПбГУ совместно с Институтом лингвистических исследований РАН, начиная с 2008 года, проводит экспедиции на Пелопоннес (Греция) в места распространения цаконского диалекта. В ходе экспедиций удалось собрать не только уникальный языковой материал, но и интересные сведения по истории региона, которые в комбинации с лингвистическим анализом диалектных данных позволили предложить новую этимологию для этнонима *цаконец*, исходя из особенностей диалектного произношения.

*Ключевые слова:* Цакония, цаконцы, кавконцы, лаконцы, Пелопоннес, этимология, цаконский диалект

### **1. О задачах и принципах диалектологического исследования или вместо введения**

§ 1. Обсуждая состояние современной новогреческой диалектологии, профессор университета города Патры Ангелика Ралли считает, что основные трудности вызваны невниманием исследователей к синтаксическим и морфосинтаксическим изоглоссам. Она признает, что получить подобные данные от информантов достаточно сложно, поскольку это предполагает запись нарративов и комментариев от самих носителей диалекта, а не просто анкетирование (Ralli 2006; ср.: Manolessou, Veis 2006). Собственно здесь и проявляется одна из основных проблем новогреческой диалектологии сегодня – исследователю интересны, скорее, лингвистические данные, а не среда бытования этих лингвистических данных<sup>1</sup> (иными словами – язы-

---

\* Исследование проведено в рамках гранта РГНФ № 14-04-00394 «Типология аналитических форм глагола (на материале германских языков, древнеармянского, новогреческого языка и его диалектов)». Автор благодарит за помощь при работе над статьей и за ценные замечания своих коллег: А. О. Вяткину, Л. А. Герд, П. А. Кочарова, Д. А. Черноглазова, П. В. Шувалова, Н. Н. Казанского и К. А. Климову.

<sup>1</sup> Другая проблема связана с тем, что специалисты по новогреческой диалектологии по большей части не хотят выходить за рамки собст-

ковая картина мира носителя диалекта). Причин сложившейся ситуации много – например: общемировой кризис гуманитарного (и, прежде всего, филологического) образования, стремление получить наглядный результат с наименьшими экономическими и временными затратами (и как следствие – отказ от классического комплексного филологического исследования на диалектном материале) и проч. В рамках настоящей статьи нет смысла углубляться в рассмотрение этих причин, однако стоит отметить, что такого рода подход – это путь в никуда, поскольку он дает в распоряжение исследователя лишь небольшую часть языковых данных, вырванных из общего контекста и поэтому далеко не всегда надежных и обладающих адекватной интерпретацией.

§ 2. Греческий институт Филологического факультета СПбГУ с момента своего основания в 2003 году совместно с ИЛИ РАН и МАЭ РАН организует и проводит экспедиции с целью изучения диалектов новогреческого языка на территории бывшего СССР, Греции и Южной Италии (известной также как Великая Греция). В ходе проведения полевых исследований внимание уделяется не только и не столько анкетированию информантов, сколько записи цельных нарративов. Достижение этой цели оказывается возможным только при соблюдении трех следующих факторов:

а. собиратель должен владеть изучаемым диалектом в той степени, чтобы быть в состоянии провести беседу на диалекте и создать такую коммуникативную ситуацию/атмосферу, при которой информант может забыть, что участвует в сборе научных данных, а не просто вспоминает/обсуждает актуальные для себя события;

б. собиратель должен проявлять искренний интерес к жизни и личности информанта, а не рассматривать его исключительно как источник необходимой лингвистической информации;

в. собиратель должен иметь представление об истории и культурно-этнографических традициях местности, где проводится полевое исследование, чтобы, с одной стороны, вести себя в соответствии с нормами, принятыми в данном культурно-

---

венно греческого материала, хотя многие лингвистические и этнографические данные указывают на необходимость общепалканистического и даже общетипологического подхода. К сожалению, в рамках настоящей статьи нет возможности рассмотреть данный тезис более подробно.



языковом сообществе, а с другой стороны, – иметь актуальные для информанта темы для проведения беседы на диалекте.

§ 3. Как показывает опыт, получить представления об истории и культурно-этнографических традициях носителей диалектов новогреческого языка можно из разных источников. Во-первых, с начала XX века в разных странах было опубликовано довольно много исследований по этнографии и истории отдельных областей<sup>2</sup>. Во-вторых, часто местные энтузиасты проводят исследования, посвященные родному краю (см., например: Анимица 2003). И, наконец, наиболее интересный материал собирается в ходе интервью и из записанных нарративов. Указанный подход удалось реализовать в рамках комплексного описания диалекта приазовских греков (Кисилиер 2009).

§ 4. В 2008 году Греческий институт Филологического факультета СПбГУ совместно с ИЛИ РАН начал проводить полевые исследования в административном округе Аркадия на востоке Пелопоннеса<sup>3</sup> (Греция) в местах компактного проживания носителей цаконского диалекта. С тех пор удалось провести более десяти экспедиций, посетить основные населенные пункты<sup>4</sup>, собрать обширный диалектный материал и частично ввести его в научный оборот (см., например: Кисилиер 2014, где представлена и библиография), и даже опровергнуть общепринятую гипотезу об исключительной древности цаконского диалекта (Кисилиер 2012). Тем не менее, данные по истории и культуре носителей цаконского диалекта<sup>5</sup>, собранные в ходе экспедиций и изучения источников и имевшие огромное значение при подготовке интервью, до сих пор оставались в тени. Эти лингвистические материалы можно условно разделить на две темы:

---

<sup>2</sup> В качестве примера можно привести монографию Джульет Дю Булэй (Du Boulay 1974), посвященную описанию традиций и верований населения деревни Амбели (Эвбея), и исследование Пола Сэнт Кассии при участии Константины Бада (Bada, Sant Cassia 1992) о сговоре и свадьбе в Афинах XIX века в сопоставлении с рядом других областей Греции. Важно отметить, что и в России проводятся и издаются подобные исследования (см., напр.: Иванова 2004).

<sup>3</sup> Муниципалитет Южная Кинурия.

<sup>4</sup> Участники экспедиций посетили все пункты распространения южного варианта цаконского диалекта: Леонидион, Прастос/Агиос Андреас, Тирос, Сапунакейка, Мелана/Ливади, Васкина. Побывать в селах Ситена и Кастница, где говорят на северном варианте диалекта, пока не удалось.

<sup>5</sup> Для их обозначения в статье будет использован общепринятый этноним ‘цаконцы’.

а. материалы по этнографии и культуре цаконцев;

б. материалы по истории цаконцев и области их расселения<sup>6</sup>.

В рамках одной статьи нет возможности осветить обе темы<sup>7</sup>, и настоящая публикация посвящается истории региона как на материале разнообразных античных и средневековых источников, так и исходя из данных, полученных у информантов.

## 2. О Цаконии

§ 5. Топоним ‘Цакония’ и этноним ‘цаконцы’ не встречаются ранее X века (н. э.), однако античные авторы неоднократно приводят отдельные населенные пункты, которые сейчас непосредственно связаны с Цаконией. Например, у Страбона и Фукидида встречается топоним αἱ Πρασῖαι, а Павсаний говорит про αἱ Βρασῖαι – речь идет о будущей столице Цаконии, городе Прастосе<sup>8</sup>.

§ 6. Первым о цаконцах говорит Константин Багрянородный (905–959):

- (1) ἀλελάτας, ἐξ ὧν καὶ Τζέκωνες ἀφορίζονται εἰς τὰ κάστρα  
 ‘<...> пограничников, из которых цаконцы определяются в  
 [приграничные] города/крепости’ (Porphyrogenitus 1829: 696; см.  
 также сн. 12)

Резонно предположить, что в пограничные отряды входили не только цаконцы, но и другие жители Пелопоннеса, причем не только греки, а, возможно, и славяне, которых в IX веке было много на Пелопоннесе<sup>9</sup>.

§ 7. В 1204 году крестоносцы захватили Константинополь, и Византийская империя фактически развалилась на части. На Пелопоннесе франки основали Ахейское княжество (иначе –

<sup>6</sup> В греческой традиции область расселения цаконцев на Пелопоннесе принято называть **Цаконией**.

<sup>7</sup> Отдельные сведения по культуре и этнографии цаконцев доступны в статьях участников экспедиций; см.: Кисилиер, Федченко 2010; Кисилиер 2014: 334.

<sup>8</sup> Позже это поселение было перенесено вглубь материка, скорее всего, из-за угрозы пиратских набегов (Федченко 2010; подробнее о Прастосе см.: Vagenas 1971: 9–74; Tectoros, Poulakidakos 2002). Вероятно, уже в ранневизантийскую эпоху в Прастосе был свой епископ, подчинявшийся митрополиту Монемвасии.

<sup>9</sup> Ср. с Константином Багрянородным (1989: 221, а также 433–434): «И он (протоспафарий Феоктист – МК) подчинил и покорил всех славян и прочих не подвластных в феме Пелопоннес». Славян Константин Багрянородный именует Σκλάβους.

княжество Морей). В «Морейской хронике»<sup>10</sup>, повествующей об истории Ахейского княжества, неоднократно упоминается Цакония (Τσακωνία). Из «Хроники» известно, что цаконцы не приняли власть франков и неоднократно восставали<sup>11</sup>. В 1261 году цаконцы оказали содействие византийским войскам, вторгшимся в Ахейское княжество, что, вероятно, и способствовало победе византийцев (стр[оки] 4576–4605 и 4660–4663)<sup>12</sup>. В ответ франки совершили по крайней мере два набега на Цаконию: в 1264 году (стр. 5620–5623) и, вероятно, 1272 году (стр. 6654). Последний набег цаконцы, скорее всего, успешно отразили (стр. 6713–6714) и, отстояв свою независимость, позднее вошли в Морейский (иначе Мистрский) деспотат (подробнее см.: Vagenas 1971: 104–106), появившийся в середине XIV века<sup>13</sup>. Согласно «Морейской хронике» (стр. 1937–1938), территория средневековой Цаконии значительно превосходила нынешнюю:

- (2) ἕξι φῖε τοῦ ἐδόθησαν νὰ ἔχη εἰς τὴν Τσακωνίαν ·  
 κάστρον ἔχτισεν ἐκεῖ, τὸ ὠνόμασεν Γεράκι  
 ‘Шесть феофов ему (миссиру Гвидо де Нивиле) были отданы в  
 Цаконии;  
 [миссир Гвидо] построил там крепость, назвал ее Гераки’  
 (Chronicon Moreae 1996: 98)

Из этого, с одной стороны, следует, что Цакония доходила по крайней мере до лаконского городка Гераки, находящегося в тридцати девяти километрах к юго-востоку от Спарты, а с

<sup>10</sup> «Морейская хроника» появилась около XIV века. В сущности, это рыцарский роман, написанный по-гречески, в котором воспеваются подвиги франков на Пелопоннесе. До сих пор открытым остается вопрос, кто был автором текста – франк, владеющий греческим языком, или же грек, перешедший на службу к франкам (подробнее см.: Кисилиер, Федченко 2011b: 423 сл.).

<sup>11</sup> Например, в строке 2961 рассказывается о восстании, произошедшем около 1248 года; ср.: Vagenas 1971: 101.

<sup>12</sup> Возможно, именно в благодарность за помощь византийской армии появилась, как сообщает Псевдо-Кодин (середина XIV века), особая должность: Στρατολεδάρχης τῶν Τσακόνων ἐπιμελεῖται τῶν εἰς τὰ κάστρα εὐρισκομένων φυλάξεων, οἵτινες τζάκωνες ὀνομάζονται ‘Командующий цаконцами руководит находящимися в пограничных городах/крепостях стражами, которые называются цаконцами’ (Pseudo-Codinus 1966: 187).

<sup>13</sup> Население Морейского деспотата составляли далеко не одни греки. В частности, известно, что Феодор I Палеолог, бывший деспотом Морей в 1383–1407 годах, поощрял албанцев селиться на территории деспотата.

другой, – что в «Морейской хронике» термин ‘Цакония’ является именно топонимом, а не этнонимом<sup>14</sup>.

§ 8. Через семь лет после завоевания Константинополя в 1460 году султан Мехмет II подчинил себе Морейский деспотат. В ходе военных действий в 1476 году, по-видимому, была разрушена современная столица Цаконии город Леонидион (Balta 2009: 178; см. также § 12 и, в частности, сн. 26). По-видимому, именно во времена османского владычества<sup>15</sup> цаконцы начали активно торговать с Константинополем и возить товары в город Навплион. Не до конца ясно, какие именно товары вывозили из Цаконии. Среди современных цаконцев бытуют разные точки зрения. Например, один из информантов утверждает, что продавали сыр, другой же считает, что торговали исключительно овощами и фруктами (Кисилиер 2013а). Скорее всего, перечень продаваемых продуктов зависел от местности. Купцами становились, в основном, жители Прастоса, а моряков набирали из прибрежных цаконских сел<sup>16</sup>. Во времена турецкого владычества Прастос стал богатейшим торговым центром региона<sup>17</sup>. Купцы из Прастоса торговали с Константинополем, многие даже имели там свои лавки и дома. По сообщению Франсуа Пуквиля, они разбогатели, прежде всего, на торговле маслом (Pouqueville 1820: 174). Многие прастосцы ездили в Константинополь на заработки (Balta 2009: 181). В этот период в Прастосе начали возводиться каменные двух-трех этажные дома, многие из которых сохранились до сих пор.

§ 9. В XVII веке на цаконцев обратил внимание знаменитый турецкий путешественник Эвлия Челеби, отметив, что цаконцы очень грозны и всегда ходят с оружием, и даже их женщины опасны. Челеби первым оставил свое мнение о цаконском диалекте: цаконцы не говорят ни по-гречески, ни по-итальянски,

---

<sup>14</sup> Кроме «Морейской хроники», термин ‘Цакония’ (Τζακόνια) служит для обозначения территории и у византийского ученого и богослова XIII века Никифора Влеммида: ἥτις ἐστὶ τῆς Τζακονίας ‘<...> которая [Месиния] относится к Цаконии’ (Blemmides 1965: 461).

<sup>15</sup> Справедливости ради стоит отметить, что с 1685 по 1715 годы Цакония находилась не под турецким, а под венецианским владычеством (Vagenas 1971: 138; Balta 2009: 182–187).

<sup>16</sup> До сих пор большинство мужчин из прибрежных населенных пунктов (например, из Тироса и из Плаки, пригорода Леонидиона) хоть какое-то время были моряками.

<sup>17</sup> Стоит упомянуть точку зрения Евангелии Балта, которая считает, что в это время центральным городом Цаконии была Кастаница (Balta 2009: 177).

а их язык никому непонятен без переводчика (Vagenas 1971: 274). Едва ли Челеби отважился побывать в цаконских селах или в Прастосе, в которых турки практически даже не собирали подати. Скорее всего, он встретил цаконцев в Навплионе, куда последние нередко приезжали торговать.

§ 10. Когда началось греческое освободительное движение, его центром стал Пелопоннес. Цаконцы, скорее всего, приняли в нем активное участие<sup>18</sup>, о чем, в частности, свидетельствует одна из немногих песен на цаконском, где есть следующая фраза:

(3) *kísu o Kolokotrón-is ce*  
 сзади DEF.M.SG.NOM Колокотронис-SG.NOM и  
*parakísu i Cákon-e*  
 позади DEF.PL.NOM цаконец-PL  
 ‘... позади [идет] Колокотронис<sup>19</sup>, а за ним цаконцы’  
 (Tsak\_021\_2; ср.: Petakos 2003: 36)

Ответные действия Османской империи не заставили себя ждать. На Пелопоннес вторгся знаменитый полководец египетский паша Ибрагим (1789–1848) и, согласно единогласному утверждению греческих исследователей<sup>20</sup> и самих цаконцев, в 1826 году сжег столицу Цаконии город Прастос. Принято считать, что жители успели вовремя покинуть Прастос – часть переехала в прибрежный городок Леонидион, превратившийся благодаря массовому переезду в столицу области, другие перебрались в Константинополь или в Румынию.

§ 11. Более тщательное изучение ситуации не позволяет согласиться с принятой точкой зрения. Хотя нет сомнения в том, что переезд из Прастоса имел место, едва ли он был напрямую связан с нашествием Ибрагима. Во-первых, очевидно, что Прастос не был сожжен, поскольку большинство старых домов существует до сих пор, и потомки их владельцев безошибочно могут показать дом своей семьи. Потом эти дома заняли окрестные пастухи<sup>21</sup> и проживали в Прастосе до 1960-х годов,

<sup>18</sup> Фанос Вагенас называет имена почти 150 цаконцев, принявших участие в освободительном движении, а также указывает десять цаконцев, оказавших материальную поддержку (Vagenas 1971: 226–235).

<sup>19</sup> Теодорос Колокотронис (1770–1843) – герой греческой революции.

<sup>20</sup> Например, Фанос Вагенас даже указывает точное количество сожженных домов – 1200: «Τότε κάηκε ὀλόκληρος ὁ Πραστός μὲ τὰ 1200 στίτια» (Vagenas 1971: 219).

<sup>21</sup> Участники цаконской экспедиции внезапно столкнулись с этой проблемой в июле 2011 года. Во время работы с современными выход-

когда в свою очередь по экономическим причинам переехали в прибрежный город Агиос Андреас, где в этот момент появилась дорога, соединившая Цаконию с остальной Грецией (см. § 16)<sup>22</sup>. Во-вторых, большинство прастосцев, если не все, переехавшие в Леонидион, построили себе там дома задолго до греческого восстания и до вторжения Ибрагима на Пелопоннес<sup>23</sup>. Вероятнее всего, Прастос был оставлен по экономическим причинам. Можно, в частности, предположить, что пираты<sup>24</sup> или турки сожгли порт, которым купцы пользовались для торговли, и потеря торгового пути заставила искать новые более удобные места для проживания.

§ 12. Не вполне ясно, насколько изначальные жители Прастоса владели цаконским диалектом. Известно, что потомки прастотиотов, уехавших в 20-е годы XIX века в Константинополь и в Румынию, не знают своего диалекта, однако греческий язык они сохранили<sup>25</sup>. Прояснить положение отчасти может языковая

---

цами из Прастоса выяснилось, что они совсем не знают истории своих домов (в отличие, например, от жителей Меланы) и не владеют строительной терминологией (Tsak\_120; Гушнян, Федченко 2014). Местный энтузиаст, священник Георгиос Петрис считает, что новые жители Прастоса были жителями окрестных нецаконских деревень. По его мнению, изначально они не знали цаконского, но впоследствии выучили прастосский вариант диалекта (Кисилиер 2011). С данной точкой зрения трудно согласиться, и нет оснований сомневаться в том, что пастухи, заселившие Прастос, уже говорили по-цаконски, а не выучили его потом.

<sup>22</sup> «Вторичные» переселенцы из Прастоса живут в Агиос Андреасе отдельной слободой (со своим священником и кофейней), а в Прастос возвращаются только в теплые месяцы. Зимой в Прастосе сейчас уже никто не живет.

<sup>23</sup> Например, уникальный дом-крепость судовладельца Константина Цикалиотиса датируется 1808 годом, а дом другого богатого купца из Прастоса – Костаса Хатзипанайотиса – был построен около 1809 года.

<sup>24</sup> Известно, что приморские территории до начала XIX века очень страдали от пиратства. Некоторые населенные пункты были выше в горах, чем они находятся сейчас – например, деревня Мелана (Кисилиер 2010). Уже упоминавшийся в сн. 23 Константин Цикалиотис построил свой дом в виде крепости в целях защиты от пиратов. Это, правда, ни разу не понадобилось (благодаря чему дом и сохранился), и другие прастосцы, строившиеся в Леонидионе, не стали так же сильно укреплять свои жилища.

<sup>25</sup> Справедливости ради, стоит отметить, что потомки цаконцев, эмигрировавших в начале и середине XX века в США и в Европу (см. §§ 13 и 16), тоже утратили диалект, хотя уезжавшие, несомненно, на нем говорили. Впрочем, и греческий язык они сохранили в меньшей степени, чем константинопольские и румынские цаконцы.

ситуация в городе Леонидионе<sup>26</sup>, превратившемся из небольшого поселения в столицу Цаконии (во многом благодаря переезду прастосцев). Сейчас в Леонидионе по-цаконски практически не говорят. Как удалось выяснить в ходе экспедиций, диалектом владеют не коренные жители, а выходцы из Васкины, Меланы, Тироса и Агиос Андреаса. Потомки же тех, кто в 1826 году покинул Прастос, цаконским не владеют. Таким образом, можно предположить, что в Прастосе в его бытность столицей Цаконии (то есть до 1826 года) по-цаконски не разговаривали, поскольку цаконский был языком пастухов и отчасти моряков, а не образованных городских жителей.

§ 13. После революции, в особенности после переноса столицы из Пелопоннеса в Афины в 1833 году, экономика Цаконии резко пошла на спад, чему, очевидно, способствовало отсутствие дорог, связывающих область с остальной Грецией (сообщение было возможно исключительно по морю)<sup>27</sup>. В итоге, Цакония постепенно превращается в одну из беднейших областей Греции, какой остается и сейчас. Публикации в местных газетах начала XX века свидетельствуют о том, что цаконцы начинают уезжать на заработки в другие страны, особенно в США<sup>28</sup>.

§ 14. В годы второй мировой войны Цаконию оккупировали итальянцы. По воспоминаниям местных жителей, итальянцы нехорошо себя вели с местным населением, особенно с женщи-

---

<sup>26</sup> Существуют несколько этимологий названия города. Первая возводит его к спартанскому царю Леониду, якобы устроившему привал на месте города по дороге к Фермопилам и принесшего здесь жертву Зевсу. Данная этимология представляется наименее вероятной, поскольку по-цаконски город называется *Ajelídi* 'город святого Леонида'. Согласно, двум другим – название восходит к святому из Афин и мученику из Прастоса (Кисилиер 2010). Фанос Вагенас добавляет еще несколько других вариантов этимологий, которые, по-видимому, неизвестны местному населению (Vagenas 1971: 88–95).

<sup>27</sup> Несмотря на экономический спад, богатейшие жители Леонидиона долгое время продолжали посылать своих детей в Европу учиться (в основном, медицине). До сих пор в семье Т\* бытует легенда о том, как их предок учился медицине в Пизе, и между ним и юной сестрой Наполеона завязался роман. Одновременно за ней ухаживал и молодой Меттерних (1773–1859), который, застав юного Т\* у своей возлюбленной, вызвал его на дуэль. Чтобы спасти ему жизнь, сестра Наполеона убедила его бежать домой и купила билет на корабль (Кисилиер 2011). В последствие Т\* стал мэром Леонидиона.

<sup>28</sup> Сведения получены из домашнего архива главного секретаря муниципалитета Южной Кинурии, директора «Цаконского архива» Константиноса Троханиса.

нами. Из-за этого многие цаконцы стали уходить в партизаны. Когда итальянцев сменили немцы, ситуация коренным образом изменилась: прекратились грабежи и конфискация продовольствия (которое немцы исключительно покупали), и главное – женщин больше не трогали (Кисилиер 2010)<sup>29</sup>. Современные жители Леонидиона даже считают, что именно немцы засыпали протоку между Плакой<sup>30</sup> и материком (Кисилиер 2013а).

§ 15. После ухода немцев в Греции разразилась гражданская война. Она активно велась на Пелопоннесе. В Цаконии оплотом правых был Леонидион, а центр коммунистов находился в высокогорном селе Агиос Василиос (ок. 700 м. над уровнем моря). Местные называли его «маленькой Москвой» (*Там же*). По окончании войны в Цаконии наступили голод и нищета. Дети ходили в обуви только зимой. Совсем не было денег, и вся торговля свелась к обмену товарами. Например, жители Васкины посылали целые караваны с горошком и чечевицей в Кастаницу и Ситену, а взамен получали произраставшие там картошку и помидоры<sup>31</sup>.

§ 16. В 1954 году экономическая ситуация стала понемногу улучшаться. Богатые европейские страны начали набирать в Греции рабочих. Многие неженатые цаконцы уехали в США, Канаду, Австралию и особенно в Германию и оттуда присылали деньги своим семьям. Караваны с чечевицей и горошком стали ходить в Кастаницу и Ситену все реже, а к 1960 году и вообще исчезли за ненадобностью. Большинство трудовых иммигрантов так и не вернулись домой (Кисилиер 2013b). Около 1960 года появилась дорога, соединившая цаконцев с остальной Грецией, а в 1969 году в цаконские села провели электричество (Кисилиер 2010).

### 3. О цаконцах

§ 17. Современные цаконцы очень гордятся своей национальной принадлежностью. В ходе одной из экспедиций даже пришлось столкнуться со следующим утверждением: «Ум одного грека равен умам тысячи европейцев, а ум одного цаконца равен умам тысячи греков», высказанным, правда, не

---

<sup>29</sup> Скорее всего, причина хорошего отношения немцев к цаконцам кроется в том, что немцы считали цаконцев потомками древних спартанцев (см. § 18 и сл.).

<sup>30</sup> Сейчас Плака – прибрежный курортный поселок в 4 км. от Леонидиона.

<sup>31</sup> В Кастанице и Ситене было лучше с водой.



цаконцем, а греком, несколько лет проживающим в регионе. Принадлежность к этнической группе сейчас уже не связана со знанием диалекта – многие, считающие себя цаконцами (особенно проживающие вне Цаконии), по-цаконски не разговаривают. Можно уверенно утверждать, что «цаконство» – это более не языковая компетентность, а родовая принадлежность: когда главный секретарь местного муниципалитета Константинос Троханис сопровождал участников экспедиции в горные села, он, представляясь, рассказывал свою родословную.

§ 18. Гордость цаконцев своей идентичностью во многом обусловлена тем, что цаконцев принято считать потомками древних спартанцев. Еще в 1830 году Мартин Лик, описывая этнографию Пелопоннеса, недоумевал, откуда появилась эта точка зрения и кто рассказал о ней самим цаконцам (Leake 1830: 505). Изучение византийских источников показало, что уже византийцы связывали цаконцев с лаконцами:

- (4) Георгий Пахимер (1242 – ок. 1310):  
 πλείστοι ἐκ τῶν Λακόνων, οὓς καὶ Τζάκωνας παραφθειρόντες  
 ἔλεγον  
 ‘<...> большинство из лаконцев, которых на испорченный манер называли и цаконцами’ (Pachymeres 1984: 401)
- (5) Никифор Григора (ок. 1295–1360):  
 Λάκωνες <...>, οὓς ἡ κοινὴ παραφθειράσα γλῶσσα Τζάκωνας  
 μετωνόμασεν  
 ‘... лаконцы <...>, которых испорченный народный язык переименовал в цаконцев’ (Gregoras 1829: 98)
- (6) сатира «Пребывание Мазариса в подземном царстве» (XIV век):  
 οἱ Λάκωνες βεβαρβάρωνται, καὶ νῦν κέκληνται Τζάκωνες  
 ‘... лаконцы подверглись варварскому влиянию и теперь зовутся цаконцами’ (Mazaris 1975: 64)<sup>32</sup>
- (7) «Монемвасийская хроника» (1573–1575):  
 ἀγροικικοὶ κατῳκίσθησαν ἐν τοῖς παρακειμένοις ἐκεῖσε τραχυνοῖς  
 τόποις, οἱ καὶ ἐπ’ ἐσχάτων Τζακονίαι ἐπονομάσθησαν, διὰ τὸ καὶ  
 αὐτοὺς τοὺς Λάκωνας Τζάκωνας μετονομασθῆναι  
 ‘... деревенские жители были поселены в находящихя там диких местах, которые у последних назывались Цакониями; поэтому и самих лаконцев переименовали в цаконцев’  
 (Chronicon 1976: 14; см. также § 25)

<sup>32</sup> Скорее всего, источником для сатиры и Никифора Григоры (пример 5) послужил Георгий Пахимер (4).

Сейчас все цаконцы знают, что они потомки лаконцев и что цаконский древнее прочих диалектов новогреческого языка. Об этом с гордостью рассказывают все местные жители. Подавляющее большинство научных работ не только не подвергают сомнению лаконское происхождение цаконцев, но и говорят об этом, как об установленном историческом факте.

§ 19. Понимание значения этнонима ‘цаконец’ могло бы помочь в определении связей между цаконцами и лаконцами. В «Актах» Иверского монастыря в промежутке между 1262 и 1341 годами неоднократно встречаются выражения, построенные по следующей модели:

- (8) Μιχαήλ-ø                    ό                    Τζάκων-ø  
 Михаил-SG.NOM    DEF.M.SG.NOM    цаконец-SG.NOM  
 ‘Михаил-цаконец’ (Acta 1994: 216 – 1318 год).

К сожалению, такого рода примеры не раскрывают значение термина – за определением ‘цаконец’ может стоять как указание на национальную принадлежность, так и кличка. Поскольку контекстное понимание этнонима невозможно, неоднократно предпринимались попытки провести этимологический анализ. Сейчас существуют свыше полутора десятков возможных этимологий термина ‘цаконец’. Большинство версий связывает цаконцев с каким-нибудь известным этнонимом (чаще всего – с лаконцами). Например, в словаре Скарлата Византия выдвигается предположение, что этноним *sákones* произошел напрямую из *Λάκωνες* ‘лаконец’ (Byzantios 1874: 484)<sup>33</sup>. Переход /л/ > /с/ кажется маловероятным, несмотря на остроумный пример Византия:

- (9) дгр. *λακίζω* ‘разрывать’ > нгр. *τσακίζω*

Скорее всего, здесь сыграли свою роль какие-то звукоподражательные механизмы, тем более, что пример Византия – единственный, где можно наблюдать переход /л-/ > /с-/. В цаконском есть случаи, когда /л-/ в начальном ударном слоге /lá-/ исчезает:

<sup>33</sup> Еще в XIX веке некоторые образованные жители Простоса (например, Эммануил Троханис и Михаил Троханис) подписывались *Λάκων* ‘лаконец’ (Vagenas 1971: 259) и, по-видимому, носили такое прозвище. Впрочем, данный факт лишь свидетельствует о том, что в XIX веке цаконцы знали о своем лаконском происхождении и гордились им (ср. с замечанием Лика в § 18).

- (10) нгр. λάδι ‘оливковое масло’ vs. цак. (южн.) *áj<sup>i</sup>* (с выпадением интервокального /-δ-/)

Можно обнаружить примеры, где /л-/ в /lá-/ сохраняется:

- (11) цак. (южн.) *láje* ‘овца/баран черного цвета’ vs. фесс. *lájus*<sup>34</sup>

Однако переход /л-/ > /с-/ или /з-/ нигде не фиксируется.

§ 20. Другие версии, возводящие цаконцев к лаконцам, предполагают промежуточные ступени. По мнению Шарля Дюканжа<sup>35</sup>, термин Λάκωνες превратился в Διάκωνες ‘слуги’, а потом видоизменился в *cákones/zákones*. Семантически данная этимология может подтверждаться следующим: с одной стороны, в византийской армии цаконцы исполняли не только пограничные функции (см. § 6), но и, возможно, служили при обозах; с другой стороны, в цаконских горах было огромное количество монастырей<sup>36</sup>, при которых цаконцы также могли прислуживать. Подобное семантическое обоснование представляется небезупречным – при обозах и в монастырях прислуживали далеко не одни цаконцы. Однако главные претензии к данной этимологии фонетического свойства: если переход /δ<sup>l</sup>á/ > /zá/ > /cá/ вполне вероятен, то переход /lá/ > /δ<sup>l</sup>á/ представляется крайне сомнительным. Даже исправления Людвиг Росса, предложившего промежуточную форму \**dákonēs* (Vagenas 1971: 253), или Спироса Пагулатоса, напротив, предположившего существование формы \**lákones* (Pagoulatos 1947: 52f), не убеждают в возможности подобного перехода.

§ 21. По мнению Михаила Деффнера, первого европейского ученого, проводившего систематические исследования в цаконских селах, термин ‘цаконцы’ происходит из сочетания этнонима (в аккузативе) с артиклем (Deffner 1875: 18):

- (12) τοὺς Λάκωνες > \*τς Λάκωνες > \*Τσλάκωνες > *cákones*

Этимология, предложенная Деффнером, обладает двумя существенными недостатками: во-первых, непонятно, почему отправной точкой стала именно форма аккузатива, а во-вторых, выпадение гласного в артикле τοὺς нигде не фиксируется<sup>37</sup>.

<sup>34</sup> Лексема, предположительно, заимствована из албанского языка.

<sup>35</sup> Предположение высказано в «Glossarium mediae et infimae Latinitatis», статья «Zacones».

<sup>36</sup> Из-за большого количества монастырей область даже именовали «Малый Афон» (Кисилиер 2013а).

<sup>37</sup> Выпадение гласного в артикле аккузатива множественного числа (τοὺς) могло бы привести к путанице с другими артиклями, особенно с артиклем женского рода в генитиве (τῆς), где выпадение гласного

§ 22. В течение долгого времени очень популярной была гипотеза, высказанная К. Амандо (Amanto 1921), согласно которой этноним *sákones* следует возводить к лексеме *ἐξωλάκωνες* (букв. ‘вне-лаконцы’)<sup>38</sup>. Поскольку в южнопелопоннесском варианте цаконского иногда наблюдается переход /ksa-/ > /ca-/<sup>39</sup>, цепочку фонетических изменений надо строить следующим образом:

(13) *ἐξωλάκωνες* > \**eksoákones* > \**ksoákones*<sup>40</sup> > \**ksákones* > *cákones*

Впрочем, и к этой, на первый взгляд удовлетворительной этимологии есть три претензии. Во-первых, в севернопелопоннесском такого перехода нет, как и выпадения интервокального /-l-/ (Кисилиер 2014: 332), однако носители этого варианта, тем не менее, называются цаконцами. Во-вторых, неясно, почему в форме \**ksoákones* после выпадения /-l-/ произошло слияние /o/ и /á/<sup>41</sup>. В-третьих, непонятна семантическая связь лексемы *ἐξωλάκωνες* с цаконцами. Очевидно, что территория, занимаемая цаконцами, не находится за пределами древней Лаконии. Иногда в исследованиях проскакивает следующее объяснение: цаконцы названы вне-лаконцами, поскольку они длительное время находились вне христианизации (Сюзюмов 1974: 211). Однако нет оснований считать, что цаконцы намного дольше других жителей Пелопоннеса сопротивлялись христианизации.

вполне возможно.

<sup>38</sup> К. Амандо нельзя назвать в полном смысле автором этой гипотезы. По-видимому, он несколько перефразировал идею Альберта Тумба, считавшего, что название ‘Цакония’ возникло из выражения *εἰς Λακωνίαν* ‘в Лаконию’ или *ὁ ἐξ Λακωνίας* ‘тот, кто из Лаконии’ (Thumb 1894). Вероятно, Тумб ориентировался на этимологию Стамбула < *εἰς τὴν Πόλιν* ‘в Город (то есть в Константинополь)’.

<sup>39</sup> Например: цак. (южн.). *káderfo* ‘двоюродный брат’ vs. цак. (сев.). *ksáderfo* (Costakis 1986: 315), ср. нгр. ξάδερφος; цак. (южн.). *cámma* ‘чесанная шерсть’ (Op. cit.: 317) vs. нгр. ξάσμα, цак. (южн.). *cambrúkʰi* ‘рожать до срока’ (Costakis 1987: 259) vs. дгр. ἐξαμβλόω.

<sup>40</sup> Неизвестно, что произошло быстрее – выпадение интервокального /-l-/ (\**eksoákones*), типичное для южного варианта цаконского диалекта (Кисилиер 2014: 332) или исчезновение начального гласного в префиксе (\**ksolákones*), характерное для многих новогреческих диалектов, в том числе и для цаконского: цак. *ksemoyú* ‘исповедовать’ (Costakis 1986: 329)

<sup>41</sup> Примеры из цаконского диалекта очевидным образом свидетельствуют о том, что /o/ и /á/ не сливаются после выпадения интервокального /-l-/, ср.: цак. [énʰi] *koázu* ‘искушать’ (Costakis 1986: 88) vs. нгр. κολλάζω.

К тому же жили они отнюдь не в окружении лаконцев-христиан, поэтому едва ли они сами себя называли «изгоями-лаконцами».

§ 23. Известнейший греческий просветитель Адамантиос Кораис (1748–1833) не возводил цаконцев к лаконцам, а считал их потомками пелазгийского племени кавконцев (Korais 1805: 289). Версия Кораиса была очень популярна в XIX веке, причем как среди греческих ученых (Oikonomos 1830: 767), так и в Западной Европе (Mullach 1856: 104; Spratt 1865: 357). Потом от нее отказались, однако в последнее время греческие ученые вновь проявили к ней интерес (Mantouvalou 2013). Известно, что кавконцы некогда обитали на Пелопоннесе, а потом бесследно исчезли, и, как считают сторонники отождествления цаконцев с кавконцами, так можно решить сразу две проблемы – объяснить, куда пропали кавконцы, и понять, кто такие цаконцы. С идеей Кораиса трудно согласиться. С одной стороны, еще Страбон в «Географии» (VII.VII.2) говорит «... относительно кавконов, теперь уже нигде не существующих, хотя прежде они обитали во многих местах» (Страбон 1964: 293). С другой стороны, ни для греческого языка вообще, ни для цаконского диалекта, в частности<sup>42</sup>, переход /ka-/ > /sa-/ или /zǎ-/ невозможен, не говоря даже о том, что совсем не понятно, куда исчез /w/ при гипотетическом переходе \*Καύκωνες > *śákonēs*<sup>43</sup>. Интересно отметить, что сами цаконцы считают данную версию ошибочной<sup>44</sup>.

§ 24. Отдельно стоит остановиться на группе гипотез, пытающихся связать цаконцев со славянами. Византинист из Салоник Хараламбос Симеонидис указывает, что на Пелопоннесе (где, как известно, в Средние века было много славян) могло существовать славянское племя чаконцев, и приводит в качестве доказательства фамилию сербского посланника (в Греции?) в 1948 году – Цаконович (Symeonidis 1972; Сюзюмов 1974: 211). Этноним ‘цаконцы’ пытаются возводить и к славянской лексеме

<sup>42</sup> Ср., например, нгр. *καύσωνα* ‘жара’ и цак. *kápsa*, в котором не только сохраняется /k-/, но и фиксируются следы от /w/ (> /p/).

<sup>43</sup> Томас Спратт, правда, пытается доказать, что данное фонетическое изменение в греческом возможно, утверждая, что глаголы *τσακόνωμαι* ‘ссориться’ (он ошибочно пишет «τσακόνω») и *τσακίζω* ‘ломать’ происходят от прилагательного *κακός* ‘плохой’ (Spratt 1865: 357). Эта точка зрения ошибочна, а указанные глаголы в своей основе, скорее всего, звукоподражательные.

<sup>44</sup> Еще более фантастической кажется идея П. Касселя, предположившего, что цаконцы – это саксонцы (Vagenas 1971: 256).

закон<sup>45</sup>. Хотя обе гипотезы кажутся маловероятными, можно привести немало доводов в пользу славянского происхождения цаконцев. Еще Копитар заметил, что в топонимике Пелопоннеса крайне много славянских названий. Среди прочих Копитар отмечает Склавохори (букв. ‘славянское село’, ср. со сн. 9), Прастос, Кастаницу и Ситену (Kopitar 1822: 96). В начале XX века большинство очевидных славянских топонимов были заменены на греческие, хотя отдельные названия сохранились до сих пор: в частности, недалеко от села Сапунакейка есть место, расположенное за руслом высохшего ручья, которое называется Зарэце (= Заречье). Кроме того, в цаконском диалекте фиксируются многочисленные лексемы славянского происхождения (см.: Кисилиер 2012: 266; 2014: 336; Драгункина и др., в печати). Тем не менее, нет оснований согласиться с Копитаром, по мнению которого цаконский – это изначально славянский диалект (Kopitar 1822: 96), а можно лишь говорить о тесных контактах со славянами, тем более что в цаконском наблюдаются многочисленные пласты заимствований и из других языков (албанского, арумынского, итальянского и его диалектов). Уместно предположить, что славянские пастухи, оседавшие в Цаконии, могли смешиваться с цаконцами и переходить на цаконский диалект, а их дети уже считались цаконцами, однако едва ли оправданно приписывать всем цаконцам славянское происхождение.

§ 25. Более интересными и перспективными выглядят этимологии, стремящиеся не связать цаконцев с каким-либо конкретным этнонимом, а объяснить название, исходя из исторических или географических факторов<sup>46</sup>. Густав Девильт обратил внимание на лексему *τραχόνιν*<sup>47</sup>, зафиксированную в «Мо-

<sup>45</sup> Фанос Вагенас приписывает эту гипотезу знаменитому слависту Бартоломею Копитару (Vagenas 1971: 254).

<sup>46</sup> Далеко не все такие этимологии удачны. Например, трудно согласиться с кипрским лингвистом Менелаем Христорду, по версии которого этноним появился потому, что цаконцы брали в плен врагов, набрасывая на них мешок – *σάκ<κ>ος* (Vagenas 1971: 256), или с Михаилом Лекбсом, думавшим, что ‘цаконцы’ происходит от индийского (санскритского?) слова *sáko* ‘грабитель, пират’ (Lekos 1920: 88). Сюда же можно отнести и сомнительную этимологию, упомянутую в рецензии М. Я. Сюзюмова (1974: 211), которая производит цаконцев от малоизвестной лексемы *σάκα* ‘засада в горном ущелье’.

<sup>47</sup> В «Морейской хронике» лексема встречается, по крайней мере, трижды: в строке 1761 в аккузативе – *τραχόνιν* < \**τραχόνιον* (Chronicon Moreae 1996: 88), в строке 2804 в номинативе – *τραχόνι* < \**τραχόνιον*

рейской хронике», обозначающую ‘высокогорные, труднодоступные места’, и предположил, что Цакония изначально была Трахонией (Deville 1866: 68–69), то есть буквально ‘областью, находящейся высоко в горах’. Идея Девиля представляется весьма привлекательной, и даже кажется, что ее подтверждает пример из «Монемвасийской хроники» (7), где как раз употреблена однокорневая лексема *τραχυνοῖς* [τόποις] для обозначения труднодоступных мест. Гипотезу Девиля пытались развить и другие ученые, в частности, Симеонидис (Symeonidis 1972: 98) и Вагенас. Последний обнаружил тридцать три топонима, содержащих корень *cákon/cágon/zákon/zákun*, в разных концах Греции (например, в Лаконии, Северном Эпире, Малой Азии, рядом с Пеллой и Патрами, на Крите и Родосе) и обратил внимание, что все они связаны с горными труднодоступными местами (Vagenas 1971: 267–268). Несмотря на всю привлекательность гипотезы Девиля, невозможно обойти стороной две фонетические сложности: во-первых, как признает и сам Девиль (Deville 1866: 69), неясно, возможен ли для цаконского переход /x/ > /k/, а во-вторых, в цаконском /tr/ превращается не в /c/, а в /č/:

(14) нгр. **τρία** ‘три’ vs. цак. *čía*<sup>48</sup>

(15) нгр. **τράγος** ‘козел’ vs. цак. *čáo*

(16) нгр. **τρέχω** ‘бежать’ vs. цак. [én’i] *čáxi*

Примеры (14–16) свидетельствуют о том, что, будь Девиль прав, Трахония в устах цаконцев должна была стать Чаконией или, в лучшем случае, Чаконией, но никак не Цаконией.

§ 26. Несмотря на значительное количество версий о происхождении и значении этнонима ‘цаконец’, ни одна из них не выглядит настолько убедительно, чтобы с ней можно было безоговорочно согласиться. Поэтому уместно предложить еще одну гипотезу. Важно отметить, что, скорее всего, термин ‘цаконцы’ является не внутренним, а внешним, то есть не цаконцы сами себя называли цаконцами, а их называли цаконцами другие. Об этом свидетельствуют два факта: во-первых, в цаконских текстах (фольклорных, литературных, записях устных

(*Op. cit.*: 140) и в строке 2871 в accusative множественного числа – *τραχόνια* (*Op. cit.*: 144).

<sup>48</sup> В цаконском есть и лексема *čía* ‘тетя’, где наблюдаются следы перехода (ср. дгр. **θεία**) /t<sup>x</sup>/ > /s/, считающегося одной из отличительных черт лаконского диалекта древнегреческого языка: лаконское **σίοί** ‘боги’ (vs. дгр. **θεοί**).

нарративов разного времени) этноним почти не фигурирует<sup>49</sup>; во-вторых, свой язык они называют не цаконским, а

- (17) *a*                                    *yrús-a*                                    =*námi*  
 DEF.F.SG.NOM                    язык-SG.NOM                    POSS:1.PL  
 ‘наш язык’

Таким образом, с одной стороны, нет оснований сопоставлять этноним с общегреческой лексикой, а потом интерпретировать различия как результат особых фонетических изменений, произошедших в цаконском диалекте. С другой стороны, этноним должен указывать на какую-то особенность, которая бы отличала цаконцев от окружающих их нецаконцев. Очевидно, что это не может быть, например, указание на горную местность, воинственный характер и проч. (в противном случае маниотов<sup>50</sup>, обитающих относительно недалеко от Цаконии и отличающихся воинственностью и суровым характером, тоже бы называли цаконцами). В § 17 отмечалось, что сейчас принадлежность к цаконцам не связана с владением диалектом, а определяется родовой принадлежностью и, скорее всего, гордостью за собственную идентичность (потомки спартанцев и т. п.). Однако уместно предположить, что прежде именно языковая компетенция играла ключевую роль, и именно диалект, абсолютно непонятный для окружающих, был главной отличительной чертой цаконцев. В цаконском диалекте фиксируются уникальные черты, не обнаруженные в прочих диалектах новогреческого языка, например, аналитические формы презенса и имперфекта (Кисилиер 2014: 336–337; в печати). Однако очевидно, что не это в первую очередь привлекает внимание, если язык/диалект непонятен, а необычная фонетика. Фонетика цаконского диалекта, действительно, демонстрирует много интересных особенностей, некоторые из которых, если и не уникальны, то встречаются далеко не во всех новогреческих диалектах (подробнее см.: Кисилиер, Федченко 2011а; Fedchenko 2013: 78–82; Кисилиер 2014: 334–336 и приведенную там библиографию), в частности, – дорийское «акание», палатализация /r<sup>h</sup>i/ (> /r<sup>z</sup>i/), ротацизм. Однако наиболее регулярным и

<sup>49</sup> Пример (3) следует считать редким исключением, которое, впрочем, легко объяснимо – это историческая песня (и к тому же довольно поздняя), которая подтверждает, что и цаконцы (наравне со всеми прочими) последовали за Колокотронисом (см. сн. 19).

<sup>50</sup> Область Мани представляет собой горный полуостров на юге Пелопоннеса.



частотным фонетическим явлением следует считать так называемый «цитакизм», то есть появление /с/ и /з/ из переднеязычных или заднеязычных, например: цак. *ci* ‘что’ < дгр. *τί*, цак. *ce* ‘и’ < дгр. *καί*. Согласно карте изоглосс, созданной Питером Традгиллом, на Пелопоннесе цитакизм встречается исключительно в цаконском (Trudgill 2003: 56)<sup>51</sup>. Можно предположить, что, слыша цаконскую речь, носители других диалектов обращали в первую очередь внимание именно на высокую степень «цеканья» и «дзеканья», а тех, у кого в речи часто проявлялся цитакизм, стали называть «цекающими», то есть цаконцами. В подтверждение можно привести два довода. Во-первых, очевидно, что встречаются разные варианты этнонима, например: *τζέκωνες* у Константина Багрянородного (1), *τζάκωνας* у Георгия Пахимера (4), Никифора Григоры (5) и других и сохранившийся до сих пор вариант *τσάκωνας*. Данные варианты отчасти и отражают возможные особенности перцепции цаконского цитакизма. Во-вторых, известны случаи, когда этнонимы отражают фонетические особенности диалекта или языка. Так *дзуки*, проживающие на юге и юго-востоке Литвы в среднем течении реки Неман, получили свое название в связи со спецификой произношения. Вероятно, многочисленные топонимы с корнем *cákon/cágon/zákon/zákun*, обнаруженные Вагенасом в разных областях Греции (см. § 25), тоже могут быть объяснены спецификой произношения (вероятно, цитакизмом) местного населения, что, впрочем, требует специальной проверки.

§ 27. Предложенная этимология интересна не сама по себе, а именно в рамках изучения цаконского диалекта и культуры цаконцев. Она позволяет утверждать, что к X веку, как демонстрирует Константин Багрянородный (1), в цаконском диалекте был развит цитакизм. Не менее важным выводом может быть замечание о том, что этноним не содержит информации об этническом происхождении цаконцев. Таким образом, у исследователей появляются все основания оперировать исключительно лингвистическими и этнографическими данными и отказаться от идеи рассматривать цаконский диалект как дорийский

<sup>51</sup> По-видимому, Траджилл не совсем прав: скорее всего, цитакизм встречается в отдельных диалектах горного Пелопоннеса, например, в Гортинии (Kontosopoulos 2001: 74) и на севере Мани (Mirambel 1929: 134), то есть в областях, не граничащих непосредственно с Цаконией. По-видимому, в диалекте Гортинии цитакизм затрагивает исключительно сочетания /ke/ и /ki/ и не отличается регулярностью, а на севере Мани, вероятно, чаще встречается палатализация, чем собственно цитакизм.

реликт, а пытаться вписать его в общебалканский контекст, что, скорее всего, позволит интерпретировать многие диалектные черты, которые сейчас кажутся трудно объяснимыми.

### Список сокращений

- дгр. – древнегреческий язык
- нгр. – новогреческий язык
- сев. – северопелопоннесский вариант цаконского диалекта
- фесс. – фессалийский диалект новогреческого языка
- цак. – цаконский диалект новогреческого языка
- южн. – южнопелопоннесский вариант цаконского диалекта
- DEF – показатель определенности
- F – женский род
- M – мужской род
- NOM – именительный/прямой падеж
- PL – множественное число
- POSS – показатель посессивности
- SG – единственное число
- 1 – первое лицо
- 2 – второе лицо
- 3 – третье лицо

### Список использованных аудиоматериалов

- Tsak\_021\_2 – Аудиозапись. Информант: Йоргос П., 1937 г. р. (Васкина). Диалектный архив в Греческом институте Филологического факультета СПбГУ: Цакония. Собиратели: С. В. Выдрина, М. Л. Кисилиер, В. В. Федченко. Январь, 2010.
- Tsak\_120 – Аудиозапись. Информанты: Йаннис С., ок. 65 л. (Прастос); Панайотис Х., ок. 75 л. (Прастос). Диалектный архив в Греческом институте Филологического факультета СПбГУ: Цакония. Собиратель: В. В. Федченко. Октябрь, 2012.

### Библиография

- Анимица 2003 – Анимица Е. Г. Греки в судьбе России. Екатеринбург: УГЭУ, 2003.
- Гущян, Федченко 2014 – Гущян Л. С., Федченко В. В. К вопросу о традиционных практиках строительства в контактных зонах Средней Азии, Южного Кавказа и Южных Балкан. Доклад, прочитанный на XLIII межд. филологической конференции. Секция «Балканистика, неоэллинистика и византистика». 12–13 марта 2014 г.
- Драгункина и др., в печати – Драгункина А. А., Кисилиер М. Л., Федченко В. В. Лексические особенности цаконского диалекта новогреческого языка: предварительные наблюдения и перспективы исследования // Кисилиер М. Л., Русаков А. Ю. (ред.). Балканистика. Византистика. Неоэллинистика. Сборник научных статей. Вып. 1. В печати.
- Иванова 2004 – Иванова Ю. В. (сост., отв. ред.). Греки России и Украины. СПб.: Алетейя, 2004.
- Кисилиер 2009 – Кисилиер М. Л. (отв. ред.). Язык и культура мариупольских греков. Т. 1. Лингвистическая и этнокультурная ситуация

- в селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов. СПб.: Алетейя, 2009.
- Кисилиер 2010 – Кисилиер М. Л. Полевой дневник. Диалектный архив в Греческом институте Филологического факультета СПбГУ: Цакония. Январь, 2010.
- Кисилиер 2011 – Кисилиер М. Л. Полевой дневник. Диалектный архив в Греческом институте Филологического факультета СПбГУ: Цакония. Июль, 2011.
- Кисилиер 2012 – Кисилиер М. Л. Цаконские стереотипы // Гирфанова А. Х., Иванов С. В., Казанский Н. Н., Крючкова Е. Р., Фалилеев А. И. (ред.). *Varietas delectans*. Сборник статей к 70-летию Николая Леонидовича Сухачева. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 262–271.
- Кисилиер 2013a – Кисилиер М. Л. Полевой дневник. Диалектный архив в Греческом институте Филологического факультета СПбГУ: Цакония. Сентябрь, 2013.
- Кисилиер 2013b – Кисилиер М. Л. Полевой дневник. Диалектный архив в Греческом институте Филологического факультета СПбГУ: Цакония. Ноябрь, 2013.
- Кисилиер 2014 – Кисилиер М. Л. Цаконский диалект: новый взгляд // Выдрин В. Ф., Кузнецова Н. В. (отв. ред.). От Бикина до Бамбалюмы, из варяг в греки. Экспедиционные этюды в честь Елены Всеволодовны Перехвальской. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 330–348.
- Кисилиер, в печати – Кисилиер М. Л. Об аналитических формах презенса и имперфекта в цаконском диалекте новогреческого языка // Кисилиер М. Л., Русаков А. Ю. (ред.). Балканистика. Византистика. Неозллинистика. Сборник научных статей. Вып. 1. В печати.
- Кисилиер, Федченко 2010 – Кисилиер М. Л., Федченко В. В. «Евангелие Любви» (Иоанн 20: 19–25): цаконский вариант // Казанский Н. Н. (отв. ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 14. Ч. 2. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 21–23 июня 2010 г. СПб.: Наука, 2010. С. 47–57.
- Кисилиер, Федченко 2011a – Кисилиер М. Л., Федченко В. В. К вопросу о мягких согласных в цаконском диалекте новогреческого языка // Казанский Н. Н. (отв. ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 15. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 20–22 июня 2011 г. СПб.: Наука, 2011. С. 259–266.
- Кисилиер, Федченко 2011b – Кисилиер М. Л., Федченко В. В. О языке новогреческой литературы // Казанский Н. Н. (отв. ред.). *Acta linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований. Т. VII. Ч. 1. СПб.: Наука, 2011. С. 409–444.
- Константин Багрянородный 1989 – Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарий. Под редакцией Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1989.
- Страбон 1964 – Страбон. География. В 17 книгах. Перевод, статья и коммент. Г. А. Стратановского. Под общей ред. проф. С. Л. Утченко. Ред. перевода проф. О. О. Крюгер. М.: Наука, 1964.

- Сюзюмов 1974 – Сюзюмов Μ. Я. [Рец.] Συμεωνίδης Χ. Π. Οί Τζάκωνες και ή Τζακωνία // Византийский временник. 1974. Т. 36. С. 210–212.
- Федченко 2010 – Федченко В. В. Полевой дневник. Диалектный архив в Греческом институте Филологического факультета СПбГУ: Цакония. Январь, 2010.
- Acta 1994 – Kravari V., Lefort J., Métrévéli J., Oikonomidès N., Parachryssanthou D. Actes d'Iviron III. De 1204 à 1328 // Archives de l'Athos. Т. XVIII. Paris: Édition du CNRS P. Lethielleux, 1994. P. 96–103, 157–176.
- Amanto 1921 – 'Αμάντο Κ. Τσακωνία – Sclavonia // 'Αφιέρωμα εις Γ. Χατζιδάκιν. 'Αθήναι: Τύποις Π. Δ. Σακελλαρίου, 1921. Σ. 130–134.
- Balta 2009 – Balta E. Venetians and Ottomans in The Southeast Peloponnese (15<sup>th</sup>–18<sup>th</sup> century) // Hazırlayanlar Y., Takış T., Aksoy S. Halil İnalçık armağanı: Tarih arařtırmaları. С. 1. Ankara: Doğu Batı, 2009. S. 168–204.
- Blemmides 1965 – Nicephorus Blemmydes. Conspectus geographiae // Müller K. Geographi Graeci Minores. 2. Paris: Didot, 1861 (repr. Hildesheim: Olms, 1965). P. 458–468
- Bada, Sant Cassia 1992 – Bada C. E., Sant Cassia P. The Making of the Modern Greek Family: Marriage and Exchange in Nineteenth-century Athens // Cambridge Studies in Social and Cultural Anthropology. Vol. 77. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Byzantios 1874 – Βυζάντιος Σ. Δ. Λεξικόν τῆς καθ' ἡμᾶς ἑλληνικῆς διαλέκτου μεθρημηνευμένης εις τὸ ἀρχαῖον ἑλληνικὸν καὶ τὸ γαλλικόν. Μετὰ γεωγραφικοῦ πίνακος τῶν νεωτέρων καὶ παλαιῶν ὀνομάτων. 3 ἐκδ. 'Εν 'Αθήναις: Ανδρέας Κορομηλάς, 1874.
- Chronicon Moreae 1996 – Egea J. M. La Crónica de Morea // Nueva Roma. Т. 2. Madrid: Consejo superior de investigaciones científicas, 1996.
- Chronicon 1976 – Dujčev I. Cronaca di Monemvasia // Testi e Monumenti. Т. 12. Palermo: Istituto Siciliano di studi bizantini e neoellenici, 1976.
- Costakis 1986 – Κωστάκης Θ. Π. Λεξικό Τσακωνικῆς διαλέκτου. Т. II. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 1986.
- Costakis 1987 – Κωστάκης Θ. Π. Λεξικό Τσακωνικῆς διαλέκτου. Т. III. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 1987.
- Deffner 1875 – Deffner M. Zakonisches // Monatsbericht der königliche preussische Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Bd. 18. 1875. S. 15–30.
- Deville 1866 – Deville G. Étude du dialecte Tzacorien. Thèse pour le doctorat présentée à la Faculté des lettres de Paris. Paris: Imprimerie Ad. Lainé et J. Havard, 1866.
- Du Boulay 1974 – Du Boulay J. Portrait of a Greek Mountain Village. Oxford: Clarendon Press, 1974.
- Fedchenko 2013 – Fedchenko V. Subdialectal Diversity in the Tsakonian Speaking Area of Arkadia // Janse M., Joseph B. D., Ralli A., Bagriacik M. (eds.). Proceedings of the 5th International Conference of Modern Greek Dialects and Linguistic Theory (MGDLT 5). Ghent, Belgium, September 20–22, 2013. Patras: University of Patras, 2013.
- Gregoras 1829 – Bekker I., Schopen L. Nicephori Gregorae historiae Byzantinae // Corpus scriptorum historiae byzantinae Vol. I. Bonn: Weber, 1829.

- Kontosopoulos 2001 – Κοντοσόπουλος Ν. Γ. Διάλεκτοι και ιδιώματα της νέας ελληνικής. Αθήνα: Εκδόσεις Γρηγόρη, 2001.
- Kopitar 1822 – Kopitar J. B. *Josephi Dobrowsky, presbyteri, AA. LL. et philosophiae Doctoris, Societatis Scientiarum Bohemicae et aliarum membri, Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris, quae quum apud Russos, Serbos aliosque ritus graeci, tum apud Dalmatas Glagolitas ritus latini Slavos in libris sacris obtinet. Cum tabulis aeri incisus quatuor. Vindobonae, sumtibus et typis Antonii Schmid, C. R. P. typographi, 1822 // Jahrbücher der Literatur. 1822. Bd. 17. S. 66–107.*
- Korais 1805 – Κοραΐς Α. (επιμ.). Πρόδρομος Ἑλληνικῆς Βιβλιοθήκης: περιέχων Κλαυδίου Αἰλιανοῦ τὴν Ποικίλην Ἱστορίαν, Ἡρακλείδου τοῦ Ποντικοῦ, Νικολάου τοῦ Δαμασκηνοῦ τὰ Σωζόμενα. Οἷς προσετέθησαν καὶ βραχεῖαι σημειώσεις, καὶ Στοχασμοὶ αὐτοσχέδιοι περὶ τῆς Ἑλληνικῆς παιδείας καὶ γλώσσης. Φιλοτίμῳ δαπάνῃ τῶν Ζωσιμάδων, παιδείας ἕνεκα τῶν τὴν Ἑλλάδα φωνὴν διδασκομένων Ἑλλήνων. Ἐν Παρισίοις: Ἐκ τῆς Τυπογραφίας Φιρμίνου Διδότου, 1805.
- Leake 1830 – Leake W. M. *Travels in Morea. In Three Volumes. Vol. II. London: Cambridge University Press, 1830.*
- Lekos 1920 – Λεκός Μ. Α. Περὶ Τσακόνων καὶ τῆς Τσακωνικῆς Διαλέκτου. Ἀθήναι: Τύποις Παπαπαύλου, 1920.
- Manolessou, Beis 2006 – Manolessou I., Beis S. *Syntactic Isoglosses in Modern Greek Dialects: The Case of the Indirect Object // Janse M., Joseph B. D., Ralli A. (eds.). Proceedings. 2<sup>nd</sup> International Conference of Modern Greek Dialects and Linguistic Theory (MGDLT2). Patras: University of Patras, 2006. P. 236–255.*
- Mantouvalou 2013 – Μαντουβάλου Μ. Τσάκωνες, το θρακικό φύλο Καύκωνες. Доклад, прочитанный на конференции «Z' Τσακόνικο συνέδριο». 27–28 септября 2013 г.
- Mazaris 1975 – Mazaris' *Journey to Hades: or, Interviews with Dead Men about Certain Officials of the Imperial Court. Greek Text with Translation, Notes, Introduction and Index (Seminar Classics 609). Buffalo: Department of Classics, State University of New York at Buffalo, 1975 (= Arethusa Monographs. No 5).*
- Mirambel 1929 – Mirambel A. *Étude descriptive du parler maniote méridional // École Française d'Athènes, Travaux et Mémoires. Fasc. 1. Paris: de Boccard, 1929.*
- Mullach 1856 – Mullach F. W. A. *Grammatik der Griechischen Vulgarsprache in historischer Entwicklung. Berlin: F. Dümmler, 1856.*
- Oikonomos 1830 – Οικονόμος ὁ ἐξ Οικονόμων Κ. Περὶ τῆς γνήσιας προφορᾶς τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης βιβλίον. Ἐν Πετροπόλει: Ἐν τῇ Τυπογραφίᾳ τοῦ ἐπὶ τῆς Δημοσίου Παιδείας Ὑπουργείου, 1830.
- Pachymeres 1984 – Failler A., Laurent V. *Georges Pachymérés. Relations historiques // Corpus fontium historiae byzantinae. Series Parisiensis. Vol. 24.2. Paris: Les Belles Lettres, 1984. P. 329–667.*
- Pagoulatos 1947 – Παγουλάτος Σ. Α. Οἱ Τσάκωνες καὶ τὸ περὶ τῆς Κτίσεως τῆς Μονεμβασίας Χρονικόν. Ἐν Ἀθήναις: β. κ., 1947.
- Petakos 2003 – Πετάκος Χ. Δ. Ο Τσακόνικος Χορός. Αθήνα: Ζαχαρόπουλος, 2003.
- Porphrogenitus 1829 – Reiske J. J. *Constantini Porphyrogeniti imperatoris de cerimoniis aulae Byzantinae libri duo. Vol. 1 // Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonn: Weber, 1829. P. 386–807*

- Pouqueville 1820 – Pouqueville F. C. H. L. Voyage dans la Grèce. T. 4. Paris: Chez Firmin Didot, Père et Fils, 1820.
- Pseudo-Codinus 1966 – J. Verpeaux, Pseudo-Kodinos. Traité des offices [Le Monde Byzantin 1. Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1966]
- Ralli 2006 – Ralli A. Syntactic and Morphosyntactic Dialectal Phenomena in Modern Greek: The State of the Art // Journal of Greek Linguistics. 2006. Vol. 7. P. 121–159.
- Spratt 1865 – Spratt T. A. B. Travels and Researches in Crete. Vol. I. London: John van Voors, Paternoster Row, 1865.
- Symeonidis 1972 – Συμεωνίδης Χ. Οι Τσάκωνες και η Τσακωνιά. Συμβολή στην ερμηνεία των ονομάτων και του ομωνύμου βυζαντινού θεσμού των καστροφυλάκων. Θεσσαλονίκη: Κέντρο Βυζαντινών Ερευνών, 1972.
- Tetoros, Poulakidakos 2002 – Τετώρος Στ. Ι., Πουλακιδάκος Γ. Σ. Πραστός. Η παλιά πρωτεύουσα της Τσακωνίας. Αθήνα: Έκδοση Πολιτιστικού συλλόγου Αγίου Ανδρέα – Πραστού, 2002.
- Thumb 1894 – Thumb A. Die ethnographische Stellung der Zakonen // Indogermanische Forschungen. 1894. Bd. 4. S. 195–213.
- Trudgill 2003 – Trudgill P. Modern Greek Dialects. A Preliminary Classification // Journal of Greek Linguistics. 2003. N 4. P. 45–64.
- Vagenas 1971 – Βαγένας Θ. Κ. Ιστορικά Τσακωνίας και Λεωνιδίου. Αθήναι: Δήμος Λεωνιδίου, 1971.

**M. Kisilier. Tsakonia and Tsakonians:  
historical and philological approach**

Modern dialect studies stretch far beyond the dialect description, reevaluation of known isoglosses and introduction of the new ones. A wider historical and philological context should be taken into account, as it is the only way to ensure relevancy of the material and its proper interpretation. Hellenic Institute of St. Petersburg State University together with the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences organized multiple expeditions to the Tsakonian speaking area of Peloponnese. The collected material include very interesting information on the history of the region along with unique linguistic data. If the description of most peculiar dialect features has already been published elsewhere, this article introduces non-linguistic data, i. e. history of Tsakonians from the 10<sup>th</sup> century AD till nowadays. Detailed scrutiny of both linguistic and non-linguistic data made enabled us to propose a new etymology of the term ‘Tsakonians’ and to demonstrate that it has nothing to do with the national identity.

*Keywords:* Modern Greek dialects, the Tsakonian dialect, the term ‘Tsakonians’.

М. В. Домосилецкая

## ИСТОРИЯ ОДНОГО ОРИЕНТАЛИЗМА (алб. *XHEP* – рус. *ЗЕПЬ*)<sup>1</sup>

В статье рассматривается история исходного арабского этимона *jaib* ‘карман’, проникшего через тюркское посредничество (*cep*) в албанский (*xher*) и русский (*зепь*, *зен*) языки. Устанавливается приблизительный период существования слова в обоих языках. Сопоставляются: развитие семантики, степень усвоенности в общенародном узусе, отражение в словообразовании и в современной фразеологии.

*Ключевые слова:* история слов, ориентализмы, турцизмы, семантика, фразеология, русская устаревшая лексика.

Исходным этимонам, о котором пойдет речь, следует полагать араб. *jaib* ‘карман’, что было заимствовано в иранский и закрепилось там точно в том же «облике» – *jaib*, а затем проникло в турецкий как *cep* (1533 г.)<sup>2</sup> ‘карман’, *ceb* (1612 г.) ‘мешочек, кошелек’, *ceyb* (1680 г.). В. И. Абаев писал: «Это малозначительное на первый взгляд слово показало огромную способность к экспансии, вошло почти во все иранские, тюркские и кавказские языки, в ряд финских и т. д.» (цит. по: Шипова 1976: 138).

Слово является общепризнанным, давно усвоенным языками балканского региона турцизмом: БОЛГ. *джоб*, *джеб* т. ‘карман’, разг. ‘деньги, материальное благополучие’, см. также из тур. ~ *ağızlığı* > болг. диал. *дждпазльк* т. ‘ткань для обшивки кармана’; ~ *harçlığı* ‘карманные деньги’ > болг. разг. *джеб-харчльк*, *джеб-харашилък*, *джеб-арашилък* т. id., ~ *parası* id. > болг. разг. *дждб-парасъ* т. id; МАКЕД. *џоб* ‘карман’ > *џепарлак* ‘чаевые’; СЕРБ., ХОРВ. *џеп* т. ‘карман’, ср. также *džep* (1728 г.), *џер* (1766 г.), *džép* (XVIII в.), *žep* > *џепарац*, *џепаш* т. ‘карманные деньги’, *џепарош* т. ‘вор-карманник’, *џепарошки* adj. ‘воровской’, *џепни* adj. ‘карманный’; РУМ. (сев. Транс.) *jeb*,

<sup>1</sup> Использованы материалы рукописного словаря «Туркизмы в языках Юго-Восточной Европы (опыт сводного описания историко-лексикологических и этимологических данных)», сост. А. Х. Гирфанова, Ю. А. Лопашов, С. Петрович, Н. Л. Сухачев – грант РФФИ, проект 12-04-00335а.

<sup>2</sup> В круглых скобках дана ссылка на первую письменную фиксацию слова в языке.

*jer* n. ‘карман’, а также (?) *jaf* n. ‘грабёж’ > *jefui* vb. ‘грабить’, (?) *járcǎ* f. ‘грабёж’ (< болг. *жапка* ?), редко *járcǎn*, *jerca* m. ‘грабитель, громила’ > *járcǎni* vb. ‘(о)грабить’; Н.-ГРЕЧ. *τσέπι* ‘карман’, *τζέπη* (1659), *ντζέπη* (1709), сев. *τσ’опс*, *τσιόпс*, *τс’έпи*, (зап. Макед.) *τс’юп* (Ανδριώτη 1967: 383); АРУМ. *ğeápe*, *ğépe*, *ğiópe* f. ‘карман’ f. (Papañagi 1974: 631) (по: Тюркизмы 2014). Здесь особо следует подчеркнуть относительное богатство *исконных* словообразовательных моделей от тур. *ser* в сербском, хорватском и румынском.

Время первой фиксации данного турцизма в албанском неизвестно. В современном албанском *xher* m. ‘карман’ – общенародное, также как и в других балканских языках, давно усвоенное слово-турцизм с устоявшейся семантикой. В несколько ином значении встречается лишь в северных албанских диалектах *zhab* ‘кисет’ (Шкодра) (Latifi 2006: 107, 466–467). Слово также включено в специальные составные термины, основанные на способе метафоризации: ‘полость, пустота в земле, вызванная природными процессами’ (напр. *xher gasi* ‘газовый карман’<sup>3</sup>, *xher nafte* ‘нефтяная полость (месторождения)’), *xherat e bilardos* букв. ‘карманы бильярда’ = ‘лузы в бильярде’, *xherat e syve* букв. ‘карманы глаз’ = ‘глазницы’. Кроме того слово используется в переносном (метонимическом) значении ‘деньги, средства, доход’: *me xherin e huaj* ‘за чужой счет, букв. чужим карманом’, *e ka xherin plot* ‘имеет полный карман, с полным карманом, т. е. богатый’; *i mbushi xherat* букв. ‘заполнил себе карманы’ = ‘разбогател’; *i zbrazi xherat* ‘у него опустели карманы, т. е. обеднел’; *e ka xherin të shpuar* букв. ‘имеет проколотый карман’ = ‘в кармане нет даже мелких денег, ни гроша в кармане’; *kruan xherat* ‘скрести по карманам’ = ‘id.’. *Xher* глубоко освоено и албанской фразеологией: *e ka në xher (diçka)* букв. ‘иметь что-то в кармане’ = ‘все в порядке, дело сделано’, ср. рус. ‘дело в *шляпе*’; *e futi në xher* букв. ‘засунуть (что-либо) в карман’ = ‘присвоить, сделать своим’; *nuk më hyn (gjë) në xher* букв. ‘мне ничего не входит в карман’ = ‘мне нет в этом никакой пользы, выгоды’; *e vë (e fut, e ruaj) në xher* букв. ‘класть что-л. в карман, хранить, беречь что-л. в кармане’ = ‘внимательно выслушать, запомнить и не забывать, что тебе сказали’, ср. рус. ‘зарубить себе на носу, намотать себе на ус’; *nuk vihet në xher* букв. ‘не кладется в карман’ = ‘не сдерживает клятву, не держит слово’ и др. (Fjalor 2006).

<sup>3</sup> Пустота, вызванная поглощенным газом.



Подобно румынскому, хорватскому и сербскому, албанский обладает большим количеством *собственных* лексических образований: *xhepash* m. ‘карманник’, *xhepgrisur* mb. букв. ‘с рваным карманом’ = ‘транжира, мот’, *xhepshpuar* mb. букв. ‘с проколотым карманом’ = ‘id.’; *xhepthatë* mb., m. букв. ‘с сухим карманом’ = ‘без денег в кармане, бедный’; *xhepzbrazur* mb., m. букв. ‘с опустевшим карманом’ = ‘id.’; *xhepor* m. ‘сумчатое животное’.

\* \* \*

В русском языке слово *зепь* ‘калита, котомка, дорожная заплечная сумка, кожаная или из плотной ткани, небольшого размера, или поясной кожаный, замшевый или матерчатый карман для денег и мелочей’ (Беловинский 2003: 256) является историзмом и относится к сфере устаревшей, неактивной лексики.

В древнерусском языке слова не обнаруживается (Срезневский 1989; СРЯ XI–XIV 1990). Первые памятники письменности, где встречается лексема *зепь*, относятся к концу XVI – началу XVII вв. Слово могло выступать как в женском, так и в мужском роде (*зепь*, *зепь*) и обладать следующими значениями: 1) ‘карман’ (1600 г. Новгород «...*да к той же ряске куплено на зепи аршинъ крашенины лазоревы*»; 1639, Смоленск), 2) ‘мошна, кошель, подвешивающийся у пояса; котомка’ (1617 г.; 1684 г. Москва; 1689 г. Рязань), 3) ‘длинный пристенный ящик, служивший лавкой и шкафом для посуды; залавок’ («*чпагъ – зепь, или в горницах на стѣнях залавки з затворами*» (Азбуковник 1654 г.) (СРЯ XI–XVII 1978: 383). Толкование слова *чпаг* через ‘зепь’ здесь подтверждает, что рассматриваемое слово в употреблении было понятным и обычным. Однако это значение рано и бесследно утрачено. Дольше сохранились значения ‘мошна’, ‘сумка’, ‘котомка’, ‘карман’. XVII веком датируется и прилагательное *зепный* / *зепный*: «*часы боевые зепные, кожух мѣдной*» (1672 г.); «*2 полотенца зепныхъ же, шиты золотомъ и шолкомъ*» (1675 г.) (ibid.) В XVII в. слово явно было широко употребительно в разговорном языке, о чем свидетельствует включение его в русско-английский разговорник Ричарда Джемса 1618–1619 гг. Слово фигурирует в нем на странице 21b в виде *Zape* и приписано справа к статье *Corman* (Ларин 1959: 100).

Последние отголоски использования этого слова в речи были зафиксированы в XVIII веке. Для него характерно употребление в форме женского рода *зепь* (*зѣнь*, *зеп*) и только в значениях ‘карман, мошна’: «*Доходы умалились, пусты стали*

*зепи»; «...в выемкѣ дер. Мокрой укр. из зепи денег 15 рубл.»; «Примѣтил он, что нѣкакаго роду широкая зепь, которая была при пустыникѣ, казалася быть разширена и надута» (СРЯ XVIII 1995: 175).*

В XIX в. слово отмечается только как диалектное. В словаре В. Даля *зепь* (*зебь, зобь* ?) ж. выступает в основном как нижегородское и пермяцкое в значениях ‘карман, мошна; сумка, котомка; карман-лакомка, привесный; калита’ (Даль 1955а: 680). *Клади в зепь орехи, да гляди, нет ли прорехи! Хвалился за зепь, ан ничего взять! И у подъячего пуста будет зепь, как на шее цепь* В псковских и тверских оно получило явно метафорическое значение ‘горло, хайло, глотка’. Существовало также диалектное прилагательное *зепный* ‘карманный’ и диалектные глаголы: *зепать* ‘кричать, зевать, вопить, орать во все горло’ (псковск. и пензенск.) (отсюда *зепя, зепала* ‘крикун’ (ibid.) и *о(б)зепиться* ‘обложиться, положить или сунуть что-то мимо зепи, кармана’ (вост.) (Даль 1955b: 582).

Существует несколько версий происхождения рус. *зепь*.

1) «Арабская». Как ни удивительно это условное наименование, нельзя сбрасывать со счетов, что с VIII в. у восточных славян завязываются энергичные торговые сношения с арабами. Этот «арабский период» торговли продолжается приблизительно до X в. Контактная торговля с арабами шла главным образом по Волге и ее притокам. С верховьев Волги арабские купцы продвигались на север к Балтийскому морю. После разрушения Болгара «руссами» в 969 году арабы стали искать пути на северо-восток, добрались до Пермского края и Печоры. В XI-XII вв. в связи с распадом Арабского халифата, засильем половцев в южнорусских степях, началом крестовых походов, а затем с проникновением западноевропейских купцов к Черному морю были нарушены многие древние арабские традиционные торговые пути. Однако три предыдущих века активных славяно-арабских экономических связей вероятнее всего могли отразиться на восточнославянской лексике, так или иначе связанной с торговым оборотом, деньгами и под. К таким заимствованиям можно было бы очень предположительно отнести и *зепь*. Но этому *противоречат следующие факты*. а) Отсутствие фиксации русского слова ранее, чем в документах XVI-XVII вв. б) Археологических следов пребывания арабских товаров в Киеве и Чернигове огромное количество, однако следов безоговорочных *непосредственных* заимствований из арабского в галицко-волынские говоры, легшие в основу украинского языка, нет, как

нет в украинском и отголосков самого слова *зепь*. Нет следов слова и в белорусском языке, на что справедливо указывал И. С. Козырев (Козырев 1974: 18, 22).

2) «Тюркско-татарская». М. Фасмер, сравнивая *зепь*, с одной стороны, с болг. *джеб*, сербохорв. *дџѐп*, словен. *žèp*, а с другой, сближая с пермской подгруппой финно-угорских языков – удм. *džep*, *žep* и коми *džep*<sup>4</sup> в том же значении (по-видимому, из чувашского), рассматривает слово как непосредственное заимствование из тюрко-тат. (ср. тур., азерб. *džeb* ‘карман’) (Фасмер 1986: 95). См. также у Н. В. Горяева: народн. *зепь* (серб. *џèп*) из тюрк. *џе(i)б* от араб. *ǧaib* (Горяев 1896: 116). Безоговорочным тюркизмом, воспринятым от поволжских татар и усвоенным прежде всего *севернорусскими* говорами, считает рус. *зепь* И. С. Козырев. Исследователь предполагает его позднее проникновение в русский – на рубеже XVI–XVII вв. (Козырев 1974: 17). Вхождение же самого арабизма в тюркские языки Поволжья можно объяснить следующим образом: еще до XI–XII вв. арабские купцы по Каспийскому морю доходили до устьев Волги и затем вверх по реке достигали столицы волжских болгар.

3) «Южнославянская». Г. В. Судаков считает слово *зепь* ‘карман в одежде для денег и бумаг’ *общерусским*, проникшим из турецкого через южнославянское посредничество в XVI веке. Опираясь на данные письменных источников, он приходит к выводу, что *зепь* употреблялось географически в XVI–XVII веках очень широко: в Москве, Коломне, Ельце, Дедилове (Тульский край), Астрахани, Смоленске, Великом Новгороде, Пскове, Великом Устюге, на Онеге. Это опровергает, с его точки зрения, утверждение И. С. Козырева о распространении слова *зепь* преимущественно в севернорусских говорах и о его заимствовании от волжских татар (Судаков 1989: 115; Судаков 1984: 103).

*Выводы.* В албанском *xher* – активный элемент современного литературного языка, о чем свидетельствует и употребительность слова, и включенность его в систему собственно албанского словообразования, и богатство фразеологии с данным словом. Непосредственным источником албанского слова явно послужил соответствующий турецкий компонент лексики Османского периода (XV–XVIII вв.).

Рус. *зепь* является глубоко устаревшим словом, недолго существовавшим с рамках общенародного языка (XVI–XVIII вв.),

---

<sup>4</sup> Ср. совр. морд. *зеп* ‘карман’.

уже в XIX в. осевшим исключительно в диалектах. Хотя рус. *зепь* обладало и глагольными и адъективными производными, в сферу образного вербального восприятия мира оно не вошло; в систему современной фразеологии, зачастую консервирующей устаревшие понятия и реалии<sup>5</sup>, оно включено не было. Однако, в отличие от алб. *xher*, обладающего очень узкой семантикой ‘карман’, рус. *зепь* могло покрывать очень широкое семантическое поле: ‘дорожная заплечная сумка’, ‘поясной карман для денег и мелочей’, ‘карман’, ‘мошна, сумка’, ‘длинный пристенный ящик, служивший лавкой и шкафом для посуды’ и др. Именно этот широкий семантический спектр одной чужеродной лексемы, ненадолго задержавшейся в языке, может дать нам право предположить, что этот тюркизм мог проникать в разные русские территориальные диалекты самостоятельно и параллельно. Если путь вхождения ориентализма *xher* в албанский относительно ясен, то происхождение русского *зепь* остается туманным: правдоподобно, что это один из многочисленных тюркизмов османской эпохи XVI–XVII вв. (предположительно опосредованных южнославянскими языками), либо довольно поздний поволжский тюркский (татарский) элемент.

### Литература

- Беловинский – Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории (XVIII – начало XX в.). М.: Олма-Пресс, 2003.
- Горяев 1896 – Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.
- Даль 1955a – Даль Вл. Толковый словарь. Том. I. М., 1955.
- Даль 1955b – Даль Вл. Толковый словарь. Том. II. М., 1955.
- Козырев 1974 – Козырев И. С. К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке // Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974. С. 9–25.
- Ларин 1959 – Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618-1619 гг.). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1959.
- СРЯ XI–XIV 1990 – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Том III. М.: Русский язык, 1990.
- СРЯ XI–XVII 1978 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М.: Наука, 1978.
- СРЯ XVIII 1995 – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 8. СПб.: Наука, 1995.

<sup>5</sup> Ср. «Заруби на носу», где *нос* ‘переносная памятная дощечка для зарубок’; «Гол как сокол», где *сокол* – ‘стенобитная машина в виде гладко обработанного подвешенного на цепях бревна с железным наконечником’.

- Срезневский 1989 – Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Том первый, часть 2. М.: Книга, 1989.
- Судаков 1989 – Судаков Г. В. Были о словах и вещах. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1989.
- Судаков 1984 – Судаков Г. В. В чем носили деньги древние русичи? // Русская речь. 1984. №2. С.99-104.
- Тюркизмы 2014 – Гирфанова А. Х., Лопашов Ю. А., Петрович С., Сухачев Н. Л. Тюркизмы в языках Юго-Восточной Европы. (Опыт сводного описания историко-лексикологических и этимологических данных). СПб.: ИЛИ РАН. Рук. по состоянию на 2014 год.
- Фасмер 1986 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. 2-е изд. Том 2. М.: Прогресс, 1986.
- Шипова 1976 – Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука Казах. ССР, 1976.
- Fjalor 2006 – Fjalor i gjuhës shqipe. Red. shk. Thomai J. Tiranë, 2006.
- Latifi 2006 – Latifi L. Mbi huazimet turke në gjuhën shqipe, krahasuar me gjuhët e tjera të Ballkanit. Tiranë, 2006.
- Rapahagi 1974 – Rapahagi T. Dicționarul dialectului aromân general și etimologic. București, 1974.
- Ανδριώτη 1967 – Ανδριώτη Ν. Π. Ἑτυμολογικό λεξικό της κοινῆς Νεοελληνικῆς. Φεσσαλονίκη, 1967.

**M. V. Domosiletskaya. The history of an oriental word  
(Alb. *xhep* – Rus. *зень*)**

The original word to be discussed is Arab. *jaib* ‘pocket’ which was borrowed into Iran. as *jaib* and then into Osman Turkish as *cep* ‘pocket’, later ‘purse, pouch’.

Unlike Serbian, Croatian and Greek, the exact time of the entry in Albanian is unknown. As in many other Balkan languages in modern Albanian *xhep* ‘pocket’ is a fairly common and adopted turkism with stable semantics. Only the North-Western Albanian dialects have the notion ‘tobacco pouch’. The word is widely used in modern Albanian terminology as a metaphorical element (*xhep gasi*, *xhepat e syve* etc.) and in phraseology (*me xhepin e huaj*, *i mbushi xhepat* etc). The word has a big derivational potential (*xhepush*, *xhepthatë*. *xhepor* etc.). Everything proves it to be an active element of common standart Albanian, borrowed from Osman Turkish (15<sup>th</sup> – 18<sup>th</sup> centuries).

Rus. *зень* ‘shoulder bag; wallet; waist fabric or leather pocket for money’ is an archaism and belongs to the old inactive vocabulary. It was not used in Old Russian. The first Russian written monuments to provide evidence of this word belong to the end of the XVI–beginning of the XVII cent. There *зень* meant: 1) ‘pocket’ 2) ‘shoulder bag; burse; waist fabric or leather pocket for money; swag’; 3) ‘long chest near the wall for sitting and storing utensils’. Last traces of the word belong to documents of the 18<sup>th</sup> century. In the 19<sup>th</sup> century the word was found only as a dialectism (Nizhniy Novgorod, Perm region, and as a metaphor in Pskov and Tver region).

Thee versions of the origin of Rus. *зень* are analysed briefly: 1) «Arab», 2) «Turkic-Tatarian», 3) «South-Slavic». It may be considered as one of the numerous Turkish loan-words of the Osman period (16<sup>th</sup>–17<sup>th</sup>

centuries), which might have been borrowed through the mediation of South Slavic; or rather it may represent a late Turkic-Tatar element of the Volga region. It is the wide semantic “spectrum” of this alien word, which existed for only two centuries in Russian, that provides grounds for the assumption that in different Russian dialects *зень* should have been borrowed in a independent and parallel way.

*Keywords:* history of words, oriental words, Turkish loan-words, semantics, Russian *зень*, Russian archaisms.

А. Н. Левичкин, Н. Л. Сухачев

**ЛИЧНОЕ ИМЯ КЭЛИН  
В ПОЭЗИИ М. ЭМИНЕСКУ И ФОЛЬКЛОРЕ  
(рум. *Călin*, -а т., ф., рус. *калина*, *Калин-царь* и др.,  
тур. *gelin* ‘невеста’, ср.-тюрк. *kälin id.*)\***

Рассматривается предположительная этимология румынского имени Кэлин(а) – личное имя, патроним, топоним. Привлекаются лексические изоглоссы балканских языков и данные восточнославянского фольклора. Гипотетически рум. *Călin*, -а т., ф. < ? куман. ← ср.-тюрк. *kälin* ‘невеста’ (ср. осм. *gälin id.*); ср.-тюрк. *kälin* рус. ↔ ? *калина* ‘*Viburnum opulus*’ → символ невинности невесты.

*Ключевые слова:* Балканистика, румынский язык, фольклорная лексика, историческая лексикология, народная этимология, тюркизмы.

Поэма М. Эминеску (1850–1889) «Кэлин (страницы сказок)» (“*Călin (file din povești)*”, 1876)<sup>1</sup> представляет собой реминисценции на темы румынского фольклора. Основной ее персонаж отчасти приближается по своей «мифической» природе к центральному образу романтической поэмы «Лучафэр» (“*Luceafăr*”, 1882)<sup>2</sup>, повествующей о любви бессмертного небесного духа к дочери земного короля и вобравшей различные мотивы философской лирики Эминеску<sup>3</sup>. Лирический герой Кэлин (*Călin*), мог быть наречен поэтом по соответствию с женским именем Кэлина (*Călina*)<sup>4</sup>.

---

\* Использованы материалы рукописного словаря «Тюркизмы в языках Юго-Восточной Европы (опыт сводного описания историко-лексикологических и этимологических данных)», сост. А. Х. Гирфанова, Ю. А. Лопашов, С. Петрович, Н. Л. Сухачев – грант РГНФ, проект 12-04-00335а. Ср. англ. вариант первой части статьи: Sukhachev 2012.

<sup>1</sup> См.: Eminescu 1958: 61–69; Эминеску 1958: 135–142 – пер. Н. Вержейской; Антология... 1958: 247–252 (тот же перевод). Изд.: Eminescu 1939–1969. Vol. 1–6; 1958, подготовлены Перпессичиусом – псевд. поэта и литературного критика Д. С. Панаитеску (1891–1971).

<sup>2</sup> См.: Eminescu 1958: 130–143; Эминеску 1958: 243–254 – пер. Ю. Кожевникова и И. Миримского. Антология... 1958: 270–274 (тот же перевод).

<sup>3</sup> О творчестве Эминеску, напр., см.: Кожевников 1968; ср. Up to the Star... 2000.

<sup>4</sup> Имя *Călin(a)* у румын редкое (ср. и фамилии Liviu Călin, Călinescu); более привычным оно стало не без влияния Эминеску. Женское имя отмечено в народной сказке «Кто всех краше?», записанной близ Ясс

Вынесенное в заглавие статьи имя известно и по наброску сказки «Кэлин-безумец», задуманной юным Эминеску в прозе (сюжет см. в: *Călinescu* 1969. 1: 252–253)<sup>5</sup>.

Кэлин-безумец вслед за *умными* братьями отправляется на поиски жены. Он похищает огонь из очага двенадцати драконов, проникает в спальню дочери Красного короля, которую застаёт спящей, и надевает ей на палец кольцо. После многих смертельных схваток с драконами Кэлин приходит на условленное место встречи вместе с тремя принцессами – среди них, понятно, и дочь Красного короля. Братья принцесс забирают, а Кэлину отрубают ноги. Безногий герой сказки встречает безрукого королевича. Вдвоем они одолевают мать драконов, отыскивают живую воду и возвращают себе руки и ноги. Вновь оказавшись во дворце Красного короля, побратимы узнают, что вторую его дочь выдают замуж за мнимого победителя драконов. Предъявив отрезанные драконьи языки, герой разоблачает лжеца. Королевская дочь выходит замуж за названного брата Кэлина. И вот, Кэлин возвращается домой. По пути он опознает своего сына в сельском пастушке, чью мать его братья заставили стеречь кур. Братьев он убивает.

Сюжет поэмы «Кэлин (страницы сказок)» далек от приведенного.

В экспозиции представлен реалистический ночной пейзаж и приводится столь же реальное описание спальни царевны, куда герой проникает еженощно, не преодолевая никаких сказочных препятствий. Царевна сохнет от любви, затем убегает из дворца и тайно родит сына. В завершающей части поэмы некий витязь, бредущий по тропинке осеннего леса, встречает пастушка, которого зовут так же, как и неведомого путника. В крестьянской хижине герой воссоединяется со своей возлюбленной. Финал поэмы – красочное описание королевской свадьбы, и за тем же пиршественным столом затевают свадьбу насекомые.

Имя лирического героя упоминается в тексте трижды: в сцене узнавания сына и последующем эпизоде свадьбы.

---

(см.: Sevastos 1892; ср.: Şăineanu 1978: 494–495) и опубликованной после смерти поэта, который мог ее не знать, хотя он жил в Яссах (в 1874–1876 гг.).

<sup>5</sup> Сказка о Кэлине могла быть записана от некой монашки Занаиды (Zanaida) в скиту Агафтон близ Ботошань, когда поэт навещал свою тетю Февронию Юрашку (осень 1874 г.), см.: *Călinescu* 1964: 201.



– «*Cum te cheamă, măi copile?*» – «*Ca pe tată-meu – Călin; / Mama-mi spune câteodată, de-o întreb: a cui-s, mamă? / “Zburătoru-ți este tată și pe el Călin îl cheamă”*» (Eminescu 1958: 66), – «Как зовут тебя, эй малый?» – «как отца зовут – Кэлин; / Мама говорит порою на вопрос мой, чей я, мама? / “Збурэторул твой отец, а его зовут Кэлин”»<sup>6</sup>.

Образ Кэлина скорее романтический, чем сказочный<sup>7</sup>: один из его эпитетов – *voinicul* ‘витязь’; другой – *Zburătorul*. В румынском фольклоре Збурэторул отмечен уже Д. Кантемиром (1673–1723)<sup>8</sup>.

Поэма «Лучафэр», восходящая в зародыше к начатой, но незаконченной студентом Эминеску философской сказке в стихах «Девушка в золотом саду» (“*Fata în grădina de aur*”, 1872–1874)<sup>9</sup>, но и к замыслу поэмы «Демонизм» (“*Demonism*”) того же периода (Calinescu 1969. 1: 10–13), обнаруживает, реминисцен-

<sup>6</sup> В переводе Н. Вержейской аналогия между *Кэлином* и *Збурэторул* размыта: «Как зовут тебя, скажи мне?» – «Как отца. Мы с ним похожи. / Мать всегда мне говорила: «Ты запомни, милый сын, Твой отец волшебник дивный, и зовут его Кэлин» (Эминеску 1958: 140)

<sup>7</sup> «Кэлин» представляет собой «...в форме творческой переработки народного повествования, прежде всего, песнь, насыщенную любовной страстью и радостью любви...» (Nicolescu 1965: 323).

<sup>8</sup> Ср.: «*Zburătorul, i[d] e[st] “volatilis”...*» (лат., букв. ‘Збурэторул, т. е. ‘летающий’...’): «...этот образ почитают прекраснейшим юношей, проникающим по ночам к девушкам, особенно к невестам, так что такого летуна другим увидеть невозможно, и всю ночь он бесчестит их запретную любовь. Но мы слышали, что иные мужья, чью грудную клетку Титан создал из более прочной глины, ловили подобных богов-летунов, и, удостоверившись, что они существа телесные, наказывали их по заслугам». – Кантемир 2011: 156, 276. С названным поверьем сопрягается бытующий в тюркском фольклоре женский образ Гелин (тур. *Gelin*) – это «женщина-демон, совращающая юношей, восстающая из могил и убивающая их», – см.: Öztürk 2009: 403. (Авторы признательны за это уточнение А. Х. Гирфановой).

<sup>9</sup> Ее прототип – одноименная сказка из книги немецкого путешественника Р. Куниша (Kunisch 1861): на сходство с этой сказкой поэмы «Лучафэр» почти сразу же после ее публикации (15–27 мая 1883) указал М. Гастер (Gaster 1883: 549). Перпессичиус приводит заметку М. Эминеску на полях одного из пяти вариантов поэмы (вариант В): «В описании путешествия по румынским землям германец К. рассказывает легенду Лучафэра. Это сказка. Но аллегорический смысл, который я ей придал, в том, что, если дух (*geniul*) не ведает ни смерти <...> здесь, на земле, он не способен осчастливить кого-либо, и не способен к счастью <...> Мне показалось, что судьба сказочного лучафэра очень похожа на судьбу земной души (*geniului*), и я придал ему этот аллегорический смысл» (Eminescu 1943. 2: 403–404).

ции из целого ряда юношеских и более поздних сочинений поэта<sup>10</sup>, вплоть до текстовых совпадений. Кроме того, тема любви земной девушки и небесного духа (или змѣя) широко распространена в фольклоре и литературе<sup>11</sup>. Столь же часто встречаются осмысления звезды как идеала любви, например, у поэта В. Александри:

*Stea dulce și iubită a sufletului meu...* ‘сладостная и любимая звезда моей души...’ (Alecsandri 1966. 1: 87), или же: *Mergi și furi de pintre stele / Un luceafăr luminos, / Și pe fruntea scumpei mele / Să-l anin...* ‘Иди и укради меж звезд / Светлую вечернюю звезду, / И на чело своей любимой / Я ее помещу...’ (ibid.: 101).

В поэме «Лучафэр» соперником бессмертного духа, практически утратившего inferнальные черты фольклорного персонажа Збурэтора<sup>12</sup> – только небесное происхождение и репутация «летуна» роднят его с протагонистом «сказочной» поэмы «Кэлин...» – оказывается плутоватый виночерпий Кэтэлин. Его предпочитает королевская дочь Кэтэлина, изменившая своему слишком возвышенному идеалу. Отмечалось, что сближение имен Кэтэлин и Кэтэлина<sup>13</sup> как бы *приземляет* чрезмерно обобщенный образ романтической героини поэмы «Лучафэр»:

«...нельзя исключить сходства звукового состава имени Кэтэлин с именем Кэлин – персонажа поэмы Эминеску “Кэлин (странницы сказки)” и сказки “Кэлин-Безумец”, о котором говорится, что оно совсем не случайно<sup>14</sup>. Известно, что персонаж Кэлин является проекцией, воплощением загадочного Збурэтора из народного поверья румын, а отличие статусов и поведения Кэлина и Кэтэлина, – говорит П. М. Горча, – минимально; настолько, что самая прекрасная дева из “Лучафэра” может поверить, как и

<sup>10</sup> Так, отмечалось сходство с незаконченной же поэмой «Сказка о маге, путешественнике к звездам» (“Povestea magului călător în stele”, 1872) (Куруч 1959), в свою очередь перекликающейся с поэмой «Мурешан» (“Mureșan”, 1869); см.: Călinescu 1969. 1: 17,–23, 24–33.

<sup>11</sup> Если иметь в виду только предшественников Эминеску, можно упомянуть балладу И. Хэлиаде-Рэдулеску (1802–1872) «Збурэторул» (“Sburătorul”, 1843; пер. Н. Павлович «Крылатый дух», в кн.: Антология... 1958: 107–110), а также одноименное произведение В. Александри (? 1821 – 1890) (Alecsandri 1966. 1: 53–54).

<sup>12</sup> Лучафэр ни в одном из вариантов поэмы так не называется; отмечены лишь формы *zbor* ‘полет’, *zbura* ‘летать’, см.: Marian, Șerban 2000: 208.

<sup>13</sup> Эти имена появляются только в четвертом варианте поэмы: ibid.: 57.

<sup>14</sup> Со ссылкой на кн.: Gorcea 1983: 112.

королевская дочь из сказки “Кэлин”, что приснившийся и желанный ей Збурэтор воплотился именно в облике Кэтэлина. Если вероятность, что принцесса могла бы принять Кэтэлина именно за воплощение того, кого она призывает во сне, не подкрепляется текстологическим анализом поэмы, все же некоторые доказательства сродства между Кэтэлином и Кэлином кажутся нам убедительными» (Marian 1999: 74)<sup>15</sup>.

Упомянутая в начале статьи народная сказка, где встречается женское имя *Кэлина* (Sevastos 1892), типологически сходна с сюжетом о Спящей царевне.

Некая красавица ежедневно вопрошает зеркало: «Кто всех краше?», – пока однажды не выясняется, что в семь раз краше ее дочь – *Călina*. Тот, кому было поручено завести Кэлину в лес и убить, пожалел девушку. Она попадает к разбойникам, которые о ней заботятся, но узнавшая об этом мать, притворяется гадалкой и вручает ей кольцо, – надев его, Кэлина падает бездыханной. Вернувшиеся разбойники снимают кольцо с пальца девушки, и она оживает. Мать снова пытается погубить дочь сначала отравленным платьем, затем иголкой для волос. Не обнаружив иголки, разбойники хоронят Кэлину в золотом гробу, подвешенном меж двух кленов. В нее влюбляется охотившийся в том лесу королевич, он забирает тело во дворец, но когда королева велит похоронить Кэлину и ее расчесывают перед погребением, иголка выпадает из головы девушки и она оживает. Счастливый королевич женится на красавице. Тогда мать, притворившись повитухой, принимает ребенка дочери, убивает его и обвиняет в том Кэлину – ее по распоряжению короля казнят.

\* \* \*

Имя сказочной героини, как и мужское имя *Кэлин*, для носителей румынского языка вряд ли мотивировано. Причем, высока вероятность, что *Călin(a)* восходит к средневековому, то есть доосманскому тюркскому источнику.

Ср.: тур. *gelin* ‘невеста’, ‘новобрачная’, ‘невестка (жена сына), сноха’, ‘жена младшего брата’, ‘молодая женщина’, ср.-тюрк. *kälin* с теми же значениями<sup>16</sup>, осм. *gälin* ‘невестка’ (ДТС:

<sup>15</sup> Р. Мариан имеет в виду совпадение, прежде всего фольклорных черт (и словесных формул) в характеристике обоих персонажей.

<sup>16</sup> Слово отмечено у Махмуда Кашгарского в «Словаре тюркских наречий» (1072–1074).

296; Räsänen 1969. 1: 250; ЭСТЯ 1980: 16–18). Отмечены и тюрк. имена *Keliñ*, *Keliñ-oğlu* букв. ‘сын невестки’ (Rásonyi, Baski 2007: 361) Эти формы отражают глагольную основу *gel-* (ср.-тюрк. *kel-*, см.: ДТС: 296) ‘идти, приходиться’ – *gelin* букв. ‘пришедший’, ср. тур. *gelen id.*<sup>17</sup> В ЭСТЯ упомянут и диалектизм *гелин* ‘невеста’ – «в некоторых персидских словарях», наряду с женским именем Гяли́н<sup>18</sup>.

На Балканах приведенным формам соответствуют алб. уст. *gjelinë* f. ‘невестка’ (Dizdari 2006: 302), болг. диал. *гелина* f. *id.*, ‘молодая жена’ (Grannes e.a. 2002: 48)<sup>19</sup>. К ним примыкают болгарские микротопонимы *Гелин йолу* букв. ‘Невестина дорога’ – старая дорога между Габрово и Свиштово, и *Гелин чукуру* букв. ‘Невестина яма’ – возвышенность, где по преданию «зарыта убитая невеста» (Ковачев 1961: 157).

От *gelin* производно тур. *gelincik* (с диминутивным суфф. *-cik*) бот. ‘мак-самосейка (*Paraver rhoeas*)’, зоол. ‘ласка (*Mustela nivalis*)’, прост., мед. ‘водянка’ (БТРС) > болг. диал. *гелинджик* m. ‘хорёк (*Mustella putorius*)’, мед. ‘рожистое воспаление’, *гелинджик id.* (БЕР 1: 236; Grannes e. a. 2002: 48), макед. редко (Гевгелия) *гилинцик* ‘мак’ (Јашар-Настева 2001: 46), а также топонимы: болг. (Панаг.) *Геленджика поляна* – у с. Долно Левски (где под Троицу устраивали хоровод), (Селистра) *Геленджика* местн. – у с. Алеково, (Бургас.) *Геленджик бунáр* местн. – у с. макед. Крушево (Заимов 1977: 56, 85); также ср. у добруджских татар *Gelencik Punari* – колодец близ совр. с. Делень, «в котором, говорят, утопилась невеста» (Румыния, р-н Констанца) (Penișoară 1978: 295; 1981: 554). К причастию *gelen* восходит тур. диал. *gelenti* (с суфф. *-ti*) ‘пришелец; иммигрант’, ср. болг. диал. *гиленти* m. ‘временно проживающий в селе житель другого села’ (Grannes e.a. 2002: 51).

Представленные выше производные формы не дают повода для того, чтобы возводить предположительно обусловленные ими онимы к исходному значению «приходить (→ пришелец)» или к явно вторичному – «невеста», как и, что равновероятно, к названию какого-либо растения. Все-таки в н у т р е н н я я

<sup>17</sup> Эта этимология впервые была предложена В. В. Радловым в «Опыте словаря тюркских наречий» (1893–1911. Т. 1–4; см. Т. 2: 1117) и поддержана Д. Неметом, который приводит ряд финно-угорских и др. соответствий к тюрк. *kelin* (Német 1928; подробнее см.: ЭСТЯ 1980: 16).

<sup>18</sup> Ссылка на: Рубинчик (ред.) 1970: 403.

<sup>19</sup> Ф. Миклошич приводит как производное от тур формы также серб. (?) *djelina* ‘молодая женщина’ (Miklosich 1884: 74; 1885: 161).

форма тур. *gelin* применительно к «невесте» отображает привычную как для румын, так и для славян и для тюркских этносов традицию патрилокального брака. Значения «невеста, новобрачная» вполне соотносятся с ролью, исполняемой героиней молдавской сказки. Исходное значение слова (*приходящий*) удовлетворяет и фольклорным персонажам – румынскому *Збурэтор*, нарушающему покой девичьих спален, турецкой *Гелин*, восстающей из могилы, чтобы убивать юношей (см. выше, примеч. 8)<sup>20</sup>. Правда, в румынском языке апеллятив не отмечен. Если все же соглашаться с тюркским происхождением антропонима, то следует иметь в виду соответствие огузского *g-* кыпчакскому *k-* в инлауте.

Форма *Călin(a)* позволяет считать наиболее вероятным источником румынского слова куманский язык (кыпчакского типа): присутствие куманов в дако-румынских областях в особых доказательствах не нуждается (см.: Гирфанова 2001). Если же считаться и с этнографическим подтекстом рассматриваемой реалии – с патрилокальным браком, вполне вероятно, что женское имя *Călina*, которое формально является производным, в истории языка должно было бы предшествовать мужскому *Călin*<sup>21</sup>.

В контексте поэтических образов Эминеску невозможно игнорировать еще одну ассоциативную линию, быть может,

---

<sup>20</sup> Но вряд ли правомерна следующая трактовка тюркского имени Калин (Келин): «Древнеказахский мифологический персонаж, реконструируемый на основе лингвистического материала: отдельных слов, как *келіншек* – невеста, молодая замужняя женщина, *келін* – невестка, *қалыңдық* – невеста, просватанная девушка, *қалыңмал*, *қалың* – калым, плата за невесту, *қалжа* – пища для роженицы, а также старогенеалогических имен предков *Келинберди* – ‘Келин дал’, *Келимбет* – ‘последователь Келина’ <...> Калин или Келин – древнетюркское, прототюркское божество, «курирующее дела» женщин, невест, рожениц и новорожденных <...> Вероятно, его, на ранних стадиях считавшегося божеством-женщиной, в дальнейшем стали воспринимать как мужчину-божество <...> *Калин* – женщина как женское божество была богиней домашнего очага, а также, подобно греческой Гестии, покровительницей неугасимого огня – начала, объединяющего мир богов, человеческое общество и каждую семью. Поэтому каждую воспитанную дочь, готовую к замужеству, считали не только дочерью конкретных родителей, но и матери-Калин, и мужчина платил за воспитание прежде всего не родителям невесты, а богине Калин» (Серикбол 2005: 88–89).

<sup>21</sup> Для гипотетического тюркского источника грамматические показатели рода иррелевантны, но в румынском языке тюркский апеллятив (*gelin* ‘невеста’) закономерно приобрел бы маркер женского рода *-a*.

более важную, если вспомнить, что семья Эминович (так изначально звучала фамилия поэта) была родом из села Кэлинешть (рум. *Călinești*, р-н Сучава, обл. Молдова). Скорее всего, основа топонима случайно соотносится с антропонимом. Хотя показательно, что авторы топонимического словаря Мунтении приводят альтернативную этимологию для названия *Călin* – возвышенность у села Дял (рум. *Deal*, коммуна Дэничей, р-н Вылча) < *călin* ‘калина (растение)’ или личное имя *Călin* (*Dicționarul...* 2007: 41).

Эминеску вряд ли задумывался о происхождении и значении имени Кэлин. Можно лишь условно допустить некую автобиографическую подоплеку в выборе им имени для своего лирического героя, как и вероятность тюркского происхождения рум. *Călin(ă)*.

\* \* \*

Омонимичный ониму апеллатив, не будучи исторически ему тождественным, похоже, с ним пересекается: и не столько из-за фонетического подобия, сколько семантически. Попытаемся наметить точки этого пересечения.

Рум. *călin* (2-я пол. XIX в.) m. (1) ‘калина (*Viburnum opulus*)’, (2) рег. ‘сирень венгерская (*Syringa josikaea*)’, (3) рег. ‘аир (*Acorus calamus*)’, (4) рег. ‘гортензия (*Hydrangea opuloides*)’, (5) рег. ‘бирючина (*Ligustrum vulgare*)’, (6) ‘танец крестьянский (без уточнения)’, (7) ‘мелодия к танцу’ ← *călină* (2-я пол. XVII в.) f. ‘калина (плод)’<sup>22</sup> < болг. калина *id.* (*Ciorănescu* 2002: N 1335; *MDA* 2010. 1: 321).

Другая омонимичная словоформа – рум. *călin(ă)* (конец XIX в.) adj., m. (f.) ‘тепловатый’ < ? (*MDA* 2010. 1: 321)<sup>23</sup>.

В славянских языках слово отмечено относительно поздно, ср.: др.-рус. калина (XVI в.) – о каком-то растении в Ханаане<sup>24</sup>, ‘калина (кустарник)’, разжечи въ калину (XVII в.) ‘довести до раскаленного состояния’, Калина (XVI–XVII вв.) – личное имя, рус. калина (= *Viburnum opulus*), в форме *collina* у Р. Джемса

<sup>22</sup> В румынском названии дерева (кустарника) и его плода регулярно соотносятся как мужское и женское имя.

<sup>23</sup> К осмыслению слова ср. др.-рус. калина ‘раскаленное состояние, каление’ ← \*kaľь + -ina ← \*kaliti ‘накалять, раскалять’ (*ЭССЯ* 1983. 9: 121).

<sup>24</sup> «Обрѣтоша ... плодь древныи: калины, гдуня и гроздія» (ссылка на: Сбор. XVI в., Срезневский, 1: 1182).

(1618–1619), также *калина* ‘бирючина (*Ligustrum vulgare*)’<sup>25</sup>, *Калина* – ручей близ Дубны, укр. *каліна* (= *Viburnum opulus*), ‘вол (корова) темнокоричневой масти’, *Калина* – назв. рек в бассейне Днепра, белор. *каліна* (= *Viburnum opulus*), *Калина*, *Калинин* фам. Также ср.: болг. *калина id.*, ‘гранатовое дерево’, ‘рябина’, ‘пион’, диал. *кълина*, *кълинъ f.* ‘калина’, серб., хорв. *калина id.*, ‘фисташник терпентинный, бирючина’, также ‘грязь, размякшая земля’, *Калина* – личное имя, топоним в Сербии, словен. *kalína* ‘лужа’ ‘калина (*Viburnum opulus*)’, ‘бирючина (*Ligustrum vulgare*)’ и др. (подробнее см.: ЭССЯ 1983. 9: 120–122). О. Н. Трубачев приводит следующие мотивировки апеллятива *калина*: (1) < ? др.-в.-нем. *holuntar* ‘бузина’ и т.п., (2) < ? слав. \**kaľь* «первонач. куст с черными ягодами», (3) ← ? *kaliti* – по яркокрасным ягодам калины (Э. Бернекер)<sup>26</sup>, (4) ← *кал* – по причине влаголюбивости (Р. О. Якобсон, В. Махек и др.) (ЭССЯ 1983. 9: 121–122)<sup>27</sup>, но и (5) ← *кал* «в старшем знач. “грязь”» (Черных 2001. 1: 371; ср.: Фасмер 1967. 2: 168)<sup>28</sup>.

Для функционирования и осмысления «готовых» словоформ, заимствуемых по преимуществу «на слух», строго научное объяснение не так уж необходимо, коль скоро народная этимология «работает» со случайными звуковыми совпадениями (порой частичными) и столь же случайными семантическими ассоциациями. Это относится прежде всего к диалектизмам, хотя затрагивает и словарь фольклора. В последнем случае речь идет об особой мнемонической функции слова. Понятно и то, что рум. *călin(ă)* ‘калина’ вполне может соответствовать значению топонимов *Кэлинешть* (*Călinești*) и др., которые отмечены не только в Молдове, но и в Мунтении (всего около 20 названий, в том числе составных типа *Călinești-Slătineancă*), наряду с *Călinească* (9 назв.), *Călinești* (2 назв.), *Călină* (8 назв.) (*Dicționarul...* 2007: 41–42).

<sup>25</sup> К семантике рус. *калина* и связанным с ней обычаям также см.: Даль 1903–1904, s.v.

<sup>26</sup> Со ссылкой на: Berneker 1908–1913: 473. К (3) примыкает также С. Микуцкий (Изв. ОРЯС. 1855. Т. 4: 362: *калина* ← *калить* ‘разжигать докрасна’).

<sup>27</sup> Ссылка на: Word. 1952. Vol. 8. N 4: 388 (Р. Якобсон); *Slavia* 1954. Vol. 23: 65. (В. Махек).

<sup>28</sup> На связь *калина* – *кал* ‘грязь, лужа’ впервые обратил внимание И. Голуб (*Holub* 1937: 94). М. Фасмер отмечает сравнения слова *калина* с д.-в.-н. *holuntar*, нов.-в.-н. *Holunder* ‘бузина’ и др., с др.-инд. *çalás* ‘палка’, арм. *salard* ‘ветвь с листьями’ и др., как и родство с *калить* «в связи с алыми цветами калины».

Нельзя не обратить внимание и на словоупотребления, обнаруживающие уже на восточнославянской почве пересечения, например, таких форм, как рус. бот. *калина* и тур. *gelin* ‘невеста’ (осм. *gälin*, ср.-тюрк. *kälin*), ср.: рус. диал. *калина* (1) (Костром.) ‘жимолость (*Lonicera xylosteum*)’ и (4) (Курск.) в свадебном обряде – окрашенная кровью рубашка новобрачной (свидетельствующая о ее невинности) (СРНГ 1977. 12: 355–356)<sup>29</sup>. И далее:

«Калина, вообще, символ женственности в обширном смысле. Вся духовная жизнь женщины – ее девичество, невинность, любовь, замужняя жизнь, радости, горести, родственные чувства – все находит себе применение в калине» (там же: 356 – ссылка на: Костомаров 1843: 554).

К значению рус. *калина* ‘окрашенная кровью рубашка новобрачной’, ср.:

**Калинка** (1) ‘Пирушка на второй день свадьбы, когда присутствующим показывают свадебную сорочку новобрачной, свидетельствующую о ее невинности, а родителей новобрачной угощают калиновой настойкой’ (Оренб.) (СРНГ 1977. 12: 356).

Можно предположить, что и в данном случае имеет место переосмысление по законам народной этимологии исходной тюркской формы, связанной с названием невесты, то есть тюрк. *gel-* ‘идти, приходиться’. Во всяком случае, символика калины в свадебном обряде неоднозначна, и вряд ли она сводима только к цвету ягод, как подчеркивают большинство исследователей.

«Калина изредка в Белой России заменяет сосну; так ее ругают на загнет коровая<sup>30</sup>. В белорусских свадебных песнях калина называется несчастным деревом<sup>31</sup>. По-видимому, в древнее время на свадьбах дерево это не пользовалось уважением. По причине ярко-красного цвета своих ягод калина в народной поэзии сделалась символом молодой замужней женщины или символом брачной потери невинности<sup>32</sup>. В сербско-лужицких песнях с калиной сравнивается невеста<sup>33</sup>» (С у м ц о в 1996: 141)<sup>34</sup>.

<sup>29</sup> Знач. 2–3 – кушанья из ягод калины.

<sup>30</sup> Ссылка на: Белорусские песни... 1873: 161.

<sup>31</sup> Ссылка на: Киркор 1858: 202.

<sup>32</sup> Там же: 276.

<sup>33</sup> Ссылка на: Haupt, Smoler 1843. 2: 142.

<sup>34</sup> Статья «Символика свадебных обрядов».



Широкий спектр фольклорных мотивов, отражающих метафору «калина красная – девица молодая» рассматривает А. А. Потеня («О некоторых символах в славянской народной поэзии»). Среди них и «незрелость калины» как препятствие в любви, и «упоминаемые в свадебной песне похороны калины», причем подчеркивается:

«Не знаю примеров для калины-веселья, но такое значение должно быть, потому что когда калина вянет, чернеет, то это символ не только потери девства, но и печали, смерти: *“Червона калина! чого почорніла? Чи вітру боїшся, чи дощу бажаєш? Я й вітру боюся и дощу бажаю; Кого вірно люблю, з тим и умираю”*. Ветер здесь – печаль, потому что и он сушит, вялит. С течением времени символический смысл калины затемнился, и она от девицы и девственной любви перешла к значению женщины вообще и всякой любви» (см.: Потеня 2000: 30).

Н. И. Костомаров тоже обращает внимание на чисто словесные образы, порождаемые свободным воображением, а не строгой «грамматикой» свадебного обряда.

«Влюбленный молодец называет свою возлюбленную вместе и полную розою и калиною; девица приравнивает калину к своему лицу и говорит: ах, кабы я была такая, как эта горячая калина. Не меньше любим въ народной поэзии и белый цвет цветущего калинового деревца. Молодец, называя свою милую красною калиною, вместе с тем придает ей название белого дерева, разумея цвет. Калиновый цвет – ласкательное выражение в обращении дочери к матери. В свадебных песнях невеста ломает цветущие ветви калины и спрашивает отца: будет ли она, – разумеется, после свадьбы, – такая, как эта калина? Здесь цвет калины – символ девичества и красоты, свойственной девичьей молодости; сообразно с этим выход замуж и, следовательно, окончание девичьей жизни выражается отцветанием калины. Так как с девичеством совпадает веселость, которая соединяется и с любовью, то отцветанием калины выражается также и печаль девицы по поводу разлуки с милым, а нецветением калины обозначается вообще одинокая и грустная жизнь женщины. Убогая девица, у которой при хате нет ни забора, ни кола, говорит, что там только стоит куст калины...» (Костомаров 1843: 555–556).

Коль скоро подразумеваются прежде всего словесные образы и, похоже, речь идет о словоупотреблениях, не восходящих к

глубокой древности, то можно допустить и переосмысление по законам народной этимологии иноязычного наименования невесты, привычно соотнесенного *на слух* со «своим» ботаническим термином, что могло инициировать или подкрепить функционирование слова (и растения) в символике свадебного обряда. Фонетическая близость предположительно контаминировавших форм (ср.-тюрк. *kälin* ‘невеста’ ↔ слав. \**kalina* ‘кустарник (*Viburnum opulus*)’) могла способствовать расширению семантики названия калины, как бы слившегося в конечном счете с «чужим» словом содержательно.

Имеющиеся примеры использования калины в свадебном обряде вполне согласуются с ее поэтической функцией.

«На Дону известен обычай **носить (нести) калину** – это часть свадебного обряда: “*нисуць калину послі свадьбы радитилям нивесты за иё деуствиннасть*”<sup>35</sup> <...> У донских казаков в честь невинности невесты всем гостям свашки прикалывали ягоды калины<sup>36</sup>. Такое же символически-буквальное толкование образа калины мы наблюдаем и в контексте обычая носить калину, заключающегося в показательном предъявлении для всеобщего сведения простыни или рубашки невесты со следами дефлорации, по цвету совпадающими с ярко-красным соком ягод калины; то есть здесь мы наблюдаем механизм буквально-символического истолкования образа калины. Обычай **носить калину** в подтверждение непорочности и чистоты невесты существовал и в ст[анице] Раздорской, что подтверждается современным полевым материалом, записанным в беседах с её жителями: “*была так: калина была, если она [невеста] деушка, а такой [недевственнице] калину ни вазьмутъ*”<sup>37</sup>. <...> на второй день свадьбы **носили калину**: “*фтарой день свадьбы насили калину, паказывали прастыню*”, а затем прославляли невесту и её мать за должное воспитание. Таким образом, в ст. Раздорской (как в донской народной культуре и славянской традиции) основным символическим значением калины является невинность, девственность» (Карпун 2004: s.v. Калина).

Явных свидетельств допускаемого нами ассоциирования соответствующих славянских и тюркских «омофонов» нет, хотя аналогичного рода пересечение тюркского и славянского источ-

<sup>35</sup> Ссылка на: Большой толковый словарь... 2003.

<sup>36</sup> Ссылка на: Словарь... 1991.

<sup>37</sup> Ссылка на: Полевые материалы Фольклорно-этнолингвистической экспедиции Ростовского гос. университета.

ников в процессе осмысления слова по законам народной этимологии обнаруживает, например, былинный контекст:

«Когда подымался злой Калин-царь / Злой Калин-царь Калинович, / Ко стольному городу ко Киеву / Со своею силою с поганою. / Не дошед он до Киева за семь верст, / Становился Калин у быстра Непра...» (Илья Муромец... 1958: 77)<sup>38</sup>.

Имя Калин-царя – явного пришельца-крымчака (или степняка), варьирует, обнаруживая в контексте записанных в XIX в. былин пересечения с разными лексическими пластами – от библейских до золотоордынских и екатерининских времен, если не более поздних. В заметке В. Ф. Миллера сюжет таких былин сводится к следующему.

«Калин-царь (иначе Галин, Каин) <...> посылает с татаринном письмо князю Владимиру с требованием без боя сдать Киев. Освободителем города, по одним былинам, является Илья Муромец, по другим – его племянник Ермак Тимофеевич. Илья едет с подарками князя к Калину, чтобы просить отсрочки, а когда Калин не соглашается, начинает избивать его войско. Татары делают подкопы, в которые попадает с конем Илья Муромец. Когда, скрутив его чембурами, татары, по приказанию Калина, ведут его на казнь, Илья, освободив руки, схватывает татарина и, махая им, прочищает себе дорогу и приколачивает всю силу татарскую. Калин бежит с позором и заклинается впредь ходить на Русь. Иногда в роли Калина выступает Мамай...» (*Энциклопедический словарь...* 1895. 14: 35).

В энциклопедической статье об Илье Муромце по поводу того же сюжета В. Ф. Миллер отмечает<sup>39</sup>:

«...былина содержит два сказочные мотива – махание татаринном и подкопы, приготовленные татарами для Ильи Муромца, – хорошо известные в персидских сказаниях о Рустеме. В виду сходства имени Калина с названием тюркского предводителя Калуна, которого убивает Рустем при обстоятельствах сходных, высказано было предположение о восточном происхождении обоих сказочных мотивов, приставших к имени Ильи Муромца» (*Энциклопедический словарь* 1894. 12: 950).

<sup>38</sup> Ср. былины «Каин-царь», «Калин-царь», «Илья Муромец и Калин-царь», «Про татарское нашествие», и др. «Илья муромец и Идолище» в указ соч. Также см. «Калин-царь» в кн.: Кирша Данилов 1977.

<sup>39</sup> Со ссылкой на: Миллер 1892: 75–77, 114–116.

М. Фасмер увязал имя былинного антигероя с прозвищем «толстяк»<sup>40</sup> – от кыпч., алт., казах *kalyn* ‘толстый’, крым.-тат., тур., тат., уйг. караим. *kalyn id.*, ‘жирный, глупый’, подчеркивая:

«Абсолютно ошибочно мнение, что Калин-царь произведено от названия реки Калки» (Фасмер 1967. 2: 167).

Предложенная Фасмером мотивация, допустима, хотя она в меньшей мере характеризует самого Калин-царя, позорно изгнанного Ильей Муромцем, чем рассеченное им же «на́ полы» Идолище (Одолище, Издолище), ср.:

«Говорит ему Идолище поганое: // – Экой ваш богатырь Илья: // Я вот по семи ведр пива пью, // По семи пуд хлеба кушаю» (Илья Муромец... 1958: 152).

С учетом частичного пересечения былинных сюжетов оспаривать этимологию Фасмера вряд ли целесообразно. Но что запрещает допускать контаминацию наименований *толстый* и *пришелец* в имени Калин-царя<sup>41</sup>? На русской почве второе из них (*пришелец*) все же с большей вероятностью могло бы сохранять какие-то значимые ассоциации с соответствующим тюркским словом, чем первое. Только при таком условии можно допускать дальнейшую контаминацию созвучных славянских форм *Калин*, *Каин*, *Галин*, *калина* и тюркских *gelin*, *gälin*, *kälin* ‘невеста’, ‘пришелец’ (‘пришелица’). Понятно, что столь же допустимая фонетическая контаминация с *kalyn* ‘толстый’, не вполне соответствует семантике ‘невеста’. По-своему показательны и адъективные словоупотребления в фольклоре *калиновы́й мост* (Сарат., Самар, Курск., Арх., Волог., Перм.), *кали́н мост* (Вят., Перм., Уфим., Ряз., Орл.) (СРНГ 1977. 12: 358)<sup>42</sup>, ср.:

«Калиновый мост – символ молодой, здоровой, веселой жизни» (там же, – со ссылкой на: *Костомаров* 1843),

что соотносимо со словоупотреблением *калина* ‘невеста’, но и ‘символ женственности’.

<sup>40</sup> Впервые в: *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1938. Jg. 15. S. 103.

<sup>41</sup> Ср. семантически неопределенное Калин-баба – игра (?) (Ср. Урал) (СРНГ 1977. 12: 355), восходящее к тому же источнику, что и Калин-царь.

<sup>42</sup> Но *калиновая стрела* – в контаминации с *калёный* (там же)

\* \* \*

Не настаивая на предлагаемой этимологии румынских личных имен Călin, Călina, как и на контаминации тюрк. *kalin* ↔ рус. *калина* 'невеста', *Калин-царь*, *калиновый мост*, еще раз напомним, что народная этимология<sup>43</sup> – это не только и не столько объяснение происхождения слова на основе «ложного анализа», но прежде всего действенный механизм словообразования и смыслообразования, заслуживающий пристального внимания лексикологов и этимологов, хотя бы в силу своей мнемонической значимости, ср.:

Народная этимология «...характеризуется наличием в сознании говорящего определенного смыслового элемента, который, будучи даже результатом ложного анализа, определяет то значение, в котором употребляется слово. Например, говорить вместо *mandarina* 'мандарин' *mondarina*, потому лишь, что эти плоды легко очищаются (*se mondan*), конечно, ошибка, но глагол *mondar* 'очищать' будет в этом случае настоящим этимологом, и именно на него следовало бы сослаться в соответствующем определении, если бы слово *mondarina* регистрировалось словарем» (Касарес 1958: 55).

### Литература

- Антология румынской поэзии / Сост. А. Садецкий; Предисл. М. Гафица; Ред. переводов А. Садецкий и С. Шервинский. М.: ГИХЛ, 1958.
- Белорусские песни, собранные И. И. Носовичем // Зап. ИРГО по отделу этнографии. СПб., 1873, т. 5.
- БЕР – Български етимологичен речник / Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Ст. Илчев. София, 1971. Т. 1.
- Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003 (Ростовский гос. ун-т).
- БТРС – Большой турецко-русский словарь / А. Н. Баскаков, Н. П. Голубева, А. А. Кямилаева и др. 2–е изд. М.: «Рус. яз.», 1977. (2-е изд.: 1998; 3-е изд.: 2006).
- Даль 1903–1909 – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртене. СПб., 1903–1909. Т. 1–4.
- Гирфанова 2001 – Гирфанова А. Х. Тюркские этносы раннего средневековья в юго-восточной Европе // *Studia linguistica et Balcanica*. Памяти А. В. Десницкой (1912–1992). СПб. : «Наука», 2001. С. 256–265.

<sup>43</sup> Термин был введен Е. Фёрстерманом (Förstermann 1852), ср.: Wartburg 1925; Alessio 1930; Пизани 1956: 128–140.

- ДТС – Древнетюркский словарь / Ред.: В. М. Надеяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев и др. Л.: «Наука», 1969.
- Заимов 1977 – Заимов Й. Местните имена в Панагюрско. София, 1977.
- Илья Муромец – Илья Муромец / Подготовка текстов, статья и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Јашар-Настева 2001 – Јашар-Настева О. Турските лексички елементи во македонскијат јазик. Скопје, 2001 (Инст. за македонски јазик «Крсте Мисиров». Посебни изд. Кн. 31).
- Кантемир 2011 – Кантемир Д. Описание Молдавии. Факсимиле, латинский текст и русский перевод Стурдзовского списка / Сост и общая ред. Н. Л. Сухачева; предисл. А. Ешану и П. Балмуша; подготовка текста С. Д. Клейнер и Н. Л. Сухачева; Пер. с лат. А. В. Андреева и Е. В. Шевцовой.; Коммент. В. Ешану и А. Ешану. СПб.: Нестор-История, 2011.
- Карпун 2004 – Карпун М. А. Растения в праздниках и ритуалах станицы Раздорской (На материале, собранном в ст. Раздорской) // Историко-культурные и природные исследования на территории РЭМЗ. Сборник статей. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2004 (Ростовский государственный университет), см.: [http://www.razdory-museum.ru/c\\_ritual-plants.html](http://www.razdory-museum.ru/c_ritual-plants.html)
- Касарес 1958 – Касарес Х. Введение в современную лексикографию / Пер. с исп. Н. Д. Арутюновой; Ред., предисл. и примеч. Г. В. Степанова. М.: Изд-во Иностран. лит-ры, 1958 (исп. изд.: 1950).
- Киркор 1858 – Киркор А. Этнографический взгляд на Виленскую губернию (статья первая) // Этнографический сборник. СПб., 1858. Вып. 3.
- Кирша Данилов – Древние российские Стихотворения, собранные ... / 2-е доп. изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.: Изд-во «Наука», 1977.
- Ковачев 1961 – Ковачев Н. Местните названия от Севлиево. София, 1961.
- Кожевников 1968 – Кожевников Ю. А. Михаил Эминеску и проблема романтизма в румынской литературе XIX в. М.: Наука, 1968.
- Костомаров 1843 – Костомаров Н. И. Об историческом значении русской народной поэзии. М., 1843.
- Куруч 1959 – Куруч Л. И. Сказочные мотивы в поэзии М. Эминеску последнего периода литературной деятельности // Уч. зап. Кишиневского госпединститута им. И. Крянгэ. Сер. гуманитарных наук. 1959. Т. 12. С. 85–97.
- Миллер 1872 – Миллер В. Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892.
- Пизани 1956 – Пизани В. Этимология: История – проблемы – метод / Пер. с ит. Д. Э. Розенталя; Под ред. и с предисл. В. И. Абаева. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1956 (ит. изд.: Milano 1947).
- Потебня 2000 – Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М., 2000.
- Рубинчик (ред.) – Персидско-русский словарь / Под ред. Ю. А. Рубинчика. М., 1970. Т. 1–2.
- Серикбол 2005 – Серикбол К. Казахская мифология. Краткий словарь. Алматы: Нурлы алам, 2005.
- Словарь русских донских говоров. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1991.

- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 12. / Гл. ред. Ф. П. Филин; Ред. Ф. П. Сороколетов; Сост. Л. И. Балахонова, О. Д. Кузнецова, А. Ф. Марецкая и др. Л.: Наука, 1977.
- Сумцов 1996 – Сумцов Н. Ф. Избранные труды. М., 1996.
- Фасмер 1964–1973 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973. Т. 1–4.
- Черных 2001 – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 4-изд., стереотип. М., 2001. Т. 1–2. (1-е изд.: 1993).
- Эминеску 1958 – Эминеску М. Стихи. Пер. с рум. / Сост. Ю. Кожевникова; Ред. переводов И. Миримский. М.: ГИХЛ, 1958.
- Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1894. Т. 12; 1895. Т. 14.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 9 (\*jъz – \*klenъje) / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1983.
- ЭСТЯ – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д» / Отв. ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1980; Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ» / Отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 1997.
- Alecsandri 1966 – Alecsandri V. Opere. Vol. 1. Poezii / Text ales și stabilit de G. C. Nicolescu și G. Rădulescu-Dulgheru; Studiu introd. de G. C. Nicolescu. București: Ed. pentru literatură, 1966.
- Alessio 1930 – Alessio G. Deformazioni ed etimologia popolare nei dialetti dell'Italia meridionale // Rendiconti dell'Istituto Lombardo di Scienze e Lettere (Milano). Sez. Lettere. 1930. Т. 71.
- Berneker 1908–1913 – Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch, A – mor-. Heidelberg, 1908–1913.
- Călinescu 1964 – Călinescu G. Viața lui Mihai Eminescu. București: Ed. pentru literatură, 1964.
- Călinescu 1969–1970 – Călinescu G. Opera lui Mihai Eminescu. București: Ed. pentru literatură, 1969–1970. Vol. 1–2.
- Ciorănescu 2002 – Ciorănescu A. Dicționarul etimologic al limbii române / Ed. îngrijită și traducere din limba spaniolă, de T. Sandru-Mehedinți și M. Popescu-Marin. București, 2002.
- Gaster 1883 – Gaster M. Literatura populară română. București, 1883.
- DTRM – Dicționarul toponimic al României. Muntenia (DTRM). Vol. 2. C–D. / Sub red. prof. univ., dr. Nicolae Saramandu. București: Ed. Acad. Române, 2007.
- Dizdari 2006 – Dizdari T. N. Fjalor i orientalizmave në gjuhën shqipe. Botimi i dytë (Rreth 4500 fjalë me prejardje nga gjuhët turke, arabe dhe perse). Tiranë, 2006.
- Eminescu 1958 – Eminescu. Poezii / Ed. îngrijită de Perpessicius. [București]: Ed. de Stat pentru literatură și artă, 1958.
- Eminescu 1939–1969 – Eminescu M. Opere / Ed. critică îngrijită de Perpessicius. București, 1939–1969. Vol. 1–6.
- Förstermann 1852 – Förstermann E. Ueber deutsche Volksetymologie // Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen (Berlin). 1852. Jg. 1. S. 1 ss.

- Gorcea 1983 – Gorcea P. M. Steua din oglinda visului. București, 1983.
- Grannes, Hauge, Sülemanogly 2002 – Grannes A., Hauge K. R., Sülemanogly H. A Dictionary of Turkisms in Bulgarian. Amsterdam, 2002.
- Haupt, Smoler 1841–1843 – Haupt L., Smoler J. E. Volkslieder der Wenden in den Ober- und Nieder-Lausitz. Berlin, 1841–1843. Bd. 1–2.
- Holub 1937 – Holub I. Stručný slovník etymologický jazyka československého. 2 vyd. Praha, 1937.
- Kunisch 1861 – Kunisch R. Bucarest und Stambul. Skizzen aus Ungarn, Rumänien und der Türkei. Berlin, 1861 (дополнит. изд.: 1865; 1869).
- Marian 1999 – Marian R. “Lumile” Luceafărului (o reinterpretare a poemului eminescean). Cluj-Napoca: Ed. Remus, 1999.
- Marian, Șerban 2000 – Marian R., Șerban F. Dicționarul Luceafărului eminescean și textul integral al poemului. Casa de ed. Clusium, 2000.
- MDA – Micul dicționar academic (MDA) / Red. responsabili: acad. M. Sala și I. Dănăilă; Cuv. înainte de E. Simon; Pref. de M. Sala. București: Ed. Univers Enciclopedic Gold, 2010. Vol. 1 (A–Me); Vol. 2 (Mi–Z) (Acad. Română, Inst. de lingvistică «I. Jordan – Al. Rosetti»).
- Miklosich 1884 – Miklosich F. Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen // Denkschriften der (Kaiz.) Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Classe. 1884. Jg. 34. S. 239–326 [1]; 1885. Jg. 35 [2] S. 105–192; 1889. Jg. 37. S. 1–88 [Nachtrag 1]; 1890. Jg. 38. S. 1–194 [Nachtrag 2].
- Német 1928 – Német G. Az uráli és a török nyelvek ösi kapcsolata // Nyelvtudományi Közlemének (Budapest). 1928. 47. N 1.
- Nicolescu 1965 – Nicolescu G. C. Erotica lui Eminescu (idei și atitudini) // Studii eminescene. 75 de ani de la moartea poetului. București: Ed. pentru literatură, 1965.
- Öztürk 2009 – Öztürk Ö. Folklore ve Mitoloji Sözlüğü. Ankara, 2009.
- Penișoară 1978 – Penișoară I. Elemente de toponimie turcească din Dobrogea // Limba română. 1978. An. 27. N 3. P. 293–296.
- Räsänen 1969 – Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türksprachen. Helsinki, 1969. Bd 1. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XVII. 1).
- Rásonyi, Baski 2007 – Rásonyi L., Baski I. Onomasticon Turcicum: Turcic Personal Names as collected by L. Rásonyi. Bloomington, Indiana, 2007 (Indiana Univ. Uralic and Altaic Series / D. Sinor Ed. 172. 2).
- Șăineanu 1978 – Șăineanu L. Basmеle române. În comparație cu legendele antice clasice și în legătură cu basmele poparelor învecinate și ale tuturor poparelor romanice / Ed. îngrijită de Ruxandra Niculescu ; Pref. de Ovidiu Bîrlea. București : Ed. Minerva, 1978.
- Sevastos 1892 – Sevastos E. Povești. Iași: Ed. Libr. Frații Șaraga, 1892.
- Sukhachev 2012 – Sukhachev N. Călin in M. Eminescu's Poetry and in Romanian Folklore (some linguistic observations) // Dacoromania (Cluj-Napoca). 2012. An. 17. N 2. P. 213–217; то же: Ditval Coralia (ed.). Languages, E-learning and Romanian Studies. 3–5 June 2011, Isl. of Marstrand.: Open Journal Systems (OJS) at Lund University. Lund, Sweden. <http://nile.lub.lu.se/ojs/index.php/elears>
- Up to the Star – Up to the Star: The Life and Work of the Romanian Poet Mihail Eminescu / Bilingual ed., amply annotated; Compiled and edited by Andrei Bantaș and Mariana Neț. Ed. Clusium, 2000.



Wartburg 1925 – Wartburg W. Zur Frage der Volksetymologie // Homenaje ofrecido a R. Menéndez Pidal. Madrid, 1925. T. 1. S. 17 ss.

**A. N. Levichkin, N. L. Sukhachev. The name *Călin* in M. Eminescu's poetry and in folklore**

*Călin* is the name of the character of the unfinished tale in prose conceived by Mihai Eminescu (1850–1889) “Calin the crazy” (1875) and also of his poem “*Călin (pages of fairy tales)*” (November 1, 1876). In Romanian folklore we may find an equivalent lady's name as well. *Călina* is the heroine of the folk tale from Moldova “*Who is the most beautiful?*” (the first publication in 1892). It is an interpretation of the sleeping beauty story (the beautiful bride), where the heroine was defamed and perished out of envy. The hero of the Eminescu's poem (*Călin*) incarnates the popular idea of the so-called *Zburătorul* that means *a flying demon* – a very attractive young man who breaks into bedrooms of young girls at night, especially of the newly-weds. This personification correlates with a typical Turkic folklore female character *Gelin*, who seduces young men and lives his grave to kill them.

The Romanian name *Călin(a)* seems of Turkic origin to be compared with Old Turkic *gelin* ‘bride, new-wed, daughter-in-law’, Medieval Turkic *kälin*, Ottoman *gälin* etc. In the Balkans corresponding forms are Albanian (archaic) *gjelinë f.* ‘daughter-in-law’; Bulgarian (dialectal) *гелина f.* ‘bride, young wife. Turkic forms have verbal stem *gel-* ‘to come, to arrive’, to op up with Russian folklore forms like *калина* [kalína] ‘arrow-wood (Viburnum)’ and ‘symbol of bride's purity’, *Калин-царь* [Kalín-tsár] – the name of malicious personage, *калиновый мост* [kalínovyj móst] – symbol of youth and liveliness etc.

If we agree with the Turkic origin of the personal name *Călin(a) m. (f.)* and similar forms, we should keep in mind the correlation between Oguz *g-* and Kypchak *k-* in inlaut. This fact enables us to believe that the most plausible origin of the Romanian and appropriate Russian forms lies in the Medieval Turkic language (e. g. Kuman, a language of Kipchak type).

*Keywords:* Balcanian linguistics, Romanian, folklore names, historical lexicology, popular etymology, Turkic loans.

Т. В. Леонтьева

## «ЧЕЙ ХЛАП С УТРА ХОДИЛ ПО УЛИЦЕ?»: К ИСТОРИИ РУС. ДИАЛ. ХЛАП

В статье рассматриваются диалектные фиксации слова *хлап*, а именно обозначения бездельника, ленивого человека и незнакомца. Доказывается их семантическая производность от бытующего в общерусском просторечии названия игральной карты – валета. Допустимость связи рассматриваемых диалектных лексем с *хлап* ‘валет’ подтверждается другими фактами образования характеристик людей от карточных терминов. Уделяется внимание семантическому своеобразию слова *хлап* ‘незнакомый человек’.

*Ключевые слова:* этнолингвистика, семантика, русские народные говоры, социум, игральные карты, карточные термины, валет, хлап.

Предметом нашего внимания будет слово *хлап*, записанное в русских говорах Костромской области и Мордовии в значениях ‘чужак’, ‘ленивый человек’ и ‘оболтус, непутевый человек’:

– диал. мордов. (рус.) *хлап* (неодобр.) ‘молодой человек, проводящий время в легкомысленных затеях, пьянстве; бездельник’ (*Хлапы одне гуляют по фсей деревни, и большъ некъму гулять; Пръгънашысси здесь с хлапами и поедиш, как галах, бис копейки*) (СРГМ: 1423);

– костром. *хлап* ‘о ленивом человеке’ (ЛКТЭ);

– костром. *хлап* ‘незнакомый для говорящих человек’ (*Незнакомый кто ходит – ну, скажём, чей-то хлап идёт; Что за хлап ходит?; Чей хлап с утра ходил по улице?*) (ЛКТЭ).

Очевидно, что *хлап* соотносимо с *холоп*, происхождение которого по сей день остается предметом дискуссии. Не станем освещать разные версии («все существующие этимологии недо-стоверны» (Фасмер IV: 257); «неясность слав. \**cholpъ* объясняется тем, что нам недостаточно известны этимологические связи его корня, хотя в попытках объяснений недостатка нет» (Трубачев 2006: 167)), отметим лишь следующее. В «Этимологическом словаре славянских языков» приводятся такие факты, как ст.-сл. *хлать* ‘слуга, раб’, болг. *хлáne* ‘мальчик’, словен. *hlâp* ‘балбес’, чешск. диал. *chlap* ‘взрослый мужчина, мужик’, ‘лоботряс’, ‘красивый, видный человек’, ‘порядочный человек’, ‘женатый мужчина’, словц. *chlap* ‘мужчина, силач,

детина', 'муж' и др., поддерживается предложенное ранее членение *\*xol-po-* со ссылками на реконструкцию слав. *\*xolo-* 'молодой человек' и слав. и наличие и.-е. форманта *p(o)-* (ЭССЯ 8: 62–64). О. Н. Трубачевым была отмечена необычность направления развития семантики слав. *\*xolpъ* (Трубачев 2006). Он обратил внимание на то, что «к названиям молодого, малолетнего примыкают и часто к ним восходят названия зависимых, подневольных лиц, рабов, исторически закономерно вторичные, ср. слав. *\*orbъ*, ст.-слав. *рабъ* < и.-е. *\*orbho-* 'малый, маленький'» (Трубачев 2006: 167). Однако слав. *\*xolpъ* (русск. *холоп*, польск. *chlор* 'крестьянин, мужик', чешск. *chlар* 'холоп; крепкий мужчина', сербск. *хлап*, *хлâп* 'холоп, слуга', словен. *hлар* 'глупец') он относит к менее ясным случаям этой группы, поскольку, по его мнению, названия малолетних и термины родства (польск. *chlopies*, болг. *хлапе* 'мальчик', польск. диал. *хлор* 'муж', прибалт.-словинск. *хлуор* 'муж, мужчина') в данном случае вторичны ('слуга, работник' → 'мальчик, подросток, муж', а не наоборот): «Этимологическая невыясненность <...> не позволяет определить генезис значений 'мальчик', 'муж'. Вполне допустимо, что значение 'мальчик' именно в этом примере *\*xolpъ* развилось как вторичное в части славянских диалектов в отличие от обычного закономерного направления развития таких значений» (Там же).

Несомненно, в иллюстративных контекстах к языковым фактам, приведенным в начале статьи, подразумевается мальчик, парень, мужчина (трудно представить, чтобы *хлапом* была названа девочка, женщина), ср. у В. И. Даля: диал. (юж.) *хлопец* (*хлап*, *холоп*) 'парень, мальчик, малый' (Даль IV: 567). Остается неясным, как именно слово в южнославянской огласовке появилось в говорах Костромской области и Мордовии.

Думается, для решения этого вопроса следует обратить внимание на то, что слова *хлап* и *холоп* известны русским диалектам в качестве обозначений игральной карты: диал. *хлап* (б/указ. м.) 'карта холоп, валет' (*Краля бьет хлапа*) (Даль IV: 565), диал. *холоп* (б/указ. м.) 'в картах, валет' (Даль IV: 576), волог. *хлап* 'валет (название карты)' (*У меня был винновый хлап; Ты зачем с хлапа-то пошел?*) (Дилакторский 2006: 540), волог. *холоп* 'валет в картах' (Там же: 543), костром. *хлап* 'валет в картах' (ЛКТЭ), заонеж. (каргопол.) *хлап* 'валет (в картах)' (Куликовский 1898: 128), мордов. (рус.) *хлап* и *хлапъ* 'игральная карта валет' (*Ходи хлапом, он ш шэстёркъми сидит; Хлапъ на хлапъ – битъ; Надъ хлапим крыть-ть*) (СРГМ: 1423), ряз. *хлап*

‘валет (младшая фигура в игральных картах)’ (Деул. сл.: 583), дон. *хлал* ‘валет’ (*Валет ишо хлапам называют; Ну, а хлал десятку бьёт*) (БТСДК: 555). В словарь карточной терминологии включено как *валет* ‘игральная карта с изображением слуги’ (от фр. *valet* ‘слуга’) (Вахитов 2007: 56), так и *хлал* ‘карточный валет’ (*По примеру великих земли, и маленькие тузы и козырные хлапы имели своих пиитов* – Н. А. Некрасов, Петерб. углы, 1845; <...> *азартно играл в карты, яростно ударяя по столу то кралею, то хлапом* – Н. С. Лесков, Смех и горе, 1871) (Там же: 262).

В данном случае могут быть полезны историко-культурные сведения. Исследователь истории карточных игр В. В. Шевцов говорит о том, что первое документальное свидетельство появления карт в России относится к 1586 году, излагает существующие версии относительно того, как игра в карты распространилась на Руси и какие источники имеет терминология картежников, отмечает достаточно позднее начало производства карт в России – XVIII век (1722 г.) (Шевцов 2005: 5–44). В частности, сообщается о двух возможных путях ввоза игральных карт. В. В. Шевцов приводит точку зрения В. И. Чернышева, согласно которой ранняя русская карточная терминология имеет наибольшее сходство с чешской (черви, бубны, жлуди, вины; туз, король, или краль, краля, и хлап), а игральные карты завозились в Россию через ее южные и юго-западные границы греческими и молдавскими купцами (Шевцов 2005: 21), однако в полемическом ключе замечает: «До настоящего времени нет прямых и точных исторических фактов, указывающих на проникновение игральных карт в Россию из Чехии, следовательно, несмотря на лингвистическое сходство русской карточной терминологии с чешской, нельзя с полной уверенностью говорить о чешском происхождении русских игральных карт» (Там же). С другой стороны, приводятся доказанные историческими документами факты ввоза больших партий игральных карт по Северному морскому пути в Архангельск и Петербург, откуда они попадали в Центральные районы, на Урал и далее в Сибирь (Шевцов 2005: 23). Таким образом, исторически имело место активное проникновение карточных игр в культуру – как дворянскую, так и крестьянскую.

В описанных условиях слов *хлал* в значении ‘валет в картах’ получило широкое распространение, то есть стало принадлежать общерусскому просторечию. Современное литературное обозначение карты этого достоинства – *валет* – сравнительно

позднее, как указывает П. Я. Черных: «Рус. *валет* известно с XVIII в.: “Описание карт. игр” (1778 г.) Г. Комова, хотя обычно этот автор все же пользуется термином *хлап* (чеш. *chláp*) или *холоп* <...> В поэме В. И. Майкова “Игрок ломбера”, 1763 г. валет называется только *хлапом*: “которого злой *хлап* червонный поражает” <...>. В русских говорах название валета *хлап* держалось долго: его отм. Даль» (Черных 2: 133).

Усвоение слова *хлап* из карточной терминологии с последующим появлением у него переносных значений ‘ленивый человек’, ‘непутевый человек’, ‘незнакомый человек’ объясняет несоответствие фонетического облика анализируемых лексем особенностям северных говоров.

Семантически же связь рассматриваемых диалектных лексем с *хлап* ‘карточный валет’ представляется допустимой на фоне того, что название игровой карты, являющейся по достоинству валетом, может служить обозначением подростка, мальчика. Это подтверждается жаргонными вариантами словоупотребления собственно слова *валет*. Например, в уголовном жаргоне фиксируется слово *валет* ‘мальчик’, в лагерном – *валет* ‘юркий сообразительный парень’ (БСЖ: 87). А. М. Селищев приводит яросл. (школ. жарг.) *валет* ‘мальчик’ (Селищев 2003: 79). В составленном А. В. Миртовым словаре «Из лексики ростовских беспризорников и босяков» находим рост. *валет* ‘мальчик’ (Миртов 1929: 409). Для заимствования из французского языка значение ‘мальчик’, способное появиться в соответствии с достоинством игровой карты («младшая из фигур») и изображением на ней молодого человека (первоначально – кавалера, молодого дворянина), явно вторично. Можно допустить, что такие же семантические трансформации имеют место и со словом *хлап*.

К реконструкции таких связей располагает и тот факт, что названия игровых карт нередко становятся источником для появления социальной лексики, а именно характеристик людей. Приведем несколько примеров:

1) ‘*главенствующая карта*’ → ‘*человек с выдающимися качествами*’: семантическими дериватами слова *козырь* ‘карта главенствующей масти, бьющая любые карты других мастей’ (Вахитов 2007: 72) являются такие лексемы, как сарат. *козырь* ‘об умном, самостоятельном человеке, независимом в суждениях и поступках’ (СРНГ 14: 77), ворон., дон., курск., волог. *козырь* ‘о бойком, энергичном, смелом и ловком человеке’ и ‘проворный парень’ (*Он козырь парень, в обиду не*

дастся) (Там же), ворон., вят. *козырь* ‘прозвище (даваемое человеку по его физическим и нравственным качествам)’ (*Он козырь парень, в обиду не дастся*) (Там же);

2) *‘старшая карта масти’* → *‘влиятельный человек’* → *‘важничаящий человек’*: у слова *туз* ‘старшая карта масти’ (Вахитов 2007: 168), как известно, развивается переносное значение – *туз* ‘богач, вельможа, знатный, богатый человек’ (*Что за тузы в Москве живут и умирают!*) (Даль IV: 452); ср. также производное – перм. (собир.) *тузьё* ‘высокопоставленные, важные люди’ (*После войны тузьё-то в деревню реденько приезжало*) (СПГ 2: 453); слово проявляет активность и во фразеологии: перм. *ходить как туз* ‘о важно, гордо, с заносчивым видом расхаживающем человеке’ (СПП: 119);

3) *‘король’* → *‘солидный человек’* или *‘не уважающий других’*: моск., твер., калуж., влад., яросл. *бардадым* ‘солидный, видный человек’ (СРНГ 2: 113), иркут. *бардадым* ‘о том, кто не уважает старших’ (Там же), вероятно, являются семантическими дериватами термина *бардадым* ‘карточный король черной масти’ (Вахитов 2007: 43). «Несомненно, заимств. из польск. *bernardyn*, др.-польск. *barnardyn, barnadyn* ‘монах-бернардинец’ в качестве шутливого обозначения короля черной масти; см. Трубачев, Этимологические исследования по русскому языку, 3, 1961, стр. 42—44» (Фасмер I: 126); подробнее см. (Трубачев 2004: 746–748);

4) *‘дама трэф’* → *‘колдунья’* → *‘сварливая женщина’* → *‘женское прозвище; ругательство’*: так, примечательна связь между костр. *шамайка* ‘дама трэф’ (*Когда играешь в козла, шестёрка крестовая да дама крестовая – шамок, другая шамайка; Покрыл шестёркой, поймал шамайку; Шамайка – это когда в козлы играют, так даму крест называют или шестерку крести, которая ловит даму*), костр. *шамайка* ‘колдунья, ворожея’ (*У нас была девка Шамайка, и мать звали Шамайка, и её. А из-за чего – не знаю. Она недопонимала немного. Шамайка – это знает кто, ворожит. А она не ворожила*), костр. *шамайка* ‘вздорная, сварливая женщина’ (*Баба у его шамайка такая, жизни не дает*), костр. *шамайка* ‘ругательство’ (*Ах ты, шамайка! Шамайка – смешное слово. Одну женщину так звали*) (ЛКТЭ).

Как можно заметить, такому семантическому переносу способствует сходство двух иерархически организованных систем – игральных карт, которые различаются по достоинству, и социума с подчинительными связями в нем.

Карты с изображениями человеческих фигур – валет, дама, король – закономерно более других подходят для ассоциирования с людьми. Король ожидаемо ассоциируется с образом мужчины зрелых лет и высокого статуса, дама – с образом женщины, валет – с образами мальчиков, подростков, молодых людей.

Обратим внимание, что собственно значение ‘мальчик, юноша’ у слова *хлап* не зафиксировано. Существенным семантическим «довеском» является какая-либо характеристика – ‘непутевый’, ‘ленивый’, ‘незнакомый’. Из них первые две обусловлены влиянием представлений о «типичных» чертах поведения еще не взрослых людей – «балбесов», слоняющихся без определенных занятий. Даже в иллюстративных контекстах с упоминанием незнакомца, человека, которого не удастся узнать, речь идет именно о том, кто ходит по улице, слоняется. Но все же последний детерминант (‘незнакомый’) предопределен, на наш взгляд, и собственно свойствами карточной фигуры.

Проекция с валеда на незнакомца основывается, возможно, на гадательной функции карты. Именно валет в гаданиях символизирует неизвестное лицо: «Загадываете на одного из валецов незнакомца, а на трех остальных по интересному Вам мужчине»; «Бубны: валет – незнакомец», «Валет бубен в сочетании с валетом червей – неприятности от чужого человека» (из описания гаданий) и др.

Идеограмма ‘незнакомый человек’ кажется нам своеобразной, уникальной по двум причинам. Во-первых, лексема *хлап* в этом значении своеобразна для той культурной традиции, к которой она имеет отношение: только в относительно «замкнутом» пространстве деревни, где все друг друга знают, возможно функционирование слова с таким значением. Во-вторых, *хлап* ‘незнакомый для говорящего человек’ нельзя отнести к довольно большой группе слов, называющих чужих людей, представленной в русских народных говорах обозначениями по преимуществу неместных, неместных, некоренных жителей деревни или села, то есть в сущности людей, уже освоившихся в данной местности, не являющихся «незнакомцами» для местных жителей: ср.-обск. *чужьяк* ‘нездешний человек из чужой деревни, города’ (*Она была за чужьяком замужем*) (КСРНГ), костр. *перехоже́нец* ‘приезжий, неместный’ (*Перехоженцев у нас немного*) (ЛКТЭ), смол. *набрóд* и *набрóс* ‘пришлое население’ (ССГ 6: 186), енис. *чудь* ‘чужой, не свой’ (КСРНГ), сузд. *чужосéльна* ‘из чужого села’ (КСРНГ), твер. *anáхонь* ‘(собр.) приезжие люди, неместные’ (*Хорошие всё*

люди были, а сейчас наехавша всякая анахонь) (ТСГТО: 31) и др. Разным аспектам «чужести», отраженным в диалектной лексике, посвящена работа Р. Н. Порядиной, которая, в частности, отмечает актуальность идеограммы 'незнакомец' для диалектного дискурса (Порядина 2007: 46).

Однако думается, что значение лексемы можно уточнить. В слове *хлап* актуализирована, как нам кажется, не столько чужесть (в варианте «незнакомость»), сколько неузнанность. Незнакомый человек – значит, такой, чужесть которого уже установлена. Валет (*хлап*) – не незнакомый, а именно неузнанный, и он может оказаться своим по выяснении обстоятельств, ср. типовые контексты, отражающие попытки понять, кто он – свой или чужой. Речь идет о вопросительных конструкциях (*Что за хлап ходит?; Чей хлап с утра ходил по улице?*), об устойчивой сочетаемости существительного *хлап* со словом *чей*. Потенциально возможная принадлежность *хлапа* к какому-нибудь семейству, дому более всего занимает говорящего как средство «идентификации личности» (он гадает, кто же это). Говорящий прежде всего подыскивает незнакомцу место в известном ему социальном пространстве.

Таким образом, комментируя диалектные фиксации слова *хлап* в качестве обозначения человека, мы считаем важным отметить следующее:

– мы имеем дело с семантической деривацией: источником для образования экспрессивных обозначений людей выступает карточная терминология;

– только усвоение слова *хлап* из карточной терминологии объясняет несоответствие его фонетического облика особенностям северных и среднерусских говоров;

– название игральной карты, являющейся по достоинству валетом, может приобретать переносное значение 'подросток, мальчик, юноша';

– проекция с вала на незнакомца основывается, возможно, на гадательной символике карты.

– лексема *хлап* в значении 'незнакомый человек' своеобразна для замкнутого крестьянского деревенского социума, где все друг друга знают;

– значение лексемы *хлап* следует уточнить в варианте 'неузнанный человек'.



### Литература

- БСЖ – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона / С.-Петербург. гос. ун-т. Межкаф. слов. каб. им. Б. А. Ларина. СПб.: Норинт, 2000.
- БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики; Каф. общ. и сравнительн. языкознания. М.: Русские словари: Астрель: Издательство АСТ, 2003.
- Вахитов 2007 – Вахитов С. В. Карточная терминология и жаргон XIX века: словарь. 2-е изд., исп. и доп. М.: А ТЕМП, 2007.
- Даль 1981–1982 – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.: Русский язык, 1981–1982. (Репринт с изд. М., 1880–1882).
- Деул. сл. – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссоветского. М.: Наука, 1969.
- Дилакторский 2006 – Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / Институт лингвистических исследований РАН; издание подготовили А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2006.
- КСРНГ – Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).
- Куликовский 1898 – Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1898.
- ЛКТЭ – Лексическая картотека топонимической экспедиции Уральского федерального университета имени первого Президента Б. Н. Ельцина (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург)
- Миртов 1929 – Миртов А. В. Донской словарь: материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929. (Труды Северокавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. № 58. Выпуск 6).
- Порядина 2007 – Порядина Р. Н. Лики «чужого» в народной культуре // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 44–50.
- Селищев 2003 – Селищев А. М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком (1917–1926). 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- СПГ – Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 2000–2002. Вып. 1–2.
- СПП – Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб.: Норинт, 2001.
- СРГМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия / Ин-т лингв. исслед. РАН. Ч. I–II. СПб.: Наука, 2013.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. Вып. 1–46. М.; Л. (СПб.): Наука, 1965–2013.

- ССГ – Словарь смоленских говоров / под ред. А. И. Ивановой. Вып. 1–11. Смоленск: Смолгортипография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Смолоблисполкома, 1974–2005.
- Трубачев 2006 – Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / предисл. Г. А. Богатовой-Трубачевой. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: КомКнига, 2006. (Лингвистическое наследие XX века.)
- Трубачев 2009 – Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1–4. М.: Языки славянской культуры, 2004–2009.
- ТСГТО – Тематический словарь говоров Тверской области / под ред. Т. В. Кирилловой. Т. 1–5. Тверь : ТвГУ, 2002–2006.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1986–1987.
- Черных 1999 – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 3-е изд., стер. Т. 1–2. М.: Русский язык, 1999.
- Чернышев В. И. Терминология русских картежников и ее происхождение // Русская речь: сборник II / под ред. проф. Л. В. Щербы. Л., 1928. С. 45–68.
- Шевцов В. В. Карточная игра в России (конец XVI – начало XX в.): история игры и история общества / ред. А. Н. Жеравина, Э. Л. Львова. Том. гос. ун-т. Томск: ТГУ, 2005.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. Вып. 1–38. М.: Наука, 1974–2012.

**T. V. Leontyeva. “Whose *chlap* [хлап] was walking along the street in the morning?”:  
on the history of the Russian dialectal word *Chlap* [хлап]**

The article covers dialectal evidence of word *khlap* [хлап] ‘a loafing idler’, ‘a lazy person’, ‘a stranger’ in the Kostroma region and Mordovia. It has been proved that these meanings derived from the name of a playing card common to all-Russian vernacular, namely ‘the Jack’. Historical and cultural data on the tradition of playing cards being adopted in the country dates back to the 16<sup>th</sup> century. Soon the game became widely spread. Adoption of the word *khlap* [хлап] from card terminology explains discrepancy between its phonetic shape and features of northern and central Russian dialects. The relation of considered dialect lexemes to *khlap* [хлап] ‘jack’ is supported by similar facts when words used to describe people initially come from card terms, cf. figurative meanings of such words as *tuz* [туз], *kozur* [козырь], *bardadym* [бардадым], *shamajka* [шамайка], *valet* [валет]. It is noted that such semantic transformations happen due to similarity of two hierarchically organized systems: on the one hand, the system of playing cards that differ by their denominancy over one another and the system of society with subordinative relations on the other. It is emphasized that cards bearing human images, i.e. the Jack, the Queen, the King, are more suitable by their nature to be associated with people, i.e. the King stands for a mature man of high social status, the Queen is a woman, the Jack is a teenage boy or a young man. The author pays attention to the fact that there is no evidence for the word *khlap* [хлап] meaning ‘a boy, a

young man'. Essential semantic "makeweight" is that of some characteristics – 'scampish', 'lazy', 'unfamiliar'. Semantic originality of word *khlap* [хлап] 'stranger' is discussed. It is proposed that conjectural symbolics of the card is in fact a projection from the Jack onto a stranger. The article pays attention to the originality of lexeme *chlap* [хлап] meaning 'stranger' in secluded rural peasant society where everybody knows each other. The meaning of lexeme *khlap* [хлап] might be specified as 'not recognized person'.

*Keywords:* ethnolinguistics, semantics, Russian national subdialects, society, playing card, card terms, jack, chlap.



# **ФОРМИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ ЕВРОПЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**





S. V. Ivanov

**THE LEGEND OF THE TWELVE GOLDEN FRIDAYS  
IN THE WESTERN MANUSCRIPTS  
Part I: Latin. Addenda et Corrigenda.  
Part II: Vernacular – II.1 French, II.2 Italian\***

Данная статья является продолжением публикации библиографических и справочных материалов по легенде о 12-ти пятницах, начатой в предыдущем томе Трудов. В этом разделе содержатся дополнительные материалы по латинским спискам легенды, а также перечни французских и итальянских списков.

*Ключевые слова:* легенда о 12-ти пятницах, латинские рукописи, библиография, источниковедение.

This paper is a continuation of the paper published in the previous volume of Acta (see Ivanov 2012b), and here I will continue listing the MSS containing the text of the twelve Fridays legend.

But since the study of the manuscript tradition of the Legend is a work in progress, and since new material continuously comes to light, first of all I have to return to the published Part I to offer some amendments and additions. In what follows I shall present corrigenda for the items already discussed, referring to the number they had been given in the Part I.

**Corrigenda to the Part I:**

***1. MS Vat.lat. 1349, Biblioteca Apostolica Vaticana***

For the MS description see Kuttner, Elze 1986: 109, who noted that the Clementine entry was added in a late 11th cent. hand.

***23. The reference to the MS Harley 1820 in Flower (1926: 496) is actually a slip of the pen, as he obviously has meant MS Harley 1280 (CHM I: 646).***

***24. MS Harley 1294, British Library***

*See also CHM I: 650.*

---

\* Данная работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект № 13-04-00062).

**30.\* MS 2146, Biblioteca Universitaria de Salamanca**  
*Recently edited by the present author (Ivanov 2012a).*

**31. MS Reg.lat. 399, Biblioteca apostolica Vaticana**

The MS was described by A. Wilmart (1945: 459); inc. and expl. show that here we have a contamination of the Fridays list and the reasons for fasting. However, the text has been crossed out and is only partially legible.

**32. MS NAL 693, Bibliothèque nationale de France**

On this MS see also Delisle 1899: 334–337.

**35.\* Cod. 1629, Österreichische Nationalbibliothek, Wien**

This text was in fact published by Silverstein (1935: 195) and reproduced by Jirousková (2006: 649).

### **Addenda to the Part I:**

Now I will add some material overlooked in my previous paper.

**54.** In the MS **Vat. lat. 86, Biblioteca Apostolica Vaticana** (1st half of the 12th cent.), one finds Psalter and canticles with ordinary and interlinear glosses, and the Legend text on fol. 4. See Vatasso, Cavalieri 1902: 89.

**55.\*** The MS **33 from Biblioteca Civica di Fermo** (12th cent.) contains sermons and the Legend on fol. 5r-v. This text was published by Serafino Prete (1954) who also gave a description of the MS.

**56.** The text of the Legend is written on the last page (fol. 155r) in **Cod. 660, Österreichische Nationalbibliothek** (12th cent.) from the Mondsee Abbey which also contains homilies by Gregory the Great, St Jerome and Beda, and some notices relating to the lands in the Abbey's possession. On the MS see Tabulae I, 113–4, and on the legend text cf. Schiffmann 1901: 365.

**57.** The MS **Vat. lat. 4406, Biblioteca Apostolica Vaticana** (12th cent.), contains a Benedictine Psalter, canticles, calendar tables, and the Legend (fol. 120), see Ehrensberger 1985: 22–3.

**58.** The Legend is preserved in the MS **169, Eton College Library** (early 13th cent.), fol. 177v. See Ker 1977: 767–8.

**59.** In the MS **C 12, St John College Library** (13th cent.), one can find excerpts from the Church Fathers, a bestiary, *sermones de tempore*, a legend of the 15 signs before Doomsday, *Vita Eadmundi*



*Cantuariensis*, various short items including a note on *dignatio diei Veneris* (fol. 123r, lower margin) which is repeated on fol. 126v. On the MS see James 1913: 82–6.

**60.** The **MS D 20** of the same Library (14th–15th cent.) comprises *Tabula Ianuensis*, collections of short stories and notes, among them the text of *dignatio* on fol. 193v–194r. On the MS see James 1913: 125.

**61.** The **Ms Barth. 37** from **Goethe Universität, Universitätsbibliothek, Frankfurt-am-Main** (circa 1300) contains decretals of Gregory IX and Innocent IV and a number of short notices by various later hands (of 14th cent.) on fol. 229v, including the Legend text. See Powitz, Buck 1974: 75–6.

**62.** The **MS Vat. lat. 9422, Biblioteca Apostolica Vaticana** (14th cent.), includes calendars, antiphonary, canticles, music notes, and our text on fol. II, see Ehrensberger 1985: 316–7.

**63.** It is also found in a late 14th cent. **MS 14, Stonyhurst College, Society of Jesus**, fol. 11v. See Ker, Piper 1992: 387–8.

**64.\*** The **MS 899, Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University** (14th cent.) is a collection of sermons, with a note on the reasons for fasting on Fridays added by another hand on the last fol. 85r of the MS. A description of this MS by Albert Derolez who also edited the list of events is available on-line <http://brbl-net.library.yale.edu/pre1600ms/docs/MS899.pdf>.

**65.** The **MS 10 C sup., Biblioteca Ambrosiana, Milano** (1340–1342), contains a treatise *De mineralibus libri quinque, De natura rerum* by Isidore, a treatise by Burgundio of Pisa, and the text of the Legend on fol. 133v. On the MS see Rivolta 1929: 488.

**66.** The **Ms. 2<sup>o</sup> theol. 39, Bibliothek der Stadt Kassel und Landesbibliothek** (late 14th cent.), comprises an abridged version of *Rationale divinorum officiorum* by William Durand, sermons by Ps.-Thomas Aquinas and Peregrinus von Oppeln. Our text is on fol. 135v. See Wiedemann 1994: 47–50.

**67.** The **Ms. m. r. IX 3 25, Biblioteca Berio, Genova** (year 1353), contains *Chronicon* by Jacobus de Voragine, Passion of Jesus Christ (in Genoese), *Visio Thugdali*, a Letter of St Bernard to Raymond (in Italian, cf. Italian section, №№ 2, 12, 13), *De imagine crucifixi* by Anastasius of Alexandria and the Legend on fol. 57r. See Pezzi 1963: 105–107.

**68.** Grażyna Rosińska (1984: 133) has observed that our text occurs on fol. 56v of the **MS 2729, Biblioteka Jagiellońska, Kraków** (2nd half of the XVth cent.).

**69.** The **Ms. II. 1. 4° 62, Augsburg Universitätsbibliothek** (late 14th cent.), includes rhetorical treatises, a vocabulary to Lucian, a calendar of diocese Eichstätt, computistical and astrological matters, inter alia a versified (!) Latin version of the Legend with an explanation in German (fol. 134v), a Passion Play, and Lamentations of Mary. See Hilg 2007: 412–8.

**70.** The **Ms. I. XL/2, Archív Pražského Hradu, Rukopisy knihovny Metropolitní kapituly u sv. Víta** (year 1384), is a collection of juridical documents and papal letters, our text is preserved on fol. 1a, see Patera, Podlaha 1922: 157–9.

**71.** The **Ms. O. XLII** of the same collection (1st half of the 15th cent.) contains, inter alia, statutes of the archbishop of Prague, treatises by Thomas Hibernicus and Jacobus de Lausanne, *Mammotractus*, collectanea from patristic sources and various liturgical and homiletic texts, see Patera, Podlaha 1922: 510–513. The Legend is found on fol. 75v.

**72.\*** The **Ms Pal. 763, Biblioteca Nazionale Centrale, Florence** (year 1466), was described by Gentile (1890: 293–295). It contains medical recipes, verses on the correspondence between the signs of the zodiac and parts of the human body, other astrological topics, the *Book of Sidrach*, some devotional verses in Italian, and the Legend on fol. 160v. This text was recently published by Britta Olrik Frederiksen (2008: 187–8).

**73.\*** In the same paper (Frederiksen 2008: 186), the author edited the Latin text of the Legend from **MS R II.64 fol. 392va, Bibliotheca Batthyanyana, Alba Iulia (Roumania)**, written in 1427, where it is found surrounded by medical recipes and other brief notes.

**74.** The **Ms II.II.67, Biblioteca Nazionale Centrale, Florence**, is a volume written in many hands of different (13th–15th) centuries. Our text is found in the portion written by a 15th century hand on fol. 159r-v. On the MS see Bertolini 1988: 459–469.

**75.** In the **MS British Library, Royal 17 A XVI** (year 1420) there is a calendar, other astronomical and computistical matters, charms, and mnemonic verses. On the fly-leaves many additions

were written down in later hands of the 15<sup>th</sup> cent., among others reasons for fasting on Fridays on fol. 3.

**76.** The Legend text is added by a hand of 14<sup>th</sup>–15<sup>th</sup> cent. On fol. 1v of the **MS lat. 2509, Bibliothèque Nationale de France** (12<sup>th</sup> cent.), which contains *Expositio in Psalmos* by Bruno Signiensis. On the MS see Catalogue général 1940: 495.

Thus, so far in my list there are 76 MSS containing the Latin text of the Legend, including 17 texts published. They range from the 11<sup>th</sup> till 16<sup>th</sup> ccent., and, as has been already noted, there are several types of texts with which the Legend is more likely to occur. To the juridical and disciplinary texts in the MSS №№ 1, 3, 9, 10, 13, 14, 31, 51, 52 now we can add those in the MSS 61 and 70. The list of the MSS containing astronomical texts, calendars, dies Egyptiaca, Easter tables and other computistical matter (№ № 4, 5, 15, 29, 32, 33, 40, 41, 44, 45, 49) may now be broadened with the MSS 57, 62, 69, 72, and 75. The co-occurrence with medical texts (as in the MSS № № 26, 28, 32, 36, 40, 48) is also attested in the MSS 72 and 73.

With regard to the position of the text in the manuscript, the text is often written on the first or the last page of the MS, or on the fly-leaf inserted later, or written in a later hand in the MSS №№ 56, 61, 64, 70, 75, and 76. In the MS № 31 the text is crossed out just as in the MS № 19.

## Part II

### 1. French

**1.\*** The Legend in the form of *dignatio diei Veneris* occurs on fol. 60r at the end of the **MS 1098 Nouvelles Acquisitions françaises, Bibliothèque Nationale de France** (middle 13<sup>th</sup> cent.) which contains Vita of St Denis. On the MS see Omont 1899: 144–5, Delisle 1877. The text was edited by Suchier (1910: 584).

**2.\*** The Legend text is found on fol. 170 of the **MS 815, Universitäts- und Landesbibliothek Darmstadt** (2<sup>nd</sup> half of the 13<sup>th</sup> cent.) which, among other texts, comprises medical recipes, a herbal, and Lunar calendar. The text was edited by Haust (1941: 129–130).

**3.\*** The Legend, along with other short notes, such as a note on the fairs of Champagne, is written in the lower margin of the Latin calendar (fol. 3) in **MS 412, Fonds Français, Bibliothèque Nationale de France** (late 13<sup>th</sup> cent.), which also contains a

collection of legends of the saints and a bestiary. On the MS see Catalogue 1868: 39. On the Legend text see Suchier 1910: 169. The text was edited several times: by Montaiglon (1853: 171–3, as MS shelfmark is given № 7019<sup>3</sup>), then by Veselovsky (1876: 333–4), who used a transcription prepared by Gaston Paris (this version is reproduced by Frederiksen 2008: 193–4), and the second part of the text (*dignatio diei Veneris*) was also edited by Moland (1857: 411), and later reproduced in (Moland 1862: 104) and in anonymous *Curiosités théologiques* attributed to P.G. Brunet (Brunet 1861: 314–5). This diversity of editions, which do not agree completely because of editorial conveniences, caused some errancies: thus, Alexander Veselovsky, misguided by such a heap of evidence, published the text after Gaston Paris' transcription, but added variant readings from *Curiosités*, not being aware that this is the same text. See Suchier 1910: 169–170, note 3.

**4.\*** The MS in private possession (13th cent.) was described by Schneegans 1910. It is a small volume containing a calendar, a compute, a fragment of the Latin Gospel of Luke, *dies egyptiaci*, the text of the Legend (fol. 15r-v), *les foires de Champagne*, the prophecies of Ezekiel (a kind of prognostics for the year depending on the day of the week on which January begins) and an apocryphal story of Adam's creation. The text was edited by Schneegans (1910: 641). Unfortunately, I was not able to determine the current whereabouts of this MS. However, its contents suggest a strong affinity with № 3 and № 11 (cf. entry on the fairs of Champagne), and with № 17 (cf. apocryphal legends on the creation of Adam), but also with № 19. Cf. also Suchier 1910: 170.

**5.\*** The **MS 671 (A. 454), Bibliothèque de Rouen** (13th–14th cent.), includes both the French and the Latin texts of the Legend (fol. 251v French, fol. 261 Latin). Among other topics, the MS contains a computistical treatise in verse, the prophecy of Ezekiel, *dies egyptiaci*, and the legend on the creation of Adam. On the MS see Omont 1886: 178–181. See also Suchier 1910: 171. Both texts were edited by Meyer (1883: 96–98). The Latin text entered the first part of our inventory (Ivanov 2012b) under № 29.

**6.\*** The illuminated **MS 9391 Bibliothèque royale de Belgique**, comprises a calendar, Psalter-Hours of the use of St-Amé, prayers and other liturgical matters, and our Legend on fol. 170r-v, followed by *dies egyptiaci*. Van den Gheyn (1901: 475) dates it back to the 13th cent., but Suchier (1910: 169) gives the date 15th cent. Gaspar, Lyna (1984: 236) suggest the period towards 1300 as the most

probable date. On the MS see Van den Gheyn 1901: 473–5, Gaspar, Lyna 1984: 236–9. The text was edited by Suchier (1910: 581–583).

**7. The MS lat. 7486, Bibliothèque Nationale de France** (14th cent.), contains mainly Latin treatises on calendrical, computistical and prognostical matters, such as *De prognosticatione sompniorum* by William of Aragon, *Physiognomia* by ps-Aristotle, *De aureo numero et de terminis Paschalibus*, astrological writings *De astrologia judiciaria*, etc., but also three short texts in French, including our Legend on fol. 21r. On the MS see CCM: 365. The incipit and explicit of the Legend text are reproduced in (Crespo 1982: 69).

**8.\*** The text of the Legend occurs on fol. 12r-v of the **MS I. 4. 31, Emmanuel College, Cambridge** (14th cent.) along with selections from *Lucidarius* on astronomical matters, some poems in French, *le office des Mors*, prayers in French and Latin, a Latin dialogue between the body and the soul, some Middle English notes, a calendar, proverbs (excerpts from ancient philosophers and prophets), a dialogue between father and son, etc. On the MS see James 1904: 90–94. Edited by Suchier (1910: 580–1).

**9.\*** In the **MS British Library, Harley 2253** (c. 1330–1340), there are many different texts in Latin, French and English both in verse and prose, such as *The Harrowing of Hell* and the *Debate between the Body and the Soul*, medical recipes as well as poems *The fair maid of Ribblesdale* and *The Death of Edward I*. The Latin texts include Lives of the Saints and various prayers. Among the French items, most notable are *Passion of Our Lord*, *Gospel of Nicodemus*, stories of the Apostles, stories from the Old Testament, short poems, and the reasons for fasting on Friday (fol. 135r). On the MS see CHM, II, 585–591. The facsimile of the MS was published in the Early English Text Society series, see Ker 1965.

**10.\*** The Legend occurs on the last page (fol. 28) of the **MS 2485, Fonds Français, Bibliothèque Nationale de France** (14th cent.), a small collection of computistical and astrological texts. On the MS see Catalogue 1868: 424. The text was edited by Suchier (1910: 583–4), and, recently, by Frederiksen (2008: 194), who considers it as ‘not previously published’.

**11.\*** The **MS 2 fondo antico, codici francesi, Biblioteca Nazionale di S. Marco, Venice** (14th cent.), is occupied mostly by the account of world history since the Creation till Mithridatic wars which is preceded by a collection of short notes, most notably *les*

*foyres de Champagne, physique des mois*, a Lunar calendar, and our Legend on fol. 4r-v. The text was edited by Suchier (1910: 583–4). On the MS see Ciàmpoli 1897: 2–6. The contents of the notes suggests a strong connection with the MSS № 3 and № 4.

**12.\*** The **MS 12, Bibliothèque de Salins** (15th cent.) contains *Le livre des temptacions de l'ennemi de l'enfer*, the treatise “de mendicite spirituelle” by Jean Gerson, *la regle de vie*, the French text of the Legend on fol. 152, *Elucidaire, L'escripture divine abregiée* followed by the Latin text of *dignatio diei Veneris* (fol. 231), some other works by Jean Gerson, *Destructio de Jherusalem*, and *Enfant sage*. This MS is considered under № 46 in part I of the manuscript inventory due to the occurrence of the Latin text, see Ivanov 2012b: 568. On the MS see Catalogue général 1888: 5–8. Both the French and the Latin texts of the Legend were edited by Suchier (1910: 87, 137 (Latin), 581–3 (French)). It should also be mentioned that the Legend, in the form of *dignatio diei veneris* is preserved in the famous dialogue *L'enfant sage*, which was thoroughly studied by Suchier (1910). The Legend text in *Enfant sage* was edited from this MS by Suchier (1910: 424 (answer 22)).

**13–15.\*** The next three MSS, namely **MS 1164 Fonds Français, Bibliothèque Nationale de France** (before 1446), **MS 57, Bibliothèque municipale, Rodez** (15th cent.), and **MS 3391, Österreichische Nationalbibliothek, Wien** (15th cent.) contain *dignatio diei veneris* within *L'enfant sage*, edited by Suchier (1910: 424, 436, and 457–8).

**16.\*** The Legend text from the **MS 70, Archives départementales du Doubs, Besançon** (year 1430), fol 2v, was edited by Suchier (1910: 585–9) and represents a longer recension which prescribes to read a certain number of *Pater Noster* and *Ave Maria* on each Friday. The MS contains a breviary of the diocese of Besançon and short notes in the beginning and at the end of the MS, including medical recipes. Most of the notes were added later (around 1460). On the MS see Catalogue 1886: 85.

**17.\*** The **MS Ottobon. lat. 2523, Biblioteca Apostolica Vaticana** (1450–1460) contains *Le Miroir de la Conscience, le Doctrinal aux simples gens*, ballades, the lives of St Servatius and St Stephen, computistical and calendrical matters, apocryphal notes on the elements used at Adam's creation, our Legend (fol. 52v), *L'Image du Monde*, and some Latin sermons: *Sermo de Sacramento Altaris* by St Bernard of Clairvaux, *De conceptione beatae Mariae*

by Anselm, *In clementinis de solemnitate sacramenti altaris*, and *De sacramento Eucharistiae*. The Legend text, edited by Langlois (1885: 67), is actually an abridged version, retaining only the introduction and concluding with the phrase “et querez le sourplus en Lucidere”. See also Suchier 1910: 170.

**18.\*** The **MS 217 (59), Bibliothèque Municipale, Épinal**, from Metz is a commonplace book which was being filled in from the beginning till the very end of the 15th cent. It contains many short notes and excerpts from various sources, including prayers, calendars, verses etc. in Latin, French, but also in German, among them the French Legend text on fol. 31 r. On the MS see Catalogue général 1861: 422 (marked here as № 59) and Bonnardot 1876 (under № 189). The text was edited by Suchier (1910: 583–4), and, recently, by Frederiksen (2008: 194–5), who considers it as ‘not previously published’.

**19.** The Legend is found on fol. 211v-212r of the **MS 456 Lambeth Palace Library** (13th and 15th cent.) which contains texts both in French and Latin, including *De constructionibus* by Priscian, *Isagoge* by Porphyry, *Categories* by Aristotle, *De sex principiis* by Gilbert de la Porrée, *De divisione* and *De topicis differentiis* by Boethius, lecture notes on philosophy, *De natura* by Walter Burley, a selection of philosophers’ dicta in French, a French dialogue resembling the famous *L’enfant sage*, an account of the creation of Adam, Prognostics of Ezekiel, and *dies egyptiaci*. The latter three texts also occur in the MSS №№ 4 and 5, suggesting a strong link between them. On the MS see James 1932.

**20.** The Legend text on fol. 322v-323r of the **MS 574, Bibliothèque municipale de Cambrai** (15th cent.), was noted by Brayer (1965: 215). The MS also contains the sermons of St Bernard, St Gregory, Maurice de Sully, Jean Gerson and Pierre d’Ailly, the legend of Barlaam and Josaphat, devotional poems, and the “examples” (i.e. short stories).

**21.** The Legend is found on fol. 154 of the **MS 1751, Bibliothèque Mazarine, Paris** (1st half of the 15th cent.), which contains *Dialogues* by Gregory the Great, Life and Rule of St Benedict, *Constitutions* of the Pope Nicholas III for the Order of Cluny (in Latin with the French translation), mnemonic verses, short notes including *Liber de via Paradisi*, and another French translation of St Benedict’s Rule. On the MS see Molinier 1886: 227.

**22.** The **MS 791, Bibliothèque de l'Institut de France, Paris** (15th – 16th cent.) is a collection of astrological and medical matters in French and Latin, containing *De signis zodiaci*, medical recipes, tables of Stephen of Alvernia (correspondences between zodiacal signs and medical treatment), *phisique de chacun mois*, Lunar tables, *dies egyptiaci*, charms, prayers, a herbal, and the Legend on fol. 65. See Bouteron, Tremblot 1928.

**23.** The illuminated **MS HM 1088, Huntington Library** (year 1513) contains a calendar, pericopes of the Gospels, prayers in Latin and French, a Book of Hours, and the Legend on fol. 222. On the MS see Dutschke, Rouse 1989.

**24.** A prayer-book **MS 42, Bibliothèque de Poitiers** (16th cent.) contains the Legend on fol. 140–146. See Catalogue général 1894: 12.

**25.** The **MS 2694, Bibliothèque Sainte-Geneviève** is a convolute consisting of hand-written and printed works (mostly liturgical); among them *Heures de Notre-Dame*, other liturgical notes, collection of prayers (printed), including *Les quinze effusions du sang* with an attachment of *douze vendredis blancs* (fol. 224–230), see below. The printed part is dated to the 16th cent. On the MS see Kohler 1898: 453–455.

**26.\*** The same recension occurs on fol. 11r-12v of the printed edition *Lenfant saige a troy ans* (Lyon, around 1520) which was edited by Suchier (1910: 585–9).

**27.** With this book, we enter into the realm of the printed word, and, although I have confined myself to the manuscript sources, it will be proper to mention here the printed books as well since from this time on the Legend had been transmitted both in hand-written and printed forms. The next edition to be considered is the one printed in *Heures de Nostre Dame a l'usage de Rome, en Latin et en François, avec le Calendrier perpetuel reforme et les Vesperes, et Complie de toute la sepmaine de nouveau adioustees* (pp. 140r-v), Lyon 1591, by F. Arnoullet.

**28.** The same recension was reproduced in Lyon in 1597 by J. Didier. Actually, it is *Officium B. Mariae Virginis, ad usum Romanum* with an addition of “douze vendrediz blancs” (pp. 479–482) and “sept dons du Saint Esprit” (p. 482).

**29.** *Les quinze effusions du sang de nostre Sauveur et Rédempteur Jesus Christ, en la fin desquelles sont adjoustez les*



*douze vendredis blancs* was published by P. Corbault (Paris 1615). It actually contains also the Life of St Margaret.

The French versions of the Legend are contained in the MSS from the mid-13th cent. till 16th cent. when the hand-written texts start being ousted by the printed variants, see №№ 27, 28, 29. Especially instructive is the case of № 25 – a MS which consist of both hand-written and printed parts.

As well as the Latin texts, the French ones are often transmitted together with certain types of topics. Thus, they frequently co-occur with medical matters – recipes (№№ 2, 9, 16, 22) and herbals (№ 2, 22). They are also very likely to be accompanied by calendrical (№№ 2, 3, 4, 6, 8, 11, 21, 22), computistical (№№ 4, 5, 10, 17), prognostical (№№ 4, 5, 6, 19, 22), and astronomical items (№№ 7, 10) – and within this type specific texts may be noted, such as *dies egyptiaci* (№№ 4, 5, 6, 19, 22) and the prophecies of Ezekiel (№№ 4, 5, 19).

These two types of texts are also found with the Latin texts of the Legend. But, unlike the Latin texts, the French version of the Legend does not co-occur with the juridical or disciplinary topics. Instead, there is a number of texts that are frequently coupled with the Legend in the French MSS, but not so often accompany it in the Latin ones. Such are the apocryphal story of Adam's creation (№№ 4, 5, 17, 19), Lucidarius (№№ 5, 8, 12), the dialogue between the body and the soul (№№ 8, 9), and excerpts from ancient philosophers and prophets (№№ 8, 19).

Sometimes, the Legend occurs within a fixed set of texts, which may give rise to the suggestion that this is not a mere coincidence and that there is a link between the MSS involved. For example, the conjunction of *dies egyptiaci*, prognostics of Ezekiel, story of Adam's creation, and the Legend is to be found in three MSS – №№ 4, 5, and 19. Whatever the ultimate interrelation between these MSS, it is very probable that this block of texts was transmitted as a whole.

Although we were able to find only 25 hand-written texts of the French version of the Legend, its popularity is confirmed by the fact that they appear in print since 1520. An indirect witness of its wide distribution comes from the *Index librorum prohibitorum* compiled under the surveillance of the French Inquisitor General Vidal de Bécanis between 1540 and 1550 where one can find an entry *Le livre des vendredys blancs* which without doubt means the Legend of the twelve Fridays (see Reusch 1886: 132). The Legend also entered another list of forbidden books by the Inquisitor of Toulouse in 1548–1549 (see de Freville 1853: 18).

## 2. Italian

1.\* The MS **Biblioteca Corsiniana, Rossi 30 (44.C.5), Biblioteca dell'Accademia Nazionale dei Lincei** (early 14th cent.) contains legends of saints (St Louis, St Zenobius, St Jerome, St James, the Virgin), St Partick's Purgatory, 7 gifts of the Holy Spirit, some treatises by St Bernard, including *De conscientia* and *De quattro gradi della caritate*. On the MS see Amati 1866: xxii–xxxi. On the text see also Suchier 1910: 167. The text was edited by Amati (1866: 5–7), and reprinted by Veselovsky (1876: 331–2).

2. In the MS **1354 Biblioteca Riccardiana, Firenze** (late 14th cent.), one can find the Life of Jesus Christ according to Gospels, the Gospel of Nicodemus, various notes, among them our Legend (fol. 41r), a Letter of St Bernard to Raymond, the legends of St Catherine, St Julian, St Hilary, account of some miracles, and the Life of St Francis. On the MS see Morpurgo 1900: 412–4.

3. MS **1422 Biblioteca Riccardiana, Firenze** (14th cent.), comprises two treatises by St Bernard of Clairvaux (*De conscientia* and *Contemplationes*), the legend of Barlaam and Josaphat, followed by the twelve Fridays (fol. 102r), *I trenta gradi della scala celestiale* attributed to St Jerome, some sermons and notes. On the MS see Morpurgo 1900: 460–461.

4. The Legend is found on fol. 44v–45r of the **Cod. Pal. 93, Biblioteca Nazionale Centrale, Firenze** (late 14th cent.), among other doctrinal and disciplinary notes, including *Dei Doni dello Spirito Santo*. The MS also contains the Legend of St Jerome, miracles of St Zenobius of Florence, legends of St Margaret, St Lucia, St James, and St Christofanus, as well as St Patrick's Purgatory. On the MS see Gentile 1889: 86–8, Palermo 1853: 168–9, 276, 290, and Bertolini 1988.

5. The MS **It., II. 2, Biblioteca Nazionale di S. Marco, Venezia** (14th–15th cent.), opens with the Legend text (fol. 1r), followed by the description of Holy Land, Ethics by Aristotle, a treatise “della petizione”, the Latin Itinerary by Odoric of Pordenone, a Latin poem, sermons by St Bonaventure, a letter from Rabbi Samuel of Marocco to Rabbi Isaac of Subiulmeta, exposition of Psalms, the Latin Gospel of Nicodemus. On the MS see Frati, Segarizzi 1909: 192–5.

6. Rossi (1888: 492) noted the text of the Legend in the MS **It., XI. 32, Biblioteca Nazionale di S. Marco, Venezia** (15th–17th cent.), as part of a selection of devotional and astrological topics.

**7. The MS 1052 Biblioteca Riccardiana, Firenze** (15th cent.), contains regulations by Cato, *Credo* di Dante, verses by Niccolò Cieco, Life of St Cecilia, meditations on the life of Jesus Christ, short notes, including our Legend (fol. 89–90), the legend of St Ismeria. On the MS see Morpurgo 1900: 47–8, Lawless 2010: 362.

**8. In the MS 1334 Biblioteca Riccardiana, Firenze** (15th cent.), are included sermons by St Augustine translated into Italian by Agostino della Scarperia, the legend of Barlaam and Josaphat, the Legend (fol. 55), a florilegium *Fiore di virtù*, the Life of Jesus Christ according to Gospels, and two treatises by John Chrysostom. On the MS see Morpurgo 1900: 394–5.

**9. The MS 1368 Biblioteca Riccardiana, Firenze** (15th cent.), comprises epistles by St Jerome, various notes, including the Legend text (fol. 105v–106v), the legend of the priesthood of Christ, and the legend of St Sylvester. On the MS see Morpurgo 1900: 422–3.

**10. The MS 1416 Biblioteca Riccardiana, Firenze** (15th cent.) contains sermons by St Augustine translated into Italian by Agostino della Scarperia (cf. № 8), and *Confessionale* by St Antoninus, followed by short notes, including the Legend text (fol. 225r–v). On the MS see Morpurgo 1900: 457–8.

**11. In the MS 1634 Biblioteca Riccardiana, Firenze** (15th cent.), are found a Letter of St Jerome to Demetriades, the Life of St Jerome, an apocryphal Letter of St. Augustine to Cyril, and various notes in verse and prose at the end of the MS, including the Legend text (fol. 97v–98v) and the Letter to Agbar. See Morpurgo 1900: 596–7.

**12. The MS 1672 Biblioteca Riccardiana, Firenze** (15th cent.), comprises sermons by St Augustine, a florilegium from the Old Testament, a Letter of St Bernard to Raymond, sermons, prayers, psalms, our Legend (fol. 103v–104a), and some devotional poems. See Morpurgo 1900: 620–621.

**13. Very much like the preceding item, the MS 1680 Biblioteca Riccardiana, Firenze** (15th cent.), contains many similar topics, including the Legend of St John the Baptist, sermons by St Augustine, legends of various saints, a calendar, our Legend (fol. 81r–v), and a Letter of St Bernard to Raymond. See Morpurgo 1900: 627–8.

**14. The MS 2229 Biblioteca Riccardiana, Firenze** (15th cent.), contains astronomical treatises, including *Somma d'Astrologia*,

*Composizione del mondo* by Ristoro d'Arezzo, a Life of St John Gualbert, miracles of the Virgin, and the Legend text on fol. 91r. See Narducci 1859: xxx, Morino 1973: 41.

**15.** The **MS I 23, Biblioteca comunale Augusta, Perugia** (15th cent.), comprises the story of St John the Baptist, the biblical stories translated by Domenico da Montecchiello, on the Nativity of Christ, 15 tokens before Doomsday, 7 gifts of the Holy Spirit, and many other short articles (fol. 78–88), among them the text of the Legend. See Bellucci 1895: 167.

**16.\*** In the **Cod. Pal. 19 (Biblioteca Palatina cl. i, ord. ii, cod. xix), Biblioteca Nazionale Centrale, Firenze** (15th cent.), one can find a Life of St Jerome, his epistles and sermons (including his letter to Demetriades), Miracles of the Virgin, sermons by St Augustine and St Cyprian, Sibylline oracles with the text of the Legend (fol. 164r), an account of the journey to the Holy Land, and Expositions on the Gospels by Simon of Cascia. On the MS see Palermo 1853: 25–7, Gentile 1889: 19–21. Suchier (1910: 167) suggested that the text was edited by Veselovsky (1876: 331–2) as variant readings to the text published by Amati (cf. № 1 above), but this is not true. The second part of the Legend, i.e. the list of events thought to have happened on Friday, was published (very inaccurately) by Palermo (1853: 232). The complete and accurate edition is that by Frederiksen (2008: 191).

**17.** The **Cod. Pal. 99 (Biblioteca Palatina cl. i, ord. iv, cod. xcix), Biblioteca Nazionale Centrale, Firenze** (late 15th cent.), contains writings of Jacopone da Todi, Lucrezia de Medici, Girolamo Savonarola, Feo Belcari, Gherardo d'Astore, a collection of *laudas*, and our Legend on fol. 54–56. See Palermo 1853: 183–5, Gentile 1889: 91–3.

**18.** The Legend occurs on fol. 137–138, at the end of the **Cod. Pal. 724, Biblioteca Nazionale Centrale, Firenze** (late 15th cent.), which also contains *Aritmetica mercatantesca*, treatises on Arithmetica, Geometry, and Algebra, Lunar calendar and tables. See Gentile 1890: 265–6.

**19.** The **MS 244, Biblioteca Città di Arezzo**, (last quarter of the 15th cent.), contains *Lauda* by Jacopone da Todi, *Evangelia de tempore*, *Officium Beatae Mariae Virginis*, psalms and prayers, and the Legend at the end of the MS on fol. 78r-79r. On the MS see Gamurrini 1896: 220.

20. The verse version of the Legend is found on fol. 195v-196v of the **MS II, II, 395, Fondo Nazionale, Biblioteca Nazionale Centrale, Firenze** (late 15th – 17th cent.), which includes *Specchio di Croce* and the legends of the saints. The Legend begins as follows: *A laude de l'eterno Redemptore*. On the MS see Bartoli 1881: 281 and Mazzatinti 1899: 116–7.

21. The text of the Legend was noted by Stefanin (2000: 91, n. 53) on fol. 79v-80r of the **MS II, III, 335, Fondo Nazionale, Biblioteca Nazionale Centrale, Firenze** (late 15th – early 16th cent.), which contains *Libro di varie storie* by Antonio Pucci, and many short notes and excerpts, primarily from the writings of the Renaissance humanists, such as Petrarch and Boccaccio.

22. The **MS 2049, Biblioteca Riccardiana, Firenze** (early 15th cent.), contains the text *Venerdì dati da Cristo agli apostoli da digiunare* which is obviously the text of the Legend, and also comprises *Storia della Madonna dell'Umiltà* by Sigismondo Bellucci, *Del disprezzo del Mondo*, *Ammaestramento di confessione*, and a chronicle by Luca Dominici. See Lami 1756: 371.

23. The Legend is found on fol. 27v of the **MS Conv.Soppr. B.III.268, Biblioteca Nazionale Centrale, Firenze** (15th cent.), which also contains *Le noie* by Antonio Pucci, a selection of sonettes, a treatise on Divina Comedia by Jacopo Alighieri, and *Laudi* by Jacopone da Todi.

24. The **MS 309, fondo Patetta, Biblioteca Apostolica Vaticana** (15th cent.) comprises some poems by Gualterus Anglicus (Walter of England), a treatise on Latin prosody, grammatical matters, some poems in Italian, sonettes by Petrarch and anonymous authors, and the Legend on fol. 40r-v. See Carboni 1974: 267.

25. **MS 527, Biblioteca San Bernardino, Trento** (early 19th cent.) is a collection of juridical texts, acts, letters etc., the Legend is on fol. 16r-v. On the MS see R. Stenico.

In the late 15th or in the early 16th cent. Italian printed versions of the Legend began to appear. The first of them was printed in Milan about 1500 under the title *In questa opereta itenderiti quail sono li duodeci venerdi preciosi che iesu christo comādo che se douesseno ieunare. Ancora le gotte de sangue quanto e il numero sua. Anchora la reuellatiōe chebe sactō Alberto da iesu christo celebrando lhostia*. See Sander 1969: 1293, № 7507. The title suggests that this work may be directly compared with the French

edition (№ 29 in the French section above) where the Legend is also coupled with the story of Christ's blood effusions.

In later printed Italian versions, the text was versified, and the poem of 28 stanzas (later reduced to 21) beginning with *A laude dell' eterno Redentore / E della madre Vergine Maria* has come down to us in many editions. One of the first editions was printed in Venice around 1520 under the title *Operetta noua de li dodici Venerdi Sacrati e delle mirabil cose che furono in questi venerdi. Con la oratione de sancta Maria da Loreto*. See Essling 1909: 617–8, № 2506, Cioni 1963: 272, № 1, Sander 1969: 1293, № 7508.

The same work under the title *Operetta noua delli dodeci Uenerdi Sacrati e delle mirabil cose che furno in questi Venerdi* was published by Benedetto Bindoni (around 1520), see Essling 1909: 618, № 2507, Cioni 1963: 272, № 2, Sander 1969: 1293, № 7509. And then it was reproduced in Florence around 1550, see Cioni 1963: 272, № 3, Sander 1969: 1293, № 7510.

In 1575 in Venice Pietro de Franceschi issued another version of this text entitled *Oratione Devotissima Delli Dodeci Venerdi Sacrati: Et delle virtu di essi, et delle mirabil, cose che furono in questi Venerdi* (see ex. in the Research Library Olomouc Sig. 37.264).

The popularity of these editions and their longevity is testified by their inclusion into the lists of banned books during the 18th cent., see, for example, *Index librorum prohibitorum* 1704: 402, where the pamphlet *Operetta noua di dodici Venerdi* is mentioned. For the 17th cent. we have a testimony of Hermann Bavinck (1628: 32) who wrote that the Romans held in special reverence the twelve sacred Fridays in the year (“Die Romaner haben durch das iahr erliche freitage in besonderer andacht und ehren, die sie li dodici Venerdi sacрати, die zvuelf heilige freitage nennen”), which are undoubtedly the Fridays of the Legend.

If we compare the context of the Legend occurs in the Italian manuscripts with the French and Latin material, we shall see considerable difference. In the Italian manuscripts, the Legend very rarely occurs along with juridical texts or medical recipes, and even the natural combination with the calendrical or astronomical topics is found only in 4 manuscripts (№№ 6, 13, 14, 17). Instead, in the Italian manuscripts, the Legend is often coupled with other text types. It is to be noted that three times it is accompanied by the text on the seven gifts of the Holy Spirit (№№ 1, 4, 15). The legend of Barlaam and Josaphat (№№ 3, 8) also occurs in one of the French manuscripts (№ 20 in the French section above). Fairly frequently it

can be found in the MSS along with the Life of St Jerome (N<sup>o</sup>N<sup>o</sup> 1, 4, 11, 16) and his letter to Demetriades (N<sup>o</sup>N<sup>o</sup> 11, 16) or with the sermons by St Bernard and his letter to Raymond (N<sup>o</sup>N<sup>o</sup> 1, 2, 3, 12, 13), which is also present in the Latin MS N<sup>o</sup> 67 (see Addenda above). The co-occurrence of St Patrick's Purgatory, seven gifts of the Holy Spirit and the Life of St Jerome in the MSS N<sup>o</sup> 1 and 4 may point to a close link between these MSS. And, at last, very notable is the frequent occurrence of the Legend with poems by Jacopone da Todi (N<sup>o</sup>N<sup>o</sup> 17, 19, 23) and Antonio Pucci (N<sup>o</sup>N<sup>o</sup> 21, 23).

### Bibliography

- Amati 1866 – G. Amati. *Ubbie, ciancioni e ciarpe del secolo XIV (Scelta di curiosità letterarie indeite o rare dal secolo XIII al XVI, N<sup>o</sup> 72)*. Bologna.
- Bartoli 1881 – A. Bartoli. *I manoscritti italiani della Biblioteca Nazionale di Firenze. Sez. prima. Codici magliabechiani. Seria prima. Poesia. Tomo II*. Firenze.
- Bavinck 1628 – Hermann Bavinck. *Wegzeiger zu den wunderbarlichen Sachen der heidnischen etvuan, nun aber der Christlichen stat Rom. Haltende siben Wege, deren ieglicher anfangt von S. Maria de anima der Teutschen kirchen und spital, vuelche am besten ort ligen und schir mitten in Rom*. 3rd ed. Rom.
- Bellucci 1895 – A. Bellucci. *Perugia. Biblioteca Comunale // G. Mazzatinti (ed.). Inventari dei manoscritti delle biblioteche d'Italia. Vol. V. Forlì. P. 56–297*.
- Bertolini 1988 – L. Bertolini. *Censimento dei manoscritti della Sfera del Dati. I manoscritti della Biblioteca Nazionale Centrale e dell'Archivio di Stato di Firenze // Annali della Scuola normale superiore di Pisa: Classe di lettere e filosofia. Ser. 3, vol. 18, 2. Pp.417–589*
- Bonnardot 1876 – F. Bonnardot. *Notice du manuscrit 189 de la bibliothèque d'Épinal, contenant des mélanges Latins et Français en vers et en prose // Bulletin de la Société des anciens textes français, 2. Pp. 64–132*.
- Boutron, Tremblot 1928 – M. Boutron et J. Tremblot. *Catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques de France: Paris, Bibliothèque de l'Institut. Paris*.
- Brayer 1965 – É. Brayer. *Notice du manuscrit 574 de la Bibliothèque municipale de Cambrai, suivie d'une édition des sermons français de Pierre d'Ailly // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque nationale et autres bibliothèques, 43. Pp. 145–341*.
- Brunet 1861 – P.G. Brunet. *Curiosités théologiques. Paris*.
- Carboni 1974 – F. Carboni. *Inventario e indice bibliografico della lirica italiana due-trecentesca nei fondi manoscritti vaticani e nazionali (Saggio) // Cultura neolatina, 34. Pp. 251–326*.
- Catalogue 1868 – *Catalogue des manuscrits français, Tome I, ancien fonds. Paris*.
- Catalogue 1886 – *Catalogue des manuscrits conservés dans les dépôts d'archives départementales, communales et hospitalières. Paris*.

- Catalogue général 1861 – Catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques de France. Tome III. Paris.
- Catalogue général 1888 – Catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques de France. Départements – Tome IX. Paris.
- Catalogue général 1894 – Catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques de France. Départements – Tome XXV. Poitiers – Valenciennes. Paris.
- Catalogue général 1940 – Catalogue général des manuscrits latins. T. II (Nos. 1439–2692). Paris.
- CCM – *Catalogus codicum mancriptorum bibliothecae regiae*. Pars 3. Tomus 4. Paris 1744.
- CHM – D. Casley, W. Hocker, C. Morton. *A Catalogue of the Harleian Manuscripts in the British Museum, 1808 – 1812*, 4 vols., London.
- Ciàmpoli 1897 – D. Ciàmpoli. *I codici francesi della R. Biblioteca Nazionale di S. Marco in Venezia*. Venezia.
- Cioni 1963 – *La poesia religiosa. I cantari agiografici e le rime de argomento sacro*. (Biblioteca Bibliografica Italica, 30. Bibliografia della poesia popolare dei secoli XIII a XVI. Vol. 1.) Firenze.
- Crespo 1982 – R. Crespo. *Sogni e digiuni nel ms. lat. 7486 della Bibliothèque Nationale di Parigi / Mélanges de linguistique, de littérature et de philologie médiévales offerts à J. R. Smeets*. Leiden. Pp. 65–72.
- Delisle 1877 – L. Delisle. *Notice sur un livre à peintures exécuté en 1250 dans l'abbaye de Saint-Denis. Lettre à M. le duc de la Trémoille // Bibliothèque de l'école des chartes*, 38. Pp. 444–476.
- Delisle 1899 – L. Delisle. *Vente des manuscrits du comte d'Ashburnham // Journal des Savants*. Pp. 317–337, 493–512.
- Dutschke, Rouse 1989 – C. W. Dutschke and Richard H. Rouse. *Guide to Medieval and Renaissance Manuscripts in the Huntington Library*. San Marino.
- Ehrensberger 1985 – H. Ehrensberger. *Libri liturgici Bibliothecae Apostolicae Vaticanae*. 1st edition: Freiburg, Herder 1897 (edition used: Olms, 1985).
- Fрати, Segarizzi 1909 – C. Frати, A. Segarizzi. *Catalogo die codici marciiani italiani*. Vol. I. Fondo attico. – Classi I, II e III. Modena.
- Frederiksen 2008 – B.O. Frederiksen. *On the Clementine text concerning the twelve annual fast-Fridays // A Danish Teacher's Manual of the Mid-Fifteenth Century (Cod. AM 76, 8<sup>o</sup>)*. Vol. 2. Commentary and essays. (Vetenskaps-societeten in Lund. Skrifter, vol. 96). Pp. 182–227.
- de Freville 1853 – E. de Freville. *De la police des livres au XVI<sup>e</sup> siècle. Livres et chansons mis à l'index par l'Inquisiteur de la Province ecclésiastique de Toulouse (1548–1549)*. Paris.
- Gammurini 1896 – G. F. Gammurini. *Arezzo. Biblioteca della Fraternita di Santa Maria della Misericordia // G. Mazzatinti (ed.). Inventari dei manoscritti delle Biblioteche d'Italia*. Vol. VI. Forlì. Pp. 170–241
- Gaspar, Lyna 1984 – C. Gaspar, F. Lyna. *Les principaux manuscrits à peintures de la Bibliothèque Royale de Belgique*. 1 partie. 1st ed. Bruxelles 1937. Edition used 1984.
- Gentile 1889 and 1890 – L. Gentile. *I Codici Palatini della R. Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze*. (Indici e cataloghi. IV.) 2 vols. Roma. Vol. 1 (1889), Vol. 2 (1890).



- Haust 1941 – J. Haust. *Médecinaire liégeois du XIIIe siècle et médecin namurois du XVe.* (Manuscrits 815 et 2769 de Darmstadt). (Académie Royale de Langue et de Littérature françaises de Belgique. Textes anciens, Tome IV.) Bruxelles, Liège.
- Hilg 2007 – H. Hilg. *Lateinische mittelalterliche Handschriften in Quarto der Universitätsbibliothek Augsburg. Die Signaturengruppen Cod. I.2.4<sup>o</sup> und Cod. II.1.4<sup>o</sup>.* Wiesbaden.
- Index librorum prohibitorum 1704 – Index librorum prohibitorum Innoc. XI P.M. jussu editus usque ad annum 1681. Eidem accedit in fine Appendix usque ad mensum Junii 1704. Romae.
- Ivanov 2012a – S. Ivanov. *La leyenda de los 12 viernes encontradas en los manuscritos de las bibliotecas españolas // Revista de literatura medieval*, 24. Pp. 293–298.
- Ivanov 2012b – S. Ivanov. *The Legend of Twelve Golden Fridays in the Western Manuscripts. Part I: Latin // Colloquia classica et indogermanica – V, Acta linguistica Petropolitana. Vol. 7, part 1.* Eds. N. Bondarko, N. Kazansky. St Petersburg. Pp. 561–572.
- James 1904 – M.R. James. *The Western manuscripts in the library of Emmanuel College. A descriptive catalogue.* Cambridge.
- James 1913 – M.R. James. *A descriptive catalogue of the manuscripts in the library of St John's College.* Cambridge.
- James 1932 – M. R. James. *A descriptive catalogue of the manuscripts in the library of Lambeth Palace: the Mediaeval manuscripts.* Cambridge.
- Jirousková 2006 – L. Jirousková. *Die Visio Pauli. Wege und Wandlungen einer orientalischen Apokryphe im lateinischen Mittelalter unter Einschluß der altschechischen und deutschsprachigen Textzeugen (Mittellateinische Studien und Texte, Bd. 34).* Leiden-Boston.
- Ker 1965 – N.R. Ker (ed.). *Facsimile of British Museum MS. Harley 2253 (Early English Text Society, 255).* London.
- Ker 1977 – N.R. Ker. *Medieval Manuscripts in British Libraries. Vol. II.* Abbotsford-Keele. Oxford.
- Ker, Piper 1992 – N.R. Ker and A.J. Piper. *Medieval Manuscripts in British Libraries. Vol. IV Paisley-York.* Oxford.
- Kohler 1898 – Ch. Kohler. *Catalogue des manuscrits de la Bibliothèque Sainte-Geneviève. Vol. II.* Paris.
- Kuttner, Elze 1986 – St. Kuttner, R. Elze. *A Catalogue of Canon and Roman Law Manuscripts in the Vatican Library. Vol. I. Codices Vaticani latini 541–2299. (Studi e testi 322.)* Biblioteca Apostolica Vaticana.
- Lami 1756 – G. Lami, *Catalogus codicum manuscriptorum qui in Bibliotheca Riccardiana adservantur.* Liburni.
- Langlois 1885 – E. Langlois. *Notice du manuscrit Ottobonien 2528 // Mélanges d'archéologie et d'histoire*, 5. Pp. 25–80.
- Lawless 2010 – C. Lawless. *The Virgin's grandmother: the unusual legend of St Ismeria* *Journal of Medieval History* 36, 4. Pp. 359–373.
- Masséna 1909 – V. Masséna, prince d'Essling, duc de Rivoli. *Les livres à figures vénitiens de la fin du XVe siècle et du commencement du XVIe.* Vol. 2, part 2. Florence, Paris.
- Mazzatinti 1899 – G. Mazzatinti, Firenze. *Biblioteca Nazionale Centrale // G. Mazzatinti (ed.). Inventari dei manoscritti delle biblioteche d'Italia. Vol. IX.* Forli.

- Meyer 1883 – P. Meyer. Notice du MS. A 454 de la bibliothèque de Rouen // *Bulletin de la Société des anciens textes français*, 9. Pp. 76–111.
- Moland 1857 – L. Moland. Les calendriers avant l'imprimerie // *Revue contemporaine et Athenaeum français*, 35. Pp. 406–412.
- Moland 1862 – L. Moland. Calendrier français du treizième siècle. D'après les manuscrits 283 b. lettr. fr. de la bibliothèque de l'Arsenal, 7851 et 7019<sup>3</sup> fonds français de la Bibliothèque impériale // *Revue archéologique ou recueil de documents et de mémoires relatifs à l'étude des monuments, à la numismatique et à la philologie, nouvelle série*, 3 année, 5 vol. Pp. 89–104.
- Molinier 1886 – A. Molinier. Catalogue des manuscrits de la Bibliothèque Mazarine. Vol. 2. Paris.
- Montaiglon 1853 – A. de Montaiglon. Documents inédits sur le comput // *Annuaire de la Société impériale des antiquaires de France*. Pp. 169–191.
- Morino 1973 – A. Morino. La tradizione del testo della “Composizione del mondo” di Restoro d'Arezzo // *Studi di filologia italiana*, 31. Pp. 35–96.
- Morpurgo 1900 – S. Morpurgo. I manoscritti della R. Biblioteca Riccardiana di Firenze. Manoscritti italiani. Vol. I. Roma.
- Narducci 1859 – E. Narducci. La Composizione del mondo di Ristoro d'Arezzo. Testo italiano del 1282. Roma.
- Omont 1886 – H. Omont. Catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques de France. Départements – Tome I. Paris.
- Omont 1899 – H. Omont. Catalogue général des manuscrits français. Nouvelles acquisitions françaises. I. Nos. 1–3060. Paris.
- Palermo 1853 – F. Palermo. I manoscritti palatini di Firenze. Vol. I. Firenze.
- Patera, Podlaha 1922 – A. Patera, A. Podlaha. Soupis rukopisů knihoven a archivů zemí českých, jakož i rukopisných bohemik mimočeských. Vol. 4. Soupis rukopisů knihovny metropolitní kapitoly pražské. Část 2. Praha.
- Pezzi 1963 – G. Pezzi. Codici dei secoli XII–XIV nelle biblioteche genovesi // *Atti della società ligure di storia patria, nuova serie* 3 (77), fasc. 1. Pp. 51–138.
- Powitz, Buck 1974 – G. Powitz, H. Buck. Die Handschriften des Bartholomaeusstifts und des Karmeliterklosters in Frankfurt am Main. Frankfurt am Main.
- Prete 1954 – S. Prete. “Ordinatio Palatii Regis Gundafori”, dal manoscritto 33 della Biblioteca Civica di Fermo // *Miscellanea Giulio Belvederi*. Città del Vaticano. Pp. 507–515.
- Reusch 1886 – H. Reusch, Die Indices librorum prohibitorum des sechzehnten Jahrhunderts (Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgart, 176). Tübingen.
- Rivolta 1929 – Adolfo Rivolta. Catalogo di codici Pinelliani dell'Ambrosiana // *Aevum*, 3. Pp. 481–512.
- Rosińska 1984 – G. Rosińska. Scientific Writings and Astronomical Tables in Cracow. A Census of Manuscript Sources (XIV–XVIth Centuries). (Studia Copernicana, XXII.) Wrocław.
- Rossi 1888 – V. Rossi. Le lettere di messer Andrea Calmo. Torino.

- Sander 1969 – M. Sander. Le livre à figures italien depuis 1467 jusqu'à 1530: essai de sa bibliographie et de son histoire. Vol. 3. Bibliographie R-Z. Addenda A-Z. 1st ed. New York, 1941. Reprinted Milan 1969.
- Schiffmann 1901 – K. Schiffmann. Ein Mondseer Urbarfragment aus dem 12. Jahrhundert. (Archiv für österreichische Geschichte, 89, 2. Hälfte). Wien. S. 355–368.
- Schneegans 1910 – F. Schneegans. Notice sur un calendrier français du XIII<sup>e</sup> siècle // Mélanges de philologie romane et d'histoire littéraire offerts à M. Maurice Wilmotte. Vol. II. Paris. Pp. 619–652.
- Silverstein 1935 – Th. Silverstein. Visio sancti Pauli. The History of the Apocalypse in Latin together with nine Texts. (Studies and Documents, IV.) London.
- Stenico – R. Stenico. Catalogo dei manoscritti della fondazione "Biblioteca San Bernardino" dei padri francescani di Trento  
<http://www.db.ofmtn.pcn.net/ofmtn/files/biblioteca/Indice%20dei%20manoscritti%20Biblioteca%20san%20Bernardino.pdf>
- Stefanin 2000 – A. Stefanin. Indagini sulla tradizione manoscritta delle chiose anonime all'Inferno pubblicate da Francesco Selmi // S. Foa e S. Gentili (eds.). Dante e il "locus inferni". Creazione letteraria e tradizione interpretativa. (Studi [e testi] italiani, vol. IV.) Roma. Pp. 73–134.
- Suchier 1910 – W. Suchier. L'enfant sage. Das Gespräch des Kaisers Hadrian mit dem klugen Kinde Epius. (Gesellschaft für romanische Literatur, Bd. 24.) Dresden.
- Tabulae – Tabulae codicum manu scriptorum praeter graecos et orientales in bibliotheca palatina vindobonensi asservatorum. Vol. I. Wien, 1864.
- Van den Gheyn 1901 – J. Van den Gheyn. Catalogue des manuscrits de la Bibliothèque Royale de Belgique. Tome 1. Écriture sainte et Liturgie. Bruxelles.
- Vattasso, Cavalieri 1902 – M. Vattasso et F. de Cavalieri. Codices vaticani latini. T. 1. Codices 1–678. Romae.
- Veselovsky 1876 – A. Veselovsky. Opyty po istorii razvitija hristianskoj legendy. IV. Skazanije o 12-ti pjatnicah // Žurnal Ministerstva narodnogo prosvešćenija, 185. Pp. 326–367.
- Wilmart 1945 – A. Wilmart. Codices Reginenses Latini. T.II. Cod. 251–500. Romae.
- Wiedemann 1994 – K. Wiedemann. Manuscripta theologica: Die Handschriften in Folio. (Die Handschriften der Gesamthochschul-Bibliothek Kassel, Landesbibliothek und Murhardsche Bibliothek der Stadt Kassel. Bd. 1, T. 1.). Wiesbaden.

#### **S. V. Ivanov. The Legend of the twelve golden Fridays in the Western manuscripts**

The paper continues the study of the manuscript transmission of the legend of the twelve Fridays adding material from the Latin tradition overlooked in the previous paper and focusing on the French and Italian traditions.

*Keywords:* the twelve golden Fridays, Latin manuscripts, bibliography, manuscript sources.

С. Д. Клейнер

**DE EQUIS**  
**из MS OXFORD, BODLEIAN LIBRARY, Auct. F.1.16**

Статья посвящена латинско-саксонским глоссам на странице 6b MS Oxford, Bodleian Library, Auct. F.1.16. Судя по всему, список глосс составлялся как словарик к широкому кругу латинских текстов. Также можно предположить, что составитель был знаком с текстами Исидора Севильского и Вегеция – в отличие от писца, который копировал этот список. Кроме того, саксонские слова, выбранные для перевода, позволяют говорить о самостоятельности такого списка и вызывают отдельный интерес.

*Ключевые слова:* латинско-саксонские глоссы, 6b MS Oxford, Bodleian Library, Auct. F.1.16., Исидор Севильский, Вегеций.

MS Oxford, Bodleian Library, Auct. F.1.16 – рукопись X века<sup>1</sup>, которая содержит Георгики (с II, 120 по IV, 566), краткое содержание (argumentum) к третьей книге Георгик и к Энеиде, комментарии Сервия к Эклогам, Георгикам и Энеиде, Vita Vergilii, пролог к Эклогам и Георгикам неизвестного автора (Madan 1901: 92); список глосс, фрагмент Энеиды и несколько не связанных с Вергилием текстов.

Всего в кодексе 350 глосс; различаются как минимум две различные руки<sup>2</sup>. Ф. Мейдан считает, что глоссы с 1 по 121 были скопированы вместе с текстом при создании рукописи.

В фокусе этой статьи – глоссы на полях страницы 6b, которые расположены в первой половине указанного выше интервала. Это глоссы 12–25, короткий список, озаглавленный ‘DE EQUIS’ и состоящий из 14 строк, написанных одной рукой.

DE EQUIS

Aureus. uuahsblanc

Gilbus badius. falu

Spadix. dun

Glaucus. glasag

---

<sup>1</sup> Мунк Олсен датирует ее началом XI в. (Munk Olsen 1985), хотя в каталоге библиотеки указан X (<http://www.bodley.ox.ac.uk/dept/scwmss/wmss/online/medieval/auctarium/auctarium.html>); см. также Wadstein 1899.

<sup>2</sup> Э. Лангбрек, впрочем, считает, что писцов было как минимум четверо (Langbroek 1999: 119).

Cadi<sup>d</sup>us. blas  
 Petilus. fitilu.t  
 Scutulatus. appul/gre.  
 Guttatus. sprutodi  
 Mannus. fiarscutig  
 Mirteus. dosan l / uuirebrun.  
 Maurus. alsuart  
 Iumenta. mergeh  
 Toctonarii. thra/uandi  
 Tottolarii. Telderias.

Существует несколько возможностей интерпретации этого списка. Так, это может быть саксонский перевод некоего уже существовавшего латинского словника; или же это может быть произвольно составленный список малопонятных латинских слов на соответствующую тематику с переводом на древнесаксонский. В любом случае встает вопрос о том, почему выбраны именно эти слова и почему они переведены именно так, как переведены.

Для начала стоит взглянуть на латинскую половину списка и рассмотреть возможность того, что она могла существовать отдельно и предварять саксонский перевод.

Латинских списков такого рода известно три.

Первый список составлен Палладием (Pall. IV, 13: *Colores hi praecipui, badius, aureus*<sup>3</sup>, *albineus, russeus, murteus, ceruinus, gilbus, scutulatus, albus, guttatus, candidissimus, niger, pressus: sequentis meriti uarius cum pulchritudine, nigra uel albineo uel badio mixtus, canus cum quouis colore, spumeus, maculosus, murinus, obscurior*).

Второй список можно найти у Исидора Севильского (Orig. XII, I, 48: *Color hic praecipue expectandus: badius, aureus, russeus*<sup>4</sup>, *myrteus, ceruinus, gilbus, glaucus, scutulatus, canus, candidus, albus, guttatus, niger. Sequenti autem ordine, uarius ex nigro badioque distinctus; reliquus uarius color uel cinereus deterrimus*).

Третий список приводится в *Mulomedicina Chironis* (IX, 960, 7: *nam certa nomina coloris haec erunt. primus albus, secundus rufus, tertius badeos, quartus murteus, quintus niger, sextus Spanus, septimus cervinus, octavus gilus*).

<sup>3</sup> Aereus в Cod. Sang. 237.

<sup>4</sup> Roseus в Cod. Sang. 237 и Cod. Sang. 232.

Как видно, список, приведенный в глоссах, не похож ни на один из трех латинских списков. Хотя наличие в нем слов *glaucus*, *petilus*, *maurus* и *candidus* указывают на знакомство с текстом Исидора<sup>5</sup>, интересно отсутствие в списке глосс слов *russeus*, *niger*, *ceruinus* и *albus*: если латинская часть списка представляла из себя перечень мастей, то эти четыре масти так или иначе в нем бы присутствовали. Учитывая наличие в глоссах слов *iumenta* и *mannus*, а также таких редких названий, как *toctonarii* и *tottolarii*, представляется очевидным вывод о том, что латинская часть списка – это попросту редкие и неизвестные переписчику слова, и перед нами небольшой практический словарь о лошадях в целом.

Выбор некоторых слов для перевода представляется любопытным, поэтому ниже следует краткий комментарий к этим глоссам.

#### Aureus. uuahsblanc

В том же манускрипте слово *uuahsblanc* присутствует еще раз и соотнесено с комментарием Сервия к Verg. G. III, 82: *Sed aliud est candidum esse, id est quadam nitenti luce perfusum; aliud album quod pallori constat esse vicinum, uuahsblanc*. Возможно, еще в одном случае это же слово встречается чуть раньше и глоссирует *albis* из текста самих Георгик<sup>6</sup>. Любопытно, что композит *wahsfaro* с тем же корнем из родственного германского языка – древневерхненемецкого – регулярно передает в глоссах значение лат. *glaucicomans* (StWG 691, StSG II, 349, 36). Не исключено, что германские глоссы косвенным образом

<sup>5</sup> Исидор далее продолжает: *Badium autem antiqui uadium dicebant, quod inter cetera animalia fortius uadat. Ipse est et spadix, quem fenicatum uocant: et dictus spadix a colore palme, quam Siculi spadicam uocant. Glaucus uero est ueluti pictos oculos habens et quodam splendore perfusus. Nam glaucum ueteres dixerunt. Giluus autem melinus color est subalbidus. Guttatus, albus nigris interuenientibus punctis. Candidus autem et albus inuicem sibi differunt. Nam albus cum quodam pallore est: candidus uero niueus et pura luce perfusus. Canus dictus, quia ex candido colore et nigro est. Scutulatus uocatus propter orbis, quos habent candidos inter purpuras. Uarius, quod uias habeat colorum imparium. Qui autem albos tantum pedes habent, petili appellantur; qui frontem albam, calidi. Ceruinus est quem uulgo guaranen dicunt. Aeranen idem uulgo uocat, quod in modum aerei sit coloris. Myrteus autem est pressus in purpura. Dosinus autem dictus, quod sit color eius de asino: idem et cinereus. Sunt autem hi de agresti genere orti, quos equiferos dicimus, etproinde ad urbanam dignitatem transire non possunt. Mauron niger est; nigrum enim Graeci mauron uocant.*

<sup>6</sup> В тексте стоит *uuah*(...).

подкрепляют традиционную точку зрения на лат. *glaucus*, выводя на первый план семантического поля именно блеск, а не какой-то конкретный цветовой оттенок. Даже если такая точка зрения и несправедлива для классической латыни, она кажется верной применительно к интерпретации лат. *glaucus* в раннегерманском ареале.

#### Gilbus badius. falu

Здесь интересно перечисление двух разных цветов в одном ряду и наличие только одного слова для перевода. Оба эти слова в латинском языке редки (*badius* встречается у Варрона в Men. 358: 2 *equi colore dispares item nati hic badius, iste gilvus, ille murinus*, а также в антропонимике; *giluus* – в этом же отрывке Варрона и уже упомянутом Verg G. III, 83 *honesti spadices glaucique, color deterrimus albis et giluo*). Нет оснований предполагать, что *gilbus badius* – это какая-то отдельная масть<sup>7</sup>, а значит, приходится заключить, что либо в древнесаксонском не существовало отдельных слов для обозначения этих мастей, либо составитель глосс не знал, чем лат. *badius* отличается от *giluus*<sup>8</sup>. Принято считать (Langbroek 1999: 137), что *falu* переводит только лат. *gilbus*, а *badius* оставлено без перевода<sup>9</sup>. Тем не менее, в рукописях, где есть глоссы на других германских языках, *giluo* из Verg. G. III, 83 переводится словами *tusingemo* (StSG II, 636, 65), *duzinemo* (II, 702, 44, cod. Parisinus 9344) и *tusenemo* (IV, 349, 54, cod. Tridentius 1660) – и, что примечательно, помимо *giluus*, дериватами от *tusin-* ‘темный, серый’ передается латинское слово *purpureus* (Koebler AHD), которое определено не имеет желтых оттенков. Возможно, мы имеем дело не с ошибкой или опущением одного из переводов, а с сознательным выбором переводчика.

#### Spadix. dun

Высказанное выше предположение подкрепляется этой строчкой списка. Исидор ясно пишет в Etym. XII, 1, 48: *badius equus vel fenicatus; item spadix*, и в переводе мы видим слово со

<sup>7</sup> Например, как это делает Сервий, видя в *albis et giluo* Вергилия масть *albogiluus* (Serv. ad G. III, 83).

<sup>8</sup> Объяснение этого различия есть у Исидора: Etym. XII, 1, 48, *badius equus vel fenicatus; item spadix* ‘конь гнедой или бурый; также с красноватым отливом’, тогда как *gilvus est melinus color subalbidus* ‘буланый – это медовый, беловатый цвет’.

<sup>9</sup> Ср. древнеанглийские глоссы, где *giluus* переводится как *falu* ‘светло-серо-коричневый’, а также *gelu/geolu* ‘желтый’ и *geoluhwit* ‘бело-желтый’ (Wright, Wulcker 1884; Old English Glosses 1974)

значением ‘темный’. В других рукописях *spadix* как правило передается как красный: (StSG II, 636, 62 *spadices rotun*; II, 688, 53 *Spadicus rote* и т.д.). Судя по всему, нетипичный выбор *falu* для перевода лат. *badius*, точно так же, как и выбор *dun* для лат. *spadix*, в рассматриваемом списке сделан сознательно и отражает либо древнесаксонское словоупотребление, либо современную составителю глосс древнесаксонскую терминологию.

#### Glaucus. glasag

Эта глосса представляет особенный интерес. Германские глоссы к *glaucus* Вергилия демонстрируют корень со значением ‘серый’: *glauci grauvin* (Clm. 18059), II, 688, 55 *Glaucus grawe* и т.д. Что касается *glaucus* Исидора, то известна лишь одна глосса: S.H. I, 145, 418ff: *glaucus equus est veluti pictos oculos habens et quodam splendore perfusus **aphelgraos**. Nam glaucum veteres album dicebant*. В других случаях лат. *glaucus* также переводится этим прилагательным: *apfulgrao ros* ‘glaucus equus’ (StWG 32, StSG II, 716, 16 и др.; также в форме *appulgre* StSG III, 78, 58–611 201, 41), ср. S.H. I, 145, 418ff. Это позволяет предположить, что *glaucus* понималось как прилагательное для обозначения серой масти. Тем не менее, в списке из MS Auct. F. 1.16 *glaucus* передается неожиданным словом *glasag*. Это слово можно толковать двояко. Первый, очевидный вариант: *glasag* – это относительное прилагательное от *glas* ‘стекло’<sup>10</sup>. Второй вариант предполагает композит *glas-ag*<sup>11</sup>, и может быть связано с Serv. ad G. III, 83 *glauci autem sunt felineis oculis, id est quodam splendore perfusis* и близким, хотя и намного менее уверенным, повторением Сервия у Исидора: *Glaucus vero est veluti pictos oculos habens et quodam splendore perfusus*<sup>12</sup> Это предположение показало бы знакомство составителя списка с текстом либо Сервия, либо Исидора, либо с обоими текстами сразу.

#### Cadi<sup>d</sup>us. blas

*Blas* является обычной глоссой для спектра *pallidus-candidus-albus* (Langbroek 1999: 138). Помимо *candidus*, впрочем, *blas* передает и *calidus*: StSg III, 79, 8–11: *calidi dicuntur qui*

<sup>10</sup> В Античности и Средневековье стекло не было прозрачным, как сейчас, а имело оттенки от серого до синего; не случайно в Трирских глоссах имеется перевод сущ. *glas* как *cianum (cyanum)* ‘синий’.

<sup>11</sup> MS Leviticus 21.20 *albuginem habens: clasaugi habenti* (Biggam 1997: 111); стоит также отметить др.-англ. глоссу *glæseneage*, которая передает *glaucus* Исидора в MS Cotton Cleopatra (ClG1 3) X века.

<sup>12</sup> Лангбрек (Langbroek 1999: 138) предполагает возможность связи с *glaucoma*.



*calidam frontem habent blas blas ros* «Горячими называют тех, у кого горячий лоб» в сравнении с III, 201, 46 *Pallidi... album frontem haben tblasz* «Бледные ... имеют белый лоб». Лангбрек (*ibid.*) предполагает, что глоссу можно прочесть и как *candidus*, и как *calidus*. Однако же отсутствие в глоссах употребительных и понятных латинских слов однозначно указывает именно на чтение *calidus* – в контексте, связанном с лошадьми, это прилагательное определенно нуждается в пояснении.

*Petilus. fitilu.t*

*Fituluot, fitilfot* значит «с белыми ногами». В этой же рукописи на листе 136а есть глосса (Verg. A. 5, 566) *vestigia primi Alba pedis uuas fituluot*. В родственных германских языках: двн. *fizzil* ‘пятнистый’ передает лат. *bicolor* (StWG 162; StSG II, 709, 5), а двн. *fizzilfeh* глоссирует лат. *petilus* ‘тонкий’: S.H. I, 145, 425f *Petili dicuntur, qui albos pedes habent vizzilvehros* ‘*Petili* называют тех, у кого белые ноги’ и др. Эта глосса в комментарии не нуждается.

*Scutulatus. appul/gre.*

Эта глосса интересна тем, что другие случаи, как уже указано выше, сближают *appulgre* с лат. *glaucus*, а не *scutulatus: apfulgrao ros* ‘*glaucus equus*’ (StWG 32, StSG II, 716, 16 и др.; также в форме *appulgre* StSG III, 78, 58–611 201, 41), ср. S.H. I, 145, 418ff: *Glaucus equus est veluti pictos oculos habens et quodam splendore perfusos aphelgraos. Nam glaucum veteri album dicebant*. Других глосс к *scutulatus* из Isid. Etym. XII, 1, 52 нет. Если принять предположение о том, что переводчик связывал *glaucus* с цветом глаз, то такой перевод лат. *scutulatus* становится оправданным – важен не столько цвет, сколько наличие пятен и их форма.

*Guttatus. sprutodi*

\**Spriuzoti, sprutodi* StWG 581, StSg II, 716, 17 и т.д. ‘*guttatus*’. Семантически вероятнее всего сближение с двн. *spruzzi* ‘веснушчатый’. Глосса не нуждается в комментарии.

*Mannus. fiarscutig*

*Fiuwarscutig* ‘плотный’ в значении *mannus* дается в StWG 161, StSG II, 716, 18. В двн. глоссах это слово (в форме *fiorscoz, fiorscozi*) передает лат. *quadrangulus, quadratus* (StWG 154, StSG I, 651, 19–21 и т. д.) – и именно ‘квадратный’ является первым значением, а ‘плотного телосложения’ – переносным. Стоит также отметить др-англ. *feower-scyte* ‘квадратный, четы-

рехугольный’. Судя по всему, *mannus* было воспринято германским переводчиком как прилагательное: определение из словосочетания *equus mannus*.

Mirteus. dosan I uuirebrun.

Здесь наблюдаем картину, обратную ситуации с *gilius* и *badius*: одно латинское слово передается двумя саксонскими вариантами. *Uirrebrun* (в формах других германских диалектов – *wirzbrun*, *wirtbrun*) регулярно передает лат. *myrteus* и *spadix* (StWG 738, StSG II 716,19; III, 684,36). Стоит отметить др.-англ. *wir* ‘мирт’ – хотя эта лексема не отмечена нигде, помимо древнеанглийского ареала. Форма композита *uiire-* как будто образована от *wir*. Возможно, германское слово является калькой с латинского. В таком случае, добавление второго корня, *-brun*, по всей вероятности, связано с желанием уточнить непонятную в германском ареале семантику. Сакс. *dosan*, в отличие от двн. *tusin*, *dosan*, которые передают *gilvus*, *mirteus* и *purpureus* (StWG 645, StSG II, 716, 19), ограничивается *myrteus*. Это может быть следствием разного словоупотребления, но нельзя забывать о большей частотности латинского *gilius* — это одно из трех названий мастей, которые упомянуты в Verg. G. III, 83, а также о том, что саксонских глосс меньше, чем древневерхненемецких. По всей вероятности, составитель списка решил сперва пояснить значение латинского слова через буквальный перевод, а потом, не удовлетворившись этим, добавил синоним для более точного понимания.

Maurus. alsuart

Alsuart образовано так же, как *altida* ‘время жизни’, *almeinde* ‘общинная земля’, *albrantopfar* ‘настоящее жертвенное животное’, присоединением *al-* ‘каждый, полный’ к корню *suart* ‘черный’. Любопытно, что в двн. S.H. I,146,430 содержится глосса *Niger vel mauron swarzros /swarz*. Разделение двух черных в древневерхненемецкой трактовке может быть искусственным (описание лат. *niger* как ‘красновато-черного’ неизвестно), но может и косвенно говорить о том, что в саксонском списке *al-* добавлено не случайно, и именно *maurus* (*mauron*) является ‘настоящим черным’.

Iumenta. mergeh

Глосса не нуждается в комментарии.

Toctonarii. thra/uandi

Tottolarii. Telderias.

Эти две глоссы уже были мной подробно рассмотрены (Клейнер 2009) с выводом, что источником латинских слов, по всей вероятности, послужил труд Вегеция (*De Arte Vet. I, 56*), но по какой-то причине латинские лексемы попали в список в искаженном виде; скорее всего, изначально имеются в виду рысаки и астурские иноходцы. Причина искажений, по всей вероятности, в том, что-либо составитель списка, либо переписчик, не знал этих терминов достоверно. Вряд ли составитель списка стал бы изначально включать туда искаженные слова; скорее всего, ошибка возникла из-за того, что переписчику (или даже переписчикам) рукописи эти термины были неизвестны.

Можно заключить, что список составлен для того, чтобы служить комментарием не только к строке из Георгик Вергилия, но и для облегчения понимания соответствующего абзаца у Исидора Севильского. Знакомство составителя с текстом Исидора очевидно: с одной стороны, это само наличие пояснений к таким словам, как *glaucus*, *petilus*, *maurus* и *calidus*; с другой стороны, выбор слова для перевода лат. *glaucus* также указывает на Исидора в качестве вероятного источника трактовки. Перевод *badius* и *gilius* одним словом, на первый взгляд, противоречит такому выводу, но перевод *spadix* так же нетипичен. Это говорит не об отсутствии знакомства с текстом Исидора, а о сознательно принятом переводческом решении: вероятно, для целей, которые преследовал составитель глосс, достаточно было примерного перевода. Две последние строчки списка примечательны тем, что их источником, судя по всему, послужил автор, никак в рассматриваемом кодексе не представленный (предположительно, Вегеций), но при копировании списка эти латинские термины были уже неизвестны и оказались искажены.

### Литература

- Клейнер 2009 – Клейнер С. Д. Два латинских слова в списке саксонских глосс: *Tostonarii* и *Tottolarii* // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIII. СПб., «Наука». С. 289–297.
- Biggam 1997 – Biggam С. Р. *Blue in Old English: an interdisciplinary semantic study*. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1997.
- Koebler AHD – Koebler G. *Althochdeutsches Wörterbuch*. 4. Auflage. Göttingen, 1993. <http://www.indo-european.nl> (дата обращения 07.07.2010)
- Langbroek 1999 – Langbroek E. *Vergil im altsächsischen Unterricht? Bemerkungen zum Aufbau der Oxforder Handschrift Codex Auct. F.1.16 und eine erneute Untersuchung der altsächsischen Georgicaglossen* // *Speculum Saxonum*. 1999. S. 117–155.

- Madan 1901– Madan F. Old German Glosses from a Bodleian Manuscript // The American Journal of Philology. 1901. Vol. 19. P. 92–109.
- Munk Olsen 1985 – Munk Olsen B. L'etude des auteurs classiques latins aux XIe et XIIe siecles. Tome II: Catalogues des manuscrits classiques copies du IXe au XIIe siecle, Livius-Vitruvius. Paris: Editions du Centre national de la recherche scientifique, 1985.
- Pheifer 1974 – Pheifer J. D. Old English Glosses in the Epinal-Erfurt Glossary. Clarendon Press, 1974.
- Summary catalogue of western Mss. in the Bodleian Library, F. Madan, Vol. III (= Collection received during the 18<sup>th</sup> century). Oxford, 1895.
- Wadstein 1899 – Wadstein E. Kleinere altsächsische sprachdenkmäler mit anmerkungen und glossar. Niederdeutsche Denkmäler 6. Norden-Leipzig, 1899.
- Wright, Wulcker 1884 – Wright T., Wulcker R. Anglo-Saxon and Old English Vocabularies: 2 Vol. London: Trubner, 1884.

**S. D. Kleiner. DE EQUIS from MS Oxford, Bodleian Library,  
Auct. F.1.16**

This article focuses on the list of glosses contained on fol. 6b of MS Oxford, Bodleian Library, Auct. F.1.16. The list was most likely meant to serve as a short dictionary to horse-related texts in general. It is also possible that the list's creator was familiar with the work by Isidore of Seville and Vegetius, whereas the later copyist(s) had no acquaintance with his book. Some Saxon words chosen for translation, allow us to consider the list independent and are of interest on their own.

*Keywords:* MS Oxford, Bodleian Library, Auct. F.1.16, DE EQUIS, Latin-Saxon glosses, Isidore of Seville, Vegetius.

Н. Л. Огуречникова

## **ПРОСОДИКО-ПОЗИЦИОННЫЙ СИНТАКСИС И ФРАЗОВЫЕ ЧАСТИЦЫ В РЕЧИ АНГЛОСАКСОВ (к вопросу о соотношении поэтического языка и прозы)**

В поэтическом языке англосаксов представлены предикативные синтагмы с фразовыми частицами. Структура таких синтагм определяется двумя факторами: позицией основных компонентов фразы, а также местом фразовых акцентов. Участие просодических факторов в синтаксическом моделировании позволяет говорить о фонологической релевантности синтаксических структур в поэтическом языке. Сравнительный анализ дистрибуции основных элементов фразы в поэзии и прозе позволяет утверждать, что акцентно-интонационные факторы сохраняли свои строевые функции в языке прозы.

*Ключевые слова:* фразовые частицы, фразовые акценты, субъект, объект, предикат, позиционная дистрибуция, фонологическая релевантность, поэтический язык, проза, строевые функции, синтаксис, синтагматика, метрический ранг, норма.

### **1. Основные подходы к изучению фразовых частиц и древнегерманского синтаксиса**

Специфика германских фразовых частиц (известных в англистике как фразовые наречия, превербы, поствербы, глагольные модификаторы и т. д.) была впервые отмечена Ф. де Соссюром, ему же принадлежит и сам термин «частица»<sup>1</sup>. Соссюр утверждал, что в индоевропейском языке фразовые частицы не являются ни предлогами, ни наречиями, ни глагольными префиксами, а представляют собой самостоятельную (одиннадцатую) часть речи, не представленную в современных классификациях (Соссюр 1990: 203–204).

Первая работа, посвященная англо-саксонским отделяемым префиксам, вышла в конце XIX века (Harrison 1892), и с этого времени древнеанглийские частицы стали предметом постоянного внимания многих поколений филологов (Cruz 1969; von Schon 1977; Mitchell 1978; Hiltunen 1983).

---

<sup>1</sup> Ф. де Соссюр читал курс сравнительной грамматики германских языков и вел семинары по готскому и древневерхненемецкому языкам с 1884 г. по 1887 г. К этому периоду относятся и заметки Ф. де Соссюра о германских частицах.

В исследованиях, посвященных германским фразовым частицам, представлены два основных подхода, которые можно условно связать с именами родоначальников соответствующих научных школ<sup>2</sup>.

Традиция, начало которой положил В. Штрайтберг, отождествила определенные позиционные реализации фразовых частиц с глагольными префиксами и связала их изучение с проблемой видовой характеристики префиксальных глаголов (Streitberg 1889; Delbrück 1907). К концу 50-х годов XX века мысль о том, что германские префиксы являются маркерами так называемого «перфективного» или «предельного» вида, стала традиционной и легла в основу характеристики глагольных префиксов, к примеру, в новой для своего времени грамматике древнеанглийского языка Квэрка-Рэна (Quirk, Wrenn: 109–119). Эхо идей, высказанных В. Штрайтбергом, звучит и в гораздо более поздних работах, включая статьи двух последних десятилетий XX века, посвященные функциям древнеанглийских превербов (Cruz, Hiltunen 1983). Единства во мнениях относительно наличия или отсутствия в древнеанглийском языке системы видов, основанной на противопоставлении простого глагола приставочному глаголу, так и не возникло, и хотя еще в 1924 году О. Бехагель обратил внимание на сохранение пространственных значений у так называемых германских префиксов (Behaghel 1924), в работах этого направления нельзя найти принципиальных расхождений со взглядами Штрайтберга. Тем не менее, структурно-семантическая выделимость полнозначных частиц привела исследователей к той точке зрения, что «производные основы с префиксальными морфемами стоят на грани сложных слов» (Ярцева 1960: 45). Данный взгляд на древнеанглийские превербы разделяет, в частности К. Спрокель (Sprockel 1973: 27), чья методика исследования фразовых частиц лежит в основе работы Д. М. Хорган (Horgan 1980). Недостатком указанного подхода является, в частности, однозначное отнесение частиц, находящихся в препозиции к предикату, к разряду словесных структур. Тем самым заранее отвергнута возможность их принадлежности к синтаксической структуре высказывания. Кроме того, категоричное деление древнеанглийских частиц на «префиксы» vs. «непрефиксы» и

---

<sup>2</sup> В кратком экскурсе в историю лингвистических учений, посвященных проблеме германских фразовых частиц, отмечены лишь наиболее резонансные исследования, повлиявшие на дальнейшее изучение проблем в границах указанной области.

«превербы» vs. не-превербы») вряд ли возможно, поскольку в древнеанглийском языке одна и та же частица может проявлять различные свойства, взаимодействуя с предикатами различных семантических групп.

Второй подход к исследованию древнеанглийских частиц можно назвать просодико-позиционным. В 1959 году вышла блестящая, выдержавшая девять переизданий, грамматика Элистера Кэмпбела (Campbell 1983), предвосхитившая дальнейшие пути изучения древнеанглийских превербов. Превербы впервые рассматриваются в главе «Акцент». Кэмпбел, кроме того, обратил внимание и на позиционное варьирование частиц. Таким образом, проблема переводится из области морфологии в область фразовой просодики и синтаксиса речи. Однако недостаточная разработанность вопроса об акцентной организации древнеанглийской фразы, характерная и для более позднего времени, не позволила Кэмпбелу получить те плоды, которые сулил его исключительно верный подход к проблеме. Несмотря на то, что при изучении синтаксических комплексов, состоящих из частицы и предиката, Кэмпбел впервые обращается к древнеанглийским поэтическим памятникам, общая картина акцентно-синтаксических и семантических отношений в комплексах преверб-предикат остается скрытой ввиду фрагментарности исследования. Кэмпбел, однако, был не первым, кто обратил внимание на синтагматическое варьирование частиц. Первенство в этом вопросе принадлежит Т. П. Хэррисону (Harrison 1892), собравшему обширный материал. Однако исследование Хэррисона носит излишне формальный характер, не учитывает семантические отношения между «отделяемыми префиксами» и предикатами, соответственно, в разряд «отделяемых префиксов» зачастую попадают и превербы, входящие в состав семантизованных комплексов преверб-предикат. Другой неудачей Хэррисона был объект исследования: в его работе проводится анализ только древнеанглийской прозы, что само по себе создает значительные трудности для понимания реальной структуры текста. В сравнении с предшествующей работой Хэррисона грамматика Кэмпбела имеет преимущество в том, что исследование «префиксов» не ограничено анализом позиционной дистрибуции формально тождественных элементов и дополнено (к сожалению, весьма фрагментарными) сведениями об акцентных свойствах «префиксов» в поэтическом языке англосаксов, а вопрос о глагольной префиксации трансформирован в проблему просодико-синтаксической организации высказывания.

Именно в этой точке (в вопросе о просодико-синтаксической структуре древнегерманской речи) традиция изучения древнегерманских и, в частности, древнеанглийских фразовых частиц пересекается с важнейшим направлением в исследовании древнегерманского и индоевропейского синтаксиса, связанным с именем Якоба Вакернагеля. Его статья «Über ein Gesetz der Indogermanischen Wortstellung» (Wackernagel 1892) имеет фундаментальное значение для изучения как индоевропейского, так и древнегерманского синтаксиса. Статья является первой попыткой сформулировать правила позиционного синтаксиса в индоевропейском и содержит указания на соответствия между древними германскими и другими древними индоевропейскими языками. Вакернагель установил, что определенные безударные местоимения и частицы в индоевропейских диалектах имели тенденцию к реализации в позиции после первого полнозначного слова во фразе, то есть занимали второе место в высказывании. Он также заметил, что в санскрите глагол оставался безударным, попадая в разряд энклитик, что в протоиндоевропейском должно было сопровождаться возможностью позиционной реализации глагола на втором месте в предложении. По мнению Вакернагеля, правила реализации глаголов в германских языках соответствуют законам позиционного распределения элементов фразы в протоиндоевропейском.

Основные дискуссии по вопросам индоевропейского и германского синтаксиса в рамках традиции, связанной с именем Вакернагеля, касались позиции глагола во фразе и возможности контраста главного и придаточного предложения по признаку позиционной реализации глагола (Tomanetz 1881; Erdmann:1886; Braune 1894; Ries 1907; Delbrück 1907; Fourquet 1938; Schneider 1938), акцентно-позиционной дистрибуции клитиков (Hopper 1969; 1975), явлений тмесиса и взаимозависимости акцентно-позиционных реализаций глагола и преверба (Bonfante 1930; Watkins 1963) и природы тяжелых элементов фразы (Gonda 1959). В этом же русле – работы Э. Лароша, посвященные синтаксису хеттских и лувийских элементов, связывающих предложения, и конгломератам ударных частиц в начале фразы, за которыми следуют безударные частицы и местоимения (Laroche 1958). К традиции просодико-позиционного изучения индоевропейского синтаксиса принадлежит и статья М. Диллона, посвященная сравнительному изучению хеттской связки *ni* и ирландского преверба-инфикса *no-* (Dillon 1947).



Перечислив основные значимые работы в истории интересующего нас вопроса, отметим что наше основное возражение в адрес упомянутых исследований заключается в том, что применительно к языку с просодико-позиционным синтаксисом сформулировать какие-либо правила просодико-позиционной дистрибуции вспомогательных и полнозначных слов во фразе (что было основной целью большинства исследователей индоевропейского синтаксиса) невозможно. Подвижность и вариантность просодико-позиционной дистрибуции основных элементов фразы является необходимым условием функционирования элементов в системе просодико-позиционного синтаксиса.

## 2. Фразовые частицы в древнеанглийской прозе

Наиболее полными и авторитетными монографиями, специально посвященными частицам древнеанглийского языка, являются монографии М. Круза (Cruz 1969; 1972; 1975) и Р. Хильтунена (Hiltunen 1983). Внимание лингвистов привлекает отсутствие у фразовых частиц фиксированной позиции по отношению к предикату и объекту в рамках предикативных синтагм. В условиях нефиксированного порядка слов определение синтаксической структуры фразы, в состав которой входит фразовая частица, в ряде случаев вызывает значительные трудности, особенно в случае древнеанглийских прозаических текстов.

Рассмотрим примеры варьирования синтагматической позиции фразовой частицы относительно субъекта, объекта и предиката. Следующая подборка контекстов выполнена автором статьи, поскольку в исследованиях М. Круза и Р. Хильтунена приводятся примеры вариативного положения частиц относительно разных предикатов, соответственно, пропадает уверенность и в полном семантическом тождестве фразовых частиц в соответствующих контекстах. Между тем, такое условие является важным.

1. а). Chr. Æ, A.D. 922, p. 103: ...*ond hēt gewyrcaŋ ðā burg on sūð healfe ðære ēas. ond ðæt folc eal ðe tō ðære nor.þerran byrig hierde. **him bēah tō.** ond sōhtan hine him tō hlāforde.* (OVP)<sup>3</sup> 'И велел он (Эдвард) построить город на южном берегу реки, и весь народ с северного берега услышал об этом и покорился ему, и призвал его царствовать'.

<sup>3</sup> При характеристике структуры фразы мы используем следующие традиционные обозначения: **S** – субъект; **O** – объект; **V** – предикат; **P** – фразовая частица.

б) Chr. E, A.D. 1016, p. 149: ...*ond him bēah eall folc tō* (OVSP) ‘Ему (Эдмунду) покорился весь народ (Уэссекса)’.

в) Chr. Æ, A.D. 913, p. 96: ...*ond him bēag gōd dæl þæs folces tō þe ær under Deniscra manna anwalde wæron.* (OVSP) ‘Ему (Эдварду) покорились многие народы, окоторые были прежде под властью данов’.

2. а) Chr. E, A.D. 959, p. 114: *ond god him ēac fylste. þ. Ciningas and eorlas georne him tō bugon.* (OPV) ‘И так усроил Господь, что цари и благородные мужи с готовностью подчинились ему (Эдгару)’.

б) *ond folc heom gīslodon and tō bugon. ond fōron syððan tō ond ofslōgon heora cyng Griffin. ond brōhton Haroldde his hēafod. ond hē sette oþerne cyng þær tō.* (SOPV) ‘И тот народ отдал им (Харольду и его брату Гостию и их войску) заложников и покорился им, и двинулись они дальше, и убили их царя Гриффина, и принесли Харольду его голову, и послали туда другого царя’.

в). Chr. E, A.D. 1015, p. 146

*ond þ. folc eall him tō beah.* (SOPV) ‘И весь народ подчинился им (Сиверду и Моркэру)’.

3. а) Chr. E, A.D. 1015, p. 146: *ond beah þā tō Cnute* (VPO) ‘И поступил он (Эдрик) в подчинение к Кнуту’.

б) Chr. D, A.D. 1050, p. 169: *cwæðþ. he wolde eft būgan tō þām cyngre.* (SVPO) ‘Он (Свейн) сказал, что хотел бы вновь поступить на службу к этому королю (к Эдварду)’.

Приведенные выше примеры демонстрируют три возможных варианта предикативных синтагм (без учета позиции субъекта): 1) OVP (1а); OVSP (1 б, в); 2) OPV (2 а, б); SOPV (2 в); 3) VPO (3 а); SVPO (3 б).

С точки зрения понятийной структуры данные синтагмы равноправны, однако их грамматическая структура далеко не однозначна. Трудности, возникающие при попытке установить синтаксическую структуру данных предикативных комплексов, связаны с отсутствием в прозаических текстах указаний на единые основания для определения структурного статуса и функций фразовых частиц. Это, разумеется, не значит, что такие основания отсутствовали в речи.

### 3. Поэтический язык

Данные германского аллитерационного стиха о просодико-позиционной дистрибуции частиц относительно предиката и объекта не привлекались зарубежными исследователями для

анализа предикативных синтагм с фразовыми частицами, до настоящего времени анализ ограничивался изучением позиционной дистрибуции частиц, семантических отношений в комплексах преверб-предикат и изучением так называемого «глагольного управления».

В работах второй половины XX века, посвященных индоевропейскому поэтическому языку, сложилась целостная концепция поэтического языка как особого рода системы, входящей в общий язык и формирующейся в нем, однако обладающей своими собственными признаками. Поэтический язык не дублирует общий язык, а расширяет и обогащает его. Это своего рода язык в языке, не противопоставленный обиходному языку, но в то же время отличный от него. Древнегерманский поэтический язык, складывавшийся как наддиалектная форма языка, отличался признаками обработанной литературной нормы и характеризовался особой совокупностью функционально-стилистических особенностей, присущих более высоким сферам общения (Гухман 1972: 209–210; Десницкая 1970; Макаев 1965; 1976: 30).

Понимание структурной и функциональной специфики древнегерманского аллитерационного стиха представлено в исследовании О. А. Смирницкой (Смирницкая 1988), продолжающем традицию изучения древнегерманского и – шире – индоевропейского поэтического языка (Schmitt 1967; 1968).

Наиболее существенными для данной работы является следующие аспекты теории поэтического языка, развиваемой О. А. Смирницкой. *Слова располагаются в долгой строке в соответствии с их рангом, то есть присущей им степенью фразового ударения.* Все языковые структуры, организованные на уровне краткой строки, встраиваются во фразовый ритм долгой строки и мотивируются через него. Древнегерманский аллитерационный стих *воспроизводит важнейшие просодико-интонационные структуры языка, возводя их в ранг поэтического канона.* Специфика аллитерационного стиха связана с *положением древнегерманской поэзии на правах наддиалектной формы языка, для которой характерна особая системная организация, важным свойством которой является её неразрывная связь с метрическим каноном: стиховые связи и членения в рамках германской поэзии неотделимы от связей и членений семантико-синтаксических.* Основной особенностью аллитерационного стиха является его отношение к языку: *стих не может рассматриваться в качестве второго уровня членения*

стихотворного текста, метрика как мера неотделима от языка как материала.

Отсутствие противопоставления стиха и языка в древнегерманской поэзии даёт возможность использовать данные аллитерационного стиха для изучения синтаксиса древнегерманских языков, в частности, для изучения структуры синтагм, содержащих фразовые частицы.

#### 4. Просодико-позиционная дистрибуция частиц в поэтическом языке

В древнейших англо-саксонских письменных памятниках фразовые частицы встречаются только на отдельных участках, связанных с наиболее архаичными из коррелирующих превербов, сохраняющих не только формальное, но и семантическое тождество с соответствующими вариантами позиционной дистрибуции фразовых частиц, приравниваемых в рамках поэтического языка к предлогам или наречиям. Обратной стороной сохраняемой семантической корреляции является сохранение семантической автономности фразовой частицы и предиката.

В данном разделе мы продемонстрируем принцип просодико-позиционного варьирования фразовых частиц, выступающих в поэтическом языке в качестве предлогов, наречий или превербов. Материалом выступает корпус древнеанглийской поэзии, сохраняющий сведения об акцентной реализации древнеанглийских предикативных синтагм.

Древнеанглийский преверб *ymb(e)* восходит к индоевропейской фразовой частице *\*e/ombhi*, реализовавшейся в германском ареале в двух основных вариантах, представленных ниже (Pokorny 1959: 34).

<i>*e/ombhi // *mbhi</i>			
Skr. <i>abhi</i>	Lat. <i>ab</i>	Got. <i>bi</i>	OE <i>be</i>
OI <i>um(b)</i>	Lat. <i>ambi</i>		OE <i>ymb(e)</i>

Впрочем, бифуркация некогда единой фразовой частицы, по видимому, произошла уже в индоевропейскую эпоху и была связана с просодико-интонационными особенностями индоевропейской фразы (Kuryłowicz 1958: 231).

В поэтическом языке англосаксов соотношение просодико-позиционных вариантов ‘предлог’ – ‘преверб’ – ‘наречие’

*ymb(e)* является семантически однородным; все три коррелята образуют единое семантическое пространство. Семантические возможности *ymb(e)* в поэтическом языке ограничены двумя основными значениями: 1) ‘вокруг, вблизи, в окружности (лат. *circum*)’, 2) ‘о, про, о котором (лат. *de quod*)’.

Пространственное значение *ymb(e)* наиболее ярко проявляется в синтагмах с предикатами движения и положения в пространстве: а) *cyrran* ‘оборачиваться, возвращаться’, *flēon* ‘бежать, лететь’, *gān (gangan)* ‘идти’, *hweorfan* ‘оборачиваться, блуждать’, *scriðan* ‘идти, блуждать, отправляться в путь’; б) *sittan* ‘сидеть’, *settan* ‘сажать’, *standan* ‘стоять’, *þringan* ‘толпиться, заполнять, переполнять какое-либо место’, *wīcian* ‘проживать, населять, квартировать, располагаться лагерем’ и другими.

В поэтическом языке просодико-позиционные варианты *ymb(e)*, приравняемые к предлогу, провербу или наречию, четко дифференцированы, о чем говорят метрические ранги *ymb(e)* в каждом случае.

Рассмотрим просодико-позиционные структуры, возникающие при употреблении *ymb(e)* в синтагмах с предикатом *hweorfan* ‘идти, блуждать, оборачиваться’.

1. Предлог: Az. 161–164

	<b>V</b>
<i>wið brynebrōgan</i>	<i>Breahtmun hwurfun</i>
<b>P</b> <b>O</b>	<b>S</b>
-x – --x – --- / x – / (В-стих)	---/--x----/--x (А-стих)
<i>ymb þæt hāte hūs</i>	<i>hæðne lēode</i>
<i>þā þæt ongeaton</i>	<i>godes andsacan.</i>
<i>Þæt hī nemeahtan ...</i>	

‘С криком и воплями бродили вокруг того неистово-жаркого жилища язычники, когда вдруг они увидели противного Богу, то было свыше их сил...’.

Синтагматическая дистрибуция основных компонентов предикативной синтагмы: VPOS. Предлоги всегда безударны в поэтическом языке и попадают в позицию акцентного спада при любом метрическом типе стиха. В приведенном примере фразовая частица *ymb*, следующая за предикатом *hwurfun* и предшествующая объекту *hūs* попадает в спад акцентной схемы В-стиха, и таким образом трактуется поэтическим языком как предлог.

2. Наречие: Gen. 666–671

hwær hē sylf siteð  
welan bewundenIc mæg heonon gesēon  
ðæt is sūð and ēast  
þas woruld gescēop

O

x---/--x---x---x---/--x (А-стих с анакрузой)

*gesēo ic him his englas*  
*mid feðerhaman*  
*wedera wynsumast.*

P V

--/--x-----/--x (А-стих)

*ymbe hweorfan*  
*ealra folca mæst*

‘Отсюда я могу видеть, где Он сам восседает – на юге и востоке – в благостном сиянии – Тот, кто мир сотворил: я вижу ангелов, кружащих рядом с ним на крыльях, легких как перо; вижу лучший из народов, вижу радостнейшее из войск’.

В приведенном контексте элементы атрибутивной синтагмы *mid feðerhaman* ‘с крыльями, легкими как перо’ (первая краткая строка, Gen 670) не являются обязательными конституентами конструкции *accusativus cum infinitivo*, выделенной полужирным шрифтом. Этот атрибутивный комплекс лишь дополняет предшествующую долгую строку, совпадающую формально с базовой синтагмой названной конструкции. Четыре метрически ударных позиции долгой строки заняты предикатом *gesēo* (pres. ind., 1 sg), объектом *englas* (acc. pl. masc.), фразовой частицей *ymbe* и инфинитивом *hweorfan* соответственно. В пределах долгой строки *ymbe* занимает позицию ключевой аллитерации, свидетельствующую о самой высокой степени акцентной и смысловой выделенности данного элемента в рамках структурно-просодического комплекса. Глагол в форме инфинитива занимает последнюю метрически ударную позицию в строке и не включается в аллитерационный рисунок. Просодический комплекс *ymbe hweorfan* эквивалентен краткой строке, в пределах которой сложное слово неотлично от словосочетания в поэтическом языке, однако позиция ключевой аллитерации, принадлежащая фразовой частице, однозначно свидетельствует об акцентно-позиционной самостоятельности *ymbe*, отразившейся во фразовой просодике, канонизированной аллитерационным стихом.

3. Преверб: Met. 4.1–4.5

*Æla þū scippend*

*heofones and eorðan!*

*ēcum rīcsast*

**О Р V**

----/-----x-----/----x-- (А-стих)

*heofon ymbhwearfest*

*tunglu genēdest*

*scīrra tungla*

*þū on hēahsetle*

*and þū ealne hræðe*

-x----x----x-----/---x-x---/-- (В-стих)

*and þurh ðīne hālige miht*

*þæt hī ðe tō hērað.*

‘О, Творец ярких звезд, небес и земли! Восседаешь Ты на высоком троне, царствуя в веках. В величии славы обходишь Ты свои небесные владения и святой своей силой заставляешь звезды повиноваться Тебе’.

Синтагматика основных конstituентов фразы: SOPV, фразовая частица *ymb* попадает в спад А-стиха, находится в постпозиции к объекту *heofon*, но в препозиции к предикату *hwearfest*, и таким образом трактуется в поэтическом языке как преверб. В последовательности ‘объект – *ymb*- предикат’ *ymb* выступает именно в функции преверба, а не послелого к объекту: ‘*heofon – ymb hwearfest*’, а не ‘*heofon ymb – hwearfest*’, поскольку поэтический узус свидетельствует об акцентной выделенности послелогов, что приближает их к фразовым наречиям.

В сохранившемся корпусе древнеанглийской поэзии представлены два возможных вида синтагм с послелогоми, где в роли послелогога выступает фразовая частица *ymb*: а) предикат – *ymb* – объект (VPO), б) структура с обратным порядком основных элементов фразы: объект – *ymb* – предикат (OPV)

Контекст Met. 28. 20–25 удачно совмещает в себе обе возможности. Во второй краткой строке Met. 28. 22 *ymb* реализуется как послелог к предикату, а во второй краткой строке Met. 28. 24 *ymbe* реализуется как послелог к объекту.

Met. 28. 20–25:

20. *þætte mænig tungul*

21. *hafað on heofonum*

--/--x---x--/--x (А-стих)

22. *læsse gelīðað*

**О**

23. *eaxe ende* **1. (S)VPO**

---/--x--x--/--x-- (А-стих)

*māran ymbhwyrft*

*sume hwīle eft*

**S V P**

-x---x---/--x----/-- (В-стих)

*þā þe lācað ymb*

*oððe micle*

-x--x-x----/----x---/--x

(А-стих с анакрузой)

24. *māre gefērað* *þā hire middre ymb*

V

25. *þearle þrægeð? 2. (S)OPV* *Þāra is gehāten*

‘Многие звезды проходят большой круг по небу; другие звезды часто проходят меньше, – те, что резвятся у полюса земли (букв. ‘у конца оси’), но намного больше проходят те звезды, которые движутся строго вокруг центра её (то есть земной оси)’.

В данном случае существенно то, что стих отделяет просодические комплексы *lācað ymb* (вторая краткая строка Met. 28. 22) и *hire middre ymb* (где *hire* – форма dat. sg. местоимения третьего лица *hēo* ‘она’, а *middre* – форма dat. sg. fem. сильного склонения прилагательного *midd* ‘средний’, то есть буквально ‘её серединой вокруг’, вторая краткая строка Met. 28. 24) – от объекта *ende* в первом случае и от предиката *þrægeð* во втором – рамкой долгой строки. Метрический эквивалент, таким образом, является единственным свидетельством реальных синтаксических связей, основой которых в поэтическом языке является фразовая просодика.

Несмотря на просодическое выделение послелогов, поэтический язык проводит грань между послелогоми и наречиями. В контексте Gen. 371–374 предикат и объект синтагматически предшествуют *ymb*, однако стих содержит дополнительные указания на то, что *ymb* – наречие, а не послелог.

Наречие: Gen. 371–374

V O P

-x-/----x---x---/---x (А-стих с анакрузой)

*ac licgað me ymb*

*rīdeð racentan sāl –*

*habbað mē swā hearde*

*fæste befangen.*

/-x---/---x-- (А-стих)

*īrenbendas*

*ic eom rīces lēas*

*helle clommas*

‘Но лежат вокруг меня железные цепи, я закован в кандалы, – и лишен я небесного царства, – так крепко сковывают меня узы ада’.

В данном контексте представлен порядок слов VOP(S), сопровождающийся инвертированной аллитерацией в первой краткой строке Gen 371. Все три элемента (предикат, фразовая частица, объект) объединены в краткой строке. В метрической схеме долгой строки *ymb* не только занимает ударную пози-



цию, но и включается в аллитерацию, свидетельствующую о том, что *ymbē* – носитель фразового акцента. В данном случае фразовый акцент говорит о синтаксической самостоятельности *ymbē* как постпозитивного фразового наречия. В отличие от наречий послелого не аллитерируют и, таким образом, не включаются в основной просодико-аллитерационный контур фразы, и хотя они являются метрически ударными, но степень их акцентного выделения минимальна.

Два вида позиционной дистрибуции базовых компонентов предикативных синтагм VPO и OPV, представленные в рассмотренных нами поэтических контекстах, представлены в прозаических текстах.

1a. VPO: Met. Fox. Ch. 35 5, p. 164: *Mē þincþ þ. þū hwerfest ymb ūton sume wunderlīce ond seldcūðe spræce ymbe þā ānfealdnesse þāre godcundnesse.*

‘Мне кажется, что ты вертишься вокруг одного увлекательного и необычного вопроса о единосущности божественной природы’.

1b. VPO: Oros.14: *Be west Sūþdenum is þæs gārsecges earm þē līþ ymb ūtan þæt land Brettania.*

‘К востоку от южной Дании проходит течение (букв. «рука океана»), которое идет вокруг земли Британии’.

2a. OPV: Met. Fox. Ch. 4. 1, p. 6: *Ēalā þū scippend heofones and eorðan. Þū þe on þām ēcan setle rīcsast. Þū þē on hrædum færeldre þone heofon ymbhweorfest. ond þā tunglu þū gedēst þē gehyrsume.*

‘О, Творец небес и земли! Восседаешь ты на вечном троне; Ты – тот, кто объезжает небосвод! Ты делаешь звезды послушными Тебе!’

2b. OPV: Chr. D., A.D. 1072, p. 208: *Ac þā sē kynge Wyllelm þis geāhsade þā bēad hē ūt scyppyrde. ond landfyrde. ond þ. land eall ūtan emb sette. ond brygce worhte. ond scyppyrde on þā sæ healfe.*

‘И тогда спросил об этом король Вильгельм, когда объявил он о морском походе и о наземной экспедиции. И окружил он эту землю. И построил мост. И флот подошел к одному из берегов’.

Синтагматическая последовательность VOPS, представленная в контексте Gen. 371: *ac licgað mē ymbe īrenbendas* не встречается в известных нам прозаических текстах и, по-видимому, должна рассматриваться как деформация прозаической

структуры. Обратный вариант данной последовательности, SPVO, широко представлен в прозаических текстах:

Oros. 116.16: *Hē þā his here on tū tōdælde. sum ymb þā burg sætt. ond hē mid sumum hlōpum fōr. ond ...*

‘Тогда его войско разделилось на две части: некоторые осадили город, а он с несколькими отрядами двинулся дальше, и...’

Напомним, что гипербат в поэтическом языке сопровождается инвертированной аллитерацией. Инвертированной аллитерацией отмечена также конструкция *accusativus cum infinitivo* в контексте Gen. 666–671. Ввиду отсутствия подобных структур в известных нам прозаических текстах, мы не можем судить о возможных вариантах позиционной дистрибуции элементов данной структуры в прозе. В поэтическом тексте, очевидно, нейтральной была бы последовательность, укладывающаяся в рамки простой аллитерации, однако эпический поэт использует инвертированную структуру. Это, вероятно, связано с тем, что данная структура совпадает с началом новой микротемы, маркером которой в поэтическом языке выступает анакруза преверба *ge-* и инвертированная аллитерация:

-x----/---x--x--/---x	(А-стих с	-x----/---x-----/----x-	(А-стих с
анакрузой)		анакрузой)	
<i>his englas gesēo ic</i>		<i>him ymbe hweorfan,</i>	

Второе значение фразовой частицы *ymb(e)* ‘о, про, относительно, касательно’ проявляется в синтагмах с предикатами мысли и речи: 1) *sprecan* ‘говорить’, *reccan* ‘рассказывать’, *secgan* ‘говорить, обсуждать’, *swerian* ‘говорить, беседовать’, *frignan* ‘спрашивать, узнавать’, *singan* ‘декламировать’, *giddian* ‘сказывать’, *cūðan* ‘оповещать, осведомлять’, *wrixlan spræce* ‘слагать рассказ’, *wordum bēcnan* ‘обозначать словами’, *sang āhebban* ‘заводить песнь’, *wordum cūðan* ‘осведомлять словами’, *bēot āhebban* ‘раздувать бахвальство’ и др., 2) *þencan* ‘обдумывать’, *wundrian* ‘удивляться’, *hycgan* ‘думать, (раз)решать’.

Особенностью просодики *ymb* в структурах с данной группой предикатов является отсутствие акцентных вариантов с превербом. Возможны лишь три акцентно-просодических варианта употребления *ymb*: в качестве предлога, послелога, наречия.

1. Наречие: Ri. 43. 16–18

*cūþe cynewordum*

*Mon. sē þe wille.*

*hū sē cuma hātte.*

<p><b>О</b></p> <p>---/----х--/-х (А-стих)</p> <p><i>eðþa se esne</i></p>	<p><b>Р V</b></p> <p>-х-х--х-----/-----/--х (С-стих)</p> <p><i>þe ic her ymb sprice</i></p>
---	---

‘Пусть тот, кто захочет, найдет надлежащие слова и провозгласит, как зовется пришелец, или слуга, о котором я здесь толкую’.

Фразовая частица в данном случае занимает позицию ключевой аллитерации, однозначно указывающую на то, что *ymb* трактуется в поэтическом языке как наречие.

Конструкции с аналогичной структурой очень частотны в поэтическом языке, особенно в переводах короля Альфреда (см., например, контексты Met. 25.34; Met. 16.20; Met. 16.24 и другие контексты). Эта структурно-просодическая модель поэтического языка разрешает трудности в определении характера функциональной реализации фразовой частицы в языке прозы, где подобные синтагматические структуры так же весьма частотны.

Past. Swt..., 2, 56, 429: 33–34: *On oðre wīsan sint tō manienne ðā ðe mid færlīce luste bīoð oferswīðde. on oðre wīsan ðā ðe lange ymbðenceað & ðeahtiað. swā weorðað beswicene.*

‘Вразумлять тех, кто предался внезапному порыву, следует одним путем, а другим путем следует учить тех, кто обдумывает грех и зло умышляет заранее, в неведении пребывая’.

Несколько иная акцентно-позиционная структура с наречием *ymb* представлена в следующем контексте:

Наречие: Ri. 39. 25–26

<p><b>Р О</b></p> <p>-х----х----/----х-----/ (В-стих)</p> <p><i>þāra þe ymb þas wiht</i></p>	<p><i>Sōð is æghwylc</i></p> <p><b>V</b></p> <p>---/---х----/----х (А-стих)</p> <p><i>wordum bēcneð</i></p>
--	---

‘Пусть окажется правым каждый из тех, кто это существо словом обозначит’.

Сравним прозу:

Met. Fox. Ch. 10, p. 26: *ac þ. mē hæfð eallra swīðost gedrefed þonne ic ymbe swelc smēalīcost þence. þ. ic nū sweotole ongīten habbe þ. þæt is sēo mæste unselð on þis ondweardan līfe. þ. mon ærest werþe gesælig.*

‘Однако это тревожит меня более всего другого. Когда я всерьез размышляю над тем, что я, несомненно, усвоил, мне кажется,

что величайшая трагедия нашей жизни состоит в том, что любой, кто однажды был счастлив, после этого становится несчастным’.

Предикативная синтагма хорошо укладывается в схему долгой строки ‘В-А’, представленную контекстом Ri. 39.26, несмотря на редкий случай инвертированной аллитерации в В-стихе:

-х---х--х--/--х----/	(В-стих)	----/---х-----/--х	(А-стих)
<i>þonne ic ymbe swelc</i>		<i>smēalīcost þence</i>	

В следующих контекстах фразовая частица реализуется как послелог.

2а. Послелог к объекту: Run. 55–57

<i>M(eh) byð for eorlum</i>		<i>æþelinga wun</i>	
		<b>О    S    P</b>	
--/-----/-х-----/	(D-стих)	--х----х-----/-----/-х	(C-стих)
<i>hors hōfum wlanc</i>		<i>þær him hæleþ ymbe</i>	
		<b>V</b>	
<i>welege on wicgum</i>		<i>wrixlaþ spræce.</i>	

‘Боевой конь создан для вождей, на радость благородным воинам, о нем слагают песни дружинники, о гордом коне быстроногом (букв. «о коне, богатом на копытах»)’.

В связи с отсутствием в поэтическом языке структур с превербом *ymb* прозаические контексты, включающие синтагматические модели OPV, допускают только два варианта просодической трактовки фразового сегмента: послелог или наречие, различающиеся степенью ударности. Подобные синтагматические последовательности, представленные в прозе, в принципе допускают и реализацию фразовой частицы как преверба, однако учитывая данные поэтического языка такая просодическая реализация фразовой частицы, по-видимому, должна трактоваться как размывание нормы.

North. Lind., Skeat St. Lk., Ch.2; p. 183: *mið ðý gesēgon þ. alle hwæstredon & yfle ymbsprēcon. cuēdon þte tō menn synnfullum gecerde.*

‘И увидели они, что все каялись и грехи исповедовали, и сказали они (Ему), чтобы Он отправился к грешникам’.

2b. Послелог к предикату: Met. 21. 1-4

*Wēl. lā monna bearn*

*Fīora æghwilc*

--x----/--x----/-x (А-стих с анакрузой)

*þæt e̅cum gōde*

-/---x---x-----x--/---x (А-стих)

*and tō þæt gesælþum*

*Geond middangeard*

*fundige tō*

P V

x--x-----/-----/-x (С-стих)

*þe we ymb sprēcað*

S V P

-x--x---/---x----/ (В-стих)

*þe we secgað ymb*

‘О, дитя человека! По всей земле люди стремятся к тому вечному идеалу, о котором мы говорим, и к счастью, о котором мы толкуем’.

В поэтическом языке представлены только безобъектные структуры, в то время как в прозе объект включен в структурную последовательность.

Past. Swt., Ch. 56, p. 87: 11–15: *Forðy̅ sint þā tō manienne ða ðe mid hrædlīce luste bīoð oferswīðde. ðæt hīe tō georne ne gīemen ðissa eorðlīcena ymbhogena. forðæmðe hī ne magon ongietan mid hī manegum unðēawum hī bēoð gewundode. ðā hwīle ðe hī tō ungemetlīce smēagað ymb ðas eorðlēcan ðing.*

‘Тех, кто охвачен внезапным порывом, следует предупредить о том, что не следует беспокоиться о земных нуждах. Ведь люди не могут понять, какими узами они связывают себя, когда слишком много думают о земном’.

3. Предлог: Ph. 570–572

*Ðus frōd guma*

V

*gieddade glēawmōd*

P O

---/---x----/--/---x (С-стих)

*ymb his æriste*

*on fyrndagum*

*godes spelboda*

x--/---x--/ (А-стих)

*in ēce līf*

‘Так во дни давно ушедшие мудрый муж, глубокомысленный предсказатель, вещал о своем воскресении в жизни вечной’.

Структура SVPO, представленная в ряде контекстов поэтического языка, весьма частотна и в прозе.

Met. Fox. Ch. 7.3, p. 20: *Ic wolde nū gēt þ. wit māre spræcan ymbe þā woruld sælda.*

‘Я хотела бы, чтобы мы все же продолжи разговор о земных благах’.

Oros. 283.33: *On þæm dægum Arrius sē masseprēost wearþ on gedwolan ymb þone ryhtan gelēafan.*

‘В те дни священник Арий был в заблуждении относительно веры’.

Анализ группы просодико-позиционных структур с предикатами мысли и речи показывает, что фразовая частица *ymb* в данных структурах обладает иными просодическими свойствами. В отличие от группы конструкций с предикатами движения и положения в пространстве, вскрывающих онтогенез словообразовательных моделей префиксальных глаголов, в структурах с предикатами речи и мысли представлено состояние синтаксической системы, ориентированное на второй возможный путь развития просодического инварианта *ymb* – становление фразовых глаголов с послелогом (или наречием в постпозиции). Такой вариант развития древнегерманских фразовых частиц реализовался в древнеисландском языке (Кацнельсон 1965: 123–141). Ограниченность использования превербов отличает древнеисландскую словообразовательную систему от словообразовательных систем других германских языков. В этом отношении готский и скандинавские языки занимали диаметрально противоположные позиции. В готском постпозиция наречия, хотя и встречалась, но не была продуктивной, и пространственно-временные значения по преимуществу выражались превербами (Сизова 1978: 167). Древнеанглийский язык так же пошел по пути развития системы превербов и не удержал вариантов с послелогом. Такие варианты исчезли уже в среднеанглийский период (Hiltunen 1983: 478). Сохранение в поэтическом языке англосаксов просодико-позиционных структур, ориентированных на становление фразовых глаголов с послелогом, свидетельствует о том, что изначально скандинавская и западногерманская просодико-синтаксические системы не были полярны.

## 5. Просодико-позиционный синтаксис: структура фразы

Структурно-просодический анализ предикативных синтагм с фразовыми частицами показывает, что в поэтическом языке фразовые акценты участвовали в формировании синтаксических моделей, и синтаксическая структура синтагматических после-

довательностей зависела от способа их просодической организации. В связи с этим фразовые сегменты, тождественные с точки зрения дистрибуции основных элементов (V, P, O), могли иметь разную синтаксическую модель, в чем проявлялись организующие функции просодики. Реализация определенного признака (наличие vs. отсутствие акцента) в рамках фразовой частицы, принадлежащей к общей фонетической (сегментной) структуре фразы, способствовала формированию синтаксической семантики. При этом фразовый акцент в рамках предикативного комплекса получал смыслоразличительную (фонологическую) функцию на синтаксическом уровне языка. Сравним фонологическую функцию ударения в русском языке: воды [род.п., ед.ч.] – воды [им.п., мн. ч.]. Смыслоразличение в данном случае происходит на морфологическом (словном) уровне языка, так как место акцента способствует дифференциации словоформ, то есть единиц морфологического (или словного) уровня (см. в связи с этим работу (Трубецкой 1960: 224–252). В древнегерманских языках акцентные структуры слова были фонологически иррелевантны, о чем свидетельствует унифицированный принцип начально-корневого ударения (Макаев 1962: 50). Фонологическая дифференциация синтаксических структур древнеанглийского поэтического языка с помощью фразовых акцентов дает основания говорить о фонологической релевантности синтаксических моделей древнеанглийского поэтического языка.

Фразовые акценты, очевидно, сохраняли свои функции и в прозе, поскольку невозможно представить иной способ синтаксического моделирования предикативных синтагм с фразовыми частицами в условиях отсутствия фразовых акцентов с их грамматическими функциями. Строевые функции фразовых акцентов должны были приводить к высокой ритмичности всех речевых произведений древнеанглийского языка. В связи с этим обратим внимание на наблюдение Ю. К. Кузьменко об особой ритмической организации древнеисландских периодов в прозаических текстах (Кузьменко 1991: 141).

В условиях отсутствия дифференциации метрики и общеязыковой просодики, с одной стороны, а также тождества поэтической и прозаической синтагматики – с другой, противопоставление древнеанглийской поэзии и прозы сводится к вопросу о реконструкции грамматической нормы и степени выдержанности нормативных языковых структур в прозе. При этом само противопоставление ‘*поэзия vs. проза*’ может приниматься только методологически, поскольку метрика как конструктив-

ный принцип стиха (Тынянов 1924) отсутствует в древнегерманской поэзии, а общезыковая просодика (фразовые акценты) формирует синтаксические структуры, что, в свою очередь, снимает вопрос о двойном членении поэтического текста. Следствием этого является тождество таксономии поэтического и прозаического языка. Важно отметить, что мы говорим об отсутствии граней между поэзией и прозой именно в структурном плане, мы не хотим сказать, что признаки, разграничивающие поэзию и прозу, отсутствовали вовсе.

Если понимать языковую норму как «регулятор, определяющий набор вариантов, границы вариативности, а также дозволенные и недопустимые варианты» (Арутюнова 1976: 48), то, по-видимому, поэтическая речь англо-саксонского поэта-рассказчика выступала как нормативная в отношении ко всем другим речевым произведениям ввиду наибольшего соответствия эпической дикции требованиям языковой структуры. Вне поэтической дикции происходило расшатывание акцентных моделей стиха; вместе с этим, понятно, нарушалась и строгость языковых моделей в актах коммуникации, в результате чего снижалась перцептивная ясность текста. Древнеанглийская поэзия как точка максимальной зрелости древнеанглийского языка, фокусирующая и конденсирующая языковые структуры в поэтической дикции, служила сдерживающим и организующим началом, функционально заменявшим литературную норму в условиях бесписьменного существования языка. Поэтический и непоэтический узус в период бесписьменного существования языка были связаны единством таксономических моделей. Отсутствие жестких граней между поэзией и прозой в древнеанглийском языке проявляется, в частности, в существовании отдельных синтаксических структур прозы, хорошо укладывающихся в рамки основной единицы аллитерационного стиха – долгой строки. В условиях отсутствия метрического эквивалента наличие таких структур было свидетельством их максимального приближения к требованиям языковой системы, то есть их нормативности.

Участие просодических факторов в синтаксическом структурировании было адекватно устной форме существования языка. Тексты долгое время передавались устным путем даже тогда, когда германцы уже освоили письменность, потому что письменный текст затемнял структуру высказывания и, соответственно затруднял восприятие из-за отсутствия указаний на просодическую организацию высказывания. Совершенство язы-



ковых форм было неотделимо от устного исполнения, и ясно, что корни устной традиции уходят вглубь системы древнеанглийского языка. Писцы древних англосаксонских скрипториев были не только носителями устной традиции, не только владели основными приёмами поэтического творчества (овладение которыми было в основе овладению родным языком), но они переносили на пергамен звучащие тексты, ориентированные на устное исполнение, что подтверждается многочисленными случаями фиксации явлений внутреннего и внешнего сандхи в англосаксонских кодексах.

Мы не станем утверждать, что нам доподлинно известно соотношение поэтического и прозаического языка англосаксов в древнейший период. Однако наблюдения над природой фразовых акцентов в древнеанглийском языке позволяют согласиться с мыслью о том, что проза была образованием вторичным по отношению к поэзии. А.А. Потебня, впервые поставивший вопрос о соотношении языка поэзии и языка прозы, считал, что «из языка, первоначально тождественного с поэзией, следовательно, из поэзии, возникает позднейшее разделение поэзии и прозы, которые должны быть названы явлениями языка» (Потебня 1926: 152). Первоначально язык был поэтическим. Только с развитием логики, дискурсивного мышления поэтический язык превращается в прозу. Мысль Потебни о сублимации прозаической мысли в поэзии (Потебня 1926: 169) и о вторичности прозы по отношению к поэтическому языку приобретают несколько иное звучание в связи с вопросами поэтического языка англосаксов. Этап эволюции английского языка, зафиксированный древнейшими письменными памятниками, характеризуется широким развитием научной (в основном переводной) прозы. На этом этапе функциональные сферы поэтического языка, по-видимому, сужались. Однако нам важно подчеркнуть, что и в это время поэтический язык сохранял важные строевые функции, заключающиеся в поддержании структурных рамок языка путем адаптации инноваций к акцентной структуре поэтического языка, проявляющейся в метрических рангах слов. Метрические ранги, присущие слову, неизменно характеризовали положение слова на каждом из уровней поэтического языка: морфологическом (словном) и синтаксическом. Акцент как межуровневый фактор, связанный с фонологией, проводил спайку уровней поэтического языка. Поэтому именно в языке поэзии языковая структура достигала наибольшей динамичности. Первичность поэтического языка, в

том числе и народного эпоса, на этом этапе означает его нормативность, наибольшую приближенность к требованиям языковой структуры. Поэтический язык, все дальше уступающий прозе свои функциональные сферы, тем не менее продолжает оставаться своего рода идеальным образованием с точки зрения структуры языка и в этом смысле удерживает свою первичность до конца древнеанглийского периода. Дефонологизация синтаксиса и сопутствующий распад системы метрических рангов поэтического языка на рубеже древнеанглийского и среднеанглийского периодов позволил сформировать метрику, что совпало со становлением и развитием осознанного авторства. В древний период ритмическое строение поэтического языка и ритмическое строение прозы были аналогичными, – язык рассказа всегда был торжественным и мерным. Модификация системы языка изменила соотношение поэзии и прозы; их родство стало гораздо более сложным и тонким, и гораздо более отдаленным.

### Литература

#### *Исследования*

- Арутюнова 1976 – Арутюнова Н. Д. Референция имени и структура предложения // ВЯ. 1976, № 2. С. 24–35.
- Гухман 1972 – Гухман М. М. Взаимодействие диалектных ареалов и развитие наддиалектных форм в донациональный период. (На материале германских языков) // Энгельс и языкознание. М.: «Наука», 1972. С. 209–210.
- Кацнельсон 1965 – Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л.: «Наука», 1965.
- Кузьменко 1991 – Кузьменко Ю. К. Некоторые синтактико-стилистические особенности периода в древнеисландской прозе // Очерки по историческому синтаксису германских языков. Л.: ЛГУ, 1991.
- Макаев 1962 – Макаев Э. А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц // ВЯ 1962, № 5, С. 47–52.
- Макаев 1965 – Макаев Э. А. Язык древнейших рунических надписей. Лингвистический и историко-филологический анализ. М.: «Наука», 1965.
- Макаев 1976 – Макаев Э. А. Рунический и готский // Типология германских литературных языков. М.: «Наука», 1976. С. 29–41.
- Потебня 1926 – Потебня А. А. Мысль и язык. Харьков: Гос. изд. Украины. 5-е изд., 1926.
- Сизова 1978 – Сизова И. А. Становление германского глагольного словообразования. На материале готского языка. М.: «Наука», 1978.
- Смирницкая 1988 – Смирницкая О. А. Стих и язык древнегерманской поэзии: Дисс. д-ра филол. наук. М.: МГУ, 1988.
- Соссюр 1990 – Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М.: «Прогресс», 1990.

- Трубецкой 1960 – Трубецкой С. Н. Основы фонологии. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1960.
- Тынянов 1924 – Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Статьи. Л.: «Academia», 1924.
- Ярцева 1960 – Ярцева В. Н. Историческая морфология английского языка. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1960.
- Behagel 1924 – Behagel O. *Deutsche Syntax*. II. Die Wortklassen und Wortformen. Heidelberg: Carl Winter, 1924.
- Bonfante 1930 – Bonfante G. *Proposizione principale e proposizione dipendente in indoeuropeo* // *Archivio Glottologico Italiano*. 1930. T. 24, No. 2. P. 1–60.
- Braune 1894 – Braune W. *Zur Lehre von deutschen Wortstellung* // *Forschungen zur deutschen Philologie: Festschrift für R. Hildebrand*. Leipzig, 1894. S. 34–51.
- Campbell 1983 – Campbell A. *Old English Grammar*. Oxford, 1983.
- Cruz 1969 – Cruz J. M. de la. *Origins and development of the phrasal verb to the end of Middle English Period*. Diss. Queen's University. Belfast, 1969.
- Cruz 1972 – Cruz J. M. de la. *The Origins of Germanic Phrasal Verb* // *IF*. 1972. Bd. LXXVII. P. 73–96.
- Cruz 1975 – Cruz J.M. de la. *Old English Pure Prefixes: Structure and Function* // *Linguistics*. Vol. CVL. 1975. P. 47–81.
- Delbrück 1893–1900 – Delbrück B. *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*. T. III. Strassburg: Trübner, 1893–1900.
- Delbrück 1907 – Delbrück B. *Review of John Ries, Die Wortstellung im Beowulf* // *AfdA*. 1907. No. 31. S. 65–76.
- Dillon 1947 – Dillon M. *Celtic and other Indo-European Languages* // *TPhS*. 1947. P. 15–24.
- Erdmann 1881 – Erdmann O. [Review] John Ries. *Stellung von Subject und Prädikatsverbum im Heliand* // *AfdA*. 1881. No. 7. S. 191–195.
- Fourquet 1938 – Fourquet J. *L'ordre des éléments de la phrase en germanique ancien. Etudes de syntaxe de position*. Strasbourg, 1938 (= *Publications de la Faculté des Lettres de Strasbourg*, fasc. 86).
- Gonda 1959 – Gonda J. *Four Studies in the Language of the Veda*. s'Gravenhage: Mouton, 1959 (= *Disputationes Rheno-Trajectinae*, 3).
- Harrison 1892 – Harrison T. P. *The separable Prefixes in Anglo-Saxon*. Diss. John Hopkins University Press. Baltimore, 1892.
- Hiltunen 1983 – Hiltunen Risto. *The decline of the prefixes and the beginnings of the English Phrasal Verb: The evidence from some Old and Early Middle English Texts*. Turku, Finland: Turun Yliopisto. 1983.
- Hopper 1969 – Hopper P. J. *An Indo-European 'syntagm' in Germanic* // *Linguistics*. 1969. Vol. 54. P. 39–43.
- Hopper 1975 – Hopper, Paul J. *The syntax of the simple sentence in Proto-Germanic*. The Hague: Mouton, 1975 (= *Janua linguarum. Series practica* 143).
- Horgan 1980 – Horgan D. M. *Patterns of variation and interchangeability in some Old English prefixes* // *NphM*. 1980. No. 81. P. 127–130.
- Kuryłowicz 1958 – Kuryłowicz J. *L'accentuation des langues indo-européennes*. Wrocław, Kraków, 1958.

- Laroche 1958 – Laroche E. Comparaison du louvite et du lycien // BSL. 1958. No. 53. P. 159–197.
- Mitchell 1978 – Mitchell B. Prepositions, adverbs, prepositional adverbs, postpositions, separable prefixes, or inseparable prefixes in Old English? // NphM. 1978. No. 79. P. 240–257.
- Quirk, Wrenn 1957 – Quirk R., Wrenn C. L. An Old English grammar. 2-nd ed. London; New York: Methuen, 1957.
- Ries 1907 – Ries J. Die Wortstellung im Beowulf. Halle: Niemeyer, 1907.
- Schmitt 1967 – Schmitt R. Dichtung und Dichtersprache in Indoeurmanischer Zeit. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1967.
- Schmitt 1968 – Schmitt R. Indogermanische Dichtersprache. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968.
- Schon – Schon, C. V. von. The Origin of Phrasal verbs in English, SUNY dissertations. New York: Stony Brook.
- Schneider 1938 – Schneider K. Die stellungstypen eds finiten verbs im urgermanischen Haupt- und Nebensatz. Heidelberg: Winter, 1938 (= Untersuchungen und Texte 41).
- Sprockel 1973 – Sprockel C. The Language of the Parcker Chronicle. Vol. II. Oxford, 1973. P. 5–40.
- Streitberg 1889 – Streitberg W. Perfective und imperfective Aktionsart im Gotischen // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Bd. 15. Tübingen, 1889. P. 45–67.
- Tomanetz 1881 – Tomanetz K. Review of Ries, Stellung von Subject und Prädikatsverbum im Heliand. Deutsche Literaturzeitung II. 1881. No. 8. P. 275–176.
- Wackernagel 1892 – Wackernagel J. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // IF. No. 1, 1892. S. 333–435.
- Watkins 1963 – Watkins C. Preliminaries to a historical and Comparative Analysis of the Syntax of the Old Irish Verb // Celtica. 1963. No. 6. P. 1–49.

#### *Словари и тексты*

- The Anglo-Saxon minor poems. Ed. By E. Van Kirk Dobbie. New York: Columbia Univ. Press, 1942.
- Beowulf and the fight at Finnsburg. Ed. With introd., bibliogr., notes and appendices by Fr. Klaeber. 3-rd ed. With suppl. Boston: Heath, 1941.
- Earle J., Plummer Ch. Two of the Saxon Chronicles Parallel. Oxford: Oxford Univ. Press, 1965.
- The Exeter book. Ed. By G. Ph. Krapp and E. Van Kirk Dobbie. New York: Columbia Univ. Press, 1936.
- Grein Ch. W.M. Sprachschatz der angelsächsischen Dichter. Unter Mitwirk. Von F. Holthausen, neu hrsg. Von J. J. Köhler. Heidelberg: Winter, 1912.
- King Alfred's Anglo-Saxon version of Boethius "De consolacione philosophiae". Ed. by Samuel Fox. London, 1901.
- Krapp G. P., Dobbie, E. Van Kirk. The Unius Manuscript (The Anglo-Saxon Poetic Records, Vol. VI), 1931.
- Old English Riddles. Exeter Book. New York: AMS press, 1972.
- Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, Bd. I–II. 1965

Toller T. N. An Anglo-Saxon dictionary based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth. London: Oxford Univ. Press, 1898.

The Vercelli book poems. Done in a normalized orthography and ed. By Francis P. Magoun. Cambridge (Mass.), 1960.

### Сокращения

*Англосаксонские письменные памятники:*

*Az.* – «Азарий»; *Chr.* – «Англо-саксонские хроники»; *Gen.* – «Бытие»; *Met.* – «Метры Боэция»; *Met. Fox.* – прозаический перевод «Утешения философией» Боэция; *North. Lind.* – Линдисфарнские глоссы; *Oros.* – «Орозий»; *Past. Swt.* – «Заботы Пастыря» Папы Григория в переводе короля Альфреда; *Ph.* – «Феникс»; *Ri.* – «Загадки»; *Run.* – «Руническая поэма».

*Журналы:*

*ВЯ* – Вопросы языкознания – Москва; *AfdA* – Anzeiger für deutsches Altertum und deutsche Literatur. – Wiesbaden; *BSL* – Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. – Paris; *IF* – Indogermanische Forschungen: Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft. – Berlin; *NphM* – Neuphilologische Mitteilungen: Bulletin de la Société néophilologique de Helsinki. – Helsinki; *TPhS* – Transactions of the Philological Society. – Oxford.

#### **N. L. Ogurechnikova. Phrasal accents, positions and phrasal particles in Anglo-Saxon speech (on correlation between prose and verse in Anglo-Saxon)**

The first study of phrasal particles otherwise known as separable prefixes of phrasal adverbs belongs to Ferdinand de Saussure. His is the term 'phrasal particle', which reflects the deepest penetration into the nature of the phenomenon.

The tradition which goes back to Jacob Wackernagel is of utmost importance for the study of Indo-European syntax, phrasal particles and phrasal accents being its indispensable foundation. Wackernagel was the man who paid special attention to phrasal prosody while studying positional distribution of the main phrasal elements: Subject, Object and Verb. Prosodic and positional distribution of the verb in the main and the subordinate clause was the question of much debate.

Neither Wackernagel, nor his followers addressed Indo-European phrasal particles, but the logic of Wackernagel's research inevitably induces to question prosodic and positional distribution of phrasal particles in older Indo-European languages. The question is twofold; on a par with positional and semantic distribution as such, it implies a study of correlation between prose and verse in the language under investigation.

The paper discusses a range of theoretical issues related to the role of phrasal particles and phrasal accents in Anglo-Saxon speech. The surviving prosaic texts contain no reliable indications of phrasal prosody and the data of Anglo-Saxon prose helps study positional distribution of phrasal particles and reveals semantic properties of the latter. It is therefore necessary to

address the poetic language, paying special attention to correlation between prose and verse.

The following may serve as a succinct formulation of the results. The main feature of phrasal particles in Anglo-Saxon was the ability to vary their syntactic role in the utterance. That role was dependent on positional distribution of the main phrasal elements including phrasal particles and on the place and force of phrasal accents. Dependency of syntactic structures on the place and relative force of phrasal accents indicates that phrasal accents were syntactically relevant and syntactic structures retained their phonological relevance until the end of Anglo-Saxon period at the least. In the paper we also express some thoughts on the origin and initial correlation between prose and verse in the remote times.

*Keywords:* phrasal particles, phrasal accents, subject, predicate, object, positional distribution, phonologic relevance, structural functions, syntax, syntagm, metrical rank, prose, poetic language, norm.

## К ИСТОРИИ И ТИПОЛОГИИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ГЕРМАНСКОГО АРТИКЛЯ: ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОТОАРТИКЛЯ В ГОТСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируется анафорическая стадия грамматикализации готского протоартикля; впервые демонстрируются четкие закономерности анафорического употребления протоартикля при обозначениях групп действующих лиц (*ученики, фарисеи* и т. п.) и связь этих закономерностей с прагматическими дискурсивными моделями. Показывается, что анафорическое местоимение отсутствует при нарушении доступности референта (в частности, при смене места действия); на фоне анафорической дистрибуции выявляются другие типы употреблений протоартикля (в том числе при непрямо́й анафоре); ставится вопрос о стадии и источниках грамматикализации артикля в готском языке.

*Ключевые слова:* определенный артикль, грамматикализация, стадии грамматикализации, анафорическое и напоминающее употребление, дискурсивные правила, прагматические модели, готский язык.

### 1. Общие замечания и постановка задачи

Ранняя история и предыстория германского артикля до сих пор недостаточно изучена в деталях, а интерпретация предартиклевых употреблений указательного местоимения в готской Библии в значительной мере остается дискуссионной. Общеизвестным можно считать, пожалуй, лишь тезис о том, что в готском языке артикль находится на начальной стадии грамматикализации. К признакам раннего этапа грамматикализации готского артикля относят: отсутствие т. н. маркирования *unicā* и генерического употребления протоартикля (Hodler 1954: 30; Москальская 1977: 263, 272–276; Heine, Kuteva 2006: 103), почти полное отсутствие протоартиклей при именах с отвлеченным значением (Москальская 1977: 248, 277), развитость, но не регулярность анафорического маркирования, отсутствие маркирования ситуативной определенности (непрямо́й анафоры)<sup>1</sup> (Москальская 1977: 261; Philippi 1997: 85–86; Heine, Kuteva 2006: 103).

---

<sup>1</sup> Краткую справку о понятии ситуативной определенности см. в Плунгян 2011: 226; сжатый обзор литературы с использованием термина «непрямо́й анафора» см. в Skrzypek 2012: 47–49.

Разница в стадиях развития артикля в готском и других древнегерманских языках становится очевидной уже при поверхностном сопоставлении переводов Библии на древнегерманские языки. В готском переводе Нового Завета (IV в. н. э.) артикльобразные употребления указательного местоимения *sa*, *þata*, *so* (м. р. – ср. р. – ж. р.) фиксируются только в тех случаях, где артикль стоит в греческом оригинале (Streitberg 1920/1981: 32), однако подавляющая часть греческих артиклей в готском языке опускается. Напротив, в переводах Библии на древние западногерманские языки (VIII–XI в.) употребление артикля распространяется на большую часть именных групп (в частности, на случаи ситуативной определенности), хотя эти переводы осуществлялись с латинского оригинала, т.е. с языка без артикля.

Анализ возникновения артикля в древнегерманских языках следует весьма распространенной исследовательской модели, заключающейся в демонстрации тех признаков зрелого артикля, которые еще отсутствуют на ранних этапах его развития. Однако при таком подходе – от поздней стадии грамматикализации к отсутствию ее признаков в ранний период – не может не стираться специфика самих этих ранних этапов грамматикализации, не полностью описываемых в терминах и правилах более позднего состояния. В частности, для стадии, представленной в готском языке, особый интерес представляет развитое анафорическое употребление указательного местоимения *sa*, *þata*, *so* которое и составляет наибольшую долю его использования в готской Библии.

Анафорическое местоимение, маркирующее существительные (именные группы), «употреблявшиеся раньше или известные из контекста» (Гухман 1958:109), в значительном количестве случаев обеспечивает отчетливое различие «упомянутого и не упомянутого» (Streitberg 1920/1981: 33). Ср. один из наиболее известных примеров:

- (1) *afaruh þan þata innatgaggandin imma in Kafarnaum, duatiddja imma hundafafs bidjands ina <...> jah andhafjands sa hundafafs qap <...> jah qap Iesus þamma hundafada* (М 8,5–8–13)

‘Когда же вошел Иисус в Капернаум, к Нему подошел сотник и просил Его <...> И отвечая (тот) сотник сказал <...> И сказал Иисус (тому) сотнику’<sup>2</sup>

<sup>2</sup> При отсылке к тексту готской Библии нумерация стихов даётся по готскому оригиналу. В русском переводе используется синодальный



Такое употребление, очень близкое по закономерностям к использованию артикля (Гухман 1958: 109; Streitberg 1920/1981: 33), в исторической перспективе формирует значение текстовой (прагматической) определенности определенного артикля<sup>3</sup>. Вместе с тем проблема описания готского состояния заключается в том, что анафорическая функция проявляется у местоимения *sa*, *þata*, *so* непоследовательно, так что распределение маркированных и немаркированных существительных выглядит как достаточно нерегулярное, случайное. Во-первых, анафорическое маркирование в различной степени охватывает разные категории существительных и разные члены предложения. Во-вторых, даже у имен одной категории в анафорических контекстах чередуется использование и неиспользование местоимения. Такова, в частности, ситуация с конкретно-личными именами, весьма активно включенными в маркируемое противопоставление «упомянутого» и «неупомянутого». Наиболее сложным образом местоимения распределяются при обозначениях постоянно действующих лиц, для которых достаточно трудно отделить случаи анафорического повторения в близком контексте от новой интродукции уже известных персонажей. Именно подобные дистрибуции обычно становятся основой для выводов о нерегулярности анафорического употребления местоимения в готском языке. Как замечает М. М. Гухман, «местоимение оформляет существительное и независимо от повторения, когда известно, о ком идет речь, ср. *þai bokarjos* ‘книжники’, *þai*

---

перевод, при необходимости модифицируемый в соответствии со структурой готских предложений.

<sup>3</sup> Как известно, текстовая определенность предполагает, что «возможность правильно отождествить референт именной группы возникает у адресата непосредственно на основе сведений из предшествующего текста, сообщенных ему ранее говорящим» (Плунгян 2011: 226). Анафорическое употребление указательного местоимения признается исходным моментом развития определенного артикля в различных концепциях. С одной стороны, анафорическое употребление считается необходимым ранним этапом возникновения артикля во многих теориях грамматикализации (Так, Дж. Хокинс говорит о ранней стадии «анафорического артикля», называя в качестве показательного примера готский артикль, см. Hawkins 2004: 84; ср. также Greenberg 1978: 69; Heine, Kuteva 2006: 101–102; о самом анафорическом употреблении местоимения как уже грамматикализованной стадии см. Diessel 1999: 119). С другой стороны, даже исследователи, рассматривающие как основу для решающей реинтерпретации местоимения и эволюции артикля иные употребления, признают, что германский препозитивный артикль возникает из местоимения с преимущественно анафорической функцией (Leiss 2000: 117; Kotin 2012: 213–215).

*Fareisaies* ‘фарисеи’, *þai siponjos* ‘ученики’, *þai liutans* ‘лицемеры’ и т. д.», «однако и здесь нет какого-то твердого правила: так, и *siponjos* ‘ученики’ могут употребляться без *sa*, хотя известно, что речь идет об определенных учениках Иисуса» (Гухман 1958:110).

В противовес таким выводам в настоящей статье демонстрируется существование достаточно четких правил употребления готского анафорического местоимения при обозначениях действующих лиц. Эти правила иллюстрируются частным случаем: личными именами во множественном числе («ученики», «фарисеи», «книжники», «Иудеи» и др.). Изучение данной отдельной категории имен оправдано несколькими обстоятельствами. Во-первых, эти имена наиболее частотны, т. е. дают репрезентативное количество словоупотреблений. Во-вторых, как известно из теории, в процесс грамматикализации обычно последовательно втягиваются разные типы контекстов (Heine 1992: 348–349, Heine 2000: 177–178, 196–197); таким образом, закономерности дистрибуции отдельной категории имен – когда эти закономерности выявляются – правомерно трактовать как относительно самостоятельный элемент в цепи грамматикализации.

Поскольку в случае с готским анафорическим местоимением речь идет о еще не грамматикализованном или не полностью грамматикализованном показателе, то закономерности его употребления не могут (полностью) описываться ни на уровне морфологии, ни даже на уровне синтаксиса, и должны в значительной степени принадлежать сфере дискурса<sup>4</sup>. Основой для возникновения артикля из анафорического местоимения в конкретном – в данном случае готском – языке должны быть конкретно-языковые особенности прагматики анафоры, а также семантические особенности указательных местоимений, выступающих в анафорической функции.

На прагматические модели употребления готского анафорического местоимения накладываются следующие его семантические особенности:

1) В *sa*, *þata*, *so* совпадают функции указательных местоимений ‘тот’ (по-видимому, с исконным значением среднего дейксиса) и ‘этот’; соответственно, местоимение может

---

<sup>4</sup> Это утверждение отсылает к известной схеме грамматикализации языковых явлений: *дискурс* > *синтаксис* > *морфология* (Givón 1979: 209).

использоваться для обозначения ближнего дейксиса<sup>5</sup>. Подобные употребления *sa*, *þata*, *so* встречаются в прямой речи, включенной в библейское повествование, и их следует отличать от анафорических.

2) Вместе с тем анафорическая функция готского местоимения достаточно обособлена для того, чтобы позволить ему сочетаться с местоимением дальнего дейксиса *jains* 'тот (далеко)', ср. М 7, 25; 8, 28 и др. Эта особенность, насколько нам известно, до сих пор не отмечалась исследователями готского артикля. Между тем она явно указывает на делексикализацию местоимения, характерную для предартиклевой стадии (Москальская 1977: 242).

3) Употребление притяжательного местоимения при существительном в готском языке не препятствует использованию анафорического местоимения, таким образом, именные группы вроде «свои ученики», «его братья» и т. п. могут сочетаться с протоартиклем<sup>6</sup>.

## **2. Анафорическое местоимение и идентифицирующая квантификация группы лиц**

### *2.1. Базовая анафорическая модель*

Особенности прагматики анафоры связаны с конвенциональными моделями, определяющими, какой именно референт важно маркировать в коммуникации.

По базовой модели, применимой как к личным именам в единственном, так и к личным именам во множественном числе, при введении персонажей или группы персонажей в рассказ о конкретном эпизоде (т. е. при первичном референтном употреблении) протоартикль не используется. Как демонстрирует пример (1), анафорическое местоимение – протоартикль сопровождает соответствующие имена при последующих упоминаниях участников эпизода. При такой модели употребления местоимение, во-первых, сигнализирует слушателю о том, что рефе-

---

<sup>5</sup> Типологические данные о языках с указательными местоимениями, не противопоставленными по дистанции, см. напр. в Diessel 1999: 38–39, о типологии дейктических систем см. также Janssen 2000.

<sup>6</sup> Сохранение собственной местоименной семантики, сочетаемость с другими дейктическими и притяжательными местоимениями (и т. п.) представляют собой параметры, существенные для типологической характеристики артиклевых и предартиклевых слов. См. анкету И. И. Ревзина (Ревзин 1977).

рент доступен для идентификации и, во-вторых, препятствует тому, чтобы повторное появление имени было интерпретировано как введение новых референтов.

Вопреки распространенным мнениям, большая часть отклонений от базовой анафорической модели при обозначении групп лиц связана с некоторыми специфическими условиями прагматической доступности референта в повествовании<sup>7</sup>. Иными словами, эти отклонения подчиняются особым уточняющим правилам, сложившимся в сфере прагматики, а не вне ее<sup>8</sup>.

## 2.2. Неопределенность множества и идентифицирующая квантификация группы лиц

2.2.1. *Фарисеи, книжники и другие.* В готском языке действует общее правило, по которому любое множество действующих лиц, в том числе множество постоянно действующих лиц, не идентифицированных в повествовании как количественно постоянная группа (фарисеи, книжники и т. д.) вводится в повествование без протоартикла. Таким образом, группы фарисеев, книжников, иудеев и т. п. являются исходно неопределенными. Это же правило действует и для других групп, например, для братьев Иисуса: в эпизоде Евангелия от Иоанна (J 7, 3–5–10) словосочетание ‘братья Его’ *broþrjus is* появляется сначала без местоимения (‘Тогда братья Его сказали Ему’ J 7, 3), так как нигде в Новом Завете не упоминается о том, сколько братьев было у Иисуса, и неизвестно, какие именно братья вступают в разговор.

При количественной квантификации, т. е. при выделении количественно определенной группы с помощью числительного точно так же не маркируется первое, но маркируются последующие употребления имени с числительным (ср. Lk 9, 30, 32).

2.2.2. *Ученики Иисуса.* Описывая протоартиклевое употребление местоимения в готском языке, М. М. Гухман замечает, что при употреблении в Новом Завете слова *siponjos*

<sup>7</sup> За неимением других гипотез выдвигались предположения о связи местоименного маркирования с расплывчато определяемой «важностью» референта «для главной идеи повествования» или с не менее неопределенными границами сверхфразовых единств (см. Москальская 1977: 248, 272).

<sup>8</sup> На прагматические модели накладывается, впрочем, сложившийся «синтаксический стереотип» (Москальская 1977: 248): употребление *sa, þata, so* при атрибутивных причастных оборотах и при постпозитивных адъективных определениях.

‘ученики’ «известно, что речь идет об определенных учениках Иисуса» (Гухман 1958:110). Однако реальная ситуация новозаветной истории намного сложнее: Иисус собирает вокруг себя учеников (греч. μαθηταί), общее количество которых неизвестно. Избрание двенадцати ближайших учеников (будущих апостолов) составляет лишь один из эпизодов повествования (ср. Евангелие от Матфея, гл. 10, от Луки гл. 6, 13), и только в некоторых случаях в Евангелиях говорится, что в тех или иных ситуациях участвуют именно двенадцать учеников. В главе же Lk 10,1 упоминается избрание Иисусом еще семидесяти учеников. Иными словами, в каждом новом эпизоде переводчик готской Библии имел дело с исходным неопределенным множеством, получающим определенность лишь в зависимости от пояснений в контексте.

Прямая референция с двенадцатью учениками Христа возможна при употреблении числительного. При группе с числительным *twalif*: ‘двенадцать учеников’ или ‘двенадцать апостолов’, – в готской Библии последовательно используется местоимение. Ср. *þaim twalif siponjam seinaim* (М 11, 1) ‘(тем) двенадцати ученикам своим’, *þans twalif apaustauluns* (Lk 9,1) ‘(тех) двенадцать апостолов’:

- (2) *Gahaitands þan þans twalif apaustauluns atgaf im maht jah waldufni ufar allaim unhulþom jah sauhtins gahailjan* (Lk 9,1)

‘Созвав же двенадцать апостолов, дал им силу и власть над всеми бесами, и исцелять болезни’

В остальных случаях для «учеников» действуют те же прагматические модели, что и для других обозначений лиц.

### 3. Специфические прагматические модели

#### 3.1. Реализация базовой анафорической модели

Подавляющее большинство случаев употреблений личных имен охватывается действием базовой анафорической модели: экзистенциальная интродукция<sup>9</sup> референта (без местоимения) – последующие упоминания референта (с местоимением). Ср. (1) и некоторые типичные случаи: J 9, 13–15 *du Fareisaium* ‘к фарисеям’ – *þai Fareisaieis* ‘те фарисеи’, J 10, 24–31 *Iudaeis* ‘Иудеи’

<sup>9</sup> Мы употребляем этот термин вслед за В. Б. Кашкиным и Е. В. Андреевой (Кашкин 1997: 58; Андреева 2000: 181).

– *pai Iudaieis* ‘те Иудеи’, J 11,7–8 *du siponjam* ‘ученикам’ – *pai siponjos* ‘те ученики’.

Эта модель позволяет поддерживать тождество референта и на протяжении значительных отрезков текста (tracking function: Diessel 1999: 96; Himmelmann 1996: 219, 226). Так, в J 7,32 фарисеи и первосвященники (*pai Fareisaieis jah pai aulumistans gudjans*) во время большого праздника посылают служителей (*andbahtans*, в греческом оригинале также без артикля<sup>10</sup>) схватить Иисуса:

(3) *inuhsandidedun andbahtans pai Fareisaieis jah pai aulumistans gudjans, ei gafai faheina ina* (J 7,32)

‘и послали служителей фарисеи и первосвященники – схватить Его’

Далее действие отвлекается на проповеди Иисуса народу, и только в ст. J 7,45 посланные служители возвращаются в исходную точку ни с чем:

(4) *galipun pan pai andbahtos du paim aulumistam gudjam jah Fareisaium* (J 7,45)

‘и возвратились служители к первосвященникам и фарисеям’

В этом контексте уже обозначения обеих сторон: и «служители», и «первосвященники и фарисеи» стоят с местоимением, отсылая к упомянутым прежде участникам.

Постоянство множества действующих лиц поддерживается местоименным маркированием, например, в довольно обширных диалогах (вопросы к Иисусу и ответы на них). Однако следует указать на обстоятельство, всегда упускаемое из вида: условием для такого маркирования является непрерывное присутствие одних и тех же групп действующих лиц и их участие в одном общем диалоге. Ср. беседу Иисуса с поверившими в него Иудеями в Иерусалимском храме и повторение *pai Iudaieis* ‘(те) Иудеи’: J 8, 31<sup>11</sup>–48–52–57. Дополнительным условием сохранения местоименного маркирования является тождество места действия (см. далее).

<sup>10</sup> Поскольку в подавляющем большинстве случаев рассматриваемые именные группы в греческой Библии сопровождаются артиклем, в дальнейшем мы обращаем внимание только на те контексты греческого оригинала, в которых артикль не стоит.

<sup>11</sup> Употребление местоимения в первой именной группе цепочки в J 8, 31 обусловлено синтаксически – наличием зависимого причастного атрибутивного оборота. См. примечания 8 и 17.

Логично, что для употребления анафорического местоимения важно не повторение того же существительного, а отсылка к уже упомянутому референту; поэтому в его обозначении возможны синонимические замены. Ср. напр. варьирование «работники» – «виноградари» в притче о злых виноградарях: «один человек насадил виноградник и отдал его *работникам* (*waurst-wjam*, в греческом тоже без артикля) <...> И в свое время послал к тем виноградарям (*du **paim** aurtjam*) раба» (Lk 20, 9–10).

### 3.2. Условия действия других моделей

Отклонения от базовой модели совпадают со случаями, когда возможность идентификации уже упомянутой группы лиц, т. е. прагматическая доступность референта нарушается а) сменой места действия или б) включением в действие новой группы участников и смешением множества действующих лиц. Нетрудно понять, что случаи а) и б) в логике готского дискурса взаимосвязаны. Смена места действия нарушает непрерывность повествования, т. е. означает присутствие лакуны и тем самым имплицитно предполагает вероятность изменения состава участников. При б) изменение состава участников эксплицитно, и упомянутая ранее группа лиц теряет выделимость в новом множестве. Существуют также контексты, в которых совмещаются изменения а) и б).

Зависимость анафорического маркирования от конвенциональных параметров а), б) императивна, поскольку в этих случаях местоимение не употребляется, даже если весь остальной контекст, казалось бы, свидетельствует о сохранении тождества референта.

3.2.1. *Смена места действия.* При смене места действия ожидаемое при повторном упоминании референта местоимение отсутствует. Иными словами, при изменении места действия нейтрализуется определенность множества действующих лиц.

Приведем наиболее выразительные примеры.

В Mk 9, 28–29 Иисус отвечает на вопрос учеников, почему они не смогли изгнать нечистого духа из одержимого. Фраза 9, 30 вводит изменение места действия и, поскольку в ней есть только сказуемое во множественном числе («проходили»), но нет подлежащего, то она информирует о том, что на новое место действия Иисус перемещается именно с теми учениками, которые задавали вопрос:

- (5) *jah jainpro usgaggandans iddjedun pairh Galeilaian, jah ni wilda ei hvas wissedi* (Мк 9, 30)

‘и вышедши оттуда, проходили через Галилею, и Он не хотел, чтобы кто узнал’ –

*unte laisida siponjans seinans jah qap du im* (Мк 9, 31)

‘Ибо учил Своих учеников и говорил...’

Тем не менее в следующем предложении (Мк 9, 31, ‘он учил учеников своих’) слово ‘ученики’ употребляется без местоимения.

Пример Мк 10, 32–46 похож на предыдущий. В отрывке Иисус наставляет двенадцать учеников (Мк 10, 32–42), начальная фраза без подлежащего в ст. 10, 46 задает изменение места действия (‘пришли в Иерихон’), а последующая содержит упоминание сопровождающих Иисуса учеников без местоимения (*mip siponjam seinai*):

- (6) *jah qemun in Iairikon. jah usgaggandin imma jainpro mip siponjam seinaim jah managein ganohai* (Мк 10, 46)

‘Пришли в Иерихон. И когда Он выходил оттуда со Своими учениками и множеством народа...’

Главы 13–17 Евангелия от Иоанна описывают наставления Иисуса ученикам на тайной вечере. Следующая глава 18, 1 начинается с фразы, меняющей место действия, в которой *siponjos* ‘ученики’ стоит без артикля: *Pata qipands Iesus usiddja mip siponjam seinaim ufar rinnon jo Kaidron* (J 18, 1) ‘Сказав это, Иисус вышел с учениками Своими за поток Кедрон’.

В качестве маркируемых изменений места действия в готском повествовании выступают: выход из города (селения) или прибытие в другой город (селение), выход из храма, перенесение действия в другой дом (ср. напр. Lk 5, 30), перенесение действия в иную называемую топографическую точку (например, на берег моря).

Все контрастные случаи, где анафорическое местоимение присутствует, характеризуются тождеством места действия. Показательно, что местоименное маркирование референтов, привязанных к конкретному месту действия, не зависит от протяженности текстового отрывка, описывающего события в этом месте действия.

Так, целых пять глав Евангелия от Иоанна описывают наставления Иисуса ученикам во время последней вечери (J 13–17). Вечеря происходит в одном месте при неизменном составе



участников (только Иуда уходит); соответственно, включения в действие учеников каждый раз осуществляются словосочетаниями с местоимениями, хотя эти включения отделены друг от друга значительными отрезками текста (вплоть до нескольких глав). Ср. *þai siponjos* (J 13, 22) '(те) ученики'<sup>12</sup>, *us þaim siponjam* (J 16, 17), 'из (тех) учеников (некоторые)', *þai siponjos is* (J 16, 29) '(те) ученики Его'.

В главе 8 Евангелия от Иоанна (готский текст сохранился только со ст. 12) действие происходит в Иерусалимском храме. В J 8, 2–3 называются группы людей, присутствующих в храме: это народ, книжники и фарисеи. В ходе первого эпизода происходят некоторые перемещения участников относительно абсолютного центра действия (Иисуса): фарисеи и книжники приводят к Иисусу женщину, которая должна быть побита камнями (J 8,3), однако никто из них не решается признать себя безгрешным и бросить первый камень, и группа расходится ('они же, будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим ... и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди' J 8, 9). Однако, несмотря на эти локальные перемещения, фарисеи не уходят с главной обозначенной сцены действия ('в храме'); поэтому в следующем эпизоде, при проповеди Иисуса к народу, обозначение фарисеев вводится в готском тексте с местоимением (*þai Fareisaieis*, J 8, 13: 'тогда сказали ему (те) фарисеи').

Сходным образом сохраняется идентичность референтов в других больших отрывках, действие которых происходит в одном и том же храме (в том числе, если это действие разбито на относительно самостоятельные эпизоды). Ср. напр. Lk 20, 1–19–39: '(те) первосвященники и книжники со старейшинами' – '(те) первосвященники и книжники' – 'некоторые из (тех) книжников' (*sumai þize bokarje*); Mk 11, 27–Mk 12, 28: 'первосвященники и книжники' – 'один из (тех) книжников' (*ains þize bokarje*).

Таким образом, все данные говорят о том, что релевантным для употребления анафорического местоимения оказывается не столько единство темы (эпизода), сколько единство места действия.

Тождество референта и, соответственно, его местоименное маркирование в готском повествовании «поддерживают» такие эксплицитно обозначенные места действия как дом, храм, берег.

<sup>12</sup> Об этом контексте как о вероятном примере так называемого напоминающего маркирования (*recognitional use*), апеллирующего не к предыдущему тексту, а к общему фонду знаний, см. далее.

Разительно отсутствие анафорического маркирования при повторе существительного в Мк 8, 27:

- (7) *jah usiddja Iesus jah siponjos is in wehsa Kaisarias pizos Filippaus: jah ana wiga frah siponjans seinans* (Мк 8, 27)

‘И пошел Иисус и ученики Его в селения Кесарии Филипповой, и дорогою Он спрашивал учеников своих’.

Притяжательное местоимение в готском языке не препятствует употреблению анафорического местоимения, поэтому напрашивается вывод, что *po дороге, дорогою* в дискурсе готского повествования также трактуется как иное место действия. Именно при такой закономерности определенность группы лиц («ученики») в этом контексте может нейтрализоваться<sup>13</sup>.

С другой стороны, при точной квантификации множества данная нейтрализация, очевидно, может не происходить. Так, в отрывке Мк 11, 11–14 наблюдается похожее соотношение мест действия: выход из города Иисуса с учениками и ситуация в дороге. Однако в этом случае в повествовании есть точное указание на количество учеников, сопровождающих Иисуса: *usiddja in Veranian miþ þaim twalibim* (Мк 11, 11) ‘вышел в Вифанию (из Иерусалима)<sup>14</sup> с (теми) двенадцатью’. На другой день, когда Иисус с учениками выходит из Вифании (это уже вторая смена места действия!), происходит эпизод с увиденной по дороге бесплодной смоковницей. Ученики, сопровождающие Иисуса и слышащие слова Иисуса о смоковнице, обозначаются в этом контексте *þai siponjos is* (Мк 11, 14) ‘(те) ученики Его’ (т. е. «те же двенадцать учеников»). Дополнительным условием сохранения идентичности группы и прагматической доступности референта здесь является отсутствие других участников действия (см. об этом далее).

3.2.2. *Нарушение доступности референта при смешении множества действующих лиц.* Попадающие в эту категорию

<sup>13</sup> На наш взгляд, этот пример с наибольшей очевидностью опровергает мнение о том, что готский протоартикл не столько маркирует определенность, сколько связывает сверхфразовые единства (Москальская 1977: 252–253). Приведенные предложения дают самый очевидный образец тесной грамматической и смысловой взаимосвязи (корреферентность подлежащих: выраженного и нулевого (*pro drop*), – единство темы, введение нового эпизода), и тем не менее они не «скрепляются» артиклем при повторном упоминании участников события.

<sup>14</sup> Вифания – селение в 3 километрах от Иерусалима.

примеры относятся к употреблению *siponjos* ‘ученики’ (применительно к ученикам Иисуса).

Определенность группы сопровождающих Иисуса учеников нейтрализуется, и, соответственно, анафорическое местоимение не употребляется, если в следующем эпизоде вокруг Иисуса оказывается новое множество действующих лиц (слушателей).

К таким случаям относится, в частности, отрывок Мк 8, 27–34, где говорится о беседе Иисуса с учениками по дороге в селения Кесарии Филипповой; фраза Мк 8, 33, завершающая эту беседу, содержит словосочетание *þans siponjans seinans* ‘(тех) своих учеников’

(8) *ip is gawandjands sik jah gasaihvands þans siponjans seinans andbait Paitru* (Мк 8,33)

‘и Он, обернувшись и взглянув на учеников Своих, воспретил Петру ...’

Однако в следующем предложении слово «ученики» употребляется без местоимения:

(9) *jah athaitands þo managein miþ siponjam seinaim* (Мк 8, 34)

‘и подозвав народ с учениками Своими, сказал им’.

Иными словами, формирование новой группы действующих лиц, включающей прежних участников (народ с учениками), в правилах готского дискурса расценивается как снижение прагматической доступности референта и делает необходимой новую экзистенциальную интродукцию.

Сходные примеры фиксируются в Мк 8, 4–6 (насыщение четырех тысяч) и Ј 6, 2–12, Лк 9, 12–17 (насыщение пяти тысяч). Построение повествования в Мк 8, 4–6 таково: при Иисусе в пустыне собирается множество народа, ученики Иисуса сообщают ему, что их нечем накормить, так как осталось только семь хлебов (Мк 8, 1–5), Иисус велит народу возлечь на землю и даёт хлебы ученикам, и те раздают их народу (Мк 8, 6). И в начальной фразе Мк 8, 4, и при повторном употреблении в Мк 8, 6 слово ‘ученики’ появляется без местоимения (*siponjos is* ‘ученики Его’, *siponjam seinaim* ‘ученикам Своим’). В этом случае мы имеем дело с изменением состава непосредственно действующих в сценах групп: сцена 1 – «Иисус – ученики», сцена 2 – «Иисус – народ – ученики».

Близкая диспозиция описывается в Ј 6, 3–12: Иисус находится «на горе» со своими учениками (*miþ siponjam seinaim*), ученики Иисуса сообщают ему, что собравшихся

людей нечем накормить, при этом здесь называются два конкретных ученика – Филипп и Андрей. Иисус просит учеников велеть народу лечь на землю, раздает лежащим хлеб и рыбу (J 6, 3–11) и после трапезы говорит ученикам (*du siponjam seinaim*), чтобы они собрали остатки еды (J 6, 12). Участники распределены здесь по отдельным сценам: «Иисус – ученики», «Иисус – народ», «Иисус – ученики», т. е. группы чередуются и смешиваются, не обладая очевидной идентичностью. Соответственно, при вторичном упоминании учеников местоимение отсутствует. Заметим, что в этом отрывке дополнительно имплицитруется некоторая смена места действия: в J 6, 3 Иисус с учениками находится «на горе», а после насыщения пяти тысяч возвращается на гору один (J 6, 15), из чего следует, что Иисус и ученики спускались к народу вниз.

В параллельном эпизоде Lk 9, 12–17 снятие определенности еще более разительно: во-первых, здесь сначала вводится точное количество учеников (двенадцать: Lk 9, 12), во-вторых, местоимение отсутствует сразу при *двух* повторных упоминаниях учеников. Каждое из этих повторных упоминаний сопряжено с переносом действия в новое множество участников: в Lk 9, 14 в эпизод вводится пятитысячная толпа (*wesun auk swe fimf busundjos waire. qap ban du siponjam seinaim* ‘Было же около пяти тысяч человек. И Он сказал ученикам Своим’), в Lk 9, 15 ученики по просьбе Иисуса рассаживают множество (рядами по пятидесяти), в Lk 9, 16 Иисус дает преломленные хлеб и рыбу ученикам (*siponjam*) для раздачи народу. Таким образом, группы участников, включаемых в повествование, здесь сменяют друг друга или рассредоточиваются, а действия распределяются между ними, и, в соответствии с описанной закономерностью, это препятствует употреблению местоимения.

Поучительно сравнить по контрасту эти отрывки с Mk 3, 7–9, где смешение множеств не происходит, и доступность референта «ученики» сохраняется:

- (10) *jah Iesus aflaiþ miþ siponjam seinaim du marein, jah filu manageins us Galeilaia laistidedun afar imma* (Mk 3, 7)

‘И Иисус с учениками Своими удалился к морю, и за Ним последовало множество народа из Галилеи (Иудеи, Иерусалима... – далее следует перечисление областей)’ –

*jah qap þaim siponjam seinaim* (Mk 3, 9)

‘и сказал (тем) Своим ученикам’.

В этой части говорится только о том, что толпы народа следовали за Иисусом (ср. далее Мк 3, 8 ‘шли к нему в великом множестве’), и Иисус обращается не к народу и ученикам вместе, а только к ученикам. Соответственно, тождественность обозначенной группы лиц сохраняется, и сохраняется возможность местоименного маркирования.

3.2.3. *Обозначение всего множества лиц.* В ряде случаев местоимение – протоартиклъ при существительных «фарисеи», «книжники», «первосвященники» и некоторых других, очевидно, сигнализирует об обозначении всего множества лиц, т. е. всего класса объектов.

Связь между такой обобщающей семантикой и появлением местоимения можно считать доказуемой. Наиболее простой пример представляет собой начало главы 27 Евангелия от Матфея (М 27, 1–12), где в действие вводятся все священники и старейшины (с местоимением ‘все’ в начале словосочетания и с местоимением *pai* ‘те’ перед «старейшинами», собственно: «старейшими группами»).

(11) *At maurgin pan waurpanana, runa nemun allai gudjans jah pai sinistans manageins bi Iesu, ei afdaupidedeina ina* (М 27,1)

‘Когда же настало утро, все священники и (те) старейшины имели совещание об Иисусе, чтобы убить Его.’

Появление всех первосвященников и старейшин принципиально, так как речь идет о последнем обвинении Христа (уже схваченного) и предании на смерть, и как действующая группа лиц здесь выступает вся «враждебная партия». Аналогичный контекст появляется в главе далее, в ст.12, где первосвященники и старейшины сообща обвиняют Иисуса перед Пилатом:

(12) *jah mippaneî wrohîps was fram **paim** gudjam jah sinistam, ni waiht andhof* (М 27, 12)

‘И когда обвиняем был (теми) священниками и старейшими, ничего не отвечал’

Как контекст того же типа следует рассматривать и Lk 19, 47: ‘(Те) же высшие священники и книжники... и старейшины искали погубить Его’ (*pai auhmistans gudjans jah bokarjos... jah pai frumistans manageins*). Дополнительным аргументом в пользу обобщающей семантики служит то, что первосвященники и книжники выведены здесь из конкретно-ситуативной

единичной референции: их общие замыслы упоминаются после фразы о том, что Иисус *каждый день* проповедовал в храме.

Сходным образом из общей линии повествования и из конкретно-ситуативной референции выводится упоминание первосвященников в J 12,10: ‘Первосвященники же (*Ɔai auhumistans gudjans*) задумывали убить и Лазаря’.

Всего в готской Библии насчитывается около десяти подобных обобщающих контекстов. Во всех случаях речь идет о согласном действии всей партии первосвященников – книжников (заговор против Иисуса непосредственно перед праздником Пасхи или – в основном числе примеров – во время Пасхи в Иерусалиме), ср. напр. J 12,19; Mk 11,18 и др.<sup>15</sup>

#### 4. Нереперентные именные группы

Колебания в употреблении готского протоартикла не затрагивают классических случаев анафорического маркирования действующих лиц в связных эпизодах. Как устанавливает анализ, эти колебания связаны с возможностью реперентной и нереперентной интерпретации обозначений.

Хорошо известно, что в нереперентных именных группах распространение протоартикла и артикла обычно происходит с запозданием (Москальская 1977: 271; Андреева 2000: 178–179, 182–183). Аналогичная закономерность наблюдается в поведении готского анафорического протоартикла, который не сопровождает нереперентные существительные. Некоторая сложность здесь заключается в разделении внешне похожих реперентных и нереперентных употреблений.

Любопытно, в частности, разное представление одних и тех же эпизодов в различных Евангелиях. Так, в отрывке М 9, 10–18 описывается, как в некий дом приходят мытари и грешники и присоединяются к трапезе Иисуса и его учеников. Это видят фарисеи, обращающиеся к ученикам с вопросом:

(13) *jah gaumjandans Fareisaieis qebun du Ɔaim siponjam is: duhve miƆ motarjam jah frawaurhtaim matjiƆ sa laisareis izwar?* (М 9,11)

‘И наблюдая (это), фарисеи сказали ученикам Его: для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками?’

<sup>15</sup> Для подтверждения этого тезиса весьма убедительно сравнение приведенных примеров и, в частности, М 27, 1–12, с контекстом М 27, 62, где обозначение первосвященников (*auhumistans gudjans*) вне ситуации рокового заговора вновь остается без протоартикла.

Поскольку фарисеи ранее не упоминались как присутствующие в доме (это некая новая группа фарисеев), их обозначение вводится в описание без местоимения. Фарисеи обращаются к тем ученикам, которые присутствуют на пиру и уже упоминались, поэтому при «учениках» стоит анафорическое местоимение (*þaim siponjam is*). С другой стороны, маркирование «мытарей и грешников» (*mip motarjam jah frawaurhtaim*) в реплике фарисеев не является необходимым: фарисеев может интересоваться не референт, т.е. конкретная присутствующая группа лиц, а весь класс денотатов. Иными словами, в данном контексте возможно генерическое, или родовое употребление *mip motarjam jah frawaurhtaim* «с мытарями и грешниками» без местоимения<sup>16</sup>. Такое употребление, как очевидно, указывает на то, что фарисеи обобщают ситуацию, воспринимая ее (и вполне справедливо) как узуальную.

Так же – без местоимения – вопрос фарисеев формулируется в Мк 2, 16. Однако заметим, что в тексте повествователя при вторичном упоминании «мытарей и грешников» в Мк 2, 16 словосочетание, как и ожидается, стоит с анафорическим местоимением.

Вариант описания того же эпизода в Лк 5, 30 отличается отсутствием местоимения при «учениках Его», так как до фразы «книжники и фарисеи говорили ученикам Его» ученики Иисуса как присутствующие на трапезе не упоминаются.

Напротив, в вопросе фарисеев – в отличие от М 9, 11 и Мк 2, 16 – при «мытарях и грешниках» стоит местоимение, ср.: *duhe mip þaim motarjam jah frawaurhtaim matjid jah drigkid* «зачем вы едите и пьете с мытарями и грешниками». В прямой речи фарисеев, наблюдающих трапезу, *þaim* следует квалифицировать как указательное местоимение ближнего дейксиса «этот» (см. Примечание 16). Колебание между употреблением и отсутствием протоартикля в вопросе фарисеев в Лк 5,30 и М 9, 11, Мк 2, 16 – это выбор между интерпретацией ситуации как конкретной и наблюдаемой, с одной стороны, и генерической, родовой интерпретацией – с другой<sup>17</sup>.

<sup>16</sup> Напомним, что в готском языке указательное местоимение ближнего дейксиса «этот» и анафорическое/протоартиклевое местоимение слились в одном слове, поэтому в вопросе фарисеев *þaim* при «мытарях и грешниках» следует трактовать скорее как указательное местоимение («этот» в ситуации близости и визуальной доступности объекта). См. далее об отрывке Лк 5, 30.

<sup>17</sup> В параллельном отрывке Мк 2, 16 местоимение стоит уже при первом упоминании книжников и фарисеев, т.е. в интродукции, но, по

Местоимение отсутствует при вторичном упоминании Иудеев, пришедших на праздник кущей (J 7, 13), которое также следует отнести к нереферентным контекстам.

Первое упоминание Иудеев в эпизоде: «Иудеи искали Иисуса на празднике» (*Iudaieis*; J 7, 11), – референтно и может считаться обычным видом экзистенциальной интродукции. Второе упоминание относится к рассказу о разных толках, ходящих об Иисусе в народе, ср. подытоживающее предложение ‘Никто (в народе) не говорил о Нем явно, боясь Иудеев’ (*in agisis Iudaie*, букв. ‘в страхе Иудеев’ J 7, 13). Такое употребление имени Иудеев по классификации Е. В. Падучевой можно отнести к дистрибутивному виду нереферентных употреблений: множество участников не может быть индивидуализировано, так как участники распределены по некоторому множеству однотипных событий (Падучева 1996: 94)<sup>18</sup>.

Референтная и нереферентная интерпретация возможна в конструкциях типа: «быть (делать) как фарисеи (книжники, лицемеры)». В таких конструкциях зафиксировано и употребление местоимения, и его отсутствие. Ср. различное оформление *bokarjos* ‘книжники’ в идентичных предложениях: *was auk laisjands ins swe waldufni habands, jah ni swaswe bokarjos* (M 7, 29) – *unte was laisjands ins swe waldufni habands jah ni swaswe **pai** bokarjos* (Mk 1, 22) ‘и учил их как власть имеющий, а не как книжники’. В случае с местоимением (второй пример)

---

нашему мнению, это обусловлено чисто синтаксическими причинами: при наличии зависимого от существительного презентного причастия в пре- или постпозиции к этому существительному, как правило, должно стоять местоимение *sa*, *pata*, *so* (часть данной фразы: *pai bokarjos jah Fareisaieis gasaihandans ina matjandan* ‘(те) книжники и фарисеи, видящие его обедающим...’). Ср.: «*Sa, pata, so* выступали в качестве оформителей определительных словосочетаний, стоящих в постпозиции к определяемому» (Гухман 1958: 110), «местоимения *sa*, *so*, *pata* при причастных оборотах являются единственным маркером атрибутивной связи», «местоименной связкой или своеобразным релятивом» (Москальская 1977: 243–244), см. также Hodler 1954: 75, 79, 90–91.

<sup>18</sup> По всей вероятности, сходна причина отсутствия местоимения при втором упоминании референта в Lk 9, 1–9, 10. В Lk 9, 1 Иисус посылает двенадцать апостолов (*bans twalif apaustauluns*) проповедовать по селениям; в Lk 9, 10 апостолы (*apaustauleis*, без местоимения), возвратившись, рассказывают о том, что они сделали. Ситуация предполагает, что группа апостолов, выходящих проповедовать, так или иначе рассредоточивается, неясно также, возвращаются ли они все вместе. Таким образом, здесь, скорее всего, имеет место дистрибутивный вид употребления, препятствующий индивидуализации обозначенного множества.



речь, очевидно, идет об обобщающем обозначении всех книжников. (Ср. сходное употребление в М 5, 20 ‘если праведность ваша не превзойдет праведность книжников и фарисеев...’, здесь с местоимением: *bize bokarje jah Fareisaie*).

В словах Иисуса к ученикам не поступать подобно лицемерам существительное «лицемеры» всегда стоит с местоимением (*bai liutans*, М 6, 2; 6, 5; 6, 12).

К нереферентным употреблениям следует отнести также единичные случаи, где в предложениях, содержащих имена действующих лиц, отсутствует презумпция их существования. Так, в эпизоде J 6, 16–24 описывается переправа учеников Иисуса на лодке через море и хождение Иисуса по воде. После описания переправы действие возвращается к оставшимся на берегу людям: «народ видел <...> что Иисус не входил в лодку с учениками Своими» (J 6, 22), «народ увидел, что тут нет Иисуса, ни учеников Его» (J 6, 24). Хотя имя «ученики» повторяется в отрывке J 6, 16–24 несколько раз, местоимение при нем не употребляется: в J 6, 22 для другого наблюдателя («народ») экзистенциальная интродукция «учеников» повторяется ещё раз<sup>19</sup>, а в J 6, 24 («тут нет учеников») присутствие какой-либо группы учеников на сцене действия отрицается.

## 5. Особые случаи

Примеры употребления протоартикля, не подпадающие ни под одну из описанных категорий, в готской Библии единичны. Здесь выделяются два разных случая: во-первых, неанафорическое употребление, отсылающее не к предыдущему тексту, а к общему фонду знаний говорящего (повествователя) и слушателя и, во-вторых, анафорическое употребление, распространенное на контексты непрямой анафоры (маркирование ситуативной определенности).

### 5. 1. Отсылка к общему фонду знаний

Первый из примеров данного типа обнаруживается в описании тайной вечери (Мк 14, 12). Местоимение употребляется при слове *siponjos* ‘ученики’ при описании подготовки тайной вече-

<sup>19</sup> Иная интерпретация предложения: не «в отправившейся лодке были только ученики», а «не было другой отплывшей лодки, в которой был Иисус с (другими) учениками», – невозможна, так как в этом же стихе дается ссылка на свидетелей, видевших, что на берегу с самого начала была только одна лодка.

ри: ‘В первый день опресноков, когда заклали пасхального агнца, говорят Ему ученики Его (*pai siponjos is*): где хочешь есть пасху?’ Идентификация конкретной группы учеников не вытекает непосредственно из предыдущего текста. Сведения о составе и количестве учеников на тайной вечере (двенадцать учеников) относятся к знанию последующего текста и всей новозаветной истории и, по-видимому, расцениваются как информация, важная для маркирования уже при введении темы. В непосредственной близости к рассматриваемому предложению (до и после него) в тексте содержатся лишь некоторые косвенные указания на то, что во время описываемых событий, относящихся к последним дням Иисуса, его сопровождали двенадцать ближайших учеников. Действительно, эпизод Мк 14, 3–9, местом действия которого является дом в Вифании, заканчивается фразой «И вышел Иуда Искариот, один из двенадцати, к первосвященникам» (Мк 14, 10); а эпизод 14, 12–16 с поиском дома для пасхальной вечери завершается итоговым «Когда настал вечер, Он приходит с двенадцатью». Однако с точки зрения релевантных для готского языка и описанных в данной статье дискурсивных правил, смена эпизодов в Мк 14, 3–17, строго говоря, не может имплицировать постоянство действующих лиц. Поэтому употребление артикля в *pai siponjos is* (Мк 14, 12), как очевидно, должно быть отнесено к типу упоминающего узнавания, напоминающего маркирования (*recognitionnal use*, см. о данном типе Himmelmann 1996: 230; Diessel 1999: 93, 105–106). С помощью артикля автор указывает на то, что референт индивидуализирован, при этом он либо апеллирует к имеющимся фоновым знаниям слушателей, либо «навязывает» эти знания слушателю, демонстрируя, что они должны быть извлечены не из прямого текстового введения референтов, а из неких других источников.

По-видимому, к этому же типу употребления должно быть отнесено *pai siponjos* ‘(те) ученики’ (J 13, 22) в главе о тайной вечере Евангелия от Иоанна: при словах Иисуса о будущем предателе «ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит». В начале главы упоминаются лишь некоторые ученики Иисуса, присутствующие на вечере: Симон Петр и Иуда Искариот, – причем упоминание Иуды Искариота как предателя (Иоан 13, 2, готский текст не сохранился) предвосхищает дальнейшие события, т. е. имплицитно некоторое общее знание повествователя и слушающих, которое и требуется для напоминающего местоименного маркирования референта. В начале

главы присутствие группы учеников дополнительно имплицитруется несколькими обращениями к ним Иисуса.

### 5.2. Маркирование ситуативной определенности (непрямая анафора)

Традиционно считается, что в готском языке не встречается местоименное маркирование в позиции непрямой анафоры (Philippi 1997: 85), однако это мнение следует признать неверным. Возможность в готском непрямой анафоры подтверждается вполне классическим примером этого типа:

- (14) *at andanahtja þan waurþanamma, atberun du imma daimonarjans managans, jah uswarp þans ahmans waurda* (M 8,16)

‘Когда же настал вечер, к Нему привели многих бесноватых, и Он изгнал (тех) духов словом’.

*þans ahmans* ‘(тех) духов’ не имеет прямого antecedента в предшествующих предложениях, однако упоминание бесноватых, т. е. одержимых злыми духами, уже подразумевает присутствие последних в ситуации. Таким образом, данный отрывок обходится без прямой экзистенциальной интродукции референта *ahmans* ‘духи’.

Вопрос о том, почему имя сопровождается местоимением именно в этом случае непрямой анафоры, по-видимому, имеет вполне достоверный ответ. Судя по всему, местоимение *þans* оказывается здесь не только возможным, но и необходимым для того, чтобы снять возможность понимания *ahmans* ‘духов’ как некоего нового объекта, отдельного от *daimonarjans* ‘бесноватых’, т. е. как каких-либо иных «духов»<sup>20</sup>. Другие готские контексты, в которых местоименное маркирование при непрямой анафоре могло бы иметь место (и в которых это маркирование развивается позже в других древнегерманских языках) не задают столь критических условий для понимания текста и поэтому не навязывают введение анафорического местоимения.

## 6. Особенности употребления протоартиклевого местоимения в прямой речи

По сравнению с повествовательной частью различные типы употребления протоартиклевого местоимения распределяются в прямой речи несколько по-другому.

<sup>20</sup> Симптоматично, что в переводах Библии на артиклевые европейские языки в этом месте ставится определенный артикль.

Использование анафорического местоимения, характерного для нарративной части, в прямой речи в основном привязано к относительно обширным, внутренне связанным (повествовательным) отрезкам (как правило, это притчи). Однако в прямой речи заметно увеличена частотность других употреблений: не только явно дейктических (см. Примечание 16), но и иных, похожих на употребление по типу 5.1. (отсылка к общему фонду знаний) и 3.2.3 (обозначение всего класса лиц). Эти иные употребления обладают следующими признаками:

а) обозначение группы лиц выведено в них из контекста конкретной ситуации (т.е. из контекста присутствия в ситуации речи);

б) группа лиц, называемая говорящим, хорошо известна и говорящему, и слушающему;

в) говорящий называет некоторую стороннюю группу лиц (чаще всего это группа его оппонентов).

Ср. примеры с местоимением при *siponjos* ‘ученики’:

(15) *ibai ufto qimandans **pai** siponjos is binimaina imma jah qipaina du managein: urrais us daupaim* (М 27,64)

‘(прикажи охранять гроб до третьего дня), чтобы ученики Его, явившись, не забрали Его и не сказали народу: воскрес из мертвых’

(16) *paruh qap jaina piwi, so daurawardo, du Paitrau: ibai jah pu **pize** siponje is pis mans?* (J 18,17)

‘Тут раба придворница сказала Петру: и ты не из учеников ли этого человека?’ (Предполагая, что ученики Иисуса в этой сцене не присутствуют).

Признаки а) и б) являются необходимыми для данного вида употребления, о значимости признака в) можно говорить с меньшей степенью уверенности. Возможно, что в) отражает особенности исконного дейктического употребления протоартиклевого местоимения (местоимения среднего дейксиса). Однако вероятна и недейктическая, эндофорическая основа данного вида употребления. В этом случае семантика контекстов, в которых говорящему важно указать на некоторую существующую группу лиц как таковую, способствует сближению с нарративным типом, описанным в 3.2.3., т.е. с обобщением наименования как обозначения всего множества лиц.

## 7. Выводы

Проведенный анализ дистрибуции протоартиклевого местоимения в языке готской Библии впервые позволяет непротиворечивым образом объяснить распределение позиций употребления протоартикля, вскрыть последовательные закономерности его использования при обозначении группы действующих лиц.

○ Анафорическая стадия типологически характерна для начального этапа развития артикля во многих, если не во всех языках; вместе с тем индивидуальные особенности этой стадии в каждом языке должны определяться конкретно-языковыми особенностями прагматики анафоры. В готском языке действуют прагматические модели, при которых доступным для идентификации и анафорического маркирования является референт, уже упомянутый как действующее лицо эпизода. При первичном введении присутствующей в данном месте группы лиц происходит выделение части исходно неопределенного множества («ученики», «фарисеи», «книжники» и т. п.). При дальнейшем описании употребление анафорического местоимения – протоартикля помогает слушателю отождествить имя с тем же референтом (той же группой лиц), сигнализируя о том, что это имя не обозначает появления новых участников – представителей того же класса.

○ Однако выделенность и прагматическая доступность референта (группы действующих лиц) нейтрализуется при смене места действия или изменении состава множества, непосредственно участвующего в действии; в этих случаях анафорическое местоимение не используется. Эта модель конвенциональна, хотя у нее есть определенные прагматические объяснения. В частности, то, что презумпция тождества участников сохраняется только при тождестве места действия, означает, что смена места действия имплицитно прерывает ситуацию и прерывность ее описания, а, следовательно, и возможность изменения участников. Следование столь изощренным структурам повествования в готском переводе Библии не может быть только результатом тщательной работы переводчиков над текстом; несомненно, что эти структуры отражают исконные дискурсивные модели, сложившиеся в готском языке ко времени библейских переводов.

○ Выявление четких закономерностей анафорического маркирования при обозначении действующих лиц позволяет отделить контексты, участвующие в анафорической дистрибуции, от контекстов других типов: нереферентных употреб-

лений и редких контекстов так называемого напоминающего маркирования (*recognitional use*).

○ Вопреки традиционному мнению, в готском языке появляется и маркирование ситуативной определенности (непрямая анафора). Если считать непрямую анафору критерием второй стадии грамматикализации артикля (Hawkins 2004: 85), то готский язык, обычно помещаемый на первую, анафорическую ступень (Hawkins 2004: 84), этой второй стадии достигает. В то же время в готском языке маркирование не прямой анафоры распространяется только на отдельные случаи, где без такого маркирования может быть затруднено правильное отождествление референта. Вполне достоин внимания и вопрос о том, насколько корректны типологические классификации стадий грамматикализации артикля; однако этот вопрос выходит за рамки данной статьи.

○ В сфере так называемой малой синтагматики, в атрибутивном словосочетании (Москальская 1977: 243) готский протоартикл становится чисто формальным показателем, не зависящим от прагматических закономерностей анафорического употребления (и даже, как показывает анализ, нарушающим эти закономерности<sup>21</sup>). Соответственно, можно считать, что в атрибутивном словосочетании промежуточный цикл грамматикализации оказывается на данном этапе завершенным.

В сфере прагматических моделей употребления, как представляется, можно указать на сосуществование двух различных контекстов, становящихся источником дальнейшей грамматикализации протоартикля. С одной стороны, это позиция не прямой анафоры, с другой стороны, это контексты напоминающего маркирования (*recognitional use*). По-видимому, для существительных во множественном числе, обозначающих группы действующих лиц, имеет значение и взаимодействие прагматики напоминающего маркирования с семантикой отвлеченно-обобщающего наименования всей группы лиц. Таким образом, состояние, представленное в готском языке, не дает оснований для гипотезы о моногенезе артикля, т.е. о его происхождении из какого-либо одного типа употреблений. Для готского языка – или, по крайней мере, для той его стадии, которая представлена в готской Библии – не может быть принят ни тезис типологов о происхождении артикля из анафорического употребления (Greenberg 1978: 69; Hawkins 2004: 84), ни тезис о развитии ар-

---

<sup>21</sup> Ср. примечания 8 и 17.

тикля из напоминающего маркирования (Himmelmann 1996: 243; Diessel 1999: 113, 128). Напротив, на данном синхронном уровне мы имеем дело скорее со свидетельствами множественности источников грамматикализации артикля.

### Литература

- Андреева 2000 – Андреева Е. В. Функции артикля в высказываниях с модальными признаками фактивности/нефактивности (на материале старофранцузского языка XII–XIII вв.) // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000. С. 176–193.
- Гухман 1958 – Гухман М. М. Готский язык. М., 1958.
- Кашкин 1997 – Кашкин В. Б. Текстовые функции неопределенного артикля // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1997. Вып. 1. № 2. С. 57–65.
- Москальская 1977 – Москальская О. И. Становление категории определенности/неопределенности // Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени. М., 1977. С. 238–286.
- Падучева 1996 – Падучева Е. В. Семантические исследования. М., 1996.
- Плунгян 2011 – Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Ревзин 1977 – Ревзин И. И. Анкета по категории определенности – неопределенности // Балканский лингвистический сборник. М., 1977. С. 220–242.
- Diessel 1999 – Diessel H. Demonstratives: form, function and grammaticalization. Amsterdam, 1999.
- Givón 1979 – Givón T. On understanding grammar. New York, 1979.
- Greenberg 1978 – Greenberg J. H. How does a language acquire gender markers // Greenberg J. H., Ferguson C. A. and Moravcsik E. A. (eds.). Universals of Human Language. Vol. 3. Stanford, 1978. P. 47–82.
- Hawkins 2004 – Hawkins J. A. Efficiency and Complexity in Grammars. Oxford, 2004.
- Heine 2000 – Heine B. Grammaticalization chains across languages: An example from Khoisan // S. Gildea (ed.) Reconstructing grammar: comparative linguistics and grammaticalization. Amsterdam, 2000. P. 177–199 (= Typological studies in language, vol. 43).
- Heine 1992 – Heine B. Grammaticalization chains // Studies in Language. 1992. Vol. 16 (2), P. 335–368.
- Heine, Kuteva 2006 – Heine B., Kuteva T. The changing languages of Europe. New York, 2006.
- Himmelmann 1996 – Himmelmann N. Demonstratives in narrative discourse: a taxonomy of universal uses // Fox B. A. (ed.), Studies in Anaphora. Amsterdam, 1996. P. 205–254.
- Hodler 1954 – Hodler W. Grundzüge einer germanischen Artikellehre. Heidelberg, 1954.
- Janssen 2000 – Janssen T. A. J. M. Deixis and reference // G. Booij, C. Lehmann & J. Mugdan. 2000. Morphologie. Ein internationales

- Handbuch zur Flexion und Wortbildung. Halbband / Volume 2. 2004. Berlin; New York, 2004. P. 983–998.
- Kotin 2012 – Kotin M. L. Gotisch. Im (diachronischen und typologischen) Vergleich. Heidelberg, 2012.
- Leiss 2000 – Leiss E. Artikel und Aspekt: die grammatischen Muster von Definitheit. Berlin; New York, 2000.
- Philippi 1997 – Philippi J. The Rise of the Article in the Germanic Languages // Parameters of morphosyntactic change. A. Van Kamenade, N. Vincent. (eds.) Cambridge, 1997. P. 62–93.
- Skrzypek 2012 – Skrzypek D. Grammaticalization of (in)definiteness in Swedish. Poznan, 2012.
- Streitberg 1920/1981 – Streitberg W. Gotische Syntax. Hrsg. von H. Stopp. Nachdruck des Syntaxteils der 5. und 6. Auflage des Gotischen Elementarbuches (1920). Heidelberg, 1981.

**N. B. Pimenova. Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of proto-articles distribution in Gothic**

The author investigates the distribution of proto-article in Gothic and provides the first systematic account of its usage with plural nouns denoting participants (*disciples, Pharisees, scribes* and others). On the initial stage of a grammaticalization process the Gothic demonstrative pronoun serves mainly as an anaphoric pronoun (anaphoric article). The anaphoric pronoun occurs after the first mention of a referent (group of participants) and indicates that participants in the discourse are already identified and accessible to the hearer. However, anaphoric pronouns cannot be used in the following discourse when the pragmatic accessibility of the referent is violated (for example, when the context indicates the change of location). The recognitional use (identifying the referent based on specific shared knowledge), non-referential contexts, the use of proto-articles in quoted speech and the emergence of indirect anaphor in Gothic are also analyzed.

*Keywords:* definite article, grammaticalization, grammaticalization chains, grammaticalization stages, anaphoric use, recognitional use, discourse rules, pragmatic patterns, Gothic language, Old Germanic languages



Н. А. Бондарко

## **ЯЗЫКОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК КОНСТРУКТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ТРАДИЦИОННОГО ЯЗЫКА В НЕМЕЦКОЙ ДУХОВНОЙ ПРОЗЕ XIII–XV ВЕКОВ\***

В статье обобщаются результаты исследований автора, посвященных роли стереотипных структур и языкового варьирования в процессах продуцирования, бытования и рецепции текста в средневековой рукописной традиции. На материале памятников немецкой духовно-назидательной и церковно-правовой прозаической литературы Германии XIII–XV вв. предлагается структурно-функциональная классификация стереотипов и рассматриваются наиболее характерные примеры их функционирования в разных редакциях трактатов, проповедей, молитв, шпрухов, а также статуты для францисканских общин.

*Ключевые слова:* языковые стереотипы, немецкая духовная проза, текстообразующая модель, логико-синтаксические схемы, языковое варьирование, рукописная традиция, средневерхненемецкий язык.

Исследование языка средневековых памятников письменности, имеющих разветвленную рукописную традицию и зачастую представляющих собой компилятивные, гетерогенные сочинения, требует многоаспектных и комплексных подходов. Лингвистический анализ должен учитывать разнообразные языковые признаки, присущие не только говору писца или собственной графико-орфографической традиции того или иного скриптория, но также и стереотипные структуры, характеризующие целые жанры и ту литературную, богословскую или правовую традицию, к которой принадлежит сам памятник и тексты «конвоя», сопровождающие все его списки в рукописных сборниках. Это требование обусловлено традиционным и репродуцирующим характером средневековой письменной культуры. В качестве чрезвычайно действенного (хотя, безусловно, далеко не единст-

---

\* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-04-00375, а также Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект «Преобразование текста в устной и письменной традиции»). Настоящая статья представляет собой обобщение результатов исследований, отраженных в монографии, находящейся в печати: Бондарко Н. А. Немецкая духовная проза XIII–XV веков: язык, традиция, текст. СПб., 2014 (= Бондарко 2014).

венного) языкового механизма, с помощью которого разворачиваются процессы создания, распространения, рецепции и аудиовизуальной репрезентации духовно-мистических и церковно-правовых прозаических текстов в традиции, мы предлагаем рассматривать *продуктивную языковую модель*.

В традиционном языке продуктивные языковые и текстообразующие модели формируются на основе многократного воспроизведения одной логико-синтаксической схемы (или комбинации нескольких схем) в виде того или иного репрезентативного варианта. С помощью комбинирования этих элементарных, т. е. не членимых без ущерба для смысла предикативных единиц формируется композиционный каркас многих традиционных текстов. Семантическая структура конструкций, укладываемых в рамки логико-синтаксической схемы, допускает ограниченный круг референтов для основных актантов и сужает сферу приемлемых значений предикатов. Вместе с тем при всей своей жесткости структура логико-синтаксической схемы предполагает не только определенную свободу лексического наполнения синтаксических позиций, но и синтаксическое варьирование второстепенных элементов.

Число текстообразующих моделей, используемых традицией, представляется в конечном итоге вполне обозримым. Конечно, некоторые стандартизированные текстовые элементы – например, «формулы» (клише) в жанрах с фиксированной композицией (молитвы, деловые и правовые документы) или способы расположения материала (*divisio, dilatatio*), а также ораторские приемы (*figurae sententiae*)<sup>1</sup> в текстах с риторически маркированной структурой (проповеди) – описывались в соответствующих латинских руководствах. Многие случаи синтаксического параллелизма и лексических повторов представляют собой хорошо известные в классической риторике фигуры речи (*figurae elocutionis*) – например, градация, анафора и эпифора, изоколон<sup>2</sup>. Однако для нас эти фигуры и клишированные элементы важны не сами по себе, а с точки зрения их продуктивной роли в процессах создания, изменения и рецепции текста. Хотя знакомство большинства немецких средневековых авторов и компиляторов с нормами школьной риторики, изучавшимися в рамках тривиума, не вызывает сомнений (ориентация на

<sup>1</sup> См.: Lausberg 1990: 375–455 (§755–910).

<sup>2</sup> Полный перечень разновидностей повторов и синтаксического параллелизма представлен в справочнике Х. Лаусберга: Lausberg 1990: 310–336 (§ 608–664); 359–375 (§ 719–754).

латинский риторический канон более всего заметна в немецких трактатах Давида Аугсбургского), использование античной теории красноречия в качестве базового критерия для описания стереотипных языковых структур было бы в методологическом отношении не вполне корректно. Во-первых, далеко не во всех текстах (в частности, проповедях), написанных на средневерхне-немецком и прочих локальных языках средневековой Западной Европы, очевидно целенаправленное воспроизведение риторических образцов. Во-вторых, в роли метаязыка описания изучаемых явлений античная риторическая терминология едва ли пригодна, поскольку она недостаточно отражает синтаксический аспект структуры речевых отрезков. Поэтому представляется целесообразным придерживаться принципа феноменологического описания логико-синтаксических схем без их соотнесения с фигурами речи.

В зависимости от жанра и предназначения текста стереотипные структуры могут выполнять разную роль в текстообразовании. Проверить это можно, сопоставляя разные варианты (редакции и субредакции) текста, представленные в рукописной традиции. Учитывая несомненную популярность однотипных духовно-назидательных и катехизических трактатов, проповедей и молитвенно-назидательных текстов у читательской публики, можно утверждать, что смысловая избыточность, создаваемая при повторах, свидетельствует о функциональной нагруженности стереотипных структур.

В немецко-латинской духовной и церковно-правовой прозе XIII–XV вв. обнаруживаются повторяющиеся структуры разного уровня в текстах, которые отчасти коррелируют с жанровой принадлежностью последних:

- 1) многократно повторяющиеся синтаксические конструкции (укладывающиеся в стандартные логико-семантические схемы, часто с анафорой), ключевые (в содержательном и структурно-композиционном отношении) переводные цитаты из Священного Писания распространенные топосы христианской литературы – в назидательных трактатах для новичиев, монахов и монахинь, а также в медитативных и мистико-аллегорических трактатах и проповедях;

- 2) молитвенные формулы – в медитативных молитвах и трактатах;

- 3) протокольные формулы – в церковных (орденских и монастырских) уставах и статутах;

4) формулы ввода реплик (в роли композиционных «шарниров») – в мистико-богословских учительных диалогах (шпрухи Мейстера Экхарта).

В соответствии с функцией стереотипных образований в тексте (в том числе и в качестве средства композиционного членения текста) и их ролью в качестве жанровых показателей, а также с учетом их семантико-синтаксической структуры и способности к варьированию следует выделить три группы языковых стереотипов: 1) *функциональные*; 2) *продуктивные*; 3) *грамматические*. При этом признаки всех трех групп могут совмещаться в одном и том же речевом образовании.

В качестве примера интеграции стереотипных характеристик разных групп может служить перевод евангельской цитаты Мф. 11: 29 *Discite a me quia mitis sum et humilis corde* («Научитесь от Меня: ибо Я кроток и смирен сердцем») и его многочисленные вариации и трансформации, встречающиеся в разных редакциях трактата францисканского наставника новициев Давида Аугсбургского<sup>3</sup> «Зеркало добродетели»<sup>4</sup> («*Der Spiegel der Tugend*» = SdT); по одному разу эта цитата встречается также в трактате Давида «Семь начальных правил добродетели» («*Die sieben Vorregeln der Tugend*» = SVdT) и в анонимной проповеди «О смирении» («*Von der Demut*» = DPr), однако и там обнаруживается варьирование при переводе<sup>5</sup>:

<sup>3</sup> Наиболее подробные фактические и библиографические сведения о Давиде Аугсбургском (ум. в 1272 г.) и его трудах см. в: Schwab 1971; Ruh 1980; Bohl 2000. Большинство немецких сочинений Давида были впервые изданы Фр. Пфайфером в 1845 г. (DM I). Пять из них, наиболее распространенных в рукописной традиции, изданы мною заново по восточношвабскому списку M<sub>7</sub> (Bayerische Staatsbibliothek München, Sgm 183), датирующемуся приблизительно 1300 г.: Бондарко 2014, раздел I.6.

<sup>4</sup> Перевод названия трактата как «Зеркало добродетели» (вместо более ожидаемого «зерцало») связан с тем, это не сборник нравоучений, а духовно-медитативный текст, в начале которого речь идет о зеркале как метафоре самого Христа. Давид говорит о том, что человек, стремящийся подражать земной жизни Христа, должен постоянно размышлять о Христе, висящем на Кресте, подобно тому как он смотрится в зеркало, повешенное на двери.

<sup>5</sup> Здесь и далее немецкие трактаты Давида Аугсбургского цитируются по списку M<sub>7</sub>. Текст проповеди «О смирении» не был критически издан и цитируется по восточношвабскому списку сер. XIV в. M<sub>7</sub> (Bayerische Staatsbibliothek München, Sgm 717).

- SdT: *Lernt von mir. wan ich **senfte** bin. vnd diem **v̇t**igez herzen.*  
(M<sub>2</sub>, л. 2<sup>v</sup>).
- SVdT: *Lernt von mir wan ich **senftm v̇t** bin vnde diem **v̇t**igez herzen.*  
(M<sub>2</sub>, л. 58<sup>r-v</sup>).
- DPr: *lernd von mir wan ich **senftm v̇tig** bin vnd dem **v̇t**iges herzen*  
(M<sub>7</sub>, 133<sup>rb</sup>).

Остальные примеры представляют собой результат трансформации этих слов Христа в призыв к читателю от имени автора. Среди многочисленных вариантов выделяется главная трансформация, приводящая к изменению актантной структуры предложения. Она заключается в смене субъекта высказывания: если сам Христос в евангельском тексте говорит о себе в первом лице, то в парафразе речь о нем переводится в третье лицо. В M<sub>2</sub>, основном списке главной редакции «Зеркала добродетели» (A\*), а также в редакции В\* (гл. 142 трактата «Сад духовных сердец»)<sup>6</sup> наблюдаются следующие варианты:

<i>Also</i>	<i>lern</i>	<i>von ihesu</i>	<i>senfte sin</i>	<i>dir selben.</i>
		<i>cristo</i>		
<i>dar z<sup>v̇</sup></i>	<i>lern</i>	<i>öch von im</i>	<i>senfte sin.</i>	<i>den ndern. (M<sub>2</sub>, л. 11<sup>v</sup>).</i>
	<i>Lern</i>	<i>von im öch</i>	<i>diem v̇tiges</i>	
			<i>herzen sin</i>	<i>(M<sub>2</sub>, л. 13<sup>v</sup>)</i>
<i>Als</i>	<i>lern</i>	<i>von ihesv der</i>	<i>div diem v̇tiges</i>	<i>wan nie herze diem v̇-</i>
		<i>cristo.</i>	<i>warheit herzen sin.</i>	<i>tiger wart. denne sin</i>
		<i>ist.</i>		<i>herze (M<sub>2</sub>, л. 18<sup>r</sup>);</i>
<i>Da von</i>	<i>lern</i>	<i>von ihesv</i>	<i>diem v̇t</i>	
		<i>cristo.</i>	<i>herzen sin.</i>	<i>(M<sub>2</sub>, л. 20<sup>v</sup>).</i>
	<i>Lern</i>	<i>von im</i>	<i>niht alein gein im selben.</i>	
			<i>dich diem v̇-</i>	
			<i>tigen.</i>	<i>halt gein allen men-</i>
				<i>schen. vnde zevörderst</i>
				<i>gein diner meisters-</i>
				<i>schaft. div dir vor ist.</i>
				<i>an gotes stat (M<sub>2</sub>,</i>
				<i>л. 30<sup>r</sup>).</i>

<sup>6</sup> Редакция В\* представлена в виде ряда глав компилятивного трактата «Сад духовных сердец» («Geistlicher herzen Bavngart»), составленного в Аугсбурге францисканцами в последней трети XIII в. на основе латинских и немецких текстов Давида Аугсбургского и Бертольда Регенсбургского; критическое издание и текстологическое исследование памятника опубликовано Х. Унгер в 1969 г. – см.: ВгН.

<i>wis</i>	<i>diemv̇tiges</i>	<i>vnd sich an. was dv</i>
	<i>herzen.</i>	<i>von got bist. vnd was</i>
		<i>von dir selben. (л. 28<sup>r</sup>).</i>
<i>Wis</i>	<i>demutiges</i>	<i>vnd sich an was dv von</i>
	<i>herzen</i>	<i>got bist</i>
<i>vnd lern von im</i>	<i>demutiges</i>	<i>(M<sub>5</sub>, л. 114<sup>v</sup> = BgH</i>
<i>auch</i>	<i>herzen sin</i>	<i>142: 351,2–3).</i>

Кроме того, производные варианты от данной парафразы можно встретить в списках субредакции A1\* «Зеркала добродетели», а также в редакции В\* (гл. 142 «Сада духовных сердец»):

A1*: № XX	<i>von wiv vnser</i>	<i>diemv̇tiger was.</i>	<i>denne ie dehein</i>
	<i>herre</i>		<i>mensch wrde</i>
			<i>(M<sub>2</sub>, л. 18<sup>r</sup>)</i>
A1*: № XXIII	<i>wi</i>	<i>wir diemvtich svln sin</i>	<i>(M<sub>2</sub>, л. 20<sup>r</sup>)</i>
B*: BgH 142	<i>wie</i>	<i>wir rehte demvt werden</i>	<i>(M<sub>5</sub>, л. 114<sup>v</sup>, BgH 142: 351,1).</i>

Даже в подзаголовках трех текстологически близких списков ветви A1\*<sup>7</sup> обнаруживается варьирование на лексико-грамматическом уровне – по-разному представлен вспомогательный глагол в придаточном предложении (w[u]rde / was / ø):

M <sub>2</sub> : № XX	<i>von wiv vnser herre</i>	<i>diemv̇tiger</i>	<i>denne ie dehein</i>
		<i>was.</i>	<i>mensch wrde (л. 18<sup>r</sup>)</i>
S: № XXII	<i>von weu vnsz herr</i>	<i>diemütiger</i>	<i>dann ye chain</i>
		<i>was</i>	<i>mensch was (л. 177<sup>r</sup>)</i>
N: № XVIII	<i>Wie</i>	<i>vnszer herre</i>	<i>demutiger</i>
		<i>was</i>	<i>denne ye kein mensch</i>
			<i>(л. 87<sup>r</sup>)</i>

Характеризуя структурно-функциональные свойства евангельской цитаты и производных от нее высказываний, следует обратить внимание, во-первых, на их роль в композиции разных редакций одного и того же текста, а во-вторых, на характер наблюдаемого языкового варьирования. С одной стороны, очевид-

<sup>7</sup> Помимо списка M<sub>2</sub>, субредакция A1\* трактата «Зеркало добродетели» представлена также в рук. N (Nürnberg, Stadtbibliothek Cent. VII, 73, л. 71<sup>r</sup>–90<sup>v</sup>) и S (Salzburg, Stiftsbibliothek Nonnberg, Cod. 23 B 7, л. 165<sup>v</sup>–189<sup>f</sup>). О принципах выделения субредакции A1\* и соответствующей ей ветви рукописной традиции см. подробнее: Bondarko 2009: 661–668, 673–675.

но, что сама цитата обладает всеми признаками функционального стереотипа. Она расположена во вводной части текста трактата и в значительной степени определяет его смысловую структуру. Эта функция была настолько очевидна для средневековых читателей, что сокращенная редакция трактата попала в один из сборников проповедей Бертольда Регенсбургского, причем именно данная цитата была использована в качестве главного формального признака жанра проповеди – тематического изречения (*thema*). Для этого она была приведена в исходном виде – в версии латинской Вульгаты: *Discite a me quia mitis sum et humilis corde*. Этого оказалось достаточно для смены жанровой принадлежности текста. Далее оставалось исключить те пассажи первоначальной редакции, которые не были связаны с темой смирения. Далее, весьма показательным, что в регистре Аугсбургского списка (Au) сборника текстов, приписываемых Бертольду Регенсбургскому<sup>8</sup>, тот пассаж, в котором данная цитата преобразовывалась в призыв к читателям учиться смирению у Христа (*Da von lerne bey Jhesu cristo diemütiges herczen sein*), был выделен в качестве одного из разделов проповеди в самом рукописном тексте (под буквенным обозначением *o*)<sup>9</sup>. Так же и в других редакциях «Зеркала добродетели» фразы со структурой косвенного вопроса – почему Господь был самым смиренным из людей и как стать смиренными нам – появляются в качестве подзаголовков, предваряющих соответствующие пассажи трактата.

С другой стороны, рассматриваемая цитата порождает целый ряд парафраз, представленных в виде вариантов с разной семантико-грамматической структурой. Таким образом, она оказывается способной к генерированию сходных, но не идентичных выражений, играющих при этом важную роль в композиционном структурировании текста. Значимость этой евангельской цитаты как продуктивного стереотипа становится особенно очевидной при изучении Базельского фрагмента, в котором сохранилась компиляция трактатов Давида Аугсбургского «Зеркало

---

<sup>8</sup> Au = Augsburg, Universitätsbibliothek, Cod. III.1.2° 36. В рукописной традиции Бертольда Регенсбургского эта рукопись относится к группе \*X. В списках этой группы в качестве одной из проповедей (X 42) содержится сокращенная версия «Зеркала добродетели» Давида Аугсбургского (редакция C\*): л. 369<sup>v</sup>–374<sup>v</sup>.

<sup>9</sup> Регистр рук. Au опубликован мною в: Bondarko 2009: 669–671.

добродетели» и «Семь начальных правил добродетели»<sup>10</sup>: сама она и производные от нее фразы располагаются на границах монтируемых отрезков исходных текстов и представляют собой, таки образом, композиционные «швы».

Наконец, нельзя не обратить внимания и на важную грамматическую особенность, присущую как самой цитате, так и ее производным, – использование императива. Синтаксические различия между вариантами сводятся, в конечном счете, к чередованию конструкции с предикатным актантом («учись... быть смиренным сердцем») и императивной конструкции с простым предикативом без лексемы «*lern*» («будь смирен сердцем»). Впрочем, и семантика глаголов *lernen / leren* чрезвычайно важна для характеристики жанра: именно такие тексты, как «Зеркало добродетели» часто получают в традиции жанровое обозначение «*lere*» (оно присутствует, в частности, во многих подзаголовках «Сада духовных сердец»). Таким образом, на признаки функциональной и продуктивной стереотипии накладываются признаки стилистико-грамматические, которые объединяют рассматриваемые конструкции с прочими предложениями с побудительной модальностью, характерной для духовно-назидательных текстов.

Сочетание признаков, присущих стереотипам разных групп, говорит о высокой значимости цитаты в процессах создания, восприятия и преобразования библейских цитат в средневековых духовных текстах. В рассматриваемом материале можно найти и другой пример совмещения функциональных и продуктивных характеристик в библейской цитате – а именно, в цистерцианском трактате «О любви» («*Von der Minne*»)<sup>11</sup> XIV в.: *Der künig hait mich in die wun celle gevært vnd hait die mynne in mir geordent* («Царь ввел меня в дом вина и упорядочил любовь во мне», Песн. П. 2: 4). Функциональный потенциал цитаты не исчерпывается ее ролью смыслового ядра трактата и связующего звена с библейским текстом. Будучи основой для аллегорического истолкования, она генерирует весь последующий текст трактата, хотя и не повторяется полностью. Она обладает статусом структуры высшего смыслового уровня, которая про-

<sup>10</sup> Basel, Öffentliche Bibliothek der Universität, Fragm. N I 3 Nr. 95c (Bs<sub>2</sub>), л. 1<sup>r</sup>–2<sup>r</sup>. Текст Базельского фрагмента опубликован мною в: Бондарко 2013.

<sup>11</sup> См.: Ruh 1987; Бондарко 2010: 168–171 (с публикацией нескольких отрывков из текста трактата в рук. G8 = St. Gallen, Stiftsbibliothek, Cod. 955, с. 7–14).



дуцирует вторичные структуры – многократно повторяющиеся логико-синтаксические схемы (*Der orden der mynne geet also; Diese mynne leret ouch* и т. п.)<sup>12</sup>.

Впрочем, текстообразующая функция этой структуры проявляется в регулировании композиционного членения текста при дистантном расположении ее вариантов, но не в создании однотипных текстовых блоков на основе многократного последовательного повтора одной и той же конструкции. Таким образом, устанавливается существование двух разновидностей продуктивных стереотипов: (а) тех, которые связаны с повторением одной и той же логико-синтаксической схемы, и (б) тех, которые не обязательно повторяются сами, но генерируют структуры с повторяющимися схемами. Продуктивные стереотипы второй группы, по-видимому, обычно являются также и функциональными (т. е. обеспечивающими реализацию текстовой функции и заполняющими собой композиционную ячейку текста). Тот факт, что не только лексические, но и синтаксические компоненты, производные от цитат, открыты для варьирования, не позволяет видеть в этих цитатах обычные клише (для которых варьирование внутренней структуры без ущерба для смысловой целостности скорее нехарактерно).

Примером реализации языкового варьирования в функциональных стереотипах являются начальные формулы обращения к Богу (*invocatio*) в компиляции из молитв, принадлежащих к традиции Давида Аугсбургского (рук. М<sub>10</sub> 3-й четв. XIV в., восточношвабский ареал<sup>13</sup>). Ни одно из 13 обращений не повторяется дословно; объем обращения варьирует от одного слова (*Herre*) до сложной синтаксической конструкции с двухуровневой подчинительной связью: *Lieber herre Jesus christ an dem wir haben allez daz zve lieb vnd zv trewen vnd zv sa'likchait vnt zve senft vnd ze trost gehoret hie vnd dort ewichleichen* (М<sub>10</sub>, л. 224<sup>r</sup> = Бондарко 2011: 599,63–65).

Роль формул в молитвенных текстах особенно ярко проявляется в процессе компиляции. В той же компиляции встречается пример заимствования пассажа из трактата Давида Аугсбург-

<sup>12</sup> Логико-синтаксические схемы складываются прежде всего на основе семантики предикатных глаголов, предикатно-актантной структуры предложения и референтного значения агенса и пациенса, а также ряда второстепенных параметров.

<sup>13</sup> Bayerische Staatsbibliothek München, Cgm 354, л. 222<sup>v</sup>–226<sup>r</sup>. Текст компиляции опубликован мною в: Бондарко 2011: 597–602. Более подробный анализ этого текста см. Ibid.: 602–605.

ского «О познании истины» («Von der Erkenntnis der Wahrheit»), в котором изначально не было молитвенного обращения. Однако компилятор вставил формулу «*Lieber herre ihesv criste*», чтобы представить заимствуемый отрывок в качестве отдельной молитвы (10-й сегмент компиляции).

Функциональные стереотипы могут определять архитектуру текста и в таких жанрах, в которых формализация композиционной структуры не обязательна. В этом отношении характерны стереотипные способы ввода вопросов и ответов в разных редакциях и списках одного из шпрухов, приписываемых Мейстеру Экхарту (№ 1 = DM II: 597,1–29)<sup>14</sup>. Здесь выбор того или иного варианта вводной формулы моделирует всю коммуникативную ситуацию и, как следствие, модифицирует жанровые характеристики текста. Так, ситуация живого общения учителя (*meister*) и учеников изображается при помощи конструкций с определенной референцией подлежащего: *Do wart er gefroget – Do sprach er / Er sprach / Do sprach der meister* (рук. Co<sup>15</sup>, G8<sup>16</sup>). Сам текст предстает в виде своего рода отчета о состоявшейся беседе. Напротив, образ Экхарта-учителя затушевывается в том варианте текста, где используются конструкции с безличным пассивом: *Do wart gevraget – Do wart gesprochen* (B2<sup>17</sup>). В следующем варианте ситуация живой беседы вообще не подразумевается: вопросно-ответные реплики получают характер исключительно риторического средства маркирования отдельных смысловых блоков, причем вопросы задаются от лица самого проповедника. Таким образом, диалогическая речь превращается в монологическую: *Nu ist ain frag / Nu frag ich / Nun – Das merch / Nu merchk(e)t (merkent)* (рук. M29<sup>18</sup>, Bra<sub>3</sub><sup>19</sup>, Pv<sup>20</sup> и др.). Наконец, все вводные формулы могут быть удалены,

<sup>14</sup> Так называемые шпрухи (изречения) Мейстера Экхарта, представляющие собой либо неподлинные тексты, приписываемые авторитету Экхарта, либо пересказ и переработку отдельных идей и пассажей из его проповедей, были опубликованы Фр. Пфайфером в 1857 г. Текст шпруха № 1 издавался также мною по нескольким спискам: Бондарко 2010: 166–168; Бондарко 2011a: 627–630 (здесь же см. подробный анализ этого текста: с. 631–637).

<sup>15</sup> Co = Colmar, Bibliothèque de la ville, Ms. 269, л. 79<sup>r</sup>–80<sup>r</sup>.

<sup>16</sup> G8, с. 195.

<sup>17</sup> B2 = Staatsbibliothek zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz, Ms. germ. oct. 65, л. 12<sup>r-v</sup>.

<sup>18</sup> M29 = München, Bayerische Staatsbibliothek: Cgm 4880, л. 272<sup>r-v</sup>.

<sup>19</sup> Bra<sub>3</sub> = Cologny-Genève, Bibliotheca Bodmeriana, Cod. Bodmer 59, л. 33<sup>v</sup>–34<sup>r</sup>.

<sup>20</sup> Pv = Pavia, Biblioteca Universitaria, Ms. Fondo Aldini 155, л. 32<sup>r</sup>.

и тогда «шпрух» превращается в обычное богословское рассуждение – как в рук. В1<sup>21</sup> и S1<sup>22</sup>. В этом случае сильно сокращенный текст входит в состав компиляции, включающей в себя целый ряд подобных небольших текстов.

Все варианты вводных конструкций, выявленные в разных редакциях шпруха, имеют, при всех различиях, одно общее функциональное свойство: они являются показателем принадлежности текста к экхартовской традиции – доминиканской по преимуществу. В самом деле, такие фразы как *Meister Eckehart sprach/spricht*, *Die meister sprechent*, *Ein hoher lesemeister sprach*, *Ez ist ein frage / Ein frage, man fraget*, *Der junger sprach*, *Nu spricht der prophete* стоят в начале большинства экхартовских шпрухов и некоторых текстов из «Книги положений». Кроме того, для многих текстов этого жанра и этой традиции характерно представление мистико-богословских рассуждений и сентенций в виде уже состоявшейся в прошлом встречи и беседы между учителем – христианским мудрецом (не обязательно самим Экхартом) и его учениками и последователями, либо же между самими учеными богословами ранга Экхарта. Таковы популярные притчи (*bispil*) о Мейстере Экхарте и нагом мальчике (шпрух № 68), о «дочери Мейстера Экхарта» («*Meister Eckehartes tochter*» = шпрух № 69), «Застольная беседа Мейстера Экхарта» («*Meister Eckehartes wirtschaft*» = шпрух № 70), таковы и «ученые» диалоги мудрецов-богословов – например, изречения «пяти учителей» («*Sprüche der fünf Lesemeister*» или «двенадцати парижских учителей» («*Sprüche der zwölf Meister zu Paris*»). Для текстов такого рода характерно использование претерита в качестве грамматического стереотипа и некоторых других элементов нарратива. Напротив, для цистерцианских и францисканских текстов притчевая форма менее типична. Правда, шпрухи, приписываемые Бернарду Клервоскому и начинающихся со стереотипной фразы *Sant bernhart spricht*<sup>23</sup>, в немецкой духовной традиции представлены значительно шире, чем экхартианские шпрухи. Однако диалогически построенные тексты с элементами нарратива (*exempla*, *bispiel*), начинающиеся с краткого изложения обстоятельств, при которых св. Бернард, Фран-

<sup>21</sup> В1 = Staatsbibliothek zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz, Ms. germ. oct. 12, л. 18<sup>r</sup>.

<sup>22</sup> S1 = Salzburg, Universitätsbibliothek, Cod. M I 476, л. 237<sup>v</sup>.

<sup>23</sup> См., например, серию бернардовских шпрухов в Гейдельбергском рукописном сборнике 1439 г. (Cpg 567, Universitätsbibliothek Heidelberg, л. 123<sup>rb</sup>–134<sup>rb</sup>).

циск Ассизский или Бертольд Регенсбургский вступили однажды в беседу с учениками или другими богословами, крайне немногочисленны, а истории о беседах неких не названных по имени учителей для цистерцианско-францисканской традиции в целом не характерны, за немногими исключениями. В частности, в рукописной традиции широко распространены так называемое «Завещание св. Бернарда», притча о св. Бернарде и пяти монахах («Exempel von St. Bernhard und den fünf Klosterbrüdern»), «Десять поучений Бертольда для некой сестры духовной жизни» («Zehn Lehren Bertholds für eine geistliche Schwester»), а также «Четыре вопроса брата Бертольда к епископу Альбрехту» («Vier Fragen Bruder Bertholds an Bischof Albrecht») – вымышленный диалог между францисканским проповедником Бертольдом Регенсбургским и доминиканским теологом Альбертом Великим<sup>24</sup>.

В некоторых текстах сочетание функциональных стереотипов, характеризующих тексты разных традиций и жанров, уже само по себе может свидетельствовать о попытке формальной адаптации экхартовских идей к общепринятой традиции и, кроме того, служить надежным признаком вторичности «экхартианского» текста по отношению к аутентичным проповедям Мастера. Примером таких вторичных текстов могут служить шпрухи, состоящие из нарративного элемента в зачине и следующего за ним перечисления (с минимальными пояснениями) разновидностей или признаков центрального понятия, истолкованию которого посвящен текст. Таков прежде всего рассмотренный нами экхартовский шпрух № 19, включенный в «Книгу совершенства» Псевдо-Энгельхарта фон Эбраха, а также, в известной степени, шпрухи № 22, 53 и 65 – в которых, однако, перечисляемые элементы темы раскрываются подробнее.

---

<sup>24</sup> Бертольд Регенсбургский и Альберт Великий, бывший некоторое время епископом Регенсбурга, скорее всего, были действительно знакомы лично, поскольку в 1263 г. на них обоих как на представителей двух нищенствующих орденов папой Урбаном IV была возложена миссия проповеди крестового похода против вальденсов. О легенде, в которой беседуют францисканский проповедник и доминиканский теолог, см. подробнее: Stammer 1956: 298–299. Изучив обширный материал позднесредневековой немецкой прозы, В. Штамлер (Stammer 1956) на примере одной стилистической фигуры, связанной со сравнением и парадоксом, демонстрирует формирование продуктивной модели, порождающей многочисленные варианты «цепочек» однотипных высказываний – Spruchketten. О традиции диалогов и полилогов христианских мудрецов (Meister) в позднесредневековой эпигональной мистике см. также: Richter 1969: 183–186.

Другим жанром средневековой немецкой прозы, в котором широко представлены как функциональные, так и продуктивные стереотипы, являются статуты общин Третьего ордена св. Франциска. Различие между этими двумя группами стереотипов можно продемонстрировать на примере статута женской общины св. Марии Штерн в Аугсбурге 1315 г. («*Satzungen der Drittordensschwwestern von St. Maria Stern*»<sup>25</sup>). Структура первого типа представлена в начальном разделе этого текста. Она включает в себя традиционные для публично-правовых документов дипломатические формулы *intitulatio* и *promulgatio*, составляющие содержание вводной части (протокола): *Wir div Meistrin der swester von dem sterne. vnd alle di swester derselben Samnung t̃vn kvnt allen den di disen brief sehent oder h̃orent lesen / Daz wir vns mit gvter betrachtung binden gehorsam ze sin / ...* (Aug, л. 19<sup>r</sup>). Эта формула определяет тип и функцию текста – официальный документ (грамота, *brief*), в котором приоресса и сестры монашеской общины принимают на себя обязательство соблюдать послушание (по отношению к руководству Баварской кустодии Страсбургской провинции францисканского ордена). Само содержание действий, подразумеваемых под выражением *gehorsam ze sin*, раскрывается далее при помощи многократного использования конструкций, относящихся ко второй группе стереотипов. Два разных способа употребления глагола *sich binden* наглядно показывают различие между продуктивной и непродуктивной ролью лексико-грамматической структуры в тексте. В приведенном примере данный глагол выступает в роли предиката объектного придаточного предложения, в котором раскрывается содержание предиката главного предложения, выраженного перформативным глаголом *t̃vn kvnt*. Однако в последующем тексте глагол *sich binden* не только становится предикатом главного предложения, но и выступает в перформативной роли в конструкции [*Wir binden vns + mit vnserm ait (aide) / mit gehorsam...*]. Данная конструкция, повторяемая пять раз, вводит текстовые блоки, в которых излагается содержание обязательств, принимаемых на себя общиной. В частности, этой конструкции в структурно-логическом отношении подчинена чрезвычайно частотная в этом тексте логико-синтаксическая схема [*Swelh / Swelhi swester + Vfin*] *div (die) sol / so sol si + Inf.*].

<sup>25</sup> Аугсбургская редакция статута сохранилась в ранней копии аугсбургской копии, выполненной в конvente св. Марии Штерн: Augsburger Diözesanarchiv, Ms. 193, л. 19<sup>r</sup>–30<sup>r</sup> (Aug). См. подробнее: Бондарко 2010а: 133.

Другой тип перформативного высказывания (директив), конкурирующий по продуктивности в рассматриваемом тексте с типом *Wir binden vns...*, представлен в виде схемы с предикатом *wellen* [*Wir wellen* / (*öchlochlauch*) [*daz* + OS (придаточное дополнительное)]], а также с рядом других, менее частотных глаголов.

Использование продуктивных стереотипов часто бывает связано с числовым принципом композиционной организации текста, хотя, разумеется, для формирования текстообразующих моделей на основе продуктивных стереотипов наличие числовой композиции не является обязательным условием. В большинстве позднесредневековых сборников духовной прозы представлены тексты небольшого объема, состоящие из перечисления аспектов (*dinc*) или признаков (*zeichen*) какого-либо явления, добродетелей и пороков и т. д. Таков, например текст (который лишь условно можно отнести к жанру трактата), размещенный в рук. М<sub>7</sub> после проповеди о смирении, – «Тридцать признаков совершенного смирения» («*Dreißig Zeichen der vollkommenen Demut*» = *DrZVD*). В соответствии со своим названием он состоит из 30 стереотипных предложений, подавляющая часть которых укладывается в логико-синтаксическую схему [*Das* + *Ord.*] + [*Er sol* + *Inf.*] – например:

*das · iiij · er sol all lût bezer haben denn sich selben / vnd sol clain ahten was gûtes an im si |*

*das · v · er sol nimmer / von aines andern gebresten gereden / nwan wan der stat allain / das man es gebezzerren mâg |*

*das · vj · er sol die lût selten stravffen hart |* (*DrZVD*: М<sub>7</sub>, л. 134<sup>vb</sup>–135<sup>ra</sup>).

Остальные предложения обнаруживают некоторые отклонения от второй части части схемы. Впрочем, все варианты настолько близки друг к другу в семантическом и грамматическом отношениях, что их можно считать репрезентантами единой текстообразующей модели. Кроме того, к характеристике данной модели относится использование во всех вариантах модального глагола *soln* – в той или иной форме. Таким образом, в этом тексте присутствует также и грамматический стереотип.

Иной характер сочетания этих двух разновидностей стереотипных структур можно наблюдать в средненижненемецком мистико-аллегорическом трактате «Христос и любящая душа в Розовом саду Страстей Христовых», который изучен нами по рукописи из Любека 1470-х гг., хранящейся в настоящее время в Российской национальной библиотеке Санкт-Петербурга

(Нем. Q. I. 310, далее *Санкт-Петербургский кодекс* = Sp)<sup>26</sup>. Довольно пространный пассаж этого текста строится на основе многократного повтора базовой схемы [(O) *kum* + *Invocatio* (общее значение: Бог)] + [*kum vnde V<sub>Imp.</sub>*(+ *vnde V<sub>Imp.</sub>* + ...)] с небольшим варьированием в порядке следования отдельных ее компонентов – ср. первое предложение этого пассажа, за которым следует целый ряд ему подобных: *O kum hillighe gheest | kum du vader der armen vnde der bedroueden en trost | Kum alder soteste troster werde hilligheghest | vnde vorluchte my | vnde vntfenghe yn my dat viir dyner alder sotesten leue ||* (Sp, л. 213<sup>f</sup>). Грамматический стереотип формируется на основе использования предикатных глаголов в императиве. Благодаря этому актуализируется традиционный библейский мотив – призыв Суламифи к ее Жениху, аллегорическим путем преобразованный в призыв Души к Богу (одновременно Отцу и Святому Духу). Здесь недостаточно видеть одну из лингвостилистических характеристик текста – речь идет об одном из элементов традиционного поэтического языка.

Грамматические стереотипы можно описать также на примере переводов одной из глав «Упорядочения внешнего и внутреннего человека» («*De exterioris et interioris hominis compositione*») Давида Аугсбургского (кн. I, гл. 20 «*De meditatione Domini Jesu*») на средневерхне- и средненижненемецкий языки, в сопоставлении с трактатами, на которые текст этой главы оказал влияние. Как в латинском тексте, так и в его переводах и переложениях – прежде всего в компиляции «Жизнь Христова – наше зеркало» («*Christi Leben unser Vorbild*») доминируют претеритальные глагольные формы в сочетании с формами императива. Стереотипный характер этой темпоральной конфигурации обусловлен не только содержанием данного текста, но и тем, что она служит средством языковой репрезентации традиционного мотива памятования о Боге (*memoria Dei*), получившего особенно широкое распространение в духовной средневековой литературе начиная с XII в., благодаря Бернарду Клервоскому.

В Санкт-Петербургском кодексе содержится не только перевод главы «О размышлении о Господе Иисусе» («*De meditatione Domini Jesu*» – текст № 14.3 из второй части сборника), но и

---

<sup>26</sup> Результаты кодикологического изучения и анализа текстов Санкт-Петербургского кодекса отражены в работах: Бондарко 2011б: 79–84; Bondarko, Logutova, Lyakhovitskiy 2012: 139–153; Бондарко 2013а: 58–74.

близкий к нему по стилю и содержанию соседний текст № 14.4. Оба эти небольших текста входят в состав цикла «Назидание для человека духовной жизни, стремящегося к совершенству» (№ 14: Sp, л. 246<sup>v</sup>–254<sup>v</sup>)<sup>27</sup>. В обоих текстах присутствуют пассажи, обнаруживающие чрезвычайное сходство между собой на уровне общего смысла:

№ 14.3 ...*Hir na **beschryf** yn dyneme herten syne sede vnde syn ghelat |*

*wo otmodichlyken he syk hadde mank den luden |*

*Wo gutlyken mank synen yungheren wo metlyk he was yn etende vnde drynkende |*

*wo barmehertich he was to den armen Den he syk altomale **lykmakede** vnd de men vor syn sunderlyke yn ghesynde **hadde** ||*  
(Sp, л. 249<sup>r-v</sup>)

№ 14.4. ...*Dyn ghesychte | dyn neghent | dyn tucht **beghe** alle tyt an syne otmodyghen sede Vnde **drech** alle tyt syn persone yn dyne dechnysse |*

*wo he gheschapen was |*

*wo syne dedynghe was |*

*wo syne beweghynghe vnd alle syne bere was |*

*dat **vorbylde** ynwendighen yn dyn herte |* (Sp, л. 252<sup>v</sup>).

Самое интересное в выявленном сходстве заключается в том, что доля дословных совпадений в обоих текстах невелика: *syne sede, otmodichlyken* (14.3) – *syne otmodyghen sede* (14.4); *yn dyneme herten* (14.3) – *yn dyn herte* (14.4). Остальные семантические сближения основываются на контекстуальной синонимии некоторых понятий, связанных с общим представлением о сознании человека: *herte* (14.3) – *dechnysse / herte*, а также о поступках и образе жизни Христа: *syn ghelat* (14.3) – *syne dedynghe* (14.4). Все это говорит лишь в пользу того, что здесь не имеет места прямое заимствование текста Давида Аугсбургского.

Гораздо значительнее представляется нам факт использования одних и тех же языковых стереотипов, репрезентирующих общий традиционный мотив «памятования о Боге» (*memoria Dei*). Во-первых, речь идет о грамматическом стереотипе, выраженном сочетанием императивных и претеритальных форм в предикатах, которые соотносятся соответственно с читателем-новицием и Иисусом Христом в качестве референтов, а во-

<sup>27</sup> Цикл из четырех текстов под общим названием «Назидание для человека духовной жизни, стремящегося к совершенству» («Die Lebensweise eines geistlichen Menschen, der sich vervollkommen will») издан мною в: Бондарко 2011б: 87–92.



вторых, о продуктивном стереотипе, базирующемся на близких логико-синтаксических схемах:

(а) [*wo* (верхненем. *wie*) + Praed.<sub>Adj.</sub> (предикативное прилагательное) + S(*he = Христос*) + Vfin(*was*)];

(б) [*wo* + Adv. (наречное обстоятельство) + S(*he*) + Vfin<sub>praet.</sub>] (14.3). —

(а) [*wo* + S(*he = Христос*) + Praed.<sub>Part.Praet.</sub> (предикативное причастие) + Vfin(*was*)];

(б) [*wo* + S(*внешнее поведение Христа*) + Vfin(*was*)] (14.4).

Таким образом, речь идет не о прямом текстуальном заимствовании, а об использовании некоего эталонного текста (в данном случае, главы из трактата Давида Аугсбургского) как одного из источников традиционных мотивов или топосов, языковая репрезентация которых предполагает включение определенных стереотипных моделей. Использование тех же самых стереотипов, отражающих уровень глубинной текстовой архитектоники, гарантирует создание близкого по смыслу, однако вполне самостоятельного текста, с точки зрения его поверхностной структуры.

Итак, изучение немецкой духовной прозы позволило выявить и описать ряд стереотипных структур, отличающихся друг от друга по уровню и характеру продуктивности в тексте, — от ключевых библейских цитат, формирующих композиционные «узлы» текста, до конструкций, на многократном повторе которых базируются крупные текстовые блоки и даже самостоятельные тексты. Представляется очевидным, что стереотипы, характеризующиеся имплицитной продуктивностью (например, эксплицитно-перформативные формулы в документах, определяющие выбор синтаксически и логически зависимых конструкций), принципиально отличаются от эксплицитно-продуктивных стереотипов, которым свойственна серийность. Имплицитно-продуктивные стереотипы, как правило, являются в то же время и функциональными. Что касается стереотипов грамматических, то они часто сочетаются со стереотипами эксплицитно-продуктивными.

При изучении стереотипных элементов традиционного языка средневековых текстов необходимо обращаться непосредственно к рукописному материалу. Хотя оформление каждой рукописи индивидуально и зависит от ее статуса, предназначения, формата листа, а также от искусства переписчика, все же можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев графическое членение текста в той или иной степени отражает нали-

чие стереотипных структур. Прежде всего в графической плоскости рукописного текста проявляются эксплицитно-продуктивные стереотипы, представляющие в виде блоков с повторяющимися начальными элементами текста. Начальные буквы повторяющихся слов, находящихся в начале фразы, как правило, представляют собой маюскулы или же по крайней мере выделяются красными вертикальными штрихами. При наличии перечисления роль разделителя играют сами порядковые числительные, пишущиеся римскими цифрами. Сочетанием пунктуационного знака (точки или virguly) и маюскульного написания первого слова выделяются также евангельские цитаты, представляющие собой прямую речь Иисуса Христа. Если в рукописи содержится серия однотипных текстов (шпрухов или молитв), в начале которых располагается функциональная стереотипная структура (молитвенная формула или формула ввода прямой речи), то каждый такой текст отделяется от другого если не инициалом (предполагающим написание текста с новой строки), то по крайней мере маюскульным написанием первой буквы начальной формулы. Маюскулы в сочетании с предшествующими им знаками пунктуации становятся особенно важным средством текстового членения в тех случаях, когда не используется знак раздела между текстами и текстовыми блоками (¶).

Очевидно, что выделение стереотипов на письме связано с задачей такого графического оформления текста, которое упрощало бы его визуальное восприятие при чтении, особенно вслух. Наша основная гипотеза состоит в том, что сочинение средневековых прозаических текстов на народном языке было (по меньшей мере, частично) ориентировано на их устное воспроизведение. Поэтому данный процесс был технически связан с использованием продуктивных моделей традиционного языка. Они существовали прежде всего в памяти носителей традиции, а их воплощение на письме имело лишь вторичный характер. Таким образом, стереотипные конструкции функционируют как информационные ячейки памяти, служащие для генерирования новых текстов. Усвоение средневековыми монахами буквы и духа канонических текстов, на основе которых могло строиться в дальнейшем их индивидуальное словесное творчество, обычно описывается как неразрывное сочетание духовных практик чтения священных текстов (*lectio divina*), постоянного их повторения (*ruminatio*) и размышления (*meditatio*). Влияние этих практик на процессы сочинения и чтения немецких духовно-медитативных текстов не подлежит сомнению. Сам Давид Аугс-

бургский упоминает процесс дословного воспроизведения готовых образцов, когда описывает начальную ступень молитвословия – *oratio vocalis* (Comp. III 53: 296–300), *daz genoete gebet mit dem mynde* (SSdG: 52,89 – 54,138).

Между тем с переходом на родной язык при сочинении духовных текстов были созданы условия для множественного языкового варьирования исходных латинских образцов. Развитие процессов чтения и письма в позднем Средневековье и переход на местные языки приводят к закреплению навыка молчаливого сочинения текстов без использования диктовки, а также к формированию привычки к чтению «про себя». Новый письменный язык, в отличие от церковной латыни как книжного языка *par excellence*, воспроизводит все богатство варьирования, характерное первоначально для устной речи. Варьирование может наблюдаться в одном и том же тексте, состоящем из серии стереотипных фраз, – при этом не выходя за пределы базовой модели. Вместе с тем варьирование – как содержательное, так и языковое – проявляется на уровне рукописной традиции, в которой потенциально каждый список текста представляет собой один из равноправных его вариантов.

Феномен варьирования в исследуемой традиции настолько тесно связан с процессом редактирования и репродуцирования текста, что в некоторых случаях между ними сложно провести четкую грань. Примеры некоторых редакций немецких трактатов Давида Аугсбургского показывают, что в рукописной традиции первоначальные версии текста не только подвергаются варьированию на лексико-грамматическом уровне, но могут и сокращаться, менять жанровую принадлежность, расширяться и дописываться. Исследованный рукописный материал позволил наблюдать феномен ретекстуализации (*récriture*)<sup>28</sup> в действии.

<sup>28</sup> Термин *récriture* был предложен Б. Серкилини, который стремился приспособить постструктуралистскую концепцию литературы Р. Барта с ее центральным понятием «письмо» (*écriture*) к письменной культуре Средних веков (в качестве наиболее близкого, хотя и не вполне точного переводного эквивалента можно предложить термин «ретекстуализация»): каждый средневековый переписчик фактически переписывает текст заново, добавляя к нему новые варианты (Cerquiglini 1989: 57; см. об этом также: Nemes 2008: 15). Что касается исходного термина *écriture*, то Р. Барт использовал его для обозначения некоей промежуточной ступени между общим литературным языком и индивидуальным стилем писателя (см. Барт 1983: 306–349). Для Барта *письмо* (точнее, *состояние письма*) – это живой процесс, предполагающий множественность актуализаций текста в процессе чтения и диктующий отказ от монополии автора на создаваемый им текст. Медиевист

Специфику редакторской активности, проявляющуюся в некоторых списках трактатов Давида Аугсбургского, можно охарактеризовать как «комплементарное авторство».

Таким образом, для средневерхненемецких текстов религиозной сферы варьирование, обнаруживаемое в рукописях, играло роль, которая не ограничивалась ни диалектной дифференциацией рукописной традиции того или иного памятника, ни стилистическими предпочтениями писцов: феномен варьирования оказывал существенное влияние на процесс текстообразования. Предложенная нами функциональная классификация стереотипных структур, а также методика анализа логико-синтаксических схем и их вариантов позволяют выявить механизмы продуцирования, рецепции и трансформации целого ряда текстов. Представляется, что данный исследовательский подход адекватен предмету изучения и сможет оказаться полезным при дальнейшем анализе языка немецкой средневековой словесности.

### Библиография

#### *Рукописи:*

- Au – Augsburg, Universitätsbibliothek, Cod. III.1.2° 36.  
 Aug – Augsburger Diözesanarchiv, Ms. 193.  
 B1 – Staatsbibliothek zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz, Ms. germ. oct. 12.  
 B2 – Staatsbibliothek zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz, Ms. germ. oct. 65.  
 Bra<sub>3</sub> – Cologny-Genève, Bibliotheca Bodmeriana, Cod. Bodmer 59.  
 Bs<sub>2</sub> – Basel, Öffentliche Bibliothek der Universität, Fragm. N I 3 Nr. 95c.  
 Co – Colmar, Bibliothèque de la ville, Ms. 269.  
 G8 – St. Gallen, Stiftsbibliothek, Cod. 955.  
 M<sub>7</sub> – München, Bayerische Staatsbibliothek, Cgm 183.  
 M<sub>7</sub> – München, Bayerische Staatsbibliothek, Cgm 717.  
 M<sub>10</sub> – München, Bayerische Staatsbibliothek, Cgm 354.  
 M29 – München, Bayerische Staatsbibliothek, Cgm 4880.

---

П. Зюмтор характеризует *письмо* как «сверхдетерминированность, сверхартикулированность языка», «когерентность, присущую особому, в известной мере автономному состоянию естественного языка, которое обладает своим кодом и специфическими порождающими правилами и которое следует отличать, с одной стороны, от речевой деятельности, а с другой – от индивидуального стиля» (Зюмтор 2003: 74). Таким образом, понятие *ретекстуализации* (*réécriture*) сохраняет генетическую связь и семантическую общность с понятием *письма* (*écriture*); последнее является весьма удобным обозначением продуктивного процесса, в ходе которого используются стереотипные образования, объединяющие в себе смысловые комплексы и языковые конструкции, сформированные традицией.

- N – Nürnberg, Stadtbibliothek, Cent. VII, 73.  
 Pv – Pavia, Biblioteca Universitaria, Ms. Fondo Aldini 155.  
 S – Salzburg, Stiftsbibliothek Nonnberg, Cod. 23 B 7.  
 S1 – Salzburg, Universitätsbibliothek, Cod. M I 476.  
 Sp – Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека, рук.  
 Нем. Q. I. 310.

*Сокращения источников, цитируемых по рукописям:*

- DPr – Von der Demut [Predigt] // München, Bayerische Staatsbibliothek, Cgm 717, л. 133<sup>rb</sup>–134<sup>vb</sup>.  
 DrZVD – Dreißig Zeichen der vollkommenen Demut // München, Bayerische Staatsbibliothek, Cgm 717, л. 134<sup>vb</sup>–135<sup>va</sup>.  
 SdT – David von Augsburg. Der Spiegel der Tugend // München, Bayerische Staatsbibliothek, Cgm 183, л. 1<sup>r</sup>–35<sup>f</sup>.  
 SVdT – David von Augsburg. Die sieben Vorregeln der Tugend // München, Bayerische Staatsbibliothek, Cgm 183, л. 35<sup>v</sup>–71<sup>v</sup>.

*Издания памятников:*

- BgH – Unger H. Geistlicher Herzen Bavngart. Ein mittelhochdeutsches Buch religiöser Unterweisung aus dem Augsburger Franziskanerkreis des 13. Jahrhunderts. Untersuchungen und Text. (Münchener Texte und Untersuchungen zur deutschen Literatur des Mittelalters 24). München, 1969.  
 Comp. – Frater David ab Augusta OFM. De exterioris et interioris hominis compositione secundum triplicem statum incipientium, proficientium et perfectorum libri tres / Ed. a PP. Collegii S. Bonaventurae. Ad Claras Aquas (Quaracchi), 1899.  
 DM I – Pfeiffer Fr. (Hg.) Deutsche Mystiker des vierzehnten Jahrhunderts. Bd. I. Hermann von Fritslar, Nicolaus von Strassburg. David von Augsburg. Leipzig, 1845.  
 DM II – Pfeiffer Fr. (Hg.) Deutsche Mystiker des vierzehnten Jahrhunderts. Bd. II. Meister Eckhart. Leipzig, 1857.  
 SSdG – Ruh K. (Hg.). David von Augsburg. Die sieben Staffeln des Gebetes in der deutschen Originalfassung herausgegeben. (Kleine deutsche Prosadenkmäler des Mittelalters 5). München, 1965.

*Исследовательская литература:*

- Барт 1983 – Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика / Пер. с франц. Г. К. Косикова. М., 1983. С. 306–349.  
 Бондарко 2010 – Бондарко Н. А. О божественной любви: Мейстер Экхарт и францисканская традиция в Codex Sangallensis 955 // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIV (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 21–23 июня 2010 г. В двух частях / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Ч. 1. СПб., 2010. С. 161–172.  
 Бондарко 2010а – Бондарко Н. А. Долженствование и необходимость в немецкой францисканской прозе XIII–XV вв.: стереотипные языковые структуры и их варьирование // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 3 (60). 2010. С. 132–139.

- Бондарко 2011 – Бондарко Н. А. Взаимодействие устной и письменной традиций в немецких медитативных молитвах XIII–XIV веков // *Colloquia classica et indo-germanica – V* / Отв. ред. Н. А. Бондарко, Н. Н. Казанский. (*Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. VII. Ч. 1). СПб., 2011. С. 573–613.
- Бондарко 2011a – Бондарко Н.А. *Как любить Бога?* Мейстер Экхарт в контексте францисканских трактатов о божественной любви (рук. Gi 1 и G 8) // *Laurea Logae. Сборник памяти Л. Г. Степановой*. СПб., 2011. С. 624–648.
- Бондарко 2011б – Бондарко Н. А. Неизвестный фрагмент трактата Давида Аугсбургского «*Formula de compositione hominis exterioris ad povitios*» из собрания РНБ // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV* (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 20–22 июня 2011 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2011. С. 79–93.
- Бондарко 2013 – Бондарко Н. А. Анонимный сборник духовной прозы XV в. из Любека в рукописи Нем. Q.I.310 Российской национальной библиотеки // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. III. Антропоцентризм языковых феноменов: сб. науч. ст.* СПб., 2013. С. 53–81.
- Бондарко 2013a – Бондарко Н. А. Трактаты Давида Аугсбургского в Базельском фрагменте N I.3. Nr. 95c // *От языковых фактов – к построению теории. Сборник научных трудов к 70-летию со дня рождения профессора А. Л. Зеленецкого*. Калуга, 2013. С. 25–55.
- Бондарко 2014 – Бондарко Н. А. *Немецкая духовная проза XIII–XV веков: язык, традиция, текст*. СПб., 2014. [В печати].
- Зюмтор 2003 – Зюмтор П. *Опыт построения средневековой поэтики*. Пер. с франц. СПб., 2003.
- Bohl 2000 – Bohl C. *Geistlicher Raum. Räumliche Sprachbilder als Träger spiritueller Erfahrung, dargestellt am Werk De Compositione des David von Augsburg* (Franziskanische Forschungen 42). Werl, 2000.
- Bondarko 2009 – Bondarko N. *Besonderheiten der Textgliederung in der handschriftlichen Überlieferung der deutschen Traktate Davids von Augsburg* // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIII* (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы международной конференции, проходившей 22–24 июня 2009 г. СПб., 2009. С. 655–681.
- Bondarko, Logutova, Lyakhovitskiy 2012 – Bondarko N., Logutova M., Lyakhovitskiy E. *Mittelniederdeutsche geistliche Prosa in Handschriften der Russischen Nationalbibliothek St. Petersburg* // *Manuscripta germanica. Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas*. Hg. von A. Breith u. a. (Zeitschrift für deutsches Altertum, Beiheft 15). Stuttgart, 2012. S. 123–155.
- Cerquiglini 1989 – Cerquiglini B. *Eloge de la variante: Histoire critique de la philologie*. Paris, 1989.
- Lausberg 1990 – Lausberg H. *Handbuch der literarischen Rhetorik. Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft*. 3. Aufl. Stuttgart, 1990.
- Nemes 2008 – Nemes B. J. *Altgermanistik meets New Philology. Oder: Zur Verträglichkeit von mittelalterlicher Überlieferungswirklichkeit und zeitgenössischer Theoriebildung, dargelegt am Beispiel des Originals* //

- Wissenschaften im Dialog. Studien aus dem Bereich der Germanistik. Bd. 1. Hg. von Sz. János-Szatmári in Zusammenarbeit mit J. Szűcs (Schriftenreihe des Lehrstuhls für germanistische Sprach- und Literaturwissenschaft der Christlichen Universität Partium/Großwardein 4). Klausenburg; Großwardein, 2008. S. 13–24.
- Richter 1969 – Richter D. Die deutsche Überlieferung der Predigten Bertholds von Regensburg. München, 1969.
- Ruh 1980 – Ruh K. David von Augsburg // Die deutsche Literatur des Mittelalters: Verfasserlexikon. 2., völlig neu bearb. Aufl. Hg. von K. Ruh. Bd. 2. Berlin; New York, 1980. Sp. 47–58.
- Ruh 1987 – Ruh K. 'Von der Minne' I // Die deutsche Literatur des Mittelalters: Verfasserlexikon. 2., völlig neu bearb. Aufl. Hg. von K. Ruh. Bd. 6. Berlin; New York, 1987. Sp. 543.
- Schwab 1971 – Schwab Fr. M. David of Augsburg's 'Paternoster' and the Authenticity of his German Works. (Münchener Texte und Untersuchungen zur deutschen Literatur des Mittelalters 32). München, 1971.
- Stammler 1956 – Stammler W. Albert der Große und die deutsche Volksfrömmigkeit des Mittelalters // Freiburger Zeitschrift für Philosophie und Theologie 3 (1956). S. 287–319.

**N. A. Bondarko. Language stereotypes as constructive elements  
of traditional language in German devotional prose  
of the 13<sup>th</sup>–15<sup>th</sup> centuries**

The article summarizes the results of the author's studies of the function of stereotypical structures and language variation in text production, transmission and reception in medieval manuscript tradition. The study is based on German devotional, mystical and monastic institutional literacy of the 13<sup>th</sup>–15<sup>th</sup> centuries. Language stereotypes are classified according to structural and functional criteria. The functional patterns are illustrated by examples from different versions of tractates, sermons, prayers and sayings as well as from statutes of Franciscan nunneries.

*Keywords:* language stereotypes, German devotional literacy, models of text production, logic-syntactic patterns, language variation, manuscript tradition, Middle High German.

## ОСОБЕННОСТИ СРЕДНИДЕРЛАНДСКОГО И СРЕДНИЖНЕНЕМЕЦКОГО ВОКАЛИЗМА В МОЛИТВЕННЫХ КНИГАХ XV–XVI ВВ.

В статье анализируются тексты покаянных псалмов четырёх молитвенных книг XV – начала XVI вв. с целью продемонстрировать диалектное смешение, сформировавшееся на границе Нидерландов и северной Германии в период позднего средневековья. В результате подробного рассмотрения различных диалектных признаков определяется диалектная специфика каждого из текстов и делается вывод о смешении в них среднидерландских и среднижненемецких признаков.

*Ключевые слова:* среднижненемецкий язык, среднидерландский язык, диалекты, вокализм, рукописные молитвенники, Германия, Нидерланды.

Многие исследователи, в том числе Йоханнес Франк (Franck 1883: 21), С. А. Миронов (Миронов 1986: 87) и В. Я. Плоткин (Плоткин 2000: 22), указывали на особое положение северо-восточных (nordöstliche) среди других (фламандского, брабантского) диалектов среднидерландского. Одним из проявлений этого особого положения является бóльшая, по сравнению с фламандским и брабантским, близость этих диалектов с одним из соседних среднижненемецких диалектов – вестфальским. На основе сопоставительного анализа текстов покаянных псалмов из четырех молитвенных книг мы проследим особенности проявления этого диалектного смешения на уровне вокализма, консонантизма, а также с точки зрения лексики и формообразования. Особое внимание будет уделено реализации вокалических особенностей в рассматриваемых текстах, так как именно в области вокализма в среднидерландском получили отражение явления, связанные с заменой древнегерманской вокалической оппозиции по долготе на нидерландскую оппозицию усечённости – неусечённости.

Важно отметить, что в случае с этими четырьмя молитвенными книгами конца XV – начала XVI вв. (Голл. О v I № 10, Голл. О v I № 4, Голл. О v I № 1 и Ф. 955, Оп. 2, № 51) мы имеем дело с одной и той же редакцией покаянных псалмов. Важной особенностью молитвенной книги Ф. 955, Оп. 2, № 51 является то обстоятельство, что она состоит из девяти блоков (Бондарко,



Логутова, Ляховицкий 2012: 125), имеющих различную диалектную окраску (Власова 2013: 173). Анализируемые псалмы содержатся в последнем, девятом блоке, язык которого определялся Паулем Хагеном как нидерландско-нижненемецкий (ndl.-nd.) (Hagen 1922: 48). Молитвенники Голл. О v I № 10, Голл. О v I № 4, Голл. О v I № 1 в отношении языка обладают большим единообразием, так как написаны, вероятнее всего, на одном диалекте среднидерландского.

### Вокализм

Для диалектной характеристики анализируемых текстов особенно существенным оказывается анализ вариантов реализации гласных. Как указывает В. Я. Плоткин, уже в конце древне-нидерландского периода сложились условия для замены древнегерманской вокалической оппозиции по долготе нидерландской вокалической оппозицией усечённости (Плоткин 2000: 22). Далее В. Я. Плоткин замечает, что данная замена не получила никакого отражения в графике (Плоткин 2000: 22), однако, описывая в рамках смены вокалических оппозиций превращение одного из двух самых узких гласных [i] в [ei], приводит в качестве примера переход др.-нид. *līf* в совр. нид. *lijf*, где можно увидеть графическое отображение происходящих вокалических изменений. В этом отношении нам представляется ошибочным замечание Йоханнеса Франка о том, что для среднидерландского характерно написание *ij* для обозначения долготы (Franck 1883: 21), так как в данном случае мы имеем дело с отображением дифтонга. Продолжая рассуждать о долготе гласных, учёный утверждает, что эта долгота может обозначаться как гласными идентичными, так и различными, приводя в пример лексему *boek* и утверждая, что такое написание встречается преимущественно в закрытом слоге (Franck 1883: 24). По-видимому, говоря о гласных, отличающихся от долгого по качеству, Йоханнес Франк безусловно имеет в виду отображение дифтонгоидности.

Очень важным является распределение по диалектам среднидерландского оппозиции усечённости, возникшей в ранне-среднидерландском. Как указывает В. Я. Плоткин (Плоткин 2000: 25), переход [i] в [ei] раньше всего и наиболее полно был осуществлён в Брабанте. Далее учёный отмечает, что это явление распространилось на другие ареалы, в частности, на восток. Таким образом, с точки зрения реализации оппозиции усечённости северо-восточные диалекты среднидерландского заняли

промежуточное положение между брабантским и граничащим с ними средненижненемецким диалектом – вестфальским.

Следует отметить, что на уровне вокализма тексты покаянных псалмов четырёх молитвенников обнаруживают довольно существенные различия в реализации гласных, и, соответственно, в графическом отображении возникшей оппозиции усечённости. Так, в покаянных псалмах молитвенника Ф. 955, Оп. 2, № 51 голландская лексема *lijff* представлена в виде *ljiff*, то есть графически дифтонгоидность не отобразилась в виде двух графем. В отношении других лексем, где реализуется указанная оппозиция, следует констатировать особое положение этих текстов в молитвеннике Ф. 955, Оп. 2, № 51. Так, в случае с вариантами представления средненижненемецкой лексемы *nit* в молитвеннике Ф. 955, Оп. 2, № 51 можно отметить существенное преобладание варианта написания, в котором дифтонгоидность гласного не нашла отражения (три случая *niet* против двадцати пяти *nit/nyt*). Во всех других молитвенниках, наоборот, преобладает вариант написания *niet*, где дифтонгоидность нашла отображение на письме. Наиболее полно лексема с реализовавшимся дифтонгом представлена в молитвеннике Голл. О v I №1. Колебания в написании лексемы обнаруживает молитвенная книга Голл. О v I № 4 (*niet/nit*).

Такое распределение вариантов написания повторяется и в случае со средненижненемецкой лексемой *make* с долгим  $\bar{a}$ . Так, в рукописи Ф. 955, Оп. 2, № 51 встречается написание, в котором дифтонг не реализовался, в остальных молитвенниках, за исключением Голл. О v I № 10, представлен вариант *maeke*. Лексема *god* в варианте написания *goed* представлена в рук. Голл. О v I №4, в то время как в рук. Ф. 955, Оп.2, № 51 используются оба варианта *god/goed* с существенным преобладанием варианта написания с реализовавшимся дифтонгом (один случай употребления против двадцати). Остальные молитвенники содержат вариант написания без дифтонга.

В случае с реализацией долгого  $\bar{a}$  в виде умлаута все тексты покаянных псалмов из рук. Ф. 955, Оп. 2, № 51, Голл. О v I № 1, Голл. О v I № 4, Голл. О v I № 10 демонстрируют большее единообразие, чем в случае с описанной выше реализацией на письме дифтонгов. Так, все рукописи обнаруживают неумлаутизированный вариант средненижненемецкой лексемы *v`stantnÿsse* (Ф. 955, Оп. 2 № 51), *verstandenissee* (Голл. О v I № 4, Голл. О v I №10, Голл. О v I № 1), в отличие от любекского молитвенника Штеффена Арндса, где представлен характерный для всего

средненижненемецкого пространства умлаутизированный вариант: *vorstentnisse*; такая же форма используется в Кельнском молитвеннике – *vorstentnisse*. Вариант лексемы без умлаута *barmherticheit* также реализовался во всех исследованных текстах псалмов. Важно отметить, что в молитвеннике Ф. 955, Оп. 2, № 51 эта лексема представлена отличным от других молитвенников вариантом *ontfarmherticheit*.

В качестве сопутствующих становлению нидерландской вокалической оппозиции усечённости явлений, следует, в первую очередь отметить вокализацию *l* и возникновение дифтонгоидного написания предшествующего гласного *a*. Как отмечает Р. Петерс (Peters 1987: 64) при имеющемся в средненижненемецком переходе  $a > o$  перед сочетанием *ld*, *lt* в средненидерландском происходила вокализация *l*, в результате чего, например, на месте лексемы *halden* образовывалась лексема *houden*, на месте лексемы *ald* – *oud*. Как отмечает Франк каждое *ald*, *alt* становится, по крайней мере, переходной формой *old*, *olt*. Данная переходная форма, продолжает он, сохранилась в восточных пограничных диалектах (Grenzdialekte) средненидерландского и затем только перешла в *oud*, *out* (Franck, 1883: 26). Это наблюдение находит полное подтверждение на материале текстов Голл. О v I № 1, Голл. О v I № 4 и Голл. О v I № 10. В этих рукописях обнаруживаются как сочетания *ou* с вокализированным *l* (*ghemenichuoudighet*, *veroudet*), так и непереходные формы, напр.: *alden*. В покаянных псалмах молитвенника Ф. 955, Оп. 2, № 51 переход  $a > ou$  перед сочетанием *ld* не обнаруживается. Так, на месте *ghemenichuoudighet*, *veroudet* здесь употребляется *veroldet*, *v`menÿchvoldÿghet*. Переходная форма *old* употребляется параллельно с однократным случаем употребления непереходной формы *ald*.

Изменение качества гласного также осуществлялось при понижении *u* в *o* перед закрытым носовым. Данное явление характерно для голландского языкового пространства, а также для пограничной среднеголландско-средненижненемецкой области (Peters 1987: 65). Очень важным в рамках нашего исследования оказывается вариант представления лексемы *uns*. Вариант без понижения является характерным признаком средненижненемецкого языка любекского происхождения (Niebaum 2004: 1423). В текстах Ф. 955, Оп. 2, № 51 содержатся как примеры на *uns* (89 случаев употребления), так и примеры на *ons* (21 случай употребления). Следует отметить, что местоимение *uns* встречается не в самом тексте покаянных псалмов, а во

фрагментах, расположенных после псалмов, – например, в том месте, где перечисляются святые с просьбой «помолиться о нас: *Elige moder godes bidde vor uns* ‘Благородная мать, помолись о нас’. В целом в молитвеннике из Любека имеет место соседство лексем с переходом и без перехода  $u > o$  перед закрытым носовым, напр.: *ÿn mÿnē zūde* ‘в моих грехах’ и *in̄ reÿne tu vā mÿnē zondē* ‘очисти меня от моих грехов’. В текстах Голл. О. v I. 1 и Голл. О. v I. 4 употребляется вариант с понижением (*sonde, sonden*), что характерно для средненидерландского. В рук. Голл. О. v I. 10 последовательно используется *sunden*.

Таким образом, в результате анализа текстов покаянных псалмов из четырёх молитвенников можно сделать вывод о том, что в варианте из молитвенника 51 наблюдается параллельное использование как лексем с понижением, так и без понижения. Следует указать на то обстоятельство, что в средненидерландских молитвенниках полностью отсутствует лексема *uns*, являющаяся признаком письменного языка любекского происхождения. Возможны колебания в реализации перехода  $u > o$ : напр.: *sonden* параллельно с *sunden*.

### Консонантизм

Для нидерландского характерно озвончение дентальных спирантов. Однако, как указывает Роберт Петерс (Peters 1987: 67), варианты лексем с написанием через *s* могли соседствовать с написанием через *z*. Это может свидетельствовать о том, что уже в средненидерландский период дентальные спиранты по большей части озвончались. Следует отметить, что в более ранних рукописных источниках на средненидерландском языке возможно отсутствие написания через *z*. В молитвеннике Ф. 955, Оп. 2, № 51 обнаруживается параллельное использование как лексем, в которых переход реализовался в полной мере (*zeer, zondern, zo*), так и вариантов без перехода (*seer, sonden, so*). Интересно отметить, что в других молитвенниках лексемы *sunden, so* обнаруживают варианты написания без дентального озвончения спиранта: *sunden, so*. В отношении других случаев можно говорить о преобладании примеров с озвончением, например: *zeer*. Такое параллельное использование примеров с озвончением и без озвончения ещё раз подтверждает неустойчивый характер перехода  $s > z$ .

### Формообразование

Как замечает Роберт Петерс (Peters 1987: 67) вслед за Густавом Корленом (Korlen 1951: 76) и Йоханнесом Франком (Franck 1883: 56), для средненидерландского характерно параллельное использование как умлаутизированных, так и неумлаутизированных форм в случае с образованием множественного числа существительных и степеней сравнения прилагательных. В этом отношении покаянные псалмы конволюта Ф. 955, Оп. 2, № 51 последовательно обнаруживают неумлаутизированную форму *hande*, в отличие, например, от известного любекского молитвенника Штеффена Арндса, где на месте этих форм стоит умлаутизированная форма *hende*, характерная для Любекского варианта средненижнемецкого языка. В других молитвенниках употреблена также неумлаутизированная форма *hande*.

В случае с образованием множественного числа у глаголов тексты четырёх молитвенников не обнаруживают такого же единообразия, как при образовании множественного числа существительных. Так, в молитвеннике Ф. 955, Оп. 2, № 51 употребляется окончание *-(e)t*: *hir **begint** de seuē salmē to dude* ‘здесь начинаются семь псалмов на немецком’, в молитвеннике Голл. О v I № 1 в этом же месте используется окончание *-en*: *hie **beghinnen** die seuen psalmē d. Penitien* ‘здесь начинаются семь покаянных псалмов’. Как указывает Роберт Петерс (Peters 1987: 87), колебания в представлении окончания (*-et*, *-en*) были характерны для большинства диалектов средненижнемецкого. Так, в изъявительном наклонении настоящего времени в нижнесаксонских диалектах (примерно до линии Магдебург, Любек на востоке) это окончание было представлено вариантом *-et*, в восточнонижнемецком в изъявительном наклонении и оптативе прошедшего времени это окончание реализовывалось как *-en*. Важно отметить, что в любекской канцелярии при первоначальном сосуществовании *-en* и *-et* примерно с XIV в. преобладает окончание *-en*. В процессе распространения любекской рукописной традиции общая форма окончания для множ. ч. в виде *-en* проникает также в земли Нижней Саксонии, оставаясь в Вестфалии представленной не так полно, как в северо-немецком и в остфальском. Таким образом, реализацию окончания множественного числа глагола в виде *-(e)t* в молитвеннике Ф. 955, Оп. 2, № 51 можно охарактеризовать как вестфальскую особенность.

### Лексические особенности

К наиболее существенным лексическим особенностям анализируемых текстов всех четырех молитвенников относится вариант представления средненижненемецкого союза *unde*. В тексте молитвенной книги Ф. 955, Оп. 2, № 51 обнаруживается параллельное использование, как общесредненижненемецкого варианта *unde* с возможными вариациями в виде *un*, *und*, так и употребление среднидерландского варианта *ende* (*en*) с преобладанием общесредненижненемецкого варианта. В покаянных псалмах других молитвенников встречается исключительно среднидерландский вариант *ende*.

Все тексты покаянных псалмов используют ставшее общесредненижненемецким заимствование из верхненемецкого *vrouwe*, избегая «голландского» (Миронов 1988: 60) варианта *vrauwe*. Следует отметить, что в молитвеннике Ф. 955, Оп. 2, № 51 представлен вариант без дифтонга: *juncfrowe*.

Вместо характерной для всего средненижненемецкого ареала формы *here* в рукописях Голл. О v I № 1, Голл. О v I № 4 встречается параллельное использование среднидерландского варианта *heer*, возникшего в результате становления нидерландской вокалической оппозиции усечённости/неусечённости. В текстах Голл. О v I № 10 и Ф. 955, Оп. 2, № 51 преобладает средненижненемецкая форма *here*.

В результате анализа вокалических, консонантных, морфологических и лексических особенностей покаянных псалмов четырёх молитвенников мы можем констатировать многочисленные случаи параллельного использования среднидерландских и средненижненемецких вариантов форм в одном и том же тексте, например: *zінде* и *sonden*, *here* и *heer*. На нашем материале мы можем констатировать, что, даже в языковом окружении, имеющим ярко выраженную среднидерландскую диалектную окраску возможно употребление средненижненемецких диалектных форм. Так, в молитвеннике Голл. О v I № 1 наряду с *maeke* используется *make*. Эти обстоятельства, в очередной раз, указывает на неустойчивость нормы, демонстрируют характерное для средненижненемецкого и среднидерландского языкового континуума диалектное смешение. Высокая частотность явлений, которые подтверждают это диалектное смешение, свидетельствует о том, что тексты покаянных псалмов Голл. О v I № 1, Голл. О v I № 4, Голл. О v I № 10 и в наименьшей степени Ф. 955, Оп. 2, № 51 написаны на северо-восточных (*nordöstliche*) диалектах среднидерландского. Дан-

ный вывод можно сделать, основываясь на наблюдении Йоханнеса Франка (Franck 1883: 9), согласно которому эти диалекты обнаруживают с соседними немецкими больше сходства, чем фламандский и брабантский.

Произведённый анализ диалектных признаков позволил также выделить ряд особенностей, встречающиеся в одних текстах и полностью отсутствующие в других. Так, среди средне-нидерландских особенностей этим признаком является переход  $a > o$  перед сочетанием *ld*, *lt* с дальнейшей вокализацией *l* и возникновением на месте *a* сочетания *ou*. Данное явление обнаруживается в текстах Голл. О v I № 1, Голл. О v I № 4, Голл. О v I № 10 и полностью отсутствует в Ф. 955, Оп. 2, № 51. В отношении средненижнемецких признаков, которые обнаруживаются в последнем тексте и не представлены в других молитвенниках, следует, в первую очередь, упомянуть местоимение *uns*, которое является признаком средненижнемецкого диалекта любекского происхождения (Niebaum 2004: 1423). Союз *unde* употребляется в покаянных псалмах Ф. 955, Оп. 2, № 51 и не встречается в других молитвенниках. Эти обстоятельства указывают на правомерность диалектной характеристики текстов рук. Ф. 955, Оп. 2, № 51 как нидерландско-нижнемецкой (Hagen 1922: 48).

Следует заметить, что все эти особенности, а также выявленные диалектные различия не препятствовали тому обстоятельству, что существующий на приграничной территории диалект, вероятно, понимался жителями, проживающими по разные стороны границы. На это обстоятельство указывает тот факт, что молитвенник Ф. 955, Оп. 2, № 51 представляет собой конволют, состоящий из блоков с различной диалектной характеристикой (Власова 2013: 174), который был выполнен для одного заказчика, так или иначе понимающего все тексты этой молитвенной книги независимо от их диалектных различий. И независимо от этих различий переписчик псалмов озаглавил их как *de seuē salmē to dude* 'семь покаянных псалмов, написанных на немецком'.

В заключение приведём сводную таблицу, в которой отражена реализация проанализированных нами явлений на материале четырёх молитвенников:

Признак	Ф.955, № 51, Оп. 2	Голл. О v I №1	Голл. Оv I №4	Гол. О v I №10
Долгие гласные, реализация вокалической оппозиции усечённости/неусечённости	<i>nýt/nyt/niet</i> <i>make</i> <i>god/goed</i>	<i>niet</i> <i>maeke/make</i> <i>goed</i>	<i>niet/nit</i> <i>maeke</i> <i>god</i>	<i>niet</i> <i>make</i> <i>god</i>
Умлаут от краткого <i>a</i>	<i>v`stantrýsse</i> <i>ontfarmhertich</i> <i>eit</i>	<i>verstandenisse</i> <i>barmherticheit</i>	<i>verstandenisse</i> <i>barmherticheit</i>	<i>verstandenisse</i> <i>barmherticheit</i>
Переход <i>a &gt; o</i> перед сочетанием <i>ld, lt</i> с дальнейшей вокализацией <i>l</i> и возникновением на месте <i>a</i> сочетания <i>ou</i>	<i>veroldet,</i> <i>v`menÿchvol-</i> <i>dÿghet</i> при наличии форм <i>ald/old</i>	<i>ghemenichuou-</i> <i>dighet, veroudet</i> при наличии форм переходной формы <i>ald</i>	<i>ghemenichuou-</i> <i>dighet,</i> <i>veroudet</i> при наличии форм переходной формы <i>ald</i>	<i>ghemenichuoudi</i> <i>ghet, veroudet</i> при наличии форм переходной формы <i>ald</i>
Переход <i>u &gt; o</i> перед закрытым носовым	<i>ons / uns</i> <i>ziunde, zude,</i> <i>sonden</i>	<i>ons</i> <i>sonden</i>	<i>ons</i> <i>sonden</i>	<i>ons</i> <i>sunden</i>
Озвончение дентальных спирантов	<i>zeer, zonden,</i> <i>zol/ seer,</i> <i>sonden, so</i>	<i>zeer, sonden, so</i>	<i>zeer, sonden,</i> <i>so</i>	<i>zeer, sonden, so</i>
Образование мн.ч. у глаголов	<i>begint</i>	<i>beghinnen</i>	<i>beghinnen</i>	<i>листы</i> <i>утрачены</i>
Образование мн. ч. у существительных	<i>hande</i>	<i>hande</i>	<i>hande</i>	<i>hande</i>
Лексические особенности	<i>ende / uñ, und</i> <i>juncfrowe</i> <i>here</i>	<i>ende (en)</i> <i>ioncfrouwe</i> <i>heere/here</i>	<i>ende (en)</i> <i>ioncfrouwe</i> <i>heere/here</i>	<i>ende (en)</i> <i>ioncfrouwe</i> <i>here</i>

## Литература

### Словари

- MHW – Mittelniederdeutsches Handwörterbuch / Begr. von A. Lasch u. C. Borchling, fortgef. v. G. Cordes u. A. Hübner. Hrsg. von D. Möhn. Bd. 1–2, 3 (1. Lieferung). Neumünster, 1956–2004.
- Schiller K., Lübben A. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bd. 1–6. Bremen, 1875–1881.

### Исследования

- Бондарко 2011 – Бондарко Н. А. Взаимодействие устной и письменной традиций в немецких медитативных молитвах XIII–XIV веков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VII. Ч. 1. СПб., 2011. С. 573–614.



- Власова 2013 – Власова Е. А. Диалектные особенности средненижне-немецкого языка в молитвеннике XV в. из Любека (РНБ, Ф. 955 оп. 2, № 51) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVII*, СПб., 2011. С. 160–175.
- Жирмунский 1956 – Жирмунский В. М. *Немецкая диалектология*. Л., 1956.
- Миронов 1986 – Миронов С. А. *История нидерландского литературного языка (IX–XVI вв.)*. М., 1986.
- Плоткин 2000 – Плоткин В. Я. Становление новонидерландской системы фонем // Миронов С. А., Зеленецкий А. Л., Парамонова Н. Г., Плоткин В. Я. *Историческая грамматика нидерландского языка, Книга 1. Фонология, морфология*. М., 2000. С. 16–28.
- Сквайрс 1997 – Сквайрс Е. Р. *Ареальная база истории нижненемецкого языка Ганзы*. М., 1997.
- Bondarko, Logutova, Lyakhovitskiy 2012 – Bondarko N., Logutova M., Lyakhovitskiy E. *Mittelniederdeutsche geistliche Prosa in Bondarko N., Logutova M. und Lyakhovitskiy E., Mittelniederdeutsche geistliche Prosa in Handschriften der Russischen Nationalbibliothek St. Petersburg // Manuscripta germanica. Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas, hg. von Astrid Breith u.a. (ZfdA. Beiheft 15), Stuttgart 2012. S.123–157.*
- Franck 1883 – Franck I. *Mittelniederländische Grammatik.*, Leipzig: T. O. Weigel, 1883.
- Hagen 1922 – *Die deutschen theologischen Handschriften der Lübeckischen Stadtbibliothek, Lübeck 1922, S. 16f. (Veröffentlichungen der Stadtbibliothek der freien und Hansestadt Lübeck 1, 2).*
- Korlen 1945 – Korlen G. *Die mittelniederdeutschen Texte des 13. Jahrhunderts*. Lund, 1945.
- Lasch 1976 – Lasch A. *Mittelniederdeutsche Grammatik. 2., unveränd. Aufl.* Tübingen, 1976 (Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte: A, Hauptreihe 9).
- Niebaum 2004 – Niebaum H. *Phonetik und Phonologie, Graphetik und Graphematik des Mittelniederdeutschen // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2. vollst. neu bearb. u. erw. Aufl. / hg. v. W. Besch u. a. Teilbd. 4.* Berlin; New York, 2004. S. 1431–1435 (HSK 2.4, 2. Aufl.).
- Peters 1987 – Peters R. *Katalog sprachlicher Merkmale zur variablen-linguistischen Erforschung des Mittelniederdeutschen Teil 1. Niederdeutsches Wort 27 (1987).*
- Peters 1988 – Peters R. *Katalog sprachlicher Merkmale zur variablen-linguistischen Erforschung des Mittelniederdeutschen Teil 2. Niederdeutsches Wort 28 (1988).*
- Peters 1990 – Peters R. *Katalog sprachlicher Merkmale zur variablen-linguistischen Erforschung des Mittelniederdeutschen Teil 3. Niederdeutsches Wort 30 (1990).*
- Schönfeld 1970 – M. Schönfeld, *Historische grammatica van het Nederlands*. Ed. A. van Loey. Zutphen, 1970 (achtste druk).

**E. A. Vlasova. Dialect features of the Middle Low German and Middle Dutch vocalism in 15th-16th century prayer books**

The article analyzes penitential psalms from four prayer books of the 15th-16th centuries in order to demonstrate the dialect mixture, that took place on the border between the Netherlands and North Germany in the Late Middle Ages. A detailed study of different dialect features provides each text with a dialectal description and defines presence of Middle Dutch and Middle Low German dialect mixture.

*Keywords:* manuscript, prayer books, diachronic dialectology, Germany, the Netherlands, Middle Low German, North-Eastern Middle Dutch dialects, vocalism.

Н. С. Братчикова

## СТАНОВЛЕНИЕ ФИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ РЕФОРМАЦИИ

Перемещение в Турку епархиального центра и необходимость формирования корпуса текстов на национальном языке в связи с христианизацией Финляндии являются факторами, которые побудили церковных деятелей к формированию литературного языка. Языковая ситуация в стране характеризовалась полиязычностью: духовенство и интеллигенция владели шведским и немецким языком, некоторые знали финский. Большинство населения говорило по-фински. В XIII–XV веках финский язык обладал более низким статусом, чем шведский. Латинский язык сохранял определенные позиции в церковной жизни.

Формирование финского литературного языка стала заслугой великого реформатора Агриколы, хотя в его языке еще наблюдались непоследовательность в орфографии, калькированные формы из латыни.

В период Реформации на рубеже XVI–XVII веков стала создаваться первая грамматика финского языка.

*Ключевые слова:* формирование финского литературного языка, Реформация, христианизация Финляндии, лютеранство, Микаэль Агрикола.

Первые книги на финском языке появились сравнительно поздно, в середине XVI века, что было связано с реформой финляндской церкви и переходом от католичества к лютеранству.

На протяжении всего рассматриваемого периода церковь на территории Финляндии выступала наиболее организованной общественной силой. Финляндский епископат был автономен от светской власти, в известной мере и от Рима. Роль церкви была сильна и постоянно возрастала в связи с географической удаленностью страны, отсутствием непосредственной королевской власти, редкой заселенностью в стране и значительными внутренними расстояниями, которые естественным образом осложняли управление территориями.

В середине XIII века сформировалась епархия с центром в городе Або (ныне Турку). Первым достоверно известным епископом с титулом «епископ Финляндии» был доминиканский монах английского происхождения **Туомас**. Рим поощрял прибытие в Скандинавию английских миссионеров, так как не желал видеть там немцев, однако во время епископства домини-

канского монаха укрепились и приобрели устойчивый характер связи Финляндии с немецким религиозным и культурным миром. Туомас был яростным противником язычества. Он с неоправданной жестокостью приступил к христианизации племени хяме, обитавшего к востоку от собственно Финляндии и Сатакунта<sup>1</sup>.

В 1291 г. впервые епископом был избран представитель местного знатного рода Таваст, финн по происхождению **Мауну I**. В этот период (1300 г.) был освящен собор в Турку, куда была окончательно перенесена епископская кафедра. Для нашего исследования важны два факта: перенос епархиального центра в Турку и формирование в связи с христианизацией Финляндии корпуса текстов (требников) на родном языке прихожан. Считается, что Мауну I написал литургию святого Хенрика (Генриха)<sup>2</sup>.

При соборе открывается кафедральное училище для подготовки священников, Турку постепенно становится крупнейшим центром церковного образования в Финляндии, а школьное образование – прерогативой «профессиональной интеллигенции» средневековья – духовенства. Епископ **Хемминг** (1338–1366) стремился к тому, чтобы духовенство пополнялось за счет уроженцев Финляндии, т. к. до этого подавляющее число лиц духовного звания происходили из Швеции, как Хемминг, либо из Германии. Для этого выходцы из Суоми направлялись на учебу в континентальную Европу, прежде всего в Парижский университет. Хемминг неустанно заботился о процветании местной кафедральной школы. В 1354 году он подарил библиотеке собора ценные книжные фолианты, представлявшие собой главным образом европейскую теологическую и юридическую литературу. Финляндия постепенно приобщалась к культурным достижениям и ценностям западных государств.

---

<sup>1</sup> Следствием этого стало восстание хяме, поддержанное новгородцами и карелами. Восстание было подавлено в ходе Второго крестового похода (1237–1238 гг.). Под идейным руководством Туомаса шведы выступают с походом против Новгорода, что закончилось их поражением в Невской битве 1240 г. В 1259 г в источниках вместо титула «епископ Финляндии» впервые зафиксировано наименование «епископ Або (Турку)» – *episcopus Aboensis*, которым с тех пор стали обозначать первоиерарха финской церкви (Макаров 2007: 12).

<sup>2</sup> Финский священник Генрих распространял христианство среди финских племён и был убит крестьянином Лалли в 1156 году. Мощи епископа Хенрика были перенесены в Турку в 1286–87 гг. Финляндия обрела своего первого и единственного святого покровителя.

К рангу так называемых «великих епископов» относится **Мауну II Таваст**, происходивший из рода Таваст. Он был самым известным католическим епископом в Финляндии (служил в 1412–1450 гг.), ревностно оберегал интересы церкви и способствовал ее автаркии. Епископ горячо поддерживал биргитский монастырь в Наантали. Магнус II стал назначать на высшие церковные должности уроженцев Финляндии. Это решение было целесообразным, так как отныне церковь от низового звена до высшего представляла местные интересы.

В истории финской церкви неоднозначную роль имела деятельность епископа **Конрада Битса** (1460–1489). Мы не будем описывать те церковные нарушения и тяжкие налоговые поборы, в которых он был обвинен; впоследствии церковь отпустила ему эти грехи. В культуру Финляндии и в развитие финского книгоиздания он внес неоценимый вклад: по его настоянию для епархии Турку был издан требник «*Missale Aboense*» (1488 г.), ныне считающийся первой финской книгой. Сборник включал мессы ордена доминиканцев, специально подготовленные туркуские молитвенные тексты, календарь местных святых, составленный в расчете именно на финскую церковь, и предисловие, написанное Конрадом. Кроме того, требник, изданный *in folio* и насчитывавший 550 страниц, включал также тексты для чтения, молитвы на каждый день, богослужебные песнопения. Впоследствии на эту книгу опирался Микаэль Агрикола при составлении первых лютеранских книг на финском языке.

Большое значение в истории финляндской церкви и культуры страны имела деятельность **Мауну III Сяркилахти (Магнус Николай)** (1489–1500). В 1492 г. Мауну III официально утвердил практику чтения в церквях молитв «Отче наш», «*Ave Maria*» и «Верую» по-фински и предписал священникам произносить за богослужением по-фински общее исповедание грехов. Священники имели при себе унифицированные тексты молитв и единообразную схему исповеди для их повсеместного одинакового прочтения и облегчения запоминания прихожанами. Доминиканские и францисканские проповедники общались с местным населением на родном для прихожан языке: в Финляндии епископы были заинтересованы в использовании народного языка (см.: Suomen kirjallisuushistoria 1999:12).

Мауну III занимался факсимилированием книг в первую очередь для практических нужд. Однако в дальнейшем эта работа сыграла огромное значение для развития письменной культуры и становления историографии в Финляндии. Некоторые

историки даже называют Мауну III «праотцом истории Финляндии» (Jaakkola 1931: 135–146). Самой известной является его рукопись «Кодекс Сяркилахти» (Codex Särkilahti).

Для нашего исследования представляет несомненный интерес деятельность епископа **Мартти Шютте** (Martinus Johannis) (1528–1550), который строго придерживался католических традиций. Лишь после его ухода, когда на его место заступил Микаэль Агрикола, в Финляндии начался период Реформации. Объективные предпосылки для Реформации были сформированы в том числе в период службы епископа Шютти. Дело в том, что Мартти Шютте был большим поборником образования. Финляндская церковь в его лице финансировала молодых людей, направляемых на учебу за рубеж, что позволило им ознакомиться с новыми религиозными преобразованиями в Европе и приобщиться к идеям Лютера.

Начальное образование (trivium) можно было получить в городских школах Выборга, Раумы и Порвоо. При монастырях также существовали начальные школы. В туркуском кафедральном училище были представлены обе ступени – trivium и quadrivium. Именно здесь готовились священники для епархии Турку. Претенденты на высокие церковные должности должны были получить образование в европейских университетах. Подсчитано, что за двухсотлетний период (с начала XIV века по начало XVI века) около 140 выходцев из Финляндии стали магистрами различных европейских университетов (Макаров 2007: 20–21).

В первое время финские студенты выбирали для продолжения образования Парижский университет. Его закончили 40 человек. Во второй половине XV века студенческий поток направился в Германию, сначала в университет Росток. Выходцы из Финляндии обучались также в Грейфсвальде, Эрфурте, Кельне, Лейпциге. География университетов свидетельствует о том, что основные культурные и религиозные влияния шли в Финляндию, главным образом, через Германию. Финское духовенство исподволь готовилось к восприятию идей Лютера и реализации его церковных преобразований в недалёком будущем.

Магистры привозили с собой из зарубежных учебных поездок собрания церковных и юридических книг на латинском языке. Именно с этих книг началась книжная культура в Финляндии. В библиотеках того времени стал постепенно формироваться фонд богословских книг, включавший в том числе корпус текстов, сочинённых непосредственно финскими авторами,

например, литургия Хенрика, о которой мы говорили выше. В отношении последней небезынтересно знать, что в художественном плане данное произведение считается высшим достижением латиноязычной литературы в Финляндии. Легенда об упсальском епископе Хенрике имеет свой фольклорный вариант на финском языке. Она представлена в виде исторической песни и имеет столь же древнее происхождение, что и церковная легенда, но она возникла и развивалась самостоятельно.

Общую языковую ситуацию в стране можно рассмотреть с двух позиций: язык духовенства и язык прихожан. Для обеих групп характерно языковое многообразие.

Священники свободно владели не только шведским, но и финским языком, последний являлся для некоторых родным. Заметим, что в XIII–XV веках финский язык обладал более низким статусом, чем шведский. На нём не было создано ни одного письменного текста. Церковные служители знали и немецкий язык.

Большинство населения страны говорило по-фински. Это были крестьяне, населявшие прежде всего внутренние области страны и частично прибрежные районы. На шведском языке говорило население, обитавшее на Аландских островах, островах архипелага Турку и на значительной части побережья Ботнического и Финского заливов. Доля шведоязычного населения в описываемый период достигала 1/5 всех жителей страны. Немногочисленное население городов было многоязычным, поскольку все шесть финских городов этой эпохи (Турку, Выборг, Порвоо, Наантали, Раума и Улвила) располагались на морском побережье и были в той или иной мере вовлечены в систему международной торговли. К началу Реформации говорящие по-фински и по-шведски были представлены в городах примерно в равной пропорции; кроме того, определенную часть населения, особенно в Выборге, составляли немцы, влияние которых в XIV–XV веках было довольно значительным, хотя со временем оно значительно ослабло (см.: Heininen).

По мере укрепления централизованной власти шведских монархов происходило постоянное укрепление в Финляндии позиций шведского языка, который превратился в язык администрации, торгово-промышленной деятельности и светской культуры. Однако, как отмечают историки, в том числе И. В. Макаров: «все жители Финляндии, независимо от их родного языка, обладали общей региональной идентичностью и каких-либо противоречий на языковой почве между ними не

наблюдалось» (Макаров 2007: 86). М. Клинге однозначно указывает на весьма спокойную языковую ситуацию, сложившуюся в стране: «в Финляндии шведский язык никогда не был языком завоевателей и инструментом иноземного правления: скорее, он выступал посредником, через который финны прибавлялись к западной цивилизации, к политическим и литературным традициям, к промышленному и торговому прогрессу Западного мира» (Klinge 1993: 172–173).

Языковая ситуация в городе и сельской местности была неоднородной: в финских городах рассматриваемого периода обычным было двуязычие (а то и свободное владение тремя языками некоторыми слоями населения, например, духовенством, дворянами), в то время как в сельской местности крестьяне, за исключением пограничных районов со Швецией, владели только финским языком. Это делало актуальной проблему перевода Священного Писания и богослужебных текстов на финский язык. Поскольку в рассматриваемый период единого финского языка не существовало, его пришлось формировать, опираясь на местные диалекты. Возникший язык стал в истории языка именоваться «старофинским литературным языком» (*vanha kirjasuomi*). Он являлся языком богослужения, церковной проповеди и душеполезного чтения (Макаров 2007: 87). Кроме того, к нему обращались при трактовании населению законодательных актов, нормативных документов, оформлении исков. В дальнейшем это способствовало формированию финского юридического языка. Напомним, что все законодательные документы оформлялись на шведском языке, так что в сфере юриспруденции финский язык не употреблялся.

Латинский язык сохранял определенные позиции в церковной жизни. В течение многих десятилетий после начала Реформации в Финляндии некоторые части богослужения по-прежнему звучали на этом языке. Латынь использовалась в качестве языка церковной администрации: на ней делались записи капитула, окружные послания епископа к духовенству. Она сохраняла статус языка школьного преподавания. Служитель лютеранской церкви был обязан знать латинский язык.

Книжная продукция в Финляндии была представлена церковными и юридическими переводными текстами. Одним из самых известных в Финляндии католических авторов был **Йенс Будде** (1437–1491). Первые упоминания о нем датируются 1461 годом. Он нес монашеское служение в монастыре Наантали и переводил на шведский язык латинские религиозные трактаты и



жития святых. Будде принято считать первым писателем Финляндии, однако в действительности большую часть его работ составляют переводы. Будде опубликовал около двадцати книг, самой известной из которых была «Книга Йенса Будде» (Jöns Buddes bok) (Suomen kirjallisuushistoria 1999: 26–29). Своими литературными трудами он пытался воздействовать на финское общество. Авторитет святых помогал писателю придать текстам дополнительное, нравоучительное, значение.

Будде перевел некоторые главы Ветхого завета на шведский язык. Труд не был опубликован, но для нас важен тот факт, что в епархии занимались переводом Священного писания. По мере переводов библейских текстов на шведский язык родилась и крепла идея перевода Библии на язык основной части населения, то есть на финский.

Переводом Библии занимался ряд священников. Главную роль в этом сыграл **Пиетари Сяркилахти** (Petrus Särkilahti)<sup>3</sup>, направляя финских священников на обучение в центр лютеранского мира – Виттенберг<sup>4</sup>. Среди слушателей магистратуры в Виттенберге были практически все его ученики. Пиетари Сяркилахти стал провозвестником Реформации в Финляндии.

Из книжной продукции рассматриваемого периода заслуживает упоминания требник *Manuale Aboense* (1522 г.), предназначенный для епархии Турку, а также сборник латинских песнопений *Piae cantiones* «Благочестивые песнопения».

Период правления шведского короля Густава Васы хронологически совпадает с начальным периодом Реформации в Финляндии (1520–1550) и епископством **Микаэля Агриколы** (1510–1557), который с большим энтузиазмом приступил к реформированию финляндской церкви. Эти преобразования предполагали создание вероучительных и богослужебных книг на финском языке. Учение Лютера подразумевало, что христианин должен сам уметь читать Библию. Это определяло новые задачи для духовенства: обучение грамотности населения и перевод текстов на родной язык паствы. Как пишет Х. Менандер в монографии «История Финляндии», «до реформации в Финляндии никому в голову не приходило издавать на финском

---

<sup>3</sup> В своё время Пиетари Сяркилахти слушал лекции Эразма Роттердамского и под влиянием этих лекций, видимо, и способствовал организации семинарских занятий по Священному Писанию на основе латинского издания Нового завета Эразма и шведского перевода 1526 года.

<sup>4</sup> Всего за период с 1532-го по 1554-й год в Виттенберге получили образование двенадцать уроженцев Финляндии (Kallinen 1998).

языке книги» (Менандер 2008: 25). Постепенно закладывались основы для перевода. Заслугой Агриколы является формирование финского литературного языка, за что впоследствии он будет назван «отцом финского литературного языка».

Литературная деятельность Агриколы наиболее значима в период 1540-х годов. Он пишет книгу – *ABCkiria* «Азбуку». «Азбука» была религиозной книгой, поэтому она не содержала подробного описания грамматики финского языка<sup>5</sup>. В ней давались краткие указания о произношении принятых буквенных обозначений. В отношении орфографии Агрикола оставался во власти известных ему языков – латинского, шведского и немецкого. Кроме того, составитель «Азбуки» писал на западном диалекте финского языка, который был близок и понятен ему от рождения. Можно утверждать, что в языке Агриколы отразились диалектные особенности западных районов Финляндии.

Описывая язык Агриколы, отметим его непоследовательность в орфографии. По-разному на письме оформлялись гласные звуки. Например, звук [a] оформлялся двояко, как удвоенной буквой *iaanonsa (janonsa)*, так и одинарной *andacan (antakaan)*; звук [e] имел тройное обозначение: одинарной буквой *e – ellei (ellei)* ‘если не’, удвоенной *ee – eet (et)* ‘ты не’, *nee (ne)* или буквой *ä – käsekw (kesäkuu)* ‘июнь’, *änembi (enempi)* ‘больше’; звук [i] мог иметь четыре варианта оформления: одинарной буквой *i – iloxi (iloksi)* ‘к радости’, *kiui (kivi)* ‘камень’, буквой *j – uxj (yksi)* ‘один’, *jstupi (istupi)* ‘сидел’, сочетанием *ij – welij (veli)* ‘брат’, *ijkenes (ikänäns)* ‘возрастом’ или буквой *y – metelyt (metelit)* ‘шум, возня’. Звук [u] в середине слова обозначался трояко: буквой *u – cusa (kuka)* ‘кто’, *minua (minua)* ‘меня’ или *v – tvle (tule)* ‘приди’, *cvnnia (kunnia)* ‘честь’, удвоенным сочетанием *uu – asuumaxi (asumaksi)* ‘для того чтобы жить’, буквой *w – twrulla (turulla)* ‘у Турку’ или *o – connioitan (kunnioitan)* ‘я уважаю’. Гласный звук [o] обозначался как *o* или как *å: iouckohon (joukkohon)* ‘в группу’, *oloo (olkoo)* ‘пусть будет’, *Hånga (honka)* ‘сосна’, *nåuse (nouse)* ‘поднимись’.

<sup>5</sup> Причина, почему именно подобная книга была издана по-фински, кроется в том, что за несколько столетий, прошедших после крещения страны, христианство не успело укорениться в народе, который сохранял языческие представления. Агрикола неодобрительно оценивал нравы и обычаи, царившие тогда в стране. Он помещает в предисловии к переводу Псалтири список языческих божеств. В конце списка стоит восклицание: «Не глупый ли это народ, верующий в них и поклоняющийся им! Дьявол и грех довели их до такой веры» (цит. по: Карху 1979: 62).

Дифтонг *uo*, как правило, обозначался удвоением буквы *oo* или одинарной *o*, иногда как *å*: *hoonesä* (*huoneessa*) ‘в комнате’, *Noricaiset* (*nuorikaiset* [*nuorukaiset*]) ‘молодые люди’, *worihin* (*vuorihin* [*vuoriin*]) ‘в горы’, *wårelle* (*vuorelle*) ‘в гору’. Аналогичным образом обозначался дифтонг *üö*: *öön* (*yön*) ‘ночи’, *löönyt* (*lyönyt*) ‘ударивший’, *söö* (*syö*) ‘ешь’, *mös* (*myös*) ‘также’. Однако встречаются следующие обозначения: *öelle* (*yölle*) ‘ночи’, *töedt* (*työt*) ‘работы’. Дифтонг *ie* обозначался как *ie*, *ije*, *e* или *ee*: *riende* (*rientää*) ‘броситься’, *sijelun* (*sielun*) ‘души’, *tijen* (*tien*) ‘дороги’, *renteleuet* (*rientelevät*) ‘бросаются’.

Непоследовательность была характерна в оформлении согласных звуков. Например, перед переднеязычными гласными звуками [к] оформлялся буквой *k*: *lukea* (*lukea*) ‘читать’, *kesküt* (*käsküt*) ‘повеления’; перед заднеязычными звуками *e*, *ä*, *ö* как сочетание *ki*: *kieula* (*keula*) ‘нос’, *kiäri* (*kääri*) ‘оберни’, *kiöuhet* (*köyhät*) ‘бедные’. Перед заднеязычными звук [к] мог обозначаться как *c*: *caunis* (*kaunis*) ‘красивый’, *iotca* (*jotka*) ‘которые’, *coska* (*koska*) ‘потому что’; в некоторых словах перед гласной *u* звук [к] обозначался как *q*: *quina* (*kuinka*) ‘как’, *quin* (*kuin*) ‘словно, как’. Соблюдая традицию шведской орфографии, Агрикола последовательно одинаково оформлял звук [к] в словах *kuningas* ‘король’ и *kunta* ‘община’ всегда через букву *k*. После назальных и сонорных звуков звук [к] отмечался буквой *g*: *hengi* (*henki*) ‘дух’, *julgi* (*julki*) ‘вне, наружу’, *surgia* (*surkia*) ‘жалкий’. Реже звук [к] оформлялся сочетанием *gh*, *ck* и *ch*: *synghie* (*synkiä*) ‘мрачный’, *ahckera* (*ahkera*) ‘старательный’, *mieckat* (*miekat*) ‘мечи’, *perchele* (*perkele*) ‘черт’. Гемината *kk* чаще всего прописывалась как сочетание *ck*; однако после назальных и плавных звуков как *k*; реже всего встречались обозначения удвоенного звука *kk* как *c* или *cc*: *liecki* (*liekki*) ‘пламя’, *lammickoon* (*lammikoon*) ‘в пруд’; *ankurit* (*ankkurit*) ‘якори’, *silki* (*silkki*) ‘шелк’; *wasica* (*vasikka*) ‘теленки’, *miecca* (*miekka*) ‘меч’. Для обозначения сочетания *ks* всегда использовалась буква *x*: *mixeí* (*miksei*) ‘почему не’, *söxemen* (*syöksemän*) ‘броситься, кинуться’.

Звук [т] обозначался чаще всего как *t*, однако с такой же частотностью в середине слова после назальных и плавных звуков использовалась буква *d*, которая встречалась и в конце слова: *tutkipi* (*tutkipi*) ‘изучал’, *hitaat* (*hitaat*) ‘медленные’, *anda* (*antaa*) ‘давать’, *sieldä* (*sieltä*) ‘оттуда’, *waldakunda* (*valtakunta*) ‘государство’, *itdken* (*itken*) ‘я рыдаю’, *puuttunud* (*puuttunut*) ‘отсутствовавший’. В текстах для обозначения звука *t* изредка

встречалось написание *th* в середине слова между гласными и в конце слова, а также зафиксированы случаи обозначения звука [t] как сочетания *tt*, *dh* и *dt* в конце слова: *näeth* (*näet*) ‘видишь’, *vskonett* (*uskoneet*) ‘верившие’, *tednydh* (*tehnyt*) ‘сделавший’, *nimedt* (*nimet*) ‘имена’.

Звонкий дентальный спирант [ð] оформлялся как сочетание *dh*. В текстах Агриколы встречаются следующие словоформы: *sydhemem* (произносилось: *syðämen*) ‘сердца’, *wirdhan* (произносилось: *virðan*) ‘течения’, *pudhas* (*puhðas*) ‘чистый’, *senteden* (*sentähðen*) ‘поэтому’, *vääryuðen* ‘несправедливости’ (Agricola 2007: 68–70).

В XVI в. в шведском языке звук [ð] перешел в звук [d], сочетание *dh* стало оформляться только как *d*. В старом финском литературном языке сочетание *dh* вышло из употребления на письме в XVII веке. Например, в библейских текстах 1642 года использовались только формы с буквой *d*, как *säädyissäni* (произносилось: *sääðyissäni*) ‘в моих сословиях’, *kedon* (произносилось: *кедон*) ‘поля’, *tehdyt* (*tehðyt*) ‘сделанные’. Как видно, на письме уже последовательно используется только буква *d*<sup>6</sup>.

Звук [h] передавался как *h*, *ch*, *c*, *ck*, *ff* (Agricola 2007: 72). Например: *pyhe* (*pyhä*) ‘святой’; *echo* (*ehtoo*) ‘вечер’; *tecty* (*tehty*) ‘сделанный’; *tapactu* (*tapahtuu*) ‘происходит’; *tecktämän* (*tehtämän*) ‘будет сделан’; *lyffty* (*lyhty*) ‘фонарь’; *wffri* (*uhri*) ‘жертва’. Часто звук [h] не обозначался: *Minä panen minun Sanani sinun suuhun* ‘Я вкладываю свое слово в твои уста’), *Maan* (*maahan*) *saacka* (совр. финский: *Maahan saakka* ‘до земли’), *teden tai tädhen* (совр. финский: *tähden* ‘из-за’), *madollinen* (совр. финский: *mahdollinen* ‘возможный’).

Из согласных звук [m] мог обозначаться двояко: в большинстве случаев через *m*, либо как *n* перед согласным *p*, либо чертой над предшествующей ему гласной: *me* (*ne*) ‘мы’; *enämbi* (*enämpi*) ‘больше’; *molenpita* (*molempits*) ‘оба’; *cūpanillēs* (*kumppanillens*) ‘у обоих’.

<sup>6</sup> Напомним, что именно обозначение звука ð вызвало широкую дискуссию среди финских языковедов XIX века, известную в истории финского языка как борьба диалектов. Дискуссия была вызвана тем, что к тому времени этот звук был финнам неизвестен. В некоторых диалектах он просто выпал, в других был заменен звуком *l* (в диалекте хяме), *r* (в западных диалектах). На пограничных со Швецией территориях он стал обозначаться буквой *d*. Звук ð сохранился только в провинции Сатакунта (до начала XX века). В конечном итоге в письменной речи стали использовать букву *d* на шведский манер.

Звуки [n] и [ŋ] обозначались одинаково через согласный *n* или чертой над предшествующей ему гласной: *paimenē* (*paimen*) ‘пастух’; *Jumalā* (*jumalan*) ‘бог’; *waldakūda* (*waltatakunta*) ‘государство’; *hengi* (*heŋki*) ‘дух’; *wahingo* (*vahiŋko*) ‘вред’; *caurūgijns* (*cauruŋkiins*) ‘в города’; *kenēga* (*keneŋkä*) ‘чей’; звуковое сочетание [ŋŋ] обозначалось на письме сочетанием *ng*: *hengen* ‘духа’; *wahingon* ‘ущерба’ (Agricola 2007: 71).

Глухой дентальный звук [ʒ], который развился из существовавшего в праязыке сочетания *ts*, произносился как удвоенный [ʒʒ]. В текстах Агриколы он обозначался как *tz*, например: *katzoi* (произносилось как *kaʒʒoi*) ‘*katsoi*’ ‘посмотрел’, *itze* (*iʒʒe*) ‘сам’, *metze* (*meʒʒä*) ‘лес’ (Lehikoinen, Kiuru 1998: 77; Kuusinen 1978: 20).

В заимствованных словах звуки [b], [d], [g], [f] Агрикола использовал без изменений: *Omega* ‘омега’, *Dauid* ‘Давид’, *Biblia* ‘Библия’, *fangittu* ‘заключенный’, *Frouwa* ‘госпожа’. Бывали случаи, когда звонкие [b], [d], [g] оглушались, что фиксировалось на письме: *dicteranut* и *tichterauat* ‘указанный’, *drengi* и *trenki* ‘батрак’, *Basunell* и *Pasunan*.

Не отразилась в орфографии текстов Агриколы долгота гласных, играющая в финском языке смысловоразличительное значение.

В области морфологии Агрикола ввел в оборот:

1. личные местоимения *me* ‘мы’, *te* ‘вы’, *he* ‘они’ вместо *mö*, *tö*, *hö*;
2. форму так называемого 2-го генитива множественного числа, который утвердился в старом финском литературном языке, например, *ialcain* ‘ног’, *pahain* ‘плохих’, *wäärain* ‘неправильных’ (в современных восточных и юго-восточных диалектных формах *jalkojen* – *jalkoin*, *väärien* – *vääriin*);
3. дифтонг *-ei-* в некоторых формах множественного числа имен и имперфектных формах глагола, например, *synneistä* ‘из грехов’, *papeixi* ‘*papeiksi*’ ‘в священники’, *kärsei* ‘*kärsi*’ ‘страдал’, *etzei* ‘*etsi*’ ‘искал’;
4. тип глагольных форм *achkeroitze*, *satuloitzit*, *atrioitzit* (в восточных диалектах *ahkeroipi* ‘старался’: совр. фин. *ahkeroida* ‘стараться’, *satuloit* ‘оседлал’: совр. фин. *satuloida* ‘седлать’).

Описывая синтаксические конструкции, употребляемые М. Агриколой, необходимо принимать во внимание, что все им созданные тексты писались на западном диалекте<sup>7</sup>.

<sup>7</sup> Выбор юго-западного и западного диалектов в качестве основы письменного финского языка определялся тем, что на юго-западе

Причастные конструкции, которые встречаются в текстах Агриколы, отличаются от современных. В них так называемая субъектная часть и часто само причастие оформлены в номинативе, в то время как в современном языке они выступают в генитивной форме, например: *Sillä sijnä cwllan Rooscat winisepä, Ja ne Pöret kitiseuen, Orhijt hirnuwat ia Rattat wieryet; ia hen näky wihainen oleua* (совр. фин. ... *ruoskien vinisevän...*, ...*pyörien kitisevän...*) ‘тогда, когда плети свистели и колеса скрипели, кони ржали, колеса крутились’. Многие исследователи относят это явление в современном языке к более архаичным проявлениям (Д. В. Бубрих). Формы, употребленные М. Агриколой, относятся к более поздним конструкциям, характерным для юго-западных диалектов.

Архаичной чертой в языке Агриколы является использование партитивных форм личных местоимений в функции дополнения, в то время как в современном языке, они выступают в форме аккузатива, например: *Tocat hende tenne = tuokaat häntä tänne* (*tuokaa hänet tänne*) ‘приведите его сюда’, *ioca meite... yleisnieli = joka meitä ylösnieli* (*joka meidät nielaisi*) ‘который проглотил бы нас’.

В большинстве случаев расхождения между современным языком и языком М. Агриколы вызваны тем, что в основу современного языка положены другие диалекты. Тотальный объект, например у Агриколы, выражается так же, как и в западных диалектах – аккузативом: *heiden piti saaman lohdutoxen*. В современном языке используется форма, аналогичная употребляемым в восточных диалектах – номинатив: *lohdutus* ‘утешение’. Сказуемое обозначалось формой множественного числа, если подлежащее выражалось собирательным существительным, например: *Ja canssa hemmestiut ia sanoit* (*ja kansa hämmästyivät ja sanoivat*) ‘народ удивился и сказал’. Такие формы встречаются в современных диалектах.

В синтаксических конструкциях языка Агриколы чувствуется сильное влияние других европейских языков (немецкого, латыни), в частности, аблативная форма агенса выступает с глаголами в пассивном залоге: *Coska hen nyt Phariseusilda*

---

проживала значительная часть оседлого населения Финляндии. Агрикола ссылался на то, что западные финны, жители «собственно Суоми», раньше других приняли христианство. Город Турку должен стать центром епархии и всей страны. Западная Финляндия, по словам Агриколы, была «матерью» всех других провинций и её наречию следует отдать предпочтение.

*kysyttiin (kun fariseukset kysyivät häneltä)* ‘когда фарисеи спросили его’. Данная конструкция аналогична русской ‘он был спрошен фарисеями’. Агнес мог также выступать в форме элатива: *Neiste colmista Witsauxista tapattin colmas osa inhimisiste (nämä kolme vitsausta tappoivat kolmannen osan ihmistä)* ‘эти три бедствия погубили треть населения’.

Под влиянием других языков Агрикола употреблял конструкции с послелогоми, тогда как в современном языке в этой функции выступают только конструкции с соответствующими падежными формами (иллативом и аллативом): *iotca sen päle Vskoit (jotka siihen uskoivat)* ‘которые верили в это’; *ole Armolinen ylitze sinun canssas pahudhen (ole armollinen kansallesi)* ‘будь милосерден к своему народу’. Также указательные местоимения *se (ne)* и числительное *yksi* ‘один’ употреблялись в функции неопределенных и определенных артиклей, например: *Se Wsi Testamentti* ‘Новый Завет’, *Loo minussa uxi puhdas Sydhen* ‘очисти сердце во мне’.

Со времен Агриколы и под влиянием других языков в финском используются глаголы *pitää* и *tahtoa* в значении вспомогательных глаголов в таких конструкциях, как: *Herran pite Maan äret Domitzeman (herra on tuomitseva)* ‘господь осудит’, *quincauuan sinne tadhot ratki nin wihainen olla? (kuinka kauan olet, mahdat olla)* ‘как долго ты сможешь быть’.

По подсчетам финских исследователей (Rapola 1962), в активном употреблении Микаеля Агриколы находилось примерно 8000 слов<sup>8</sup>, из которых около 60 процентов сохранились в современном языке. Мы уже отмечали, что язык Агриколы в основном базировался на юго-западном и западном диалектах. Однако в текстах встречаются слова из юго-восточного и восточного диалектов<sup>9</sup>. Создаваемый Агриколой литературный язык не был воспроизведением одного диалекта, а являлся синтезом диалектов. В этом синтезе был заложен механизм дальнейшего развития общенационального языка.

Диалектной лексики Агриколе явно не хватало, когда он обращался к духовным или абстрактным темам. Иного выбора, как составлять самому новые слова или заимствовать из других языков, у этого талантливого переводчика Библии не было.

<sup>8</sup> Для сравнения: древний карело-финский эпос «Калевала» насчитывает примерно 7600 слов.

<sup>9</sup> В предисловии к переводу Нового Завета Агрикола отмечает, что им «по мере нужды привлечены также обороты и слова других наречий» (цит. по Карху 1979: 62).

Большая часть слов, придуманных Агриколой, до сих пор находится в активном употреблении, например: *isänmaa* 'отечество', *kuuluista* 'знаменитый', *nuoruus* 'молодость', *rohkeus* 'смелость', *talous* 'хозяйство', *vaarallinen* 'опасный', *vitsaus* 'бедствие', *ylpeys* 'гордость', *ystävällinen* 'дружественный'. Агрикола заимствовал слова из шведского языка: *enkeli* 'ангел', *hunaja* 'мёд', *lääkäri* 'врач', *naapuri* 'сосед', *teksti* 'текст'.

Как отмечают исследователи финского языка, записанные в соответствии с современными правилами орфографии переводы Агриколы легко читаются. Его переводы Нового и частей Ветхого завета служат основой для переиздания Библии на протяжении не одной сотни лет.

Работоспособность Агриколы была колоссальной: за десять лет, наполненных трудами в кафедральной школе и административными заботами, он издал десять книг, создав для евангелической церкви Финляндии целый корпус необходимой духовной литературы<sup>10</sup>.

Следуя существовавшей в ту пору традиции снабжать текст перевода комментариями, Агрикола писал обширные предисловия, обращенные в первую очередь к священникам. Работая над переводами и проповедями, он не мог не заметить богатство народного языка, яркость его оборотов.

Мы не можем оставить без внимания и другие его труды, которые интересны с точки зрения формирования литературного финского языка. Богослужения велись на шведском языке, но при этом ощущалась настоятельная потребность в богослужении финском языке. Задача несколько облегчалась слабостью государственной и церковной централизации – отсутствие жесткого контроля давало финским церковным деятелям некоторую свободу в переводе шведского текста.

---

<sup>10</sup> Среди них «Книга библейских молитв» (*Rucouskiria Bibliasta*, 1544), которую некоторые ученые называют «первой финской энциклопедией» (Häkkinen 1984: 81). Многие предисловия и пояснения были представлены в стихотворной форме, что для Финляндии являлось новшеством. Стихи носили дидактический характер. В этом «Книга молитв» подражала немецким образцам. Заслуживают упоминания служебник «Месса, или Причастие Господне» (*Messu eli Herran Ehtolinen*, 1549) и «Страсти Господа нашего Иисуса Христа» (*Se meiden Herran Jesusen Christusen Pina*, 1549), «Давидова Псалтирь» (*Dauidin Psaltari*, 1551), «Гимны и пророчества, выбранные из Моисеева Закона и пророков» (*Weisut ia Ennustokset Mosesen Laista ia Prophetista Wloshaetut*, 1551), сборник «Пророки. Аггей. Захария. Малахия» (*Ne Prophetat. Haggai. Sacharja. Maleachi*. 1552).



Среди этих трудов следует назвать «Кодекс Вест»<sup>11</sup>, который восходит к редакции «Шведской мессы» (1541). Сборник включает в себя требник и псалтырь на финском языке (144 листа). Другой кодекс «Кодекс Б 28» (31 лист) неизвестного автора обнаруживает очевидную связь с «Книгой молитв» Агриколы. Оба кодекса использовались в финноязычных приходах.

Помимо двух упомянутых кодексов, сохранилась рукописные фрагменты «Упсальского Евангелия» на финском языке (24 страницы). Согласно заключениям специалистов, судя по характерным языковым особенностям, речь идет о «старейших из известных нам связных текстов на финском языке» (Nikkilä 1985: 57). По мнению Никкиля, язык фрагмента отражает лингвистические особенности юго-западных финских диалектов (Nikkilä 1985: 59). Как видим, Агрикола был не одинок в своем рвении донести Слово Божие в Финляндию. Все эти тексты сыграли огромную роль в формировании финского литературного языка. Благодаря переводам Священного Писания финский язык и культура обогатились христианскими понятиями, что способствовало включению страны в единое европейское духовное и культурное пространство.

Итак, распространение новой религии – лютеранства и необходимость верной записи и точного перевода текстов Священного писания порождали потребность в составлении грамматик национальных языков, авторами становились деятели Реформации и сторонники христианского гуманизма. Финляндия, как представляли до недавнего прошлого, получила грамматику национального языка лишь в 1640 году. Ее автором был священник из Наантали Хенрик Кругерус. До этого же времени и на протяжении всего периода формирования литературного языка не было систематического изложения сведений о структуре финского языка. Хотя историкам было известно, что еще в 1579 году Олав Сундергелт (Olaus Sundergelteus), ученик школы ордена иезуитов города Ольмюца, и Йоханнес Юссойла (Johannes Jussoila) из Раумы приступили к составлению грамматики финского языка, но грамматика так и не была опубликована, а рукопись считалась утраченной.

В 2008 году на аукционе Сотби исследователи языковеды обнаружили грамматику финского языка «*Rudimenta linguae finnicae breviter delineate*» («Основы финского языка в кратком

---

<sup>11</sup> Кодекс получил название по имени его владельца Матиаса Веста (Mathias Westh), указанного на обложке издания. Вест мог быть переписчиком текста (см.: <http://www.kansallisbiografia.fi/kb/artikkeli/420/>).

освещении», далее по тексту – «Рудимента»), датируемую примерно рубежом XVI и XVII веков (см.: Rudimenta).

Рукопись грамматики финского языка «Рудимента» включает 24 страницы единого текста. Образцом для «Рудименты», как и для всех европейских грамматик, послужила грамматика латинского языка, написанная Донатом.

Грамматический материал представлен в пяти разделах: введение (Nomenclatura), орфография (Orthographia), этимология (Etymologia), просодия (Prosodia) и синтакс (Syntaxi). Дается краткое описание орфографии с опорой на знание читателем шведского языка, так как подчеркивается, что за исключением удвоенной буквы *ff* в финском употребляются те же буквы, что и в шведском. Используется латинская грамматическая терминология. Большая часть грамматики представлена в разделе Этимология (т. е. морфология), в которой рассматриваются состав слова, его семантика и способы построения словосочетаний.

Согласно представленному в «Рудименте» материалу, все слова в финском языке делятся на восемь классов, что соответствует латинской традиции: имена, которые подразделяются на существительные и прилагательные; местоимения, глаголы, причастия, наречия, союзы, предлоги и междометия. Дается информация о словообразовании и способах выражения единственного и множественного числа, указывается на отсутствие грамматического рода.

В именной системе выделяется шесть падежей: номинатив (например, *Ihminen* ‘человек’), генитив (*Ihmisen* ‘человека’), датив (*Ihmiselle* ‘человеку’), аккузатив (*Ihmistä* ‘человека’), вокатив (*Ihminen* ‘человек’) и аблатив (*Ihmiseldä* ‘от человека’). К разряду местоимений отнесены следующие слова: *Minä* ‘я’, *Sinä* ‘ты’, *Hän* ‘он, она’, *Se* ‘это’, *Tämä* ‘этот’, *Toi* ‘тот’, *Cusa* ‘кто’, *Kenengä* ‘чей’ и *Joca* ‘который’. Местоимения изменяются по такой же падежной парадигме, что и имена существительные. Например, номинатив *Mina* ‘я’; генитив *Minun* ‘мой’; датив *Minulla* ‘у меня’; аккузатив *Minua* ‘меня’; вокатив *minä* ‘я’ / *minua* ‘меня’; аблатив *Minulda* ‘от меня’.

Кратко сообщается о четырех степенях сравнения: положительной (например, *Cunnialinen* ‘честный’), компаративной (*Cunnialisembi* ‘честнее’), суперлативной (*Cunnialisin* ‘самый честный’) и плюсквамсуперлативной (plus quam Superlativus) (*Saickein Cunnialisin* ‘честнейший из честнейших’).

Глаголы не описываются через личные и безличные формы, но приводятся их формы в активном или пассивном залоге. Тем-

поральная система представлена четырьмя формами: презенсом, претеритом, плюсквамперфектом и формой будущего времени. В роли вспомогательного глагола выступает глагол *tahtoa* ‘желать, хотеть’.

Поскольку грамматика предназначалась для обучения чтению вслух (при чтении проповедей и при богослужении), есть раздел, посвященный просодии, в котором сообщается об ударении в слове и структуре слогов. В частности, указывается, что в двухсложных словах (*Jumal* ‘Бог’, *Engel* ‘Ангел’, *Hengi* ‘Дух’, *pyhä* ‘святой’, *paha* ‘плохой’) ударение ставится на предпоследний (то есть на первый) слог, в трех- и многосложных словах (*Ihminen* ‘человек’, *Pakana* ‘безбожник’, *Siiweys* ‘чистота’, *Sunnialisuus* ‘честность’) на первом и третьем с конца слоге.

Внимательно изучив орфографию и лексику обнаруженной рукописи, финские исследователи осторожно приходят к выводу, что грамматика была написана на рубеже XVI–XVII веков, еще до появления уже изученных грамматик Кругеруса (1640) и Петраеуса (1649).

Финский литературный язык как таковой появился благодаря осуществлению принципов лютеранской Реформации. В ходе просветительской работы деятелей Реформации, Агриколы и его единомышленников изменился статус финского языка: он обрел литературную форму, был описан и кодифицирован.

### Литература

- Бубрих 1948 – Бубрих Д. В. Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск, издательство карело-финской ССР, 1948.
- Бубрих 2005 – Бубрих Д. В. Историческая морфология финского языка в связи с синтаксисом // Бубрих Д. В. Прибалтийско-финское языкознание: Избранные труды / Под ред. Г. М. Керта, Л. И. Сувиженко. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 173–290.
- Карху 1979 – Карху Э. Г. История литературы Финляндии. Л.:
- Клинге 2005 – Клинге М. Имперская Финляндия. СПб: Изд. дом «Коло», 2005.
- Макаров 2007 – Макаров И. В. Очерки истории Реформации в Финляндии (1520–1620-е гг.): формирование национальной церковности. Портреты выдающихся деятелей финской Реформации. СПб.: Генкин А. Д., 2007.
- Меннандер 2008 – Меннандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М.: Изд-во «Весь мир», 2008.
- Agricola 2007 – Mikael Agricola. Abckiria. Kriittinen editio / toim. K. Häkkinen. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran, 2007.
- Heininen – Heininen S. Kristinuskon historia (<http://www.teologia.fi/artikkelit/kristinuskon-historia/193-suomen-kirkko-ja-suomen-kieli>).

- Kallinen 1998 – Kallinen M. Suomalaiset opintiellä: Pariisi–Rostock–Wittenberg // Tieteessä tapahtuu. 1998. № 4. (<http://www.tieteessatapahtuu.fi/984/sisalto.html>).
- Klinge 1993 – Klinge M. The Finnish Tradition: Essays on structures and identities in the North of Europe. Helsinki: SNS, 1993.
- Kuusinen 1978 – Kuusinen M. Suomen kielen historiaa. II osa. Петрозаводск, 1978.
- Lehikoinen, Kiuru 1998 – Lehikoinen L., Kiuru S. Kirjasuomen kehitys. Helsinki: Hakapaino Oy, 1998.
- Rapola 1962 – Rapola M. Agricolan apajalla. Helsinki (= Tietolipas 28).
- Rudimenta – uusi suomen varhaiskielioppi (<http://www.kotikielenseura.fi/virittaja/verkkolehti/index.html>)
- Suomen historian pikkujättiläinen 1987 – Zetterberg S. (toim). Suomen historian pikkujättiläinen. Porvoo: WSOY, 1987.
- Suomen kirjallisuushistoria 1999 – Varpio Yrjö (päätoim.) Suomen kirjallisuushistoria 1: Hurskaista lauluista ilostelevaan romaaniin. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1999.

### **N. S. Bratchikova. The Formation of Finnish literary language in Epoch of Reformation**

The main factors that made Finnish church leaders to develop the Finnish literary language are the relocation of the Diocesan center to Turku and the need for a corpus of religious texts in the native language due to Christianization of Finland. The linguistic situation in the country was multilingual at that time: the clergy and intellectuals spoke Swedish and German, some of them knew Finnish as well, while the majority of population spoke Finnish only. In XIII–XV centuries, Finnish had a lower status than Swedish and the use of the Latin language was restricted to the church and religion. As soon as the reformation of the Church started, first Finnish translations of religious and legal literature appeared.

The creation of the Finnish literary language is the merit of the great reformer Agricola, notwithstanding the fact that his language abounded in variant spellings and Latin loans. During the period under consideration there were created several works of significance Finnish literary language history; the article deals with these works. The Finnish literary language was not been formed on the basis of one dialect; rather, it was a synthesis of the western and eastern dialect groups.

The translations of the Holy Scripture enriched Finnish culture with biblical notions and expressions that later helped the country to join the common European spiritual and cultural society.

The first attempt to write a grammar of Finnish was made in the Reformation period (XVI–XVII centuries).

*Key words:* the formation of Finnish literary language, the Reformation, Finnish book publishing, translation of Scripture into Finnish literary language, the first grammar of the Finnish language.

**ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ:  
БЛИЖНИЙ ВОСТОК И КАВКАЗ**





## AKKADIAN LOANWORDS IN SUMERIAN REVISED<sup>1</sup>

Статья содержит пересмотренные и исправленные результаты предыдущих русскоязычных публикаций автора на данную тему. В ней рассматриваются аккадские заимствования в шумерском языке, проводится морфологическая, семантическая и грамматическая классификация 369 шумерских лексем.

*Ключевые слова:* шумерский язык, аккадский язык, аккадизмы в шумерском, шумерские этимологии, шумерская картина мира.

Sumerian etymology is a problematic field due to the well-known indeterminacy of the language's genetic relationship. This leads to a lot of speculations, the authors of which compared Sumerian words with lexemes (mainly nouns) of various languages by similarity of sound (Ahlberg, Yoshiwara 1991; Autran 1925; Ball 1913; Bengtson 1997; Braun 2001; Fournet 2011; Gostony 1975; Militarev 1995; Parpola 2010; Rubio 1999; Whittaker 1998)<sup>2</sup>. Much more correct approach was demonstrated by I. M. Diakonoff who compared not only nouns and verbs, but also grammatical markers of Sumerian and Munda languages (Diakonoff 1997). To my mind, more promising would be method of the gradual reconstruction of Sumerian etymology. The first step of it is studying of loanwords: from Akkadian and Semitic terms to Hurrian, Elamite and probable Proto-Indo-European lemmata. This article aims to present an overview of the plausible Akkadian loanwords in Sumerian.

In his Sumerian grammar the outstanding Assyriologist D. O. Edzard wrote: "The CAD volumes [...] include ca. 13.630 Akkadian lemmata. Of these, about 980 are Sumerian loanwords (ca.

---

<sup>1</sup> The article contains reviewed and corrected results of my papers previously published in Russian (Emelianov 2006; 2009; 2010a; 2011; Emelianov 2013). All papers were discussed with Professor Manfred Krebernik, to whom I am grateful for the invitation to the University of Jena under academic exchange program. I also convey my heartfelt thanks to Ilya Khait (Jena-Leipzig) and Alexei Kassian (Moscow) for their critical reading of this paper.

<sup>2</sup> For example, Chadic nVrV = IVrV: Mpn *lāar* 'boulder, stone' // Akk. *narû* 'stone monument, boundary stone' (Stolbova 2005: 95). In fact, Akk. *narû* < Sumer. *na-dru-a* 'erected stone'. Chadic *lugu* 'a man' // Sumerian *lugal* 'military leader, king' (Stolbova 2005: 64). In reality, *lugal* < *lu<sub>2</sub>* 'adult man' + *gal* 'big'.

320 of which are only attested in lexical lists). This count yields a little above 7% of Sumerian loanwords in Akkadian vocabulary [...] Unfortunately, no corresponding data may so far be offered for Akkadian loanwords in Sumerian because Sumerian lexicography is still in its infancy [...] There are only about 13 words of Akkadian origin among ca. 350 entries in PSD B; of these 13,5 occur only in lexical lists. This count yields 3, 7% of Akkadian loanwords for Sumerian words beginning with the letter B” (Edzard 2003: 178). Five years before him J. Bauer counted 32 Akkadian loanwords of Old Sumerian time, mainly relating to the spheres of economic activity, trade and military affairs (Bauer 1998: 437). Recently two remarkable works on the Akkadian loanwords in Sumerian came off print. G. Steiner issued a large inventory of Akkadisms in Sumerian, placing 90 words alphabetically and by type of phonetic transitions (Steiner 2003: 630–647). More recently, W. Sommerfeld published a study of Early Semitisms in Sumerian from Protoliterate signs of Uruk to archaic texts from Ur, Ebla and Fara. He averaged 14 Semitisms of the late-Uruk period (3200–3000 B.C.) and 36 words of probable Semitic origin in the texts of later ages (XXVII–XXIV centuries) (Sommerfeld 2006: 30–75). Also of interest is a recently published article by M. Civil “Early Semitic loanwords in Sumerian” (Civil 2007: 11–34), based mainly on the lexical texts of II–I millennium BC.

All these works represent a big step forward in the study of this problem, but they also have some remarkable drawbacks. Sommerfeld mixes Semitisms with Akkadisms without separating one of them from another. Steiner gives a continuous list of words without specifying age and sources. It's not quite productive in methodological aspect, since the types of inflection and phonetic transitions changed from time to time. The same applies to Civil's paper. Therefore, additional work on the chronological arrangement of Akkadian loanwords is necessary. One should also pay attention to what kind of theme prevails in Akkadisms of certain time, which is important for the reconstruction of the Sumerian picture of the world through the lexical database.

The most recent Russian academic essay on Sumerian contains section 2.6.0. “The source, amount, and the role of lexical borrowing” (Vizirova, Kaneva, Koslova 2010: 88–92). It seems necessary to review its conclusions. The authors notice that Akkadian verbs borrowed in the Sumerian language for the most part in the form of Stative 3 Sg masc. Some Semitic verb stems reinterpreted in the Sumerian language as containing nominal and



verbal part and look like Sumerian compound verbs. Akkadian nouns could be borrowed in three forms: 1) base without flexion; 2) base with a morpheme – *a*; 3) base with the ending –*um*. Borrowing the first two types are characteristic for pre-Sargonic time, while Akkadian loanwords ending –*um* are typical for Sargonic and Neo-Sumerian periods. This section contains 64 lemmata, including:

Fara – 7

Abu-Salabikh and Ebla – 3

Old Sumerian – 22

Sargonic and Neo-Sumerian – 27

Old Babylonian – 5

It is noted that in the pre-Sargonic period names of tools, products, legal and business vocabulary, the names of social and religious institutions were often borrowed. In Old Akkadian and Neo-Sumerian texts semantic groups of loanwords include designations of posts, cultic terms and names of holidays, names of plants and animals, weapons, everyday life objects (furniture, utensils, household items) (Vizirova, Kaneva, Koslova 2010: 88 – 90).

However, this section is not even a preliminary description of the subject. One should note the obvious haste in the conclusions of the authors. Akkadian verbs can be borrowed in the Sumerian not only in the form of stative, but in the infinitive form (buluh < *palāḫu*, šu huz < *šūḫuzu*) (Vizirova, Kaneva, Koslova 2010: 91), as well as in a more complex form of the truncation of the first vowel and converting of ending –*u* to –*a* (as in the case ha-za < *aḫāzu*). Akkadian nouns included in the Sumerian language, not only in the three forms, but also with the ending –*u*, without mimation (guziu < *kussa* / *i'um*, hutpu < *ḫutpum*), and with the ending –*i* (erišti < *erištum*).

As the authors rightly note, “the current state of the Sumerian lexicography does not allow us a full statistical calculations of Akkadian loanwords in Sumerian” (Vizirova, Kaneva, Koslova 2010: 88). However, the striving for such calculations is still necessary. The basis of our work is the data of the online Sumerian dictionaries (CDLA, ePSD, ETCSL) and a few text groups (primarily royal inscriptions and economic texts (Behrens, Steible 1983; Gelb, Kienast 1990). One should mention that the present work is dedicated to the same language pair as S. Lieberman’s study on the Sumerian loanwords in Akkadian, but regards the opposite direction of borrowing (Lieberman 1977).

## I. Pre-Ur III

## Akkadian/Semitic Loanwords

- ∅
1. abal ‘dry asphalt’ < *abālu* ‘to dry’ (G) aCaC OS
  2. alad ‘a spirit, genius’ < *w/maldu* ‘born’ < *walādu* ‘to bear’ (R) aCaC Gudea
  3. burud ‘breach, hole, depth’ < *būrtu* (G) CuCuC Oakk
  4. damgar, damgargal ‘merchant, senior merchant’, < *tamkāru* < *makāru* ‘to sell for silver; to plan’ (Steiner 2003: 634) (J) CaCCaC OS
  5. garaš = *karāšum* ‘leek’ (G) CaCaC OS
  6. gim (gin<sub>x</sub>) ‘like, just as’ (equative case) < *kīma* (Steiner 2003: 633) Case CiC OS
  7. gi(-n) < *kēn* ‘(to be) permanent, true’ (Steiner 2003: 633; Sommerfeld 2006: 61) Adj CiC OS
  8. libir ‘old’ < *labir* < *labāru* ‘to be old’ (Steiner 2003: 633) Adj CiCiC OS
  9. lulim ‘stag’ < *lulīmu* (Steiner 2003: 634) (F) CuCiC Oakk
  10. MAŠ+GAN<sub>2</sub>, maš-gan<sub>2</sub> < *maškānu* ‘settlement’ (Steiner 2003: 633; Sommerfeld 2006: 52) (M) CaCCaC OS
  11. me-lim<sub>x</sub> ‘frightening splendor’ < me ‘magic force’ + *la’mu* ‘ashes’ (or Semitic *lm* ‘to shine’) > *melammu* (Emelianov 2010b: 1109–1119) (R) CeCiC OS
  12. mundu (mun-du) < *mundu* ‘goats’ (Powell 1986: 12–16) (G) CuCCu OS
  13. (m)uzug < *masāḥu*, *masāku*, *mašāku* ‘a ritually unclean, impure person’ (Emelianov 2013) (R) CuCuC Gudea
  14. nemur ‘leopard’ < *nimru* (F) CeCuC Gudea
  15. rib ‘to be surpassing, outstanding’ < *rabû* ‘to be big, great’ (V) CiC OS
  16. saḡ/sa<sub>12</sub>-rig<sub>7</sub> ‘to donate’ < *šarik* < *šarāku* (Steiner 2003: 631)<sup>3</sup> (V) CaCCiC OS
  17. sam<sub>2</sub> < *šīmu* ‘purchase price’ < *šāmu* ‘to buy’ (Steiner 2003: 634; Sommerfeld 2006: 57) (E) CaC OS
  18. šeg<sub>9</sub>-bar, šenbar, sa-bar < *s/šapparu* ‘a deer or mountain goat’ (Kogan 2006: 278; Civil 2007: 21) (F) CeCCaC Oakk

<sup>3</sup> ePSD: LEX/Old Babylonian/Sippar [[<(saḡ)> rig<sub>7</sub>]] = [...] = [PA].KAB#.DU# = *še-ri#-[ik]-tum!#* ‘a gift’ OB Diri Sippar Seg.7, 8; [[<(saḡ)> rig<sub>7</sub>]] = *ša-ra#-[kum]* ‘to donate’ OB Diri Sippar Seg.7, 9. LEX/Old Babylonian/unknown [[<(saḡ)> rig<sub>7</sub>]] = *ša-ra-kum* OB Diri “Oxford” 280. unknown/Old Babylonian/unknown saḡ rig<sub>7</sub>-ga = *re-eš ši-ri-ik-tim* ‘the main gift’ (MSLSSI: 17–27 i 49).

19. silim ‘to be healthy; completeness; well-being’ < *šalim*, *salīmu* < *s/šalāmu* (Steiner 2003: 634) (R) CiCiC OS
20. suhuš (var. s/šuruš) ‘foundation, base, root’ < *šuršu* (Civil 2007: 31) (T) Gudea
21. sum < *šūmu* ‘garlic’ (Steiner 2003: 634; Sommerfeld 2006: 64) (G) CuC OS
22. su-lim ‘awesome radiance’ (cf. me-lim<sub>x</sub>) < su ‘body’ + *la’mu* ‘ashes’ (or Semitic *lm* ‘to shine’) > *šalummatu* (R) CuCiC Gudea
23. uz ‘goose’ < *usu* (Militarev, Kogan 2005: 32; Sommerfeld 2006: 66) (F) uC OS
24. sumur ‘angry’ < *šamru* (ePSD) Adj CuCuC Gudea
25. šurme(n) ‘cypress’ < *šurmīnu* (ePSD) (G) CuCCeC OS
26. uz<sub>3</sub> ‘goat’ < *enzu* (Steiner 2003: 642; Sommerfeld 2006: 66) (F) uC OS

## -a

27. ab-ba ‘father’ < *abu* (Steiner 2003: 632) (K) aCCa OS
28. amra ‘beam, timber’ < *amrû* (G) aCCa OS
29. arzana ‘groats’ < *arsānu* (Steiner 2003: 632) (E) aCCaCa Oakk
30. damhara ‘battle’ < *tamhāru* < *maḥāru* ‘to take, to accept’ (Steiner 2003: 634) (P) CaCCaCa OS
31. dim<sub>2</sub>-ma < *ṭēmu* ‘thought, planning, instruction’ (Steiner 2003: 634) (Ab) CiCCa Oakk
32. gi(-na) < *kēn* ‘true’ (Steiner 2003: 633; Sommerfeld 2006: 61) Adj CiC OS
33. ḡalga ‘(fore)thought, plan(ning); understanding; instruction, advice’ < malga < *milku* < *malāku* ‘to give advice’ (Steiner 2003: 633) (P) CaCCa OS
34. habuda (<sup>urud</sup>ha-bu<sub>(2,3,6)</sub>-da) ‘hoe, ax’ < *ḥap/būtum* (T) CaCuCa Oakk
35. ibila ‘heir’ < *aplu* < *apālu* ‘respond to someone, follow someone’ (Steiner 2003: 632) (K) iCiCa OS
36. ishu = *išhu* ‘Zuweisung’ (AHw: 387); ‘allocation?’ (ePSD) (E) iCCu Gudea
37. išgana (iš-gana<sub>2</sub>) ‘an extra payment’ = *iškinū* ‘a supplementary payment’ (ePSD) (E) Oakk
38. lahama ‘a mythical sea monster’ < *lahmu* (Militarev, Kogan 2005: 197–199) (F) CaCaCa Gudea
39. lidga < *litiktu* ‘measuring vessel, a unit of capacity’ (Powell 1987–90: 495, 497) (E) CiCCa OS
40. mada ‘country, state’ < *mātu* (Steiner 2003: 633) (P) CaCa OS
41. mana ‘a unit of weight’ < *manû* ‘to count’ (Steiner 2003: 633; Sommerfeld 2006: 63) (E) CaCa

42. na-gada < *nāqidum* ‘herdsman’ (Steiner 2003: 634) (J) CaCaCa OS  
 43. nam-ugula ‘position of foreman’, см. ugula (P)  
 44. ni<sub>3</sub>-gi-na ‘permanence, truth’ < ni<sub>3</sub> ‘thing’ + gina (< *kên*)  
 ‘permanent’ (R) CiCiCa Gudea  
 45. ragaba ‘rider’ < *rākibum* < *rakābu* ‘to ride’ (Steiner 2003: 634)  
 (M) CaCaCa OAkk  
 46. šagina, šakkanak ‘governor’ < *šakkanakku* < ša<sub>3</sub> ‘heart’ + gina  
 (< *kên*) ‘true’ (P) CaCiCa OS  
 47. šabra ‘administrator of a temple or other household’ < *šāpirum* <  
*šapāru* ‘to send, to give instructions’ (Steiner 2003: 634) (P)  
 CaCCa OS  
 48. u<sub>3</sub> < *u* ‘and’ (C) u OS  
 49. ugula < ‘foreman, overseer’ < *waklum* < *wakālu* ‘to trust smth. to  
 smbd.’ (Steiner 2003: 634; Sommerfeld 2006: 65) (P) uCuCa OS  
 50. ugula-e<sub>2</sub> ‘foreman of a temple’, cf. ugula (P)  
 51. umma ‘old woman’ < *ummu* ‘mother’ (Steiner 2003: 634)  
 (K) uCCa OS  
 52. za-aš<sub>2</sub>-da (zi-iz-da, zi-iš-da) ‘crime, reimbursement’ < *sartu*, *saštu* <  
*sarāru* ‘to tell lies, to be dishonest man’ (Wilcke 1991: 13–14;  
 Steiner 2003: 643) (L) CaCCa OS

## -i

53. dari ‘eternity’ < *dārītum* < *dawāru* ‘to be continued’ (Steiner 2003:  
 633) (R) CaCi OS  
 54. sagi, šagia ‘cup-bearer’ < *šāqû* (*šāqi’u*) < *šaqû* ‘to water’ (Steiner  
 2003: 634) (J) CaCi OS

## -u/um

55. budum < *būdum* ‘metal vessel’ (Sommerfeld 2006: 48)  
 (T) CuCuC OS  
 56. ginatum ‘guarantee’ < *kawānu* ‘to be constant, permanent, true’  
 (Steiner 2003: 633; Sommerfeld 2006: 48) (E) CiCaCuC OS  
 57. leum ‘writing board’ < *lē’um* < Semitic *lwḥ* (Steiner 2003: 633)  
 (T) CeuC Gudea  
 58. mar<sub>6</sub>-ra-tum ‘weapon’ < *marratum*, *marrum* (P) CaCCaCuC Gudea  
 59. mayaltum (ma-al-tum) ‘bed, sledge’ < *mayyaltum* (ePSD)  
 (T) CaCCaCCuC OAkk  
 60. mitum ‘a divine weapon’ < *miṭtum* (Steiner 2003: 634)  
 (P) CiCCuC OAkk  
 61. murnisku ‘young equid’ < *murnisqu* < *mūr* ‘young male donkey’ +  
*nisqu* ‘the best’ (F) CuCCiCCu Gudea

62. mušalum / mašalum ‘mirror’ < *mušālum* < *mašālu* ‘to be like smbd. or smth.’ (T) CuCaCuC OAKk
63. nakabtum ‘stockyard’ < *nagabtum* (E) CaCaCCuC OAKk
64. našparum ‘kind of garment’ < *našparum* (E) CaCCaCuC OAKk
65. nisku ‘the best’ < *nisqu* < *nasāqu* ‘to choose’ (Steiner 2003: 634) (Adj) CiCCu OAKk
66. rabum ‘grandee’ < *rabûm* (P) CaCuC OAKk
67. satu = *šadû* ‘mountain’ (ePSD) (G) CaCu Gudea
68. situm (si<sub>3</sub>-i-tum) ‘balance’ < *šiātum* < *šētu* ‘to remain’ (E) CiCuC OAKk
69. šergum < *šerkum* ‘a string of fruit’ (ePSD) (E) CeCCuC OAKk
70. zahum ‘a metal basin’ < *šāhum* (E) CaCuC OAKk
71. zatum ‘type of flour’ < *zātum* (E) CaCuC OS
72. zi-ri-lum/num, zi-ri-gum < *zirīqu* ‘an irrigation device, may be shadouf’ (Sommerfeld 2006: 49) (T) CiCiCuC OS

## Substratum/Adstratum

73. a-ru<sub>12</sub>-da (urudu) < *werûm* ‘copper’ (Sommerfeld 2006: 60) (G) aCuCa OS
74. buršuma ‘widow, old woman’ < *puršumu* ‘old man, old woman’ (ePSD) (M) CuCCuCa OS
75. <sup>giš</sup>e-ra-num<sub>2</sub> (G) ‘a tree’ (?) (G) eCaCuC Gudea
76. gada < *kitûm* ‘cotton’ (Sommerfeld 2006: 56) (G) CaCa OS
77. harran = *harrānu* ‘route, path’ (ePSD; Kassian 2010/2011: 411) (G) CaCCaC OS
78. hazi, hazin ‘an axe’ < *haššinnu* < *hašāšu* ‘to hack’ (Steiner 2003: 633) (T) CaCi Gudea
79. <sup>giš</sup>zabalum = *sapālum*, *supālum* ‘conifer tree’ (MAD 3: 240) (G) CaCaCuC ‘juniper’ (?) (G) CaCaCuC Gudea

## Dubia

80. alam/n ‘statue; form’ < *šalmu* (Steiner 2003: 643; Sommerfeld 2006: 60) (R) aCaC OS
81. amar ‘son, calf’ < *māru* ‘son’ (K) aCaC OS
82. anzu(d) (?)<sup>4</sup> ‘bird of destiny’ < *anzû* < Semitic ‘nz/zz’ (Militarev, Kogan 2005: 71–72) (F) aCCuC OS
83. biluda (pi-lu<sub>5</sub>-da) ‘ritual order’ < *bēlūtu* ‘power’ < *ba‘ālu* ‘to rule’ > *pelludû*<sup>5</sup> (Steiner 2003: 633) (R) CiCuCa OS

<sup>4</sup> Or may be <sup>d</sup>Im-dugud (Alster 1991: 1–5).

<sup>5</sup> ePSD: LEX/Old Babylonian/Nippur **biluda**(PA.AN) OB Nippur Lu 172; [[**biluda**]] = = PA.AN = *pe<sub>2</sub>-el-lu-<du>-u<sub>2</sub>-um* OB Diri Nippur 360;

84. di < *dīnum* ‘judgement’ (cf. di-ku<sub>5</sub> = *dīnum dānu* ‘to judge’) (Steiner 2003: 643; Sommerfeld 2006: 61) (L) Ci OS
85. gi < *qanû* ‘reed’ (Steiner 2003: 643; Sommerfeld 2006: 62) (G) Ci OS
86. halam ‘(to be) bad, evil; to forsake, forget; to destroy’ < *halāqu* ‘to disappear, to die’ (Steiner 2003: 643)<sup>6</sup> (V) CaCaC OS
87. IR<sub>11</sub> (urdud, arad, ere<sub>3</sub>) < *wardum* ‘slave’ (probably, from *warādu* ‘to remove, to lower’; (Krecher 1987: 7–19; Steiner 2003: 634; Sommerfeld 2006: 62) (P) iC OS
88. keš(-d/ra) ‘to bind, to tie’ < *kašāru* ‘to bind, to tie’<sup>7</sup> (V) CeCCa
89. pa<sub>4</sub>-šeš < *pašīšu* ‘a priest’ < *pašāšu* ‘to anoint’ (Steiner 2003: 634; Krispijn 2004: 105–112; Sommerfeld 2006: 57) (R) CaCeC OS
90. suhur ‘to trim or comb the hair’ < *šartu* < *ša’rtu* (š‘r)<sup>8</sup> ‘hair’ (Civil 2007: 30) (M) CuCuC OS
91. šita (nam-šita) < *tištālum* ‘a weapon’ (Wilcke 2005: 430–445) (T) CiCa OS
92. ušum (ušumgal) ‘dragon’ < *bašmu* ‘type of snake’ (Steiner 2003: 643; Sommerfeld 2006: 58) (F) uCuC OS

#### Anlaut

Labial: *w* > *u*, *w* >  $\emptyset$  (aruda, arad), *b* >  $\emptyset$  (ušum)

Dental: *d* > *t*, *t* > *d*

Gutturals: *k* > *g*, *q* > *g*

Sibilants: *š* > *s*, *š* > *z*, *s* > *z*

Nasals: *m* > *ḡ*

---

[[biluda]] = = = *up-ša-šu-u<sub>2</sub>* ‘magic’ OB Diri Nippur 361. LEX/Old Babylonian/Sippar [[biluda]] = **bi-lu-da** = **PA.AN** = *pi<sub>2</sub>-il-lu-du-u<sub>2</sub>* *up-ša-šu* OB Diri Sippar Seg.7, 18. LEX/Old Babylonian/unknown [[biluda/ḡarza]] = = = [*up*]-*ša-šu-u<sub>2</sub>* OB Diri “Oxford” 290; [[biluda]] = = **[PA.X]** = *pa#-ar#-šum ša pi<sub>2</sub>-lu-<di>* ‘ritual (about rite)’ OB Diri “Oxford” 291.

<sup>6</sup> Or may be borrowing from the West Semitic *hlm* with the same meaning (Civil 2007: 19).

<sup>7</sup> ePSD: **lu<sub>2</sub>.zu<sub>2</sub>.keš<sub>2</sub>-da** = *be-el ki-iš-ri* ‘lord of connection’ (lu<sub>2</sub>-azlag B = C, 8, 7). It is difficult to explain this phonetic transition. Either we have initially Sumerian verb with /dr/-ending, or there is a trace of very old borrowing from *kiyru*. Then we can propose *kišru* > *kezra* > keš(d)ra.

<sup>8</sup> Borrowing from South Semitic is also quite possible (Civil 2007: 30). According to ePSD: LEX/ED IIIb/Ebla [[suhur]] = **SUHUR** = **šu-hu-ru<sub>12</sub>-um** Ebla Sign List 31. LEX/Old Babylonian/Nippur [[suhur]] = **su<sub>2</sub>-hu#-ur#** = **SUHUR** = *qi<sub>3</sub>-im-ma-tum* ‘tuft of hair’ OB Aa 809:1. LEX/Old Babylonian/unknown **lu<sub>2</sub> suhur** = *ša qi<sub>4</sub>-ma-tim* OB Lu-Azlag A 388; **lu<sub>2</sub> suhur la<sub>2</sub>** = *ke-ez-rum* ‘hairstyle’ OB Lu-Azlag A 389; **lu<sub>2</sub> suhur** = *ša qi<sub>4</sub>-im-ma-tim*

## Inlaut

Vowels:  $a > i$ ,  $i > e$ ,  $\bar{e} > i$

Dental:  $t > d$ ,  $t > t$

Gutturals:  $k > g$ ,  $q > k$

Sibilants:  $s > z$ ,  $\text{ṣ} > z$

Laryngeals:  $\text{ʾ} > h$

Sonants:  $r > h$

Several words in G. Steiner's list are difficult to accept. For example, it is a common place to derive Sumerian *sa-gaz* 'murderer, thief' from Akkadian *šaggāšu* 'killer' (Steiner 2003: 634). But it is necessary to pay attention to:

a) a separate occurrence of the verb *gaz* in Old Sumerian royal inscriptions from Lagash with meaning 'to slaughter';

b) excellent Sumerian etymology of this compound word (*sa* 'sinew', *gaz* 'to cut, to slaughter', i.e. 'the cutter of sinews');

c) the occurrence in the Sumerian language combinations kind of  $e_2$ - $gu_4$ -*gaz* 'house of slaughtering oxen', *saḡ-gaz* 'cutter of heads'<sup>9</sup>.

The big surprise is Steiner's etymology *aratta* 'praise, glory' from Akkadian *tanattu* with the same meaning (Steiner 2003: 643). It is known Akkadian word *arattû* 'excellent, excellent quality', which became then 'nice'. The Akkadian word formed from the Sumerian word *Aratta* – i.e., from the place or country named *Aratta* whose goods were known in Sumerian time for their excellent quality. Also *Aratta* was a synonym of something important and glorious (as well as *Dilmun*)<sup>10</sup>.

<sup>9</sup> In the Sumerian language, verbs of type CaC with final -z are extremely rare. Besides *gaz*, there is only *maz* (< Drehem *mazbium*) 'to rejoice, enjoy'. It could be a root derived from a Semitic verbal noun. Quite probably, *gaz* has a similar origin. The ePSD gives such Akkadian equivalents as: *ḥašāšu* 'to cut off, break off' (also Arabic, Ethiopian) (AHw: 330), *kašāšu/gašāšu* 'to cut off, bite off, grind' (the Semitic *qšš* 'abschneiden') (AHw: 457; Lane VII: 2526). Sign GAZ can also be read as GAŠ/ KAŠ (Labat 1952: 192). See also writing of GAZ as KAZ<sub>8</sub> and correspondence <sup>ka-az</sup>KAZ = *ka-ša-šu* (CT 12, 20a II: 8) (Aa). Transition  $\text{ṣ} > z$  in Auslaut is well-known (at least, *paršu* > *garza*), and variants k/g stand for q in cuneiform writing. Thus, there are strong reasons to believe that the Sumerian verb *gaz* in two variants of its writing – *gaz*, *kaz*<sub>8</sub> – can be derived from the Semitic verb *qšš*, also with two variants of writing – *kašāšu/gašāšu*.

<sup>10</sup> *ḫil-mu-un*NI+TUKU<sup>ki</sup> = *kab-tu* 'heavy, important' (Ēa II 39; Diri VI C 121; Igituh I 258); <sup>a-rat-ta</sup>LAMxKUR.RU<sup>ki</sup> = *kab-tum* (Diri IV 88; Proto-Diri 547a).

Another strange etymology derives Sumerian *šu bal* ‘to change, modify, turn over’ from Akkadian *šupêlu* with the same sense (Steiner 2003: 634). Sumerian compound verb may be perfectly decomposed into noun *šu* ‘hand’ and verb *bal* ‘turn’, and the root form *šupêlu* has no Semitic equivalents in the dictionaries of Akkadian (AHw: 1279; CAD Š 3: 320–323). So, most likely, we can probably talk about reverse borrowing – from Sumerian to Akkadian.

Akkadian loanwords borrowed before Ur III give us unique data for understanding the origin of many features and categories of Sumerian culture. The Sumerians were taken from the eastern Semites:

- a) all business vocabulary (as sales agent, scales, a measure of weight, price, deficit) ;
- b) all major religious categories (ritual, proper order of things , the truth , eternity, terrible radiance, the greeting of prosperity);
- c) the concept of guilt, sin ;
- d) the military terminology and some weapons ;
- d ) terms for the nobles and the temple administrators;
- e) the term refer to the slave.

This list highlights all abstract categories of religion and law, and the vocabulary of trade is abstract as well. In the Sumerian language, there was no such word as ‘eternity’: to say ‘forever’, one had to use a complicated construction *ud ul-li<sub>2</sub>-a-še<sub>3</sub>* ‘on the early days’, in the sense ‘on the days that had already passed’, which was related to an idea of cyclical time. The Semitic /dari/ is much shorter and more parsimonious for the language. The same goes for *silim* (... *du<sub>11</sub>*) ‘to be prosperous, to wish someone well-being’ (*silim he<sub>2</sub>-me-en* ‘be healthy!’), which is shorter and more convenient than the Sumerian *inim-du<sub>10</sub> ... du<sub>11</sub>* ‘to tell someone a good word’. To talk about the ritual and the true world order in the Sumerian language is possible only through a use of the noun *me*. Meanwhile, *me* originally meant only the vitality and the attributes of an animate subject, and it did not mean ‘a rite, a ritual’ in archaic texts. This meaning of the noun *me* was adopted as late as after its comparison with both an Akkadian word *paršu* and its derivative *marza* dated back to the Second dynasty of Lagash. Consequently, it is necessary to note an influence of this Semitism to an expansion of the semantic field of the Sumerian word. The adjective *zid* ‘right, true’ originates from a certain direction (*šu-zid* ‘right hand’); however, this adjective can represent neither the truth of an abstract judgment nor the world



order. Only the Akkadism /gina/ can bind the two categories – ‘permanence’ and ‘truth’ – into a single category ni<sub>3</sub>-gi-na. No less important for the formation of the abstract categories of the Sumerian culture was an introduction of the term for a legally punishable offense of a person. We know only two words for this concept. The first one is lul ‘the lies, treachery, a criminal’; the second one is zašda ‘falsehood, dishonesty, crime’. Both words indicate the right connection between the telling of lies, dishonesty and crime. There is also a word ni<sub>3</sub>-gig ‘a black thing’, meaning ‘a taboo and taboo-breaking’. Still, this term was associated only with witchcraft and spoilage rather than with a category of law; however, unlike all the foregoing, zašda had an additional meaning of ‘a punishment for the crime’.

An adoption of Semitic derivatives from the root *rbj* ‘to be great, to be a ruler’ by the Sumerian language was quite a remarkable fact: up to then, the dominant position had been represented in Sumerian only by one of the two definitions of the noun: -gal ‘great’ or -mah ‘high’. Since the Akkadian time, it became possible to omit both definitions and to call a nobleman with one convenient word. The borrowing of the word *mātu*, meaning not only ‘a country’ (for which there was a Sumerian word *kalam* ‘our territory’) but also ‘the state’, is worth mentioning. It is likely that the borrowing of quite a number of trade-related terms may indicate an underdeveloped state of trade and exchange before Sumerians had contacted with the Eastern Semites. An active use of an Akkadism *damhara* might be explained through an assumption that the native Sumerian *me<sub>3</sub>* ‘battle’, when sputtered, had been heard as *me* ‘magic force’, so that the meaning was eventually confused. As to the term for a slave, its synonym in the Sumerian language has not been found, so this is hard to say what it meant. Nevertheless, one may assume that the practice of capturing slaves during the wars in the mountains and then selling them used to be a profitable business among the Eastern Semites, so it is only later that such a practice had been adopted by Sumerians. On the other hand, the native Sumerian term for a slave might simply have been substituted with a more accurate Akkadian word.

Generally speaking, it may be concluded that the main reasons for Sumerians to borrow words from the Akkadian language were as follows: a) to achieve parsimony of speech, b) to get a greater degree of abstracting from objects to ideas and ratios, c) to give proper names to social and legal institutes that had been poorly developed, such as state, council or legal punishments for social offences.

## II. Ur III

By the end of the 3<sup>rd</sup> millennium BC, southern Mesopotamia had gradually shifted to Semitic languages, the Akkadian and the Amorite ones. The Akkadian language of the Neo-Sumerian period has been recently described in a separate monograph (Hilgert 2002), unlike the Sumerian language of the Ur III time, which has still been waiting for further research. By the 21<sup>st</sup> century BC, the Sumerian language had ceased to be spoken but saved its status at schools, temples and offices. The larger part of the corpus of the Ur III Sumerian texts consists of bureaucratic documents, including those having quite a lot of common names that feature the Akkadian structure and mimation. Evidence of these documents has been collected by I. J. Gelb in “The Dictionary of the Old Akkadian Language” (MAD 3). This dictionary is an extremely valuable source, and, strangely enough, it has not been used much by the older investigators of relations between the Akkadian and Sumerian languages (Steiner 2003; Sommerfeld 2006). Gelb tended to apply the term “Old Akkadian” to an entire time period of the initial spreading of the Akkadian language in Mesopotamia – from casual Akkadian loanwords of the Old Sumerian time to the Akkadian texts of the Ur III (MAD 3: IX). He used to mark every Sumerian word that has remained in the texts of the Ur III time and been featured with mimation as “Akk. lw. in Ur III Sum.” (MAD 3: 15f). It is quite possible that some of those words had been borrowed as early as during the Sargonic period but later proved to appear within the corpus of the texts of the Third Dynasty of Ur. Therefore, they may be dated based on the time when they were written down; besides, the fact that the Akkadian loanwords survived in the Sargonic texts tend to appear in their altered forms counts in favor of an assumption that they had been borrowed during the period of the Third Dynasty of Ur.

I could agree with I. J. Gelb, who wrote in his grammar of the Old Akkadian language: “A very large number of Akkadian words used in the Sumerian language of the Ur III Period indicate a growing influence of the Akkadian” (MAD 2: 17). Yet, there is an opposite view. In M. Hilgert’s monograph on the Akkadian language of the Ur III period, several pages are devoted to the problem of Akkadian loanwords in the Sumerian language. The author’s position about an Akkadian influence during this historical period is most skeptical. First, a large number of craft-related terms and words for trees are of a Semitic rather than of a purely Akkadian origin, and the

fact that they are mentioned in administrative texts may be explained by a necessity to have used them as technical terms for naming imported goods. Therefore, it was quite natural for craftsmen and traders who were native speakers of Semitic languages (mainly the West Semitic ones) to have been bringing some local words, basically associated with a typical list of goods they used to sell, into the languages of southern Mesopotamia. Second, according to W. Sallaberger, a fast growth of the number of holidays that had Semitic names was associated with a name Shulgisimtum. A wife of Shulgi, the king of Ur, came from a northern region of Mesopotamia, where those holidays were celebrated, and adopted the rituals of her native land at the south of the country. It is characteristic that after her death a number of Akkadisms in the names of Sumerian holidays drastically reduced, so that many holidays had been completely forgotten. Thus, according to M. Hilgert, unlikely are there any objective reasons to consider that Akkadian words had been appearing in the Sumerian everyday speech on a regular basis. It means that Gelb's list is not a reliable enough evidence to attest the words featured with mimation as precisely Akkadian loanwords that used to change the synchronous Sumerian vocabulary of the time (Hilgert 2002: 80–85; Sallaberger 1993 I: 202).

Hilgert's skepticism deserves attention; yet, one could hardly agree with all his arguments. At the end of the 3<sup>rd</sup> millennium B. C., southern Mesopotamia was literally overflowed with Amorite tribes, and each tribe contributed its own dialect to both Sumerian and Akkadian vocabularies, which were dissolved in everyday speech and later appeared in literary texts. Evidence of this is hymns to Shulgi featured with an extensive use of Semitic words. Due to a continuous growth of the Amorite influence in the south of Sumer, from which the kings of Ur were unable to get protected even after they had built the Great Wall, Semitic words might first adopt both the Akkadian mimation and forms and then enter into the speech of Sumerian native speakers. It is also worth noting that Sumerians themselves might either invent words of an Akkadian paradigm that are absent in Akkadian texts or readopt their own words bearing Akkadian endings back from the Akkadian language. Words of this sort undertook their long journey from language to language and, therefore, became clear to all peoples of ancient Mesopotamia without translation. At that point, there is a good reason to consider certain Akkadian loanwords of the Ur III period as some vital elements of interethnic communication.

## Akkadian/Semitic Loanwords

-ø

93. baraš = *naprušu* ‘to fly’ (ePSD) (V) CaCCuCu  
 94. durah = *turāḫu* ‘wild mountain goat’ (ePSD; AHw: 1372) (F) CuCaC  
 95. garan ‘bunch of fruit’ < *karmu* ‘heap, mound’ (CDA, 149; ePSD) (G)  
 96. halulaya < *ḫallulaja* ‘an insect’ (MAD 3: 128; AHw: 312 ‘Maulwurfsgirle’) (F) CaCuCaCa  
 97. katab = *katammu, katappu* ‘lid, cover’ (ePSD) (E) CaCaC

-a

98. mašdara (<sup>giš</sup>maš-dara<sub>3</sub>) ‘cuneiform inscription on the pedestal of statue’ = *maštaru* ‘inscription’ (ePSD; AHw: 631) (Ab) CaCCaCa  
 99. simda (<sup>urud</sup>simda) ‘brand, branding mark’ = *šimtu* ‘destiny, predestination’ (T) CiCCa  
 100. šadurra, šeturum = *šeturrum* ‘garment’ (MAD 3: 290; AHw: 1221) (E) CaCuCCa, CeCuCuC  
 101. šinida, šinitum, sinitum = *šinītum* ‘kind of veil’ (MAD 3: 278; AHw: 1242) (E) CiCiCa

-u/um

102. abrum (ab<sub>2</sub>-ru-um) ‘Holzstoss’ (AHw: 7; MAD 3: 15), ‘storage facility’ (ePSD) (E) aCCuC  
 103. abum ‘a festival; mound for funerary use’ = *apu* (ePSD; AHw: 62 ‘Röhricht’) (R) aCuC  
 104. agium (a-gi<sub>4</sub>-um) = *agijum* ‘garment’ (MAD 3: 20) (E) aCiuC  
 105. allanum (al-la-num<sub>2</sub>) = *allānu* ‘oak’ (MAD 3: 39; AHw: 37) (G) aCCaCuC  
 106. allikum (al-li<sub>2</sub>-ku-um) ‘plant or tree’ (MAD 3: 39; AHw: 37) (G) aCCiCuC  
 107. alum (al-lum) = *alum* ‘hoe’ (MAD 3: 41; ‘sum. Lw.’ – AHw: 37) (T) aCuC  
 108. alu = *alum* ‘ram’ (‘a type of sheep’ – MAD 3: 37; ‘Himmelsstier’ – AHw: 39) (F) aCu  
 109. aralum ‘?’ (MAD 3: 65)  
 110. arganum = *argānum* ‘conifer’ (MAD 3: 63); ‘Mekka-Melisse?’ (DAB: 359; AHw: 67) (G) aCCaCuC  
 111. arhum ‘type of brick’ (MAD 3: 63); ‘Halbziegel’ (AHw: 67) (T) aCCuC  
 112. arinum (a-ri<sub>2</sub>-num<sub>2</sub>) ‘product of stone’ (MAD 3: 65) (E) aCiCuC  
 113. armatum (ar-ma-tum) = *armatu* ‘a door part’ (MAD 3: 65); ‘Bergziege’, ‘B.-Figürchen aus Kupfer’ (AHw: 69) (E) aCCaCuC

114. ašbatum = *ašb/patum* ? (MAD 3: 74); ‘ein Gegenstand’ (AHw: 80) (E) aCCaCuC
115. ašlum ‘a plant’ (MAD 3: 75); ‘Binse, Seil’ (AHw: 81) (G) aCCuC
116. azalum (a-za-LUM) = *azallum* ‘a plant’ (MAD 3: 85; AHw: 92) (G) aCaCuC
117. baluhum, buluhum = *baluḥḥum, buluḥḥum* ‘a resinous plant’ (MAD 3: 95; ‘Galbanum-Kraut’ – AHw: 101 ‘sum. Lw. ?’) (G) CaCuCCuC
118. bantum (ba-an-tum<sub>3</sub>) ‘a bird’ (ePSD) (F) CaCCuC
119. batium, patium ‘vessel’ = *batium* (MAD 3: 103; AHw: 116) (E) CaCiuC
120. binitum ‘a beam for houses and boats’ = *binītu* ‘wooden beam’ (MAD 3: 99; AHw: 126–127) (T) CiCiCuC
121. binum = *bīnum* ‘tamarisk’ (MAD 3: 91; AHw: 127) (G) CiCuC
122. <sup>giš</sup>buganum (KA-ga-num<sub>2</sub>) = *bukannum* ‘wooden rod’ (MAD 3: 95; AHw: 136) (P) CuCaCuC
123. burašum = *burāšum* ‘pine-tree’ (MAD 3: 101; AHw: 139) (G) CuCaCuC
124. dabatum = *tappatum* ? ‘a garment’ (MAD 3: 298) (E) CaCaCuC
125. dabiltum = *tabiltum* ‘vessel?’ (MAD 3: 294; AHw: 1298) (E) CaCiCCuC
126. dagširum ‘(worker), firming (a building)’ = *tagšīrum* ‘consolidation’ (MAD 3: 123; AHw: 1300, 1308 *takšīrum* ‘Reparatur’) (M) CaCCiCuC
127. dahabaštum = *taḥabaštum* (MAD 3: 125; AHw: 1300 ‘ein Rohrggst.’) (T)
128. dakirum ‘?’ (MAD 3: 121)
129. dakirum = *takkīrum* ‘garment’ (MAD 3: 296; AHw: 1307 ‘ein Gewand’) (E) CaCiCuC
130. damšelum = *tamšīlu* ‘resin’ (MAD 3: 186) (G) CaCCeCuC
131. damšilum = *tamšīlum* ‘image, similarity’ (MAD 3: 186; AHw: 1316 ‘Abbild’) (Ab) CaCCiCuC
132. <sup>guš</sup>duksium = *tukšu* ‘leather shield’ (AHw: 1368; ePSD) (E) CuCCiuC
133. elammagum (e-lam-ma-gum<sub>2</sub>) = *elammakum, elimmakum* ‘a tree’ (MAD 3: 41; AHw: 196 ‘ein wertvolles Bauholz aus Syrien’) (G) eCaCCaCuC
134. elunum ‘a holiday’ = *elūlu, ulūlu* ‘cleansing (of Ishtar’s statues in the river of sacred ordeal)’ (MAD 3: 41; AHw: 210; Cohen 1993: 229, 397–399; Emelianov 1999: 91–98) (R) eCuCuC
135. eralum = *erānum, erālum* ‘a tree’ (MAD 3: 65) (G) eCaCuC

136. erebum ‘?’ (ePSD) ‘refugee’<sup>11</sup> (P) eCeCuC
137. erianum, elianum = *eri’ānum*, *eli’ānum* ‘a tree’ (MAD 3: 61); AHw: 386 *iriānum* ‘ein Baum bzw. Strauch’; probably, e-ra-num<sub>2</sub> of Gudea cylinders – A XV 33) (G) eCiaCuC
138. erubatum = *erubbatum* ‘tax, gift, holiday’ (MAD 3: 62; AHw: 248 ‘Einzugsfest’) (R) eCuCaCuC
139. erum ‘a plant’ (MAD 3: 59; DAB: 298 ‘a laurel’) (G) eCuC
140. eškurum = *iškūru* ‘wax’ (MAD 3: 75; AHw: 396) (G) eCCuCuC
141. eštum (eš<sub>3</sub>-tum) = *ištum* ‘straw’ (MAD 3: 81; AHw: 259) (E) eCCuC
142. gablium, kablium ‘middling (of quality)’ = *qablūm* ‘middle, medial’ (MAD 3: 224; AHw: 888) (Adj) CaCCiuC
143. gagartum = *kakkartum* ‘a type of bread’ (MAD 3: 143; AHw: 421 ‘Rundbrot’) (E) CaCaCCuC
144. gagatum ‘?’ (MAD 3: 116)
145. gallatum ‘?’ (MAD 3: 117)
146. gamantum = *kamantum*, *kammantu* ‘vegetable’ (MAD 3: 147; AHw: 430) (G) CaCaCCuC
147. gannum = *kannum* < gan ‘vessel’ (MAD 3: 147–148; AHw: 437) (E) CaCCuC
148. gillum ‘product of silver’ (MAD 3: 117] (E) CiCCuC
149. giranum = *gerrānum* ‘wailing, wailing ceremony’ (MAD 3: 120) (R) CiCaCuC
150. gugutum ‘plant’ = *ku(k)kud/tum* ? (MAD 3: 116; AHw: 296 ‘ein Futterkraut’) (G) CuCuCuC
151. gukrum (guk<sub>2</sub>-ru-um) = *kukurum*, *kukrum* ‘resinous plant’ (MAD 3: 143) (G) CuCCuC
152. gullatum ‘a ball’ (MAD 3: 117) (E) CuCCaCuC
153. guzebatum = *kusiptum* ‘a pie?’ (MAD 3: 153; AHw: 514 ‘Brotbrocken’) (E) CuCeCaCuC
154. guziu (gu-zi-u<sub>3</sub>) = *kussafi’um* > gu-za, gu-ze<sub>2</sub> ‘a throne’ (MAD 3: 152; AHw: 515) (P) CuCiu
155. habalum (ha-ba-LUM) ‘product of wood’ (MAD 3: 124) (E) CaCaCuC
156. habum ‘animal’ (MAD 3: 123; AHw: 306 ‘eine Art Gazelle’) (F) CaCuC
157. hadarum = *hattaru* ‘?’ (MAD 3: 127; AHw: 307)
158. hašianum = *hašiānum* ‘plant’ (MAD 3: 135; AHw: 334) (G) CaCiaCuC

<sup>11</sup> This word is known only from entirely broken line from glorifying poem of Shulgi (Shulgi C, sg. A 64). Unfortunately, we do not know real translation of it.

159. haum = *ha'um* 'covering of chair?' (MAD 3: 122; AHw: 338 'eine Throndecke') (E) CauC
160. hazanum = *hazānum* 'governor (?)' (MAD 3: 136; AHw: 338) (P) CaCaCuC
161. hilatum = *hillatum* 'sort of wool' (MAD 3: 128) (E) CiCaCuC
162. hilzum = *halšum* 'fortress' (ePSD; AHw: 313 'Festung') (P) CiCCuC
163. hintum = *hindum* 'vessel' (MAD 3: 129) (E) CiCCuC
164. hiriatum, hiritum = *hiritum* 'metal product' (MAD 3: 13; AHw: 348 'ein Ornament') (E) CiCiaCuC, CiCiCuC
165. hubum = *huppum* 'bronze product' (MAD 3: 131) (E) CuCuC
166. hurium = *hurium, huriānum* 'plant' (MAD 3: 131; AHw: 359 'eine Gewürzpflanze') (G) CuCiuC
167. imduhšum, indahšum = *imtuḥšum, intuḥšum* 'vessel' (MAD 3: 47; AHw: 379) (E) iCCuCCuC, iCCaCCuC
168. išbatum = *išpatum* 'quiver' (MAD 3: 76) (T) iCCaCuC
169. kabbum = *kabbum* 'wooden product' (MAD 3: 141; AHw: 417 'glühend gemacht') (E) CaCCuC
170. kamkammatum (MAD 3: 147; AHw: 432 'Ring') = *kamkammatum* < gam-gam 'to surround' (E) CaCCaCCaCuC
171. kamlum, gamlum = *gamlum* 'weapon' (MAD 3: 118) (T) CaCCuC
172. kikumum 'wooden object' (MAD 3: 143) (E) CiCuCuC
173. kililum = *kililum* 'wreath, garland' (MAD 3: 146; AHw: 476 'Kranz') (E) CiCiCuC
174. kirrum = *kirrum* 'type of cup' (MAD 3: 151; AHw: 484 'ein grosser Krug') (F) CiCCuC
175. kiršum '?' (MAD 3: 152)
176. kizrum = *kišrum* 'military detachment' (ePSD) (P) CiCCuC
177. kubullum 'something edible' (ePSD) (E) CuCuCCuC
178. lubuštum = *lubuštu* 'garment' (ePSD) (E) CuCuCCuC
179. luluntum = *lulumtum, luluntum* 'garment' (MAD 3: 162; AHw: 563 'ein Reise- u. Kampf-Gewand') (E) CuCuCCuC
180. madalum = *mad/tallum* (MAD 3: 170; AHw: 571 'ein Ggst. aus Kupfer')
181. mahatum 'reed object' (MAD 3: 171) (E) CaCaCuC
182. maltum = *maltu* 'type of vessel' (ePSD; AHw: 596 'ein Napf, flache Schale') (E) CaCCuC
183. manzaštum, manzattum = *manzaštum, manzattum* 'station' (MAD 3: 304) (Ab) CaCCaCCuC
184. maratatum = *marratum* 'tree' (MAD 3: 183; AHw: 612 'ein Bittere') (G) CaCaCuC
185. masatum = *maššatu* 'spear' (ePSD; AHw: 629) (T) CaCCaCuC

186. mašgium (maš-gi<sub>4</sub>-um) = *mašqium* (MAD 3: 282; AHw: 629 ‘ein Wasserstelle’)
187. mašhum = *mašhum* ‘vessel’ (MAD 3: 185; AHw: 625 ‘ein Bierbecher’) (E) CaCCuC
188. mašlium, mašliatum = *mašlijum, mašlilum* ‘leather bucket’ (MAD 3: 270; AHw: 628) (E) CaCCiuC, CaCCiaCuC
189. matqum = *matqum* ‘sweetness’ (MAD 3: 187) (E) CaCCuC
190. mazharum = *maš/šharum* ? ‘metal object’ (MAD 3: 238) (E) CaCCaCuC
191. meburkum = *meburkum* ‘plant’ (MAD 3: 169; AHw: 639 ‘Halfagras’) (G) CeCuCCuC
192. metenum = *metenum* ‘wooden object’ (MAD 3: 187; AHw: 649 ‘Mahlkasten’) (E) CeCeCuC
193. miritum, zamiritum (za<sub>3</sub>-mi-ri-tum) = *mīrītum, zamirītum* (< Semitic *zmr* ‘to emit musical sounds’)<sup>12</sup> ‘musical instrument’ (MAD 3: 182) (T) CiCiCuC, CaCiCiCuC
194. mudulum = *muddulu* ‘preserved meat’ (MAD 3: 169; AHw: 666) (E) CuCuCuC
195. mudum (mu-du<sub>8</sub>-um) = *mudûm* ‘garment’ (MAD 3: 169; AHw: 666) (E) CuCuC
196. nabašuhum = *nabašuhum, nawašuhum, namašuhum* ‘garment’ (MAD 3: 196; AHw: 726 *namaššu’um*) (E) CaCaCuCuC
197. nabatum, napatum = *napatum* ‘a part of a chariot’ (MAD 3: 203) (T) CaCaCuC
198. nabaum = *naba’um* ‘detail of boat’ (MAD 3: 196; AHw: 697 ‘ein Bootshaus’) (T) CaCauC
199. nabhatum = *naḥbātum* ‘leather or reed cover’ (MAD 3: 126; AHw: 714) (E) CaCCaCuC
200. nabihum = *nabiḥu* ‘gold jewelry’ (MAD 3: 12; AHw: 697) (E) CaCiCuC
201. nabrium = *nabriu* ‘detail of plough; sacrifice; a holiday’ (MAD 3: 100; AHw: 699; Cohen 1993: 394–395<sup>13</sup>) (R) CaCCiuC

<sup>12</sup> According to CDA, miritum < *mārītu* ‘from Mari’ (CDA: 198, 208). In this case, *zamiritum* may be a result of folk etymology which have two main versions: 1) Sumerian za<sub>3</sub>-mi<sub>2</sub> ‘hymn, glory’ + Akkadian *mīrītum*; 2) or, from Akkadian verb *zamāru* ‘to play music’.

<sup>13</sup> M. Cohen suggests the origin of the word from the verb *barû* ‘getting signs to make predictions’. He also notes that the holidays called *nabrium* occur during the winter months of the year, which may indicate that they are connected with the prediction of the future for the coming year. One must also take into account the hypothesis of S. Langdon, who suggested that the winter holidays with verbs of radiance devoted to revival the Sun-god in the days of the winter solstice (Langdon 1935: 30). In this case, we can assume



202. nadum = *nādum* ‘a waterskin’ (MAD 3: 189; AHw: 704) (E) CaCuC  
 203. nahbaštum = *naḥbaštum* ‘an instrument’ (MAD 3: 125; AHw: 714 ‘ein Rohrggst.’) (T) CaCCaCCuC  
 204. namarum = *nāmaru* ‘mirror’ (MAD 3: 202; AHw: 726) (T) CaCaCu  
 205. namarum = *nāmaru* ‘garment’ (MAD 3: 47; AHw: 726 ‘ein glänzender Stoff’) (E) CaCaCu  
 206. namzarum = *namšarum* ‘sword’ (MAD 3: 183; AHw: 729) (T) CaCCaCuC  
 207. nabdanum = *naptanum* ‘meal, repast’ (MAD 3: 220; AHw: 741 ‘Mahl(zeit)’) (E) CaCCaCuC  
 208. natum = *nātum* ‘knife handle?’ (MAD 3: 194; AHw: 766 ‘(Messer-, Sichel-) Griff?’) (T) CaCuC  
 209. negibum = *nēkepum* ‘metal object’ (MAD 3: 200; AHw: 776) (E) CeCiCuC  
 210. nemetum = *nēmedum* ‘stand’ (MAD 3: 45; AHw: 776) (E) CeCeCuC  
 211. <sup>giš</sup>neribum = *nērebum* ‘?’ (MAD 3: 62; AHw: 780)  
 212. niktum = *niqdu* ‘plant used as a dye’ (MAD 3: 200, 205; AHw: 792 ‘Feldkümmel’) (G) CiCCuC  
 213. nirum, nirrum ‘mat with a jumper’ = *nīrum* ‘yoke’, ‘jumper’ (MAD 3: 193) (E) CiCuC, CiCCuC  
 214. nurum = *nurum* ‘?’ (MAD 3: 193)  
 215. nushu = *nušum* ‘vessel’ (MAD 3: 206; AHw: 805) (E) CuCCuC  
 216. nuzuhum = *nussuhum* ‘wooden object’ (MAD 3: 206; AHw: 806) (E) CuCuCuC  
 217. pizirium = *pezzerium* ‘gold object’ (ePSD) (E) CiCiCiuC  
 218. puhrum = *puḥru* ‘assembly’ (ePSD) (P) CuCCuC  
 219. rabatum ‘a garment’ (ePSD) (E) CaCaCuC  
 220. sabitum = *sabītum*, *šebītum* ‘musical instrument, a type of lyre (‘Sabian’?)’ (MAD 3: 263) (T) CaCiCuC  
 221. samsatum (sa-am-sa-tum) ‘solar emblem’ (MAD 3: 277; AHw: 1158) (R) CaCCaCuC  
 222. satium (sa<sub>12</sub>-ti-um, sa<sub>12</sub>-di-um) ‘east wind; east; easterner’ < sa-tu ‘mountain’ < *šadû* + *-ī* + *-um* ‘(going) from mountains’ (ePSD; AHw: 1125) (G) CaCiuC  
 223. sesehum (se<sub>11</sub>-se<sub>11</sub>-hu-um) = *šišihum* ‘garment’ (MAD 3: 290; AHw: 1250) (E) CiCiCuC  
 224. simtum = *simtum* ‘jewelry’ (MAD 3: 69) (E) CiCCuC  
 225. sursurum = *šuršurum* ‘chain’ (MAD 3: 290) (E) CuCCuCCuC  
 226. šagultum = *šakultum* ‘a meal’ (MAD 3: 25) (E) CaCuCCuC

---

the origin of the feast from the verb *nmr / nwr* ‘to shine (about the heavenly bodies)’ (\**nawrium*).

227. šalatum (ša<sub>3</sub>-la<sub>2</sub>-tum) = *šallatum* ‘garment’ (MAD 3: 271; AHw: 1148) (E) CaCaCuC
228. šaranum = *šarānum* ‘a tree or bush’ (MAD 3: 285; AHw: 1185) (G) CaCaCuC
229. šarrabdu (šar<sub>2</sub>-ra-ab-du/du<sub>8</sub>) ‘official; demon of the Nether World’ = *šarrabtû* (ePSD; AHw: 1187) (R) CaCCaCCu
230. šarumium = *šarūmūum* ‘kind of sheep’ (ePSD; AHw: 1193) (F) CaCuCiuC
231. šašurum = *šaššurum* ‘reed object’ (MAD 3: 290; AHw: 1198) (E) CaCuCuC
232. šazabtum = *šaz/šabtum* ‘jewelry’ (MAD 3: 207) (E) CaCaCCuC
233. šerhunum = *širḫūnum* ‘adornment’ (MAD 3: 284; AHw: 1216) (E) CeCCuCuC
234. šerrum = *šērum* ‘mat’ (ePSD) (E) CeCCuC
235. širum = *širum* ‘garment’ (MAD 3: 262) (E) CiCuC
236. tialum = *tiāl(r)um, lijārum* ‘a tree’ (MAD 3: 292; AHw: 1353 ‘Weisszeder’) (G) CiaCuC
237. tium = *t/dium* ‘?’ (MAD 3: 292; AHw: 1363)
238. uduhhum, utuhum = *utuḫḫum* (MAD 3: 82; AHw: 1445 ‘eine Brotsorte’) (E)
239. ukurum = *ukurru* ‘sort of brick’ (ePSD; AHw: 1406 ‘ein Bauziegel’) (T) uCuCuC
240. urakum = *urākum* ‘instrument’ (MAD 3: 64; AHw: 1427) (T) uCaCuC
241. urkidanum = *urkidānum* ‘a tree’ (MAD 3: 64; AHw: 1432) (G) uCCiCaCuC
242. urnum (ur-num<sub>2</sub>) ‘a tree’ (MAD 3: 65; AHw: 1431 ‘eine kleine Zeder’) (G) uCCuC
243. ururu = *yarūru* ‘wailing, lamentation’ (ePSD) (R) uCuCu
244. wadaltum, badaltum ‘a shed where animals are born?’ (MAD 3: 19; ePSD) (E) CaCaCCuC
245. wadaum = *wada’um* ‘bronze object’ (MAD 3: 18; AHw: 1454) (E) CaCauC
246. zahalum (za-ha-LUM) = *zahannu* (MAD 3: 306; CDA: 443 ‘beam, rafter’)
247. zapihum = *zapiḫum* ‘a bird’ (ePSD) (F) CaCiCuC
248. zazagum = *zazakkum* ‘official’ (MAD 3: 312) (P) CaCaCuC
249. zehrum = *siḫrum* ‘edge of seal’ (MAD 3: 237–238) (T) CeCCuC
250. zeturum (ze<sub>2</sub>-tu-ru-um) = *ziturum* ‘vessel’ (MAD 3: 311) (E) CeCuCuC
251. zibatun = *zibbatum* ‘tail’ (MAD 3: 308) (A) CiCaCuC
252. zibtum = *zibtu* ‘stone’ (MAD 3: 305) (G) CiCCuC

253. zibitum = *zibītum*, *zibnatum* ‘species’ (ePSD; MAD 3: 305 ‘a grain’) (G) CiCiCuC  
 254. zimmtum = *simdum* ‘sort of flour’ (MAD 3: 239) (E) CiCCuC  
 255. ziktium = *ziqtium* ‘?’ (MAD 3: 310)

## Substratum/Adstratum

256. aguhum (a<sub>2</sub>-gu<sub>4</sub>-hu-um) = *aguhhu* ‘girdle’ (MAD 3: 20; AHw: 17 ‘Schärpe, Gürtel’) (E) aCuCuC  
 257. allaharum = *allaharum*, *alluharum* ‘plant’ (MAD 3: 38; AHw: 38 ‘eine Paste für Leder’) (G) aCCaCaCuC  
 258. kumul/gamul, gamun = *kamunu* ‘cumin’ (MAD 3: 147) (G) CuCuC, CaCuC  
 259. nurma = *nurmû* ‘pomegranate’ (MAD 3: 205; AHw: 804) (G) CuCCa

## Dubia

260. šerda (šer<sub>7</sub>-da) = *šertu* < *nērtu* ‘misdeed, sin; punishment’ (ePSD) (L) CeCCa

## Anlaut

Diphthongs: *yu* > u, *ya* > u  
 Labial: *p* > b  
 Dental: *t* > d  
 Gutturals: *k* > g, *q* > k  
 Sibilants: *š* > s

## Inlaut

Vowels: *i* > e, *ī* > i  
 Labial: *pp* > b  
 Dental: *t* > d, *d* > t  
 Gutturals: *kk* > g  
 Sibilants: *s* > z, *š* > z

## Auslaut

*num* > lum, *lum* > num

Among the lemmata cited above dominated economic terms for bronze, copper, silver and wood, as well as textiles. Apparently, they were made by Akkadian- or Semitic speakers, products were run and their purpose understood without translation. At the second place are plants (especially, conifers). The third place occupy animals, including insects.

The most interesting case in the field of social terminology is the replacement of Sumerian *unken* ‘assembly’ for the Akkadian word *puḫru*, adopted without change of its form. One can find a small

amount of borrowed abstract words. There were many terms in the Sumerian for monuments in which the inscription is made, as well as for the process of carving inscriptions, but the inscription as the text had no its own term and needed Akkadian *maštaru*. Another example is abstract notion of similarity. In the Sumerian even the equative case -gim formed from the Akkadian *kīma* ‘just as’. Also known expression of identity -am<sub>3</sub> ‘it is so’. But actual Sumerian designation of similarity is absent. In Ur III time appeared *tamšīlum* ‘copy’ < *mašālu* ‘to be like...’ Among the lemmata we could not find terms related to professions, law procedures, education. A number of terms remain without an accurate translation, even their reading in question now.

The Sumerian word *šerda* (dated back to the Ur III period), as well as its connection with the Akkadian word *šērtu*, still remain etymologically unclear. Both lexical units have the same meaning of ‘crime, punishment’ (ePSD). During many years, lexicographers have unsuccessfully tried to understand whether this word had been an Akkadism in Sumerian or vice versa. Since this word has occurred more often in the cuneiform writing of NIR.DA, which can be read as *šer<sub>7</sub>-da*, there are attempts to derive it from the Akkadian *nērtu* ‘murder’ in the reading of *ner<sub>t</sub> /dû* (CDA: 368). However, W. von Soden offered to interpret *ner<sub>t</sub> /dû* as a borrowing from Sumerian (AHw: 780), without proposing any clear etymology of the Akkadian *šērtu* (AHw: 1218). In the Chicago Assyrian Dictionary, *ner<sub>t</sub> /dû* is absent, though *šērtu* is marked as a lexical unit known since the Old Akkadian time and lacking its reliable etymology with the following meanings: ‘1. misdeed, offense, sin, guilt. 2. penalty, punishment’ (CAD Š 2 : 324).

The least controversial reconstruction would be as follows. The Akkadian *šērtu* was a variant of *nērtu*, which emerged as a result of reading this sign as NIR (*šer<sub>7</sub>*). A combination of the signs NIR.DA, formerly read as *ner-da*, was later re-read as *šer<sub>7</sub>-da*, and then this artificial word was re-borrowed by the Akkadian language. Thus, an entire chain would look as follows: *nērtu* > *nerda* > *šerda* > *šērtu*. Now, one needs to explain how and why the *n* shifted to the *š*. M. Civil explains it as a result of a transformation of the *emegir*-word from the male dialect into *emesal*-word in the female one, for which this particular kind of transitions (e.g., *a-nir* > *a-šer* ‘weeping’) is quite characteristic (Civil 1993 : 75).

## III. Old Babylonian

## Akkadian/Semitic Loanwords

-ø

261. buluh = *palāhu* ‘to fear, tremble, be afraid’ (ePSD) (V) CuCuC  
 262. karam = *karmu* ‘heap, ruin mound’ (ePSD) (G) CaCaC (see above garan)  
 263. kurum = *kurummatum, kurmatum* ‘food ration’ (AHw: 513; ePSD) (E) CuCuC  
 264. mašga’en = *muškēnu* ‘Palasthörer; Armer’ (AHw: 684); ‘dependant’ (ePSD) (P) CaCCaCeC  
 265. pahal (pa<sub>4</sub>-hal) = *paḥallu* ‘leg’ (ePSD) (A) CaCaC  
 266. pahar ‘gathering’ < *paḥāru* ‘to gather’ (ePSD) (P) CaCaC  
 267. penzer = *biššūru* ‘female genitals’ (AHw: 131; ePSD) (A) CeCCeC  
 268. puzur = *puzru* ‘secret, magic protection’ (ePSD) (R) CuCuC  
 269. sikin/šikin = *šikinnu* ‘container for oils’ (AHw: 1233; ePSD) (E) CiCiC  
 270. šu huz = *šūhuzu* ‘to birn’ (ePSD) (V) CuCuC  
 271. šu tubul/r ‘to mix’ = *šutābulu* ‘to mix’ (Infinitiv) or ‘mixed’ (ePSD) (V) CuCuCuC  
 272. urrub = *urrumbu, ḥurḥumbu* ‘a vessel with knobs?’ (ePSD) (E) uCCuC  
 273. <sup>du</sup>ursub = *uršuppu* ‘a vessel with knobs?’ (ePSD) (E) uCCuC  
 274. zahal ‘disappearance’ = *šaḥālu* ‘to sieve, filter’ (ePSD) (Ab) CaCaC  
 275. zuhul ‘pierced’ = *saḥlu* ‘to pass through a hole, to thread’ (ePSD) Part CuCuC

-a

276. anna = *annu, anna, anni* ‘approval; ‘indeed’ (AHw: 52; ePSD) (I) aCCa  
 277. badara (OB) ~ badar (Ur III) ~ pa<sub>2</sub>-tar<sub>2</sub> (OAKk) < *pattaru, patarru* ‘dagger’ (AHw: 848; ePSD) (T) CaCaCa  
 278. harišta = *harištum* ‘woman in labor’ (AHw: 326; ePSD) (M) N < Adj CaCiCCa  
 279. haza, hahaza ‘to hold, grasp; to retain’ (ePSD) = *aḥāzu* ‘to take, to hold’ (V) CaCa, CaCaCa<sup>280</sup>.  
 280. iškila = *išqillatu* ‘Flusskies(el)’ (AHw: 397); ‘pebble: a container’ (ePSD) (E) iCCiCa  
 281. kanšaša, ganšaša = *muktaššaššu* ‘overpowering’ (ePSD) Part CaCCaCa  
 282. ligidba = *nikiptu* ‘ein Euphorbia-Strauch’ (AHw: 788); ‘a medicinal plant’ (ePSD) (G) CiCiCCa  
 283. ne-ha < *nēhtu* ‘calm, peace’ (AHw: 775; ePSD) (Ab) CeCa

284. udra ‘to be darkened’ = *udduru* (‘*dr*) (ePSD) (V) uCCuCu  
-i
285. erišti = *eršum, erištum* ‘wise’ (AHw: 246; ePSD) Adj eCiCCi  
286. šanabi = *šinipu* ‘2/3’ (ePSD) Num CaCaCi  
287. zi-bi, zibum ‘a form of caraway seed’ = *zību* ‘black cumin’ (ePSD) (G) CiCi, CiCuC  
-u/um
288. abrušum = *aprušu* ‘eine Pflanze (nach DAB 233 Siderites?)’ (AHw: 61); ‘(a medical plant)’ (ePSD) (G) aCCuCuC  
289. abulillum = *bulilu* ‘boxthorn berry’ (ePSD) (G) aCuCiCCuC  
290. ajalum (a-ia<sub>10</sub>-lum) = *ajalum* ‘deer’ (AHw: 24; ePSD) (F) aCaCuC  
291. akkanum = *akkannu* ‘wild donkey’ (AHw: 29; ePSD) (F) aCCaCuC  
292. arazum = *arasu* ‘ein Ggst. aus Stein?’ (AHw: 66); ‘a container for salt?’ (ePSD) (E) aCaCuC  
293. <sup>du<sub>g</sub></sup>a-ra-num<sub>2</sub> = *arānu* ‘cashbox?’ (ePSD) (E) aCaCuC  
294. <sup>du<sub>g</sub></sup>arutum = *arūtu* ‘clay pipe’ (AHw: 72; ePSD) (E) aCuCuC  
295. askumbitum = *asqumbittu, asqubītu* ‘camel hump; hump’ (AHw: 75; ePSD) (A) aCCuCCiCuC  
296. <sup>giš</sup>aslum (as<sub>4</sub>-lum) = *aslu* ‘measuring rod’ (AHw: 74; ePSD) (T) aCCuC  
297. ašbaltum = *ašpaltu* ‘man of low social standing’ (AHw: 82; ePSD) (P) aCCaCCuC  
298. ayartum = *ayartu* ‘white coral?’ (ePSD) (G) aCCaCCuC  
299. bakirum ‘a carrying strap’ (ePSD) (T) CaCiCuC  
300. bariratum = *barīratum* ‘(a plant, phps.) sagapenum’ (DAB: 359; AHw: 107; ePSD) (G) CaCiCaCuC  
301. barutum = *parūtu* ? ‘eine Art v. Köcher ?’ (AHw: 837); ‘a quiver or other leather item’ (ePSD) (T) CaCuCuC  
302. <sup>tu<sub>g</sub></sup>bazihum ‘textile’ (ePSD) (E) CaCiCuC  
303. birtu = *birtu* ‘fort’ (AHw: 129; ePSD) (T) CiCCu  
304. <sup>giš</sup>dinetum ‘a wooden object’ (ePSD) (E) CiCeCuC  
305. dulum = *dullum* ‘duty, toil, misery’ (AHw: 175; ePSD) (R) CuCuC  
306. emittum = ? ‘?’ (ePSD) eCiCCuC  
307. ezizu = *ezizzu* ‘ein Gemüse’ (AHw: 270); ‘(an alliaceous vegetable)’ (ePSD) (G) eCiCu  
308. gababum = *k/gabābum* ‘shield’ (AHw; 414; ePSD) (T) CaCaCuC  
309. gabaldu (gabal-du<sub>3</sub>) ‘to be hostile, to challenge’ = *qablu* ‘battle’ + du<sub>3</sub> ‘to erect’ (ePSD) (V) CaCaCCu  
310. garradum ‘warrior’ = *qarrādum* ‘a hero’ (ePSD) (J) CaCCaCuC  
311. hazbum = *ḥašbum* ‘Töpferton; Scherbe’ (AHw: 332): ‘terracotta’ (ePSD) (G) CaCCuC

312. hiritum = *hīrītum* ‘Graben’ (AHw: 348); ‘ditch’ (ePSD) (G) CiCiCuC
313. hurum = *aḥurrû* ‘a younger child; social inferior’ (M) aCUCCu
314. <sup>u</sup><sub>2</sub>hurium ‘plant’ (ePSD) (G) CuCiuC
315. hutpu = *ḥutpu* ‘arrowhead’ (AHw: 362; ePSD) (T) CuCCu
316. ibilu ‘utterance, saying, pronunciation’ (ePSD) (< *apalu* ‘to answer’?) (Ab) iCiCu
317. ilu = *ilu* ‘deity’ (R) iCu
318. <sup>urud</sup>imittu = *imittu* ‘spear’ (AHw: 377; ePSD) (T) iCiCCu
319. imittum ‘an item of jewelry’ = *imittum* ‘support, shoulder’ (ePSD) (T) iCiCCuC
320. kallu (ka(-al)-lu<sub>5</sub>) ‘a vessel, bowl’ = *kallu* (AHw: 426; ePSD) (E) CaCCu
321. kititum ‘a grade of wool’ = *kitītum* ‘linen garment’ (AHw: 493; ePSD) (F) CiCiCuC
322. <sup>tug</sup><sub>2</sub>kurum (ku-ru-um) ‘mourning clothes’ (ePSD) = *kūrum* ‘mourning, depression’ (AHw: 512) (Ab) CuCuC
323. <sup>dug</sup>lakbum = *lakbum* ‘a vessel’ (AHw: 529; ePSD) (E) CaCCuC
324. lalanu = *lalānu* ‘destitute person’ (AHw: 529; ePSD) Part CaCaCu
325. ligtum = *liqtu* ‘Gesammeltes’ (AHw: 555); ‘selection, gathered material’ (ePSD) (T) CiCCuC
326. lilibu ‘a leather object’ = *lilibu*, *lilippu* ‘a leather part of horse trappings’ (AHw: 552; ePSD) (E) CiCiCu
327. limum (ugula limum ‘foreman of 1000 men’) = *limum* ‘1000’ Num CiCuC
328. <sup>na</sup><sub>4</sub>madanum ‘type of stone’ = *madalum* (AHw: 571; ePSD) (G) CaCaCuC
329. malalum = *mālalum* ‘wooden mortar’ (AHw: 594; ePSD) (T) CaCaCuC
330. malgatum = *malgātu* ‘musical instrument from Malgium’ (ePSD) (T) CaCCaCuC
331. maktarum<sup>zabar</sup> = *maqtarum* ‘a metal item, perhaps censor’ (AHw: 608; ePSD) (T) CaCCaCuC
332. marguzum = *margūšum* ‘ein Harz-Busch’ (AHw: 611); ‘a resinous bush’ \*ePSD) (G) CaCCuCuC
333. maršum = *maršum* ‘a bed’ (AHw: 613–614; ePSD) (E) CaCCuC
334. mašhalum = *mašḥalu* ‘sieve’ (AHw: 625; ePSD) (E) CaCCaCuC
335. <sup>urud</sup>mašum ‘metal object’ (ePSD) (T) CaCuC
336. miktum ‘social class’ (Lipit-Ishtar XIV) < *maqātu* ‘to fall’ (CAD M 2: 105; ePSD) (P) CiCCuC
337. <sup>giš</sup>mubum ‘type of tree’ (ePSD) (G) CuCuC
338. muširum<sup>mušen</sup> ‘a bird’ (ePSD) (F) CuCiCuC

339. nagbu ‘spring; sources’ < *naqbu* (ePSD) (G) CaCCu  
 340. nakamtum = *nakkamtu* ‘storehouse’ (AHw: 721–722; ePSD) (E) CaCaCCuC  
 341. pagdu ‘expert’ = *paqdu* ‘entrusted, appointed official, expert’ (AHw: 826–827; ePSD) (P) CaCCu  
 342. <sup>du</sup>gpihu = *pīhu* ‘beer cup’ (AHw, 862; ePSD) (E) CiCu  
 343. rabianum = *rabiānum* ‘commander, a high official’ (ePSD) (P) CaCiaCuC  
 344. rabizigatum = *rabi sikkati* ‘an official (literally, ‘a lord of peg’)’ (ePSD) (P) CaCiCiCaCuC  
 345. sekrum = *sekretum* ‘enclosed woman’ (AHw: 1036; ePSD) (M) CeCCuC  
 346. šilum = *šilum* ‘Vertiefung’ (AHw: 1237); ‘depression ?’ (ePSD) (Ab) CiCuC  
 347. šiktum = *šiqdu* ‘almond-tree’ (ePSD) (G) CiCCuC  
 348. šibtum ‘dwelling’ = *šibtum* (E) CuCCuC  
 349. šulalum ‘punishment’ = *šalālu* ‘to plunder, to deprive’ (Ab) CuCaCuC  
 350. šurum ‘to sprinkle oil’ = *zarû* ‘to winnow, scatter’ (CDA, 445; ePSD) (V) CuCuC  
 351. talium ‘vegetable’ (ePSD) (G) CaCiuC  
 352. umamu = *umāmu* ‘animal, beasts’ (ePSD) (F) uCaCu  
 353. <sup>na</sup><sub>4</sub>unitum = *unītu* ‘a stone’ (ePSD) (G) uCiCuC  
 354. <sup>na</sup><sub>4</sub>urbitum = *urbītu* ‘a stone’ (ePSD) (G) uCCiCuC  
 355. <sup>giš</sup>urnum = *urnu* ‘small cedar’ (ePSD) (G) uCCuC  
 356. <sup>na</sup><sub>4</sub>usium ‘stone’ (ePSD) (G) uCiuC  
 357. utuplu = *utuplu* ‘scarf, shawl?’ (ePSD) (E) uCuCCu  
 358. zahirum = *šāhiru* ‘shoe straps?’ (ePSD) (E) CaCiCuC  
 359. zapitu<sup>mušen</sup> = *šapītu* ‘a bird’ (ePSD) (F) CaCiCu  
 360. zarraštum, zariaštum = *zarraštum* ‘a plant’ (ePSD) (G) CaCCaCCuC  
 361. zikru ‘name, mention’ = *zikru* ‘utterance, name’ (ePSD) (Ab) CiCCu  
 362. zizanu = *zizānu* ‘cricket’ (ePSD) (F) CiCaCu

#### Substratum/Adstratum

363. <sup>im</sup>duruna, <sup>im</sup>ti-nu-ur = *tinûru* ‘clay oven’ (AHw: 1360; ePSD) (T) CuCuCa, CiCuC  
 364. harub = *harûp/bu* ‘Johannisbrot’ (AHw: 329); ‘carob (tree)’ (ePSD) (G) CaCuC  
 365. nigib (ni-gi<sub>4</sub>-ib<sub>2</sub>) = *nikiptu* ‘spurge’ (AHw: 788; ePSD) (G) CiCiC  
 366. saman ‘tethering rope’ = *šummannu* ‘halter, tether’ (AHw: 1273; ePSD)  
 367. šušum = *šûšu* ‘licorice’ (ePSD) (G) CuCuC



368. yarahi (a-a-ra-hi) = *yarahhu* ‘a kind of good quality grain’ (ePSD) (E) CaCaCi  
 369. <sup>giš</sup>zamrutum, zamirtum, zamritum, zaritum, šaridu = *azmarû* ‘lance’ (ePSD) (T) CaCCiCuC

## Anlaut

Vowels: *a* >  $\emptyset$   
 Labial: *p* > *b*, *b* > *p*  
 Dental: *t* > *d*  
 Gutturals: *k* > *g*, *q* > *k*  
 Sibilants: *s* > *z*, *z* > *š*, *š* > *z*  
 Nasal: *n* > *l*

## Inlaut

Vowels: *i* > *e*,  $\bar{i}$  > *i*  
 Labial: *pp* > *b*  
 Dental: *t* > *d*, *d* > *t*  
 Gutturals: *kk* > *g*, *q* > *g*  
 Sibilants: *šš* > *nz*, *s* > *z*, *š* > *z*

## Auslaut

*u* > *i*  
*û* > *um*  
*um* > *a*  
*mb* > *b*  
*num* > *lum*, *lum* > *num*

The repertory of borrowings is extremely diverse. One may note a presence of many names for plants (especially conifers), animals, minerals, weapons and everyday objects. The number of social and professional terms, as well as of religious and cultural categories, is relatively small. However, the fact that some abstract nouns, expressing psychological conditions associated with fatigue, suffering and depression, were borrowed from the Akkadian language is quite remarkable, for there are no terms of this sort in the Sumerian one. Another interesting feature was the borrowing of many verbs (a lot more than during any previous periods). In some cases, verbs borrowed from the Akkadian language adopted the forms of composite Sumerian verbs: for example, in *šu huz* < *šūhuzu*, *šu tubul* / *r* ‘to mix’ < *šutābulu*, the first element is formed by a noun *šu* ‘hand’, whereas the second verb-like element had no homonyms in the Sumerian language and was meaningless. One could also assume that the old-Sumerian verb *hu-luh* (*ha-luh*, *ha-ha-luh*) ‘to fear, to tremble, to be afraid’, whose first part varies and the second one reminds the verb *luh* ‘to clean, to wash’ (semantically irrelevant in

this case), is actually the earliest version of an Akkadian loanword from the verb *palāḫu* ‘to fear’ (the Old Babylonian *buluh* (bu-luh)). It very well might be that, for the sake of an onomatopoeic imitation of trembling, the Anlaut form of the verb had adopted the sounding of its Auslaut.

### Preliminary Results

As a result of our study based on evidence of three hypertext databases of the Sumerian language (ePSD, CDLI, ETCSL), 369 Akkadian loanwords of the Sumerian period from Fara and Abu-Salabikh till the time of Hammurabi (the 26th–18th centuries BC) have been revealed. The preliminary results referred to the semantic and grammatical groups are as follows: 334 nouns, 12 verbs, 8 adjectives, 9 participles, 2 numerals, 1 conjunction, 1 interjection and 1 case indicator. Recently made assumptions about the relationship between the Sumerian pronoun 3Sg masc. -am3 and the Akkadian enclitic -ma (Karahashi 2008: 85–91) require a separate discussion.

Each era of the Mesopotamian history led to a necessity to borrow some very particular terms. Thus, during the Old Sumerian and Sargonic periods, it was mainly business, legal, and religious terms, as well as titles, that had been borrowed. During the time of the Third Dynasty of Ur, economic terms for bronze, copper, silver, wood and textiles used to dominate. During the Old Babylonian period, a significant portion of the loanwords included the names of plants, animals and minerals; however, economic and technical terms had still been dominating.

All selected Akkadian borrowing is to be divided into five groups according to the way of borrowing: a) full borrowing forms and meanings (*puhrum* < *puḫrum* ‘assembly’); b) change in form and conservation of meaning (*mada* < *mātu* ‘country’); c) change in form and meaning (*piluda* ‘ritual order’ < *bēlūtu* ‘power’); d) derivation of the Sumerian compound word from Sumerian and Akkadian simple words (*ni<sub>3</sub>-gi-na* ‘truth’ < *ni<sub>3</sub>* ‘thing’ + *gi-na* (< *kēn*) ‘constant’); e) derivation of a compound Sumerian word from one simple Akkadian word (*šu d/tubul* < *šutābulu* ‘mix’ ).

#### Semantic groups

- Anatomy (A): 2
- Abstract words (Ab): 11
- Kinship (K): 5
- Economics (E): 105
- Law (L): 3

Technics (T): 44  
 Politics (P): 27  
 Religion (R): 21  
 Geography and minerals (G): 74  
 Fauna (F): 24  
 Man (M): 8  
 Job (J): 4  
 Unknown meaning: 7

#### Grammatical groups

Verb (V) – 12  
 Adjective (Adj) – 8  
 Participle (Part) – 9  
 Conjunction (C) – 1  
 Interjection (I) – 1  
 Numerals (Num) – 2  
 Case – 1

#### Abbreviations

Gudea – the Second dynasty of Lagash (XXII–XXI B.C.), OAKk – Old Akkadian (XXIV–XXII), OB – Old Babylonian (XX–XXVI), OS – Old Sumerian (XXVII–XXIV), Ur III – the Third dynasty of Ur (XXI).

#### References

- Ahlberg, Yoshiwara 1991 – Ahlberg R., Yoshiwara R. Sumerian and Japanese: a Comparative Language Study. Japan English Service, 1991.  
 AHw – von Soden W. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1958–1981.  
 Alster, 1991 – Alster B. Contributions to the Sumerian Lexicon. 1. The Reading of AN.IM.DUGUD.mushen // *Revue d'assyriologie*. 1991. Vol. 85. P. 1–5.  
 Autran 1925 – Autran Ch. Sumérien et indo-européen. L'aspect morphologique de la question. Paris, 1925.  
 Ball 1913 – Ball C. J. Chinese and Sumerian. Oxford, 1913.  
 Bauer 1998 – Bauer J. Der vorsargonische Abschnitt der mesopotamischen Geschichte // J. Bauer, R. K. Englund, and M. Krebernik (eds.). Mesopotamien: Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit. Freiburg; Göttingen, 1998. S. 429–585 (*Orbis Biblicus et Orientalis*, 160/1).  
 Behrens, Steible 1983 – Behrens H., Steible H. Glossar zu den altsumerischen Bau- und Weihinschriften. Wiesbaden, 1983.  
 Bengtson 1997 – Bengtson J. D. The riddle of Sumerian: a Dene-Caucasian language? // *Mother Tongue*. 1997. Vol. III. P. 63–74.  
 Braun 2001 – Braun J. Sumerian and Tibeto-Burman. Warszawa, 2001.  
 CAD – Chicago Assyrian Dictionary. 1956–  
 CDA – Black J., George A., Postgate N. A Concise Dictionary of Akkadian. Wiesbaden, 2000.

- CDLI – Cuneiform Digital Library Initiative  
(<http://cdli.ucla.edu/search/search.pt>).
- Civil 1993 – Civil M. On Mesopotamian Jails and Their Lady Warden // The Tablet and the Scroll. Near Eastern Studies in Honor of W. W. Hallo. Bethesda, 1993. P. 72–78.
- Civil 2007 – Civil M. Early Semitic Loanwords in Sumerian // Fs. R. D. Biggs. Chicago, 2007. P. 11–34.
- Cohen 1993 – Cohen M. E. The Cultic Calendars of the Ancient Near East. Bethesda, 1993.
- DAB – Campbell Thompson R. A Dictionary of Assyrian Botany. London, 1949.
- Diakonoff 1997 – Diakonoff I. M. External Connections of the Sumerian Language // Mother Tongue. Journal of the Association for the Study of Language in Prehistory. 1997. Vol. III. P. 54–62.
- Edzard 2003 – Edzard D. O. Sumerian Grammar. Leiden; Boston, 2003.
- Emelianov 1999 – Емельянов В.В. Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака. СПб., 1999.
- Emelianov 2006 – Емельянов В. В. Поэтапная реконструкция шумерской этимологии (шумерский интегрированный тезаурус) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – X: Материалы Десятых чтений памяти И. М. Тронского. СПб., 2006. С. 78–84.
- Emelianov 2009 – Емельянов В. В. Аккадские заимствования в шумерском (до III династии Ура) // Индоевропейское языкознание и классическая филология–XIII: Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. СПб., 2009. С. 171–183.
- Emelianov 2010a – Емельянов В. В. Аккадские заимствования в шумерском (III династия Ура) // Индоевропейское языкознание и классическая филология–XIV: Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. СПб., 2010. Ч. 1. С. 296–312.
- Emelianov 2010b – On the Early History of melammu // Proceedings of the 53e Rencontre Assyriologique Internationale. Vol. 1. Language in the Ancient Near East. Winona Lake, Indiana, Eisenbrauns, 2010. P. 1109–1119.
- Emelianov 2011 – Аккадские заимствования в шумерском (Старовавилонский период) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. 20–22 июня 2011 г. СПб., 2011. С. 165–177.
- Emelianov 2013 – Емельянов В.В. К истории шумер. (m)uzug: орфография, семантика, этимология // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. СПб., 2013. С. 282–289.
- ePSD – Pennsylvania Sumerian Dictionary (electronic view)  
<http://psd.museum.upenn.edu/epsd/index.html>.
- Fournet 2011 – Fournet A. About Some Features of Loanwords in Hurrian // Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies. 2011. Vol. 6/1. P. 43–59.
- ETCSL – The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature  
<http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/>.

- Gelb, Kienast 1990 – Gelb I. J., Kienast B. Die Altakkadischen Königsinschriften des dritten Jahrtausends v. Chr. Stuttgart, 1990.
- Gostony 1975 – Gostony, C. G. Dictionnaire d'étymologie sumérienne et grammaire comparée. Paris, 1975.
- Hilgert 2002 – Hilgert M. Akkadisch in der Ur-III Zeit. Münster, 2002 (= IMGULA 5).
- Karahashi 2008 – Karahashi F. Sumerian Enclitic -am and Akkadian Enclitic -ma: From Copula to Focus Marker // RAI LI. Chicago, 2008. P. 85–91.
- Kassian 2010/2011 – Kassian A. Hurro-Urartian from the Lexicostatistical Viewpoint // Ugarit-Forschungen. 2010/2011. Bd. 42. P. 383–451.
- Kogan 2006 – Kogan L. Animal Names of Biblical Hebrew: An Etymological Survey // Babel und Bibel 3. Moscow, 2006. P. 257–320.
- Krecher 1987 – Krecher J. /ur/ 'Mann', /eme/ 'Frau' und die sumerische Herkunft des Wortes urdu(-ud) 'Sklave' // Welt des Orients. 1987. Bd. 18. S. 7–19.
- Krispijn 2004 – Krispijn Th. J. H. pa<sub>4</sub>.šeš 'Ältester' // Von Sumer nach Ebla und zurück. Festschrift Giovanni Pettinato zum 27. September 1999 gewidmet von Freunden, Kollegen und Schülern. Heidelberger Orientverlag, 2004. S. 105–112.
- Labat 1952 – Labat R. Manuel d'épigraphie accadienne. Paris, 1952.
- Landsberger 1949 – Landsberger B. Jahreszeiten im Sumerisch-Akkadischen // Journal of Near Eastern Studies. 1949. Vol. 8. S. 248–272, 273–297.
- Langdon 1935 – Langdon S. Babylonian Menologies and the Semitic Calendars. London, 1935.
- Lieberman 1977 – Lieberman S. J. The Sumerian Loanwords in Old Babylonian Akkadian. Harvard, 1977
- MAD 2 – Gelb I. J. Old Akkadian Writing and Grammar. Chicago, 1961 (= Materials for the Assyrian Dictionary 2).
- MAD 3 – Gelb I. J. Glossary of Old Akkadian. Chicago, 1957 (= Materials for the Assyrian Dictionary 3).
- Militarev 1995 – Милитарев А. Ю. Шумеры и афразийцы // Вестник древней истории. 1995. № 2. С. 113–127.
- Militarev, Kogan 2005 – Militarev A., Kogan L. Semitic Etymological Dictionary. Vol. II. Animal Names. Münster, 2005.
- MSL SS1 – Civil M., Kennedy D. A. Middle Babylonian Grammatical Texts // Materials for the Sumerian lexicon. Supplementary series, 1. Rome, 1986
- Parpola 2010 – Parpola S. Sumerian: A Uralic Language (I) // L. Kogan et al. (eds.). Language in the Ancient Near East. Compte rendu de la 53<sup>e</sup> Rencontre Assyriologique Internationale, 23–28 July 2007. Moscow, 2010. P. 181–210 (= Babel und Bibel 4/6).
- Powell 1986 – Powell M. A. mun-du as an Akkadian Plural Loan Word in Sumerian // Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie. 1986. Bd. 76. S. 12–16.
- Powell 1987–90 – Powell M.A. Masse und Gewichte // Reallexikon der Assyriologie 7 (1987–90). Berlin: Walter de Gruyter. S. 457–517.
- PSD – Pennsylvania Sumerian Dicitonary. Philadelphia, 1984–
- Rubio G. On the Alleged "Pre-Sumerian Substratum" // Journal of Cuneiform Studies. 1999. Bd. 51. P. 1–16

- Sallaberger 1993 – Sallaberger W. Der Kultische Kalender der Ur-III Zeit. Teil I–II. Berlin; New York, 1993.
- Sommerfeld 2006 – Sommerfeld W. Die ältesten semitischen Sprachzeugnisse – eine kritische Bestandsaufnahme // G. Deutscher, N. J. C. Kouwenberg (ed.). The Akkadian Language in its Semitic Context. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 2006. P. 30–75. (= Publications de l’Institut historique-archéologique néerlandais de Stamboul. T. 106).
- Steiner 2003 – Steiner G. Akkadische Lexeme im Sumerischen // Fs. Pelio Fronzaroli. Wiesbaden, 2003. P. 630–647.
- Stolbova 2005 – Stolbova O. Chadic Lexical Database. Issue I. L, N, NY, R. Kaluga, 2005.
- Vizirova, Kaneva, Koslova 2010 – Визирова Е. Ю., Канева И. Т., Козлова Н. В. Шумерский язык // Языки мира. Древние реликтовые языки Передней Азии. М., 2010.
- Wilcke 1991 – Wilcke C. Die Lesung von AŠ<sub>2</sub>-da = kiššātum // Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires. 1991. Vol. 1. No. 16. P. 13–14.
- Wilcke 2005 – Wilcke C. ED Lú A und die Sprache(n) der archaischen Texte // W. H. van Soldt et al. (hrsg.). Ethnicity in Ancient Mesopotamia. Papers read at the 48th Rencontre Internationale. Leiden, 1.–4. July 2002. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 2005. S. 430–445(= CRRAI 48).
- Whittaker 1998 – Whittaker G. Traces of an Early Indo-European Language in Southern Mesopotamia // Göttinger Beiträge zur Sprachwissenschaft. 1998. Vol. 1. P. 111–147.

### **V. V. Emelianov. Akkadian loanwords in Sumerian revised**

The article contains revised and corrected results of the author’s papers previously published in Russian. It devoted to the problem of Akkadian loanwords in Sumerian and discusses morphological, semantic and grammatical classification of 369 Sumerian lemmata.

*Keywords:* Sumerian language, Akkadian language, Akkadian loanwords in Sumerian, Sumerian etymology, Sumerian *Weltanschauung*.

Г.-Р. А.-К. Гусейнов

**ОБ ОДНОЙ ИЗ ВЕРОЯТНЫХ ОБЛАСТЕЙ  
ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ  
НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ И ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКОВ,  
ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ АЛАНИЗМАХ**

В статье приводятся новые историко-лингвистические данные, позволяющие предполагать закавказскую локализацию области первоначального распространения нахско-дагестанских и осетинского языков в период до продвижения их носителей на Северный Кавказ. К анализу привлекаются также некоторые сведения, касающиеся генетики и антропологии. В контексте высказанного предположения подвергаются дополнительному рассмотрению аланизмы, традиционно интерпретируемые как следствие лексического влияния осетинского (аланского) языка на нахско-дагестанские.

*Ключевые слова:* нахско-дагестанские и осетинский языки, область первоначального распространения, историко-лингвистические данные, аланизмы.

Сравнительно недавно Х. Фенрихом (Fahnrich 1986, 1988) был поставлен вопрос о нахско-дагестанском субстрате в сванском языке, некоторые уточнения и дополнительные соображения в пользу которого были высказаны и автором этих строк (Гусейнов 1999). Несколько ранее Г. А. Климов (1986:183) обосновал положение о том, что нахские племена на рубеже новой эры занимали, возможно, территорию южных склонов Центрального Кавказа (Двалетию, Тушетию, Пшав-Хевсуретию) в непосредственной близости от Сванетии, носители дагестанских языков – частично Кахетию.

С учетом этих положений нами, в свою очередь, было высказано мнение о продвижении части нахских племен – вайнахов (будущих чеченцев и ингушей) – из Закавказья на Северный Кавказ. Другая часть нахских племен могла быть ассимилирована, за исключением носителей бацбийского языка в Грузии, соседними народами – грузинами и осетинами (см. Гусейнов 2007)<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> О возможном движении части сванов (*šwan-*) вместе с будущими вайнахами на Северо-Восточный Кавказ свидетельствуют названия:

Продвижение вайнахов на Северный Кавказ, по этнографическим данным, имело место на рубеже раннего и позднего средневековья (Кобычев 1977: 183, 184), глоттохронологическим (на основе 100-словного списка Сводеша) распад нахской (под)группы относится к XIII–XIV вв., вайнахской – XVI–XVII вв. (Гусейнов, Мугумова 1983: 45). По подсчетам на основе формулы С. А. Старостина, первый процесс относится ко второй половине I в. н. э., второй – к XIII–XIV вв. (Коряков 2006: 21).

Появление носителей осетинского языка в нынешней области их обитания традиционно датируется началом I тыс. н. э. (к этому же времени, по генетическим данным, имеет место распад осетинской общности на дигорцев и иронцев – см. Balanovsky)<sup>2</sup> с севера их предков – ираноязычных алан, расселившихся также в Предкавказье и сохранившихся после нашествия монголов и Тимура лишь в горах Кавказа (Алан. яз.). В результате оседания этих племён в областях Центрального Кавказа коренное население восприняло их язык, который сохраняет генетическую преемственность с языком аланов и скифов и претерпел существенные изменения под влиянием языков кавказских народов (Бол. сов. энц //dic.academic.ru/dic.Nsf /bse /117066/...)<sup>3</sup>.

---

с. Шоан – в Джераховском ущелье Ингушетии (см. <http://www.ingushforum.ru /viewtopic.php?id=479>), а также тейпа и селения Восточной Чечни Шуани/Шуон-ой/Шоьна. Жители последнего, за исключением пришлого населения, считают себя потомками евреев – *жубьт-ий* (см. Сулейманов 1978: 235–236), вероятно, первоначальных насельников-хазар (ср. ареально смежный ойконим *Газар-Гала* ‘Хазарская крепость’ – см. Сулейманов 1997). На возможную миграцию сванов и на более близкий Северо-Западный Кавказ указывает название горы Шоана на левом берегу Кубани в районе г. Карачаевск с известным Шоанинским (Хумаринским) храмом X–XI вв. (см.: Шоан. храм).

<sup>2</sup> Примерно в это же время распадались на нынешние языки подгруппы северокавказских языков (Коряков 2006: 21), что указывает на возможность контакта на соответствующих уровнях. Период самостоятельного развития осетинского языка в числе прочих новоиранских также имеет место после VIII–IX вв. (Осн. иран. язык. 1979: 17).

<sup>3</sup> По генетическим данным, мужчины-осетины могут считаться потомками небольшой группы пришельцев. Она быстро росла в последние 1500 лет, и в конце 1300-х гг. пережила катастрофу, возможно, связанную с нашествием Тимура. По материнской линии их предки говорили на одном из северо-западных кавказских (адыгских) языков, близких к кабардинскому или черкесскому. Причем антропологически осетины XVIII века ближе к западным адыгам (черкесам), а современные – к восточным (кабардинцам). Однако ни осетины, ни кабардинцы не оказываются генетически связанными с теми областями Европы, куда предположительно мигрировали аланы и другие сарматские племена, а



В целом же генофонд Кавказа обнаруживает большее сходство с генофондом Ближнего Востока, чем с генофондом Европы, включая Западный Кавказ, который наиболее тесно генетически связан не только с другими регионами Кавказа, но и с Юго-Западной Азией. Все это, в принципе, отвечает забытому, в частности и по идеологическим соображениям, положению Н. Я. Марра (1916: 1391, 1394) о «передвижении яфетических народов с юга на север Кавказа», оттесненных грузинами как «наиболее поздними поселенцами». Это, по его мнению, обусловило скопление «наибольшего количества разнообразных племен... у горных проходов Кавказского хребта», в особенности «обслуживаемого... Военно-Грузинской дорогой» (район Дарьяльского прохода).

Причем еще «во время ирано-византийских войн в VI в. шах Ирана через своего наместника в Восточной Грузии держал в Дарьяльской крепости гарнизон, снабжавшийся всем необходимым из Тбилиси. Поэтому позднейшая ирано-арабская историческая традиция приписывала основание Дарьяльской крепости иранскому шаху Хосрову I Ануширвану (531–579 гг.)» (Дарьял. креп. // <http://www.ossethnos.ru/history/alan/75-daryal...>).

Кроме того, А. Гаджаев ([// central-eurasia.com / ?uid = 1517](http://central-eurasia.com/?uid=1517)), основываясь на данных Ибн Ал-Асира, по которым на восточном берегу Куры напротив Тифлиса Ануширван «построил в стране Джорзан [Грузии] город Согдебиль и поселил в нем согдийцев и персов», обращает внимание на то, что согды (их наследники носители ягнобского языка) – идеально подходили для охраны высокогорного (более 2.000 м над уровнем моря) Дарьяльского прохода. Город находился вблизи современной Южной Осетии (исторической Двалетии). После его завоевания арабами в 644 г. жители города переселились в окрестные деревни<sup>4</sup>. По мнению А. Гаджаева, «это возможно и объясняет тот факт, что ираноязычные осетины-иронцы проживают по обе

---

также скифами, потомками которых считаются осетины (Genetic clues).

<sup>4</sup> Здесь они, по всей видимости, ассимилировались, передав местному (картвелоязычному) населению свой язык. Об этом говорит то, что, по антропологическим данным, «осетины Цхинвальского района сближаются, прежде всего, с восточной группой кавкасионского варианта (мтиульцы, гудамкарцы, мохевды, хевсуры и тушины) и, частично, также с западными группами этого же варианта (сваны, рачинцы). Отмечается также довольно близкое сходство этой группы с грузинскими этнотерриториальными группами» (Гаглойти).

стороны Главного Кавказского хребта и близость их языка с ягнобским языком».

Однако, как полагал еще Г. С. Ахвледиани, речь должна идти лишь о южноосетинском говоре северного иронского диалекта, представленном в ущельях Малой Лиахвы и Ксани. Здесь же, в Южной Осетии, известен архаический двальский (кударо-джавский) диалект, локализуемый в вышеупомянутой исторической Двалетии. Этот диалект, в свою очередь, объединяется с дигорским и противопоставляется иронской разновидности осетинского языка (см. Камболов 2006: 63)<sup>5</sup>.

Название Двалетии, рядом с которой (см. выше) поселились согдийцы и персы, возводится к груз. *Dval-i* из «Картлис Цховреба» в связи с событиями II в. н. э. К нему, известному в качестве названия одной из местных кавказских этнических групп, с которой связываются *Valli / Divali* Плиния (ок. 77 г. н. э.) и Οὐάλοι [ual-oi] Птолемея (II век н. э.), локализуемые им между Керавнскими горами и Волгой, возводится наименование *Twal-tá* осетин-туальцев, проживающих в верхнем течении р. Ардон на северном склоне Большого Кавказа. С ними отождествляются названия, документируемые с VII в. н.э. в армянских (*Dowalk*) и арабских (*Tuāl-ās*) источниках, а также *Duelli* в латинском источнике 1404 г. из Султанийе на северо-западе Ирана (см.: Абаев 1979: 326–327; Абаев 1989: 19; Алемань 2003: 39, 411, 222, 40 прим. 49).

Однако при ближайшем рассмотрении вышеупомянутые названия могут быть, в принципе, соотнесены с болгарскими ламбдоидными (ввиду чув. *tul* ‘верх, лицевая сторона’, ‘пространство вне помещения’) репрезентатами обще-, межтюрк. *daš/\*tal* ‘внешняя сторона (часть)’ (см. Этим. сл. ТЯ 1980: 164, 165). В свою очередь, лабиальный (-v-, -w-, -u-) элемент в них – отражать др.-чув. (булг., с рубежа н. э. до IX в. н. э. – времени миграции болгар на Волгу) лабиализованное – \*ǎ-, которому в позиции перед -l- закономерно отвечает форма -ul- (см. Ср.-ист. гр. ТЯ 2002: 678, 679 табл. 1). Аналогичные однокорневые ойконимы болгарского происхождения с анлаутными *t-* и *d-* (*Дылым*, *Рутул*) известны и в ойконимике (пред)горного Дагестана (Гусейнов 2005: 98, 99), первый из которых может отражать озвонченный анлаут \*t- > d-, присущий дунайско-

<sup>5</sup> Ср. по антропологическим данным: «осетины Джавского района ближе всех к западным группам кавкасионского варианта [сваны, рачинцы]. Среди осетинских групп джавцы ближе всех к дигорцам» (Гаглойти).

булгарскому языку (Мудрак 2005: 96) VII–IX вв., но и какому-либо из булгарских диалектов Центрального Кавказа. Об этом свидетельствует осетинский субэтноним дигор. *digor* / ирон. *dygūr*, исторический корень которого (*dig-*), отразившийся в «Географии» Моисея Хоренского (VII в.) как *Aš-tikor*, интерпретируется как вполне вероятное тождество самоназванию адыгов *adəyā* [адыгэ] (см. Абаев 1958: 379–380)<sup>6</sup>.

Данный хороним, учитывая его семантику, отражает ареальную позицию наблюдателя-тюрка, носителя одного из булгарских диалектов, представленных на Центральном Кавказе в I–II вв. н. э., на Закавказье как внешнюю (верхнюю<sup>7</sup>) по отношению к нему сторону (часть), находящуюся за Главным Кавказским хребтом вне области его пребывания. Причем двальский (кударо-джавский) осетинский диалект, как, в принципе, и такой же более давний дигорский, локализуется к

<sup>6</sup> Компонент *Aš-* в *Aš-tikor* может быть соотнесен с обще-, межтюрк. *āš-* ‘переваливать (через гору)’ или чув. (волж.-булг.?) *āš-* ‘внутренность, внутренняя часть’ (см. Этим. сл. ТЯ 1974: 213, 389). Исторический корень этнонима *adəyā* (*адыгэ*), где *a-* является префиксом, который в начале слов абхазо-абазинских и убыхского языков представляет категорию определённости существительных (Климов 1986: 37), в т. ч. заимствованных в абхазском, может отражать болгарское (с вышеупомянутым озвонченным анлаутом *\*t- > d-*, присущим дунайско-булгарскому языку) название горы, восходящее к пратюрк. *\*tāy* с конечным *-y*, что, по данным X в., характерно для волжско-булгарского языка (Хакимянов 1997: 49). Имея в виду редукцию исходного корневого *-a-*  $\rightarrow$  *-ā-* в чув. *tāw* ‘гора’ (Этим. сл. ТЯ 1980: 118), можно предполагать освоение корневого редуцированного *-ā-* этимона через ближайший закрытый (краткий) *-ə-*, т. е. ‘горец’ (конечное *-ā(-ə)* – показатель, встречающийся в названиях западноадыгских племен Жанэ и Сашэ), что, по всей видимости, отражает характер области исходного расселения адыгов. При этом редукция широких гласных, включая *-a->-ā-*, началось ко времени продвижения болгаро-суварских племен с Северного Кавказа в Поволжье в IX в. (см. Ср.-ист. гр. ТЯ 2002: 255). На давность усвоения указывает передача корневого *-y-*, не присущего западноиранским языкам (см. в последующем изложении), через взрывной осетинский *-g-*. О том же свидетельствует освоение через исторически первичный гласный *-i-* в дигорском при вторичном иронском *-y-* (см. Эдельман 1986: 72) редуцированного *-ā-* этимона, артикуляционно близкого к *-y-* и неизвестного древнейшему состоянию вокализма иранских языков (Эдельман 1986: 67–72). Все это позволяет локализовать болгарский источник рассмотренных форм на Северо-Западном и Центральном Кавказе до VII в. (ср. *Aštikor*).

<sup>7</sup> Ср. в рассматриваемом отношении и древнейшее пратюркское происхождение этнонима *алан* как обозначения жителей равнины, исходная форма которого с анлаутным *h-* (Гусейнов 2010б: 102–103) может указывать на ее праалтайский генезис (см. Дыбо 2007а: 48).

западу от Дарьяльского прохода в непосредственной близости от ареала распространения сванского языка, под которым предполагается (см. в предшествующем изложении) нахско-дагестанский субстрат<sup>8</sup>.

Но самое главное, вышеупомянутые исторические данные позволяют считать далеко не случайным (см. ниже) то, что, хотя осетинский язык относится к (северо-) восточноиранским, подавляющее большинство его черт, как будет показано в последующем изложении, закономерно обнаруживает западноиранский характер. Так, единственный специфический *морфологический* осетинский показатель мн. ч. *-t(a)* известен в согдийском (!) и хорезмийском, а также ягнобском (!) языках и в названиях скифо-сарматских племен, против чего (бытования данного показателя в скифском языке) довольно обоснованно возражал в свое время М. Фасмер (см. Осн. иран. язык. 1979: 117, 339–341). Причем данный аффикс<sup>9</sup> совпадает с аналогичным восстанав-

<sup>8</sup> Возможно, соответствующую ареальную ситуацию отражает чеч., инг. *hiri* ‘осетины-иронцы’ (> авар. *hiri* ‘осетин’), *dugor* ‘осетины-дигорцы’ при горночеченском (чеберлойский и итумкалинский диалекты) *digor* (Алироев 1975: 316), восходящем к самоназванию дигорцев. Источником обозначения осетин-иронцев – *hir(i)* и их самоназвания ирон. *ir* / дигор. *iré* (см. Абаев 1958: 545) могла послужить местная болгарская с переходом \*q- > x- > h- (см. Гусейнов 2010а: 29) > осет. ∅ форма пратюрк. \*qur ‘плоскогорье’ и ‘степь, равнина, поле’ (Ср.-ист. гр. ТЯ 2001: 87), поддерживаемая чув. *xir* ‘поле’, ‘дикий (некультивированный)’ (Этим. сл. ТЯ 2010а: 227), что, возможно, отражает более древнюю ландшафтную (вероятно, высоко- и плоскогорье) специфику расселения местных болгарских племен до перемещения сюда будущих носителей осетинского языка.

<sup>9</sup> Этот же аффикс представляется возможным выделить и в термине *нарт*, традиционно считающемся генетически иранским, с корневым праалтайским, подобно этнониму *алан* (см. выше), \**nar* ‘муж’ (см.: Ср.-ист. гр. ТЯ 2001: 303; Ср.-ист. гр. ТЯ 2006: 10, 228), что подтверждается бытованием слова *нарпак* ‘богатырская сказка’ в сагайском наречии хакасского языка (Радлов 1905: 651). На древность слова указывает и то, что в нарт-орстхойской разновидности нартского эпоса, в большинстве его вариантов, герои гибнут, выпив расплавленную медь (Мифол. сл. 1990), ибо праалтайской общности (до VI тыс. до н. э.) не были известны металлы. О том, насколько древним было пребывание непосредственных предков тюркских народов, например, кумыков на (Северном) Кавказе, свидетельствует отмеченное фольклористами и историками упоминание именно в нартском эпосе южных (!) осетин кумского (гумского) человека (кумака), Кумской (Гумской) равнины (долины). Там же встречаются названия страны Гум, Гумское ущелье, в котором в большом доме с железной (!) дверью жил Гумский владетель по имени Кьобор. Известны также Гумский перевал,

ливаемым для праалтайского (ср. аналогичный генезис этнонима *алан*), включая пратюркский (Ср.-ист.гр. ТЯ 2006: 228), что могло обусловить в силу большей его древности – до VI тыс. до н. э. проникновение в вышеупомянутые языки.

Не менее важны общевосточноиранские *фонетические* соответствия древнеиранскому, включающие осетинский язык. Первые два из шести представляет собой известные исключения, так как в них сохраняются древне(западно)иранские звучания: \**b*- (вост.-иран. *β*- [*v*<sup>-10</sup>, *w*-]) в осетинском, скифском (возможно, также мёртвом среднеиранском бактрийском) и \**d*- (вост.-иран. *δ*-) в осетинском, скифском, ягнобском (!) и памирском ишкашимском-сангличи (Осн. иран. язык. 1979: 91, 93).

Третье – др.-иран. \**g*- > вост.-иран. *γ* – имеет место в лишь в архаическом южном дигорском диалекте (Осн. иран. язык. 1979: 94), но при ирон. *q*-, который наблюдается в обоих диалектах для заимствований и единичен для исконных слов (см. Эдельман 1979: 146) и считается усвоением из тюркских языков (Абаев 1985: 74). При этом звук *γ*- в дигорском диалекте мог передавать неполноозвонченный анлаутный *q*- огузского типа, присущий кумыкскому и азербайджанскому языкам (см. Ср.-ист. гр. ТЯ 1984: 199, 200, 186).

Подобным же образом при освоении тюркизмов в аваро-андо-цезских языках анлаутному *q*- этимона отвечают как *q*-, так и *γ*-. Последний из них объясняется влиянием ныне территориально отдаленного южного (огузского типа кайтагского) диалекта кумыкского языка, для которого характерен озвон-

---

селение Гум и т. д. Главный герой нартов Созырыко Сослан, а иногда и другие нарты вступают в борьбу с Гумским человеком, но они постоянно терпят от него поражение, несмотря на то, что прибегают к разного рода хитростям. Невзирая на сложные отношения, гумцы любят нартов, всегда щедро их одаривают, прощают за нападения и коварство. Как полагает Б. А. Алборов, это указывает на давнее соседство этих двух народов (см. Аджиев 1977: 35; Кузнецов 1980: 96–115; Алборов 1979: 131, 132).

<sup>10</sup>В раннеосетинском в инлаутной позиции в то время, как в начале слова и после носовых – *b* (Эдельман 1979: 188–189), в связи с чем остается неясной квалификация в качестве аланизмов (см. в последующем изложении) при наличии осетинского соответствия *avg* (ирон.) | *avgé* (дигор.) ‘стекло’, ‘бутылка’, первому из которых отвечает агул. *agw* ‘зеркало’, второму – инг. *oaqé*, венг. *üveg*, *éveg* ‘стекло’, в то время, как адыг., каб. *abğ*, арч. *kabk*, таб. *amg* ‘зеркало’, оказываются более близкими к перс. *ābgīna* ‘стекло’, ‘хрусталь’ (см.: Абаев 1958: 84; Климов 1986: 194). Высказывалось также мнение о непосредственном усвоении арч. *kapk* из осет. *avg* (см. Микаилов 1970: 337–338).

ченный *q*- (Тадинова 2007: 72–73) (как и для центрального (буйнакского) – см. Ср.-ист. гр. ТЯ 1984: 186).

Аналогичная последней  $\gamma$ -закономерности картина имеет место и в ареально смежных с осетинским вайнахских языках (Алироев, Бибулатов 1970: 162). О том, что, возможно, в рассматриваемую эпоху ареальные взаимоотношения вышеназванных языков носили несколько иной характер, говорит и то, что в последних языках, особенно чеченском, некоторые осетинизмы обнаруживают близость к дигорскому диалекту (Абаев 1959: 112)<sup>11</sup>.

Все это свидетельствует о том, что на дигорский осетинский, как и на территориально смежные друг другу вайнахские и аваро-андо-цезские языки, мог оказать влияние тюркский язык огузского (см. ниже) типа, указывает на древность соответствующих связей и ареально смежную локализацию их носителей в пределах, территориально взаимно близких. Тем более, что, по данным грузинского историка конца XI в. Джуаншера, печенежская страна «Пачаникети (непосредственно) граничила с Осетией по реке (Терек -?), которая находится внутри (!) Осетии...» (см. Анчабадзе 1960: 116) и могла отделять друг от друга будущих дигорцев и иронцев. Распад их общности, как было отмечено выше, относится примерно к тому же времени.

Четвертое звуковое соответствие, имеющее принципиально важное значение для проблематики нашего исследования, – др.-иран. \**č*- > вост.-иран. *c*- (см. Осн. иран. язык. 1979: 92, 93, 94–95), так как в стародвальском (джавском–юго-осетинском) в Грузии, а также в заимствованиях из осетинского в соседние кавказские языки имеет место (западноиранское) сохранение (см. Исаев 1969: 121–122) аффрикаты \**č*-, не переходящей в *c*- (Осн. иран. язык. 1979: 327), представленное в дигоро-иронском (североосетинском). Данное явление, наряду с ауслатной позицией (см. в последующем изложении – пятое из вышеупомянутых соответствий), поддерживается согдийским и ягнобским (!) языками (Осн. иран. язык. 1979: 95, 96). Оно, что существенно, «свидетельствует об относительно позднем переходе \**č*- > *c*- (и соответственно \**dž* > *dz*), который не может восходить к скифским временам» (Эдельман 1986: 158), т. е. с сер. I тыс. до н. э. (Осн. иран. язык. 1979: 327).

<sup>11</sup> При этом в ауслатной позиции осетинизмов, известных третьему нахскому языку – бацбийскому, представленному в Грузии, сохраняется более ранний ауслатный *-g* (> *-j* в чеченском и ингушском) этимонов (Имнайшвили 1977: 256–257).

Приняв же во внимание анлаутное чоканье, присущее кударо-джавский (юго-осетинской) речи, особенно важным в контексте рассматриваемых взаимоотношений представляются соответствия осет. *cyrt* (ирон.) / *cirt* (дигор.) ‘1. надмогильный камень; 2. могила’. Примыкающим к нему считается сван. *čirt* ‘куча камней’ и чеч.-инг. *čurt* ‘надмогильный камень’. Последние обнаруживают гораздо большую близость к другим индо-иранским *č*-формам, в т.ч. в семантическом отношении – возводимое к др.-иран. (авест.) \**čithra* ‘(видимый) знак’, τζηρθε ‘памятник’ из Зеленчукской надписи (см. Абаев 1958: 325–326).

Она относится к X или XI–XII вв., и вместе с тем известен вариант чтения *cyrtæ*, связываемый с дигор. *cirt-tæ* – формой мн. числа в одном из его говоров. Вместе с тем, имея же в виду сван. *čirt* (?), полагают, что «тесные контакты дигорцев со сванами прекратились не позже XIII–XVI вв.», несмотря на отсутствие территориальной смежности (см. Камболов 2006: 34), так как, действительно, надпись находилась в районе Архыза на р. Большой Зеленчук, истоки которой граничат с Абхазией.

Вышеупомянутое чоканье, присущее южноосетинскому ареалу, отражается и в одном так называемых «аланизмов – слов, имеющих свои прототипы в осетинском языке» (Эфендиев 2003: 29), которые представлены практически во всех языках Северного Кавказа. Они также, по В. И. Абаеву, имеют «удовлетворительную индоевропейскую этимологию» (см. Климов 1986: 194)<sup>12</sup>, как, в частности, – осетинское (*сæвæг*) название косы – субстантивированное причастие от *сæвун* ‘бить’. Ему, на первый взгляд, полностью отвечают чокающие формы северокавказских языков, считающиеся – абх. *a-čbaga*, каб. *šamäg*, анд., гунз. *činič*, лак. *čmīč*, рут. *xabag* (точнее, *činač*, а также дарг. *činač*, бежт. *činič*, арч. *činič*<sup>o</sup> то же – Климов, Халилов 2003: 146) – аланизмами. (Абаев 1958: 319). Однако вместе с тем

<sup>12</sup> К их числу относится (Климов, 1986:194) еще одно сванское слово *pusn, pUSD* ‘хозяин’, считающееся усвоением из осет. *fysum* (ирон.) | *fusun* (дигор.) (Климов, Халилов 2003: 51) ‘хозяин в отношении гостя’, ‘лицо, оказывающее гостеприимство, принимающее гостя’, к которому возводятся также абх. *â-pš<sup>o</sup>ta*, абаз. *pšuma*, адыг. *bəsəm*, каб. *bəsəm*, инг. *fuscəm*, чеч. *husam* ‘пристанище’, ‘дом хозяина’ (Абаев 1958: 502). Но при этом следует отметить отражение в большинстве заимствований более раннего дигорского вокализма в то время, как адыг., каб. *bəsəm* непосредственно отвечают более позднему ирон. *fysum*, но сван. *pusn* – лишь ареально смежному архаическому дигор. *fusun* при неясности отношения ввиду инлаутного -š- абх. *â-pš<sup>o</sup>ta*, абаз. *pšuma* к авест. *fšūmant* ‘владелец скота’ (см. Абаев 1958: 502).

сравнительно недавно было высказано и достаточно обоснованное мнение о тюркском происхождении данной лексемы (Катчиев 2009: 156), чем, в принципе, представляется возможным объяснить ее широкое распространение в языках Северного Кавказа и Дагестана.

Чоканье присуще, кроме того, осетинизмам мегрельского в западном Закавказье и ареально смежным тюркским языкам региона (карачаево-балкарскому) на севере. В первом отношении речь идет о названиях кучи камней и горящих углей, втором – к.-балк. *čeget* ‘северный склон’ (балк.) и ‘лес’ (карач.), которое, по мнению авторитетных специалистов, является в осетинском балкарским по происхождению (Дыбо 2007б: 344–345) с присущим данному языку цоканьем (см. ниже), столба, грыжи, кадушки. В неясном отношении к ним находится предположительно соотносимое с аланским – каб. *šüt'üt'* ‘озеро’ при осет. *cad|cadé* то же (Абаев 1958: 296, 297–298, 299, 309–310, 300, 308, 285), а также кум., к.-балк. *čaγar* ‘крепостной крестьянин’, не отмеченное, по нашим наблюдениям, в других тюркских языках. Его цокающим (см. в последующем изложении) болгарским (ввиду известности болгарского рода *чакар* – см. Баскаков 1985: 39) диалектным вариантом является, по всей видимости, осет. *caγar* ‘раб’, которое считается ввиду скиф. (собственное имя) *Θιαγαρος* скифо-осетинской формой, усвоенной, возможно, из согд. *č'γr*, иначе ожидалось бы осет. \**caγar* ввиду перс. (у Фирдоуси), пехл. *čākar* ‘слуга’, производных от *kar* ‘делать’ (Абаев 1958: 286).

Пятая черта – характерное для восточноиранских языков цоканье – имеет место, как уже отмечалось, и в осетинском ауслауте, в т.ч. иронском диалекте в инлаутной позиции *-c > -dz*, как и в некоторых других восточноиранских языках (Осн. иран. язык. 1979: 327). Оно, как и в анлаутной позиции, могло развиваться в осетинском на Северном Кавказе и под влиянием местных тюркских языков.

При этом следует принять во внимание, что цоканье является достаточно древним в тюркских языках и восходит, как минимум, к хазарскому (булгарскому) времени, то есть к VII–X вв. Причем о древности цоканья свидетельствуют также аналогичные данные монгольских языков. Оно сгущается на территории Кавказа, включая центральную часть Северного, и оказывается известным диалектам хазарского, турецкого, азербайджанского, карачаево-балкарского, киргизского, караимского и в отдельных случаях кумыкского (брагунский (Чечня) и кизлярский (Север-



ная Осетия) говоры терского диалекта) языков (см. Гусейнов 2010а: 37–38).

Показательны в рассматриваемом отношении и некоторые цокающие (с этимологическим *ǰ*) тюркизмы обоих диалектов осетинского языка (см. Абаев 1958: 289, 289–290, 311, 319, 326, 328), в которых цоканье относится, по всей видимости, к эпохе их взаимоотношений с древними болгарскими языками:

первая часть осет. *Wac-illa|Wac-elia, Wac-ella* ‘грозовое божество’ святой Ильи) > груз. (мохев.) *vačil-oba* ‘название праздника в июле, сопровождаемого закланием козла’, лак. *vac'illu* ‘название праздника, отмечаемого в июне, и святилища близ сел. Кумух’<sup>13</sup> (см. Абаев 1989: 30–31), что с учетом исходного чокающего характера первой из сравниваемых форм позволяет сравнить ее непосредственно с чув. *və°DŽə°* ‘злоба, месть’ (< обще-, межтюрк. *ǰǰ* ‘месть’ (см. Этим. сл. ТЯ 1974: 558), какое (озвончение *-ǰ-* в интервокале) могло развиваться лишь в среднечувашском (с IX до XIV–XV вв.) (Ср.-ист. гр. ТЯ 2002: 703, 680) < \*пратюрк. *ǰvc'ə ~ ǰvc'ə* id. (Ср.-ист. гр. ТЯ 2006: 172);

с *Wac-illa|Wac-elia, Wac-ella* связывается цокающее осет. *соррај* ‘обрядовая пляска и пение вокруг пораженного громом’, имеющее также значение, близкое к формам, отмеченным в других языках – ‘обрядовое хождение по аулам во время засухи’: к.-балк., черк. *ǰорра*, абх. *ǰаирар, ǰора*, которые также считаются неясными по происхождению (Абаев 1958: 315–316) в условиях, когда это генетически тюркское слово (*чöп-чи* ‘знахарь’) было отмечено в «Истории албан» Моисея Утийского (см. Гукасян 1973: 7) VIII века (ср. семантически близкое кум. *чöп салмакъ* ‘бросать жребий, производить жеребьевку’);

осет. *сухт* (ирон.) | *сид* (диг.) ‘сыр’, для которого еще Б. Мункачи допускал болгарский источник, как и З. Гомбоц – для венг. *sajt*, ср.: кар. *ǰууу* ‘сыр овечий’, ‘творог’, *ǰууулан* ‘сухой творог’ у Ибн-Муханны (см. Егоров 1964: 318), чув. *ǰǰGät* ‘сыр’, ‘сырок’ (> русск. диал. *чигит* ‘круто посоленный творог’), возводится к др.-инд. *tikta* ‘острый по вкусу’ (Абаев 1989: 328).

Последняя закономерность, связанная с развитием *t-* (перед *i*) > *c* и характерная среди восточноиранских лишь для осе-

<sup>13</sup> При этом следует принять во внимание, что лакский язык испытал значительное болгарское влияние (см. Джидалаев 1990: 11–54), какое обнаруживается, возможно, в меньшей степени и в вышеупомянутом мохевском диалекте грузинского. Его носители, что замечательно, проживают на территории исторической области Грузии Хеви, расположенной в закавказской части Дарьяльского ущелья.

тинского и хорезмийского языков (Осн. иран. язык. 1979: 327), в контексте истории вышеприведенного слова может иметь и непосредственное болгарское происхождение, как в некоторых южнодагестанских и кумыкском языках (см. Гусейнов 2010а: 3–35). При этом сочетание этих и иных болгарских черт (об их отражении в местной этнонимике см. в предшествующем изложении) с огузскими, отмеченными в предшествующем изложении, отражает реальную языковую ситуацию рассматриваемого времени на Северном Кавказе. Здесь имело место смешение болгар-хазар с печенегами, среди которых был известен хазарский род *пацинак* (!) (см. Гусейнов 2003: 67).

Таким образом, большинство рассмотренных в предшествующем изложении восточноиранских черт осетинского языка имеет тюркское (булгаро-огузское) происхождение. Они могли развиваться в нем по мере того, как его носители, возможно, в позднехазарское время начали продвигаться на Северный Кавказ с юга.

Кроме того, вышеупомянутые аланизмы имеют, в принципе, и более древнее происхождение. Так, в отношении такого соответствия, как ирон. *fos* | дигор. *fons* 1. ‘скот’; 2. ‘имущество’, ‘добыча’ ~ абх. *a-psá-sa* ‘скот (мелкий)’, адыг. *wasǎ* ‘скот’, чеч. *hons*, инг. *fos* ‘добыча’, авар. *panz* ‘скот’ (Климов 1986: 194), В. И. Абаев (1958: 479) допускал обратное. По его мнению, осетинское слово (исходное *\*pans*, где *a > o* в позиции перед носовым) ввиду отсутствия удовлетворительной иранской этимологии осетинского слова заимствовано из аварского, поддерживаемого дид. *poso* ‘скот’, ‘богатство’ (ср. цез., хварш. *posu* ‘скот’ – Климов, Халилов 2003: 245), обнаруживающие близость к авест. *pasu* ‘скот’, ‘мелкий скот’, согд. *psw* ‘овца’ (см. Гамкрелидзе, Иванов 1984: 580), а также памирским формам – шугнан. *pis*, *püs*, вахан. *pūs* ‘баран’, а чеченское и ингушское – из осетинского (см. Абаев 1958: 500).

Точнее, чеченское слово из дигорского, ингушское – из ареально смежного иронского. Кроме того, и аварское слово не имеет удовлетворительной этимологии на собственной языковой почве, остается неясным переход *a > o* в иронском при отсутствии носового, хотя подобная лабиализация имеет место, что знаменательно, в памирских формах (см. выше).

Вместе с тем вследствие торговых связей, могли быть усвоены, подобно иным по звучанию славянским названиям (см. Фасмер 1971: 476), считающиеся аланизмами (см. Климов 1986: 194) наименования цепи, в т. ч. надочажной, в абхазо-адыгских

и дагестанских, за исключением лезгинских, языках, возводимые к осет. ирон. *ræxys* | дигор. *ræxis* ‘цепь, в частности над очагом’ (<\* *raxiš* – см. Эдельман 1986: 71, 72, 95). Последнее относится и к числу скифо-европейских (германских – готский?) изоглосс при том, что наибольшую фонетическую и семантическую близость к нему обнаруживает лишь др.-в.-нем. *rachinze* (*rahhinza* – Фасмер 1971: 476) ‘цепь’, непосредственно, вероятно, отразившееся в абазинском (*raxšina*) и абхазском (*axəšna*) названиях цепи. Обращает на себя внимание неясность отношения к ним форм дагестанских (*laxaš//rax(x)as(s)-* // арч. *dax(x)əz* // дарг. *raxaz/raxaž*) языков, содержащих в абсолютном большинстве своем ауслатный *-s* при *-z* в арчинском и даргинском, *-ž* в даргинском, аналогичном в последнем случае освоению рассматриваемого слова во франц. *racage* ‘перевязь на мачте’ (см.: Абаев 1965: 27; Абаев 1973: 396, 397; Эфендиев 2003: 29; Климов 1986: 194; Кибрик, Кодзасов 1990: 148).

Соответствующий контакт мог иметь место не ранее VIII–XI веков – времени образования древневерхненемецкого языка немецкой народности (см. Больш. энц. сл. 1998: 100, 188) и даже VIII–IX вв., когда в числе прочих новоиранских оформляется осетинский язык (см. выше), и более раннее усвоение данного слова, тем более в скифский период, представляется маловероятным. При этом звонкие шипящие звуки для общедагестанского языка не восстанавливаются, а во взаимоотношениях глухих шипящих и свистящих звуков совпадение анлаутных \**s* и *š* в *s* наблюдается лишь в ахвахском, *š* – в даргинском и лакском языках и *s* ~ *z*, *z* ~ *ž* – в дидойском (Гигинейшвили 1977: 114, 119). Это не соответствует их ауслатной дистрибуции в репрезентатах рассматриваемой лексемы в дагестанских языках и оставляет открытым вопрос об их конкретных источниках.

Несмотря на в целом единичный характер аланизмов, рассмотренных в предшествующем изложении, они вместе с тем свидетельствуют о прошлой территориальной смежности носителей иранских (будущего осетинского) и не только западно-, но и восточнокавказских, главным образом (вай)нахских, языков, а также сванского, что, как было показано в предшествующем изложении, могло иметь место в рассматриваемом регионе Закавказья после появления здесь иранских поселенцев. Показательно, что формы (южно)дагестанских языков восходят к более позднему иронскому. Так, агул. *agw* ‘зеркало’, возводящееся к осетин. ирон. *avg* ‘стекло’, ‘бутылка’ из предшествующего изложения, а также при абаз. *kwres* ‘сноп’, инг.

*kurs* ‘связка снопов’, восходящих к осет. дигор. *kures* ‘сноп’, и адыг. *črās* (палатализация) – к осетин. ирон. *k<sup>o</sup>yrīs* то же. Из последнего могли быть усвоены цах., рут. *ħarās* ‘веник, метла’ (см.: Абаев 1958: 611; Климов 1986: 194).

При этом, по лексикостатистическим данным, выделение верхнесамурских цахурского и рутульского языков относится к началу I тыс. до н. э., агульского к рубежу эр (Коряков 2006: 21), т. е. их носители могли быть представлены в (Центральном) Закавказье в доарабскую эпоху – времени появления здесь (западно)ираноязычных поселенцев. Тем более, что, как было отмечено в предшествующем изложении, самостоятельное развитие осетинского языка в числе прочих новоиранских имеет место после VIII–IX вв., когда имел место распад (северо)-осетинской общности на дигорцев и иронцев<sup>14</sup>.

Кроме того, не могут не обратить на себя внимания, хотя и единичные, осетинизмы, общие для (вай)нахских и сванского языков, говорящие о возможной прошлой ареальной близости их носителей, в т. ч. в связи с возможностью нахско-дагестанского субстрата в сванском языке. Об этом говорят факты отражения архаических (джавских) чокающих форм в сванском (*čirt* ‘куча камней’) и чечено-ингушском (*čurt* ‘надмогильный камень’). Но, с другой стороны, сван. *pusn*, *pusd* ‘хозяин’ отвечает более давнему дигорскому вокализму первого слога с ауслатным консонантизмом (-n), восходящим к тому же источнику (*fusun*), в то время, как инг. *fusəm*, чеч. *husam* ‘пристанище’, ‘дом хозяина’ – более позднему иронскому *fysym* (см. Эдельман 1986: 22) при сохранении в них дигорского вокализма. О контактах в Закавказье может говорить, наряду с

<sup>14</sup> Некоторыми исследователями (Абдуллаев 1972; Микаилов 1972; Эфендиев 2003) выделяются также аланизмы, присущие лишь дагестанским языкам, что, в принципе, позволило бы расширить их число, каковое, по мнению некоторых из них, достигает по крайней мере ста, и они «проникли буквально во все слои дагестанской лексики» (Микаилов 1977: 133). Однако перечень дагестанских аланизмов, отвечающих этому утверждению, так и не был обнародован. Предварительный анализ тех форм, которые были введены в научный оборот, позволил установить тюркско-булгарское происхождение некоторых из них, в том числе имеющих параллели и в других северокавказских языках. Например, этимологически неясное осет. (ирон.) *bez*, *bidz/bedzə* ‘вощина’ (Абаев 1958: 260) > авар. *pic*’, лак. *pic*’, дарг. *penc*’ ‘смола, жевательная смола’ (Микаилов 1972: 336–337), адыг., каб. *bez* ‘вощина’ оказались при ближайшем рассмотрении тюркизмами (Шаги-ров 1977: 1; 84). Автор предполагает посвятить специальное исследование более полному рассмотрению соответствующих явлений.

сохранением в осетинизмах бацбийского языка (см. в предшествующем изложении) более раннего ауслатного *-g* (> *-j* в чеченском и ингушском) их этимонов. Тем же общенахско-осетинским уровнем контакта, объясняется, возможно, известность дигорских форм не только в ингушском, но и ареально отдаленном чеченском. Отражение в них позднейших иронских могло иметь место в период пребывания носителей соответствующих языков на Северном Кавказе.

Еще один вывод, вытекающий из произведенного предшествующем изложении анализа, – возможность пребывания в первых веках н.э. болгарских племен в рассматриваемом регионе Северного Кавказа. Тем более, что их древнейшим письменным упоминанием здесь считается сообщение сирийского ученого Мар-Аббаса Котины о том, что 149–127 гг. до н. э. «произошли большие смуты в цепи Кавказских гор, в земле болгар» (см. Лайпанов, Мизиев 1993: 93)<sup>15</sup>. Они могли быть обусловлены древнейшими миграциями тюркоязычных народов<sup>16</sup>.

### Литература

- Абаев 1958 – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Изд. АН СССР, 1958. Т. 1.
- Абаев 1973 – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1973. Т. 2.
- Абаев 1979 – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1979. Т. 3.
- Абаев 1989 – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Л.: Наука, 1989. Т. 4.
- Абаев 1959 – Абаев В. И. Осетинско-вейнахские лексические параллели // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Грозный, 1959. Т. I. Вып. 2. С. 89–120.
- Абаев 1965 – Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965.
- Абаев 1985 – Абаев В. И. Тюркские элементы в осетинской антропонимии // Теория и практика этимологических исследований. М.: Наука, 1985. С. 65–87.

<sup>15</sup> Тогда же, во втором веке до н.э., от первичного болгарского языка отделяются прочие собственно тюркские языки (см.: Ср.-ист. гр. ТЯ 2002: 734 рис. 5; Дыбо 2007: 66).

<sup>16</sup> Не случайно ранняя, относящаяся к бронзовому и раннему железному векам культурная история тюркоязычных народов связывается с отделением хазаро-булгарского компонента, поглощенного впоследствии продвижением на запад более поздних восточных тюрков. Они пришли в Центральную Азию ко времени гуннской экспансии с первоначальной западноазиатской прародины позднее исхода из нее прахазаро-булгар (см. Кызласов 2011).

- Абдуллаев 1972 – Абдуллаев И. Х. К истории названий пророка в дагестанских языках // *Этимология* 1970. М.: Наука, 1972. С. 339–348.
- Аджиев 1977 – Аджиев А. М. Дальние дороги песни. Махачкала, 1977.
- Алан. яз. – Аланский язык // <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/>
- Алборов 1979 – Алборов Б. А. Некоторые вопросы осетинской филологии. Орджоникидзе, 1979.
- Алемань 2003 – Алемань Августи. Аланы в древних и средневековых источниках. М.: Менеджер, 2003.
- Алироев 1975 – Алироев И. Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1975.
- Алироев, Бибулатов 1970 – Алироев И. Ю., Бибулатов Н. С. Материалы к вопросу о тюркских заимствованиях в вайнахских языках // *Известия Чеч.-Инг. НИИ истории, языка и литературы*. Грозный, 1970. Т. 9. Вып. 2.
- Анчабадзе 1960 – Анчабадзе З. В. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV вв. // *Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов*. Нальчик, 1960. – С. 113–126.
- Баскаков 1985 – Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука, 1985.
- Бол. сов. энц. // [http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/bse/117066/...](http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/bse/117066/)
- Бол. энц. сл. 1998 – Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
- Гаджаев – Гаджаев Альберт. Великая Кавказская стена и проникновение иранской культуры на Кавказ // <http://www.central-eurasia.com/?uid=1517>).
- Гаглойти – Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин // <http://www.ossethnos.ru/297-etnogenez-osetin.h...>
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Т. I–II. Тбилиси, 1984.
- Гигинейшвили 1977 – Гигинейшвили Б. К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977.
- Геногеография // <http://www.genofond.ru/default2.aspx?p=266...>
- Гукасян 1973 – Гукасян В. Л. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков / Автореф. дис... докт. филол. наук. Баку, 1973.
- Гусейнов 1999 – Гусейнов Г.-Р. А.-К. К вопросу о нахско-дагестанском субстрате в сванском языке (историко-этимологический и семантический аспекты) // *Семантика языковых единиц разных уровней*. Махачкала, 1999. Вып. 5. С. 109–122.
- Гусейнов 2003 – Гусейнов Г.-Р. А.-К. К проблеме лингвоэтногенеза хазар в свете тюркологической интерпретации // *Тезисы докладов научной сессии «Историческая наука Дагестана: сегодня и завтра»*. Махачкала, 2003. С. 65–68.
- Гусейнов 2005 – Гусейнов Г.-Р. А.-К. Древняя Русь, Дагестан и горные хазары. К этимологизации и ареальной интерпретации нескольких болгаризмов древнерусского, дагестанских и иных языков // *Языкознание в Дагестане*. Махачкала, 2005. № 8. С. 92–101.
- Гусейнов 2007 – Гусейнов Г.-Р. А.-К. К вопросу об области первоначального распространения нахско-дагестанских языков в контексте древних ареальных взаимоотношений языков Кавказа и

- исторически смежных регионов // Международная конференция «Языки Кавказа». Лейпциг, 2007 (<http://www.eva.mpg.delingua-conference07...>).
- Гусейнов 2010а – Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. – Махачкала, 2010.
- Гусейнов 2010б – Гусейнов Г.-Р. А.-К. Ал-Ал(Алал?)-ва-Гумик восточных и ясы древнерусских и венгерских источников в контексте истории и лингвоэтногенеза кумыкского и других куманских народов Северного Кавказа, Дагестана и Восточной Европы // Мат-лы Всеросс. научн. конференции «Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии». Карачаевск, 2010. С. 98–107.
- Гусейнов, Мугумова 1983 – Гусейнов Г.-Р. А.-К., Мугумова А. Л. К статистическому и историко-хронологическому анализу лексических схождений и расхождений в отраслевом словарном составе нахских и вайнахских языков и диалектов // Вопросы отраслевой лексики. Грозный, 1983. С. 42–47.
- Дарьял. креп. – Дарьяльская крепость // <http://www.ossethnos.ru/history/alan/75-daryal...>
- Джидалаев 1990 – Джидалаев Н. С. Тюркизмы в дагестанских языках. – М.: Наука, 1990.
- Дыбо 2007а – Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М.: Восточная литература, 2007.
- Дыбо 2007б – Дыбо А. В. Рецензия на: Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. I. М., 2000, Т. II. М., 2003 // Этимология 2003–2005 / Отв. ред. Ж. Ж. Варбот. М., 2007. С. 338–348.
- Егоров 1964 – Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1964.
- Имнайшвили 1977 – Имнайшвили Д. С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977.
- Исаев 1969 – Исаев М. И. Осетинский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М.: Наука, 1969. С. 111–145.
- Камболов 2006 – Камболов Т. Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ: Ир, 2006.
- Катчиев 2009 – Катчиев А. Х.-А. Некоторые осетино-тюркские лексические параллели (по материалам историко-этимологического словаря осетинского языка) // Тюрки Северного Кавказа: история, археология, этнография. М.: Эльбрусид, 2009. С. 143–162.
- Климов, Халилов 2003 – Климов Г. А., Халилов М. Ш. Словарь кавказских языков. М.: Восточная литература, 2003.
- Климов 1986 – Климов Г. А. Введение в кавказское языкознание. М.: Наука, 1986.
- Кобычев 1977 – Кобычев В. П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников материальной культуры // Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977. С. 178–191.
- Коряков 2006 – Коряков Ю. Б. Атлас кавказских языков. М.: Пилигрим, 2006.

- Кузнецов 1980 – Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980.
- Кызласов И. Р. Где искать тюркскую прародину? Следы древнейших миграций тюркоязычных народов // Тезисы международного тюркологического симпозиума «Тюркский мир: история и современность». Астана, 2011. С. 18–21.
- Лайпанов К. Т., Мизиев И. М. О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993.
- Марр 1916 – Марр Н. Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа // Известия Императорской Академии наук. СПб, 1916. № 15. С. 1379–1408.
- Микаилов 1972 – Микаилов К. Ш. Еще несколько дагестанских аланизмов // Этимология 1970. М.: Наука, 1972. С. 333–338.
- Микаилов 1977 – Микаилов К. Ш. Аланский вклад в аварскую антропонию // Материалы 5-й региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. С. 131–140.
- Мифол. сл. 1990 – Мифологический словарь. М., 1990
- Мудрак 2005 – Мудрак О. А. Заметки о языке и культуре дунайских болгар // *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности РГГУ. Аспекты компаративистики. Вып. VI. М., 2005. С. 83–103.
- Осн. иран. язык. 1979 – Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979.
- Радлов 1905 – Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905. Т. III.
- Ср.-ист. гр. ТЯ 1984 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1984.
- Ср.-ист. гр. ТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 2002.
- Ср.-ист. гр. ТЯ 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 2006.
- Старостин 1991 – Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М.: Наука, 1991.
- Сулейманов 1978 – Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1978. Ч. II.
- Сулейманов 1997 – Сулейманов А. С. Топонимия Чечни. – Нальчик: Эль-Фа, 1997 // <http://www.vainah.info/biblioteka/knigi/item/4...>
- Тадинова 2007 – Тадинова Р. А. Отражение заднеязычных согласных при заимствовании тюркской лексики в нахско-дагестанские языки // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 62–74 .
- Фасмер 1971 – Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1971. Т. III.
- Хакимзянов 1997 – Хакимзянов Ф. С. Булгарский язык // Языки мира. Тюркские языки. М.: Наука, 1997. С. 47–52.
- Шагиров 1977 – Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. В 2-х тт. – М.: Наука, 1977.
- Шоан. храм – Шоанинский (Хумаринский) храм // <http://www.alanica.ru/articles/54-shoaninsky-h...>
- Шоанхой // [ingushforum.ru/viewtopic.php?id=479](http://ingushforum.ru/viewtopic.php?id=479).



- Эдельман 1986 – Эдельман Д. И. Сравнительно-историческая грамматика восточноиранских языков. Фонология. М.: Наука, 1986.
- Этим. сл. ТЯ 1974 – Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974.
- Этим. сл. ТЯ 1980 – Этимологический словарь тюркских языков. М. Наука, 1980.
- Этим. сл. ТЯ 2001 – Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на букву «К». М., 2000.
- Эфендиев 2003 – Эфендиев И. И. Персидская лексика в нахско-дагестанских языках. Махачкала, 2003.
- Balanovsky – Balanovsky Oleg and others. Parallel Evolution of Genes and Languages in the Caucasus // RegionMolecular Biology and Evolution //http//www. vigg.ru/institute/subdivisions/otde.
- Fahnrich 1986 – Fahnrich H. Gibt es ein nachisch-daghestanisches Substrat in Swanischen? // Georgica. Jena-Tbilissi. 1986. Heft 9. S. 45–56.
- Fahnrich 1988 – Fahnrich H. Zu den nachisch-daghestanischen Lehnwörtern in Swanischen // Wiss. Ztschr. Friedrich Schiller Univ. Jena. Gesellschaftswiss. R. 37. Jg. (1988). H. 2. S. 36–39.
- Genetic clues – Genetic clues to the Ossetian past //http // www. geocurrents. Info / population-geograp...

### Обозначения языков и диалектов

абаз.-абазинский	кар.- караимский
абх. – абхазский	карач. – карачаевский
авар.- аварский	кум.- кумыкский
авест.- авестийский	к.-балк. – карачаево-балкарский
агул.- агульский	ирон. – иронский (диалект осетинского)
адыг.- адыгейский	лак.- лакский
анд.- андийский	межтюрк.- межтюркское
арч.- арчинский	общeturк.- общeturкское
балк.-балкарский	осет. – осетинский
бежт.- бежтинский	перс.- персидский
булг. – болгарский	пехл.- пехлевийский
вахан. – ваханский	рут.- рутульский
венг. – венгерский	сван. – сванский
волж.-булг.- волжско-болгарский	скиф. – скифский
вост.-иран.- восточно-иранский	согд. – согдийский
груз.- грузинский	таб.- табасаранский
гунз. – гунзибский	франц. – французский
дарг.- даргинский	хварш. – хваршинский
дигор. – дигорский (диалект осетинского)	цах.- цахурский
др.-в.-нем.–древне-верхненемецкий	цез.- цезский
др.-инд. – древнеиндийский	черк.- черкесский
др.-чув. – древнечувашский	чеч. – чеченский
др.-иран.- древнеиранский	чеч.-инг. чечено-ингушское
инг.- ингушский	шугнан.- шугнанский
каб. – кабардинский	чув. – чувашский

**G.-R. A.-K. Guseinov. Defining the probable area of Nakh-Daghestanian and Ossetian original location, or the problem of the Alanian loans in the North-Caucasian languages revisited**

The article provides new historical and linguistic data demonstrating the Transcaucasian area to be the possible place of the Nakh-Dagestanian and the Ossetian languages' location before their native speakers moved to the North Caucasus. The reliable genogeographical and anthropological data are adduced to the consideration of this problem. A number of probable Alanian loans which are traditionally interpreted as a result of lexical influence of the Ossetian (Alanian) language on the Nakh-Dagestanian are reconsidered.

*Keywords:* the Nakh-Dagestanian languages, the Ossetian language, Transcaucasian area, Alanian loans.

А. Е. Петросян

## АРМЯНСКИЙ АРМАВИР И ГРУЗИНСКИЙ АРМАЗИ: ВОПРОСЫ РАННЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АРМЕНИИ И ГРУЗИИ<sup>1</sup>

Легенды об основании первых столиц Армении и Грузии – *Армавира* и *Армази* – имеют общие черты. Кроме того, в обоих городах был известен культ бога Луны (в трехчастных храмах, посвященных верховному богу-громовержцу, богам Солнца и Луны). Для *Армази* была предложена этимология, связывающая это слово с анатолийским *арта-* ‘Луна, бог Луны’ (А. И. Болтунова). *Армавир* можно возводить к тому же корню: *арта-вир* ‘дом Луны’ (= храм бога Луны). Имя патриарха *Ар(а)майиса*, мифического основателя и эпонима *Армавира*, совпадает с ликийским личным именем *Армаис* (< *арта-* ‘луна’). Значит, и имя *Ар(а)манеака*, отца *Ар(а)майиса*, эпонима армян, также как и сам этноним *армен*, могут быть возведены к тому же теонимическому корню.

*Ключевые слова:* Армавир, Армази, ранняя этническая история Армении и Грузии.

Священный характер культовых местностей чрезвычайно стабилен. Культы изменялись, но местности сохраняли свой священный характер тысячелетиями. При переходе к новой религиозной системе новые культы часто просто налагались на старые (например, старый храм переименовался именем нового божества, или новый храм основывался на месте старого или недалеко от его руин). Новые боги наследовали характеристики старых, или, можно сказать, старые культы просто переименовывались, что, конечно, сопровождалось некоторыми изменениями в самом культе. Очевидно, что при такой замене культов в новой и старой системах избирались более или менее сопоставимые образы (подобие функций, ритуалов, имен, соответствие дней культа и т. д.)<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Статья является расширенной (в основном в части библиографии) версией более ранней публикации автора: А. Petrosyan. First capitals of Armenia and Georgia: Armavir and Armazi (Problems of early ethnic associations // The Journal of Indo-European Studies. 2012. Vol. 40. Nr. 3–4. P. 265–288.

<sup>2</sup> О преемственности старых и новых культов в течение исторических эпох в Армении см.: Петросян 2006: 4 сл.; Petrosyan 2007: 175. Много-

С другой стороны, в ходе религиозных изменений, старые боги часто опускаются на более низкий уровень эпических героев. Так, герои армянского эпоса «Давид Сасунский» восходят к образам древних местных богов (например, *Санасар*, который приобретает «Меч молнию» – бога грозы; *Мгер* – эпический наследник бога Митры и т.д.)<sup>3</sup>.

### Арамазд и Ваагн

Имя *Арамазда*, верховного бога древней Армении, заимствовано из парфянской версии иранского Ахура Мазды (засвидетельствовано в 1 в. до н. э. в греческом написании как *Αραμασδης*, см. Meillet 1918, 25). Он, как и Ахура Мазда, считался создателем неба и земли. Кроме этого, *Арамазд*, как и другие армянские боги, имена которых заимствованы из иранского, имел мало общего со своим иранским тезкой (Petrosyan 2007: 178). Арамазд ассоциировался с Зевсом и, как Зевс, имел грозовую природу: согласно Хоренаци (II.86), св. *Нунэ* «разрушила изображение грозового (*amprorayin*) Арамазда» в Мцхете, столице Грузии. Из этого свидетельства можно заключить, что армянский Арамазд был отождествлен с грузинским богом Армази, и они оба считались богами грозы.

Центром культа *Арамазда* была крепость *Ани*, или *Ани-Камах* в Высокой Армении (современный турецкий *Кемах* в провинции Эрзинджан), которая засвидетельствована как *Кимтаха* в хеттских источниках середины II тыс. до н. э. Это был центр культа местного бога грозы, которого обозначали идеограммой <sup>D</sup>U (ср. KUB XXXVIII.12); божество это считалось настолько значительным, что было включено в официальный пантеон государства Хатти (Косян 2002: 225 сл., 235, 239, с библиографией). Название *Кимтаха* очевидно связано с топонимами *Кимте/Кимти* и *Кимтани/Кимтини*, центрами культа хурритского бога грозы *Тешиуба*, который стал одним из главных богов Новохеттского царства (*-ni* и *-ha* типичные суффиксы в древних топонимах региона); о связи *Камаха* с центрами культа *Тешиуба* см.: Капанцян I: 50. Первый из них был в горах Кашияри, возле горы Кордуены (арм. Арарат Кордуены, турецк. Джуди), а второй в Каппадокии, к западу от города

---

численные примеры сохранения доурартских и урартских священных местностей в средневековой Армении см. Амаякян, Санамян 2001.

<sup>3</sup> О Санасаре, как о боге грозы, см.: Абемян 1966: 417; Petrosyan 2002 passim.

Малатьи. Соответственно, бог грозы города *Куммаха*, должно быть, был местным вариантом *Тешшуба*, который может считаться древнейшим местным предшественником «грозового» *Арамазда*. О культах этих городов, их легендах, этимологии элемента *kit-* (читать: /ком-/) см.: Петросян 2006: 11 слл., 59 слл.; Petrosyan 2007: 177 слл.; Petrosyan 2012, с литературой.

*Арамазд* считался «отцом всех богов» (Агатангелос 785). Армянских царей Аршакидской династии первых веков нашей эры хоронили в *Ани-Камахе* (Агатангелос 785; Павстос III.11; IV.24; Хоренаци III.10; III.45). Следовательно, *Арамазд*, отец-патриарх богов и возможно также их царь, был связан с царскими предками, которые присоединялись к нему в потустороннем мире.

Имя храброго бога-воина армянского пантеона *Ваагна* (*Vahagn*) восходит к парфянскому \**Varhragn* (авест. *Vərəθraϋna*, др.-инд. *Vṛtrahan* ‘убийца демона Вритры’ – эпитет бога-громовержца Индры). *Ваагн* боролся с драконами, и его эпитетом был *višapak‘at* ‘убийца (букв. ‘жнец’) дракона’ (Хоренаци I.31; Агатангелос 809). Ему поклонялись в храмовом комплексе, расположенном в деревне Аштишат на горе *Карке* (К‘ark‘ē, в районе города Муша, провинции Тарон), которая вероятно была важным культовым центром и в урартскую эпоху. Он был отождествлен с греческим Гераклом и, как полагают, был богом грозы, преемником местного *Тешшуба* страны *Шубрия* (древнее название этой области). Он – сложный образ, который объединил несколько функций, но все же может считаться вторым, «младшим» богом грозы армянского пантеона<sup>4</sup>.

### Легенды Армавира

Согласно этногоническим легендам (Хоренаци I.10 и слл.; Себеос I)<sup>5</sup>, первопредком и эпонимом армян был *Гайк* (*Наук*, ср. самоназвание армян *нау*), сын *Фогармы* (арм. *T‘orgom*), потомка сына *Ноя Яфета*. После строительства вавилонской башни *Гайк* отказывается повиноваться вавилонскому тирану *Белу* (идентифицированному с библейским *Нимвродом*) и со своим большим патриархальным семейством уходит на север и обосно-

<sup>4</sup> О Ваагне как о боге грозы см.: Абемян 1966: 72 слл.; С. Арутюнян 2000, 83 сл.; как о преемнике местного Тешшуба: Russell 1987: 213, 362 f.; Дьяконов 1990: 211, п. 48, 224, п. 78; Амаякян 1990: 117 сл., прим. 183; как о сложном образе: Petrosyan 2002: 34 ff, 132; 2007, 181 f.

<sup>5</sup> См. русские переводы этих источников: Саркисян 1990; Малхасян 1939.

вываается в Армении, на севере Ванского озера. Старший сын *Гайка Араманеак* (вар. *Арманеак / Араменак / Арменак*), перемещается далее на север, в Араратскую долину и основывается в подгорье горы Арагац. Сын последнего *Арамайис* (вар. *Армайис*), строит там на холме первую столицу Армении и называет ее своим именем *Армавир*. Позже, его пра-пра-правнук *Арам* расширяет границы Армении со всех сторон и становится вторым эпонимом *Армении* (ср. экзоним армян *армен*).

Спустя много поколений легендарный царь *Валаршак* (*Vaṭaršak*), считающийся основателем династии армянских *Аршакидов*, строит храм в *Армавире* и устанавливает там статуи (богов) солнца, луны и своих предков. Во времена внука *Валаршака Арташеса* статуи солнца и луны заменяются эллинистическими статуями *Аполлона* и *Артемиды* (дети Зевса, близнецы, бог солнца и богиня луны, соответственно) из Малой Азии, в то время как статуя *Геракла*, которая должна была быть возведена рядом с ними, устанавливается жрецами рода *Вауни*, считавших себя потомками *Ваагна*, в их деревне *Аштиште*, центре культа *Ваагна* (Хоренаци II.8; II.12).

В традиционной историографии мифологические образы *Гайка* и его потомков фигурируют как исторические личности, *Арташесиды* представлены как *Аршакиды*, образы ранних исторических царей приобрели эпический характер, да и очередность следования царей передана неточно. Но все же возможно датировать эти рассказы следующим образом. Легендарный патриарх *Арам* должен быть отождествлен с историческим *Араму*, первым царем Урарту (сер. IX в. до н. э.). Это подтверждается тем, что сын *Арама Ара Прекрасный* считался современником ассирийской царицы *Семирамиды* (конец IX в. до н. э.). Первопредок *Гайк* жил на семь поколений раньше, что соответствует всей эпохе предурартских времен (Петросян 2009, 98 сл.). *Арташес* – исторический царь Великой Армении (189–160 г. до н. э.), а легендарный *Валаршак* является дедом *Арташеса*. Таким образом, история армавирского храма и его эллинистических статуй датируется III–II вв. до н. э.

Легенды о *Гайке* и его семи поколениях представляют историзированную версию мифа Творения, которая комбинирует теогонию, космогонию и этногонию. Так, образы *Гайка* и его потомков восходят к древнейшим армянским богам (теогония); земли, области, горы, реки называются их именами (космогония: название в мифологии соответствует созданию); армянские этнонимы связываются с их именами (этногония), см.:

Petrosyan 2002: 159 сл.; 2007: 192; 2009: 155 ff.. *Гайк*, создатель Армении (армянской вселенной), отец и предок первых божественных этнархов, соответствует богу-создателю, отцу семейства богов. Второй эпоним армян, *Арам*, согласно классическому труду Манука Абеяна, является вторым воплощением *Гайка* (Абеян 1966: 55; см. еще Petrosyan 2002: 56, 62, 83; Петросян 2010: 124.). Подробный анализ показывает, что образы *Гайка* и *Арама* восходят к древнейшему богу грозы, армянскому соответствию хурритского *Теишуба* (Petrosyan 2002: 46 ff., 57; Petrosyan 2009: 160 f.). К тому же *Арам* – предшественник Санасара, более позднего эпического воплощения *Теишуба* (Petrosyan 2002: 20 f., 50 f., 64 f.; 2007: 193). Это наводит на мысль, что одной из причин сопоставления Арама и иранского *Ахура Мазды/Арамзда* могла быть созвучие их имен.

Однако *Гайк* и *Арам* не могут считаться абсолютными двойниками. *Гайк* представляет суверенитет (первая функция индоевропейской мифологии), в то время как *Арам*, единственный воинственный образ этногонических легенд, является воином (вторая функция)<sup>6</sup>. Поэтому *Арам* может рассматриваться как эпический аналог бога-воина *Ваагна*, второго, «младшего» бога грозы древнейшего армянского пантеона.

В армянской традиции значимые города/столицы, дающие начало новой традиции, строятся близнечными персонажами или одним из них. Так были построены *Ервандашат* (у Хоренаци), *Вишан* (у Иоанна Мамиконяна) и *Сасун* (в эпосе «Давид Сасунский»). Образы первых преемников первопредка *Гайка* – *Ар(а)манеака* и *Ар(а)майиса* (первого армянского обитателя Араратской долины и его сына, основателя столицы страны), видимо также восходят к божественным близнецам. Мифологические близнецы часто носят созвучные имена и иногда выступают в трансформациях мифа как старший и младший братья, или даже отец и сын (возможно, в результате их иерархической дифференциации)<sup>7</sup>. В армянской мифологии это *Ерванд* и *Ерваз*, *Санасар* и *Багдасар*, близнецы или близнечные герои, основатели новых (стольных) городов, правящих родов и новых традиций (ср. образы Рема и Ромула)<sup>8</sup>.

<sup>6</sup> «Функциональный» анализ образов армянского этногонического мифа см.: Ahyun 1982; Dumézil 1994: 133 seq.; Petrosyan 2002: 124 f.

<sup>7</sup> Например, арм. *Гисанэ* и *Деметр*, иран. *Лухрасп* и *Гуштасп*, исланд. *Ньердр* и *Фрейр*, см.: Petrosyan 2002: 71 ff., 115 ff.

<sup>8</sup> Petrosyan 2002: 115 ff.; о близнечных основателях в армянской традиции см.: Арутюнян 2000: 338 слл.

В *Армавире* росли священные деревья – платаны или тополя (*saws, sawsi*), посвященные *Ар(а)манеаку*, по шелесту листьев которых делались предсказания (Хоренаци I.20). Рассматривая весь комплекс данных (возможный пророческий характер греческих надписей из *Армавира*, связь оракулов эллинистического мира с рощами деревьев и *Аполлоном* – богом солнца, культ Аполлона в эллинистическом *Армавире* и т. д.), К. Тревер приходит к выводу, что в Армавире был древнейший культ бога солнца и оракул (Тревер 1953: 105, 109 слл.). Очевидно именно *Ар(а)манеака*, которому были посвящены священные деревья, можно считать божеством солнца, соответственно, *Ар(а)майис* мог быть лунным божеством (в мифах божество солнца и луны часто выступают как отец и сын, братья, близнецы, брат и сестра)<sup>9</sup>. Таким образом, первые три первопредка Армении *Гайк*, *Ар(а)манеак* и *Ар(а)майис* могут быть рассмотрены как эпические трансформации членов древнейшей триады богов (отец/патриарх богов, бог грозы и близнецы, его сыновья – боги солнца и луны)<sup>10</sup>. Этот тройственный культ был сосредоточен в *Армавире*, в городе *Ар(а)майиса* и священных деревьях *Араманеака*. Учитывая близость образов *Гайка* и *Арама*, там может быть восстановлена и другая, эквивалентная триада героев с созвучными именами – *Арам* («второй *Гайк*»), *Араманеак* и *Арамайис*.

Эта реконструкция точно соответствует тройственному культу храма *Валаршака* (царские предки, солнце и луна). Первые правители и цари Армении считались потомками *Гайка*. А царей Аршакидской династии первых веков нашей эры, как уже было сказано, хоронили в центре культа *Арамазда*, т. е., их предков связывали с *Арамаздом*. Судя по эллинистическим статуям, которые должны были быть установлены в армавирском храме, царские предки, солнце и луна соответствовали *Гераклу*, *Аполлону* и *Артемиде* (т. е. армяно-иранским *Ваагну*, *Тиру* и *Анаит*). Таким образом, предки эллинистических армянских царей династии *Арташесидов* были соотнесены с *Ваагном/Гераклом*. Возможно, они возводили свой род к *Ваагну* («второму *Арамазду*»). Хоренаци (II.14) рассказывает, что сын

<sup>9</sup> Иванов 1982: 78; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 685. О близнецном характере образов солнца и луны в армянской мифологии и фольклоре см.: Арутюнян 2000: 49 слл., 340 слл.; об *Ар(а)манеаке* и *Ар(а)майисе* как о близнецах в контексте сравнительной мифологии: Petrosyan 2002: 71 ff. et passim.

<sup>10</sup> Об индоевропейских параллелях этой триады см. Иванов, Топоров 1974: 17–21.



*Арташеса Тигран*, разгневавшись на жреческий род *Вауни*, который установил статую *Геракла* в своей деревне, лишил их сана, а их деревню, центр культа *Ваагна*, конфисковал. Это может означать, что *Тигран* сам возводил свой род к *Ваагну* и взял на себя обязанности жреца *Ваагна*<sup>11</sup>.

Замена мужского лунного божества *Ар(а)майиса* Артемидой была обусловлена особенностями синкретизации местных армяно-иранских и греческих богов (в этом случае определяющим фактором была функция, а не пол божества). Вообще, в ходе развития общества культ луны, по сравнению с солнцем, становится менее значительным, что видимо и объясняет замену лунных богов богинями (Иванов 1982: 78 сл.).

### Легенды Армази

Согласно грузинской традиции, засвидетельствованной в «Жизни картлийских царей»<sup>12</sup> (часть грузинских хроник *K'art'lis C'xovreba*) приписанной Леонтию Мровели, эпонимы-первопредки армян, грузин и некоторых кавказских народов были сыновьями *Фогармы* (груз. *T'argamos*). Старшим среди них был эпоним Армении *Гаос* (*Haos*, т. е., Гайк), победитель *Нимрода*, царь и хозяин своих братьев. Армянский, грузинский и северокавказские языки не родственны, поэтому эта легенда не может иметь реальной исторической основы (искусственны и имена родоначальников – *Гаос*, *Картлос* и др., с псевдогреческими окончаниями). С одной стороны, она кажется вариацией на тему армянской этногонической легенды. Но с другой стороны, легенды о прародителе грузин и его потомках не могут считаться простым измышлением и имели, видимо, реальные фольклорные источники<sup>13</sup>.

*Картлос* (*K'art'los*), родоначальник картвелов-грузин, основывает свой дом на одной горе и называет ее своим именем *Картли* (ср. древнее название Восточной Грузии *K'artl'i*). Его могила на этой горе становится главной святыней местного населения, где наряду с ним поклонялись солнцу, луне и пятернице звезд.

<sup>11</sup> Петросян 2008: 175; Согласно Г. Х. Саркисяну, Тигран Великий был обожествлен как Ваагн, см. Саркисян 1966: 14 сл.

<sup>12</sup> См. в русском и английском переводе: Цулая 1979; Thomson 1996.

<sup>13</sup> Об «арменофильском» характере источника и его историческом значении см. Меликишвили, Лордкипанидзе 1989: 23 слл.; Petrosyan 2002: 169 f.

Через много поколений после Картлоса Александр Великий приказывает *Азо*, своему правителю в *Картли*, чтобы тот служил невидимому богу-создателю и почитал солнце, луну и пятерицу звезд. Преемник *Азо*, *Фарнаваз* (*P'arnavaz*), легендарный основатель первой царской династии *Картли*, устанавливает на вершине горы *Картли* большой идол *Армази*, который он назвал своим именем (ибо он по-персидски именовался *Армаз*). Сам *Фарнаваз* был похоронен перед тем же идолом. Гора *Картли*, как и окружающая ее первая столица Грузии, были переименованы в *Армази*.

В другом средневековом источнике, «Обращении Грузии», приписываемом Леонтию Мровели<sup>14</sup>, статуя *Армази* описывается как человек из меди, в золотых латах и шлеме, держащий меч, который сверкал и вращался в руке (вариант: «меч как молния»), см.: Болтунова 1949: 230; Thomson 1996: 97 f. Справа от него стояла золотая статуя *Гаци*, а слева – серебряная статуя *Га* (вар. *Гаим*). После молитвы *Нино* бог разрушает храм и его статуи бурей, грозой, громом и градом.

Легенда о разрушении храма и идолов *Армази* может подтверждать отождествление бога *Армази* с *Арамаздом*, богом грозы, грома и бури<sup>15</sup>. Кроме того, меч *Армази*, очевидно, соответствует «мечу молнии» героя армянского эпоса *Санасара*. *Картлос*, предшественник *Армази* на горе, может считаться ранним соответствием *Армази*, бога-создателя и громовержца. Как эпический герой он является грузинским эквивалентом *Гайка* и *Арама*.

Эти рассказы датируются следующим образом: *Картлос* был современником *Гайка*; *Азо* – Александра Великого, а *Фарнаваз* следовал за *Азо* (IV–III вв. до н. э.); *Нино*, христианская просветительница Грузии, жила в первой половине IV в. н. э.

Таким образом, в *Армази* также выявляются три божественные триады, датированные временами *Картлоса*, *Азо* и *Нино*: 1) *Картлос*, солнце и луна; 2) бог-создатель, солнце и луна; и 3) *Армази*, *Гаци* и *Га(им)*. Очевидно, образы *Гаци* и *Га*, расположенные на месте древнего культа солнца и луны (и высшего бога) могут быть отождествлены с божествами солнца и луны

<sup>14</sup> Русские и английские переводы: Такайшвили 1989; Thomson 1996.

<sup>15</sup> Об *Армази* как о грузинской версии *Ахура Мазды* и *Арамазда* см.: Марр 1902: 4; Ачарян 1942: 268; Gvelesiani 2003, с библиографией. О подобных легендах о богах грозы (также и *Гайка*), разрушающих строения бурей, громом и молнией, в контексте сравнительной мифологии см.: Petrosyan 2002: 74 f.

(созвучие имен намекает на близнечный характер образов, а связь золота с солнцем и серебра с луной универсальна)<sup>16</sup>. Культ пятерицы звезд, то есть, планет, который, видимо, имел древние корни в Грузии, напоминает месопотамскую традицию соотнесения планет с великими богами, которая перешла в Иран и другие древние страны (Греция, Рим) и имела отражения также в Армении (Ван-дер-Варден 1991: 195; Petrosyan 2007: 186, 193).

Эти грузинские триады соответствуют рассмотренным армянским. Действительно, *Картлос*, солнце и луна сопоставимы с *Гайком*, *Ар(а)манеаком* и *Ар(а)майсом*; бог-создатель (соотносимый со статуей основателя династии *Фарнаваза*), солнце и луна – с триадой *Валаршака* (царские предки/*Ваагн*, солнце и луна); а триада, разрушенная *Нино* – *Армази*, *Гацц* и *Га*, соответствуют статуям *Арташеса* (*Ваагн/Геракл*, *Тир/Аполлон* и *Анаит/Артемида*).

### Названия Армавир и Армази

Название *Армавир* засвидетельствовано с послеурартских времен (греч. *Armaouira*, лат. *Arnavira*, др.-арм. *Armawir*, gen. sg. *Armawray*), однако оно может иметь более раннее

<sup>16</sup> Триада верховного бога с божествами солнца и луны характерна для многих традиций в древнем мире. Яркий пример – триада *Баалшамин* (бог грозы, отождествленный с *Зевсом*), *Малакбел* и *Аглибол/Яхрибол* (Пальмира, I в. до н. э.); ср. также триаду *Ахура Мазда*, *Митра*, *Анахита* (с позднеахеменидских времен); *Зевс*, *Аполлон*, *Артемида* (Селевкидская Сирия), и т. д., см.: Тирациян 1985: 60, где они рассматриваются в связи с триадой Армавира как покровители царских династий (Moga, Moga 2011). Согласно Страбону (XV.3.13; XI.4.7), персы и кавказские албанцы особо чтили *Зевса*, *Гелиоса* и *Селену*. Об идентификации *Гацц* и *Га* как богов солнца и луны, аналогов *Аполлона* и *Артемиды*, см.: Kavtaradze 2009. Здесь автор возводит триаду *Армази*, *Гацц* и *Га* к культу римского *Юпитера Долихена*, где известную роль играли также образы *Аполлона* и *Артемиды*. Этот культ происходит из *Долихе* в *Коммагене*, на юго-западе Великой Армении, и *Юпитер Долихен* должен иметь то же происхождение, что и коммагенский *Зевс-Оромаздес*, образ которого, видимо, восходит к *Тешишубу*. Урартское название *Коммагене Qitaha* = ассир. *Киттиһ*, совпадает с хетт. *Киттаһа*, арм. *Камах* (название центра культа *Арамазда*) и восходит к тому же корню *kit-* /*kom-*/, связанному с культом *Тешишуба* (см. Petrosyan 2007: 187). О *Юпитере Долихене*, его происхождении от *Тешишуба*, его связи с *Аполлоном* и *Артемидой*, солнцем и луной, близнечным культом см.: Speidel 1978: 21 ff.; 25 ff. Как бы то ни было, триады Армавира (*Гайк*, *Араманеак*, *Арамайис*; царские предки, солнце, луна; *Геракл*, *Аполлон*, *Артемида*) древнее, чем культ *Юпитера Долихена*, а связь грузинской триады с армянскими очевидна.

происхождение<sup>17</sup>. Наиболее вероятная этимология возводит его к хетт. *arma-* ‘луна, бог луны’ + *pir* ‘дом’, в религиозной сфере – ‘дом бога, храм’ (где *-w-* закономерное армянское отражение интервокального *-p-*)<sup>18</sup>.

Как мы видели, *Ар(а)майис*, который основал *Армавир* и назвал его своим именем, был, вероятно, лунным божеством. Кроме того, *Ар(а)майис* почти идентичен ликийскому имени *Armais* (засвидетельствовано в греческом), которое возводится к тому же анатолийскому имени *armas* ‘луна, бог луны’, где *-s* – окончание именительного падежа (Howink ten Cate 1961: 132). В греческой традиции известен и другой *Армаис* (брат египетского царя Сета), соотносимый с *Данаем* (Flav. *Contra Apion* I, 15 seq.; Euseb. *Chron.* I, 215 seq.)<sup>19</sup>. Отметим, что первая часть исконной формы эпонима *Армавир* должна была быть *Arm-*, а не *Aram-* (Форма слова *Арамайис* – это возможно результат контаминации с созвучными именами главных героев этногонических легенд *Арама* и *Ара* + искусственное «греческое» окончание; или же это контаминация с каким-то *Армаисом*, известным Хоренаци из греческой традиции). В подтверждение этой этимологии можно добавить, что в древней армянской традиции лунный культ засвидетельствован только однажды, в связи с тройственным храмом Армавира.

<sup>17</sup> Согласно археологическим данным, холм Армавира был культовым центром уже с конца IV тыс. до н. э. В эпоху поздней бронзы и раннего железа (вторая пол. II тыс. до н. э.) его значение возрастает, а перед урартским завоеванием в конце IX в. до н. э. он становится одним из главных религиозных центров региона. В урартское время (VIII–VII вв. до н. э.) холм Армавира со многими храмами и другими культовыми и гражданскими сооружениями входил в состав построенного царем Аргишти I в 776 до н. э. города Аргиштихинили и был центром его восточной части («священного города»). После Урарту Армавир становится столицей Армении до III в. до н. э. Об археологической истории Армавира и его культов см.: Мартиросян 1974; Tigrac‘yan 1998–2000; Карапетян и др. 2004; Karapetyan 2011. В этом отношении Армавир отличается от Армази, где основные три культурных слоя принадлежат IV в. до н. э. – VI в. н. э.

<sup>18</sup> Petrosyan 2009a, ср. Капанцян II, 49–50; Карагезян 1998: 56. Для этой интерпретации второй части слова *Армавир* ср. свидетельство Хоренаци (I.12) и Себеоса (I) об основании Армавира Арамайисом как *tun bnakut‘ean* ‘дом для жилья’. Анатолизмы в армянском часто возводятся к лувийскому, но примечательно, что в лувийском этот корень выступает в другой форме – *parpa-* (эта форма встречается и в хеттском), и таким образом, *Армавир* не может быть лувийским названием.

<sup>19</sup> О возможных армянских связях этого образа см. Petrosyan 2002: 100 ff., 182 f.

Есть две вероятные этимологии для теонима *Армази*, согласно которым оно является преобразованной грузинской версией: 1) иранского *Ахура Мазды* и армянского *Арамазда* (Saprykin 2009: 257) и 2) анатолийского лунного бога *Армаса* с грузинским окончанием именительного падежа *-i* и озвончением *-s* (см.: Болтунова 1949; Меликишвили 1954: 420 сл.; 1959: 229; Меликишвили, Лордкипанидзе 1989: 394 сл.). Рассмотренные выше армянские и грузинские данные, очевидно, неотделимы друг от друга, и связь Армази с армянским Арамаздом представляется несомненной (Gvelesiani 2003). Целый ряд исследователей (А. И. Болтунова, Ш. Я. Амиранашвили, Г. А. Меликишвили, А. М. Апакидзе), представили аргументы в пользу происхождения этого бога от анатолийского *Армаса*; при этом представляется особенно важным тот факт, что культ луны как высшего бога существовал у грузин уже в древности (И. А. Джавахишвили). Принимая во внимание близость рассмотренных армянских и грузинских данных, приведенная этимология *Армавира* может считаться новым аргументом в пользу «лунного» происхождения *Армази*.

Интересна идентификация Армази как второго имени *Фарнаваза*. Последний восходит к иран. *farn-* ‘слава (сияние)’ (в зороастризме хварена/фарн принадлежит *Ахура Мазде* и свойственна богам и царям). Примечательно, что в Понте, западном соседе Армении и Грузии, бог луны *Μην Pharnakou* ‘Мен Фарнака’ был покровителем местной династии (Strabo XII.3.31), чье храмовое имя было вероятно основано царем *Фарнаком I* (первая пол. II в. до н. э)<sup>20</sup>. Там он был уподоблен высшему богу *Зевсу Стратию* и изображался с молнией, атрибутом Зевса, на монетах Митридата Эвпатора (Saprykin 2009: 258 f.). Это напоминает ситуацию в Грузии, где *Армази*, идентифицированный с царем *Фарнавазом*, вероятно объединил в себе черты *Ахура Мазды/Арамазда* и *Армаса*, лунного бога<sup>21</sup>. Культурный центр *Арамазда Ани-Камах*, недалеко от Понта, до включения в Великую Армению Тиграном Великим был центром Малой Армении, и местный аналог понтийского *Зевса Стратия* (Saprykin

<sup>20</sup> Об этом храмовом имени, см. Saprykin 1996: 264 ff., с библиографией. О культе бога *Мена* в этом контексте см.: Болтунова 1949: 238 сл. О *Pharnakēs* и *Pharnakē* как о лунных боге и богине в Малой Азии см.: Justi 1895: 93a; Krappe 1945: 154.

<sup>21</sup> Н. Я. Марр считал, что Фарнаваз мог быть просто олицетворением эпитета бога *Армази/Ахура Мазды*, см.: Марр 1902, 4 слл. Можно полагать, что этот образ был контаминирован с понтийским *Меном Фарнака*.

2009: 257) видимо был идентичен предшественнику *Арамазда*, местному *Тешубу*. При этом влияние Понта и соседней ему Малой Армении на древнюю Грузию было значительным (Меликишвили, Лордкипанидзе 1989: 251 слл., 276, прим. 3).

Таким образом, названия *Армавир* и *Армази* видимо связаны с именем лунного бога *Арма-*. В Армении это имя было контаминировано с именами легендарных патриархов *Арама* и *Ара*, а в Грузии – с именем *Ахура Мазды/Арамазда*. Следует отметить, что весь регион отличался специфическим культом луны. И если в Понте и Грузии главным был бог луны, то в кавказской Албании объектом наибольшего поклонения была богиня луны, упоминаемая под греческим именем *Селена* (Strabo XI.4.7), а у армян – *Анаит/Артемиды* (Strabo XI.14.16).

Нельзя утверждать, что термин *арма-* ‘луна’ имеет исконно хетто-лувийское происхождение. Он не имеет хорошей индоевропейской этимологии и, скорее всего, местного, субстратного происхождения<sup>22</sup>. Очевидно неиндоевропейского происхождения и вторая часть слова *Армавир*: хетт. *per/pir* ‘дом’, который соответствует егип. *pr*, хуррит. *pur(l)i* ‘дом’ (Tischler 2001: 569 ff., с литературой). Следовательно, несмотря на существовании гипотезы о заимствовании названий *Armawir* и *Armazi* из анатолийского, есть вероятность их иного происхождения (особенно для слова *Армавир*, оба компонента которого возможно имеют неиндоевропейское происхождение).

### Арам, Арма и Армения

А нельзя ли делать следующий шаг – поставить вопрос о возможной связи этнонима (экзонима) *armen* с рассмотренным выше этно-культурным комплексом? Ведь *Ар(а)манеак/Арменак* и *Ар(а)майис* выступают героями этногонических легенд. А в первой книге Себеоса эпонимом Армении является не *Арам*, а *Араманеак/Арменак* (Саркисян 1998: 123). Имена божественных близнецов часто восходят к одному и тому же корню, значит, и это имя также можно связать с теонимом *Арма-*<sup>23</sup>. Можно

<sup>22</sup> Так, Тишлер, упоминая разные мнения, связывающие слово с индоевропейскими корнями, оставляет его без этимологии, см. Tischler 1983: 62. Ср. Гамкрелидзе, Иванов 1984: 685; Puhvel 1984: 154 сл., с попыткой обоснования индоевропейской этимологии, с литературой.

<sup>23</sup> *Ар(а)манеак/Арменак* сам мог быть образован от этнонима *armen* (с уменьшительным суффиксом *-ak*). Впрочем, это имя, скорее всего, является результатом контаминации нескольких имен, см. Петросян 2009: 98, прим. 125. Все же теоретически можно найти и анатолийские

высказать гипотезу, что и *Арам*, эпоним Армении у Хоренаци, первоначально также был связан с тем же теонимом и был только впоследствии трансформирован в результате контаминации с именами *Араму*, первого царя Урарту, и *Арама*, библейского эпонима арамейцев<sup>24</sup>. Эта интерпретация вероятна также лингвистически – этимологическая связь между формами *aram-* и *art-* в армянском трудно доказуема. Очевидная военная функция *Арама* и связь с образом бога грозы тогда могут считаться вторичными (бог луны, став верховным, приобретает также характер бога грозы и войны, как это выявляется в Понте).

Этноним *armen*, согласно распространенному мнению, восходит к названию страны *Арме* (часть страны *Шубрия*), расположенной в районе Сасунских гор, к юго-западу от озера Ван, с урартским суффиксом: *арме-ни* ‘житель Арме’ также ‘арме-ская (страна)’<sup>25</sup>. В сасунском эпосе эпонимом *Сасуна* является *Санасар*. Значит *Арам*, прототип *Санасара*, очевидно, может рассматриваться эпонимом древнего названия той же страны *Арме* (что еще раз показывает первичность формы *Арм-* и вторичность формы *Арам*). В контексте сказанного может быть не случайно, что имя ассирийского царя *Синаххериба* (арм. *Сенекерим*), отца сасунских братьев-близнецов *Санасара* и *Багдасара* в архаичных вариантах эпоса, восходит к имени бога луны (*Sîn-ahhî-erîba* ‘бог луны Син приумножил братьев’).

Теофорные этнонимы встречаются повсеместно (ср. образы божественных первопредков-эпонимов). Конкретно для нашей темы можно отметить следующее. Согласно ассирийским данным, в XII веке до н. э. юго-западные районы Армянского нагорья были захвачены племенами *мушков*, *урумайцев* и *кашкайцев*, притом последние называются также *абешлайцами* (*miški, urumaia, kaškaialabešlaia*). *Мушками* в более поздних ассирийских источниках называются фригийцы, так что этих

---

основы для него – ср., например, хетт. *artanni-* ‘полумесяц’, или анатолийское (архаичное лувийское) личное имя *Arma-nani* ‘брат (бога) луны’ (*Armanani-ak > Armaneak* в результате гаплогонии), см.: Lagroche 1966: 39. Есть также поздние западноанатолийские имена, восходящие к этой же основе. *Арманеак* должен был быть братом *Армайиса*, божеством солнца в ранней версии мифа, и это описательное название могло заменить его настоящее имя.

<sup>24</sup> Об этнониме *armen* и его возможной контаминации с этими именами см.: Markwart 1928: 215, 224 seq.

<sup>25</sup> Дьяконов 1968: 234 сл., прим. 114. О других интерпретациях этнонима см.: Джаукян 1987: 285 слл.; Дьяконов 2005; Петросян 2009: 74 сл., с литературой.

ранних *мушков*, для различения от более западных фригийцев, принято назвать «восточными мушками» (идентичность этих племен подвергается сомнению). *Урумайцы* и *кашкайцы/абешлайцы* упоминаются как «непокорные люди страны хеттов», которые «силой захватили поселения *Шубарту*» (*Шубарту* – это *Шубрия* более поздних источников, которая включала Сасунские горы и *Мушскую* долину к западу и юго-западу от озера Ван)<sup>26</sup>.

С этнонимом *мушков*, видимо, связано название города *Муша* (\**musk<sup>h</sup>o-/ tōsk<sup>h</sup>o* > *Миш*, ген. *Мшоу*)<sup>27</sup>. С *урумайцами* связан район Внутреннего *Урму* и страна *Урме* (также в районе *Муша*), а страна *Арме*, как было сказано, находилась к югу от *Муша* (к юго-западу от *Урме*). Все эти страны входили в состав царства *Шубрия* (Арутюнян 1985: 39, 210 слл.). *Кашкайцы* или *кашки*, союзники *урумайцев*, были группой племен проживающих на северо-востоке Хеттской империи (Понт, к северо-западу от Армянского нагорья). Об их языковой принадлежности, из-за скудости материала, трудно что-то определенно сказать (они часто считаются родственными своим соседям хаттам, древним неиндоевропейским обитателям Анатолии, и современным абхазо-адыгским племенам; есть мнение об их западнокартвельском происхождении). Этнонимы *кашкайцев* и *абешлайцев* считаются сохраненными в некоторых этнонимах северо-западнокавказских (абхазо-адыгских) племен, ср. др.-арм. *Gašk'*, др.-груз. *Kašag/k-*, византийско-греч. *Kasachia*, др.-русск. *косог* 'черкес'; греч. *Apsilai*, лат. *Absilae*, др.-арм. *Apšilk'*, др.-груз. *Apšilet'i*, абхаз. *a-ap'swa*, *a-ap'swa* 'абхаз'), см. Меликишвили 1954: 76; 1959: 98; Дьяконов 1968: 12, прим. 7; Волкова 1973: 19 слл.; Воронов 1998: 6 слл.

Этноним *kaška*, видимо, связан с именем хаттского бога луны *Kašku* (Гиоргадзе 1961: 199 сл.). Это, вероятно, собирательное хаттское название всех кашкских племен, а *абешлайцы*, возможно, – самоназвание, или название одного из них (о *кашках* см. Меликишвили 1954: 73, 410; Гиоргадзе 1961; 1999; von Schuler 1965; Singer 2007: с литературой). Этот этноним может свидетельствовать об особом культе луны у *кашкайцев*. С этим

<sup>26</sup> Graison 1976: 12, 18, 66, 67, 92, 93; АВИИУ: 270, 278, 279. Об этих племенах см., например, Дьяконов 1968: 12, 123 сл., 214 слл.; Гиоргадзе 1999, с литературой.

<sup>27</sup> Petrosyan 2002: 142. Связь этого топонима с клинописным *mušku* на базе простого созвучия была предложена давно, см.: Дьяконов 1968: 222 сл.; Diakonoff 1992; Джаукян 1970: 78.



же этнонимом связано также название царства *Каску* (или *Каска*), упоминаемое в Саргоном II в конце VIII в. до н. э. на северо-западе Армянского нагорья (Арутюнян 1985: 104 сл.). Локализация на местах, где впоследствии был распространен особый культ лунного бога, может считаться доводом в пользу «лунной» этимологии этнонима *kaška* (а культ луны в регионе, отмеченный в эллинистическое время, может корнями восходить к кашкайцам), см. Гиоргадзе 1961: 200, с литературой<sup>28</sup>.

И без этих рассуждений можно сказать, что идея о связи названия страны *Арме* (читать: /Armə/ < *Arma-*, с хуррито-урартским регулярным ослаблением последнего гласного) с анатолийским именем лунного бога вполне приемлема. С другой стороны, название *Арме*, вероятно связанное с ним этноним *armen*, а также так или иначе связанные с ними армянские эпонимы *Арменак*, *Армайис* и топоним *Армавир* (как ключевые имена этногонического мифа), вряд ли можно отделить от многочисленных созвучных этнопонимов, концентрированных на севере Месопотамии и Сирии и юге Урарту, засвидетельствованных в III–I тыс. до н. э., – *Arman*, *Armanum*, *Armi*, *Armuna* и т. д. (см., например: RGTC I: 18; II: 15; III: 21; V: 38; XII: 50 ff.; Н. Арутюнян 1985: 37 слл.; Petrosyan 2002: 163). Теоретически нельзя исключить, что хотя бы часть этих названий восходит к местному корню со значением ‘луна, бог луны’ который был заимствован в общеанатолийский и, возможно, в другие древние языки региона.

---

<sup>28</sup> Интересно, что и этноним урумайцев – союзников (сородичей?) *кашкайцев/абешлайцев*, также как и названия стран *Урме*, *Уруму*, можно сравнить с именем бога луны *Arma-* (в клинописи звук *o* передается знаками для *u*, и эти названия можно интерпретировать как *Or(o)mole* – «окающее» произношение, параллельная родственная форма?). Теоретически и мушков можно включить в список племен поклонников лунного бога. Их этноним, в клинописи переданный как *muški*, мог быть дериватом названия ‘луны’ на каком-то древнем северокавказском языке (ср. абхаз. *a-mza*, абаз. *mzə*, адыг. *māza*, убых. *māza*). Название страны *Пурулумзи*, на юго-западе Армянского нагорья, которое упоминается в связи с мушками (Арутюнян 1985: 161 сл.), можно этимологизировать в связи с хурр. *purlī* ‘дом’ (региональное слово) и вышеуказанными кавказскими формами для слова ‘луна’ (ср. внутреннюю форму арм. *Армавира*). Каппадокийский город *Мазака*, который в древности связывался с *мушками* (см. ниже), также сопоставим с указанными формами. Если хотя бы часть этих рассуждений верны, то это особое поклонение луны напоминает ситуацию у древних арабских племен, которые под разными именами почитали лунного бога как главного в пантеоне.

### Мшак, Муш и Мцхета

Согласно Хоренаци (I.14), патриарх *Арам* побеждает своего мифического противника в Каппадокии, завоевывает эту страну и приказывает местным жителям говорить по-армянски. Поэтому греки называют эту область *Protē Armenia* «Первая Армения». Наместник *Арама* в Каппадокии, его сородич *Мшак* (*Mšak*) строит там город и называет его своим именем, которое местными жителями впоследствии было искажено в *Mažak*/*Mažak* – греч. *Mazaka*, позже – Кесария, ныне Кайсери (Petrosyan 2002: 43 ff.).

Хоренаци упоминает *Арама* и *Мшака* в Каппадокии, далеко на западе от Евфрата, но созвучные древние этнопонимы (*Арме*, *Урме*, *Муш*), как мы видели, сосредоточены в *Сасуне* и *Муше*. То же самое касается соответствующих эпических героев – их эпонимов. В архаичном варианте эпоса «Давид Сасунский», известного из труда арабского средневекового автора (Псевдо-Вакиди, XII в.), сын Санасара *Муш* фигурирует как эпоним города *Муша* (Абегян 1966: 333, 385 слл., 417; Тер-Гевондян 1978; см. еще Арутюнян, Бартикян 1975). Санасар, как было сказано, является поздним воплощением *Арама*, в то время как *Мшак* (< *Миш-ак*), уменьшительный вариант *Муша*. Таким образом, *Санасар* и *Муш* соответствуют ранним *Араму* и *Мшаку*.

В «Жизни картлийских царей» старший сын *Картлоса Мцхетос* (*Mc'xet'os*) возле горы *Картли/Армази* основывает древнюю грузинскую столицу *Мцхета*, название которой, согласно одному мнению, связано с этнонимом *месхов*, одним из древних племен Южной Грузии (ср. грузинское название земли *месхов*: *Sa-mc'x-e*). Полагают, что *месхи* представляет позднюю грузинскую версию древних этнонимов – клинописного *miški* и греческого *mosch*<sup>29</sup>. У Иосифа Флавия (*Ant. Jud.* I.6.1) эпонимом города *Мазака* выступает *Мосох*, представленный как брат иверийцев-грузин. Этот же образ, в русском переводе – *Мешех*, греч. *Mosoch*, евр. *Mšk*, в Библии фигурирует как сын *Арама*, эпонима арамейцев (I Пар. I.17, ср. Быт. X.22–23, где он назван *Мауш*), притом, он считается эпонимом *мушков-фригийцев* (Дьяконов 1981: 49, 56, прим. 71, 104).

<sup>29</sup> О связи названий Мцхета и *месхи* см. Меликишвили 1954: 420 f. Несмотря на распространенность этой точки зрения в грузинской науке, она все-таки гипотетическая и даже не упоминается в Меликишвили, Лордкипанидзе 1989. О соотношении названий *мушку*, *мосх* и *месхи* см.: Дьяконов 1968: 218 слл.

Несомненно, что библейские *Арам* и *Мешех* соответствуют армянским *Араму* и *Мишаку*.

В этих легендах, очевидно, соединены воедино некоторые древние местные мифы и этногонические предания, скоординированные с библейскими генеалогиями. Подробное рассмотрение этих данных в настоящей статье не представляется возможным. Отметим только, что трудно в этих легендах отличить ценный – самостоятельный местный материал от поздних народно-этимологических конструкций и псевдо-научных обработок древних авторов (Петросян 1997).

Ряд армянских ученых (Г. А. Капанцян, Я. А. Манандян, С. Т. Еремян, Г. Х. Саркисян) считают *Арама* и *Миака* эпонимами урумайцев и мушков (Petrosyan 2002: 140, с литературой). Если связь *урумайцев* и *Арама* может вызвать сомнение (сомнительно, что *Урме* и *Уруму* – это варианты клинописной передачи названия *Арме*), то тождество образов *Миака* и *Мосоха* (эпонима *мушков-фригийцев*) вне всякого сомнения – они оба представлены эпонимами города *Мазака*. Арамейцы в языковом отношении не родственны ни армянам, ни фригийцам, ни грузинам, что обесценивает историческую значимость библейской генеалогии *Арам-Мосох*. Но можно сказать, что в приведенных легендах *Картлос* и *Мухетос* выступают эквивалентами армянских *Арама* и *Миака*, где *Картлос* и *Арам* являются эпонимами грузин и армян, соответственно, а *Мухетос* и *Миак*, видимо – *мушков/мосхов*. А сопоставление пар соседних топонимов связанных с эпонимами в Армении и Грузии – *Арме-Муш* и *Армази-Мухета* – делает близость армянских и грузинских данных более очевидной.

О «восточных мушках» есть разные мнения. Они считались коренными жителями Малой Азии и Армянского нагорья, или пришельцами с Балкан, протармянами (носителями протоармянского языка)<sup>30</sup>. Согласно грузинским ученым, *мушки* – те же *мосхи* античных источников, предположительно – грузинское племя, которое в прежние времена жило в северо-восточных областях Малой Азии и подверглось влиянию хеттской культуры. Позже они перешли на восток, в Грузию, и принесли с собой некоторые хеттские элементы, включая культ бога луны *Армаса* (Меликишвили 1954: 410 сл.; 1959: 104 слл.; Меликишвили, Лордкипанидзе 1989: 393 слл.; Kavtaradze 1997: 352 ff.). Все эти мнения гипотетичны. Мушки были, видимо,

<sup>30</sup> О мушках см.: Wittke 2004 с литер.; как о местном племени – Mellink 1965; Kosyan 1997; как о протоармянах – Дьяконов 1968: 214 слл.

индоевропейским, но неармянским племенем, которое сыграло важную роль в ранней истории Армении и Грузии (Petrosyan 2002: 43 ff., 152 ff. et passim).

### Сокращения

АВИИУ – Дьяконов И.М. 1951: Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. 2, 257–356.

ИФЖ – Историко-филологический журнал. Ереван.

KUB – Keilschrifturkunden aus Boghazköi. Berlin.

RGTC – Répertoire géographique des textes cunéiformes. Wiesbaden.

### Литература

Абегян 1966 – Абегян М. Труды. Т. 1. Ереван, 1966 (на арм. яз.).

Агатангелос. История Армении / пер. с древнеарм. К. С. Тер-Давтяна и С. С. Аревшатяна. Ереван: Наири, 2004.

Амаякян 1990 – Амаякян С. Г. Государственная религия Ванского царства. Ереван, 1990 (на арм. яз.).

Амаякян, Санамян 2001 – Амаякян С. Г., Санамян О. Об отношении урартских культовых строений с христианскими священными местами // Армянские святые и священные места. Ереван, 2001. С. 222–233 (на арм. яз.).

Арутюнян 1985 – Арутюнян Н. В. Топонимика Урарту. Ереван, 1985.

Арутюнян 2000 – Арутюнян С. Б. Армянская мифология. Бейрут, 2000 (на арм. яз.).

Арутюнян, Бартикян 1975 – Арутюнян С. Б., Бартикян Г. М. Отклики «Сасна црер» в «Шараф-наме» // ИФЖ. 1975. № 2. С. 90–104 (на арм. яз.).

Ачарян 1942 – Ачарян Р. Словарь армянских личных имен. Т. 1. Ереван, 1942 (на арм. яз.).

Болтунова 1949 – Болтунова А. И. К вопросу об Армази // ВДИ. 1949. № 2. С. 228–240.

Ван-Дер-Варден 1991 – Ван-Дер-Варден Б. Пробуждающаяся наука II. Рождение астрономии. М., 1991.

Волкова 1973 – Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: «Наука», 1973.

Воронов 1998 – Воронов И. Н. Древняя Ассирия. Сухуми, 1998.

Гиоргадзе 1961 – Гиоргадзе Г. Г. К вопросу о локализации и языковой структуре каспских этнических и географических названий // Переднеазиатский сборник. I. М., 1961. С. 161–210.

Гиоргадзе 1999 – Гиоргадзе Г. Г. Неиндоевропейские этнические группы (хатты, каски) в древней Анатолии по хеттским клинописным текстам // Разыскания по истории Абхазии/Грузия / Г. Жоржоллиани, Э. Хоштария-Броссе (ред.). Тбилиси, 1999. <http://forum.gol.ge/index.php?showtopic=22904&st=560>.

Давид Сасунский – Орбели И. А. Армянский героический эпос «Давид Сасунский». Ереван, 1956.

Джаукян 1970 – Джаукян Г. Б. Армянский и древние индоевропейские языки. Ереван, 1970 (на арм. яз.).

- Джаукян 1987 – Джаукян Г. Б. История армянского языка: дописьменный период. Ереван, 1987 (на арм. яз.).
- Дьяконов 1968 – Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.
- Дьяконов 1981 – Дьяконов И. М. Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и походы вавилонских царей // ВДИ. 1981. № 2. С. 34–64.
- Дьяконов 1990 – Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990.
- Дьяконов 2005 – Дьяконов И. М. О самоназвании армянского народа // ИФЖ. 2005. № 2. С. 277–278.
- Иванов 1982 – Иванов Вяч. Вс. Лунарные мифы // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 78–80.
- Капанцян I–II – Капанцян Г. А. Историко-лингвистические работы. Т. I–II. Ереван, 1956, 1975.
- Карагезян 1998 – Карагезян О. О. Клинописные топонимы. Ереван, 1998 (на арм. яз.).
- Карапетян, Хачатрян, Канецян 2004 – Карапетян И., Хачатрян Ж., Канецян А. Доурартский Армавир // ИФЖ. 2004. № 2. С. 254–275.
- Косян 2002 – Косян А. В. Ани-Камах в хеттскую эпоху // ИФЖ. 2002. № 3. С. 225–241 (на арм. яз.).
- Малхасян 1939 – Малхасян С. Себеос. История Армении / Пер. С. Малхасяна. Ереван, 1939.
- Мартirosян 1974 – Мартirosян А. А. Аргиштихинили. Ереван, 1974.
- Меликишвили 1954 – Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954.
- Меликишвили 1959 – Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
- Меликишвили, Лордкипанидзе 1989 – Меликишвили Г. А., Лордкипанидзе О. Д. (ред.). Очерки истории Грузии. Т. 1. Тбилиси, 1989.
- Марр 1902 – Марр Н. Я. Боги языческой Грузии по древнегрузинским источникам. Записки восточного отделения императорского археологического общества. Т. XIV, вып. II–III. СПб., 1902.
- Павстос – История Армении Фавстоса Бузанда. Пер. с др.-арм. и коммент. М. А. Геворгяна. Под ред. С. Т. Еремяна. Вступит. ст. Л. С. Хачикяна. Ереван, 1953.
- Петросян 1997 – Петросян А. Е. Миф об Араме в контексте сравнительной мифологии и проблема этногенеза армян. Ереван, 1997 (на арм. яз.).
- Петросян 2006 – Петросян А. Е. Арамазд: образ, культ, прототипы. Ереван, 2006 (на арм. яз.).
- Петросян 2008 – Петросян А. Е. Мифологический образ Тиграна Великого // ИФЖ. 2008. № 2. С. 156–177 (на арм. яз.).
- Петросян 2009 – Петросян А. Е. О происхождении армянского народа: проблема идентификации протоармян (критический обзор) // Армянский вестник. 2009. № 2/3–1. С. 66–102.
- Петросян 2010 – Петросян А. Е. О ранних связях индоевропейских и семитских племен по данным сравнительной мифологии // ВДИ. 2010. № 3. С. 122–134.
- Саркисян 1966 – Саркисян Г. Х. Обожествление и культ царей в древней Армении. ВДИ. 1966. № 2. С. 3–26.
- Саркисян 1990 – Мовсес Хоренаци. История Армении / Пер. Г. Х. Саркисяна. Ереван, 1990.

- Саркисян 1998 – Саркисян Г. Х. Этимологии имен собственных в истории Мовсеса Хоренаци // ИФЖ. 1998. № 1–2. С. 113–128 (на арм. яз.).
- Себеос – Малхасян С. Себеос. История Армении / Пер. С. Малхасяна. Ереван, 1939.
- Такайшвили 1989 – Обращение Грузии. Памятники грузинской исторической литературы VII / перевод Е. С. Такайшвили. Тбилиси, 1989.
- Тер-Гевондян 1978 – Тер-Гевондян А. Н. Предание о деве Тарон в арабском источнике XII века // ИФЖ. 1978. № 3. С. 265–286 (на арм. яз.).
- Цулая 1979 – Цулая Г. В. Леонтий Мровели. Жизнь картлийских царей / перевод, предисловие и комментарии Г. В. Цулая. М., 1979.
- Тирацян 1985 – Тирацян Г. А. Вопросы преемственности официального культа в античной Армении // Вестник общественных наук АН Арм. ССР. 1985. № 10. С. 58–65.
- Тревер 1953 – Тревер К. В. Очерки по истории культуры древней Армении. М.; Л., 1953.
- Хоренаци – Мовсес Хоренаци. История Армении / Пер. Г. Х. Саркисяна. Ереван, 1990.
- Ahyan 1982 – Ahyan S. Les débuts de l'histoire d'Arménie et les trois fonctions indo-européennes // Revue de l'histoire des religions. CIC-3. 1982. P. 251–271.
- Diakonoff 1992 – Diakonoff I. M. First Evidence of the Proto-Armenian Language in Eastern Anatolia // Annual of Armenian Linguistics. 1992. Vol. 13. P. 51–54.
- Dumézil 1992 – Dumézil G. Le roman des jumeaux. P., 1992.
- Grayson 1976 – Grayson A. K. Assyrian Royal Inscriptions. Vol. II, part 2. Wiesbaden, 1976.
- Gvelesiani 2003 – Gvelesiani M. A. 'God of Gods' Armaz and Iranian Ahura Mazda. <http://www.stormfront.org/forum/t578633-4/>.
- Howink ten Cate 1961 – Howink ten Cate P. The Luwian Population Groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic Period. Leiden, 1961.
- Justi 1895 – Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.
- Karapetyan 2011 – Karapetyan I. The "Susi" Temple of Argištihinili-Armavir // Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies. 2011. Vol. V, pt. 2. P. 37–43.
- Kavtaradze 1997 – Kavtaradze G. L. The Interrelationship Between the Transcaucasian and Anatolian Populations by the Data of the Greek and Latin Literary Sources // The Thracian World at the Crossroads of Civilizations / P. Roman, S. Diamandi, M. Alexianu (eds). Bucharest, 1997. P. 352–361.
- Kavtaradze 2009 – Kavtaradze G. L. To the Essence of Deities of Pagan Iberia // Caucasian and Near Eastern Studies XIII. Giorgi Melikishvili Memorial Volume / I. Tatishvili, M. Hvedelidze, L. Gordeziani, eds.). Tbilisi, 2009. P. 111–139. (In Georgian, with English summary).
- Kosyan 1997 – Kosyan A. V. The Mushki Problem Reconsidered // Studi Micenei ed Egeo-Anatolici. 1997. Vol. XXXIX/2. P. 253–266.
- Krappe 1945 – Krappe A. The Anatolian Lion God // Journal of the American Oriental Society. 1945. Vol. 65 (3). P. 144–154.

- Laroche 1966 – Laroche E. Les noms des hittites. Paris, 1966.
- Markwart 1928 – Markwart J. Le berceau des Arméniens // *Revue des études arméniennes*. 1928. T. 8, f. 2. P. 210–232.
- Meillet 1918 – Meillet A. De quelques noms propres parthes // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1918. T. 21. P. 24–25.
- Mellink 1965 – Mellink M. J. Mita, Mushki and Phrygians // *Anadolu Araştırmaları (Jahrbuch für kleinasiatische Forschung)*. 1965. Bd. II. S. 317–325.
- Moga, Moga 2011 – Moga I., Moga L. L'Anatide dans le monde anatolien. Interferences et assimilations // *Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies*. 2011. Vol. VI/1. P. 111–127.
- Petrosyan 2002 – Petrosyan A. Y. The Indo-European and Ancient Near Eastern Sources of the Armenian Epic // *Journal of Indo-European Studies Monograph No 42*. Washington DC, 2002.
- Petrosyan 2007 – Petrosyan A. Y. State Pantheon of Greater Armenia: Earliest Sources // *Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies*. 2007. Vol. 2. P. 174–201.
- Petrosyan 2009 – Petrosyan A. Y. Forefather Hayk in the Light of Comparative Mythology // *Journal of Indo-European Studies*. 2009. Vol. 37, pt. 1–2. P. 155–163.
- Petrosyan 2009a – Petrosyan A. Y. The Eastern Hittites in the South and East of the Armenian Highland? // *Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies*. 2009. Vol. IV, PT. 1. P. 63–72.
- Petrosyan 2012 – Petrosyan A. Y. The Cities of Kumme, Kummanna and Their God Teššub / Teišeba // *Archaeology and Language: Indo-European Studies Presented to James P. Mallory. Journal of Indo-European Studies Monograph No 60 / K. Jones-Bley, D. Miller, M. Huld (eds)*. Washington DC, 2012. P. 141–155.
- Puhvel 1984 – Puhvel J. Hittite Etymological Dictionary: Trends in Linguistics. Vol. I. Berlin-New York, 1984.
- Russell 1987 – Russell J. R. Zoroastrianism in Armenia. Cambridge, Mass. 1987.
- Singer 2007 – Singer I. Who were the Kaška? // *Phasis 10 (II). The Argonautica and World Culture. Greek and Roman Studies*. 2007. P. 166–181.
- Saprykin 2009 – Saprykin S. The Religion and Cults of the Pontic Kingdom: Political Aspects // *Mithridates VI and the Pontic Kingdom*. Aarhus, 2009. P. 249–276.
- von Schuler 1965 – von Schuler E. Die Kaškäer. Berlin, 1965.
- Speidel 1978 – Speidel M. P. The Religion of Juppiter Dolichenus in the Roman Army. Leiden, 1978.
- Thomson 1996 – Thomson R.W. Rewriting Caucasian History: The Medieval Armenian Adaptation of the Georgian Chronicles: the Original Georgian Texts and the Armenian Adaptation. Oxford, 1996.
- Tirac'yan 1998–2000 – Tirac'yan G.: Armawir // *Revue des études arméniennes*. 1998–2000. T. 27.
- Tischler 1983, 2001 – Tischler J. Hetuitisches etymologisches Glossar. Teil I, II. Innsbruck, 1983, 2001.
- Wittke 2004 – Wittke A.-M. Mušker und Phryger. Ein Beitrag zur Geschichte Anatoliens vom 12. bis zum 7. Jh. V.Chr. Wiesbaden, 2004.

**A. Y. Petrosyan. Armenian Armawir and Georgian Armazi: problems of early ethnic history of Armenia and Georgia**

The foundation legends of the first capitals of Armenia and Georgia – Armawir and Armazi – are affined. Also, a specific cult of the Moon-god is attested in both cities (in its triadic temples along with the supreme god the Thunderer and the Sun god). *Armazi* is etymologized from the Anatolian *Arma-* ‘moon, moon god’ (Boltunova 1949). *Armawir* can also be etymologized from the same Anatolian stem: *Arma-pir-* ‘house (temple) of Moon (god)’. The name of the patriarch Ar(a)mayis, founder of Armawir, coincides with the Lycian personal name *Armais* (< *arma-* ‘moon’). Thus, the name of the eponymous patriarch Ar(a)maneak, father of Aramayis, as well as the Armenian ethnonym (exonym) Armen itself, can be derived from the same theonymic stem.

*Keywords:* Armawir, Armazi, early ethnic history of Armenia and Georgia.



**Из истории  
лингвистических идей**





А. Х. Гирфанова

## Л. Г. ГЕРЦЕНБЕРГ И АЛТАЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В статье представлены предварительные итоги изучения описи архива российского исследователя тунгусских языков, археолога и этнографа Владимира Васильевича Поносова (Уфа, 1899 г. – Австралия, 1975). Копию этой описи в свое время привез из США Л. Г. Герценберг, который всегда интересовался проблемами алтаистики.

*Ключевые слова:* лингвистика, алтаистика, тунгусо-маньчжуроведение, этнология, археология, музееведение.

Л. Г. Герценберг всегда с особым вниманием и заботой относился к студентам и аспирантам филологической специальности. С 1969 г. он читал курс лекций по «Введению в индоевропеистику» в СПбГУ (ранее ЛГУ), который довелось посещать и мне. Через его школу прошли многие лингвисты среднего и младшего поколений Санкт-Петербурга. В середине 80-х гг. прошлого столетия с группой коллег я изучала под его руководством арабский язык, занятия по которому проходили в ИЛИ РАН (тогда ЛО ИЯ АН СССР). Много времени и внимания Л. Г. уделял своим учениками, помогая расширению не только их лингвистического, но и общекультурного кругозора. Не меньше усилий он прилагал и для дальнейшего их трудоустройства.

Будучи иранистом и индоевропеистом по преимуществу, Л. Г. проявлял неподдельный интерес и к языкам других семей. Этот интерес, разумеется, предполагал прежде всего выявление типологически общих черт, а также взаимовлияний между разными языковыми семьями. Наряду с этим, Л. Г. исходил из методологических предпосылок, как бы примеривая возможности методов и приемов сравнительно-исторического индоевропейского языкознания к разнотипным языковым ареалам.

В мае месяце 1969 г. по решению бюро Отделения литературы и языка АН СССР в ЛО ИЯ состоялась первая (к сожалению, и единственная) алтаистическая конференция, в которой Л. Г. участвовал с докладом «Алтаистика с точки зрения индоевропеистики» (см.: Проблема... 1971). В своем выступлении, опубликованном впоследствии в качестве статьи в материалах конференции, он акцентировал внимание на следующих методологических вопросах:

«Во-первых, это проблема праязыка в его связи с концепцией родства языков.

Во-вторых, это семантические аспекты сравнения и реконструкции.

В-третьих, это фонетическая сторона восстановления праязыка с учетом ее условного состояния» (Герценберг 1971: 31).

В заключении же доклада подчеркивались два положения:

«Во-первых: опыт индоевропеистики показывает, что выводы сравнительно-исторического языкознания вполне достоверны и надежны в отличие, скажем, от положений ностратики (со ссылкой на: Michelena 1969).

Во вторых: алтаистика может почерпнуть много методологически полезного в других сферах приложения сравнительно-исторического метода.

Но и теоретическая компаративистика будет совершенствоваться, аккумулируя успехи в сравнительно-историческом изучении алтайских языков» (там же: 45–46).

Позже появляется также статья Л. Г. «Об исследовании родства алтайских языков», где он оспаривает точку зрения Г. Дёрфера, выступавшего против генетического истолкования родства алтайских языков, отмечая, что

«...отрицать алтайскую теорию – значит отказываться от реальной и убедительной возможности проникновения в предисторию тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языков. Достоверность и очевидность теории генетического родства алтайских языков следует прежде всего из того, что каждый подтверждающий ее звуковой закон выводится из достаточного числа тунгусо-маньчжурско-монгольско-тюркских соответствий» (Герценберг 1974).

В статье представлены и предварительные этимологии, следующие из сравнения тюркской и тунгусо-маньчжурской групп языков, которые подкреплены аналогичными примерами из индоевропейских языков, что позволяет автору сформулировать некоторые общие закономерности сравнительно-исторического метода.

Во второй половине 90-х годов, находясь в США, Л. Г. обнаружил в одном из архивов материалы по тунгусским языкам, собранные в свое время российским этнографом В. В. Поносовым. По возвращении в Петербург Л. Г. любезно предоставил мне ксерокопию, сделанную им с описи фонда Поносова,

и пожелал, чтобы я когда-нибудь попала в этот архив и обработала эти материалы. Я с благодарностью приняла этот материал Л. Г. и все еще надеюсь исполнить его пожелание.

\* \* \*

Владимир Васильевич Поносов (Уфа, 25 февраля 1899 г. – Австралия, 1975) в силу исторических причин не относится к числу известных отечественных исследователей, хотя его научный вклад в археологию и этнографию значителен. Наряду с Владимиром Яковлевичем Толмачевым, бывшим екатеринбургским археологом и ученым секретарем Уральского общества любителей естествознания, Поносов является признанным лидером среди исследователей археологии Маньчжурии в 1920–1950-х годах, а также основателем харбинской археолого-этнографической школы.

После окончания реального училища в Уфе в 1915 году В. В. Поносов поступает на экономический факультет Коммерческого института в Киеве. Свои археологические исследования он начинает с изучения предгорий Южного Урала. В 1919 г. Поносов оказывается за рубежом. В 1922 г. он приезжает в Харбин (северо-восточный Китай, Маньчжурия), ставший к тому времени «русским» городом.

С момента возникновения в 1922 г. созданного в Харбине русскими эмигрантами Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК)<sup>1</sup> В. В. Поносов выступает как его активный участник. Ко времени своей ликвидации общество располагало музеем, библиотекой, книгообменным фондом, опытным сельскохозяйственным полем и ботаническим участком, а также речной биологической станцией. В ОИМК входило более 800 чел. – они вели работу по нескольким секциям. К моменту закрытия их было тринадцать: «Археология», «Ботаника и Зоология», «Геология и Физическая География», «История и Этнография», «Культурное развитие края», «Краевое Коневодство», «Медицина, Ветеринария и Санитария», «Ориенталистика», «Право», «Сельскохозяйственная секция», «Торгово-промышленная секция», «Фотографическая секция» и «Языковедение».

Для детального изучения региона членами ОИМК было предпринято 190 экспедиций в разные местности Северной Маньчжурии. Большую помощь по созданию музея и в организации работы оказывали такие видные, хотя и «по забытые» на

---

<sup>1</sup> Общество ликвидировано в 1928 г.

родине учёные и исследователи, как Э. Э. Энерт, Т. В. Бутов, Б. М. Велимирович, М. К. Гордеев, Е. В. Даниэль, Г. Н. Дикий, П. А. Павлов, Д. П. Пантелеев, В. В. Поносов, Ф. М. Розов, Б. В. Скворцов, В. Я. Толмачёв, А. П. Хионин, П. В. Шкуркин, Б. П. Яковлев и многие другие

В 1929 г. Поносов становится учредителем и руководителем Клуба естествознания и географии, а в 1932 г. – заведующим отдела этнологии в музее Института изучения культурного развития Особого района Восточных провинций. В 1939–1945 годах он является одним из заведующих музеем научно-исследовательского института Да-Лу.

За время музейной работы Поносов составляет каталог памятников археологии Северной Маньчжурии, заметно пополнив коллекции музея своими собственными археологическими и этнографическими материалами. В конце 1920-х годов он продолжает начатые В. Я. Толмачевым археологические исследования Верхней столицы чжурчженей – городища Байчэн. Поносов известен также как этнограф, много лет изучавший орочей, солонов и дауров, а также районы расселения этих народов. Отчасти он выступает и в качестве историка религии, занявшись изучением предметов ламаистского культа.

Вклад русских ученых-эмигрантов в развитие археологической науки в Китае огромен. С открытием в 1928 г. исторического музея и созданием при нем отдела этнологии во главе с В. В. Поносовым началось систематическое изучение исторических памятников этой страны. Археологи провели сотни раскопок, которые дали уникальные находки. Активные археологические работы продолжались Поносовым и в 30–40-е годы – он исследовал, в частности, городище в Дунцзичэне, вел работы на Сунгари, в районе Барги, на озере Цзиньбоху и т. д.

До 1945 г. В. В. Поносов опубликовал на русском и английском языках более 30 работ по результатам ежегодных экспедиций в Маньчжурию и Восточную Монголию. В целях расширения проблематики исследований еще в 30-х гг. он привлек к работе в музее начинающих востоковедов, ставших ядром будущей Национальной организации русских исследователей им. Н. М. Пржевальского. Организованные музеем выставки и публикации снискали всемирное признание научных работ русских археологов, историков и этнографов. Эта исследовательская деятельность позже охватила и территорию соседней Монголии и некоторые малоисследованные области Центральной Азии.



Сотрудники Этнографического отдела Харбинского музея – снимок, сделанный по случаю посещения музея археологом К. Кобаяси 10 января 1933 г. Сидят, слева направо: А. С. Лукашкин, Э. Э. Анерт, А. Я. Авдощенко, К. Кобаяси и В. Я. Толмачев; стоят: драгоман музея И-Цзя-цзюй, В. Н. Жернаков, М. Ивлев и В. В. Поносов<sup>2</sup>.

После китайской революции 1949 г. В. В. Поносов остается в Харбине. В 1957 г. его приглашают на работу во вновь созданный Музей провинции Хэйлунцзян для передачи опыта китайским сотрудникам. В качестве сотрудника этого музея он провел несколько экспедиций. В эти же годы Поносов работает над обобщающим трудом по истории археологического изучения Северной Маньчжурии<sup>3</sup>. В 1961 году Владимир Поносов переехал в Австралию, где и прожил до 1975 года.

Имя Владимира Васильевича Поносова занимает достойное место в списке востоковедов библиографического словаря «Российское научное зарубежье», подготовленного в последнее время при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. В 1972 году в Мельбурнском университете в серии *Russians in Australia* вышла биография В. В. Поносова (автор – В. Н. Жернаков). Также его харбинский период жизни неоднократно освещался новосибирскими археологами-китаеводами.

<sup>2</sup> Фотография воспроизводится по: Савельев 2009.

<sup>3</sup> Опубликовано в 1991 г. в Харбине на китайском языке.

### Литература

- Герценберг 1971 – Герценберг Л. Г. Алтаистика с точки зрения индоевропейца // Проблема общности алтайских языков. С. 31–46.
- Герценберг 1974 – Герценберг Л. Г. Об исследовании родства алтайских языков // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 47–55.
- Говердовская 2006 – Говердовская Л. Ф. Образовательная и научная деятельность русской эмиграции в 20–40-е годы XX в. // Россия и АТР (Владивосток). 2006. № 3. С. 150–160.
- Савельев 2009 – Савельев Н. Интересные факты жизни В. Поносова // Башинформ (Уфа). 24 января 2009 г. ([www.bashinform.ru/index.php](http://www.bashinform.ru/index.php)).
- Проблема...1971 – Проблема общности алтайских. Тезисы докладов / Отв. ред. О. П. Суник. Л.: «Наука», 1971.
- Michelena – Michelena L. Comparación y reconstrucción // Emerita (Madrid). T. XXXVII. Fasc. 1. P. 99–135.

#### **A. Kh. Girfanova. Prof. Leonard Hertenberg and the Altaic linguistics**

This paper is devoted to the memory of Prof. Leonard Hertenberg. Being the specialist on Indo-European languages he gave attention to the languages of other families, like Altaic ones. He paid much attention to young colleagues, students and post-graduate students developing their linguistic and cultural horizon. In particular, he introduced me to the scientific heritage of one of the Russian ethnologists who contributed to the study of Manchuria, V.V. Ponosov, the recognized leader of archeology of Manchuria in 20-50-s of the XX century, the founder of the Harbin archeologo-ethnographic school.

*Keywords:* Prof. Leonard Hertenberg, Altaic linguistics, Manchurian studies, the Harbin archeologo-ethnographic school.



А. В. Жугра

## ИЗ ИСТОРИИ АЛБАНОВЕДЕНИЯ В РОССИИ

Начало албановедения в России относится к XIX веку и характеризуется интересом к изучению исторических албано-славянских контактов (В. В. Макушев). Были предприняты шаги по созданию корпуса источников для албановедческих и балканистических исследований (В. И. Ламанский, В. В. Макушев, Г. С. Дестунис). Научная общественность информировалась о новейших исследованиях по названной тематике (рецензии В. В. Качановского, обзоры литературы В. В. Макушева). Публиковались переводы и переложения книг о жизни албанского правителя Али паши Тепеленского, по истории Османской империи. Было издано «Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII в» с обширным критическим аппаратом (П. А. Сырку).

Статьи и очерки журналистов и писателей А. Каировой, В. И. Немировича-Данченко, М. Ф. Карловой, К. Н. Леонтьева давали русскому читателю много новой информации об Албании и создавали предпосылки возникновения и развития албановедения в России в XX в.

*Ключевые слова:* Албания, Россия, албановедение в России в XIX веке, В. И. Ламанский, В. В. Макушев, Г. С. Дестунис, П. А. Сырку.

Начало албановедения в России относится к XIX веку. В то время сведения об Албании, об албанском народе, его языке и культуре были чрезвычайно скудны. Однако интерес к этой далекой стране в русском обществе существовал издавна. В числе авторов, писавших об Албании, были историки, журналисты, путешественники.

### Работы ученых-славистов

Славистика XIX века интенсивно развивалась как комплексная наука, включающая в свой состав исследования истории и культуры славянских народов в широком понимании этих терминов. К тому времени некоторые из областей исследования уже имели свою традицию, как, например, этногенез славян, изучение старых славянских текстов, другие же были достаточно новыми, такие, как славянская диалектология, фольклор, этнография. В круг исследований славистов входили также вопросы взаимоотношений славянских народов с их соседями – греками, германцами, албанцами. Контакты южных славян с их

соседями албанцами на Балканском п-ове привлекли внимание нескольких русских ученых того времени<sup>1</sup>.

Среди историков здесь следует назвать имена таких ученых, как Вл. И. Ламанский, В. В. Макушев, Ал. Ф. Гильфердинг, Вл. В. Качановский, Ал. Л. Погодин и др. Все они работали в области славистики, и их интерес к албанцам проистекал из исследований по истории южных славян.

В XIX веке многие русские ученые отправлялись за границу, чтобы установить научные контакты с представителями европейских университетов, чтобы поработать в библиотеках и архивах и собрать необходимые материалы. Одним из них был Владимир Иванович Ламанский (1833–1914), выдающийся ученый славист и общественный деятель, академик (1900). Его научное наследие охватывает широкий круг научных интересов – славянские языки и литературы, археология и этнография. Этот патриарх русского славяноведения оставил после себя целую научную школу, известную как «историческая школа Ламанского»<sup>2</sup>.

Ламанский совершил две продолжительные по времени заграничные поездки с научными целями. Во время второй поездки (с мая 1868 по август 1869) он около года работал в архивах Венеции, уделяя особое внимание истории Далмации и Албании (Лаптева 2005: 361). Как писал сам Ламанский, он «собрал массу драгоценных материалов для истории турок и латинян в греко-славянских землях со взятия Константинополя турками до первых годов XVII в. Многими из важнейших источников ... я, быть может, первый пользовался с такою свободою и полнотою» (цит. по: Лаптева: 361). Через два года им была написана докторская диссертация «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871).

Часть архивных документов, собранных Ламанским в Венеции, опубликована (Ламанский 1884). В этом издании помещены документы, характеризующие отношения Венецианской республики к славянам, грекам, к Оттоманской Порте в течение XV–XVI вв. Документы в нем – на латинском и итальянском языках, сопровождающий текст (введение, комментарии, исторические экскурсы В. И. Ламанского) – на французском языке.

---

<sup>1</sup> Это направление исследований получило дальнейшее развитие в XX и XXI веках, оно представлено в индивидуальных и коллективных монографиях, объединяемых в серии «Славяне и их соседи». В интересующем нас «балканском направлении» см., напр.: Литаврин 1999.

<sup>2</sup> Из недавних работ о Ламанском см.: Саприкина 2004: 60–84.

В обширном введении (36 с.) излагаются взгляды В. И. Ламанского на славянство, на европейскую историю. Ученый предстает здесь как человек высоких нравственных идеалов, утверждающий, что одна сила без моральной опоры не прочна, что в политике, как и в частной жизни, честность, в конечном счете, лучшая гарантия против ошибок (Бузескул 2008: 370).

Уже первое знакомство с этой внушительной по объему публикацией показывает, что в целом ряде документов упоминаются албанцы и Албания. В качестве иллюстрации можно указать на подборку материалов об участии архиепископа Дураццо (совр. Дуррес) Мартина в попытке организовать антитурецкое восстание (Secrets: 292–297)<sup>3</sup>. Речь идет об одном эпизоде, связанном с королем Франции Карлом VIII, который после завоевания в 1493 г. Неаполитанского королевства готовился к походу на Константинополь с целью изгнания турок из Европы. От имени короля Франции на архиепископа Дурреса была возложена миссия поднять христианское население Балканского п-ова – албанцев, греков и славян – на восстание против турок. Миссия не увенчалась успехом, чему способствовало также и противодействие Венеции. Картина становится ясной, благодаря опубликованным документам: решениям Совета десяти (этого «органа госбезопасности» Венецианской республики), касающимся ареста архиепископа Мартина в 1495 г., его миссии в Албании, процесса над его отравителями, послания папы Александра VI, и предваряющему эти документы извлечению из «Мемуаров» Ф. де Коммина (1447–1511), известного французского дипломата и историка, советника короля Карла VIII.

Ламанский не написал какой-либо специальной работы об албанцах, однако его интерес к этой теме проявился позднее в исследованиях одного из его учеников – Ал. Л. Погодина (об этом ниже).

Еще одним автором, писавшим об Албании, был профессор Варшавского университета Викентий Васильевич Макушев (1837–1883), имя которого известно албановедам-историкам. Он был ученым с широким кругом научных интересов, писавшим по вопросам истории южных славян, по истории славянских литератур. Первые сведения о балканских странах он приобрел, работая в качестве секретаря русского консульства в Дубровнике. За период четырехлетнего пребывания в Дубров-

<sup>3</sup> Этот раздел озаглавлен *Empoisonnement de Martin, archevêque de Durazzo*.

нике (1862–1866) он не только изучил ряд языков (итальянский, сербский, занимался также венгерским и испанским), но и имел возможность познакомиться с положением дел в Далмации и Черногории, а также в соседних странах – в Боснии и Герцеговине и Албании. Работал Макушев также и в архивах, итогом чего явилась магистерская работа, посвященная внешним сношениям Дубровника и защищенная им в Петербурге в 1868 г.

В начале 1868 г. ему было поручено совершить зарубежную поездку с научными целями. В полученной им инструкции среди прочего говорилось также о желательности посещения Албании: «Нельзя еще не заметить, что ни один из славистов, сколько известно, не занимался на месте исследованием албанского языка, важного по старому славянскому элементу в него вошедшему, а отчасти по влиянию на соседние славянские наречия. Желательно было бы, чтобы г. Макушев с лингвистико-этнографической целью мог посетить и Албанию» (цит. по: Лаптева 2005: 605).

Первым пунктом путешествия Макушева стал город Кенигсберг, куда он отправился, чтобы познакомиться с профессором Карлом Гопфом, известным византинистом. В библиотеке Гопфа имелось много интересных рукописей, очень ценных для истории южных славян и албанцев. Гопф дал Макушеву список важнейших библиотек и архивов Италии и был первым, кто подчеркнул важность архивных документов из библиотек Италии для исследования истории Албании.

Макушев работал во многих городах Италии: в Венеции, Милане, Генуе, Флоренции, Неаполе, Риме, Палермо, Бари, Анконе, Болонье, Мантуе. Его пребывание в Италии продолжалось более трех лет. Он собрал богатый материал из почти 20 тысяч памятников, написанных на латинском, итальянском, французском и испанском языках и охватывающих период с XII до XVI века.

Работая в Венеции и Неаполе, Макушев особое внимание уделял истории Албании, – только о личности Скандербега им собрано около двух тысяч документов.

В 1871 г. он начал работать в должности профессора Варшавского университета, где вскоре защитил докторскую диссертацию на тему «Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века». В сущности Макушев был первым, кто искал и нашел в итальянских архивах материалы по истории Албании. Эти источники до того времени не только не использовались другими историками, но даже и не были известны науке. Рус-

ский ученый продолжил, таким образом, работу, начатую до него немецкими исследователями – Й. Г. Ханом и Й. Ф. Фальмерайером.

Макушев исследовал историю Албании в период средневековья – от времени прихода славян на Балканы в VI–VII вв. и до XV в. (Макушев 1871). Албанцы населяли, – пишет он, – территорию между Шкодранским озером, Адриатическим морем, Пиндом и заливом Арты. Они разделены на две части – как по вере, так и по языку. Албанцы никогда не были одним целым и политически неделимым. С VII в. здесь поселяются славяне, и число их (особенно во время болгарского господства) постоянно увеличивалось. С XI в. болгарские цари переселяли албанцев на болгарские земли, а на албанских землях селили болгар.

Макушев показал, что славяне, пришедшие в Албанию, не ушли и не были истреблены местным населением. Большинство их было албанизировано. Однако, добавляет историк, славяне повлияли на жизнь албанцев, албанские общины периода средневековья управлялись по славянским обычаям и законам. В последующие века албанцы и славяне обнаруживают довольно много общего в жизни, обычаях и обрядах.

Очень интересными оказываются сведения, сообщаемые Макушевым об общественном устройстве албанцев в средние века. Эти сведения он извлекает из найденных им источников, из так называемых «уговоров», иначе – *capitola*, которые албанские общины заключали с Венецией. В албанском обществе Макушев различал три слоя – знать, горожане и простолюдины. Были и рабы, закрепленные за каким-либо земельным наделом. Рабов можно было покупать, дарить, убивать. Все рабы были славянского происхождения, албанец не мог быть рабом. Земля была собственностью монастырей, общин и знати. Народ не владел землей, но люди были свободными. Крестьяне пользовались землей «по договору», выплачивая два раза в год определенную таксу. Общины управлялись знатью и богатыми горожанами, которые имели большие привилегии. Военскую повинность несли все слои общества. Говоря о политике Неаполя, а с XIV в. и Венеции, по отношению к Албании, Макушев квалифицировал ее как политику корыстную и «эксплуататорскую».

В работе Макушева дается также описание нашествия бесчисленных масс турок в Албанию и сопротивления ему албанского народа под водительством Скандербега. В борьбе с турками под знаменами Скандербега собирались как албанцы, так и

славяне, но силы противоборствующих сторон были неравными. К этому надо добавить, что и политика Неаполитанского королевства по отношению к Скандербегу проводилась, как показывают документы, прежде всего в политических интересах самого королевства. Макушев рассматривал Скандербега как героя, который своими смелыми действиями нарушил планы турок, не позволив им войти в Албанию. В то же время в деятельности Скандербега Макушев видит продолжение борьбы рода Кастриотов за гегемонию в Албании и независимость от соседей, борьбы, которая развивалась теперь в новых условиях<sup>4</sup>. Он считал, что образ Скандербега был приукрашен, что из него сделали героя, подобного легендарным личностям древних времен.

Оценивая в целом труды Макушева по истории Албании, нельзя не согласиться с мнением Л. П. Лаптевой, посвятившей им специальные исследования (Лаптева 1982 и Лаптева 2005). Выводы Лаптевой можно резюмировать следующим образом: Макушев был одним из лучших знатоков источников об Албании и ввел в научный оборот новые документальные материалы; для начала 70-х годов XIX века его труды по истории Албании были крупным вкладом в европейскую балканистику; в русской исторической науке он положил начало русской албанистике (Лаптева 1982: 173).

В своих научных трудах Макушев стремился опираться на достоверные факты и документы, однако он оставался, по собственному его выражению, «профессором-гражданином» даже и на университетской кафедре, а это имело следствием то, что «Макушев-гражданин никак не адекватен Макушеву-ученому» (Лаптева 2005: 624). Хотя Макушев не был «чистым» славянофилом, некоторые его политические взгляды близки славянофильским.

С этим обстоятельством, видимо, связаны причины, которые могла повлиять в какой-то мере «на объективность освещения проблем», связанных с албанской историей (Лаптева 1982: 172). Такими причинами Лаптева считает влияние эпохи (Макушев «был сыном своего века»), а также саму научную установку – «возможно полнее осветить роль «славянского племени» в культурном развитии Европы» (там же). Возможно также, что в

---

<sup>4</sup> Иную трактовку роли Скандербега как руководителя освободительной борьбы албанского народа против турецких поработителей в XV веке находим в работах: Смирнова, Сенкевич 1953: 80–92; Сенкевич 1968: 71–83.

некоторых случаях Макушев проявлял излишнюю доверчивость к итальянским документам.

В 1871 г. Макушев подготовил комментированную библиографию зарубежных работ, посвященных албановедческой проблематике (Обзор 1871). Перечисляя целый ряд исследований, начиная с трудов Фр. Барди, Й. Тунмана, Н. Кетты, А. Маши и до Й. Ф. Фальмерайера и Де Рады, автор сопровождает их краткими характеристиками. Содержание некоторых из этих работ дается достаточно развернуто, – это работы А. Маши, В. Дорса, Й. Ф. Фальмерайера. Очень высоко оценивается фундаментальный труд Й. Г. Хана. Крайне негативную оценку заслужила работа Н. Г. Никоклиса, представленная в 1855 г. в качестве диссертации в университет Геттингена. Макушев квалифицирует ее как «бред нео-эллинических патриотов» (Обзор 1871: 210). Своим «Обзором» Макушев способствовал ориентации русских ученых в области албановедческих исследований того времени.

Макушев сделал доступными для албановедов тысячи источников по истории Албании. Его работы используются современными историками: И. Г. Сенкевич, О. Шмидтом, авторами вышедших в Албании коллективных монографий. Однако научное наследие Макушева использовано в недостаточной мере его современниками и последующими поколениями ученых. Достаточно сказать, что из 20 тысяч документов, большей частью переписанных его собственной рукой, опубликована только некоторая (и не очень большая) их часть (Исторические 1874, Monuments 1882). Судьба остальных документов не известна (Лаптева 2005: 668).

Одним из учеников Макушева был Владимир Васильевич Качановский (1853–1901), который занимался исследованиями в области старой сербской литературы, изучал также сербские и болгарские рукописи. Качановский совершил две поездки с научными целями в балканские страны, работал в библиотеках и архивах Загреба, Дубровника, Белграда, Рильского монастыря и др. Некоторые из его работ посвящены истории балканских народов периода османского завоевания. Качановский поддерживал научные связи со многими русскими и зарубежными славистами, и был хорошо осведомлен о новых публикациях в этой области науки. Не приходится удивляться поэтому, что его внимание привлекла новая книга о Скандербеге – «G. Skanderbeg. Historische Studie von Julius Pisko, k. und k. Vicekonsul und Leiter des k. und k. Öster.-ungar.-Generalkonsulats in Janina. Wien,

1896», на которую он подготовил развернутую рецензию (Качановский 1897).

Признавая определенные достоинства книги Ю. Писко, дающей нечто новое по сравнению с исследованием Макушева, рецензент высказывает и ряд серьезных замечаний. Исследователь политической деятельности Скандербега, – пишет Качановский, – должен использовать максимально полно архивные и документальные источники, опубликованные к тому времени<sup>5</sup>. Игнорирование их имеет следствием некоторые неточности в книге Писко. Историческая роль Скандербега дана несколько поверхностно. Автор книги не уделил должного внимания собранию албанских и славянских князей 2 марта 1444 г. и его важным последствиям, двуличной политике Венеции, отношениям Скандербега с Ю. Бранковичем. На основе архивных данных Качановский определяет политическую ситуацию того времени как «торг между Венецией и Сербией за албанские земли» (Качановский 1897: 248). В исследовании Писко не совсем ясны также отношения Скандербега с албанскими князьями, – с Г. Музаки, М. Големи, с братьями Бальши, не ясна и роль А. Топиа (о последнем у Качановского есть небольшая статья: Качановский 1896). Несмотря на все эти недочеты, рецензент считает книгу достойной того, чтобы занять свое место в ряду трудов о Г. Скандербеге.

Стремление к созданию широкой источниковой базы балканистических исследований, наблюдаемое в русской славистике XIX в. (см. издания архивных материалов Ламанским и Макушевым), нашло отражение и в деятельности Гавриила Спиридоновича Дестуниса (1818–1895), профессора Петербургского университета. Речь идет об издании, точнее – переиздании, греческой рукописи (*летописи Эпирской*, по выражению Г. Дестуниса), составленной Метеорскими монахами и дающей картину «вооруженной борьбы разных народов на Греческой почве во 2-й пол. XIV в.» (Дестунис 1858: 1).

«Историческое сказание инок Комнина и инок Прокла о разных деспотах Эпирских...» было известно европейским уче-

---

<sup>5</sup> Для Качановского, как и для Макушева, основой исторического исследования являются архивные источники и документы. Такая принципиальная установка эксплицитно выражена в одной рецензии, опубликованной в «Славянском сборнике», т. 2, 1877, с. 37 под инициалами Ю. А.: «Самостоятельное личное знакомство с историческими памятниками составляет в наше время необходимое условие для каждого исследователя старины. Ни переводы, ни извлечения не могут заменить самого подлинника».



ным по его первой публикации Пукевилем в 1821 г. Достоверность этого памятника была доказана А. Мустоксиди, осуществившем его первое критическое издание в 1845 г. в журнале 'Ελληνομνήμων (№№ 8–10). Издание это оказалось, однако, малоизвестным и труднодоступным.

Г. С. Дестунис подготовил новое издание, которое базируется на сличении разных списков, сопровождается параллельным переводом на русский язык, содержит подробные объяснения (комментарии) с приложением «родословных росписей», в том числе албанской ветви эпирских деспотов, а также карту Эпира и Фессалии XIV в. Для своих комментариев Дестунис использовал Хронографию Эпира, составленную Аравандино (1856–1857), данные византийских историков, сербские летописи, труды У. М. Лика, Ж.-А. Бюшона, Ш. Дюканжа и др. ученых. Получая полную достоверность благодаря этим объяснениям, «Эпирская летопись» становится важным источником по истории южной Албании второй половины XIV в.

К середине XIV в. сербский король Стефан Душан (1308–1355) значительно расширил территорию королевства, присоединив к себе почти половину земель Византии – Македонию, Албанию, Эпир, Фессалию и Акарнанию. Хронику событий, происходивших в Эпире, и дает опубликованный документ. «Историческое сказание» не содержит «событий громадных», мы видим междоусобицы и бесконечные военные столкновения разных племен и народов. Сербское господство держалось в Эпире до усиления албанцев, об активной роли которых говорится неоднократно. Так, например, в § 8 названы албанские правители Этолии: «Симеон уступил всю Этолию албанцам: тогда-то вся область Этольская разделилась надвое, и из племени албанского явились два властелина: один из них, Гин Буя (Вая), получил Ахелой с окрестностями и Ангелокастром, а другой, Петр Лёса, присвоил себе Арту и Роги» (Дестунис 1858: 10). Другой сербский властитель, деспот Фома, правивший в Янине, после неоднократных жестоких столкновений с албанцами вынужден был породниться с Петром Лёсой, выдав дочь за его сына Иоанна (§13)<sup>6</sup>.

По каждому имени собственному или географическому Г. С. Дестунис дает справку, уточнение или сравнение с другими историческими источниками или же свои собственные соображения и заметки. Таких комментариев им сделано около

<sup>6</sup> Русский перевод памятника доступен в электронном варианте по адресу: [miriobiblion.byzantion.ru/istorikon/istorikon.htm](http://miriobiblion.byzantion.ru/istorikon/istorikon.htm)

200. Дестунис начертил карту Эпира XIV в., как он сам пишет, «сличая карты, приложенные к Пукевилю и Лику, с картами Шпрунера и Киперта» (Дестунис 1858: III). Все это позволяет утверждать, что Г. С. Дестунис не просто переиздал исторический памятник, но подготовил критическое исследование важного источника по истории Эпира XIV в.

В числе ученых XIX в., изучавших историю России, следует назвать два имени, связанных косвенно с албановедением и балканистикой, – это имена А. А. Скальковского и П. И. Кеппена.

Аполлон Александрович Скальковский (1808–1898) – исследователь истории Украины, писатель и издатель. Он был первым историком, который детально исследовал историю южной Украины, заслужив у современников прозвище Геродота Новороссийского края. В 1850 г. он опубликовал статистическое описание этого края, включая и данные о его полиэтничном населении (Опыт 1850). Говоря об албанцах, он называет время и причины их появления в этих краях, а также в Крыму. В русско-турецкой войне 1769–1774 гг. на стороне России принимало участие и много албанцев и греков. Это были матросы, составлявшие так называемое «албанское войско», так как большинство их были арнауты<sup>7</sup>. После войны их поселили на южных землях Украины. В 1784 г. часть этого войска была переселена на южные берега Крыма с возложенной на них обязанностью нести патрульно-карантинную службу в составе специального батальона. Албанцам были подарены земли в районе Балаклавы, где они основали 7 небольших сел<sup>8</sup>. Некоторое их количество поселилось в самом городе Балаклава. Скальковский указывает, что общее количество албанцев составляло 2 660 душ (Опыт 1850: 279).

Работы этого ученого до сих пор сохраняют свою ценность как источник сведений по истории юга Украины, так как в них использованы многие ценные документы, не сохранившиеся до наших дней. Что же касается нашей темы, то можно сказать, что Скальковский был первым, кто ввел в научный обиход инте-

---

<sup>7</sup> Обозначение албанцев в разговорном греческом выступало в форме Ἀρβανίτης, откуда через ступень метатезы Ἄρναβίτης с последующей субституцией u(wu) вместо βι возникла турецкая форма *arnaut*.

<sup>8</sup> Следует отметить, что перечисленные Скальковским албанские села в Крыму к настоящему времени не сохранились. По свидетельству А. А. Новика, посетившего эти места в 2004 г., под Севастополем имеется село Гончарное, которое раньше называлось Арнаутка и в нем жили албанцы. Сейчас албанского населения там нет.

ресные и точные сведения об албанцах Крыма в первой половине XIX в.

Исторические и статистические сведения об албанцах Украины находим также и в трудах П. И. Кеппена.

Петр Иванович Кеппен (1793–1864) – историк, географ, этнолог, статистик, академик (1843). В 1821–1824 гг. он совершил путешествие с заранее определенными научными целями в славянские страны, а также в Германию и Румынию. Он занимался сбором и исследованием старых славянских памятников, изучением славянских языков и диалектов. Одну из важнейших своих задач Кеппен видел в установлении контактов с представителями европейской культуры и науки. Он встречался с П. Шафариком, Е. Копитаром, Фр. Шлегелем, И. В. Гете и др. (об этом подробнее Никулина 1981).

По возвращении в Россию он стал издавать один из первых библиографических журналов – «Библиографические листы». Кеппен организовал систематический сбор статистических данных об этническом составе населения России, на базе которых впервые подготовил «Этнографическую карту европейской части России» (1851).

Среди других этнических групп Кеппен называет также албанцев Бессарабии, данные о которых он собирал как по официальным документам русского правительства, так и в своих поездках на места (Хронологический указатель 1862). Автор кратко указывает на время и условия появления албанцев в этих местах – они пришли из болгарского села Деви (близ Варны) в 1809 или 1810 г. Как отмечает Кеппен, в новом селе Каракурт (ныне Жовтневое) в 1850 г. было 109 арнаутских семейств в количестве 1060 душ, а во всей Бессарабии находилось 154 семейства, насчитывавших 1328 душ (ук. соч.: 2).

Трудам Скальковского и Кеппена мы обязаны первыми статистическими сведениями о поселениях албанцев на Украине<sup>9</sup>.

И сейчас снова надо вспомнить имя Ламанского, воспитавшего целую плеяду славистов: историков, филологов, историков славянского права и т. д., всего около 30 человек. Одним из них был Александр Львович Погодин (1872–1947), историк и филолог, со своей антиславянофильской позицией, если можно так выразиться.

---

<sup>9</sup> Албанские села Украины были объектом исследования целого ряда ученых – отечественных и зарубежных. Их общее лингвистическое описание дано в: Voronina, Domosileckaja, Sharapova 1996 (с библиографией).

Среди публикаций Погодина на албанскую тему укажем на статью «Албанский вопрос», напечатанную в журнале «Вестник Европы» (Погодин 1910). Следует отметить, что в XIX в. в русских журналах много писалось о балканских проблемах, писали и об Албании, о стремлении албанцев к свободе и независимости. Какова была позиция Погодина по албанскому вопросу?

Названная статья рисует автора не только как историка, но и как публициста. Автор показывает, что албанский вопрос, разворачивающийся на глазах современников, имеет характер не только политический, но и национальный. И с этой точки зрения он представляет особый интерес.

Изложив краткие сведения по албанской истории и культуре, Погодин говорит о росте национального движения и о программе Албанской лиги. Движение приобрело общеалбанский характер, – пишет Погодин, – оно охватывает тосков и гегов, без различий религиозных или диалектных. Конгрессы в Манастыре и Эльбасане, в которых приняли участие многие люди, митинги и политические клубы, журналы и газеты, защищающие идею автономии Албании, – все это указывает на то, что на наших глазах сформировалось национальное движение.

Для подкрепления этого тезиса, Погодин обращается к народным песням. Среди албанцев еще живо эпическое творчество. Нынешние события, события сегодняшнего дня быстро находят свое выражение в устах народа, в устах рапсодов, их песни ясно характеризуют духовное состояние и политические устремления народа. В подтверждение автор цитирует две песни о недавних событиях, записанные одним русским журналистом в Албании в 1908 г.

Итак, – заключает Погодин, – албанский вопрос не есть нечто выдуманное, нечто привнесенное извне. «Народ, у которого, в сущности, не было своей истории, культуры, письменности, народ, разъединенный религией и языком, почувствовал, поверх всех этих различий, свое общее национальное я» (Погодин 1910: 353). В рамках балканских государств, продолжает Погодин, Албания еще скажет свое слово.

Говоря о стремлениях Австрии и Италии утвердить свое влияние в Албании, Погодин подчеркивает, что они основывались на интересах чисто политических. «Албанцы очень бедны, – пишет автор, – и обобрать их еще больше просто невозможно». Но они владеют дорогами на юг Балканского п-ова, они держат в своих руках побережье Адриатики.

Албанский вопрос, по мнению Погодина, имеет и большое теоретическое значение, если рассматривать его как пример, как прецедент в рамках более широкой исторической картины. «Возрождается народ, который не имел за себя почти никаких благоприятных указаний, народ, окруженный сложившимися культурами, раздробленный во всех отношениях, полудикий и бедный» (там же). И разве не может возродиться и еще какой-нибудь народ в сходных условиях? – вопрошает автор и приводит примеры движения провансальцев, движения кельтов в Британии.

Среди русских ученых, писавших об Албании, надо назвать еще одно имя, – это имя Александра Федоровича Гильфердинга (1831–1872), точнее Гильфердинга как лингвиста. Именно он первым дал в русской науке сравнительно-историческое описание албанского языка (Гильфердинг 1853). В магистерской диссертации Гильфердинга содержался краткий исторический очерк сравнительного языкознания и описание нескольких индоевропейских языков в указанном аспекте. Описание албанского языка дано автором более подробно, чем описание других языков. Это объясняется отсутствием точной информации об албанском языке в русской науке того времени. Гильфердинг основывался на албанской грамматике Ксиландера, возможно, еще на каких-то источниках. Он предложил также этимологические сравнения для некоторых албанских слов, главным образом с древнеиндийским (подробнее см. Орел 1986).

### Журналистика

Кроме историков, выступавших со статьями как чисто научного, так и публицистического плана, в русских газетах и журналах печаталось много материалов, подготовленных журналистами. Одной из первых таких публикаций была статья в журнале «Северный архив» в 1825 г. В этом журнале помещались материалы «по истории, статистике и о путешествиях». Именно в этом журнале русскому читателю впервые предлагалось полное описание народов балканского региона, в том числе и албанцев. Автор, скрывший свое имя за буквами С-д-в, дал довольно интересное описание албанцев, полное характерных деталей, сведений о законах и обычаях народа. «Арнауаты, – пишет автор, – составляют лучшую в мире нерегулярную пехотную армию, ..., они все без исключения свободны». Дается описание внешнего вида албанцев, их поведения, физических особенностей и духовных ценностей. Автор называет как положительные, так и отри-

цательные их свойства. Естественно, присутствуют в описании и неточности, одна из которых состоит в утверждении, что албанцы являются славянским народом.

С течением времени знания об албанцах расширяются. Особенно обильные и разнообразные сведения появляются во второй половине XIX в., когда на Балканах в целом и в Албании, в частности, приобрела новый подъем борьба против турецких завоевателей. На страницах русской прессы широко отражалась деятельность Призренской лиги периода конца 70-х – начала 80-х гг., этого первого политического объединения албанцев. Достаточно полную картину дает сравнение публикаций в газетах «Голос» (либерального направления) и «Новое время» (консервативного направления).

Эти газеты, имевшие широкую сеть своих корреспондентов за границей, в том числе и в Албании, печатали информацию самого разного характера о событиях в Албании и об Албанской лиге. По подсчетам Г. Маньковской, только за период с июня 1878 до апреля 1881 г. в газете «Голос» было помещено 346, а в газете «Новое время» – 127 различных материалов об Албании, – новостей, телеграмм, очерков корреспондентов, перепечаток сведений из зарубежной прессы (Маньковская 1978).

На страницах газет ясно выражено чувство симпатии по отношению к освободительному антиосманскому движению балканских народов. В опубликованных материалах нередко звучат слова поддержки борьбы албанцев и Албанской лиги за автономию и независимость. Лишь в некоторых публикациях выражались сомнения в том, что албанцы могут объединиться как один народ и что Лига может иметь национальный характер.

В 70-х гг. русская общественность имела возможность познакомиться и с программными документами Лиги (благодаря корреспонденту «Голоса» в Константинополе), и с программой албанской автономии, сформулированной Васо Пашко. Были также публикации о конкретных действиях Лиги.

Горячей защитницей албанских интересов в это время была известная русская журналистка Анастасия Каирова (1844–1888). В 1878–1880 гг. она была корреспондентом газеты «Голос» и написала ряд статей, посвященных именно албанскому вопросу. Вот ее оценка Албанской лиги, данная в августе 1880 г.: «Албанская лига ... на сегодняшней фазе ее развития – это реальная сила, которую должна учитывать не только сама Турция, но и европейская дипломатия».

Создание независимого албанского княжества было бы, по ее словам, тем историческим и политическим прецедентом, который положительно повлиял бы и на другие народы Балкан, – порабощенные и насильно удерживаемые в рабстве.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканах работал также писатель и журналист Василий Иванович Немирович-Данченко (1848–1936). Свои впечатления и размышления по поводу увиденного в Болгарии он изложил в книге «Год войны (дневник русского корреспондента)» (Немирович-Данченко 1879). Отдельная глава во 2-ом томе этой книги озаглавлена «Албания и албанцы» (с. 274–282). Писатель рассуждает о самобытном характере албанцев, о месте этого народа среди сдругих народов Османской империи и о перспективах его возрождения.

Газетные публикации свидетельствуют о большом интересе, который проявляла русская общественность в отношении Албанской лиги и руководимого ею освободительного движения в Албании.

### Описание путешествий

Можно указать еще на одну группу текстов, посвященных Албании и представляющих собой своего рода предпосылки будущего научного албановедения. Речь идет об описаниях путешествий по албанским землям. Хорошо известно, что целый ряд путешественников из разных стран Европы побывали на Балканах в XVIII–XIX вв. Их записи, как и записи консулов, работавших в городах Европейской Турции, используются как источники при изучении истории балканских народов. Среди посетивших Албанию в XIX в. была русская путешественница М. Ф. Карлова, которая оставила довольно подробное описание своего путешествия, напечатанное в журнале «Вестник Европы» (Карлова 1870).

О личности Карловой известно очень мало, ее имя упоминается в старых библиографических словарях только как имя автора данного описания без какой-либо конкретизации. Имеется также замечание в одной из работ русского ученого П. А. Сырку о том, что Карлова была знакома с Гильфердингом. Сама Карлова в своем описании не называет никаких имен.

Русская путешественница совершила поездку по Македонии и Албании, длившуюся 64 дня. Их караван, как она пишет, отправился из Салоник 1 октября 1868 г. и достиг Дурреса 3 декабря того же года. И впечатления этих дней оставили в ее памяти одни из самых приятных воспоминаний.

Вне сомнения Карлова была литературно одаренным человеком, видимо, обладала также взглядом этнографа, ибо умела не только смотреть, но и видеть окружающий мир. Ее описание путешествия отличается живым языком, полно деталей, с показом реалий повседневной жизни албанцев, с пояснением неизвестных русскому читателю терминов, оно пронизано мягким юмором.

Свое повествование Карлова начинает с описания спутников, сопровождавших ее в этом путешествии. Чтобы путешествовать по Турции, – пишет автор, – у вас непременно должен быть *кавас*, т. е. человек из мусульман, имеющий право употреблять при необходимости свою нагайку. Роль каваса выполнял у них некто Мустафа, албанец по рождению. Мустафа был высок ростом, с типично албанским лицом, блестящий наездник, очень ловкий, надежный и быстрый в исполнении своих обязанностей. Это был человек – мастер на все руки, – и как повар, и как ветеринар, и как курьер. Одновременно он был и их переводчиком, ибо, помимо своего родного – албанского языка, знал также болгарский и сербский, что позволяло им на смеси этих языков с русским достигать понимания. Кроме этого, он хорошо говорил на греческом, на турецком и влашском. С таким кавасом не составляло никаких трудностей путешествовать по этим неизвестным местам.

Карлова описывает путь, который они проделали, города и села, в которых они останавливались, – сначала македонские, затем албанские: от Корчи до Берата через Воскопойю и Виткуть, через горы Томорра, с остановкой в селе Душар, и затем от Берата через Эльбасан до Дурреса.

Описание Карловой очень познавательно, автор позволяет нам как бы увидеть своими глазами повседневную жизнь албанцев и македонцев, рисует элементы быта того времени: как устроен *хан* (постоялый двор) и что такое *конак*, каков внешний вид села или города с его *чаршией* (крытый рынок), кто такой *сеуз*, *запти* или *сувари*, как надо садиться возле *софры* и что едят на ней.

### **Издания рукописей и переводов произведений зарубежных авторов**

К числу описаний путешествий по Балканам можно, видимо, отнести и анонимную рукопись XVII в., изданную славистом Полихронием Агаповичем Сырку (1855–1905). Готовя рукопись к публикации, ученый дал ей название «Описание Турецкой



империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII в» (Сырку 1890). Автор рукописи много ездил по разным областям Османской империи, и по форме его описание напоминает скорее дорожник (путеводитель по Турции). В этом описании упоминаются и некоторые города Албании, такие как Берат, Эльбасан, Дуррес.

Сама рукопись в наше время может представлять интерес скорее историографический, хотя приводимые в ней данные весьма точны. Но ее научное издание, осуществленное Сырку, представляется весьма полезным для балканиста, особенно начинающего. Ценность издания заключена в двух приложениях.

Первое приложение – указатель имен собственных. Но это не обычный указатель, а настоящий историко-географический словарь, насыщенный разнообразной информацией. Для каждого имени собственного даются все известные о нем сведения, приводятся другие наименования данного объекта, в ряде случаев – с этимологическими выкладками, сообщаются географические и исторические сведения, указывается научная литература. О ценности и значимости этой части изданного труда ясно говорит ее объем, – если сама рукопись содержит 44 страницы, то указатель к ней имеет объем 125 страниц. Отдельно приведена библиография упоминаемых в указателе научных работ. Она включает исторические и географические исследования, военные топографические карты, словари, хроники, работы по военной истории Османской империи, по истории восточной церкви. Благодаря обильной информации, содержащейся в указателе, а точнее – в историко-географическом словаре, этот труд Сырку был полезен в XIX в. как сводка данных по балканистической тематике, он может быть полезен и сейчас для историко-лингвистических исследований балканского ареала (Жугра 2011).

В течение XIX в. предпринимались также усилия для ознакомления российского читателя с интересными произведениями зарубежных авторов, писавших на балканскую тему. Так, например, была издана в переводе на русский язык книга Ф. Пукевиля, посвященная истории Али Паши Тепеленского (Пукевиль 1822–1824), труд этого же автора «Падение Хиоса» (Пукевиль 1824).

В это же время появляются и первые переводы или переложения произведений, посвященных истории Османской

империи. В некоторых из них албанская тема занимает достаточно большое место.

Так, в 1828 г. вышла в свет книга «Оттоманская империя, или обозрение Европейской Турции в нынешнем ее физическом, географическом, статистическом и политическом состоянии...», в которой даны с разной степенью полноты описания 15 областей Балканского п-ова. Ни на титульном листе, ни в предисловии не сообщается имени ее составителя и переводчика. Сказано только, что в вопросах состава и порядка расположения информации главнейшим руководством служило сочинение Мальте-Брюна по Всеобщей географии в 6 томах (1826), а для дополнения использовались работы И. Г. Каннабиха (1827), Ф. Ш. Пукевиля, Й. Гаммера, Ф. Гасселя. Раздел, посвященный Албании (с. 140–166), с пояснением: в древности Иллирия и Эпир, дает физико-географическую характеристику Нижней, Средней и Верхней Албании, сведения о главных городах, о происхождении албанцев и их языка. Живо и интересно написанная, эта работа могла бы быть отнесена к жанру научнопопулярных, если использовать современные термины.

Иной, сугубо научный, характер носила книга А. Убичини «Современное состояние Оттоманской империи», переведенная и изданная О. И. Бакстом в 1877 г. В первой части работы дается обзор всех институтов Османской империи как государства (администрация, финансы, юстиция и т. д.), во второй – характеристика немусульманских общин (их названо 7). Сведения об албанцах представлены в разных частях книги – в обзоре народонаселения, в описаниях немусульманских общин.

Важнейшая для албановедения книга Й. Г. Хана «Albanesische Studien» (1854) стала известна русским ученым благодаря публикации «Извлечения из Ганова описания Албании» (Дестунис 1858). Кратко изложив содержание первой части труда Й. Г. Хана (топографические, статистические, этнографические и исторические данные), Г. С. Дестунис подробно разбирает все доводы Хана в пользу автохтонности албанцев, сообщая попутно и свои соображения и замечания.

Сборник текстов, содержащих описание путешествий по балканским областям Турции, подготовил Н. Мосолов (Отрывки 1868). В предисловии Мосолов пишет, что Балканский полуостров – это со всех точек зрения наименее изученная область и что в русской литературе отсутствуют исследования о нем. Поэтому, продолжает составитель, он выбрал для издания на русском языке отрывки из произведений иностранных путешест-

венников, посвященные географическому и топографическому изучению этих мест. В сборнике Мосолова помещены отрывки из книги А. Буэ (A. Boué) «La Turquie d'Europe» и 9 итинерариев из его работы «Recueil d'Itinéraires dans la Turquie d'Europe» (Вена, 1854), две части из книги Х. Барта (H. Barth) «Reise durch das innere der Europäischen Türkei» (Берлин, 1864), а также описание путешествия Иохмуса (Iochmus) «Notes on a Journey into the Balkan or mount Haemus» (Лондон, 1853).

Кроме того, составитель поместил в сборнике новейшие сведения об административном делении Турции (в соответствии с официальным календарем Салнаме 1867–1868 гг.), данные о расстояниях между главными городами до Константинополя, а также список телеграфных станций. Книга является, таким образом, и определенным практическим руководством.

В завершение этого обзора русских публикаций XIX века, связанных с албанской темой, надо вспомнить имя Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891), русского писателя, дипломата, культуролога. Историко-философские взгляды Леонтьева на ход исторического развития европейских стран и место России в нем продолжают вызывать до наших дней противоречивые оценки: «вольнлюбивый певец деспотизма», «одинокый философ» и др.

Работая консулом в Янине, Леонтьев подготовил несколько глубоких обзоров положения дел в этой части Османской империи. Как писатель он является автором нескольких повестей и новелл, составляющих восточный цикл «Из жизни христиан в Турции». Повесть «Аспазия Ламприди» рассматривалась в дипломатических кругах того времени (70-е годы XIX в.) как своего рода практическое руководство для консулов, работающих на Востоке. Новелла под названием «Пембе» имеет подзаголовок «Повесть из жизни албано-эпиротов» и повествует об одном событии из жизни албанцев Янины (Леонтьев 1869; 2001).

В новелле речь идет о судьбе молодого албанского бея Гайредина, его любви и ранней смерти. Свое повествование автор ведет на фоне картины повседневного быта жителей г. Дельвино – греков, албанцев, турок, цыган, верно подмечая особенности своеобразного местного колорита. На страницах повести автор рассыпает и свои наблюдения о характере албанцев. Он отмечает такие их черты, как верность («В личных делах албанский горец верен дружбе и слову»), внешнюю привлекательность («Его одежда прекрасна даже и в бедности, и

поступь его изящна и легка»), их смелость и воинственность («он любит кровь и месть и не боится смерти»).

Ставя на первое место самобытность культуры, Леонтьев не мог не сделать и некоторых интересных и точных этнографических наблюдений. Одно из них касается различий между жителями двух областей – Сули (горный район на северо-западе Эпира) и Загори/Загоры (район к северо-западу от Янины). «Не длинен горный путь от бедной Сулии до богатых Загор. Но что за поразительный пример! В суровой Сулии еще не вымер эпический быт; там простая пастырская жизнь; там бедность и воинственный дух, не угасший до сих пор; brave худые лица, строгие усы и великолепная народная одежда. В Загорах мир иной, другая жизнь: богатые деревни, подобные городам, дома чистые, просторные, архонтские, богатые школы, во всех селах большие церкви и высокие колокольни...» (Леонтьев: 330). Объясняются эти различия, однако, различием характеров их жителей, а не природными условиями, ибо условий для земледелия нет ни в Сулии, ни в Загорах. Сулиоты «сохранили еще все черты албанского характера: соединение суровости с большою живостью, воинственность, гордость приемов, отвращение к мирному труду и ремеслам». Напротив, загорцы «очень хитры, корыстолюбивы и неумомимы в труде», но чтобы заработать свои богатства, они полжизни вынуждены проводить на чужбине, а «покойный, трудолюбивый, медленно-лукавый характер загорцев напоминает болгар» (Леонтьев: 185, 186).

Эти точные наблюдения вполне могли бы принадлежать перу профессионального этнографа.

Итак, первые этапы отечественного албановедения характеризуются интересом к изучению исторических албано-славянских контактов. Первооткрывателем этой темы является В. В. Макушев. В XIX в. предпринимаются шаги по созданию корпуса источников для албановедческих и балканистических исследований, – публикации В. И. Ламанского, В. В. Макушева, Г. С. Дестуниса. Научная общественность информируется о новейших исследованиях по названной тематике, – печатаются рецензии (В. В. Качановский), обзоры литературы (В. В. Макушев), переводы и переложения книг о жизни албанского правителя Али паши Тепеленского, по истории Османской империи. Издается древнерусская рукопись, своего рода итинерариум по Османской империи, с обширным критическим аппаратом (П. А. Сырку).

В это же время журналисты и писатели открывают Албанию для широкого читателя. Статьи и очерки А. Каировой, В. И. Немировича-Данченко, М. Ф. Карловой, повесть К. Н. Леонтьева давали много новой информации об этой почти неизвестной русскому читателю стране. Доброжелательно и сочувственно настроенные к албанскому народу, писавшие «с ... надеждами на лучшую будущность албанцев», названные авторы создавали предпосылки возникновения и развития албановедения в России в XX в.

### Литература

- Бузескул 2008 – Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в Росси в XIX и начале XX века. М., 2008.
- Гильфердинг 1853 – Гильфердинг А. Ф. Об отношении языка славянского к языкам родственным. М., 1853.
- Дестунис 1858 – Комнин и Прокл. Историческое сказание инок Комнина и инок Прокла о разных деспотах Эпирских и о тиране Фоме Прелумбове Комнине, деспоте. С греч. пер. и объяснил Гавриил Дестунис. (С картой Эпира и Фессалии). СПб., 1858. Предисл. I–V с., текст 3–37 с., указатели 39–45 с.
- Жугра 2011 – Жугра А. В. Из истории отечественной балканистики (П. А. Сырку как издатель анонимной рукописи XVII в., посвященной описанию Османской империи) // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA: Труды Института лингвистических исследований. СПб., 2011. Том 7, часть 1. С. 693–701.
- Качановский 1897 – Качановский В. В. [рец.] G. Skanderbeg. Historische Studie von Julius Pisko k. und k. Vicekonsul und Leiter des k. und k. öster.-ungar.-Generalkonsulats in Janina. Wien, 1896 // Журнал Министерства народного просвещения. 1897, № 11–12, ч. 314. СПб. С. 243–252.
- Карлова 1870 – Карлова М. Ф. Турецкая провинция и ее сельская и городская жизнь, путешествие по Македонии и Албании // Вестник Европы. Июнь 1870, т. 3, кн. 5–6, с. 721–754; июль 1870, т. 4, кн. 7. С. 150–191.
- Кеппен 1862 – Кеппен П. И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев европейской России. СПб., 1862.
- Ламанский 1884 – Ламанский В. И. Secrets d'état de Venise: Documents, extraits, notices et études servant a éclairer les rapports de la Seigneurie avec les grecs, les slaves et la Porte Ottomane a la fin du X-e et au XVI-e siècle. Par Vladimir Lamansky. Saint-Petersburg, 1884. Предисл. с. I–XXXVI, оглавл. с. I–XXXII, документы с. 1–834, указ. с. 1–60.
- Лаптева 1982 – Лаптева Л. П. В. В. Макушев как исследователь истории средневековой Албании // Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин, 1982. С. 155–173.
- Лаптева 2005 – Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. 847 с.
- Леонтьев 1869 – Леонтьев К. Н. Пембе // Русский Вестник. 1869. Т. LXXXIII. Кн. 9. С. 166–218 (Эта новелла переиздавалась несколько

- раз, последнее издание: К. Н. Леонтьев. Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. Том третий. СПб., 2001. С. 88–147. После первого издания она была переведена на сербский (Белград, 1883) и чешский (Прага, 1903) языки.
- Литаврин 1999 – Литаврин Г. Г. (ред.). Византия и славяне. СПб., 1999.
- Макушев 1871 – Макушев В. В. Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века // Варшавские университетские известия. 1871, № 5. С. 1–88; № 6. С. 89–153.
- Макушев 1874 – Макушев В. В. Исторические памятники южных славян и соседних с ними народов, извлеченные из итальянских архивов и библиотек. Ч. 1, кн. 1. Варшава, 1874.
- Макушев 1891 – Макушев В. В. Обзор сочинений об албанцах // Варшавские университетские известия. 1871, № 4. С. 203–215.
- Маньковская 1978 – Маньковская Г. Л. Албанская лига в русской печати конца 70-х – начала 80-х годов XIX в. // Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы. М., 1978. С. 190–208.
- Никулина 1981 – Никулина М. В. Первые научные путешествия в славянские земли и их роль в истории русского славяноведения (первая треть XIX в.) // Из истории славяноведения в России. Уч. Записки Тартуского ун-та. Тарту, 1981. С. 75–95.
- Орел 1986 – Орел В. Э. Из истории отечественной компаративистики. Сравнительно-историческая грамматика и этимология в исследованиях А. Ф. Гильфердинга // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 80–91.
- Отрывки 1868 – Отрывки из путешествия по восточным областям европейской Турции. Составил Н. Мосолов. СПб., 1868.
- Оттоманская империя, или обозрение Европейской Турции в нынешнем ее физическом, географическом, статистическом и политическом состоянии, заимствованное преимущественно из Всеобщей Географии Г. Малте-Брюна, изданной на французском языке 1826 года, дополненное и объясненное новейшими известиями лучших писателей. М., 1828.
- Погодин 1910 – Погодин И. А. Албанский вопрос // Вестник Европы. Кн. 4, апрель 1910. С. 341–354.
- Пукевиль 1822–1824 – Пукевиль Ф. Ш. Жизнь Али Паши Янинского со времени его детства до 1821 года. Ч. 1–3. М., 1822–1824.
- Пукевиль 1824 – Пукевиль Ф. Ш. Падение Хиоса. СПб., 1824.
- С-д-в 1825 – С-д-в. Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в европейской части Турецкой империи // Северный архив. 1825, № 14–15. С. 85–102 [А. М. Спиридов?].
- Саприкина 2004 – Саприкина О. В. Академик В. В. Ламанский: патриарх русского славяноведения. // Новый исторический вестник. Избранное: 2000–2004. М., 2004. С. 60–84.
- Сенкевич 1968 – Сенкевич И. Г. Георгий Скандербег – руководитель освободительной борьбы албанского народа в XV веке // ВИ, 1968, № 3, с. 71–83.
- Смирнова, Сенкевич 1953 – Смирнова Н. Д., Сенкевич И. Г. Освободительная борьба албанского народа против турецких поработителей в XV веке // ВИ, 1953, № 12, с. 80–92
- Сырку 1890 – Сырку П. А. Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII века

- (под редакцию П. А. Сырку) // Православный палестинский сборник. Том X, выпуск третий. СПб., 1890.
- Скальковский 1850 – Скальковский А. А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Часть 1. География, этнография и народонаселение Новороссийского края. Одесса, 1850.
- Убичини 1877 – Убичини А. Современное состояние Оттоманской империи: статистика, правление, администрация, финансы, армия, общины немусульманские и пр. Составили А. Убичини, автор известных «Писем о Турции» (Lettres sur la Turquie) и П. де-Куртейль, профессор турецкого языка и литературы в «Collège de France». Перевел и издал О. И. Бакст. СПб., 1877.
- Makushev 1882 – Makushev V. V. – Monuments historiques des slaves méridionaux et des leurs voisins, tirés des archives et des bibliothèques publiques d'Italie. Vol. I. Fasc. 2. Belgrade, 1882.
- Voronina, Domosileckaja, Sharapova 1996 – Voronina I. I., Domosileckaja M. V., Sharapova L. V. E folmja e shqiptarëve të Ukrainës. Shkup. 1996.

#### **A. V. Zhugra. On the history of Albanian studies in Russia**

Albanian studies in Russia began in the 19th century and were remarkable for the special interest in the historical Albanian-Slavic contacts (V. V. Makushev). V. I. Lamanskii, V. V. Makushev and G. S. Destunis were the first reserchers to lay the foundation of the documental database for Albanian and Balkan studies. Russian readers received reliable information about Albania from the reviews by V. V. Kachanovskii and V.V. Makushev as well as from the translations of books on the life of the Albanian ruler Ali Pasha of Tepelena and on the history of the Ottoman Empire. P. A. Syrku published «The Description of the Turkish Empire, composed by a Russian, a former prisoner of the Turks in the second half of the XVII century» with substantial critical commentaries. Writers and journalists, such as A. Kairova, V. I. Nemirovich-Danchenko, M. F. Karlova, K. N. Leontiev in their articles and essays provided Russian readers with manifold information about Albania that created the necessary prerequisites for the further Albanian studies in the 20th century.

*Keywords:* Albanian and Balkan studies in Russia, 19th century, Albanian-Slavic contacts, V. I. Lamanskii, V. V. Makushev and G. S. Destunis.

Ю. К. Кузьменко

## К ИСТОРИИ РУНОЛОГИИ: ОТ ИСТОКОВ ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА<sup>1</sup>

В статье описывается история формирования гипотез об источниках и времени возникновения рунического алфавита (футарка) а также история описания рунических алфавитов и рунических памятников с начала формирования рунологии в Средние века до середины XIX века. Отмечается, что все существующие современные гипотезы об источниках футарка были высказаны уже пионерами рунологии.

*Ключевые слова:* история лингвистических учений, история рунологии, младший футарк, старший футарк.

Рунология – наука, которая на протяжении своей истории переживала разные времена. Последний период падения интереса к рунологии был связан с послевоенным временем и явился не только следствием особого интереса к рунам в Третьем рейхе, но и тем, что ряд ведущих рунологов в Германии запятнали свою репутацию, сотрудничая с нацистами. В Германии, одном из мировых центров рунологии, только спустя двадцать лет после войны стал возрождаться интерес к изучению рунических памятников. Сейчас рунология переживает несомненный расцвет. Появляются новые обобщающие работы и новые периодические издания (в частности серия *Runrön*, которая выходит с 1989 года и совсем новый журнал *Futhark*, первый номер которого вышел в 2010 году). Четыре издания за десять лет (последнее в 2008 году) выдержала «Рунология» (*Runenkunde*) немецкого рунолога Клауса Дювеля (Düwel 2008a). С девяностых годов постоянно проводятся международные конгрессы рунологов, очередной из которых должен состояться в этом году в шведском Линчёпинге. Вновь возрос интерес к традиционным вопросам рунологии, к источникам и времени появления футарка. В этой связи мне хотелось бы обратиться к истокам рунологии, не только для того, чтобы воздать должное ее пионерам, но и, прежде всего, чтобы показать, что многие их идеи остаются актуальными и сегодня.

Интерес к руническому письму в Германии и Англии появился еще в Средние века, когда в Скандинавии руны еще

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-04-00021а.



были живым письмом. Более чем в сорока средневековых рукописях в библиотеках Англии, Германии и Скандинавии мы встречаем рунические алфавиты (футарки). Иногда скандинавский футарк или древнеанглийский футорк приводятся без объяснения значения рун, но в большинстве случаев сообщаются названия рун и указываются их латинские соответствия, в ряде случаев приводятся не только названия рун, но и рунические акrostихи<sup>2</sup>. Многие из этих рунических алфавитов были впервые собраны и проанализированы Вильгельмом Гриммом (Grimm 1821)<sup>3</sup>, а наиболее полное их современное описание мы находим в работах Делорес (Delorez 1954; 1991). Однако интерес к разного рода алфавитам не сопровождался в средневековой Европе интересом к руническим надписям. Футарк в средневековых английских и немецких рукописях приводился просто в качестве алфавитного раритета. Интерес к руническим памятникам возник только в XVI веке, причем рунологические работы появляются прежде всего в Швеции, что связано с ростом национального самосознания, в период борьбы против Кальмарской унии и датского правления (1397–1523) и со становлением независимого от Дании шведского государства при Густаве I Васе (Вазе), короле Швеции с 1523 г. Именно в это время в Швеции появляется интерес к изучению собственных древностей, и не в последнюю очередь к камням с руническими надписям. Почти в это же время появляется интерес к руническим надписям и в Дании, которая ни в чем не хотела уступать своему постоянному сопернику.

Руническая традиция в Скандинавии в это время еще не была полностью утрачена. Хотя в XV–XVI веках уже не было той

---

<sup>2</sup> Ср., в частности, трактат «О происхождении букв» (*De inventione litterarum*) IX века, который приписывался Храбану Мавру, где приводится древнеанглийский футорк, его латинские соответствия и названия рун (Grimm 1821: 79–82; Düwel 2008: 190). Храбан приводит только двадцать четыре руны древнеанглийского рунического алфавита, хотя традиционное количество рун в древнеанглийском алфавите 28, а в нортумбрийском их еще больше – 33. Возможно, это связано со знанием Храбаном того факта, что в большом руническом алфавите (старшем футарке) должно быть именно 24 руны.

<sup>3</sup> Хотя работа Вильгельма Гримма называется *Über deutsche Runen* «О немецких рунах», речь в ней идет не о немецких рунических надписях, первая из которых (надпись на фибуле из Нордендорфа KJ 151) была обнаружена только в 1843 году (Krause/Jankuhn 1966: 292), т. е. спустя 22 года после появления книги Вильгельма Гримма, а в первую очередь о рунических алфавитах в средневековых рукописях, о соотношении и происхождении футарков (W. Grimm 1821).

почти всеобщей рунической грамотности, характерной для многих скандинавских городов в XIII–XIV веках (Берген, Трондхейм, Лунд, Лёдесе, Стокгольм, Хедебю)<sup>4</sup>, о которой свидетельствуют сотни надписей на палочках и дощечках самого различного содержания, в Скандинавии можно найти рунические надписи, относящиеся и к XV, и к XVI векам. К 1541–1547 гг. восходят две рунические надписи в церкви Рунстен на Эланде (надпись-граффито на колонне на шведском языке ÖI 34<sup>5</sup>, и запись рунами в псалтыри по-латыни ÖI 35). Несколько рунических надписей этого же времени сохранилось и в готландских церквях. Мы знаем, что известный деятель шведской реформации Олаус Петри (1493–1552) знал руны. На стене своего дома на улице Сторчюркубринкен в центре Стокгольма он написал рунами шутивную надпись **skæggiet haka klæþær ikkæ væl i dansæ**<sup>6</sup> ‘Борода нехорошо цепляется за одежду при танце’ (Lindroth 1920: 169–170). Он же написал первую в Скандинавии небольшую работу о рунах<sup>7</sup> (подробнее об этом см. ниже), а шведский первопечатник Паулус Грис использовал руны в 1510 гг. в надписи на латыни в своем экслибрисе **paulo pertinet liber** ‘книга принадлежит Паулу’ (ibid.: 172).

Руническая традиция в Швеции в XV–XVII веках сохранялась не только в образованной, прежде всего церковной среде, ср. выше руническую надпись в церкви на Эланде (ÖI 34), где говорится о том, что ‘пастырь прихода должен уметь читать и писать руны’, но и в крестьянской среде. В шведской провинции Даларна рунами писали до XIX века (Gustavson 2003)<sup>8</sup>. До XX в.

<sup>4</sup> См. также единственную руническую рукопись свод законов Сконе (Codex runicus) XIII века.

<sup>5</sup> **huør sòm thætta læs tanæ kirkia hætar runstæn tal bõr socna haræn kunnæ runær læsæ oc scrifuæ hæc io ola calmarn** (ÖI 34) ‘Тому, кто прочтет это. Эта церковь называется Рунстен. Пастырь прихода должен уметь читать и писать руны. Это Йо(хан) Ола(в) Кальмарн(иус)’. В соответствии со скандинавской традицией начальные буквы шведских надписей обозначают провинции Швеции, датские надписи предваряются буквами DR и DK, норвежские N, исландские IS, надписи старшими рунами KJ.

<sup>6</sup> Здесь и в дальнейшем полужирным шрифтом в соответствии с рунологической традицией транслитерируются руны.

<sup>7</sup> Точное время появления этой работы неизвестно, но очевидно, что Олаус Петри написал ее до 1552 года (года своей смерти).

<sup>8</sup> В далекарлийском алфавите, который был знаком старикам в местечке Осен еще в начале XX века (Levander 1910: 169), было 26 знаков, восемнадцать из которых были рунами (см. далекарлийский алфавит в Arntz 2007 (1944): 113).

в Швеции сохранялась традиция рунических календарей, в которых и дни недели и 19 знаков «золотого числа» были обозначены рунами. В Дании в Норвегии, которая до 1814 года входила в состав Дании, руническая традиция также еще была живой в XVI веке. Хотя датировка многих датских средневековых надписей очень широкая, и временные границы часто охватывают период с XI по XVI век<sup>9</sup>, есть рунические надписи, которые датируются более точно. В Лундском соборе<sup>10</sup> обнаружили две рунические надписи, сделанные вестфальским строителем и скульптором Адамом ван Дюреном, который занимался реконструкцией собора в XVI веке. Одна из этих надписей, нанесенная на цоколь колонны, датируется 1525 годом (DR 312), а другая 1527 годом (DR 313)<sup>11</sup>. Судя по порядку следования рун и по форме некоторых из них, к тому же времени относится и Эстермарийский рунический алфавит на камне с острова Борнхольм (DR 396)<sup>12</sup>. Еще более поздним временем (начало

---

<sup>9</sup> Многие средневековые надписи имеют очень широкую датировку, ср., напр., датировку 1100–1425 годами надписей DR 246, DREM 85, 438 M, DKSj 68 (1250–1425), DR 233, 234, 204, 136 и датировку 1100–1550 годами надписей DREM 85, 438N, DRTIL 1 (1172–1550), DR 38, 47, 57, 141, 170, 225, 262, 307, 346, DK MJu 94. Датировка дана по сайту *runer.ku.dk*. Традиционно эти надписи относили к четвертому периоду (средневековью) по классификации Лис Якобсен и Эрика Мольтке, которые ограничивают этот период XII–XIV веками (Jacobsen, Moltke 1941, 194).

<sup>10</sup> Южные провинции Швеции Сконе (где находится Лунд), Блекинге и Халланд до 1658 года принадлежали Дании.

<sup>11</sup> В надписи DR 312 **kot help** ADAMS *børn* ‘господи, помоги детям Адама’ первые два слова написаны рунами, но язык нижненемецкий, два последующих слова написаны на датском, но первое из них латинскими маюскулами (ADAMS), а второе (*børn*) латинским курсивом. За этой надписью следует еще одна надпись латинскими буквами на нижненемецком языке. В надписи DR 313 рунами написано также только **kot help** ‘господи, помоги’, за которой следует надпись латинскими буквами на датском языке. Надписи DR 312 и DR 313 единственный случай использования скандинавских рун для записи нижне-немецкого текста.

<sup>12</sup> На небольшой камень нанесен рунический алфавит, но не в традиционной рунической последовательности (**fupark...**), а в последовательности, соответствующей порядку букв латинского алфавита: **a b p e f/g h i k l / m n o P R / s t u** (x). Латинская буква P употреблена в этом алфавите для обозначения фонемы /p/, а вместо руны **r** стоит последняя руна футарка **R**. Появление латинской буквы P в виде руны в исландском руническом алфавите мы находим и в рукописи «Рунология» Йоуна Оулафссона, написанной в 1732 году (Olafsson 1732: 90), подробнее об этом см. ниже. Часть этой рукописи издал в Интернете

XVII века) датируют надпись на могильном камне на церковном кладбище в Верстерборге (DR 214). В данном случае, однако, речь может идти не о сохранении живой рунической традиции, а о возрождении этой традиции, что было связано с появлением в XVII вв. многочисленных публикаций о рунах. Возможно, к такому же типу знания рунического письма относятся и написанные рунами депеши шведского полководца в тридцатилетней войне Якоба Делагарди своим подчиненным (Arntz 2007 (1944): 255)<sup>13</sup>. Однако знание рун датским адмиралом Могенсом Гюльденстьерной (ум. 1569), который в 1543 году, т. е. более чем за сто лет до Делагарди, пользовался рунами для записей в своем дневнике и судовом журнале, несомненно, традиционно (*ibid*).

Кроме Даларны дольше всего непрерывная руническая традиция сохранялась в Исландии, где найдено около двухсот надписей средневековым исландским руническим алфавитом, несколько отличающимся от средневекового континентального скандинавского алфавита. Причем большинство этих надписей либо относится к позднему средневековью, см., напр., IS 176, самую длинную исландскую руническую надпись, состоящую из 140 рун XV века, либо к еще более позднему времени и датируются XVI веком (см., напр., IS 58) и даже XVII веком (см., напр., надписи IS 133, 141, 145, 153). В некоторых случаях часть надписи может быть написана рунами, а часть латинскими буквами (см., напр., надпись IS 133, в которой сообщается год ее нанесения 1681, и надпись ISRI 68). Очевидно, что в исландских надписях XVII века мы имеем дело не с возрождением рунической письменности в результате появления интереса к рунам и появления книг о рунах, как это имело место в континентальной Скандинавии, а с продолжением рунической традиции<sup>14</sup>. Об

---

Л. Л. Кораблев (<http://alfatruin.msk.ru/2008/01/11/runareidsla>), см. также Кораблёв 2005.

<sup>13</sup> К такому же типу рунических знаний относится и руническая рукопись песни об Антюре (мифическом предке мекленбургского герцога, записанная рунами в 1620 году, после того как в Германии в 1617 году вышла книга Йоханнеса Магнуса (см. ниже), в которой был приведен рунический алфавит (Arntz, 2007: 255).

<sup>14</sup> Несмотря на то, что во многих песнях Эдды и в исландских сагах, рассказывающих о событиях IX–XI веков, говорится об использовании рун и как средства передачи информации, и как средства колдовства, и несмотря на то, что в Первом исландском грамматическом трактате упоминается руническая грамотность, а одного из реформаторов исландского письма в XII веке называют Торродд Мастер (т. е. учитель) рунического письма (о Торродде см. Кузьменко 2011), самые старые рунические памятники в Исландии относятся только к XII веку, а боль-

этом свидетельствуют не только многочисленные исландские надписи XV–XVII вв., но и сохранение в этот период распространенной в эпоху викингов и в средние века рунической тайнописи, которая строилась на указании номера группы (футарк был разделен на три группы *ættir*), к которой принадлежала руна, и номера руны в группе<sup>15</sup>. В континентальной Скандинавии XV–XVII веков эта тайнопись уже не употреблялась. Именно ученые-исландцы, жившие в Дании в конце XVI – начале XVII вв., были важным источником сведений о рунах для первых датских рунологов. И дело было не только в том, что их язык мало отличался от языка рунических надписей континентальной Скандинавии эпохи викингов, но и в том, что еще в XVII веке руническая традиция в Исландии была живой. В предисловии к исландскому словарю Магнуса Олафссона, изданному основателем датской рунологии Оле Вормом (1588–1655), Ворм называет имена своих исландских помощников Торлака Скуласона, Арнгрима Йоунссона и Магнуса Олафссона (Magnus Olafsson 1650).

Именно сохранение младшерунической традиции в Скандинавии и объясняет быстрое развитие изучения и толкования надписей младшими рунами в XVI–XVII веках. Однако руническая традиция, продолжая оставаться живой в XVI веке, в эту эпоху была знакома в Скандинавии далеко не всем. Если небольшая работа Олауса Петри о рунах и надпись на стене его дома говорят о том, что он хорошо владел руническим письмом, то знания рунической традиции Олаусом Магнусом (см. ниже) были далеки от совершенства, а его «переводы» надписей на рунических камнях (O. Magnus 2006 (1555): 136)<sup>16</sup> не имеют ничего общего с действительным их переводом. Многие рунические камни связывались с определенными преданиями, и

---

шинство исландских рунических надписей еще более позднего времени. Традиции эпохи викингов ставить рунические камни на родине в честь погибших на чужбине в Исландии не было, а исландский климат не позволял сохраняться деревянным палочкам с руническими надписями эпохи викингов, о которых мы читаем в исландских сагах.

<sup>15</sup> Ср., напр., надпись XVII века IS 151, в которой собственное имя *Tómas* зашифровано именно таким способом: 1:1 (t), 3:4 (o), 1:3 (m), 2:4 (a), 2:5 (s).

<sup>16</sup> См., напр., «Я, Уффо, сражался за родину и убил 32-х воинов, и, после того как, в конце концов, я был убит воином Ролвоном, я нашел здесь свое успокоение». Хотя неясно, какую надпись имеет в виду О. Магнус, можно быть уверенным, что его перевод неверен, так как нет ни одной рунической надписи даже приблизительного содержания.

первые толкователи надписей опирались в своей интерпретации на эти предания, а не на рунический текст. Столь же неверно как и Олаус Магнус «переводят» надписи на датском камне из Грёндаля Андерс Сёренсен Ведель и Енс Кристоферсён Каних<sup>17</sup>. По-видимому, и отец шведской рунологии Юхан Буре вначале не знал рунического письма, т. е. он не был естественным продолжателем рунической традиции, а изучал ее самостоятельно<sup>18</sup>. Тоже самое можно сказать и о датчанине Оле Ворме. Однако их деятельность была возможна, прежде всего, благодаря общению с людьми, еще знавшими руническую традицию. Причем знание рунической традиции относилось только к младшему руническому алфавиту, который появился в Скандинавии в VIII века и которым с рядом дополнений пользовались в позднее Средневековье и в начале нового времени. С самого начала рунологии, т. е. с середины XVI века и до середины XIX века, господствовало представление о том, что рунический алфавит, состоявший из шестнадцати рун, так называемый младший футарк, был первым руническим алфавитом, а германский рунический алфавит из двадцати четырех рун, так называемый старший футарк, которым, как мы теперь знаем, пользовались со II по VIII век н. э., также как и древнеанглийский рунический алфавит футорк, состоявший из еще большего количества рун, появились позднее в результате усложнения младшего футарка (подробнее об этом ниже). Соответственно первые работы об особенностях рунического алфавита и о его происхождении имели в виду только младший футарк.

<sup>17</sup> Надпись (**þurþr ra**)i(s)**þi** (**stain þan**)si **ift skibara sina þur(i) auk tuf(a)** (DR 82) ‘Торд поставил этот камень в честь своих корабельщиков Тор(д)а и Тови’ переводится Веделем в конце XVI века как пророчество ‘Тролли захватят власть, и благородство станут презирать, священника ранят, а крестьянин восторжествует. Датчане захватят немецкие посевы, но горе будет Дании от этого. И будет стоять этот камень в Грёнедале’, сходным образом переводит надпись и Каних (Wimmer 1895: 9–10).

<sup>18</sup> Оставленное им замечание на полях его рукописи «Runahäfdén», сделанное у изображения рунического камня из Риддархольмской церкви («он первым научил меня читать руны»), свидетельствует о том, что Буре не был знаком с руническим письмом, а выучил его самостоятельно (Svärdström 1936: 7).

### Описание (младшего) футарка и публикация рунических надписей

Первое известное нам подробное описание младшего рунического алфавита мы находим в двух главах трактата о скальдической поэзии, который известен как Третий исландский грамматический трактат (Þórðarson 1852)<sup>19</sup>. Этот написанный около 1250 г. трактат приписывается известному исландскому скальду, племяннику Снорри Стурлусона Олаву Тордарсону (1210–1259)<sup>20</sup>. Согласно классической традиции он начинает свой трактат с букв, и, следуя классическим образцам, подробно описывает три ипостаси буквы – форму, значение и название. Однако классическая ученость служит Олаву не для демонстрации латинского, а для описания рунического алфавита. Олав подробно описывает три ипостаси пяти рун, обозначающих гласные (**u o i a u**) и пытается ответить на вопрос, почему порядок гласных в руническом алфавите отличается от порядка гласных в латинском алфавите, что было первой в рунологии попыткой ответа на вопрос о необычном, отличном от классических алфавитов порядке следования рун. Олав связывает это с особенностью произношения гласных, обращая внимание на то, что гласные руны расположены в порядке их произнесения от губ до груди. Первой идет **u**, поскольку оно образуется губами, затем идет **o**, которое образуется во рту, за ним следует **i**, образованное в горле, и, наконец, **a** произносится в груди (Þórðarson 1852: 72–74). Последнюю руну **u** он не учитывает, считая ее поздним заимствованием из еврейского (*ibid.*: 72)<sup>21</sup>. Несмотря на

<sup>19</sup> Возможно, первым исландским трактатом о руническом письме был не дошедший до нас трактат Торродда Мастера (т. е. учителя) рунического письма (1082?–1140), который, вероятнее всего, в разделе о дифтонгах, был использован Олавом Тордарсоном. Подробнее о возможности существования трактата Торродда и литературу по этому вопросу см. Кузьменко 2011.

<sup>20</sup> Третий грамматический трактат много раз издавался, переводился и комментировался, впервые в 1852 году с переводом на латынь Йоуном Сигурдссоном (Þórðarson 1852). Последнее известное мне издание было в 1998 году с переводом на немецкий и комментарием Томаса Крёммельбеина (Krömmelbein 1998). В дальнейшем будет использовано первое издание Йоуна Сигурдссона 1852 года.

<sup>21</sup> Хотя предположение Олава о заимствованном характере руны **u** вряд ли справедливо (он, вероятно, имел в виду еврейскую букву «вав», вероятный источник греческого и латинского **u**), он был прав, не включив руну **u** в свое объяснение. Действительно, в первоначальном младшем руническом алфавите не было руны для обозначения /y/, которое передавалось руной **u**.

то, что объяснение Олава основывается на фонетических представлениях, несколько отличающихся от современных, сама идея о фонетической обусловленности порядка рун футарка кажется вполне плодотворной некоторым современным исследователям, см., напр., Jensen 1969, который связывает порядок следования рун старшего футарка с их фонетическим значением<sup>22</sup>. Описание одиннадцати согласных рун Олав проводит по существующему в его время классическому образцу, деля все согласные руны на полугласные (руны **r**, **n**, **m**, **l**, **f**, **s**) и глухие (руны **h**, **þ**, **k**, **t**, **b**) (Pórdarson 1852: 74). Однако Олав не ограничивается только этим и объясняет, почему многие согласные руны имеют два значения и обозначают и звонкий и глухой. Так руна **k** может обозначать и *k*, и *g*, руна **t**- и *t*, и *d*, руна **b**- и *b* и *p*, руна **s**- и *s*, и *z*<sup>23</sup>. Это возможно, по его мнению, «потому, что эти согласные больше всего похожи друг на друга» (Pórdarson 1852: 80). Олав не ограничивается описанием шестнадцатизначного футарка. Он говорит о существовании пунктированных рун<sup>24</sup> и приводит несколько комбинированных рун (рунических лигатур), которые необходимы для обозначения исландских звуков. К таким руническим лигатурам (*límíngastafar* или *samanlímíngar*) он относит **æ̇**, **œ̇**, **ei̇**, **eẏ**, **au̇**, предлагая таким образом новые обозначения для исландских фонем /æ/, /ø/, /ei/, /ey/ и /au/<sup>25</sup>. Работа Олава была написана в тот период, когда руническая письменность еще была распространена в Исландии, и

<sup>22</sup> Вопрос о порядке следования рун футарка после Олава долгое время не поднимался. Только с конца XIX века он стал вновь обсуждаться и остается одним из наиболее дискуссионных вопросов до сих пор (см., напр., Vennemann 2009). Многие современные рунологи считают, что порядок следования рун футарка семантический, т. е. определяется значением названий рун (напр.: Степанов, Проскурин 1993: 51–53).

<sup>23</sup> Вероятнее всего Олав имеет в виду не звонкое /z/, а сочетание /ts/. Именно таким было значение буквы *z* в древнеисландском.

<sup>24</sup> Состоящий из 16 рун младший рунический алфавит, в котором многие фонологические различия не обозначались (различия между звонкими и глухими, различия между /i/ и /e/, /u/ и /y/ и т. п.) был усовершенствован в конце X – начале XI века путем добавления рун с точками (так называемых пунктированных рун), которые более точно передавали фонологические различия (ср., напр. | /k/ – | /g/, | /i/ – | /e/ и т. п.).

<sup>25</sup> Предполагается, что именно этот раздел трактата Олава был заимствован им из рунического трактата Торродда Мастера рунического письма (литературу см. Кузьменко 2011). **ei̇** оказывается единственным знаком, который включен Олавом в состав рунических лигатур, но таковой, собственно говоря, не являющейся, поскольку этот знак состоит у Олава из двух отдельных рун **e** и **i** ( | | ).



можно предположить, что часть рукописи, посвященная рунам, наряду с чисто научными задачами (классификация рун, попытка объяснить необычный характер их порядка в футарке) имела и чисто практический характер (обучение руническому письму), подобно тому как чисто практический характер имела и вторая часть рукописи, посвященная скальдической поэзии, в которой продолжались традиции Младшей Эдды Снорри Стурлусона.

Позднее, особенно во времена реформации, руническая традиция в Исландии искоренялась церковью, однако, несмотря на гонения, она сумела сохраниться и расцвела в период так называемого исландского ренессанса XVII–XVIII веков. Именно в этот период появляется целый ряд исландских рукописей<sup>26</sup>, посвященных рунам (Кораблёв 2005), а в первой печатной книге об исландском языке и алфавите Йонаса Рунольфуса есть раздел о футарке, где Йонас приводит младший футарк в традиционном порядке, сообщает названия рун и приводит строфы рунического акростиха, а также сообщает латинские соответствия рунам (Runolfus 1651). Однако самой объемной и самой известной исландской работой по рунологии была все же не книга, а рукопись «Рунология» Йоуна Оулофссона из Грюннавика (1705–1779), которую он написал в Дании, где учился, а затем и работал у знаменитого собирателя исландских рукописей профессора Аудни Магнуссона. Йоун собрал и процитировал почти все, что до него было написано о рунах, в том числе описанный выше трактат Олава и даже несколько мест из Первого грамматического трактата, где упоминаются руны, и сведения о рунах в Эдде (Ólofsson 1732). Йоун подробнейшим образом описывает младший футарк и приводит не только название рун, но и исландский рунический акростих, известный из рукописи 1500 года, но, безусловно, восходящий к более ранней традиции. Он приводит руны и в традиционном порядке и в порядке латинского алфавита, включая в данном случае в алфавит и пунктированные руны и другие руны, использовавшиеся для передачи латинских букв, у которых не было соответствий в

---

<sup>26</sup> К таким рукописям следует, прежде всего, отнести небольшую рукопись Бьёрна Йоунссона 1642 года «Один маленький сборник о рунах», в которой кроме традиционных сведений о рунах (их форма, значение и название) объясняются принципы рунической тайнописи и даются ее варианты. Эта рукопись частично переведена на русский язык Л. Л. Кораблевым (см. Кораблёв 2005: 178–189). И после появления книгопечатания рукописная традиция в Исландии продолжалась до XIX века.

руническом алфавите (с, х, у). Интересно, что в руническом алфавите Йоуна появляется и латинское Р, которое подобно другим рунам даже имеет значимое название *plástur* ‘пластырь’ (Ólafsson 1732: 107). Однако он справедливо считает, что это название новое (*ibid.*). Любопытно, что в средневековой датской рунической алфавитной надписи на Эстермарийском камне, где руны расположены в порядке следования букв латинского алфавита, тоже появляется латинское Р (см. выше). Центральное место в рукописи Йоуна занимает описание рунической тайнописи, основанной на указании номера группы и номера руны в группе (см. выше). Это было первое в рунологии полное описание принципов рунической тайнописи с многочисленными примерами (Ólafsson 1732: 159–169). Сведения Йоуна об особых комбинированных рунах как о колдовских знаках и знаках собственности также впервые в таком объеме появляются в рунологической литературе (*ibid.*: 55–56). В целом исландские рукописи о рунах свидетельствуют о том, что руническая традиция в Исландии была еще жива и в XVII, и в XVIII веке. И ученые исландцы были не только ценнейшими консультантами по языку рунических надписей, поскольку современный им исландский язык в отличие от континентальных скандинавских языков почти не изменился с момента нанесения младших рунических надписей, но и ценнейшими информантами по рунической письменности вообще (см., особенно, руническую тайнопись уже забытую в континентальной Скандинавии).

В континентальной Скандинавии работы по руническому письму и публикация надписей появляются в XVI веке, т. е. чуть раньше, чем исландские рукописи о рунах периода исландского ренессанса, но позже, чем исландские грамматические трактаты. Третий грамматический трактат Олава Тордарсона оставался до работ исландцев в XVII–XVIII вв. неизвестным в Европе. Вероятнее всего не знал его и один из крупнейших деятелей шведской реформации Олаус Петри (1493–1552), написавший в середине XIX века небольшую рукопись «О руническом письме» («Om runskrift») <sup>27</sup>, в которой он приводит 16 рун младшего футарка в их традиционном порядке **fuporkhniastblmR**, описывает их значение, сообщает их названия, а также дает сведения о пунктированных рунах и о рунических лигатурах (так называемых комбинированных рунах), которые он называет аббревиатурами. Кроме этих рун Олаус

<sup>27</sup> Эту работу можно найти в интернете ([runeberg.org/opetri/runor.html](http://runeberg.org/opetri/runor.html)) или в печатном виде в (Petri 1914–1917).

Петри приводит и три дополнительные комбинированные руны, которые использовались в руническом календаре для обозначения состоявшего из 19 знаков «золотого числа» (16 знаков младшего футарка + 3 дополнительные рунические лигатуры). Судя по этой работе и по надписи на стене своего дома (см. выше) Олаус Петри был одним из немногих в XVI веке в континентальной Скандинавии хранителей живой рунической традиции, и в своей небольшой работе он не ставил других целей кроме сохранения этой традиции. Совсем другие задачи были у основателей гётицизма и идейных противников Олава Петри, братьев Магнусов. Последний шведский католический архиепископ Йоханнес Магнус (1488–1544) в посмертно изданной его братом Олаусом Магнусом (1490–1557) в Риме в 1554 г. «Истории готов и свеонов» также обращается к руническому алфавиту, однако в первую очередь для того, чтобы показать древность шведского народа (подробнее об этом см. в следующем разделе). Младшерунический алфавит он называет *Alphabetum Gothicum* ‘готский алфавит’, чтобы еще раз подчеркнуть древность шведов и их связь с готами (J. Magnus 1554). Магнус размещает руны не в традиционном руническом порядке, а в порядке следования латинских букв. Этот же рунический алфавит помещен и в написанной братом Йоханнеса Олаусом Магнусом «Истории северных народов» (O. Magnus 2006 (1555)), переведенной на многие европейские языки сразу после написания. Братья Магнусы, в отличие от Олауса Петри, описавшего младший шестнадцатизначный футарк эпохи викингов и в соответствии с рунической традицией не включившего ни пунктированные, ни комбинированные руны в канонический младший футарк, приводят не шестнадцать, а тридцать пять рун. Они включают в свой алфавит поздние варианты рун **b** и **s**, пунктированные руны, комбинированные руны и руны, появившиеся уже в позднем средневековье в эпоху распространения латинской письменности для обозначения на письме отсутствующих в футарке латинских букв, ср., напр., руны, соответствующие латинским буквам *s*, *q* и *x*. Руна для передачи латинской буквы *q* (повернутая руна **þ**) соответствовала в руническом алфавите братьев Магнусов руне **q** далекарлийского алфавита, руна (стрела, обращенная вниз), передающая латинское *s*, соответствовала руне **c** в руническом алфавите позднего средневековья, а руна, соответствующая латинской букве *x*, была руной золотого числа, зеркальным **þ** (*belgþórr*). Не имеющее параллелей необычное обозначение латинского *x* руной золо-

того числа у братьев Магнусов связано, вероятно, с тем, что и латинское *x*, и зеркальное **þ** были третьим знаком от конца в соответствующих алфавитах. Олаус Магнус приводит и руническое соответствие латинскому союзу *et*, который он представляет как комбинированную руну **ēṭ** (O. Magnus 2006 (1555): 139, таблица). В целом этот алфавит дает представление о руническом алфавите скандинавского средневековья. В нем только три неточности: изображение */g/* как комбинированной руны **ht**, трактовка рун золотого числа *belgþórr*, *tvímaðr* и *arlausgr* как вариантов рун, обозначающих латинские *x* и *y*, а также трактовка рунического **ṛ** (**R**) как *ksi*, вероятно, из-за сходства формы этой руны с перевернутым греческим *psi*<sup>28</sup>.

Первые публикации и попытки чтения рунических надписей на камнях в Дании были связаны с интерпретацией самых знаменитых датских надписей младшими рунами, надписей на камнях из Еллингс (DR 41, 42). Лэнсман Каспар Маркданер (1533–1618) приказал поднять и очистить оба еллингских камня в 1586 году, а Хенрик Рантцау (1526–1599) в 1588 году сделал гравюру на меди с изображением этих камней и рунического алфавита, состоящего из 20 рун (Lindberg 1591: 76–77). Кроме традиционных шестнадцати рун, звуковое значение которых определено в основном верно, он включил в рунический алфавит пунктированные **b** и **k** для обозначения */p/* и */g/*, руну для обозначения латинского *s* в виде стрелы, обращенной вниз, и руну для обозначения латинского *q* (повернутое **þ**), что очевидно свидетельствует о знакомстве Рантцау с руническим алфавитом, представленным в книгах братьев Магнусов (см. выше). Рантцау предложил чтение и интерпретацию обеих еллингских надписей. Он во многом правильно прочел и интерпретировал большую часть надписи на камне Горма **gurma kunuka karþi kub ...usi aft þurui kunu** ‘Горм конунг сделал памятник этот в честь Тюры жены...’, ср. современное чтение и толкование этой надписи **kurmR kunukR k(ar)þi kubl þusi a(ft) þurui kunu sina tanmarkaR but** (DR 41) ‘Горм конунг сделал этот памятник в честь Тюры своей жены, спасительницы Дании’<sup>29</sup>. Как мы

<sup>28</sup> Подобным же образом обозначает латинское *x* и Йоун Оулафссон (Ólafsson 1732: 146), что свидетельствует скорее не о существовании такой рунической традиции, а о знакомстве Йоуна с книгами Магнусов.

<sup>29</sup> Относятся ли последние слова надписи **tanmarkaR but** ‘спасительница Дании’ к Горму или к Тюре обсуждается рунологами до сих пор. Думается, что в данном случае имеется в виду Тюра, поскольку в саге о Ёмсвикингах рассказывается о том, как она спасла Данию от

видим, для него, также как и для всех рунологов до XIX века, камнем преткновения было значение последней руны младшего футарка  $\text{ᚱ}$  (**R**)<sup>30</sup>, которую он ошибочно читал как *lal*, (см. его чтение **gurma kunuka** вместо **kurmR kunukR**). И такое чтение сохранялось долгое время. Триста лет спустя Джордж Стефенс, издавший четыре тома рунических надписей Скандинавии и Англии, в первом вводном томе, не ссылаясь на Ранцау, повторил эту интерпретацию, ставя себе в заслугу трактовку руны **R** как *a* в древнескандинавских надписях (Stephens 1866, 134)<sup>31</sup>.

В интерпретации надписи на большом еллингском камне, камне Харальда (DR 42), у Ранцау гораздо больше ошибок, хотя и здесь верно прочитаны многие слова, в том числе имена конунгов Харальда, Горма, Тюры и название Дании (**tanmark**). Рисунок обоих камней и толкование надписей на них Ранцау включил в изданные в 1591 году П. Линдбергом «Комментарии памятных дел в Европе в 1588 году...» (Lindberg 1591: 76–77). Три года спустя Линдберг еще раз опубликовал толкование рунических надписей на камнях из Еллинге Ранцау (Lindberg 1594: 121–122), упомянув, что тот планировал издание других датских рунических надписей на камнях (*ibid.*: 123). Однако этим намерениям не суждено было сбыться. Эти планы были воплощены в жизни только Оле Вормом. Вслед за руническими камнями из Еллинге голландец Бонавентура Вулканиус (1538–1614) опубликовал в своей книге «О языке и буквах гетов, то

---

голода, предсказав неурожай. После чего ее стали называть самой мудрой женщиной в Дании и *Danmarkarbót* ‘спасительницей Дании’ (Jóms. Кар. 2, bls. 67). Последнее слово надписи **but** переводили как ‘украшение’, ‘гордость’ и ‘улучшение’ (Jacobsen, Moltke 1942: 78). Последнее значение наиболее точно соответствует этимологии (см. дрисл. *bót* ‘улучшение’, *baeta* ‘улучшать’, шв. *bota* ‘лечить’, *böta* ‘платить штраф, чинить’).

<sup>30</sup> Подробнее о значении руны старшего футарка  $\text{ᚱ}$  (**R**) и руны младшего футарка  $\text{ᚱ}$  (**R**) см. ниже.

<sup>31</sup> Ср., «My greatest discovery in this branch of science (...) is, that in the Old-Northern Alphabet the characteristic rune for A is  $\text{ᚱ}$ ». Издание Стеффенса было подвергнуто резкой критике датчанином Людвигом Виммером, который указал, в частности, на ошибочность такой трактовки. Развивая идеи Софуса Бугге (см. сноску 21), он предложил считать старшеруническое  $\text{ᚱ}$  и младшеруническое  $\text{ᚱ}$  особым *r*, восходящим к конечному *s*, сохранившемуся в готском и отличающемся от обычного *r* (Wimmer 1867: 19–20, 29–32, 40). Он же впервые предложил транслитерировать принятое сейчас обозначение старшерунического  $\text{ᚱ}$  и младшерунического  $\text{ᚱ}$  маюскулой **R** и транслитерацию руны  $\text{ᚱ}$  минускулой **r** (*ibid.* 50).

есть готов» и рунический камень из Трюггевельде (DR 230) – (Vulcanius 1597: 45).

Наиболее важными для развития рунологии были работы постоянно враждовавших шведа Юхана Буре (1568–1652), который считал, что руническое письмо появилось в Швеции, и датчанина Оле Ворма (1588–1655), утверждавшего, что футарк появился в Дании. Именно этим двум рунологам принадлежит честь превращения занятия руническими надписями в особую науку, чему, в первую очередь, способствовали их поиски и публикация рунических надписей. В 1599 году Буре подготовил свою первую рунологическую работу – выгравированную на меди **runakænslanæs læræ-sban** (*Runakänslanäs läräspån* «Учебная таблица для знания рун») – (Bureus 1599), которую часто называют просто рунической таблицей (*runtavlan*). В этой таблице Буре собрал все, что ему было известно о рунах и представил девятнадцать надписей младшими рунами (он привел гравюры десяти рунических камней и тексты еще девяти рунических надписей). Кроме текстов Буре приводит пять таблиц, в которых приводит обычные младшие руны, пунктированные руны, далекарлийские руны, руны рунических календарей и готский алфавит Вульфилы. Он приводит руны в их традиционном порядке, дает их названия и варианты написания. Довольно подробно описывается и в целом верное звуковое значение рун (Wollin 1992; Stille 2006). Для сравнения приводятся известные алфавиты. Буре посвятил свою руническую таблицу герцогу Карлу (будущему королю Швеции Карлу IX) и был вознагражден. Ему была предоставлена возможность совершить поездку по Швеции для изучения рунических камней (Lindroth 1920: 171), и с этого времени началась деятельность Буре по изучению и публикации младшерунических надписей. В 1624 году Буре публикует *Monumenta Sveo-Gothica Nactenus Exsceptac* изображениями (гравюры по дереву) сорока восьми рунических камней (Bureus 1624a). В подготовленной к печати работе, которая обычно называется *Monumenta runica* есть уже около двухсот изображений рунических камней (Wollin 1992: 192), а в рукописи, составленной Буре вместе с его учениками, насчитывается уже шестьсот рисунков камней с надписями<sup>32</sup>. Буре был прекрасным гравером и сам готовил гравюры по дереву с изображением надписей. Во многих случаях Буре верно

<sup>32</sup> Буре вел дневник, в котором подробно описывал свои рунические изыскания. Судя по этому дневнику, Буре лично исследовал 330 рунических камней (Lindroth 1920: 172).

читал младшие рунические надписи. Единственным его недостатком при чтении рунических надписей было определение руны, обозначающей этимологически долгое /a:/, как /o:/, что соответствовало современному ему шведскому произношению, и чтение **R** (𐀀) как простого /r/, что соответствовало современному ему исландскому произношению. Поскольку в исландском сохранившееся в отличие от континентальных скандинавских языков конечное /r/ фонологически не отличалось от /r/ в других позициях, долгое время считалось, что разные руны для обозначения конечного и неконечного /r/ не отражали звукового различия, а просто были позиционными графическими вариантами (**R** называлось *r-finale*), подобно позиционным графическим вариантам греческой сигмы (σ и ς). Только Олав Цельсий, сын расшифровавшего хельсингландские руны математика Магнуса Цельсия (см. ниже) и дядя знаменитого физика Андерса Цельсия, впервые предположил, что разные руны **r** и **R** обозначают разные звуки, считая что руна **r** обозначала раскатистое *r*, а руна **R** – щелевое *r* (O. Celsius 1724: 577–578), что, правда, осталось незамеченным ни современными ему рунологами, ни рунологами первой половины XIX века, которые продолжали говорить о *r-finale* (см., напр., Dieterich 1844: X). Да и для Бугге и Виммера (Bugge 1865; Wimmer 1867), тех рунологов, которые окончательно установили принятое сейчас разное значение 𐀁 (z и **R**) и 𐀂 (r), идея Олофа Цельсия осталась неизвестной<sup>33</sup>.

Заслуга Буре перед рунологией не только в том, что он впервые опубликовал и в целом верно прочел сотни рунических надписей. Он сумел убедить своих современников в необходимости их изучения<sup>34</sup>, и многие из них стали его верными учениками и последователями. К числу его непосредственных учеников принадлежал и Олаус Верелиус (Olaus Verelius, 1618–

<sup>33</sup> Только в 1865 году норвежец Софус Бугге, не ссылаясь на Олафа Цельсия, предположил, что 𐀂 и 𐀁 (младшнруническое 𐀁) могли обозначать разные звуки. При этом Бугге отмечал, что он не может решить, какой именно звук обозначало 𐀁 в каждой конкретной надписи, «мягкое (т. е. звонкое) *s*» (т. е. /z/ < /s/) или *r*, совпавшее с обычным 𐀂 (**r**) (Bugge 1865: 317–318). Позднее датчанин Людвиг Виммер предположил, что руна 𐀁 обозначала особое *r* и ввел обозначение **R** (см. сноску 19), которому я и следую этой статье в соответствии со скандинавской традицией. Однако в последнее время многие рунологи вернулись к транслитерации **z**, основанной на идее Бугге, полагая, что ранние надписи старшими рунами отражают западногерманскую традицию (Antonsen 2002).

<sup>34</sup> Буре, стремясь сделать руническое письмо доступным, издал даже рунический букварь (Bureus 1611).

1682), читавший лекции по рунологии в Уппсальском университете, издавший их в 1675 году (Verelius 1675) и включивший в свою книгу изображение 31 рунического камня. Продолжал дело Буре в Швеции и Юхан Хадорф (Johan Hadorph, 1630–1693), совершивший вместе с группой помощников, среди которых был и Юхан Перингер, ставший впоследствии при получении дворянского титула Перингшёльдом (Johan Peringskiöld, 1654–1720), несколько поездок по Швеции с целью изучения неизвестных рунических камней. Результатом этих поездок было более тысячи гравюр по дереву с изображением рунических камней, прежде всего из тех шведских областей, которые раньше не обследовались (Эстерьётланд, Вестерьётланд и Смоланд). Однако Хадорф успел опубликовать только незначительную часть этого материала (Hadorph 1680). Публикацию надписей продолжил Перингшёльд (Peringskiöld 1710 – 29 камней; Peringskiöld 1719 – 34 камня). Наконец, завершил начатую Буре работу Юхан Ёранссон (Johan Göransson, 1712–1769), издавший самый объемный сборник известных к тому времени шведских рунических надписей *Bautil* с 1173 гравюрами рунических камней (Göransson 1750). И хотя Ёранссон не включил в свой свод ряд уже известных в его времени рунических надписей, в частности на камнях из Готланда, Нэрке, и Вэрмланда, а также из бывших датских провинций Бухуслэна и Блекинге, этот сборник до сих пор сохраняет свое значение, поскольку в нем можно найти гравюры многих исчезнувших впоследствии рунических камней. Завершает наш обзор сводное издание всех известных к тому времени шведских рунических надписей издание Лильегрена (1791–1837), вышедшее в 1833 г. (Liljegren 1833) и остававшееся самым лучшим и самым полным изданием скандинавских рунических надписей до скандинавских изданий XX века. Издание рунических памятников Лильегрена сделало возможным появление первого рунического словаря, в котором были учтены около двух тысяч рунических надписей и указаны не только значения слов, но и даны их этимологии с указанием соответствий в древних германских языках и иногда в греческом и латыни (Dieterich 1844). Несмотря на ряд ошибочных переводов и этимологий, для большинства слов и перевод, и древние германские соответствия не вызывают возражений. Это издание также сохраняло свое значение до XX в.

Хотя первые публикации рунических камней в Дании относятся к 1591 году, начало датской рунологии несомненно связано с профессором медицины Оле Вормом (1588–1655),



который в своих многочисленных работах по истории Дании и по рунам (ср. напр., Wormius 1626; 1636; 1643; 1650)<sup>35</sup> утверждал приоритет датчан в изобретении рунического алфавита. В 1626 году Ворм издает «Датский календарь» (*Fasti Danici*, второе издание в 1643 г.), где он впервые обращается к руническим надписям. Здесь он публикует рунический календарь из найденной в Ютландии рукописи 1328 года. Ворм считал календарь датским, хотя впоследствии было показано, что описанный им рунический календарь происходит с острова Готланд (Lithberg, Wessén 1939). Его последующие работы были посвящены происхождению рунического письма и его функционированию в Дании (Worm 1636) и публикации всех известных в его время датских и норвежских (Норвегия входила в состав Дании до 1814 года) рунических надписей. Ворм собрал, зарисовал и дал трактовку ста сорока четырем датским руническим надписям (Wormius 1643; 1651). И хотя в некоторых случаях его чтение и толкование было ошибочным (в этом отношении Буре был более точным), работа Ворма *Danicorum Monumentorum libri sex* (Wormius 1643) была первой, и долгое время оставалась единственной, попыткой представить полный обзор датских рунических надписей<sup>36</sup>. Эта работа сразу же нашла отклик у современных Ворму рунологов. Юхан Буре откликнулся на нее в Швеции, подвергнув в поэтической форме справедливой критике ряд идей и интерпретаций Ворма (Bureus 1644).

Ворм не только проделал огромную работу по сбору, опубликованию и толкованию надписей, но и собрал сообщения о рунической традиции в древней Скандинавии, привлекая для этого Эдду, древнеисландские саги и древнеисландские и древнорвежские законы (см., прежде всего, Wormius 1650). В Дании ряд новых интерпретаций опубликованных Вормом надписей предложил Юхан Мейер в оставшейся неопубликованной, и распространявшейся в списках работе<sup>37</sup>, в которой он

---

<sup>35</sup> Все публикации Оле Ворма можно найти в интернете на сайте *books.google.com*

<sup>36</sup> Только почти через 250 лет появился новый обзор датских рунических памятников Людвиг Виммера (Wimmer 1894–1908), за которым последовало ставшее хрестоматийным издание Якобсон и Мольтке (Jacobsen, Moltke 1942), по которому я и привожу нумерацию датских рунических надписей, предваряя ее принятым в рунологии сокращением DR.

<sup>37</sup> Рукопись носила латинское название *Liber Monumentorum Danicorum, sive de Monumentis Danicis, auctore Johanne Meiero...*, но сам текст был по-датски (Wimmer 1895: 31)

приводил целый ряд надписей неизвестных Ворму (Wimmer 1895: 31–34).

Хотя после Ворма долгое время никто не пытался опубликовать сводное издание датских и норвежских рунических памятников (впервые это сделал Людвиг Виммер, см. выше), но и в XVII и в XVIII веках в Дании продолжалось изучение надписей, неучтенных Вормом. Причем многие из этих работ, также как и работа Мейера (в первую очередь работы известного датского языковеда и фольклориста Педера Сюва (Peder Syv 1631–1702)) оставались в рукописях (Wimmer 1895: 35–48). Однако, судя по дальнейшим публикациям, рукописи эти активно изучались. В 1739–1741 годах известный датский филолог, историк, орнитолог и энтомолог Эрик Понтоппидан (младший) (Erik Pontoppidan 1698–1764) издал два тома датских рунических надписей, включив в него и надписи, изданные Вормом, и надписи из рукописи Мейера (Pontoppidan 1739–1741). Несмотря на многочисленные ошибки в интерпретации, несомненной заслугой Понтоппидана является то, что он ввел в научный оборот несколько новых надписей. Из более поздних публикаций надписей наиболее важной является анонимная работа, посвященная анализу двух датских рунических надписей, найденных в конце XVIII века у Хедебю (Шлезвиг) ((Jürgensen, Schultz) 1799). В работе приведены очень качественные изображения рунических камней с надписями (DR 1, DR 2). Многие в их чтении и толковании было правильным, однако неверная интерпретация слов и написаний, которые еще долгое время и после них оставались непонятными, не позволили дать точное толкование надписей<sup>38</sup>.

<sup>38</sup> Надпись на первом камне из Хедебю (DR 1) они читали **purlf risþu stin þansi himdigi suins eftir erik filaga sin jas uard taudr þo trekiar harda kuþr satu um haþa bu** и толковали как ‘Дурлф поставил этот камень у могилы Свена своему сотоварищу Эрику, который умер, когда смелые язычники стояли у Шлезвига’ ((Jürgensen, Schultz) 1799: 35–38). Продолжающие надпись комбинированные руны авторы «не осмелились прочесть как руны» (ibid.: 43). Они не совсем верно прочли и неверно интерпретировали форму **himpigi** ‘дружинник’, не вполне точно перевели форму **trekiaR** ‘воины’ и неверно определили место сочетания **harþa kuþr** ‘очень хороший’, ср. принятое сейчас чтение и толкование этой надписи **purlf risþi stin þansi himþigi suins eftiR erik filaga sin ias uarþ taupr þa trekiaR satu um haþa bu** (комбинированные руны **ian han uas sturi matr tregR**) **harþa kuþr** ‘Торольв, дружинник Свена, поставил этот камень по своему сотоварищу Эрику, который погиб, когда воины стояли у Хедебю, и он был кормчим и очень хорошим воином’ (Jacobsen, Moltke 1942: 7).

В XVII веке были не только изданы сотни рунических надписей с их в основном верным чтением и толкованием, но и были впервые расшифрованы надписи особым вариантом младшего рунического алфавита хельсингландскими рунами. Хельсингландский футарк представляет собой рунический алфавит, в котором руны не имеют общей для всех рун младшего футарка вертикальной линии («ствола»), т. е. в этой системе в основном используются только те линии, которые отличают руны друг от друга. Хотя создатель хельсингландского футарка при своей реформе строго следовал принципу современного структурализма (содержанием знака является то, что отличает его от других знаков), воспринимать такой футарк оказалось гораздо сложнее, чем традиционный младший футарк, и надписи хельсингландскими рунами долгое время оставались нерасшифрованными. Олаус Верелиус, публикуя изданные Юханом Буре в 1624 надписи хельсингландскими рунами на камнях из Мальсты и Туны (Bureus 1624b), предположил, что мы имеем здесь дело с особыми «запутанными рунами», для прочтения которых необходимо знать ключ (Verelius 1675). Известный шведский ученый немец Иоханн(ес) Шеффер(ус) обратился к римским экспертам с просьбой расшифровать хельсингландские руны, и египтолог и специалист по древним письменам Афанасий Кирхер предположил сначала, что эти знаки являются не письмом, а орнаментом, а потом, изменив свою трактовку, утверждал, что в надписях хельсингскими рунами скрыто заклинание против змей, не предлагая, однако, расшифровку надписей (Jansson 1983: 5–6).

Большинство надписей хельсингландскими рунами происходят из шведских провинций Хельсингланд и Медельпад, поэтому неудивительно, что именно уроженец Хельсингланда Магнус Цельсий (1621–1679)<sup>39</sup> впервые предложил правильное чтение этих надписей, поняв основной принцип хельсингских рун. 29 июня 1675 года, покидая пост ректора Уппсальского университета, он выступил с прощальной речью, где сообщил о своем открытии (M. Celsius 1982), и, хотя его доклад оставался

---

В чтении и интерпретации надписи на втором камне из Хедебю (DR 2) также есть ряд неточностей ((Jürgensen, Schultz) 1799: 43–44).

<sup>39</sup> Магнус Цельсий был математиком и естествоиспытателем, но в 1666 году он вместе с пятью другими знаменитыми шведскими учеными того времени (Verelius, Schefferus, Stiernhielm, Nadorph, Loccenius) вошел в состав созданной в 1666 коллегии по изучению древностей (antikvitetskollegiet), задачей которой было «изучать древние деяния нашей свейской и гётской нации» (Jansson 1988: 8).

неопубликованным до 1698 года<sup>40</sup>, во многих печатных изданиях сообщались основные его выводы (ср. *Norcopensis* 1685: 50; *Rålamb* 1690: 6). Магнус Цельсий установил правильное значение пятнадцати из шестнадцати хельсингских рун, считая, что шестнадцатый знак, который выглядел как двоеточие, является не руной, а знаком словораздела. Действительно во многих рунических надписях обычными младшими рунами именно так обозначался словораздел. Соответственно Магнус Цельсий считал, что в первоначальном алфавите было не шестнадцать а только пятнадцать рун, а последняя шестнадцатая руна **R** была добавлена в футарк позднее (M. Celsius 1707: 11). Этот недочет исправил его сын Олаф Цельсий, который предположил, что двоеточие в хельсингских рунах обозначает руны **R**, которая и была последней руной шестнадцатизначного футарка (O. Celsius 1724: 577). Магнус Цельсий был автором и еще одного заблуждения, которое долгое время удерживалось в рунологии. Его основная специальность (он был математиком и естествоиспытателем) подсказывала ему, что развитие может происходить только путем усложнения, а вовсе не путем упрощения. Поэтому он не только разделял принятое тогда мнение, что младший футарк, состоящий из шестнадцати рун, старше старшего футарка, в котором было 24 руны, но и предположил, что именно хельсингские руны, формы которых состоят только из простых коротких линий, являются самой древней формой рунического письма, а традиционный шестнадцатизначный футарк появился в результате усложнения форм хельсингских рун (M. Celsius 1707). Так же считал и его сын Олаф (O. Celsius 1724). Эту идею поддержали многие, в том числе и Олаф Далин, утверждавший, что хельсингские руны самые древние, «потому что, естественно, что сначала пользовались простыми формами, а потом их усложнили» (Dalin 1756 (1747), 177). Предположение о том, что хельсингские руны были вариантом обычного шестнадцатизначного младшего футарка, было впервые высказано Роламбом, который считал, что единственным источником хельсингских рун был «старый рунический алфавит» (*den gamla Runskan*), имея в

---

<sup>40</sup> Сын Магнуса Цельсия Олаф Цельсий, много сделавший для популяризации идей своего отца, опубликовал этот доклад сначала в Риме в 1698 году (M. Celsius 1698), а затем в 1707 году в Уппсале (M. Celsius 1707).

виду младший футарк (Rålamb 1690: 13)<sup>41</sup>. Поздее, не ссылаясь на Роламба, к этому же выводу пришли Бенцелиус (Benzelius 1724) и Бьёрнер (Bjoerner 1726), причем Бьёрнер, который сам был уроженцем Медельпада, отметил, что поскольку надписи хельсингландскими рунами есть не только в Хельсингланде, но и в Медельпаде и в Уппланде, не следует называть эти руны хельсингландскими (Bjoerner 1726: 32). Сейчас в скандинавских языках для названия хельсингландские руны более распространен термин «бесствольные руны» (шв. *stavlösa runor*). Вопрос о том, зачем были созданы бесствольные руны остается предметом дискуссии. Бэкстед считал, что эти руны были созданы как мистическое, известное только посвященным, письмо (Bæksted 1943). Однако более вероятным кажется предположение, что эти руны, это своего рода скоропись, использовавшаяся в разного типа надписях на деревянных палочках и дощечках (Jansson 1988: 37). Хотя палочек и дощечек с бесствольными рунами найдено не было, содержание ряда надписей бесствольными рунами действительно указывает скорее на светский характер надписей (ср., напр., имеющую юридический характер надпись на камне из Мальсты (Ns 14), где упоминаются шесть поколений владельцев усадьбы в Мальсте).

### Гипотезы о происхождении футарка

Идеологической основой роста интереса к шведским древностям были гётицизм и гиперборейство, учения, которые утверждали, что шведы один из древнейших народов. Эти гипотезы оказались особенно востребованы в эпоху шведского великодержавия. Начало гётицизма связывают с речью епископа Николауса Рагвальди на Базельском соборе 12 ноября 1434 года, в которой он доказывал происхождение шведов от древних готов<sup>42</sup>. Эта речь, ставшая особенно популярной в XVI веке, о

---

<sup>41</sup> Роламб, который рассказывает в своей книге об открытии Магнуса Цельсия, не поддержал его идею о первичности хельсингландского футарка: «старый рунический алфавит (...) состоит из перпендикулярных линий, которые отличаются друг от друга рядом вспомогательных линий. Такой рунический алфавит использовался и в Хельсингланде, но эта нация была слишком разумна и не хотела, чтобы другие понимали ее письмо, поэтому они пользовались только вспомогательными линиями» (Rålamb 1690: 13).

<sup>42</sup> Перед началом Базельского собора испанский епископ Альфонсо из Бургоса потребовал лучшие места для испанской делегации, ссылаясь на то, что испанцы потомки готов. Тогда Николаус Рагвальди произнес свою речь, в которой он утверждал, что истинными потомками готов

чем свидетельствуют ее многочисленные публикации, вызвала к жизни целый ряд работ, доказывавших древнее происхождение шведов<sup>43</sup>. Гиперборейцы шли еще дальше. Они доказывали, что шведы потомки древних гипербореев, которых упоминали Геродот и Плиний Старший. Подобные идеи высказывали и братья Магнусы. Йоханнес Магнус возводил шведских королей к библейскому Магогу (J. Magnus 1554) и ему вторил Олаус (O. Magnus 1555). Естественно, что гиперборейство и гётицизм не могли оставить в стороне вопроса о происхождении футарка. Рунические камни, стоящие, как казалось, испокон веков, были важным аргументом в пользу гипотезы о древности шведского народа. Причем при этом имелись в виду только надписи младшими рунами, старшие руны, считавшиеся более поздними, еще не были прочитаны. В соответствии с представлением о древности шведов многие ученые в XVI–XVIII веках относили появление рунических камней к очень отдаленному времени. Олаус Магнус утверждал, что задолго до изобретения латинского алфавита Карментой<sup>44</sup> в Скандинавии уже писали рунами. Свидетельством этому являются, по его мнению, рунические камни, поставленные на могилах. Эти камни были воздвигнуты в доисторические времена великанами и героями. «На этих камнях они вырубили сообщения о событиях, чтобы те остались на века» (Olaus Magnus 2006 (1555): 140). Братья Магнусы считали, что рунические камни возводились до всемирного потопа или сразу после него<sup>45</sup>. Сторонник гётицизма Юхан Буре тоже считал скандинавские руны очень древними. В одной из рукописей 1603 года<sup>46</sup> он писал, что скандинавские руны не только древнее еврейской каббалы и египетских

---

являются не испанцы, а шведы. Эта речь *Oratio habita in consilio Basiliensi* много раз публиковалась (1554, 1558, 1567, 1617 гг.) – (Odelman 1990).

<sup>43</sup> Ср., напр., существовавшую во многих списках «Хронику готского государства» (*Chronica regni Gothorum*), написанную Эриком Олаем (1420–1486) в 1475 году, которая была издана в 1615 году и сыграла важную роль в становлении гётицизма в эпоху шведского великодержавия (см. Olai 1993–1995). Важным проповедником идей гётицизма была и «История всех готских и свеонских королей» Йоханнеса Магнуса (1488–1544), изданная после смерти автора (Magnus Io 1554).

<sup>44</sup> В Древнем Риме считали, что латинский алфавит был изобретен Карментой, богиней прорицательницей, покровительницей материнства.

<sup>45</sup> См., Magnus Io. 1554, lib. I, c. 7; Magnus O. 1676 (1555), lib. I, c. 36; см. также Rudbeck 1676: 38.

<sup>46</sup> Рукопись MS F: a14, 25–26 (Håkansson 2012, 503).

иероглифов, но и утверждал, что подобно этим письменностям руны имеют двойное назначение – т. е. являются не только знаками письма, но и несут тайное знание (Håkansson 2012: 503), которое Буре пытался разгадать на протяжении всей своей жизни<sup>47</sup>. Однако несмотря на свою склонность к мистике Буре верно предугадал последующие гипотезы об источниках футарка, отмечая сходство рун с четырьмя алфавитами. В своем оставшемся неопубликованном труде *Runaräfst*, написанном в 1603 году и являющимся объяснением к его рунической таблице, Буре находит соответствия рунам  $\beta \uparrow \uparrow \uparrow \uparrow \uparrow$  в еврейском алфавите,  $\beta \uparrow \uparrow \uparrow \uparrow \uparrow \uparrow \uparrow$  в греческом,  $\beta \uparrow \uparrow \uparrow \uparrow \uparrow \uparrow$  в латинском и  $\beta \uparrow \uparrow \uparrow \uparrow \uparrow \uparrow$  в этрусском алфавите (Stille 2006: 349–350). На протяжении всей истории существования рунологии, начиная с самого начала ее существования и до нашего времени существовали четыре основные гипотезы происхождения футарка: еврейская, греческая, латинская и североиталийская, т. е. источником футарка считались именно те алфавиты, сходство с которыми устанавливал Буре (о современных гипотезах об источниках футарка см. ниже).

Но в период шведского великодержавия и распространения идей гётицизма и гиперборейства не идеи вторичности футарка, а идеи первичности рунического алфавита по сравнению с другими алфавитами были востребованы. Эти идеи развивались дальше и достигли своей кульминации в книге Олафа Рудбекка «Атлантида». Ученик одного из основателей гиперборейства Олафа Верелиуса (1618–1682)<sup>48</sup> Олаф Рудбекк Старший (1630–1702), главный проповедник этого направления, утверждал, что именно шведы были жителями колыбели цивилизации Атлантиды, и именно из шведского языка произошли все остальные языки, в том числе и греческий и латынь (Rudbeck 1679)<sup>49</sup>.

---

<sup>47</sup> Самая известная его работа на эту тему – это написанная в 1643 году и посвященная королеве Кристине рукопись *Adulruna rediviva*, где он предлагает мистическое объяснение происхождению рун, которые, по его мнению, были начертаны на упавшем с неба камне кубической формы (Karlsson 2007).

<sup>48</sup> См. его «Руководство по руническому письму», с параллельными текстами на латинском и шведском языках (Verelius 1675), на которую опирался не только его ученик Олаф Рудбекк, но и впоследствии Олоф Далин.

<sup>49</sup> Для доказательства этого положения он сравнивал слова шведского языка со словами латинского и греческого языков, устанавливая звуковые соответствия между ними (см. напр. шв. *fader*, лат. *pater* и т. п.), фактически готовя материал для открытия звуковых соответст-

Соответственно он считал, что и латинский и греческий алфавиты произошли из рунического алфавита. Он предложил и свой способ определения возраста рунических камней. Поскольку, по его мнению, каждые 500 лет слой земли вырастает на дюйм, возраст рунических камней можно определить, измерив толщину земляного покрова рядом с ними. Используя этот метод, он установил, что древнейшие камни с надписью младшими рунами были поставлены за 2000 лет до нашей эры. Такой способ определения возраста рунических камней поддержал и Олоф Верелиус (Verelius 1675: add. 74). В самом конце XVII века Юхан Перингшёльд писал о том, что руны были принесены в Швецию из Азии сыном Яфета Магогом (Peringskiöld 1699: 355, 402–404). Гипотезы о доисторическом происхождении рунического письма продолжали быть популярными в Швеции и в XVIII веке, уже после того, когда в Швеции после поражения в Северной войне закончилась эпоха великодержавия, при которой идеи гётицизма и гиперборейства были официальной государственной доктриной. Олаф Далин в своей «Истории шведского государства» (Dalín 1756 (1747)) писал, что руны принесли из Скифии первые обитатели Скандинавии, которых привел Один (ibid. 175). Отмечая сходство рун с греческими ионийскими буквами, он считал, что только одиннадцать рун схожи с буквами ионийского алфавита, а пять рун не имеют с этим алфавитом ничего общего. На этом основании он считал, что эти алфавиты не могут считаться одним (ibid. 175). Он отвергает предположение о том, что руны младше христианства (ibid. 184)<sup>50</sup> или о том, что они были придуманы создателем готского алфавита епископом Вульфиллой. Далин считал, что не Вульфила создал руны<sup>51</sup> а, наоборот, что при создании своего алфавита он использовал футарк, подобно тому как он использовал греческий и латинский алфавит (ibid. 176).

Однако очевидное сходство футарка с известными древними алфавитами породили и гипотезы о вторичности футарка.

---

вий между германскими и другими индоевропейскими языками, которые были систематизированы Раском и Гриммом.

<sup>50</sup> В качестве доказательства он приводит известное письмо епископа из Пуатье Венанциуса Фортуната, жившего в VI веке о том, что германцы пишут друг другу письма рунами на палочках и дощечках (Dalín 1756 (1747), 184), и то, что рунические камни часто использовались как фундамент старых церквей (ibid. 175).

<sup>51</sup> Представление о том, что рунический алфавит был дальнейшим развитием готского алфавита Вульфиллы было долгое время популярным в рунологии, см., напр., Bredsdorff 1933 (1822), 1933 (1840).



Библейское представление о том, что все языки произошли из еврейского, которое мы находим, в частности, уже в Первом исландском грамматическом трактате (XII в.), отразилось и на предположении о том, что источником футарка был еврейский алфавит. Так думал, в частности, Оле Ворм (Worm 1651 (1634), который считал, что руны попали на север Европы из Азии (*ibid.* 107). Отмечаемое им сходство латинских букв с рунами он объясняет тем, что и футарк, и латинский и греческий алфавиты происходят из одного источника, т. е. из еврейского алфавита (*ibid.* 107, 109), хотя Ворм считал футарк древнее греческого алфавита (*ibid.* 111). В 1747 году Юхан Ёранссон (1712–1769) в своей книге о происхождении рунического алфавита утверждал, что руны были созданы «одним очень мудрым мастером, которого несомненно звали Гомер», но их прообразом был еврейский алфавит, причем по Ёранссону это произошло за 2200 лет до рождения Христа. А греки, этруски и римляне, в свою очередь, заимствовали свои алфавиты из шестнадцатизначного рунического алфавита (Göransson 1747: § 3–4).

Несмотря на то, что многие последователи гётицизма и гиперборейства порой высказывали совершенно фантастические идеи о возрасте футарка (еще раз напомню, что речь в данном случае шла о надписях младшими рунами, которые появились только в эпоху викингов), несмотря на очевидную тенденциозность идей гётицизма и гиперборейства, именно эти течения способствовали развитию рунологии как самостоятельной науки. Именно в этот период существовала государственная поддержка многим руническим проектам и были изданы многие рунические памятники. Однако, хотя в эпоху шведского великодержавия идеи Рудбекка были государственной идеологией, и в эту эпоху существовали публикации, идущие в разрез с официальными доктринами. Гипотезы о большой древности младшего футарка были окончательно отвергнуты только в XIX веке, однако уже в XVII веке высказывались сомнения в древности рунических камней, поскольку надписи на многих из них несомненно свидетельствовали о том, что они воздвигались после принятия христианства. Эрик Бенцелиус (1675–1747) в своих лекциях в Уппсальском университете в начале XVIII века говорил о том, что руническое письмо должно было появиться не позже III века до н. э., поскольку по его мнению прообразом футарка был ионийский алфавит, который вышел из употреб-

ления в III веке до н. э. (Benzelius 1762: 52)<sup>52</sup>. Профессор теологии Обуского университета Петрус Бонг в своей «Истории шведской церкви» (Vång 1675), которую он начинал с Адама и которая была пронизана идеями гётицизма, оставался все же более сдержанным чем большинство последователей этой доктрины в оценке возраста рунических камней. Он считал, что рунические камни появились после принятия скандинавами христианства, однако христианизацию Швеции он относил к IV веку н. э., т. е. к гораздо более раннему времени, чем это было принято считать даже в его время. О том, что рунические камни относятся к христианской эпохе утверждал позднее и Олаф Цельсий (O. Celsius 1726–1733), который, правда, более реально, чем Бонг, представлял время христианизации Скандинавии. Так же считал и Нильс Брукман (1731–1770), основываясь на рунических камнях, поставленных в честь участников известной экспедиции Ингвара Путешественника (XI век) – (Broostan 1762). Йоун Олафссон в своей рукописи также критиковал тех, кто предполагал древнее происхождение футарка. Причем интересна его аргументация. Он считал, что поскольку язык рунических надписей почти не отличается от современного ему исландского языка, то рунические надписи не могут быть древними, причем источником футарка был латинский алфавит (Кораблёв 2005: 33).

Один из предвестников сравнительно-исторического языкознания, шведский филолог Юхан Ире (1707–1780) несколько раз возвращался к вопросу о происхождении и возрасте рунического письма в Скандинавии. В своей первой диссертации он резко критиковал гипотезы о доисторическом происхождении рун, утверждая, что руническое письмо появилось в Скандинавии только в V–VI веках, т. е. задолго до принятия христианства, однако им продолжали пользоваться и после принятия христианства (Ihre 1769: 106–107, 116–117). Важным пунктом в аргументации Ире является его мысль о том, что письмо должно появиться только в том случае, когда в обществе появляется потребность в нем: «письменность совпадает с процветанием» (Ihre 1770: 206), а поскольку трудно предположить, что общество в Скандинавии доисторических времен достигло такого уровня, предположение о большом возрасте футарка следует отвергнуть. Основываясь на словах Тацита (Tac. Germ. 19) о том, что «тайна письма равно неведома и мужчинам, и жен-

---

<sup>52</sup> Эти лекции были изданы сыном Эрика Бенцелиуса в 1762 г (Benzelius 1762).

щинам германцев»<sup>53</sup>, он считал, что во времена Тацита у германцев еще не было письменности. Она была заимствована скандинавами позднее в V–VI веках у своих южных соседей немцев (Ihre 1770: 242–243). Для доказательства этого положения он ссылается на известное место из письма епископа из Пуатье Венанциуса Фортуната о том, что германцы пишут друг другу письма рунами на палочках и дощечках, см. выше (Ihre 1770: 236–237). Вторым важным моментом в доказательстве Ире является предположение о том, что, поскольку в (младшем) футарке не передаются различия по звонкости глухости, то алфавит этот создавался не для скандинавского языка, где эти различия есть, а для языка, в котором такого различия нет. Такой язык он находит в Германии в алеманских диалектах, в которых различия между глухими и звонкими исчезли (см. *cuot < guot, kiban < giban, pitten < bitten*, *ibid.*: 236–239).

Несмотря на существование предположения о сравнительно позднем появлении рунического алфавита (напомним, что речь шла о младших рунах, которые считались древнее старших), которое высказывалось скандинавскими рунологами и в XVII, и в XVIII веках (см. выше работы Бенцелиуса, Брукмана, Олафа Цельсия и Йоуна Олафссона), еще в начале XIX века представление о том, что руны появились на севере Европы вместе с Одином было популярным. Так считал, в частности, и Вильгельм Гримм<sup>54</sup>, который, опираясь на данные Эдды (Háv. 138), утверждал, что «вполне может быть правдой, что сам Один был создателем рун» (W. Grimm 1821: 11). Такое на первый взгляд несколько необычное для ученого начала XIX представление, которое классик современной рунологии Клаус Дювель считает «неожиданным» (*überraschend*) (Düwel 2008b: 16), явилось у Вильгельма Гримма естественным следствием того, что он представлял себе создание футарка не как простое заимствование алфавита, а как несомненный творческий акт (W. Grimm 1821:

---

<sup>53</sup> «*Secreta litterarum ignorasse viros periter ac feminas germanorum*» (Tac. Germ. 19). Традиционно считается, что в данном случае Тацит говорит не о письме вообще, а о любовных письмах, поскольку приведенная выше фраза дается Тацитом в таком контексте ... *Так ограждается их целомудрие, и они живут, не зная порождаемых зрелищами соблазнов, не развращаемые обольщениями пиров. Тайна письма равно неведома и мужчинам, и женщинам германцев. У столь многочисленного народа прелюбодейния крайне редки...* (Тацит, гл.19), см. Much 1967: 288.

<sup>54</sup> «Руническое письмо появилось, когда Один с асами переселились на Север» (W. Grimm 1821: 136).

12), т. е. как возможное создание одного человека. И, хотя предположение о том, что футарк создал человек по имени Один невозможно ни доказать, ни опровергнуть, многое свидетельствует о том, что футарк появился не в результате постепенного развития, а в результате единого творческого акта, подобно алфавитам Вульфилы, Месропа Маштоца и Константина Философа (см., напр., Кузьменко 1985; 2012: 402). Естественно, Grimm полагал, что уже во времена Тацита у германцев уже была руническая письменность, а известное место из 19 главы Тацита, о том, что германцы не знают письма, он относил только к простым людям, но не к священникам (W. Grimm 1821: 31), а в словах Тацита о том, что на некоторых памятниках и могилах на границе Германии с Речией начертаны греческие письмена он видел сведения о рунических камнях, подобных скандинавским (*ibid.*: 32–33).

В. Grimm, отмечая очевидное сходство финикийского, древнегреческого, этрусского, (кельто-)иберского, латинского, готского и рунического алфавита (*ibid.*: 11), считал, что все эти алфавиты имели единый неизвестный нам источник<sup>55</sup>, причем в соответствии с представлением рунологов XVII–XVIII веков он думал, что именно младший футарк был первым руническим алфавитом, который потом был усовершенствован в Скандинавии путем добавления пунктированных рун, а в области распространения западногерманских языков путем добавления новых знаков, имея в виду, прежде всего, «англосаксонский», т. е. древнеанглийский футорк (W. Grimm 1821: 91). В Англии также долгое время считали, что древнеанглийский футорк развился на основе скандинавского рунического алфавита, предполагая, что руны появились в Англии вместе с датскими викингами (см., напр., Chalmers 1807: 466–477, обзор более ранней литературы см. Brúnjólffsson 1823; Magnuson 1836–1837). Аргументация Вильгельма Гримма соответствовала аргументации его скандинавских предшественников: поскольку шестнадцатизначный футарк самый краткий и самый простой, он должен быть и самым древним (W. Grimm 1821: 124, 128). Вильгельм Grimm следует Юхану Ире (см. выше), говоря о том, что шестнадцатизначный футарк не мог быть создан для древнего скандинавского языка, поскольку он не отражает многих фонетических различий. Однако он отрицает идею Ире, что

---

<sup>55</sup> Критик Вильгельма Гримма датчанин Бредсдорфф справедливо считал, что именно финикийский алфавит был источником буквенного письма в Европе (Bredsdorff 1933 (1828): 123).

таким языком мог быть один из диалектов немецкого, считая рунический алфавит более древним (*ibid.*: 125). По мнению Вильгельма Гримма первый алфавит был принесен из Азии<sup>56</sup> в Европу и распространился и в Греции, и в северо-восточной Европе. Этот алфавит состоял из шестнадцати знаков, поскольку из шестнадцати рун состоит и (младший) рунический алфавит и первый греческий (так называемый кадмейский) алфавит<sup>57</sup> (*ibid.*: 125–127). Фактически, говоря о группе народов, переселившихся из Азии в Европу, которые, как показывают данные языка и культуры, были родственными народами (*ibid.*: 126). В. Гримм имеет в виду народы, которые мы сейчас называем индоевропейскими, т. е. он возводит появление шестнадцатизначного футарка ко времени распространения индоевропейцев в Европе. Такая датировка не уступает многим датировкам рунологов XVI–XVII веков, относящих появление шестнадцатизначного футарка к двухтысячному году до н. э. или к еще более раннему времени. Следует, правда, отметить, что такие датировки В. Гримма противоречат его же собственным предположениям о том, что самые старые рунические надписи на камнях в Скандинавии появились не раньше IX века, а большинство из них относятся к христианскому времени (*ibid.*: 35–36).

Хотя представление о большей древности младшего футарка мы находим у многих рунологов начала и даже середины XIX века, датировка скандинавских рунических надписей на камнях у многих из них соответствует датировке Бенцелиуса и Брокмана, ср., напр., предположение Лильегрена о том, что самые ранние надписи относятся к IX веку (Liljegren 1833) или предположение Дитериха, что рунический алфавит не старше эпохи викингов и эпохи проникновения в Скандинавию христианства (Dieterich 1844: XI). Следует отметить, что все рунологи, относившие появление футарка к эпохе викингов или к эпохе раннего скандинавского христианства, начиная с Брокмана и Бенцелиуса и кончая Лильегреном и Дитерихом, были фактически правы. Ведь они писали о времени появления шестнадцатизначного (младшего) футарка, который действительно появился

<sup>56</sup> В качестве доказательства существования такого алфавита в Азии он упоминает енисейские рунические надписи на камнях (Grimm 1821: 217), о которых писал П. С. Паллас (Pallas 1781: 237).

<sup>57</sup> Интересно, что В. Гримм совсем не упоминает уже бытовавшую в его время гипотезу о финикийском происхождении греческого алфавита. Это тем более странно, что упоминаемый им «кадмейский алфавит» был по Геродоту дан грекам сыном финикийского царя Кадмосом.

только в VIII веке. Ошибались они лишь в том, что неверно датировали появление двадцатичетырехзначного (старшего) футарка, который был распространен со II по VII век н. э., считая его более поздним, чем шестнадцатизначный футарк. Это заблуждение было преодолено только в середине XIX века датчанином Бредсдорффом, однако еще в пятидесятых годах XIX в. немецкая рунология следовала за В. Гриммом, считавшим, как и все скандинавские и английские рунологи до Бредсдорффа, что младший футарк древнее старшего футарка (см., напр., Liliencron, Müllenhoff 1852: 13–14; Weinhold 1856: 409).

Что касается гипотез об источниках футарка, то наряду с представлением о исконности футарка или о том, что у всех этих алфавитов был один, неизвестный нам источник, как считал Вильгельм Гримм, к середине XIX в. сложились три основные гипотезы об источниках футарка, ставшие популярными в XX в. (греческая, латинская и этруская или североиталийская). Причем латинская гипотеза была популярной уже в XVIII веке ((Jürgensen, Schultz) 1799)<sup>58</sup>. Действительно сходство рун с латинскими буквами, особенно в том случае, когда латинские буквы отличались от греческих (ср. особенно руны  $\text{f}$  (**f**),  $\text{r}$  (**r**),  $\text{h}$  (**h**) и латинские маюскулы F, R, H) нельзя было не заметить. Наиболее подробно латинскую гипотезу обосновал Кирхгоф, уже в середине XIX века, утверждавший, что «рунический алфавит появился в первом веке нашей эры, и был заимствован германцами у римлян» (Kirchhoff 1854: 3). Основанием для такого утверждения была форма рун  $\text{i}$  (**i**),  $\text{b}$  (**b**),  $\text{p}$  (**p**),  $\text{R}$  (**R**),  $\text{t}$  (**t**),  $\text{s}$  (**s**),  $\text{k}$  (**k**),  $\text{a}$  (**a**),  $\text{h}$  (**h**),  $\text{m}$  (**m**),  $\text{n}$  (**n**),  $\text{f}$  (**f**),  $\text{u}$  (**u**),  $\text{l}$  (**l**) и сведения о римско-германских контактах в I в. н. э. (ibid.: 4–8). По мнению Кирхгофа руны, которым он не смог найти латинских соответствий, были добавлены в футарк позднее (ibid.: 8–9). В современной рунологии латинскую гипотезу связывают прежде всего с именем Людвиг Виммера (Wimmer: 1874–1887), у которого есть много последователей и в наше время (см., напр., Seebold 1991, Quak 1996). Греческая гипотеза, которую отстаивал Бенцелиус (см. выше), развивалась Юргенсом и Шульцем, которые считали, что кроме сходства форм многих рун с греческими буквами о греческом происхождении футарка

<sup>58</sup> Юргенс и Шульц отмечают, что согласно наиболее распространенному мнению рунологов в их время руны произошли из латинского алфавита, а их отличие от него связано с особенностью материала (дерево), на который наносились рунические надписи ((Jürgens, Schulz) 1799: 17–18).

свидетельствует количество рун в шестнадцатизначном футарке, что соответствует количеству букв в предполагаемой первом греческом алфавите ((Jürgens, Schulz) 1799: 18). Они полагали, что греческий алфавит попал к германцам от кельтских друидов, которые заимствовали шестнадцатизначный греческий алфавит (*ibid.*: 19). Подробно преимущества греческой гипотезы с очень хорошим обзором литературы приводит Гисли Бринйоульфссон (Brúnjólffsson 1823), который, правда, также считает, что исконным руническим алфавитом был младший футарк (*ibid.*: 14). Греческая гипотеза, которую традиционно связывают с именами Софуса Бугге (Bugge 1891–1903) и Отто Фрисена (Friesen 1904) также имеет целый ряд последователей (Morris 1988; Antonsen 1996). Наконец, в середине XIX в. сформировалась и гипотеза о североиталийских источниках футарка. О сходстве североиталийских алфавитов и футарка говорили уже Буре и Ире (Ihre 1770: 208–209), однако наиболее последовательно североиталийскую гипотезу обосновывал Карл Вейнхольд в середине XIX века (Weinhold 1856). Он, по-видимому, не был знаком с работами Бредсдорфа об исконности старшего футарка и полагал, что первоначальный рунический алфавит состоял из 15 знаков. Большинство этих знаков он сопоставлял с этрусскими и североиталийскими буквами, не исключая однако и греческого и латинского влияния на некоторые знаки (*ibid.*: 408–410). Вейнхольд считал, что германцы заимствовали алфавит в северной Италии (*ibid.*: 407), предвосхищая популярную сейчас гипотезу Марстрандера (Marstrander 1928) и Хаммарстрёма (Hammarström 1930) о североиталийском (возможно с кельтским посредничеством) происхождении футарка<sup>59</sup>, у которой также много последователей (см., напр., Rix 1992; Пименова 2006; Кузьменко 2012). Если постепенное развитие греческой, латинской и североиталийской гипотезы можно проследить на протяжении всего периода существования рунологии, и к началу XX века все эти гипотезы уже сложились почти в окончательном виде, то представление о том, что источником футарка был непосредственно финикийский алфавит, которую отстаивает сегодня Феннеманн (см., напр., Vennemann 2009, еще раньше Bang 1998), не имеет такой долгой традиции и восходит непосредственно ко временам Ворма или Ёранссона (см. выше).

---

<sup>59</sup> О современных гипотезах о происхождении футарка и о возможности их совмещения см. Кузьменко 2012.





Йоульфссон предлагал читать  $\mathfrak{M}$  как **d**, что было верно, хотя он и считал  $\mathfrak{M}$  просто вариантом шестнадцатизначного футарка<sup>61</sup>. Соответственно как руны младшего футарка он читал  $\mathfrak{F}$  и  $\mathfrak{Y}$ . Чтение руны  $\mathfrak{Y}$  как **m** в надписи на золотом роге принимали Бредсдорфф, Мунк и Якоб Гримм (Bredsdorff 1933 (1839): 139; Munch 1848: 42; J. Grimm 1848: 58). Однако именно Бредсдорфф был первым, кто высказал предположение о том, что 24-значный футарк может быть старше, чем 16-значный: «самый короткий алфавит не обязательно должен быть самым старым, и можно себе представить, что наши предки отказались от некоторых рун» (Bredsdorff 1933 (1828): 127). Сравнивая алфавит на брактеате из Вадстены (KJ 2), найденном в 1774 году, в котором хорошо видна 21 руна, и реконструируя знак похожий на х как руны **o** ( $\mathfrak{O}$ ), он предположил, что отсутствующим в футарке на брактеате двум рунам соответствуют руны древнеанглийского рунического алфавита  $\mathfrak{M}$  (**d**) и  $\mathfrak{X}$  (**ŋ**) (Bredsdorff 1933 (1839): 137–138). Таким образом Бредсдорфф был первым, кто не только определил большую древность старшего футарка по сравнению с младшим, но и первым реконструировал 24 руны старшего футарка, еще до того как были найдены рунические надписи с полным старшим футарком, подтвердившие его реконструкцию, ср. напр., старший футарк в надписи на камне из Чюльвера, найденном в 1903 году (KJ 1), а также футарки на брактеатах, найденных в 1848 (KJ 4) и 1911, (KJ 3) годах). Бредсдорфф же предложил и новое чтение надписи на золотом роге из Галлехуса. Только в трех случаях его чтение было не вполне точным. Он, также как и многие до него, читал руны  $\mathfrak{R}$  (**R**) как /m/, в соответствии с ее значением в младшем футарке и трактовал знак, который теперь читается как **j** ( $\mathfrak{J}$ ), как **ŋ** ( $\mathfrak{O}$ )<sup>62</sup>. Руны  $\mathfrak{F}$  он читал то как **a**, то как **o** (см. **gastim**, но **horno**). Соответственно

<sup>61</sup> Гисли читает надпись на золотом роге как **ekinlevo** (или **ek hlevo**) **gortim holtisom horno tovim** и переводит ее на латынь как *Eginleifus* (или *ego Hleifus*) *fecimus* (или *feci*) *tumulum his duobus cornibus* ‘Эгинлейвус (или я Хлейвус) сделал(и) холм (курган) с этими двумя рогами’ (Brúnjólffsson 1823: 114). При этом он верно читает первое слово надписи ‘я’ и фактически верно трактует слово **horno**, правда, читая  $\mathfrak{F}$  как руны младшего футарка **o**. Интересно, что он верно угадал, что в надписи должно было быть слово со значением ‘делать’, однако он переводит как ‘делать’ не последнее слово надписи, которое теперь читается как **tawido** и действительно переводится как ‘сделал’, а слово, которое он читает как **gortim** (современное чтение **gastiR** ‘гость’), сопоставляя его с исландским *göra/giöra* (ibid.: 111).

<sup>62</sup> Такая трактовка долгое время считалась правильной, ср. чтение надписи на золотом роге Виммером (Wimmer 1867: 51).

Бредсдорфф предлагал такую транслитерацию надписи на золотом роге **ek hleva gastim holtingom horno tavidō** (Bredsdorff 1933 (1839): 139). Формы **gastim** и **holtingom** Бредсдорфф трактовал как формы дательного падежа множественного числа, предлагая такой перевод надписи «я Хлева сделал рога<sup>63</sup> (моим) гостям Хольтингам (т. е. из Хольта или из рода Хольта)». После небольшой коррекции Мунка, предложившего в отличие от Бредсдорффа руну ᚱ везде читать как **a** (Munch 1848 (1847): 42), и Якоба Гримма, интерпретировавшего **hlewagastim** как одно слово (J. Grimm 1848: 57–58)<sup>64</sup>, Софусу Бугге (Bugge 1865) и Людвигу Виммеру (Wimmer 1867) оставалось совсем немного, чтобы предложить фактически окончательное чтение и толкование надписи **ek hlewagastiR holtiŋaR horna tawido** ‘я Хлевагастир из рода Хольта сделал рог’ (см., напр., Wimmer 1867: 50)<sup>65</sup>. Новые находки старших рунических надписей во второй половине XIX века позволили датчанину Людвигу Виммеру окончательно установить, что двадцатичетырехзначный футарк старше шестнадцатизначного футарка (Wimmer 1887 (1874): 74). С установлением большей древности старшего футарка по сравнению с младшим и с определением количества и значения рун в старшем футарке начинается новая эпоха в рунологии.

### Литература

- Antonsen 1996 – Antonsen E. Runes and Romans on the Rhine // *Amsterdamer Beiträge zur Älteren Germanistik*. 1996. Bd. 45. P. 5–13.  
 Antonsen 2002 – Antonsen E. Runes and Germanic Linguistics. Berlin, New York, 2002 (= Trends in Linguistics. Studies and Monogr. 140).

<sup>63</sup> В Галлахусе были найдены два золотых рога с похожими изображениями, но только на одном из них была руническая надпись. Форма **horna** может быть формой и единственного и множественного числа.

<sup>64</sup> Якоб Гримм читая **hlevagastim** как сложное слово, состоящее из элементов *hleo(w)*- ‘защита’ и *gast*- ‘гость’ полагал, что значение этого слова было ‘дружественный, находящийся под защитой гость’. Кроме этого новшества он предлагал переводить **tavidō** не как ‘сделал’, а как ‘дал’, ср. его латинский перевод надписи на золотом роге *Holtsatis intimis hospitibus pocula dedi* ‘Гольштинцам близким гостям чаши дал’ (J. Grimm 1848: 58).

<sup>65</sup> Современная трактовка девятнадцатой руны надписи не как ᚱ, а как **j**, не влияет на понимание надписи, поскольку суффикс *-ing* мог иметь то же значение, что и суффикс *-ij*. Восходящее к Бугге чтение последней руны в словах **hlewagastiz** и **holtiŋaz** как /z/ (**ek hlewagastiz holtiŋaz horna tawido**) связано с предположением о западногерманском происхождении надписи (Antonsen 2002).

- Arntz 2007 – Arntz H. Handbuch der Runenkunde (Reprint der 2. Auflage von 1944).
- Bang 1998 – Bang J. Chr. Runernes herkomst og medbyrd // Selskab for Nordisk Filologi København. Årsberetning 1996–1997. København, 1998. S. 146–162.
- Benzelius 1762 – Benzelius E. Utkast till Swenska folkets historia, ifrån dess första uprinnelse, till och med konung Gustav den Förstes tid. Utg. af Carl Jesper Benzelius. Lund, 1762.
- Bjoerner 1726 – Bjoerner E. J. Prodromus tractatum de Geographia Scandinaviae veteri, et Historiis Gothicis: exhibens succinctum iudicium de Scythiae, Svathiae et Gothiae etymo, ut et Runarum incippis Helsingicis ac Medelpadicis inventarum aerate... Stockholmia, 1726.
- Bredsdorff 1933 (1822) – Bredsdorff J. H. Om Runeskiftens Oprindelse // Bredsdorff J. H. Udvalgte Afhandlinger inden for Sprogvidenskab og Runologi. København. 1933 (1822). S. 101–119.
- Bredsdorff 1933 (1839) – Bredsdorff J. H. Über die Inschrift auf dem letzt gefundenen Horne // Bredsdorff J. H. Udvalgte Afhandlinger... 1933 (1839). S. 136–140.
- Bredsdorff 1933 (1840) – Bredsdorff J. H. Om guldhornrunernes Oprindelse // Bredsdorff J. H. Udvalgte Afhandlinger... 1933 (1840). S. 142–157.
- Broocman 1762 – Broocman N. R. Sagan on Ingwar Widfarne och hans son Swen, från gamla isländskan öfversatt och undersökning om våre runstenars ålder... Stockholm, 1762.
- Brýnjólfsson 1823 – (Brýnjólfsson Gísli.) Periculum runologicum. Dissertatio inagularis, quam pro summis in philosophia honoribus rite imperrandis publicae disquisitioni subicit Gislus Brynjulfi... Hafniae, 1823.
- Bugge 1865 – Bugge S. Guldhorn-Indskriften // Tidskrift for Philologi og Pædagogik. 1865. Bd. 6. S. 317–318.
- Bugge 1891–1903 – Bugge S. Norges indskrifter med de ældre runer ved Sophus Bugge Bd 1. Christiania, 1891–1903.
- Bureus 1599 – Bureus J. Runakänslanäs lärspån. Stockholm, 1599.
- Bureus 1611 – Bureus J. Runa ABC-boken. Stockholm, 1611.
- Bureus 1624a – Bureus J. Monumenta Sveo-Gothica Hactenus Exscepta... Holmiae, 1624.
- Bureus 1624b – Bureus J. Monumenta helsingica à Throne in Angedal, ante aliquot cent. Annorum posita. Stockholmia, 1624.
- Bureus 1644 – Bureus J. Runa redux: den danske k. Waldemars prophetia... Stockholm, 1644.
- Bång 1675 – Bång P. E. Piscorum Sveo-Gothorum ecclesia seu historia ecclesiastica de priscis Sveo-Gothoia... Åbo, 1675.
- Bæksted 1943 – Bæksted A. Runerne, deres Historie og Brug. København, 1943.
- M. Celsius 1698 – Celsius M. De runis Helsingicis, ad varum illustrium D. Antonium Magliabechium... Romae, 1698.
- M. Celsius 1707 – Celsius M. Magni Celsii P. P. de Runis Helsingicis oratio habita, cum rectoratam academicum deponeret anno MCLXXV die XXIX mensis juni. Upsalae, 1707.

- M. Celsius 1982 – Celsius M. Tal om runorna i Hälsingland hållet när han nedlade det akademiska rektoratet år 1675, den 29. Juni. Översättning och noter av Einar Håleman. Ljusdal, 1982.
- M. Celsius 1710 – Celsius M. sunaita runr Oreades helsingicae quae reviviscunt, et post longam noctem in lucem prodeunt curante Magno Celsio Math. professore... Opus posthumum O. Celsii... Upsalae, 1710.
- O. Celsius 1724 – (Celsius O.) Upsalia // Acta literara Sueciae edita Upsaliae. Trimestre Tertium. Anni 1724. P. 577–578.
- O. Celsius 1726–1733 – Celsius O. De runis sveo-gothicasuis temporibus reddita. Upsalae, 1726–1733.
- Chambers 1807 – Chambers G. Caledonia: or, an account historical and topographic of North Britain from the most ancient to the present time with a dictionary of places, chorographical and philological. V. I. London, 1807.
- Dalin 1756 (1747) – Dalin O. Olof Dalins Geschichte der Reichen Schweden. Greifswald, 1756. Перевод шведского издания 1747 года (Olof Dalin Svea Rikes Historia I, Stockholm, 1747).
- Delorez 1954 – Delorez L. M. Runica Manuscripta. The English Tradition. Brugge, Gent, 1954.
- Delorez 1991 – Delorez L. M. Runica Manuscripta Revisited // Old English Runes and their Continental Background. (Anglistische Forschungen, Heft 217). Ed. A. Bammesberger. Heidelberg, 1991. P. 85–106.
- Dieterich 1844 – Dieterich U. W. Das Runen-Wörterbuch. Abstammung und Begriffsbildung der ältesten Sprachdenkmäler Skandinaviens. Stockholm, 1844.
- Düwel 2001 – Düwel K. Runenkunde. 3. Aufl. Stuttgart, Weimar, 2001.
- Düwel 2008a – Düwel K. Runenkunde. 4. Aufl. Stuttgart, Weimar, 2008.
- Düwel 2008b – Düwel K. Einleitung // Grimm W. Ueber deutsche Runen und zur Literatur der Runen mit einer Einleitung von Klaus Düwel, und einem Glossar von Giulio Garuti Simone, Bibliographien von Klaus Düwel und Giulio Garuti Simone... Hildesheim; Zürich; New York, 2008. S. 7–68.
- Friesen 1904 – Friesen O. Om runskriftens härkomst // Språkvetenskapliga sällskapet i Uppsala förhandlingar. Bd. 2. S. 1–55.
- Graur 1737 – Graur B. Gründliche und ausführliche Erkläerung derer heydnischen und in specie runischen Götzen-Bilder, Thieren, Figuren und Gotho-runischen Charakteren, welche auf dem im Jahr 1734, den 21 April bey Gallehus gefundenen gülden sogenannten Heiligthums- oder Götzen-Dienstes-Horn sich repräsentieren. Tondern, 1737.
- W. Grimm 1821 – Grimm W. Ueber deutsche Runen. Göttingen, 1921. Второе издание в 2008 г. см. Düwel 2008b.
- J. Grimm 1848 – Grimm J. Herr Jacob Grimm fügt vorstehendem Aufsatz (см. Munch 1848) folgende Bemerkungen hinzu... // Bericht über die zur Bekanntmachung geeigneten Verhandlungen der Königl. Preuss. Akademie der Wissenschaften zu Berlin aus dem Jahre 1848. S. 57–58.
- Gustavson 2003 – Gustavson H. Gamla och nya runor. Stockholm, 2003.
- Göransson 1747 – Göransson J. Is Atlinga; Det är: De forna Göters, här uti Svea Rike, Bokstävfer ok Salighets Lära, Tvåtusend Tvöhundrad år före Christum, utspidde i all Land; gefunden af Johan Göransson. Stockholm, 1747.

- Göransson 1750 – Göransson J. Bautil, det är: alle Svea ok Götha rikens runstenar, upreste ifrån verldenes år 2000 til Christi år 1000... Stockholm, 1750 (в интернете доступно оцифрованное издание на сайте Умеоского университета [rara.umu.se](http://rara.umu.se))
- Hadorph 1680 – Hadorph J. Färentuna Häradz Runestentar. Stockholm, 1680.
- Hammarström 1930 – Hammarström M. Om runinskriftens härkomst // Studier i nordisk filologi. Bd 20. S. 1–67.
- Håkansson 2012 – Håkansson H. Alchemy of the ancient Goths: Johannes Bureus search for the list wisdom in Scandinavia // Early Science and Medicine. Vol. 17. P. 500–522.
- Ihre 1769– Ihre J. Johannes Ihre (D. D. Dissertatio gradualis) de runarum in Svecia antiquitate... Upsaliae, 1769 // Östlund 2000. P. 83–137.
- Ihre 1770 – Ihre J. Johannes Ihre (D. D. Dissertatio) De runarum patria et origine... Upsaliae, 1770 // Östlund 2000. P. 189–245.
- Ihre 1771 – Ihre J. D. D. Dissertatio de runarum in Svecia occasu, etc... Upsaliae, 1771 // Östlund 2000. P. 296–323.
- Jansson 1983 – Jansson S. B. F. Stavlösa runornas tydning. Stockholm, 1983.
- Jensen 1969 – Jensen J. J. The problem of the runes in the light of some other alphabets // Norsk tidsskrift for sprogvidenskap. Bd 23, 1969. P. 128–146.
- Jóms. – Jómsvikingasaga, Ólafur Halldórsson bjó til prentunar. Reykjavík, 1969.
- (Jürgensen, Schultz) 1799 – (Jürgensen J. C., Schultz J. M.) Beschreibung und Erläuterung zweier in der Nähe von Schleswig angefundenen Runensteine. Ein Versuch, als Beytrag zur Vaterländischen Altertumskunde, von zwei Freunden. Friederichstadt, 1799. Работа была издана анонимно «двумя друзьями».
- Karlsson 2007 – Karlsson Th. Adulruna und die gotische Kabbala. Roter Drache, 2007.
- Krause, Jankuhn 1966 – Krause W., Jankuhn H. Die Runeninschriften im älteren Futhark. Göttingen: Krause W., Jankuhn H., 1966.
- Krömmelbein 1998 – Krömmelbein Th. Dritte Grammatische Abhandlung. Der isländische Text nach den Handschriften AM 748 I, 4 und Codex Wormianus herausgegeben von Björn Magnus Ólsen, übersetzt, kommentiert und herausgegeben von Thomas Krömmelbein. Oslo, 1998 (Studia nordica 3).
- Levander 1910 – Levander L. Nya runinskrifter från Älfdalen // Fornvännen 1910. S. 165–169.
- Liliencron, Müllenhoff 1852 – Liliencron R. V., Müllenhoff K. Zur Runenlehre. Zwei Abhandlungen von R. V. Liliencron und K. Müllenhoff. Halle, 1852.
- Liljegren 1833 – Liljegren J. G. Run-Urkunder utgifne af Joh. G. Liljegren. Aftryck för run-forskningens vänner. Stockholm, 1833.
- Lindberg 1591 – Lindberg P. Commentarii rerum memorabilium in Europa ab anno octuagesimo sexton usque ad praesentem nonagesimum primum gestarum... Hamburgi, 1591.
- Lindberg 1594 – Lindberg P. Hypotyposis arcium, palatiorum, bibrorum... ab Henrico Ranzovio conditorum. Francofurti, 1594.

- Lindroth 1910 – Lindroth Hj. Ett par bidrag till 1600-talets svenska lärdomshistoria // Samlaren. Bd .31. S. 15–28.
- Lindroth 1920 – Lindroth Hj. Den svenska runforskningens äldsta historia // Nordisk tidskrift för vetenskap konst och industri. 1920. Tredje häftet. S. 168–182.
- Magnus Olafsson 1650 – Magnus Olafsson. Specimen Lexici Runic, collectum a Magno Olavio, nunc in ordinem redactum, auctum et locopletatum ab Olao Wormio. Hafniae, 1650.
- J. Magnus 1554 – Magnus J. Historia de omnibus Gothorum Sveonomque regibus... Romae, 1554.
- O. Magnus 2006 (1555) – Magnus O. Die Wunder des Nordens erschlossen von Elena Balzamo und Reinhard Kaiser. Frankfurt am Mein, 2006. Репринт немецкого перевода 1567 г. римского издания 1555 г. – Magnus O. Historia de gentibus septentrionalibus. Romae, 1555.
- Magnuson 1836–1837 – Magnuson Finn, Om obelisker i Ruthwell og om de angelsaxiske runer // Annaler for nordisk oldkyndighed 1836–1837. S. 243–340.
- Marstrander 1928 – Marstrander C. J. S. Om runene og runenavnens oprindelse // Norsk tidsskrift for sprogvidenskap. Bd 1. S. 5–179.
- Morris 1988 – Morris R. L. Runic and Mediterranean Epigraphy. Odense, 1988 (= NOWELE, Suppl. V. 4.)
- Much 1967 – Much R. Die Germania des Tacitus erläutert von Rudolf Much. 3. Betrachtlich erweiterte Auflage unter Mitarbeit von H. Jankuhn herausgegeben von W. Lange. Heidelberg, 1967.
- Munch 1848 – Munch P. A. Herr J. Grimm übergab einen Aufsatz des Herrn Munch zu Christiania... // Bericht über die zur Bekanntmachung geeigneten Verhandlungen der Königl. Preuss. Akademie der Wissenschaften zu Berlin aus dem Jahre 1848. S. 39–56 (немецкий перевод Я. Гримма работы П. Мунка Om indskriften paa det i Sønder-Jylland 1734 fundne Guldhorn. Christiania, 1847) .
- Norcopencis 1685 – Norcopencis A. Dissertatio historico-philologica de polygraphia. Holmiae, 1685.
- Olai 1993–1995 (1475) – Olai E. Ericus Olai Chronicaregni Gothorum. Hafniae, 1475. Utg. av E. Heuman och J. Öberg. Stockholm, 1993–1995 (= Studia latina Stockholmiensia 35).
- Odelman 1990 – Odelman E. Nils Ragnvaldssons tal vid kyrkomötet i Basel // Röster från svensk medeltid. Utg. H. Aili, O. Ferm, H. Gustavsson. 1990. S. 286–298.
- Ólafsson 1732 – Johannis Olavii Runo-logia, þad er Joons Olafs Sonar Rwna Reidsla...i Kørþmanna-Hofn A.D. 1732 (рукопись AM 413 fol), исправленная и дополненная автором в 1752 г. Частично издана Л. Л. Кораблевым в интернете (<http://alfatruin.msk.ru/2008/01/11/runareidsla>) и в книге Корблёв 2005.
- Pallas 1781 – Pallas P. S. Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie. Sankt-Petersburg; Leipzig, 1781. Bd. 1.
- Petri 1914–1917 – Petri O. Samlade skrifter. Stockholm, 1914–1917.
- Peringskiöld 1699 – Peringskiöld J. Vita Theodeorici regis Ostrogothorum et Italiae, autore Joh. Cochlaeo. Cum additamentis et annotationibus etc. opera Joh. Peringskiöld. Stockholmiae, 1699.

- Peringskiöld 1710 – Peringskiöld J. *Then första boken af Svea och Göta Minnings-Merken uthi Uplandz första del Thiudaland, fordom med gamla runor...* Stockholm, 1710.
- Peringskiöld 1719 – Peringskiöld J. *Monumenta Ullerakerensia cum Upsalia Nova illvstrata, eller: Vlleråkers Häradz Minnings-merken med Nya Upsala...* Stockholm, 1719.
- Pontoppidan 1739–1741 – Pontoppidan E. *Marmora Danica selectiora sive inscriptionum qvotqvot fatorum injuriis per Daniam supersunt... colligente et adorante Erico Pontoppidano Aarhusio-Cimbrio. Tom. 1–2. Hafniae.*
- Quak 1996 – Quak A. *Noch einmal die Lateinthese // Amsterdamer Beiträge zur Älteren Germanistik. 1996. Bd. 45. S. 171–179.*
- Rudbekk 1679 – Rudbekk O. *Ol(o)f Rudbeks Atland eller Manheim dedan Japhetz afkomne slechter ut till hela werlden utgångne äro. Olavi Rudbeckii Atlandica sive Manheim... Upsalæ (s.a.).* Первая часть была опубликована вместе с латинским переводом в 1679 году.
- Runolphus 1651 – Runolphus Jonas Islandus (Runólfr Jónsson). *Linguae Septentrionalis Elementa Tribusassertonibus Adstructa... Hafniae, 1651.*
- Rålamb 1690 – Rålamb Å. *En liten hand-book utaf adelig öfning, at bruka uti många tilfällen...* Stockholm, 1690.
- Rix 1992 – Rix H. *Thesen zum Ursprung der Runenschrift // Etrusker nördlich von Etrurien. Hg. von L. Aigner-Foresti.. Wien, 1992. S. 411–441 (= Österreichische Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Sitzungsberichte. Bd. 589).*
- Seebold 1991 – Seebold E. *Die Herkunft der Runenschrift // Festschrift til Ottar Grønvik på 75-årsdagen den 21. oktober 1991. Utg. Av J. O. Askedal, H. Bjorvand og E. F. Halvorsen. Oslo, 1991. S. 12–32.*
- Stille 2006 – Stille P. *Johan Bure och hans Runaräfst // Runes and their secrets. Museum Tusculanum. S. 347–354.*
- Svärdström 1936 – Svärdström E. *Johannes Bureus arbeten om svenska runinskrifter. Stockholm, 1936.*
- Stephens 1866 – Stephens G. *The Old-Northern Runic Monuments of Scandinavia and England Now First Collected and Deciphered... London and Copenhagen, 1866. Bd. I.*
- Vennemann 2009 – Vennemann Th. *Zur Reihung der Runen im älteren Fupark // Analeca Septentrionalia. Ergänzungsband zum Reallexikon für germanische Altertumskunde. Bd. 65. Berlin; New York, 2009. S. 832–861.*
- Verelius 1730 (1652) – Verelius O. *Olai Vereli Epitomarum historiae Svio-Gothico libri quttuor et Gothorum extra patrium gestarum libri duo. Upsalæ, 1730 (1652).*
- Verelius 1675 – Verelius O. *Olai Vereli Manuductio compendiosa ad runographiam Scandicam antiquam, recte intelligendam. Upsalæ, 1675.*
- Weinhold 1856 – Weinhold K. *Altnordisches Leben. Berlin, 1856.*
- Wimmer 1867 – Wimmer L. *De ældste nordiske runeindskrifter // Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie. 1867. S. 1–64.*
- Wimmer 1887 – Wimmer L. *Die Runenschrift. Berlin, 1887.*
- Wollin 1992 – Wollin L. *Drömmen om Runverket. Johannes Bureus och den äldsta runologin // Blandade runstudier 1. Uppsala, 1992. S. 173–201 (Runrön 6).*

- Wormius 1651 (1634) – Wormius O.  $\mathfrak{R}\mathfrak{N}\mathfrak{t}\mathfrak{k}\mathfrak{h}$  seu Danica Literatura antiquissima, vulgo Gothico dicta. Hafniæ, 1651 (первое изд. 1634).
- Wormius 1626 – Wormius O. Fasti Danici. Hafniæ, 1626.
- Wormius 1642 – Wormius O. Regum Daniæ series duplex et limitcs inter Daniam et Sveciam. Hafniæ, 1642.
- Wormius 1643 – Wormius O. Danicorum Monumentorum libri sex. Hafniæ.
- Wormius 1650 – Wormius O. Specimen lexicæ runicæ. Hafniæ, 1650.
- Wormius 1651 – Wormius O. Additamenta ad Monumenta Danica. Hafniæ.
- Þórðarson 1852 – Ólafur Þórðarson. Málfræðinnar grundvöllr / ed. Sigurðson Jón // Edda Snorra Sturlusonar. Edda Snorronis Storlei. Hafniae, 1852.
- Östlund 2000 – Östlund K. Johan Ihre on the origins and history of the runes. Three Latin dissertations from the mid 18th century edited with translation and commentary. Uppsala, 2000.
- Кораблёв 2005 – Кораблёв Л. Л. Рунология Йоуна Оулофссона из Грюннавика. Исландские трактаты XVII века. М., 2005.
- Кузьменко 1985 – Кузьменко Ю. К. Появление письменности в средневековой Европе // История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л., 1985. С. 77–97.
- Кузьменко 2011 – Кузьменко Ю. К. К вопросу об авторе Первого исландского грамматического трактата // *Laurea Loraе*. Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой. СПб., 2011. С. 117–136.
- Кузьменко 2012 – Кузьменко Ю. К. К вопросу об источниках германского футарка // *Индоевропейское языкознание и классическая филология XVI*. СПб., 2012. С. 387–405
- Пименова 2009 – Пименова Н. Б. Несколько гипотез о происхождении порядка знаков древнегерманского рунического алфавита и древнеирландского огамического письма // *Proceedings of the Second International Colloquium of Societas Celto-Slavica*. Moscow 14–17 September 2006. Eds. T. Mikhailova et al. Moscow. P. 110–127.
- Степанов, Проскурин 1993 – Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. Москва, 1993.

### **Yu. Kuzmenko. The development of runology from the very beginning until the middle of the 19<sup>th</sup> century**

The development of the hypotheses about the sources and the time of the origin of the runic alphabet (futhark) as well as the history of the description of the futhark in general and of the runic inscriptions from the Middle Ages until the middle of the 19<sup>th</sup> century are discussed. It is emphasized, that all modern hypotheses about the origin of the futhark have been coined already by the pioneers of runology.

*Keywords:* History of linguistics, history of runology, younger futhark, elder futhark.



К. Н. Лемешев

## НАИМЕНОВАНИЯ ФИГУР ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РИТОРИКЕ М. В. ЛОМОНОСОВА<sup>1</sup>

Наименования фигур предложения в Риторике М. В. Ломоносова представлены исключительно русскими лексемами, однако в большинстве случаев они являются точными соответствиями исходным греческим и латинским терминам, представляют собой кальки или лексические эквиваленты последних и встречаются в доломоносовских (церковнославянских) переводах европейских риторических трактатов. Тем не менее, некоторые наименования отклоняются от этого традиционного принципа номинации. В статье рассматриваются возможные причины данного явления.

*Ключевые слова:* Ломоносов, русский литературный язык 18-го века, историческая терминология, риторика, фигуры предложений.

Системной особенностью «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова<sup>2</sup> в области номинации риторических фигур является использование исключительно русских наименований. Это отличает Риторику 1748 от предшествующих восточнославянских риторик, в которых наряду со славянскими лексемами для обозначения фигур употреблялись оригинальные иноязычные, греческие или латинские, термины – или в транслитерированной форме, или в написании оригинального текста, с которого был сделан перевод. Причем зачастую иноязычные лексемы выступали в качестве основных, первых наименований, а славянская лексема – в качестве глоссы исходного термина.

---

<sup>1</sup> Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Исследование риторических трудов М. В. Ломоносова» (грант РГНФ № 12-04-00109, руководитель – проф. П. Е. Бухаркин).

<sup>2</sup> Для обозначения двух риторических трактатов М. В. Ломоносова – «Краткого руководства к риторике» (1744) и «Краткого руководства к красноречию» (1748) мы используем следующие сокращения: Риторика 1744, первая Риторика и P1 – для «Краткого руководства к риторике»; Риторика 1748, вторая Риторика и P2 – для «Краткого руководства к красноречию». Рукопись «Краткого руководства к красноречию», датированная 1747 г. и содержащая варианты, не вошедшие в окончательный текст, обозначается как Рук 1747. Кроме того, для обобщенного указания на эти тексты мы пользуемся названием Риторика (с заглавной буквы и без указания года). Тексты приводятся по публикации 1952 в академическом Полном собрании сочинений с указанием номера тома, см. (Ломоносов 1952 VII).

Напротив, в Риторике Ломоносова употребляются только русские номинации, и даже в тех случаях, когда для обозначения фигуры используются два наименования, оба эти наименования представлены русскими лексемами.

Описание этих номинаций и выявление причин, обусловивших унификацию русских наименований, является важной и актуальной задачей, которая, насколько можно судить, еще не получила окончательного решения. Несколько наименований представляют здесь особый интерес.

В «Кратком руководстве к красноречию» 1748 г. Ломоносов различает и отдельно описывает тропы и фигуры, а среди фигур выделяет две группы – фигуры речений (то есть, фигуры слов – в соответствии с современной терминологией) и фигуры предложений. Эти группы представлены и в «Кратком руководстве к риторике» 1744 г., (названы они там по-другому: первая группа не имеет самостоятельного названия, а фигуры второй группы называются *фигурами слова*). Это разделение восходит к античной риторике и сохраняется до сегодняшнего дня. Самой многочисленной является группа фигур предложений (*figurae sententiarum*). В первой Риторике их 14, во второй Риторике – 26. Все фигуры, представленные в P1, описаны и в P2, таким образом, в обеих Риториках 14 общих фигур. В 8 случаях их наименования (или одно из наименований – в случае двойной номинации) совпадают: *определение, вопрошение, указание, сообщение, уступление, вольность, заятие, восклицание*. В 6 – наименование фигуры в P1 не совпадает с наименованием P2, и особый интерес представляют следующие случаи (в приведенных парах первым указывается наименование Риторике 1744): *прекращение* → *умолчание, перерыв; разговор* → *заимословие; удержание, одержание* → *умедление; оставление* → *прохождение*. В этих изменениях проявляется связь между номинацией и дефинитивной частью описания фигуры и целью настоящей статьи является выявление и описание характера и особенностей этой связи.

Номинации Ломоносова сопоставляются с наименованиями, представленными в предшествующих церковнославянских риториках. Это Риторика 1620 г., изученная и опубликованная В. И. Аннушкиным (Аннушкин 2006), сочинение Софрония Лихуда «О риторической силе» в церковнославянском переводе Козьмы Афоноверского (1698 г.) и церковнославянский перевод риторики Иоанникия Лихуда (1716), риторика Михаила Усачева (1699 г.), риторика Козьмы Афоноверского (1710 г.) и

«Рука риторическая» Стефана Яворского в переводе на «словенский» Федора Поликарпова (1705 г.) (Аннушкин 2003: 84–171). Цитаты и наименования из этих текстов приводятся по спискам и изданиям, указанным в конце статьи в разделе «Источники».

Прямых свидетельств того, что Ломоносов пользовался ими во время работы над своими трактатами нет. Не исключено, что о некоторых из этих текстов он ничего не знал. Однако их данные необходимо учитывать при изучении риторической терминологии независимо от того, являлись они источниками Ломоносова или нет. Дело в том, что все эти церковнославянские тексты являются переводными. И номинации, представленные в них, могут являться не индивидуальным переводческим решением *ad hoc*, но отражать определенный переводческий узуз, который мог иметь относительную устойчивость и поддерживаться – в том числе в учебном процессе. За неимением достаточных данных мы не можем представить себе детали этого процесса, однако отсутствие в России 17 века системы образования в современном понимании этого термина не означало отсутствие учебной практики и традиций, соответствующих задачам эпохи. И словоупотребление этих переводных текстов могло фиксировать неизвестные нам, но известные переводчикам и книжникам того времени лексические конвенции, которые могли сохранять свою актуальность – независимо от текстов, в которых они реализовывались – вплоть до середины 18 века. При таком подходе материал церковнославянских риторик выполняет функцию своего рода словаря, иноязычная часть которого представлена текстом латинского или греческого оригинала, если он известен. В дальнейшем для обобщенного указания на эту группу текстов мы будем пользоваться наименованием «церковнославянские риторики» или сокращенным обозначением РитРЦ<sup>3</sup>.

Номинации и текст Ломоносова сопоставляется также с текстом нескольких западноевропейских риторик, указанных еще А. С. Будиловичем и М. И. Сухомлиновым в качестве наиболее вероятных источников Риторике. Это латинские трактаты Франсуа-Антуана Помея, Николя Коссена и немецкая риторика Иоганна-Кристофа Готшеда. Мы дополняем этот список греческой риторикой Софрония Лихуда (ее церковнославянский перевод входит в группу РитРЦ). Необходимость

---

<sup>3</sup> Цитаты и наименования из церковнославянских текстов приводятся в упрощенной орфографии.

привлечения данного текста определяется той большой ролью, которую играли братья Лихуды в культурном строительстве конца 17 – первой половины 18 века.

Имя Ломоносова с именами греческих учителей связывает прежде всего Славяно-греко-латинская академия – первое высшее учебное заведение России, основанное в Москве в 1685 г. уроженцами Кефалинии (Фонкич 1988: 61). И хотя ко времени зачисления в академию Ломоносова эпоха Лихудов уже закончилась, заложенные ими традиции могли сохраняться. Основания для такого суждения дают источники. Появившиеся в последние десятилетия исследования, посвященные начальному периоду истории Славяно-греко-латинской академии и деятельности братьев Лихудов<sup>4</sup>, убедительно показывают, что Иоанникий и Софроний были не просто книжниками и богословами, высокообразованными представителями православной греческой культуры, но еще и «опытными педагогами, докторами Падуанского университета, «учителями высоких наук» (Фонкич 2001: 29), знающими систему европейского высшего образования и принципы устройства высших школ. Эти знания были использованы ими для организации Славяно-греко-латинской академии, они «ввели в России западноевропейскую систему высшего образования в том виде, как ее восприняла греческая православная традиция» (Рамазанова 2003: 200). Их педагогические способности проявлялись не только в сфере организации учебного дела, но и в практике преподавания, в том, как они излагали отдельные трудные вопросы академических курсов в своих учебниках, см., например, тонкие наблюдения А. Ф. Михайловой и Д. А. Яламаса над особенностями описания количества гласных в «Поэтике» Лихудов (Михайлова 1997: 77–78; Яламас 2001: 188), а также над стихотворными примерами, образующими две группы с четким и дидактически обоснованным соотношением: отдельные строки из античных авторов с указанием размера – как образец, и стихи самих ученых братьев (полные тексты на религиозные и исторические темы без указания размера) – как реализация античного образца (Михайлова 1997: 78–79). Все это говорит о европейских традициях и высоком уровне

---

<sup>4</sup> Прежде всего здесь надо назвать работы Б. Л. Фонкича, Д. А. Яламаса, И. А. Вознесенской, И. Л. Григорьевой, А. Ф. Михайловой, Д. Н. Рамазановой и Н. В. Салоникова (Фонкич 1988, 2000, 2001, 2009; Яламас 1992, 2001; Вознесенская 2004, 2007; Григорьева 2012; Григорьева, Салоников 2001; Михайлова 1997; Рамазанова 2003, 2007, 2008, 2014; Салоников 2010).

образования в первой российской высшей школе. Созданное братьями Лихудами продолжало существовать за пределами деревянных келий Богоявленской школы и каменных стен Заиконоспасского монастыря – в «духовном измерении» русской культуры. Свидетельство тому – рукописи сочинений основателей Славяно-греко-латинской академии, которые продолжали переписывать, а значит, внимательно читать. Все это в полной мере относится и к «Риторике» Софрония, предназначенной для преподавания в высших классах Академии (Яламас 2001: 195)<sup>5</sup>. Таким образом, указанные выше латинские и немецкий трактаты, а также риторика Софрония Лихуда образуют круг текстов, с которыми Ломоносов мог ознакомиться еще будучи студентом (сначала Славяно-греко-латинской академии, а затем Марбургского университета) и которые могли отразиться в его Риторике. В дальнейшем для обобщенного указания на эту группу текстов мы будем пользоваться наименованием «риторики-источники».

Кроме того, по мере необходимости мы привлекаем также материал двух текстов, которые можно назвать базовыми для европейской риторической традиции – анонимную «Риторику к Гереннию», и «Наставления оратору» Марка Фабия Квинтилиана.

Еще одна группа источников, которые мы используем для сопоставлений терминов, объединяет иноязычно-русские словари. Это, во-первых, Лексикон Федора Поликарпова (ЛП), который, хотя и отстоит на несколько десятилетий от времени написания Риторике Ломоносова, тем не менее, важен своей греческой частью. Во-вторых, связанные с академической лексикографической традицией Вейсманнов Лексикон (ВЛ) и Лексикон Христофора Целлария (ЛЦ), отражающие актуальный для Ломоносова, сотрудника Петербургской Академии и коллеги составителей данных словарей, переводческий узус<sup>6</sup>. В дальнейшем для обобщенного указания на эту группу иноязычно-русских словарей мы будем пользоваться сокращенным обозначением ИнСл.

---

<sup>5</sup> Греческий текст риторики Софрония мы приводим по списку собрания Санкт-Петербургской Духовной академии РНБ Б. II. 10 с указанием номера листа по старой чернильной пагинации.

<sup>6</sup> Особо отметим, что мы привлекаем не только точные лексические соответствия, но и однокоренные слова, то есть те случаи, когда искомое соответствие возникает между корневыми морфемами при различии аффиксальных. То же относится и к соответствиям в церковнославянских текстах.

Прежде чем перейти к анализу материала сделаем еще одно замечание по поводу терминологии, которую мы используем в нашей работе. Поскольку названия риторических фигур имели варианты еще в античности, а церковнославянские переводы и Риторика Ломоносова увеличили количество этих вариантов уже в ином языковом материале, при описании текстов Ломоносова возникает опасность смешения наименований – наименования фигуры в конкретном источнике и наименования фигуры вообще. Во избежание этого смешения для обозначения риторических фигур в нашей работе при цитировании мы воспроизводим написание оригинала – русского, латинского или греческого, но когда речь идет о фигуре вообще, безотносительно к конкретным источникам, используем их латинские или греческие транслитерированные названия<sup>7</sup>. В качестве исходных берутся варианты греческих и латинских терминов, которые, с одной стороны, являются наиболее распространенными, а с другой – соотносятся с наименованиями в Риторике Ломоносова. Если необходимо употребить греческое название фигуры, мы передаем его латиницей, как это имеет место и во многих латинских риторических трактатах, но в точных цитатах сохраняем греческий текст оригинала. Таким образом, в нашей статье речь идет о фигурах апосиопеза, сермоциация, сустентация и претерия, которым в Риторике Ломоносова соответствует 10 наименований: апосиопеза – *прекращение, скрывание, умолчание и перерыв*; сермоциация – *разговор и заимословие*; сустентация – *удержание и умедление*; претерия – *оставление и прохождение*.

### Апосиопеза

Апосиопезой называется эмфатический обрыв высказывания или неявно выраженная мысль, которая остается не высказанной до конца, ср.: Москвин 2007: 782; Хазагеров 2009: 168. Для обозначения данной фигуры Ломоносов использует лексемы *прекращение* (в P1), *умолчание* и *перерыв* (в P2, в составе парной номинации *умолчание или перерыв*). Необходимо также учитывать зачеркнутый вариант Рук 1747 *прекращение и скрывание*. Из этих наименований только *умолчание* засвидетельствовано в РитРЦ: точное соответствие находим в риториках Софрония

---

<sup>7</sup> Примеры употребления таких транслитерированных наименований можно найти и в современных справочниках по риторической терминологии, см. например: Москвин 2007, Хазагеров 2009.

Лихуда (как перевод греческого ἀποσιώπῃσις), и Стефана Яворского, однокоренная лексема *умолкнение* представлена у Козьмы Афоноверского (как перевод ἀποσιώπῃσις оригинала – риторики Скуфоса). В риториках-источниках фигура имеет названия *aposiopesis*, *reticentia* и *parasiopesis*: *aposiopesis* – у Коссена, Помея, Готшеда и у Софрония Лихуда; *reticentia* – у Коссена, Помея и Готшеда; *parasiopesis* – только у Коссена. Лексемы *умолчание* (P2) и *скрытие* (Рук 1747) передают значение данных иноязычных терминов, при этом *умолчание* является их калькой<sup>8</sup>. Материал ИнСл подтверждает соответствие между этими иноязычными терминами и русской лексемой *умолчание*:

- (1) ЛП 172 об.: Молчание, σιγή, ἀφασία, **σιωπή**, **taciturnitas**, **silentium**.  
ЛЦ 339: **Taceo** молчу; **Conticeo** умолкаю Ich schweige still.  
ВЛ 684: Verschweigen, **tacere**, умолчати, премолчати, утаити; язык закусити.

Соответствия *aposiopesis*, *reticentia*, *parasiopesis* = *скрытие*, *скрывать* не подтверждаются материалами ИнСл. Однако для *reticentia* его косвенным подтверждением можно считать словарные статьи с *утаить*, *утаевать* в русской части, поскольку по данным тех же словарей *утаити* и *скривати* могли выступать в качестве синонимов:

- (2) ЛЦ 339: **Reticeo** утаеваю Ich verschweige.  
И при этом:  
ВЛ 673: Verheelen, celare, occultare, таити, **утаити** .. **скривати**, **укривати**.

В отличие от наименований *умолчание* и *скрытие* слова *перерыв* и *прекращение* в РитРЦ не встречаются и по данным ИнСл соответствиями для иноязычных *aposiopesis*, *reticentia* или *parasiopesis* не являются. Однако расширение сопоставительного материала позволяет найти точные соответствия и для них.

Латинские термины, которые могли быть переведены русскими лексемами *прекращение* и *перерыв*, представлены в «Риторике к Гереннию» и в трактате Квинтилиана «Наставления оратору»: в первой для обозначения данной фигуры используется термин *praecisio*, а в перечне терминов, которые приводит Квинтилиан встречается наименование *interruptio*. Возможность

<sup>8</sup> Скорее всего, калькой наиболее распространенного и представленного как в греческих, так и в латинских текстах термина *aposiopesis*.

перевода терминов *praecisio* и *interruptio* на русский с помощью лексем *прекращение* и *перерыв* подтверждается данными ИнСл:

(3) ЛЦ 34: Praecido. Урезаваю, **прекращаю**, пресекаю. Schneide ab, verkürzte.

ЛЦ 285: Interrumpo. **Перерываю**, разрываю. von einander reissen.

Еще одно возможное объяснение появления лексем *прекращение* и *перерыв* среди обозначений данной фигуры можно найти в дефинициях данной фигуры в риториках-источниках. В трактатах Помея и Готшеда в формулировках определений используются выражения, которые передают значение прекращения речи. Подробный анализ этих дефиниций будет дан чуть ниже, здесь же мы ограничимся тем, что приведем эти словосочетания:

(4) *sermo abrumptur* ‘речь прерывается’ (Pomey: 127).

*man ... mitten in der Rede ... abbricht* ‘речь прерывается’ (Gottsched: 289).

Словарные соответствия подтверждают возможность перевода глаголов *abrumpro* и *abbrechen* с помощью русских лексем *перервать* и *прекратить*:

(5) ВЛ 1: Abbrechen .. den Faden **abbrechen**, **abrumper** filum, нитку **перервати**; die Rede **abbrechen**, finem dicendi facere, слово **прекратити**, окончити.

Для *abrumpro* см. также пример № 3, s.v. Interrumpo.

Таким образом, все наименования (включая зачеркнутые варианты Рук 1747), употребленные Ломоносовым для обозначения апосиопезы в текстах Риторики, восходят к терминам и словоупотреблению предшествующей традиции: *умолчание* представлено в РитРЦ и соответствует греческим и латинскому терминам *aposiopesis*, *parasiopesis*, *reticentia*, к этому же кругу соответствий относится *скрытие*; *прекращение* соответствует латинскому *praecisio*, *перерыв* – *interruptio*. Кроме того, источником наименований могли быть дефиниции некоторых риторик-источников, содержащие лексемы, перевод которых также дает искомые русские соответствия.

Нам важно было показать и подчеркнуть многослойную надежность и достоверность объяснений, которые можно построить на материале предшествующих риторик. Потому что эта надежность и достоверность не приводят в данном случае к содержательной полноте описания, хотя и позволяют более



точно определить специфику ломоносовских номинаций. Связана она, однако, не с лексическим составом наименований, а с их соотношением, их «движением» в текстах Ломоносова. Приведем определения Ломоносова из первой и второй Риторик:

(6) P1: *Прекращение есть ежели кто во изображении какой-нибудь страсти разума речи своя не окончит* (Ломоносов 1952 VII: 61).

P2: *Умолчанием или перерывом называется неоконченный разум в слове, по котором другой начинается* (Ломоносов 1952 VII: 277).

Прежде всего следует отметить изменение количества наименований: в P1 используется одна лексема (*прекращение*), в Рук 1747 появляется парное наименование (*прекращение* и *скрытие*), и эта парность (с заменой компонентов) сохраняется в P2 (*умолчание* или *перерыв*). Такая парность в обозначении фигур в целом не характерна для Ломоносова. Правда, в P2 количество парных наименований возрастает, однако и там они составляют меньшинство.

Употребление двух наименований имеет место в некоторых РитРЦ: в риторике Софрония Лихуда находим пару *апосиописис* или *умолчание*, у Иоанникия – *апосиописис* *сиречь молчание*, у Козьмы представлено аналогичное сочетание *апосиописис*, *умолкнение*. Как видим, в данных случаях двойная номинация возникает как результат глоссирования текста, и русская глосса передает значение исходного греческого термина.

Употребление двух вариантов названия в одном контексте характерно и для риторик-источников:

(7) *Aposiopesis. Reticentia* (Caussin: 382); *Reticentia ... ποσιώπεσις Graece dicta* (Pomey: 128); *Aposiopesis, oder Reticentia* (Gottsched: 289).

Как следует из примеров, в данном случае эти тексты обнаруживают своего рода параллелизм с церковнославянскими риториками: парное наименование обусловлено использованием разноязычных лексем с одинаковым значением.

Особая ситуация представлена в тексте Квинтилиана, в котором один из четырех употребленных терминов, а именно *interruptio*, не входит в семантическую группу, образуемую другими тремя наименованиями с базовым значением ‘умолчание’.

- (8) *Aposiopesis, quam idem Cicero reticentiam, Celsus obticentiam, nonnulli interruptionem appellant, et ipsa ostendit adfectus* (Quint. Inst. IX, 2, 54).

*‘Апосиопеза, которую Цицерон называет reticentia, Цельс – obticentia, а многие – interruptio, изображает страсти’.*

Впрочем, это терминологическое разнообразие обусловлено характером контекста: целью Квинтилиана в данном случае было дать некую сводку известных ему терминов, отсюда их количество и форма подачи – четыре термина с указанием (Cicero, Celsus) или без указания источника.

В отличие от Квинтилиана Ломоносов не ставил перед собой задачи сведения воедино наименований из различных риторик, а описание апосиопезы в Риторике Ломоносова, (несмотря на совпадение начальной части дефиниции Р1 и дефиниции «Наставлений к оратору», см. примеры № № 6 и 8, в которых цель фигуры определяется как изображение страстей) достаточно далеко отстоит от описания Квинтилиана и не может соотноситься с ним как с непосредственным источником.

Как видно из примеров, особенностью ломоносовских номинаций апосиопезы, отличающих их от номинаций РитРЦ и всех риторик-источников, является несинонимичность компонентов парного наименования.

Осознанность данного принципа номинации хорошо заметна при сопоставлении Рук 1747 и Р2. Как уже было сказано, именно в этом тексте появляется двойная номинация. Ломоносов зачеркивает вариант Рук 1747, однако сохраняет неизменным сам принцип парности, заменяя лишь лексические компоненты, которые в семантическом плане соотносятся так же, как компоненты первоначального варианта: *скрытие : прекращение = умолчание : перерыв*.

В описании фигуры у самого Ломоносова нет каких-либо комментариев по поводу двойной номинации. Чтобы понять причины ее использования, рассмотрим подробно дефиниции апосиопезы в риториках-источниках, Риторике к Гереннию и трактате Квинтилиана.

В Риторике к Гереннию используется следующее краткое определение:

- (9) *Praecisio est cum dictis quibus reliquum quod coeptum est dici relinquitur inchoatum* (Rhet. Her. IV, 41).

*‘Praecisio имеет место, когда, после того как нечто было сказано, оставшаяся часть, о которой начали говорить, остается’.*

незаконченной’ (в тексте букв. «оставшаяся часть ... остается начатой»).

Значение ‘прекращение речи’ выражено термином, а в тексте определения – описательным оборотом *reliquum quod coeptum est dici relinquitur inchoatum*, который можно считать перифразой сочетания «прекращенная речь».

В риторике Помея находим следующую формулировку:

- (10) *Reticentia eadem ferme figura est, quae Praeteritio, ποσιώπεις Graece dicta; cum scilicet, dictis quibusdam, sermo abrumpitur; neque perficitur, quod dici coeptum erat* (Pomey: 128).

‘Ретиценция – фигура, очень похожая на претерицию, называемая по-гречески апосиопезой; она имеет место, когда, после того как нечто было сказано, речь прерывается, и не оканчивается то, о чем начали говорить’.

Это определение основано на краткой дефиниции Риторики к Гереннию, что подтверждается и почти дословными совпадениями (*dictis quibusdam* и *quod coeptum est dici* в Rhet. Her. соответствуют у Помея *quod dici coeptum erat*) и сходством общего смысла. Важно отметить, что в тексте Помея эта мысль развита: 1) появляется уточняющее добавление *sermo abrumpitur*, которое, собственно, и выражает значение прекращения речи. Отметим в связи с этим, что наименование фигуры в «Риторике к Гереннию» (*praecisio*) в большей степени соответствует этому значению, чем наименование в риторике Помея (*reticentia, aposiopesis*), ставшее, по-видимому, уже к тому времени наиболее распространенным; 2) изящная перифраза *reliquum quod coeptum est dici relinquitur inchoatum* заменяется более простым и ясным *neque perficitur, quod dici coeptum erat*.

Определение Готшеда продолжает ту же «линию» дефиниций, восходящих к Rhet. Her.:

- (11) *Aposiopesis, oder Reticentia. Wenn man den Anfang macht, etwas heraus zu sagen: Aber mitten in der Rede inne hält und abbricht* (Gottsched: 289).

‘Апосипеза, или ретиценция. Когда начинают о чем-то говорить, но внезапно останавливаются и прерывают речь’.

Здесь также можно обнаружить совпадения с дефиницией Риторики к Гереннию и Помея: оборот со значением начала речи *quod coeptum est dici* соответствует придаточному предложению *wenn man den Anfang macht, etwas heraus zu sagen*.

Представлены в немецком тексте и черты, совпадающие только с текстом Помея: лексическое выражение получает значение прекращения речи (*man mitten in der Rede hält und abbricht*), но наименование (*Aposiopesis, oder Reticentia*) не связано с этим элементом дефиниции.

При этом ни у Помея, ни у Готшеда, как мы видели, в дефинициях нет лексем со значением молчания, сокрытия или утаения информации: все сделанные добавления и изменения находятся в поле значения ‘прекращение речи’.

Данное значение, непосредственно мотивирующее номинации *aposiopesis, parasiopesis* и *reticentia*, оказывается выраженным в формулировках трактатов Коссена и Софрония Лихуда. Коссен приводит дефиниции из трактатов Рутилия Лупа «*Schemata lexeos*» и Акилы Римлянина «*De figuris sententiarum et elocutionis*» и сохраняет их термины.

- (12) *Parasiopesis. Hoc schema est, cum aliquid nos reticere dicimus, et tamen tacitum intelligitur. Et hoc utendum est, cum aut notam rem esse auditoribus arbitramur, aut suspicionem excitare maiorem reticendo possumus.* (Caussin: 403).

Это почти дословное воспроизведение дефиниции Рутилия Лупа см.: RLM 1863: 18.

‘*Parasiopesis.* Эта фигура имеет место, когда мы говорим, что о чем-либо умалчиваем, и тем не менее умолчанное понимается. Ее следует употреблять, когда мы считаем, что ситуация известна слушателям или когда мы можем, умалчивая, подвести самих слушателей к догадке, что усилит воздействие нашей речи (букв. когда мы можем, умалчивая, вызвать большую догадку)’.

- (13) *Aposiopesis. Reticentia, cum intra nos suprimimus ea quae dicturi videmur, quod aut turpia, aut invidiosa, aut alioquin nobis gravia dictu sunt* (Caussin: 382).

Это дословное, с незначительными расхождениями, воспроизведение дефиниции Акилы Римлянина, см.: RLM 1863: 24.

‘*Апосиопеза. Ретиценция,* когда мы скрываем в себе то, что вроде бы собирались сказать, потому что это или непристойно, или вызывает ненависть, или по какой-то причине говорить об этом для нас затруднительно или неприятно’.

В риторике Софрония Лихуда воспроизводится определение Акилы в переводе на греческий:

- (14) Ἡ ἀποσιώπεις εἶναι ἓνα σχῆμα, τὸ ὁποῖον γίνεται ὅταν ἀνάμεσα μᾶς κρίβωμεν ἐκεῖνα, ὁποῦ μᾶς φαίνεται ὅτι μέλλωμεν νὰ τὰ εἰποῦμεν. διότι εἶναι βαρυὰ νὰ τὰ εἰποῦμεν ἡμεῖς ἢ αἰσχρὰ ἢ φθονερά (SR: 71 об.); русский перевод см. выше, при примере № 13 из Коссена.

Однако в греческом тексте есть одно важное различие. Полисемия латинского *suprimumus* уточняется греческим κρίβωμεν, которое свидетельствует об актуальности в данном контексте значения ‘утаение, скрывание’, непосредственно соотносящегося с одной из ломоносовских номинаций.

Отметим, что и в этой серии дефиниций все формулировки находятся в одном исходном поле значения ‘сокрытие, воздержание от сообщения информации’, которое передается глаголом *suprimo*, при этом значение ‘прекращение речи’, характерное для определений Риторике к Гереннию, трактатов Помея и Готшеда в них никак не выражено.

Таким образом, определение апосиопезы в историческом плане оказывается представленным двумя сериями содержательно непересекающихся дефиниций, основанных на двух различных значениях, имеющих лексическое воплощение в формулировках: 1) значении ‘прекращение речи’ и 2) значении ‘умолчание об информации’. Однако использование дефиниции при этом никак не связано с выбором наименования в риториках-источниках: в обеих сериях представлены только синонимичные *reticentia*, *parasiopesis* и *aposiopesis*. Отличие Риторике Ломоносова от риторик-источников заключается в том, что только у него эти разные значения, организующие две разные серии определений, оказываются зафиксированными на уровне терминологического обозначения.

Поскольку в материале рассмотренных источников отсутствуют примеры бинарных формул, аналогичных ломоносовским, то есть состоящим из несинонимических компонентов, мы можем предполагать, что в данном случае имеет место осознанное отступление от традиции. Определения самого Ломоносова (см. пример № 6) не выражают значения ‘сокрытие, воздержание от сообщения информации’, на котором основана вторая серия дефиниций (примеры №№ 12–14). Ломоносову, читателю Коссена (а, возможно, и риторике Софрония Лихуда, в которой значение ‘скрывание’ оказалось актуализированным), был известен этот семантический компонент в описании фигуры. Ломоносов фиксирует это на уровне наименования. Содержательная двухаспектность апосиопезы оказывается здесь терминологи-

чески выраженной двумя взаимодополняющими лексемами, а термин, по сути дела, становится средством описания риторической фигуры.

### Сермоцинация

Сермоцинацией называется имитация чьей-либо речи от первого лица или изображение диалога (или полилога) с другими лицами, ср.: Москвин 2007: 675; Хазагеров 2009: 304. Для обозначения данной фигуры Ломоносов использует лексемы *разговор* (в Р1) и новацию *заимословие* (в Р2). Из этих наименований только *разговор* имеет соответствие в РитРЦ – однокоренная лексема *разговорение* используется в Риторике 1620, где она является переводом *sermocinatio* латинского оригинала Лоссия. В других РитРЦ употребляются греческое наименование диалогисмос, его транслитерация и перевод – лексема *размышление*. В риторике Софрония: *Διαλογισμός*. *Диалогисмос* или *Размышление*; в риторике Козьмы: *Диалогисм*, *Размышление*. Употребление данного термина соответствует дефинициям фигуры в данных источниках, в которых есть словосочетания, описывающие именно процесс размышления, см., например, определение фигуры у Софрония:

- (15) *Διαλογισμός*. *Диалогисмос* или *Размышление*, есть начертание еже бывает, тако, егда кто сам себе разглагольствует, и **вращает помышление**, что сотворит, или что сотворително мнит, или сам себе глаголет, или мнози вводятся купно глаголющии (Риторика Софрония: 44 об.).

В иноязычных риториках-источниках данная фигура имеет названия *sermocinatio* (у Коссена, Помея и у Готшеда) и *dialogismos* (у Коссена, Помея и Софрония Лихуда).

Материал ИнСл подтверждает соответствия в парах *dialogismos* – *размышление* и *sermocinatio* – *разговор*:

- (16) ЛП 275: Размышление, *ἀναλογισμός*, *διαλογισμός*, *διανόημα*, *διανόησις*, *animaduersio*, *reputatio*, *existimatio*, *deliberatio*.  
 ЛП 273: Разглагольствую ... *διαλέγομαι*, *disputo*, *differo*, ***sermocinor***.  
 ЛЦ 306: **Sermo**. Слово, **разговор**. Eine Rede, Discurs.  
 ВЛ 493: Rede, sermo, loquela, речь, слово, разговор.

Из этого следует, что наименование первой Риторике *разговор*, является переводом латинского риторического термина

*sermocinatio*. Переводческое решение Ломоносова фактически совпало в данном случае с переводом Риторике 1620.

Итак, необходимо объяснить, по каким причинам вопреки терминологическому выбору номинации, отраженному в первой Риторике, а также вопреки данным словарей и риторик-источников, подтверждающим закономерность и правомерность этого выбора, Ломоносов в Риторике 1748 отказывается от своего первоначального наименования *разговор* и употребляет лексическую новацию *заимословие*. Для этого рассмотрим подробно дефиниции данной фигуры в риториках-источниках в сопоставлении с вариантами определения данной фигуры в ломоносовских текстах.

Говоря о фигуре сермоцинация, следует иметь в виду, что для ее обозначения в некоторых риториках употреблялось парное наименование, например, *sermocinatio, seu dialogismus*. В риториках-источниках его использует Помей. Если же рассматривать всю риторическую традицию в целом, то можно говорить о постоянном взаимодействии двух родственных фигур – сермоцинации и диалогизма, которое могло приводить и к их совпадению, и к раздельному описанию. Последний случай представлен у Готшеда: *sermocinatio* и *dialogismus* описаны у него как разные фигуры.

(17) Dialogismus. Wenn ein Redner mit seinem Gegner gleichsam streitet, ihn redend einführet, und ihm gleich darauf antwortet.

‘Диалогизм. Когда оратор со своим противником словно бы спорит, изображает его речь и сам ему отвечает’.

Ср. это с определением сермоцинации в примере № 19 ниже.

Как видим, здесь ничего не говорится об изображении размышлений и описание фигуры представляет собой, по существу, расширенный вариант определения сермоцинации с явным подчеркиванием ситуации диалога, изображения реплик двух разговаривающих друг с другом «персон». Не представлено ли здесь переосмысление фигуры на основе переосмысления мотивирующего признака: *dialogismus* понимается как суффиксальное производное от *dialogus*? Если это так, то перед нами еще одно направление и еще один интересный результат взаимодействия данных фигур.

Приведем теперь дефиниции фигуры из риторик-источников. В риторике Помея представлено следующее определение сермоцинации:

- (18) *Sermocinatio, seu Dialogismus, est ficta personarum collocutio; sive solus unus loquatur, sive plures inducantur simul colloquentes.* (Pomey: 129).

‘Сермоцинация, или Диалогизм, это выдуманный разговор, когда или только один говорит, или вводятся несколько разговаривающих лиц’.

Готшед (Gottsched: 288):

- (19) *Sermocinatio. Wenn man verstorbene Personen redend einführt...*  
‘Сермоцинация. Когда вводят умерших лиц, говорящих как живые’.

Определение Готшедера представляет собой краткую версию дефиниции Помея и использует ту же структурно-семантическую формулу с глаголом «введения» и зависимым номинативным компонентом со значением говорящего лица (у Готшедера с метонимическим уточнением значения **verstorbene Personen**): **plures inducantur simul colloquentes** (Помей), **man verstorbene Personen redend einführt** (Готшед).

Коссен использует термин и определение из трактата Юлия Руфиниана «De figuris sententiarum et elocutionis»:

- (20) *Dialogismos. Haec ita fit, cum quis secum disputat, et volutat, quid agat, vel quid agendum putet* (Caussinus: 386); тот же текст у Юлия, см.: RLM 1863: 43.

‘Эта фигура возникает, когда кто-либо сам с собою обсуждает и размышляет, что делать или о каком деле следовало бы подумать’.

В другом фрагменте своего трактата Коссен ограничивается следующей лаконичной формулировкой:

- (21) *Sermocinatio orationem effingit* (Caussinus: 430).

‘Сермоцинация представляет вымышленную речь’.

Термин и определение Юлия воспроизводятся и в риторике Софрония Лихуда в переводе на греческий:

- (22) Ὁ διαλογισμὸς ἐστὶν ἓνα σχῆμα τὸ ὁποῖον γίνεται οὕτω ὅταν τις μὲ τὸν ἑαυτὸν τοῦ διαλέγεται, καὶ στρέφει τὸν λογισμὸν. τί νὰ κάμνη, ἢ τί νὰ λογιᾶσῃ ὅτι χρεια εἶναι νὰ κάμνη ἢ μοναχὸς τοῦ ὁμιλεῖ, ἢ πολλοὶ εἰσφέρονται ἀντάμα συνομιλῶντες (SR: 71 об.).

Необходимо сказать, что заключительная часть этой дефиниции (ἢ μοναχὸς τοῦ ὁμιλεῖ, ἢ πολλοὶ εἰσφέρονται ἀντάμα συνομιλῶντες) отсутствует у Юлия, но совпадает с определением



в риторике Помея. Текст Софрония Лихуда, таким образом, совмещает две формулировки, представленные в примерах №№ 18 и 20.

Итак, история фигуры сермоцинация и ассоциированной с ней фигуры диалогизм характеризуется, как уже было сказано, их взаимодействием, что отражается и в формулировках определений, которые могли уточняться, контаминироваться и переосмысляться, с выделением двух самостоятельных фигур (как у Готшеда) или описанием одной фигуры под одним или двумя наименованиями, но с возможностью варьировать смысловые акценты в дефиниции.

Тем интереснее, что дефиниция ломоносовских риторик не совпадает ни с одним из этих вариантов. Приведем формулировки Ломоносова из P1 и P2:

- (23) P1: *Разговор есть фигура, чрез которую отсутствующим персонам, как присутствующим, усопшим, равно как живым, и бездушным вещам, как одушевленным, речь придается* (Ломоносов 1952 VII: 62).
- (24) P2: *Заимословие бывает когда то, что самому автору или представляемому от него лицу говорить должно, отдается другому лицу, живому, либо мертвому, или и бездушной вещи* (Ломоносов 1952 VII: 270).

Как видим, в этих определениях не говорится об изображении мыслей, а что касается изображения речи, то вместо формулы введения говорящего лица используются сходные по смыслу выражения *речь придается* и *то, что ... говорить должно ... отдается*. В риторической традиции существуют аналоги этих выражений, и, возможно, первоисточником здесь является Риторика к Гереннию:

- (25) *Sermocinatio est, cum alicui personae sermo adtribuitur et is exponitur cum ratione dignitatis* (Rhet. Her. IV, 65).  
 ‘Сермоцинация – это когда некоему лицу придается речь, и это представляется в соответствии с его достоинством и значением’.

Интересно отметить, что именно к этому варианту определения сермоцинации восходит краткая дефиниция в тексте Лоссия, переводом которого является Риторика 1620 года:

- (26) *Quid est Sermocinatio? – Est cum orationem personae alicui tribuimus* (Аннушкин 2006: 185).

‘Что такое сермоцинация? – Это когда мы придаем речь некоему лицу’.

Как видим, и в описании Ломоносова, и в латинском тексте используется одна и та же ключевая структурно-семантическая формула с главным компонентом – глаголом *давать/tribuo* или производным от него и зависимым компонентом – существительным или оборотом, обозначающим речь. Однако она используется – пусть и с небольшими различиями – в обеих риториках Ломоносова, и поэтому связать ее употребление с изменением наименования, на первый взгляд, не представляется возможным. И тем не менее такая связь есть.

Чуть выше мы обратили внимание на контаминацию определений в риторике Софрония Лихуда. Это единственный случай сочетания двух формулировок, которые в других текстах существуют самостоятельно и нигде не соседствуют с определением, восходящим к «Риторике к Гереннию». Иными словами, в риторической традиции имеются три относительно самостоятельные описания фигур сермоцинация и диалогизм, и одно из этих определений, которое восходит к тексту «Риторике к Гереннию», находится в отношении дополнительной дистрибуции с двумя другими, никогда не объединяясь с ними в пределах одной дефиниции. Аналогичное распределение формул мы найдем и у Ломоносова – если будем учитывать зачеркнутые варианты Рук 1747.

Текст рукописи 1747 года отражает работу Ломоносова над формулировкой определения и содержит несколько зачеркнутых вариантов. И среди них – словосочетание «введение лица». Полный контекст, в котором должно было быть употреблено это словосочетание, отсутствует, однако очевидно, что оно является переводом основной части описанной выше формулы из риторик Помея, Софрония Лихуда и Готшеда: **plures inducantur simul colloquentes** (Помей), **πολλοὶ εἰσφέρονται ἀντάμα συνομιλῶντες** (Софроний), **man verstorbene Personen redend einführt** (Готшед).

Как мы видели, ни в P1, ни в окончательном варианте текста P2 это словосочетание не используется, сохраняя и в рамках ломоносовских текстов отношения дополнительного распределения, описанные нами выше. С учетом этих отношений отказ от формулы «введения лица» в данном случае может быть интерпретирован как осознанный и окончательный выбор в пользу формулы «придания речи»: поскольку композит «заимословие» является ее лексическим и словообразовательным кор-

релятом, воспроизводя последовательностью корневых морфем структурно-семантическую модель данной формулы<sup>9</sup>. Таким образом, колебания в формулировке определения фигуры сермоцинация, отраженные рукописью 1747 года, и окончательный выбор в пользу ключевой формулы «придания речи», на которой основана дефиниция данной фигуры, привели к актуализации структурно-семантической модели данной ключевой формулы и использование ее (модели) в качестве признака терминации. Лексема *заимословие* была использована (возможно, специально изобретена Ломоносовым) как наилучшим образом отражающая данную модель.

### Суспенция

Суспензией называется кратковременная задержка в развитии речи перед кульминацией, ср.: Москвин 2007: 746. Для обозначения этой фигуры Ломоносов использует лексемы *одержжание*, *удержжание* (в P1) и *умедление* (в P2). Из этих наименований только *удержжание* имеет соответствия в РитРЦ. Лексема представлена в риторике Софрония Лихуда, а однокоренная *задержжание* – в риторике Стефана Яворского. Наименование второй Риторике *умедление* или какие-либо однокоренные с ним лексемы в РитРЦ отсутствуют.

В риториках-источниках данная фигура имеет наименования: *sustentatio* (у Коссена и Помея), *paradoxon*, *hypomone* (у Коссена и Софрония Лихуда), *inopinatum* (у Коссена). В риторике Готшеда фигура отсутствует. Наименование P1 *удержжание* ближе всего к наиболее распространенному в источниках латинскому термину *sustentatio*. Соответствие «*sustentatio* = *удержжание*» подтверждается материалами ИнСл:

(27) ЛЦ 345: Sustento. Содержу, удерживаю. Ich halte auf, trage, & ernähre, versorge.

Соответствия между наименованием P2 *умедление* и каким-либо термином риторик-источников по материалам ИнСл установить не удается.

<sup>9</sup> Даже если первый корень *заимословия* соотносится с глаголом *занять* в значении ‘взять’, а не ‘дать’, все равно предикаты *занять* и *дать* в рамках описываемой ситуации представляют собой семантическое единство с энантиосемическим отношением компонентов, которые являются, таким образом, взаимозаменяемыми: *заимствовать* (взять) слово (у кого-л.) = *придать* слово (кому-л.).

Таким образом, как и в случае с наименованием *заимословие*, необходимо объяснить, по каким причинам вопреки традиции РитРЦ, данным словарей и иноязычных риторик-источников, а также вопреки своему собственному первоначальному выбору в Р1 (*удержание* и префиксальный вариант *одержание*) Ломоносов в Р2 предпочитает лексему *умедление*. Для этого рассмотрим подробно определения данной фигуры в риториках-источниках.

Коссен приводит несколько определений к разным терминам, обозначающим данную фигуру:

(28) *Hypomone. Et paradoxon, quo suspenduntur auditorum animi* (Caussin: 398; со ссылкой на Аристиду).

‘Ипомона. И парадокс, который держит слушателей в недоумении’.

(29) *Paradoxon. Sive hypomone, sustentatio, vel inopinatum. Hoc schema suspendit sensum, deinde subiicit aliquid contra expectationem auditoris, sive magnum, sive minus, et ideo sustentatio, vel inopinatum dicitur* (Caussin: 403), воспроизводит дефиницию Юлия Руфиниана (RLM: 46).

‘Парадокс. Или ипомона, сусентация или неожиданное. Эта фигура держит в недоумении, а потом предлагает нечто противоположное ожиданиям слушателей, или нечто великое, или малое, и поэтому называется сустентацией или неожиданным’.

(30) *Sustentatio est dicti suspensio ad maiorem attentionem* (Caussin: 425).

‘Сусентация – это задержка речи для привлечения большего внимания’.

Pomey (Pomey: 136):

(31) *Sustentatio figura est, qua suspensos tenemus aliquandiu audientium animos, alia minora recensentes, et rejicientes, donec tandem, id, quod quasi animo conditum servabatur exponimus. Adhiberi autem solet haec figura, cum explicaturi sumus aliquid inusitatum, admirabile, aut inexpectatum; nisi forte quis joculari velit aut movere risum.*

‘Сусентация – фигура, с помощью которой мы некоторое время держим слушателей в неведении и недоумении, предлагаем незначительные аргументы и отвергаем их, до тех пор пока то, что утаивалось, не представим. Эта фигура обычно употребляется, когда мы собираемся рассказать о чем-то

необычном, удивительном или неожиданном; или же в случае, если кто-либо хочет пошутить или вызвать смех’.

Софроний Лихуд:

- (32) Ἡ ὑπομονή, ἢ παράδοξον εἶναι ἓνα σχῆμα μὲ τὸ οποῖον κρεμοῦμεν τὸ νόημα καὶ τὰς ψυχὰς τῶν ἀκροατῶν καμμία βολὰ κρατοῦμεν κρεμασμένας, κάποια μικρὰ διηγούμενοι καὶ ἀποβάλλοντες. ὅθεν ὑποβάλλομεν κανένα πράγμα ἐνάντιον τὸ πρὸς δοκέας τῶν ἀκροατῶν, ἢ μέγαν ἢ μικρὸν, διὰ τοῦτο καὶ λέγεται τοῦτο τὸ σχῆμα ὑπομονή ἢ ἀπροσδόκιστον (SR: 72 об.).

‘Ипомона или парадокс – фигура, с помощью которой мы некоторое время держим слушателей – их умы и души – в неведении и недоумении, предлагаем незначительные аргументы и отвергаем их, а потом предлагаем нечто противоположное ожиданиям слушателей, или нечто великое, или малое, и поэтому называется эта фигура сустенацией или неожиданным’.

Интересно отметить, что текст Софрония, также как и в случае с сермоцинацией, является контаминацией определения Юлия Руфиниана (воспроизведенного Коссеном, см. пример № 29) и определения из риторики Помея (№ 31), которые хотя и незначительно, но все-таки отличаются друг от друга. Действительно, начальный оборот *σχῆμα μὲ τὸ οποῖον κρεμοῦμεν τὸ νόημα* соответствует выражению *hoc schema suspendit sensum*, употребленному Юлием. А продолжение *τὰς ψυχὰς τῶν ἀκροατῶν καμμία βολὰ κρατοῦμεν κρεμασμένας* дословно соответствует латинскому тексту Помея *suspensos tenemus aliquandiu audientium animos* с сохранением темпорального распространителя (*καμμία βολὰ = aliquandiu*). Наличие этого распространителя и других совпадающих и сходных элементов позволяет указать источник данного выражения. Это текст «Наставлений оратору» Квинтилиана, в котором автор описывает фигуру в форме краткого комментария к отрывку из речи Цицерона против Верреса:

- (33) *Sed nonnunquam communicantes aliquid inexpectatum subiungimus, quod et per se schema est, ut in Verrem Cicero, quid deinde? quid censetis? furtum fortasse aut praedam aliquam? Deinde, cum diu suspendisset iudicum animos, subiecit, quod multo esset improbius. Hoc Celsus sustentationem vocat* (Quint. Inst. IX, 2, 22).

‘Но иногда, обращаясь <к слушателям или судьям>, предлагаем что-нибудь неожиданное; и это само по себе является фигурой, как у Цицерона в речи против Верреса: Что же далее? Как вы

думаете, что он совершил? Может быть, кражу или разбой? После чего, оставив судей в неведении и ожидании на продолжительное время, говорит о том, что намного хуже < и кражи, и разбоя>. Цельс называет это удержанием’.

Возвращаясь к определению из риторики Лихуда, заметим также, что, возможно, данная контаминация была осмысленной и основывалась на возможности отдельного и буквального перевода существительных *sensus* и *animus*. В результате синонимичные глагольные сочетания со значением ‘держать в недоумении, неведении’, будучи поставленными рядом в одном предложении, начинали осмыслялись как описывающие два аспекта, две стороны целостного процесса: речь идет уже и об уме, и о душе. Возможность такого «комплексного» понимания фигуры, с выделением специальных аспектов недоумения, была обусловлена существованием разных форм языкового воплощения одного значения и реализована в греческом тексте в виде их объединения в одном контексте.

Во всех приведенных определениях обнаруживается сходство. В основе описания фигуры лежит структурно-семантическое единство, состоящее из двух компонентов: 1) глагол/глагольное сочетание со значением удержания; 2) существительное в роли объекта, обозначающее слушателя (с метонимическим варьированием ‘слушатель/душа слушателя/ум слушателя’). Эта формула присутствует практически во всех источниках: *cum diu suspendisset iudicum animos* (Quint. Inst.), *paradoxon, quo suspenduntur auditorum animi* (Caussin 398), *hoc schema suspendit sensum* (Caussin 403), *figura est qua suspensos tenemus aliquandiu audientium animos* (Pomey), *σχῆμα μὲ τὸ οὐλοῖον κρεμοῦμεν τὸ νόημα καὶ τὰς ψυχὰς τῶν ἀκροατῶν καμμία βολὰ κρατοῦμεν κρεμασμένας* (SR).

Некоторое отклонение от данной формулы обнаруживается в определении Коссена в примере № 30, где, во-первых, представлено номинативное, а не глагольное сочетание, а во-вторых – и это самое важное – в семантической роли объекта (выраженного генетивом) выступает не слушатель, а сама речь (*sustentatio est dicti suspensio*).

Обращает на себя внимание и то, что между наиболее распространенным латинским названием фигуры (*sustentatio*) и ключевым компонентом опорной формулы имеется точное смысловое соответствие: они выражают значение удержания. Особо отметим, что в случае с глагольным сочетанием из определения Помея это соответствие становится лексическим –

на уровне корневых морфем: *sustentatio – suspensos tenemus .. animos*.

Продолжает эту линию «согласия» глагольного компонента формулы с наименованием и текст первой Риторике Ломоносова:

(34) Удержание фигура есть когда ритор слушателей или читателей долго в сомнении удерживает, представляя что-либо меньшее или противное предлагаемой вещи, а потом уже оную предлагает (Ломоносов 1952 VII: 59).

Что касается определения в P2, то оно, выражая в целом тот же смысл, что и предшествующее, отличается от него в формулировках:

(35) Умедление есть когда слово продолжается предложением меньших идей и сверх того иногда оных отражением и потом предлагается самое настоящее великое дело, для того чтобы слушатели или читатели, долго ожидавши, вдруг нечаянным восхищены были (Ломоносов 1952 VII: 271).

И наиболее важным здесь представляется отсутствие глагола *удержать* и вообще отсутствие структурно-семантической формулы, которая организовывала дефиниции риторик-источников. Коммуникативная ситуация характеризуется принципиально иным образом, на основе других признаков: речь оратора описывается как продолжающаяся (*умедление есть когда слово продолжается*), но с искусно (и искусственно) созданными препятствиями (в форме *предложения меньших идей и сверх того иногда оных отражением*), что приводит к сознательной задержке речи перед кульминацией. С нашей точки зрения, именно это переосмысление ситуации, соотносящейся с фигурой sustentatio, побудило Ломоносова выбрать наименование, которое в большей степени соответствует «новой версии» денотата.

Отметим также в заключении, что, несмотря на краткость третьего определения Коссена (пример № 30) именно оно – не текстуально, а с точки зрения значения ключевой формулы – ближе всего к определению P2, поскольку только в нем речь идет не о «удержании слушателей в неведении», а о ситуации задержки речи (*dicti suspensio*).

Приведенный материал не дает возможности установить причины, на основании которых произошло описываемое переосмысление. Однако нам важно было показать, как действует принципа корреляции между дефиницией и наименованием: они соответствуют друг другу в смысловом отношении (в P1 оно

выходит на лексический уровень) и когда меняется определение, меняется и название фигуры, лексически отражая новое понимание суспендации (в P2).

### Претерия

Претерией называется упоминание какой-либо информации в речи в форме притворного заявления о том, что она не будет упомянута, ср.: Москвин 2007: 524. Для обозначения данной фигуры Ломоносов использует лексемы *оставление* (в P1) и *прохождение* (в P2). Из этих наименований только *оставление* засвидетельствовано в РитРЦ: в Риторике 1620, риториках Михаила Усачева и Иоанникия Лихуда. В риториках-источниках данная фигура имеет наименования *praeteritio*, *paralepsis*, *antiphrasis* и *amissio*, которые распределены по текстам следующим образом: *praeteritio* – у Коссена, Помея и Готшеда; *paralepsis* – у Коссена и Софрония Лихуда; *antiphrasis* и *amissio* – у Коссена. Наименования Ломоносова ближе всего к наиболее распространенным в источниках латинскому термину *praeteritio* и греческому *paralepsis*. Латинское *amissio* также может соответствовать слову *оставление*, на что указывают материалы ИнСл с однокоренными лексемами в разных значениях:

- (36) ЛП 376 об.: Оставление. Зри отпущение; ЛП 354 об.: Отпущение, ἄφεσις, remissio.  
 ВЛ 172: Erlassung, dimissio, remissio, отпущение, оставление; ВЛ 716: Unterlassung, intermissio оставление, престатие.  
 ЛЦ 195: Missio. Посылание, оставление, прощение. Die Sendung, Erlassung.

Однако *оставление* и в церковнославянских риториках, и у Ломоносова соответствует именно греческой лексеме *paralepsis*, а не латинской *amissio*. Во-первых, в РитРЦ нет ни одного примера употребеления *amissio* в транслитерированном или оригинальном написании (в то время как лексема *paralepsis* в разных вариантах написания представлена в риторике Усачева, Козьмы Афоноверского и церковнославянских переводах риторик братьев Лихудов); во-вторых в известных оригиналах славянских переводов она также не употребляется; наконец, в риториках-источниках это наименование приводится только у Коссена, и в самом этом тексте (также как и в первоисточнике – трактате Юлия Руфиниана, см. ниже пример № 39) дается лишь как вариант наименования без дополнительных комментариев



или самостоятельной статьи. Таким образом, в дальнейшем изложении мы будем рассматривать соотношения наименований Риторике Ломоносова с терминами *paralepsis* и *praeteritio* риторик-источников.

Соответствия *praeteritio* = *прохождение* и *paralepsis* = *оставление* подтверждаются материалами ИнСл:

- (37) ЛЦ 90: Praetereo. Прохожу. Vorbeugehen, übergehen.  
ЛП 376 об.: Оставляю, περειλείπω .. relinquo, remitto.

Кроме того, соответствие *paralepsis* = *оставление* находим в текстах РитРц. В риторике Усачева связь греческой и русской лексемы представлена в самом тексте, поскольку греческий термин является заглавием статьи, после которого дана русская глосса *оставление*: «(Π)αράληψις, оставление ... ». Более сложной является ситуация в тексте Риторике 1620. Наименования, употребленные в начале статей в церковнославянском переводе и латинском оригинале, неожиданно образуют соответствие *praeteritio* = *оставление*:

- (38) ***Praeteritio*** .. est, cum simulamus nos aliquid relinquere, aut omittere .. Graeci vocant παράλειψιν (Аннушкин 2006: 180).  
‘Оставление есть егда лицемерствуем, яко же некия оставляем или отпускаем ... грекове нарицают паралипсон’ (Аннушкин 2006: 80).

Однако формулировка дефиниции *simulamus nos aliquid relinquere* позволяет предполагать, что русское наименование в данном случае возникло не как перевод латинского *praeteritio*, а как лексический коррелят описания фигуры, в котором употреблено слово со значением ‘оставлять’ (*relinquere*). Строго говоря, на основании одного этого примера трудно судить о том, использовал ли переводчик слово *оставление* как эквивалент латинского *praeteritio*, как лексический коррелят описания (безотносительно латинского названия фигуры), или как эквивалент греческого παράλειψις, которое тоже употреблено в этом описании, хотя и в другой текстовой позиции – в конце статьи (см. выше в примере). Все эти три объяснения равновероятны.

В греческом оригинале риторике Софрония Лихуда использован термин παράλειψις (в рукописи παράλυσις). В церковнославянском переводе в списке РНБ О. XV. 8 находим следующую цепочку наименований в начале статьи: *Паралипсис. Praeteritio или Мимоществие*. В переводе риторики Иоанникия Лихуда немного иначе: *Паралиψис (Оставление), сиречь Пред-*

*взятие*<sup>10</sup>. Соотношение русских и иноязычных лексем, представленное в этих фрагментах, можно объяснить следующим образом. Употребление латинского параллельного названия *praeteritio* (отсутствующего в оригинале) в списке церковнославянского перевода риторики Софрония отражает широкое распространение латыни в качестве языка науки и образования в 18 веке. Русское *мимошество* является калькой именно латинской лексемы. Это подтверждается не только соответствием морфем, но и данными других риторик. Действительно, церковнославянские тексты, списки которых не отражают «вторжения» латинской терминологии в исконно греческие наименования, употребляют славянскую лексему *оставление* и не используют *мимошество*. Сюда относятся риторики Михаила Усачева и Козьмы Афоноверского. Напротив, в риторике Стефана Яворского, переведенной на славянский с латинского оригинала, находим двойное наименование *уступление, мимошество*. Употребление лексемы *уступление* может быть объяснено несколькими способами (в том числе как результат смешения переводчиком фигур *Concessio* и *Praeteritio*), но *мимошество* в рамках описываемого распределения номинаций соотносится скорее всего с *praeteritio* латинского оригинала риторики. Таким образом, у нас есть основания считать пару «*praeteritio* – *мимошество*» латинским компонентом в тексте церковнославянского перевода риторики Софрония, попавшим туда в результате того, что употребление латинского языка в определенных жанрах и ситуациях приобретает статус социолингвистической нормы.

Последовательность наименований у Иоанникия имеет другое объяснение. Лексема *предвзятие*, употребленная в качестве основного русского эквивалента, является на самом деле калькой наименования другой фигуры, которая по-гречески называется *πρόληψις* (с дифтонгическим вариантом написания *πρόλειψις*). В РитРЦ она называется по-разному, но варьирование связано только с корневой морфемой, неизменным же компонентом является приставка *пред-*: *предприятие* (Риторика 1620), *предварение* (риторика Михаила Усачева), *предразумение* (риторика Козьмы). Таким образом, при переводе произошло смешение греческих лексем *παράλειψις* и *πρόληψις* (или *πρόλειψις*) на основании сходства их написания. Это привело к появления кальки *предвзятие* не на «своем» месте. Ошибка

<sup>10</sup> Слово *оставление*, заключенное нами в квадратные скобки, находится на поле под выносным знаком.

была замечена и исправлена при помощи маргиналии *оставление*, которая восстанавливает закономерное и правильное соотношение греческого названия *παράλειψις*, употребленного в начальной позиции, и русского перевода этого названия. Таким образом, несмотря на некоторую осложненность отношений между оригинальными терминами и русскими эквивалентами, обусловленную использованием латинских параллелей и переводческими ошибками, данные лихудиевских риторик также подтверждают соотношение *paralepsis* = *оставление*.

Необходимо заметить, что в исторических словарях русского языка у производящего глагола *оставляти* отмечается значение, соответствующее содержанию риторической фигуры претерития. В «Материалах для словаря русского языка» И. И. Срезневского в качестве одного из значений *оставляти* указано ‘оставлять в стороне, пропускать, не упоминать’ (приведенный пример из Григория Назианзина является бесспорным подтверждением данного значения, а греческим соответствием выступает здесь глагол ἔειπεν: Оставляю ино колико и каково на мужа укори (Срезневский II: 737)). Значение ‘пропускать, опускать’ отмечено для *оставляти* в Словаре русского языка XI–XVII вв. (СлРЯ XI–XVII 13: 141) и Словаре русского языка XVIII века (СРЯ XVIII 17: 148–149).

У лексемы *прохождение* и глагола *проходить* данное значение не отмечается. Однако близкий в формальном и смысловом отношении глагол *прейти* зафиксирован в Словаре русского языка XVIII века в сочетании *прейти молчанием* с аналогичным значением ‘воздержание от сообщения’ (СРЯ XVIII 13: 19).

Таким образом, оба ломоносовских наименования (*оставление* и *прохождение*) соответствуют каждое своему исходному иноязычному термину (*paralepsis* и *praeteritio*), и кроме того их употребление в качестве названия фигуры претерития оказывается мотивированным с точки зрения общезыковых значений. В этих условиях отказ от наименования первой Риторике *оставление* и выбор в пользу *прохождение* выглядит как предпочтение латинского термина («скрывающегося» за русской калькой) греческому. Такое объяснение, возможно, соответствовало бы оно и общей тенденции усиления латинского влияния в русской культуре. Более того, несмотря на некоторое несоответствие масштаба сопоставляемых процессов («глобальная» смена культурных парадигм, с одной стороны, а с другой – изменение наименования одной риторической фигуры), именно в данном случае согласие «общего» и «частного»

могло бы получить вполне конкретное подтверждение. Выше мы подробно рассматривали цепочки наименований из церковнославянских переводов риторик Софрония и Иоанникия Лихудов и отметили «вторжение» латинского компонента в традиционные греческо-русские соответствия. Следует заметить, что эта ситуация последовательно отражена в списке О. XV. 8 практически для названий **всех** фигур, являясь наглядным примером латинской «доминанты» в русском риторическом дискурсе 18 века. Впрочем, общее объяснение может быть в данном случае уточнено сопоставлением дефиниций фигуры в риториках-источниках и Риторике Ломоносова.

Коссен использует термины и определения Юлия Руфиниана и Акилы Римлянина:

(39) *Antiphrasis. Est figura sententiae, cum quaedam negamus nos dicere, & tamen dicimus .. Latine dicitur amissio* (Caussinus: 379); см. дефиницию Юлия (RLM: 62).

‘Антифразис. Фигура предложений, когда мы заявляем, что не будем говорить о чем-то, и об этом все-таки говорим .. Полатыни называется амиссией’.

(40) *Paralepsis. Praeteritio. Frequens est huius figurae usus, ubi quasi praetermittentes quaedam, nihilominus dicimus* (Caussinus: 403); см. дефиницию Акилы (RLM: 24).

‘Паралепсис. Претеритио. Эта фигура часто употребляется, когда мы как бы не упоминаем о чем-то и тем не менее говорим об этом’.

В риторике Помея находим следующую формулировку<sup>11</sup>:

(41) *Praeteritio, figura est, quae fit, cum profiteamur nos praeterire, aut nescire, aut nolle dicere, quod tum maxime dicimus* (Pomey: 122).

‘Претерития – фигура, которая возникает, когда мы заявляем, что не будем упоминать о чем-то, или не знаем чего-то, или не хотим говорить, о чем затем все-таки говорим с еще большей силой’.

Готшед (Gottsched: 284):

(42) *Praeteritio. Wenn man sich stellet, als wollte man von einer Sache gar nichts sagen; aber eben damit eine Nachricht davon giebt.*

<sup>11</sup> Формулировки из риторики Помея и риторики Софрония Лихуда текстуально совпадают.

‘Прохождение. Когда притворяются, как будто бы ничего не хотят говорить о какой-нибудь вещи, однако этим и сообщают о ней некие сведения’.

В текстах Ломоносова находим следующие определения фигуры:

- (43) P1: *Оставление есть фигура, когда оратор, аки бы не хотя упомянуть какой-нибудь вещи, тем самым важнее и сильнее оную представляет* (Ломоносов 1952 VII: 61).
- (44) P2: *Прохождение есть когда притворяемся, якобы мы говорить о чем не хотели, однако тем самым оное живо представляем* (Ломоносов 1952 VII: 276).

Заметим, что определение P2 производит впечатление лексико-синтаксической трансформации формулировки P1. В результате в P2 получился вариант немного более распространенный, но ничем существенным от варианта 1744 года не отличающийся. Однако сопоставление с дефинициями риторик-источников позволяет обнаружить некоторые значимые текстуальные различия между двумя ломоносовскими формулировками.

Во-первых, употребление структурно-семантической формулы «глагол *хотеть* с отрицанием + инфинитив глагола говорения» позволяет объединить определения Помея (и греческий перевод Софрония), Готшеда и Ломоносова: **не хотя упомянуть** (P1), **говорить** о чем **не хотели** (P2), (*profitemur*) **nos .. nolle dicere** (Помей), **als wollte man .. nichts sagen** (Готшед). В кратких формулировках из риторики Коссена данные обороты и данный глагол отсутствуют.

Тексты Помея и Риторики 1744 объединяет еще одна черта – использование наречия степени в заключительной части дефиниции: у Помея в сочетании *maxime dicimus*, а в P1 в сочетании **важнее и сильнее ... представляет** (с совпадением грамматической характеристики – не положительная степень сравнения наречия и в латинском, и в русском текстах). Данное соответствие является уникальным для риторик-источников, объединяет только тексты Помея и Ломоносова и более нигде не встречается. В P2 сочетание *важнее и сильнее ... представляет* заменяется сочетанием *живо представляет*. Наречие *живо* не является точным соответствием латинскому *maxime*, но данная замена объяснима и закономерна с точки зрения лексической сочетаемости внутри самих ломоносовских текстов: сочетания лексем с основами *жив* и *представ* в них можно отнести к числу

устойчивых. Приведем несколько примеров только из текстов Риторик (Ломоносов 1952 VII: 169; 185; 235):

- (45) *Больше всех служат к движению и возбуждению страстей живо представленные описания; бедное его состояние живо представить; вымыслы весьма живо представляются.*

Есть еще одно уникальное лексическое соответствие между текстом Ломоносова и текстом иноязычного источника, однако в данном случае объединяются уже вторая Риторика и риторика Готшеда. В Р2 в начальной части определения появляется глагол *притворяться*, который отсутствует у Помея и Коссена и который находим только в тексте немецкого автора, ср:

- (46) Прохождение есть когда **притворяемся**  
*Praeteritio. Wenn man sich stellet*

В формулировке Помея находим другой глагол – *profiteor* (см. пример № 41), а конструкция с оборотом *accusativus cum infinitivo* (*profitemur nos ... nolle dicere*) в смысловом и грамматическом отношении аналогична обороту *negamus nos dicere* из риторики Коссена (см. пример № 39). В другой дефиниции Коссена употреблена другая конструкция, но также без глагола со значением ‘притворяться’ (см. пример № 40).

Использование Ломоносовым риторики Готшеда при описании данной фигуры подтверждается еще одним уникальным соответствием, но уже не в дефинициях, а в иллюстративной части описания. В Р2 в качестве примера приводится фрагмент из надгробной речи маршалу Тюренну, автором которой является Эспри Флешье, известный французский церковный деятель и оратор 17 века, речи которого пользовались огромной популярностью. Обязательной частью риторического канона они не стали, однако Готшед включил многочисленные фрагменты из речей Флешье в свой трактат, переведя их на немецкий.

Сравнение показывает идентичность перевода Ломоносова и немецкого перевода отрывка из речи Флешье. А с учетом того, что данный отрывок использован в обеих риториках для иллюстрации одной и той же фигуры, у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что именно риторика Готшеда была источником данного примера в Риторике Ломоносова.

Ломоносов (Ломоносов 1952 VII: 276):

- (47) *И Флешье в надгробном слове маршалу де Тюренну: Не ожидайте, господа мои, чтобы я вам открыл здесь печальное позорище и представил бы вам сего великого героя посреде*

*своих победительных знаков бездыханна и чтобы я показал вам бледное и окровавленное тело, дымящееся еще от одной молнии, которая его поразила.*

Готшед (Gottsched 1736: 284):

- (48) *Ein recht schönes Exempel giebt Fleschier: Erwarten sie nicht, meine Herren, daß ich ihnen hier eine Trauerbühne eröffnen soll; daß ich ihnen diesen großen Held auf seinen Siegeszeichen entseelet vorstellen werde; daß ich ihnen noch den blassen und blutigen Körper zeigen solle, bei welchem der Blitz noch rauchet, der ihn getroffen hat.*

‘Прекрасный пример дает Флешье: Не ожидайте, мои господа, что я вам открою здесь печальную сцену; что я вам представлю этого великого героя бездыханного среди своих трофеев; что я вам покажу бледное и окровавленное тело, рядом с которым еще дымится молния, поразившая его’.

Наиболее существенное отличие между немецким и русским текстами заключается в замене выражения *Körper .. bei welchem der Blitz noch rauchet* (‘тело, рядом с которым еще дымится молния’) на *тело, дымящееся еще от ... молнии*. Как видим, в переводе Ломоносова меняется субъект: *Blitz rauchet* ‘молния дымится’ → *тело, дымящееся*. Однако данная трансформация (метонимическая в своей основе) не представляет ничего необъяснимого или неожиданного, и, кроме того, вполне согласуется с естественнонаучными законами, которыми Ломоносов, видимо, не мог пренебречь и в жанре риторического трактата: дымится, конечно, не молния, а то, во что она попадает и те, которых она поражает – даже в образном контексте.

Таким образом, лексическое соответствие (*maxime = важнее и сильнее*) между текстом Помея и первой Риторикой, являющееся уникальным для риторик-источников, доказывает использование дефиниции латинского трактата во время работы над Риторикой 1744. Лексическое соответствие (*притворяться = sich stellen*) между текстом Готшета и второй Риторикой, также являющееся уникальным для риторик-источников, и использование одного и того же отрывка из Флешье в идентичной функции (иллюстрация фигуры претерия) доказывают, что для работы над Риторикой 1748 Ломоносов привлекал текст немецкого автора. При этом особенно важно то, что обе текстуальные параллели между Ломоносовым и Готшедом характеризуют только вторую Риторику и отсутствуют в первой. Из этого следует, что целенаправленное использование текста

немецкой риторики для описания данной фигуры имело место только во время работы над Р2 (что, естественно, не отменяет факта знакомства с трактатом Готшеда до этого, и скорее всего, еще в Германии). В тексте Готшеда употребляется только латинское наименование *praeteritio*, калькой которого является *прохождение*. Употребляется оно и у Помея, к тексту которого близко определение первой Риторике. И здесь нужно будет еще раз сказать о греческой «версии» данного текста, представленного в риторике Софрония Лихуда. Действительно, описания фигуры у Помея и Лихуда текстуально совпадают. Единственное различие между ними заключается в наименовании: Софроний использует традиционное греческое *παράληψις* (в рукописи – *παράλυσις*), а Помей – латинскую параллель *praeteritio*. Но именно это различие и дает расхождение в русских номинациях *оставление* vs. *прохождение*. Таким образом, риторика Софрония Лихуда оказывается тем текстом, 1) который обнаруживает специфические черты в определении фигуры, объединяющие его с риторикой Помея и первой Риторикой Ломоносова и 2) который использует вариант наименования, дающий в церковнославянских переводах номинацию *оставление*, употребленную и Ломоносовым в тексте своей первой Риторике. Мы бы хотели особо отметить этот факт, сближающий тексты первой Риторике 1744 и Софрония.

Что же касается изменения наименования в Риторике 1748, то целенаправленное использование конкретного источника – трактата Готшеда – при работе над текстом Р2 могло привести к тому, что и термин, употребленный в тексте-образце, стал рассматриваться в качестве более предпочтительной основы для номинации. Языковая «прозрачность» отношений между *praeteritio* и *прохождение*, а также тот факт, что они могли восприниматься как часть переводческого узуса (на что указывают данные Лексикона Целлария, см. пример № 37) определили окончательный выбор.

Проведенный анализ четырех фигур, наименования которых в Риторике 1748 были изменены сравнительно с Риторикой 1744, показал существование корреляции между ключевой структурно-семантической формулой дефиниции и наименованием фигуры. Наименование может непосредственно соотноситься с определением фигуры в тексте Риторике, когда в нем актуализируется одна из традиционных и использованных в риториках-источниках определений (как в случае с *заимословием* – наименованием сермоцикации); может соотноситься с



такой традиционной формулировкой, даже если она отсутствует в тексте определения, и в этом случае являться своего рода дополнительным элементом описания фигуры (как в случае с *умолчанием* и *перерывом* – двойной номинацией апосиопезы); может содержательно соответствовать определению без непосредственных лексических параллелей (как в случае с *умедлением* – наименованием сустентации). Иной принцип представлен в изменении названия претериции. В отличие от предшествующих случаев здесь Ломоносов калькирует латинскую исходную лексему. При этом калька и определение фигуры не имеют непосредственных связей на лексическом или формульном уровне. Если рассматривать данное изменение в контексте влияния источников, то можно сделать вывод о том, что целенаправленное использование одного из источников (и в том числе примера из данного источника – примера, который не входит в риторический канон) может влиять и на выбор номинации, которая в таком случае не обнаруживает явных семантических «перекличек» с дефиницией и, как это было характерно для предшествующей церковнославянской традиции, непосредственно калькирует исходный термин.

#### Источники

- Аннушкин 2006 – В. И. Аннушкин. Первая русская риторика XVII века: Текст. Перевод. Исследование. 2-е изд. М., 2006.
- Ломоносов 1952 VII – Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Полн. собр. соч. Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
- Риторика Иоанникия Лихуда – Российская национальная библиотека, Софийское собрание, № 1558, (рукопись).
- Риторика Козьмы Афоноверского – Российская национальная библиотека, Q. XV. 1, (рукопись).
- Риторика Михаила Усачева – Государственный исторический музей, собрание Щукина, № 803, (рукопись).
- Риторика Софрония Лихуда – Российская национальная библиотека, O. XV. 8, (рукопись).
- Риторика Стефана Яворского – Стефан Яворский. Риторическая рука // ОЛДП. СПб., 1878. Т. XX.
- Caussin – Caussin N. De eloquentia sacra et humana libri XVI. Editio quinta, non ignobilior pracedentibus. Lugduni, 1637.
- Gottsched – Gottsched J. Ch. Ausführliche Redekunst, nach Anleitung der alten Griechen und Römer, wie auch der neuern Ausländer, geistlichen und weltlichen Rednern zu gut, in zweenen Theilen verfasst und mit Exempeln erläutert. Leipzig, 1736.
- Pomey – Pomey F. A. Candidatus Rhetoricae, seu Aphthonii progymnasmata, in optimam formam usumque redacta. Monachii, 1664.
- RLM – C. Halm. Rhetores Latini minores. Lipsiae, 1863.

SR – Σωφρονίου ἱερομονάχου Λειχούδου τοῦ Κεφαληνέως .. Περὶ τῆς ῥητορικῆς δυνάμεως ἤτοι περὶ ῥητορικῆς θείας τε καὶ ἀνθρωπίνης (рукопись Российской национальной библиотеки, собрание Санкт-Петербургской духовной академии, Б. П. 10).

### Литература

- Аннушкин 2003 – Аннушкин В. И. Русская риторика: исторический аспект. М., 2003.
- Вознесенская 2004 – Вознесенская И. А. Греческие школы Иоанникия и Софрония Лихудов в начале XVIII в.: диссертация .. кандидата исторических наук. М., 2004.
- Вознесенская 2007 — Вознесенская И. А. Рукописные грамматики братьев Лихудов из библиотеки Ф. А. Толстого // Монфокон. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. Вып. 1. М.: СПб., 2007. С. 204–208.
- Григорьева 2012 – Григорьева И. Л. К вопросу о характере одного рукописного учебного пособия Новгородской школы братьев Лихудов // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: материалы XXIV Международной научной конференции, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012.
- Григорьева, Салоников 2001 – Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Новгородская школа братьев Лихудов как восточнославянская академия // Лихудовские чтения: материалы научной конференции «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11–14 мая 1998 г. Великий Новгород, 2001.
- Михайлова 1997 – Михайлова А. Ф. Трактат братьев Лихудов «О поэтическом или метрическом искусстве» // Балканские чтения – 4. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1997. С. 77 – 79.
- Рамазанова 2003 – Рамазанова Д. Н. Братья Лихуды и начальный этап истории Славяно-греко-латинской академии: диссертация .. кандидата исторических наук. М., 2003.
- Рамазанова 2007 – Рамазанова Д. Н. Новый греческий список «Риторики» Софрония Лихуда (предварительные замечания) // Монфокон. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. Вып. 1. М.: СПб., 2007. С. 198–203.
- Рамазанова 2008 – Рамазанова Д. Н. Греческие списки сочинений основателей Славяно-греко-латинской Академии братьев Лихудов в рукописных собраниях Одессы и Харькова // Вісник Одеського Національного університету. 2008. Т. 13. Вип. 8. Серія Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. Одеса. С. 151–161.
- Рамазанова 2014 – Рамазанова Д. Н. Рукопись Греч. 736 РНБ – «Риторика» Герасима Влаха или Софрония Лихуда // «Слова и золотая вязь ...». Сборник статей памяти В. М. Загребина (в печати).
- Салоников 2010 – Салоников Н. В. Новгородская школа братьев Лихудов при Феофане (Прокоповиче): обзор документов ГАНУ и архива СПб Института истории РАН // Лихудовские чтения: материалы научной конференции «Третьи Лихудовские чтения». Великий Новгород, 31 мая – 02 июня 2010 г. (в печати).
- Фонкич 1988 – Фонкич Б. Л. Новые материалы для биографии Лихудов // Памятники культуры. Новые открытия. 1987. М. С. 61 – 70.

- Фонкич 2000 – Фонкич Б. Л. «Привилегия на Академию» Симеона Полоцкого – Сильвестра Медведева // Очерки феодальной России. М., 2000. Вып. 4. С. 237 – 298.
- Фонкич 2001 – Фонкич Б. Л. К вопросу о соотношении академии Симеона Полоцкого – Сильвестра Медведева и академии братьев Лихудов // Лихудовские чтения: материалы научной конференции «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11 – 14 мая 1998 г. Великий Новгород, 2001. С. 28 – 30.
- Фонкич 2009 – Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009.
- Яламас 1992 – Яламас Д. А. Филологическая деятельность братьев Лихудов в России: диссертация .. кандидата филологических наук. М., 1992.
- Яламас 2001 – Яламас Д. А. Значение деятельности братьев Лихудов в свете греческих, латинских и славянских рукописей и документов из российских и европейских собраний: диссертация .. доктора филологических наук. М., 2001.

### Словари

- ВЛ – Вейсманн Э. Немецко-латинский и русский лексикон... СПб., 1731.
- ЛП – Поликарпов Ф. П. Лексикон трехязычный... М., 1704.
- ЛЦ – Христофора Целлария Краткой латинской лексикон с российским и немецким переводом... СПб., 1746.
- Москвин 2007 – Москвин В. П. Выразительные средства русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Изд. 3-е, испр. и доп. Ростов н/Д, 2007.
- Срезневский – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–29. М., 1975–2011.
- СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Т. 1 – 19. Л., СПб., 1984–2011.
- Хазагеров 2009 – Хазагеров Г. Г. Риторический словарь. М., 2009.

### **K. Lemeshev. Denominations of the figures of thought in Lomonosov's Rhetoric**

Denominations used by Lomonosov for the figures of thought are only Russian lexemes but in most cases they correspond to Latin and Greek terms, being calques and equivalents, and can be found in preceding Church Slavonic translations of European rhetoric treatises. However, some denominations deviate from this traditional and straight correspondence. The paper considers possible reasons for such shift in the denomination principle.

*Keywords:* Lomonosov, 18<sup>th</sup> century Literary Russian, historical terminology, rhetoric, figures of thought.

А. Б. Черняк

## ФРИДРИХ ДИЦ – ОСНОВАТЕЛЬ РОМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ\*

*Резюме:* статья посвящена жизни и научной деятельности немецкого филолога-романиста, основоположника сравнительного изучения романских языков Фридриха Кристиана Дица (1794–1876). Подробно рассматриваются его основные труды – грамматика и этимологический словарь романских языков.

*Ключевые слова:* история романской филологии, Фридрих Диц, «Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen», «Grammatik der romanischen Sprachen», «Leben und Werke der Troubadours», «Die Poesie der Troubadours».

Романская филология возникла в начале XIX в., как и другие «новые» филологии – германская и славянская, главным образом усилиями немецких ученых. И это не случайно: Германия того времени была страной университетов (их насчитывалось более тридцати в начале указанного столетия)<sup>1</sup> и, безусловно, обетованной землей классических штудий, давшей миру таких выдающихся исследователей античности, как геттингенский профессор Х. Гейне (1729–1822), гомеровед Ф. Вольф (1759–

---

\* Эта работа была написана на рубеже 80-ых для сборника А. В. Десницкой «Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX в.», который вышел в 1984 г. без нее. Причина простая: слишком большой объем. Других замечаний не было. Мне даже разрешили отдать рукопись в машбюро, и я получил три машинописных экземпляра, что было тогда весьма ценно. Мне даже предложили сократить ее всего на треть, т. е. А. В. давала мне примерно 60 страниц – шикарная любезность с ее стороны. Я предпочел не трогать текст и написал другую статью примерно на ту же тему (Черняк 1984). Я собирался добавить к Дицу Мейер-Любке и моего любимого Грёбера и опубликовать все вместе, но этот план так и не осуществился. Сейчас я немножко подработал, так сказать, «модернизировал» старую рукопись, но далеко не так, как хотелось бы; в частности неучтенными остались публикации Г. Кристиманна: Christmann 1977, 1985. Я искренне благодарю коллег из Бонна за подаренный пухлый двухтомник *Romanistik: eine Bonner Erfindung*. Hggb. von Hirdt W. (*Romanistik*) с огромной статьей Р. Баума о Дице (Baum 1993).

<sup>1</sup> См. AG К. 53,1. Хорошее представление об интеллектуальной и научной жизни Германии того времени дает книга мадам де Сталь «De l'Allemagne» («О Германии») [1810].

1824) и текстолог К. Лахман (1793–1851). За высшей школой потянулась и средняя (т. е. гимназии), и в обстановке непрерывного культурного роста прогресс в других областях филологии, выразившийся в открытии и основании новых научных дисциплин, стал естественным образом делом времени. В 1816 г. Ф. Бопп (1791–1867) публикует свою первую работу по индоевропейской компаративистике, в 1822 г. появляется второе издание «Немецкой грамматики» Я. Гримма и, по образцу последней, – как открыто признавал сам автор – в 1836 г. выходит в свет первый том «Грамматики романских языков» Ф. Дица. Романское литературоведение возникло еще раньше благодаря деятельности немецких романтиков, обратившихся к изучению своей национальной старины и незамедлительно обнаруживших тесную связь, а в ряде случаев и прямую зависимость средневековой немецкой поэзии от поэзии старофранцузской и провансальской (см.: Richert 1914).

Обе эти начальные стадии развития романской филологии отражаются в биографии ее основателя.

### **I. Юношеские годы**

Фридрих Диц родился 15 марта 1794 г. в Гиссене (земля Гессен, тогда великое герцогство Гессен-Дармштадт) в семье многодетного и скуднооплачиваемого чиновника (о семье Дица см. Vehrens 1894; Curtius 1947).

Его дед был профессором теологии в Гиссене, прадед пастором. Прежде чем поступить в 1811 г. в местный университет, будущему романисту пришлось окончить классическую гимназию, знаменитый гиссенский Paedagogium, где учились в свое время его отец и дед и где Дицу посчастливилось заниматься под руководством Фридриха Велькера (1784–1868), выдающегося филолога-классика, археолога и искусствоведа (о нем см. Kekulé 1880). Контакт с Велькером сохранился и в университете, где тот вскоре получил кафедру, и можно только удивляться, как молодой талантливый филолог не пошел по стопам учителя и не посвятил себя всецело изучению античных ваз и толкованию греческих трагедий.

Может быть, известную роль сыграла здесь опасная болезнь глаз – в конце столетия другой будущий великий филолог – романист, швейцарец В. Мейер-Любке вынужден будет отказаться от индоевропеистики из-за слабых легких.

Интерес к романским языкам и литературам появился у молодого Дица еще в гимназии, вероятно под влиянием его

профессора, прекрасно владевшего итальянским языком и приватно преподававшего его – наряду с «Нибелунгами» – своим ближайшим ученикам<sup>2</sup>. Испанским и португальским языками Диц овладел самостоятельно и уже в 1811 г. читал Велькеру свои стихотворные переводы из «Луизиад» Камозэнса<sup>3</sup>. Напротив, поход во Францию в составе гессенского добровольческого корпуса егерей, где юный филолог, горячий патриот, как и его друзья, служил под командованием своего учителя (Велькер был майором) вряд ли должен был произвести на него особенное впечатление: добровольцы без боя дошли до Лиона, после чего их корпус был распущен<sup>4</sup>. В своей автобиографии 1821 г. Диц ссылается на появившийся в 1816 г. первый том «Избранных стихотворений трубадуров» Ф. Ренуара (см.: Raupouard, *Choix*) и посвященную ему брошюру А. фон Шлегеля (1818) (см.: Schlegel 1818), якобы открывших ему его будущее призвание, но о трубадурах ему было известно и раньше<sup>5</sup>. Еще в 1816 г. у себя дома в Гиссене он начал работать над темой «Миннезингеры юга» или «История провансальских и староиспанских миннезингеров»<sup>6</sup>. Тогда Диц, правда, довольно

<sup>2</sup> С 1806 по 1808 год Велькер находился в Италии, по большей части в Риме, где жил в доме Вильгельма фон Гумбольдта, тогдашнего посла Пруссии при папском дворе, воспитывая его детей и состоя в самых дружеских отношениях со своими хозяевами. Позднее Диц имел возможность усовершенствовать свои познания благодаря общению с молодым итальянцем, сыном археолога Зоэги, которого он с 1814 по 1817 гг. обучал в Гиссене немецкому языку и от которого он выучился бегло говорить по-итальянски, см. составленную им в 1821 г. при устройстве в Боннский университет автобиографию, опубликованную в: Foerster 1895: 247, № 5.

<sup>3</sup> См.: *ibid.* 240, 244, 247. Велькер стремился привить своим ученикам любовь к поэзии и поощрял их стихотворные опыты, см. Baum 1993: I, 90–91, 467–489; 505–532 (собственные стихи Дица).

<sup>4</sup> Baum 1993, I: 48–51. Симпатии немцев к Франции развеялись за время наполеоновской оккупации Германии, сопровождавшейся вымогательствами и открытым грабежом. Старший современник Дица Яков Гримм, долгое время живший в Париже, а у себя дома в Касселе занимавший хорошо оплачиваемую должность библиотекаря короля Вестфалии Жерома (1807–1813), тем не менее всю свою жизнь питал неприязнь к французам, см.: Kabilinski 1914: XI–XII usw.

<sup>5</sup> Его внимание к провансальской поэзии должно было привлечь эссе Я. Гримма «О древнемецком миннезанге» (Grimm 1811), где подробно разбиралась и оспаривалась зависимость немецких миннезингеров от провансальских трубадуров (Kabilinski 1914: 38 ff.; Richert 1914: 27).

<sup>6</sup> Конспект Дица, датируемый февралем 1816 г., впоследствии от одного из его племянников попал к марбургскому профессору Э. Штен-

быстро перешел к испанским романсам, вероятно, под впечатлением публикации Я. Гримма (Grimm 1815), на которую он написал хвалебную рецензию (HJL 1817: 371–382 = Diez, KAR: 1–10), и в Геттингене, куда в конце того же года он последовал за Велькером и Зоёгой, ему удалось собрать достаточно материала для своей первой книги – томика переводов «Староиспанских романсов» (1817)<sup>7</sup>. Но и после этой крайне важной публикации – она послужила молодому филологу как бы визитной карточкой, открыв ему двери к Гете и к Жану Полю<sup>8</sup>, двум звездам тогдашней Германии, и даже после разговора с Гете, по преданию указавшим ему на труды Ренуара и побудившим обратиться к этому новому поприщу<sup>9</sup>, Диц переходит к провансалистике далеко не сразу и не целиком. Правда, в 1820 г. он публикует рецензию на *Sboix* Ренуара и *Observations* А. фон Шлегеля (см. Diez, KAR: 39 – 48; Baum 1993: II, 717–723), но одновременно с этим в Утрехте он погружается в изучение английской литературы (переводы староанглийских и шотландских баллад, «Корсара» и «Осады Коринфа» Байрона и «Монастыря» В. Скотта, последние ради денег) и еще находит досуг переработать свои переводы из испанского романсеро, дополнив их критической статьей (1821 г.)<sup>10</sup>, равно как и для рецензирования книг по испанской и итальянской литературам.

На судьбу Дица оказало решающее влияние обстоятельство, не упоминаемое им в своей автобиографии, а именно, разорение, постигшее его семью в 1817 г.<sup>11</sup> Трудно сказать, как иначе могла бы сложиться его жизнь. Обладая несомненным поэтическим даром и немалой эрудицией, которую он неустанно расширял (в Геттингене, наряду с лекциями по эстетике Ф. Бутервека, он слушал германистов Г. Бенеке и Бунзена), Диц, по

---

гелю и сгорел в Лувене в 1940 г. вместе со всей его библиотекой, см.: Curtius 1947: 422–423.

<sup>7</sup> См.: F. Diez. *Probe altspanischer romanzen*. Frankfurt/M., 1817. Мы не могли познакомиться с этим редким изданием.

<sup>8</sup> О встрече Дица и его друга Карла Эбенау с Жаном Полем во Франкфурте в июне 1818 г. подробно рассказывается в дневнике последнего, см. Behrens 1895: 162.

<sup>9</sup> См. об этой легенде: Curtius 1947: 423, Anm. 33; Baum 1993: II, 715–716. Диц посетил Гете в Иене в апреле 1818 г. К этому же времени относится знакомство с Августом Шлегелем, см. Baum 1993: II, 716.

<sup>10</sup> Diez 1821; Baum 1993: I, 81. Объем книги вырос с 52 страниц до 226.

<sup>11</sup> См. записи в дневнике Эбеау: Behrens 1895: 158 (29 июня), 161 (4 июня 1818), 170 (июнь 1819).

всей видимости, готовил себя к карьере литератора в стиле Иоганна Тика, братьев Шлегелей или всего семью годами старшего Людвига Уланда, когда финансовый крах поставил его перед необходимостью срочно поступить на службу. Он полгода бесплатно работает в Дармштадтской библиотеке, изучая в ожидании обещанной ставки восточные языки – библиотеке требовался ориенталист – но утверждение все откладывается и, в конце концов, Диц не выдерживает и возвращается домой. Попытка основать эстетический, т. е. литературный журнал не удается. В 1819 г. Диц уже в Утрехте в скромной роли домашнего учителя, где основательно знакомится с голландским языком, но спустя год с небольшим нездоровый климат и болезнь принуждают его оставить это место. И только еще через год, в августе 1821 г., Ф. Велькер, перешедший в 1819 г. в Бонн, устраивает туда на освободившуюся должность преподавателя итальянского, испанского и португальского языков и литератур своего талантливого и неудачливого ученика. Жалование, разумеется, очень невелико, – 300 талеров в год (только в 1826 г. его оклад поднимется до 400) (см. Foerster 1895: 266 ff.; Stengel 1883: 13). Спустя год после официального вступления на преподавательское поприще, весной 1824 г., Диц, благодаря поддержке все того же Велькера и влиятельного А. В. Шлегеля, получает звание экстраординарного профессора (Baum 1993: II, 725–733 – латинская речь Дица). Ему 30 лет. Будущее его уже более или менее обеспечено, но перенесенное им потрясение, болезнь и годы борьбы за существование наложили на его характер неизгладимый отпечаток: он стал черствым и крайне необщительным, чем немало огорчает своих старых друзей, которые по-прежнему его любят и ценят<sup>12</sup>.

Так, волею судеб и обстоятельств, Фридрих Диц пришел в романскую филологию. Он мог стать литератором, ориенталистом и, вероятно, кем-нибудь еще: в 1820 г. он готов был взяться за любую более или менее подходящую работу. Меняя в январе 1822 г., незадолго до отъезда в Бонн, свой Коран на томик Данте Карла Эбенау (см. дневник Эбенау: Behrens 1895: 171), Диц уже отчетливо видел свой будущий путь. Ему еще придется заниматься переводами и уроками (см. Stengel 1883: 104), так как на одно жалованье прожить невозможно, но отныне основным занятием его жизни становится романская

---

<sup>12</sup> См. дневник К. Эбенау и его письмо к Дицу, опубликованное в: Foerster 1894, а также Curtius 1947: 419–420, который ищет причины дицевской резигнации в особенностях его психики.



филология. На последующие девять лет все свое гессенское трудолюбие и сметку<sup>13</sup> Диц целиком переключает на провансалистику.

## II. Провансальские штудии. Диц и Ренуар

Он сделал это на редкость вовремя. К началу преподавательской и научной деятельности Дица в Бонне Ф. Ренуар уже закончил издание своего шеститомного *Choix*: грамматика провансальского языка (т. I); введение в старопровансальскую литературу (т. II); поэтическая антология, включавшая 500 произведений 350 авторов (III–IV); провансальские жизнеописания (биографии) трубадуров и прочие имеющиеся о них достоверные сведения (т. V) и даже «Сравнительная грамматика языков латинской Европы в их отношениях к языку трубадуров» (т. VI), были в распоряжении молодого немецкого ученого. Провансальская филология и, может быть, как думали многие – в первую очередь сам Диц (см. ниже) – филология романская были, таким образом, уже основаны и требовались новые силы и руки, чтобы продолжить дело, начатое замечательным французским ученым. На личности последнего ввиду той огромной роли, которую он сыграл в научной деятельности Дица в Бонне, т. е. по сути дела во всей его дальнейшей жизни нам необходимо остановиться.

Франсуа-Жюст-Мари Ренуар (о нем см.: Körner 1915) родился 8 сентября 1861 г. в Бриньоле (деп. Вар), неподалеку от Марселя, Тулона, Канн и Средиземного моря, учился юриспруденции в близлежащем Эксе, а затем во Французском Колледже в Париже. Попытка посвятить себя литературе не удалась, вследствие чего ему пришлось удовольствоваться адвокатурой в родном Драгиньяне. В 1791 г. Ренуар был избран депутатом в Законодательное собрание, на заседаниях которого он никогда не присутствовал, тем не менее, из-за своей умеренности при терроре он провел год в тюрьме, откуда его освободил переворот 9 термидора (27 июля 1794 г.), низвергнувший Робеспьера и Сен-Жюста, и где он написал свою первую трагедию «Катон Утический». Вернувшись на родину, он возобновляет

---

<sup>13</sup> Земля, где родился и вырос Диц, была не очень обильной: «Pays montagneux, âpre, exposé aux vents rigoureux de l'est, coupé par de profondes vallées. Les Hessois, obligés de gagner péniblement leur vie, sont les plus malheureux des peuples allemands. De là ce dicton: «Ou le Hessois n'a pas son gain, / Nul ne pourra trouver son pain» (Larousse pour tous : I, 839 s. v. *Hesse*).

адвокатскую практику, но незамедлительно бросает, едва лишь обеспечив себе небольшую ренту. В начале XIX в. он снова в Париже, где на занятиях санскритом у А. Гамильтона знакомится и сближается с Фридрихом Шлегелем, помогая ему в его провансальских штудиях: уже тогда Ренуар ревностно изучал историю своего края и обладал немалыми познаниями в этой области. Наряду с этим он продолжает сочинять и в 1805 г. «Тамплиеры», пятиактная трагедия в александрийских стихах на национальный сюжет, приносит ему огромный успех, кресло в Академии (с ноября 1807 г.) и европейскую известность. К счастью для романистики этот триумф был единственным: «Блуасские штаты» вызвали неудовольствие Наполеона<sup>14</sup> и были поставлены только в 1814 г.; другие свои исторические драмы в духе Шиллера (Ренуар хорошо знал немецкий язык), он не считал нужным даже напечатать, вероятно, сам вполне сознавая свои недостатки. На редкость цельная и симпатичная личность<sup>15</sup>, бескорыстнейший адвокат, скрупулезный историк<sup>16</sup> и горячий патриот не был великим драматическим поэтом.

Поворотным пунктом в биографии Ренуара явился 1813 г., когда на одном из заседаний Академии он прочел доклад о важности изучения французских диалектов для понимания истории французского языка и где он сообщил о своих занятиях провансальским языком и о своих дальнейших планах, предполагавших публикацию большого словаря, грамматики и других исследований. Это известие вызвало всеобщий интерес и уже в следующем году правительство Реставрации решило предоставить ученому значительную субсидию для напечатания его трудов, а в 1815 г. он был избран членом Академии надписей и изящной словесности. Шеститомное издание «Избранных сти-

---

<sup>14</sup> Бывший консул был задет такими фразами, как: *Le héros de la veille est le tyran du jour*, см. Körner 1915: 460; Ренуар был убежденным республиканцем. В конце 1813 г. от имени Законодательного корпуса, членом которого он состоял с 1806 г., он составил петицию к императору с требованием мира, свободы личности и свободы печати. В период Ста дней Карно предложил ему портфель министра юстиции, но благоразумный филолог отказался.

<sup>15</sup> См. очень интересную характеристику в: Sainte-Beuve 5: 1–21. Портрет Ренуара можно найти в: Lar. ill.: VII, 184. Любопытна и посвященная ему статья в: Larousse, *Grand*: XIII, 745–746.

<sup>16</sup> В 1813 г. он опубликовал двухтомник «*Monuments historiques relatifs à la condamnation des chevaliers du Temple*»; в 1829 г. еще одно двухтомное исследование, «*Histoire du droit municipal en France*», где он пытался доказать непрерывность римского муниципального устройства в Галлии, но не имел успеха, см.: Körner 1915: 480.

хотворений трубадуров» превратилось в настоящее национальное предприятие: автор получал по 20.000 франков за том на оплату своих сотрудников и типографских издержек; тираж издания составлял 1000 экземпляров, из которых 200 передавалось министерству двора, рассылавшему их французским и иностранным академиям, а также отдельным ученым, в том числе Вильгельму Шлегелю и, разумеется, Гете. К сожалению, Choix не включал давно обещанного словаря, над которым Ренуар работал вплоть до самой смерти, последовавшей 25 октября 1836 г. При жизни он успел опубликовать только второй том (1836 г.), остальные пять томов и по сей день незаменимого пособия<sup>17</sup> были выпущены в свет его сотрудниками, завершившими издание только в 1844 г. Поэтому Диц, когда он в двадцатые года стал самостоятельно читать трубадуров, пришлось приняться за составление собственной картотеки (см. Diez, *Poesie*: XIV). Не будем, однако, преувеличивать его трудностей: в первом томе Choix он мог воспользоваться переводом 2000 строк примеров, приведенных в пояснение к очерку провансальской грамматики; второй том помимо примеров и переведенных дословно древнейших памятников содержал анализ, т. е. в сущности, более свободный перевод значительной части стихотворений, опубликованных в III и IV томах. К тому же молодой немецкий филолог хорошо знал итальянский и испанский, а также португальский языки и прошел филологическую выучку в семинаре Велькера. Мы вправе таким образом заключить, что Диц был прекрасно подготовлен для успешных занятий провансальской литературой: для дальнейшей работы непосредственно с рукописями ему разве что не хватало некоторого навыка в палеографии.

Действительно, уже весной 1824 г., несмотря на большую учебную нагрузку (помимо романистических дисциплин Диц, замещая выбывшего германиста, вел занятия и по средневерхненемецкому; в летний семестр 1823 г. у него тем не менее было всего восемь часов, причем не с самого утра – см. Foerster 1895: 258), он обращается к министру с просьбой о трехмесячной командировке в Париж для изучения хранящихся там 12 провансальских рукописей: Ренуар, как указывал Диц в своем прошении, опубликовал только 500 стихотворений из

---

<sup>17</sup> Ренуаровский «Lexique roman» в конце века получил семитомное приложение: Levy, *Suppl.*, а также великолепный компендиум: Levy, *Petit*. В настоящее время в ФРГ предпринята попытка создать словарь старопровансальского языка путем слияния словарей Ренуара и Леви.

содержащихся в них 4.000<sup>18</sup>). Боннский романист собирал материалы для критической истории трубадуров, предполагая также со временем издать дополнения (Nachlese) к сборнику своего предшественника (Baum 1993: II, 733). Получив разрешение и необходимую субсидию, Диц летом 1824 г. отправляется в Париж, снабженный рекомендательным письмом А. В. фон Шлегеля к Ренуару. Он встретил, однако не слишком радушный прием: в Национальной Библиотеке ему первое время отказывались давать рукописи на дом, так что он должен был ограничить свою ежедневную работу четырьмя часами в самое жаркое время дня<sup>19</sup>. Ренуар был как всегда любезен, но Дица смутила характерная для провансальца резкость суждений, за которой, впрочем, не скрывалось никакой недоброжелательности; к тому же из-за своей робости и, может быть, несовершенного владения французским языком, он не смог с первого раза расположить в свою пользу влиятельного академика, вероятно, даже просто объяснить, чего он от него хотел<sup>20</sup>. Тем не менее, немецкий филолог мог быть доволен результатами своей поездки: в отчете министру он набрасывает план работ, которые займут его в последующие пять лет. На первом месте стоит эссе «О дворах

---

<sup>18</sup> Foerster 1895: 281. Действительное число стихотворений примерно равно 2100.

<sup>19</sup> См. отчет Дица министру (Foerster 1895: 265; Baum 1993: II, 737–739), а также письмо от 1 августа 1824 г. А. В. фон Шлегелю (опубликовано в: Richert 1914: 59–62; Baum 1993: II, 734–735). Дица выручил хранитель восточных рукописей Абель Ремюза, не побоявшийся взять на себя ответственность, чего не решился сделать соотечественник Дица, известный эллинист Карл Газе, заведовавший греческим фондом Национальной (тогда Королевской) библиотеки. О К. Газе см. подробнее Черняк 2001.

<sup>20</sup> См. *ibid.*, 62: «Morgen schreibe (ich) noch einmal an Raynouard, der mich schlechterdings mißverstanden haben muß». Диц был не только необщителен, но и очень некрасив, зато он был неотразим на расстоянии: его письма вызывают горячую симпатию к их автору. Так было и на этот раз. Ренуар составил ответ на содержащиеся в письме Дица вопросы, однако, когда он пришел с ним к Дицу, оказалось, что немецкий ученый уже уехал (см. рецензию Ренуара на *Die Poesie der Troubadours*, опубликованную в *Journal des Savants* (1828) 347–358, где 64-летний академик сам рассказывает об этом курьезном случае (р. 348). Неловкость молодого романиста не имела для него никаких последствий: отзыв Ренуара был в высшей степени благожелательным. Казусы такого рода случались с Дицем и раньше; так по прибытии в Бонн он не потрудился сделать обязательного визита большей части профессоров своего факультета – разумеется, из чистейшей застенчивости – что доставило ему немало хлопот в следующем году при получении экстраординарной профессуры (см.: Foerster 1895: 252 ff.).

(судах) любви» (*Über die Minnehöfe*), уже подготовленное к печати. Под заглавием *Beiträge zur Kenntnis der romanischen Poesie des Mittelalters* оно появилось в Берлине в 1825 г. (Baum 1993: II, 739–746).

В истории романистики научную деятельность Дица принято изображать как своего рода состязание с Ренуаром, закончившееся блистательной победой немецкого ученого и торжеством примененного им подлинно научного метода исследования. В действительности мастерством исторического анализа французский филолог владел не хуже своего счастливого соперника (он выступал и как чистый историк, но и в его филологических трудах повсюду проявляется фанатическая скрупулезность юриста, не позволяющего себе выдвигать неподтвержденные фактами гипотезы), да и самому Дицу вследствие особенностей его характера какие-либо открытые дискуссии были крайне неприятны. Это заметно уже в его первом сочинении, где он не столько опровергает мнение своего знаменитого предшественника о существовании «судилищ (дословно «дворов») любви», т. е. своеобразных дамских судов куртуазности начиная с середины XII в. или еще раньше (см. Raynouard, *Cours d'amour*), сколько выдвигает диаметрально противоположную концепцию, в значительной степени основывающуюся на недоразумении (Диц относил время возникновения «дворов любви» к XIV в., ошибочно датируя этим периодом трактат «О любви» капеллана Андрея, содержащий 21 «судебное решение» (*iudicium*) королевы Англии Элеоноры Аквитанской, ее дочери графини Марии Шампанской и других знатных дам XII в.). Собственно критика сводилась к общим и в сущности не доказанным замечаниям о маловероятности женовластия (*Gynäkokratie*) во Франции XII в., о немислимости общественного одобрения адюльтера, о строжайшем сохранении тайны любви и свободе чувства, неподвластного каким-либо предписаниям. Эта отрицательная точка зрения на гипотезу Ренуара в дальнейшем возобладала благодаря поддержке и авторитету Г. Париса, но среди защитников «дворов любви» был издатель трактата Андрея датский романист Э. Тройель и другие ученые<sup>21</sup>. «Уничтоженный» Дицем мемуар Ренуара и

---

<sup>21</sup> См. доводы в пользу реальности «дворов любви» в: Klein 1911: 332–351, а также попытку реконструкции в: Kelly 1937. См. обзор проблемы в: Liebertz-Grün 1977 с обширной литературой, к которой можно прибавить удачную характеристику Фориеля: «... cette étrange institution des cours d'amour, si difficile à comprendre et à croire et

сейчас читается с неослабевающим интересом и сохраняет свое историческое значение (в нем впервые дан обстоятельный анализ трактата Андрея «О любви», который до этого был практически неизвестен). Эссе Дица любопытно публикацией нескольких новых провансальских текстов XIII в. (мало-существенных для решения данного вопроса)<sup>22</sup>, значительной эрудицией автора, главным образом в области итальянской литературы и оригинальной конъектурой к опубликованной в *Choix IV*, 16 тенсоне *Perdigon be: Qu'el Dalfin sia plaits pauzatz, / Qu'el jutje e la cort en patz*, где Диц одним росчерком пера уничтожил предполагаемый «двор любви» Дофина Овернского, заменив *la cort* на *l'acort*, сосл. 3 ед. ч. от *acordar*, здесь *décider* – ‘выносить решение’ (Дофин сам был известным поэтом и не нуждался в данном случае в помощи своих советников). В 1842 г. этот характерный образчик гиперкритики XIX в. был переведен на французский язык (см. Diez 1842).

«Поэзия трубадуров» (*Die Poesie der Troubadours*), первое по-настоящему значительное исследование Дица, была опубликована в 1826 г. (см. Baum 1993: II, 747–756) и почти сразу отрецензирована Ренуаром (см. выше, прим. 20). Французского ученого из всей книги более всего заинтересовала пятая глава, где рассматривалось отношение провансальской поэзии к другим средневековым европейским литературам: французской, немецкой, итальянской – аспект, совершенно не затронутый в его собственных разысканиях; главы, посвященные внешней истории (I), форме (II) и содержанию лирической поэзии (III), а также повествовательным и дидактическим жанрам (IV), равно как и раздел о провансальском языке (VI) не привлекли внимания Ренуара: автор, по его мнению, построил свое изложение в основном на материалах его коллекции (см. Raynouard 1828: 349). Анализ примечаний к первым четырем главам, однако, показывает, что только 80% сносок приходится на *Choix* и *Parnasse occitanien* Рошгюда<sup>23</sup>, не говоря о помещенных в приложении четырех новых текстах: летняя экспедиция в

---

*serpandant impossible à nier»* (Fauriel 1847: 332). Ср.: DLFMA 340–341s. v. *Courtoisie* (В. Н. Wind, P. Zumthor).

<sup>22</sup> Ренуар и Диц оба упустили из виду важное свидетельство знаменитого трубадура Жираута де Борнель, обращающегося за решением очередного любовного казуса к упоминаемой капелланом Андреем Эрменгарде Нарбонской (éd. Kolsen XXVI, 96 ss.), см. также: Jeanroy 1934: I, 166, n. 4 (обнаружено К. Шабано).

<sup>23</sup> Об этом опубликованном в 1819 г. сборнике и его авторе см.: Jeanroy 1934: I, 13–16.

Париж, таким образом, была далеко не бесполезной. Характерной особенностью книги является экономная подача материала: Диц цитировал только неопубликованные стихотворения, ограничиваясь в прочих случаях отсылкой к вышеуказанным источникам. Приятной новостью оказались блестящие стихотворные переводы в основном тексте третьей главы; их прелесть была утрачена во французском переводе<sup>24</sup>, что, тем не менее, не помешало этой работе сыграть важную роль в развитии провансалистики. По количеству содержащихся в ней сведений и фактов она намного превосходит соответствующий мемуар Ренуара (см. Raynouard, *Recherches*), который все же сохраняет свое значение благодаря удачной подборке примеров с построчным переводом (Ренуар не задумываясь печатал целые канцоны – текст «Исследований» наполовину состоит из цитат – и надо отдать ему должное, он делал это со вкусом). В отдельных своих частях монография Дица вскоре устарела: автору еще не была известна «Фламенка», равно как и ряд эпических поэм и прочих обнаруженных позднее произведений провансальской литературы, но для своего времени она явилась бесспорным достижением, несмотря на отдельные поспешные заключения и неудачные объяснения<sup>25</sup>.

<sup>24</sup> См.: Diez 1845. О нем см.: Baum 1993: II, 756–757. Диц основательно переработал текст, увеличив его на 60 страниц.

<sup>25</sup> На отсутствие четкого разграничения народной и придворной поэзии – например, относительно лирики графа Гильома де Пуатье (Diez, *Poesie*: 15) указал уже Ренуар (Raynouard 1828: 357). Далее, поэзия трубадуров возникла не потому, что юг Франции «превосходил почти все прочие европейские страны образованностью, благосостоянием и внутренней свободой» (Diez, *Poesie*: 14) – север Франции был культурнее, а города Северной Италии независимее и богаче, см. Jeanroy 1934: I, 63 ss.). Предлагаемое на с. 53 разделение провансальской поэзии на три периода (с 1090 до 1140, затем до 1260 и последний – до 1290) не получило признания. Анализируя причины упадка провансальской лирики (Diez, *Poesie*: 52–53), Диц проходит мимо главной – крестового похода против альбигойцев (1209 г.), приведшего к разгрому Лангедока, о чем знал уже Бастеро; общая характеристика лирики трубадуров как «eher eine Poesie des Verstandes als des Gefühles» (ibid. 110) была, безусловно, симпатичной немецкому читателю, но у французских ученых мы находим диаметрально противоположные мнения, ср.: «Les populations méridionales se distinguaient... de celles du Nord par un sens poétique et musical plus développé» (Jeanroy 1934: I, 63). Наконец, утверждение, что пров. *mot* ‘слово’ означало также ‘стих’ (Diez, *Poesie*: 71) во втором издании было исправлено Барчем.

Еще более впечатляющей для современников была вышедшая в 1829 г. «Жизнь и творчество трубадуров» (Diez, *Leben*; см. Baum 1993: II, 760–859), солидная монография на более чем 600 страниц с двумя ценными индексами, содержащая подробнейший анализ биографий и произведений 35 наиболее известных трубадуров (с. 3–523), а также краткие характеристики 27 менее знаменитых с многочисленными примечаниями, цитатами и стихотворными<sup>26</sup> и прозаическими переводами. Эта книга, безусловно, заложила фундамент для всех последующих штудий<sup>27</sup>, и то обстоятельство, что она не была переведена на другие языки, следует интерпретировать однозначно: отныне провансалисты должны были уметь читать по-немецки (всего за десять лет до этого А. В. Шлегель предпочел написать свои *Observations* по-французски). Предисловие (с. III–XII) показывает, что автор хорошо усвоил мягкую критику Ренуара: Дицу удалось выявить существеннейшую черту, отличающую поэзию трубадуров от народной лирики: ее субъективизм, сугубую сосредоточенность на собственных переживаниях, реальных или мнимых, и соответственно крайнюю редкость стихотворений, принадлежащих более объективным жанрам: романсу, альбе, пастурели. Эта удачная поправка к «Поэзии трубадуров» (на с. 615–616 приводится целый ряд других исправлений и дополнений) впоследствии вошла во все учебники провансальской литературы (см. Stimming 1897: §§ 24, 26–7; Jeanroy 1934: II, 282 ss.).

### **III. Переход к языковым штудиям. «Романский вопрос» в первой трети XIX века**

С выходом в свет второй монографии положение Дица окончательно упрочивается: в 1830 г. он получает звание ординарного профессора, а в 1833 его жалование составляет уже 700 талеров в год (он получал 1300 с 1838 г.; впоследствии его оклад будет доведен до 2000) (см.: Foerster 1895: 280 ff.). Казалось бы, он мог теперь всецело посвятить себя выполнению плана, выдвинутого им еще в 1826 г.: публикации всех произведений

<sup>26</sup> Их (27) приводит Баум вместе с пятью из «Поэзии трубадуров» и тремя неопубликованными, параллельно с текстами оригиналов, см. Baum 1993: II, 772–859.

<sup>27</sup> См. Jeanroy 1934: I, 23, хотя и с некоторой оговоркой: «Le seul tort de Diez était de conserver, à l'égard des Biographies (т. е. провансальских *Vidas* XIII в.) qu'il utilisait abondamment, tout en reconnaissant leur peu de valeur documentaire, une attitude hésitante et quelque peu contradictoire».



трубадуров (см.: Diez, *Poesie*: XII). Вместо этого он оставляет провансалистику. ради новой темы – грамматики романских языков.

Причины этого поворота довольно очевидны. Сколь много Диц ни вывез из своей первой заграничной командировки – еще в сентябре 1832 г. он упоминает о ней в письме к ректору как о «не оставшейся бесплодной для науки» (см.: Foerster 1895: 265) – все же его запасы должны были истощиться. Необходимо было новое путешествие в Париж; предстояло посетить и богатые книгохранилища Англии и Италии. Но боннский профессор не любил путешествовать; может быть, у него просто не было денег на поездки – он, вероятно, помогал своим родителям – а просить пособия он не решался. Кроме того, он не рассчитывал найти издателя: публикации Ренуара и Рошгюда, по-видимому, настолько перекрывали имевшийся спрос, что Диц даже не пытался издать обещанную им в 1824 г. антологию трубадуров с примечаниями и словарем (см.: Foerster 1895: 279, N. XXXIII): немецкая публика отчасти ее уже получила<sup>28</sup>. Другие планы, старофранцузские романы (в первую очередь «Персеваль», горячо рекомендованный Я. Гриммом) и этимология, тоже почему-то были отвергнуты (см. письмо к Гримму от 08.04.1826 – Vaum 1993: I, 112).

Вероятно, все же следовало пренебречь трудностями и не внимать голосу гессенского практицизма, но Диц не устоял перед искушением написать и опубликовать еще одну книгу, обещавшую верный коммерческий успех<sup>29</sup>. Превзойти Ренуара используя романистические экскурсы К. Гримма в его «*Deutsche Grammatik*» (Kabilinski 1914: 43 ff.) было, разумеется, нетрудным делом, однако приниматься за романскую компаративистику толком не зная ни румынского, ни сардинского и тогда уже могло показаться весьма рискованным. К сожалению, это реше-

---

<sup>28</sup> Это был Й. Адриан, приятель друга Дица К. Эбенау, см. Adrian J. V. Grundzüge zu einer provenzalischen Grammatik nebst Chresthomatie. Frankfurt/M., Sauerländer, 1825. Диц щедро поделился с автором собранными в Париже материалами, см.: Vaum 1993: II, 862. Ср. E. Brickmeier. Blumenlese aus den Werken der Troubadours. Göttingen, 1845; переиздана в Халле в 1849 г. Все эти пособия были вскоре вытеснены знаменитым «*Provenzalisches Lesebuch*» Карла Барча (1855 г.).

<sup>29</sup> Впрочем, уже в 1824 г. Диц сообщает министру о подготавливаемом им исследовании «Об упадке латинского языка и его переходе в романский», см. Foerster 1895: 265. И ранее, в 1821 г., он предполагал посвятить свою жизнь изучению как южных литератур, так и соответствующих языков (ibid.: 248).

ние было не единственной ошибкой Фридриха Дица: он к тому же с самого начала занял методологически неправильную позицию.

Следует, однако, упомянуть о важном смягчающем обстоятельстве: центральная проблема романской филологии – происхождение романских языков – уже тогда была на редкость запутанной разногласиями предшествовавших Дицу ученых (см. Черняк 1984).

### *1. Историческая справка*

«Романский вопрос», как можно по аналогии с «гомеровским вопросом» назвать развернувшуюся вокруг этой темы дискуссию, открывается письмом выдающегося флорентийского гуманиста Леонардо Бруни известному историку Флавио Бьондо, датированным 1453 г.; в нем впервые в новое время было выдвинуто мнение о существовании в древнем Риме двух языков: толпы и образованного общества<sup>30</sup>. Для подтверждения своей точки зрения Бруни, однако, не привел никаких доводов кроме своего глубокого убеждения, что римский плебс знал латынь не больше, чем современные необразованные итальянцы, то есть понимал смысл фраз на слух, как понимает простолудин католическую мессу, но сами они говорили на совсем другом языке, который довольно точно характеризуется как (Lingua) sine terminatione, inflexione, significatione, constructione et accentu. Вероятно Бруни имел в виду просто язык аналитического типа, но его оппоненты были введены в заблуждение черезчур развернутым сравнением с итальянским языком и вообразили, что он переносит современный язык в древний Рим<sup>31</sup>; именно этим недоразумением и надо объяснять тот факт, что противоположный тезис Бьондо о единой латыни и о позднейшей ее порче германцами (так называемая «германская теория», *Barbarenthese*) получила всеобщее признание: в ее поддержку выступили Лоренцо Валла (Klein 1957: 53), Л. Б. Альберти (Klein 1957: 56, Anm. 13), Поджо Браччолини, кардинал П. Бембо и другие видные филологи Италии. Противники Бруни широко цитировали античных: авторов, – например, памфлет Поджо содержит едва ли не все важнейшие пассажи из

<sup>30</sup> См. Leonardi Aretini epistolarum libri VIII. Florentiae 1731, l. VI, ep. 10; Vitale 1953; Klein 1957.

<sup>31</sup> См. Holmes 1928: 52–55. Эта работа, по-видимому, осталась неизвестной В. Манчаку, см.: Mańczak 1980.

Цицерона и Квинтилиана (см.: *Poggii florentini opera*. Basileae, 1538. 52 ss.), так что контроверза быстро приняла сугубо научный характер. В Италии защитниками билингвизма были Чельсо Читтадини (1583–1627), Сципион Маффеи (1675–1735), Ф. О. Квадрио (1695–1756), иезуит Л. Ланци (1732–1810), библиотекарь Наполеона К. Денина (1731–1813) и уже в XIX в. Б. Бьонделли (1804–1886) (Holmes 1928: 53–54); за ее пределами большинство ученых придерживалось германской теории (Holmes 1928: 58–59), за исключением Пьера Бонами во Франции (о нем см.: Albrecht 1976) и некоторых немецких ученых, знавших о романском населении Трансильвании: это В. Лациус (1555), И. Трестер (1666), Л. Топпельтинус (1667) и т. д. вплоть до Л. Фернов (1808), И. Аделунга и И. Фатера (1809) (см.: Coseriu 1977; Izzo 1976; Thun 1976).

## 2. Теория Ф. Ренуара

Особую концепцию выдвинул Ф. Ренуар. На ней необходимо задержаться ввиду ее исключительной важности как для формирования взглядов Ф. Дица, так и для всей последующей истории романского языкознания.

Обычно считается, что Ренуар производил романские языки не непосредственно из латыни, а из некоего «романского языка», возникшего начиная с VI в. из испорченной латыни и отождествлявшегося им с языком трубадуров (см. Сергиевский 1952: 250; Йордан 1971: 21–23; Tagliavini 1972: 9). Это не совсем так.

Прежде всего, мы не встречаем в его трудах самого термина «романские языки»<sup>32</sup>: взамен Ренуар повсюду говорит о «языках латинской Европы» (*langues de l'Europe latine*), а именно, французском, испанском, португальском и итальянском<sup>33</sup>; не случайно шестой том *Choix* носит название «Сравнительная грамматика языков латинской Европы» («*Grammaire comparée des langues de l'Europe latine*»). Мы находим там, правда, и раздел, посвященный румынскому языку<sup>34</sup>, именуемому «валаш-

<sup>32</sup> Это название появляется у Дица (см. прим. 68) и у Дифенбаха, см. *Diefenbach* 1831; Holmes 1928.

<sup>33</sup> См. *Choix* I: 44 и далее 82, 344, 337, 431, 438; перифраза «языки, продолжающие романский язык» фигурирует на с. 37 и 96.

<sup>34</sup> Свои сведения о румынском языке Ренуар почерпнул из грамматики Шинкаи, цитируемой на с. CLII: *Elementa linguae daco-romanae sive valachicae... Per Georg Sinkai*. Budae, 1805.

ским или молдавским» (р. LXI–LXVIII)<sup>35</sup>, но только для того, чтобы узнать, что это аналогичным образом возникшее из испорченного латинского языка римских колонистов наречие, несмотря на отдельные общие черты (rapports), такие как апокопа окончаний (ср. *lac* ‘озеро’, *laud* ‘хваляю’, причастие *lăudat* и т. д., полностью идентичные их провансальским соответствиям), те же местоимения, вспомогательные глаголы и три спряжения на *-are*, *-ere* и *-ire*, все же имеет гораздо большее число отличий (постпозитивный артикль, склонение, уменьшительные и увеличительные суффиксы, формы вспомогательных глаголов, будущее с глаголом ‘хотеть’, пассив, выражаемый возвратной формой типа *me laud* (sic!) ‘je suis loué’, а также значительное количество элементов нелатинского происхождения среди служебных слов<sup>36</sup>), что не позволяет отнести его к тому общему типу (*type commun et primitif*), из которого вышли романские языки Запада. В их число не включается и сардинский, о котором Ренуар располагал недостаточными сведениями<sup>37</sup>.

Тем не менее, постулируемый им «первоначальный романский язык» (*langue romane primitive*) вовсе не фикция и не плод фантазии: есть все основания считать, что западнороманские языки действительно восходят к некоему общему состоянию, возникшему после обособления сначала Сардинии и юга Италии, а затем и балкано-романского, т. е. по терминологии Р. Холла младшего, к «протоиталозападнороманскому» (см.: Hall 1950: 24–25; Hall 1974). Ренуар, таким образом, всего лишь воспользовался более общим и потому не вполне адекватным предмету названием. К тому же не он первый выдвинул приписываемую ему теорию<sup>38</sup>. Уже начиная с XVI в. европей-

<sup>35</sup> Ренуару, по-видимому, было неизвестно местное и исконное название *limba românească*, встречающееся уже у Дифенбаха (1831 г.)

<sup>36</sup> Он не упоминает его и в экскурсе относительно терминов *langue romane* и *romance* (*ibid.*: 371). Любопытно, что французский ученый не угадал латинского этимона таких слов, как *far* (*fără*), лат. ‘sine’ = ‘без’ (он соотносил румынский с латинским), т. е. *fără* < *fōras*; *din* ‘ex’ < *de* + *in*; *langa* ‘penes’, т. е. *lîngă* < *longum* + *ad*; *pre* ‘supra’ < *per*; *spre* ‘ad’ ‘in’ < *super* и *quatra* ‘versus’, т. е. *cătră* < *contra* x *cata* (*ibidem* LXV, note d).

<sup>37</sup> Он упоминает его среди итальянских диалектов, ссылаясь наopus М. Мадао: *Saggio d’un’ opera, intitulata Il ripulimento della lingua Sarda etc. scritta da Mat. Madao. Cagliari 1782* (*ibidem*, p. LIV, n. d).

<sup>38</sup> Это обстоятельство отмечает А. Варваро, посвятивший Ренуару весьма содержательный очерк, см. *Vârvaro 1968*: 33–40; о предшественниках французского провансалиста см. с. 36, прим. 8). Варваро написал свой выдающийся труд до выхода в свет первого тома *Com-*

ские ученые обратили внимание на фигурирующий в ранне-средневековых латинских текстах термин *lingua romana rustica*<sup>39</sup> (например, у Нитгарда непосредственно перед знаменитыми «Страсбургскими присягами»; встречаются и отдельно; *lingua romana* и *lingua rustica* и т. д.), обозначающий народный романский язык в противоположность латинскому или немецкому, и с полным основанием увидели в нем непосредственный источник их собственных языков, на что указывали и такие названия, как ст.-исп. *romance*, ст.-фр. *romanz*, ст.-пров. *romans* и *lenga romana* ‘романский язык’, широко бытовавшие в средневековый период задолго до появления терминов *espagnol*, *castellano*, *français*, *provençal* и т. д. Так как единственным памятником этого языка считались «Страсбургские присяги», а последние приписывались провансальскому<sup>40</sup>, то и сам «романский язык» отождествлялся с провансальским. Румынский язык при этом естественно не принимался во внимание.

Не будучи, таким образом, особенно оригинальным, Ренуар тем не менее очень много сделал для обоснования принятой им теории (ее нельзя назвать общепринятой, так как с ней успешно конкурировали латинская, субстратная и прочие теории возникновения романских языков (о них см. Vârvaro 1968: 21–23), иногда отвергавшие ее, но порой и принимавшие в качестве верхнего этажа своего собственного здания). Уже первый том Choix помимо собственно грамматики провансальского языка (р. 109–438) содержит обстоятельное введение (р. V–XXXII), где подробно рассматривается история вопроса, за которым следуют «Исследования о происхождении и образовании романского языка» (р. 1–105), поразительный по документированности и ясности изложения очерк внешней истории латинского и народного языков римской Империи, постепенно переходящий в «Элементы грамматики романского языка до 1000 г.», каковые извлекаются из «Присяг», «Боэция», старых хартий и

---

parative Romance Grammar Роберта Холла и потому естественно, что он не придал особого значения тезисам, изложенным в статье 1950 г. Продолжать их игнорировать сейчас уже невозможно.

<sup>39</sup> Об этом названии см.; Muller 1923. Мы рассмотрим историю этого термина в другой работе (см. Черняк 2011).

<sup>40</sup> Варваро замечает по этому поводу, что «Присяги» в действительности являются древнейшим памятником французского, а не провансальского языка (см.: Vârvaro 1968: 54, п.4), однако новейшие исследования решительно локализуют гибридный язык этого текста в пуатевинском ареале, т. е. в переходной франкопровансальской зоне: см.: Castellani 1978, а также другие работы этого ученого.

романских вкраплений в позднелатинские тексты (*daras* Фредегария, Суассонские литании и т. д.), которые в свою очередь подвергаются разбору на предмет выявления отступлений от классической нормы. По ходу изложения приводятся всякий раз любопытные объяснения языковых изменений, иногда правильные, иногда и курьезные: ряд форм парадигмы глагола *aver* 'иметь' < *habere* возводится к готскому *eigan* (р. 77); при рассмотрении определенного артикля учитывается возможность влияния со стороны греческого, готского и франкского, но предпочтение отдается двум последним (р. 44–49); те же компоненты и, вероятно, тот же вывод в случае относительного местоимения *que* (р. 86); но отпадение окончаний объясняется смешением падежей и введением заменяющих их предлогов<sup>41</sup>, т. е. из синтаксиса в духе Есперсена, а не из фонетики, как у братьев Шлегелей (см. ниже) и в современных исторических грамматиках (р. 25), а появление определенного артикля из латинских местоимений *ille* и *ipse* справедливо расценивается как бесспорное свидетельство возникновения новой языковой структуры – первоначального романского языка (*langue romane primitive* – р. 41). Перед этими четкими и вполне современными формулировками как-то меркнет прозаическая констатация того факта, что лишь некоторые из рассмотренных автором явлений действительно характеризуют «прото-итало-западнороманский этап развития западнороманских языков»: как в случае с определенным артиклем, где упоминается даже сардинский, Ренуар нередко уходит гораздо глубже, чем он сам думает, незаметно для себя проникая в подлинно романский – протороманский по Р. Холлу – период.

Собственно теория происхождения западнороманских языков из романского (т. е. провансальского) в первом томе Choix почти не затронута: Ренуар только приоткрывает свою концепцию при анализе редукции окончаний латинского имени, без колебаний приписывая своему промежуточному романскому языку (*langue romane intermédiaire*) провансальские формы типа *cant*, *temps*, *freg* (для последнего в качестве этимона почему-то фигурирует лат. *frigore* вместо ожидаемого *frigidus*) и соответственно рассматривая исп. *canto*, *tiempo*, *frio* и ит. *canto*, *tempo*, *freddo* как вторичные<sup>42</sup>; в заключительной фразе своей прован-

<sup>41</sup> О концепции Бехагеля-Есперсена см. Жирмунский 1936: 5–11.

<sup>42</sup> См. Choix I, 37: «... chacun des idiomes qui continuèrent la langue romane avait ajouté au mot roman la modification et la désinence la plus convenable aux peuples qui devaient la prononcer».

сальской грамматики он обещает читателям привести в предисловии к словарю, по первоначальному проекту планировавшемуся как шестой том Choix, подробные обоснования своей теории (р. 433). Этого, однако, оказалось достаточно для его немецких рецензентов, моментально указавших на то, что провансальский далеко не во всех отношениях является древнейшим из западнороманских языков<sup>43</sup>. Особенно убийственным было замечание Августа Шлегеля относительно большей близости ит. *teneva* к лат. *tenebat*, нежели соответствующая провансальская форма *tenia*<sup>44</sup>. Возразить на это Ренуару было нечем, так как в случае с имперфектом он с самого начала не утверждал противоположного (см. Choix I, 69). Он, разумеется, учел критику и во введении к «Сравнительной грамматике языков латинской Европы» формулировал свою теорию гораздо осторожнее<sup>45</sup>, но совершенно отказаться от отождествления провансальского с языком-основой так и не смог и в результате сравнивал с романским, т. е. с языком трубадуров, французский, испанский, португальский и итальянский, иллюстрируя свои главы эффектными таблицами<sup>46</sup>, где романские формы естественно занимали крайнюю левую колонку, а непосредственно в тексте констатировалось тождество или по возможности объяснялись отклонения прочих языков от исходной формы. Реконструкции как таковой Ренуар, таким образом, не практиковал, и злополучное *tenia* = *teneva* на сей раз попросту замалчивается<sup>47</sup>. Эту методологическую ошибку не компенсирует и то обстоятельство, что провансальский действительно очень близок постулированному французским ученым промежуточному романскому языку: статистические исследования последних лет показывают это с

<sup>43</sup> Это геттингенский профессор Ф. Бутервек, о двух рецензиях которого см. Rettig 1976: 254–255.

<sup>44</sup> См. Schlegel 1818: 43, с выразительным резюме: «Les langues ne reviennent pas sur leurs pas». См. также Vârvaro 1968: 35–37; Baum 1993: II, 859–860.

<sup>45</sup> Choix VI р. II: «... Il a existé...une langue qui, née du lattu corrompu, a servi de type commun à ces langues. Elle a conservé plus particulièrement ses formes primitives dans un idiome illustré par des poètes qui furent nommés troubadours». Иначе Л. Кёрнер, фиксирующий модификацию концепции только начиная с 1829 г., см.: Körner 1915: 483–484.

<sup>46</sup> Ibidem, р. 2–3, 19 (определенный и слитный артикли); 25–30, 33, 35, 54, 66 (словообразование и флексия существительных); 99, 100, 138 (прилагательные); 143, 161, 171, 176, 186 (местоимения); 204 (*aver* в наст. инд.) и т. д.

<sup>47</sup> Ibidem, р. 289 (таблицы) и 274, где для итальянского приводятся только формы на *-ia*, см. Rohlfs GSLI: § 550, р. 288.

большой убедительностью. Другим важным промахом автора является неразличение исконных слов и заимствований из латыни или из провансальского в другие языки. О фонетических изменениях Ренуар, как и почти все его современники, имел самое приблизительное представление, не поднимаясь в этом отношении над позднеантичными грамматиками<sup>48</sup>; понятие глагольной основы ему еще неизвестно (Choix VI, 72 – образование императива) и т. д. и т. п. В оправдание его следует указать, что сама идея реконструкции в то время еще только зарождалась и отождествление наиболее древнего и архаичного языка какой-либо языковой семьи с языком-основой было обычным делом: так Ф. Шлегель выводил все индоевропейские языки из санскрита, Я. Гримм (в первом издании «Немецкой грамматики») – германские языки из готского и т. д. (Körner 1915: 465); своим фантастическим объяснением «эвфонией» присутствия конечных гласных в ит. *conte*, *tempo* и т. д. Ренуар обязан итальянскому филологу Я. Джамбуллари (1543 г.) (Choix VI: LV–LVI), откуда его естественно было распространить на испанский и таким путем еще раз подтвердить исконность провансальских форм и что, несмотря на все свои недостатки, его «Сравнительная грамматика», написанная задолго до появления исторических грамматик сопоставляемых автором языков, выглядит удивительно изящной с ее многочисленными таблицами и внушительным заключением (Choix VI: 361–375), где резюмируются наиболее характерные черты романского языка-основы: артикль, степени сравнения, неопределенно-личное *om* < *homo*, вспомогательные глаголы и т. д. вплоть до имен *roman(a)* и *romane* в качестве названий романских языков (всего 23) – не случайно то широкое признание, которое получил «тезис Ренуара» в свое время. К тому же французский ученый не оставался на месте: предисловия к первым двум томам «Романского словаря» свидетельствуют о том, что он значительно усовершенствовал свою первоначальную концепцию: язык-основа, *langue rustique romane*, тщательно отграничивается в них от языка трубадуров, *romane provençale* (см. Körner 1915: 483–484). Помимо этого Ренуар вводит новый термин «неолатинские языки». Но на дальнейшее у Ренуара уже не было ни времени, ни сил: в 1836 г., едва закончив свой словарь, он умирает и в том же году выходит в свет первый том «Грамматики романских языков» Фридриха Дица.

<sup>48</sup> См. Varvaro 1968: 38, n. 16 (по поводу дифтонгизации в ит. *tiene* < *tenet* – Choix VI, p. LXIII).



Между «Сравнительной грамматикой» Ренуара и грамматикой Дица хронологически располагаются еще три работы. Одна из них – это раздел «О провансальском языке» в дицевской «Поэзии трубадуров» (1826 г.)<sup>49</sup>, намеренно выпущенный нами при рассмотрении последней – на которых нам следует остановиться.

### 3. «Замечания» Шлегеля и ответ Ренуара

В 1818 г. А. В. Шлегель опубликовал свои знаменитые «Замечания о провансальском языке и литературе», где не только критиковал Ренуара по общим и частным вопросам (см. Schlegel 1818), но и выдвинул свою собственную теорию происхождения романских языков. Исходя из классификации, выдвинутой его братом Фридрихом (см.: Schlegel 1808: 44–59; Schlegel 1818: 13 ss.), он делил все языки мира на а) не имеющие никакой грамматической структуры (т. е. изолирующие), например, китайский; б) использующие аффиксы, т. е. самостоятельные слова, могущие выражать различные грамматические отношения, например, американские языки и баскский<sup>50</sup> и в) использующие флексию, наиболее развитые и совершенные (вслед за своим братом он называл их «органическими»). А. В. Шлегель весьма осторожно отнесся к соблазнительной идее «ступенчатого развития языков» (*Stufengang der Sprache*<sup>51</sup>) – идее, впоследствии воспри-

<sup>49</sup> Баум печатает эту главу целиком, см. Baum 1993: II, 869–890.

<sup>50</sup> Schlegel 1818: 85–86. А. Варваро сообщает, что Ф. Шлегель предложил классификацию языков на изолирующие, агглютинативные и флективные (см. Varvaro 1968: 44), однако нетрудно убедиться, что последний имел в виду в первую очередь инкорпорирующие языки Северной, Центральной и Южной Америк, сведения о которых он получил от А. Гумбольдта. К тому же Ф. Шлегель, хотя и подчеркивал своеобразие китайского и малайского, все же не выделял их в особую группу, предпочитая простую бинарную классификацию языков на имеющих и не имеющих флексию, ср. название соответствующего раздела его книги: «Von zwei Hauptgattungen der Sprache nach ihrem innern Bau» (Schlegel 1808: 44).

<sup>51</sup> Schlegel 1818: 49. Ф. Шлегель, однако, допускал возможность развития языковой структуры только у аффиксальных языков, т. е. от изолирующей к агглютинирующей/инкорпорирующей; элементы флексии в арабском и родственных ему языках он объяснял смешением с флективными языками. Последние, по его мнению, происходили из общего источника, о возникновении которого автор ничего не сообщает, ограничиваясь простой констатацией его существования. См. подробнее: Nüsse 1962: 48–49. Полной последовательности у Ф. Шлегеля все же нет: так, он находит в кельтском следы

нятой В. фон Гумбольдтом, Ф. Боппом, Я. Гриммом, А. Шлейхером и другими выдающимися лингвистами первой половины XIX в.<sup>52</sup> – но, как и Фридрих, он полагал, что флективным языкам свойственна тенденция к замене флексии артиклями, вспомогательными глаголами, предлогами и т. д., в результате чего их структура меняется: из языков синтетических они постепенно превращаются в языки аналитические<sup>53</sup>. Распространение школьного преподавания задерживает распад флексии: так древнегреческий остановился на артикле, еще отсутствовавшем во времена Гомера и Гесиода, но уже наличествующем в произведениях прозаиков и, следовательно, проникшем в язык в этом промежутке; в дальнейшем греческая флексия сохраняется вплоть до падения Византийской империи. Первоначально синтетический немецкий язык вследствие небрежения (только с XIII в. он стал употребляться в хартиях и законодательстве, а собственно литературный период начался для него только с изобретением книгопечатания) не имел никаких помех в своем развитии и в результате усвоил целый ряд аналитических конструкций. Особенно быстро переход к аналитическому

---

агглютинации наряду с аналитическими конструкциями, возникнувшими вместо исчезнувшей флексии. Также и для греческой флексии не отрицается частичное происхождение путем агглютинации: «Im Griechischen kann man noch einen Anschein von Möglichkeit finden, als wären die Bildungssyllaben (т. е. флексия) aus in das Wort verschmolzenen Partikeln und Hilfsworten ursprünglich entstanden» (ibid., 41 – автор имеет в виду известную гипотезу, выдвинутую еще в XVIII в., см Десницкая 1955: 38, прим. 2 со ссылкой на: Delbrück 1919: 28–29). См. также Schlegel 1808: 96: «Der Gang der bloß grammatischen Kunst und Ausbildung ist in den beiden hauptgattungen grade umgekehrt. Die Sprache durch Affixa ist im Anfang ganz kunstlos, wird aber immer künstlicher, je mehr die Affixa mit dem Hauptwort zusammenschmelzen; in den Sprachen durch Flexion hingegen geht die Schönheit und Kunst der Structur, durch den Hang sich zu erleichtern, allmählig mehr und mehr verloren, wie wir es sehen, wenn wir manche deutsche, romanische und jetzige indische Mundarten mit der älteren Form, aus der sie abstammen, vergleichen». Спонтанное развитие (künstreiche Ausbildung) признается наряду со смешением одной из двух возможных причин образования флексии в арабском.

<sup>52</sup> См.: Десницкая 1955: 33–40, 45, 48 след.; Звягинцев 1964: 63–65 (Я. Гримм), 108 (А. Шляйхер); Robins 1967: 176–177, а также биографии в Hist. ling.

<sup>53</sup> См. Schlegel 1818: 16 ss. Ф. Шлегель еще не пользуется термином «аналитический», прибегая для выражения этого понятия к различным перифразам (S. 34 – neuere Grammatik; S. 40 – moderne Grammatik; S. 35 – Abbreviatur). Об истории термина «аналитические языки» см. Monreal-Wickert 1976.

строю совершается вследствие завоеваний<sup>54</sup> под воздействием языка, принесенного победителями, как это имело место в занятых германцами провинциях Западной Римской империи или в Англии во время нормандского господства; на Востоке, в Персии и Индии, распространение мусульманства и монгольское владычество привели к замене старых синтетических языков, пехлеви и санскрита, новыми смешанными языками с крайне упрощенной грамматикой<sup>55</sup>.

Выдвинутая Ф. и А. Шлегелями концепция возникновения аналитических языков сыграла важную, хотя и преимущественно отрицательную, роль в истории индоевропеистики, будучи подхваченной В. ф. Гумбольдтом и в дальнейшем на некоторое время возведенной в ранг непреложного постулата<sup>56</sup>. Применительно к романским языкам она знаменовала собой новую эру – продолжающуюся и по сей день – которую следовало бы назвать «периодом торжества германской теории». Зависимость от воззрений Флавио Бьондо и его последователей ощущается уже у Ф. Шлегеля<sup>57</sup>; в «Замечаниях» его старшего брата она становится совершенно бесспорной: Вильгельм предлагает в сущности ничто иное, как модернизированный вариант германской теории. Поэтому неудивительно, что его расхождения с Ренуаром, придерживавшимся той же теории, касаются преимущественно деталей: А. В. Шлегель отказывается – и с полным правом – возводить к гот. *aigan* некоторые формы пров. *aver* (см. Schlegel 1818: 35–36), но он не колеблется приписать влиянию германских языков такие явления, как романское будущее с 'иметь', («le plus ancien germanisme qui

<sup>54</sup> Ср. Ф. Шлегель: «Die künstreiche Struktur (т. е. синтетический строй – А. Ч.) geht durch die Abschleifung des gemeinen Gebrauchs besonders in einer Zeit der Verwilderung gern verloren, entweder ganz allmählig oder bisweilen auch mehr auf einmal» (Schlegel 1808: 35).

<sup>55</sup> Эта важная параллель появляется уже у Фр. Шлегеля (Ibid.: 34).

<sup>56</sup> См.: Десницкая 1955: 47–48; Звягинцев 1964: 108 (А. Шлейхер); Жирмунский 1963: 15.

<sup>57</sup> Ф. Шлегель был одним из самых образованных людей своего времени (его ум и эрудиция приводили в восторг самого Гете), так что оживленно обсуждавшийся на рубеже века вопрос о происхождении романских языков не мог ускользнуть от его внимания, особенно если вспомнить, что в бытность свою в Париже он кроме санскрита серьезно занимался провансальским. Кроме того, выдвинутая «германистами» идея распада и исчезновения латыни под влиянием языков варваров стала общепризнанной в языкознании его времени, см.: Bernhardt 1805: 43–50, где она предстает в роли общей модели развития и упадка языка.

s'est introduit dans tous les dialectes romans»), систему отрицаний французского языка и неопределенноличное *on* < *homme* (sic!) (Schlegel 1818: 34). Самым существенным пунктом разногласия является вопрос о промежуточном романском языке, в существование которого автор «Замечаний» не верит: по его мнению, близость романских языков вполне объясняется тем обстоятельством, что они «были образованы повсюду примерно из тех же материалов и по аналогичному методу»<sup>58</sup>. Сущность этого метода сформулировал уже Ф. Шлегель: это тенденция к упрощению (*der Hang sich zu erleichtern*) (см. Schlegel 1808: 56), свойственная флективным языкам как таковым, стирание в повседневном обиходе (*die Abschleifung des gemeinen Gebrauchs*), превращающее их введением вспомогательных глаголов и предлогов в своего рода «аббревиатуру», удобную как для усвоения, так и для использования<sup>59</sup>. На примере провансальского его брат подробно демонстрирует процесс возникновения аналитической структуры, в основе которого лежит всего лишь один принцип: создание различного рода вспомогательных слов – не только глаголов, но и местоимений, наречий, предлогов, употребляемых наподобие ассигнаций (собственное значение они утрачивают) для облегчения циркуляции, т. е. функционирования языка (см. Schlegel 1818: 28–30). Прочие романские языки возникли таким же образом: «Одни и те же возможности, одни и те же потребности, действуя в схожих обстоятельствах, произвели аналогичные грамматики»<sup>60</sup>.

На «Замечания» Шлегеля Ренуар немедленно откликнулся очень благожелательной рецензией (см.: Raynouard 1818: 586–593). Рассыпаясь в комплиментах по адресу автора, он, тем не менее, настаивал на своей гипотезе: «Я увидел пять языков, согласующихся в своих общих чертах и разнящихся несколькими деталями, которые по большей части являются простыми вариантами (*inflexions*). Отсюда я заключил, что они имели общий источник, и мне показалось гораздо более правдоподобным, что пять языков, в основе своей идентичные друг другу и все пять явно возникшие из распада латинского языка, с фор-

<sup>58</sup> Schlegel 1818: «ces idiomes divers ont encore conservé une affinité étonnante, parce qu'ils ont été formés partout à peu près avec les mêmes matériaux, et d'après une méthode analogue».

<sup>59</sup> Schlegel 1808: 35. Мотив стирания присутствует уже у Бернгарди, см. Bernhardt 1805: 49, 15.

<sup>60</sup> Schlegel 1818: 55: «Les mêmes facultés, les mêmes besoins, agissant dans des circonstances pareilles, ont produit des grammaires analogues».

мами которого они почти не соотносятся, скорее произошли из одного общего типа, нежели каждый в отдельности образовали себе тип, оказавшийся одним и тем же. Я называю типом этих языков комбинации и правила, вызвавшие отпадение окончаний латинских падежей<sup>61</sup>; употребление предлогов для замены падежей; образование и употребление артиклей; использование глаголов «иметь» и «быть» как вспомогательных; особенности спряжений, такие как инфинитив, всегда оканчивающийся на *-re* или *-r*<sup>62</sup>; будущее, образованное инфинитивом с присоединением глагола «иметь» в настоящем; кондиционалис, образованный из того же инфинитива и характерных окончаний имперфекта того же глагола «иметь»; структуру наречий, оканчивающихся на *-ment*; преобразование других наречий, предлогов, союзов, произведенное по почти всеобщим и идентичным правилам; наконец, очень большое число сходных комбинаций и общих «идиотизмов»» (Raynouard 1818: 589–590). Еще более важным, чем многочисленные совпадения, представляется Ренуару отсутствие расхождений: если бы каждый язык вырабатывался отдельно, то, несомненно, в грамматической системе каково-нибудь из них наблюдались бы существенные отличия, такие как сохранение латинского пассива и т. д. (Raynouard 1818: 591).

А. В. Шлегель не ответил на рецензию и обещанный им «Исторический очерк возникновения французского языка» (см. Schlegel 1818) так никогда и не вышел в свет<sup>63</sup>. Но его место в полемике и в значительной степени его позицию занял Фридрих Диц.

#### 4. Формирование взглядов Ф. Дица

Рецензия 1820 г., как сам Диц признавал позднее, была еще весьма поверхностной (см. Foerster 1895: 244. Она перепечатана в: Baum 1993: II, 717–723): молодой автор осторожно реферировал мнения своих знаменитых предшественников, отдавая, как

---

<sup>61</sup> Ренуар, по-видимому, имеет в виду порядок слов.

<sup>62</sup> Автор намекает на отсутствие в романских языках *inf. praes. pass.* типа *legi* и *inf. perf. act.* – *legisse*.

<sup>63</sup> С 1819 г. старший Шлегель преподает санскрит в Бонне, где вместе со своим учеником Х. Лассеном, создает настоящую школу санскритологов, которая успешно соперничает с берлинской, возглавляемой Ф. Боппом. Помимо этого он много занимался германистикой: читал курс по истории немецкого языка и поэзии, готовил издание «Песни о Нибелунгах» и т. д., см. Baum 1993: I, 95, 101–102, 113 (штудировал «Немецкую грамматику» Я. Гримма).

и следовало ожидать, решительное предпочтение своему соотечественнику как в вопросе о германском влиянии, которому Ренуар якобы придавал слишком мало значения (см. Diez, *KAR*: 44; Baum 1993, I: 108–110), так и в отношении романского языка, принимаемого лишь в качестве источника французского и провансальского, но не испанского и итальянского языков: при этом проблема исчезновения германских диалектов, т. е. ассимиляции франков, представляется Дицу более важной (Diez, *KAR*: 46). В разделе «О провансальском языке» (1826 г.) он уже в значительной степени отказывается от своих юношеских прогерманских симпатий: германским языкам отводится важная роль катализатора развития народной латыни, но какое-либо смешение (*Verwirrung*) латинского и германского языков в духе концепции Аделунга в его «Митридате» (1808) категорически отрицается: «Между тем несомненно, что переселение народов ускорило развитие романского языка. Однако оно было вызвано не грамматикой языка завоевателей, оставившей мало следов в романских диалектах, а сопутствовавшими завоеванию политическими отношениями. До тех пор литературная латынь (*das höhere Latein*) существовала как государственный язык и в среде образованного общества, отныне же, ввиду того, что чужеземцы предпочитали свой собственный язык, она попала в полное пренебрежение и таким образом очистила дорогу вульгарной латыни народа (*das niedere Latein des Volkes*), которая, не имея внешних препятствий, стала быстрее двигаться к своей цели» (см. Diez, *Poesie*: 260). Ср. еще: «При всем том этническое смешение не могло не оказать воздействия на язык: столь заметное в романских диалектах стремление к ясности, дающее о себе знать в усилении форм (*Formverstärkung*)<sup>64</sup>, равно как и ряд новых слов, несомненно, являются его следствием. Однако в образовании языка (*Sprachbildung*) германцы непосредственного участия не принимали: если бы это случилось, романская грамматика кишела бы германизмами<sup>65</sup> и перво-

<sup>64</sup> Диц имеет ввиду случаи замены односложных лат. *res*, *spes* романскими *causa*, *\*sperantia* и т. д., ср. *ibid.*, 288. Приводимое там же *auris* – *auricula* относится также к подгруппе «уменьшительные вместо исходных».

<sup>65</sup> В примечании к этому месту автор упоминает объясняемые Шлегелем как германизмы будущее с 'иметь', систему отрицания и неопределенно-личное фр. *on*, принимая первое и третье, но решительно отказываясь выводить из германского французское двойное отрицание. Позднее Диц вообще снял эту сноску, которая, вероятно, и в 1826 г. была обязана своим существованием одной лишь вежливости.

начальный акцент (т. е. фонетика – А. Ч.) не смог бы сохраниться в такой степени» (см. Diez, *Poesie*: 293).

Далее этого сближение с французским ученым не пошло. Диц очень подробно излагает гипотезу Ренуара; он признает, что «все романские языки содержат некий общий тип» (артикуль, предлоги *ad* и *de* вместо падежных окончаний, степени сравнения с *magis* или *plus* и т. д.), что чем больше мы отступаем во времени, тем более они приближаются друг к другу и что «все это указывает на некий более ранний романский национальный язык, от которого постепенно отделились различные диалекты» (см. Diez, *Poesie*: 287). Но этот язык, продолжает он, не мог повсюду носить один и тот же внешний облик, так как при большой протяженности Римской Империи и, не имея опоры в письменности, он должен был подвергнуться различным климатическим и политическим влияниям. Далее следует неожиданный переход, из которого видно, что Диц помещал общероманский не в Риме II–I вв. до н. э., откуда он затем распространился на провинции, как это делает, например, Р. Холл, а непосредственно в самих провинциях и существенно позднее: «Тем не менее, при всех разнообразных оттенках ему (т. е. национальному языку – А. Ч.) повсюду был присущ один и тот же исходный характер, те же главные черты и иначе не могло и быть, так как всюду он является всего лишь модификацией латинского типа, опирающейся на одинаковые причины и потребности и соответственно производящей в целом одинаковые результаты». Диц иллюстрирует этот тезис на примере словообразования, где он выделяет три основные причины: уже упомянутое «усиление формы», замену аномалий новообразованиями (лат. *iter* – *viaticum* > пров. *viatje*, фр. *voyage*, а также заимствования и создание новых слов для выражения новых отношений и понятий). «В сущности, вопрос о том, наличествовал на этой территории некий национальный язык или различные диалекты, сводится к одной лишь игре слов. Во всяком случае, безусловно, можно утверждать, что этот общий язык вскоре по завершении великого переселения народов распался на резко обособленные диалекты. Это могло произойти в начале VII в., когда южноевропейские народы все более и более обособились друг от друга» (см. Diez, *Poesie*: 287–289).

Вольфганг Реттиг в своей неоднократно здесь цитированной и весьма содержательной статье, анализируя приведенный нами пассаж, приходит к заключению, что Диц, «вопреки своему прежнему заявлению (т. е. рецензии 1820 г. – А. Ч.) стал придер-

живаться концепции единого романского праязыка»<sup>66</sup>. В действительности, как легко убедиться, немецкий филолог начисто отвергает гипотезу Ренуара: ведь трудно себе представить, чтобы возникший в VI в. романский язык уже в начале следующего столетия мог расщепиться на неороманские «диалекты», т. е. новые языки. Неодобрительно относится Диц и к идее Л. Бруни о существовании билингвизма уже в древнем Риме: как и Ренуар, он считает, что это утверждение не подкреплено свидетельствами древних авторов (см. Diez, *Poesie*: 261). Уступка французскому филологу оказывается на деле простым реверансом почтенному академику, если не искусным диалектическим приемом в духе модной в немецкой философии и науке того времени тенденции к примирению противоречий. За двусмысленной «игрой слов» (Wortspiel) не стоит даже полупризнания: всего несколькими строчками ниже Диц говорит о «латинских народных диалектах» (lateinische Volksmundarten), см. Diez, *Poesie*: 293, постепенно развившихся в романские языки и тем самым уже в 1826 г., как справедливо отметил критикуемый Реттигом А. Варваро<sup>67</sup> и многие другие до него, если не навсегда, то, во всяком случае, надолго перечеркивает гипотезы Бруни и Ренуара.

Углубляясь в историографические подробности, не забудем попутно обратить внимание на то, как близко уже в первой своей работе подошел Диц к современной трактовке вопроса. Что лежит в основе романских языков: особый романский язык

<sup>66</sup> Rettig 1976: 259; Baum 1993: 111–112 (обходит молчанием).

<sup>67</sup> Полемика между итальянским и немецким филологами развертывается в высшей степени любопытно. Реттиг находит в монографии Варваро ошибочный перевод дицевской фразы «daß es keineswegs die Völkermischung war, die den romanischen Sprachzweig getrieben habe» (S. 260 по второму изданию), ср. ит. «... che non fu in alcun modo la mescolanza di razze a provocare la ramificazione linguistica romanza» (Vàrvaro 1968: 68), хотя *Sprachzweig* означает ‘языковая ветвь’, ‘ответвление’, т. е. романский язык в целом, а не *ramificazione* ‘разветвление’, т. е. романские языки в их разнообразии. Как это ни странно, Реттиг не обнаружил другой крупной неточности: на с. 55 книги Варваро мы находим цитату из биографии Дица, где последний сообщает ректору, что «soltanto negli ultimi due anni trascorsi ha studiato più a fondo le lingue romanze, come le chiama Raynouard» с примечанием (10): «... si rileva dall' ultima frase, che il termine «romanische Sprachen» doveva essere ancora poco usuale». Взгляд в *Ämtliche Schriftstücke*, S. 244 (Варваро почему-то не указывает страницы) разрешает очевидное недоразумение: у Дица стоит «romanische Sprache», т. е. «романский язык» Ренуара: речь явно идет о занятиях провансальским.



или латинские диалекты – проблема, которой суждено волновать еще не одно поколение романистов. Эта нелегкая задача, не нашедшая окончательного решения и в наше время, требует прежде всего всестороннего осмысления и уточнения терминологии: «язык», «диалект», «язык-основа», «новый язык» (*neue Sprachen* у Ф. Шлегеля) – все эти социолингвистические понятия нуждаются в строгом определении, не выработанном и по сей день (см. Черняк 2013 – статья написана в начале 80-ых). К сожалению, приходится констатировать, что Диц не предпринял каких-либо шагов в этом направлении: более того, он даже не угадал важности всей проблемы в целом. Между тем, она никоим образом не сводится к простой игре слов: принимая существование общероманского языка мы тем самым обязуемся его реконструировать исходя из неороманских языков (материал так называемой «вульгарной латыни» играет при этом важную, но вспомогательную роль); отрицая его существование, мы выводим романские языки непосредственно из латыни, как бы мы ее при этом не называли. Ренуар и сейчас Р. Холл избрали первый и, по-видимому, единственно правильный путь; Диц предпочел второй и надолго сделал его столбовой дорогой романистики.

В оправдание Дица можно сказать, что с его стороны было, в общем, вполне естественно воспользоваться очевидными недостатками теорий своих оппонентов и пройти мимо далеко не очевидных их достоинств. Его собственная точка зрения была уже в то время совершенно определенной: Диц, как мы видели, считал, что сходство романских языков объясняется их возникновением из общего источника по аналогичным принципам<sup>68</sup>, свойственным всем развивающимся из старых синтетических языков новым аналитическим языкам: стирающаяся флексия заменяется в народной речи предлогами и вспомогательными глаголами, объем старых слов сокращается вследствие синкопы, а часть из них вообще вытесняется новыми, нелитературными словами (*Diez, Poesie: 262*). Диц, таким образом, повторяет теорию братьев Шлегелей, заодно подкреплял ее примером германских языков: именная флексия, удерживающаяся в немецкой литературном языке, в диалектах вытеснена предлож-

---

<sup>68</sup> См. выше, а также *Diez, Poesie: 29*: «Man betrachtet also die romanischen Sprachen schickliclier als lateinische Volksmundarten, die in der Richtung, die ihnen eingeborne Anlagen und climatisches Einflüsse anwiesen, sich nicht über Hals und Kopf (т. е. не в VI–VII вв., а гораздо раньше), sondern allmählich und nach Principien von ihrer Grundsprache (это латынь!) entfernten».

ными конструкциями: в голландском (год, проведенный в Утрехте, прошел для Дица не зря!) аналитические обороты стали нормой даже для письменного языка (Diez, *Poesie*: 263). При этом немецкий ученый как-то упускает из виду, что романские языки отличает от латыни не только отсутствие именной флексии, но также и артикль – это особенно подчеркивал Ренуар, – равно как и аналитические прошедшее и будущее времена и страдательный залог, не говоря уже о порядке слов. Едкое замечание Ренуара относительно латинского синтетического пассива, который при независимом образовании романских языков из латыни должен был где-то сохраниться (см. Raynouard 1818: 591 и выше) – как, можно добавить, сохранился медиопассив в готском и в виде реликтов в древнескандинавском и древнеанглийском (см. Прокош 1954: §§ 70–74, с. 221–222, 233) – также не было оценено Дицем по достоинству. В этих промахах, однако, нет ничего удивительного. Мимоходом брошенная гениальным Фридрихом Шлегелем мысль о параллельном развитии новых аналитических языков на всем протяжении от Англии до Персии и Индии пленила не одних лишь его современников: уже в XX в. ею увлекался никто иной как Антуан Мейе, охотно представлявший языковую эволюцию в виде одной непрерывной цепи, идущей от индоевропейского до современных романских говоров<sup>69</sup>, – на что можно было бы возразить, что прогресс любой науки обычно достигается скорее не отменой прежних разграничений, а введением новых, более подробных или более точных.

Позиция Дица в 1826 г. гораздо понятнее и простительнее: при всей широте своих интересов он все же был не лингвистом, а филологом старого типа: с хорошим знанием литературных романских языков, но, безусловно, с совершенно недостаточными представлениями об их диалектах и к тому же с отсутствием опыта работы в «поле»; помимо всего этого, Диц лично многим был обязан А. В. Шлегелю, имя которого не случайно стоит вслед за титульным листом его «Поэзии трубадуров». Странно только, что в дальнейшем за более чем полвека языковых штудий у Дица, по-видимому, ни разу не возникло потребности проверить надежность теоретического фундамента, на

---

<sup>69</sup> См.: «Le latin n'est qu'un moment de la grande transformation qui partant de l'indo-européen a abouti aux parlars romans actuels et qui de ceux-ci aboutira à quelque état nouveau» (Meillet 1926: 10), а также: «Convergence des développements linguistiques» (ibid.: 61–75).

котором он трудолюбиво воздвигал свою «Романскую грамматику».

### 5. Диц и эссе Л. Дифенбаха (1831)

Между тем повод к этому мог ему представиться уже в 1831 г. при рецензировании эссе Лоренца Дифенбаха «О современных романских письменных языках» (Diefenbach 1831)<sup>70</sup>. 24-летний пастор и одновременно библиотекарь, в дальнейшем писатель, кельтолог и видный лексикограф, начинал как романист; к сожалению, обещанный им внушительный труд по истории всей латинской языковой семьи от латинского до современных романских диалектов так никогда и не увидел свет. Опубликованная им монография помимо любопытных латинороманских фонетических и грамматических таблиц с примечаниями, а также составленных по моде того времени «эстетических» характеристик новороманских языков (среди них ретороманский и румынский!) содержит небезынтересные рассуждения и по вопросу о происхождении последних. Дифенбах безусловно знал труды Ренуара, однако проблема возникновения нового языка не привлекла его внимания; видимо, критика Шлегеля и Дица сыграла свою роль. Взамен он учитывает румынский и тем самым фактически выходит на уровень общероманского состояния, именуя его «народными диалектами римлян и латинян» (Volksdialekte der Römer und Latiner) и с удивлением констатируя, что, насколько можно заключить из черт, свойственных всей Романии и соответственно присутствовавших в их общем источнике, народный латинский язык должен был сильнее отличаться от литературного латинского языка, чем это имеет место в современных европейских языках – хотя должно было бы быть наоборот (Diefenbach 1831: 32–33). Автор пытается разрешить это очевидное противоречие ссылкой на влияние языков завоеванных стран, не затронувшее письменный латинский язык – забывая при этом, что этноязыковой субстрат был повсюду различным, а языковая эволюция, тем не менее, очень схожей: У Дифенбаха мелькала мысль о том, что источником инноваций является «креольская латынь» (Kreolenlatein) рабов и вольноотпущенников Италии, но он не дал ей надлежащего развития<sup>71</sup>.

<sup>70</sup> О нем см.: Storost 1986; Malkiel 1993: 8.

<sup>71</sup> «Sei es, dass die Beispiele, die wir haben (примеры отмирания именно флексии в латыни) auch nicht Kreolenlatein der fremd gebornen

Весьма примечательны и выявленные немецким исследователем 12 общероманских особенностей:

I. общий характер конструкции (т. е., по-видимому, порядок слов);

II. характер произношения («мягкость» романских и вообще новых языков по сравнению с латинским и прочими древними языками);

III. отсутствие среднего рода;

IV. вытеснение именной флексии артиклем, возникшим под влиянием иноязычного окружения (не уточняется, какого именно), а также предлогами *ad*, *de* и *prae* (последний в румынском – *p(r)e*);

V. исчезновение синтетического пассива;

VI. переход отложительных глаголов в активные;

VII. вспомогательные глаголы *habere* и *stare*, для чего приводятся примеры из классической латыни;

VIII. преобладание герундия над причастными конструкциями;

IX. изменение значений некоторых латинских слов;

X. деминугивные и инхоативные суффиксы (именуемые «конечными слогами», *Endsyllaben*);

XI. отдельные фонетические изменения, засвидетельствованные в латинском, итальянских языках и греческом (*Claudius* > *Clodius*, рум. *p < qu* и т. д.);

XII. общие германские корни (Diefenbach 1831: 22–32).

Мы не найдем в этом перечне ни одномерности (ср. II. «мягкость»; приведенные в XI фонетические изменения получили неодинаковое распространение), ни последовательно выдержанной иерархии уровней (синтаксис, морфология и т. д.), но прогресс по сравнению с соответствующим списком Ренуара (23

---

Sklaven und Freigelassenen sind: so liegt doch wöl jene Unveränderlichkeit oder vielmehr Mangel an Veränderung nur in der rohen Nachlässigkeit der Volkssprache, lag aber schwerlich in den Gesetzen der alten Volkssprache, da die Griechische, aus deren Stamme sie entstand, bis auf den heutigen Tag selbst bei dem gemeinsten Pöbel die Deklinationsbiegungen erhalten hat, wiewöl freilich nicht in dem ausgedehnten und feinen Gebrauche der Literalsprache» (Diefenbach 1831: 27). Нельзя не отдать Дифенбаху должного: сравнение с греческим очень убедительно, хотя и основывается на ложной предпосылке – греческом происхождении латинского; впрочем, римский профессор Э. Перуцци упорно отстаивает эту старую гипотезу, см.: Peruzzi 1971. Или автор сублимировал в этой фразе все общероманские грецизмы (артикуль, аналитические прошедшее и будущее и т. д.)? В этом случае он намного опередил свое время.

пункта, см. выше) бесспорен. Можно только пожалеть, что Дифенбах не изложил свои соображения более подробно, с учетом мнений предшественников – кое-что у Ренуара он вполне мог позаимствовать, например, 7. аналитические степени сравнения; 13. будущее с «иметь»; 20. союз *que* и 23. имя *lingua romana, romanse* и т. д. – и что столь многообещающее начало по неизвестным нам причинам не имело продолжения и не оказало влияния на дальнейшее развитие науки.

Невольно испытываешь чувство глубокого разочарования, читая обстоятельную и в целом очень благожелательную рецензию Дица на брошюру Дифенбаха (см. Diez, KAR: 119–126): общая положительная оценка работы, характеристика впервые привлекаемых языков, ретороманского, румынского и сардинского и затем разбор и опровержение отдельных ошибочных утверждений молодого автора, которых достаточно в этом несколько сумбурном эссе. Выявленная Дифенбахом оппозиция народной и литературной латыни не встречает у его компетентного рецензента никакого отклика и из вышеперечисленных 12 (!) признаков упоминается только последний: общероманские слова германского происхождения, показать несостоятельность которого Дицу не составляет никакого труда (см. Diez, KAR: 125) (он был законченным специалистом в этой области и в Бонне буквально с самого начала читал курсы и вел семинары по древне- и средневерхненемецкому языку)<sup>72</sup>. Создается впечатление, что проблема возникновения романских языков не очень интересует боннского профессора: уже в начале рецензии он сообщает, что далеко не во всем разделяет методы и способ рассмотрения автора. В 1831 г. позиция Дица по этому вопросу была вполне и окончательно определенной.

#### IV. «Грамматика романских языков» (1836–1844)

Это впечатление еще более усиливается при чтении капитальнейшего труда Дица – его «Романской грамматики»: уже с

---

<sup>72</sup> Baum 1993: I, 101–103. В 20–40-ые гг. романистика не пользовалась в Бонне особой популярностью. С середины 50-ых гг. более посещаемыми были романистические спецкурсы Николая Делиуса (N. Delius, 1813–1889), такие как «Старофранцузский и старопровансальский языки», «Историческая грамматика французского языка», «Сравнительная грамматика романских языков» и т. д., см. Baum 1993: I, 100–101. Делиус был санскритологом по специальности (он учился в Бонне у А. Шлегеля и его ученика К. Лассена), но занимался предпочтительно новыми языками, в частности английским.

первых слов предисловия становится ясно, что Диц выступает в ней преимущественно как этимолог. Первым требованием, постулируемым автором для исторической грамматики, является «критика материала» (*Kritik des Stoffes*)<sup>73</sup>, т. е. анализ лексики с целью выделения основных ее составляющих, как это и осуществляется уже во «Введении», где на с. 7–20 мы находим длинный список вульгарнолатинских этимонов романских слов, таких как *berbex* (Petron.) наряду с класс. *vervex*, ср. ит. *berbice*, фр. *brebis* ‘овца’ и т. д.<sup>74</sup>; на с. 24–36 следует аналогичный перечень слов, почерпнутых из раннесредневековых источников, преимущественно из Исидора Севильского и варварских «Правд», например, *baia*, *barca*, *baro* и т. д.; далее с небольшим промежутком идут греческие (с. 38–43) и германские заимствования (с. 49–59 – выборочно, так как общее число выявленных Дицем германизмов составляет 700). Собственно предмет грамматики – фонетика, морфология, словообразование и синтаксис – упоминается в предисловии (см. Malkiel 1974a: 319), но во «Введении» не рассматривается<sup>75</sup>. Автор указывает, что романские языки восходят не к классической латыни, а к народному языку Рима (*römische Volkssprache*), отличавшемуся от языка образованного общества небрежным произношением слов и их окончаний, фразеологизмами и своеобразными конструкциями, как это и вообще свойственно народной речи (RG I, 4). О наиболее существенном в истории романской семьи языков – романском аналитизме Диц вслед за Шлегелем писал еще десять лет тому назад, здесь же он специально об этом не говорит. Имя Ренуара и его гипотеза в «Романской грамматике» также не упоминаются. В 1856 г. во втором издании грамматики Диц обмолвится по этому поводу характерным замечанием, смысл которого сводится к тому, что такие темы, как происхождение романских языков не имеют прямого отношения к исторической грамматике: последняя занимается звуками (у

<sup>73</sup> См. Diez RG I. Отметим, что под четвертым номером вслед за морфологией и синтаксисом идет изменение понятия (*der Wandel des Begriffes*), т. е. историческая семантика.

<sup>74</sup> По мнению Я. Малкиела, Диц извлек этот материал не из авторов, а из словаря Форчеллини, см.: Malkiel 1974a: 319.

<sup>75</sup> Тем не менее, нельзя не отметить верный расчет на публику, которую надо не отпугнуть с самого начала «наукой», а завлечь историей слов. Путь лингвиста к сердцу обывателя лежит через лексику: как пример можно указать на введение к школьному латинскому словарю Штовассера (J. Stowasser).

Дица в духе времени – «буквами»), формами и конструкциями (см. Rettig 1976: 264; Baum 1993, I: 112).

*а. Фонетика*

В первом издании (1836 г.) фонетике посвящено 216 страниц; в третьем (1870 г.) 372 страницы. При этом композиция этой части претерпела существенные изменения.

Изложение начинается с орфографии (*Lautbezeichnung*, с. 91–114). Во втором издании этот раздел был снят. В этой связи надо отметить, что фонетической транскрипцией Диц не пользовался даже в третьем издании, что создавало ему значительные дополнительные трудности.

Собственно фонетика открывается просодикой (с. 116–122), со второго издания перенесенной в конец книги в качестве самостоятельного третьего раздела. Далее рассматривается судьба латинских звуков в романских языках (*Behandlung der lateinischen Buchstaben*), сначала ударных гласных и дифтонгов (с. 123–150), затем безударных (с. 161–164), в сопровождении «Замечаний к гласным» (с. 164–175, 12 пунктов) и одной общей таблицы на с. 172. Аналогичным образом трактуются согласные (с. 175–250 – главный текст, с. 250–269 – замечания с таблицей на с. 252–253). Второй раздел посвящен немецким звукам (*Behandlung der deutschen Buchstaben*, с. 270–334). В последующих изданиях он был сильно сокращен и присоединен к первому, а его место заняла «История романских звуков» (*Romanische Buchstaben*), состоящая из кратких очерков исторической фонетики отдельных романских языков: итальянского, испанского и т. д. вплоть до румынского («валашского»), добавленного только в третьем издании.

Идею очерков Диц позаимствовал у Я. Гримма, чья «Немецкая грамматика» послужила образцом не только для первого, но и для последующих изданий «Романской грамматики»<sup>76</sup>. Однако

---

<sup>76</sup> Об отношении Ф. Дица к Я. Гримму см. Kabilinski 1914: 44 ff., где подробно анализируется второй раздел первого издания «Фонетики» (немецкие звуки в романских языках), в котором и методика и материал восходят к Гримму, а также предисловие Г. Париса к французскому переводу «Романской грамматики», где на с. XVI приводятся слова самого Дица: «Ce qui m'a poussé à entreprendre mes travaux philologiques et ce qui m'a guidé dans leur exécution, c'est uniquement l'exemple de Jacob Grimm. Appliquer aux langues romanes sa grammaire et sa méthode, tel fut le but que je me proposai. Bien entendu, je n'ai procédé à cette application qu'avec une certaine liberté». См. еще Baum 1993, I: 112 (письмо к Гримму от 20.04.1836).

сближение с Я. Гриммом оказалось чисто внешним: у Гримма за очерками фонетики готского, древневерхненемецкого и прочих германских языков следует заключение (*allgemeine Vergleichung*), где автор фактически дает реконструкцию прагерманского вокализма и консонантизма, не останавливаясь перед сравнением германских звуков со звуками санскрита, греческого, латинского и других индоевропейских языков («закон Гримма», но также и другие наблюдения). К сожалению, «Фонетика» Ф. Дица не содержит ничего даже отдаленно напоминающего это знаменитое резюме (с. 487–507 – всего двадцать страниц!)<sup>77</sup>. В сущности, верная мысль: представить вместе всю историю романской фонетики в направлении как снизу вверх, так и сверху вниз на деле свелась к механическому присоединению одного раздела к другому и, естественно, не удержалась в романистике: у В. Мейер-Любке (1890 г.), в целом следующего за Дицем, мы уже не найдем «истории романских звуков». Правильнее было бы поменять обе части местами, как это делает Р. Холл, и, восстановив из романских языков, насколько это в наших силах, общероманский звукоряд, пытаться далее проследить судьбу звуков праязыка в его современных ответвлениях. Удачнее и компромиссное решение В. Мейера-Любке, исходившего из вульгарнолатинского состояния (ср. знаменитую таблицу перехода латинского количества в качество, см. Meyer-Lübke 1890: § 26, S. 52), которое он, однако, не потрудился должным образом реконструировать<sup>78</sup>. Но Диц, как мы уже видели, не признавал реконструкций и, выводя романские языки из народного языка Рима, практически брал за основу классическую латынь (На это обстоятельство уже обратил внимание А. Варваро, см.: Vârvaro 1968: 62). Потому неудивительно, что даже столь очевидная общероманская закономерность, как вышеупомянутая замена количественных противопоставлений качественными осталась им незамеченной.

Взамен Диц обнаружил закон удлинения гласных в открытых слогах и сокращения долгих гласных в закрытом слоге<sup>79</sup>, а также установил ряд особенностей романского ударения (перемещение ударения с третьего слога от конца на второй в случае

<sup>77</sup> См. диаметрально противоположную оценку в: Malkiel 1974b: 449; 1974a: 318; Malkiel 1993: 6–7.

<sup>78</sup> Это особая тема, см. об одном из ее аспектов Черняк 1993.

<sup>79</sup> См. RG I, 117; Lausberg RS I: § 163, S. 150. Это явление характерно лишь для центра Романии и не затрагивает даже юга Галлии, равно как и иберороманский ареал, Сардинию, юг Италии и Балканы.



*muta cum liquida* и в гiate, выравнивание по аналогии, но прошел мимо рекомпозиции типа \**recípit* > исп. *recibe*, ит. *riceve*, фр. *reçoit*) и т. д. (RG I, 116–119; Lausberg RS I: § 149, S. 140–143) Как первое в истории романистики собрание материала<sup>80</sup> (Ренуар начал прямо с морфологии) фонетика Дица сохраняет значение и в наше время и эпизодически цитируется в этимологических исследованиях (см. Malkiel 1980: 263). Нет сомнения, что именно для этой цели, т. е. прежде всего как справочник, как пособие для этимологических разысканий она и предназначалась самим автором. С появлением «Вокализма вульгарной латыни» Г. Шухардта (1866–1887) и «Романской фонетики» В. Мейер-Любке (1890) она окончательно устарела.

#### б. Морфология (1838 г.)

Эта книга почти не претерпела изменений в последующих изданиях: 218 страниц в первом, 254 во втором, 275 в третьем, причем структура разделов осталась прежней. Первая часть посвящена склонению. Она открывается небольшим общим разделом, где описывается эволюция латинского рода (исчезновение среднего рода), числа (сохранилось неизменным, так как двойственного числа не было уже в самой латыни) и падежной системы (редукция с шести до двух, местами до одного падежа; удержались, как указал уже Ренуар, формы винительного – Дифенбах настаивал на творительном! – и именительного). Далее Диц переходит к существительному: введение, в котором рассматривается романская редукция пяти латинских склонений до трех, а также колебания в грамматическом роде типа *sanguis*, ит. *sangue*, фр. *sang* м. р., но исп. *sangre*, рум. *sînge* ж. р. и т. д. и вслед за тем описание системы склонения в каждом романском языке в отдельности от итальянского до валашского. Аналогичным образом трактуются прилагательное, числительное и местоимение. Спорадически встречаются попытки объяснения происхождения отдельных форм. Изложение весьма удобно в чисто практическом смысле в ущерб сравнительно-историческому аспекту: сопоставление, в сущности, подменяется механическим присоединением.

<sup>80</sup> Попытка проследить развитие латинских звуков была уже предпринята для испанского А. де Небрихой (1492 г.), Б. Альдерете (1606 г.) и др., см.: Malkiel 1974a: 318–319 (ibid.: 321 – анализ дицевской трактовки лат. *p*), для итальянского Л. Кастельветро (1505–1511). Дицу принадлежит, таким образом, не идея, а лишь ее исполнение в доступном ему общероманском масштабе.

Точно так же построена вторая часть, где анализируется романское спряжение: довольно большой общий обзор (с. 95–122) и шесть очерков системы спряжения в отдельных романских языках. К существенным новшествам относится заимствованное у Гримма деление на сильные и слабые глаголы (с. 112–121), к которым Диц еще присоединяет аномалии: *esse*, *posse*, *velle*, *ferre* (в композитах, ср. фр. *offrir* и т. д.), *fieri* (ср. рум. *a fi*) и *ire*. В целом его изложение морфологии гораздо подробнее и глубже, чем у Ренуара.

Влияние Гримма ощущается в этой книге с первых же страниц. Диц также видит причину морфологических изменений в фонетическом стирании флексии, вызванном небрежностью народного произношения (с. 3); также колеблется относительно места артикля и других вспомогательных слов (но выбирает, в конце концов, не синтаксис, а морфологию!); наконец, композиция обеих книг почти идентична. За одним исключением: у Гримма общий обзор (*allgemeine Vergleichnung*) идет непосредственно за очерками склонения/спряжения готского, англосаксонского и т. д. языков и как бы вырастает из материала германских и привлекаемых для сравнения других индоевропейских языков в прагерманскую и временами в праиндоевропейскую реконструкцию, в то время как книга Дица спокойно ведет читателя от известного – классической латыни – к менее известному – романским языкам и не ставит себе другой цели кроме объяснения этих последних. Морфология Гримма – исследование, морфология Дица – хороший учебник. Не случайно В. Мейер-Любке и в этой части, как и в фонетике, откажется от системы очерков.

#### в. Словообразование (1838 г.)

Вторую половину второго тома «Грамматики романских языков» занимает третья книга, отведенная вопросам словообразования. И в этом разделе Диц следует за Гриммом, сначала рассматривая деривацию (Гримм начинал с аблаута, не представленного в романских языках), затем словосложение и отдельно образование числительных, местоимений и частиц, т. е. наречий, предлогов, союзов и междометий. Смещение принципов классификации по способу образования и по частям речи несколько компенсируется тем, что в главе, посвященной деривации, анализируются имя и глагол, словосложение разбивается на именное, глагольное и т. д., т. е. внутри этих глав проводится классификация по частям речи, однако отсутствие

последовательности приводит к досадному пропуску таких важных аспектов, как конверсия и префиксация. Удачнее трактовка В. Мейер-Любке (по частям речи) или даже маленький очерк Т. Маурера (по способу образования) (см. Maurer 1959: 239–280), но приоритет остается за Дицем.

## 2. Синтаксис (1844 г.)

Третьему тому, включающему в себя синтаксис, предпослано любопытное предисловие, опущенное в последующих изданиях (с. IV–VIII). В нем сообщается, что первоначально автор думал ограничиться фонетикой и морфологией, вследствие чего в последнюю были введены вопросы, строго говоря, к ней не относящиеся (вероятно, аналитическое будущее и артикль в системе склонения), однако удержавшиеся на своем месте и во втором и третьем изданиях. Это признание показывает, насколько в тридцатые годы Диц все еще шел за Ренуаром. Пример Я. Гримма, выпустившего в 1837 г. первую часть своего так и оставшегося незаконченным синтаксиса, по-видимому, оказал свое действие, и Диц снова засел за работу, длившуюся еще пять лет – столько, сколько заняли оба первых тома вместе (с. IV – он начал, стало быть, только в 1833 г.).

Специально для этого тома Диц обратился к изучению позднелатинских авторов, начиная с Венанция Фортуната и в особенности документов (он прочел около 4000 грамот V–XI вв.). В результате этого исследования он пришел к выводу, что общероманский языковой тип (*gemeinsame Sprachgebrauch*) в своих главных чертах полностью сформировался уже в VI в. и отсутствие в этих текстах таких конструкций, как будущее с *habere*, пассив с *esse*, *plqperf. coni.* как *impf.*, индикатив в косвенном вопросе и инфинитив с предлогом является чистой случайностью. Дальше VI в. Диц, однако, не идет и потому не решается признать греческое происхождение *quod* вместо асс. *cum inf.* или двойного отрицания (см. Coseriu 1971: 135–147), – это потребовало бы значительно более ранней датировки – одновременно допуская, что те же явления у авторов классического периода вполне могли бы рассматриваться как грецизм (*quod* в этом употреблении встречается уже у Плавта и в «*De bello Hispaniensi*»). Сам он и в этом случае, как и ранее в вопросе о романском аналитизме, предпочитает говорить о параллельном развитии – буквально о «народной речи» (*gemeine Redebrauch*), хотя и без особой уверенности (с. VII).

Влияние Я. Гримма и в этом томе ощущается ничуть не меньше, чем в предыдущих. Диц в значительной степени позаимствовал у своего великого соотечественника как композицию книги (1. простое предложение; 2. сложное предложение; 3. отрицание и 4. порядок слов), так и манеру изложения: параллельное развертывание материала, начиная с древнейшего засвидетельствованного состояния, у Гримма готского, у Дица соответственно латыни, при случае с аналогиями из других индоевропейских языков, главным образом германских и греческого. Собственно исторический аспект и здесь отодвинут на второй план по сравнению с описанием, но временами автору удаются важные наблюдения, ср., например, обнаруженные им случаи репризы дополнения в средневековых документах: *ipsam civitatem restauramus eam* (а.760); *ipsas villas senior meus mihi eas dedit* (а. 782) и т. д. (с. 57)<sup>81</sup>. Не случайно именно этот том «Романской грамматики» считается наименее устарелым (см.: Bourciez 1936: 213). Он не лишен недостатков: отсутствие артикля в «Страсбургских присягах» справедливо относится на счет влияния стиля латинских документов, но Диц не исключает и известной незаконченности развития (с. 17) – впадая тем самым в открытое противоречие; в разделе о порядке слов мы тщетно будем искать указаний о перемещении романского сказуемого с конца фразы в середину/начало; этот центральный момент формирования романского предложения остался совершенно незамеченным автором, введенным в заблуждение галлороманской двухпадежной системой склонения и многочисленными синтаксическими латинизмами типа исп. *el aire las cargadas ramas mueve* в средневековой и ренессансной поэзии и прозе (с. 416). Пренебрежение методом реконструкции, таким образом, не прошло для Дица бесследно: как раз самые важные явления романского аналитизма представлены у него наименее удовлетворительно. Качество и количество румынских примеров тоже оставляют желать лучшего: грамматика Мейер-Любке дает гораздо более полные и надежные сведения в этом отношении.

Синтаксис является наиболее удачной частью грамматики Дица, и в дальнейшем он подвергался лишь незначительным изменениям, почти не увеличиваясь в объеме от издания к

---

<sup>81</sup> Нужно признаться, что эти важные примеры не попались мне на глаза во время моих занятий местоименной репризой (см. Черняк 1979: 250–264, особенно 251). Поразительно, что на них не ссылаются ни В. Мейер-Любке, ни другие исследователи.

изданию. Над прочими разделами своего труда Дицу придется работать всю жизнь. Его «Романская грамматика» значительно уступает незаконченной «Немецкой грамматике» Я. Гримма как в плане методологии, так и полнотой материала, но, безусловно, превосходит, во всяком случае, широтой охвата и самим объемом, эскизную «Сравнительную грамматику языков латинской Европы» Ф. Ренуара. Однако при сопоставлении материала и идей предпочтение обычно отдается последним (они меньше стареют и потому ценнее), и мы затруднимся сказать, перевесят ли сейчас три издания трехтомной грамматики немецкого эрудита один изящно переплетенный том его французского предшественника.

### **V. Издание древнейших романских памятников**

Публикация «Грамматики романских языков», факт, безусловно, знаменательный в истории романской филологии, тем не менее не явилась началом новой эры, как это принято думать<sup>82</sup>. Филологический мир встретил ее одобрительно, но взрыва интереса к истории романских языков она за собой не повлекла. Для этого были важные объективные причины. Европа середины XIX в. не имела досуга для углубленных лингвистических штудий: Франция до прихода к власти в 1852 г. Наполеона III всецело жила политикой, а не наукой; Италия готовила свое Рисорджименто; Испанию раздирали династические смуты, а Румыния еще не появилась на свет. Сама Германия была бедна (курорты и выгодная торговля с Россией постепенно улучшили ее экономику), помнила Наполеона и шла к национальному объединению под главенством Пруссии, по традиции тратившей все средства на армию. Помимо всего этого у Дица были опасные конкуренты в лице целого поколения выдающихся индоевропеистов и германистов, от Боппа до Цупицы, и, главное, его «Грамматика» в теоретическом отношении не содержала ничего сенсационного: зависимость от Гримма, выпустившего в 1848 г. популярную «Историю немецкого языка», была очевидной. Но Диц и не ставил перед собой высоких целей и свою задачу, во всяком случае, выполнил, вероятно, не без тайного удовлетворения, думая о незаконченной «Немецкой грамматике» (уйдя из Геттингена в 1838 г., Гримм так и не смог завершить свой монументальный труд,

---

<sup>82</sup> См. Malkiel 1976: 1–4, 14–15, где, однако, не учитывается политико-экономическая ситуация.

позднее к тому же увлекшись сбором материалов для «Немецкого словаря»). И потому, не дожидаясь, когда его посетит слава и романская филология станет модной (это произойдет только в 60-ые годы, отчасти благодаря очередному прогрессу классической филологии: публикации позднелатинских текстов, моммзеновскому корпусу латинских надписей и, как следствие, появлению «Вокализма вульгарной латыни» Гуго Шухардта, 1866–1868), Диц немедленно принимается за новую работу: следующее десятилетие будет для него не менее плодотворным.

Обращение Дица к древнероманским памятникам вполне объяснимо: ему не раз приходилось сталкиваться с ними во время работы над грамматикой, и он мог кое в чем поправить своих предшественников, как Ренуара, так и германистов, интенсивно занимавшихся не только «Страсбургскими присягами», – существование немецкой версии их к тому обязывало, – но и опубликованной в 1837 г. А. Гофманом фон Фаллерслебен «Секвенцией о святой Евлалии». Вышедший в 1846 г. мемуар Дица (см.: Diez, *Denkm.*) содержит издание «Присяг», «Секвенцию» и «Бозэция» с предисловием и языковым комментарием, а также этюд из области романского стихосложения, «Об эпическом стихе» (с. 76–132). Не касаясь последнего, следует отметить, что в интерпретации трудных мест автору нередко сопутствовала удача. В «Присягах» он первым установил, что *iver* в клятве вассалов означает *ibi* (> фр. *y*) *ero* '(не) буду в том (в помощь)', правда, идя по стопам Гримма, уже объяснявшего эту форму как *ego ero* (Ренуар и другие выводили ее из лат. *ivero*, fut. II от *ire*). В «Секвенции» Дицу принадлежит честь правильного объяснения целого ряда пассажей: А. Гофман фон Фаллерслебен (1798–1874, известный германист и поэт, автор гимна *Deutschland, Deutschland über alles*) ограничился изданием текста, предоставив комментарий и перевод (см. рецензию в: Diez, *KAR*: 147–152) своему другу, Х. Виллемсу (1795–1846, поэту, основателю фламандского движения, издателю средневековых фламандских текстов)<sup>83</sup>, который, не будучи профессиональным романистом, не смог справиться с многочисленными трудностями содержащей всего 29 стихов поэмы. Но и для самого Дица эта задача оказалась не очень легкой, например, ст. 20 *coist = coxit* стоил ему немалых усилий, ср. рецензию 1839 г., где он еще топчется вокруг других решений (на правильный путь навел его Ф. Вольф – см. Wolf 1841: 467–469) и далеко не

<sup>83</sup> Согласно Г. Грёберу, именно он и открыл «Секвенцию» в валансьенской рукописи: см. Gröber 1888: 80–81.

во всем он имел успех. Так в ст. 7–8 *ne por or ned argent ne paramens, / por manatce regiel ne preiement* Диц не принял рекомендованной тем же Ф. Вольфом интерпретации *regiel* = *regalis* (явный эпитет к *manatce*), а продолжал, как уже в рецензии, объяснять это слово как аналогичное ит., исп. *regalo* ‘подарок’, с чем никак нельзя согласиться, так как итальянское слово явно заимствовано из испанского, а испанское впервые засвидетельствовано в 1495 г. (в значении ‘дар’ только в 1737 г.!) и восходит не к лат. *regelare* ‘оттаивать, согревать’ (см. Diez, REW<sup>3</sup>: 345–346 s.v. *regalare*), как утверждал Диц в своем этимологическом словаре, а к фр. *(re)galer* ‘развлекаться, праздновать’, ср. прил. *galant* (рус. *галантный*), исп. *gala*, ‘празднество’, *galán* и т. д. (см. Corominas, BDELС: 499 s. v. *regalar*). Этимомом французского глагола является франк. \**wala* ‘счастье’, ‘богатство’, ср. англ. *well*, нем. *wohl*<sup>84</sup>. К оправданию Дица можно сослаться на то, что а) уже некоторые его предшественники понимали *regiel* как существительное (‘*décret*’ – Willems, ‘*ordre*’ – Dinaur) и б) все трое хотели подогнать ст. 8 под предыдущий и потому искали в нем триаду, которая, впрочем, дала бы только длину и нелогичное перечисление. Общепринятая интерпретация намного осмысленнее и художественнее: Эввалию пытаются переубедить подарками (ст. 7) или моральным воздействием: просьбами и грозным императорским указом. Показателен для авторитета Дица тот факт, что даже это заведомо неудачное объяснение эпизодически всплывает в научной литературе (см. Avalle 1966: 160, n. 1; Koschwitz 1886: 92–94).

Меньше сделал Диц для «Бозэция», хотя издание Ренуара (см. Raynouard, Choix II: 4–39) давало ему хорошую возможность показать свои филологические способности. Как и его выдающийся предшественник, Диц датировал эту написанную не раньше конца XI в. поэму<sup>85</sup> десятым веком, в доказательство чего привел целый список архаичных слов и форм (см. Diez, *Denkm.*: 34–36), который, однако, был буквально уничтожен в 1920 г. Н. Цингарелли (см. Zingarelli 1920: 193–221). Из многочисленных поправок к тексту (копиист был явно не очень

<sup>84</sup> См. Gamillscheg, FEW: 462 s.v. *galant* (этимология Э. Литтре). Короминас предпочитает исходить из глагола *wallan* ‘кипеть, волноваться’, ср. нем. *wallen* (Corominas, BDELС: 287 s. v. *gala*); есть и арабская этимология.

<sup>85</sup> Ibidem CXXXII ss.; Diez, *Denkm.*: 33 ff.; Schwarze 1963: 11–15, §§ 16–22; DLFMA 342–343 s.v. *Boecis* (J. Salvat), особенно р. 343а «entre les années 1000 et 1030».

внимателен во время переписывания) и к переводу Ренуара Дицу принадлежит вставка второго *nos* в ст. 99, прекрасное объяснение *ma < manet* в ст. 136, *dols* ‘Schmerze’, ‘страдания’ в ст. 159 и *ans < annos* в ст. 188. Кроме того, подозрительные слова Диц печатал в своем издании курсивом и тем самым, безусловно, подготовил блестящую конъектуру своего молодого боннского коллеги Н. Делиуса в ст. 195 *molt moderamen] molt me derraman* (см. Bartsch, *Chrest. Prov.* 6 ad locum), равно как и другие, менее эффектные исправления. Многого, однако, Диц просто не заметил, отчасти потому, что дипломатическая транскрипция Ренуара оказалась не очень надежной: решающий прогресс был достигнут только благодаря новой коллации и основанному на ней изданию П. Мейера.

Перед еще более трудной проблемой оказался Диц при работе над поэмами из Клермон-Феррана, опубликованными в 1848 г. Ж. Шамполион-Фижакон (см. Champollion-Figeac 1848: IV, 411–456, nn. XXVI–XXVII). Старший брат знаменитого Шамполиона, неустанно помогавший ему в его открытиях, сам известный историк, хранитель Национальной Библиотеки (с 1828 г.) и профессор палеографии в Школе Хартий (с 1830 г.), справился со своей задачей совершенно неудовлетворительным образом, допустив массу ошибок при прочтении, интерпункции и интерпретации; из приложенного к изданию факсимиле Диц сразу же догадался о ненадежности предлагаемого ему текста, но предпринять не очень далекую поездку в Клермон-Ферран ради знакомства с ценнейшей рукописью все же не решился и тем самым с самого начала серьезно скомпрометировал свою очередную монографию (см. Diez, *Ged.*). Правда, в ряде случаев ему удалось исправить ляпсусы французского издателя (еще более преуспел в этом любопытном упражнении его мюнхенский коллега К. Гофман, посвятивший поэмам из Клермон-Феррана два интересных мемуара), но в целом его борьба с безответственностью Шамполиона оставляет удручающее впечатление. Кое-что все же он смог сделать даже в таких неблагоприятных условиях: в «Страстях» вставил необходимое *en* в 21 b = v. 82, исправил *l'e[s]carnit* в 55 a = v. 217, *ob[s]* в 66 b = v. 262, *mais [chi l'] avra* в 68 b = v. 270, *a preiat* вместо *preiar* в 86 a = v. 341, *met* вместо *mer* в 90 d = v. 360, *man[s]* в 128 a = v. 509 и очень удачное объяснение *aserad* в 120 a = v. 477. Позднее Диц снова обратился к этому памятнику в специальной статье (см. Diez 1866), где он рассматривал конъектуры Гофмана и результаты частичной коллации, предпринятой Н. Делиусом вскоре



после выхода его этюда<sup>86</sup>, присоединив к ним свои собственные текстологические соображения, равно как и обстоятельное исследование языка поэмы, преимущественно по рифмам. Вывод Дица относительно принадлежности гибридных франко-провансальских рифм самому автору, о преобладании чисто французских форм над провансальскими и о позднейшей «провансализации» памятника переписчиком долго держался в научной литературе и лишь сравнительно недавно был окончательно вытеснен убедительной гипотезой Авалле о пуатевинском происхождении поэмы (см. Avalle 1962: 13 ss.).

Меньше внимания уделил Диц «Житию св. Леодегария». Языком поэмы он не занимался вовсе, но ему удалось исправить 2,1 = v. 7 *primes* (рук. *primos*), 3,5 = v. 17 *il l'enamat* (рук. *ille amat*), 10,4 = v. 58 *lo seu fredre* (рук. *li seu fredre*), 16,4 = v. 94 *sempre[m]*, 17,3 = v. 99 *Lusos* (рук. *lisos*, Champ. *li sos*), 17,4 = v. 99 *illo* 'там' (рук. *ille*), 18,6 = v. 108 *paiais*'[s] *ab lui*, 23,2 = v. 134 [*et*], 24,2 = v. 140 *asalir* (рук. *asalier*), 28,3 = v. 165 *super lis piez* (рук. *super li piez*) и т. д. Он смог угадать рукописное чтение в 5,2 = v. 14 *lo doistren* (Champ. *loddistrent*); 3,5 = v. 17 *deu li covit* (Champ. *deu lo rovit*) и в некоторых других случаях, а также дать убедительные интерпретации нескольких трудных пассажей, например, 11,5 = v. 65 *rova's clergier*, 12,2; 15,5; 28,4. Нередко, однако, он становился в тупик перед чтениями Шамполион-Фижака. Нет никакого сомнения в том, что обращение непосредственно к рукописи избавило бы его от многих недоумений<sup>87</sup>, тем более что он прекрасно понимал огромную ценность клермонферранских поэм как лингвистического источника и полностью использовал весь содержащийся в них лексический материал для своего «Этимологического словаря романских языков», вышедшего в свет уже в следующем году. Последнее обстоятельство до известной степени объясняет, если не оправдывает некоторую неразборчивость Дица в отношении текста новооткрытых памятников: он, вероятно, спешил закончить свой второй *magnum opus* и потому сознательно

<sup>86</sup> См. Diez, KAR: 211 ff. Неизвестно, был ли Делиус лично в Клермон-Ферране или же, как это обычно делалось в то время, обратился с соответствующей просьбой через общих знакомых к какому-нибудь местному палеографу. Первое надежное критическое издание поэмы принадлежит Г. Парису: см. Paris 1873: 295–314.

<sup>87</sup> Полную колляцию осуществил все тот же Г. Парис, см. его издание: Paris 1872: 273–317. В современном стандартном издании Ж. Линскилла (см. Linskill 1937) роль Дица в установлении авторского текста поэмы выявлена недостаточным образом.

пренебрег филологическими мелочами, если можно назвать мелочью для издателя и исследователя памятника знакомство с рукописью и адекватное прочтение ее текста.

## VI. «Этимологический словарь романских языков» (1853)

К торопливости Дица вынудила угроза конкуренции: уже в 1843 г., за год до появления последнего тома «Грамматики», некий Э. Хаушильд воспользовался вышедшими тремя частями для публикации этимологического словаря французского языка (Hauschild 1845). Вслед за этим полуплагиадом вышел в свет последний том провансальского словаря покойного Ф. Ренуара (1844 г.), вызов к соперничеству и одновременно важное подспорье в работе<sup>88</sup>. И Диц, как всегда, не заставил себя долго ждать.

Его новый труд характеризует то же внимательное отношение к требованиям рынка, что и все предыдущие егоopusy. Как и в «Грамматике», он ориентируется на самую широкую публику, стремясь удовлетворить все ее возможные желания<sup>89</sup>. Его REW состоит из трех первоначально очень небольших этимологических словарей, соответственно итальянского, испано-португальского и франко-провансальского (с. 381–449, 450–549 и 550–757), которым предшествует общая часть (*Gesamtromanische Wörter*, 3–378), представляющая как бы общий фонд вышеназванных трех языковых групп. Распределение материала не всегда последовательно: ряд общих слов мы находим в словарях отдельных языков, ср. фр. *parrain*, *plaindre* и т. д., что, однако, компенсируется наличием трех обстоятельных индексов в конце книги (в третьем издании они сведены в один). Любопытно, что в словаре нет слов с прозрачной этимологией, таких как фр. *main*, *rain* и их романских соответствий<sup>90</sup>; фр. *faire* рассматривается лишь в значении «говорить», *pas* только как вторая часть отрицания. При всей

<sup>88</sup> Надо отметить, что Дица давно привлекала этимология: еще в 1826 г. он сообщает Я. Гримму о своем намерении составить этимологический словарь французского языка по образцу этимологического словаря латинского языка К. Швенка, его товарища по гимназии и семинару Велькера («...franz. Etymologicon, ein Gegenstand, der mir höchst anziehend zu sein scheint»), см. Baum 1993: I, 113.

<sup>89</sup> Подробное описание структуры словаря Дица можно найти в: Malkiel 1976: 9–10. Малкиел тоже отмечает его практичность (*practicality*, 6–10).

<sup>90</sup> Диц следовал в этом примеру Менажа и Муратори (Dietrich 1976: 88).

этой внешней претензии на научность ретороманский и валашский/румынский привлекаются только эпизодически; во введении много и интересно рассказывается о задачах и методах этимологии, но нет ни слова об общероманской проблеме и в общей части материал приводится под итальянскими, изредка испанскими леммами. Первоначально Диц хотел воспользоваться для этой цели средневековыми латинскими формами, но в латинских текстах романские слова нередко выступают в колеблющихся написаниях, а поздние свидетельства часто представляют собой реконструкцию *ad hoc*, иногда и неверную (см. Diez, REW: VI–VII). Разработанного А. Шляйхером метода реконструкции под звездочкой Диц, вероятно, еще не знал, хотя сомнительно, чтобы он решился воспользоваться им для своего словаря<sup>91</sup>, как это впоследствии сделали Г. Кертинг (1890–1891) и В. Мейер-Любке (1911).

Но и при всех своих очевидных недостатках REW представляет собой выдающееся достижение. Уже в первом издании он включает согласно индексам более 600 итальянских, более 1000 испанских и около 1650 французских, а также 167 португальских и 76 провансальских слов. Эти три с половиною тысячи слов, правда, не идут ни в какое сравнение с REW В. Мейер-Любке (см. Sykora 1973), где одних лемм насчитывается 9721, а общий индекс романских слов занимает почти 240 страниц. Но Диц и не ставил перед собой цели охватить всю лексику романских языков. Как первая попытка в своем роде его опыт должен быть признан весьма удачным. Он опирался на значительную литературу, включающую как этимологические исследования Ж. Менажа, С. де Коваррубиас, Л. Муратори и других ученых, так и диалектальные словари: Диц хорошо понимал важность диалектов для определения происхождения слова. К этому надо прибавить его немалую начитанность в средневековых романских литературах и позднелатинских документах и памятниках, свободное владение германистическим материалом и углубленные занятия исторической фонетикой, уже признанной

---

<sup>91</sup> Он стал пользоваться звездочкой начиная со второго издания «Фонетики» (1856) – указано в: Malkiel 1974a: 321, однако почему-то не ввел ее в дальнейшие издания REW, вероятно, потому, что «Фонетика» предназначалась для специалистов, а словарь мог заинтересовать и дилетанта. Любопытно, что звездочка появилась в приложении А. Шелера к четвертому (1878) и пятому (1887) изданиям, хотя авторский текст не подвергся в этом отношении никаким изменениям. См. также Malkiel 1993: 7 (неразличение ученой и народной лексики).

благодаря усилиям А. Ф. Потта в качестве необходимейшей основы этимологических разысканий.

Собственно вклад Дица в романскую этимологию установить не очень просто: для этого требуются специальные исследования. Сравнив этимологию первых 300 общих слов (от *a* до *cascade*) у Дица и у Менажа, Г. Грёбер пришел к поразительному результату: в 216 случаях, т. е. 72%, Диц принял решение, предложенное его предшественником; в прочих 28% случаев он и его последователи далеко не всегда могли найти правильное объяснение (см. Gröber 1888: 25). Подсчеты В. Дитриха показали, что из 496 общих слов (буквы *d* – *g*) у Менажа 58% правильных и в значительной степени правильных этимологий, у Дица – 80% (см.: Dietrich 1977: 91)<sup>92</sup>. Разница существенная, но немецкий исследователь использовал пятое, подготовленное А. Шелером, издание REW Дица (1887) и к тому же не потрудился уточнить, сколь многие из новых по сравнению со словарем Менажа этимологий принадлежат самому Дицу: Менаж был далеко не единственным его источником. Однако и принимая чужое объяснение Диц всегда старался обосновать его ссылками на фонетические и семантические параллели (см. Sykora 1973: 186–205). В затруднительных случаях он обычно искал решение в германских языках<sup>93</sup>, которые прекрасно знал, так как наряду с романскими дисциплинами постоянно преподавал готский, древне- и средневерхне-немецкий. По-видимому большинство найденных им этимологий принадлежит именно этой категории.

## VII. Последние годы жизни

Следующее десятилетие по выходу REW характеризуется столь же высоким темпом работы, что и предыдущее. Диц подготавливает второе издание «Грамматики» (1856–1860), для которого ему приходится основательно перестроить «Фонетику» (см. выше). В 1861 г. появляется второе издание REW, задуманное, по собственному признанию автора, в крайней спешке, но все же значительно переработанное и увеличенное более чем на сто словарных статей. Ему предшествовало опубликованное в

<sup>92</sup> Для буквы *e* И. Попелар обнаружил у Менажа только 55 % правильных этимологий, что, однако, тоже немало, см.: Popélar 1967: 347–355.

<sup>93</sup> См.: Malkiel 1976: 6, где сообщается о критическом отношении Г. Шухардта и других современников Дица к слишком большой роли, отведенной последним германским элементам в романских языках.

1859 г. «Критическое приложение к этимологическому словарю»<sup>94</sup>, в котором Диц разбирает этимологии, предложенные его коллегами, с момента появления в свет первого издания (среди многочисленных и тут же забытых публикаций заслуживают упоминания «Этимологические исследования» Ф. Мана (Mahn 1854; о нем см. Gröber 1888: 93–94), известного своими изданиями провансальских рукописей.

*а. Эюд о средневековой португальской лирике*

Всего два года спустя, в 1863 г., выходит в свет эссе «О первоначальной португальской художественной и придворной поэзии» (Diez, *Ueber die erste*). Обращение к этой теме было не столь уж неожиданным: еще в юношеские годы Диц переводил Камоенса, а в 1830 г. написал рецензию на первое (частичное) издание *Cancioneiro da Ajuda* (далее *CA*), осуществленное лордом Стюартом в 1823 г. (C. Stuart. *Fragmentes de um cancioneiro inedito* – Diez, *KAR*: 72–83). Тогда он приписывал весь этот сборник одному единственному поэту (Diez, *KAR*: 76–77); в эссе он уже критикует Варнхагена (1847), отстаивавшего его прежнюю точку зрения<sup>95</sup>. Истина открылась позднее благодаря публикации Э. Моначи знаменитой *Tavola Collociana*, оглавления к исчезнувшему полному португальскому канцонье-ре, которое позволило установить авторство целого ряда стихотворений из *CA* (о ней см. Jensen 1978: 36–37). В дальнейшем анализ рукописи показал, что в ней отсутствуют все заглавные буквы, виньетки и, соответственно, имена поэтов; все это было оставлено иллюстратору, почему-то не выполнившему свою работу (см.: Michaelis de Vasconcellos, Braga 1897: 200–202). Несмотря на это обстоятельство, эссе и сейчас производит очень приятное впечатление. От общей характеристики эпохи и издания канцонье-ре изложение ведет нас к провансальскому влиянию на раннюю португальскую лирику (с. 26–36), которое автор, однако, несколько переоценивает (Jensen 1978: 272); далее следует тщательный анализ формы (с. 36–72) и содержания (с. 72–104) поэтических произведений португальских поэтов, где Диц попутно дает наряду с оригиналами свои собственные стихотворные переводы, примерно 12 стихотво-

<sup>94</sup> См. Diez, *Krit. Anhang*. Это эссе в 39 страниц (см. Malkiel 1974a: 322–323), к сожалению, отсутствует в наших библиотеках.

<sup>95</sup> См. Diez, *Ueber die erste*: 19–26, Но ср. с. 107: «Die Handschriften unsrer beiden Dichter...» (Варнхаген приписывал *CA* графу де Барселлош).

рений, а также публикует несколько *santigas d'amigo* (без перевода, которому, по его мнению, они не поддаются). В разделе, посвященном языку португальской лирики (с. 104–135), исследуется как грамматика, так и лексика и постулируется исконная близость старопортугальского и старогалисийского (с. 104–106). Заключает книгу длинный перечень ошибок, содержащихся в изданиях Л. де Моура и Варнхагена (с. 135–142). Можно только пожалеть, что из ватиканской рукописи, насчитывающей 210 листов, Дицу были известны только первые 20 – опубликованное де Моура канцоньере короля Диниша. И опять встает вопрос; почему Диц удовольствовался явно недостаточным материалом имеющихся в его распоряжении изданий вместо того, чтобы поехать в Рим и скопировать важнейшую ватиканскую рукопись? Боялся ли он летней жары или что ему не хватит рождественских каникул зимой? Так или иначе, его вклад в португалистику оказался вследствие ограниченности материала не очень значительным: эссе, написанное скорее в популяризаторских целях, быстро устарело и сейчас, пожалуй, лишь стихотворные переводы, свидетельство постоянного внутреннего тяготения Дица к поэзии, подавляемого на протяжении всей его жизни, еще представляют для нас интерес<sup>96</sup>.

*б. Рейхенауские глоссы*

В 1863 г. А. Хольцманн публикует свои эскипты из рейхенауского глоссария (см. Holzmann 1863: 386–414), и Диц незамедлительно переключается на новую тему. Важность ранне-средневековых глосс как ценного источника по лексике и фонетике доисторического периода романских языков он понимал давно: еще в 1849 г., работая над этимологическим словарем, он написал статью о хорошо известном германистам латино-немецком глоссарии VIII–IX вв. из Касселя (Diez, *KAR*: 168–177). Новооткрытый глоссарий из Рейхенау дал повод к возобновлению этих штудий. Диц отправился в Карлсруе, где хранилась рейхенауская рукопись (осень 1864 г. – путешествие по Рейну было, вероятно, весьма приятным) и уже в следующем году выпустил в свет книжечку в 125 страниц, посвященную обоим сборникам старороманских глосс (Diez, *Glossare*). Рейхенауская рукопись рассматривается в ней первой (с. 5–70). После краткой характеристики эпохи, к которой восходит текст и его общего описания (с. 3–6) Диц перепечатывает опубликованные Хольц-

<sup>96</sup> См.: Ваи 1993, II: 578–585, приводит только переводы из Камоенса.

манном глоссы 1–199, присоединяя к ним в качестве приложения еще 100 глосс, отобранных им лично (общее число глосс составляет 4877). Почему он не объединил хольцманновские и свои собственные глоссы вместе? Это малообоснованное разделение сохраняется и в комментарии (с. 20–68). Для своего времени содержащиеся в нем примечания Дица к тремстам наиболее важным для романистов глоссам (В. Фёрстер в 1882 г. расширил их число до 1165<sup>97</sup>, т. е. более 1/5 от общего количества) представляли собой несомненное достижение, но сейчас они, естественно, сильно устарели. Диц правильно охарактеризовал рейхенауский глоссарий как латинско-латинский (В. Фёрстер позднее слишком преувеличивал удельный вес сугубо романских интерпретаций – см.: Tagliavini 1972: 553), но он, разумеется, не мог осуществить всю огромную предварительную работу по установлению источников отдельных *interpretamenta* – необходимую для выявления собственно романского фонда слов, содержащихся в глоссах<sup>98</sup>. Тем не менее, он верно определил северофранцузское происхождение рейхенауского сборника на основании как лексических фактов, так и фонетики, в частности, начального аспирированного *h*- в словах германского происхождения типа *helmus*, *heribergo*, *husas*, а также перехода *ai* > *o*, например, *soma* ‘вьюк, седло для клади’ (ср. фр. *somme*, *sommier*, пров. *sauma* < лат. гр. *sagma* и т. д.). Эти наблюдения и поныне остаются в силе.

Менее удачными оказались выводы Дица относительно трудных кассельских глосс. Его теория двойного авторства (сотрудничество романца и немца) встретила критику Г. Париса (см. его предисловие к французскому переводу книги: Diez 1870) и ныне окончательно оставлена (см. Roncaglia 1959: 350). В пользу единого составителя говорит глосса 47–8 *articulata altes minimus minnisto*, где два романских наименования мизинца, *articulata*, искаженное *artlularis* (sc. *digitus*) и *minimus* соединены немецким союзом *altes*, *alde* ‘или’, на что обратил внимание еще в 1855 г. А. Хольцманн (в соответствии со своей гипотезой Диц предпочел конъектуру Ваккернагеля *alia* вместо *altes* – см. Diez, *Glossare*: 98–99). Атрибуция романских глосс северофранцузскому ареалу также вызывает возражения: глоссы 109 *scandula* ‘доска’ (рум. *scîndură*, фриул. *skandule* и другие, см. REW<sup>4</sup> 7650), 140 *sicilis* ‘серп’ (рум. *secere*, фриул. *sézule* и

<sup>97</sup> Foerster – Koschwitz 1882 и последующие издания. Diez, *Glossare*.

<sup>98</sup> Согласно Г. В. Клейну, «романские» глоссы составляют не более 10% от общего числа, см.: Klein, Labhardt 1968: 36.

т. д., REW<sup>4</sup> 7900) указывают скорее в направлении Фриуля или бывшего романского населения Баварии, согласно убедительному предположению того же Хольцманна (см. Roncaglia 1959: 354–355). Тем не менее, несмотря на спорность отдельных принятых Дицем мнений<sup>99</sup>, каковые все уже были выдвинуты его предшественниками (братьями Гримм и другими), в целом его комментарий сыграл свою роль в исследовании этого и сейчас еще во многом неясного памятника. К вышедшему в 1870 г. французскому переводу книги Диц присоединил свою статью о латинско-немецком глоссарии из Вены, впервые опубликованную в 1867 г. (см. Diez, KAR: 224–234).

### в) Последние работы

И конец 60-х годов был временем напряженнейшей работы для уже перевалившего за семьдесят Дица. В 1869–1870 гг. выходит третье издание «Этимологического словаря» в двух томах и на полторы сотни страниц больше объемом, чем первое (с заново составленным общим индексом); в 1869–1872 – третье издание «Грамматики», переработанное и дополненное по сравнению со вторым. Последняя книга Дица, «Романское словотворчество» (см. Diez, *Rom. Wort*), увидела свет в 1875 г., всего лишь за год до смерти. Задуманная как приложение к «Романской грамматике», она в действительности очень удачно дополняет «Этимологический словарь», раскрывая перед читателем судьбу важнейших латинских слов (разделенных на 28 понятийных групп: 1. Бог. 2. Вселенная, времена года и т. д. 3. Поверхность земли. 4. Человек. 5. Человеческое тело и т. д.) в современных романских языках. Хотя это эссе и не содержит новых этимологий и заметно хромает в отношении румынского, оно представляет и сейчас несомненный интерес как прекрасное введение в романскую лексику, может быть, именно благодаря своему сравнительно небольшому объему (менее ста страниц). Это любопытное и откровенно пропедевтическое произведение престарелого ученого (сама идея подачи лексики в виде понятийных групп восходит еще к Амосу Коменскому (1592–1671) навела Г. Шухардта на мысль составить романский понятийно-этимологический словарь; к сожалению, эта идея, как и многие другие его замыслы, осталась неосуществленной).

---

<sup>99</sup> В цитированной выше работе А. Ронкаля, последней известной мне публикации по данному вопросу, имя Дица упоминается часто, но лишь в связи с положениями, отвергаемыми автором статьи.



Известный «Словарь индоевропейских синонимов» Бака (Buck 1949) охватывает наряду с латинским и романский материал, но, разумеется, далеко не исчерпывающим образом.

Диц умер 29 мая 1876 г. на 83 году заполненной неустанным трудом, не очень легкой вначале, но вполне благополучной к концу, жизни. Последние годы он не мог ходить в Университет и преподавал у себя дома, а с осени 1875 г. вообще был вынужден прекратить занятия (см. Stengel 1894: 34, 44; Stengel 1883: 76). Ему, однако, не было предложено уйти на пенсию. Университетские власти проявили по отношению к нему предельное внимание и заботу, так что единственной неприятностью его последних лет был рост квартирной платы, и вызванные им – Диц был очень экономен – докучливые переезды.

### Заключение

Заслуги Дица были высоко оценены ученым миром еще при его жизни. Его труды по провансалистике были переведены на французский язык уже в сороковые годы и переизданы К. Барчем спустя несколько лет после его смерти. Введение ко второму изданию «Грамматики романских языков» (1859) стало доступным французским и английским читателям в 1863 г., а в 1874–1876 гг. по инициативе Г. Париса был осуществлен перевод всей грамматики, разумеется, по третьему изданию (1870–1872). Этимологический словарь был скопирован в Англии уже в 1864 г., а в четвертом издании (1878) получил приложение и новый индекс, существенно увеличенный в пятом (1887–1889) (см. Malkiel 1974a: 323).

В комплиментах и самых лестных оценках также не было недостатка. Уже в 1859 г. в рецензии на второе издание «Грамматики», опубликованной в первом томе ведущего неофилологического журнала того времени, «*Jahrbuch für romanische und englische Literatur*», молодой боннский коллега Дица Н. Делиус провозглашает 65-летнего ученого «старейшиной романистики» – *Altmeister romanischer Philologie* (JfREL 1859: 350); во втором томе основатель журнала А. Эберт (видный литературовед, 1820–1890) повторяет, слегка видоизменяя, этот титул (Ebert 1860: 245), который отныне становится неотъемлемой собственностью боннского профессора, мелькая в рецензиях его трудов и научных статьях и книгах коллег, не говоря уже о многочисленных специальных публикациях, посвященных различным памятным датам: 50-летию преподавательской деятельности (1871 г.) – по этому поводу Диц был удостоен звания почетного

гражданина Гиссена, его родного города; впоследствии на доме, где он вырос и который уже давно не принадлежал их семье, была установлена мемориальная доска к столетию со дня рождения (1894 г.); 150-летие со дня рождения (1944 г.), столетие со дня смерти (1976 г.). К сожалению, в обстановке непрекращающейся неприязни к Франции, одно время препятствовавшей объединению Германии, а после катастрофы 1870 г. готовившей реванш 1918 г., имя Дица с самого начала широко использовалось в целях утверждения и без того высокого престижа немецкой науки: нота национальной гордости в рецензии Делиуса вылилась в настоящий триумф немецкой романистики в связи с юбилеем 1894 г.<sup>100</sup>. В восторженную хвалу современников XX в. внес свои суровые коррективы: показательно, что посвященный Дицу трирский коллоквиум (2–4 октября 1975 г.) преимущественное внимание уделил не личности самого ученого, а его менее известным предшественникам и современникам, а в главной «дицевской» статье В. Реттига был сделан важный шаг к окончательной реабилитации незаслуженно задвинутого в тень Ф. Ренуара.

Почву для такой переоценки достижений обоих ученых подготовил, прежде всего, сам Диц, с ужасом принимавший многочисленные знаки внимания и европейского признания (отечественные и иностранные ордена, почетное членство в различных научных обществах и академиях, в том числе и петербургской), буквально сыпавшиеся на него в последние годы жизни. Часто цитируемое заявление, что основателем романской филологии является Ф. Ренуар, было сделано не в 1836 г., еще при жизни французского академика, а в 1870 – накануне франко-прусской войны! – в предисловии к третьему изданию «Грамматики романских языков» (Baum 1993, I: 116–117), когда репутация Дица и в определенном смысле победа в их негласном соперничестве были давно и окончательно установлены. Менее известно, что всего за три года до смерти в письме к А. Тоблеру от 28 июня 1873 г. Диц сделал еще более странное признание: он вообще никогда не был настоящим ученым (Ein Gelehrter bin

---

<sup>100</sup> См. Curtius 1947: 412–415; Diez, *KAR* : V–IX; Foerster 1894b. Уже в 1876 г. Г. Шухардт, только что оставивший кафедру в Халле ради Австрии (Грац), замечает: «... Man blickt auf zuviel unerquickliches. Das niedere Volk scheint an Roheit zugenommen zu haben, unter den Gebildeten herrscht zum Theil. ein unerträglicher Chauvinismus aus». И два года спустя: «Nicht ich habe mich Deutschland entfremdet. Es hat sich mir, anderen, sich selbst entfremdet» (см. Richter 1928: 247).

ich überhaupt nie gewesen), главным образом из-за роковой болезни глаз, не позволявшей ему работать больше 6–7 часов в сутки, в то время как Яков Гримм работал по 13 часов в день (см. Lommatzch 1944: 181, Nr. 13). Эту фразу, обычно рассматриваемую как еще одно свидетельство редкой скромности великого филолога (см. Curtius 1947: 412), есть известные основания принять всерьез, хотя бы уже потому, что Диц хорошо себя знал и по своей натуре вовсе не был склонен к необдуманным суждениям, тем более по поводу своей собственной научной деятельности. Обращаясь к своему ученику и в то время – потом им стал В. Мейер-Любке – преемнику Тоблеру, представлявшему романскую филологию в Берлине, столице уже не только Пруссии, но и всей Германии, Диц несомненно говорил потомству. И потомство должно отнестись со вниманием к его словам.

За Ренуара в его – разумеется, чисто воображаемом – споре с Дицем за титул основателя говорит в первую очередь приоритет. Диц учился на его трудах. Этим, однако, не ограничиваются заслуги французского ученого, Ренуар был одним из тех немногих романистов за всю историю существования нашей дисциплины, кто отчетливо понимал, насколько романские языки по своему строю отличны от латинского и потому насколько неправильно считать их продуктом естественной эволюции последнего. В этом плане его рецензия на «Замечания» А. В. Шлегеля полностью сохраняет свое значение и в наше время. Конечно, он ошибался, отождествляя под влиянием традиции европоцентризма (т. е. игнорирования румынского) и германской теории свой «промежуточный» (т. е. общероманский) язык с провансальским, но опровергнувший его Диц со своей теорией параллельного развития романских языков из народно-латинского был еще дальше от истины. В упрек последнему следует поставить зависимость от братьев Шлегелей и в особенности недооценку важности проблемы в целом. Нельзя сказать, что немецкий ученый совершенно не интересовался вопросом происхождения романских языков: летом 1867 г. он планирует прочесть публичную лекцию на тему «Geschichte der romanischen Sprachen»<sup>101</sup>, а еще ранее, в письме к А. Эберту от 1 августа 1860 г. пускается в очень любопытные рассуждения в

---

<sup>101</sup> См. письмо к Г. Шухардту от 27 февраля 1867 г., опубликованное в *Archivum Romanicum* 17 (1933) 315.

связи с концепцией, выдвинутой его корреспондентом<sup>102</sup>. Но Диц, как следует из того же письма, не допускал и мысли о том, что с этой проблемой могут быть связаны какие-либо практические выводы, и потому исключил ее из своей «Романской грамматики». Идея реконструкции и в 1860 г. явно была ему чуждой. «...Гипотеза, которой нельзя тотчас же найти практическое применение, в известном смысле претит моей натуре». Диц, как мы видим, был очень трезвым и здравомыслящим человеком.

«Романское языкознание родилось из духовной капитуляции на всю жизнь» (*die romanische Sprachwissenschaft wurde aus einer lebenslänglichen Resignation geboren*) (см.: Curtius 1947: 420), Этому блистательному парадоксу Курциуса, остроумно обыгрывающему пережитый Дицем в молодости духовный кризис, однако трудно поверить. Для основания новой дисциплины, как и для всякого большого дела, необходимо немного фантазии. Ни в самом Дице с момента его появления в Бонне, ни в его трудах мы, к сожалению, не обнаружим преображающей серую повседневность искры. Даже чисто внешне остроумный южанин Ренуар и не уступающий ему ни темпераментом, ни чувством гражданского долга гессенец Яков Гримм подходят для роли первооткрывателей несравненно больше. И как идеал ученого, разумеется, тоже.

Свой относительный неуспех Диц объяснял тем, что он не мог много работать. Этот недостаток он, однако, умел компенсировать организованностью и целеустремленностью. «У меня есть дурная привычка, ставшая мне уже второй натурой: я боюсь работать больше, чем над одной темой. А что мне попадается сверх этого, я отмечаю и откладываю не читая в сторону, пока не придет надобность. Вы не поверите, что я еще не прочитал рецензии Делиуса на первую часть «Грамматики»; она отмечена, и до нее тоже дойдет когда-нибудь очередь» (из письма к А. Эберту от 13 марта 1860 г. – Stengel 1883: 99).

Такой метод требует немалой силы воли и некоторой, надо сказать, нелюбви к своему предмету. Пунктуальнейший Кант, получив «Эмиля» Руссо, зачитался так, что пропустил утрен-

---

<sup>102</sup> Опубликовано в: Stengel 1883: 102. В частности Диц никак не мог понять, почему в итальянском имели место бóльшие изменения консонантизма и соответственно флексии (речь идет, несомненно, об отпадении *-s* и *-t*), нежели в испанском и провансальском. Ответ на этот вопрос дал Г. Грёбер в 1884 г. своей хронологической теорией, см. Сергиевский 1952: § 121, с. 159–160.

ную прогулку (кенигсбергские обыватели имели обыкновение проверять по нему часы). Диц, отославший в начале сентября 1866 г. статью о «Страстях Христовых» в печать, по возвращении из путешествия не потрудился заглянуть в присланное ему новое издание хрестоматии Барча, где фигурировала половина только что исследованной им поэмы: он не испытывал желания снова возвращаться к уже проделанной работе (см. письмо к Барчу от 26 октября 1866 г. – Stengel 1894: 24). Выпустив в 1859 г. «Критическое приложение к REW», Диц вскоре жалуется Барчу, что не имеет больше склонности ломать голову над этимологиями: надвигалось второе издание REW (см. Stengel 1883: 45, Anm. 1). По-видимому, резкая перемена темы была ему органически необходима. Порой, однако, это приводило к нежелательным последствиям. В предисловии к тому же «Приложению» Диц высказывает сожаление, что не познакомился ранее с рассматриваемыми в нем рецензиями на первое издание REW: они оченьгодились бы при втором издании «Грамматики» (см.: Diez, *Krit. Anhang*: 3). Сейчас вызывает удивление, как сто двадцать лет тому назад, при еще очень небольшом объеме информации, можно было на протяжении ряда лет откладывать чтение столь непосредственно важных и совсем не требующих особого времени публикаций. Видимо, работоспособность Дица была в самом деле очень невысокой: эпизод с этюдом 1866 г. о «Страстях Христовых»<sup>103</sup>, свидетельствует об этом с полной очевидностью. Тем поразительнее его неустанная творческая активность – в письме к Л. Лемке, тогдашнему редактору *Jahrbuch*'а от 9 ноября 1865 г. Диц с ужасом сообщает, что работа над глоссариями отняла у него почти полтора года (см. Stengel 1886: 26) – и умение доводить свои планы до конца: его архив не содержит ничего сколь-нибудь ценного, каких-либо начатых или незавершенных исследований. Все свои замыслы Диц успел претворить при жизни – в отличие от великого Якова Гримма, оставившего неоконченными и «Немецкую грамматику», и «Немецкий словарь».

К сожалению, редкая продуктивность Дица была направлена на сугубо практические цели. Провансалистику, в которой благодаря своей филологической выучке и поэтическому дарованию он мог бы добиться многого, он оставил, как только снял с нее сливки в виде двух монографий, «Поэзия трубаду-

<sup>103</sup> См. выше. Диц рисковал лишь дополнением к статье, такие случаи не редкость.

ров» и «Жизнь и творчество трубадуров», рассчитанных на самый широкий круг читателей. К занятиям сравнительной грамматикой романских языков он был недостаточно подготовлен вследствие незнания румынского и сардинского и к тому же не располагая, как мы сейчас, разнообразнейшими монографиями и исследованиями, на которые он мог бы с уверенностью опереться. Уже некоторым его современникам было ясно, что «Романская грамматика» представляет собой преждевременную попытку синтеза (см. Meyer 1874: 634). Она не только быстро устарела, но и в композиционном плане была во многом неудачна – следствие ее преимущественно пропедевтической ориентированности. В. Мейер-Любке пришлось начинать практически с самого начала и его вышедшая в 90-е годы «Романская грамматика» почти не содержит ссылок на грамматику Дица – как будто оттуда нечего было взять! – что в отдельных случаях приводит к лакунам. Причина здесь не только в скудости использованного основателем материала, но и, по-видимому, в том, что мнение об удивительных грамматических способностях Дица – «грамматик Божией милостью» (*Grammatiker von Gottes Gnaden*) – один из его постоянных титулов (см. Foerster 1894б: 6, 2-te Kol.) – выглядит сейчас сильно преувеличенным. К тому же далеко не все, что содержится в его грамматике, принадлежит лично ему: исследователю, желающему установить, к кому восходит та или иная теория, рекомендуется не ограничиваться Дицем, а заглянуть и в соответствующий том «Немецкой грамматики» Якова Гримма.

Наиболее существенный вклад Диц внес, пожалуй, в изучение древнейших романских памятников – «Бозэция», «Секвенции», «Присяг», а также глосс – равно как и в романскую этимологию. Диц, судя по всему, был специалистом по мелочам: интерпретация трудного пассажа, происхождение того или иного слова удавались ему лучше, нежели запутанные проблемы сравнительной грамматики и синтаксиса, не говоря уже о языковой эволюции в целом! Г. Мейер хвалит его за осторожность, за систематическую опору на фонетику, за недоверие к объяснениям из субстрата, за не злоупотребление звукоподражанием, контаминацией, метафорой и прочими модными приемами этимологии 20-го века – и вообще одобряет весь его «критический метод» в целом (см. Meier 1964: 81–109), но сам тон его интересной статьи красноречивее всего говорит о

том, в каком пренебрежении оказался этимологический словарь Дица в той же Германии<sup>104</sup>.

Но, может быть, в том, что труды Дица давно вышли из употребления, нет ничего удивительного: они сделали свое дело, растворившись в созданной им дисциплине? И этот тезис Курциуса вызывает возражения<sup>105</sup>. Крупные ученые не уходят из жизни бесследно: мы до сих пор пользуемся провансальским словарем предшественника Дица Ф. Ренуара и неизвестно, увидит ли двадцатый век ему замену (о нем см.: Körner 1915). Яков Гримм жив для нас и поныне. Из следующего поколения Г. Шухардт и В. Мейер-Любке остаются по-прежнему нашими современниками: их труды почти не устарели. Оба, правда, были только лингвистами. Но рядом с ними работал столь же разносторонний филолог, как и Диц: страсбургский профессор Густав Грёбер (1844–1911), переживший основателя всего на 35 лет. Грёбер завоевал признание прежде всего как блестящий организатор: в 1877 г. он основал *Zeitschrift für romanische Philologie*, тотчас же ставший ведущим романистическим органом Германии, а в 1888 г. выпустил первый том монументального «Очерка романской филологии» (*Grundriss der romanischen Philologie* – обычно не переводится), позволивший романистике на какое-то время опередить, по крайней мере, в техническом отношении, все соседние дисциплины (за ним последовали германистический *Grundriss* Г. Пауля (1891), индоарийский Г. Бюлера (1896) и иранский К. Бартоломе (1895). В *Grundriss*'е самому Грёберу принадлежит неоднократно здесь цитированная «История романской филологии», а также и сейчас еще незаменимые «История старо- и среднефранцузской литературы» и «История средневековой латинской литературы»<sup>106</sup>. Менее известен его основополагающий вклад в провансалистику, монография «Поэтические антологии трубадуров» (1877), посвященная текстологическим проблемам<sup>107</sup>. Его учени-

<sup>104</sup> Ср. его призыв: «So gilt für die etymologische Arbeit auch heute noch die (nicht immer beachtete) goldene Regel, Diez' Wörterbuch... nicht zu übergehen» (Ibid., 82).

<sup>105</sup> См. Curtius 1947: 415: «Heute ist unser Verhältnis zu Diez ein anderes ... Sein wissenschaftliches Lebenswerk ist historisch geworden, und d. h. aufgesogen vom Fortschritt der Forschung».

<sup>106</sup> Любопытную характеристику личности Грёбера можно найти в: Curtius 1952. Об обеих «Историях» см. *ibid.*: 444–448.

<sup>107</sup> См. Gröber 1877, а также; Avallé 1961: 44 ss. В индексе этой книги за именем Грёбера на с. 222 стоит наибольшее число отсылок – 33; на втором месте сам автор, известный издатель Пейре Видаля – 24, на

ками были выдающиеся провансалисты следующего поколения; Э. Хёпфнер, преемник Грёбера по кафедре и на посту редактора *Zeitschrift*‘а; И. Б. Бек, Ф. Генрих и Г. Шпанке (см. Curtius 1947: 454), не говоря уже о самой крупной фигуре в истории романских средневековых литератур 20-го века – Эрнсте Роберте Курциусе. В области истории романских языков его труд «Вульгарнолатинские праформы романских слов» (см. Gröber 1884–1892), открывает новую эпоху в романской этимологии, подготавливая почву для появления уже вполне современных этимологических словарей Г. Кертинга и В. Мейер-Любке, а изложенная во введении к этой работе хронологическая теория является, пожалуй, наиболее высоким теоретическим достижением романской компаративистики и навсегда сохранит свое значение.

Таким образом, Дица рано или поздно ожидает полное забвение – справедливое наказание для тех, кто работает наспех, кто предпочитает теоретическим проблемам практические задачи дня и тем самым превращает науку в доходное ремесло<sup>108</sup>. И вклад его в романскую компаративистику следует охарактеризовать как сугубо отрицательный. Свое величественное здание он возвел на ненадежном основании в виде стадильной теории братьев Шлегелей, блестяще воспользовавшись методом колебаний, умолчаний, примирения противоречий и игнорирования очевидных фактов. Диц не создал школы – он не любил и не умел преподавать<sup>109</sup>, – но он написал книги, которые читали все, и кризис современной романистики, и теперь почти столь же далекой от решения своего главного вопроса – возникновения романских языков, – как и сто лет назад, есть во многом его рук дело.

Но во многом это и следствие независимых от Дица обстоятельств: обстановки, сложившейся в Германии в конце XIX в.,

---

третьем Жозеф Бедье и Шарль Брюнель – по 18. Диц упомянут только один раз.

<sup>108</sup> См. уже цитированное выше письмо Дица к Тоблеру от 28 июня, 1873 г. (см. прим. 238): «Was meine Beschäftigungen betrifft, so habe ich Ihnen, glaube ich, schon früher wahrheitsgetreu mitgeteilt, dass ich meine literarische Werkstätte so gut wie geschlossen habe. Ein Gelehrter bin ich überhaupt nie gewesen usw.». Тремя изданиями грамматики и словаря, а также размером своего оклада Диц установил своеобразный рекорд, по крайней мере для XIX века.

<sup>109</sup> См.: Curtius 1947: 426–427. Ср. огромный успех профессорской деятельности В. Мейер-Любке: Richter 1936: 204–207. Тем не менее, учениками Дица были Гастон Парис и Эдмунд Штенгель.



культа, созданного вокруг его имени и распространившегося на весь романистический мир, преклонявшийся в его лице перед подавляющим авторитетом всей немецкой филологии в целом, культа, от которого страдал В. Мейер-Любке в Бонне и последствия которого мы ощущаем еще и сейчас. Сам Диц, доброжелательный и до застенчивости скромный, в нем, разумеется, неповинен: с подкупающей искренностью он сделал все возможное для восстановления справедливости, и не его вина, если его преемники не обратили внимания на его слова.

Личность Дица, независимо от оценки его заслуг перед романистикой, всегда будет вызывать уважение: в ней есть какое-то трагическое величие. Поэт по натуре, университетский профессор в силу материальной необходимости, он не так уж страстно любил науку и безусловно романской филологии предпочитал германскую. Но если Диц не любил романистику, то романистика любила его. И как первая любовь войдет в историю нашей дисциплины высокий, по-военному статный боннский профессор с некрасивым лицом, угловатыми манерами и вечной шапкой с зеленым козырьком над больными глазами, неудачливый последователь трубадуров, не сумевший покорить сердце своей невесты<sup>110</sup>, но завоевавший высшие почести в поднебесном мире филологии своим умением работать и писать.

### Литература

- Десницкая 1955 – Десницкая А. В. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.; Л., 1955.
- Жирмунский 1936 – Жирмунский В. М. Развитие строя немецкого языка. М.; Л., 1936.
- Жирмунский 1963 – Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1963.
- Звягинцев 1964 – Звягинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. I. М., 1964.
- Йордан 1971 – Йордан Й. Романское языкознание. Историческое развитие, течение, методы / Пер. с рум. Бережан С. Г. и Мокряк И. Ф. М., 1971.
- Прокош 1954 – Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков / Пер. Т. Л. Строевой. М. 1954.

---

<sup>110</sup> О расторгнутой помолвке Дица и связанных с ней обстоятельствах см. Diez, *KAR*: 7–10. Она имела место в 1832–1833 гг. Холостяцкую жизнь великого ученого скрашивали занятия наукой, путешествия, визиты к родным и заботы незамужней младшей сестры Каролины.

- Сергиевский 1952 – Сергиевский М. В. Введение в романское языкознание. М., 1952.
- Черняк 1979 – Черняк А. Б. Местоименная реприза в румынском языке // Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л.: «Наука», 1979. С. 250–264.
- Черняк 1984 – Черняк А. Б. Франсуа Ренуар, Фридрих Диц и проблема возникновения романских языков к середине XIX в. // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX в. Л.: «Наука», 1984. С. 277–298.
- Черняк 1993 – Черняк А. Б. К проблематике реконструкции романской морфологии // Функциональное описание языковых явлений (Лингвистические исследования 1991) СПб., 1993. С. 131–143.
- Черняк 2001 – Черняк А. Б. К вопросу о подлинности «Записки греческого топарха» // *Studia linguistica et balcanica*. Памяти А. В. Десницкой (1912–1992). СПб.: «Наука», 2001. С. 240–249.
- Черняк 2011 – Черняк А. Б. ROMANUS, ROMANICUS, \*ROMANICE // *Acta linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований. Том VII, ч. 1. СПб.: «Наука», 2011. С. 355–371.
- Черняк 2013 – Черняк А. Б. Латинский, романский, румынский // Албанская филология, балканистика, проблемы языкознания. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Агнии Васильевны Десницкой. СПб.: «Наука», 2013. С. 210–238.
- AfSNS – Archiv für das Studium der neueren Sprachen.
- AG – Atlas zur Geschichte. Bd. I. Leipzig, 1975.
- Albrecht 1976 – Albrecht J. Pierre-Nicolas Bonamy (1694–1770): ein Romanist *ante litteram* // In memoriam F. Diez. P. 105–124.
- Avalle 1961 – Avalle D'Arco Silvio. La letteratura medievale in lingua d'oc nella sua tradizione manoscritta. Torino, 1961.
- Avalle 1962 – Avalle D'Arco Silvio. Cultura e lingua francese delle origini nella «Passion» di Clermont-Ferrand. Milano; Napoli, 1962.
- Avalle 1966 – Avalle D'Arco Silvio. Alle origini della letteratura francese. I Giuramenti di Strasburgo e la Sequenza di Santa Eulalia. Torino, 1966.
- Bartsch, *Chrest. Prov.* – Bartsch E. Chrestomathie provençale. 5<sup>me</sup> éd. Berlin, 1892.
- Baum 1993 – Baum R. Friedrich Diez, dargestellt und dokumentiert // *Romanistik* I, 45–140, II, 459–913.
- Behrens 1894 – Behrens D. Friedrich Diez. Giessen, 1894.
- Behrens 1895 – Behrens D. Mitteilungen aus Carl Ebonau's Tagebuch // *ZfSL* 17 (1895).
- Bernhardi 1805 – Bernhardi A. Anfangsgründe der Sprachwissenschaft. Berlin, 1805.
- Bourciez 1936 – Bourciez Ed. Un centenaire: la grammaire de F. Diez en 1836 // AfSNS 170 [70] (1936).
- Buck 1949 – Buck C. D. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago, 1949.
- Castellani 1978 – Castellani A. Nouvelles remarques au sujet de la langue des 'Serments de Strasbourg' // *Travaux de linguistique et de littérature du Centre de philologie et de littérature romanes de l'Université de Strasbourg* 16 (1978). P. 61–74.

- Champollion-Figeac 1848 – Documents historiques inédits. Publ. par (J.) Champollion-Figeac. T. IV. Paris, 1848.
- Christmann 1977 – Christmann H. H. (Hgb.) Sprachwissenschaft des 19. Jhs. Darmstadt, 1977. (= WdF 474).
- Christmann 1985 – Christmann H. H. Romanistik und Anglistik an der deutschen Universität im 19. Jh. Wiesbaden, 1985.
- Corominas, BDELIC – Corominas J. Breve diccionario etimológico de la lengua castellana. 3 ed. Madrid, 1976.
- Coseriu 1971 – Coseriu E. Das Problem des griechischen Einflusses auf das Vulgärlatein // Die Sprache und Geschichte. Festschrift für Harri Meier. Tübingen, 1971.
- Coseriu 1977 – Coseriu E. Vulgärlatein und Rumänisch in der deutschen Tradition // Homenaje a Rudolfo Grossmann. Frankfurt a. M., 1977. S. 337–346.
- Curtius 1947 – Curtius E. R. Bonner Gedenkworte auf Friedrich Diez zum 15 März 1944 // Romanische Forschungen. 1947. Bd. 60/3. S. 389–410 (= Curtius 1960. S. 412 ff.).
- Curtius 1952 – Curtius E. R. Gustav Gröber und die romanische Philologie. 1952 (= Curtius 1960).
- Curtius 1960 – Curtius E. R. Gesammelte Aufsätze zur romanischen Philologie. Bern, 1960.
- Delbrück 1919 – Delbrück B. Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen. 6. Afl. Leipzig, 1919.
- Dietrich 1976 – Dietrich W. G. Ménage, J. G. Eckhart und L. A. Muratori: Zur Entwicklung der etymologischen Forschung in 17. und 18. Jahrhundert // In memoriam Fr. Diez. S. 77–104.
- Diez 1817 – Diez Fr. Probe altspanischer romanzen. Frankfurt/M., 1817.
- Diez 1821 – Diez Fr. Altspanische Romanzen besonders vom Cid und Kaiser Karls Paladinen. Berlin: Reimer, 1821.
- Diez 1842 – Diez Fr. Essai sur les cours d'amour. Trad. par F. de Roisin. Paris, 1842.
- Diez 1845 – Diez Fr. La poésie lyrique des troubadours. Trad. Par F. de Roisin. Paris, 1845.
- Diez 1849 – Diez Fr. Ueber die Casseler Glossen // Diez, KAR. S. 168–177.
- Diez 1866 – Diez Fr. Zur Kritik der altromanischen Passion Christi // JfREL 7 (1866). S. 361–380 (= Diez, KAR: 206–223).
- Diez 1870 – Anciens glossaires romans corrigés et expliqués par F. Diez. Trad. par Bauer A. Paris, 1870 (Bibl. de l'École des hautes études, f. 5).
- Diez, Denkm. – Diez F. Altromanische Sprachdenkmale berichtet und erklärt, nebst einer Abhandlung über den epischen Vers. Bonn, 1846.
- Diez, Ged.– Diez Fr. Zwei altromanische Gedichte, berichtet und erklärt. Bonn, 1852.
- Diez, Glossare – Diez Fr. Altromanische Glossare. Bonn, 1865.
- Diez, GRS – Diez Fr. Grammatik der romanischen Sprachen. Bonn, 1836 (2 Afl. 1858, 3 Afl. 1870).
- Diez, KAR – Friedrich Diez. Kleinere Arbeiten und Recensionen. Hgg. von H. Broymann. München, 1883.
- Diez, Krit. Anhang – Diez F. Kritischer Anhang zum «Etymologischen Wörterbuch der romanischen Sprachen». Bonn, 1859.
- Diez, Leben – Diez Fr. Leben und Werke der Troubadours. Zwickau 1829 (цит. по 2. Afl. hgg. von K. Bartsch. Leipzig, 1882).

- Diez, Poesie – Diez Fr. Die Poesie der Troubadours / Hrsg. von K. Bartsch. 2. Afl. Leipzig, 1883.
- Diez, REW – Diez Fr. Romanisches etymologisches Wörterbuch. 2. Afl. Bonn, 1861; 3. Afl. Bonn, 1869.
- Diez, Rom. Wort. – Diez Fr. Romanische Wortschöpfung. Anhang zur Grammatik der romanischen Sprachen. Bonn, 1875.
- Diez, Ueber die erste – Diez F. Ueber die erste portugiesische Kunst- und Hofpoesie. Bonn, 1863.
- Diefenbach 1831 – Diefenbach L. Ueber die jetzigen romanischen Schriftsprachen, mit Vorbemerkungen über Entstehung, Verwandtschaft u.s.w. dieses Sprachstammes. Leipzig, 1831.
- DLFMA – Dictionnaire des lettres françaises. Le moyen âge. Paris, 1992.
- Ebert 1860 – Ebert A. Zur Geschichte der catalanischen Literatur // JfREL 2 (1860).
- Fauriel 1847 – Fauriel Cl. André le Chapelain // Histoire littéraire de la France. T. 21. Paris, 1847.
- Foerster – Koschwitz 1882 – Foerster W., Koschwitz E. Altfranzösisches Uebungsbuch. Leipzig, 1882.
- Foerster 1894 – Freundesbriefe von F. Diez. Hgg. von W. Foerster. Bonn, 1894.
- Foerster 1894b – Foerster W. Friedrich Diez. Festrede (= Beilage zu Nr. 54 der «Neuen Bonner Zeitung», 6. März 1894).
- Foerster 1895 – Foerster W. Friedrich Diez. Ämtliche Schriftstücke... // ZfSL 17/1 (1895).
- Gamillscheg, FEW – Gamillscheg E. Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache. 2. Afl. Heidelberg, 1969.
- Grimm 1811 – Grimm J. Über den altdeutschen Meistergesang. Göttingen, 1811.
- Grimm 1815 – Grimm J. Silva de romances viejos. 1815.
- Gröber 1877 – Gröber G. Die Liedersammlungen der Troubadours // Romanische Studien. 1877. Bd. 2. S. 337–670.
- Gröber 1884–1892 – Gröber G. Vulgärlateinische Substrate romanischer Wörter // Archiv für lateinische Lexicographie und Grammatik. Leipzig, 1884–1892. Bd. I–VII.
- Gröber 1888 – Gröber G. Geschichte der romanischen Philologie // GRF. Bd. I. S. 3–139.
- GRPh – Grundriß der romanischen Philologie. Hgg. v. Gröber G. Bd. I–II. Straßburg: Trübner, 1888–1902; 2. Aufl. 1897–1906.
- Hall 1950 – Hall R. Jr. The reconstruction of Proto-Romance // Language. 1950. Vol. 26. P. 6–27.
- Hall 1974 – Hall R. Jr. Comparative Romance Grammar. Vol. I. External history of the Romance languages. N.Y., 1974.
- Hauschild 1845 – Hauschild E. Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache nach Friedrich Diez, sowie Frisch, Roquefort, Noël und Carpentier, mit durchgängiger Verweisung auf Diez's Grammatik der romanischen Sprachen. Leipzig, 1845.
- Hist. ling. – Historiography of linguistics (= Current Trends of Linguistics. Vol. XIII, 1975).
- HJL – Heidelberger Jahrbücher der Literatur.

- Holmes 1928 – Holmes U. T. The Vulgar Latin question and the origin of the Romance tongues: notes for a chapter of the history of Romance philology prior to 1849 // *Studies in Philology*. 1928. Vol. 25.
- Holzmann 1863 – Holzmann A. Die alten Glossare (II) // *Germania*. 1863. Bd. 8. S. 386–414.
- In memoriam F. Diez – In memoriam Friedrich Diez. Akten des Kolloquiums zur Wissenschaftsgeschichte der Romanistik (Trier, 2.–4. Okt. 1975) / Hgg. von H.-J. Nidererhe und H. Haarmann. Amsterdam, 1976.
- Izzo 1976 – Izzo H. Carl Ludwig Fernow as Italian dialectologist and romanist // *In memoriam F. Diez*. S. 125–144.
- Jeanroy 1934 – Jeanroy A. La poésie lyrique des troubadours. Toulouse; Paris, 1934.
- Jensen 1978 – Jensen F. The earliest portuguese lyrics. Odense Univ. Press, 1978.
- JfREL – Jahrbuch für romanische und englische Literatur.
- Kabilinski 1914 – Kabilinski F. Jacob Grimm als Romanist. Ein Beitrag zur Geschichte der romanischen Philologie in Deutschland. Diss. Greifswald, 1914.
- Kekulé 1880 – Kekulé R. Das Leben Friedrich Gottlieb Welckers. Nach seinen eigenen Aufzeichnungen und Briefen. Leipzig, 1880.
- Kelly 1937 – Kelly A. Eleonor of Aquitaine and her courts of love // *Speculum*. 1937. Vol. 12. P. 3–18.
- Klein 1911 – Klein H. Die altfranzösische Minnefrage. 1. Teil. Marburg, 1911 (= *Marburger Beiträge zur romanischen Philologie*. H. 1).
- Klein 1957 – Klein H.-J. Latein und volgare in Italien. München, 1957.
- Klein, Labhardt 1968 – Die Reichenauer Glossen. Theil I: Einleitung, Text, vollständiger Index und Konkordanzen / Hgg. v. Klein H.-W., Labhardt A. München, 1968. Theil II: Kommentar (Beiträge zur romanischen Philologie. №. 1). 1972.
- Körner 1915 – Körner J. François -Juste- Marie Raynouard // *Germanisch-romanische Monatsschrift*. 1915. Bd. 5. Heft 8/9. S. 456–488.
- Koschwitz 1886 – Koschwitz E. Kommentar zu den ältesten französischen Sprachdenkmalern. Heilbronn, 1886.
- Lar. ill. – Nouveau Larousse illustré.
- Larousse pour tous – Le Larousse pour tous. Nouveau dictionnaire encyclopédique. T. I–II. Paris, s.a.
- Larousse. Grand – Larousse. Grand dictionnaire universel du XIX s. T. XIII. Paris, 1875.
- Lausberg RS – Lausberg H. Romanische Sprachwissenschaft. Bd. I. Einleitung und Vokalismus. 3. Afl. Berlin, 1969 (= *Samml. Goschen* 127/128a –).
- Levy, Petit – Levy E. Petit dictionnaire provençal-français. Heidelberg, 1909 (4 éd. Heidelberg, 1966).
- Levy, Suppl. – Levy E. Provenzalisches Supplement-Wörterbuch. Bd. I–VII. Leipzig, 1894–1924.
- Liebertz-Grün 1977 – Liebertz-Grün U. Zur Soziologie des «Amour courtois» // *Beihefte zu Euphorion*. 1977. Bd. 10. S. 59–66.
- Linskill 1937 – Linskill J. Saint Léger. Étude de la langue du ms. de Clermont-Ferrand suivi d'une édition critique du texte avec commentaire et glossaire. Paris, 1937.

- Lommatzsch 1944 – Lommatzsch E. Briefwechsel zwischen A. Tobler und F. Diez // ZRP. 1944. Bd. 64. S. 193–210 (= Lommatzsch 1954: 163–185).
- Lommatzsch 1954 – Lommatzsch E. Kleinere Schriften zur romanischen Philologie. Berlin, 1954.
- Mahn 1854 – Mahn K. A. F. Etymologische Untersuchungen auf dem Gebiete der romanischen Sprachen. Berlin: F. Duemmler, 1854.
- Malkiel 1974a – Malkiel Y. Friedrich Diez's debt to pre-1800 linguistics // Studies in the history of linguistics. Traditions and paradigms / Ed. by D. Hymes. Bloomington; London, 1974. P. 315–330.
- Malkiel 1974b – Malkiel Y. Editorial comment: Jakob Grimm and Friedrich Diez // Romance Philology. 1974. Vol. 27/3. P. 448–450.
- Malkiel 1976 – Malkiel Y. Friedrich Diez and the birth pangs of the Romance philology // Supplement to Romance philology. 1976. Vol. 30. N. 2 (F. Diez' centennial lectures). P. 1–15.
- Malkiel 1978 – Malkiel Y. Рец. на: In memoriam Fr. Diez // Language. 1978. Vol. 54. P. 426–431.
- Malkiel 1980 – Malkiel Y. Etymology as a challenge to phonology: the case of Romance linguistics // Lautgeschichte und Etymologie. Wiesbaden, 1980.
- Malkiel 1993 – Malkiel Y. The Centers of Gravity in 19-Century Romance Linguistics // Ashby J. (ed.). Linguistic Perspectives on the Romance Languages. Amsterdam, 1993 (= CILTh 103). P. 3–17.
- Mańczak 1980 – Mańczak W. Les langues romanes proviennent-elles du latin de Pompéi? // Lingua Posnaniensis. 1980. Vol. 25. P. 145–150.
- Meier 1964 – Meier H. Zur Geschichte der romanischen Etymologie // AfSNS. 1964. Bd. 201.
- Meillet 1926 – Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. 2<sup>me</sup> éd. Paris, 1926.
- Meyer 1874 – Meyer P. Rapport sur les progrès de la philologie Romane // Bibliothèque de l'École des chartes. 1874. Vol. 35.
- Meyer-Lübke 1890 – Meyer-Lübke W. Romanische Lautlehre. Leipzig, 1890.
- Michaelis de Vasconcellos, Braga 1897 – Michaelis de Vasconcellos C., Braga Th. Geschichte der portugiesischen Literatur // GRPh: II/2. Straßburg, 1897.
- Monreal-Wickert 1976 – Monreal-Wickert I. Sprachtypologie statt Sprachgeschichte // In memoriam Friedrich Diez. S. 197–219.
- Muller 1923 – Muller H. P. On the use of the expression Lingua Romana from the first to the ninth century // ZRPh 1923. Bd. 43. P. 9–19.
- Maurer 1959 – Maurer T. Gramática do latim vulgar. Rio de Janeiro, 1959.
- Nüsse 1962 – Nüsse H. Die Sprachtheorie Friedrich Schlegels. Heidelberg, 1962.
- Paris 1872 – Paris G. La vie de saint Léger. Texte revu sur le ms. de Clermont-Ferrand // Romania 1 (1872). P. 273–317.
- Paris 1873 – Paris G. La Passion du Christ. Texte revu sur le ms. de Clermont-Ferrand // Romania. 1873. Vol. 2. P. 295–314.
- Peruzzi 1971 – Peruzzi E. Origini di Roma. Firenze, 1971.
- Popélar 1967 – Popélar I. Die Etymologien Ménages im Lichte der modernen Wortforschung // Beiträge zur romanischen Philologie, 1967.

- Raynouard 1818 – Raynouard M. Observations de M. Schlegel sur la langue et la littérature provençales // *Journal des Savants*. 1818. P. 586–593.
- Raynouard, Recherches – Raynouard F.-J.-M. Recherches sur les principaux genres des poésies des troubadours // *Choix*. T. II. Paris, 1817. P. 155–319.
- Raynouard, Cours d'amour – Raynouard F.-J.-M. Des cours d'amour // *Idem. Choix*. T. II. Paris, 1817. P. LXXIX–CXXIV.
- Raynouard. Choix – Raynouard F.-M. Choix des poésies originales des troubadours. T. I–VI. Paris, 1816–1821.
- Rettig 1976 – Rettig W. Raynouard, Diez und die romanische Ursprache // *In memoriam Friedrich Diez*. S. 247–271.
- Richert 1914 – Richert G. Die Anfänge der romanischen Philologie und die deutsche Romantik. Halle, 1914 (= *Beiträge zur Geschichte der romanischen Sprachen und Literaturen*. X).
- Richter 1928 – Richter H. Hugo Schuchardt // *AfSNS*. 1928. Bd. 54 (154).
- Richter 1936 – Richter E. Wilhelm Meyer-Lübke // *AfSNS*. 1936. Bd. 70 (170). S. 204–207.
- Robins 1967 – Robins R. H. A short history of linguistics. London, 1967.
- Rohlf's GSLI – Rohlf's G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Vol. I–III. Torino, 1960.
- Romanistik – Romanistik: eine Bonner Erfindung / Hgg. von Hirdt W. I–II, Bonn: Bouvier Verlag, 1993.
- Roncaglia 1959 – Roncaglia A. Bilinguismo esterno e plurilinguismo intemo nelle glosse di Kassel // *Atti del VIII Congresso internazionale di studi romanzi*. V. II. Comunicazioni. Parte prima. Firenze, 1959.
- Sainte-Beuve – Sainte-Beuve Ch.-A. Causeries du lundi. 3<sup>me</sup> éd. T. 5. Paris s.a.
- Schlegel 1808 – Schlegel Fr. von. Ueber die Sprache und Weisheit der Indier. Heidelberg, 1808.
- Schlegel 1818 – Schlegel A. von. Observations sur la langue et la littérature provençales. Paris, 1818.
- Schwarze 1963 – Schwarze C. Der altprovenzalische «Boeci». Münster, 1963.
- Stengel 1883 – Stengel E. Erinnerungsworte an F. Diez. Marburg, 1883.
- Stengel 1886 – Stengel E. Beiträge zur Geschichte der romanischen Philologie in Deutschland. Marburg 1886 (= *Ausgaben und Abhandlungen* 63).
- Stengel 1894 – Diez-Reliquien. Aus Anlass des hundertsten Geburtstages des Altmeisters romanischer Philologie zusammengestellt und herausgegeben von E. Stengel. Marburg, 1894. (= *Ausgaben und Abhandlungen* 91).
- Stimming 1897 – Stimming A. Provenzalische Literatur // *GRPh*: 2/2. Straßburg, 1897.
- Storost 1986 – Storost J. Der Beitrag Lorenz Diefenbachs zur Entwicklung der romanischen Sprachwissenschaft / *Beiträge zur romanischen Philologie*. 1986/ Bd. 25. S. 282–304.
- Sykorra 1973 – Sykorra W. Friedrich Diez' Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen und seine Quellen. Bonn, 1973 (= *Romanische Versuche und Vorarbeiten* 47).

- Tagliavini 1972 – Tagliavini C. Le origin delle lingue neolatine. 6 ed. Bologna, 1972.
- Thun 1976 – Thun H. C. L. Fernow (1763–1808). Sein Beitrag zur Romanistik und zur Italianistik // In memoriam F. Diez. S. 145–174.
- Vàrvaro 1968 – Vårvaro A. Storia, problemi e metodi della lInguistica rcmanza. Napoli, 1968.
- Vitale 1953 – Vitale M. Le origini del volgare nelle discussioni dei filologi del '400 // Lingua nostra. 1953. T. 14. P. 64–69.
- Wolf 1841 – Wolf F. Über die Lais, Sequenzen und Leiche. Heidelberg, 1841.
- ZfSL – Zeitschrift für französische Sprache und Literatur.
- Zingarelli 1920 – Zingarelli N. Il Boezio provenzale e la lingua di Boezio // Rendiconti del Reale Istituto lombardo. 1920. 55. P. 193–221.

### **A. B. Chernyak. Friedrich Diez – the founder of Romance philology**

The paper is devoted to the life and researches of the German philologist Friedrich Diez (1794–1876), who is generally recognized to be a founder of Romance philology. Diez' main publications, such as «Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen», «Grammatik der romanischen Sprachen», «Leben und Werke der Troubadours», «Die Poesie der Troubadours» remain important for Romance philologists even nowadays.

*Keywords:* Friedrich Diez, Romance philology, «Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen», «Grammatik der romanischen Sprachen», «Leben und Werke der Troubadours», «Die Poesie der Troubadours».



# VARIA





## **К ТИПОЛОГИИ ПРИЗНАКОВОЙ ЛЕКСИКИ: СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОТСУТСТВИЯ НЕРОВНОСТЕЙ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ<sup>1</sup>**

В статье представлены результаты лексико-типологического исследования наименований качественных признаков, описывающих отсутствие неровностей на поверхности объекта. Рассмотрены прилагательные со значением отсутствия неровностей в 10 уральских языках в сопоставлении с 5 языками других семей. Выделены основные семантические противопоставления, релевантные для исследуемой лексической группы: тактильный vs. зрительный способ восприятия, природный объект vs. артефакт, различие лексем со значением 'скользящий' по топологическому типу объекта, и др.

*Ключевые слова:* семантика, лексическая типология, качественные признаки, свойства поверхностей, уральские языки, внутригенетическая типология.

### **1. Введение**

Работа выполнена в рамках фреймового подхода к лексической типологии (Рахилина, Плунгян 2007; Рахилина, Резникова 2013) и является частью более широкой программы по типологическому изучению признаковой лексики (Кюсева и др. 2013). Предметом нашего исследования являются наименования качественных признаков, описывающие фактуру поверхности: отсутствие неровностей (ср. рус. *скользящий, гладкий, ровный*) или наличие неровностей (ср. рус. *шершавый, шероховатый, грубый* (о ткани), *морщинистый*). В настоящей статье мы сосредоточимся на первом из указанных подклассов и только на прямых употреблениях лексем (более подробный анализ устройства изучаемого поля, включая и систему метафорических употреблений, доступен в Кашкин 2013). Центральное место в исследовании занимают данные 10 уральских языков (финского, эстонского, эрзянского, мокшанского, марийского, коми-зырянского, удмуртского, хантыйского, венгерского, ненецкого). В качестве типологического фона привлекаются также 5 языков

---

<sup>1</sup> Исследование поддержано грантом РФФИ № 13-06-00884а.

других семей: русский, английский, испанский, китайский, корейский<sup>2</sup>.

## 2. Базовое семантическое противопоставление: способ восприятия поверхности

Основным для семантической области отсутствия неровностей является противопоставление по способу восприятия поверхности, которое может быть **зрительным** либо **тактильным**. Примерами фреймов зрительного восприятия служат пол, стена (в том случае, когда мы не щупаем их рукой, а на глаз оцениваем наличие/отсутствие неровностей на их поверхности) или обширный участок местности, например поле или луг. В качестве примеров фреймов тактильного восприятия можно привести доску (когда мы оцениваем на ощупь качество ее обработки), небольшой камень или гладко выбритые щеки. Далее, фреймы тактильного восприятия делятся на два класса: во-первых, **гладкие** поверхности (примеры даны выше), во-вторых, **скользкие** поверхности (например, поверхность скользкой дороги или скользкого мяча).

В результате мы имеем три базовые семантические зоны, которые мы в последующем изложении будем для краткости обозначать как **ровные** (для фреймов зрительного восприятия), **гладкие** и **скользкие** (для двух типов фреймов тактильного восприятия) поверхности. Эти русские ярлыки используются нами в качестве метаязыковых единиц и не предполагают приписывание рассматриваемым лексемам других языков всей полисемии соответствующих русских слов.

Обследованные нами языки принимают три базовые стратегии категоризации скользких, гладких и ровных поверхностей.

---

<sup>2</sup> Данные уральских языков получены в ходе работы с носителями, а также из словарей и текстов. Материал финского языка собран при участии Н. А. Муравьева, материал тазовского говора ненецкого языка собран И. А. Стениным (в обоих случаях сбор велся по анкете, разработанной лично автором настоящей статьи). Материал русского языка получен из опубликованных работ (МАС; НОСС; Спиридонова 2004), а также из НКРЯ и в отдельных случаях путем опроса носителей. Источником данных по испанскому языку служит работа Спесивцева 2012, по корейскому – работа Иванова 2011. Материал английского и китайского языков собран по нашей анкете экспертами – О. И. Виноградовой и Л. С. Холкиной соответственно (китайские данные анализируются также в: Холкина, в печати). Все окончательные интерпретации материала, полученного от экспертов, принадлежат лично автору статьи.

Во-первых, за каждой из семантических областей может быть закреплена отдельная лексема или отдельный набор лексем (как происходит и в русском языке): такова ситуация, например, в эстонском языке, где прилагательное *libe* описывает скользкие поверхности (1), *sile* – гладкие (2), *tisane* – ровные (3).

## ЭСТОНСКИЙ

- (1) *See trepp on kohutavalt libe*<sup>3</sup>.  
этот лестница быть.PRS.3 ужасно скользкий  
'Эта лестница ужасно скользкая'.
- (2) *Käe-d on pehme-d ja sileda-d*.  
рука-PL быть.PRS.3 мягкий-PL и гладкий-PL  
'Руки мягкие и гладкие'.
- (3) *Akna taga laiu-vad lageda-d*  
окно.GEN за раскинуться-PRS.3PL просторный-PL  
*tasase-d põllu-d*.  
ровный-PL поле-PL  
'За окном раскинулись просторные ровные поля'.

Во-вторых, возможно использование одной лексемы для гладких и ровных поверхностей и другой лексемы – для скользких. Примером служат эрзянские прилагательные *нолажа* 'скользкий' (4) и *валаня* 'гладкий, ровный' (5)–(6).

## ЭРЗЯНСКИЙ

- (4) *Васня сон (Надя) пельсь сынст*  
сначала она Надя бояться-PST.3SG они.GEN  
(кал-тнэ-нь) токие-мс: *нолажа-т* ды  
рыба-PL.DEF-GEN трогать-INF скользкий-PL и  
*езмолды-ть*.  
елозить-PRS.3PL  
'Сначала она (Надя) боялась их (рыбок) трогать: скользкие и елозят'. (Бузакова 1982: 88).
- (5) *Валаня кедь-сэ сон панар викши-и*.  
гладкий рука-LOC она рубашка вышивать-PRS.3SG  
'Гладкими руками она рубашку вышивает'.
- (6) *Валаня пакся-нтъ ланга седе вадря кизна*  
ровный поле-DEF.GEN на более хороший летом

<sup>3</sup> Примеры, при которых отсутствует эксплицитное указание на источник, получены от информантов.

*тикше-нь леде-ма-сь.*  
 сено-GEN косить-NMN-DEF.NOM  
 ‘По ровному полю летом лучше косить сено’.

В-третьих, одна и та же лексема может описывать скользкие и гладкие поверхности, а другая – ровные. Эта стратегия является более редкой по сравнению с двумя описанными выше. Она обнаружена нами в хантыйских говорах сел Шурышкары и Теги (где лексема *wōt’ək* означает ‘скользящий, гладкий’, а лексема *pajti* – ‘ровный’). Несколько более сложный ее вариант наблюдается в марийском языке, где существует лексема *яклака* ‘скользящий, гладкий’, в то же время конкурирующая в зоне гладких поверхностей с прилагательным *йывыжа* ‘гладкий’. Иллюстрация из хантыйского языка приведена в (7)–(9).

#### ХАНТЫЙСКИЙ (С. ТЕГИ)

- (7) *At mār jəʃ pət-s-a,*  
 ночь за дорога мерзнуть-PST-PASS  
*jəʃ wōt’k-a ji-s.*  
 дорога скользкий-DAT стать-PST  
 ‘За ночь дорога замерзла, дорога скользкая стала’.
- (8) *Tām səxət wōt’k-a wer-e.*  
 этот доска гладкий-DAT делать-IMP.O.SG  
 ‘Эту доску гладкой сделай’.
- (9) *Tām tōrn xār-em pajti, śit-em tīw-əŋ.*  
 этот сено место-POSS1SG ровный тот-POSS1SG земля-ATTR  
 ‘Этот мой покос (букв. ‘место сена’) ровный, тот кочковатый (букв. ‘земляной’)’.

### 3. Категоризация скользких поверхностей

Основное противопоставление между лексемами со значением ‘скользящий’ касается топологического класса поверхности. Оно состоит в том, характеризует ли лексема опорную поверхность, на которой трудно удержаться (дорогу после заморозков, вымытый пол), или же поверхность выскользывающего из рук предмета (рыбу, кусок мыла, черенок лопаты). Промежуточным фреймом является скользкая подошва обуви (и метонимически сама обувь): с одной стороны, человек тоже опирается на нее при ходьбе; с другой стороны, по топологическим характеристикам она сближается с выскользывающими из рук предметами.

Во многих языках все фреймы скользких поверхностей покрываются одной лексемой (*скользящий* в русском языке, *нолажа*

в эрзянском, *liukas* в финском или *libe* в эстонском). Вместе с тем выявлены и такие системы, где скользкие опорные поверхности описываются одним средством (например, прилагательным *гылым* в удмуртском языке или *вольк* в ижемском диалекте коми-зырянского языка), а поверхности выскользывающих предметов – другим средством (в удмуртском это глагол *гылэыны* ‘скользить, выскользывать’, а в ижемском коми – глагол *вольсьёоны* с аналогичной семантикой, употребление же лексем *гылым* и *вольк* в таких контекстах невозможно).

В семантической зоне скользких поверхностей может также обособляться фрейм поверхности, скользкой из-за наличия на ней какого-либо постороннего вещества. Примером может послужить венгерское прилагательное *sikos*, описывающее чаще всего покрытую льдом скользкую дорогу или скользкую в силу наличия слизи рыбу, змею и т. п.<sup>4</sup> Похожим образом ведет себя и мокшанское прилагательное *valaz'ε*, но оно, в отличие, от венгерского *sikos*, свободно может описывать, например, скользкую из-за наличия влаги дорогу или пол, допуская тем самым меньшую степень проникновения постороннего вещества в объект и меньшую длительность его нахождения на поверхности объекта.

Частный случай реализации обсуждаемой стратегии состоит в обособлении фрейма скользкой опорной поверхности, покрытой льдом. Так, в приуральском говоре ненецкого языка (с. Белоярск) прилагательное *салът*” описывает скользкую опорную поверхность, но не любую, а только такую, которая покрыта льдом. В свою очередь, формы глагола *насадърць* ‘быть скользким, скользить’ применимы в этом говоре к любому типу скользкой поверхности. Аналогично устроена система лексем со значением ‘скользкий’ и в хантыйском говоре этого же села: в качестве доминантного прилагательного для описания скользких поверхностей там выступает слово *насл*, тогда как прилагательное *вот'ак* может характеризовать в этом диалекте только покрытую льдом опорную поверхность. Важно при этом, что прилагательные, за которыми закрепляется этот узкий фрейм, не являются производными от слова ‘лед’ и не сводятся просто к

---

<sup>4</sup> Отметим, что семантика таких лексем отличается от прилагательных типа просторечного *осклизлый*, описывающих наличие постороннего вещества на поверхности объекта и не предполагающих непременно скользкого характера этой поверхности, ср. встречающиеся в НКРЯ примеры *осклизлая картошка*, *осклизлые конфеты*, *осклизлые внутренности [погибшего солдата]*, *осклизлый пот*.

обозначению наличия вещества (в данном случае льда) на поверхности объекта. Так, по-хантыйски лед обозначается словом *jeŋk*, которое, очевидно, никак не связано морфологически со словом *wöł'ək*. В ненецком языке ситуация несколько менее прозрачна, поскольку значение 'лед' выражается существительным *салаба*, по-видимому, имеющим тот же корень, что и прилагательное *сал'ат*", но и в этом случае не приходится говорить о прямой словообразовательной производности этих слов друг относительно друга (а кроме того, в тазовском говоре ненецкого языка слово *сал'ат*" имеет более широкую семантику и не всегда предполагает наличие льда на поверхности).

#### 4. Гладкие поверхности: визуальный признак блеска

Для фреймов тактильно воспринимаемых поверхностей в ряде языков обнаруживается дополнительное противопоставление, возникающее за счет параметра зрительного восприятия. Речь идет, однако, о зрительном восприятии не фактуры поверхности, а иного, смежного признака – блеска. В первую очередь это характерно для лексем с исходным значением 'гладкий'. Ярким примером может послужить английский язык, где прилагательное *sleek*, в отличие от нейтрального *smooth* 'гладкий', подчеркивает одновременно и гладкость, и блеск предмета. Так, по данным корпуса СОСА<sup>5</sup>, проанализированным нами совместно со специалистом по английскому языку О. И. Виноградовой, среди наиболее частотных сочетаний прилагательного *sleek* встречаются такие, как *sleek silver* 'гладкое, блестящее серебро' (18 вхождений в корпусе), *sleek hair* 'гладкие, блестящие волосы' (16 вхождений), *sleek car* 'гладкая, блестящая машина' (13 вхождений), *sleek leather* 'гладкая, блестящая кожа (материал)' (11 вхождений), *sleek glass* 'гладкое, блестящее стекло' (8 вхождений), *sleek metal* 'гладкий, блестящий металл' (6 вхождений). Особое кодирование фрейма гладких и одновременно блестящих поверхностей отмечается также для корейского языка (Иванова 2011: 68); кроме того, подобное явление фиксируется и в китайском языке (Холкина, в печати). Более сложный случай наблюдается в испанском материале, где прилагательное *terso* описывает гладкие & блестящие поверхности и в то же время накладывает ограничения на таксономический класс объекта, сочетаясь только с названиями частей

<sup>5</sup> The corpus of contemporary American English (<http://corpus.byu.edu/coca/>).



тела (например, оно описывает гладкие руки или щеки, но не полированную доску), см. подробнее Спесивцева 2012: 35–37.

На материале уральских языков тоже фиксируется наделение прилагательного со значением ‘гладкий’ дополнительной семантикой блеска. В марийском языке прилагательное *яклака* является доминантным для семантической зоны скользких поверхностей, а также используется в зоне гладких поверхностей, где конкурирует с прилагательным *йывыжа* ‘гладкий’. При этом *йывыжа* описывает просто гладкие на ощупь поверхности, а *яклака* – гладкие на ощупь и одновременно блестящие поверхности, как в сочетаниях *йывыжа она* ‘гладкая на ощупь доска’ vs. *яклака она* ‘гладкая, полированная, блестящая доска’; *йывыжа үп* ‘гладкие, приятные на ощупь волосы’ vs. *яклака үп* ‘гладкие, блестящие волосы’.

### 5. Природные объекты vs. артефакты

Как уже отмечалось в литературе (см., например, многочисленные примеры: Рахилина 2000/2008), язык часто наделяет разными сочетаемостными свойствами, с одной стороны, названия природных объектов, с другой стороны, названия предметов, созданных человеком (артефактов). Наши данные показывают релевантность этого противопоставления и в семантической области фактуры поверхностей. Так, в ижемском диалекте коми-зырянского языка употребление лексемы *мольыд*, исходно означающей ‘гладкий’ (например, о человеческой коже, об обструганной доске), распространяется также на фреймы зрительно ровных поверхностей, но только в том случае, когда речь идет об участках местности (таких, как ровное поле, луг, покос). Поверхности воспринимаемых зрительно артефактов описываются лексемой *веськыд* ‘прямой’ или русским заимствованием *рöвнэй*, но не словом *мольыд*. Фрейм ровного участка местности обособляется и в венгерском языке: за ним закрепляется прилагательное *sík* ‘ровный’, не применимое к каким-либо другим фреймам поверхностей.

Важным классом природных объектов, иногда демонстрирующим особые свойства с точки зрения категоризации фактуры поверхностей, оказываются части тела. Так, в разделе 4 при обсуждении фреймов гладких и блестящих поверхностей было упомянуто в том числе испанское прилагательное *terso*, сочетающееся только с названиями частей тела. Кроме того, в некоторых языках наблюдается запрет на использование лексем отсутствия неровностей в сочетании с названиями частей тела.

Такая стратегия, в частности, реализуется в хантыйском говоре с. Мужи, где лексема *pajti*, исходно характеризующая ровные поверхности, может применяться к гладким на ощупь артефактам (например, обработанной доске), но не может описывать человеческую кожу, лицо или волосы. Эти объекты характеризуются в данном говоре по иным, смежным признакам (как тактильным, так и визуальным): например, о гладко выбритом лице или об ухоженном лице девушки говорят *mutijət* ‘блестит’ или *xəraseŋ* ‘красивое’, гладкую кожу могут описать как *tepət* ‘мягкая’, и т. п. Похожим образом ведет себя и мокшанское (говор с. Лесное Цибаево) прилагательное *vad'av* ‘гладкий’, обычно не описывающее человеческую кожу, лицо или руки, ср.:

МОКШАНСКИЙ

- (10) *L'iza pek mazi st'ər'-s', kəd'-enzə*  
 Лиза очень красивый девушка-DEF.NOM рука-PL.POSS3SG  
*l'epə-n'ε-t l'vad'av-n'ε-t l'vad'af-t.*  
 мягкий-DIM-PL гладкий-DIM-PL гладкий-PL  
 ‘Лиза очень красивая девушка, ее руки мягкие (?гладкие)’.

Что касается артефактов, поверхность которых зрительно воспринимается как ровная, то между ними возможно дополнительное противопоставление вертикального vs. горизонтального расположения поверхности. Оно четко выделяется на материале тегинского говора хантыйского языка, где прилагательное *pajti* ‘ровный’ применимо только к наименованиям горизонтальных поверхностей (например, ровному полу), тогда как предпочтительным средством характеристики вертикальных поверхностей (например, ровного забора или стены) будет прилагательное *tijŋ* ‘прямой’.

## 6. Участки местности: особые типы

Фреймы участков местности, помимо общего противопоставления артефактам, характеризуются дробным внутренним устройством. Так, особым фреймом в семантической зоне ровных участков местности оказывается фрейм **ровной дороги** (т. е. такой, поверхность которой оценивается говорящим как не имеющая неровностей, например выбоин или ухабов). Дело в том, что дорога, с одной стороны, представляет собой участок местности, и потому ее ровность или неровность естественно оценивать зрительно; с другой стороны, фрейм дороги приобретает особый статус в силу ее особой функциональности – служить участком местности, предназначенным для перемещения

человека. В результате поверхность дороги (в процессе перемещения по ней человека) начинает оцениваться в определенном смысле тактильно, и это отражается в языковой категоризации данного фрейма. В языках, имеющих различные лексемы для зон гладкой (тактильно) vs. ровной (зрительно) поверхностей, регулярно наблюдается употребление лексемы, описывающей гладкую на ощупь поверхность, по отношению к ровной дороге, особенно в тех случаях, когда говорящему необходимо подчеркнуть высокую степень отсутствия неровностей на дороге (в частности когда дорога заасфальтирована). Так, например, в НКРЯ, наряду с более чем 100 примерами на сочетание *ровная дорога*, находится 63 вхождения сочетания *гладкая дорога* (без учета нескольких примеров, где это сочетание употребляется метафорически), по-видимому, предполагающих более значительную степень отсутствия неровностей, определяемую в процессе передвижения по этой дороге (см. примеры (11) и (12), найденные в НКРЯ)<sup>6</sup>.

#### РУССКИЙ

- (11) *Городу в эти дни преподнесены гладкие дороги, румяная милиция, свежесыкрашенные дома, вывезенный из-за границы лазерный специалист Жан-Мишель Жарр, песни, фильмы, пляски и клумбы.* (Подарки нашему городу (1997) // «Столица», 1997.08.26).
- (12) *Я шел по укатанной гладкой дороге. Затем – по испачканной конским навозом лежневке.* (Сергей Довлатов. Зона. Записки надзирателя. 1965–1982).

Аналогичную картину мы наблюдаем и на уральском материале: так, в эстонском и удмуртском языках «тактильные» прилагательные *sile* и *вольыт* (противопоставленные «зрительным» *tasane* и *çошкыт* соответственно) свободно могут описывать также ровную дорогу (но не ровное поле).

<sup>6</sup> Ср. это с соотношением в НКРЯ частотности прилагательных *ровный* и *гладкий* в сочетании с названиями обширных зрительно воспринимаемых участков местности: *ровное поле* – 84 примера vs. *гладкое поле* – 14 примеров (все из художественной литературы XVIII – 1-й половины XX вв., из них 2 не имеют отношения к описанию поверхности участков местности, а еще в 1 примере содержится цитата из текста другого примера); *ровная степь* – 46 примеров vs. *гладкая степь* – 9 примеров (самый поздний – в тексте 1937 г.); *ровный луг* – 14 примеров vs. *гладкий луг* – 2 примера (оба из художественных текстов XIX в.); *ровная поляна* – 10 примеров vs. *гладкая поляна* – 1 пример.

Расширение употребления прилагательного тактильной зоны, в результате которого оно начинало бы описывать ровную дорогу, не происходит в тех случаях, когда это прилагательное сочетает в себе прямые значения ‘скользящий’ и ‘гладкий’: на нашем материале такие примеры выявлены в шурышкарском и тегинском хантыйском (прилагательное *wõt'ak*) и в марийском (прилагательное *яклака*) языках. Сочетание такого прилагательного со словом ‘дорога’ будет описывать скользкую дорогу (ту, на которой человек падает), как хантыйское *wõt'ak jöš*, тогда как ровная дорога (та, по которой человеку удобно передвигаться благодаря отсутствию неровностей) описывается «зрительным» прилагательным – *rajti jöš*.

Еще одним важным особым фреймом оказывается фрейм **местности без гор** или других возвышенностей значительного размера. В ряде языков именно он покрывается лексемой со значением ‘плоский’, исходно описывающей плоскую либо приплюснутую форму предмета (ср. контексты типа *плоский диск* или *плоская грудь*, подробно анализируемые в Спиридонова 2004; см. также систему значений слова *плоский* в МАС II: 143). Такова ситуация, в частности, в русском языке, ср. пример (13) из НКРЯ.

#### РУССКИЙ

- (13) *Дорога сначала идет по **плоской** местности, затем вдоль незначительных возвышенностей, сплошь покрытых до самой вершины кустами понтийской азалии.* (Н. Спешнев. Батум. Путевой очерк // «Исторический вестник», 1889).

Аналогичное расширение употребления лексемы с исходным значением ‘плоский’ наблюдается также в эрзянском (прилагательное *ланужа*), эстонском (прилагательное *lame*), коми-зырянском (прилагательное *плавкес*) языках. Во всех этих языках допустимо употребить для описания местности без гор и доминантную лексему, характеризующую зрительно ровные поверхности.

Следует, однако, отметить неуниверсальность данной модели полисемии. С одной стороны, в ряде языков (как в удмуртском, марийском или хантыйском) прилагательное с исходным значением плоской формы вовсе неспособно описывать фреймы из семантической зоны свойств поверхностей. С другой стороны, оно может распространяться в этой зоне и дальше фрейма местности без гор, как венгерское *lapos* или английское *flat*,

описывающие обширный участок местности без неровностей любого типа (в т. ч. и ровное поле).

Наконец, особым образом по сравнению с остальными типами участков местности часто описывается гладкая (при штиле) **поверхность воды** в водоеме. В некоторых языках она может характеризоваться лексемами фактуры поверхностей (в т. ч., что интересно, теми из них, которые покрывают фреймы тактильного восприятия), ср., например, употребление в этом контексте русского прилагательного *гладкий* или ненецкого *салмуй* ‘ровный, гладкий’ (14).

НЕНЕЦКИЙ (ПРИУРАЛЬСКИЙ ГОВОР)

- (14) *Мерцясяда*      *яля-хана*      *йид-'*      *ний*      *салмуй*.  
 безветренный    день-LOC      вода-GEN    поверхность    гладкий  
 ‘В безветренный день поверхность воды гладкая’.

Вместе с тем часто фрейм поверхности воды в водоеме оказывается лакуной с точки зрения фактуры поверхности, не покрываясь ни лексемой ‘гладкий’, ни лексемой ‘ровный’. В таких языках гладкая поверхность воды описывается по каким-либо иным смежным признакам, как, например, в удмуртском языке – *шыпыт пукысь* (букв. ‘тихо сидящая’) или в хантыйском (с. Теги) – *гэтије* (букв. ‘спокойненькая’).

## 7. Заключение

В статье приведены данные о категоризации отсутствия неровностей в 10 уральских языках и 5 языках других семей. Проиллюстрированы реализация базовой оппозиции тактильного vs. зрительного способа восприятия; различие лексем со значением ‘скользящий’ по топологическому типу объекта; наличие в зоне тактильного восприятия лексем, выражающих дополнительный визуальный признак блеска; ряд других противопоставлений по семантическому классу объекта (природный объект vs. артефакт, особая категоризация частей тела и т. д.). Анализ данных большого количества родственных языков (в данном случае уральских) позволяет выявить достаточно подробную структуру семантических противопоставлений, которая в целом сохраняется и в языках других семей, привлекаемых в качестве типологического фона.

### Список условных сокращений

1, 3 – 1, 3 лицо; ATTR – атрибутивизатор; DAT – датив; DEF – определенность; DIM – диминутив; GEN – генитив; IMP – императив; INF –

инфинитив; LOC – локатив; NMN – номинализация; NOM – номинатив; O – объектное спряжение; PASS – пассив; PL – множественное число; POSS – посессивное склонение; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; SG – единственное число.

### Литература

- Бузакова 1982 – Р. Н. Бузакова. Словарь синонимов эрзянского языка. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1982.
- Иванова 2011 – Е. Ю. Иванова. Нетривиальные свойства поверхностей как топологических объектов: материалы к лексической типологии (русские и корейские прилагательные). Дипломная работа. РГГУ, М., 2011.
- Кашкин 2013 – Е. В. Кашкин. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках). Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, М., 2013.
- Кюсева и др. 2013 – М. В. Кюсева, Т. И. Резникова, Д. А. Рыжова. Типологическая база данных адъективной лексики // В. П. Селегей (гл. ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12, 19. Т. 1. Основная программа конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 367–376.
- МАС – А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка. В 4-х томах. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
- НОСС – Ю. Д. Апресян (рук.). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка [Studia philologica]. М. – Вена: Языки славянской культуры – Венский славистический альманах, 2004.
- Рахилина 2000/2008 – Е. В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000 (2-е изд. – 2008).
- Рахилина, Плунгян 2007 – Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян. О лексико-семантической типологии // Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007. С. 9–26.
- Рахилина, Резникова 2013 – Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания 2, 2013. С. 3–31.
- Спесивцева 2012 – А. А. Спесивцева. Семантика прилагательных, описывающих качества поверхности, и прилагательных со значением «пустой» и «полный» (на материале испанского языка). Дипломная работа. РГГУ, М., 2012.
- Спиридонова 2004 – Н. Ф. Спиридонова. Плоский, прямой и ровный, или как трудно описать форму предмета // Ю. Д. Апресян (отв. ред.). Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 235–241.
- Холкина, в печати – Л. С. Холкина. Семантическое поле ГЛАДКИЙ в китайском языке: лексико-типологический обзор // Вестник МГУ [Серия 13: Востоковедение], в печати.

**Egor Kashkin. Towards the typology of qualitative concepts:  
the domain of ‘smoothness’ in Uralic from a typological perspective**

The paper investigates into lexemes denoting surface properties, in particular absence of roughness on a surface, within the framework of lexical typology. The language sample comprises 10 Uralic languages and 5 languages from other families. Basic semantic oppositions relevant for the domain in question are identified and discussed: tactile vs. visual perception, natural vs. man-made object, differentiation of lexemes meaning ‘slippery’ based on topological type of the object, etc.

*Keywords:* semantics, lexical typology, qualitative concepts, surface properties, Uralic languages, intragenetic typology.

А. А. Козлов, М. Ю. Привизенцева

**К ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ  
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ РАЗМЕРА:  
данные тегинского говора хантыйского языка<sup>1</sup>**

В статье представлены результаты лексико-типологического исследования прилагательных размера в тегинском говоре хантыйского языка. В качестве типологического фона использованы данные следующих языков: русского, немецкого и коми. Выявлены основные особенности системы прилагательных размера тегинского говора: совпадение значений «низкий» и «неглубокий» в одной лексеме при использовании двух разных для обозначения «высокого» и «глубокого», и существующая на уровне топологических классов асимметрия описывающих ширину и толщину объекта прилагательных с положительным и отрицательным значением.

*Ключевые слова:* лексическая типология, хантыйский язык, уральские языки, прилагательные размера, семантика.

## **1. Введение**

Типологические исследования по лексической семантике, проводимые в последнее время группой московских исследователей (Рахилина, Резникова 2013), показывают, что степень разнообразия устройства семантики лексических единиц в языках мира значительно выше, чем на данный момент принято считать. Естественно, лексические раритеты разного рода периодически описываются (см., напр., Кузнецова 2012); в то же время серьезные теоретико-семантические работы за редким исключением посвящены крупным европейским языкам.

Это исследование является попыткой типологически ориентированного описания отдельного фрагмента лексической системы в конкретном языке.

Прилагательные **размера**, о которых мы будем говорить, описывают величину предмета в **одном** из его измерений – в русском языке это слова типа *глубокий*, *широкий*, *низкий* или *тонкий*. Типологии таких прилагательных посвящен проект Ruzhova et al. 2013; общая выборка к настоящему моменту насчитывает 21 язык. У этого проекта две цели:

---

<sup>1</sup> Исследование поддержано грантом РФФИ № 13-06-00884а.



1) установить универсальный набор атомарных смыслов – элементарных фреймов-ситуаций, с помощью которых в поле размера формируются противопоставления;

2) построить эксплицитную систему допущений и запретов, которая предсказывала бы возможность и невозможность объединения элементарных фреймов в одной лексеме и тем самым объясняла бы наблюдаемую сочетаемость прилагательных размера<sup>2</sup>.

Мы попробуем показать, как цели, частью уже достигнутые в ходе работы над проектом, могут помочь конкретно-языковому описанию.

Статья имеет следующую структуру: в части 2 мы кратко изложим общую информацию об устройстве лексического значения прилагательных размера, а также об «атомарных смыслах», структурирующих это поле; в последующих частях представлено описание данных хантыйского языка (мы надеемся, что логику его разделения на две части читатель поймет после знакомства с частью 2). В заключительном, пятом, разделе на основании рассмотренных данных предполагается сделать некоторые выводы относительно устройства поля размеров.

## 2. Прилагательные размера: общие положения

Точное описание семантики прилагательных размера, как например *глубокий/мелкий* или *толстый/тонкий*, – нетривиальная задача. Очевидно, что эти прилагательные размера содержат информацию о протяженности одного из измерений предмета. С другой стороны, то, о каком именно измерении идет речь, определяется по довольно сложным правилам – русское *широкий* может описывать второе по величине из трех измерений параллелепипеда (ср. *широкая доска*), а также единственное измерение круга (например, *широкая круглая дыра в подкладке пальто*). Кроме того, анализ осложняет чрезвычайно прихотливая сочетаемость: все предметы имеют размер, но не все (по разным причинам) могут быть описаны прилагательными размера.

Мы предполагаем, что в ассертивном компоненте значения обычного прилагательного размера находится утверждение о том, насколько велик описываемый предмет в одном из своих измерений, а в синтаксическом – о том, что этот предмет может быть членом того или иного набора **топологических классов**.

---

<sup>2</sup> Авторы выражают глубокую благодарность Д. А. Рыжовой и М. Ю. Кюсевой за совместную работу в рамках проекта.

Топологический класс – это группа лексем, обозначающих предметы, в некоторых существенных отношениях схожие по форме, ориентации в пространстве и другим физическим свойствам. Каждый топологический класс формируется вокруг некоей прототипической идеальной формы по принципу «фамильного сходства» – например, топологический класс Полос включает в себя *доску, ленту, реку, дорогу, мост*, а класс Барьеры – *забор, стену, насыпь* и т. д. Смысл топологической классификации состоит в следующем: во-первых, лексемы одного класса сочетаются с одним и тем же набором прилагательных, а, во-вторых, каждое из прилагательных получает одинаковую интерпретацию в сочетании с лексемами из одного и того же класса.

В основе деления на топологические классы лежат не только геометрические признаки предметов, но и их функции, и способ их взаимодействия с человеком. Именно на их основе язык выбирает физические признаки, по которым проходит классификация. Поэтому довольно часто в языках мира по-разному ведут себя Проницаемые слои, то есть те, в которые можно погрузиться – *снег, грязь* или *ил*, – и Непроницаемые слои, такие, как *ткань, наст* и *бумага*. Топологический класс Контейнеров включает в себя мало похожие по форме предметы: *яма, окуп, расщелина* – общим для которых является возможность восприятия их размера изнутри (подробнее о понятии Контейнера см. хотя бы: Рахилина 2010)

Приводимый ниже набор топологических классов претендует на универсальность и подтвержден данными исследованных языков.

Непроницаемые слои: *книга, лед, одеяло*.

Проницаемые слои: *снег, ил, грязь*.

Контейнеры: *яма, овраг*.

Водные объекты: *река, озеро*.

Барьеры: *стена, забор*.

Вертикальные стержни: *дерево, столб*.

Стержни: *палка, карандаш*.

Полосы: *дорога, лента*.

Веревки: *провод, нитка*.

Трубки: *туннель, бутылочное горлышко*.

Отверстия: *дверь, дыра в подкладке*.

Поверхности: *поле, стол*.

Пространства: *чум, комната*.

Наша еще недостаточно широкая выборка позволяет, однако, вполне уверенно заключить, что поле размера распадается на

два подполя; объединения, нарушающие границу между ними, крайне редки. В подполе *altus*-прилагательных входят значения русских лексем *длинный*, *высокий*, *глубокий* (и их антонимов), а в зону *latus*-прилагательных – *широкий* и *толстый* (и их антонимов). У каждого из этих полей есть собственная логика внутреннего устройства, поэтому мы разделим описание хантыйского материала на две части, посвященные *altus*- и *latus*-прилагательным соответственно (так для краткости, по латинским прилагательным со значением ‘высокий’ и ‘широкий’, мы будем далее называть эти поля).

### 3. *Altus*-прилагательные

#### 3.1. Устройство подполя *altus*

Чаще всего в зона *altus*-прилагательных можно разделяется на три кластера, которые противопоставляются по двум принципам: положение объекта в пространстве и способ его восприятия.

Эти три кластера примерно соответствуют понятиям **глубины**, **высоты** и **длины**. Так, если Стержень никак не закреплен в пространстве, то самое большое из его измерений однозначно будет определено как **длина**. Если же прототипическое положение предмета – вертикальное, то его можно воспринимать, находясь или с верхней его кромки, или у нижнего основания – и в этом разница между **глубиной** Контейнера и **высотой** Вертикального стержня или Барьера.

Строгие тернарные системы наблюдаются в кабардинском, ингушском, сербском и других языках, системы, очень близкие тернарным – в армянском, грузинском, испанском и прочих. Отметим, что русский язык устроен несколько сложнее: в нем существует специальная лексема *мелкий* для описания глубины Водных объектов (как в (1)).

(1) *Я провалилась в неглубокую<sup>??</sup> мелкую яму.*

Устройство *altus*-прилагательных в хантыйском языке основано на других принципах концептуализации и сильно отстает от частотных тернарных систем. В нем обнаруживается нетривиальное объединение двух кластеров в один, а также более дробное деление зоны глубокого/неглубокого. При этом в обоих случаях возникает асимметрия больших и маленьких размеров. Это связано с тем, что при изменении размера объектов изменяются и их свойства, и хантыйский язык максимально чувствителен к таким изменениям.

### 3.2. Altus-прилагательные: низкие реки или неглубокие заборы

В хантыйском языке, как и в русском, есть два разных прилагательных большого размера для описания глубины и высоты – *mał* ‘глубокий’ и *kärs* ‘высокий’. При этом в зоне маленьких размеров обнаруживается только одно прилагательное *łeł* ‘низкий, неглубокий’, кодирующее как глубину Контейнеров и Водных объектов, так и высоту Барьеров и Вертикальных стержней.

- |     |                     |   |                   |
|-----|---------------------|---|-------------------|
| (2) | <i>kärs’ ogorod</i> | – | <i>łeł ogorod</i> |
|     | ‘высокий забор’     |   | ‘низкий забор’    |
|     | <i>măł as</i>       | – | <i>łeł as</i>     |
|     | ‘глубокая река’     |   | ‘неглубокая река’ |

Такая нетривиальная система требует объяснения сразу двух ее свойств: во-первых, объединения значений ‘неглубокого’ и ‘низкого’, во-вторых, асимметрии прилагательных большого и малого размеров.

Прежде всего отметим, что, по нашему убеждению, объем значения таких ядерных элементов лексической системы, как прилагательных большого размера объясняется прототипическим, наиболее естественным способом восприятия предметов того или иного топологического класса – для этого можно воспользоваться хорошо известным в русской семантической традиции понятием Наблюдателя (Падучева 2006).

Наша гипотеза заключается в том, что Наблюдатель оценивает размер Контейнеров и Водных объектов малого размера снизу, находясь на дне **неглубокой ямы** или **мелкой реки**. Так же, как и в случае **невысокого дерева**, он стоит у нижнего конца описываемого измерения, «смотря» вверх (а не на основной поверхности, «смотря» вниз, во внутреннюю полость контейнера). Такая модель объединения происходит только в зоне малых размеров: действительно, находиться на дне **неглубокой ямы** или переходить вброд **мелкую** (по колено) **реку** вполне естественно. На дно глубокой реки Наблюдателя поместить было бы совершенно неестественно, именно поэтому для больших размеров в хантыйском и существует отдельное прилагательное *măł*, соответствующее русскому *глубокий*.

Предсказательная сила этой гипотезы заключается в запрете на формирование в зоне прилагательных большого размера кластера, в который входили бы Водные объекты, Контейнеры, Барьеры и Вертикальные стержни.

### 3.3. *Altus-прилагательные: провалиться в маленький снег*

Асимметрия больших и маленьких размеров обнаруживается при описании топологического класса Проницаемых слоев. В зоне больших размеров глубина Проницаемых слоев кодируется тем же прилагательным, что и глубина Контейнеров и Водных объектов – *mät* ‘глубокий’. В зоне маленьких размеров с Проницаемыми слоями может сочетаться только прилагательное общего размера – *aj* ‘маленький’.

- (3) *mät tən's*  
‘глубокий снег’
- (4) *aj/ \*let tən's*  
‘маленький/ \*неглубокий снег’

Проницаемые слои – периферийный топологический класс *altus*-зоны. Об этом свидетельствует тот факт, что существует несколько стратегий его описания – и ни одна из них никогда не бывает присуща непосредственно Слоям, а заимствуется у какого-то другого топологического класса.

Во-первых, как описано выше, Проницаемые слои действительно могут примыкать к Контейнерам. Такая ситуация представлена в русском, испанском, коми, кабардинском и других языках. Во-вторых, они могут описываться тем же набором прилагательных, что и толщина Непроницаемых слоев, то есть *latus*-прилагательными – это зафиксировано, например, во французском или в казахском. Наконец, Проницаемые слои могут вообще не описываться прилагательными размера, как это и происходит в хантыйском языке.

По нашему мнению, такое разнообразие обуславливается наличием разных стратегий концептуализации объектов этого топологического класса. Дело в том, что один из его признаков – собственно, проницаемость – сближает их с Контейнерами (в Проницаемые слои, как и в Контейнеры, Наблюдатель может погрузиться, провалиться). Другой признак – форма – естественным образом сближает их с Непроницаемыми слоями. В результате при концептуализации Слоев один из признаков должен оказаться более релевантным, чем другой: если на переднем плане тип взаимодействия с Наблюдателем, Проницаемые слои примыкают к Контейнерам, а если языку более важна физическая форма, то они воспринимаются, а, следовательно, и кодируются так же, как и Непроницаемые слои.

В хантыйском языке в зоне больших размеров мы наблюдаем первую стратегию – Проницаемые слои концептуализируются

как Контейнеры; в зоне же малых размеров они не примыкают ни к Контейнерам, ни к Непроницаемым слоям, а кодируются только прилагательным общей величины. Этот факт, кстати, подтверждает разделение всего семантического поля размера на *altus*- и *latus*-подполя: Проницаемые слои являются периферийным классом и могут не кодироваться ни *altus*-, ни *latus*-прилагательными.

Что касается асимметрии больших и малых размеров в хантыйском языке, то в этом случае она тоже связана с разными свойствами соответствующих объектов. При концептуализации Слоев для хантыйского решающим оказывается признак проницаемости; однако эта характеристика присуща «глубоким» и «неглубоким» Слоям в разной степени. Представляется, что объекты с большой глубиной естественней воспринимаются как контейнеры: погружение в них возможно, в то время как о погружении в объекты с небольшой глубиной можно говорить лишь очень условно.

Аналогичная асимметрия зафиксирована в ирландском языке, похожая тенденция, как кажется, обнаруживается и в русском:

- (5) *Печатаю черные следы по тонкому снегу, дошел до станции.*  
(Валерий Попов. Ужас победы. 2000).

#### 4. *Latus*-прилагательные

##### 4.1. Устройство поля

В русском языке *latus*-зона обслуживается двумя парами прилагательных: *толстый/тонкий* и *широкий/узкий*; внутри каждой пары антонимы идеально соответствуют друг другу<sup>3</sup>. Бинарные системы такого типа (иногда осложненные периферийными прилагательными) засвидетельствованы еще, например, в болгарском, мокша-мордовском, армянском, коми и других языках.

В то же время сравнение с данными языков типа хантыйского показывает, что «русский» способ деления семантического поля размеров не является единственным возможным. На самом деле: что заставляет языки объединять именно Непроницаемые слои и Стержни? Следует отметить, что

<sup>3</sup> По-видимому, вторая пара – на самом деле не пара, а тройка; гораздо менее частотное прилагательное *неширокий* (394 вхождения в НКРЯ против 61805 для *широкий* и 20133 для *узкий*) обозначает, как кажется, некоторое среднее положение на «шкале ширины».

граница между Стержнями и Полосами, разделяющая две части бинарной системы, оказывается типологически устойчивой: даже гораздо более богатые системы почти никогда не нарушают ее. Если в языке больше четырех прилагательных размера, то они предпочитают более дробно делить эти два кластера, но не объединять их.

#### 4.2. *Latus-прилагательные: толстые палки и тонкие рейки*

В то же время исключения из этого правила хотя и редки, но существуют: именно такая система представлена в хантыйском языке. В зоне больших размеров хантыйский ведет себя в точности так же, как русский – существуют прилагательные *kuł* ‘толстый’, описывающее поперечное сечение Слоев и Стержней и *vutəŋ* ‘широкий’, содержащее информацию про ширину Полос, Трубок и размер Поверхностей и Пространств. Однако в зоне малых размеров система устроена совсем по-другому: слово *uoχəł* описывает исключительно тонкие Слои, тогда как *vas'* – и Стержни, и Полосы, и Трубки.

- |     |                 |   |                  |
|-----|-----------------|---|------------------|
| (6) | <i>kuł soχ</i>  | – | <i>uoχəł soχ</i> |
|     | ‘толстая ткань’ |   | ‘тонкая ткань’   |
|     | <i>kuł juχ</i>  | – | <i>vas' juχ</i>  |
|     | ‘толстая палка’ |   | ‘тонкая палка’   |
|     | <i>vutəŋ as</i> | – | <i>vas' as</i>   |
|     | ‘широкая река’  |   | ‘узкая река’     |

Похожая модель совмещения фреймов засвидетельствована, например, у ненецкого *tīya* (‘тонкий’ о Стержнях + ‘узкий’ о Полосах) и кабардинского *psəb<sup>w</sup>e* (то же самое + ‘узкий’ о Трубках). Заметим, что абсолютно все случаи совмещения такого рода происходят в **зоне малых размеров**, тогда как большие размеры ничего подобного не обнаруживают. Как нам кажется, этот факт вполне закономерен, и мы предлагаем для него объяснение; так как прилагательные типа *vas'*, *tīya* и *psəb<sup>w</sup>e* все-таки представляют собой экстравагантное нарушение общей тенденции членить *latus*-зону надвое, опишем сперва общий принцип, стоящий, по нашему мнению, за этой тенденцией, а затем другой, частный, позволяющий ее нарушать.

Для объяснения бинарного членения карты снова воспользуемся понятием Наблюдателя. Дело в том, что при восприятии прототипических Полос, Трубок, Поверхностей и Пространств Наблюдатель находится внутри воспринимаемого предмета: движется по дороге, мосту, доске, сквозь коридор, нору, дверь или дырку в заборе, располагается внутри широкого чума или

посреди широкого поля. В то же время естественно, что Наблюдатель просто не может поместиться внутри Непроницаемого слоя или внутри Стержня. Получается, что русские пары *широкий* vs. *толстый* и *узкий* vs. *тонкий* (а также множество соответствующих им прилагательных в других языках) различаются именно положением Наблюдателя относительно описываемого объекта.

Еще раз подчеркнем, что мы говорим о прототипическом способе восприятия не конкретного описываемого предмета, а топологического класса. Ясно, что поместить Наблюдателя каким-то образом внутрь **широкой шелковой ленты** или на ее поверхность было бы теоретической натяжкой; собственно, для этого мы и вводим топологическую классификацию – еще один уровень абстракции. Лексемы одного класса обязаны одинаково сочетаться с прилагательными размера; группировка лексем в классы происходит большей частью по физическим признакам, однако признаки, обуславливающие классификацию, выбираются с точки зрения их релевантности для человеческого восприятия.

Тем не менее, у маленьких предметов различия в форме имеют тенденцию сглаживаться. Физическая разница становится настолько мала, что ею становится возможным пренебречь: **широкая доска** (Полоса) совсем не похожа на **толстое бревно** (Стержень), но **узкая рейка** есть почти то же самое, что и **тонкая палка**. Это сходство и позволяет хантыйскому языку кластеризовать эти два значения в слове *vas'* – но в то же время в зоне больших размеров граница бинарного членения остается строгой.

## 5. Заключение

Рассмотрев разные части семантического поля размера в хантыйском языке, мы обнаружили, что по сравнению с привычными «европейскими» системами хантыйская необычна прежде всего тем, что в ней отсутствуют жесткие антонимические корреляции. Если лексема объединяет в себе несколько элементарных значений, то обратные им значения совершенно не обязаны также совмещаться в одной лексеме. Более того, устройство логически противоположных значений может быть основано на разных перцептивных принципах, как это показано в случае с прилагательными *mat* и *teŋ*.

Еще один важный вывод заключается в следующем: для объяснения кластеризации значений крайне полезно понятие



Наблюдателя – это связано с тем, что лексикализация размера в языке в определенной степени иконично отражает устоявшиеся модели восприятия размера человеком. Пока что мы объясняем языковые факты довольно неформально, с помощью представления о том, где Наблюдателю естественно или неестественно находиться. Задачей для дальнейшей работы является выявление когнитивных оснований этой естественности или неестественности.

### Литература

- Кузнецова 2012 – А. И. Кузнецова. Грамматические и лексические раритеты в языке бесермян в сопоставлении с другими уральскими языками // А. И. Кузнецова (отв. ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. [Studia philologica]. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 41–58.
- Падучева 2006 – Е. В. Падучева. Наблюдатель: типология и возможные трактовки // Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог-2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня, 2006 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 403–413.
- Рахилина 2010 – Е. В. Рахилина. А был ли концепт? Контейнер и содержимое в русском языке // Е. А. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 219–246.
- Рахилина, Резникова 2013 – Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания 2, 2013. С. 3–31.
- Ryzhova et al. 2013 – D. Ryzhova, A. Kozlov, M. Privizentseva. Qualities of size: towards a typology. Paper presented at Association for Linguistic Typology 10th Biennial Conference (ALT 10) – 2013 August 15–18, Leipzig. ([http://www.eva.mpg.de/lingua/conference/2013\\_ALT10/pdf/abstracts/Ryzhova\\_Kozlov\\_Privizentseva\\_130.pdf](http://www.eva.mpg.de/lingua/conference/2013_ALT10/pdf/abstracts/Ryzhova_Kozlov_Privizentseva_130.pdf))

#### **Alexey Kozlov, Maria Privizentseva. Towards the typology of dimensional adjectives: the case of Tegi Khanty**

This paper presents a semantic analysis of the system of size adjectives in Tegi dialect of Khanty in comparison with those of Russian, German and Komi. The main peculiarities about Khanty system are the following: first, the coincidence of ‘low’ and ‘shallow’ meanings in a single word whereas two different words are used for ‘high’ and ‘deep’; and second, considerable combinatory assymetry of positive and negative adjectives describing width and thickness manifesting at the topological class level.

*Keywords:* lexical typology, Khanty, size adjectives, semantics, Uralic languages.

## Приложение

Схема 1. Прилагательные размера: подполе *latus*

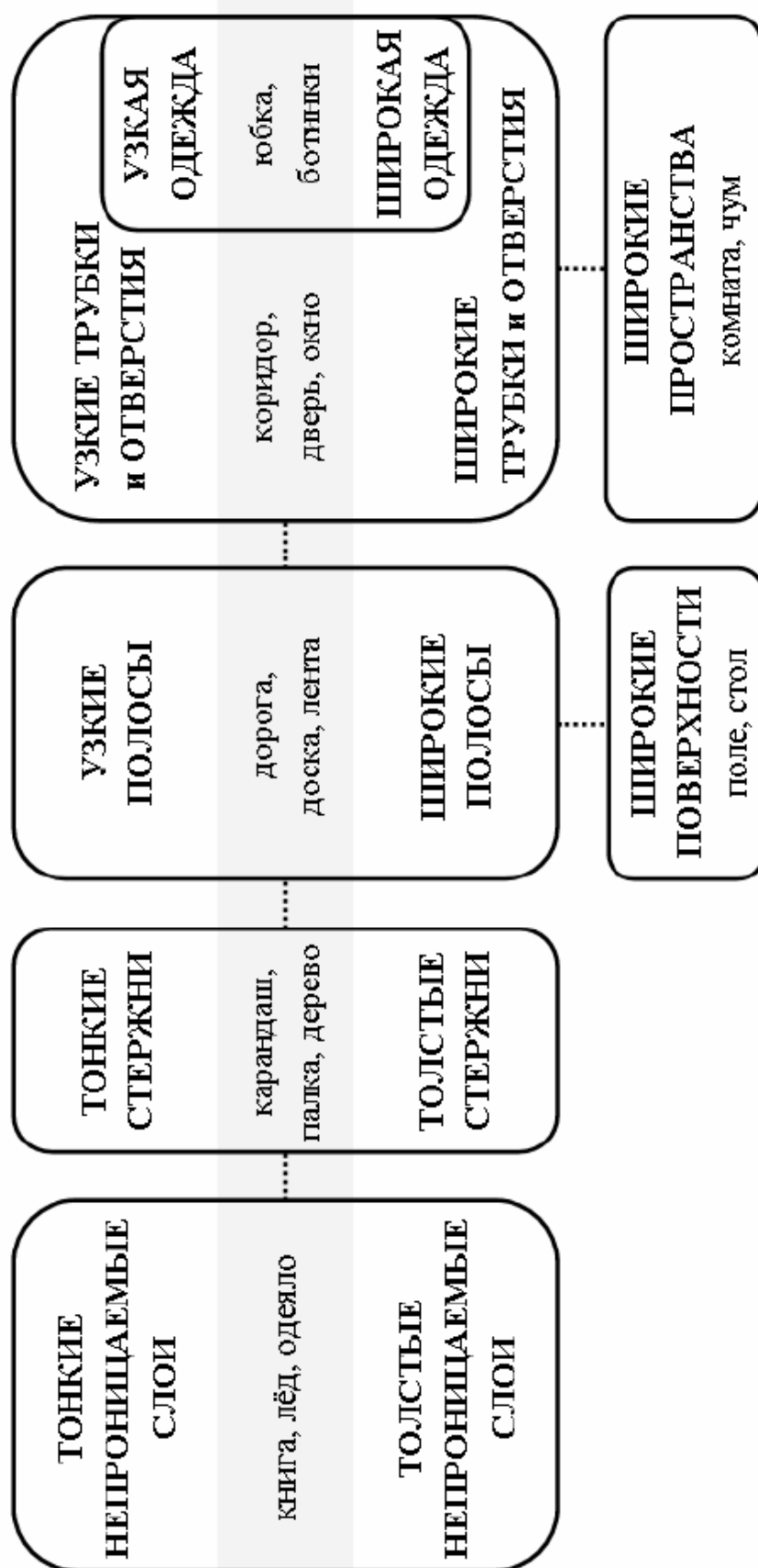


Схема 2. Прилагательные размера: подполе *altus*

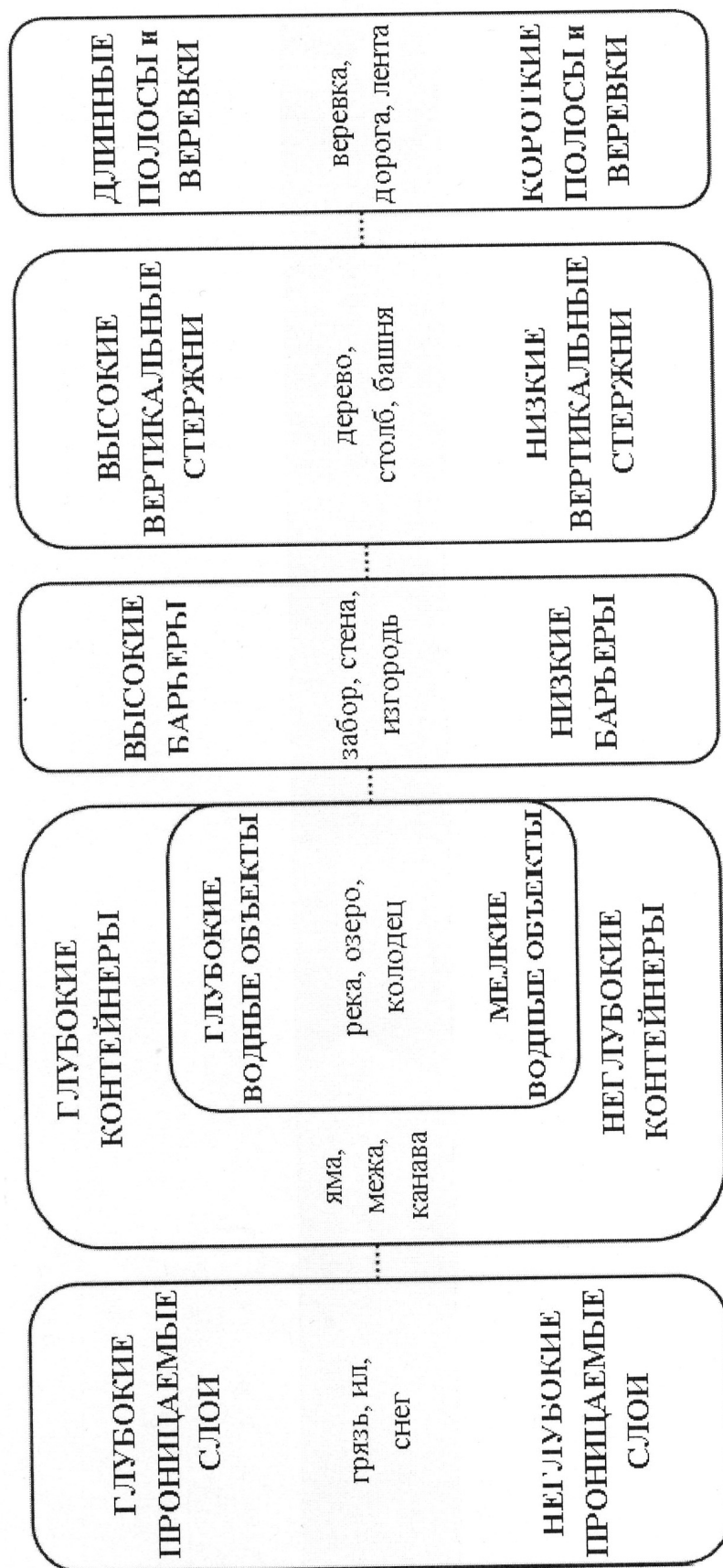


Схема 3. Прилагательные размера: подполе *latus*. Тегинский диалект хантыйского языка

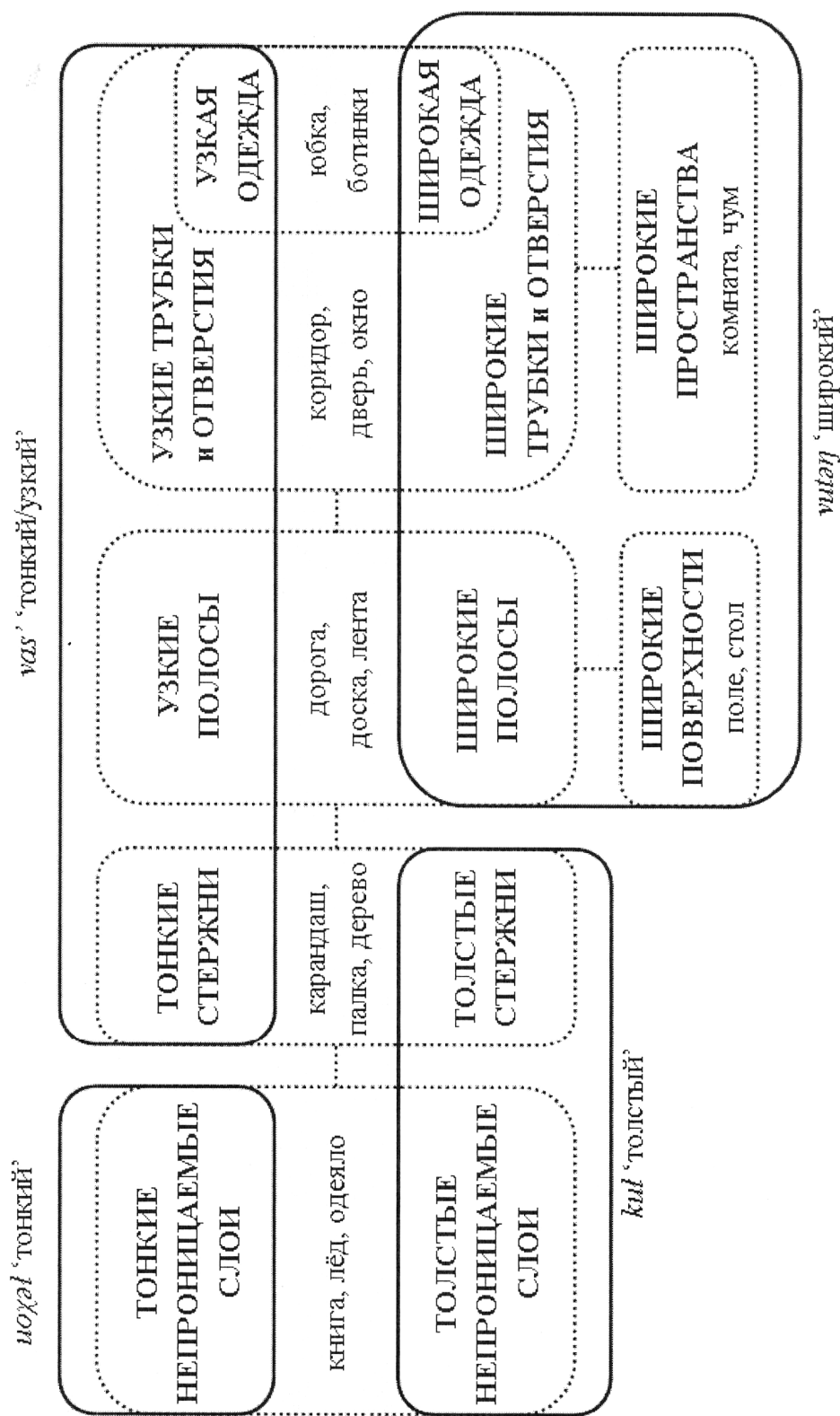
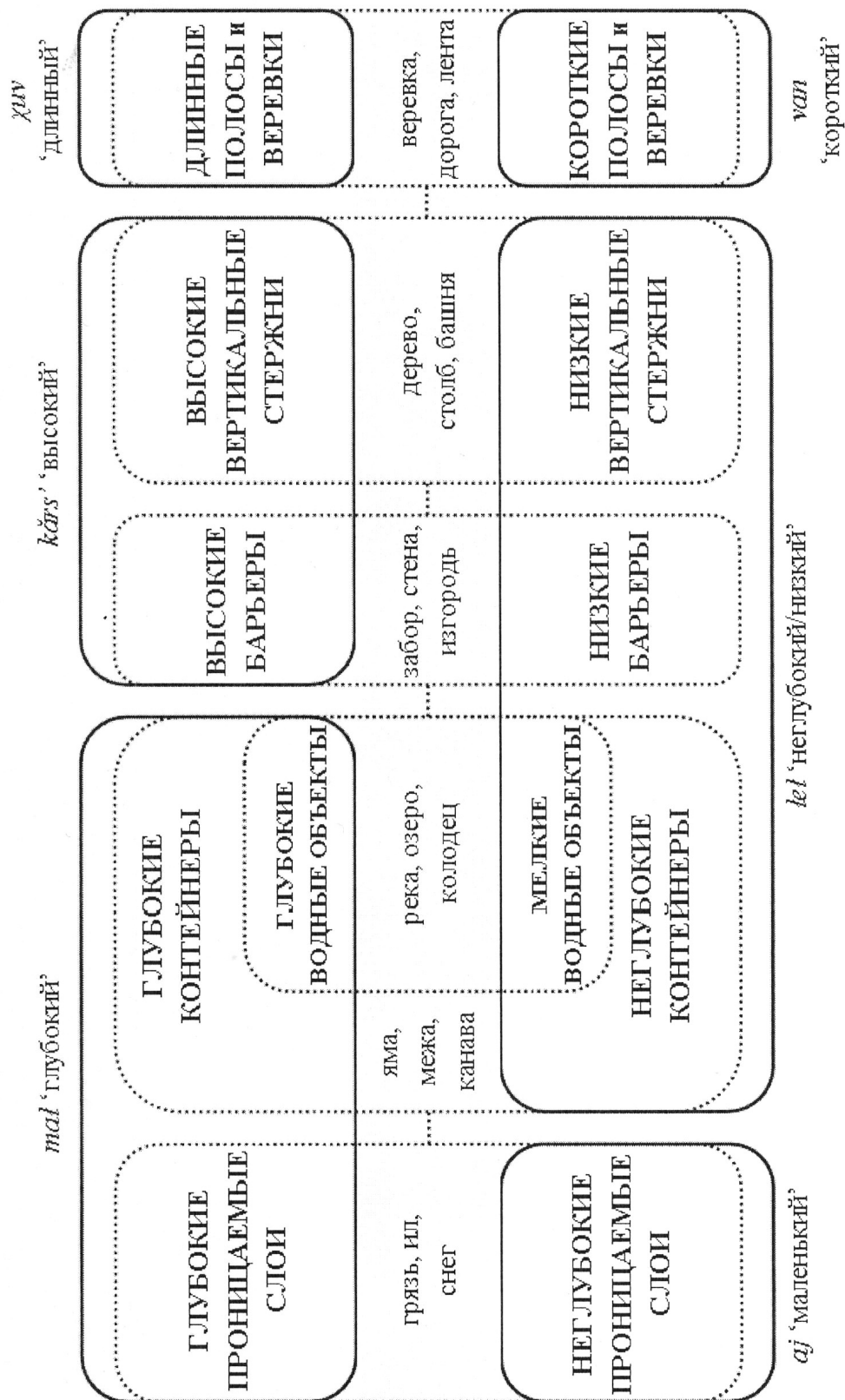


Схема 4. Прилагательные размера: подполе *altus*. Тегинский диалект хантыйского языка



М. Б. Коношенко

## МОРФОСИНТАКСИС ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ИМЕННЫХ ГРУПП В ЯЗЫКАХ МАНДЕ<sup>1</sup>

Языки манде отличаются единообразием в том, что касается базовой структуры, а именно порядка слов. Тем не менее, при более подробном рассмотрении морфосинтаксиса простого предложения в этих языках оказывается, что в манде аналогичные конструкции имеют различную синтаксическую структуру. Статья посвящена структуре притяжательных групп. В статье показано, что, хотя во всех рассматриваемых языках притяжательный показатель формально стоит между обладателем и обладаемым, именные группы имеют различную структуру и, как следствие, обнаруживают различные типы маркирования – линейное, зависимостное и вершинное.

*Ключевые слова:* порядок слов, манде, притяжательные именные группы, вершинное маркирование, зависимостное маркирование, внутригенетическая типология.

### 1. Введение

#### *1.1. Структура притяжательной именной группы как типологический параметр*

Структура притяжательной именной группы – один из базовых типологических параметров языкового варьирования, который включает несколько аспектов. Во-первых, порядок следования элементов в группе – хорошо известны универсалии о наличии корреляции между порядком следования вершинного и зависимого имени, с одной стороны, и наличием предлогов либо послелогов, с другой (Greenberg 1963: 78). Кроме того, в литературе существует структурно-семантическая классификация притяжательных именных групп по типам принадлежности – отчуждаемой и неотчуждаемой (Nichols 1988, 1992; Croft 1990; Heine 1997) и т. д. Наконец, притяжательные именные группы внутри одного языка, а также кросслингвистически могут различаться локусом маркирования синтаксической связи (Nichols,

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено в рамках проекта «Глагольные системы языков манде в контексте типологических и ареальных исследований», поддержанного грантом РГНФ 13-34-01015, а также в рамках проекта Минобрнауки РФ № 2012-1.2.1-12-000-3004-9859 «Модели падежной грамматики и естественный язык».

Bickel 2005; Nichols 1986; Bickel, Nichols 2007; van Rijn 2012). Этот формальный параметр наиболее важен для настоящего исследования.

Согласно классификации в работе Nichols, Bickel 2007: 193–197, в языках мира встречаются следующие основные типы маркирования в притяжательной ИГ: вершинное (1), зависимостное (2), двойное (3), нулевое (4) и линейное<sup>2</sup> (“floating” либо “detached” в англоязычной литературе, пример (5)).

- ТАДЖИКСКИЙ (иранские)
- (1) *xona-i padar*  
дом-EZ отец  
'дом отца' (Bickel, Nichols 2007: 194)
- ЧЕЧЕНСКИЙ (нахско-дагестанские)
- (2) *dee-n aaxcha*  
отец-GEN деньги  
'деньги отца' (ibid.: 194)
- НОГАЙСКИЙ (тюркские)
- (3) *men = im kullyg-ym*  
1SG=GEN работа-1SG  
'моя работа' (ibid.: 195)
- !КУН (койсанские)
- (4) *dz'heu ɣxanu*  
женщина книга  
'книга женщины' (ibid.: 195)
- ЛАНГО (нилотские)
- (5) *gwôkk à lócsə*  
собака ATTR мужчина  
'собака мужчины' (Noonan 1992: 154, цит. по van Rijn 2012: 6)

Примечательно также, что и вершинное, и зависимостное маркирование необязательно предполагают аффиксацию – это возможно также при помощи служебных слов (Bickel, Nichols 2005; van Rijn 2012), как в примерах (6а–б).

- ТИВИ (изолят, Австралия)
- (6а) *tarakalani nira jimata*  
черепаха 3SG.F кишки  
'кишки черепахи'

<sup>2</sup> Перевод термина мой; насколько мне известно, в русскоязычной литературе нет названия для этого явления.

- (6б) *ɲara tuwala jərəkəpai*  
 3SG.M хвост крокодил  
 ‘хвост крокодила’ (Osborne 1974: 75, цит. по van Rijn 2012: 4).

В доказательство того, что в (6) представлено вершинное маркирование, можно привести следующие аргументы. Во-первых, служебный показатель всегда предшествует вершине, в т. ч. при смене порядка следования вершины и зависимого – ср. (6а) и (6б), т. е. служебный показатель образует составляющую с вершиной, а не с зависимым. Кроме того, служебный показатель согласуется с зависимым по роду и лицу, а такой тип согласования всегда пересекает границу именной группы (Lehmann 1982: 227–228). То есть служебный показатель опять же не может образовывать составляющую с зависимым.

### 1.2. Языки манде: вводная информация

В данной статье мы рассмотрим устройство именных групп в языках манде (нигер-конго, Западная Африка).

Языки манде отличаются поразительным (на фоне других африканских семей) единообразием в том, что касается базовой структуры, а именно порядка слов. Все они имеют очень строгий порядок слов SAuxOVX: в позиции прямого дополнения может стоять только одна именная группа, прочие неподлежащие именные группы находятся за глаголом и управляются послелогом (Creissels 2005; Nikitina 2009, 2011). Кроме того, языки манде обнаруживают одинаковый порядок следования элементов в составе именных групп. В атрибутивной группе определение всегда следует за определяемым (N + Adj), в притяжательной группе обладатель предшествует вершине (NP<sub>POSS</sub> + NP). Тем не менее, при более подробном рассмотрении морфосинтаксиса простого предложения и, в частности, притяжательных групп в манде оказывается, что в разных языках аналогичные конструкции имеют различную синтаксическую структуру.

Статья организована следующим образом. В разделе 2 обсуждаются некоторые базовые морфосинтаксические различия между языками манде. В разделе 3 показано, что, несмотря на очевидный параллелизм, притяжательные группы в манде различаются в отношении типа маркирования. В разделе 4 подводятся итоги.

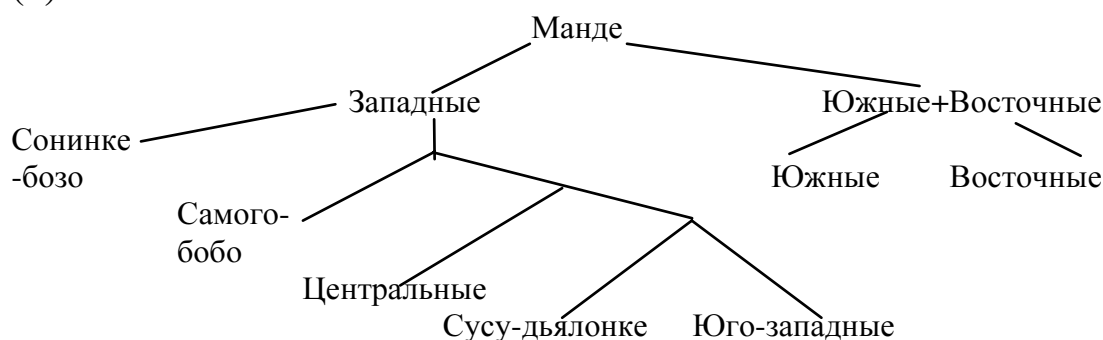


## 2. Языки манде: базовые грамматические различия

Как было сказано во введении, языки манде обнаруживают значительное сходство между собой. Как заметил Ларри Хайман, «когда смотришь материал какого-нибудь языка манде, всегда понятно, что это именно манде и не что иное» (L. Hyman, p.c.). Тем не менее, языки манде различаются по двум очень важным и, вообще говоря, связанным между собой признакам – наличию или отсутствию тенденции к фузии, с одной стороны, и обязательности подлежащего, с другой.

Для удобства обсуждения в (7) представлена классификация языков манде по Vydrin 2009.

(7)



### 2.1. Наличие или отсутствие фузии

Южные, восточные и юго-западные манде отличаются от всех остальных языковых групп тем, что в них есть синхронно не членимые морфемы-портманто, которые возникли в результате фузии местоимений и различных грамматических показателей – обычно предикативных (Aux) и посессивных.

Рассмотрим пример (8) из языка какабе (центральные), где фузии не было.

- КАКАБЕ (центральные)
- (8) *A bi núnbe-la báà tó.*  
 3SG IPFV плыть-IPFV река.ART в  
 (о бревне) ‘Оно плывет по реке’. (Выдрина 2009)

В (8) есть личное местоимение *a* и имперфективный показатель *bi*. Эти элементы относятся к разным синтаксическим слотам: местоимение занимает позицию подлежащего, а предикативный показатель – позицию Aux, которая обязательна для всех глагольных конструкций в языках манде за редкими исключениями.

Теперь рассмотрим пример (9) из языка боко (восточные).

- БОКО (восточные)
- (9) *ì*                    *ǎ*            *tǒ*.  
 3SG.NAV            ямс        выращивать  
 ‘Он(а) выращивает ямс’. (Prost 1976: 200)

Местоимению и предикативному показателю в какабе в боко соответствует нечленимая морфема *ì*, которая одновременно выражает значение 3 л. ед. ч. и предикативное значение хабитуалиса.

## 2.2. Дистрибуция местоименных (лично-числовых) показателей

Кроме собственно морфологического различия, между местоименными показателями в какабе и боко есть еще и синтаксическая разница – эти показатели имеют неодинаковую дистрибуцию с подлежащими именными группами.

- КАКАБЕ (моколе < центральные)
- (10) *Lógè*                    *bi*            *núnbe-la*                    *báà*            *tǒ*.  
 дерево.ART            IPFV            плыть-IPFV                    река.ART            в  
 ‘Бревно плывет по реке’. (Выдрина 2009)

- БОКО (восточные)
- (11) *Má*            *dá*            *ì*                    *ǎ*            *tǒ*.  
 1SG.POSS    мать            3SG.NAV            ямс        выращивать  
 ‘Моя мать выращивает ямс’. (Prost 1976: 200)

В (10) и (11) есть полная именная группа в позиции подлежащего. В какабе местоимение *a* не может сочетаться с полной ИГ, а в боко портманто-морфема употребляется вместе с подлежащим, с которым согласуется по лицу и числу. Иными словами, в какабе местоимение *a* используется только анафорически, а позиция подлежащего обязательно занята – либо местоимением, либо существительным с возможными зависимыми. В боко лично-числовой показатель находится в позиции Aux и может употребляться как вместе с полной ИГ в позиции подлежащего, так и без полной ИГ в анафорической функции, а позиция подлежащего в этом случае остается незаполненной (подробнее см. Выдрин 2010; Khachaturyan 2010; Коношенко 2013а).

Надо отметить, что между какабе и боко существует промежуточный случай, когда имеются очевидные следы фузии местоимений и субъектных показателей (как в боко), но местоименный показатель в составе портманто не может употребляться вместе с полной ИГ (как в какабе). Этот тип можно проиллюстрировать на материале языка яурэ (южные манде).

ЯУРЭ (южные)

- (12a) *ǎ*                    *bǔí*    *ká*    *kɔ́*    *tɔ́-lɛ́*                    *dí.*  
 1SG.POSS    брат    NEG    дом    строить-NEG.PST    NEG  
 ‘Мой брат не построил дом’.

- (12б) *Jàá*            *lò*            *fěě-lɛ́*                    *dí.*  
 3SG.NEG    пальма    добывать- NEG.PST    NEG  
 ‘Он не добыл пальмового вина’. (Hopkins 1987: 103)

В (12a) есть группа подлежащего *ǎ bǔí* ‘мой брат’ и независимый отрицательный предикативный показатель *ká*. В (12б) мы видим портманто *jàá*, которое представляет собой результат слияния личного местоимения и предикативного показателя.

Противоположные случаи, когда фузии нет, но лично-числовой показатель способен употребляться с полной ИГ, также засвидетельствованы. Однако они значительно более редки – такое явление обнаружено только в языке бен и с оговорками в дан и муан – см.: Коношенко 2013b.

### 3. Притяжательные именные группы в манде

Для подавляющего большинства языков семьи манде характерно фундаментальное противопоставление притяжательных ИГ по типу принадлежности – неотчуждаемой (с частями тела и терминами родства в качестве обладаемого) и отчуждаемой (с прочими именами). Конструкция с отчуждаемой принадлежностью маркируется служебным показателем, который ставится между обладателем (зависимым) и обладаемым (вершиной). Конструкция с неотчуждаемой принадлежностью образуется простым примыканием ИГ, обозначающих обладателя и обладаемого. Ниже конструкции с отчуждаемой (13) и неотчуждаемой (14) принадлежностью проиллюстрированы на материале языка сусу.

СУСУ (сусу-дьялонке)

- (13) *Fààtú*    *xá*    *dònmáá*  
 Фату    POSS    рубашка  
 ‘рубашка Фату’

- (14) *Fààtú*    *xùnyí*  
 Фату    голова  
 ‘голова Фату’ (Touré 2004: 24–29)

Таким образом, языки манде подтверждают обобщение Дж. Николз, согласно которому «с точки зрения грамматической

формы, неотчуждаемая принадлежность всегда предполагает более тесную структурную связь между обладаемым и обладателем» (Nichols 1992: 117).

Несмотря на то, что семантические противопоставления типов притяжательности в языках манде устроены очень похоже, можно обнаружить принципиальное различие в структуре составляющих таких конструкций.

### 3.1. Языки с линейным маркированием

В языках типа бамана нельзя однозначно отнести посессивный показатель к вершине или зависимому. У нас нет аргументов в пользу того или другого решения: порядок следования элементов, как и в других манде, неизменный, морфонологические процессы не засвидетельствованы, когнатных служебных слов нет. Поэтому в этом случае приходится говорить о линейном маркировании. Ср. (15а–б) из бамана:

БАМАНА (манден < центральные)

(15а) *án ká dùgú`*  
1PL POSS деревня\REF  
'наша деревня'

(15б) *Màdú ká màrífá`*  
Маду POSS ружье\REF  
'ружье Маду'

(Выдрин 2008: 33)

### 3.2. Языки с зависимостным маркированием

В некоторых языках манде грамматический показатель в составе притяжательной конструкции склонен подвергаться морфонологическим изменениям и сливаться с первым компонентом притяжательной группы (посессором). Так происходит, например, в языках сусу (16) и дан-гуэта (17).

СУСУ (сусу-дьялонке)

(16) *gìnéé xá dùgíí => gínáá dùgíí*  
женщина POSS ткань  
'ткань женщины'

(Touré 2004: 25–26)

ДАН-ГУЭТА (южные)

(17) *gblǜgḡbḕ b̄à d̄àà => gblǜgḡbḕ-à d̄àà*  
военный.вождь POSS нож  
'нож военного вождя'

(Выдрин, рук.: 11)

Морфонологическое взаимодействие посессивного показателя с зависимой ИГ является одним из аргументов в пользу

того, что синтаксически послелог в этих языках относится к зависимому, а не к вершине.

Более того, во многих языках (дан, тура, муан, уан) процесс слияния послелога и посессора, выраженного местоимением, привел к образованию и закреплению специальных серий посессивных местоимений, что можно считать зависимостным маркированием *par excellence*.

Парадигма притяжательных местоимений в языке муан представлена в Таблице 1.

Таблица 1. Посессивные местоимения в муан (Перехвальская, рук.)

1ед.	2ед.	3ед.	1 экс. мн.	1 инкл. мн.	2 мн.	3 мн.
<i>á</i>	<i>yá</i>	<i>yāā</i>	<i>wāā</i>	<i>kòó ā</i>	<i>ká ā</i>	<i>wāā</i>

(18) *Zālè ā fě* ‘дом Зале’ vs. *yāā fě* ‘его дом’

В (18) показано, что если в муан в позиции посессора стоит полная ИГ, то после нее используется обычный посессивный показатель, а прономинальный посессор выражается слитной формой, т. е. специальным посессивным местоимением. Здесь нельзя не отметить, что такая конфигурация притяжательного маркирования напоминает отрицательные предикативные конструкции в яурэ (12а–б), где обычный предикативный показатель *ká* употребляется параллельно с парадигмой форм-портманто.

Помимо морфонологических процессов и образования посессивных местоимений, можно привести диахронический аргумент в пользу зависимостного маркирования во многих языках манде. Многие исследователи пишут о том, что в языках манде грамматические показатели в конструкции с отчуждаемой принадлежностью могли произойти из послелогов или, по крайней мере, имеют с ними общее происхождение (Kastenholz 1987; Tröbs 1998; Vydrin 2006; Nikitina 2009). Во многих языках обнаруживается формальное сходство между показателем притяжательной конструкции и послелогом – ср. маркер *bà* в языке дан (южные манде) (Vydrin 2006: 58), маркер *lá* в коранко (моколе) (Kastenholz 1987: 231).

Таким образом, принимая во внимание современные морфонологические процессы на стыке группы посессора и притяжательного показателя, образование посессивных местоимений, а также учитывая возможную диахроническую связь притяжательного показателя с послелогом, можно установить структуру составляющих для притяжательной группы в упомянутых язы-

ках: [<sub>NP</sub> [<sub>NP</sub><sub>POSS</sub> POSS] NP]. Это позволяет говорить о зависимом маркировании в притяжательной именной группе – не случайно в Vydrin 2006 постулируется зарождение посессивного падежа в языках дан и тура (южные манде).

### 3.3. Языки с вершинным маркированием

Не для всех языков манде справедливо утверждение о зависимом маркировании в притяжательной именной группе. Рассмотрим следующие примеры из кпелле:

КПЕЛЛЕ (юго-западные манде):

(19) *Péɾɛ̀ɛ̀ ɲẁɔ̀ b́ɔ̀wá-ɣà̀*  
 Пепе 3SG.POSS нож-PL  
 ‘ножи Пепе’

(20) *nèáà d́iwɔ́ b́ɔ̀wá-ɣà̀*  
 DEF\женщина.PL 3PL.POSS нож-PL  
 ‘ножи женщин’

(Коношенко 2013а: 103–104)

Порядок следования элементов притяжательной группы в кпелле аналогичен таковому в языках, обсуждавшихся выше, а притяжательный показатель похож на притяжательное местоимение. Тем не менее, имеется и важное различие – притяжательный показатель употребляется **вместе** с полной ИГ посессора и согласуется по лицу и числу с посессором, он имеет форму 3 л. ед. ч. в примере (19) и форму 3 л. мн. ч. в примере (20). Опять же, если проводить параллель с предикативными конструкциями, то дистрибуция посессивных показателей в кпелле аналогична дистрибуции предикативных показателей в боко (9), (11).

Способность слитных посессивных форм в кпелле употребляться вместе с группой посессора дает основания предполагать, что в таких случаях мы имеем дело с аналитическим вершинным маркированием по типу тиви (ба–б). К сожалению, перестановка компонентов притяжательной группы в кпелле (как и в других языках манде) невозможна. Однако есть общетеоретическое соображение: согласование притяжательного показателя с посессором по лицу и числу свидетельствует о наличии синтаксической границы между двумя этими единицами – см.: Lehmann 1982: 227–229 о т. н. внешнем (пересекающем границы ИГ) согласовании в притяжательной конструкции.

Дополнительный аргумент в пользу нашей интерпретации состоит в том, что ИГ, выражающую обладателя, в таких конструкциях можно вообще опустить:

КПЕЛЛЕ (юго-западные манде)

- (21) *ɲwɔ́*                    *bɔ́wá-ɲàà*  
 3SG.POSS                нож-PL  
 ‘его ножи’

(Коношенко 2013а: 103–104)

Наконец, в пользу предлагаемого анализа конструкций с отчуждаемой принадлежностью в кпелле свидетельствует притяжательная конструкция с неотчуждаемой принадлежностью, где в роли обладаемого выступает термин родства:

КПЕЛЛЕ (юго-западные манде)

- (22) *Hèèhèè*    *ɲáɲ*  
 Хехе            3SG\отец  
 ‘отец Хехе’

(там же)

В (22) согласовательный показатель 3 л. ед. ч. присоединяется непосредственно к обладаемому, т. е. к вершине именной группы. Получается, что в кпелле притяжательный показатель из конструкции с отчуждаемой принадлежностью входит в парадигму вершинных маркеров.

Таким образом, в кпелле притяжательный показатель синтаксически относится именно к обладаемому, структура составляющих притяжательной группы выглядит так:

[<sub>NP</sub> NP<sub>POSS</sub> [POSS NP]].

Аналогичную структуру притяжательной группы имеет также язык мано (южные манде) (Выдрин 2006; Хачатурьян 2010).

Возникает закономерный вопрос: почему при поверхностном сходстве в разных языках манде обнаруживается различная структура составляющих? Можно предложить следующую гипотетическую модель возникновения структур с вершинным маркированием. На первом шаге такие языки имели зависимое маркирование со структурой [<sub>NP</sub> [NP<sub>POSS</sub> POSS] NP]. При такой конфигурации произошло слияние местоимений в позиции посессора с посессивным показателем, что дало парадигму посессивных местоимений по типу муан. Затем посессивные местоимения изменили свою дистрибуцию и стали употребляться вместе с полной ИГ-посессором, демонстрируя согласование. Это как раз дает структуру [<sub>NP</sub> NP<sub>POSS</sub> [POSS NP]]. Подобная грамматикализация согласования могла осуществиться через конструкции с топикализацией ИГ-посессора, как часто бывает в языках мира (Givón 1976).

#### 4. Заключение

Несмотря на постулируемое в литературе единообразии базовых синтаксических структур в манде, мы обнаружили принципиальное различие в структуре притяжательных именных групп в этих языках. Хотя во всех языках манде притяжательный показатель формально стоит между обладателем и обладаемым, в одних языках (бамана) нет оснований относить притяжательный показатель к вершине или к зависимому; в других (сусу, дан) можно предположить, что притяжательный показатель синтаксически относится к зависимому; наконец, в третьих (кпелле, мано) притяжательный показатель относится к вершине. Таким образом, в разных языках манде наблюдаются разные типы маркирования синтаксической связи в именной группе – линейное, зависимостное и вершинное маркирование.

#### Список условных сокращений

1, 3 – 1, 3 лицо; ART – артикль; ATTR – атрибутивный; DEF – определенный; EZ – изафет; F – женский род; HAB – хабитуалис; GEN – генитив; IPFV – имперфектив; L – грамматический низкий тон; M – мужской род; NEG – отрицание; PL – множественное число; POSS – посессивный показатель; PST – прошедшее время; REF – референтный; SG – единственное число.

#### Литература

- Выдрин, рук. – В. Ф. Выдрин. Восточный якуба (дан-гуэта) // Языки мира. Языки манде. Рукопись.
- Выдрин 2006 – В. Ф. Выдрин. Личные местоимения в южных языках манде // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН II, 2, 2006.
- Выдрин 2008 – В. Ф. Выдрин. Язык бамана: Учебное пособие. СПб., 2008.
- Выдрин 2010 – В. Ф. Выдрин. Еще раз о «субъектных местоимениях» в южных манде: местоимения или предикативные показатели? // В. А. Виноградов (ред.). Основы африканского языкознания: синтаксис именных и глагольных групп. М.: Academia, 2010. С. 385–400.
- Выдрина 2009 – А. В. Выдрина. Аргументная структура и актантные деривации в языке какабе. Выпускная квалификационная работа бакалавра лингвистики. СПбГУ, СПб., 2009.
- Коношенко 2013а – М. Б. Коношенко. Лично-числовое маркирование в языке кпелле: к типологии согласования по лицу и числу // Вопросы языкознания 1, 2013. С. 95–114.
- Коношенко 2013б – М. Б. Коношенко. Морфологические средства дублирования лично-числовых значений в языках манде // А. Ю. Желтов (отв. ред.). Африканский сборник-2013. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 323–339.
- Перехвальская, рук. – Е. В. Перехвальская. Язык муан // Языки мира. Языки манде. Рукопись.



- Хачатурьян 2010 – М. Л. Хачатурьян. Очерк грамматики гвинейского варианта языка ману (полевое исследование). Дипломная работа. МГУ, М., 2010.
- Bickel, Nichols 2007 – B. Bickel, J. Nichols. Inflectional Morphology // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 169–240.
- Creissels 2005 – D. Creissels. S-O-V-X constituent order and constituent order alternations in West African languages // *Berkeley Linguistics Society 31: Special session on languages of West Africa, 2005*. P. 37–51.
- Croft 1990 – W. Croft. *Typology and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Givón 1976 – T. Givón. Topic, Pronoun and Grammatical Agreement // Ch. Li (ed.). *Subject and Topic*. New York: Academic Press, 1976. P. 149–188.
- Greenberg 1963 – J. Greenberg. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // J. Greenberg (ed.). *Universals of Language*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1963. P. 58–90.
- Heine 1997 – B. Heine. *Possession: Cognitive Forces, Sources, and Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Hopkins 1987 – B. Hopkins. *Le système aspecto-modal du yaouré*. [S.I.L. – I.L.A., 7]. Abidjan, 1987.
- Kastenholz 1987 – R. Kastenholz. *Materialen zum Koranko* // *Afrikanistische Arbeitspapiere, Sondernummer*, 1987.
- Khachaturyan 2010 – M. Khachaturyan. The syntactic approach to pronominal systems in South and South-Western Mande languages // *Personal pronouns in Niger-Congo languages. International workshop. St. Petersburg, September 13–15, 2010. Abstracts and papers working materials*. St. Petersburg: Faculty of Asian and African Studies, Department of African Studies, 2010. P. 42–47.
- Lehmann 1982 – Ch. Lehmann. Universal and typological aspects of agreement // H.-J. Seiler, J. Stachowiak (eds.). *Apprehension. Das sprachliche Erfassen von Gegenständen. Vol. 2*. Tübingen: Narr, 1982.
- Nichols 1986 – J. Nichols. Head-marking and dependent-marking grammar // *Language* 62, 1, 1986. P. 56–119.
- Nichols 1988 – J. Nichols. On alienable and inalienable possession // W. Shipley (ed.). *In honor of Mary Haas*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1988. P. 475–521.
- Nichols 1992 – J. Nichols. *Linguistic Diversity in Space and Time*. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Nichols, Bickel 2005 – J. Nichols, B. Bickel. Locus of marking in possessive noun phrases // M. Haspelmath, M. S. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). *The World Atlas of Language Structures*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 102–105.
- Nikitina 2009 – T. Nikitina. The syntax of postpositional phrases in Wan, an “SOVX” language // *Studies in Language* 33, 4, 2009. P. 910–933.
- Nikitina 2011 – T. Nikitina. Categorical reanalysis and the origin of the S-O-V-X word order in Mande // *Journal of African Languages and Linguistics* 32, 2, 2011. P. 251–273.
- Noonan 1992 – M. Noonan. *Lango*. [Mouton Grammar Library 7]. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992.

- Osborne 1974 – C. R. Osborne. The Tiwi Language. [Australian Aboriginal Studies 55]. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1974.
- Prost 1976 – A. Prost. Essai de description grammaticale de la langue boko ou boussa de Segbana Dahomey. [Annales de l'Université d'Abidjan. Série H, IX], 1976. P. 143–246.
- van Rijn 2012 – M. Van Rijn. Predication and modification within the possessive noun phrase: A new approach to head/dependent marking. PhD Thesis. University of Amsterdam, Amsterdam, 2012.
- Touré 2004 – A. Touré. Parlons soso. Langue et culture du peuple de la Guinée Maritime. Paris: l'Harmattan, 2004.
- Tröbs 1998 – H. Tröbs. Funktionale Sprachbeschreibung des Jeli (West-Mande). Cologne: Rüdiger Köppe, 1998.
- Vydrin 2006 – V. Vydrin. Emergence of morphological cases in South Mande: From the amorphous type to inflectional? // L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart (eds.). Case, Valency and Transitivity. Leiden – Nijmegen: John Benjamins Publishers, 2006. P. 49–64.
- Vydrin 2009 – V. Vydrin. On the problem of the Proto-Mande homeland // Вопросы языкового родства – Journal of Language Relationship 1, 2009. С. 107–142.

**Maria Konoshenko. The morphosyntax of possessive noun phrases in Mande languages**

Mande languages show great structural uniformity concerning their basic word order. However, at a closer look it becomes clear that similar constructions differ in their syntactic structure in Mande. In this article I investigate NP structure. I argue that while all languages discussed in the article place possessive marker between the possessor and the possessee, NPs in these languages differ in their structure and consequently have different loci of marking – head, dependent or detached marking.

*Keywords:* word order, Mande, possessive NP, locus of marking, intragenetic typology.

## ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИВЫ КАК ОГРАНИЧИТЕЛИ В СИСТЕМЕ ЯПОНСКОГО ГЛАГОЛЬНОГО АСПЕКТА

Цель работы – определить функционально-семантическую компетенцию двух дейктических ограничителей, центростремительного *-te-k-* и центробежного *-te-ik-*, в системе японского глагольного аспекта. Проводится анализ того изменения функционально-семантической характеристики дейктических ориентивов в аналитических формах глагола, которое наблюдается в процессе расширения их сочетаемости со смысловыми глаголами, способствующего обогащению их семантического репертуара.

*Ключевые слова:* аналитическая перфективация, перфективация «славянского типа», ограничители, ориентив, центростремительность, центробежность, градатив, предельный глагол.

В японском языке (ЯЯ) аспектуальными показателями признаются, помимо форманта *-te-i-*, который выражает значения из аспектуального кластера инкомплетива<sup>1</sup>, три **перфективатора** или **ограничителя** (Майсак 2005: 297; Плунгян 2011: 401), под которыми понимаются аспектуальные операторы, участвующие в «акциональной модификации» (Майсак 2005: 329), обеспечивающей трансформацию неопределенных глаголов в предельные, – так называемой **перфективации** предикатов. В рамках морфемной структуры глагольной словоформы эти три ограничителя занимают порядки, предшествующие порядку, где может выступать Инкомплетив *-te-i-* или его нулевая форма (Перфектив), т. е. глагольные формы с ограничителями могут быть и Инкомплетивом, и Перфективом.

В языках мира весьма распространенными считаются случаи, когда в качестве ограничителей функционируют разнообразные пространственные модификаторы глагола, представляющие собой показатели ориентации (**ориентивы**) (Плунгян 2011: 334). Показателями глагольной ориентации могут являться аффиксы в составе глагольной словоформы, чаще всего префиксы, или аналитические элементы глагольной синтагмы (там

---

<sup>1</sup> Об аспектуальных кластерах и инкомплетиве см.: Плунгян 2011: 402–406. Автор глубоко признателен В. А. Плунгяну за ценные и полезные советы и замечания для определения данного японского аспектуального кластера.

же: 332–333). В соответствии с этими двумя типами ориентивов выделяются два типа перфективации: **перфективация «славянского типа»** с использованием деривационных аффиксов и **аналитическая перфективация** с использованием вспомогательных глаголов (Майсак 2005: 297, 322).

Последняя является основной в японской системе перфективации предикатов: Инкомплетив и три вышеупомянутых ограничителя представляют собой суффикс конверба с вспомогательными глаголами. В качестве последних в двух из трех ограничителей функционируют дейктические ориентивы: центростремительный и центробежный.

Целью настоящей работы является определить функционально-семантическую компетенцию двух дейктических ограничителей, центростремительного *-te-k-* и центробежного *-te-ik-*, в системе японского глагольного аспекта.

Сначала представим общую схему лексикализации предикатов изменения пространственного местоположения ядерных аргументов в ЯЯ.

#### 1. Глаголы перемещения<sup>2</sup>

##### **Абсолютная локализация<sup>3</sup>:**

1) Дейктически ориентированные глаголы:

*kuru*<sup>4</sup> – центростремительное перемещение;

*iku* – центробежное перемещение.

2) Гравитационные глаголы:

*agaru/ageru*<sup>5</sup> – перемещение вверх;

*sagaru/sageru* – перемещение вниз.

3) Антропоцентричные глаголы:

*susumu/susumeru* – перемещение вперед;

*kaeru/kaesu, modoru/modosu* – перемещение назад.

<sup>2</sup> Согласно терминологии В. А. Плуногяна, мы считаем целесообразным различать термины «глаголы движения» и «глаголы перемещения» в типологических исследованиях. Согласно определению автора, под первыми понимаются такие глаголы, «которые описывают ситуацию перемещения, но при этом не имеют ни одной локативной синтаксической валентности» (Плуногян 2011: 331).

<sup>3</sup> В данной классификации применяется терминология в классификации типов локализации, предложенная в Плуногян 1999: 213–215 и Плуногян 2011: 337–344.

<sup>4</sup> Глагольная лексема представляется в общепринятой словарной форме – форме на *-и*.

<sup>5</sup> Здесь и далее через косую черту приводятся декаузатив и каузатив. Японские глаголы перемещения, кроме дейктически ориентированных глаголов, составляют де-/каузативные пары.

**Относительная локализация:**

## 1) Глаголы относительной ориентации:

*hairu/ireru* – перемещение внутрь чего-л.;  
*deru/dasu* – перемещение наружу чего-л.;  
*tooru/toosu* – перемещение через (сквозь) что-л.’;  
*noru/noseru* – перемещение вверх чего-л.

## 2. Глаголы движения:

*aruku* ‘ходить, шагать’;  
*hashiru* ‘бегать’;  
*oyogu* ‘плавать (при одушевленном субъекте)’;  
*hau* ‘ползать’;  
*nagareru* ‘течь, плавать (при неодушевленном субъекте)’;  
*korogaru* ‘кататься’ / *korogasu* ‘катать’ и т. п.

Центростремительный аналитический элемент *-te-k-* образуется из суффикса конверба *-te-* и вспомогательного глагола, восходящего к глаголу центростремительного перемещения *kuru*; центробежный элемент *-te-ik-* – также из суффикса конверба *-te-* и вспомогательного глагола, восходящего к глаголу центробежного перемещения *iku*.

Как отмечает ряд японских авторов, типы значений аналитических форм с двумя дейктическими ориентивами определяются во взаимодействии с классами выступающих в них глаголов<sup>6</sup>. Для японских исследователей дискуссионным является вопрос о том, какие из типов значений следует считать аспектуальными.

В работе проводится анализ того изменения функционально-семантической характеристики дейктических ориентивов в рассматриваемых аналитических формах, которое наблюдается в процессе расширения их сочетаемости со смысловыми глаголами, способствующего обогащению их семантического репертуара.

Результаты анализа могут быть сформулированы в виде следующего вывода.

В ЯЯ дейктические ориентиры как вспомогательные глаголы становятся аспектуальными ограничителями в том случае, когда они лишаются функции дополнения предиката смыслового

---

<sup>6</sup> Классификации типов значений форм на *-te-k-* и на *-te-ik-* в соответствии с классами употребляемых в них глаголов посвящены работы, например, Yoshikawa 1976: 199–228; Morita 1977: 70–73; Teramura 1982: 156–163; Nitta 1987: 90–91, 127–130; Imani 1990: 54–65; Moriya 1995: 49–59; Suda 1995: 92–117; Yoshida 2012: 117–130.

глагола локативным аргументом. Это наблюдается на том этапе, когда их сочетаемость расширяется на все агентивные глаголы, и в силу этого их аналитические формы приобретают значение последовательности действий: действие, обозначаемое смысловым глаголом, предшествует действию перемещения, обозначаемого дейктическим вспомогательным глаголом. Согласно Т. А. Майсаку, «для перфективных конструкций аналитической перфективации характерна семантическая структура “сериализации” последовательных двух ситуаций – действия и его результата – для обозначения единой ситуации» (Майсак 2005: 321). Что касается ЯЯ, следует отметить, что рассматриваемые формы в данном значении обозначают не простую последовательность двух ситуаций ‘субъект сделал что-л. и пришел к говорящему (или ушел от последнего)’. Как замечает Ё. Суда (Suda 1995: 109–115), в данном значении уже можно усмотреть аспектуальность – перфектность, поскольку главная функция дейктических ограничителей заключается здесь не в пространственном дейктическом указании на завершение обозначенной серии ситуаций, а в указании на временную дейктичность ситуации, обозначаемой смысловым глаголом, иными словами, в обозначении ее значимости в момент речи, т. е. перфектности.

В дальнейшем сочетаемость дейктических ограничителей расширяется на неагентивные глаголы, что позволяет ограничителям занять немаловажное место в системе первичного аспекта<sup>7</sup> ЯЯ. В частности, особое значение имеет то, что данные ограничители приобрели способность сочетаться с сильными инцептивно-стативными<sup>8</sup> интранзитивными глаголами, в том числе декаузативами<sup>9</sup>. Инкомплетив сильных инцептивно-стативных глаголов обозначает результирующее состояние, в силу чего грамматическая категория аспекта ЯЯ сама по себе оказывается не способной вставить окно наблюдения в процесс «постепенного развития в направлении накопления результата» (Майсак 2005: 364). Этот процесс, свернутый Перфективом в событие, может быть развернут при помощи дейктических ограничителей. Тем самым в ЯЯ порождается глагольный класс **градативов**.

Термин «градатив» ввела в русскую аспектологию Е. В. Падучева применительно к классу глаголов, впервые выделенному

<sup>7</sup> О первичном и вторичном аспектах см.: Плунгян 2011: 382–402.

<sup>8</sup> О номенклатуре акциональных классов см.: Татевосов 2010.

<sup>9</sup> О лексических де-/каузативах в японской системе глагольного аспекта см.: Конума 2011.

М. Я. Гловинской (Гловинская 1982). Под градативом Е. В. Падучева понимает «глагол, семантически мотивированный сравнительной степенью прилагательного» (Падучева 1996: 117). Данный класс оба автора считают аспектуально релевантным, поскольку расценивают его СВ как непредельный глагол (Гловинская 1982: 9). А. В. Бондарко, защищая трактовку, в соответствии с которой предел является универсальным свойством значения СВ, усматривает в семантике глаголов СВ данного класса **относительную предельность** (Бондарко 1986: 17).

Предполагается, что класс градативов является релевантным и типологически. Далеко не все имперфективные кластеры в языках мира способны обозначать подготовительный к появлению нового состояния процесс количественного накопления признака, хотя с когнитивной точки зрения кажется вполне естественным, чтобы язык маркировал его тем или иным способом. Именно данное аспектуальное значение Т. А. Майсак выделяет как **градативное** на основании того, что «практически все приводимые в описаниях примеры использования конструкций с ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ имеют именно градативный оттенок значения» (Майсак 2005: 364). Этими же конструкциями в ЯЯ маркируется класс градативов. В русском же он маркируется «сдвигом» (Падучева 1996: 117) в рамках семантики СВ.

### Литература

- Бондарко 1986 – А. В. Бондарко. Семантика предела // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 14–25.
- Гловинская 1982 – М. Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
- Конума 2011 – Ю. Конума. Понятие суперлексемы и аспектуальная характеристика японского глагола // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 67–89.
- Майсак 2005 – Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Падучева 1996 – Е. В. Падучева. Семантические исследования. (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996.
- Плунгян 1999 – В. А. Плунгян. К типологии глагольной ориентации // Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский (отв. ред.). Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 205–223.
- Плунгян 2011 – В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

- Татевосов 2010 – С. Г. Татевосов. Акциональность в лексике и грамматике. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. МГУ, М., 2010.
- Imani 1990 – I. Imani. V-tekuru to V-teiku ni-tsuite // Nihonogo-gaku 9–5. Tokyo, 1990. P. 54–65.
- Morita 1977 – Y. Morita. Kiso-nihongo. Tokyo, 1977.
- Moriya 1995 – M. Moriya. “Dooshi-te-gata” no renyoo-kinoo to matsubi-dooshi to no sookan. “Shitekuru” o rei ni // Nihongo nihonbungaku 5, 1995. P. 49–59.
- Nitta 1987 – Y. Nitta. Tensu, asupekuto no bunpoo // Sohuto-uea-bunsho no-tame no nihongo shori no kensyuu 8, 1987. P. 49–133.
- Suda 1995 – Y. Suda. “Shitekuru” to “shiteiku” // Nihongo no kenkyuu to kyooiku, 1995. P. 92–117.
- Teramura 1982 – H. Teramura. Nihongo no shintakusu to imi. II. Tokyo, 1982.
- Yoshida 2012 – T. Yoshida. Nihongo-dooshi te-gata no asupekuto. Kyoto, 2012.
- Yoshikawa 1976 – T. Yoshikawa. Gendai-nihongo-dooshi no asupekuto no kenkyuu // H. Kindaichi (ed.). Nihongo-dooshi no asupekuto. Tokyo, 1976. P. 155–327.

**Yu. Konuma. Deictic orientives as the bounders in the Japanese system of verb aspect**

The paper aims to determine functional and semantic competence of the two deictic bounders, centripetal and centrifugal, in the system of Japanese verbal aspects. We carry out the analysis of changes of the functional and semantic characteristics of the deictic orientives in analytical verbal forms. These changes occur in the process of expanding compatibility of the orientives with nominal verbs, contributing to the enrichment of their semantic repertoire.

*Keywords:* analytical perfectivation, Slavic-style perfectivation, bounders, orientive, centripetal, centrifugal, gradative.



М. И. Кудринский, Д. П. Попова, А. П. Симоненко

## **ФОКУСНЫЕ ЧАСТИЦЫ В КАЗЫМСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА: анализ приименных употреблений<sup>1</sup>**

Данная работа посвящена анализу приименных употреблений фокусных частиц *pa* и *s'i* в хантыйском языке. Нам удалось показать, что в основе как аддитивной, так и контрастивной фокусной семантики лежат анафорические отношения между выражением, маркированным фокусной частицей, и некоторым другим выражением, входящим в контекст. Различная поверхностная семантика именных групп, в состав которых входят аддитивная или контрастивная фокусная частица, возникает в результате того, в отношении какого свойства устанавливается анафорическая связь. Мы предложили рассматривать выбор свойства, определяющего анафорическое отношение, как различные стратегии заполнения аргумента-свойства функций, денотируемых частицами.

*Ключевые слова:* фокусные частицы, синтаксис имени, информационная структура, хантыйский язык.

### **1. Введение**

Данная работа посвящена анализу приименных употреблений фокусных частиц *pa* и *s'i* в тегинском говоре казымского диалекта хантыйского языка. Исследование построено на данных, полученных авторами в ходе лингвистической экспедиции МГУ имени М. В. Ломоносова 2012 г. в село Теги (Березовский район Ханты-Мансийского автономного округа).

### **2. Общая характеристика *pa* и *s'i***

Частицы *pa* и *s'i* могут быть как проклитиками, так и энклитиками, являясь при этом как частью именной группы, так и глагольного комплекса. Мы ограничимся рассмотрением приименных употреблений *pa* и *s'i*.

Традиционно, проклитическим и энклитическим употреблениям *pa* и *s'i* приписываются различные лексические значения (Nikolaeva 1999). Проклитика *pa* переводится как 'еще один, другой' (1), энклитика *pa* получает значение 'тоже' (2). Когда *s'i* употребляется проклитически, частица передает значение

---

<sup>1</sup> Исследование поддержано грантом РФФИ № 13-06-00884а.

указательного местоимения ‘тот’ (3). В энклитических контекстах *s’i* приобретает значение маркера контрастивного фокуса, которое приблизительно может быть переведено как ‘именно’ или ‘только’ (4).

- (1) *Petja pa = vuli vet-s.*  
 Петя ADD=олень убить-PST  
 ‘Петя убил еще одного/другого оленя’.
- (2) *Petja = pa vuli vet-s.*  
 Петя=ADD олень убить-PST  
 ‘Петя тоже убил оленя’.
- (3) *Petja s’i = vuli-ət vet-s-ətte.*  
 Петя FOC=олень-3SG убить-PST-3SG.SG  
 ‘Петя того оленя убил’.
- (4) *Petja vuli = s’i vet-s.*  
 Петя олень=FOC убить-PST  
 {«Петя убил оленя или зайца?»} ‘Петя убил **оленя**’.

Мы анализируем *pa* и *s’i* как фокусные частицы с аддитивной и контрастивной семантикой соответственно. Мы предлагаем параллельный анализ для пре- и пост-именных употреблений *pa* и *s’i*, а различия в семантике связанные с линейной позицией рассматриваем как результат взаимодействия собственно значения фокусной частицы и ее структурной позиции внутри расширенной проекции именной группы.

### 3. *Pa*: вершина проекции аддитивного фокуса

Ниже мы показываем, что частица *pa* выражает значение аддитивного фокуса, что соответствует переводу словом «тоже» в описательных грамматиках. Вслед за работой Krifka 1998, мы определяем аддитивное фокусное значение как ввод пресуппозиции, что отношение или свойство, которое приписывается предикатом *f*-маркированному выражению (Rooth 1992, в нашем случае именная группа с фокусным показателем), верно также по крайней мере для одного элемента из множества возможных альтернатив.

Мы утверждаем, что синтаксически *pa* реализует функциональную вершину AdFoc в левой периферии расширенной проекции именной группы. В частности, *pa* находится выше модификаторов-прилагательных, (5)–(6).

- (5) *Petja pa = novi vuŋi veŋ-s.*  
 Петя ADD=белый олень убить-PST  
 ‘Петя убил еще одного/другого белого оленя’.
- (6) \**Petja novi pa = vuŋi veŋ-s.*  
 Петя белый ADD=олень убить-PST  
 Ожид.: ‘Петя убил еще одного/другого белого оленя’.

Мы предлагаем анализ, при котором семантика частицы *pa* рассматривается как зависимая от анафорического контекста. *pa* вводит контекстно-зависимую функцию с двумя аргументами:

$$(7) \quad [[pa]]^c = \lambda C . \lambda x : \exists y [y \in f(c) \ \& \ C(y) \ \& \ y \neq x] . C(x)$$

где  $C$  – свойство,  $x$  – объект (entity), и  $f$  – функция, возвращающая множество объектов, упомянутых в анафорическом контексте  $c$ . Функция в (7) принимает значение ‘истина’ в том случае, если объект  $x$  обладает свойством  $C$ . Аддитивная семантика появляется за счет пресуппозиции, что при этом существует и другой объект  $y$  (один или больше), являющийся членом множества элементов контекста и обладающий тем же свойством  $C$ . Множество объектов, известных из анафорического контекста и обладающих искомым свойством  $C$  мы будем называть аддитивным множеством (в противоположность альтернативному множеству, о котором речь пойдет при обсуждении  $s'i$ ).

Различные значения, *pa* как ‘еще один, другой’ и *pa* как ‘тоже’, являются результатом того, какой предикат – именной или глагольной – задает аддитивное множество. Этот же фактор обуславливает структурную позицию вершинного имени по отношению к фокусной вершине AdFoc. Выбор же именного или глагольного свойства, в свою очередь, зависит от того, существует ли анафорически известный объект с данным свойством, отличный от рассматриваемого референта.

В случае препозитивного употребления позиция аргумента  $C$  заполняется свойством, которое обозначает группа числительного (NumP), тогда как аргумент  $x$  связывается квантором существования. Это возможно только в том случае, если в предшествующем контексте присутствует по крайней мере один другой объект, обладающий свойством  $C$ .

Таким образом, в предложении (1) именная группа получает следующую интерпретацию: «существует объект, принадлежащий множеству оленей, при том, что в контексте существует другой объект из множества оленей».

В том случае, когда выражение в составе NumP обозначает свойство, которым не обладает ни один другой объект, принадлежащая анафорическому контексту, кроме *x*, NumP подвергается передвижению в спецификатор AdFoc, чтобы не нарушалась пресуппозиция существования по крайней мере одного члена аддитивного множества для AdF-маркированного выражения. Таким образом, *pa* оказывается в постпозиции к NumP. Аргумент *C* при этом получает свое значение от глагольного предиката.

Например, в (2), где глагольный предикат становится одним из аргументов *pa*-функции (аддитивное множество соответствует объектам из анафорического контекста со свойством, задаваемым глагольным предикатом), выражение с *pa* получает следующую интерпретацию: «Петя убил оленя, и существует по крайней мере еще один объект во множестве объектов анафорического контекста, также убивший оленя».

#### 4. *S'i*: вершина контрастивного фокуса

Частица *s'i* выражает значение контрастивного фокуса. Вслед за работой Rooth 1992, мы считаем, что контрастивный фокус указывает на то, что отношение или свойство, которое приписывается предикатом *f*-маркированному выражению, верно только для этого выражения, и неверно для остальных выражений из множества возможных альтернатив.

Анализ поведения частицы *s'i* параллелен тому, что мы предложили для частицы *pa* выше.

Частица *s'i* является функциональной вершиной FocP на левой периферии расширенной проекции именной группы (выше, чем прочие модификаторы (8)–(9)).

(8) *Petja s'i = novi vuli-ət vet-s-ətte.*  
 Петя FOC=белый олень-3SG убить-PST-3SG.SG  
 'Петя этого белого оленя убил'.

(9) \**Petja novi s'i = vuli-ət vet-s-ətte.*  
 Петя белый FOC=олень-3SG убить-PST-3SG.SG  
 Ожид.: 'Петя этого белого оленя убил'.

Значение *s'i* зеркально отличается от значения *pa*: тогда как *pa* маркирует существование в анафорическом контексте множества с некоторым релевантным признаком (который задается либо именным, либо глагольным предикатом) и которым обладает референт *pa*-маркированного выражения, *s'i*, напротив,

маркирует отсутствие в анафорическом контексте множества с релевантным признаком (который точно так же может задаваться именным или глагольным предикатом).

На более формальном уровне, семантика  $s'i$  содержит ассерцию о существовании объекта  $x$ , обладающего свойством  $C$ , и вводит пресуппозицию, что среди всего множества объектов, упомянутых в контексте, нет объекта  $y$ , который был бы отличен от объекта  $x$  и обладал бы свойством  $C$ :

$$(10) \quad [[s'i]]^c = \lambda C . \lambda x : \neg \exists y [y \in f(c) \ \& \ C(y) \ \& \ y \neq x] . C(x)$$

В случае препозитивного употребления  $s'i$  в предшествующем контексте не должно присутствовать ни одного объекта, обладающего свойством, обозначаемым NumP, кроме того объекта  $x$ , что является денотатом именной группы с  $s'i$ . В свою очередь, это служит причиной прагматического эффекта определенности, который возникает при проклитических употреблениях  $s'i$ .

Например, в предложении (3) именная группа имеет следующее значение: «существует объект, принадлежащий множеству оленей, причем кроме этого объекта в предшествующем контексте нет других объектов, принадлежащих этому множеству».

В случае наличия в анафорическом контексте объекта с релевантным свойством происходит перемещение NumP в позицию спецификатора фокусной вершины. Таким образом, как и в случае с частицей *pa*, структурная позиция имени по отношению к частице меняется из-за невозможности удовлетворить пресуппозицию, вводимую  $s'i$ .

В случае постпозитивного употребления  $s'i$  аргумент  $C$  получает свое значение из глагольного предиката. Таким образом, предложение (4) получает следующую интерпретацию: «существует объект, являющийся оленем, для которого верно, что его убил Петя, причем ни для какого другого объекта, входящего во множество объектов анафорического контекста, не верно, что его убил Петя».

## 5. Выводы

Нам удалось показать, что в основе как аддитивной, так и контрастивной фокусной семантики лежат анафорические отношения между выражением, маркированным фокусной частицей, и некоторым другим выражением, входящим в контекст. Различная поверхностная семантика именных групп, в состав которых входят аддитивная или контрастивная фокусная

частица, возникает в результате того, в отношении какого свойства устанавливается анафорическая связь. Мы предложили рассматривать выбор свойства, определяющего анафорическое отношение, как различные стратегии заполнения аргумента-свойства функций, денотируемых частицами.

### Список условных сокращений

3 – 3 лицо; ADD – аддитивный фокус; FOC – контрастивный фокус; PST – прошедшее время; SG – единственное число.

### Литература

- Krifka 1998 – M. Krifka. Additive particles under stress // D. Strolovich, A. Lawson (eds.). Proceedings of SALT VIII, MIT, 8–10 May 1998. Ithaca, New York: Cornell University, 1998. P. 111–123.
- Nikolaeva 1999 – I. Nikolaeva. Ostyak. München – Newcastle: LINCOM Europa, 1999.
- Rooth 1992 – M. Rooth. A theory of focus interpretation // Natural Language Semantics 1, 1992. P. 117–121.

### **M. Kudrinskii, D. Popova, A. Simonenko. Focus particles in Kazym Khanty: nominal domain**

This paper is dedicated to the analysis of the distribution of Khanty focus particles *pa* and *s'i* in the nominal domain. We show that the basis of additive as well as contrastive focus semantics are anaphoric relations between the f-marked constituent and another constituent present in the context. Different surface readings of NPs with additive or contrastive focus particles are due to the choice of the property on which the anaphorical relation is based. We propose to model the choice of this property as different strategies of filling the property-type argument position of the functions, denoted by these particles.

*Keywords:* focus particles, nominal domain, information structure, Khanty.

## **К ОРГАНИЗАЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ПАРАДИГМ: КОНТЕКСТНАЯ АЛЛОМОРФИЯ И КУМУЛЯЦИЯ**

В глагольной парадигме некоторых языков представлены несколько наборов лично-числовых флексий, варьирующихся в зависимости от грамматического контекста. В данной работе предлагается типологическое исследование этого явления, которое мы называем контекстной алломорфией. Контекстная алломорфия лично-числовых показателей глагола обнаруживается в 32 из 48 отобранных языков, в которых теоретически могло возникнуть это явление. Контекстная алломорфия неразрывно связана с кумуляцией и множественной манифестацией, а также обнаруживает корреляции с наличием спряжений в языке. Мы предлагаем рассматривать кумуляцию как градуальное явление и располагаем исследуемые языки на «кумуляционном континууме» в соответствии со степенью кумуляции лично-числовых показателей глагола.

*Ключевые слова:* парадигмы, алломорфия, кумуляция, типология

### **1. Введение**

Важнейшая проблема современной морфологии состоит в том, чтобы описать и объяснить отклонения от принципа одно-однозначного соответствия на уровне словоформы<sup>1</sup>. Именно решение этой задачи проводит водораздел между современными элементно-комбинаторными и словесно-парадигматическими моделями. Если первые стремятся описать морфологию как часть синтаксиса, представляя морфемы в виде узлов синтаксического дерева, то последние настаивают на том, что морфология является отдельным уровнем языка, подчиняющимся своеобразным законам и требующим специальных методов описания.

В Aronoff 1994 было предложено взглянуть под новым углом зрения на хорошо известные особенности словоизменения в

---

<sup>1</sup> Принцип одно-однозначного соответствия (впервые описан Гумбольдтом) предполагает, что каждой форме соответствует одно и только одно значение, а каждому значению – одна и только одна форма. На уровне морфологии это означает, что каждое грамматическое значение выражается специальной морфемой. Гумбольдт, а вслед за ним сторонники теории Естественной морфологии, считали такую организацию «естественной» для языка (см., напр., Dressler (ed.) 1987).

языках мира. Наиболее цитируемый пример в книге – основа супина латинского глагола, которая служит также для образования страдательного причастия прошедшего времени и активного футурального причастия. У каждой глагольной лексемы все три указанные формы имеют одинаковую основу, даже если она супплетивна по отношению к основам инфекта и перфекта: ср. формы *laudātum, laudātus, laudāturus* глагола *laudō* ‘хвалить’; *lātum, lātus, lāturus* глагола *ferō* ‘нести’. Такое совпадение не может быть результатом фонетических процессов, однако синтаксической или семантической общностью его объяснить также нельзя (см. Aronoff 1994: 29). М. Аронов обнаружил аналогичные явления во многих языках и пришел к неожиданному выводу: раз какие-то элементы парадигм демонстрируют устойчивую связь без видимых на то оснований, значит, имеется особый уровень языка, на котором эти элементы представляют собой единую сущность. Эта сущность получила название «морфома». М. Аронов утверждал, что именно на морфомном уровне находится «чистая морфология», которая не подчиняется законам синтаксиса, семантики или фонетики.

В последнее десятилетие было предложено несколько формальных словесно-парадигматических моделей (Stump 2001; Brown, Hippisley 2012; Stump, Finkel 2013). Кроме того, в последние годы появилось много работ по типологии таких парадигматических явлений как синкретизм (Baerman et al. 2005), супплетивизм (Veselinova 2006) и т. п. Авторы, работающие в этой области, ставят перед собой задачу открыть и описать законы «независимой морфологии», особого уровня языка. Одним из ярких примеров «независимой морфологии» они считают тот факт, что для многих языков мира характерно наличие нескольких флективных классов (Brown, Chumakina 2012). Действительно, представляется удивительным, что у разных лексем клетки одной парадигмы могут иметь разное оформление без всякой видимой причины – потому лишь, что данные лексемы принадлежат к разным словоизменительным классам. Так, например, обстоит дело с показателем имперфекта в испанском языке.

Таблица 1. Испанский язык, 1PLIMPERF	
I спряжение	II спряжение
<i>cant-ába-mos</i>	<i>com-ía-mos</i>
‘мы пели’	‘мы ели’



Все подобные парадигматические особенности, получающие типологическое или формальное описание, представляют собой те или иные отклонения от принципа одно-однозначного соответствия. В Carstairs 1987 такие отклонения были расклассифицированы по четырем типам:

1. Одно-многозначное соответствие на синтагматическом уровне (множественная манифестация): *pusiste* (исп. ‘ты положил’), где значение претерита передается основой и специальным окончанием.

2. Одно-многозначное соответствие на парадигматическом уровне (словоизменительные классы, алломорфия): спряжения и склонения в языках мира.

3. Много-однозначное соответствие на синтагматическом уровне (кумуляция): в форме *terrārum* (лат. ‘земель’) окончание *-ārum* передает значение двух категорий: падежа (генитива) и числа (множественного).

4. Много-однозначное соответствие на парадигматическом уровне (синкретизм): слово *terrae* может иметь грамматические признаки <GENSG> или <NOMPL>.

Принято считать, что все типы в той или иной степени характерны для так называемых флективных (или фузионных) языков, в то время как языки агглютинативного строя демонстрируют близкую к идеальной одно-однозначную картину. Тем не менее, на наш взгляд, необходимо производить более тонкий анализ морфологического строя языков. Следует рассматривать каждый из типов отклонения по отдельности, а затем установить корреляции между ними. Так, при первом приближении кажется, что корреляция между кумуляцией и наличием словоизменительных классов действительно очень высока. Между тем, есть тип алломорфии, который, как представляется, скорее следует искать в языках агглютинативного строя. Это так называемая контекстная алломорфия<sup>2</sup> – вариация словоизменительных показателей у словоформ одной лексемы в зависимости от грамматического контекста.

Возьмем, к примеру, спряжение в турецком языке. Турецкий глагол располагает двумя наборами лично-числовых флексий:

---

<sup>2</sup> Термин «контекстная алломорфия» (contextual allomorphy) употребляют в основном западные исследователи (Bobaljik 2002). В литературе на русском языке иногда встречаются термины «грамматическая синонимия», «синонимия морфем». И. А. Мельчук предлагал использовать термин «грамматический супплетивизм» (Mel'chuk 1976).

один употребляется в претерите и в кондиционалисе, другой – во всех остальных случаях:

Таблица 2. Турецкий язык<sup>3</sup>, ‘писать’

презенс	претерит
<i>yazarım</i>	<i>yazdım</i>
<i>yazarsın</i>	<i>yazdın</i>
<i>yazar</i>	<i>yazdı</i>
<i>yazarız</i>	<i>yazdık</i>
<i>yazarsınız</i>	<i>yazdınız</i>
<i>yazarlar</i>	<i>yazdılar</i>

(Кононов 1956)

Таким образом, турецкий демонстрирует отклонение типа 2 – множественное выражение одного значения. Это противоречит распространенному представлению об устройстве агглютинативных форм, согласно которому «агглютинативные аффиксы стандартны: для выражения данного грамматического значения всегда употребляется данный аффикс, для флективных же аффиксов типична синонимия» (Касевич 1977: 53).

Сравнивая алломорфы показателей 2SG в латинских формах *amā-s* ‘ты любишь’ и *amā-vi-stī* ‘ты любил’, Э. Карстейрз (Carstairs 1987: 150) указывает, что показатель *-stī* может считаться кумулятивным. Действительно, по одному этому окончанию можно определить не только лицо, но и видо-временные характеристики формы – оно как бы дублирует значение перфекта, выраженное суффиксом *-vi-* (существует синонимичная синкопированная форма *amāstī*, которую Э. Карстейрз не рассматривает). Тем не менее, далее автор предлагает считать единственным экспонентом видо-временного значения суффикс *-vi-*, оставив за окончанием *-stī* только значение лица. Согласно Э. Карстейрзу, во всех случаях, когда мы можем выделить показатель ТАМ (вида/времени/модальности), употребляемый и с другими лицами, любые вариации показателя лица представляют собой чистую алломорфию. Поскольку суффикс *-vi-* можно найти во всех формах перфекта (1SG *amāvī*, 3SG *amāvit*, 1PL *amāvimus...*), он полностью берет на себя функции маркера

<sup>3</sup> Здесь и далее, если специально не указано иное, мы будем приводить формы субпарадигм в стандартной последовательности: 1SG, 2SG, 3SG, (1PL, 2PL, 3PL).

ТАМ; вследствие этого *-stī* считается только показателем лица<sup>4</sup>, алломорфичным показателю *-s* в презенсе.

Подобный анализ вполне подходил для задач Карстейрза, однако, на наш взгляд, его нельзя считать универсальным. Очевидно, что окончание *-stī* говорит о видо-временных характеристиках формы не меньше, чем суффикс *-vi-*. Более того, флексии лица в турецком языке также несут в себе некоторую информацию о ТАМ, хотя и не такую точную. Показатель 2PL *-k* означает, что словоформа относится к субпарадигме претерита или кондиционала; показатель 2PL *-iz*, напротив, означает, что словоформа **не** относится к этим субпарадигмам. Подобное взаимодействие мы предлагаем называть слабой кумуляцией.

Как можно заметить, контекстная алломорфия включает в себя сразу три типа отклонений от принципа одно-однозначного соответствия:

а) одно-многозначное соответствие на синтагматическом уровне, или множественная манифестация: видо-временное значение выражается с помощью суффикса и в некоторой степени с помощью окончания;

б) одно-многозначное соответствие на парадигматическом уровне: показатель имеет разное выражение в разных контекстах;

в) много-однозначное соответствие на синтагматическом уровне, или кумуляция: флексии передают значения категории лица/числа и сообщают некоторую информацию о видо-временном значении формы.

В нашем исследовании, посвященном типологии контекстной алломорфии, мы постараемся не упускать из виду многообразие этого явления.

## 2. Типология контекстной алломорфии

До настоящего времени не был дан ответ на вопрос, насколько распространена контекстная алломорфия и каковы ее вариации в языках мира. Цель данной работы – приблизиться к этому ответу, опираясь на материал сравнительно небольшой выборки языков (всего 51 язык).

---

<sup>4</sup> Рассуждения Карстейрза более абстрактны. Он говорит о «контекстных категориях», которые влияют на появление алломорфов, и дает определение «чистой сенситивности» (*pure sensitivity*), то есть вариаций некумулятивных алломорфов в зависимости от значения контекстных категорий.

Чтобы мы могли сравнить показатели лица/числа в разных грамматических контекстах, мы разбиваем глагольную парадигму на субпарадигмы (СП) – наборы словоформ, которые отличаются по лицу/числу (/роду), при том, что значения ТАМ остаются неизменными.

Контекстная алломорфия может возникнуть только в том случае, если в глагольном спряжении имеется как минимум две синтетических СП, изменяющихся по лицу/числу субъекта. Поэтому для нашего исследования не представляют интереса, например, такие языки как русский, хинди, японский, чеченский и т. п.

На данном этапе была рассмотрена только алломорфия субъектных показателей. Признавая, что алломорфия показателей прочих аргументов также должна быть изучена, в первом исследовании по данной теме мы были вынуждены ограничить круг рассматриваемых проблем.

Итак, в исследование были включены следующие языки:

- индоевропейские (18): албанский (Newmark et al. 1982), бретонский (Nemon 2007), греческий (Holton, Mackridge 2002), исландский (Einarsson 1949), испанский, итальянский, кашмирский (Koul, Wali 2006), курдский (Курдоев 1957), латышский (Fennel, Gelsen 1980), литовский (Matthiasen 1996), македонский (Lunt 1952), немецкий, осетинский (Ахвледиани (ред.) 1963), персидский (Mace 2003), польский (Swan 2002), пушту (Tegey, Robson 1996), румынский (Лухт, Нарумов 2001), таджикский (Арзуманов, Сангинов 1988);
- уральские (12): венгерский (Kenesei et al. 1998), камасинский (Simoncsics 1998), коми-пермяцкий (Riese 1998), мансийский (Keresztes 1998), марийский (Kangasmaa-Minn 1998), мордовский (Zaicz 1998), нганасанский (Helimsky 1998a), ненецкий (Salminen 1998), саамский (Sammallahti 1998), селькупский (Helimsky 1998b), финский (Karlsson 1999), эстонский (Viitso 1998) (12);
- тюркские (5): азербайджанский (Ширалиев, Севортян (ред.) 1971), башкирский (Юлдашев (ред.) 1981), татарский (Закиев и др. (ред.) 1993), турецкий (Кононов 1956; Göksel, Kerslake 2005), чувашский (Андреев 1997) (5);
- тунгусо-маньчжурские (2): нанайский (Аврорин 1959), эвенкийский (Nedjalkov 1997) (2);
- абхазо-адыгские (2): адыгейский (Аркадьев и др. 2009), абхазский (Hewitt 1979);
- дравидийские (2): тамильский (Schiffman 1999), телугу (Krishnamurti, Gwynn 1985);

- семитские (2): арабский (Гранде 1963; Ryding 2005), иврит (Glinert 1991);
- картвельские: грузинский (Руденко 1940);
- банту (3): зулу (Охотина 1961), суахили (Thompson, Schleicher 2006), луба (Kabuta 2008–2009);
- баскский;
- юкагирский (Maslova 2002);
- чукотский (Dunn 1999).

Формы каждой СП мы разбиваем на «базу» и «остаток» (терминология Г. Стампа, см. Stump, Finkel 2013). Приведенные выше турецкие СП будут выглядеть следующим образом:

Таблица 3. Турецкий язык

презенс	претерит
<i>yazar-<b>ım</b></i>	<i>yazdı-<b>m</b></i>
<i>yazar-<b>sın</b></i>	<i>yazdı-<b>n</b></i>
<i>yazar-<b>Ø</b></i>	<i>yazdı-<b>Ø</b></i>
<i>yazar-<b>ız</b></i>	<i>yazdı-<b>k</b></i>
<i>yazar-<b>sınız</b></i>	<i>yazdı-<b>niz</b></i>
<i>yazar-<b>lar</b></i>	<i>yazdı-<b>lar</b></i>

Как видно, «базы» двух СП различны; кроме того, в них мы можем выделить общую часть – корень *yaz-*. Здесь вполне уместен классический элементно-комбинаторный анализ, согласно которому корень отвечает за лексическое значение, а суффиксы *-ar-* и *-dı-* – за значение ТАМ (которое отличает одну парадигму от другой). Таким образом, ‘остаток’ маркирует значение лица/числа во всех турецких СП.

На наш взгляд, значение ТАМ может выражаться кумулятивно не только со значениями лица/числа но и с лексическим значением. Поэтому если в СП нет специального суффикса ТАМ, но при этом базы различаются, например, гласными основы, мы все равно считаем, что в базах маркируются значения ТАМ. Так выглядит, например, спряжение немецкого глагола *werden* ‘становиться’.

Таблица 4. Немецкий язык

претерит	конъюнктив	претерит конъюнкт.
<i>wurde-<b>Ø</b></i>	<i>werde-<b>Ø</b></i>	<i>würde-<b>Ø</b></i>
<i>wurde-<b>st</b></i>	<i>werde-<b>st</b></i>	<i>würde-<b>st</b></i>
<i>wurde-<b>Ø</b></i>	<i>werde-<b>Ø</b></i>	<i>würde-<b>Ø</b></i>

Три приведенные СП отличаются значениями ТАМ и гласными основ *wurde*, *werde* и *würde*. Соответственно, в этих СП база-основа кумулятивно выражает лексическое значение и значение ТАМ, в то время как остаток выражает значение лица/числа.

Существуют языки, в спряжении которых одна основа фигурирует в нескольких СП. В таких случаях необходимо признать, что «остаток» кумулятивно выражает значения лица/числа и ТАМ. Таково арабское спряжение.

Таблица 5. Литературный арабский язык, ‘писать’

	перфект	имперфект	субъюнктив
1SG	<i>katab-tu</i>	<i>'a-ktub-u</i>	<i>'a-ktub-a</i>
2SG M	<i>katab-ta</i>	<i>ta-ktub-u</i>	<i>ta-ktub-a</i>
2SG F	<i>katab-ti</i>	<i>ta-ktub-īna</i>	<i>ta-ktub-ī</i>
3SG M	<i>katab-a</i>	<i>ya-ktub-u</i>	<i>ya-ktub-a</i>
3SG F	<i>katab-at</i>	<i>ta-ktub-u</i>	<i>ta-ktub-a</i>

(Ryding 2005; Abu-Chacra 2007)

В арабском языке основа *-ktub-* в сочетании с различными наборами флексий используется во всех СП, кроме перфекта. Сама по себе основа сообщает нам некую информацию о грамматических характеристиках формы: мы знаем, что форма с основой *-ktub-* не может иметь значение перфекта. Однако, чтобы сделать выбор между имперфектом и субъюнктивом, необходимо дальнейшее уточнение, которое выполняют наборы флексий. Таким образом оказывается, что флексии СП имперфекта и субъюнктива кумулятивно выражают значения числа/лица и ТАМ. В таком случае мы не можем говорить о контекстной алломорфии: поскольку наборы флексий кумулятивно выражают ТАМ, в разных СП они неизбежно будут разными.

Сильная кумуляция наблюдается в нескольких СП бретонского языка.

Таблица 6. Бретонский язык, ‘писать’

презенс	имперфект	претерит
<i>skriv-an</i>	<i>skrive-n</i>	<i>skriv-is</i>
<i>skriv-ez</i>	<i>skrive-s</i>	<i>skrivj-out</i>
<i>skriv-Ø</i>	<i>skrive-Ø</i>	<i>skriv-as</i>

футурум	кондиционал	кондиционал II
<i>skriv-in</i>	<i>skrivfe-n</i>	<i>skrivje-n</i>
<i>skriv-i</i>	<i>skrivfe-s</i>	<i>skrivje-s</i>
<i>skriv-o</i>	<i>skrivfe-Ø</i>	<i>skrivje-Ø</i>

(Hemon 2007)

Презенс, претерит и футурум в бретонском языке имеют одинаковую базу – основу *skriv-*. Следовательно, окончания этих СП являются сильно-кумулятивными. Напротив, имперфект и два кондиционала имеют линейные показатели, а потому флексии этих СП теоретически могли бы демонстрировать контекстную алломорфию (однако в реальности наборы флексий в этих СП совпадают).

В тех случаях, когда в языке есть несколько спряжений с различной организацией флексии мы учитывали то спряжение, в котором обнаруживалась максимальная вариативность алломорфов. К примеру, в румынском языке (см. Табл. 7) первое спряжение демонстрирует кумулятивную систему: основы *cant* и *cânta* каждая используются в двух СП (СП плюсквамперфекта имеет суффикс ТАМ, но его уникальный набор окончаний не с чем сопоставить). В прочих румынских спряжениях кумулятивны только СП презенса и конъюнктива, а в остальных СП видо-временные значения полностью выражает основа.

Помимо арабского, кумулятивными флексиями во всех клетках парадигмы обладают греческий и латышский.

Таблица 7. Румынский язык, ‘петь’, ‘делать’

презенс	конъюнкт.	имперфект	претерит	плюсквамперф.
<i>cânt-Ø</i>	<i>cânt-Ø</i>	<i>cânta-m</i>	<i>cânta-i</i>	<i>cântase-m</i>
<i>cânt-i</i>	<i>cânt-i</i>	<i>cânta-i</i>	<i>cânta-și</i>	<i>cântase-și</i>
<i>cânt-ă</i>	<i>cânt-e</i>	<i>cânta-Ø</i>	<i>cântă-Ø</i>	<i>cântase-Ø</i>
<i>cânt-ăm</i>	<i>cânt-ăm</i>	<i>cânta-m</i>	<i>cânta-răm</i>	<i>cântase-răm</i>
<i>cânt-ați</i>	<i>cânt-ați</i>	<i>cânta-ți</i>	<i>cânta-răți</i>	<i>cântase-răți</i>
<i>cânt-ă</i>	<i>cânt-e</i>	<i>cânta-u</i>	<i>cânta-ra</i>	<i>cântase-ră</i>
<i>fac-Ø</i>	<i>fac-Ø</i>	<i>făcea-m</i>	<i>făcu-i</i>	<i>făcuse-m</i>
<i>fac-i</i>	<i>fac-i</i>	<i>făcea-i</i>	<i>făcu-și</i>	<i>făcuse-și</i>
<i>fac-e</i>	<i>fac-ă</i>	<i>făcea-Ø</i>	<i>făcu-Ø</i>	<i>făcuse-Ø</i>
<i>fac-em</i>	<i>fac-em</i>	<i>făcea-m</i>	<i>făcu-răm</i>	<i>făcuse-răm</i>
<i>fac-eți</i>	<i>fac-eți</i>	<i>făcea-ți</i>	<i>făcu-răți</i>	<i>făcuse-răți</i>
<i>fac-Ø</i>	<i>fac-ă</i>	<i>făcea-u</i>	<i>făcu-ră</i>	<i>făcuse-ră</i>

(Лухт, Нарумов 2001)

Итак, на данном этапе анализа для нас важна разница между ‘базами’: если для каждой СП они уникальны, мы выделяем флексии и сравниваем их между собой. СП, чьи ‘базы’ совпадают, исключаются из рассмотрения.

Из 48 языков, в которых словоформы легко делятся на «базу» с видо-временными характеристиками и «остаток» со значениями лица/числа, 16 не демонстрируют контекстную алломорфию: финский, нганасанский, селькупский, камасинский, ненецкий, пушту, кашмирский, таджикский, адыгейский, суахили, луба, зулу, абхазский, тамильский, телугу, бретонский.

Приведем в качестве примера спряжение финского глагола.

Таблица 8. Финский язык, ‘говорить’

презент	имперфект	кондиционал	потенциал
<i>puhu-n</i>	<i>puhui-n</i>	<i>puhuisi-n</i>	<i>puhune-n</i>
<i>puhu-t</i>	<i>puhui-t</i>	<i>puhuisi-t</i>	<i>puhune-t</i>
<i>puhuu</i>	<i>puhui</i>	<i>puhuisi</i>	<i>puhune</i>

(Karlsson 1999)

Как видим, в финских субпарадигмах четко выделяется показатель лица/числа и основа-база, состоящая из корня *puhu-* и суффиксов *-i-*, *-isi-*, *-ne-*, кумулятивно выражающих время, аспект и наклонение.

Наконец, в 32 языках была обнаружена контекстная алломорфия. В некоторых случаях она ограничивается лишь вариативностью в одной-двух формах. Подобные отдельные контекстные алломорфы мы находим в эстонском (3SG, 3PL), венгерском (1SG, 3PL) персидском (3SG) и немецком (3SG).

Напротив, в большинстве языков алломорфичными являются 3 и более формы одной СП. В таких случаях алломорфы образуют наборы, оформляющие разные СП. К примеру, так выглядит спряжение башкирского языка (Юлдашев (ред.) 1981):

Таблица 9. Башкирский язык

презент	фут. опред.	прош. опред.	прош. неопред.	предпрош. опред.
<i>ала-м</i>	<i>аласак-мын</i>	<i>алды-м</i>	<i>алган-мын</i>	<i>алгайны-м</i>
<i>ала-һың</i>	<i>аласак-һың</i>	<i>алды-ң</i>	<i>алган-һың</i>	<i>алгайны-ң</i>
<i>ала</i>	<i>аласак</i>	<i>алды</i>	<i>алган</i>	<i>алгайны</i>
<i>ала-быз</i>	<i>аласак-быз</i>	<i>алды-к</i>	<i>алган-быз</i>	<i>алгайны-к</i>
<i>ала-һығыз</i>	<i>аласак-һығыз</i>	<i>алды-ғыз</i>	<i>алган-һығыз</i>	<i>алгайны-ғыз</i>
<i>ала-лар</i>	<i>аласак-лар</i>	<i>алды-лар</i>	<i>алган-лар</i>	<i>алгайны-лар</i>



В башкирском выделяется два набора флексий:

Таблица 10. Глагольные флексии в башкирском языке

	I	II
1SG	<i>мын</i>	<i>м</i>
2SG	<i>һың</i>	<i>ң</i>
1PL	<i>быз</i>	<i>к</i>
2PL	<i>һығыз</i>	<i>ғыз</i>

В 1SG презенса заметно отступление от описанной схемы: эта форма имеет окончание *-м* вместо предсказанного другими окончаниями *-мын*. Мы, однако, будем рассматривать такие случаи как микровариации в пределах одного набора (при условии, что вариативность будет только в одной форме).

Что касается языков с разными наборами флексий, то они разбиваются на три группы, которые приведены ниже:

Таблица 11. Типы распределения наборов глагольных флексий

I	II	III	III
марийский	литовский	эрзянский	чувашский
саамский	испанский	мансийский	башкирский
итальянский	юкагирский	коми-пермяцкий	баскский
исландский	албанский	мордовский	чукотский
иврит	курдский	турецкий	грузинский
польский	осетинский	татарский	нанайский
румынский	эвенкийский	азербайджанский	
	македонский		

К группе I относятся языки, в которых количество наборов флексий равно количеству СП:

Таблица 12. Итальянский язык, II спряжение<sup>5</sup>, 'верить'

презенс инд.	презенс кон.	аорист	имперфект
<i>cred-o</i>	<i>credi-Ø</i>	<u><i>crede-tti</i></u>	<u><i>credev-o</i></u>
<i>cred-i</i>	<i>credi-Ø</i>	<u><i>crede-sti</i></u>	<u><i>credev-i</i></u>
<i>cred-e</i>	<i>credi-Ø</i>	<u><i>crede-tte</i></u>	<u><i>credev-a</i></u>
<i>cred-iamo</i>	<i>credi-amo</i>	<u><i>crede-mmo</i></u>	<u><i>credev-amo</i></u>
<i>cred-ete</i>	<i>credi-te</i>	<u><i>crede-ste</i></u>	<u><i>credev-ate</i></u>
<i>cred-ono</i>	<i>credi-no</i>	<u><i>crede-ttero</i></u>	<u><i>credev-ano</i></u>

имперф. кон.	футурум	кондиционал
<u><i>credess-i</i></u>	<u><i>creder-ò</i></u>	<u><i>credere-i</i></u>
<u><i>credess-i</i></u>	<u><i>creder-ai</i></u>	<u><i>credere-sti</i></u>
<u><i>credess-e</i></u>	<u><i>creder-à</i></u>	<u><i>credere-bbe</i></u>
<u><i>credess-imo</i></u>	<u><i>creder-emo</i></u>	<u><i>credere-mmo</i></u>
<u><i>credess-te</i></u>	<u><i>creder-ete</i></u>	<u><i>credere-ste</i></u>
<u><i>credess-ero</i></u>	<u><i>creder-anno</i></u>	<u><i>credere-bbero</i></u>

В каждой СП итальянского спряжения есть как минимум одно окончание, не совпадающее ни с одним окончанием того же лица в других СП; кроме того, сочетание окончаний в каждой СП уникально. Так же устроено спряжение в марийском, саамском, исландском языке, иврите и польском.

В группу II входят языки с неодинаковым статусом наборов флексий спряжения: в то время как один набор обслуживает несколько СП, остальные СП имеют уникальные наборы:

<sup>5</sup> Если бы мы не старались выделить в спряжении четкие показатели ТАМ, противопоставленные флексии, возможно, мы предпочли бы другой анализ: в формах 1SG, 3SG, 3PL аориста и 3SG и 3PL кондиционала мы постулировали бы специальные основы с наращениями *-tti-* и *-bb-* соответственно. В таком случае флексии этих СП куда меньше отличались бы от прочих. Но тогда оказалось бы, что не флексия указывает на видо-временные характеристики формы, а основа несет в себе информацию о лице и числе (если в основе есть наращение *-bb-*, это может быть только третье лицо). Так или иначе, очевидно, что в языках со специализированными флексиями основа и окончание теснее взаимосвязаны и сильнее взаимно влияют друг на друга, чем в языках с многофункциональными наборами флексий.

Таблица 13. Албанский язык (некумулятивные СП), 'достигать'

аорист	медиалис	медиалис имперф.	адмиратив	адмиратив имперф.
<i>arrit-a</i>	<i>arrihe-m</i>	<i>arrihesh-a</i>	<i>arrik-am</i>	<i>arrikësh-a</i>
<i>arrit-e</i>	<i>arrihe-sh</i>	<i>arrihesh-e</i>	<i>arrik-e</i>	<i>arrikësh-e</i>
<i>arrit-i</i>	<i>arrihe-t</i>	<i>arrihej</i>	<i>arrik-a</i>	<i>arrikësh-Ø</i>
<i>arrit-ëm</i>	<i>arrihe-mi</i>	<i>arrihesh-im</i>	<i>arrik-emi</i>	<i>arrikësh-im</i>
<i>arrit-ët</i>	<i>arrihe-ni</i>	<i>arrihesh-it</i>	<i>arrik-eni</i>	<i>arrikësh-it</i>
<i>arrit-ën</i>	<i>arrihe-n</i>	<i>arrihesh-in</i>	<i>arrik-an</i>	<i>arrikësh-in</i>

(Newmark et al. 1982)

Наконец, в группе III представлены языки, в спряжении которых каждый набор флексий используется для нескольких СП. Из рассмотренных выше языков таковы турецкий и башкирский.

### 3. Кумуляционный континуум

Проанализированные глагольные системы образуют континуум по степени специфичности составляющих его парадигм. В крайних точках континуума расположен финский, предоставляющий всем СП одинаковые флексии, и арабский, язык с сильной кумуляцией. Между ними располагаются языки из приведенных выше трех групп.

Кумуляцию мы также предлагаем рассматривать как градуальное явление. В таком случае можно утверждать, что чем специфичнее набор флексий в парадигме, тем выше степень кумулятивности ее форм. В «континууме кумулятивности» будут выделены три области:

1. Первая крайняя точка: полное отсутствие кумулятивности, флексия выражает только одно значение (спряжение в финском, показатель третьего лица в тюркских языках).

2. Собственно континуум: слабая кумуляция, с градациями от двух наборов, обслуживающих множество СП (столбец III), до уникальных наборов для каждой СП (столбец I); флексия выражает два значения, при этом одно из значений выражается также в основе.

3. Вторая крайняя точка: сильная кумуляция, при которой флексия выражает два значения, которые более нигде не выражаются (арабский, румынский).

Системы типа 1 полностью удовлетворяют принципу однозначного соответствия. Системы типа 2 сочетают слабую кумуляцию с множественной манифестацией (первый, второй и

третий типы отклонения). Системы типа 3 демонстрируют исключительно отклонение третьего типа.

Посмотрим теперь, как с этим континуумом соотносится наличие словоизменительных классов (в нашем случае спряжений). В нашей выборке все языки типа 1 (кроме тамильского) не имеют спряжений. То же касается языков из столбца III (за исключением грузинского). Системы со спряжениями появляются только во втором столбце: к ним относятся литовский, испанский и албанский. Что касается столбца I и языков, исключенных из рассмотрения «за кумуляцию», то для всех них характерны глагольные системы с двумя или более спряжениями. Это показывает, что наличие словоизменительных классов действительно коррелирует с кумуляцией, как мы и предполагали выше.

#### 4. Выводы

Во введении было показано, что контекстные лично-числовые алломорфы всегда содержат информацию о лично-числовых свойствах формы. Поэтому мы утверждаем, что контекстная алломорфия неразрывно связана с кумуляцией и множественной манифестацией. Вследствие этого мы предлагаем рассматривать кумуляцию как градуальное явление, выделяя слабые и сильные ее степени.

В выборке из 51 языка оказалось 48 языков, в которых теоретически могла возникнуть контекстная алломорфия. Из них в реальности алломорфия характерна для 32 языков. В большинстве случаев это либо отдельные алломорфы, либо несколько наборов, каждый из которых обслуживает по несколько СП. Тем не менее, существуют системы, в которых некоторые или даже все наборы выражают значения лица только в одной СП. При этом наблюдается следующая тенденция: если в глагольной системе есть уникальные наборы, то набор, работающий на несколько парадигм, может быть только один.

Чем выше степень кумуляции, тем больше шансов обнаружить в системе несколько «бессодержательных» типов спряжения. В системах без кумуляции нет и спряжений, в системе с сильной кумуляцией спряжения есть всегда.

На наш взгляд, типология контекстной алломорфии должна занять свое место в «типологии парадигматических отклонений» наряду с отложительностью, синкретизмом, супплетивизмом и т. п. Кроме того, выявленные принципы организации глагольных парадигм помогут уточнить методы морфологической классификации языков. Будем надеяться, что в

дальнейшем нам удастся проверить универсальность этих принципов, подвергнув аналогичному анализу более обширный материал и большее число категорий.

### Список условных сокращений

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; DU – дуалис; F – женский род; IMPERF – имперфект; M – мужской род; PL – множ. число; SG – единств. число.

### Литература

- Аврорин 1959 – В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Андреев 1997 – И. А. Андреев. Чувашский язык // Э. Р. Тенишев (отв. ред.). Языки мира: Тюркские языки. Бишкек: Кыргызстан, 1997.
- Арзуманов, Сангинов 1988 – С. Д. Арзуманов, А. Сангинов. Таджикский язык. Душанбе: Маориф, 1988.
- Аркадьев и др. 2009 – П. М. Аркадьев, Ю. А. Ландер, А. Б. Летучий, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец. Введение. Основные сведения об адыгейском языке // Я. Г. Тестелец (отв. ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009.
- Ахвледиани (ред.) 1963 – Г. С. Ахвледиани (ред.). Грамматика осетинского языка. Орджоникидзе: Изд-во СОИГСИ, 1963.
- Гранде 1963 – Б. М. Гранде. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М.: Изд-во вост. литературы, 1963.
- Закиев и др. (ред.) 1993 – М. З. Закиев, Ф. А. Ганиев, К. З. Зинатуллина (ред.). Татарская грамматика. Т. 2. Морфология. Казань, 1993.
- Касевич 1977 – В. Б. Касевич. Элементы общей лингвистики. М.: Наука, 1977.
- Кононов 1956 – А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
- Курдоев 1957 – К. К. Курдоев. Грамматика курдского языка. Фонетика, морфология. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Лухт, Нарумов 2001 – Л. И. Лухт, Б. П. Нарумов. Румынский язык // И. И. Челышева, Б. П. Нарумов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Романские языки. М.: Academia, 2001.
- Охотина 1961 – Н. В. Охотина. Язык зулу. М.: Изд-во восточной литературы, 1961.
- Руденко 1940 – Б. Т. Руденко. Грамматика грузинского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1940.
- Ширалиев, Севортян (ред.) 1971 – М. Ш. Ширалиев, Э. В. Севортян (ред.). Грамматика азербайджанского языка (фонетика, морфология и синтаксис). Баку: Элм, 1971.
- Юлдашев (ред.) 1981 – А. А. Юлдашев (ред.). Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981.
- Abu-Chacra 2007 – F. Abu-Chacra. Arabic: An Essential Grammar. New York: Routledge, 2007.
- Aronoff 1994 – M. Aronoff. Morphology by Itself: Stems and Inflectional Classes. Cambridge, MA: MIT Press, 1994.
- Baerman et al. 2005 – M. Baerman, D. Brown, G. G. Corbett. The Syntax-Morphology Interface: A Study of Syncretism. N.-Y.: CU P, 2005.

- Bobaljik 2002 – J. D. Bobaljik. The ins and outs of contextual allomorphy // Univ. of Maryland Working Papers in Linguistics 10, 2002. P. 35–71.
- Brown, Chumakina 2012 – D. Brown, M. Chumakina. What there is and what there might be: an introduction to Canonical Typology // D. Brown, M. Chumakina, G. G. Corbett (eds.). *Canonical Morphology and Syntax*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 1–19.
- Brown, Hippisley 2012 – D. Brown, A. Hippisley. *Network Morphology. A Defaults-based Theory of Word Structure*. Cambridge: CUP, 2012.
- Carstairs 1987 – A. Carstairs. *Allomorphy in inflection*. London: Croom Helm, 1987.
- Dunn 1999 – M. J. Dunn. *A Grammar of Chukchi*. PhD Thesis. Australian National University, Canberra, 1999.
- Einarsson 1949 – S. Einarsson. *Icelandic. Grammar, Texts, Glossary*. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1949.
- Fennel, Gelsen 1980 – T. G. Fennel, H. Gelsen. *A Grammar of Modern Latvian*. The Hague: Mouton, 1980.
- Glinert 1991 – L. Glinert. *Modern Hebrew: An Essential Grammar*. New York: Routledge, 1991.
- Göksel, Kerslake 2005 – A. Göksel, C. Kerslake. *Turkish: A Comprehensive Grammar*. London – New York: Routledge, 2005.
- Helimski 1998a – E. Helimski. Nganasan // D. Abondolo (ed.). *The Uralic Languages*. London – New York: Routledge, 1998. P. 480–515.
- Helimski 1998b – E. Helimski. Selkup // D. Abondolo (ed.). *The Uralic Languages*. London – New York: Routledge, 1998. P. 548–579.
- Hemon 2007 – R. Hemon. *Breton Grammar*. 2<sup>nd</sup> ed. Westport: Evertype, 2007.
- Hewitt 1979 – B. G. Hewitt. *Abkhaz*. (Lingua Descriptive Studies 2). Amsterdam: North Holland Publishers, 1979.
- Holton, Mackridge 2002 – D. Holton, P. Mackridge. *Greek: An Essential Grammar of the Modern Language*. L.; N.-Y.: Routledge, 2004.
- Kabuta 2008–2009 – Ng. S. Kabuta. *Het Cilubà werkwoord: morfologie*. Manuscript, Universiteit Gent, 2008–2009.
- Kangasmaa-Minn 1998 – E. Kangasmaa-Minn. Mari // D. Abondolo (ed.). *The Uralic Languages*. L.; N.-Y.: Routledge, 1998. P. 219–248.
- Karlsson 1999 – F. Karlsson. *Finnish: An Essential Grammar*. London – New York: Routledge, 1999.
- Kenesei et al. 1998 – I. Kenesei, R. M. Vago, A. Fenyvesi. *Hungarian: A Descriptive Grammar*. New York: Routledge, 1998.
- Keresztez 1998 – L. Keresztez. Mansi // D. Abondolo (ed.). *The Uralic Languages*. London – New York: Routledge, 1998. P. 387–427.
- Koul, Wali 2006 – O. N. Koul, K. Wali. *Modern Kashmiri Grammar*. Springfield: Dunwoody Press, 2006.
- Krishnamurti, Gwynn 1985 – Bh. Krishnamurti, J. P. L. Gwynn. *A Grammar of Modern Telugu*. Delhi: Oxford University Press, 1985.
- Lunt 1952 – H. G. Lunt. *A Grammar of the Macedonian Literary Language*. Skopje, 1952.
- Mace 2003 – J. Mace. *Persian Grammar: For Reference and Revision*. New York: Routledge, 2003.
- Maslova 2002 – E. Maslova. *Tundra Yukaghir Language*. Munich: LINCOM, 2002.
- Mathiassen 1996 – T. Mathiassen. *A Short Grammar of Lithuanian*. Columbus: Slavica, 1996.

- Mel'chuk 1976 – I. Mel'chuk. On suppletion // *Linguistics* 170. P. 45–90.
- Nedjalkov 1997 – I. Nedjalkov. *Evenki*. London – New York: Routledge, 1997.
- Newmark et al. 1982 – L. Newmark, P. Hubbard, P. Prifti. *Standard Albanian: A Reference Grammar for Students*. Stanford: Stanford University Press, 1982.
- Riese 1998 – T. Riese. *Permian* // D. Abondolo (ed.). *The Uralic Languages*. London – New York: Routledge, 1998. P. 249–275.
- Ryding 2005 – K. C. Ryding. *A Reference Grammar of Modern Standard Arabic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Salminen 1998 – T. Salminen. *Nenets* // D. Abondolo (ed.). *The Uralic Languages*. London – New York: Routledge, 1998. P. 516–547.
- Sammallahti 1998 – P. Sammallahti. *Saamic* // D. Abondolo (ed.). *The Uralic Languages*. London – New York: Routledge, 1998. P. 43–95.
- Schiffman 1999 – H. F. Schiffman. *A Reference Grammar of Spoken Tamil*. New York: Cambridge University Press, 1999.
- Simoncsics 1988 – P. Simoncsics. *Kamassian* // D. Abondolo (ed.). *The Uralic Languages*. London – New York: Routledge, 1998. P. 580–601.
- Stump 2001 – G. T. Stump. *Inflectional Morphology: A Theory of Paradigm Structure*. New York: Cambridge University Press, 2001.
- Stump, Finkel 2013 – G. T. Stump, R. A. Finkel. *Morphological Typology: From Word to Paradigm*. New York: Cambridge University Press, 2013.
- Swan 2002 – O. E. Swan. *A Grammar of Contemporary Polish*. Bloomington: Slavica publishers, 2002.
- Tegey, Robson 1996 – H. Tegev, B. Robson. *A Reference Grammar of Pasho*. Washington: Center for Applied Linguistics, 1996.
- Thompson, Schleicher 2006 – K. D. Thompson, A. F. Schleicher. *Swahili Learner's Reference Grammar*. Madison: NALRK Press, 2006.
- Veselinova 2006 – L. N. Veselinova. *Suppletion in Verb Paradigms: Bits and Pieces of a Puzzle*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2006.
- Viitso 1998 – T.-R. Viitso. *Estonian* // D. Abondolo (ed.). *The Uralic Languages*. London – New York: Routledge, 1998. P. 115–148.
- Zaicz 1998 – G. Zaicz. *Mordva* // D. Abondolo (ed.). *The Uralic Languages*. London – New York: Routledge, 1998. P. 184–218.

#### **V. Lyusina. Towards the organization of verb paradigms: contextual allomorphy and cumulation**

In verb paradigms of many languages, several sets of Person/Number inflections are manifested, that vary according to the grammatical context. In this paper I offer a typological study of this phenomenon which I call contextual allomorphy. Of 48 languages that could manifest this type of allomorphy, it was actually found in 32 of them. Contextual allomorphy is closely connected to cumulation and multiple exponence, as well as exposes some correlations with the number of verbal inflection classes in the language. I suggest that we regard cumulation as a gradual phenomenon; on the “cumulation continuum”, I locate the analyzed languages according to the degree of Person/Number cumulation they expose.

*Keywords:* paradigms, allomorphy, cumulation, typology.

Н. А. Муравьев

## **СЕМАНТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ, ВЫРАЖАЮЩИХ ТАКСИС ОДНОВРЕМЕННОСТИ, В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ<sup>1</sup>**

В настоящем исследовании на материале четырех языков финно-угорской группы: коми, удмуртского, финского и хантыйского – рассматриваются нефинитные формы, которые используются в обстоятельственных конструкциях с таксисным значением одновременности. Дифференциальное маркирование одновременности свидетельствует о том, что одновременность не является симметричным таксисным отношением, а всегда состоит из действия, задающего временной ориентир, и действия дополнительного, локализованного относительно этого ориентира. Таким образом, выбор формы обусловлен тем, какое из двух типов действий оказывается в зависимой клаузе. В ходе исследования было также установлено, что на дистрибуцию данных форм влияет ряд параметров, основными среди которых являются длительность и прерывность главного и зависимого действий.

*Ключевые слова:* финно-угорские языки, нефинитные формы, таксис, одновременность, длительность, прерывность.

Для выражения таксисного значения одновременности во многих языках мира используются либо специализированные глагольные формы – деепричастия, либо падежные или предложные/послеложные формы других нефинитных форм – причастий и номинализаций. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в каждом отдельно взятом языке средств выражения этого значения зачастую оказывается более одного или даже двух. Большим разнообразием в этом плане отличаются, например, финно-угорские языки. Настоящее исследование проведено на материале четырех языков данной семьи: коми, удмуртского, финского и хантыйского (говор с. Теги Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа). Целью данного исследования являлось описание дистрибуции средств выражения одновременности в каждом из языков и типологическое сопоставление данных форм.

Под одновременностью мы будем понимать сочетание двух или более действий, каждое из которых является самостоя-

---

<sup>1</sup> Исследование поддержано грантом РФФИ № 13-06-00884а.



тельным действием (1), а не характеристикой или интерпретацией другого действия (2).

## УДМУРТСКИЙ

- (1) *Пиши серекья-са* *ки-зэ* *чаб-из.*  
сын смеяться-CONV рука-ACC.POSS3SG хлопать-PST.3SG  
'Мальчик, смеясь, хлопал в ладоши'.
- (2) *Атай куно-ос-ты шулдырт-э вал,*  
отец гость-PL-ACC развлекать-PRS.3SG быть-PST  
*серемес мадь-ёс мадьы-са.*  
веселый история-PL рассказывать-CONV  
'Отец развлекал гостей, рассказывая веселые истории'.

При внимательном взгляде на семантическую сущность данного сочетания выясняется, что в большинстве случаев входящие в него действия неравноценны, и временным ориентиром из них может выступать только одно действие, тогда как другое всегда является дополнительным (3)–(6).

- (3) *Мальчик, сидя на берегу, бросал камни в воду* (= когда сидел).
- (4) *Мальчик сидел на берегу, бросая камни в воду* (= и при этом бросал, \*когда бросал).

## ФИНСКИЙ

- (5) *Polto-pu-i-ta hakat-e-ssa-an*  
сжигание-дерево-PL-PART рубить-CONV-INESS-3SG  
*/\*hakat-e-n isä kats-el-i joskus*  
рубить-CONV-INSTR отец смотреть-FREQ-PST иногда  
*ympäri-lle-en.*  
вокруг-ALL-3SG  
'Рубя дрова, отец оглядывался'.
- (6) *Lapsi sö-i keitto-a, koko aja-n*  
ребенок есть-PST суп-PART весь время-GEN  
*\*yski-e-ssä-än /yski-e-n.*  
кашлять-CONV-INESS-3SG кашлять-CONV-INSTR  
'Ребенок ел суп, постоянно кашляя'.

Таким образом, переводя англоязычную терминологию различных работ по деепричастиям (König 1995; Nedjalkov 1995), можно говорить о значении «временного контекста» (simultaneity, далее ВК), противопоставленного значению «сопровождающего обстоятельства» (attendant circumstance, далее СО). Формальное же определение одновременности двух действий

можно представить следующим образом: **если в некотором высказывании Р (v1, v2) действие v1 одновременно действию v2 и v1 задает временной контекст v2, то v2 является сопровождающим обстоятельством v1.**

По средствам выражения данных двух значений, входящих в таксис одновременности, языки делятся на несколько типов:

1. с единой формой для ВК и СО (французский, эстонский, венгерский);

2. с единой формой для ВК и СО, но с дополнительными предложными/послеложными или падежными формами номинализации/причастия для ВК (русский, хантыйский);

3. в которых СО выражается выражается деепричастием, а ВК – предложной/послеложной или падежной формой номинализации/причастия (английский, немецкий);

4. с двумя разными деепричастиями для ВК и СО (финский, удмуртский, коми).

При анализе дистрибуции данных форм была выдвинута и впоследствии подтверждена гипотеза о том, что выбор значения и соответствующей формы основан на соотношении аспектуальных и количественных характеристик обоих действий. Так, например, в случае длительного и непрерывного действия, второстепенного по отношению к моментальному действию, всегда выбирается форма ВК, так как более длительное действие задает временной промежуток (см. (7), в котором разрешаются все формы со значением ВК). Аналогично более длительное непрерывное действие задает ВК для менее длительного многократного действия (8).

#### ХАНТЫЙСКИЙ

- (7) *Łoxs-ət juoř xuvət řuoř-man řřuoř-m-et-n*  
 друг-PL дорога по идти-CONV идти-PP-3PL-LOC  
*řřuoř-m-et mar řřuoř-m-et pora-j-n*  
 идти-PP-3PL в.течение идти-PP-3PL во.время  
*řřuoř-t-et saxət ar ari-j-s-ə.*  
 идти-IP-3PL во.время песня петь-OBL-PST-3PL  
 ‘Друзья, идя по дороге, напевали’.

#### КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ

- (8) *Tön kaга-ыс ланьт-іс менам кровать-ын*  
 вчера ребенок-POSS3SG уснуть-PST.3SG я.GEN кровать-ESS  
*куйл-ік-ө /\*куйл-өм-өн.*  
 лежать-CONV-ILL лежать-NMN-INSTR  
 ‘Вчера ребенок уснул, лежа на моей кровати’.

В обратном же случае моментальное и многократное действия являются СО для длительного действия. Однако если многократное действие оформляется как СО (см. (9), где разрешается только деепричастие на *-man*, которое единственное может выражать значение СО), то однократное действие такого оформления не допускает, поскольку при второстепенном однократном действии его сочетание с длительным теряет одновременную интерпретацию (10).

## ХАНТЫЙСКИЙ

- (9) *Łoxs-ət juoš χuvət šuoš-s-ət ar*  
 друг-PL дорога по ходить-PST-3PL песня  
*ari-man /\*ari-m-ał-n /\*ari-m-ał mār*  
 петь-CONV петь-PP-3SG-LOC петь-PP-3SG в.течение  
*/\*ari-m-ał porajn /\*ari-t-ał saχət.*  
 петь-PP-3SG во.время петь-IP-3SG во.время  
 ‘Друзья шли по дороге, напевая веселую песню’.

## КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ

- (10) *Tön кага-ыс \*ланьт-ік-ө*  
 вчера ребенок-POSS3SG уснуть-CONV-ILL  
*/\*ланьт-өм-өн /ланьт-өм бөрсянь менам*  
 уснуть-NMN-INSTR уснуть-NMN после я.GEN  
*кровать-ын куйл-іс.*  
 кровать-ESS лежать-PST.3SG  
 ‘Вчера ребенок, уснув, лежал на моей кровати’.

Наиболее сложным образом распределяются формы одновременности в случае сочетания двух длительных непрерывных действий. В некоторых случаях допускаются обе интерпретации и, соответственно, все возможные формы (11), а в других всегда делается выбор в пользу одного из значений и соответствующей формы (12).

## КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ

- (11) *Me выл-ө видзөт-ік-ө /видзөт-өм-өн*  
 я верх-ILL смотреть-CONV-ILL смотреть-NMN-INSTR  
*сойö шыннял-іс.*  
 он улыбаться-PST.3PL  
 ‘Глядя на меня, он улыбался’.

## УДМУРТСКИЙ

- (12) *Сиён нөра-ку-з /\*нөра-са, анай*  
 еда готовить-CONV-3SG готовить-CONV мать

*ни-ен-ыз*                                  *вераськ-е*                          *вал.*  
ребенок-INSTR-POSS3SG      говорить-PRS.3SG      быть-PST  
‘Готовя еду, мать разговаривала с сыном’.

Выбор только одной формы в таких контекстах может быть обусловлен разными факторами. Во-первых, одно из двух одновременных действий вопреки ожиданиям может интерпретироваться как прерывное. Во-вторых, разные семантические классы глаголов могут тяготеть к какому-то одному оформлению. Например, глаголы движения (идти, плыть) как длительные и как правило непрерывные динамические процессы склонны задавать ВК, тогда как глаголы положения (сидеть, стоять), второстепенные по отношению к процессам, наоборот, чаще являются СО. Кроме того, на выбор интерпретации и формы могут оказывать влияние прагматические и коммуникативные факторы. В целом же случаи такого рода пока недостаточно изучены и требуют более тщательного анализа.

Так же много вопросов возникает и при рассмотрении пар прерывных, многократных и моментальных ситуаций. На данный момент не всегда можно про каждый случай с уверенностью сказать, укладываются ли промежутки одного действия в промежутки другого, чередуются ли эти фрагменты действий или же пересекаются и почему выбор делается в пользу той или иной формы (ср. (13) и (14)).

- УДМУРТСКИЙ
- (13) *Юань-ёс-ыз-лы*                          *вера-ку-м*  
вопрос-PL-POSS3SG-DAT      отвечать-CONV-1SG  
/<sup>?</sup>*вера-са*                          *мон котыр-ме*  
отвечать-CONV      я                          вещи-ACC.POSS1SG  
*сумка-ям*                          *тыры-са*                          *ул-и:*.  
сумка-ILL.POSS1SG      класть-CONV                          быть-PST.3SG  
‘Отвечая на его вопросы, я клал вещи в сумку’.

- ФИНСКИЙ
- (14) *Isä kutsu-i mei-tä*                          *\*heilutta-e-ssa*  
отец      звать-PST      мы-PART                          махать-CONV-INESS  
/*heilutta-e-n*                          *käs-i-ä-än*.  
махать-CONV-INSTR      рука-PL-PART-3SG  
‘Отец звал нас к себе, размахивая руками’.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что при исследовании семантики сочетания одновременных действий необходимо учитывать как различные нюансы глагольной семантики,

так и контекст каждого сочетания, начиная с семантики приглагольных модификаторов и кончая прагматикой. Однако, уже имея в распоряжении как минимум два разных по семантике специализированных средства маркирования одновременного таксиса, можно проследить некоторые закономерности таких сочетаний, что и было продемонстрировано в данном исследовании на материале финно-угорских языков.

### Список условных сокращений

1, 2, 3 – лицо; ACC – аккузатив; CONV – деепричастие; DAT – датив; ESS – эссив; GEN – генитив; ILL – иллатив; INESS – инэссив; INSTR – инструменталис; IP – имперфективное причастие; NMN – номинализация; PART – партитив; PL – множественное число; POSS – поссессив; PP – перфективное причастие; PRS – настоящее; PST – прошедшее; SG – единственное число.

### Литература

- König 1995 – E. König. The meaning of converb constructions // M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 57–95.
- Nedjalkov 1995 – V. P. Nedjalkov. Some typological parameters of converbs // M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 97–136.

### **N. Muraviev. Semantics of simultaneous verbal forms in Finno-Ugric languages**

The present study offers an analysis of adverbial non-finite verb forms used for marking simultaneity in four Finno-Ugric languages: Komi, Udmurt, Khanty and Finnish. The differential marking of simultaneity in these languages suggests that simultaneity is not a symmetrical relation. It always implies one action which sets a time interval and another action which is being located in it. Therefore, the choice of a form depends on the kind of action that appears in the dependent clause. It was also found that distribution of the forms in question depends on several semantic parameters such as duration and fractionality of the main and the dependent action.

*Keywords:* Finno-Ugric languages, non-finite forms, adverbial forms, simultaneity, duration, fractionality.

Г. А. Некрасова, Е. Н. Сергеева

## **ВАРИАТИВНОСТЬ АРГУМЕНТНОЙ СТРУКТУРЫ ДВУХМЕСТНЫХ ПРЕДИКАТОВ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ<sup>1</sup>**

В статье представлены результаты исследования двухместных предикатов в коми-пермяцком языке. Подробно рассматриваются предикаты, обладающие несколькими моделями управления. При оформлении актанта наблюдается конкуренция двух падежей, конкуренция двух и более послелогов, конкуренция послелога и падежа. Установлено, что вариативность аргументной структуры может быть обусловлена семантическими свойствами актантов, влиянием русского языка. На основе сопоставления коми-пермяцкого материала с коми-зырянским показано, что в родственных языках один и тот же предикат может задавать разные аргументные структуры.

*Ключевые слова:* коми-пермяцкий язык, коми-зырянский язык, двухместные предикаты, вариативность аргументной структуры.

Коми-пермяцкий язык вместе с коми-зырянским и удмуртским относится к пермской ветви финно-угорских языков. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в России насчитывается 94456 тыс. коми-пермяков, из них владеет родным языком 63106 человек (Итоги 2010). Коми-пермяки проживают преимущественно в Коми-Пермяцкой области Пермского края. Территориальные разновидности коми-пермяцкого языка объединяются в два наречия – северное и южное, которые включают в свой состав диалекты, связанные между собою рядом общих явлений. К северному наречию относятся мысовский, верх-лупьинский, кочевский, косинско-камский диалекты, к южному – кудымкарско-иньвенский, оньковский, нижнеиньвенский, нердвинский (Баталова 1975: 212; 224). Настоящее исследование основано на материале кудымкарско-иньвенского диалекта, который лег в основу коми-пермяцкого литературного языка. Материал был собран весной 2013 г. в с. Лобаново Пермского района. Информантами явились выходцы из деревень Кекур и Коштан Кудымкарского района. Возникшие после сопоставления материала анкет вопросы были проверены в д. Кузьва

---

<sup>1</sup> Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №11-04-00179.

Кудымкарского района Коми-Пермяцкой области<sup>2</sup>. В ходе работы с информантами использовалась анкета, разработанная в Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, включающая 130 предложений-стимулов<sup>3</sup>. При помощи этой анкеты необходимо было выделить группы предикатов, аргументы которых получают неканоническое оформление в коми-пермяцком языке. Отметим, что каноническими двухместными предикатами называют предикаты, имеющие два ядерных аргумента и кодирующие их при помощи базовой переходной конструкции. Первый участник базовой переходной конструкции коми-пермяцкого языка кодируется номинативом, второй участник – аккузативом. Классы предикатов, которые отклоняются в плане средств кодирования актантов от канонической переходной, называют неканоническими.

Для коми-пермяцкого языка было получено 118 двухместных предикатов (из 130). Меньшее число предикатов объясняется тем, что некоторые глаголы имеют несколько базовых значений (глаголы *адззыны* ‘видеть/найти’, *веритны* ‘верить/доверять’, *ковны* ‘хотеть/нуждаться/требоваться’, *вӱгавны* ‘злиться/сердиться’). При переводе отдельных предикатных лексем информанты использовали глагольно-именные словосочетания. В ходе исследования было установлено, что в коми-пермяцком языке 54 предиката образуют базовую переходную конструкцию, 64 глагола имеют другие модели управления. При анализе неканонических конструкций выявлено 20 способов нестандартного кодирования актантов двухместных предикатов: два способа – неканонического маркирования первого участника, 18 – неканонического маркирования второго участника. В ходе работы зафиксированы предикаты, обладающие несколькими моделями управления. Для выявления параметров вариативности аргументной структуры глаголов в языках различного типа была выбрана самая распространенная в коми-пермяцком языке модель, между тем, рассмотрение вариативных моделей, даже малоупотребительных, отмеченных несколькими информантами, представляет интерес для определения факторов, определяющих выбор между конкурирующими моделями.

---

<sup>2</sup> Выражаем глубокую признательность Т. Н. Меркушевой за сбор и проверку материала в д. Кузьва.

<sup>3</sup> Цели, методика и основные результаты исследований, осуществлявшихся с применением этой анкеты, изложены в Сай 2011.

Среди неканонических двухместных предикатов, обладающих несколькими моделями управления, можно выделить следующие группы: глаголы, допускающие конкуренцию двух падежей; глаголы, допускающие конкуренцию двух и более послелогов; глаголы, допускающие конкуренцию послелога и падежа.

Конкуренцию двух падежей допускают глаголы *видзӧтны* ‘смотреть’, *сорвасьны* ‘смешиваться’, *выйны* ‘стрелять’, *повны* ‘бояться’.

Глагол восприятия *видзӧтны* ‘смотреть’ требует лативного оформления второго участника – при помощи иллатива и суперлатива (1). Параллели имеются в коми-зырянском языке, где глагол со значением ‘смотреть’ допускает иллатив и послелог *вылӧ* ‘на’ (2). Формы иллатива в пермских языках выражают конечный пункт движения с локализацией IN и SUPER. Направленность во внутренние пределы ориентира иллатив реализует в контексте с существительными, обозначающими трехмерные, замкнутые пространства, которые имеют ограничивающую поверхность (или по крайней мере видимые границы) и, соответственно, внутреннюю и внешнюю область; направленность на поверхность ориентира – в контексте с именами, денотаты которых представляют собой плоские, визуально необъемные предметы или же предметы, обладающие плоской функциональной частью (о семантике иллатива: Некрасова 2004: 47–50). Оформление актанта суперэссивом/послелогом *вылӧ* ‘на’ в коми языках могло развиваться, скорее всего, под влиянием русского языка.

#### КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ

- (1) *Петя видзӧт-ӧ*                      *кымӧр-рез-ӧ/кымӧр-рез-вӧ.*  
 Петя смотреть-PRS.3            туча-PL-ILL    туча-PL-SUPLAT  
 ‘Петя смотрит на тучи’.

#### КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ

- (2) *Петя видзӧд-ӧ*                      *кымӧръ-яс-ӧ/кымӧръ-яс*            *вылӧ.*  
 Петя смотреть-PRS.3            туча-PL-ILL    туча-PL                      на  
 ‘Петя смотрит на тучи’.

При глаголе *сорвасьны* ‘смешиваться’ второй участник может быть оформлен комитативом и инструменталисом (3). Конкуренция падежей обусловлена тем, что оба падежа могут выражать значение второго участника ситуации: комитатив используется в случае, если оба участника вовлечены в действие одинаково, инструменталис – в случае, если степень вовлеченности участников в действие разная (Некрасова 1997). При работе с



анкетой перевод стимульного предложения с этим глаголом вызвал затруднения у многих информантов. Первоначально каждый из информантов отметил один вариант маркирования актанта: одни выбрали комитатив, другие – инструменталис. При уточнении вопроса о возможности вариативности аргументной структуры, многие ответили положительно. В большинстве случаев на вопрос о том, какой из двух вариантов перевода наиболее уместен, информант отвечал, что оба они одинаково приемлемы, но предпочтительнее конструкция с инструменталисом. Возможность вариативного маркирования актанта информанты связывали с различным осмыслением ситуации. При использовании инструменталиса ситуация интерпретировалась как «частичное либо случайное смешение», при использовании комитатива – как «полное либо целенаправленное смешение». Представляется, что таким образом информанты интерпретировали степень вовлеченности участников в ситуацию. Аналогичная ситуация наблюдается в коми-зырянском языке (4): использование комитатива и инструменталиса связано с различным осмыслением роли участника в ситуации, со степенью его активности в ситуации.

КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ

- (3) *Ma-ыс сорвас-и-с йöв-ыс-кöт*  
 мед-POSS.3 смешаться-PRT-3 молоко-POSS.3-COM  
*ййöв-на-с.*  
 молоко-INS-POSS.3  
 {Мед положили в молоко.} ‘Мед смешался с молоком’.

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ

- (4) *Ma-ыс сорс-и-с йöл-ыс-кöд*  
 мед-POSS.3 смешаться-PRT-3 молоко-POSS.3-COM  
*ййöв-на-с.*  
 молоко-INS-POSS.3  
 {Мед положили в молоко.} ‘Мед смешался с молоком’.

В конструкциях с глаголами *повны* ‘бояться, пугаться’ и *вийны* ‘стрелять’ имеет место расщепление кодирования второго участника, что обусловлено параметром одушевленность/неодушевленность. При оформлении одушевленного участника используются объектные (исторически внешнеместные) падежи, неодушевленного – локативные (внутреннеместные) падежи.

Глагол *повны* ‘бояться, пугаться’ управляет падежами с элативной семантикой – аблативом и элативом: одушевленный участник оформляется аблативом, неодушевленный – элативом (5).

В коми-зырянском языке глагол *повны* ‘бояться’ допускает только элатив (6).

## КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ

- (5) *Петя пов-ö*                      *пон-вись,*      *мороз-зэс-ісь.*  
 Петя бояться-PRS.3      собака-AVL      мороз-PL-EL  
 ‘Петя боится собаки, морозов’.

## КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ

- (6) *Петя пол-ö*                      *понй-ысь,*      *морозь-яс-ысь.*  
 Петя бояться-PRS.3      собака-EL      мороз-PL-EL  
 ‘Петя боится собаки, морозов’.

Глагол *выйны* ‘стрелять’ в коми диалектах управляет падежами с лативной семантикой – дативом и иллативом, а также аккумулятивом. Если целью является одушевленный участник, актант глагола оформляется дативом, если цель – неодушевленный участник, актант глагола оформлен иллативом (7)–(8). В случае осмысления ситуации как «попадание выстрела в цель» актант маркируется аккумулятивом (9)–(10).

## КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ

- (7) *Петя вий-и-с*                      *ош-лы/пу-ö.*  
 Петя стрелять-PRT-3      медведь-DAT      дерево-ILL  
 ‘Петя выстрелил в медведя, дерево’.

## КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ

- (8) *Петя лый-и-с*                      *ош-лы/пу-ö.*  
 Петя стрелять-PRT-3      медведь-DAT      дерево-ILL  
 ‘Петя выстрелил в медведя/дерево’.

## КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ

- (9) *Петя вий-и-с*                      *ош-öс.*  
 Петя стрелять-PRT-3      медведь-ACC  
 ‘Петя застрелил медведя’.

## КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ

- (10) *Петя лый-и-с*                      *ошк-öс.*  
 Петя стрелять-PRT-3      медведь-ACC  
 ‘Петя застрелил медведя’.

В модели управления глаголов *лякасьны* ‘прилипнуть’, *стесняйтчыны* ‘стесняться’, *пышшавны* ‘избегать’, *вöсьявны* ‘подходить’ второй участник ситуации может быть оформлен падежом и послелогом.

Глагол *лякасъны* ‘прилипнуть’ допускает послеложное (послелог *бердö* ‘к’) и суперлативное оформление актанта (11). При использовании суперлатива ситуация осмысливается как контакт предмета с поверхностью другого предмета, тогда как при употреблении послелога *бердö* ‘к’ в фокусе внимания находится процесс контакта одного предмета с другим, что отражает выбор говорящим перспективы. В коми-зырянском языке глагол со значением ‘прилипнуть’ требует иллативного оформления актанта (12).

КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ

- (11) *Стокан-ыс лякас-и-с ызан*  
 стакан-POSS.3 прилипать-PRT-3 стол  
*бердас / ызан-вас.*  
 к.POSS.3 стол-SUPLAT.POSS.3  
 ‘Стакан прилип к столу’.

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ

- (12) *Стöкан-ыс ляс-і-с ызан-ас.*  
 стакан-POSS.3 прилипать-PRT-3 стол-ILL.POSS.3  
 ‘Стакан прилип к столу’.

Глагол *стесняйтчыны* ‘стесняться’ заимствован из русского языка, модель его управления была адаптирована грамматической системой коми-пермяцкого языка: второй участник может вводиться элативом и послелогом *понда* ‘из-за’ (13). Элативное оформление актанта заимствованный глагол перенял от исконно коми глагола *яндісьны* ‘стыдиться’. Судя по материалам анкеты, а также «Коми-пермяцко-русского словаря», этот глагол вышел из активного употребления. В словарь включены только его производные *яндісись* ‘стыдливый’, *яндісьтöм* ‘бесстыдный’ (Баталова, Кривощекова-Гантман 1985: 593), тогда как сам глагол отсутствует. Между тем, о функционировании этого глагола, по крайней мере в XIX в., можно судить по словарю Н. Рогова, где зафиксированы глаголы *яндöтчыны*, *яндысьны* ‘стыдиться’ (Рогов 1869: 383). Глагол сохраняется в коми-зырянском языке со значением ‘стыдится, стесняться, смущаться, совеститься, конфузиться’ (Сорвачева (ред.) 1961: 455) (14). При употреблении послелога *понда* в фокусе внимания причина, вызвавшая состояние стеснения.

## КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ

- (13) *Петя стесняйтч-ö ас-вас рост-ісь/рост понда.*  
 Петя стесняться-PRS.3 свой-GEN.POSS.3 рост-EL ростиз-за  
 ‘Петя стесняется своего роста’.

## КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ

- (14) *Петя яндысь-ö ас-лас рост-ысь.*  
 Петя стесняться-PRS.3 свой-GEN.POSS.3 рост-EL  
 ‘Петя стесняется своего роста’.

Глагол *пышшавны* ‘избегать’ допускает оформление актанта эгрессивом, послелогоми *шогья* ‘от, из-за’ и *дынсянь* ‘от’ (15). Основное значение эгрессива и послелога *дынсянь* ‘от’ – объект, от которого происходит движение. При глаголе *пышшавны* они могут оформлять второго («нежелательного») участника. Послелог *шогья* используется для выражения значения «нежелательного участника» при глаголах *пышшавны* ‘избегать’, *мездісьны* ‘избавиться’, *дзэбсисьны* ‘спрятаться’, *сайöвтчыны* ‘спрятаться, заслониться’ в случаях, когда речь идет об избежании контакта между двумя участниками. Конкуренция эгрессива, послелога *дынсянь* ‘от’ и послелога *шогья* ‘от, из-за’ отмечается только при глаголе *пышшавны* ‘избегать’. В отличие от коми-пермяцкого, в коми-зырянском языке глагол *пышьявны* ‘избегать’ имеет одну модель управления, второй участник оформляется элативом (16).

## КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ

- (15) *Петя пышшав-ö Маша-сянь/Маша-ыс*  
 Петя избегать-PRS.3 Маша-EGR Маша-POSS.3  
*шогья/Маша дынсянь.*  
 от Маша от  
 ‘Петя избегает Машу’.

## КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ

- (16) *Петя пышьял-ö Маша-ысь.*  
 Петя избегать-PRS.3 Маша-EL  
 ‘Петя избегает Машу’.

Глагол *вöсьявны* ‘подходить’, обозначающий отношение соответствия, сходства одного предмета другому, и имеющий также значение ‘быть годным, приемлемым, соответствовать каким-либо требованиям’, допускает лативные единицы – иллатив и послелог *дынö* ‘к’ (17). В данном случае иллативное управление – результат метафорического осмысления соответствия как направленного движения к ориентиру, послеложное

управление может быть следствием влияния русского языка. Модели управления этого глагола имеют параллели в коми-зырянском языке: второй участник оформляется иллативом и послелогом *дорö* ‘к’ (18).

КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ

- (17) *Эта пояс-ыс вöсьяв-ö мен-ам*  
 этот пояс-POSS.3 подходить-PRS.3 я-GEN  
*паттё-ö/паттё дынö.*  
 платье-ILL платье к  
 ‘Этот пояс подходит к моему платью’.

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ

- (18) *Тайö вöнь-ыс лöсьяв-ö платтё-ам*  
 этот пояс-POSS.3 подходить-PRS.3 платье-ILL.POSS.1  
*Имен-ам платтё дорö.*  
 я-GEN платье к  
 ‘Этот пояс подходит к моему платью’.

Конкуренцию двух и более послелогов допускают в коми-пермяцком языке глаголы *кольччыны* ‘остаться, отстать’, *гаж-тöмтчыны* ‘скучать’.

Глагол *кольччыны* ‘остаться, отстать’, обозначающий ‘оказаться позади’, допускает оформление актанта послелогоми, представляющими собой грамматикализованные элативные и эгрессивные формы реляционных имен с локализацией POST и AD: *дынсянь* ‘от’, *сьöрись* ‘от’, *сьöрсянь* ‘после’ и *бöрсянь* ‘после’ (19)–(20). В каждом случае в фокусе внимания нахождение одного участника на некотором расстоянии от другого участника. В пространственных употреблениях локализация AD выражает нахождение при ориентире, а локализация POST выражает нахождение за ориентиром. Вариативность послелогов обусловлена актуализацией близости/дальности участников ситуации друг от друга. Послелог *дынсянь* ‘от’ используется в случае, когда расстояние между участниками ситуации незначительное. В отношении послелогов *сьöрись* ‘от’, *сьöрсянь* ‘после’ и *бöрсянь* ‘после’ ответы информантов расходятся. Поэтому нами было проверено употребление этих послелогов в корпусе коми-пермяцких текстов (Баталов, рук.; Перем коми). По результатам исследования при глаголе *кольччыны* ‘отстать’ доминирует послелог *сьöрись* – 5 (ср. послелогои *сьöрсянь* – 1, *бöрсянь* – 0). Употребление *сьöрсянь* ‘после’ и *бöрсянь* ‘после’ необходимо проверить на более широком материале. Возможно, что в языке протекает процесс их семантической нейтрализации.

Большинство информантов отметили, что послелогои *сьӧрсянь* ‘после’ и *бӧрсянь* ‘после’ менее употребительны при глаголе *кольччыны* ‘отстать’, при этом *бӧрсянь* употребляется в случае, когда расстояние между участниками ситуации более значительное, *сьӧрсянь* – незначительное. В коми-зырянском языке этот глагол имеет одну модель управления, актант оформляется элативом (21). В отличие от коми-пермяцкого, внимание не акцентируется на расположении одного участника относительно другого, в фокусе внимания только удаление одного участника от другого.

## КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ

- (19) *Петя ылӧ кольчч-и-с Маша сьӧрись/бӧрсянь/сьӧрсянь.*  
 Петя далеко остаться-PRТ-3 Маша от после после  
 ‘Петя далеко отстал от Маши’.

- (20) *Петя не-ылӧ кольчч-и-с Маша сьӧрись/дынсянь.*  
 Петя не.далеко остаться-PRТ-3 Маша от от  
 ‘Петя отстал от Маши’.

## КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ

- (21) *Петя кольчч-и-с Маша-ысь.*  
 Петя остаться-PRТ-3 Маша-EL  
 ‘Петя отстал от Маши’.

Второй участник при глаголе *гажтӧмтчыны* ‘скучать’ может вводиться при помощи послелогоа *понда* ‘из-за, о’ и послелогоа *кузя* ‘по’ (22). Послелог *понда* ‘из-за, о’ используется для выражения причины ситуации. Пролативный послелог *кузя* ‘по’ употребляется для выражения движения по определенному маршруту, его использование при глаголе *гажтӧмтчыны* ‘скучать’ является, скорее всего, следствием калькирования русской модели, характерной для глагола *скучать*. В коми-зырянском языке глагол ‘скучать’ требует элатива (23).

## КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ

- (22) *Петя гажтӧмтч-ӧ Маша понда/Маша кузя.*  
 Петя скучать-PRS.3 Маша из-за Маша по  
 ‘Петя скучает по Маше’.

## КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ

- (23) *Петя гажтӧмтч-ӧ Маша-ысь.*  
 Петя скучать-PRS.3 Маша-EL  
 ‘Петя скучает по Маше’.

В ходе исследования установлено, что вариативность аргументной структуры для неканонических двухместных предикатов в коми-пермяцком языке характерна в разной степени: большинство глаголов имеет одну модель управления. Глаголы, обладающие двумя и более моделями управления, относятся к разным семантическим группам. Возможность нескольких моделей управления глаголов следует объяснить наличием значительного количества падежей и послелогов, которые могут выражать близкие к синонимичным отношения. Падежная система коми-пермяцкого языка выделяется на фоне системы коми-зырянского и удмуртского языков большим количеством единиц. В кудымкарско-иньвенском насчитывается 23 падежа<sup>4</sup>, из которых 14 составляют местные. Конкуренцию падежам составляют послелогии, большая часть которых представляет собой грамматикализованные падежные формы реляционных имен. Сопоставление пермяцкого и зырянского материала показало, что некоторые модели вариативного управления имеют параллели, родственные языки демонстрируют совпадающие модели вариативности (глаголы *выйны* ‘стрелять’, *вöсьявны* ‘подходить’, *видзöтны* ‘смотреть’). Между тем, в родственных языках один и тот же предикат может иметь разные аргументы: в коми-пермяцком глагол обладает несколькими моделями управления, в коми-зырянском имеет одну модель управления. Расхождения составляют глаголы ‘скучать’, ‘отстать’, ‘избегать’, ‘стесняться’, ‘прилипнуть’, требующие в коми-зырянском падежного (элатива и иллатива), в коми-пермяцком падежного и/или послеложного оформления актанта. Усиление роли послелогов в коми-пермяцком вызвано, скорее всего, стремлением точнее дифференцировать значения падежей и послелогов, а также влиянием русского языка.

### Список условных сокращений

1, 3 – 1, 3 лицо; AVL – аблатив; ACC – аккузатив; COM – комитатив; DAT – датив; EL – элатив; EGR – эгрессив; GEN – генитив; ILL – иллатив; INF – суффикс инфинитива; INS – инструменталис; PL – множественное число; POSS – притяжательный суффикс; PRS – настоящее время; PRT – прошедшее первое (претерит); SUPLAT – суперлатив; SUPESS – суперэссив.

<sup>4</sup> Согласно Р. М. Баталовой, падежная система в кудымкарско-иньвенском диалекте включает 24 единицы (Баталова 2002: 65). Консекутив по форме совпадает с дативом, что представляет собой не что иное, употребление датива в целевой функции, ввиду чего считать его отдельной грамматической единицей не приходится.

### Литература

- Баталова 1975 – Р. М. Баталова. Коми-пермяцкая диалектология, М.: Наука, 1975.
- Баталова 2002 – Р. М. Баталова. Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка. М. – Гронинген, 2002.
- Баталова, Кривощекова-Гантман 1985 – Р. М. Баталова, А. С. Кривощекова-Гантман. Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1985.
- Итоги 2010 – Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. ([http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/perepis2010/croc/perepis\\_itogi1612.htm](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm))
- Некрасова 1997 – Г. А. Некрасова. Инструменталь (творительный падеж) в пермских языках. [Сер. сообщ. «Научные доклады» 388]. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1997.
- Некрасова 2004 – Г. А. Некрасова. Вежлӧг перым кывъясын: пертас, вежӧртас, артманног. Велӧдчан небӧг. Сыктывкар, 2004.
- Некрасова 2011 – Г. А. Некрасова. Средства выражения инструмента в финно-угорских языках // Известия Коми научного центра УрО РАН 4, 8, 2011. С. 85–88.
- Рогов 1869 – Н. А. Рогов. Пермьцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб.: Тип. Акад. наук, 1869.
- Сай 2011 – С. С. Сай. Неканоническое маркирование актантов многоместных предикатов: опыт квантитативно-типологического исследования // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VII, 3, 2011. С. 424–430.
- Сорвачева (ред.) 1961 – В. А. Сорвачева (ред.). Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961.

### Источники

- Баталов, рук. – В. Я. Баталов. Ӗктӧм проза. Рукопись. (<http://fulib.ru/books.php?action=viewKomiPermyakKiv>)
- Перем коми – Перем коми отирлӧн висътасьӧм. (<http://fulib.ru/books.php?action=viewKomiPermyakKiv>)

### **G. Nekrasova, E. Sergeeva. Variability of double predicates argument structure in Komi-Permiak**

The paper summarises our research on bivalent predicates in Komi-Permiak language. It focuses on the verbs that manifest variation in argument structure. This may include competition between cases, between two or more postpositions or between a case and a postposition. This variation is shown to either depend on the semantics of the verb in question or be the result of Russian influence.

*Keywords:* Komi Permiak language, Komi language, case, postpositions, argument structure alternations.



А. Ч. Пиперски

## **ЧЕРЕДОВАНИЕ В КОРНЕ КАК ЗАЛОГ УСТОЙЧИВОСТИ: ИЗ ИСТОРИИ СИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматривается изменение словоизменительных классов глаголов в истории немецкого языка. Данный процесс рассматривается как языковое изменение, происходящее при усвоении языка детьми. Доказывается, что переход глаголов из сильного ( $\approx$  регулярного) спряжения в слабое ( $\approx$  нерегулярное) обуславливается различными факторами: в первую очередь это частотность лексем и структура их парадигм, а именно наличие/отсутствие чередований в настоящем времени. Наличие чередований позволяет детям, осваивающим язык, с большей вероятностью запомнить глагол как сильный и способствует сохранению исходного типа спряжения.

*Ключевые слова:* германские языки, немецкий язык, диахроническая морфология, чередования, парадигмы.

Глаголы немецкого языка подразделяются на два основных словоизменительных типа, которые условно называются сильным и слабым. В ходе истории немецкого языка многие глаголы, относящиеся к сильному спряжению, переходят в слабое (подробнее об этом см.: Carroll et al. 2012 и цит. лит.). Однако важно, что смена словоизменительного типа – это не простое изменение ярлыка в словаре, а сложный и постепенный процесс. Анализ этого процесса невозможен вне модели, описывающей механизмы морфологических изменений в целом.

Очевидно, что язык не передается из поколения в поколение как нерушимая система. Язык может изменяться, продолжая выполнять свою коммуникативную функцию, в первую очередь благодаря избыточности: даже если ребенок не совсем точно воспроизводит язык родителей, подобные помехи не препятствуют эффективной коммуникации между носителями языка (Бурлак, Старостин 2005: 25). Один и тот же элемент может интерпретироваться разными способами, и это является основным двигателем изменений на разных уровнях: и в фонетике (там же: 28–29), и в синтаксисе (Campbell 2004: 284), и в морфологии. В наиболее радикальных теориях постулируется, что неточная передача языка из поколения в поколение – это единственный источник значимых языковых изменений (Halle 1962).

Схожие идеи, подчеркивающие связь между усвоением языка детьми и языковыми изменениями, высказывал еще О. Есперсен (Jespersen 1922: 161–182).

Большинство морфологических изменений описывается как результат аналогии (ср. Носк 1991: 167–189), но по сути аналогия обычно являет собой не что иное, как реинтерпретацию исходного материала при усвоении родного языка. Хотя когнитивные способности человеческого мозга трудно объективно оценить, все морфологические теории исходят из того, что хранить в памяти все формы всех слов невозможно (Haspelmath, Sims 2010: 60–75). Это невозможно в первую очередь потому, что для того, чтобы **помнить** все формы всех слов, нужно их сначала **запомнить**, а значит, их необходимо **услышать**, – а это очевидным образом невозможно, поскольку количество услышанных нами форм конечно, так что человек при усвоении языка сталкивается лишь с некоторой частью потенциально возможных словоформ. Соответственно, все остальное носитель языка достраивает, используя для этого словоизменительные модели, сформировавшиеся на основе тех форм, которые находятся в памяти.

В какой мере человек запоминает формы, а в какой мере порождает их по правилам и моделям – это дискуссионный вопрос, однако сам факт наличия двух этих механизмов не вызывает сомнений у исследователей (*ibid.*: 60; Clark 2009: 178). Еще один вопрос, на который нет ответа, касается того, сколько раз при усвоении языка необходимо услышать ту или иную словоформу, чтобы запомнить ее.

По всей видимости, смена словоизменительных типов у немецких глаголов происходит именно в процессе усвоения языка как родного – при передаче языка от одного поколения к другому. Это подтверждается не только общими соображениями теоретического характера, представленными выше, но и реальными процессами, наблюдаемыми при усвоении родного языка немецкими детьми: они до определенного момента употребляют слабые формы от тех сильных глаголов, которые редко встречаются им в прошедшем времени (Faust 1980). Очевидно, когда количество детей, продолжающих образовывать формы сильного глагола по модели слабого спряжения вплоть до взрослого возраста, превышает некоторое критическое значение, этот глагол изменяет словоизменительный тип с сильного на слабый.

Разумеется, для того, чтобы слово могло пережить изменение словоизменительного типа, необходимо, чтобы его формы,

которые слышит и запоминает ребенок, могли быть отнесены по крайней мере к двум типам. Другими словами, все эти формы должны допускать неоднозначную интерпретацию и служить своего рода шарнирами, соединяющими несколько парадигм.

Таким образом, можно описать механизм смены словоизменительного типа при передаче языка из поколения в поколение:

– человек, усваивающий язык, слышит и запоминает некоторое количество форм данного слова, которые позволяют отнести его более чем к одному словоизменительному типу, и выбирает при достройке форм не тот словоизменительный тип, который выбирался в языке до него.

В свою очередь, сохранение словоизменительного типа при передаче языка из поколения в поколение может происходить разными путями:

– человек, усваивающий язык, слышит и запоминает все формы данного слова, тем самым полностью сохраняя словоизменительный тип;

– человек, усваивающий язык, запоминает некоторое количество форм данного слова, которые позволяют отнести это слово только к одному словоизменительному типу – к тому, который выбирался в языке до него;

– человек, усваивающий язык, запоминает некоторое количество форм данного слова, которые позволяют отнести его более чем к одному словоизменительному типу, и выбирает при достройке форм тот же словоизменительный тип, который выбирался в языке до него.

Разумеется, это лишь абстрактная модель, которая упрощает до единичного случая постепенный процесс, проходящий в сознании всего множества носителей языка. Однако эта модель полезна потому, что позволяет представить изменение словоизменительного типа как реальное языковое явление, а не просто как смену ярлыков в словаре по аналогии.

Тем не менее, этой модели недостаточно для работы с фактическим материалом. Поскольку вопрос о соотношении запоминания форм и достройки по правилам еще далек от решения, необходимо искать квантифицируемые лингвистические параметры, скоррелированные с вероятностью запоминания форм. Кроме того, нужно понять, почему при наличии конкуренции словоизменительных типов один из них побеждает (другими словами, какой из них и почему является продуктивным) и на каком этапе развития языка появляется возможность отнесения форм некоторого слова к разным типам. Необходимо также

выяснить, почему для одних слов отнесение слова к новому типу оказывается более вероятным, чем для других.

Применительно к конкретной проблеме перехода сильных глаголов в слабые это означает, что нужно дать ответ на три вопроса:

1) какой словоизменительный тип – сильные или слабые глаголы – является продуктивным в истории немецкого языка?

2) когда появилась возможность принять услышанные формы сильных глаголов за формы слабых глаголов? (Другими словами, когда появились «шарнирные» формы, допускающие неоднозначную интерпретацию?)

3) какие формализуемые факторы могут привести к тому, что для одних слов вероятность смены словоизменительного типа оказывается выше, чем для других?

Вопрос о продуктивности глагольных типов в германистике решается однозначно. Для прагерманского периода можно говорить о том, что аблаут – продуктивное морфологическое средство и, соответственно, сильные глаголы являются продуктивным словоизменительным типом (van Coetsem 1990: 13; Mailhammer 2007: 50), однако в исторически засвидетельствованных германских языках, в том числе в немецком, продуктивным классом являются слабые глаголы (Nübling et al. 2010: 45). Это объясняется в первую очередь большим количеством лексем, принадлежащих к числу слабых глаголов: если понимать регулярность как частотность словоизменительного типа (type frequency), неудивительно, что глаголы, которые ребенок при усвоении языка не может однозначно отнести к одному из типов спряжения, с большей вероятностью приписываются к тому из них, в котором глаголов больше.

Что касается наличия «шарнирных» форм, то до качественной и количественной редукции безударных гласных сильные глаголы отчетливо противопоставлялись двум из трех классов слабых глаголов (они условно обозначаются как 2-й и 3-й), которые характеризовались суффиксами *-ō-* и *-ē-* соответственно (у сильных глаголов между корнем и лично-числовым окончанием появляются другие тематические гласные). Однако противопоставление сильных глаголов слабым глаголам 1-го класса было менее отчетливым уже в древневерхненемецкий период, так как в большинстве форм презенса слабые глаголы 1-го класса оканчивались так же, как сильные глаголы, ср. парадигмы слабого глагола *suochen* ‘искать’ и сильного глагола *trīban* ‘гнать’:

Таблица 1. Парадигмы древневерхненемецких глаголов  
*suochen* ‘искать’ и *trīban* ‘гнать’

	ед. ч.	мн. ч.
1	<i>suochu = trību</i>	<i>suochemēs, suochamēs, suochēn ≈ trībumēs, trībamēs, trībemēs, trībēn</i>
2	<i>suochis = trībis</i>	<i>suochet = trībet</i>
3	<i>suochit = trībit</i>	<i>suochent ≠ trībant</i>

Таким образом, некоторые предпосылки для смешения сильных и слабых глаголов имелись с самого начала древневерхненемецкого периода. К его концу (т. е. к XI веку) из-за редукции всех безударных гласных до [ə] (на письме – *e*) эти предпосылки усилились: форм, допускающих двоякую интерпретацию, стало намного больше. Этот процесс в разных диалектах протекал с разной скоростью, а в некоторых маргинальных диалектах не завершился до сих пор (Braune 1886/2004: 60–64; Schirmunski 2010: 209–211), но обычно именно ослабление безударных гласных считается одним из признаков, отграничивающих древневерхненемецкий от средневерхненемецкого (Solms 2004: 1681).

Для того, чтобы тот или иной глагол мог перейти из сильного типа в слабый, необходимо, чтобы человек, усваивающий язык, услышал и запомнил только формы, не указывающие однозначно на тип спряжения. Однако возникает вопрос о том, почему с одними глаголами это происходит, а с другими – нет. Из модели морфологических изменений, представленной выше, следует, что вероятность смены словоизменительного типа будет велика в следующих случаях:

- усваивая язык, носитель слышит слишком мало форм глагола, чтобы однозначно отнести его к непродуктивному типу;
- усваивая язык, носитель слышит достаточно много форм, но сама парадигма глагола устроена так, что у носителя не оказывается оснований отнести глагол к непродуктивному (сильному) типу.

В первом случае смена словоизменительного типа происходит у низкочастотных глаголов, во втором случае – у глаголов с особыми свойствами парадигмы. Таким образом, можно выделить два фактора, которые влияют на сохранение/утрату сильного спряжения: **частотность** и **структура парадигмы**.

Значение частотности для морфологической системы германских глаголов в последние годы изучается весьма активно. Так, при помощи статистических методов было доказано, что более частотные английские глаголы меньше склонны к

регуляризации, чем менее частотные (Lieberman et al. 2007). Аналогичное исследование, имеющее более традиционный лингвистический уклон, было выполнено и для немецкого языка (Carroll et al. 2012). Эти работы подтвердили фактическими данными интуитивно очевидное предположение о том, что более частотные слова хорошо сохраняют словоизменительный тип, а менее частотные слова склонны изменяться под воздействием аналогии.

Сложнее решить вопрос о структуре парадигмы и ее влиянии на сохранение/утрату сильного спряжения. В Carroll et al. 2012: 164 приводится таблица, показывающая, что скорость перехода в слабый тип разнится в зависимости от того, к какому из семи традиционно выделяемых классов относится сильный глагол. Наиболее склонны к смене спряжения сильные глаголы VII класса (в этот класс входят те слова, которые в древневерхненемецком языке в прошедшем времени имели дифтонг с начальным компонентом переднего ряда; подробнее о германских классах сильных глаголов см., например: Макаев (отв. ред.) 1966: 301–339). Однако это лишь констатация факта, который нуждается в объяснении.

Такое объяснение может быть получено в рамках описанной выше модели смены словоизменительных типов. Однако имеет смысл говорить не о традиционно выделяемых семи классах, поскольку эта классификация затемнена фонетическими изменениями уже для древневерхненемецкого языка и адекватно применима лишь к прагерманскому и к готскому, а об особенностях структуры парадигмы тех глаголов, которые склонны к смене спряжения. В качестве материала для анализа взяты древнейшие изменения словоизменительных типов, которые происходили при переходе от древневерхненемецкого языка (в традиционной периодизации 750–1050 гг.) к средневерхненемецкому (1050–1350 гг.).

Подсчет, выполненный по словарю (Seebold 1970), показывает, что в древневерхненемецком языке имелось 270 сильных глаголов (если считать только корни, не учитывая отдельно лексемы с превербами). Разумеется, это число нельзя считать абсолютно точным, поскольку для редких глаголов многое зависит от интерпретации отдельных примеров, но использовать его как ориентир вполне можно.

Из этих 270 сильных глаголов по модели слабого спряжения в средневерхненемецком (исключительно или с сохранением редких реликтовых сильных форм) изменяются 14 глаголов:

*bluozan* ‘приносить в жертву’, *bōzan* ‘бить’, *brūhhan* ‘использовать’, *eihhan* ‘требовать’, *erren* ‘пахать’, *fluohhan* ‘бить’, *glīzan* ‘блестеть’, *klenan* ‘мазать’, *laffan* ‘хлепать’, *lechan* ‘капать’, *limpfan* ‘подходить, соответствовать’, *ouhhan* ‘увеличивать’, *sinnen* ‘идти’, *zeisan* ‘дергать’.

Очевидно, что переходу подвергаются не слишком частотные глаголы: мы имеем дело со стохастическим процессом, напоминающим радиоактивный распад, так что бессмысленно говорить про каждый отдельный глагол, почему он перешел или не перешел в слабое спряжение. Однако имеет смысл искать объяснение в том случае, если глаголы, характеризующиеся одним значением некоторого формального признака, ведут себя заметно иначе, чем глаголы с другим значением этого признака.

Такие признаки можно найти в структуре парадигмы, поскольку разные глаголы характеризуются разными моделями синкретизма основ. Примеры трех различных моделей синкретизма представлены в Таблице 2 на следующей странице.

Для наглядности синкретизм основ проиллюстрирован в Таблице при помощи карточных мастей: основа инфинитива и основа 1ЕД.ПРОШ всегда обозначаются как черви (♥) и бубны (♦) соответственно, а для не совпадающих с ними основ используются дополнительные знаки. Можно выделить три основных признака, характеризующих синкретизм. Они опираются на совпадение/несовпадение с инфинитивом форм ЕД.НАСТ и на наличие одной или двух основ в ПРОШ:

[± 1ЕД.НАСТ = ИНФ]: ♥ или ♠ в 1ЕД.НАСТ

[± 2–3ЕД.НАСТ = ИНФ]: ♥ или ♠ во 2–3ЕД.НАСТ

[± ЕД.ПРОШ = МН.ПРОШ]: ♦ или ♣ во 2ЕД.ПРОШ и МН.ПРОШ

Таблица 2. Модели синкретизма основ в древневерхненемецком языке

ИНФ: <i>neman</i> ♥ ‘брат’				
	НАСТ		ПРОШ	
	ЕД	МН	ЕД	МН
1	<i>nimu</i> ♠	<i>nemumēs</i> ♥	<i>nam</i> ♦	<i>nātum</i> ♣
2	<i>nimis</i> ♠	<i>nemet</i> ♥	<i>nāmi</i> ♣	<i>nāmut</i> ♣
3	<i>nimit</i> ♠	<i>nemant</i> ♥	<i>nam</i> ♦	<i>nāmun</i> ♣

ИНФ: <i>faran</i> ♥ ‘ехать’				
	НАСТ		ПРОШ	
	ЕД	МН	ЕД	МН
1	<i>faru</i> ♥	<i>farumēs</i> ♥	<i>fuor</i> ♦	<i>fuorum</i> ♦
2	<i>feris</i> ♠	<i>faret</i> ♥	<i>fuori</i> ♦	<i>fuorut</i> ♦
3	<i>ferit</i> ♠	<i>farant</i> ♥	<i>fuor</i> ♦	<i>fuorun</i> ♦
ИНФ: <i>loufan</i> ♥ ‘бежать’				
	НАСТ		ПРОШ	
	ЕД	МН	ЕД	МН
1	<i>loufu</i> ♥	<i>loufumēs</i> ♥	<i>leof</i> ♦	<i>leofum</i> ♦
2	<i>loufis</i> ♥	<i>loufet</i> ♥	<i>leofi</i> ♦	<i>leofut</i> ♦
3	<i>loufit</i> ♥	<i>loufant</i> ♥	<i>leof</i> ♦	<i>leofun</i> ♦

Очевидно, что сильный глагол сохраняет свое спряжение при передаче языка из поколения в поколение в следующих случаях:

– если ребенок, усваивающий язык, услышал и запомнил любую форму прошедшего времени (финитную или причастную), поскольку отсутствие суффикса с *-t-* однозначно указывает на сильное спряжение;

– если ребенок не услышал или не усвоил формы прошедшего времени:

– если корневой гласный глагола позволяет отнести его к большому ряду сильных глаголов (с высокой *type frequency*);

– если ребенок услышал и усвоил формы настоящего времени с разными гласными.

Из этого следует гипотеза, что глаголы с чередованием в ЕД.НАСТ должны лучше сохраняться как сильные. Эту гипотезу можно проверить на фактическом материале.

Из 270 древневерхненемецких сильных глаголов чередование во 2–3ЕД.НАСТ ([– 2–3ЕД.НАСТ = ИНФ]) имеют 149 глаголов, а чередование в 1ЕД.НАСТ ([– 1ЕД.НАСТ = ИНФ]) – 119 из этих 149 (глаголов с чередованием в 1ЕД.НАСТ, но без чередования во 2–3ЕД.НАСТ не бывает).

Распределив 14 глаголов, сменивших спряжение, по группам в зависимости от синкретизма основ в парадигме, получаем:

[+ 1ЕД.НАСТ = ИНФ] [+ 2–3ЕД.НАСТ = ИНФ]: *bluozan* ‘приносить в жертву’, *bōzan* ‘бить’, *brūhhan* ‘использовать’, *eihhan* ‘требовать’, *erren* ‘пахать’, *fluohhan* ‘бить’, *glīzan* ‘блестеть’, *limpfan* ‘подходить, соответствовать’, *ouhhan* ‘увеличивать’, *sinnan* ‘идти’, *zeisan* ‘дергать’



[+ 1ЕД.НАСТ = ИНФ] [- 2–3ЕД.НАСТ = ИНФ]: *laffan* ‘хлебать’  
 [- 1ЕД.НАСТ = ИНФ] [- 2–3ЕД.НАСТ = ИНФ]: *klenan* ‘мазать’,  
*lechan* ‘капать’

Таким образом, из 149 глаголов с чередованием во 2–3ЕД.НАСТ спряжение сменили 3 глагола, а из 121 глагола без такого чередования – 11 глаголов:

Таблица 3.

[- 2–3ЕД.НАСТ = ИНФ] ♠ во 2–3ЕД.НАСТ	3 / 149 = 2,0%
[+ 2–3ЕД.НАСТ = ИНФ] ♥ во 2–3ЕД.НАСТ	11 / 121 = 9,1%

Различие между этими двумя группами глаголов статистически значимо на стандартном уровне значимости 0,05 ( $p = 0,0197 < 0,05$ ). Таким образом, можно обоснованно говорить о том, что глаголы с чередованием в презенсе лучше сохраняют сильный тип, чем глаголы без такого чередования.

Влияет ли на сохранность сильного спряжения наличие или отсутствие чередования в 1ЕД.НАСТ, проверить не удастся, поскольку есть лишь три глагола, сменивших спряжение и различающихся между собой только по этому признаку:

Таблица 4.

[- 1ЕД.НАСТ = ИНФ] ♠ в 1ЕД.НАСТ	2 / 119 = 1,7%
[+ 1ЕД.НАСТ = ИНФ] ♥ в 1ЕД.НАСТ	1 / 30 = 3,3%

Таким образом, смена сильного спряжения на слабое в истории немецкого языка – это сложный процесс, который протекает при передаче языка от поколения к поколению. Он в первую очередь затрагивает низкочастотные глаголы, а также глаголы, недостаточно маркированные как сильные из-за отсутствия чередования в ЕД.НАСТ; напротив, наличие чередований является залогом устойчивости сильного спряжения, поскольку не дает возможности переинтерпретировать глагол как слабый. Эти выводы согласуются как с теоретической моделью, объясняющей изменение словоизменительных типов как результат помех при передаче языка от родителей детям, так и с реальными фактами, наблюдаемыми на рубеже древневерхненемецкого и средневерхненемецкого периода.

### Список условных сокращений

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; Ед – единственное число; МН – множественное число; НАСТ – настоящее время; ПРОШ – прошедшее время.

### Литература

- Бурлак, Старостин 2005 – С. А. Бурлак, С. А. Старостин. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Academia, 2005.
- Макаев (отв. ред.) 1966 – Э. А. Макаев (отв. ред.). Сравнительная грамматика германских языков. Т. IV. Морфология (продолжение). М.: Наука, 1966.
- Braune 1886/2004 – W. Braune. Althochdeutsche Grammatik I: Laut- und Formenlehre. Bd. I (1886) / I. Reiffenstein (bearb.). Tübingen: Niemeyer, 2004.
- Campbell 2004 – L. Campbell. Historical Linguistics: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004.
- Carroll et al. 2012 – R. Carroll, R. Svare, J. Salmons. Quantifying the evolutionary dynamics of German verbs // Journal of Historical Linguistics 2, 2, 2012. P. 153–172.
- Clark 2009 – E. V. Clark. First Language Acquisition. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2009.
- van Coetsem 1990 – F. van Coetsem. Ablaut and Reduplication in the Germanic Verb. Heidelberg: Carl Winter, 1990.
- Faust 1980 – M. Faust. Morphologische Regularisierung im Sprachwandel und Spracherwerb // Folia Linguistica 14, 1980. S. 387–411.
- Halle 1962 – M. Halle. Phonology in generative grammar // Word 18, 1962. P. 54–72.
- Haspelmath, Sims 2010 – M. Haspelmath, A. Sims. Understanding Morphology. 2<sup>nd</sup> ed. London: Hodder Education, 2010.
- Hock 1991 – H. H. Hock. Principles of historical linguistics. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1991.
- Jespersen 1922 – O. Jespersen. Language, its nature, development and origin. London: G. Allen & Unwin, 1922.
- Lieberman et al. 2007 – E. Lieberman, J.-B. Michel, J. Jackson, T. Tang, M. A. Nowak. Quantifying the evolutionary dynamics of language // Nature 449, 2007. P. 713–716.
- Mailhammer 2007 – R. Mailhammer. The Germanic Strong Verbs. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007.
- Nübling et al. 2010 – D. Nübling, A. Dammel, J. Duke, R. Szczepaniak. Historische Sprachwissenschaft des Deutschen: Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwandels. 3. Aufl. Tübingen: Gunter Narr, 2010.
- Schirmunski 2010 – V. Schirmunski. Deutsche Mundartkunde. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010.
- Seebold 1970 – E. Seebold. Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben. The Hague – Paris: Mouton, 1970.
- Solms 2004 – H.-J. Solms. Vom Althochdeutschen zum Neuhochdeutschen // G. Booij, Ch. Lehmann, J. Mugdan, S. Skopeteas (eds.). Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung. 2. Halbband. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2004. S. 1680–1698.

**A. Piperski. Root vowel alternation as stability factor: some notes on the history of German strong verbs**

This paper describes inflectional class change in the course of the history of German. This process is interpreted as child-based language change. I argue that the transition of strong (irregular) verbs into weak (regular) conjugation is governed by different factors, the most important being frequency and paradigm structure, namely the presence or absence of alternations in the present tense. If there are alternations, the verb is more likely to be memorized as a strong one by native learners, which increases its chances of retaining the irregular paradigm.

*Keywords:* Germanic linguistics, German, diachronic morphology, alternations, paradigms.

Д. К. Привознов

## СЕМАНТИКА ГЛАГОЛЬНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ -*ǰ* В МИШАРСКОМ ДИАЛЕКТЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА<sup>1</sup>

Данная статья посвящена семантике показателя -*ǰ* в мишарском диалекте татарского языка. Эта морфема встречается во многих тюркских языках, и может иметь несколько разных значений. В мишарском диалекте можно выделить, по крайней мере, четыре значения показателя -*ǰ*: реципрок, депациентив (удаление пациенса из исходной событийной структуры), ассистив и значение событийной множественности. Наиболее продуктивной деривацией на -*ǰ* в мишарском диалекте является ассистив. В этом значении -*ǰ* вводит в аргументную структуру исходного глагола аргумент с семантической ролью агенса и новое подсобытие. Агенса ситуации, обозначаемой исходным глаголом, кодируется дативным падежом. Новый агент – номинативом. Дериват на -*ǰ* обозначает сложную ситуацию, состоящую из двух подсобытий: подсобытия исходного глагола и подсобытия с такими же дескриптивными характеристиками, но с другим агентивным участником. Кроме семантических и синтаксических характеристик деривации на -*ǰ* в статье рассматривается взаимодействие этого показателя с продуктивным в мишарском диалекте показателем дистантного каузатива.

*Ключевые слова:* актантные дериваций, мишарский диалект татарского языка, аппликатив.

### 1. Морфема -*ǰ* как показатель актантной деривации

#### 1.1. Проблема полисемии -*ǰ*

В разных работах, посвященных татарскому языку (Махмутова 1978; Закиев и др. (ред.) 1993; Бонч-Осмоловская 2007) и тюркским языкам в целом (Nedjalkov 2006) отмечалась полисемия показателя -*ǰ* и его коррелятов. Чаще всего реципрокальное значение выделялось как базовое. Но наряду с ним в качестве периферийных значений -*ǰ* упоминались и другие актантные деривации (апликатив, депациентив), а иногда и некоторые аспектуальные значения (итератив).

---

<sup>1</sup> Данные мишарского диалекта татарского языка были собраны при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00884а. Данная работа написана при поддержке гранта Министерства образования и науки Российской Федерации, проект 14.В37.21.1004 «Модели падежной грамматики и естественный язык».

В данной работе полисемия -š рассматривается на материале мишарского диалекта татарского языка (говоры с. Кутлушкино Чистопольского р-на республики Татарстан, с. Рыбушкино Краснооктябрьского р-на Нижегородской области). В рамках исследования делается попытка сформулировать инвариант значения этого показателя, из которого, с учетом свойств исходного глагола, выводилось бы каждое конкретное его значение.

### 1.2. Данные мишарского диалекта

Семантика показателя -š была исследована на материале выборки из 80 глаголов разных аргументных структур, акциональных и семантических классов.

Были выделены четыре глагольные деривации, чаще всего приводимые в литературе в качестве значений -š: аппликатив (ассистивное значение), собственно реципрок, депациентив и итеративное значение. Для каждого глагола из выборки была проверена возможность присоединять -š в том или ином из этих значений. Таким образом, был уточнен список типов дериватов, которые может образовывать -š, и были исследованы глагольные ограничения на их образование.

## 2. Деривации, обозначаемые -š

### 2.1. Ассистивное значение

В ассистивной конструкции с дериватом на -š в исходную аргументную структуру вводится новый актанта, выражаемый ИГ в дативе (*rüstemgä* в (1б)), как при аппликативной актантажной деривации (см. Pytkkanen 2002):

(1a) *rüstem ruslan-ny kyr-a*  
 Рустем Руслан-ACC брить-ST.IPFV  
 ‘Рустем бреет Руслана’.

(1б) *marat rüstem-gä ruslan-ny kyr-š-a*  
 Марат Рустем-DAT Руслан-ACC брить-ST-REC-ST.IPFV  
 ‘Марат помогает Рус temu брить Руслана’.

Логически возможен и другой вариант анализа такой деривации. Можно считать, что новый актанта занимает позицию подлежащего, в то время как агенс исходного глагола кодируется дативной ИГ.

Последний вариант представляется более предпочтительным в силу следующих соображений. Во-первых, в отличие от аппликативной АД, в ситуациях, обозначаемых предложениями типа (1б), и аргумент, кодируемый подлежащим, и аргумент,

кодируемый ИГ в дативе, всегда являются участниками обозначаемой глаголом ситуации:

- (2) *marat brat-γ-n-a jer-e-š-ä*  
 Марат брат-3-OBL-DAT ходить-ST-REC-ST.IPFV  
 ‘Марат помогает брату ходить’ (показывает, как нужно ходить, Марат и брат ходят вместе).

Во-вторых, в отличие от аппликативной конструкции, оба эти участника всегда играют семантическую роль агенса. Например, у глагола *ač* ‘открывать’ участник, выражаемый подлежащим, может быть как агенсом, так и эффектором (3) (см. Падучева 2001). В то время как у его деривата на *-š* на месте подлежащего может быть только агенс (4). Следовательно, ролевые характеристики участника, занимающего позицию подлежащего в ассистивной конструкции, контролируются не глагольной лексемой, а семантикой *-š*.

- (3) *žil išek-ne ač-tv*  
 ветер дверь-ACC открывать-PST  
 ‘Ветер открыл дверь’.

- (4) *\*žil marat-ka išek-ne ač-γ-š-tv*  
 ветер Марат-DAT дверь-ACC открывать-ST-REC-PST  
 Ожид.: ‘Ветер помог Марату открыть дверь’ (Марат открывал дверь, подул ветер, и дверь открылась).

Отметим еще одно важное свойство ассистивного деривата на *-š*: он всегда обозначает две ситуации, что выражается, в частности, в интерпретации временных наречий (5).

- (5) *zehrä kičä alsu-ga bakča-ga su sib-e-š-te*  
 Зухра вчера Алсу-DAT огород-DAT вода лить-ST-REC-PST  
 ‘Зухра вчера помогла Алсу полить огород’.  
 1. ‘Зухра и Алсу вчера поливали огород’;  
 2. ‘Зухра вчера поливала огород, а Алсу – сегодня’.

## 2.2. Реципрок и депациентив

Реципрокальный дериват на *-š* обозначает сложную ситуацию, включающую в себя два подсобытия, в каждом из которых аргументы исходного глагола играют роли агенса и пациенса:

- (6) *marat ruslan belän sug-γ-š-tv*  
 Марат Руслан с ударять-ST-REC-PST  
 ‘Марат подрался с Русланом’.

Реципрок на -š в мишарском диалекте может совмещать как валентности на агенса и пациенса, как в (6), так и валентности на агенса и цель, как в (7).

- (7) *marat belän ruslan*  
 Марат с Руслан  
*taš-lar-ny bär-e-š-te-lär*  
 камень-PL-ACC бросать-ST-REC-PST-PL  
 ‘Марат и Руслан бросали друг в друга камни’ (перебрасывались  
 одними и теми же камнями).

Дериват на -š в реципрокальном значении может иметь как актуально-длительную, так и хабитуальную интерпретацию.

### 2.3. Депациентив

При образовании депациентива из исходной аргументной структуры удаляется участник с семантической ролью пациенса или цели.

- (8) *bu malaj taš-lar /\*taš-lar-ny*  
 этот мальчик камень-PL камень-PL-ACC  
*bär-e-š-ä*  
 бросать-ST-REC-ST.IPFV  
 ‘Этот мальчик бросается камнями (постоянно)’.

В мишарском диалекте конструкция с депациентивом на -š всегда имеет только хабитуальную интерпретацию и всегда может быть «дополнена» до реципрокальной конструкции путем присоединения ПГ с послелогом *belän* ‘с’. Таким образом, депациентив на -š удобнее анализировать не как независимое значение морфемы -š, а как конструкцию с реципроком, в которой опущена нереферентная ПГ, выражающая второго реципроканта.

### 2.4. Итератив

Итеративный дериват на -š обозначает множество ситуаций, в каждой из которых роль агенса играет один из референтов ИГ в позиции подлежащего:

- (9) *bala-lar čab-γ-š-tγ-lar*  
 ребенок-PL бежать-ST-REC-PST-PL  
 ‘Дети бегали туда-сюда’.

### 3. Глагольные ограничения

Дериваты на -š образуются только от глаголов с семантической ролью агенса в аргументной структуре.

Наиболее продуктивным значением -š в мишарском диалекте является ассистивная АД.

Если исходный глагол имеет в аргументной структуре одушевленный аргумент кроме агенса, при присоединении -š он может образовывать реципрок<sup>2</sup>.

Итеративный дериват на -š образуется от некоторых (но не от всех) агентивных одноместных глаголов.

### 4. Инвариант значения

Итак, все деривации на -š образуют от исходного глагола, обозначающего одну ситуацию с одним агенсом, предикат, обозначающий множество ситуаций, в каждой из которых есть свой участник с семантической ролью агенса.

Показатель -š в наиболее продуктивном ассистивном значении можно анализировать как семантико-синтаксический оператор, вводящий в ситуацию «X совершает действие P», обозначаемую глагольной группой, нового агенса Y и ситуацию «Y выполняет действие P<sub>1</sub>, такое же, как P». Такой анализ объясняет ограничения на контролируемость исходного глагола, поскольку вводимый аргумент является агенсом ситуации, тождественной по своим свойствам событию, обозначаемому исходным глаголом.

Реципрокальную и итеративную деривации можно считать словарными процессами, образующими от некоторых контролируемых глаголов новые лексемы, обозначающие сложную ситуацию, включающую несколько подсобытий.

### Список условных сокращений

3 – 3 лицо; АД – актантная деривация; ИГ – именная группа; ПГ – послеложная группа; ACC – аккузатив; DAT – датив; OBL – косвенная основа; PL – множественное число; PST – претерит; REC – показатель -S; ST – производная основа; IPFV – имперфектив.

---

<sup>2</sup> Второй одушевленный аргумент исходного глагола чаще всего играет роль цели и обязательно должен быть участником обозначаемой глаголом ситуации (например, реципрок не образуется от аппликативной конструкции типа «сшить кому-то платье»).



### Литература

- Бонч-Осмоловская 2007 – А. А. Бонч-Осмоловская. Семантика актантных дериваций // Е. А. Лютикова, К. И. Казенин, В. Д. Соловьев, С. Г. Татевосов (ред.). Мишарский диалект татарского языка: Очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф, 2007. С. 143–191
- Закиев и др. (ред.) 1993 – М. З. Закиев, Ф. А. Ганиев, К. З. Зинатуллина (ред.). Татарская грамматика. Казань: Татарское книжное издательство, 1993.
- Махмутова 1978 – Л. Т. Махмутова. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка, М.: Наука, 1978.
- Падучева 2001 – Е. В. Падучева. Каузативные глаголы и декаузативы в русском языке // Русский язык в научном освещении 1, 2001. С. 52–79.
- Nedjalkov 2006 – V. P. Nedjalkov. Reciprocal constructions of Turkic languages in the typological perspective // Turkic Languages 10, 2006. P. 3–46.
- Pykkänen 2002 – L. Pykkänen. Introducing Arguments. PhD Thesis. MIT, Cambridge, Mass., 2002.

#### **D. Privoznov. Semantics of a derivational morpheme -š in the Mishar dialect of Tatar**

This article is devoted to the semantics of the morpheme -š in the Mishar dialect of Tatar. The suffix appears in many Turkic languages and usually can have many different interpretations. In the Mishar dialect the morpheme has at least four meanings: reciprocal, depatientive (the patient is deleted from the argument structure of the verb), assistive and event plurality. The most productive alternation with -š in the Mishar dialect is the assistive. By the assistive alternation -š introduces a new argument with the theta-role of agent and a new subevent. Previous agent receives dative case. New agent receives nominative. The verb with -š denotes a complex situation with two subevents: the subevent of the initial verb and a subevent with the same descriptive characteristics, but with a different agent. Besides semantics and syntax of the verb alternation in question the article concerns the interaction of the suffix -š and another highly productive suffix of the Mishar dialect denoting a causative alternation.

*Keywords:* verb alternations, the Mishar dialect of Tatar, applicative

## МЕХАНИЗМЫ ФОКУСНОГО МАРКИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ВОСТОЧНОАРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье описаны принципы фокусного маркирования в современном восточноармянском языке. В предложениях с синтетическими глагольными формами основным механизмом фокусного выделения является постановка фокусной составляющей в позицию непосредственно перед глаголом. В аналитических конструкциях представлена типологически достаточно редкая модель маркирования фокусного аргумента – при помощи вспомогательного глагола-связки, помещаемого в позицию непосредственно после фокусного аргумента. Отдельно рассматриваются контексты с фокусом и отрицанием, а также с сочетаниями типа *lac' linel* 'плакать', обнаруживающими с точки зрения фокусного выделения ряд особенностей. Дается также краткий очерк ситуации в древнеармянском языке (где, по всей видимости, механизм выделения фокусного аргумента при помощи вспомогательного глагола, столь характерный для современного состояния языка, еще не успел сложиться).

*Ключевые слова:* аналитические/синтетические глагольные формы, вспомогательный глагол-связка, линейный порядок слов, современный восточноармянский язык, фокусное маркирование.

### 1. Введение

Настоящая работа посвящена описанию некоторых особенностей фокусного выделения в современном восточноармянском литературном языке (далее, где это не приводит к неоднозначности, просто «армянский») – а именно, маркированию фокусной составляющей при помощи вспомогательного глагола-связки. Тезисно этот вопрос уже был освещен в нашей работе (Семёнова 2011); здесь же мы попытаемся представить чуть более подробное описание.

Фокусным, в первом приближении, будем считать тот элемент предложения, который несет новую или наиболее значимую для адресата информацию (не уточняя деталей, ограничимся этой формулировкой для описательных целей<sup>1</sup>).

Как правило, следующие единицы всегда находятся в фокусе: а) вопросительные слова в частных вопросах; б) элемент

---

<sup>1</sup> Среди классических теоретических работ, посвященных фокусному маркированию, стоит, безусловно, назвать Lambrecht 1994.

предложения (слово или составляющая), соотносящийся с вопросительным словом при частном вопросе. Кроме того известно, что с фокусированием тесно связаны показатели отрицания (применительно к данным армянского языка этот вопрос рассматривается в разделе б).

К основным способам выражения фокуса можно отнести следующие языковые механизмы:

а) интонационное выделение;

б) изменение линейного порядка элементов предложения;

в) подвижные («плавающие») показатели – элементы в составе (аналитической) глагольной формы, выражающие предикативные категории предложения; в частном случае – глагол-связка;

г) специализированные показатели фокуса;

д) дискурсивные частицы типа ‘ведь’, ‘же’, ‘ли’ и т. п.

Зачастую языки не ограничиваются каким-либо одним из перечисленных выше способов, а используют различные их сочетания: так, интонационное выделение в большинстве случаев сопутствует иным способам выделения фокусной составляющей, но, безусловно, может применяться и само по себе; выделение фокусного аргумента при помощи плавающих показателей, в ряде случаев, подразумевает изменение линейного порядка составляющих внутри высказывания и т. д. В рамках данной работы нас в первую очередь, будет интересовать маркирование фокусного аргумента при помощи вспомогательного глагола-связки (т. е. контексты с аналитическими глагольными формами), перемещаемого в предложении в позицию после фокусного аргумента. Типологически такая стратегия едва ли может быть признана широко распространенной (помимо ряда языков кавказского ареала<sup>2</sup>, нам известно о существовании в чем-то аналогичного явления в венгерском – см., например: Horvath 1981). Безусловно, крайне интересным представляется вопрос о возникновении подобного механизма, однако это тема для отдельного обширного исследования, которое находится за рамками данной работы.

---

<sup>2</sup> Специально вопрос о сопоставлении механизмов фокусного маркирования в восточноармянском и некоторых нахско-дагестанских языках рассматривается в нашей работе: Семёнова 2014.

## 2. Некоторые общие замечания

Армянский – язык со свободным порядком слов, допустимы все шесть вариантов взаимного расположения субъекта, объекта и предиката. Вопрос о базовом порядке слов остается во многом открытым, с уверенностью можно лишь говорить, что и SVO, и SOV могут расцениваться носителями как нейтральные с точки зрения фокусного маркирования.

Для целей данной статьи существенно учитывать разделение армянских глагольных форм на синтетические и аналитические (вопрос о формальной организации армянской глагольной парадигмы мог бы стать темой для отдельного исследования, так что здесь мы касаться его не будем; о семантической стороне проблемы см.: Плунгян 2006). Для большинства восточноармянских глаголов (кроме глагола-связки и нескольких стативов) аналитическими являются все формы изъявительного наклонения за исключением аориста, примыкающего к синтетическим императиву, конъюнктиву и кондиционалису. Аналитические глагольные формы состоят из деепричастия основного глагола (образуемого от основы при помощи показателей имперфектива *-im*, перфекта *-el*, результата *-ac* и дестинатива *-lu*) и спрягаемой связки ‘быть’ (ее синтетическую парадигму см. в Таблице 1).

Таблица 1. Спряжение вспомогательного глагола-связки

	AFFIR		NEG	
	PRES	PAST	PRES	PAST
1SG	<i>em</i>	<i>ēi</i>	<i>č'-em</i>	<i>č'-ēi</i>
2SG	<i>es</i>	<i>ēir</i>	<i>č'-es</i>	<i>č'-ēir</i>
3SG	<i>ē</i>	<i>ēr</i>	<i>č'-i<sup>3</sup></i>	<i>č'-ēr</i>
1PL	<i>enk'</i>	<i>ēink'</i>	<i>č'-enk'</i>	<i>č'-ēink'</i>
2PL	<i>ek'</i>	<i>ēik'</i>	<i>č'-ek'</i>	<i>č'-ēik'</i>
3PL	<i>en</i>	<i>ēin</i>	<i>č'-en</i>	<i>č'-ēin</i>

В контекстах с синтетическими глагольными формами основной механизм выделения фокусного аргумента – изменение порядка слов и интонация (примеры см. ниже в разделе 4). В контекстах с аналитическими глагольными формами вспомогательный глагол-связка *ē* непосредственно следует за фокусным аргументом. Вообще говоря, вопрос о способах фокусного маркирования не является новым для арменистики – уже в

<sup>3</sup> Отрицательная форма 3SG в функции бытийного глагола выглядит как *č'ē* (ср. пример (3)).

грамматике И. К. Кусикьяна отмечается, что «особым качеством составной формы является возможность постановки вспомогательного глагола перед причастием или деепричастием и вообще отделения его от последних дополнениями, если это необходимо по соображениям логического ударения» (Кусикьян 1950: 69). Специально этой теме посвящена статья Б. Комри (Comrie 1984). Можно упомянуть работу А. Тамразян (Tamrazian 1991 – не слишком удачная, на наш взгляд, попытка описания механизмов фокусирования в рамках генеративной теории), а также раздел грамматики Я. Дум-Трагут (Dum-Tragut 2009: 629–644).

При нейтральном, с точки зрения фокусного маркирования, употреблении в утвердительных контекстах с аналитическими формами связка следует за деепричастием (о контекстах с отрицанием будет сказано отдельно). Ср. примеры ниже, где (1) представляет собой последовательное описание фоновых событий, ни одно из которых не является выделенным; пример же (2) содержит фокус на наречии (в пользу такой трактовки говорит не только расширенный контекст, который здесь мы не приводим в целях экономии места, и позиция связки, но и тот факт, что наречие *uš* ‘поздно’ имеет при себе модификатор степени *bavakan* ‘значительно, заметно, в достаточно высокой степени’):

(1) *Ayd* *ōr-n* *Armen* *Sargsyan-ə*  
 тот день-DEF Армен Саргсян-DEF  
*xm-ac,* *uš* *gnac'-el* *ē* *tun* <...><sup>4</sup>  
 пить-RES поздно идти-PF AUX.PRES.3SG дом  
 ‘В тот день Армен Саргсян, выпив, поздно вернулся домой’ {,  
 посмотрел на свадебную фотографию над столом и сказал жене:  
 <...>}

(2) *Ayd* *ereko es bavakan* *uš*  
 тот вечер я значительно поздно  
*em* *gn-um* *tun.*  
 AUX.PRES.1SG идти-IPFV дом  
 ‘В этот вечер я возвращаюсь домой довольно поздно’.

<sup>4</sup> Здесь и далее, если не сказано иного, примеры взяты из Восточно-армянского национального корпуса (<http://www.eanc.net>). Транслитерация дается в соответствии с этим ресурсом (где, в свою очередь, она практически полностью воспроизводит транслитерацию Хюбшмана-Мейе – подробнее см. на сайте проекта). Автор глубоко признателен Виктории Хуршудян за помощь с языковым материалом.

В армянском языке существует запрет на расположение фокусной составляющей справа от глагола. Выдвижение фокусной составляющей в абсолютное начало предложения является возможным, но не обязательным.

Фокус в армянском может маркироваться и лексически (эти случаи остаются за рамками настоящей статьи) – при помощи дискурсивных частиц со значением ‘ведь, же’: *č'ē or, axr* (разг.), *ho* (разг.), употребляемых преимущественно перед именной группой или же в начале всего предложения. Ср.:

- (3) *Mard ē, ho k'ar č'-ē!*  
 человек быть.PRES.3SG но ведь камень NEG-быть.PRES.3SG  
 ‘Но он человек, он же не камень!’

В рамках данной работы мы ограничимся контекстами с формами изъявительного наклонения, где фокусное маркирование выражается теми или иными морфосинтаксическими средствами.

### 3. Некоторые частные случаи

В самых общих чертах принципы фокусного маркирования в армянском впервые, пожалуй, были изложены у Комри (Comrie 1984), однако эта работа в основном посвящена анализу вопросительных конструкций с синтетическими глагольными формами (что нас как раз будет интересовать в меньшей степени). Кроме того не все выводы, сделанные Б. Комри, надежно подкрепляются языковыми данными. Так, например, для контекстов с вопросительными местоимениями *ov* ‘кто’ и *inč'* ‘что’ постулируется обязательное помещение этих компонентов непосредственно в предглагольную позицию – что в целом, безусловно, верно, однако имеется ряд случаев, например, с сочетанием *karog ē* ‘быть способным, мочь’, где данное правило не выполняется:

- (4) *Tas-ə rope-um es inč' karog*  
 10-DEF минута-LOC я что способный  
*em an-el?*  
 быть.PRES.1SG делать-INF  
 ‘Что я могу сделать за десять минут?’

Согласно данным Восточноармянского национального корпуса, вопросительная конструкция типа *inč' + ē + karog + V<sub>INF</sub>* (т. е. те случаи, когда связка следует непосредственно за вопросительным местоимением) встречается всего 8 раз. Базо-

вым (более 2000 вхождений) является вариант с порядком слов, представленным в (4). Такое положение дел, по всей видимости, можно считать результатом более тесной (по сравнению со связью внутри аналитической глагольной формы) семантической связи между элементами *karog* и  $\bar{e}$ .

Отметим существование еще одного класса случаев, также упомянутого в Comrie 1984, когда вспомогательный глагол в составе аналитической формы не склонен отрываться от элемента, за которым, так сказать, закреплен. Речь идет о весьма частотных в армянском сочетаниях «существительное/прилагательное + десемантизированный глагол»<sup>5</sup>: *lac' linel* 'плакать' (досл. 'слеза быть'), *bac' anel* 'открывать' ('открытый делать'), *log' tal* 'плавать' ('плавание дать') и т. п. В контекстах с аналитическими формами подавляющее большинство употреблений имеет вид N/Adj +  $\bar{e}$  + V<sub>PTCP</sub>, т. е. связка непосредственно следует за именным компонентом:

- (5) *Amen gišer im partez-um*  
каждый ночь мой сад-LOC  
*lalkan uři-n, hez uři-n,*  
плакучий ива-DEF нежный ива-DEF  
*vštatoč'or lac' ē lin-um,*  
горестно слеза AUX.PRES.3SG быть-IPFV  
*lac' ē lin-um im uři-n.*  
слеза AUX.PRES.3SG быть-IPFV мой ива-DEF  
'Кажую ночь в моем саду плакучая ива, нежная ива горько льет слезы, слезы льет моя ива'<sup>6</sup>. (Аветик Исаакян)

Напомним, что нейтральным, с точки зрения фокусного маркирования, является порядок со связкой, следующей за деепричастной формой, т. е., мы бы ожидали последовательности N/Adj + V<sub>PTCP</sub> +  $\bar{e}$  (вида *lac' linum ē*), в реальности практически не встречающейся. Из этого, однако, безусловно, не следует, что имя в подобных конструкциях находится в фокусной позиции; причина, по всей видимости, в том, что большая часть указанных сочетаний находится на начальном этапе грамматикализации, и, как следствие, между их элементами сформировалась

<sup>5</sup> Вероятно, можно было бы называть их составными глаголами (как это делается для сходных образований иранских или дагестанских языков), однако, поскольку специально вопрос о природе этих конструкций мы не исследовали, то воздержимся от употребления этого термина.

<sup>6</sup> Ср. известный перевод А. Блока: «Ночью в саду у меня // Плачет плакучая ива, // И безутешна она, // Ивушка, грустная ива».

иная, более жесткая система линейных связей, чем это характерно для свободных сочетаний. Сказанное, впрочем, вовсе не означает, что фокусное выделение в контекстах с такими глаголами невозможно – существенно, что большинство устойчивых сочетаний имени с десемантизированным глаголом имеют одноклассный аналог, на который при необходимости в фокусных контекстах могут быть заменены (иногда с точностью до стилистических различий): ср. *lac' linel ~ lac'el* ‘плакать’, *log'tal ~ log'al* ‘плавать’ и т. п.

#### 4. Фокусное маркирование в контекстах с синтетическими глагольными формами

В отношении фокусного маркирования в предложениях с синтетическими формами основные закономерности достаточно точно изложены в Comrie 1984. Кратко суммируем их ниже.

Фокусной является позиция непосредственно перед финитным глаголом; если в фокусе находится сам глагол, он выдвигается в начало предложения (также возможно фокусирование на глаголе без изменения порядка составляющих – при помощи интонации), ср. пример (6) из корпуса и его дальнейшие модифицированные варианты<sup>7</sup>:

- (6) *Na goğac'-av nkar-ner-ə.*  
 он воровать-AOR.3SG картина-PL-DEF  
 ‘Он украл картины’ / ‘Он украл картины’.
- (7) *Na nkar-ner-ə goğac'-av.*  
 он картина-PL-DEF воровать-AOR.3SG  
 ‘Он украл картины’.
- (8) *Goğac'-av nkar-ner-ə na.*  
 воровать-AOR.3SG картина-PL-DEF он  
 ‘Он украл картины’.

В случае с общим вопросом нет необходимости менять линейный порядок слов, он остается таким же, как в утвердительной форме. На письме над элементом, к которому задается

<sup>7</sup> Здесь и далее в языковых примерах первым приводится нейтральное с точки зрения фокусного маркирования высказывание (т. е. такое, где ни одна из составляющих по смыслу специально не выделена); фокусный аргумент в переводе и сам маркер выделяется полужирным (в случаях, аналогичных примеру (7), где фокусирование достигается путем переноса единицы в позицию перед глаголом, глагол полужирным не выделяется, поскольку сам по себе фокуса не маркирует).



вопрос, ставится знак вопроса: <sup>?</sup>; в речи этому соответствует интонационное выделение. При частном вопросе вопросительное слово, как правило (но необязательно, ср. (10)), занимает начальную позицию в предложении, за ним непосредственно следует глагол:

- (9) *Inč' patah-ec' jez?*  
 что случиться-AOR.3SG вы.DAT  
 'Что с вами случилось?'
- (10) *Juk ors-al-n inč' eġ-av?*  
 рыба ловить-INF-DEF что быть-AOR.3SG  
 'Как прошла рыбалка?'

Вопроса о фокусе и отрицании, которому Б. Комри уделяет некоторое внимание, мы коснемся отдельно.

### 5. Фокусное маркирование в контекстах с аналитическими глагольными формами

Итак, как уже неоднократно упоминалось, в случае с аналитическими глагольными формами связка выступает в роли фокусного показателя и употребляется в постпозиции к фокусному аргументу. Примеры (11)–(14), к сожалению, несколько искусственные и, возможно, требуют более широкой контекстной поддержки, но для наглядной демонстрации ряда особенностей фокусного маркирования в армянском, как кажется, вполне подходят:

- (11) *Vard-n ač-um ē p'ok'r partez-um.*  
 роза-DEF расти-IPFV AUX.PRES.3SG маленький сад-LOC  
 'Роза растет в маленьком саду'.
- (12) *Vard-ə p'ok'r partez-um ē ač-um.*  
 роза-DEF маленький сад-LOC AUX.PRES.3SG расти-IPFV  
 'Роза растет в маленьком саду'.
- (13) *Vard-ə partez-um ē p'ok'r ač-um.*  
 роза-DEF сад-LOC AUX.PRES.3SG маленький расти-IPFV  
 'Роза растет в маленьком саду'.
- (14) *P'ok'r partez-um ē ač-um vard-ə.*  
 маленький сад-LOC AUX.PRES.3SG расти-IPFV роза-DEF  
 'Роза растет в маленьком саду'.

Так, обращает на себя внимание изменение линейного порядка составляющих ИГ в примере (13) – обычно прилагатель-

ное предшествует существительному; подобные контексты характерны скорее для разговорной речи. Отметим также, что здесь прилагательное занимает позицию между частями аналитической глагольной формы, что, вообще говоря, не типично для литературной нормы. Далее, можно заметить, что как в примере (12), так и в примере (14) в позиции перед связкой находится целиком группа существительного с определением, однако, в первом случае в фокусе оказывается существительное, тогда как во втором – определение. Можно попытаться выдвинуть следующую гипотезу: чем более второстепенен элемент предложения, тем больше усилий требуется, чтобы выделить его в качестве фокусного – маркирование определения в рамках локативной группы требует не просто изменения позиции связки, а помещения всей составляющей в абсолютное начало предложения, то есть применения необязательного в общем случае механизма (при этом, как мы видели выше, маркирование в качестве фокуса существительного *сад* подобных манипуляций не предполагает).

В предложениях с общим и частным вопросом связка занимает позицию, соответственно, после элемента, к которому относится вопрос, или после вопросительного слова:

- (15) *Na hima Erevan-um ē apr-um?*  
 он сейчас Ереван-LOC AUX.PRES.3SG жить-IPFV  
 ‘Он сейчас в Ереване живет?’
- (16) *Ur en k‘ez, ur en tan-um*  
 куда AUX.PRES.3PL ты.DAT куда AUX.PRES.3PL нести-IPFV  
*get-i alik‘-ner-ə xelagar?*  
 река-GEN волна-PL-DEF безумный  
 ‘Куда тебя, куда уносят // Безумные волны реки?’ (Рубен Ахвердян)

## 6. Фокус и отрицание

Отрицательные формы глагола в армянском образуются при помощи префикса *č‘-* (для всех случаев кроме прохибитива, образующегося, как это часто бывает, по отдельным правилам – ср., напр., обзор в Гусев 2013: 59–60 или в Плунгян 2011: 438–439). В контекстах с синтетическими глагольными формами *č‘-* присоединяется непосредственно к самой словоформе:

- (17) *Cicérnak-ə oč‘inč č‘-ker-av.*  
 ласточка-DEF ничто NEG-есть-AOR.3SG  
 ‘Ласточка ничего не съела’.

Правила фокусного выделения в самом общем виде остаются те же, что и для утвердительных контекстов: маркированной является позиция непосредственно перед финитным глаголом. Так, пример (18) может расцениваться и как нейтральный, с точки зрения фокусного выделения, и как имеющий фокус на субъекте:

- (18) *Na č'-goğac'-av nkar-ner-ə.*  
 он NEG-воровать-AOR.3SG картина-PL-DEF  
 'Он не (у)крал картин(ы)' / 'Не он украл картины'.

Однако, в случае, когда в фокусе оказывается отрицание действия, выражаемого сказуемым, глагол уже далеко не так свободно, как в утвердительных контекстах, выдвигается в начало предложения; порядок слов, скорее, остается неизменным по сравнению с утвердительным аналогом (то есть или SOV, или SVO) или же глагол в фокусе может занимать конечную позицию:

- (19) *Na nkar-ner-ə č'-goğac'-av.*  
 он картина-PL-DEF NEG-воровать-AOR.3SG  
 'Он не украл картины'.

Случаи, когда глагол с отрицанием занимает начальную позицию в предложении, характерны для контекстов с т. н. комплексной ремой (в фигурных скобках приводится расширенный контекст):

- (20) *Č'-veradarj-av Vahram Šaroyan-ə.*  
 NEG-вернуться-AOR.3SG Варам Шароян-DEF  
 {Все вернулись и рассказали, что Ваник Аязян, оказывается, был причастен к грабёжам и мародерствам.} 'Не вернулся Варам Шароян'. {Вернувшиеся считают, что Варама убил Ваник.} (Гурген Маари)
- (21) *Č'-havat-ac' miaun k'eri Mat'evos-ə.*  
 NEG-поверить-AOR.3SG только дядя Матевос-DEF  
 {Но все в это поверили.} 'Не поверил только дядя Матевос'.  
 (Серо Ханзадян)

В случае с аналитическими глагольными формами показатель отрицания *č'* присоединяется к вспомогательному глаголу, который, в свою очередь, занимает позицию, предшествующую деепричастию (в утвердительных предложениях, напомним, нейтральный порядок следования этих элементов обратный):

- (22) *Na č'-i sovor-um hayeren.*  
 он NEG-AUX.PRES.3SG учить-IPFV армянский.язык  
 'Он не учит армянский' / 'Не он учит армянский'.
- (23) *Na hayeren č'-i sovor-um.*  
 он армянский.язык NEG-AUX.PRES.3SG учить-IPFV  
 'Он учит не армянский'.

Связка в отрицательной форме практически никогда не отрывается от деепричастия<sup>8</sup> (и эти случаи уже нельзя столь уверенно классифицировать как маркирующие фокусный аргумент при помощи именно вспомогательного глагола; точнее, по всей видимости, говорить о том, что фокусная составляющая занимает позицию перед всем глагольным комплексом – и в этом смысле отрицательные аналитические контексты сближаются с синтетическими), однако в Корпусе можно найти незначительное число контрпримеров (правда, справедливости ради, стоит отметить, переводных), ср.:

- (24) *⟨...⟩ erb menk' bad enk' ut-um,*  
 когда мы утка AUX.PRES.1PL есть-IPFV  
*hačax č'-enk' ēl kaskac-um*  
 часто NEG-AUX.PRES.1PL также подозревать-IPFV  
*nra bazmatesakut'-yan masin ⟨...⟩*  
 она.GEN многообразии-GEN о  
 {Речь идет о разных видах отряда перепончатопалых} '⟨...⟩  
 когда мы едим утку, мы часто и не подозреваем, как  
 распространена...' {реплика прерывается появлением  
 галстучного лебедя} (Оноре де Бальзак, «Шагреновая кожа»)

В работе Б. Комри (Comrie 1984) различается три разных типа фокуса: синтаксический (позиция непосредственно перед (вспомогательным) глаголом), прагматический (в нем находится элемент, содержащий новую информацию) и интонационный (главное ударение в высказывании). Возможно, для ряда контекстов подобный «дробный» подход и оправдывает себя, но в общем случае, на наш взгляд, лишь излишне утяжеляет описание. Наибольшее сомнение в связи с отрицанием вызывает у нас, как ни странно, необходимость во введении понятия синтаксического фокуса. С одной стороны, конечно, верно, что

<sup>8</sup> Этот факт отмечается еще И. К. Кусикьяном: «При отрицательном спряжении вспомогательный глагол, получив частичку *č'-*, ставится перед деепричастной формой и не меняет своего места» (Кусикьян 1950: 75).

информация об отрицании чего бы то ни было является новой по сравнению с той, что содержится в утвердительном высказывании. Но ведь, в то же время, отрицание всегда отрицает *что-то*, показатель отрицания относится к тому или иному элементу в предложении, и фокусировать отрицание само по себе представляется все же несколько странным. Кроме того, не всякую новую информацию мы интуитивно готовы считать фокусной; в рамках данной работы фокусным считается тот аргумент, который имеет на себе некоторое специальное смысловое ударение, выделение, эмфазу. Таким образом, в отношении армянского, мы бы предпочли говорить о том, что фокус маркируется отрицательной формой связки, а не о нахождении отрицания в фокусной позиции. Просто правила языка таковы, что показатель отрицания всегда употребляется при (вспомогательном) глаголе.

## 7. Исторический экскурс

Армянский язык, как известно, имеет давнюю письменную традицию и не упомянуть – хотя бы бегло – данные древнеармянского периода было бы, на наш взгляд, неправильно (даже несмотря на то, что в отношении грабара скорее приходится говорить об отсутствии механизма, подобного описанному выше). Ниже мы кратко рассмотрим ряд древнеармянских контекстов с глаголом в аналитической форме.

Основной случай аналитизма<sup>9</sup> в системе древнеармянского глагола представлен сочетанием причастной формы на *-eal* или на *-oc* с видо-временными формами бытийного глагола-связки (*em* ‘быть’ или *linim* ‘становиться’). Конструкции с формой на *-oc* (в целом редкие) выражают различные модальные оттенки будущего времени. Причастие на *-eal* в сочетании со связкой в формах настоящего времени выражает перфектные значения, со связкой в формах прошедшего времени – плюсквамперфектные, наконец, сочетание причастия и связки в формах сослагательного наклонения используется для выражения ирреальных и контрафактических значений. В том, что касается, взаимного

---

<sup>9</sup> Под аналитизмом мы имеем в виду лишь неморфологическое выражение грамматического значения (подробнее см., например, Плунгян 2011: 45 и далее). Таким образом, единицы типа *karog ē* ‘быть способным, мочь’ или *cağr arnel* ‘насмехаться’, аналогичные рассмотренным выше современным восточноармянским, остаются за рамками данного краткого обзора. Мы тем не менее благодарны П. А. Кочарову, обратившему наше внимание на этот класс сочетаний.

расположения компонентов аналитической конструкции, следует отметить в целом отсутствие каких-либо формальных закономерностей. Связка употребляется линейно как до, так и после причастия; возможно как контактное, так и дистантное расположение<sup>10</sup>. Единственное правило касается отрицательных предложений – в этом случае отрицательный компонент линейно предшествует причастной форме<sup>11</sup>. Перенос связки из контактной с причастием позиции, по всей видимости, вряд ли связан с механизмами фокусного маркирования, как это имеет место в современном восточноармянском. Наиболее надежными контекстами для проверки гипотезы о наличии механизма фокусного маркирования при помощи связки являются частно-вопросительные контексты. Ниже приводятся два таких примера (для сравнения после древнеармянского дается современный восточноармянский вариант – в обоих случаях мы видим, что в грабаре связка располагается после формы причастия, тогда как в восточноармянском она следует за вопросительным словом):

	ГРАБАР <sup>12</sup>					
(25a)	⟨...⟩	<i>z-inčʻ</i>	<i>gorc</i>	<i>gorc-eal</i>	<i>ē</i>	<i>kʻoʻ?</i>
		PREP-что	дело	делать-PF	AUX.PRES.3SG	ТЫ.GEN

<sup>10</sup> В связи с вопросом о взаимном расположении компонентов аналитической глагольной формы можно упомянуть предположение, высказанное в работе Г. Г. Хока (Hock 1986) и касающееся перехода от базового SOV порядка к SVO порядку в ряде индоевропейских языков (главным образом, романских и германских). Гипотеза автора заключается в том, что вспомогательный глагол, клитикализовавшись, стал употребляться в соответствии с законом Ваккернагеля на втором месте в предложении. Позднее в результате реинтерпретации (позиция непосредственно после субъекта осмыслилась как позиция компонента, выражающего финитные значения) в этой позиции стал употребляться и смысловой глагол. Мы не будем здесь подробнее останавливаться на этой гипотезе, поскольку едва ли можно признать, что армянские данные ее подтверждают (особенно учитывая отсутствие единого мнения по поводу базового порядка слов в современном армянском языке).

<sup>11</sup> Сказанное не означает, что положительная форма связки не может занимать позицию левее причастия – таких примеров достаточно много. Однако же нам не встретилось ни одного, где бы отрицательный вспомогательный глагол стоял линейно после причастной формы.

<sup>12</sup> Евангельские тексты на древнеармянском приводятся в редакции проекта PROIEL: Pragmatic Resources in Old Indo-European Languages, выполняемого в Университете Осло (<http://foni.uio.no:3000/sources/6>).

## СОВРЕМЕННЫЙ ВОСТОЧНОАРМЯНСКИЙ

- (25б) <...> *du inč' es ar-el?*  
 ты.NOM что AUX.PRES.2SG делать-PF  
 {Твой народ и первосвященники предали Тебя мне:} ‘что Ты сделал?’ (Иоанн 18:35)

## ГРАБАР

- (26а) <...> *y-awrēn-s z-inč' gr-eal ē?*  
 PREP-закон-LOC.PL PREP-что писать-PF AUX.PRES.3SG

## СОВРЕМЕННЫЙ ВОСТОЧНОАРМЯНСКИЙ

- (26б) <...> *ōrenk'-um inč' ē gr-v-ac?*  
 закон-LOC что AUX.PRES.3SG писать-PASS-RES  
 {Он же сказал ему:} ‘в законе что написано?’ {как читаешь?}  
 (Лука 10:26)

По всей вероятности, тот факт, что грабар не использует связку для фокусного выделения (хотя никаких объективных препятствий к тому в языке не наблюдается), является следствием сравнительно низкой частотности аналитических форм в древнеармянском языке – конвенционализация линейного расположения связки, по всей видимости, просто еще не успела произойти.

Тем не менее – в качестве лишь предварительной гипотезы – можно привести следующее рассуждение. Заметное количество аналитических конструкций в грабаре выражает перфектные значения. Доминирующим при этом является результативное значение<sup>13</sup>. Интуитивно кажется верным, что информация о результате некоторых предшествующих действий будет являться новой, соответственно, имеет высокие шансы оказаться также в фокусе. Можно предположить, что в ходе эволюции эти аналитические конструкции начали осмысляться как имеющие фокусное выделение. Но, во-первых, результативное значение перфекта в грабаре не единственное, во-вторых, аналитическим также являлся плюсквамперфект, а также формы со связкой в сослагательном наклонении – и семантику этих форм мы специально не исследовали. Одним словом, высказанное замечание требует дальнейшей тщательной проверки.

<sup>13</sup> Подробнее о перфекте в грабаре см. [Плунгян, Семёнова 2012].

## 8. Заключение

Итак, мы рассмотрели ряд вопросов, связанных с механизмами фокусного маркирования в современном восточноармянском языке. Кратко суммируем основные моменты ниже.

В предложениях с синтетическими глагольными формами основным механизмом фокусного выделения (если, конечно, не считать интонации) является постановка фокусной составляющей в позицию непосредственно перед глаголом. В аналитических конструкциях представлена типологически достаточно редкая модель маркирования фокусного аргумента – при помощи вспомогательного глагола-связки, помещаемого в позицию непосредственно после фокусного аргумента (открытым остается вопрос о возникновении этой стратегии). В самом общем случае фокусное маркирование в контекстах с отрицанием осуществляется по тем же правилам, что и в утвердительных высказываниях.

### Список условных сокращений

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; AFFIR – утвердительная форма; AOR – аорист; AUX – вспомогательный глагол-связка; DAT – датив; DEF – определенный артикль; GEN – генитив; INF – инфинитив; IPFV – имперфектив; LOC – локатив; NEG – отрицание (при глоссировании)/отрицательная форма (в Таблице 1); NOM – номинатив; PASS – пассив; PAST – прошедшее время; PF – перфект; PL – множественное число; PREP – предлог; PRES – настоящее время; RES – результатив; SG – единственное число.

### Литература

- Гусев 2013 – В. Ю. Гусев. Типология императива. М.: Языки славянских культур, 2013.
- Кусикьян 1950 – И. К. Кусикьян. Грамматика современного литературного армянского языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Плунгян 2006 – В. А. Плунгян. К описанию армянской глагольной парадигмы: «темпоральная подвижность» и перфектив // Армянский гуманитарный вестник 1, 2006. С. 7–20.
- Плунгян 2011 – В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Плунгян, Семёнова 2012 – В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова. О некоторых особенностях употребления перфекта в древнеармянском языке // Н. Н. Казанский, П. А. Кочаров, В. А. Крылова, Дж. Р. Рассел (ред.). Тезисы IX Международной конференции по армянскому языкознанию. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 169–173.
- Семёнова 2011 – Кс. П. Семёнова. К вопросу о типах выражения фокуса (современный восточноармянский язык на фоне других языков



- кавказского ареала) // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VII*, 3, 2011. С. 189–193.
- Семёнова 2014 – Кс. П. Семёнова. Фокусное маркирование в современном восточноармянском языке «на дагестанском фоне» // М. А. Даниэль, Е. А. Лютикова, В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов, О. В. Федорова (ред.). *Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика*, СПб.: Алетейя, 2014. С. 407–429.
- Comrie 1984 – В. Comrie. Some Formal Properties of Focus in Modern Eastern Armenian // *Annual of Armenian Linguistics* 5, 1984. P. 1–22.
- Dum-Tragut 2009 – J. Dum-Tragut. *Armenian: Modern Eastern Armenian*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 2009.
- Hock 1986 – Н. Н. Hock. *Principles of Historical Linguistics*. Berlin: Mouton de Guyter, 1986.
- Horvath 1981 – J. Horvath. *Aspects of Hungarian Syntax and the Theory of Grammar*. PhD Thesis. University of California, Los Angeles, 1981.
- Lambrecht 1994 – К. Р. Lambrecht. *Information Structure and Sentence Form*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Tamrazian 1991 – А. Tamrazian. Focus and Wh-Movement in Armenian // H. van de Koot (ed.). *University College London Working Papers in Linguistics* 3, 1991. P. 101–121.

#### **X. Semionova. Focus marking strategies in Modern Eastern Armenian**

The paper describes principles of focus marking in Modern Eastern Armenian. For sentences with synthetic verbal forms, the main strategy of focus marking is the placement of focused constituent immediately before the verb. For periphrastic verbal forms, however, a typologically rare strategy is used, whereas the auxiliary is placed immediately after the focused argument. Some contexts require a more sophisticated analysis: namely, those with focused negative elements as well as “light verb” constructions of the type *lac' linel* ‘weep, cry’, – in such cases, more complicated rules operate. A short overview of Old Armenian situation is also provided, where, most probably, the strategy of auxiliary placement did not yet exist.

*Keywords:* auxiliary verb, focus marking strategies, Modern Eastern Armenian, periphrastic/synthetic verbal forms, word order.

М. Г. Тагабилева

## О НЕКОТОРЫХ МОДЕЛЯХ ОБРАЗОВАНИЯ СЛОЖНЫХ СЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ NOMINA AGENTIS В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Данное исследование посвящено описанию двух синонимичных словообразовательных моделей – моделей образования композитов со значением имени деятеля с нулевым суффиксом и суффиксом *-ец* в русском языке. Целью работы было выявление ограничений на реализацию данных моделей, а также факторов, влияющих на выбор одной из синонимичных моделей при образовании производного. В работе также описываются модели образования соотносительных имен женского рода с суффиксами *-к(а)* и *-иц(а)* и нестандартные случаи реализации исследуемых моделей.

*Ключевые слова:* морфология, словообразование, композиты, *nomina agentis*.

### 1. Введение

Одной из лакун в изучении русского словообразования является вопрос взаимодействия синонимичных (полностью или частично) словообразовательных моделей. Классическое определение синонимичных моделей дано в «Грамматике–80» («Полностью синонимичными являются словообразовательные типы, имеющие тождественное значение, например, типы глаголов с суф. *-е-* (*прочнеть*) и *-нул-* (*слепнуть*), мотивированных прилагательными ⟨...⟩, или типы прилагательных с суф. *-оват-* (*суковатый*) и *-ист-* (*ухабистый*, мотивированных существительными ⟨...⟩). Частично синонимичными словообразовательные типы являются в том случае, когда часть семантических подтипов у них совпадает» (Шведова (ред.) 1980: § 205), но вопрос конкуренции или распределения разных синонимичных моделей в ней, к сожалению, не рассматривается.

В ходе данного исследования мы предприняли попытку многостороннего описания моделей образования сложных слов со значением *nomina agentis* в русском языке. Основной целью стало составление подробного всестороннего описания фрагмента русской словообразовательной системы путем выделения ограничений, накладываемых на исследуемые словообразовательные модели (частично описанных в Иткин 2007; Сичинава 1999), и закономерностей выбора той или иной синонимичной

модели в зависимости от различных факторов. В исследовании учитывались не только особенности морфологического и синтаксического строения производных, но и их продуктивность и особенности их текстовой реализации. Последнее стало возможным благодаря существованию Национального корпуса русского языка ([www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)) (подробнее о корпусном подходе к изучению словообразования см.: Гришина и др. 2009).

Предметом изучения стали следующие словообразовательные модели со значением имени деятеля (далее – *nomina agentis*):

«основа1 + (соединительная гласная) + основа2 + нулевой суффикс» (ср. *чародей, женолоб, зверолов, конокрад*);

«основа1 + (соединительная гласная) + основа2 + суффикс *-ец*» (ср. *чудотворец, страстотерпец, жгутиконосец*), где основа2 – обязательно глагольная основа (ср. *-вод* от *водить*, *-терп-* от *терпеть*, *-люб-* от *любить* и т. д.). Основа1 может быть субстантивной, местоименной, наречной, нумеративной или адъективной (субстантивированным прилагательным) (ср. *само-* в *самолюбец*, *муже-* в *мужеложец*, *скоро-* в *скорохват*, *одно-* в *однодумец*, *едино-* в *единодержец*, *двое-* в *двоеверец*, *странно-* в *страннолюбец*, *пусто-* в *пустоболт*). Таким образом, в исследование вошли композиты, образованные от следующих глагольных основ:

1. Основы, образующие композиты по модели с нулевым суффиксом: *-ёб*, *-хлёб*, *-роб*, *-губ*, *-руб*, *-люб*, *-дав*, *-прав*, *-пе(в)*, *-пи(в)*, *-лов*, *-ду(в)*, *-жог*, *-крад*, *-ед*, *-вед*, *-сед*, *-вод*, *-глот*, *-ход*, *-блуд*, *-яд*, *-гляд*, *-пряд*, *-беж*, *-лож*, *-верж*, *-держ*, *-лаз*, *-рез*, *-лиз*, *-грыз*, *-дей*, *-зей*, *-лей*, *-сей*, *-брей*, *-бой*, *-дой*, *-рой*, *-плюй*, *-пек*, *-сек*, *-толк*, *-вал*, *-скал*, *-дел*, *-сёл*, *-мол1*, *-мол2*, *-лом*, *-дум*, *-звон*, *-гон*, *-цап*, *-шлёп*, *-коп*, *-топ*, *-щуп*, *-тяп*, *-вар*, *-вер*, *-дёр*, *-мер*, *-тёр*, *-бор1*, *-бор2*, *-твор*, *-мор*, *-дур*, *-кур*, *-нас*, *-бес*, *-мес*, *-тёс*, *-чёс*, *-нос*, *-сос*, *-пляс*, *-тряс*, *-хват*, *-плёт*, *-чёт*, *-болт*, *-глот*, *-хот*, *-чист*, *-ныт*, *-брёх*.

2. Основы, образующие композиты по модели с суффиксом *-ец*: *-губ-*, *-руб-*, *-люб-*, *-да(в)-*, *прода(в)-*, *управ-*, *-пе(в)-*, *-пи(в)-*, *-лов-*, *-вед-*, *-вид-*, *-вод-*, *-ход-*, *проход*, *-яд*, *-беж-*, *-лож-*, *-верж-*, *-держ-*, *-бой-*, *мол1-*, *-им-*, *приим-*, *-лом-*, *-дум-*, *-терп-*, *-вер-*, *-бор-*, *-твор-*, *-пис-*, *-нос-*, *-зна(т)-*, *-точ-*, *-паш-*.

Списки производных были составлены по нескольким источникам:

1) по словарям: основная часть лексем была взята нами из «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка, также мы пользовались материалами «Нового словаря русского

языка» Т. Ф. Ефремовой, «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля и словарями синонимов;

2) по материалам текстов Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>);

3) по материалам из сети интернет (найденных с помощью поисковой системы Google).

Источником всех примеров в данной работе (в случае отсутствия специальной ссылки на иной интернет-источник) стоит считать Национальный корпус русского языка.

Полученный список производных нельзя считать полным и закрытым, поскольку исследуемые словообразовательные модели являются продуктивными как в современном литературном языке, так и (в большей степени) в разговорной речи и участвуют в образовании большого количества окказионализмов. Таким образом, список подобных дериватов постоянно пополняется, ср., например:

- (1) *Кстати, вспоминаю, что в годы моей юности в моей компании вообще было стыдно смотреть в эту сторону. Интересоваться «брюхохёсами»? Фи.* (Денис Драгунский. Смоляное чучелко. 2011 // «Частный корреспондент», 2010)
- (2) – *Генерал повернулся к пустым дверям и крикнул в пространство: Дуботряс березовый!* (Павел Крусанов. Укус ангела // «Октябрь», 1999)

## 2. Общие свойства производных

### 2.1. Акцентуация

Во всех производных, образованных по исследуемым моделям, ударение падает на второй корень: ср. *землевЕд*, *спиногрЫз*, *крючкотвОрец*, *христопродАвец*, *живопИсец*, *себялЮбка*, *скалолАзка*, *миронОсица*, *душегУбица*.

Как показывает А. А. Зализняк, композиты такого типа по своим акцентологическим свойствам являются (двукорневыми) именными комплексами, а «⟨...⟩ именные комплексы практически никогда не передают ударение присоединяемым к ним полноценным суффиксам» (Зализняк 1985: 43–44). Именно этим объясняется тот факт, что ударение в исследуемых словах всегда падает на корень, а суффикс *-ец* не перетягивает на себя ударения, в отличие от тех случаев, где он присоединяется к непроизводным основам (ср. *писЕц*, но *живопИсец*, *творЕц*, но *чудотвОрец*).

## 2.2. Семантика

Включенные в зону исследования производные, образованные по модели с нулевым суффиксом, семантически делятся на две основные группы: названия животных (ср. *змеяд*, *шелкопряд*, *пескорой*) и названия людей. Названия людей, в свою очередь, также распределяются по двум основным группам: названия людей по роду занятий (включая более узкую группу «названия профессий») и характеристики (постоянные свойства) человека. К группе «названия занятий» относятся, например, такие лексемы как *пивовар*, *овцевод*, *коновал*, *рудокон* и другие. Вторая группа по своему составу также является неоднородной. В нее входят нейтральные лексемы (*старовер*, *табакур* и т. д.), с одной стороны, и лексемы с явно выраженной отрицательной окраской (ср. *пустоболт*, *головотяп*, *мракобес*, *дуропляс*, *кровосос*), с другой.

Исторически композиты с суффиксом *-ец* могли обозначать только одушевленные существа, однако со временем значение модели расширилось за счет метафорического переноса и производные стали обозначать и «неодушевленных деятелей» (ср. *авианосец*). В отличие от производных с нулевым суффиксом, производные с суффиксом *-ец* не могут служить для образования названий растений и обозначают исключительно людей (ср. *страстотерпец*, *орденоносец*, *властолюбец*, *иконоборец*) и (реже) животных (ср. *сенокосец*, *броненосец*, *древоточец*). Основным значением подобных композитов является «характеристика человека», включая черты характера (ср. *самолюбец*) и способности (ср. *ясновидец*, *сладкопевец*). Также такие производные могут обозначать своего рода «титулы» (ср. *самодержец*, *верховодец*).

Существенным семантическим отличием модели с суффиксом *-ец* от модели с нулевым суффиксом является то, что производные с *-ец* крайне редко используются для образования ругательств и слов с явной отрицательной или пренебрежительной оценкой. По нашим наблюдениям, сложения с *-ец* принадлежат, в первую очередь, к письменной речи и книжному стилю, чего нельзя сказать о сложениях с нулевым суффиксом.

## 2.3. Синтаксис

**2.3.1. Свойства второй (глагольной) основы.** Одной из главных целей нашего исследования было выделить круг глаголов, не способных производить композиты по исследуемым нами моделям, а также описать свойства, которыми должна обладать

глагольная основа, чтобы иметь потенциальную возможность участвовать в подобном сложении.

Справедливо отмечено, что композиты в целом гораздо легче образуются от основ переходных глаголов, и это различие особенно явно сказывается на *nomina agentis* (Сичинава 1999). В качестве наглядного доказательства приведем статистику для обеих исследуемых моделей а) по количеству словообразовательных гнезд с переходными и непереходными глаголами (в процентном отношении к общему количеству обнаруженных нами словообразовательных гнезд) и б) по количеству производных от переходных и непереходных основ (в процентном отношении к общему количеству включенных в исследование производных):

Таблица 1. Количество гнезд: trans vs intrans

	всего	intransitive	transitive
-ец	32 (100%)	4 (12,5%)	28 (87,5%)
-0	82 (100%)	10 (12,1%)	72 (87,9%)

Таблица 2. Количество производных: trans vs intrans

	всего	Intransitive	transitive
-ец	165 (100%)	10 (6%)	155 (94%)
-0	414 (100%)	25 (6%)	389 (94%)

Из приведенных данных видно, что основы переходных глаголов не только гораздо чаще участвуют в словосложении, но и являются в среднем более продуктивными (по количеству возможных производных). Необходимо уточнить, что приведенную статистику нельзя считать исчерпывающей, поскольку, как сказано выше, списки слов, вошедших в исследование, не являются закрытыми, а про некоторые производные достаточно трудно с уверенностью сказать, образованы они от конструкции с переходным или непереходным глаголом. Однако общая тенденция, на наш взгляд является очевидной.

*2.3.2. Свойства первой мотивирующей основы.* Как уже было упомянуто выше, первая основа, участвующая в сложении, может принадлежать к разным частям речи. Интересно, что первый компонент композитов, образованных от непереходных основ, как правило, адъективно-наречный со значением места или образа действия (ср. *верхогляд*, *верхолаз*), а в тех случаях, когда первый компонент все же является субстантивным, его

роль в структуре все равно не чисто субстантивная, а скорее наречная (обстоятельственная) (ср. *домосед*, *скалолаз*).

Первый компонент сложений, образованных от переходных основ, наоборот, чаще субстантивный, соответствующий тому или иному синтаксическому актанту. Наиболее частым источником для первой основы композитов является прямой объект, выраженный винительным падежом (ср. *страстотерпец*, *властодержец*, *дровосек*, *стеклодел*, *мукомол*). Более редким источником является инструмент, выражаемый творительным падежом: *головотяп*, *молотобоец*, *очевидец*. Адъективный компонент со значением образа действия также возможен при переходных основах (ср. *скорохват*, *пустопляс*), тогда как локативы при таких основах нами зафиксированы не были. К сожалению, ясная мотивирующая структура восстанавливается далеко не для всех существующих композитов, поэтому описанные здесь наблюдения не могут претендовать на статус правил.

По очевидным семантическим причинам первая часть со значением субъекта для исследуемых производных невозможна, в отличие, например, от композитов со значением *nomina actionis*, образованных по модели с нулевым суффиксом (ср. *снегопад*, но *\*человекопевец* в значении 'человек поет'). Действительно, поскольку все образование целиком имеет значение имени деятеля, его образование было бы просто нерационально, если бы оно в самом себе имя деятеля уже содержало. Однако, возможно, немаловажную роль здесь играет синтаксическое ограничение на инкорпорацию внешнего актанта (см.: Богданов 2005).

## 2.4. Морфология

2.4.1. *Морфонологические ограничения на образование модели с нулевым суффиксом.* При исследовании композитов с нулевым суффиксом нам удалось выявить также некоторые морфонологические ограничения на их образование. Во-первых, эти ограничения касаются мотивирующего глагольного корня. По нашим наблюдениям, композиты с нулевым суффиксом образуются только от бесприставочных односложных основ глаголов несовершенного вида. Действительно, среди всех словообразовательных гнезд, вошедших в зону исследования, ни одно не нарушает данного правила (ср. приведенный в разделе 2 список мотивирующих основ).

Другим ограничением является уже описанное ограничение на кластер согласных на конце второй (глагольной) основы: композиты с нулевым суффиксом редко образуются от гла-

гольных корней, заканчивающихся на сочетание согласных (Сичинава 1999). Как верно замечено там же, наиболее благоприятным является сочетание сонорного с глухим, менее приемлемым, но все же возможным является сочетание фрикативного со смычным. В нашем случае подобными исключениями можно считать три глагольных корни: *-болт*, *-толк* и *-чист*. Ни один из этих трех корней не отличается высокой продуктивностью, два из них имеют в современном русском языке только по одному производному: *пустоболт* и *дуботолк*. Кроме того, лексема *дуботолк* имеет параллельный вариант *дуботол* с отпавшим конечным заднеязычным согласным (что свидетельствует об утрате связи с мотивирующей глагольной основой), что, на наш взгляд, напрямую связано с ограничением на кластер согласных на конце глагольного корня у композитов с нулевым суффиксом со значением имени деятеля. Другой стратегией избегания кластера согласных на конце является перестановка корней, что также описано там же на примере лексем *щелкопер* (сочетание *-ЛК*, ср. *дуботолк-дуботол*) и *вертопрах* (сочетание *-РТ*). Интересно, что многие глагольные корни, оканчивающиеся на кластер согласных, сочетаются с нулевым суффиксом в чистом виде, но не образуют композитов (ср., например, корни *мысл-*, *плеск-*, *хруст-*, *треск-* и другие). Таким образом, можно утверждать, что данное ограничение является не универсальным морфонологическим ограничением на сочетание нулевого суффикса с глагольной основой, но особенностью именно исследуемой словообразовательной модели.

Помимо второй (глагольной) основы, исследуемая словообразовательная модель очевидно накладывает ограничения и на характер первой части. Из всех словообразовательных гнезд лишь немногие допускают многосложную первую часть: всего 8 из 89 (51 производное из 426), что составляет всего 9% от общего числа исследуемых словообразовательных гнезд. Таким образом, можно утверждать, что в целом рассматриваемая модель явно тяготеет к трехсложности: стандартная структура производных включает в себя односложную первую часть, односложную вторую часть и соединительный гласный, всего три слога (ср. *же-но-люб*, *кра-е-вед*, *до-мо-сед* и многие другие). Данное свойство не только сужает круг возможных первых основ, участвующих в сложении, но иногда и приводит к усечению первой мотивирующей основы. В первую очередь усечение основы происходит при совпадении или сходстве последнего слога первой основы и первого слога второй: ср. *табакур* вместо



<sup>?</sup>*табакокур* и *чеховед* вместо <sup>?</sup>*чехововед*. Традиционно эти случаи относят к примерам гаплогонии, но именно эти примеры не соответствуют общему правилу гаплогонии: «выпадение происходит на границе третьего и четвертого (четвертого и пятого и т. д.) слогов; ср. очень многочисленные примеры, в которых исходная словоформа сохраняется без изменений, поскольку тождественные слоги являются вторым и третьим: *белолобый*, *благоговение*, *верхненемецкий*, *гладкокожий*, *красноносый*, *ложноножка*, *миноносец*, *морфофонемика*, *сребророгий*, *тихоход*, *филология*, *черноногий* и т. д.» (Иткин 2007: 250–251). Лексема *табакур* описывается в данной работе как «промежуточный случай»: «⟨...⟩ сходство также наблюдается между вторым и третьим слогом, но выпадению, как свидетельствует орфография, подвергается все-таки последний из них», тогда как обычно выпадает первый из сходных слогов. Этот случай нельзя назвать стандартным, поскольку в стандартном случае (как уже сказано выше) такие слова остаются без усечения основы. На наш взгляд, тот факт, что основа здесь все же подвергается усечению, объясняется еще и вышеописанным ограничением: модель тяготеет к трехсложности, и первая часть не должна в общем случае иметь более одного слога.

2.4.2. *Морфонологические свойства модели с суффиксом -ец*. Модель с суффиксом *-ец*, по нашим наблюдениям, не накладывает морфонологических ограничений, подобных тем, что накладывает модель с нулевым суффиксом, и допускает образование композитов со значением имени деятеля и от многосложных глагольных основ с приставками (ср. *землепроходец*, *хриstopродавец*), и от основ, заканчивающихся на кластер согласных (ср. *стреловежьец*, *самодержьец*), а также от основ глаголов совершенного вида (ср. *заимодавец*). Единственный известный пример усечения первой основы («гаплогонии»), слово *знаменосец* (вместо \**знамеНОносец*), таковым, как убедительно показано в статье Иткин 2007, не является. Кроме того, вариант *знаменосец* все же возможен, хоть и является, по всей видимости, устаревшим:

- (3) *У некоторых из них наверху, с каждой стороны, по металлической ветви, на которые взбирались ребята, и алемдар (знаменосец), поднимая эту чрезвычайно тяжелую ношу, показывал силу мышц своих; некоторые из знамен обвешаны были приношениями, или вернее заклинаниями от болезней и бед мирских в*

*виде дрянных старых тряпичек, лоскутков одежды* (Е. И. Чириков. Путевой журнал. 1849–1852).

- (4) *Убив трех двинских знаменосцев, москвитяне взяли хоругвь новгородскую и к вечеру одолели врага* (Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 6. 1811–1818).

#### 4. Конкуренция словообразовательных моделей

К сожалению, характер данной статьи не позволяет нам подробно остановиться на, пожалуй, главном вопросе нашего исследования – взаимодействии синонимичных словообразовательных моделей. Здесь мы лишь кратко опишем общие выводы, подробнее об этом вопросе можно прочитать в статье Тагабилева 2013.

Хотя большинство глагольных корней предпочитает только одну из моделей для образования композитов со значением имени деятеля, некоторые все же допускают варьирование. Однако, существующие пары на первый взгляд полных дублетов (ср. пары *душегуб – душегубец, женолоб – женолобец, жизнелюб – жизнелюбец, мореход – мореходец, духобор – духоборец, крючоктвор – крючоктворец*) таковыми, по сути, не являются. В таких случаях либо между членами пары существует разница в оттенках значений, либо множества значений производных пересекаются, но не совпадают полностью (ср., например, пару *богомол – богомолец*), либо наблюдается распределение лексем по жанрам и стилям, либо существуют выраженные временные тенденции в употреблении.

В современном русском языке по количеству уже существующих производных, по количеству новых образований (как окказиональных, так и закрепляющихся в языке), а также по частотности производных доминирует модель с нулевым суффиксом. Однако это не всегда было так. Исследование словарей древнерусского языка показало, что в древнерусском языке основной моделью образования композитов со значением имени деятеля была модель с суффиксом *-ец*, в то время как модель с нулевым суффиксом, хотя и существовала в значении имени деятеля, была малопродуктивной. Результаты корпусного исследования демонстрируют, что такая ситуация сохранялась до XVIII века включительно, а явная экспансия модели с нулевым суффиксом начинается в XIX веке, модель с суффиксом *-ец* постепенно вытесняется, что можно проследить по резкому падению частотности производных с суффиксом *-ец* и столь же

резкому возрастанию частотности производных с нулевым суффиксом в дублетных парах. Однако, несмотря на доминирование модели с нулевым суффиксом, модель с суффиксом *-еи* не исчезает из употребления, что связано, в первую очередь, с существованием морфонологических ограничений на модель с нулевым суффиксом, а также с существующей стилистической и частичной семантической дифференциацией моделей. В связи с вышеперечисленными фактами можно сделать предположение, что со временем модель с суффиксом *-еи* в значении имени деятеля окажется почти полностью вытеснена моделью с нулевым суффиксом – кроме тех случаев, когда последняя не может быть использована в связи с накладываемыми на нее сильными морфонологическими ограничениями.

### Литература

- Богданов 2005 – А. В. Богданов. Сложные слова в русском языке: лексические или синтаксические ограничения? // Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (Материалы). СПб., 2005. С. 33–39.
- Гришина и др. 2009 – Е. А. Гришина, И. Б. Иткин, О. Н. Ляшевская, М. Г. Тагабилева. О задачах и методах словообразовательной разметки в корпусе текстов // *Poljarnyj Vestnik* 12, 2009. С. 5–25.
- Зализняк 1985 – А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.
- Иткин 2007 – И. Б. Иткин. Русская морфонология. М.: Гнозис, 2007.
- Сичинава 1999 – Д. В. Сичинава. Ограничения на вторую глагольную основу в русских сложных словах с нулевым суффиксом. Курсовая работа. МГУ, М., 1999.
- Шведова (ред.) 1980 – Н. Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. Т. 1, 2. М.: Наука, 1980.
- Tagabileva 2013 – M. Tagabileva. Composites denoting nomina agentis in the Russian language: distinguishing competing models // *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 85*, 2013. В печати.

### Источники

- Даль 1863–1866 – В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1863–1866.
- Ефремова 2000 – Т. Ф. Ефремова. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000.
- Зализняк 1977/2003 – А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977. 4-е изд. М.: Русские словари, 2003.

**M. Tagabileva. Composites denoting nomina agentis in Russian: distinguishing competing models**

This paper describes two synonymical word-formation models in Russian language, namely, the models for forming composites with the meaning of nomina agentis with the use of zero suffix and suffix *-eц*. The goal of the paper is to identify the restraints on the possibilities of realization of those models and the factors impacting the choice between the two models while forming a derivate. The paper also describes formation models of corresponding feminine nouns with suffixes а) *-к(а)* and *-иц(а)* and non-standard cases of realizations of those models.

*Keywords:* morphology, derivational morphology, word-formation, composites, nomina agentis.

М. Л. Хачатурьян

## СЕМАНТИКА КВАНТОРНЫХ СЛОВ В МАНО, ЮЖНЫЕ МАНДЕ

Работа посвящена семантике кванторных слов в мано, южные манде. Главным методом описания является метод семантического картирования. Показано, что особенности семантики и дистрибуции кванторных слов в мано, во-первых, требуют расширения количества позиций в семантической карте, предложенной в исследованиях по типологии квантификации, а во-вторых – вступают в противоречие с ключевым для семантических карт принципом смежности, так как значения большинства кванторных слов располагаются на карте в виде разрывных областей.

*Ключевые слова:* кванторные слова, семантические карты, разрывность, отрицание, мано, манде.

### 1. Введение

Мано – язык южной группы языковой семьи манде. По оценке 2012 года, на мано говорят примерно 400 000 человек в Гвинее и Либерии<sup>1</sup>.

Кванторные слова в мано, как правило, являются составляющими именной группы, большая их часть принадлежит к грамматическому классу детерминативов. Помимо кванторных слов, к классу детерминативов также принадлежат демонстративы, показатели множественного числа, показатель реципрока, эмфатические детерминативы, показатель фокуса. Как правило, детерминативы замыкают именную группу. Многие детерминативы имеют тенденцию к вынесению за пределы именной группы, грамматикализуясь в частицы.

Кванторные слова в мано следующие: это детерминативы *séíŋ* ‘весь’, *nɔ́fé* ~ *dṓnɔ́fé* ‘каждый’, *dò* ~ *dṓ* ‘некоторый’; *dṓdṓ* ‘некоторый’, *gbúù* ‘некоторые’, а также прилагательное *gbēē* ‘другой’. Кванторные слова *séíŋ* ‘весь’ и *dṓdṓ* ‘некоторый’ могут как употребляться в составе именной группы, так и выноситься за ее пределы, являясь, таким образом, плавающими кванторами.

При изучении семантики кванторных слов в мано мы пользуемся методом семантического картирования. Этот метод

---

<sup>1</sup> [http://www.ethnologue.com/show\\_language.asp?code=mev](http://www.ethnologue.com/show_language.asp?code=mev).

подразумевает составление семантических карт, представляющих собой упорядоченный универсальный набор смыслов, выражаемых той или иной грамматической категорией. Близкие значения, которые часто выражаются в языках совместно, располагаются на карте близко друг к другу, более далекие значения разнесены по карте. Далее элементы карты объединяются в граф, наиболее близкие значения соединяются отрезками. Затем для каждого конкретного языка исследуется подмножество значений из универсального набора, которое выражает тот или иной грамматический показатель.

Значения, выражаемые неопределенными местоимениями, были исследованы в работах М. Хаспельмата (Haspelmath 1993, 1997). В работе С. Г. Татевосова эти значения были объединены со значениями кванторных слов со значением всеобщности. В результате были выделены следующие значения кванторных слов (Татевосов 2002: 114–115, 135, 167):

*Specific known*: референтность, известность говорящему;

*Specific unknown*: референтность, неизвестность говорящему;

*Irrealis non specific*: нереперентность в ирреальных предикациях;

*Question*: нереперентность в общем вопросе;

*Condition*: нереперентность в протазисе условного предложения;

*Direct negation*: нереперентность в конструкциях с прямым отрицанием;

*Indirect negation*: нереперентность в сфере косвенного отрицания;

*Comparative*: нереперентность в стандарте сравнения компаративных конструкций (см. пример 16);

*Completeness*: квантификация целостных объектов;

*Generic*: генерическое множество;

*Definite*: универсальная квантификация референтных, определенных множеств;

*Free choice*: произвольный выбор.

В разделе 2 будут приведены значения всех рассматриваемых детерминативов. Детерминативы *dò* и *séin'* в совокупности покрывают все значения из вышеуказанного списка, поэтому примеры, содержащиеся в соответствующих разделах, иллюстрируют все значения из списка.

Важной составляющей семантики некоторых из перечисленных выше кванторных слов является дистрибутивность. Мы рассмотрим ее отдельно в разделе 2.7.

Предполагается, что подмножество значений, которое имеет грамматический показатель, является непрерывным. Это требование формулируется в виде принципа смежности, который предполагает, что «любые два значения на семантической карте кодируются одним и тем же грамматическим средством тогда и только тогда, когда это же средство кодирует все значения, расположенные между ними» (Татевосов 2002: 33). Соответствие распределения кванторных значений принципу смежности, а также другие особенности системы кванторных слов в ману будут рассмотрены в разделе 3.

## 2. Значения кванторных слов

### 2.1. Детерминатив *dò*

Детерминатив *dò* имеет значения: референтность, известность говорящему; референтность, неизвестность говорящему; нереферентность в ирреальных предикациях; нереферентность в общем вопросе; нереферентность в протазисе условного предложения; нереферентность при отрицании, прямом и непрямом; произвольный выбор (только в конструкциях со значением императива). Приведем примеры на каждое из этих значений.

Референтность, известность говорящему (specific known):

- (1) *Mī* *dò* *gé* *lī-à* *lē*  
 человек INDEF живот становиться.красивым-GER COP  
*Kòó* *là* *yáá* *kē* *ɲwò* *ɲwéɲ.*  
 Ко 3SG.POSS болезнь делать вещь:IZF из-за  
 ‘Кое-кто рад болезни Ко’.

Референтность, неизвестность говорящему (specific unknown):

- (2) *Gāā* *dò* *óò* *yī* *zē* *kēì.*  
 мужчина.PL INDEF 3PL.IPFV сон убивать:IPFV дом.LOC  
 ‘Какие-то мужчины спят’.

Нереферентность в ирреальных предикациях (irrealis non specific):

- (3) *Mī* *dò* *dùá* *lē* *é* *gbū* *kē.*  
 человек INDEF долг COP 3SG.CONJ собрание делать  
 ‘Кто-то должен заняться праздником’.

Нереферентность в общем вопросе (question):

- (4) *Mī* *dò* *ē* *nī?*  
 человек INDEF 3SG.PRET приходить  
 ‘Кто-нибудь приходил?’

Нереферентность в протазисе условного предложения (condition):

- (5) *Bá nāá kō dō ká ā*  
 2SG.CONJ>3SG любить.COND 1PL.NSBJ INDEF с TOP  
*báá gèē kō lēē.*  
 2SG.IPFV>3SG говорить:IPFV 1PL.NSBJ для  
 ‘Если тебе понравится кто-нибудь из нас, скажи’.

Конструкции с прямым отрицанием (direct negation) интерпретируются как полное отрицание. Это означает, что отрицание находится над квантором существования. Как мы увидим дальше, противопоставление между полным (direct full negation) и частичным прямым отрицанием (direct partial negation) оказывается существенным, поскольку одни показатели имеют значение только полного отрицания, тогда как другие – только частичного.

- (6) *Léé sàq̄ dō kē.*  
 3SG.NEG работаINDEF делать  
 ‘Он не делает какую бы то ни было работу’. = не существует работы такой, что он ее делает.  
 \*‘Он не делает некоторую работу’. = существует работа такая, что он ее не делает.

Нереферентность в сфере косвенного отрицания (indirect negation):

- (7) *Ǫ́ gbā kē à yí d̄-ḍ*  
 1SG.NEG NEG делать3SG.NSBJ внутренность знать-GER  
*ká ékēá mī dō léé lō kē-è*  
 с ли человек INDEF 3SG.IPFV идти:IPFV делать-GER  
*kéléńkèlèńā.*  
 здоровый TOP  
 ‘Я не думал, что кто-нибудь выздоровеет’.

Наконец, детерминатив *dō* употребляется в значении произвольного выбора (free choice), однако контексты употребления ограничены конструкциями со значением императива в широком смысле, включающим значения прямого и непрямого побуждения к действию. К данным конструкциям относятся: конструкция императива в узком смысле (побуждение к действию, обращенное ко 2-му лицу) с предикативным показателем субжонктивной серии во множественном числе, в единственном числе предикативный показатель отсутствует (8a); юссив, образуемый с помощью субжонктивной серии предикативных



показателей (8б), конструкции с конъюнктивной серией предикативных показателей, обозначающие различные типы непрямого побуждения (например, совет, как в (8в)), а также конструкция с глаголом *bēĩ* ‘мочь’ со значением пермиссива (8г).

- (8а) *Á dò sí!*  
3SG.NSBJ INDEF брать  
‘Возьми любой!’
- (8б) *Wá dò sí!*  
3PL.SBJV>3SG INDEF брать  
‘Пусть они возьмут любой!’
- (8в) *Fɔ̀kē bá dò sí.*  
нужно.чтобы 2SG.CONJ>3SG INDEF брать  
‘Нужно, чтобы ты взял какой-нибудь (любой)’.
- (8г) *Í bēĩ à dò sí-à.*  
2SG.IPFV мочь:IPFV 3SG.NSBJ INDEF брать-GER  
‘Ты можешь взять любой (разрешение)’.

## 2.2. Прилагательное *gbēē*

Лексема *gbēē* означает ‘другой’. Эта лексема принадлежит к грамматическому классу прилагательных, поскольку, в отличие от детерминативов, она способна употребляться в предикативной функции:

- (9) *Lēē zì t́ ò nē kē*  
женщина EMPH FOC 3PL.DIPFV>3SG ложь делать:IPFV  
*à lēē wāā, lē gbēē.*  
3SG.NSBJ для DEM 3SG.EXI другой  
‘То, как врут женщине, это другое (это не считается)’.

При этом в диалекте кпейнсон<sup>2</sup> эта лексема употребляется в тех же контекстах, что и детерминатив *dò*. Для краткости мы не будем повторять все примеры употребления, ограничившись примерами, иллюстрирующими выражение нереперентности при отрицании: прямом (полное отрицание, (10)) и непрямым (11):

<sup>2</sup> Гвинейский мано представлен тремя диалектами: юго-западный (Кре́нсо), центральный (Ма́а) и северо-восточный (За́а). Свою этническую общность мано осознают очень хорошо, взаимопонимание между носителями диалектов хорошее. Карта распространения диалектов мано доступна по ссылке: [http://www-01.sil.org/SILESR/2000/2000-003/Dan-Tura-Mano\\_map.htm](http://www-01.sil.org/SILESR/2000/2000-003/Dan-Tura-Mano_map.htm).

- (10) *Ǿ́Ǿ́ gbā mī gbēē gḕ*  
 1SG.NEG NEG человек другой видеть  
 ‘Я никого не видел’.
- (11) *Ǿ́Ǿ́ yí d̄ō ékēá mī gbēē*  
 1SG.NEG>3SG внутренность знать ли человек другой  
*ā̀ā̀ nī.*  
 3SG.PRF приходить  
 ‘Я не знаю, пришел ли кто-нибудь’.

### 2.3. Детерминатив *séíǾ́*

Детерминатив *séíǾ́* имеет следующие значения: квантификация целостных объектов, генерическое множество, референтность, определенность, нереперентность в стандарте сравнения компаративных конструкций, значение произвольного выбора (кроме императивных конструкций).

Квантификация целостных объектов (completeness):

- (12) *Léé nàà é ká séíǾ́ ló.*  
 3SG.IPFV хотеть:IPFV 3SG.CONJ дом весь купить  
 ‘Он хочет купить весь дом’.

Генерическое множество (generic):

- (13) *GǾ́Ǿ́né séíǾ́ bō-ò lē gó bà.*  
 кошка весь выходить-GER COP пантера в  
 ‘Все кошки похожи на пантер’.

Универсальная квантификация референтных, определенных множеств (definite):

- (14) *Kóò lō nī-ù gbēǾ́ séíǾ́*  
 1PL.IPFV идти:IPFV приходить-GER квартал весь  
*là kǾ́Ǿ́ ká.*  
 3SG.POSS еда с  
 ‘Мы принесем еду от всех семей’.

В значениях *generic* и *definite* именная группа, обозначающая лицо и содержащая детерминатив *séíǾ́*, обязательно употребляется во множественном числе.

- (15) *DǾ́mǾ́ séíǾ́ wā̀ nī.*  
 вождь.PL весь 3PL.PRF приходить  
 ‘Все вожди пришли’.

Нереперентность в стандарте сравнения компаративных конструкций (comparative):

- (16) *Léé̃ bē̃ sàq̃ kē-é̃ é*  
 3SG.IPFV мочь:IPFV работа делать-GER 3SG.CONJ  
*dīá mī séíń̃ lā.*  
 проходить.COND человек весь на  
 ‘Он может работать лучше всех’.

Произвольный выбор (free choice):

- (17) *Mī bē̃ léé̃ bē̃ yíli séíń̃*  
 человек DEM 3SG.IPFV мочь:IPFV дерево весь  
*vɔ̃-ɔ̃.*  
 валить-GER  
 ‘Этот человек может повалить любое дерево’.

При этом в императивных конструкциях квантификатор *séíń̃* в значении произвольного выбора не употребляется:

- (18) *Á séíń̃ sí!*  
 3SG.NSBJ весь брать  
 ‘Бери все (из предложенных предметов)!’  
 \*‘Бери любой!’

Детерминатив *séíń̃* может выноситься за пределы именной группы. В этой позиции он имеет значение квантификации целостных объектов, а также референтности, определенности.

- (19) *Bū āà tāq̃ séíń̃.*  
 рис 3SG.PRF зреть весь  
 ‘Рис весь созрел’.
- (20) *Ī lā sɔ̃ gɛ̃ séíń̃.*  
 1SG.PRET 3SG.POSS развлечение видеть весь  
 ‘Я видел все его матчи’.

#### 2.4. Детерминатив *nɔ̃fé*

Детерминатив *nɔ̃fé* близок по сфере употребления к детерминативу *séíń̃* с той разницей, что значение квантификации целостных объектов *nɔ̃fé* не выражает, зато выражает значение нереперентности в протасисе условного предложения (condition), а также нереперентности при отрицании. Так же, как детерминатив *dò*, *nɔ̃fé* выражает значение полного прямого отрицания (direct full negation) и не выражает значения частичного прямого отрицания (direct partial negation).

- (21) *Léé̃ sàq̃ nɔ̃fé kē.*  
 3SG.NEG работа каждый делать

‘Он не делает какую бы то ни было работу’ = не существует работы такой, что он ее делает.

\*‘Он не делает некоторую работу’ = существует работа такая, что он ее не делает.

В отличие от *séíń*, *nǎfě* в значении произвольного выбора употребляется как в императивных, так и в неимперативных конструкциях.

- (22) *Mī nǎfě l'é ì nàà ká*  
 человек каждый FOC 2SG.SBJV любить:IPFV>3SG с  
*kō fǐǎ ā à sí!*  
 1PL.NSBJ между TOP 3SG.NSBJ поднимать  
 ‘Возьми любую, кто тебе понравится из нас!’

### 2.5. Детерминатив *dōódōó*

Детерминатив *dōódōó* имеет следующие значения: определенность, референтность, неизвестность говорящему, неререферентность при прямом отрицании, непрямом отрицании и в протасисе условного предложения. При этом в простых утвердительных предложениях именные группы, обозначающие лиц, интерпретируются предпочтительно во втором значении, а все остальные – предпочтительно в первом. Кроме того, именные группы, обозначающие лиц, содержащие данный детерминатив, как правило, множественны (см. (24)).

Универсальная квантификация референтных, определенных множеств (definite):

- (23) *Kwítǎj dōódōó lē wáá sǒǒlī.*  
 ананас некоторый 3SG.EXI тысяча пять  
 ‘Каждый ананас стоит пять тысяч [гвинейских франков]’.

Референтность, неизвестность говорящему (specific unknown):

- (24) *Gǎǎ dōódōó nū-à lē.*  
 мужчина.PL некоторый приходить-GER COP  
 ‘Какие-то мужчины пришли’.

Детерминатив *dōódōó* употребляется в значении неререферентности в конструкциях с прямым отрицанием (direct negation). При этом, в отличие от кванторов *dò*, *gbēē* и *nǎfě*, *dōódōó* выражает значение частичного отрицания. Это означает, что отрицание находится под квантором существования:

- (25) *Léé sǎǎ dōódōó kē.*  
 3SG.NEG работанекоторый делать

‘Он не делает кое-какую работу’ = существует работа такая, что он ее не делает.

\*‘Он не делает какую бы то ни было работу’ = не существует работы такой, что он ее делает.

Нереферентность при непрямом отрицании (indirect negation):

- (26) *Ǫ́ń gbā kē à yí dṓ ká*  
 1SG.NEG NEG делать 3SG.NSBJ внутренность знать с  
*ékēá mīā dṓdṓ l'é lō*  
 ли человек.PL некоторый 3SG.FUT идти:IPFV  
*kē-è kéléń-kèlèń ā.*  
 делать-GER здоровый TOP  
 ‘Я не думал, что кто-нибудь выздоровеет’.

Нереферентность в протазисе условного предложения (condition):

- (27) *Bá nāá kō dṓdṓ ká ā*  
 2SG.CONJ>3SG любить.COND 1PL.NSBJ некоторый с TOP  
*báà gèē kō l'è.*  
 2SG.IPFV>3SG говорить:IPFV 1PL.NSBJ для  
 ‘Если тебе понравится кто-нибудь из нас, скажи’.

Данные значения представляют большой типологический интерес, поскольку они образуют четыре несмежные области на семантической карте (см. раздел 3).

Детерминатив *dṓdṓ* может выноситься за пределы именной группы. В этой позиции он имеет значение референтности, определенности:

- (28) *<...> ō nū-ù l'ē dṓdṓ.*  
 3PL.PRET приходить-GER COP каждый  
 {Я позвала девушек на праздник,} ‘каждая пришла’.

## 2.6. Детерминатив *gbúù*

Дистрибуция детерминатива *gbúù* ~ *gbúnù* ~ *gbú* ~ *gbú* ~ *búnù* близка к дистрибуции показателей *dò* и *gbēē* – с тем различием, что значение нереферентности при вопросе не выражается, а при прямом отрицании выражается значение частичного отрицания. Кроме того, именная группа, обозначающая лицо и содержащая данный детерминатив, обязательно употребляется во множественном числе. Приведем несколько примеров.

Нереферентность при частичном прямом отрицании (*direct partial negation*):

- (29) *Léé̄ pē̄ gbúù d̄.*  
3SG.NEG вещь некоторые знать

‘Он не знает кое-какие вещи’ = существуют вещи такие, что он их не знает.

\*‘Он не знает какие бы то ни было вещи’ = не существует вещей таких, что он их знает.

Нереферентность в ирреальных предикациях (*irrealis non specific*):

- (30) *Mīā gbúù dùá lḗ ó gbū̄ kē̄.*  
человек.PL некоторые долг COP 3PL.CONJ собрание делать  
‘Кто-то должен заняться праздником’.

### 2.7. Дистрибутивность

Кванторные слова *nǒfè* и *dōódōó* имеют дистрибутивную интерпретацию в значении распределяющих множеств.

- (31) *Mīā nǒfè/dōódōó ò bɔ̀́ yà̀kà sí.*  
человек каждый каждый 3PL.PRET мешоктри брат  
‘Каждый взял по три мешка’.  
\*‘Все взяли три мешка (одновременно)’.

При этом если *nǒfè* имеет дистрибутивную интерпретацию только при условии, если в предложении присутствует именная группа, обозначающая распределяемое множество, то *dōódōó* имплицитно предполагает существование такого множества и всегда интерпретируется дистрибутивно. Так, на просьбу предъявить контекст, в котором мог бы быть употреблен пример (26), информант ответил следующее: имеется несколько больничных отделений, где находятся больные с разными недугами; говорящий утверждает, что не думал, что из каждого отделения хоть кто-нибудь выздоровеет.

Детерминативы *dò*, *séíń* и *gbúù*, а также прилагательное *gbēē̄*, как правило, имеют коллективную интерпретацию. Чтобы эти показатели получили дистрибутивную интерпретацию в значении распределяющих множеств, нужно, чтобы именная группа, обозначающая распределяемое множество, содержала редулицированное прилагательное (со значением множественности)<sup>3</sup> или редулицированное числительное:

<sup>3</sup> В ману прилагательные делятся на два основных типа: те, которые при редуликации имеют значение интенсивности, и те, которые при редуликации имеют значение множественности. Ср.: *m̀bílí yḕyḕ-*

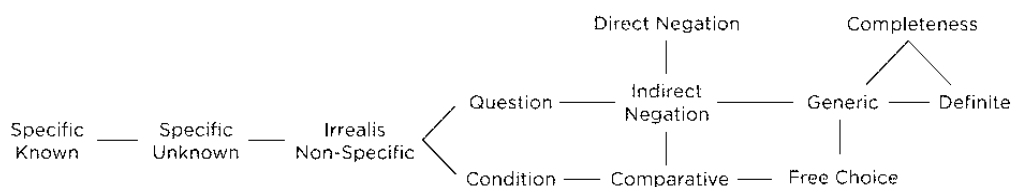
- (32a) *Mīā*            *gbúú̀*            *ō*            *bòò'*            *gbùò*            *sí.*  
 человек.PL    некоторые    3PL.PRET    мешок    большой    брать  
 ‘Какие-то люди взяли большой мешок (одновременно)’.  
 \*‘Какие-то люди взяли каждый по большому мешку’.
- (32б) *Mīā*            *gbúú̀*            *ō*            *bòò'*            *gbùò-gbùò*  
 человек.PL    некоторые    3PL.PRET    мешок    большой~PL  
*sí.*  
 брать  
 ‘Какие-то люди взяли каждый по большому мешку’.  
 \*‘Какие-то люди взяли большие мешки (одновременно)’.

### 3. Анализ семантики кванторных слов

Один из самых важных типов обобщений, формулируемых в типологических исследованиях, – возможность наложения эксплицитного запрета на определенный тип языковых структур. Для семантических карт подобный запрет формулируется в виде цитированного в разд. 1 принципа смежности (Татевосов 2002: 33).

Вариант карты значений кванторных слов, который объединяет значения, выражаемые неопределенными местоимениями, и значения кванторных слов со значением всеобщности, имеет следующий вид (Татевосов 2002: 167):

Схема 1. Карта значений кванторных слов



В манго детерминатив *dò* в значении свободного выбора не употребляется в конструкции императива, а показатель *séíń*, напротив, в этом же значении употребляется только в этой конструкции. Таким образом, данные манго показывают, что позицию свободного выбора необходимо расщепить на две: свободный выбор при императиве – и во всех остальных конструкциях.

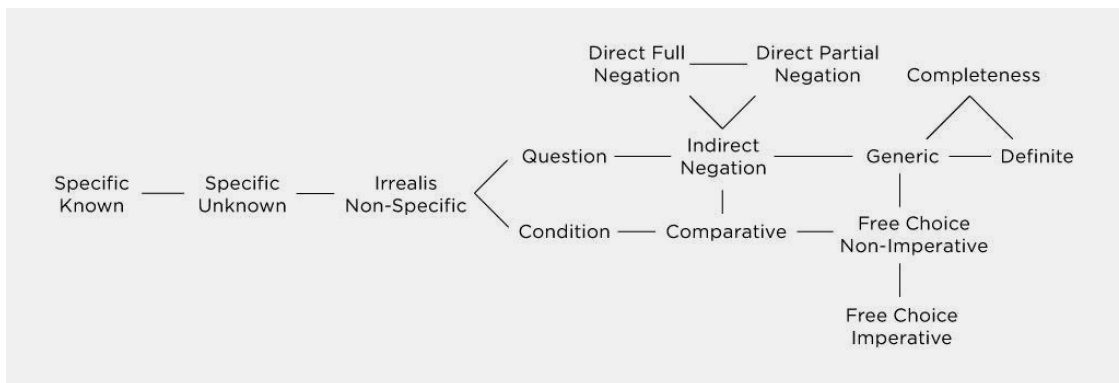
Детерминатив *nófè* имеет значение только полного прямого отрицания, тогда как детерминатив *dò* имеет значение и полного, и частичного отрицания. Таким образом, позицию прямого

---

*yeńeńe* ‘очень медленная машина’; *mòbílí gbùò-gbùò* ‘большие машины’.  
 Подробнее см. Хачатурьян, рук.

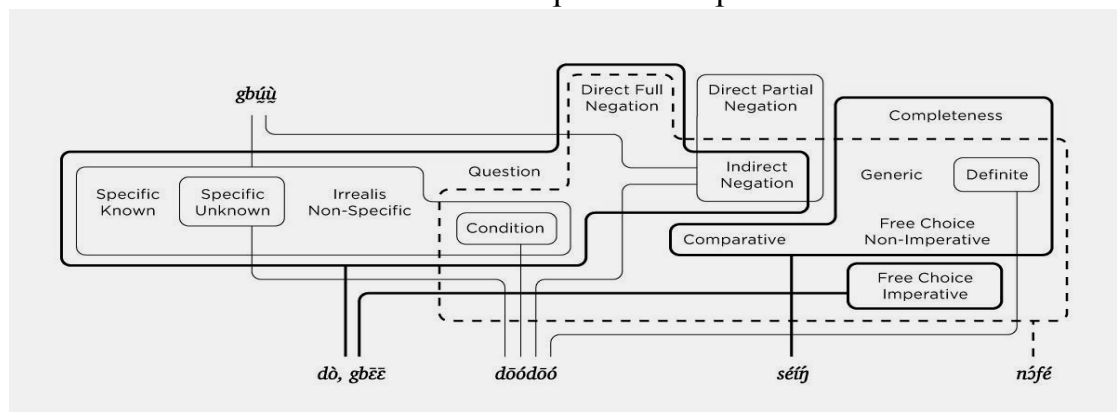
отрицания также необходимо расщепить на полное отрицание и частичное отрицание. Получаем обновленную схему (аргументы в пользу предлагаемого расположения расщепленных позиций см. ниже):

Схема 2. Карта значений кванторных слов в манго



Разместим значения, покрываемые каждым из кванторов, на семантической карте:

Схема 3. Семантическая карта кванторных слов в манго



Хотя в языках мира встречаются самые разные конфигурации карт значений кванторов, семантическая карта в манго имеет несколько особенностей.

Во-первых, это наличие дополнительно распределенных кванторных слов, *dò* (= *gbēē*) и *séíj*, значения которые покрывают всю семантическую карту (кроме значения частичного прямого отрицания). Хотя такая конфигурация не запрещается, в подборке языков с таким свойством нет (впрочем, эта подборка невелика – Татевосов 2002). В целом у *dò* и *gbēē* исключительно широкая дистрибуция, кванторы с подобной дистрибуцией в указанной подборке также не встречаются. Стоит отметить также употребление квантора *nǎfě* в отрицательно-полярных контекстах и при квантификации референтного и гене-



рического множеств. Подобным свойством отличается, например, *hagin*-серия в нивхском языке (Панфилов 1962: 257–258).

Во-вторых, как уже было сказано, детерминативы в ману чувствительны к семантике конструкции в контекстах, где кванторное слово употребляется в значении произвольного выбора: *dò* в этом значении сочетается только в императивных конструкциях, а *séiŋ* – в любых конструкциях, кроме императивных. Было отмечено, что императив допускает кванторные слова произвольного выбора в том случае, если он используется в функции разрешения, но не приказа (Haspelmath 1993: 52–53). В ману, однако, ограничение связано с любой функцией побуждения к действию – приказ, совет, разрешение и т. п.

В-третьих, значение нереферентности при прямом отрицании расщепляется на два: полное и частичное. Если прилагательное *gbēē* и детерминатив *dò* имеют оба эти значения, то детерминатив *nófé* – только значение полного отрицания.

Как следствие свойств 1 и 2, позиции *free choice* и *direct negation* на карте приходится расщеплять на две. При этом в случае позиции *direct negation* это можно сделать так, чтобы соблюдался принцип смежности, разместив позиции *direct full negation* и *direct partial negation* равноудаленно от позиции *indirect negation*. Применительно к позиции *free choice* принцип смежности можно соблюсти и для детерминатива *séiŋ*, если считать, что узел *free choice imperative* отходит от узла *free choice non-imperative*. Однако для детерминатива *dò* и прилагательного *gbēē* принцип смежности в любом случае нарушается, поскольку эти показатели имеют значения свободного выбора и непрямого отрицания, но не имеют значения стандарта сравнения и генерического значения, а значит, карта оказывается для них разрывной. Это касается также детерминатива *gbúú*, который не выражает значение нереферентности при вопросе, а значит, значения нереферентности при отрицании и остальные выражаемые им значения образуют две несвязанные области. То же верно и для детерминатива *dōódōó*, имеющего пять значений, из которых только два формируют связанную область.

Итак, семантика кванторов в ману имеет следующие особенности:

- наличие двух дополнительно распределенных кванторов, значения которых покрывают всю семантическую карту;
- наличие квантора, имеющего значения из сферы отрицания и из сферы универсальной квантификации;

- дифференциация значений нереперентности при полном и частичном прямом отрицании;
- для кванторов в значении свободного выбора оказывается существенным, употребляется глагол в конструкции с императивным значением или в любой другой конструкции;
- для четырех из шести кванторных слов семантическая карта оказывается разрывной.

### Список условных сокращений

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; COND – суффикс, тональная форма кондиционалиса; CONJ – конъюнктив; COP – копула; DEM – демонстратив; DIPFV – серия предикативных маркеров зависимого имперфектива; EMPH – эмфатический детерминатив; EXI – экзистенциальная серия местоимений; FOC – маркер фокуса, фокализованная форма местоимений; GER – герундий; INDEF – неопределенный квантор; IPFV – имперфективная серия предикативных маркеров/тональная морфема имперфектива; IZF – тональная морфема изафета; FUT – будущее время; NEG – отрицание; NSBJ – несубъектная серия местоимений; PL – множественное число; POSS – посессивная серия местоимений; PRET – претеритная серия серия предикативных маркеров; PRF – перфектная серия предикативных маркеров; SBJV – субъюнктивная серия предикативных маркеров; SG – единственное число; TOP – маркер топика.

### Литература

- Татевосов 2002 – С. Г. Татевосов. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Панфилов 1962 – В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка. Ч. 1. М.; Л.: Наука, 1962.
- Хачатурьян, рук. – М. Л. Хачатурьян. Категория именного числа в ману, южные манде. Рукопись.
- Haspelmath 1993 – M. Haspelmath. A Typological Study of Indefinite Pronouns. PhD Thesis. Freie Universität, Berlin, 1993.
- Haspelmath 1997 – M. Haspelmath. Indefinite pronouns. Oxford: Clarendon Press, 1997.

### **M. Khachaturyan. Semantics of quantifiers in Mano, South Mande**

The paper deals with the semantics of quantifiers in Mano, South Mande, primarily using the method of semantic mapping. It is shown that particularities of semantics and distribution of quantifiers in Mano (a) demand new positions to be added to the semantic map introduced in typological works on quantification; and (b) contradict the key property of semantic mapping – the contiguity principle, since the majority of quantifiers correspond to discontinuous areas on the map.

*Keywords:* quantifiers, semantic map, contiguity, negation, Mano, Mande.

## **ПРИЗНАКОВАЯ ЛЕКСИКА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ПОЛЯ ГЛАДКИЙ, ТВЕРДЫЙ и ТЯЖЕЛЫЙ<sup>1</sup>**

Статья посвящена вкладу, который делает в общую типологию признаковой лексики китайский язык, и особенностям китайского, которые проявляются на типологическом фоне, на материале полей ГЛАДКИЙ, ТВЕРДЫЙ и ТЯЖЕЛЫЙ. Данные китайского языка выявляют дополнительные параметры, значимые для рассматриваемых семантических полей. Привлечение типологических данных позволяет описать разницу в употреблении односложных и двусложных лексем китайского языка, в также механизмы развития нетривиальных переносных значений.

*Ключевые слова:* лексическая типология, семантика, китайский язык, признаковая лексика, прилагательные.

### **1. Введение**

В настоящей статье рассматривается несколько семантических полей признаковой лексики китайского языка, с особым вниманием к тем нюансам китайского, которые проявляются при системном сопоставлении с данными других языков. Типологический материал собран Московской лексико-типологической группой во время работы над проектом «Типологически ориентированная база данных: лексическая организация качественных признаков» (для каждого признака подробно описаны от 10 до 20 языков). Хотя рассмотренные нами китайские данные демонстрируют заметные отличия от языков «среднеевропейского стандарта» и даже позволяют выделить несколько новых фреймов, в целом результаты проведенного исследования подтверждают общие типологические предсказания о структуре рассматриваемых полей.

### **2. Семантическое поле ГЛАДКИЙ: прямые значения**

В современном китайском языке более 70% наиболее частотных слов составляют двусложные слова (ср. подсчеты в Zhōu Jiàn 1999). Между тем, наименьшими единицами, способными

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №14-06-00343.

самостоятельно передавать значения, являются однослоги. Согласно китайской лингвистической традиции, именно однослоги являются системообразующими единицами китайского языка (ср.: Xú Tōngqiāng 1993).

Эта точка зрения подтверждается и данными нашего исследования: основным фреймам, выделенным на материале других языков, в китайском обычно соответствуют именно односложные лексемы. Например, в семантическом поле ГЛАДКИЙ три базовые зоны ‘ровного’, ‘скользящего’ и ‘гладкого’ (Кашкин 2013) обслуживаются в китайском языке тремя разными однослогами (*huá* ‘скользящий’, *guāng* ‘гладкий’ и *píng* ‘ровный’)<sup>2</sup>.

Что касается двуслогов-композигов, то они задают противопоставления по дополнительным, более тонким, семантическим параметрам. Так, в зоне ‘ровного’ противопоставляются *píng-tǎn* (букв. ‘ровный-ровный и обширный’) со значением ‘не имеющий на поверхности повышений и понижений, впадин и выступов’, который используется преимущественно для описания форм рельефа (1), и *píngzhěng* (букв. ‘ровный-целый’), который описывает искусственно выровненные поверхности (2):

- (1) *yǒude gāoyuán biǎomiàn kuānguǎng*  
 некоторый плато поверхность широкий  
*píngtǎn, dìshì qǐfú bù dà*  
 ровный рельеф перепад NEG большой  
 ‘Поверхность некоторых плато широкая и ровная, перепады по высоте в рельефе небольшие...’ (ccl)
- (2) *kēng yào tián de píngzhěng*  
 яма нужно заполнять EV ровный  
 ‘Яму нужно засыпать ровно’. (инф.)

Новые фреймы, выделение которых стало возможно благодаря китайским данным, как правило, тоже обслуживаются двусложными словами. Например, сопоставление сочетаемости двусложных аналогов лексемы *guāng* ‘гладкий’, *guānghuá* и *guāngliú*, позволяет выделить интересный с типологической точки зрения фрейм ‘отсутствие отдельных выступающих ворсинок’, который обслуживается *guāngliú*. Эта лексема используется для описания гладко причесанных волос, чисто выбритого подбородка или лысой головы:

<sup>2</sup> Подробный обзор организации семантического поля ГЛАДКИЙ в китайском языке см.: Холкина, в печати.

- (3) *tā de tū tóu xiàng*  
 он ATR лысый голова походить  
*táiqiú yúàng guāngliú*  
 бильярдный.шар одинаковый гладкий  
 ‘Его лысая голова гладкая, как бильярдный шар’. (jk)

Это противопоставление не носит характера дополнительного распределения – по замечаниям информантов, *guānghuá* и *guāngliú* могут сочетаться с одним и тем же существительным, например, *mùbǎn* ‘доска’, передавая разный смысл, ср.:

- (4a) *guānghuá de mùbǎn*  
 ‘доска без щербинок и неровностей’  
 (4б) *guāngliú de mùbǎn*  
 ‘доска без заноз и колючек’

В примере (а) речь идет о гладкой доске, на поверхности которой отсутствуют неровности и «перепады по высоте», а в примере (б) – об отсутствии отдельных тонких выступающих частей – ворсинок, заноз и т. п.

На этом примере можно видеть, что, с одной стороны, китайский материал расширяет наши представления о тех фреймах, которые могут быть значимы в тех или иных зонах, а с другой, – периферийность новообнаруженных фреймов подтверждает, что основные фреймы были уже выделены.

### 3. Семантическое поле ТВЕРДЫЙ: переносные значения

Одна из важных теоретических предпосылок лексической типологии состоит в том, что противопоставление между фреймами в базовых значениях отражается и в переносных значениях, которые развивают соответствующие лексемы (Рахилина, Резникова 2013). Наша работа с китайским позволяет продемонстрировать это на материале поля ТВЕРДЫЙ в сопоставлении с русским. Для русского языка оказывается значимо противопоставление между лексемой *твердый*, дающей характеристику объекта как способного противостоять деформации, и *жесткий*, подчеркивающей неприятный характер взаимодействия с твердым объектом (Павлова 2012; Pavlova, Kholkina 2013). Ср:

- (5) *Древесина акации, более темная и твердая, чем древесина дуба, чрезвычайно долговечна <...>. (НКРЯ)*  
 (6) *<...> она насильно жевала кусочки жесткого мяса. (НКРЯ)*

- (7) *Совет: работайте на твёрдой поверхности, складывайте бумагу с помощью линейки* ⟨...⟩ (НКРЯ)
- (8) *Проснувшись ночью (у меня неудобная жёсткая кровать)* ⟨...⟩ (НКРЯ)

Это противопоставление сохраняется и в переносных значениях. *Твердый* даёт «абстрактную» характеристику некоторого явления как не подверженного изменениям (*твёрдые цены, твёрдый курс*), способного противостоять давлению (*твёрдый человек, характер, решение*). *Жесткий* делает акцент на восприятии экспериенцера и возможно неприятный опыт от взаимодействия с некоторой непреклонной силой (*жесткие меры, жесткий контроль, жесткий характер*).

В китайском языке поле ТВЕРДЫЙ обслуживается одной основной лексемой *yìng*. Она может употребляться как для описания свойства твердости (9), так и в контексте неприятного взаимодействия с твердым предметом (10).

- (9) *zhùrù tàn, dàn lízǐ hòu, chǎnshēng*  
вводить углерод азот ион после производить  
*le jīnshǔ de tànhuàwù huò dànhuàwù, zhè*  
MOD металл ATR карбид или нитрид этот  
*xiē huàhéwù hěn yìng*  
несколько соединение очень твёрдый  
'После введения атомов углерода и азота получаются карбиды или нитриды металлов, эти соединения очень твердые'. (ccl)
- (10) *huāgé ròu cū ér yìng yǎo bù dòng*  
моллюск мясо грубый и твёрдый кусать NEG двигать  
'Мясо *Tapes variegates* (вид пестрого двустворчатого моллюска) грубое и жесткое, не прожухешь'. (ccl)

Переносные значения *yìng* также могут развиваться как в направлении «объективной» характеристики предмета (11)–(12), так и для описания неприятного опыта взаимодействия, делая акцент на восприятии экспериенцера (13):

- (11) *zhè dōngxī shì yìng huò*  
этот вещь быть твёрдый товар  
'Эта вещь – товар хорошего качества'. (инф.)
- (12) *duìhuàn mǎ hěn yìng*  
обмен.курс очень твёрдый  
'Курс валюты твёрдый (не понижается)'. (инф.)

- (13) *gěi tā lái diǎn yìng de tā*  
 дать он подавать немного твердый ATR он  
*jiù tīng huà le*  
 сразу слушаться MOD  
 ‘Если с ним пожестче обращаться (букв. ‘дашь ему немного твердого’), он сразу становится послушным’. (инф.)

Это подтверждает, что нечувствительность к противопоставлению, задаваемому русскими прилагательными *твердый* и *жесткий*, сохраняется у *yìng* и в переносных значениях. Так, сочетание *yìng* с лексемой *cuòshī* ‘меры’ демонстрирует полисемию. Наиболее частотно употребление *yìng* в значении ‘эффективные, надежные’:

- (14) *jié diàn bù néng xiàng guòqù*  
 экономить электричество NEG мочь похожий прошлое  
*fàn fàn ér lùn ér yào yǒu*  
 поверхностный.RDP и говорить и нужно иметь  
*kě xíng de yìng cuòshī*  
 мочь.идти ATR твердый мера  
 ‘Об экономии электричества больше нельзя отвлеченно рассуждать, как раньше, нужно предпринять реальные твердые меры’. [ccl]

Однако та же лексема может употребляться и для описания жестких, возможно, силовых, мер<sup>3</sup>:

- (15) *<...> duì lián hé zhī fǎ jiǎn chá zhōng*  
 DIR объединенный законный проверка LOC  
*cún zài wèn tí wèi wán chéng zhǐng gǎi*  
 существовать проблема NEG завершить исправление  
*de qǐ yè jiāng cǎi qǔ yìng cuòshī*  
 ATR предприятие FUT применить твердый мера  
 ‘<...> применит жесткие меры по отношению к тем предприятиям, которые не завершили исправление недостатков, обнаруженных в ходе законной совместной проверки’. (ccl)

Таким образом, устройство семантического поля ТВЕРДЫЙ в китайском языке (в сопоставлении с другими языками) подтверждает гипотезу о том, что противопоставления, значимые в области прямых значений, сохраняют свою актуальность и для переносных. Отсутствие же некоторого

<sup>3</sup> Стандартным в этой ситуации является слово 强硬 *qiángyìng* (букв. ‘сильный-твердый’).

типологически значимого противопоставления в зоне прямых значений делает и переносные нечувствительными к нему и дает толчок к развитию в них полисемии.

#### 4. Семантическое поле ТЯЖЕЛЫЙ: прямые и переносные значения

Помещение китайского языка в широкий типологический контекст дает возможность более адекватного лексикографического описания. Так, ориентируясь на среднеевропейские данные, от прилагательных поля ТЯЖЕЛЫЙ мы ожидаем отрицательных коннотаций, ср. франц. *pensées lourdes* ‘тяжелые мысли’, *lourd destin* ‘тяжелая судьба’, русск. *тяжелый фильм*, *тяжелая задача*... В китайском же для основной лексемы поля ТЯЖЕЛЫЙ *zhòng* подобные отрицательные коннотации в переносных значениях нехарактерны<sup>4</sup> – она приобретает значение ‘важный’:

- (16) *tā bǎ zhè tiáo tiělù kàn de hěn zhòng*  
 он ВА ЭТОТ CL ж/д смотреть EV очень тяжелый  
*hěn zhòng jīhū jiāng tā zuòwéi zìjǐ*  
 очень тяжелый почти ВА оно являться сам  
*shēngmìng de quánbù*  
 жизнь ATR весь  
 ‘Он считает эту железную дорогу очень важной, практически считает ее всем, что есть в жизни’. (ccl)

Это значение *zhòng* может передавать в составе устойчивых словосочетаний и даже слов, что свидетельствует о его давней закреплённости в китайском языке:

- (17) *qīng zhòng huǎn jí*  
 легкий тяжелый медленный срочный  
 ‘важное и неважное, несрочное и срочное (например, в работе)’  
 (ccl)

- (18) *zhòngshì*  
 ‘придавать большое значение’ (букв. ‘тяжелый-смотреть’)

Другая особенность *zhòng* – возможность описывать большое количество (денег) без дополнительных отрицательных

<sup>4</sup> В китайском языке к данному семантическому полю также относятся однослог *chén* ‘тяжелый’ с исходным значением ‘тонуть’ и двусложная лексема *chénzhòng* ‘тяжелый’ с другими системами переносных значений.



коннотаций, как это характерно, например, для английского *heavy taxes* или французского *lourds impôts* ‘обременительные (букв. тяжелые) налоги’<sup>5</sup>. Например:

(19) *zhòng*         *jià*     *shōugòu*  
тяжелый     цена     скупать  
‘скупать по высокой цене’ (ccl)

(20) *zhòng*         *jiǎng*  
тяжелый     приз  
‘крупный (денежный) приз’ (ccl)

Кроме того, *zhòng* может использоваться как интенсификатор. В языках мира интенсификаторы, восходящие к лексеме со значением ‘тяжелый’, как правило, используются с обозначениями отрицательно оцениваемых явлений (ср. англ. *heavy calamity* ‘тяжелое бедствие’, турецк. *ağır ceza* ‘тяжелое наказание’, русск. *тяжелая болезнь*). Однако *zhòng* способен также выступать в нейтральных предложениях и даже в имеющих отчетливо положительные коннотации:

(21) *tā*     *duì*     *wǒ*     *de*     *ēnqíng*     *hěn*     *zhòng*,  
он     DIR     я     ATR     добро     очень     тяжелый  
*wǒ*     *zhè*         *bèizi*     *dōu*     *bàodá*         *bù*     *liǎo*  
я     этот     жизнь     весь     благодарить     NEG     возможно  
‘Его доброта ко мне очень велика, я за всю жизнь не смогу его отблагодарить’. (leeds)

Эту разницу в переносных употреблениях можно объяснить, если обратиться к противопоставлению прямых значений, которое было выявлено при сопоставлении данных нескольких языков: хотя типологически поле ТЯЖЕЛЫЙ обычно обслуживается одной доминантной лексемой, контексты, в которых эта единственная лексема может использоваться, не полностью совпадают.

Здесь выделяются фреймы «объективной» характеристики предмета (большой вес объекта) и «субъективной» оценки взаимодействия с предметом (трудность при транспортировке). Противопоставление проявляется в вопросе об объективном весе (Кюсева и др. 2012). В некоторых языках (например, в сербском и в китайском) вопрос ‘Сколько ты вешишь?’ задается с использованием прилагательного ‘тяжелый’:

<sup>5</sup> В русском сочетание *тяжелые деньги* также обозначает не большую сумму денег, а деньги, доставшиеся тяжелым трудом.

## СЕРБСКИЙ

- (22) *Koliko si težak?*  
 ‘Сколько ты вешишь?’

## КИТАЙСКИЙ

- (23) *nǐ yǒu duō zhòng?*  
 ты иметь сколько тяжелый  
 ‘Сколько ты вешишь?’

В других же языках (например, в русском и английском) задать такой вопрос с употреблением прилагательного *тяжелый* вне особого контекста нельзя:

## РУССКИЙ

- (24) <sup>?</sup>*Насколько ты тяжелый?*

## АНГЛИЙСКИЙ

- (25) <sup>?</sup>*How heavy are you?*<sup>6</sup>

Представляется, что это противопоставление в некоторой степени соответствует параметру, выделенному при анализе русских прилагательных *твердый* и *жесткий*: в первом случае дается безоценочная характеристика объекта по критерию твердости/мягкости, а во втором говорится о том влиянии, которое признак объекта оказывает на субъект – взаимодействие с твердым объектом воспринимается как дискомфортное. Так же и «субъективная» характеристика некоторого предмета как ‘тяжелого’ определяется ситуацией взаимодействия с предметом, обладающим большим весом, например, при его перемещении с места на место. Это требует от человека больших усилий и сопряжено с определенными неудобствами, поэтому «субъективный» ‘тяжелый’, как правило, развивает негативные коннотации и не может использоваться в вопросе об объективном весе предмета.

«Объективная» же характеристика некоторого предмета как ‘тяжелого’ не связана с негативной оценкой – большой вес может свидетельствовать о ценности предмета – и тогда становится понятным развитие соответствующих положительных переносных значений. Как раз такой случай и представляет собой китайская лексема *zhòng*. В русском языке некоторое представ-

<sup>6</sup> Корректной формой вопроса будет “*How much do you weigh?*”. Носители американского английского отмечают, что вопрос “*How heavy are you?*” может предполагать “*I see that you're quite heavy. Just how heavy are you?*” (‘Я вижу, что Вы весьма тяжелый. Но насколько же Вы тяжелый?’) (<http://forum.wordreference.com>).

ление об этой идее дают употребления слов *весомый*, *веский* (однако в отличие от своего китайского аналога, они употребляются только переносно).

Подводя итог, можно сказать, что детальное описание нескольких семантических полей одного и того же языка с позиций лексической типологии принесло интересные результаты. В полном соответствии с китайской пословицей *páng guānzhě qīng* ‘со стороны виднее’, типологическая перспектива позволяет обнаружить некоторые особенности, которые невозможно заметить, ограничиваясь изолированным рассмотрением данных одного языка.

### Список условных сокращений

ATR – маркер определения к существительному или глаголу; BA – маркер вынесения объекта в позицию перед глаголом; CL – счетное слово – классификатор; DIR – направительные морфемы; EV – показатель оценки действия или возможности его совершить; FUT – показатель будущего времени; LOC – пространственные предлоги и послелоги; MOD – модальная частица 了 *le*; NEG – показатель отрицания; RDP – редупликация.

### Литература

- Кашкин 2013 – Е. В. Кашкин. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках). Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, М., 2013.
- Кюсева и др. 2012 – М. В. Кюсева, Д. А. Рыжова, Л. С. Холкина. Прилагательные «легкий» и «тяжелый» в типологической перспективе // А. Е. Кибрик (гл. ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11(18). М.: РГГУ. С. 247–255.
- Павлова 2012 – Е. К. Павлова. Качественные признаки ‘мягкий’ и ‘твердый’ в типологической перспективе. Курс. работа. МГУ, М., 2012.
- Рахилина, Резникова 2013 – Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания 2, 2013. С. 3–31.
- Холкина, в печати – Л. С. Холкина. Семантическое поле ГЛАДКИЙ в китайском языке: лексико-типологический обзор // Вестник МГУ [Серия 13: Востоковедение], в печати.
- Pavlova, Kholkina 2013 – E. K. Pavlova, L. S. Kholkina. Words of hardness and softness: towards lexical typology // Association for Linguistic Typology. 10th Biennial Conference (ALT10) (2013 August 15–18, Leipzig). Abstracts. ([http://www.eva.mpg.de/lingua/conference/2013\\_ALT10/pdf/abstracts/Abstracts\\_ALT10\\_complete.pdf](http://www.eva.mpg.de/lingua/conference/2013_ALT10/pdf/abstracts/Abstracts_ALT10_complete.pdf)).

Xú Tōngqiāng 1993 – Xú Tōngqiāng zìxuǎnjí [Selected works by Xu Tongqiang] Hénán jiàoyù chūbǎnshè, 1993.

Zhōu Jiàn 1999 – Shuāngzì zǔhé yǔ cídiǎn shōutiáo [Disyllabic words and entries in the dictionary] // Zhōngguó yǔwén 4, 1999. P. 304–309.

### Источники

ccl – Корпус Пекинского Университета.

([http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl\\_corpus/index.jsp?dir=xiandai](http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir=xiandai))

jk – Двухязычный англо-китайский корпус. ([www.jukuu.com](http://www.jukuu.com))

leeds – Корпус Лидс. (<http://corpus.leeds.ac.uk>)

инф. – пример, полученный от информанта.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. ([www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru))

### **L. Kholkina. Qualitative concepts in Chinese in lexical-typological perspective: the semantic fields of SMOOTH, HARD, HEAVY**

The paper focuses on the contribution of detailed analysis of Chinese adjectives to the general typology of qualitative concepts and on those features of Chinese that can be accounted for against typological background. Chinese data reveal additional parameters that are relevant for the semantic fields in question (SMOOTH, HARD, HEAVY). Attracting typological data allows us to describe the difference in use of monosyllabic and disyllabic lexemes in Chinese and shows that Chinese metaphors that have previously appeared unusual or idiosyncratic have reasonably accessible derivation.

*Keywords:* lexical typology, semantics, Chinese, qualitative concepts, adjectives.

Е. Ю. Шарихин

**К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ НАРЕЧИЙ ТИПА  
ВПОВАЛКУ И ВРАЗВАЛКУ  
В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XIX ВЕКА:  
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Статья посвящена становлению наречий *вповалку* и *вразвалку* в русском литературном языке XIX века. Анализируются объективные языковые – грамматические и лексические – причины, лежащие в основе процесса адвербиализации предложно-именных форм существительных по модели «предлог *в* + сущ. в В. п.». Предметом особого рассмотрения также являются семантический и стилистический аспекты лексической динамики, связанные с функционированием новых языковых единиц в текстах XIX века, вопрос орфографии исследуемых наречий.

*Ключевые слова:* русский язык; историческая лексикология и словообразование; семантика; наречие.

Определяя место XIX века в истории русского литературного языка, исследователи отмечали, что «трудно найти другой такой период, где бы в столь ограниченные сроки (несколько десятилетий) появилось так много очевидных лексических новшеств» (Сорокин 1965: 542). Пополнение словарного состава русского литературного языка в XIX веке, как и в предшествующий период его истории, происходило двумя путями: благодаря заимствованиям и, главным образом, за счет средств самого языка. Именно словотворчество явилось мощнейшим фактором развития русского литературного языка на этапе сложения норм словоупотребления, ориентированных на живую речь. В этом отношении интерес могут представлять лексические новообразования, возникающие в языке не только морфологическим, но и так называемым «безморфемным» способом.

В. В. Виноградов, назвавший свой главный труд о русском языке «Грамматическим учением о слове», подчеркивал, что «с точки зрения функции лексический факт может сливаться с фактом грамматическим» (Виноградов 1947: 6). Уделяя большое внимание слову и его функционированию в речи, он, в частности, полагал, что «переход от номинативной функции словесного знака к семантическим формам самого слова» связан с коммуникативной функцией языка и что в результате испол-

нения той или иной синтаксической функции отдельные словоформы «могут отпадать от структуры того или иного слова и превращаться в самостоятельные слова (например, формы существительного становятся наречиями)» (там же: 14, 17). Подобные единицы, возникающие в результате лексикализации конкретных форм, не только восполняли лакуны в отдельных разрядах слов, но и формировали их, как это было в случае с наречиями.

В историческом очерке «Изменения в системе словообразования наречий» в составе коллективной монографии, посвященной словообразовательным процессам в XIX веке, был сделан акцент исключительно на исследование динамики в области качественных наречий, что объяснялось тем, что «образование каждого нового наречия неморфологическим путем происходит столь длительное время, что усмотреть какие-либо изменения внутри определенного типа адвербиализации в пределах одного века оказывается почти невозможным» (Виноградов, Шведова (ред.) 1964: 186). Тем не менее собранные нами факты, касающиеся употребления подобных форм в текстах XIX века и способах представления их в словарях данного периода, позволяют сделать некоторые конкретные выводы относительно механизмов формирования языковой нормы на лексическом уровне. Наблюдения над наречиями, оказавшимися предметом анализа в данной статье, могут служить иллюстрацией грамматических, семантических и стилистических процессов, характерных для XIX века.

Наречия *впору* и *вразвалку* появились в русском языке как самостоятельные лексические единицы в результате развития особых структурно-семантических типов лексических значений соответствующих существительных в форме винительного падежа в сочетании с предлогом *в*. Их новый грамматический статус был зафиксирован впервые в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и закреплен в дальнейшем академическими словарями ССРЛЯ (ССРЛЯ, II: 770, 789) и БАС (БАС, III: 210, 224). Можно предположить, что начало «цельнооформленности» (слитному написанию) подобных предложно-именных форм было положено Академическим словарем под ред. Я. К. Грота (Грот 1895), отразившим нормативные тенденции в русском языке к концу XIX века.

В Словаре Ушакова предметно-обстоятельственное<sup>1</sup> наречие *вповалку* сопровождается стилистической пометой «разг. фам.», в ССРЛЯ данная помета при слове отсутствует, но в БАС помета *Разг.* возобновляется, что подтверждает устойчивую генетическую связь данной формы с разговорной стихией и указывает на специфику формирования ее семантики. Сохраняющаяся словообразовательная мотивированность наречия подчеркивается в ССРЛЯ наличием отсылки при существительном (Повалка ... См. Вповалку – ССРЛЯ, X: 61). Само существительное не имеет при себе толкования и иллюстративного материала, что, возможно, свидетельствует о некотором формальном присутствии лексической единицы в составе «Словаря современного русского литературного языка». Что касается исследуемого периода, то в живой речи XIX века, по данным «Толкового словаря живого великорусского языка В. И. Даля» (1865 г.), существительные от глагола *повалять* были представлены рядом производных: *повáль*, *повáлка*, *повáльня*. Словарь дает наиболее типичные употребления указанных слов, представленных формами, реализующими конкретные структурно-семантические типы лексических значений: «*Лежать, спать повáломъ, повалкóмъ, въ повáлку, наполу, рядомъ, всѣмъ сподрядъ*» (Даль 1865: 128). Отметим, что в данном случае форма вин. п. сущ. *в повалку* идентифицируется как наречие в соответствии с предметно-обстоятельственной функцией существительного.

Все словари отмечают обусловленность значения наречия спецификой лексической сочетаемости с конкретными глаголами: как свидетельствует ССРЛЯ, оно употребляется с глаголами «*лежать, спать* и т. п. *вповалку* — вместе, один возле другого (о большом числе людей)» (ССРЛЯ, II: 770), указание на это «(преимущ. при глаг. *спать, лежать*)» отмечено и в Словаре Ушакова (Ушаков (ред.) 1935: 388).

Литературные контексты XIX века, в которых встречено наречие/наречное сочетание *вповалку*, позволяют расширить круг глаголов, определяющих динамику в семантике и грамматическом статусе формы.

Самыми типичными являются контексты, в которых наречие употреблено при глаголах с пространственным значением. Словосочетания *спать [на полу] вповалку; расположиться [на дворе] вповалку; валяться [на палубе] вповалку; укладываться*

---

<sup>1</sup> Использована классификация основных морфологических разрядов наречий, предложенная В. В. Виноградовым (Виноградов 1947: 341–342).

[на пол] *вповалку* характеризуют действие с точки зрения способа расположения, размещения кого-, чего-либо в пространстве, на поверхности. В «семантической форме» наречия в данной конструкции нераздельно присутствуют значения ‘беспорядочности’ и ‘множественности’. См.:

- (1) *Всѣ прочіе обитатели, или, лучше сказать, обитательницы дома, спали на полу **въ повалку**, болѣе на перинахъ, отчасти уже попортившихся и продушенныхъ, то есть вовсе неприличныхъ, да и тѣхъ было ровно въ обрѣзь; даже и того не было.* (Ф. М. Достоевский. Скверный анекдот . 1882)
- (2) *Слышался храпъ оттуда, подхожу – масса богомольцевъ прямо на дворъ расположилась **въ повалку**.* (В. И. Немирович-Данченко. Святые горы. 1880)
- (3) ***Въ повалку**, тѣсными рядами, имѣя на рукахъ дѣтей, валяются эти «пассажиры» нерѣдко хуже собакъ, и страшно проходить въ это время по палубѣ, такъ какъ въ темнотѣ легко наступить на челоуѣка и отдавить ручонку спящаго ребенка.* (К. М. Станюкович. В далекие края. 1897)
- (4) *Особенно трудно было ночью, когда узники укладывались **вповалку** на земляной полъ и каждое движеніе во снѣ сопровождалось лязгомъ желѣза.* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Охонины брови. 1896)

Примечательно, что семантический потенциал рассматриваемого наречия на пути формирования его как самостоятельной лексической единицы реализован в свободном лексическом значении слова, обусловленном его употреблением в функции предиката – ‘очень много’: «У меня молока **вповалку**, все делим» (Сл. Карел 1994: 239).

Другую группу образуют контексты с данным наречием в сочетании с глаголами, имеющими общий смысл ‘наказывать (физически или морально)’. В таком случае у наречия актуализируется новое лексическое значение, не зафиксированное толковыми словарями ‘(всех) без разбору, не разделяя’. См.:

- (5) *Но вдругъ, замѣтивъ на стѣнѣ отодранный клочъ шпалеръ, онъ [чиновник Знаменский] мгновенно прерываетъ тѣнѣ и сердито произноситъ:  
– Кто это? Все Гришка! погоди! Я когда-нибудь на досугъ соберусь – всѣхъ передеру **въ повалку**. Семь пятницъ въ одну соберу!*



*Ребятишки, шумящие в другой комнате, на минуту замолкают, слыша эту угрозу.* (Г. И. Успенский. Гость. 1904)

- (6) [Саддукеев] – *Съ виду я какъ будто и агнецъ, и отличный подчиненный нашего ректора, великаго педагога, съкуцаго по субботамъ виновныхъ учениковъ **въ повалку**; а ученики меня любятъ и ходятъ ко мнѣ.* (Г. П. Данилевский. Воля. 1893)
- (7) *Этотъ типъ принадлежитъ либераламъ, которые придерживаются сивухи, во-первыхъ; во-вторыхъ, ругаютъ всѣхъ и все – направо, налево, внизъ и вверхъ, въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, ругаютъ самыми зазорными словами, **вповалку** и безъ разбору, ради того только, чтобы ругаться.* (В. В. Крестовский. На западе и на востоке. 1872)
- (8) [Лутоная]  
 <...>  
*Вонъ, каналы, изъ моихъ хоромъ!  
 А не то возьму вотъ эту палку,  
 Да какъ всѣхъ пойду лупить **вповалку**,  
 Не щадя господскихъ вашихъ спинъ!..* (В. С. Курочкин. Принц Лутоная. 1905)

Обратим внимание на то, что если в примерах (1)–(4) наречие *вповалку* употребляется с непереходными глаголами, обозначающими движение и положение в пространстве, то в примерах (5)–(8) глаголы, с которыми сочетается наречие, являются переходными, со значением действия, направленного на объект. Таким образом, можно уже говорить о присутствии грамматического фактора в формировании лексической семантики.

Зафиксированное в ССРЛЯ прилагательное *повальный* ‘охватывающий многих или всех; поголовный’ (ССРЛЯ, X: 61–62) и образованное от него наречие *повально* имеют одинаковый с рассматриваемым нами наречием корень. Можно предполагать, что во всех приведенных выше примерах (5)–(8) наречие *вповалку* имеет также значение ‘охватывая многих или всех; поголовно’. Таким образом, в словосочетаниях *передрать вповалку*; *сечь вповалку*; *ругать вповалку*; *лупить вповалку* наречие имеет значение, близкое к значению сочетания ‘всех подряд’. Ср. *передрать – сечь – ругать – лупить всех подряд*. ССРЛЯ фиксирует данный оттенок значения у наречия *подряд*: ‘без разбора, без исключения’ (ССРЛЯ, X: 580).

Отметим также, что в семантике самих глаголов *передрать*, *сечь*, *ругать* и *лупить* имеется элемент хаотичности, беспорядочности.

рядочности (см. устойчивые сочетания: *(пере)драть*, *сечь*, *лупить*, как *Сидорову козу* (ССРЛЯ, V: 1113); *ругать на чем свет стоит* (ССРЛЯ, XIII: 328); *лупить в хвост и в гриву* (ССРЛЯ, VI: 399); *лупмя лупить* (ССРЛЯ, VI: 399) и др.).

Таким образом, если в примерах (1)–(4) наречие *вповалку* характеризует действие, процесс с точки зрения способа его осуществления, то в примерах (5)–(8) рассматриваемое наречие имеет и коннотативное усилительное значение. На это указывает и употребление при глаголе определительного местоимения *всех*, усиливающего наречие *вповалку*, в котором уже изначально заложено значение ‘охватывая многих или всех; поголовно’. Ср.: *передрать вповалку* ↔ *всех передрать вповалку*; *ругать вповалку* ↔ *ругать всъхъ и все вповалку и безъ разбору*; *лупить вповалку* ↔ *лупить всех вповалку*.

Вероятно, в данном случае можно говорить о явлении интенсификации, прагматической целью которой является стремление сделать высказывание более убедительным, усилить его воздействие. Вслед за И. И. Туранским под интенсивностью мы понимаем «семантическую категорию языка, в основе которой лежит понятие градации количества в широком смысле этого слова. Интенсивность есть количественная мера оценки качества, мера экспликативности, показатель содержания коммуникации» (Туранский 1990: 7). Важно отметить, что интенсификация является количественной модификацией качества, отражающей отклонение от «нормальной» меры, делающей это качество существенным (релевантным) для говорящего или слушающего (Родионова 2004: 304).

Особый интерес вызывает следующий пример, в котором наречие *вповалку* употребляется в эллиптическом предложении. См.:

- (9) [Астров] – *Въ Великомъ посту на третьей недѣль поухаль я въ Малицкое на эпидемію... Сыпной тифъ... Въ избахъ народъ въ повалку... Грязь, вонь, дымъ, телята на полу, съ больными вмисть...* (А. П. Чехов. Дядя Ваня. 1897)

По-видимому, в данном случае можно говорить об установлении к концу XIX века лексической нормы, выраженной в ограниченной лексической сочетаемости рассматриваемого нами наречия. Так, несмотря на то что в приведенном примере пропущен глагол, носители языковой нормы могли точно восстановить действие, описываемое в тексте (*лежатъ*, *спать* и т. п.), поскольку данное наречие обладало фразеологически связанным, несвободным значением в литературном языке.

Н. В. Крушевский полагал, что «каждое слово связано двоякого рода узами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре или значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фразах; оно всегда член известных гнезд или систем слов и в то же время член известных рядов слов» (Крушевский 1883: 65–66). В. В. Виноградов также отмечал, что в системе языка смысловая сторона слова не ограничивается присущими ему значениями. «Слово по большей части заключает в себе указания на смежные ряды слов и значений. Оно насыщено отражениями других звеньев языковой системы, выражая отношение к другим словам, соотносительным или связанным с его значениями. В богатстве таких отголосков и заключается ценность удачного названия или художественного выражения» (Виноградов 1977: 165).

Процесс постепенной адвербиализации, медленного превращения предложно-падежного сочетания в единицу словарного состава выразился и в том факте, что в XIX веке не было устоявшейся орфографической нормы в отношении слитного или раздельного написания наречия *вповалку*. Процесс лексикализации не закончился, поэтому в текстах нередко встречаются разнообразные варианты оформления рассматриваемого наречия, включая дефисное написание. См.:

- (10) *Яркій свѣтъ открылъ довольно живописную картину: во семь сараѣ, на разбросанном стѣнѣ лежали въ-повалку мужчины и женщины.* (Г. И. Успенский. Нравы Растеряевой улицы. 1896)

Большой интерес представляет также предметно-обстоятельное наречие *вразвалку*. Данная лексема имеет два значения: 1) ‘переваливаясь с ноги на ногу, не спеша; покачиваясь’ и 2) ‘раскинувшись, развалиясь’ (ССРЛЯ, II: 789). Происхождение слова также связано с действием в речи словообразовательной модели «предлог *в* + форма винительного падежа существительного»: *в развалку*. По данным ССРЛЯ (II: 790), данное наречие (заметим: в отличие от предыдущего случая – с раздельным написанием) зафиксировано впервые в Словаре Ушакова (1934<sup>2</sup>). В Словаре Даля (1865) это наречное сочетание еще не зафиксировано, но обнаруживаем в словарной статье к слову *разваливать (-ся)* следующие оттенки значения: 1) ‘*ходить вперевалку, или дѣлать что льниво, мѣшкотно*’ и 2) ‘*сидѣть*

<sup>2</sup> 1-й том был кардинально отредактирован и переиздан в 1935 г.

или лежать небрежно, раскинувшись; сидеть лежа; лежать разметавь руки и ноги' (Даль 1865: 12). Однако в текстах художественной литературы уже встречаются примеры активного употребления наречия в разном его написании. См.:

- (11) *По краю стѣчи льниво, **вразвалку**, плетется высокій, узкоплечій мужчина лѣтъ сорока, въ красной рубахѣ, латанныхъ, господскихъ штанахъ и въ большихъ сапогахъ.* (А. П. Чехов. Егерь. 1885–1886)
- (12) *Князь Вяземскій, лѣтами хотя и болѣе чѣмъ вдвое его моложе (ему минуло только 23 годы), былъ на видѣ не менѣе его солиденъ. Высокаго роста, плечистый и коренастый, онъ, словно сознавая свою богатырскую мощь, двигался медленно, **въ развалку** и, разъ удобно гдѣ-нибудь устѣвшись, не перемѣнялъ уже своего положенія.* (В. П. Авенариус. Юношеские годы Пушкина. 1893)
- (13) *Я иду в домъ... Тамъ во всѣхъ комнатахъ, на диванахъ и коврахъ, спятъ въ развалку изнеможенные, запыленные пѣвцы...* (А. П. Чехов. Драма на охоте. 1885)

Словообразовательный процесс, как правило, сопровождается и появлением словообразовательных вариантов, так отметим пример с употреблением однокоренного наречия **вразвалочку**, в котором отчетливо проявляется интенсивность признака. См.:

- (14) *Чертопхановъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, побѣжалъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ пистолетъ, схватилъ его, прицѣлился, выстрѣлилъ... Но прежде чѣмъ пожатъ пружинку курка, онъ дернулъ рукою кверху: пуля прожужжала над головою Маши. Она на ходу посмотрѣла на него черезъ плечо – и отправилась дальше, **въ развалочку**, словно дразня его.* (И. С. Тургенев. Конец Чертопханова. 1883)

Наречие *вразвалочку* имеет следующее значение, отмеченное ССРЛЯ: 'слегка переваливаясь, покачиваясь' (ССРЛЯ, II: 789). Суффикс *-очк-* в структуре данного наречия выражает не только иронический оттенок (ирония проявляется через контекст: [Маша] *отправилась дальше, вразвалочку, словно дразня его*), но и интенсивность действия, признака. Так, в данном случае наречие **вразвалочку** несет в себе понижающий заряд по отношению к глагольному действию. Ср.: *отправилась вразвалку* ↔ *отправилась вразвалочку*.

В следующем примере интенсификат *вразвалец* (под интенсификатами мы подразумеваем «слова, у которых сема интенсивности имплицитно содержится в их значении» (Родионова 2004: 307) усиливает глагол *направляться*. См.:

- (15) *Николай Афанасьевичъ, войдя въ комнату, вытянулъ свои ручки по швамъ, потомъ приподнесъ правую руку съ картузомъ къ сердцу, шаркнулъ ножкой объ ножку и, направлясь въ развалецъ прямо къ именинницъ, проговорилъ тихимъ и ровнымъ старческимъ голоскомъ...* (Н. С. Лесков. Старые годы в селе Плодомасове. 1888)

Наречие *вразвалец* не отмечено в ССРЛЯ, однако зафиксировано существительное *развалец* со стилистически маркированным значением ‘разг. покачивание из стороны в сторону, перевалка (при ходьбе)’. Функцией введения данного наречия в словесную ткань произведения является создание иронической ситуации. На это указывает также и использование существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами: [*шаркнул*] *ножкой об ножку*, [*проговорил*] *голоском*.

Отметим, что ССРЛЯ также фиксирует устойчивое сочетание ‘ходить, двигаться и т. п. с развால்цем (развால்цей) или развால்цем (развால்цей)’, а также ‘походка с развால்цем (развால்цей)’ (ССРЛЯ, XII: 148). В отличие от наречия *вповалку* (см. у Даля) в русском литературном языке словообразовательные потенции в другом звене лексической системы реализовались в сосуществовании двух вариантов: (ходить) *с развалкой* и *в развалку* (*вразвалку*). См.:

- (16) *А мы пойдёмъ мокрыми ногами, по росъ, слгд-то и выстынетъ. Только бы въ первый день не поймали, а то – вотъ вамъ крестъ святой, какъ солнце сегодня сядетъ, такъ и страху шабашъ. На завтра уже съ **развалкой** пойдёмъ, а денька черезъ три, дастъ Богъ, и у Тая будемъ.* (А. В. Амфитеатров. Княжна. 1910)

Первое предложно-падежное сочетание *с развалкой* (предлог *с* + сущ. в Тв. п.) зафиксировано в ССРЛЯ с тем же значением, что и наречие *вразвалку*: ‘разг. покачивание из стороны в сторону, перевалка (при ходьбе); развальца’. В русском литературном языке сочетание предлога *с* и абстрактного существительного в творительном падеже чаще всего обозначает внутренние состояния души, настроение человека и т. п. (напр.:

с радостью, с надеждой, с нетерпением и др.), а сочетание предлога *в* и абстрактного существительного в винительном падеже – внешние состояния человека (напр.: *в развалку, вприпрыжку, вприпрыжку* и др.). Вероятно, адвербиализацию сочетания предлога *в* и существительного в винительном падеже можно объяснить продуктивностью данной модели, подходящей для выражения внешних состояний человека.

Помимо двух вариантов *ходить с развалкой* и *ходить в развалку (вразвалку)*, существует также и отадъективное наречие *развалисто* с тем же значением: ‘совершая с развальцем, покачиванием из стороны в сторону’ (ССРЛЯ, XII: 151). См.:

- (17) *Хозяинъ зналъ: зачѣмъ гость его «торчитъ» въ Петербургѣ. Ему было вообще превосходно извѣстно, что дѣлается въ «сферахъ», кого куда назначать, кто пройдетъ, а кто дастъ остьчку, и кого куда переводятъ, и за что, есть ли переводъ по-вышеніе или же «изъ поповъ въ дьяконы».*  
 – Моментъ! – повторилъ со вздохомъ Муринъ. – Здѣсь всегда моментъ и никакого настоящаго момента нѣтъ.  
 – Святая правда! – вскричалъ хозяинъ и, заложивъ руки въ карманы своей верблюжьей куртки, *заходилъ развалисто* между кресломъ, гдѣ сидѣлъ Муринъ, и письменнымъ столомъ.  
 (П. Д. Боборыкин. Разладъ. 1904)

Прилагательное *развалистый* впервые было зафиксировано в Словаре Академии Российской 1789 года (САР 1789–1794: V 803). Таким образом, можно предположить, что наречие *развалисто* было образовано раньше, чем произошла лексикализация предложно-падежного словосочетания *в развалку*. Однако следует отметить, что, вероятно, модель «*в* + вин. п. сущ.» оказалась продуктивнее, что и обусловило закрепление в языке наречия, образованного путем адвербиализации.

«Литературность» формы качественного наречия, зафиксированной в (САР 1789–1794), проявляет себя в словообразовательной активности в индивидуальном словотворчестве. В связи с этим особый интерес вызывает выявленное сложное наречие *развалисто-граціозно*, состоящее из двух основ, имеющих разные корни (собственно русский и заимствованный). См.:

- (18) *Шубинъ хотѣлъ заглянуть въ лицо Берсеневу, но онъ отвернулся и вышелъ изъ-подъ липы. Шубинъ отправился вслѣдъ за нимъ, *развалисто-граціозно* переступая своими маленькими ножками. Берсенева двигался неуклюже, высоко поднималъ на ходу плеча, вытягивалъ шею; а все-таки он*

*казался болѣе порядочнымъ чловѣкомъ, чѣмъ Шубинъ, болѣе джентльменомъ, сказали бы мы, еслибъ это слово не было у нас такъ опошлено.* (И. С. Тургенев. Накануне. 1868)

Новообразование *развалисто-грациозно* имеет в своем составе иноязычный корень (ср. итал. *grazioso* – ‘исполненный грации, прелести’ – Грот 1895: 897). Наречие *грациозно*, образованное от прилагательного *грациозный*, имеет значение ‘с грацией, изящно, с прелестью, красотой в движениях’ (ССРЛЯ, III: 376). Объединение в одном сложном новообразовании *развалисто-грациозно* двух наречий с противоположным значением (ср.: *отправился ‘с покачиванием из стороны в сторону, с перевалкой (при ходьбе)’* vs. *отправился ‘изящно, с красотой в движениях’*) обусловлено стремлением автора создать комический эффект, ироническую оценку, характеристику за счет возникающего оксюморона.

Подобно словосочетанию *в повалку*, предложно-падежное сочетание *в развалку* превращается в единицу словарного состава с устоявшейся орфографической нормой (слитное написание) постепенно, поэтому в текстах XIX века встречаются разнообразные варианты написания рассматриваемого наречия. См.:

(19) *Она [Фенечка] ходила немножко въ развалку, но и это к ней пристало.* (И. С. Тургенев. Отцы и дети. 1869)

Таким образом, активные процессы в словообразовании (словопроизводстве) в области наречий в русском литературном языке XIX века обусловили интенсивное пополнение словарного состава новыми лексическими единицами, причем образование новых слов происходило благодаря превращению словоформы или предложно-падежного сочетания в самостоятельное слово с помощью процесса *адвербиализации*.

Поскольку адвербиализация предложно-падежных сочетаний происходила постепенно, данный факт обуславливает отсутствие в XIX веке устоявшейся орфографической нормы в отношении слитного или раздельного написания наречий, поэтому в текстах этого периода нередко встречаются разнообразные варианты вплоть до дефисного написания.

В некоторых случаях наречия могут выполнять роль интенсификатов (усилителей), прагматической целью использования которых является стремление усилить воздействие высказывания.

### Литература

- БАС – К. С. Гобачевич (гл. ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 3. Во–Вящий. М. – СПб.: Наука, 2005.
- Виноградов 1947 – В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М. – Л.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1947.
- Виноградов 1977 – В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова // В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 162–189.
- Виноградов, Шведова (ред.) 1964 – В. В. Виноградов, Н. Ю. Шведова (ред.). Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964.
- Грот 1895 – Я. К. Грот (ред.). Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отделениемъ Императорской Академии наукъ. Т. 1. А–Д. С.-Петербургъ: Типография Императорской Академии наукъ, 1895.
- Даль 1865 – В. И. Даль. Толковый словарь живаго великорускаго языка. Ч. 3. П. М.: Изд. Общества Любителей Російской Словесности, учрежденнаго при Имп. Московскомъ Университетѣ, 1865.
- Крушевский 1883 – Н. В. Крушевский. Очерк науки о языке. Казань: Типография Императорского Университета, 1883.
- Родионова 2004 – С. Е. Родионова. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Н. Е. Ананьева, З. И. Карцева (ред.). Славянский вестник. Вып. 2. К 70-летию В. П. Гудкова. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 300–313.
- САР — Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794.
- Сл. Карел 1994 — А. С. Герд (гл. ред.). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей в 5 выпусках. Вып. 1 (А–Дрожжаник). СПб.: Издат. СПбГУ, 1994.
- Сорокин 1965 – Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е гг. XIX в. М. – Л.: Наука, 1965.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка (в 17 т.). М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
- Туранский 1990 – И. И. Туранский. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990.
- Ушаков (ред.) 1935 — Д. Н. Ушаков (ред.). Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. А – Кюрины. 2-е изд., испр. М.: ОГИЗ, 1935.

### Источники

- Авенариус В. П. Юношескіе годы Пушкина. С.-Петербургъ: Изданіе Книжнаго Магазина П. В. Луковникова, 1893.
- Амфитеатров А. В. Княжна. С.-Петербургъ: Книгоизд-ское товарищество «Просвѣщение», 1910.
- Боборыкин П. Д. Разладъ // Русская мысль. Ежемѣсячное литературно-политическое изданіе. М.: Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнерева и К°, 1904. Годъ двадцать пятый. Кн. III.



- Данилевский Г. П. Воля (бѣглые воротились) // Сочиненія Г. П. Данилевскаго въ девяти томахъ (1847–1890). С.-Петербургъ: Типографія М. М. Стасюлевича, 1893.
- Достоевский Ф. М. Повѣсти и рассказы. Т. II. С.-Петербургъ: Типографія брат. Пантелеевыхъ, 1882.
- Крестовский В. В. На западѣ и на востокѣ (очерки). С.-Петербургъ: Типографія Н. Скарятина, 1872.
- Куручкин В. С. Принцъ Лутоня. Ростовъ-на-Дону: Изд. Н. Парамонова, 1905.
- Лесков Н. С. Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ. С.-Петербургъ: Изданіе А. С. Суворина, 1888.
- Мамин-Сибиряк Д. Н. Братья Гордѣвы. Охоины брови. М.: Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, 1896.
- Немировичъ-Данченко В. И. Святыя горы. С.-Петербургъ: Изданіе Книжнаго Магазина «Новаго времени», 1880.
- Станюкович К. М. В далекие края // Собраніе сочиненій К. М. Станюковича въ тринадцати томахъ. Т. VI. М.: Изданіе А. А. Карцева, 1897.
- Тургенев И. С. Накануне // Сочиненія И. С. Тургенева въ семи томахъ (1844–1868). Ч. IV, V. М.: Изданіе братьев Салаевыхъ, 1868.
- Тургенев И. С. Конецъ Чертопханова // Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева въ двенадцати томахъ. Т. II. С.-Петербургъ: Типографія Глазунова, 1883.
- Чехов А. П. Драма на охотѣ (истинное происшествіе) // Полное собраніе сочиненій А. П. Чехова в двадцати трехъ томахъ. Повѣсти и рассказы. Т. XV. Петроградъ: Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, 1914.
- Чехов А. П. Егеръ // Сочиненія А. П. Чехова въ девяти томахъ. Т. III–IV. С.-Петербургъ: Типографія А. Ф. Маркса, 1885–1886.
- Успенский Г. И. Гость // Полное собраніе сочиненій Глѣба Успенскаго въ двѣнадцати томахъ. Том XII. Киевъ: Изданіе Б. К. Фукса, 1904.
- Успенский Г. И. Нравы Растеряевой улицы // Сочиненія Глѣба Успенскаго въ двухъ томахъ. Т. I. С.-Петербургъ: Типографія Ю. Н. Эрлихъ, 1896.

**E. Sharikhin. On the issue of formation history of the adverbs *vповалку* and *вразвалку* in the 19th century literary Russian: lexico-grammatical aspect**

The paper discusses diachronic development of the adverbs *vповалку* and *вразвалку* in the 19th century literary Russian. The author analyses objective grammatical and lexical causes which underlie an adverbialization process of the prepositional-nominal forms of nouns constructed after the model “Preposition *v* + Noun in Accusative”. A special attention is paid to semantic and stylistic aspects of the lexical dynamics which are connected to the functioning of new linguistic units in the 19th century texts. Orthographic issues concerned with the adverbs under consideration are also discussed.

*Keywords:* Russian Language, historical lexicology and word-formation, semantics, adverb.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>Н. Н. КАЗАНСКИЙ.</b> Памяти Леонарда Георгиевича Герценберга.....	7
<b>Л. Г. ГЕРЦЕНБЕРГ.</b> <i>Studies in Persian Etymology II</i> (Публикацию подготовили П. А. Кочаров и А. В. Шацков).....	19

### ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

<b>A. WILLI.</b> Μέρορες ἀνθρολοι.....	51
<b>A. S. ΝΙΚΟΛΑΕΥ.</b> Greek ἰάπτω.....	74
<b>А. В. ГРОШЕВА.</b> Эпитеты <i>сна</i> (ῥπνος) в поэмах Гомера.....	104
<b>Е. П. НОВИКОВА.</b> Вергилий и грамматические источники «Каталога италийских героев».....	123
<b>Е. Р. КРЮЧКОВА.</b> Корабль в Ригведе.....	145
<b>Л. И. КУЛИКОВ.</b> Общеиндоарийские сибиланты в Атхарваведе: Заметки по ведийской диалектологии.....	178
<b>P. A. КОСЧАРОВ.</b> Derivational semantics of Classical Armenian <i>č</i> -stems	202
<b>А. И. ФАЛИЛЕЕВ.</b> <i>Varia Gallica et Pseudo-Gallica</i> .....	227
<b>L. REPAŇŠEK.</b> Two notes on Old Celtic Morphology.....	239
<b>А. В. ШАЦКОВ.</b> Развитие форм инфинитива в хеттском языке.....	255
<b>А. А. ТРОФИМОВ.</b> Проблема реконструкции праиндоевропейских начальных кластеров *pst- и *bzd-.....	263
<b>М. Л. КИСИЛИЕР.</b> О Цаконии и цаконцах: на стыке истории и филологии.....	283
<b>М. В. ДОМОСИЛЕЦКАЯ.</b> История одного ориентализма (алб. <i>xher</i> – рус. <i>зеть</i> ).....	307
<b>А. Н. ЛЕВИЧКИН, Н. Л. СУХАЧЕВ.</b> Личное имя Кэлин в поэзии М. Эминеску и фольклоре.....	315
<b>Т. В. ЛЕОНТЬЕВА.</b> «Чей хлап с утра ходил по улице?»: к истории рус. диал. <i>хлап</i> .....	334

### ФОРМИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ ЕВРОПЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<b>S. V. IVANOV.</b> The Legend of the twelve golden Fridays in the Western manuscripts. Part I: Latin. Addenda et Corrigenda. Part II: Vernacular – II.1 French, II.2 Italian.....	347
<b>С. Д. КЛЕЙНЕР.</b> «De equis» из MS Oxford, Bodleian Library, Auct. F.1.16.....	368
<b>Н. Л. ОГУРЕЧНИКОВА.</b> Просодико-позиционный синтаксис и фразовые частицы в речи англосаксов (к вопросу о соотношении поэтического языка и прозы).....	377
<b>Н. Б. ПИМЕНОВА.</b> К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке.....	403

<b>Н. А. БОНДАРКО.</b> Языковые стереотипы как конструктивные элементы традиционного языка в немецкой духовной прозе XIII–XV веков.....	429
<b>Е. А. ВЛАСОВА.</b> Особенности средненидерландского и средненижне-немецкого вокализма в молитвенных книгах XV–XVI вв.....	452
<b>Н. С. БРАТЧИКОВА.</b> Становление финского литературного языка в эпоху Реформации.....	463

#### **ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ: БЛИЖНИЙ ВОСТОК И КАВКАЗ**

<b>V. V. ЕМЕЛИАНОВ.</b> Akkadian loanwords in Sumerian revised.....	483
<b>Г.-Р. А.-К. ГУСЕЙНОВ.</b> Об одной из вероятных областей первоначального распространения нахско-дагестанских и осетинского языков, или еще раз о северокавказских аланизмах.....	515
<b>А. Е. ПЕТРОСЯН.</b> Армянский Армавир и грузинский Армази: вопросы ранней этнической истории Армении и Грузии.....	535

#### **ИЗ ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ**

<b>А. Х. ГИРФАНОВА.</b> Л. Г. Герценберг и алтайское языкознание.....	559
<b>А. В. ЖУГРА.</b> Из истории албановедения в России.....	565
<b>Ю. К. КУЗЬМЕНКО.</b> К истории рунологии: от истоков до середины XIX века.....	588
<b>К. Н. ЛЕМЕШЕВ.</b> Наименования фигур предложений в Риторике М. В. Ломоносова.....	629
<b>А. Б. ЧЕРНЯК.</b> Фридрих Диц – основатель романской филологии.....	664

#### **VARIA**

<b>Е. В. КАШКИН.</b> К типологии признаковой лексики: семантика лексем со значением отсутствия неровностей в уральских языках в типологической перспективе.....	735
<b>А. А. КОЗЛОВ, М. Ю. ПРИВИЗЕНЦЕВА.</b> К лексической типологии прилагательных размера: данные тегинского говора хантыйского языка.....	748
<b>М. Б. КОНОШЕНКО.</b> Морфосинтаксис притяжательных именных групп в языках манде.....	762
<b>Ю. КОНУМА.</b> Дейктические ориентивы как ограничители в системе японского глагольного аспекта.....	775
<b>М. И. КУДРИНСКИЙ, Д. П. ПОПОВА, А. П. СИМОНЕНКО.</b> Фокусные частицы в казымском диалекте хантыского языка: анализ притяжательных употреблений.....	781
<b>В. С. ЛЮСИНА.</b> К организации глагольных парадигм: контекстная алломорфия и кумуляция.....	787
<b>Н. А. МУРАВЬЕВ.</b> Семантика глагольных форм, выражающих таксис одновременности, в финно-угорских языках.....	804

<b>Г. А. НЕКРАСОВА, Е. Н. СЕРГЕЕВА.</b> Вариативность аргументной структуры двухместных предикатов в коми-пермяцком языке....	810
<b>А. Ч. ПИПЕРСКИ.</b> Чередование в корне как залог устойчивости: из истории сильных глаголов в немецком языке.....	821
<b>Д. К. ПРИВОЗНОВ.</b> Семантика глагольного показателя -š в мишарском диалекте татарского языка.....	832
<b>Кс. П. СЕМЁНОВА.</b> Механизмы фокусного маркирования в современном восточноармянском языке.....	838
<b>М. Г. ТАГАБИЛЕВА.</b> О некоторых моделях образования сложных слов со значением <i>nomina agentis</i> в русском языке.....	854
<b>М. Л. ХАЧАТУРЬЯН.</b> Семантика кванторных слов в мано, южные манде.....	865
<b>Л. С. ХОЛКИНА.</b> Признаковая лексика китайского языка в типологической перспективе: поля ГЛАДКИЙ, ТВЕРДЫЙ и ТЯЖЕЛЫЙ	879
<b>Е. Ю. ШАРИХИН.</b> К истории становления наречий <i>впоевалку</i> и <i>вразвалку</i> в русском литературном языке XIX века: лексико-грамматический аспект.....	889

## CONTENTS

<b>N. N. KAZANSKY.</b> Professor Leonard G. Herzenberg. In Memoriam.....	7
<b>L. G. HERZENBERG.</b> Studies in Persian Etymology II (Published by P. A. Kocharov and A. V. Shatskov).....	19

## INDO-EUROPEAN LANGUAGES

<b>A. WILLI.</b> Μέρορες ἄνθρωποι.....	51
<b>A. S. NIKOLAEV.</b> Greek ἰάπτω.....	74
<b>A. V. GROSHEVA.</b> Epithets of ὕπνος 'sleep' in Homeric Poems.....	104
<b>E. P. NOVIKOVA.</b> Vergil and Grammatical Sources of Puns in "Catalogue of Heroes".....	123
<b>E. R. KRYUCHKOVA.</b> <i>Nauḥ</i> 'ship, boat' in Rigveda.....	145
<b>L. I. KULIKOV.</b> Indo-Aryan Sibilants in Atharvaveda. Remarks on the Vedic Dialctology.....	178
<b>P. A. KOCHAROV.</b> Derivational semantics of Classical Armenian <i>č</i> -stems	202
<b>A. I. FALILEEV.</b> <i>Varia Gallica et Pseudo-Gallica</i> .....	227
<b>L. REPANŠEK.</b> Two notes on Old Celtic Morphology.....	239
<b>A. V. SHATSKOV.</b> Development of the Hittite Infinitives.....	255
<b>A. TROFIMOV.</b> On Reconstruction of Proto-Indo-European initial clusters *pst- and *bzd-.....	263
<b>M. L. KISILIER.</b> Tsakonia and Tsakonians: Historical and Philological Approach.....	283
<b>M. V. DOMOSILETSKAYA.</b> The history of one oriental word (Alb. <i>xhep</i> – Rus. <i>зень</i> ).....	307

- A. N. LEVICHKIN, N. L. SUKHACHEV.** The name Călin in M. Eminescu's poetry and in folklore..... 315
- T. V. LEONTYEVA.** “ Whose *chlap* [хляп] was walking along the street in the morning?”: on the history of dialectal Russian word *хляп* 334

#### THE FORMATION OF EUROPEAN LITERARY LANGUAGES IN THE MIDDLE AGES

- S. V. IVANOV.** The Legend of the twelve golden Fridays in the Western manuscripts. Part I: Latin. Addenda et Corrigenda. Part II: Vernacular – II.1 French, II.2 Italian..... 347
- S. D. KLEINER.** DE EQUIS from MS Oxford, Bodleian Library, Auct. F.1.16..... 368
- N. L. OGURECHNIKOVA.** Phrasal accents, positions and phrasal particles in Anglo-Saxon speech (on correlation between prose and verse in Anglo-Saxon)..... 377
- N. B. PIMENOVA.** Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language..... 403
- N. A. BONDARKO.** Language stereotypes as constructive elements of traditional language in German devotional prose of the 13<sup>th</sup>–15<sup>th</sup> centuries..... 429
- E. A. VLASOVA.** Dialect features of the Middle Low German and Middle Dutch vocalism in the prayer books of the 15th-16th centuries..... 452
- N. S. BRATCHIKOVA.** The Formation of Finnish literary language in the epoch of the Reformation..... 463

#### ORIENTAL STUDIES: THE MIDDLE EAST AND THE CAUCASUS

- V. V. EMELIANOV.** Akkadian loanwords in Sumerian revised..... 483
- G.-R. A.-K. GUSEINOV.** Defining the probable area of the Nakh-Daghestanian and Ossetian original location, or the problem of the Alanian loans in the North-Caucasian languages revisited..... 515
- A. Y. PETROSYAN.** Armenian Armawir and Georgian Armazi: problems of early ethnic history of Armenia and Georgia..... 535

#### THE HISTORY OF LINGUISTIC IDEAS

- A. KH. GIRFANOVA.** Prof. Leonard Hertzberg and the Altaic linguistics 559
- A. V. ZHUGRA.** On the history of Albanian studies in Russia..... 565
- YU. K. KUZMENKO.** The development of runology from the very beginning until the middle of the 19<sup>th</sup> century..... 588
- K. N. LEMESHEV.** Denominations of the figures of thought in Lomonosov's Rhetoric..... 629
- A. B. CHERNYAK.** Friedrich Diez – the founder of Romance philology..... 664

## VARIA

<b>E. KASHKIN.</b> Towards the typology of qualitative concepts: the domain of 'smoothness' in Uralic from a typological perspective.....	735
<b>A. KOZLOV, M. PRIVIZENTSEVA.</b> Towards the typology of dimensional adjectives: the case of Tegi Khanty.....	748
<b>M. KONOSHENKO.</b> The morphosyntax of possessive noun phrases in Mande languages.....	762
<b>YU. KONUMA.</b> Deictic orientives as the bounders in the Japanese system of verb aspect.....	775
<b>M. KUDRINSKII, D. POPOVA, A. SIMONENKO.</b> Focus particles in Kazym Khanty: nominal domain.....	781
<b>V. LYUSINA.</b> Towards the organization of verb paradigms: contextual allomorphy and cumulation.....	787
<b>N. MURAVIEV.</b> Semantics of simultaneous verbal forms in Finno-Ugric languages.....	804
<b>G. NEKRASOVA, E. SERGEEVA.</b> Variability of double predicates argument structure in Komi-Permiak.....	810
<b>A. PIPERSKI.</b> Root vowel alternation as stability factor: some notes on the history of German strong verbs.....	821
<b>D. PRIVOZNOV.</b> Semantics of a derivational morpheme -š in the Mishar dialect of Tatar.....	832
<b>X. SEMIONOVA.</b> Focus marking strategies in Modern Eastern Armenian....	838
<b>M. TAGABILEVA.</b> Composites denoting nomina agentis in Russian: distinguishing competing models.....	854
<b>M. KHACHATURYAN.</b> Semantics of quantifiers in Mano, South Mande.....	865
<b>L. KHOLKINA.</b> Qualitative concepts in Chinese in lexical-typological perspective: the semantic fields of SMOOTH, HARD, HEAVY.....	879
<b>E. SHARIKHIN.</b> On the issue of formation history of the adverbs <i>vpovalku</i> and <i>vrazvalku</i> in the 19th century literary Russian: lexico-grammatical aspect.....	889

## Авторы статей

- БОНДАРКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. n-bond@yandex.ru
- БРАТЧИКОВА НАДЕЖДА СТАНИСЛАВОВНА – доктор филол. наук, доцент, зав. кафедрой финно-угорской филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. n.bratchikova@mail.ru
- ВЛАСОВА ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСЕЕВНА – РНБ, Отдел рукописей, научный сотр., аспирант ИЛИ РАН. kealis@gmail.com.
- ГИРФАНОВА АЛЬБИНА ХАКИМОВНА – канд. филол. наук, доцент каф. общего языкознания СПбГУ. albigirf@gmail.com
- ГРОШЕВА АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА – докт. филол. наук, вед. науч. сотр. ИЛИ РАН. erkryuchkova@mail.ru
- ГУСЕЙНОВ ГАРУН-РАШИД АБДУЛ-КАДЫРОВИЧ – доктор филол. наук, доцент каф. рус. яз. Дагестанского госуниверситета, г. Махачкала. garun48@mail.ru
- ДОМОСИЛЕЦКАЯ МАРИНА ВАЛЕНТИНОВНА – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. marinaling@mail.ru
- ЕМЕЛЬЯНОВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор филол. наук, профессор кафедры семитологии и гебраистики Восточного факультета СПбГУ. banshur69@gmail.com
- ЖУГРА АЛЬВИНА ВЕНЕДИКТОВНА – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. ajugra@rambler.ru
- ИВАНОВ СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. serge0ivanov@gmail.com
- КАЗАНСКИЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, академик РАН, доктор филол. наук, директор ИЛИ РАН. nkazansky@iling.spb.ru
- КАШКИН ЕГОР ВЛАДИМИРОВИЧ – канд. филол. наук, научный сотрудник Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва. egorkashkin@rambler.ru
- КЛЕЙНЕР СВЕТЛАНА ДМИТРИЕВНА – канд. филол. наук, науч. сотр. ИЛИ РАН, anthars@gmail.com
- КИСИЛИЕР МАКСИМ ЛЬВОВИЧ – канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания СПбГУ, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН, директор Греческого института СПбГУ, kisimac@gmail.com
- КОЗЛОВ АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ – студент отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета. scripturas@mail.ru
- КОНОШЕНКО МАРИЯ БОРИСОВНА – аспирантка отдела африканских языков Института языкознания РАН, преподаватель Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, Москва. eleiteria@gmail.com
- КОНУМА ЮКАРИ – ассистент кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. ikezuki@yahoo.com
- КОЧАРОВ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН, peter.kocharov@gmail.com
- КРЮЧКОВА ЕВГЕНИЯ РОДИОНОВНА – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. erkryuchkova@mail.ru

- Кудринский Максим Иванович – магистрант Университета Неймегена, Неймеген. kudrinski@gmail.com.
- Кузьменко Юрий Константинович – докт. филол. наук, профессор, гл. науч. сотр. ИЛИ РАН, jurij.kusmenko@cms.hu-berlin.de
- Куликов Леонид Игоревич – канд. филол. наук., PhD, Assistant Professor, Ghent University. Leonid.Kulikov@UGent.be
- Левичкин Александр Николаевич – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. alevi66@gmail.com.
- Лемешев Константин Николаевич – науч. сотр. ИЛИ РАН.
- Леонтьева Татьяна Валерьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург). leotany@mail.ru.
- Люсина Валентина Сергеевна – аспирантка Отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН, Москва. mashaha@gmail.com
- Муравьев Никита Алексеевич – аспирант филологического факультета Московского гос. университета. nikita.muraviev@gmail.com.
- Некрасова Галина Александровна – канд. филол. наук, доцент, старший научный сотрудник отдела языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар. komilang@gmail.com.
- Николаев Александр Сергеевич – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. nikolaev@fas.harvard.edu
- Новикова Екатерина Павловна – аспирант кафедры классической филологии МГУ. catharina.pauli.f@gmail.com
- Огуречникова Наталия Львовна – докт. филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации в области зарубежного регионоведения. Московский гос. лингвистический университет. ogurechnikova.nataliya@gmail.com
- Петросян Армен Егишевич – доктор филологических наук, Институт археологии и этнографии НАН, Ереван, Республика Армения. alpehist@gmail.com
- Пиперски Александр Чедович – аспирант кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета Московского государственного университета, научный сотрудник Лаборатории социолингвистики Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы, преподаватель кафедры компьютерной лингвистики Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, Москва. ariperski@gmail.com.
- Пименова Наталья Борисовна – канд. филол. наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра «Институт современных лингвистических исследований» Московского гуманитарного ун-та им. М. А. Шолохова. n\_pimenova@yahoo.com
- Попова Дарья Павловна – докторант Стэнфордского университета, Стэнфорд. Электронная почта: dpopova@stanford.edu.
- Привизенцева Мария Юрьевна – студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ, Москва. taimary@mail.ru.



- ПРИВОЗНОВ ДМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ – студент отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского гос. университета. [dprivoznov@gmail.com](mailto:dprivoznov@gmail.com).
- REPANŠEK LUKA – Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, Znanstvenoraziskovalni center SAZU, Ljubljana. [rluka@zrc-sazu.si](mailto:rluka@zrc-sazu.si)
- СЕМЁНОВА КСЕНИЯ ПАВЛОВНА – лаборант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. [k.semion@philol.msu.ru](mailto:k.semion@philol.msu.ru).
- СЕРГЕЕВА ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА – аспирантка Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. [atyaserg@gmail.com](mailto:atyaserg@gmail.com).
- СИМОНЕНКО АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА – докторант Университета Макгилла, Монреаль. [alexandra.simonenko@mail.mcgill.ca](mailto:alexandra.simonenko@mail.mcgill.ca).
- СУХАЧЕВ НИКОЛАЙ ЛЕОНИДОВИЧ – канд. филол. наук, вед. науч. сотр. ИЛИ РАН. [nsuh@inbox.ru](mailto:nsuh@inbox.ru)
- ТАГАБИЛЕВА МАРИЯ ГЕННАТУЛОВНА – аспирантка МГУ, преп. Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». [geratagabileva@gmail.com](mailto:geratagabileva@gmail.com).
- ТРОФИМОВ АРТЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧ – аспирант кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ. [artemii.trofimov@gmail.com](mailto:artemii.trofimov@gmail.com)
- WILLI ANDREAS – Univ. of Oxford, Professor. [andreas.willi@worc.ox.ac.uk](mailto:andreas.willi@worc.ox.ac.uk)
- ФАЛИЛЕЕВ АЛЕКСАНДР ИГОРЕВИЧ – доктор филол. наук, ведущий науч. сотр. ИЛИ РАН. [axf@aber.ac.uk](mailto:axf@aber.ac.uk)
- ХАЧАТУРЬЯН МАРИЯ ЛЕОНИДОВНА – аспирантка Отдела африканских языков Института языкознания РАН, Москва. [mashaha@gmail.com](mailto:mashaha@gmail.com).
- ХОЛКИНА ЛИЛИЯ СЕРГЕЕВНА – преп. Пекинского университета, Пекин, преп. Российского государственного гуманитарного университета, Москва. [kholkina@gmail.com](mailto:kholkina@gmail.com).
- ЧЕРНЯК АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. [abchernyak@mail.ru](mailto:abchernyak@mail.ru)
- ШАРИХИН ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ – аспирант Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН. [sharichan@yandex.ru](mailto:sharichan@yandex.ru).
- ШАЦКОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. [andrey.shatskov@gmail.com](mailto:andrey.shatskov@gmail.com)

Научное издание

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA.  
Труды Института лингвистических исследований РАН  
Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. X. Ч. 1:

Colloquia Classica et Indo-Germanica – VI.  
Памяти Л. Г. Герценберга  
Отв. ред. Н. Н. Казанский

*Утверждено к печати  
Институтом лингвистических исследований РАН*

Материалы сборника доступны на сайте ИЛИ РАН  
<http://iling.spb.ru>

Подписано к печати 15.05.2014  
Формат 60x90 1/16  
Тираж 500 экз.  
Санкт-Петербургская издательская фирма РАН  
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1.  
[main@nauka.nw.ru](mailto:main@nauka.nw.ru)

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Отпечатано в типографии «Нестор-История»  
Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21.  
тел./факс: (812)6220123  
[menager\\_nestor@list.ru](mailto:menager_nestor@list.ru)

ISSN 2306-5737  
ISBN 978-5-02-038227-5